(Годъ сорокъ третiй).

РУССКIЙ АРХИВЪ

1905

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографiи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Comte Fédor Golovkine. La cour et le régne du Paul I-er. Portraits, souvenirs et anecdotes. Avec introduction et notes par S. Bonnet. Avec cinq portraits. Paris, librairie Plon. 1905 г. 8-ка, V и 448 стр.

Это Записки бездѣтнаго графа Өедора Гавриловича Головкина, сохранившіяся въ Швейцаріи, въ кантонѣ Во, въ поселкѣ Моннацѣ, у какого-то г-на Ф., которому принадлежитъ нынѣ имущество графа, приходившагося роднымъ правнукомъ нашему государственному канцлеру графу Гаврилу Ивановичу. Покойный князь А. Б. Лобановъ въ своей „Русской родословной книгѣ“ при имени графа Өедора Гавриловича отмѣчаетъ, что Записками его „можно пользоваться съ крайнею только осторожностью“. Издателю помогалъ Безансонскій профессоръ Леонсъ Пянгò, работавшій надъ новою Русскою исторіею при содѣйствіи князя А. Б. Лобанова (который нѣкогда служилъ при нашемъ тамошнемъ посольствѣ, по дружбѣ къ родственникамъ г-жи Буркене́, любилъ Францію, и въ послѣдніе годы жизни нерѣдко ѣздилъ туда). Вотъ почему Русскія собственныя имена въ книгѣ напечатаны вѣрно, а въ обширномъ къ ней предисловіи оговорены сомнительныя показанія сочинителя и исправлены невѣрности. Вообще предисловіе къ Запискамъ цѣннѣе ихъ, и можно почти навѣрное сказать, что оно написано при ближайшемъ участіи князя А. Б. Лобанова.

Сынъ нашего государственнаго канцлера графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, бывшій посланникомъ въ Берлинѣ, женившійся на графинѣ Дòна и поселившійся въ Гагѣ, не захотѣлъ возвратиться на родину, не смотря на то, что его приглашали къ тому и сама императрица Елисавета Петровна, и канцлеръ графъ Воронцовъ. Но черезъ много лѣтъ три внука его, реформаты по вѣроисповѣданію и не знавшіе по-русски, попросились въ Россію, были приняты на службу (1778) и получили родовыя имѣнія. Эту милость оказала имъ Екатерина II-я, какъ говорили, по ходатайству ихъ тетки, графини Камеке, въ знакъ благодарности къ ней. Однажды Государыня разсказывала въ присутствіи молодого графа Өедора Гавриловича Головкина: „Очень была я счастлива зимою 1742 года. Мнѣ было только 13 лѣтъ отъ роду, и мой батюшка по добротѣ своей отправилъ меня на двѣ недѣли въ Берлинъ на масляницу. Но я была такъ бѣдна и такъ плохо одѣта, что не смѣла никуда показываться. Вотъ его тетка, графиня Камеке надо мною сжалилась: она подарила мнѣ желтое атласное платье съ серебряною обшивкою (что̀ въ то время считалось верхомъ совершенства), повезла меня къ королевѣ и принцессамъ и, благодаря ей, не проходило вечера, чтобъ я не танцовала“. Свое прошеніе о камеръюнкерствѣ гр. Ө. Г. Головкинъ подалъ въ стихахъ. Это понравилось, и сначала онъ вошелъ въ такую близость, что наблюдалъ за постелью Государыни, взбивалъ ея подушки и пр., и она говорила, что онъ управляется лучше отличной Голландки-горничной. Князю Зубову онъ также угодилъ, что̀ не помѣшало ему вообразить, что онъ можетъ быть его замѣстителемъ. Вмѣшательствомъ въ судебное дѣло между княземъ Любомирскимъ и наслѣдни-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

1905.

II.

РУСКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

> Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ. Будущее можетъ не быть, настоящее должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его.

1905.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

И. М. Снѣгиревъ.

Рисунокъ Н. А. Мартынова, съ натуры (изъ Музея П. И. Щукина).

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА*).

1865-й годъ.

Январь. 1. Новый годъ. Благослови, Господи! Заутреню и раннюю обѣдню я слушалъ въ приходской церкви. На дому у насъ служилъ молебенъ съ водосвятіемъ экономъ изъ Семинаріи. Съ визитомъ былъ у А. И. Лобкова, помолился у Трехъ Радостей Божіей Матери, оттуда въ Успенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, между прочимъ, г. Аксіотиса; заѣзжалъ къ сенатору Лебедеву, Н. В. Сушкову и къ имениннику В. В. Чередѣеву, у него видѣлся съ А. Д. Шелеховымъ. У меня были съ визитами комендантъ П. П. Корниловъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Д. Я. Нефедьевъ.

2. Съ г. Аксіотисомъ я ѣздилъ въ Покровскій м. къ о. Паисію, но не засталъ его; отъ него къ о. Марку въ Симоновъ, гдѣ встрѣтился съ архим. Сергіемъ; потомъ опять въ Покровскій м. къ о. Паисію и Амфилохію. Всенощную слушали у Николы въ Студенцахъ.

3. Поутру я былъ у г. Нефедьева, у Х. Д. Спиридонова и кн. Н. И. Трубецкаго; обѣдалъ у А. Д. Шелехова. Пріѣзжалъ ко мнѣ за справками архим. Сергій.

Вечеромъ приходилъ изъ богадѣльни дьяконъ съ дьячкомъ за подписаніемъ заручной на праздное мѣсто въ нашей церкви.

5. Сына Андрея я благословилъ ѣхать съ Богомъ на службу въ Вильну. Вечеромъ въ Сочевникъ онъ отправился съ женою, кормилицей и дочерью. Управи ему Господь путь во благо!

6. Послѣ ранней обѣдни я зашелъ къ г. Аксіотису и пилъ у него чай; потомъ отправились въ Кремль на Іордань. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ преосв. Леонидъ. Дождь и грязь, оттепель. Обѣдалъ я у княгини Лобановой-Ростовской съ ея сыномъ. Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ А. А. Мартыновъ, которому я отдалъ чертежъ Москвы.

10. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова, который читалъ мнѣ записки о митрополитѣ Филаретѣ.

---

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 647.

12. Мнѣ приснилось, будто я былъ въ какой-то церкви, ко мнѣ подошелъ какой-то священникъ и, благословивъ меня, сказалъ: «Благословляю отъ Покрова Божіей Матери, Она будетъ твоимъ покровомъ и заступленіемъ». Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, и я проснулся. Поутру, напившись чаю у г. Аксіотиса, я съ нимъ проѣхалъ въ Университетскую церковь, гдѣ служилъ преосвященный Леонидъ, проповѣдывалъ Сергіевскій. Здѣсь я возобновилъ знакомство съ попечителемъ Московскаго Университета Левшинымъ; видѣлъ генералъ-губернатора Офросимова, познакомился съ кн. Цертелевымъ. Послѣ благодарственнаго молебна въ церкви и акта въ залѣ, былъ у ректора завтракъ, гдѣ были викарій Леонидъ и Савва, попечитель, изъ старыхъ профессоровъ одинъ я, протопросвитеръ Успенскаго собора Новскій и пр. Пито до 9 тостовъ.

13. Утромъ я ѣздилъ къ г. Сорокину, читалъ ему о Московскихъ трактирахъ; съ нимъ въ Почтамтъ, гдѣ встрѣтилъ г. Аласина, у котораго и обѣдалъ въ Московскомъ трактирѣ. Я также былъ у г. Драшусова въ Воспитательномъ домѣ попросить о помѣщеніи бѣднаго Грѣшищева, которому онъ только далъ 5 р. за неимѣніемъ мѣстовъ въ Воспитательномъ домѣ. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ изъ Екатер. пустыни послушникъ Александръ просить о переводѣ его въ Срѣтенскій м.

14. Я всталъ до заутрень, ночью очень мало спалъ. Днемъ холодъ, снѣгъ и вьюга. Утромъ я былъ у г. Аксіотиса, въ Патріаршей библіотебѣ у о. Амфилохія, встрѣтился съ преосвященнымъ Евгеніемъ, который напомнилъ мнѣ, что я, по своему обѣщанію, не былъ у него послѣ Новаго года. Ходилъ къ Чудовскому намѣстнику просить объ опредѣленіи въ Срѣтенскій м. послушника изъ Екатерининской пустыни Александра. Въ Чудовѣ м. служилъ молебенъ Покрову Божіей Матери и Свят. Алексѣю.

15. Я всталъ въ заутрени. Поутру былъ у А. А. Денисьевой; не́ засталъ А. Е. Толмачева, уѣхавшаго 8 Января въ С.-Пб.; въ Донской м. къ преосвященному Евгенію, который по добротѣ своей ссудилъ мнѣ въ нуждѣ СС р. Въ городѣ купилъ сахару, свѣчъ.

17. Купивъ дровъ въ холодъ, слушалъ я обѣдню на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ; потомъ проѣхалъ къ г. Погодину на Дѣвичье поле. Не заставъ генерала Чагина, я зашелъ къ Рождественскому діакону В. И., которому заплатилъ 6 р.; у А. Д. Шелехова засталъ обѣдъ и посидѣлъ съ его сестрою и зятемъ. Ко всенощной на праздникъ Св. Аѳанасія и Кирилла. На Смоленскомъ рынкѣ розвальни сшибли меня.

19. Близъ Университетской типографіи наѣхалъ на меня мужикъ въ розвальняхъ; его схватилъ было хожалый, но я его простилъ. Благодареніе Богу, что не больно ушибъ меня. Слышалъ о смерти графа Закревскаго.

25. Я былъ у праздника Утоленія Печали на Пупышахъ.

26. Градоначальникъ М. А. Офросимовъ отправился въ С.-Пб. Я обѣдалъ у г. Аласина въ Московскомъ трактирѣ.

27. Отдалъ на почту письмо и 40 р. Андрею съ ящикомъ чаю въ Динабургъ, былъ въ Златоустенскомъ м. на праздникѣ, навѣстилъ о. Филарета. Отъ обѣдни я зашелъ къ А. И. Лобкову, у котораго обѣдалъ.

29. Я ѣздилъ къ сенатору Толмачеву поздравить его съ брильянтами на Александровскій орденъ, отдалъ корр. 1 листъ Кремля А. Мартынову, купилъ дровъ и озябъ. Вечеромъ побесѣдовалъ со мною любознательный крестьянинъ изъ Завидова Григорій Даниловъ Книголюбовъ.

30. Морозно. Я очень озябъ. Ѣздилъ къ г. Аласину, у котораго портной смѣрилъ мнѣ шубу. Онъ завезъ меня къ В. П. Нечаеву, котораго я засталъ больнымъ.

Февраль. 1. Утромъ я былъ у Н. Я. Богословскаго, отъ него къ празднику Св. Троицы, гдѣ церковь не вмѣщала народа. Служилъ архимандритъ Игнатій соборнѣ. Отъ протопопа я получилъ св. просфору. Холодно.

2. Побывавъ у А. И. Хлудова, я проѣхалъ къ обѣднѣ въ Покровскій м.; обѣдалъ у о. Паисія, перечиталъ съ о. Амфилохіемъ корректуру о Кремлѣ.

3. День именинъ моей любезной дочери Анны. У обѣдни ранней я былъ въ своемъ приходѣ; у Д. Я. Нефедьева. Обѣдалъ въ Русскомъ трактирѣ у г. Аласина; навѣстилъ г. Сергѣева. Отъ г. Аласина принесли мнѣ шубу.

5. Я всталъ въ заутрени. Я написалъ просительное письмо о своемъ дѣлѣ къ министру юстиціи; былъ у обѣдни въ праздникъ Взысканія погибшихъ, въ концеляріи градоначальника, у В. С. С.

7. Изъ Сибири пріѣхалъ больной Н. С. Самойловъ, остановился съ женою въ грязной гостинницѣ Челышева. Я для него ѣздилъ въ Покровскій м. за лѣкаремъ Гиземаномъ, котораго и привезъ съ собою по содѣйствію о. Паисія. Больной страдалъ ногою.

14. Послѣ ранней обѣдни съ г. Аксіотисомъ я ѣздилъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію, у котораго пилъ чай, отъ него въ Новоспасскій м. къ о. Агапиту и въ Покровскій къ вечернѣ къ о. Паисію.

15. Чистый Понедѣльникъ Великаго поста. Послѣ заутрени у Троицы на Листахъ; на рынкѣ у Варваринскихъ воротъ я покупалъ постнаго кушанья, встрѣтилъ г. Аласина въ М. б. трактирѣ.

16. Ѣздилъ къ г. Аласину, у котораго было сгорѣла фотографія. Я сообщилъ ему извѣстіе о назначеніи А. В. Горскаго единовѣрческимъ епископомъ *). Отъ г. Аксіотиса я проѣхалъ къ Г. П. Платонову, помолился Всемилостивому Спасу на Остоженкѣ, гдѣ видѣлся съ княгиней Оболенской-Мазуриной.

17. Послѣ заутрени у Николы въ Драчахъ я заѣхалъ къ г. Аксіотису. Обѣдню слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, навѣстилъ больного ризничаго Ѳеодосія, обѣдалъ у г. Аласина въ Русскомъ трактирѣ.

18. Ночью А. А. разбудила меня восклицаніемъ: Мессія! Три раза былъ у законоучителя универс. Сергіевскаго за статьею о депутаціи единовѣрцевъ, былъ въ Никитскомъ м. у часовъ, также въ университетской ц., въ Казанскомъ соборѣ, обѣдалъ въ Русскомъ трактирѣ у г. Аласина, у П. П. Боткина.

19. Роковой день для Россіи. Эмансипація. Поутру я ходилъ къ книгопродавцу Назару Ивановичу Крашенинникову по своему дѣлу. Пріѣзжалъ ко мнѣ А. Д. Шелеховъ. Вечеромъ пріѣзжалъ сынъ Вручинскаго. Поздно вечеромъ былъ у насъ генералъ Астафьевъ съ женою и прописалъ мнѣ гомеопатическій рецептъ.

20. А. Е. Толмачевъ прислалъ изъ Измайлова кадку капусты кислой.

21. Не заставъ дома г. Аксіотиса, я, напившись чаю въ Русскомъ трактирѣ, прошелъ въ Успенскій соборъ на дѣйство Православія, на которомъ были архіеп. Евгеній, викаріи Леонидъ и Савва, епископъ Никаноръ. Тамъ познакомился съ молодымъ графомъ Шереметевымъ, видѣлся съ А. Е. Толмачевымъ, Аксіотисомъ, поздравилъ преосв. Евгенія и пр. Хотя не пускали народъ, но его было много. У меня обѣдалъ Книголюбовъ, чай пила А. Горская.

23. Я былъ у преждеосвященной обѣдни въ Шереметевской больницѣ, гдѣ служилъ преосв. Леонидъ. Тамъ я видѣлся съ П. П. Корниловымъ, М. А. Офросимовымъ, молодымъ графомъ Шереметевымъ. Тамъ обѣдалъ, зашелъ къ протоіерею тамошнему.

---

*) Назначеніе несостоявшееся, можетъ быть, и потому, что А. В. Горскій не рѣшился принять монашество. П. Б.

26. Я обѣдалъ у А. И. Лобкова съ архим. Паисіемъ, Амфилохіемъ и профессоромъ Буслаевымъ, разсматривали древнія Славянскія рукописи.

27. Я обѣдалъ съ женою у А. Д. Шелехова. Съ его сестрою жена моя ѣздила въ концертъ Рубинштейна. Я оставался дома.

28. Утромъ, написавъ письмо къ г. Кацари, я пилъ чай у г. Аксіотиса, послалъ записку къ г. Лобкову о сынѣ. Были похороны невѣстки митрополита Филарета Анны Ксенофонтовны у Св. Адріана и Наталіи. Отпѣвали преосвященные Савва и Никаноръ съ 24 священниками. Народу было множество.

*

Тутъ оканчивается рукопись „Дневника". Дальнѣйшая жизнь злополучнаго археолога намъ мало извѣстна. Онъ переѣхалъ на житье въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ Маріинской больницѣ въ Декабрѣ 1868 года. Императоръ Александръ Николаевичъ приказалъ отпустить на его похороны три тысячи рублей. На шесть лѣтъ пережилъ его В. И. Назимовъ, который уволилъ его отъ цензорства за статью о заслугахъ Русскому просвѣщенію Н. И. Новикова и тѣмъ положилъ начало его бѣдствіямъ. Главною же причиною оныхъ былъ конечно самъ онъ, заглушавшій бродячею по Москвѣ жизнью шумъ внутренней домашней тревоги. Языкъ мой—врагъ мой, могъ онъ сказать про себя. (См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1901, I, 527, его „Извѣты", въ которыхъ онъ оклеветалъ передъ правительствомъ даже такихъ людей, какъ Филаретъ и Голубинскій). Его благочестіе, какъ у протопопа Аввакума, дружилось съ острословіемъ, а постоянное общеніе со святынею уживалось съ лицедѣйствомъ. Онъ былъ даровитый пересмѣшникъ и умѣлъ разнообразить какъ выраженіе лица своего, такъ и голосъ. Разсказываютъ, что однажды явился онъ къ митрополиту Филарету, перезябнувъ и, чтобы согрѣться, кликнулъ его келейнику въ сосѣднюю комнату: подайте чаю! такъ искусно, что въ неурочный часъ принесли чаю, къ удивленію домохозяина. Тѣмъ не менѣе искренность любви его къ Московскимъ древностямъ несомнѣнна, и заслуги его въ этомъ отношеніи непререкаемы. Слѣдуетъ собрать и издать мелкіе труды его, разсѣянные по многимъ изданіямъ. Онъ помѣщалъ любопытныя статьи даже въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи (рукописный перечень этихъ статей имѣется въ Чертковской библіотекѣ). Приводимъ изъ „Русскаго Архива" 1866 года*) его „Воспоминанія", написанныя имъ по совѣту М. П. Погодина и къ сожалѣнію неконченныя. П. Б.

---

*) Этотъ годъ „Русскаго Архива" печатался въ немногомъ числѣ оттисковъ и давно сдѣлался рѣдкостью. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ И. М. СНѢГИРЕВА.

Не могу опредѣлительно сказать, подобно другимъ автобіографамъ, съ какихъ лѣтъ начались у меня сознаніе и воспоминанія. Апрѣля 23-го 1792 г. бабушка моя, вдова *Анна Ивановна Кондратьева*, слушала всенощную въ церкви Св. Георгія въ Ендовахъ, какъ возвѣстилъ ей отецъ мой, магистръ, потомъ профессоръ Московскаго университета *Михаилъ Матвѣевичъ*, что Богъ ему послалъ сына *Ивана*. Бабушка приняла эту вѣсть съ восторгомъ, можетъ быть, особенно потому, что у нея дѣдъ назывался *Иванъ Михайловичъ Комаровъ*. По обычаю, новорожденному пророчили разныя счастливыя предсказанія; находили даже, что онъ родился о шести пальцахъ, какіе имѣли, по Библіи, исполины; но бабушка и судьба «надвое сказали».

Колыбелью моей былъ, на Никитской улицѣ въ Москвѣ, домъ священника противъ Никитскаго монастыря. Я крещенъ въ квартирѣ директора университета Павла Ивановича Фонъ-Визина; воспріемникомъ моимъ былъ архимандритъ Новоспаскій, а потомъ архіепископъ Ярославскій Павелъ, а воспріемницей дочь Фонъ-Визина, Марья Павловна. Съ Никитской мы переѣхали на Рождественку.

Помню, хотя и темно, то время, когда родители мои жили въ домѣ священника Рождественскаго монастыря Адріана Николаевича, лица весьма благочестиваго, который велъ строгую, подвижническую жизнь, почти ночи проводилъ въ молитвѣ, спалъ на голыхъ доскахъ, и вмѣсто мягкаго изголовья былъ у него камень. Въ памяти моей мелькаютъ отрывочныя подробности о разныхъ мелочныхъ въ жизни обстоятельствахъ; но глубоко впечатлѣлись слова, слышанныя отъ моей няньки Аграѳены: «Прежде были люди пыжики, а то будутъ все тужики».—«Что же это такое?» спрашивалъ я няню. «А вотъ что: люди прежде все пыжились, да прохлаждались, а то станутъ тужить и ничѣмъ не будутъ довольны». —«Да отъ чего же это?»—«Да Богъ знаетъ, отъ чего; чай отъ грѣховъ своихъ; такое уже настанетъ время».—Бывши уже лѣтъ десяти, я ужасно сердился и спорилъ съ нянькою, когда она повторяла народное про-

рочество, что «Москва будетъ взята на 40 часовъ». Но это самое я слышалъ не отъ одной няньки, но и отъ моей бабушки, Анны Ивановны Кондратьевой. Подобно голосу, летающему въ пустыняхъ Африканскихъ, и въ народѣ носятся темныя преданія и предсказанія, въ которыхъ таятся истины, распечатываемыя въ будущемъ, и нерѣдко сбывается то, что̀ кажется намъ несбыточнымъ.

Предоставляя себѣ сказать впослѣдствіи о другихъ событіяхъ въ моей жизни, обращусь къ подмосковному царскому селу Измайлову, интересному для меня не по одному только историческому его значенію, но драгоцѣнному также по воспоминаніямъ: тамъ были жилища моихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, тамъ ихъ священныя для меня могилы, тамъ я провелъ лучшія лѣта моей жизни, лѣта самозабвенія и мечтанія. Я еще засталъ тамъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, дворецъ съ каменными службами, аптекарскій и виноградный сады, старый и новый звѣринцы, наполненные оленями, кабанами, Американскими свиньями и другими животными; въ звѣринцѣ цапельники, гдѣ на вершинѣ вѣковыхъ сосенъ цапли вили себѣ гнѣзда. Тамъ на моихъ глазахъ рыскала царская псовая охота за зайцами, лисицами, волками и медвѣдями. Словно теперь вижу, какъ медвѣдь, преслѣдуемый охотниками и собаками, перескочилъ черезъ высокій тынъ, окружавшій звѣринецъ. Кажется, будто теперь отдаются въ ушахъ моихъ стройныя и веселыя пѣсни охотниковъ, сопровождаемыя звуками тарелокъ и ложекъ съ бубенчиками, съ хлопаньемъ арапниковъ и выстрѣлами изъ ружей. Такъ живы и сильны впечатлѣнія этихъ охотничьихъ пѣсень, которыхъ съ тѣхъ поръ уже нигдѣ не слышу! Ихъ любили слушать юный Петръ II, Елисавета Петровна и Анна Ивановна съ Бирономъ, нерѣдко забавлявшіеся охотой и стрѣльбою изъ ружей въ Измайловскомъ звѣринцѣ. Это царское приволье для меня драгоцѣнно еще потому, что тамъ жила почти вся родня моей матушки и что тамъ женился мой батюшка. Мимоходомъ замѣчу, что матушка моя родилась въ Казани, въ Пугачевщину, а батюшка увидѣлъ свѣтъ въ Александровѣ, въ то время, когда тамъ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, пребывала цесаревна Елисавета Петровна, крестная мать отца моего.

Заговоривъ объ охотѣ, не могу пропустить, что начальникомъ псовой охоты и форшмейстеромъ звѣринца тамъ былъ мой дядя (по женѣ его) *Павелъ Матвѣевичъ Извольскій*, охотившійся съ императоромъ Павломъ I и съ графомъ А. Г. Орловымъ: лихой наѣздникъ, рьяный охотникъ, мѣткій стрѣлокъ, который одинъ ходилъ съ рогатиной и ружьемъ на медвѣдя, 85-ти лѣтъ стрѣлялъ на лету ласточекъ и 90-ти лѣтъ убилъ волка. Занимая нѣсколько лѣтъ выгодную должность форшмейстера въ

Измайловскомъ звѣринцѣ, онъ оставилъ въ неотъемлемое наслѣдство женѣ и дѣтямъ честь и доброе имя. Въ 1812 году, потерявъ свое имущество, онъ, какъ искренно вѣрующій, не потерялъ надежды на помощь Божію; такое упованіе его не посрамило. Къ нему можно примѣнить слова Псалмопѣвца: «юнѣйшій быхъ и се состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба».

Дядя его, *Гаврила Матвѣевичъ*, былъ любимымъ стремяннымъ у императр. Елисаветы Петровны, которая иногда посѣщала уютное его жилище, кушала у него любимую свою яишницу-верещагу, блины, домашнюю наливочку, бархатное пивцо и янтарный медокъ; зимою она съ нимъ каталась въ саночкахъ, а по прудамъ на конькахъ. Гаврила Матвѣевичъ былъ силачъ и смѣльчакъ стараго Русскаго закала, прямо говорилъ правду, потому что жилъ честно и благочестиво, безъ лицемѣрія, Царицѣ своей, разумѣется, и матушкѣ святой Руси, преданъ былъ душой и сердцемъ. Это давало ему смѣлость, которая не могла нравиться придворнымъ. Наши слова оправдаемъ самымъ примѣромъ изъ жизни Гаврилы Матвѣевича. Однажды случилось ему ѣхать у кареты Государыни, которая, увидѣвъ, что онъ нюхаетъ табакъ изъ берестовой тавлинки, сказала ему: «Какъ тебѣ не стыдно, Гаврила, нюхать изъ такой табакерки! Ты вѣдь царской стремянной; что̀ подумаютъ обо мнѣ иностранные послы, если увидять у тебя берестовую тавлинку? Эка, дескать, у нихъ голь царскіе слуги!» А они тогда были въ Москвѣ.—«Гдѣ мнѣ взять серебряной табакерки? Не воровать же стать!»—Ну хорошо, я тебѣ пожалую золотую табакерку». Послѣ того, прошло нѣсколько времени, а табакерки Гаврила не получалъ. Императрица сбиралась куда-то ѣхать; карета стояла у подъѣзда, Гаврило былъ наготовѣ въ пріемной залѣ дворца, гдѣ собралось и нѣсколько царедворцевъ. Между ними зашелъ разговоръ о правосудіи, въ который вплелся и Гаврило, какъ близкій къ Государынѣ человѣкъ. «Что̀ вы толкуете о правдѣ, когда и въ царяхъ нѣтъ ея?» Такія слова подхватили придворные и передали Государынѣ. Вотъ какъ, дескать, поговариваетъ жалуемый вашимъ величествомъ Гаврила! Надобно замѣтить, что въ то время роковое *слово и дѣло* вело въ истязательный Преображенскій Приказъ. Добрая Елисавета, не чуждая придворныхъ сплетень, позвавъ Гаврилу Матвѣевича къ себѣ въ кабинетъ и съ кротостію спросила своего стремяннаго: «Я слышала, ты говоришь, что въ царяхъ правды нѣтъ; скажи мнѣ, какую же неправду я сдѣлала предъ тобою?»—«А вотъ какую», смѣло отвѣчалъ Гаврила: обѣщали мнѣ золотую табакерку, и вотъ сколько прошло мѣсяцевъ, а не исполнили своего обѣщанія!»—«Ахъ, виновата, забыла», и съ этимъ словомъ вынесла изъ кабинета Гаврилѣ серебряную вызо-

лоченную табакерку, Устюжской работы съ чернью. Тотъ. взявъ ее, поклонился до земли, а, посмотрѣвъ на подарокъ, молвилъ: «Все-таки моя правда, что въ царяхъ нѣтъ правды».—«Какъ такъ?» шутя спросила Императрица.—«Да вѣдь ты изволила обѣщать золотую табакерку, а жалуешь вызолоченную, серебряную!»—«Ну, ну, опять неправа; подай мнѣ серебряную, обмѣняю ее на золотую».—«Нѣтъ, матушка, эта будетъ у меня будничною; изволь-ка вынести мнѣ праздничную». Такъ и сдѣлалось, какъ сказалъ Гаврило. И Государыня, и стремянный остались довольными: одна шуткою, а другой двумя подарками отъ Царицы. Однажды, на именины, Императрица прислала къ Извольскому пирогъ, начиненный рублевиками. Когда онъ благодарилъ ее за такую милость, она спросила его: «По вкусу ли ему пирогъ съ груздями?»—«Какъ, матушка Царица, не любить царскаго пирога съ груздями, хоть бы и съ рыжиками!» Но завистливые козводѣи уловили какія-то слова Гаврилы, и онъ попалъ не только въ опалу, но и въ страшный Преображенскій Приказъ, гдѣ сидѣлъ нѣсколько времени; потомъ, по ходатайству жены своей, прощенъ Императрицею. Нынѣ покажется странною простота обращенія Императрицы въ домашней жизни. Она любила слушать сказки и росказни простыхъ людей, даже брали для этого съ площади торговокъ къ ней въ опочивальню. Во время послѣобѣденнаго отдыха онѣ сиживали у ея постели и разсказывали всякую всячину, что̀ видѣли и слышали въ городѣ. Императрица, чтобы дать имъ свободу говорить между собою, иногда притворялась спящею; не укрылось это отъ смѣтливыхъ бабъ и отъ придворныхъ; послѣдніе подкупали первыхъ, чтобы онѣ, пользуясь мнимымъ сномъ Императрицы, хвалили или хулили, кого имъ надобно въ своихъ шушуканьяхъ между собою. Такимъ образомъ обѣ стороны обольщались. Подъ смертною казнію имъ запрещалось разглашать, что онѣ бывали у Государыни во дворцѣ и говорили съ нею. «Смотри же», говаривалъ имъ царскій стремянный, «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами; а не то жилы вытянутъ, въ уголь сожгутъ, по уши въ землю вколотятъ *)». Такія угрозы, заимствованныя

*) Въ Запискахъ Порошина, стр. 462: „Говорили, что въ то время (при Елисаветѣ) многіе по любви съ тѣми женщинами получали себѣ чины и мѣста выгодныя. Рѣчь была о Васильѣ Ивановичѣ Чулковѣ, что онъ во время государыниной болѣзни, по самую ея величества кончину, почти безотлучно при ней былъ и спалъ въ ея опочивальнѣ, такъ какъ камердинеръ. Зашелъ разговоръ о Елисаветѣ Ивановнѣ (?), что тогда всѣ дѣла черезъ нее Государынѣ подавали...“—Въ Запискахъ Храповицкаго, стр. 52: „Изволила (Екатерина II-я) изъясняться о разности придворныхъ во время импер. Елисаветы Петровны и нынѣшнее... Я говорилъ о старухахъ, чесальщицахъ ножекъ“. Домашній бытъ Елисаветы превосходно описанъ Державинымъ въ стихахъ его *Царь-Дѣвица*, изд. Грота, III, 122—130. П. Б.

изъ Преображенскихъ и Константиновскихъ застѣнковъ, не рѣдко тогда употреблялись, когда хотѣли кого пристращать.

Возвратимся еще къ Гаврилѣ. Онъ былъ атлетическаго сложенія, силенъ тѣломъ и духомъ, крѣпокъ вѣрою въ Бога, непоколебимъ въ честности и въ преданности своей Царицѣ. Благородство онъ ставилъ не въ знатномъ происхожденіи, а въ справедливости и добродѣтели, хотя происходилъ изъ столповыхъ дворянъ. Случилось какъ-то, жена его пекла блины, а онъ, сидя у печки подлѣ нея, чинилъ свои сапоги; дѣти вокругъ ихъ вертѣлись въ ожиданіи горячихъ блиновъ. Толкуя о томъ и о семъ съ женою, они договорились до дворянскаго происхожденія своего. «Вѣдь мы не выходцы какіе и не разночинцы, а природные столповые дворяне!» Съ этимъ словомъ Гаврило кинулъ сапоги и, схвативъ изъ ящика подъ образами древнія жалованныя грамоты и дипломы дворянамъ Извольскимъ, кинулъ въ печь. «Вотъ тебѣ и дворянство!» промолвилъ онъ. Жена только ахнула, хотѣла что-то сказать; но, взглянувъ на висѣвшую на стѣнѣ ѣздовую нагайку, прикусила языкъ. Гаврило спокойно принялся за сапоги, а жена его за блины. Такъ въ огнѣ сжегъ онъ хвастовство своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, подобно царю Ѳеодору Алексѣевичу, предавшему пламени мѣстническія книги. Почему жена не сдѣлала ему ни упрековъ, ни возраженій? Потому что она помнила возглашенныя слова Апостола при бракосочетаніи; а еслибъ ей случилось ихъ забыть, то мужъ напомнилъ бы ей тѣмъ осязательнымъ средствомъ, которое рекомендуетъ Домострой*). Для новой Руси непонятно, даже дико, какъ это средство въ старой, до-Петровской, даже и попозднѣе, могло служить выраженіемъ супружеской любви. Впрочемъ не думайте, чтобы это было только въ необразованной Россіи; оно существовало и во Франціи, гдѣ закономъ дозволялось бить свою жену по произволу (battre sa femme à loisir). Не легче было женамъ и въ ученой Германіи. Въ домашнемъ быту плетка и розга поддерживали и водворяли порядокъ и устройство. Гдѣ грозно, говоритъ пословица, тамъ честно, или: хорошо честь и гроза.

Это средство испыталъ и племянникъ Гаврилы, Павелъ Матвѣевичъ Извольскій. Жена его, моя тетка, была красавица тѣломъ и душой; но молодой мужъ, при пылкомъ характерѣ, увлекся какъ-то соблазномъ, конечно не безъ содѣйствія бѣса, на котораго въ тотъ вѣкъ люди сваливали всѣ вины свои. Гаврила, провѣдавъ объ этомъ, пріѣхалъ сдѣлать племяннику увѣщаніе не въ сухихъ и общихъ наставленіяхъ, но

---

*) На подобныя средства не рѣшался однако И. М. Снѣгиревъ относительно своей супруги. П. Б.

въ осязательныхъ поученіяхъ, такъ что тотъ отъ его нагайки пролежалъ съ недѣлю не на спинѣ, а на животѣ.

Я знаю по преданію отъ родной бабки и отъ матери о прадѣдѣ своемъ *Василіѣ Кондратьевичѣ Кондратьевѣ*, который служилъ при Измайловскомъ дворцѣ и умеръ въ селѣ Измайловѣ на 113 или 114 году (а прабабка моя на 107 году). До меня не дошли подробности о его службѣ и дѣлахъ; только одно мнѣ извѣстно, что наши Филемонъ и Бавкида жили въ счастливомъ супружествѣ 90 лѣтъ. Когда прадѣдъ мой положенъ былъ во гробъ, прабабушка усиливалась плакать, но источникъ у нея уже изсякъ. Причитая по старому обычаю, она голосила: «Отецъ ты мой, я съ тобою пожила, словно у печки погрѣлась». Въ счастливой жизни, во взаимной, неостывавшей теплотѣ сердца, такъ ей показались короткими 90 лѣтъ супружества. Кондратьевыми переименовалъ Петръ I Вороновыхъ. Одинъ изъ нихъ служилъ у него въ канцеляріи; на немъ нерѣдко бывала царская рука, и чуть не дубинка. Такъ я слыхалъ отъ бывшаго управителя подмосковными дворцами, коллежскаго асессора Ивана Саввича Брыкина.

На погостѣ церкви Измайловской, Рождества Богородицы, погребенъ дѣдъ мой съ материнской стороны, придворный комиссаръ *Иванъ Васильевичъ Кондратьевъ*, въ 1776 году, не старыхъ лѣтъ. Въ Казанской губерніи онъ былъ управителемъ казенныхъ крестьянъ. Въ то время, какъ грозный Пугачевъ приближался къ Казани, дѣдушка съ семействомъ своимъ сидѣлъ за столомъ. Вдругъ на дворъ въѣзжаетъ нѣсколько троекъ, входятъ въ столовую мужики. Дѣдушка не зналъ, что̀ и подумать, особенно въ то кипучее время, когда самозванецъ возмущалъ крестьянъ противъ господъ и когда многіе изъ помѣщиковъ дѣлались жертвами своеволія и самоуправства. «Что̀ вамъ надобно, братцы?» спросилъ дѣдушка.—«Тебя съ женушкой и дѣтками», отвѣчали мужики. При такомъ отрывистомъ отвѣтѣ, онъ могъ подумать объ угрожающей ему съ семействомъ опасности, даже о мучительной смерти, какой предавали необузданные крестьяне своихъ начальниковъ.—«Нѣтъ, отецъ нашъ! не думай ничего худого, мы пріѣхали спасти васъ за ваше радѣніе о насъ, сбирайтесь скорѣе! Пугачевъ близко». Взявъ съ собою, что̀ успѣли, второпяхъ, бабушка съ дѣтьми, въ томъ числѣ, съ матушкою моею, поѣхали въ Москву, въ Измайлово, а дѣдушка скрылся въ крѣпости. Въ домѣ остался дворецкій Прокопій. Не замедлили явиться бунтовщики; принявъ Прокопія за господина, они подняли его на копья; имя его сохранилось въ указѣ; дѣвокъ Пугачевъ взялъ къ себѣ въ палатку. Одна изъ нихъ, красивая собою, заняла у мнимаго Петра III мѣсто Императрицы и носила на головѣ родъ короны, которую мнѣ дове-

лось видѣть. По освобожденіи Казани отъ осады и по взятіи въ плѣнъ самого Пугачева, дѣдушка переѣхалъ въ Москву и поселился въ Измайловѣ, ближе къ женинымъ и своимъ роднымъ. Въ числѣ ихъ тамъ находился мой прадѣдушка *Иванъ Саввичъ Брыкинъ*, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ (о немъ упомянуто и въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара, VII, 187).

Онъ родился въ Измайловѣ. Отецъ его, Савва Григорьевичъ, братъ Михайла Брыкина, тамъ былъ подъячимъ приказной избы съ 1712 года Января 28 и продолжалъ свою службу до 1733 года; умеръ 60 лѣтъ, а его мать, Елисавета Варѳоломѣевна, на 100 году отъ рожденія, въ 1758 г., оставляя сына своего Ивана сиротою. По сношенію и свойству съ придворными служителями, они видали императоровъ Петра I и Петра II, императрицъ Анну Ивановну и Елисавету Петровну, могли знать и слышать о многихъ событіяхъ при дворѣ. Иванъ Брыкинъ, начавшій свое служеніе при отцѣ своемъ, любилъ разсказывать переданное ему отъ родителей, между прочимъ и то, что «государь Петръ Великій родился въ Измайловѣ». Это самое и отмѣтилъ онъ собственноручно на лѣтописцѣ, доставшемся ему отъ отца, о рожденіи тамъ Петра Великаго, и съ такимъ убѣжденіемъ умеръ *). Всего не припомнишь, что̀ я слыхалъ отъ Ивана Саввича въ своей молодости; но въ памяти моей запечатлѣлись разсказы его, какъ Петръ I пожаловалъ ему (или, кажется, отцу его) серебряный рублевикъ, примолвивъ: «Смотри же, береги, на орѣхахъ не пролакомь». Этотъ царскій рублевикъ хранилъ старецъ, какъ святыню, носилъ его въ шелковомъ кошелечкѣ на груди, съ крестомъ, и заповѣдалъ похоронить себя съ нимъ, что̀ при мнѣ исполнено. Имѣя твердую до глубокой старости память, вспоминалъ онъ огненныя потѣхи и пирушки Петра I на лугахъ и въ рощахъ Измайловскихъ съ любимцами; видѣлъ, какъ убилъ онъ дубинкою у дворцоваго крыльца одного придворнаго служителя, который не успѣлъ снять предъ нимъ шапки; какъ Анна Іоанновна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подалъ ей къ блинамъ прогорклое масло. Когда эта Государыня гуляла по лугамъ съ Бирономъ, мальчикъ Брыкинъ, въ затрапезномъ халатѣ, носилъ за нею кубчикъ съ медомъ, а за пазухой у себя имѣлъ оловянный стаканъ. Обернувшись къ нему, она спросила его: «Дьячекъ что ли ты?»—«Нѣтъ, ваше царское величество, сынъ вашего слуги». Смышленый и расторопный Иванъ Брыкинъ, выучась грамотѣ у сельскаго дьячка, поступилъ писаремъ въ приказную избу и, какъ видно, иногда прислуживалъ при дворѣ; потомъ былъ подъячимъ и смотрителемъ дворцовъ

*) Убѣжденіе не вѣрное: нынѣ доказано, что Петръ родился въ Москвѣ. П. Б.

подмосковныхъ. Во время моровой язвы, постигшей древнюю столицу, онъ сохранилъ Измайлово отъ губительной чумы, и за то въ сенатскомъ указѣ 1772 года названъ «попечительнымъ и усерднымъ всемилостивѣйшей Государынѣ и прямымъ сыномъ отечества».

Строгое воздержанiе и юношеское цѣломудрiе сохранили и укрѣпили его тѣлесныя и душевныя силы до ста лѣтъ. Лѣтъ сорока, онъ не зналъ вкуса ни въ винѣ, ни въ пивѣ и оставался отрокомъ до женитьбы своей; съ женой жилъ 30 лѣтъ и прижилъ съ нею двухъ дочерей. Вдовство его было столь же цѣломудренно, какъ и юность и мужество. Онъ былъ мущина средняго роста, плотный, коренастый, статный, въ полнотѣ силъ, неистраченныхъ развратомъ, съ выразительнымъ лицомъ; словомъ, молодецъ, кровь съ молокомъ; но не онъ заглядывался на красавицъ, а онѣ на него; сердце его не было растлѣннымъ и воображенiе испорченнымъ, да и заповѣди Господни онъ твердо помнилъ. Можетъ статься, нынѣ этому не повѣрятъ, какъ можно дожить до 40 лѣтъ здоровому мущинѣ въ цѣломудрiи. Но прадѣдушка не завѣщевалъ мнѣ лгать, да и самъ почиталъ ложь великимъ грѣхомъ, потому что отецъ лжи дьяволъ. Послѣ женитьбы, уже вступивъ за сорокъ лѣтъ, Иванъ Саввичъ въ прiятельскомъ обществѣ позволялъ себѣ подгулять дня два-три. Опорожнивъ стакановъ пять и даже десять пуншу, нѣсколько рюмомъ домашней наливки и не одну кружку пива, онъ никогда не бывалъ пьянъ и не пошатнется; но изъ строгаго, молчаливаго и серiознаго становился говорливымъ, веселымъ и шутливымъ. У него винцо не связывало, не притупляло языка, но развязывало его. Онъ любилъ воспоминать про старину; она оживала въ его рѣчахъ, которыя лились рѣкою; къ нимъ приплеталъ онъ пословицы, прибаутки и притчи, которыя и я у него заимствовалъ. «Нынѣ такъ уже не живать», повторялъ онъ, «какъ встарь живали: тогда безъ лекарствъ были здоровы, безъ баловъ веселы, безъ книгъ умны». Современникъ Тредьяковскаго, Иванъ Саввичъ, до самой глубокой старости, любилъ читать его стихотворенiя, пѣвалъ его пѣсни, которыя ему казались очень замысловатыми и веселыми. Въ Анакреонтическихъ его пѣсняхъ, напечатанныхъ въ С.-Пб., сколько помню, въ 1740 годахъ *), одно примѣчанiе поэта означаетъ слѣдующее: «Пѣснь эту я имѣлъ незабвенное благополучiе воспѣть въ императорскомъ царскомъ дворцѣ, стоя на колѣняхъ предъ каминомъ, и отъ всещедрыя десницы ея императорскаго величества удостоился получить всемилостивѣйшую оплеушину».

---

*) Эту весьма рѣдкую книжку, въ 12-ю д., я видѣлъ и читалъ у профессора Мерзлякова.

У Ивана Саввича дворовой его, Калина Кузмичъ, варилъ отличное пиво и завелъ пивоварню на дворѣ. Его пиво было пряное, тонкое, вкусное и здоровое, которое не густило крови, не дѣйствовало на голову, такое, какъ говорилъ шутя Иванъ Саввичъ: «Хлебнешь, упадешь; вскочишь, опять захочешь». У него этого Русскаго напитка, безъ химическихъ примѣсей, было три сорта: *дѣдушка*, *батюшка*, *сынокъ*, по различію степеней его крѣпости. Употребленіе его рекомендовали доктора больнымъ; его выписывали въ С.-Петербургъ ко двору и въ другіе города, даже въ Пруссію. Хозяйство Ивана Саввича было прекрасно устроено безъ заморскихъ затѣй; домъ былъ, какъ полная чаша: всего въ изобиліи, и притомъ еще, на маломъ пространствѣ земли, грунтовые сараи и сады доставляли ему прекрасные фрукты, огороды—овощи, пчельникъ—медъ. Въ ледникахъ засѣчены были бочки Мартовскаго пива, квасу, разныхъ медовъ, которыми прежде щеголяли хозяева. Видно, они въ древности были хороши, что самые иностранные путешественники предпочитали ихъ Венгерскимъ винамъ *). У кого въ селѣ попросить квасу или дрозжей? У Ивана Саввича. Къ кому идти попить пивца? Къ Ивану Саввичу. У кого взять медку на канунъ для помину родителей? У Ивана Саввича. А онъ, надобно замѣтить, хоть былъ и скупенекъ, но не отказывалъ въ помощи бѣдному и доброму человѣку. Уютный, гостепріимный его домикъ навѣщали и архіереи, и архимандриты, даже самъ митрополитъ Платонъ, и почтенные граждане Москвы, Баташевъ, Жигаревы и пр. Я съ батюшкой и матушкой не рѣдко встрѣчали у Брыкина почтенныхъ профессоровъ Университета Страхова, Антонскаго, Политковскаго, Гейма, Шлёцера, Брянцова, Гаврилова, Аршёневскаго, которые находили удовольствіе въ бесѣдѣ не ученаго, но умнаго, опытнаго и своеобразнаго старца: имъ нравился простой образъ патріархальной его жизни, радушный безъ лести пріемъ и угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ. Къ незванному обѣду подавался и кусокъ домашней ветчины, лапша, яишница-верещага или глазунья, индѣйка съ солеными лимонами, утка съ такими же сливами, свѣжій варенецъ, бѣлоснѣжный творогъ съ густыми сливками. Вмѣсто Фряжскихъ винъ и ликеровъ, подносилъ гостепріимный хозяинъ домашнія многолѣтнія наливки: малиновку, смородиновку, вишневку, рябиновку, розановку, въ

---

*) О домовитости нашихъ дѣдовъ и сильномъ развитіи отдѣльныхъ хозяйствъ свидѣтельствуетъ и С. Н. Глинка въ Запискахъ своихъ (Р. Вѣстн.1866, кн. 1), разсказывая о жизни въ Смоленской губерніи. Несомнѣнно, что не одни дворяне, но и крѣпостные люди жили зажиточнѣе теперешняго. Это объясняется, во-первыхъ, большимъ привольемъ (вслѣдствіи сравнительной малости народонаселенія), и во-вторыхъ, особливою заботливостью объ этомъ предметѣ Екатерины II-й. (См. ея записку о мануфактурахъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865, стр. 495—510 второго изданія). *П. Б.*

промежуткахъ холодное со льда Мартовское пиво и янтарный медъ. Въ ихъ пріятельско-оживленной бесѣдѣ, безъ картъ и фальши, можно было услышать много любопытнаго, занимательнаго и поучительнаго; казалось, въ ней соединялись опыты жизни съ наукою о жизни. Обыкновенно, подъ конецъ бесѣды, при прощаньи, старецъ нашъ вставалъ и посреди своей горенки затягивалъ басомъ псаломъ: «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ»; нѣкоторые изъ гостей подтягивали ему. Но у Ивана Саввича не обходилось *безъ посошка* на дорожку, что̀ Нѣмцы называютъ Johannistrunk.

Не имѣя въ рукахъ послужного списка Брыкина, я не могу сказать, за что именно онъ пожалованъ императоромъ Павломъ I въ коллежскіе асессоры, или, какъ говорилось тогда, въ маіоры. Комендантомъ въ Москвѣ былъ добрый Нѣмецъ Иванъ Крестьяновичъ Гессе, точный блюститель военной дисциплины и наблюдатель за городскими заставами, гдѣ спрашивали тогда объ имени и званіи въѣзжавшихъ и выѣзжавшихъ и, кажется, записывали. Этотъ комендантъ, ѣздившій всегда стоя въ саняхъ и дрожкахъ, такъ обрусѣлъ, что не чуждался зелена вина. Получивъ повѣстку о своемъ производсгвѣ въ маіоры, Иванъ Савичъ поѣхалъ въ Москву для принятія присяги. Послѣ присяги заѣхалъ онъ къ одному старому пріятелю и порядочно подкутилъ съ нимъ на радости. Возвращаясь вечеромъ въ свое Измайлово, на вопросъ караульнаго: «Кто ѣдетъ?» отвѣчалъ: «Янька, золотыя пуговки». Такъ назвался онъ, вѣроятно, потому, что при Екатеринѣ II маіоры носили золотыя, т. е. золоченыя пуговицы на мундирѣ, а на камзолѣ и на самомъ мундирѣ золотые галуны. Караульный остановилъ его, и новый маіоръ долженъ былъ провести ночь въ караульнѣ. На другой день его представили при рапортѣ къ коменданту. Гессе, разспросивъ Брыкина, отпустилъ его во свояси; но нашъ маіоръ остановилъ коменданта: «Что же ваше превосходительство», сказалъ онъ, «ничѣмъ не соблаговолили поздравить меня съ высокимъ чиномъ? Со вчерашняго поздравленія голова трещитъ». Подана была водка, и рюмка за рюмкой, судья съ подсудимымъ понатянулись на порядкахъ; потомъ одинъ, на веселѣ, поскакалъ осматривать заставы, а тотъ поѣхалъ въ свою Преображенскую заставу, гдѣ его пропустили уже безъ всякой остановки, хотя Иванъ Саввичъ и откликнулся на вопросъ часового Янькою съ золотыми пуговками, потому что Гессе далъ ему записку: «пропустить безпрепятственно Яньку съ золотыми пуговками». Домашнимъ отданъ былъ маіоромъ приказъ величать его: ваше высокоблагородіе, что̀ сообщено и сельскимъ жителямъ.

Между тѣмъ неожиданно нагрянулъ на Москву роковой 1812 годъ....

зо прежде чѣмъ передамъ воспоминанія о незабвенномъ годѣ, коснусь Инаменитаго сосѣда нашего въ Троицкой улицѣ, митрополита Платона.

Подъ покровительствомъ митрополита Платона сирота-родитель мой, крестникъ императрицы Елисаветы Петровны, былъ воспитанъ и до самой смерти его пользовался его расположеніемъ, нерѣдко посѣщалъ его на Троицкомъ подворьѣ, въ Троицкой лаврѣ, Виѳаніи и Черкизовѣ, куда любилъ уединяться маститый архипастырь. По близкому сосѣдству нашему (потому что мы жили, какъ называется, заборъ объ заборъ) изъ Красноглазова сада, смежнаго съ нашимъ, Платонъ заходилъ иногда и въ нашъ садикъ, гдѣ была калитка. Съ отцемъ моимъ и я иногда бывалъ у него и всякій разъ получалъ то книгу, то просфору, то фрукты; однажды пожаловалъ онъ мнѣ шелковый кошелекъ, сказавъ: «Онъ пустой, наполни его своимъ трудомъ». При началѣ моего ученія, владыка написалъ для меня своею рукою молитву, которая утратилась съ другими драгоцѣнностями нашими въ 1812 году; остался только пустой кошелекъ. Твердо и живо помню, когда я вступалъ изъ бывшей академической гимназіи въ 1807 или 8 году студентомъ въ Московскій Университетъ, отецъ мой, профессоръ Университета, привелъ меня на благословеніе къ митрополиту Платону. Преосвященный велѣлъ мнѣ перевести съ Латинскаго на Русскій первыя строки своей краткой біографіи въ книжкѣ Fasciculus litterarum; я перевелъ. «Когда меня не будетъ на свѣтѣ» примолвилъ архипастырь, дополни это жизнеописаніе. Предъ 1812 годомъ, онъ принялъ отъ меня очень благосклонно дѣтскій переводъ мой романа: «Евдоксія, дщерь Велизарія», читалъ его до половины и, вмѣсто закладки, оставилъ, предъ отъѣздомъ въ Виѳанію, носовой платокъ свой въ книгѣ. Все это было для меня сильнымъ побужденіемъ составить жизнеописаніе митрополита Платона *).

---

*) Жизнь Москов. митрополита Платона. М. 1856. 8°. 2 ч. Сочиненіе *И. М. Снигирева*. Біографія этого высоко-замѣчательнаго лица до сихъ поръ не разработана. Намъ случилось видѣть важные матеріалы для оной въ бумагахъ его антагониста, катихизатора Московскаго Университета Петра Алексѣева. Любопытно участіе его въ дѣлѣ профессора Мельмана, исключеннаго изъ Московскаго Университета за его мнѣнія (Чтенія въ общ. ист. и древн. 1863 кн. 2-я) Вотъ два отзыва о Платонѣ имп. Екатерины II-й, по Дневнику Храповицкаго (стр. 33); „Новоспасскій архимандритъ Павелъ вчера худо говорилъ рѣчь. Онъ ученикъ Платона. Нарочно стараются, чтобъ ихъ не превзошли, а теперь (1787) въ бѣльцáхъ люди лучше, нежели въ чернецахъ“.—„27 Апрѣля (1788) указъ объ отмѣнѣ сбора съ священно и церковно-служителей Московской епархіи, для бѣдныхъ учениковъ Заиконоспасскихъ, наложеннаго митрополитомъ Платономъ. Онъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ“ (стр. 59). Отъ М. П. Погодина слышали мы еще отзывъ Екатерины о Платонѣ: „Хорошъ, хорошъ Платонъ, а все тёшкой рыгаетъ“ (тёшка—чрево коренной рыбы). Знала ли Государыня, что Платонъ положилъ въ алтарь Успенскаго собора завѣщаніе цесаревича Павла Петровича („мы Павелъ и мы Марія“)? *П. Б.*

Въ юношеской моей памяти врѣзались слова святеля о нашемъ домѣ у Троицы въ Троицкомъ. «Тамъ, еще мальчикомъ, я хаживалъ мимо этого мѣста, гдѣ былъ деревянный домикъ одного купца, который странствовалъ съ дочерью своей въ Іерусалимъ и, снявъ планъ съ святаго града, посвятилъ свой трудъ, время и иждивеніе на сооруженіе огромнаго креста съ изображеніемъ Іерусалима и страстей Господнихъ. На дворѣ у васъ этотъ крестъ стоялъ въ высокомъ сараѣ, у коего на столикѣ, въ деревяную чашечку, сбирали подаяніе на сооруженіе креста, и я клалъ по полушечкѣ». Крестъ поставленъ былъ въ соборѣ Срѣтенскаго монастыря у сѣверной стѣны, гдѣ и теперь находится. Московское купечество предлагало начальству, въ концѣ царствованія Екатерины II, поставить на Лобномъ мѣстѣ подъ шатромъ этотъ достопамятный крестъ; неизвѣстно, почему дѣло это не состоялось.

Не повторяю здѣсь того, что̀ сказано мною въ біографіи м. Платона о рожденіи его въ самый звонъ къ заутрени на праздникъ первоверховныхъ Апостолъ, въ селѣ Чашниковѣ, гдѣ отецъ его тогда находился причетникомъ: день рожденія былъ днемъ тезоименитства для новорожденнаго, котораго наименовали Петромъ, по фамиліи Левшинымъ. Сообщу то, что̀ слышано мною отъ моего родителя, также отъ преосвященнаго Евгенія, сохранившаго при глубокой старости своей крѣпкую память, отъ покойнаго архіепископа Августина, отъ духовника Платонова о. Аарона, отъ келейника его Моѵсея Платонова, недавно умершаго и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, достойныхъ вѣроятія. О Платонѣ не только они любили вспоминать, но во многихъ семействахъ Московскихъ старожиловъ свято хранятся о немъ преданія: донынѣ разсказываютъ они, какъ о важномъ событіи въ жизни своей: «Мы видѣли, мы слышали Платона, приняли отъ него благословеніе; отца моего благословилъ онъ просфорою, или иконою, сказавъ то и то».

Не пропущу здѣсь слышанное мною отъ почтеннаго старожила И. П. Лобкова, лично знавшаго Платона. Однажды Лобковъ пришелъ къ Успенскому собору, полному народомъ, въ то самое время, какъ Платонъ сказывалъ проповѣдь и, не могши пройти за тѣснотою въ соборъ, остановился въ раствореныхъ сѣверныхъ дверяхъ и тамъ, увидѣвъ плачущаго мужика, полюбопытствовалъ спросить его: «объ чемъ онъ плачетъ?»—«Какъ мнѣ не плакать! Вѣрно владыко говоритъ что-нибудь душеспасительное», отвѣчалъ тотъ. Таково было предубѣжденіе и предощущеніе народа, вполнѣ сочувствовавшаго своему архипастырю. Такъ увѣковѣчилось въ народѣ имя Платона, сроднившагося съ нимъ душею и сердцемъ, потому что онъ былъ Русскій сердечный человѣкъ. Всякое

слово, исходившее изъ устъ его, проникало въ душу народа, который ему вѣрилъ и вѣровалъ.

Но возвратимся къ лѣтамъ дѣтства и юности Платона. Когда отецъ эго Георгій былъ уже въ Москвѣ викарнымъ священникомъ при церкви Спаса во Спасской, Петръ ходилъ оттуда пѣшкомъ учиться въ бурсу Славяногреколатинской Академіи съ краюшкою чернаго хлѣба за пазухой, составлявшею его обѣдъ. О немъ не столько заботился отецъ, не всегда воздержный отъ вина, сколько мать; ея любовь замѣняла недостатокъ образованія, такъ что она отъ скуднаго достатка покупала на площади книжки для сына, который не имѣлъ даже порядочной обуви и лѣтнею порой хаживалъ босикомъ въ школу, и чуть не носилъ лаптей съ портянками. Такъ какъ красивый изъ себя, смышленный, голосистый Петръ по праздникамъ бойко читывалъ и стройно пѣвалъ въ Спасской церкви, то одинъ изъ прихожанъ подарилъ ему коты съ красною сафьянною оторочкой, а другой далъ поношенный бархатный камзолъ. «Я, говаривалъ Платонъ, радовался этому едва ли не болѣе, чѣмъ Андреевской лентѣ и, любуясь ими, дорогой спотыкался; въ школу ходилъ босикомъ, а коты несъ подъ мышкою, приближаясь же къ Академіи, надѣвалъ ихъ на себя».

Прилежаніе и дарованія скоро довели Петра до богословскаго класса. По заведенному въ Академіи порядку, онъ тогда, объясняя катихизисъ, успѣлъ привлечь къ себѣ особенное вниманіе Московскихъ гражданъ, любившихъ посѣщать такія чтенія и даже заслужилъ названіе Московскаго Златоуста. Въ это время былъ архіепископомъ Московскимъ Амвросій Зертисъ-Каменскій человѣкъ ученый, но строгій до жестокости по своему холерическому *) темпераменту: у него плети и розги служили обыкновенными средствами для исправленія подчиненныхъ; отъ нихъ не избавлялись даже священно-церковнослужители: приносившіе безкровную жертву сѣчены бывали до крови. Это поселило въ духовенствѣ ненависть къ нему, которая соединилась съ народнымъ подозрѣніемъ его въ еретичествѣ. Неравнодушный къ славѣ мальчика, ничтожнаго въ его глазахъ, онъ потребовалъ къ себѣ его тетради и, нашедши въ нихъ что-то, по своему мнѣнію, предосудительное, хотѣлъ было высѣчь своего преемника при всѣхъ въ Академической аудиторіи; но за Левшина

*) Полу-молдаванинъ, полу-малороссіяниnъ. Конечно отъ бѣлаго духовенства разнеслись о немъ въ Московской черни тѣ слухи, которые въ 1771 г. повели къ открытому мятежу и къ убіенію его. И. М. Снѣгиревъ не рѣдко разсказывалъ, что Амвросій курилъ табакъ, а въ Чудовской его кельѣ, разграбленной чернію, нашлись женскія башмаки. *П. Б.*

сильно вступился ректоръ и доказалъ преосвященному неосновательность его осужденія.

Время проповѣдыванія своего въ Академіи Платонъ считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Москвичи, любившіе проповѣданіе слова Божія, сочувствовали юному проповѣднику, восхищались имъ. Родители Левшина еще были живы, какъ славный въ свое время проповѣдникъ Гедеонъ Криновъ узналъ его и сталъ убѣждать его принять иноческій чинъ; но мать противилась тому, склоняя его вступить въ супружество; долго не благословляла его на этотъ подвигъ, наконецъ, по любви своей къ нему, уступила твердому его желанію и рѣшимости.

Петръ, уже подъ именемъ Платона, монахъ Троицкой Лавры, помѣщицы болѣе ста тысячъ крестьянъ чудотворцевыхъ. Въ новой для Платона сферѣ руководителемъ былъ Гедеонъ. Этотъ архимандритъ—коренной Великороссіянинъ, потерпѣвшій отъ Малороссіянъ, изъ которыхъ до царствованія Елисаветы Петровны преимущественно избирались архимандриты въ Сергіеву обитель. Отличаясь ученостію и дарованіями, онъ любилъ роскошь. Тогда, по принятому обычаю, соборные старцы и настоятели носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ шлифными пряжками изъ серебра и золота, обувались въ шелковые чулки. У Гедеона были пряжки на башмакахъ брилліантовыя, какъ гласило преданіе, въ 10,000 р. Объ архіепископѣ этомъ тогда носилась въ народѣ поговорка: «Гедеонъ нажилъ милліонъ».

Въ Лаврѣ одна половина монашествующихъ были Великороссіане-москали, другая Малороссіяне. Отъ этого составилось двѣ партіи, между собою враждебныя, что обнаруживалось въ разныхъ столкновеніяхъ. Однажды монахъ-москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ Малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробоваго, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что нѣкоторые, имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голосомъ повторяютъ: «Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному», а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы серебра и золота. Гробовой, принявъ это на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонъ въ трапезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день. Но вотъ какой случай обнаружилъ предъ набожною императрицею Елисаветою Петровною враждебное племенное раздѣленіе въ святой обители Сергіевой. Архимандриту изъ Малороссіянъ дано было знать, что Императрица прибудетъ туда на богомолье. Призвавъ къ себѣ своихъ земля-

ковъ, онъ сказалъ имъ: «ея императорское величество изволитъ прибыть въ святую нашу Лавру; а какъ ей извѣстно, что св. обитель благословлена богатствомъ по молитвамъ преподобнаго отца нашего Сергія, и какъ она любитъ велелѣпіе, то постарайтесь, братія, явиться предъ лицемъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ». Москалямъ онъ присовѣтывалъ представиться въ худшихъ одеждахъ, чтобъ не обнаружить роскоши и показать смиреніе. Такъ и было сдѣлано, какъ приказано. Императрица, замѣтивъ такое рѣзкое различіе, спросила у архимандрита: «вѣдь Лавра всѣмъ изобилуетъ; отчего же одни монахи одѣты весьма прилично и хорошо, а другіе худо, какъ нищіе?» «Оттого, ваше величество, что первые Малороссіяне, люди трезвые, благоприличные, а другіе Москали, люди невоздержные и нерадивые о себѣ». Въ такомъ мнѣніи Государыня оставалась до тѣхъ поръ, пока не разсказала она объ этомъ любимому своему истопнику, съ которымъ она привыкла говорить въ свободные часы, а у этого истопника былъ монахомъ въ монастырѣ братъ его родной. Тотъ откровенно объяснилъ ей продѣлку настоятеля-малороссіянина. Вотъ что было причиною, что не только въ Троицкую Лавру, но и въ Сѵнодъ прегражденъ былъ доступъ Малороссіянамъ.

Владѣя многими вотчинами, Троицкая Лавра, къ которой приписано было четырнадцать монастырей, изобиловала всѣми благами. Она славилась своими медами, пивами и квасами; виноградныя вина выписывались бочками, рыба свозилась отъ ея рыбныхъ ловлей на рѣкахъ. Предъ всенощною, въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія крилосныхъ, такъ, «что правый крилосъ поетъ, а лѣвый въ алтарѣ пиво пьетъ». За всенощною въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величанье, что̀ называлось, *на хвалитѣхъ* *). Такъ велось въ Лаврѣ до управленія ею Платономъ.

Торжественно забавнымъ бывалъ поѣздъ архимандрита на Корбуху, въ баню. Онъ ѣхалъ шестернею въ каретѣ, впереди его верхомъ дьяконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади телѣга съ разными припасами; полъ въ банѣ устилали благовонными травами и цвѣтами. На каменку поддавали Венгерскимъ виномъ, которымъ окачивался высокопреподобный. Въ Лаврѣ каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по кунгану меду, пива и квасу. Платонъ, не пивши ничего хмѣльного, мѣнялъ эти питья на деньги и скопилъ ихъ столько, что смогъ купить себѣ шелковую рясу, которою

---

*) Т. е. когда пѣлось: „Хвалите имя Господне". П. Б.

очень любовался, потому что до тѣхъ поръ ничего шелковаго на себѣ не нашивалъ. Это замѣтилъ Гедеонъ. Однажды онъ взялъ съ собою Платона на Корбуху; тамъ пошелъ съ нимъ по берегу пруда и все его тѣснилъ къ самому краю, наконецъ столкнулъ въ воду. Не столько испугался, сколько огорчился Платонъ, замочившій свою шелковую ряску, предметъ его радости и тщеславія; но не смѣлъ обнаружить неудовольствія предъ начальникомъ, который привезъ его всего измокшаго въ Лавру. Когда вошли въ настоятельскіе покои, Гедеонъ сказалъ Платону: «никогда не сердись, когда начальникъ шутитъ съ тобою для испытанія твоего характера». Съ этимъ словомъ онъ ведетъ его въ свою гардеробную, гдѣ развѣшаны были рясы и полукафтанья его. «Выбирай себѣ двѣ, какія тебѣ нравятся». Платонъ выбралъ себѣ похуже. «Нѣтъ», сказалъ архимандритъ, «выбери лучшія». Такъ и сдѣлалъ юный инокъ.

Уже Платонъ занималъ значительную степень въ Лаврѣ, какъ пріѣхала къ нему любимая его мать. Радостно и трогательно было свиданіе почтительнаго сына съ доброю матерью; онъ угощалъ ее всѣмъ, чѣмъ могъ, подарилъ ей сто рублей, шелковую матерію на платье. Старуха была въ восхищеніи. «Довольна ли, матушка, моими подарками?» спросилъ Платонъ. «Что ты? какъ не довольна! Да у меня этого никогда и въ жизни не бывало.—«Какъ же, матушка, не благословляла меня идти въ монахи?»—«Вѣдь я не знала», простодушно отвѣчала старушка, «что ты меня будешь дарить такими дорогими подарками». Такъ мнѣ передавалъ преосвященный Евгеній, слышавшій это отъ самого митрополита Платона.

Будучи Московскимъ митрополитомъ, Платонъ ѣзжалъ мимо оконъ нашего скромнаго домика въ Троицкой и всякій разъ благословлялъ его. Въ торжественные дни онъ отправлялся на служеніе въ золотой каретѣ, пожалованной ему императоромъ Павломъ I и запряженной въ шесть бѣлыхъ лошадей въ шорахъ; предъ нимъ шли скороходы, ѣхали вершники. Около кареты бѣжалъ народъ, чтобы поглядѣть на святителя и принять его благословеніе. Въ этомъ экипажѣ однажды онъ пріѣхалъ къ президенту Академіи Наукъ, ученой княгинѣ Дашковой, этой мужеподобной женѣ. Увидѣвъ его экипажъ, она спросила: «преосвященный, васъ возятъ шесть коней, Христосъ никогда не ѣздилъ въ такомъ экипажѣ, а всегда ходилъ пѣшій?»—«Такъ, отвѣчалъ пастырь, Христосъ ходилъ пѣшкомъ, и за нимъ овцы слѣдовали, а я ихъ не догоню и на шестернѣ».

Гдѣ служилъ Платонъ, тамъ сбиралось множество народа изо всѣхъ сословій и, когда полиція не пускала простолюдиновъ въ церковь и къ благословенію Платона, онъ съ негодованіемъ ревностнаго пастыря кричалъ на полицейскихъ: «что̀ вы, волки, разгоняете моихъ овецъ?»

Любилъ Московскій народъ служеніе и проповѣданіе Платона и услаждался имъ. Изъ Сибири купцы и заводчики нарочно пріѣзжали видѣть и слышать Платона. Да и не удивительно! Скажу, что̀ впечатлѣлось въ юной, свѣжей памяти, неомраченной и неподавленной заботами жизни. Въ служеніи Платона проявлялись все величіе, торжественность и святолѣпность архипастырскаго сана, глубокое благоговѣніе, важность безъ изысканности, вся постава (поза), всѣ движенія и мановенія приличныя и соотвѣтственныя. Представьте себѣ старца, еще бодраго подъ сѣдинами, у котораго старость не изгладила слѣдовъ рѣдкаго благообразія въ лицѣ оживленномъ и, такъ сказать, одухотворенномъ, сіяющемъ; со слезами умиленія сердечнаго, въ моленіи онъ воздѣваетъ руки къ небу или съ амвона осѣняетъ предстоящихъ дикиріями и трикиріями, или проповѣдуетъ истины Евангельскія. Къ тому, въ чтеніи и пѣніи голосъ сладостно-звучный, стройный, послушный теченію его мыслей и движенію его сердца. Вѣра и убѣжденіе говорили его устами; слова его такъ были осмыслены умомъ, такъ оживлены вѣрою, что проникали сердца слушателей. Къ нему можно по справедливости примѣнить изреченіе Св. Апостола: «Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ». Не такова казалась печатная его проповѣдь при холодномъ произношеніи малограмотнаго. Это случилось ему самому испытать. Обозрѣвая однажды свою эпархію, онъ заѣхалъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ священникъ, желая угодить своему архипастырю, придумалъ прочесть его проповѣдь; но, какъ неученый, читалъ такъ, что трудно было добраться до смысла и узнать себя самому сочинителю. Митрополитъ, по окончаніи проповѣди, спросилъ священника: «какой это дуракъ писалъ?» —«Ваше святѣйшество», отвѣчалъ тотъ простодушно, съ низкимъ поклономъ.

При коронаціи Александра I-го вдохновенное слово Платона возбудило всеобщее удивленіе и восторгъ въ Русскихъ—смысломъ, а въ иностранцахъ—ораторскимъ движеніемъ витіи, который казался не простымъ архіереемъ, но пророкомъ. Когда онъ, читая покаянный псаломъ, кадилъ предстоящихъ, при словахъ: *избави меня отъ кровей,* обратился съ кажденіемъ къ Зубову... Какъ ревностный блюститель церковнаго благочинія, Платонъ не оставался равнодушнымъ, если замѣчалъ во время богослуженія какое либо безчиніе и безпорядокъ. Въ Москвѣ былъ главнокомандующимъ Беклешовъ, человѣкъ умный, справедливый, но вспыльчивый, имѣвшій по дѣламъ службы столкновеніе съ митрополитомъ. Въ одинъ торжественный день онъ былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Платонъ говорилъ проповѣдь, во время которой Беклешовъ заговорился съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга генераломъ. Про-

повѣдникъ замолчалъ. Когда главнокомандующему адъютантъ замѣтилъ объ этомъ, и тотъ прекратилъ разговоръ, Платонъ спросилъ его: «кончили ли вы, ваше высокопревосходительство? а я стану продолжать мое слово». Случилось, при другомъ служеніи въ соборѣ Платона, присутствовать Беклешеву. Преосвященнаго въ алтарѣ прогнѣвалъ протодіаконъ какимъ-то проступкомъ. Платонъ довольно громко выговаривалъ виноватому. Главнокомандующій воспользовался этимъ случаемъ и послалъ къ преосвященному въ алтарь своего адъютанта спросить: «Какъ его высокопревосходительство изволилъ услышать шумъ здѣсь, то приказалъ мнѣ спросить ваше высокопреосвященство, не нужна ли вамъ полиція?»—«Полиція я здѣсь», возразилъ Платонъ, «а онъ съ полиціей на площади».

Раскажу то, что̀ сышалъ отъ моего отца, свидѣтеля событій. Платонъ шелъ служить въ Чудовъ монастырь, гдѣ, при входѣ на стѣнѣ большой образъ страшнаго суда. На этотъ образъ смотрѣла одна графиня. Увидѣвъ митрополита, она обратилась къ нему съ испрошеніемъ благословенія. На вопросъ митрополита: «что̀ она смотритъ на образъ страшнаго суда?»—«Смотрю», отвѣчала, «какъ архіереи идутъ въ адъ». «А вотъ погляди-ка на это», сказалъ владыко, указывая на адскія мученія вольной женщины....

Возвращаюсь къ прежнему. Послѣ Бородинской битвы, Наполеоновскія полчища ближе приближались къ древней столицѣ, а наши войска отступали. Подъ стѣнами ея, въ Филяхъ, на военномъ совѣтѣ, рѣшено главнокомандующимъ Кутузовымъ сдать Москву самонадѣянному и тщеславному врагу. Между тѣмъ въ Москвѣ одни готовились къ отпору, другіе выѣзжали и выходили изъ нея, такъ что она только начинала пустѣть; по улицамъ ея тянулись обозы съ ранеными и умиравшими отъ тяжкихъ ранъ; проходили и наши полки. Разные слухи и толки, одни другимъ противорѣчащіе, и Ростопчинскія афиши приводили Москвичей въ недоумѣніе: колебались между страхомъ и надеждою, не зная, гдѣ спасаться отъ угрожавшей опасности. Уже днемъ съ Поклонной горы была слышна подъ самою Москвой въ непріятельскомъ лагерѣ музыка, а ночью виднѣлись огни. Попечитель Московскаго университета П. И. Кутузовъ далъ было предписаніе чиновникамъ не отлучаться отъ своихъ мѣстъ; но потомъ присланы отъ Ростопчина телѣги, для вывоза казенныхъ вещей въ Нижній и Казань, подъ надзоромъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Занимая должность архиваріуса совѣта, я успѣлъ сохранить протоколы первыхъ годовъ Университета. Трудно описать суматоху и тревогу въ Москвѣ, которая представляла изъ себя позорище какого-то переселенія: всѣ суетились, хлопотали; одни зарывали въ землю, или

опускали въ колодцы свои драгоцѣнности, или прятали ихъ въ потаенныя мѣста въ домахъ; другіе сбирались выѣхать изъ Москвы, не зная еще куда безопаснѣе укрыться отъ враговъ, искали лошадей и ямщиковъ; иные оставались на своихъ мѣстахъ, запасались въ арсеналѣ оружіемъ, или, въ упованіи на Божію помощь, молились. Многіе даже готовились къ грозившей напасти исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ. Разнеслась молва, что непріятели не будутъ касаться казенныхъ мѣстъ. Батюшка все свое, для него дорогое, имущество, въ сундукахъ, свезъ въ кладовую бывшаго на Тверской Университетскаго Благороднаго Пансіона, а ключи взялъ съ собою. У насъ была кибитка и парочка пѣгихъ лошадокъ: вотъ весь дорожный экипажъ, въ которомъ должно было выѣхать ему съ матушкою, со мною и съ племянницей, недавно вышедшей въ замужество. Кучеръ былъ крѣпостной, свой. Надобно кое-что и съ собою взять для дороги. Двухъ лошаденокъ было недостаточно; батюшка не зналъ что̀ дѣлать и крайне безпокоился, какъ вдругъ подъѣхалъ казакъ къ окошку и, показывая на свою лошадь, сказалъ: «Купи, баринъ, будешь доволенъ! Право, конь добрый!» Въ этомъ неожиданномъ случаѣ батюшка увидѣлъ помощь Божію. Онъ скоро сторговался съ казакомъ и, помолясь Богу и простясь съ теплымъ гнѣздомъ своимъ, отправился въ дорогу со слезами, какъ будто заранѣе оплакивая свой домикъ, обреченный на сожженіе. Но куда и къ кому ѣхать? «Поѣдемъ въ Измайлово, къ дѣдушкѣ Ивану Саввичу», сказала плакавшая матушка.

Въ такомъ смущеніи уже настало и Воскресенье, канунъ того рокового Понедѣльника, когда вошли непріятели въ Москву. Я оставался еще дома для исправленія нѣкоторыхъ распоряженій батюшки: вмѣстѣ съ нашими домашними, зарылъ въ саду шкафъ съ книгами, въ футлярѣ свою скрипку и еще кое-что; но не догадался, что съ каланчи смежнаго съ нами съѣзжаго двора виденъ былъ нашъ садъ и всѣ мои дѣйствія. Конечно, съѣзженскіе подумали, что я зарываю какое-нибудь сокровище и, послѣ насъ, тотчасъ разрыли. Раздавъ мѣдныя деньги оставшейся прислугѣ, въ Понедѣльникъ, послѣ обѣда, я побрелъ въ Измайлово.

По дорогѣ встрѣчались мнѣ разнохарактерныя толпы Московскихъ переселенцевъ: одни шли съ семействами грустные и плакавшіе, другіе пьяные куролѣсили и пѣли пѣсни. Прошедши Красный прудъ, я видѣлъ, какъ съ Полеваго двора бросали въ него артиллерійскіе снаряды. На Красной горкѣ (гдѣ при Петрѣ I была построена крѣпостца подъ названіемъ Азова, которую онъ бралъ приступомъ) толпа народа осаждала кабакъ: хватали, вырывали другъ у друга штофы и полштофы слад-

кой и Французской водки; вино изъ разбитыхъ бочекъ ручьями текло вокругъ кабака; мужики, припавъ къ землѣ, глотали изъ лужи вино съ грязью; иные, напившись, лежали безъ чувствъ, въ безобразномъ видѣ. Въ Преображенскомъ, близъ заставы, у кабака представилось мнѣ столь же отвратительное позорище. На заставѣ уже некому было окликать, и шлагбаумъ оставался поднятымъ. Въ Измайловѣ я засталъ у прадѣдушки Ивана Саввича напутственный молебенъ и своихъ родителей; всѣмъ соборомъ молились и прощались со слезами. Каково же было нашему старцу оставить теплое отцовское гнѣздо, свою колыбель? Около его домика собрались провожать Измайловскіе жители. Трогательно было ихъ разставаніе; они цѣловали его, говоря: «прощай, нашъ отецъ и милостивецъ; возвращайся къ намъ скорѣе, живъ и здоровъ!»

Выпивъ и закусивъ, тронулся семейный поѣздъ въ то время, какъ непріятель входилъ въ Кремль: эхо донесло до Измайлова выстрѣлъ вѣстовой пушки. Иванъ Саввичъ, простясь на сельскомъ кладбищѣ съ родными и знакомыми, облобызалъ уголъ родительскаго дома, потомъ перекрестившись сѣлъ съ правнучатами и внукомъ въ старомодную коляску, запряженную парой здоровыхъ коней; за нимъ кибитка съ родственниками, телѣга съ боченкомъ пива, съ бутылями наливокъ и съѣстными припасами: тамъ были домашняго приготовленія окороки копченой ветчины, палатки провѣсной рыбы, кадка меду. Прадѣдушка нашъ держался пословицы: «ѣдешь на день, бери хлѣба на три дня». Кто же зналъ, что надобно было брать хлѣба на сорокъ дней? Тогда-то мнѣ пришли на память пророческія слова старой моей няни, что «Москва будетъ взята на сорокъ часовъ». Въ этомъ поѣздѣ тянулась и кибитка моего батюшки; къ нему я присѣлъ на облучекъ. Ѣхали мы по Остромынкѣ къ Берлюковской пустынѣ, въ которую Иванъ Саввичъ былъ усерднымъ вкладчикомъ. Остановясь на часокъ въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ онъ возобновилъ и украсилъ церковь, успѣли въ напутствіе напиться чаю, потомъ слѣдовали далѣе. Дорóга полна была пѣшими и конными; всѣ спѣшили, но не знали еще навѣрное, гдѣ найдутъ себѣ безопасное пристанище. Между Московскими бѣглецами попадались и матери съ грудными младенцами на рукахъ и съ другими вокругъ нихъ малютками. Какъ я долженъ былъ дорóгою болѣе идти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать, по тѣснотѣ нашего экипажа, то и мнѣ случалось нести на рукахъ усталыхъ малютокъ. Не могу забыть простодушнаго сосѣда съ Троицкой улицы: онъ везъ на себѣ, въ телѣжкѣ, своего стараго и хвораго отца, ухаживая за нимъ, какъ за младенцемъ со всѣмъ радушіемъ и нѣжностію сына, никакъ не воображая, что его подвигъ равнялся подвигу дѣтей верховной жрицы Юноны въ Аргосѣ, Витона и Клеовиса, которые, за недостаткомъ воловъ, привезли свою мать въ храмъ къ назна-

ченному времени: если бъ она не поспѣла въ храмъ, то была бы казнена. Древніе прославили такой подвигъ дѣтской любви мраморными изваніями; этотъ примѣръ выставляли напоказъ и Геродотъ, и Цицеронъ, и Павзаній; почему же намъ умолчать о подобномъ подвигѣ Василья, развѣ только потому, что онъ портной и Русской? Не думайте, чтобъ отецъ Васильевъ требовалъ или желалъ отъ сына такой жертвы, нѣтъ! онъ даже упрашивалъ его, какъ говорилъ мнѣ, со слезами „оставить его въ Москвѣ на волю Божію, а самому спасаться отъ непріятелей». Сколько тогда можно было встрѣтить Москвичей, которые за плечами несли все свое имущество, какое только успѣли и смогли захватить! Дорòгой мы слышали патріотическіе намъ упреки крестьянъ. «Что, продали Москву!» кричали намъ въ встрѣчу и въ слѣдъ, иные даже замахивались на насъ дубинами и грозили кулаками. Если случалось купить въ деревнѣ молока и яицъ для себя, или взять овса и сѣна для лошадей, за все брали втрое и вчетверо. На возраженіе наше отвѣчали: «да вѣдь мы долго ждали такого времени, скоро ли дождемся?» Въ деревняхъ по дорогѣ, набитыхъ постояльцами и ранеными, трудно было найти ночлегъ; многіе ночевали въ лѣсу и у стоговъ сѣна въ полѣ. Бѣгство наше изъ Москвы удостовѣрило насъ, что общее бѣдствіе сближаетъ людей, пробуждая въ нихъ сочувствіе. Дорòгой бѣглецы оказывали другъ другу родственное участіе, радушно помогали одинъ другому, дѣлились чѣмъ кто богатъ былъ, такъ что, казалось, будто всѣ были дѣти одной семьи, всѣ родные.

Наконецъ мы добрались до Берлюковской пустыни, стоящей посреди дремучихъ лѣсовъ, и пріютились въ ея гостиницѣ. Иванъ Саввичъ, какъ вкладчикъ, былъ привѣтливо принятъ строителемъ. Эта пустынь на рѣкѣ Ворѣ, впадающей въ Клязьму, въ 40 верстахъ отъ Москвы, славится чудотворнымъ образомъ Святителя Николая. Бывшая долго въ запустѣніи, она возобновлена въ 1778 году митрополитомъ Платономъ. Но недолго мы гостили въ этой уединенной обители; непріятельскіе мародёры, или какъ называлъ ихъ народъ, *міродеры*, стали появляться въ ея окрестностяхъ, и послышались ружейные выстрѣлы. Подъ предводительствомъ Ивана Саввича, мы поспѣшили къ Махрищскому монастырю, стоящему на устьѣ рѣки Махрища, отъ которой онъ заимствовалъ свое названіе. Разстояніемъ отъ Троицкой Лавры онъ въ 30, а отъ Александрова въ 10 верстахъ; основатель его, современникъ преподобному Сергію, Кіевлянинъ Стефанъ, котораго св. мощи опочиваютъ подъ спудомъ въ церкви, посвященной его имени. Ревнитель иноческаго житія, царь Иванъ Васильевичъ любилъ, жаловалъ эту св. обитель и нерѣдко посѣщалъ ее; разграбленная и разоренная Литвою и Русскими измѣнниками, она возобновлена, по указу царя Михайла

Ѳедоровича, св. архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ и съ того времени приписана къ Троицкому монастырю.

Тамъ мы застали митрополита Платона, привезеннаго на Махру изъ Виѳаніи, когда непріятели появились уже на Троицкой дорогѣ и угрожали самой лаврѣ, гдѣ было только нѣсколько десятковъ казаковъ для летучей почты. Съ Платономъ находились архимандритъ Евгеній, нынѣ архіепископъ, и племянникъ его Иванъ Платоновъ Шумилинъ. Мы пріютились въ монастырской слободкѣ. Когда мы сидѣли грустные въ избѣ, вдругъ отворилась дверь, и двое послушниковъ вошли къ намъ съ блюдами кушанья. «Его святѣйшество», сказали они, обращаясь къ батюшкѣ, «узнавъ о вашемъ сюда пріѣздѣ, изволилъ прислать вамъ три блюда своего кушанья: пирогъ, похлебку и жареную рыбу». Такое участіе и милость митрополита тронули до слезъ моего батюшку и матушку; не помню только, плакалъ ли я. Послѣ узнали, что митрополиту дали знать о пріѣздѣ моего отца передъ самымъ обѣдомъ; столъ былъ накрытъ, и кушанье поставлено. «Несите все къ Михайлѣ Матвѣевичу». Батюшка, послѣ обѣда, ходилъ со мною благодарить его за такое родственное участіе. Первое его слова было: «куда дѣлся злодѣй?» Батюшка, думая, что это относится къ Наполеону, отвѣчалъ: «въ Москвѣ». «Нѣтъ, нѣтъ, я спрашиваю о твоемъ злодѣѣ-кучерѣ». Надобно сказать, что нашъ крѣпостной кучеръ, обокравши насъ, убѣжалъ; въ то время уже разнеслась въ простомъ народѣ пущенная Наполеономъ молва, ко вреду Россіи, что онъ дастъ крѣпостнымъ волю. «А Бонапарту съ ватагою своей», продолжалъ Платонъ съ разстановкою, не сдобровать и въ Сергіевой обители не бывать. Слышь, я вѣдь не велѣлъ убирать тамъ мощей и дрогоцѣнностей. Бонапартъ возстанетъ на святыню, а святыня противъ него. Куда ему устоять!» Потомъ, какъ бы обращаясь на самого себя, сказалъ: «Каковъ же сталъ теперь Платонъ, хуже богадѣленнаго старика!»

Мы слушали въ монастырѣ вечерню. Платонъ стоялъ въ простомъ тепломъ полукафтаньѣ и въ бѣлой шапочкѣ, похожей на клобукъ, у лѣваго крилоса, опершись на палку. Не повторяю здѣсь другихъ подробностой, какія, если кому угодно прочесть, найдутъ въ изданномъ мною жизнеописаніи митрополита Платона. Иванъ Саввичъ также ходилъ къ митрополиту за благословеніемъ. Узнавъ его, преосвященный сказалъ: «Здравствуй, Иванъ Саввичъ; вотъ гдѣ и въ какое время Богъ привелъ мнѣ видѣться съ тобою! Я было тебя обѣщалъ отпѣть, когда умрешь; а видно, тебѣ придется меня помянуть, а не мнѣ тебя отпѣвать». Оба старика, 76 и 96-лѣтній зарыдали. Иванъ Саввичъ палъ въ ноги владыкѣ, но встать самъ не могъ; его подняли.

Одинъ Римскій поэтъ сказалъ: Totam quia vitam miscet dolor et gaudium, т. е. вся жизнь смѣшена изъ печали и радости. И въ разсказѣ мы отъ трогательнаго и печальнаго перейдемъ въ минуту къ забавному и смѣшному, а «отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ» говаривалъ Донъ Кихотъ-покойникъ Наполеонъ I. Мы прежде замѣтили, что Иванъ Саввичъ везъ съ собою порядочный боченокъ съ пивомъ, который поставилъ на сохраненіе въ монастырскій ледникъ. Ему захотѣлось попотчивать имъ владыку, спутниковъ и самому отвѣдать. По его приказанію, притащенъ былъ боченокъ изъ монастыря на квартиру прадѣдушки; предъ раскупоркою позванъ священникъ прочитать установленную на этотъ случай молитву и благословить питіе. Приглашены были родные и знакомые для этого торжественнаго дѣйствія и для вкушенія завѣтнаго напитка. Послѣ молитвы откупоренъ боченокъ; но въ гвоздь ничего не текло: пива уже не было, остались на днѣ только дрожди; оно ушло въ ледъ монастырскаго погреба, какъ объяснилъ казначей.

Иванъ Саввичъ оставался еще на Махрѣ, а батюшка съ нами отправился въ свой родимый городъ Александровъ, достопамятный въ жизни царя Ивана Васильевича и цесаревны Елисаветы Петровны: тамъ въ монастырѣ онъ иночествовалъ съ опричниками, за монастыремъ въ прудѣ топилъ заподозрѣнныхъ имъ въ измѣнѣ, казнилъ виновныхъ; тамъ и дочь Петра I готовилась было къ постриженію, но вскорѣ промѣняла черную одежду монахини на царскую порфиру. Живыя преданія, хотя и занимали мое вниманіе, но мысль стремилась къ Москвѣ; разные слухи, противорѣчившіе одни другимъ, то радовали, то стращали насъ. Мы недоумѣвали, что̀ будетъ съ Москвою, съ Россіею и съ нами самими. Наняли чистенькую и уютную квартиру у Рождественскаго священника Василія Часловскаго, добраго и всѣми гражданами любимаго за его чинное священнослуженіе и ласковое обращеніе. Только не таково было у него дома съ женою и дѣтьми, какъ съ посторонними; возвращаясь домой изъ гостей, онъ иногда цѣлую ночь, сидя въ кухнѣ за столомъ, толковалъ женѣ своей, предъ нимъ раболѣпно стоявшей у печки: что̀ есть любовь? Онъ то и дѣло повторялъ ей такое именно опредѣленіе: «ты не понимаешь, что̀ такое любовь. Любовь есть то, что̀» и болѣе ничего и оканчивалъ фразу ударомъ кулака по столу. Я съ батюшкой перечиталъ у отца Василія всѣ книги, ихъ было очень немного. Въ духѣ патріотическомъ я писалъ молитвы, которыя отецъ Василій читалъ въ церкви, послѣ обѣдни, за молебномъ.

Какъ теперь помню, мимо Александрова проходилъ разрозненный полкъ, искавшій своей дивизіи; у солдатъ ружья были безъ кремней. Въ то время не одинъ былъ такой примѣръ.

Ночью мы съ жителями Александрова выходили на улицу смотрѣть на ужасное зарево съ Московской стороны: небо все пламенѣло; казалось, пламень волновался. Такое поразительное зрѣлище наполняло нашу душу страхомъ и уныніемъ. «Видно, горитъ наша матушка Москва!» повторяли многіе. А тамъ были наши родительскіе домы и въ нихъ наше достояніе, завѣтныя святыни, что̀ называется у Русскаго народа, Божіе милосердіе, библіотечка довольно порядочная. Но насъ не покидала надежда, что, если и сгорѣлъ нашъ домъ въ Троицкой, то, вѣроятно, уцѣлѣли сундуки съ имуществомъ въ кладовой казеннаго дома. Предъ разсвѣтомъ, 11 Октября, съ просонья, намъ показалось, будто что-то грянуло не одинъ разъ, и будто весь покой, гдѣ мы спали, поколебался. Сперва мы приняли это за тревожный сонъ; но сонъ былъ въ руку. Черезъ нѣсколько времени, въ Александровѣ получено извѣстіе, что нашъ священный Кремль взорванъ, зажженная Москва догораетъ, а Французы изъ нея вышли и Богъ знаетъ куда идутъ.

Черезъ нѣсколько дней, съ ключами отъ сундуковъ, батюшка отправился со мною въ Москву, а матушка осталась въ Александровѣ. Пріѣхавъ въ Троицкую лавру, около полудни, мы услышали въ ней 12 ударовъ въ большой колоколъ. На вопросъ нашъ, что̀ значитъ этотъ необыкновенный звонъ и въ необыкновенное время, на постояломъ дворѣ намъ отвѣчали: «Митрополита Платона не стало; онъ скончался въ Виѳаніи». Весь монастырь и посадъ были въ какомъ-то смятеніи; казалось, дѣти лишились своего отца и благодѣтеля. Утѣшенный вѣстью объ изгнаніи враговъ изъ Москвы, Платонъ мирно почилъ въ основанной имъ обители вѣры, благочестія и наукъ, гдѣ ожидали его заранѣе приготовленный имъ себѣ гробъ и могила въ придѣлѣ Воскресенія Лазаря. Батюшка мой ѣздилъ въ Виѳанію поклониться мощамъ преосвященнаго. Покойный уже положенъ былъ въ гробъ, осѣненный херувимами на рипидахъ и покрытый святительскою мантіею. На величавомъ его челѣ выступилъ потъ, румянецъ игралъ у него на лѣвой щекѣ; потомъ лицо закрыто было пеленою. Это самое подтвердилъ мнѣ бывшій при отпѣваніи тѣла маіоръ Павелъ Васильевичъ Головинъ, извѣстный ревнитель вѣры и благочестія, усердный почитатель іерарха. Изъ лавры монахи, посадскіе и Москвичи стеклись въ Виѳанію; гробъ усопшаго окружили плакавшія духовныя особы, родственники и столько постороннихъ, сколько могло вмѣститься въ уютныхъ покояхъ Платона. Батюшка, не дождавшись отпѣванія и похоронъ святителя, поспѣшилъ со мною въ Москву, въ надеждѣ найти свои сундуки цѣлыми. По дорогѣ, отъ Пушкина до древней столицы, мы видѣли разрушительные слѣды враговъ; они порывались было въ Сергіеву обитель; но, какъ гласитъ

народное преданіе, не допущены были невидимою силой. При самомъ въѣздѣ въ Москву, черезъ Крестовскую заставу, мы встрѣтили цѣлый обозъ мертвыхъ тѣлъ; всѣ почти были нагіе, окостенѣвшіе въ разныхъ положеніяхъ: кто лежалъ скорченнымъ, кто съ распростертыми руками, кто облитый запекшеюся кровью, кто съ разможженною головой; въ числѣ ихъ тамъ находились Русскіе, Поляки, Французы, Нѣмцы и Итальянцы; ихъ везли въ Марьину рощу, гдѣ сожигали на кострахъ. По самому пожарищу, гдѣ еще курился навозъ на дворахъ, отъ Креста мы доѣхали до своей Троицкой улицы и едва узнали свое родное попелище. Отъ двухъ красивенькихъ нашихъ домиковъ остались только обгорѣлые каменные фундаменты и печи, а въ кучахъ пепла попался намъ прародительскій образъ Рождества Спасителя и Богоматери въ серебрянномъ окладѣ, картина несенія креста Іисусомъ Христомъ на Голгоѳу и обожженная чайная чашка, которые и до сихъ поръ храню на память 1812 года. Въ саду нашемъ попался намъ раскрытый шкафъ съ книгами и байковая шинель, которая мнѣ пригодилась. Въ каменной палаткѣ у сосѣда пріютилась старая служанка наша Василиса, которая встрѣтила насъ со слезами. Въ подвалѣ обгорѣлаго Троицкаго подворья мы отыскали нашего приходскаго священника Георгія Семеновича Легонина, который при Французахъ не боялся служить въ церкви, сохраненной имъ отъ пожара, даже исправлялъ всѣ требы въ окрестностяхъ, за отсутствіемъ священниковъ. При неожиданномъ свиданіи, старецъ и отецъ бросились одинъ другому въ объятія и заплакали, какъ будто возставшіе изъ мертвыхъ. Въ трапезѣ церкви нашло себѣ пріютъ нѣсколько семействъ, лишенныхъ своего крова. По вступленіи непріятелей въ Москву, долго не горѣла наша мирная и скромная улица. И кто бы подумалъ, что капуста могла быть причиной немаловажныхъ послѣдствій въ 1612 и 1812 годахъ! Назадъ тому два вѣка, по сказанію Маскѣвича, голодные Поляки отняли у Русскихъ кадки кочанной капусты и принялися ее пожирать. Москвичи, узнавъ объ этомъ, нагрянули на оплошныхъ траговъ и побили ихъ *). Тоже почти самое случилось и съ Польскими и съ Французскими мародёрами въ нашемъ приходѣ. На огородѣ они отняли возъ капусты; наши прихожане, собравшись, поколотили ихъ и отбили у нихъ капусту. Непріятели на другой день пришли въ большомъ количествѣ и въ отомщеніе сожгли Троицкую улицу. Загоралась было отъ просвирнина дома даже и самая церковь, но священникъ съ сыномъ ее загасили.

Съ ключами отъ нашихъ сундуковъ мы поѣхали въ сгорѣвшій на Тверской Университетскій Пансіонъ; но тамъ въ подвалахъ нашли толь-

*) Записки Маскѣвича, стр. 115 въ Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, ч. V. Спб. 1834 г. въ 8.

ко свои пустые, разломанные сундуки; пришлось оставить у себя на память одни ключи.

Москва наполнена была смрадомъ, на улицахъ еще валялась конская падаль; вездѣ былъ проѣздъ между обгорѣвшихъ печей, которыя торчали на пожарищахъ; въ подвалахъ домовъ гнѣздились Московскіе жители, лишенные своего крова. Не повторяю того, что̀ было уже описано въ разныхъ и книгахъ и книжкахъ, въ газетахъ и журналахъ о положеніи Москвы по выходѣ изъ нея непріятелей; но замѣчу, что изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній могло бы быть составлено довольно полное описаніе незабвенной годины.

Отъ общаго обращусь къ собственному положенію. Мы остановились въ уцѣлѣвшемъ домѣ нашего сосѣда по Университету, товарища и благопріятеля, Захара Алексѣевича Горюшкина, добросовѣстнаго юриста, который слылъ оракуломъ, потому что многіе прибѣгали къ нему за совѣтами въ тяжебныхъ дѣлахъ. Мимоходомъ замѣчу, что Горюшкинъ, сначала подъячій Сыскнаго Приказа у Калужскихъ воротъ, принялся учиться безъ учителя, изъ книгъ и, даже женатый, твердилъ на постели Русскую грамматику и долго не могъ понять въ первомъ склоненіи примѣра: воевода, воеводы, воеводѣ; вчитывался въ исторію, географію, философію, юриспруденцію и математику, наконецъ собственными усиліями достигъ до званія профессора Русскаго законовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, издалъ систему своей науки и Судебныя Дѣйствія, драгоцѣнныя для Русскихъ юридическихъ древностей.

Въ зданіяхъ Воспитательнаго дома я отыскалъ любимыхъ тетокъ своихъ, Наталью Петровну Семенову и Марью Алексѣевну Струнину; ограбленныя и хворыя, онѣ терпѣли большую нужду. Мнѣ самому какъ-то отрадно было утѣшить ихъ своимъ участіемъ, по мѣрѣ возможности своей. Тяжело было переносить бѣдность Марьѣ Алексѣевнѣ, дочери Переяславскаго воеводы, который далъ за нею, между прочимъ, въ приданое четвертку жемчугу; единственнаго сына своего Ивана Семеновича она пеленала въ шелковыхъ платкахъ; не скажу, соотвѣтствовалъ ли онъ ей своею нѣжностію за ея любовь. Покойница была воплощенною добродѣтелью.

Пробывъ нѣсколько дней въ раззоренной и обгорѣлой Москвѣ, мы съ своими ключами и съ пустыми руками отправились въ Александровъ за матушкою, которая нетерпѣливо насъ ждала, боясь, чтобы дорогой съ нами чего не сдѣлалось въ тогдашней суматохѣ. Цѣлыми обозами мужики пріѣзжали въ Москву обирать то, чего не успѣли или не могли

ограбить непріятели: они увозили зеркала, люстры, картины, книги, богатыя мебели, фортепіаны, словомъ все тащили, что̀ только попадалось имъ на глаза и въ руки, и все почти дорогой везли расколотое, разбитое, испорченное отъ неумѣнья сберегать. Отъ многихъ мнѣ привелось слышать, что награбившіе, большею частію, оканчивали жизнь свою въ нищетѣ и пьянствѣ.

Вскорѣ изъ Александрова батюшка съ матушкою и со мною переѣхалъ въ Москву; начальство отвело ему квартиру въ старомъ домѣ университетскаго ботаническаго сада.

Между тѣмъ вождь въ бѣгствѣ нашемъ, Иванъ Саввичъ Брыкинъ возвратился въ свое Измайловское гнѣздо. Онъ навѣстилъ батюшку на его новосельѣ. У насъ не было въ квартирѣ ни мебели, ни посуды. Добрый Петръ Михайловичь Дружининъ, директоръ 1-й Московской гимназіи, радушно снабдилъ насъ тѣмъ и другимъ. Онъ первый возобновилъ изданіе Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ и я былъ участникомъ. Появленіе ихъ въ Московскомъ мірѣ имѣло отрадное вліяніе на его жителей; печаталось все, что̀ тогда особенно интересовало: реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, описанія торжествъ, патріотическія слова Августина. Все это читалось съ жаднымъ любопытствомъ и живымъ участіемъ. Московскія Вѣдомости служили органомъ правительства и публики.

Но возвратимся къ Ивану Саввичу, съ котораго я началъ свои воспоминанія объ Измайловѣ. Заставъ свой домикъ и весь обиходъ разстроеннымъ и ограбленнымъ, то Французами, то крестьянами, онъ скоро привелъ его въ прежнее устройство. Его Калина Кузмичъ сталъ варить пивцо, на которое тогда еще не налагалось большой пошлины. По своему обѣщанію, Иванъ Саввичъ ѣздилъ въ Виѳанію отслужить панихиду на гробѣ митрополита Платона. Жизнь нашего маститаго старца текла заведеннымъ порядкомъ, мирно и тихо, или, какъ онъ говаривалъ: «ни шатко, ни валко, ни на сторону». Обыкновенно утро онъ начиналъ, а день оканчивалъ молитвою; кромѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, читалъ акаѳисты Іисусу Христу и Божіей Матери, большею частію наизустъ, поминалъ за здравіе живущихъ и за упокой усопшихъ родныхъ, друзей, благодѣтелей, начальниковъ, даже враговъ; однихъ духовныхъ отцовъ было у него въ теченіе жизни до 70. Остальное время дня проводилъ онъ въ занятіяхъ хозяйствомъ своимъ: каждый почти день заглянетъ въ свою пивоварню, въ садъ, въ огородъ, пчельникъ, въ конюшню и коровникъ; посидитъ въ своемъ райкѣ (такъ называлась у него бесѣдка въ саду, украшенная картинами). Если что

найдется нъ непорядкѣ, пожуритъ своихъ слугъ. Картъ у него и въ заводѣ не было; онъ умѣлъ и безъ нихъ занимать своихъ гостей. Доступъ къ нему былъ всѣмъ открытъ; онъ не зналъ долговъ; языкъ его не осквернялся ложью и лестью, ни клятвой, ни срамословіемъ. Слово его было твердо и дѣйственно. Поссорится ли кто съ кѣмъ въ селѣ, встрѣтится ли въ чемъ у кого недоумѣніе, идутъ на судъ и на совѣтъ къ Ивану Саввичу, который имѣлъ сильное нравственное вліяніе на жителей Измайлова: его слушались какъ начальника, любили какъ отца; по опытности и смѣтливости своей онъ умѣлъ говорить и обходиться съ крестьянами, иногда ласкою, иногда и грозою, по своей пословицѣ: «хорошо и честь и гроза». При немъ въ Измайловѣ не было ни одного кабака; а теперь, недавно я видѣлъ, и самый скромный его домикъ обращенъ въ кабакъ: въ сѣняхъ и на крыльцѣ валялись мертвецки пьяные.

Крѣпость сложенія, правильный образъ жизни, воздержаніе въ пищѣ надѣлили его здоровьемъ. Если иногда въ пріятельскомъ кругу и позволялъ онъ себѣ излишество; то, не читавъ Гуфланда, по своему разсужденію, слѣдовалъ его мнѣнію, что, для произведенія полезнаго переворота въ тѣлѣ, надобно хоть разъ въ мѣсяцъ напиться. Такого правила держались и другіе Нѣмецкіе врачи, а Русскіе съ успѣхомъ перенимали у нихъ. Но прадѣдъ не охотникъ былъ лечиться у докторовъ; «аптека», говаривалъ онъ, «убавитъ вѣка». Какъ его безпокоилъ песокъ въ почкахъ, то употреблялъ рѣдьку; мята помогала ему въ боли желудка; оть гемороя рябина и почечуйная трава, а болѣе всего лечился постомъ.

Переступивъ за девяносто, онъ сильнѣе началъ чувствовать недуги старости; у него сталъ образоваться на глазахъ катарактъ, такъ что онъ не могъ и въ очкахъ читать и писать; тягостно и скучно стало ему, и онъ рѣшился ввѣрить себя доктору хирургіи Ѳедору Андреевичу Гильдебракту. Этотъ славный въ свое время операторъ, къ удивленію врачей, счастливо снялъ у него катарактъ, такъ что Иванъ Саввичъ до самой смерти пользовался зрѣніемъ, читалъ и писалъ.

Какъ-то сильно онъ захворалъ, слегъ въ постелю и, чувствуя разслабленіе во всемъ тѣлѣ, прибѣгъ къ духовному врачеству: исповѣди, причащенію Св. Таинъ и елеосвященію. Повидимому, къ нему уже приходилъ послѣдній часъ, къ которому и самъ давно готовился съ живою вѣрою въ Искупителя и съ твердою надеждою на Его милосердіе. Въ то время, какъ его домашніе заботились о поминкахъ, старецъ нашъ спокойно лежитъ въ своей горенкѣ, творя про себя молитвы. Наконецъ, послѣ нѣкотораго времени, онъ всталъ, отворилъ клюкою дверь въ сѣни,

гдѣ былъ чуланъ, наполненный икрой, рыбою и кулебами (это было въ постъ) для поминокъ, и не на шутку разсердился. По разсчетливости своей, доходившей до скупоств, онъ, казалось, не столько боялся смерти, къ которой давно готовился, сколько расточительности и мотовства своихъ наслѣдниковъ. Чтобы скрыть отъ него траты, которыя легко могли показаться ему излишними, они уменьшали цѣну покупокъ: купятъ за 5 р., а скажутъ за 1 рубль, а тамъ уже наверстываютъ расходы. Увидѣвъ такое множество покупокъ и предполагая, что на нихъ много потрачено денегъ, онъ закричалъ: «Ахъ, вы расточители, маркотратцы! При мнѣ еще вы мытарите мои денежки, которыя я столько лѣтъ честными трудами наживалъ; что же будетъ у васъ безъ меня?» При этомъ восклицаніи, попался ему на глаза въ сѣняхъ правнучекъ, который отвѣдалъ дѣдушкина костыля.

Не за долго предъ смертію его, случился съ нимъ рѣдкій въ лѣтописяхъ медицины припадокъ, который онъ называлъ дьявольскимъ навожденіемъ. Не одно старческое его воображеніе разыгралось отъ избытка тѣлесныхъ силъ, сбереженныхъ въ запасъ цѣломудренною юностью и честнымъ вдовствомъ; не однимъ воображеніемъ, но и самымъ дѣломъ онъ дошелъ до того, что, какъ самъ говорилъ, «стерпѣть не могъ демонскаго стрѣлянія». Прадѣдушка влюбился въ какую-то 40-лѣтнюю вдову и хотѣлъ жениться на ней. Внучата его испугались и уговорили его оставить это намѣреніе.

Отъ прадѣдушки обращусь къ батюшкѣ. По возвращеніи въ Москву, онъ на пожарищѣ своего дома выстроилъ погребъ и конюшню, потомъ, вмѣсто двухъ флигелей, порядочный домикъ съ мезониномъ. Это стоило ему многихъ трудовъ и заботъ; стараясь купить лѣсъ на строеніе подешевле, онъ въ грязь и слякость самъ ходилъ въ лѣсной рядъ и на рынокъ, хлопоталъ на стройкѣ. Тутъ онъ простудился, чахотка закралась ему въ грудь, онъ часто кашлялъ и видимо таялъ. Я при немъ былъ уже магистромъ, въ Университетѣ преподавалъ лекціи о Латинскомъ языкѣ, въ Воспитательномъ домѣ уроки о Русской словесности, занимался переводами съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ; Обществомъ Любителей Россійской Словесности, подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, принятъ былъ соревнователемъ. Въ Антонскомъ я нашелъ себѣ покровителя, который поощрялъ меня упражняться въ литературѣ. Опыты моихъ трудовъ читаны были въ публичныхъ собраніяхъ общества. Но батюшкѣ было годъ отъ году хуже, болѣзнь развивалась; уже онъ не могъ вставать съ постели, въ которой однакожъ читалъ и подписывалъ казенныя бумаги, присылаемыя изъ Университета. Лечилъ его докторъ Ромодановскій, который, все на

веселѣ, шутилъ его болѣзнію; но я, видя, что дѣло идетъ не на шутку, пригласилъ доктора Ѳ. А. Гильдебранта, который совѣтовалъ мнѣ приготовлять себя къ потерѣ отца, а его къ смерти. Не могу представить себѣ, какъ мнѣ и матушкѣ было тяжко. Я даже приходилъ въ отчаяніе; но батюшка былъ спокоенъ, позвалъ къ себѣ гробовщиковъ и самъ съ ними торговался, записывая на листѣ бумаги все, что̀ нужно для своихъ похоронъ. «Мнѣ нѣтъ нужды, хотя бы меня въ рогожѣ бросили въ навозъ; но что̀ скажутъ о женѣ и сынѣ, если они меня похоронятъ кое-какъ?» молвилъ онъ гробовщикамъ. У него сдѣлалось предсмертное иканіе, его душила клейкая мокрота. Отдавъ матушкѣ бумажникъ съ небольшою суммою денегъ, приготовленною на похороны, рано утромъ велѣлъ мнѣ подать себѣ часы, посмотрѣвъ на нихъ, пальцемъ указалъ на 6-й часъ: то былъ часъ его кончины. На предложеніе матушки исповѣдаться и причаститься, отвѣчалъ: «Погодите, дайте мнѣ приготовиться; самъ скажу, когда надобно будетъ.» Между тѣмъ позвалъ къ себѣ церковнаго старосту нашей приходской церкви И. І. Демидова и просилъ заняться его похоронами. «Знаю, что женѣ и сыну будетъ не до того; мнѣ съ ними, а имъ со мною тяжело будетъ разставаться. Поусердствуйте имъ, ради Бога, схоронить меня». Наконецъ онъ громко сказалъ: «Готовъ, готовъ, пошлите за священникомъ». Послѣ исповѣди и причащенія, его соборовалъ почтенный Адріановскій протоіерей Матвѣй Николаевичъ. При чтеніи послѣдняго Евангелія, батюшка ухватился за него рукою и такъ скончался. Это случилось 16 Іюня 1821 года. Гробъ съ его тѣломъ несли профессоры до приходской церкви, а послѣ отпѣванія студенты до Лазарева кладбища. Съ такою твердостію духа, какъ христіанинъ, встрѣтилъ смерть свою добрый родитель мой; его оплакивали не одни родные, но и посторонніе, которымъ онъ былъ не чужимъ, по природной своей благотворительности. Сколько пристроено имъ было вдовъ и сиротъ! Предъ смертію своей, онъ сжегъ кипы просьбъ и просительныхъ писемъ, сочиненныхъ имъ безкорыстно для вдовъ и сиротъ. Богъ благословлялъ успѣхомъ его ходатайства. На батюшкѣ осталось до двухъ тысячъ ассигнаціями долга. Богъ помогъ мнѣ развязать его душу, какъ онъ всегда желалъ. Нѣкто изъ знакомыхъ мнѣ сказалъ: «Право, вашего батюшку нельзя похвалить за то, что имѣлъ столько случаевъ нажиться и не нажился»; но, не упуская сдѣлать по возможности добро ближнему, онъ, какъ написалъ объ немъ Мерзляковъ въ эпитафіи:

„И въ скудномъ жребіи богатъ для бѣдныхъ былъ“.

Наружность отца моего не соотвѣтствовала его внутренности; просившимъ его не льстилъ, не водилъ обѣщаніями и обнадеживаніями,

но дѣлалъ по крайней своей возможности, съ усердіемъ; чуждался благодарности, даже отрекался отъ собственныхъ дѣлъ своихъ. Профессоръ Сандуновъ записывалъ въ особую книгу замѣчательныя кончины разныхъ ему извѣстныхъ людей. Не знаю, куда дѣвалась, послѣ его смерти, эта любопытная во многихъ отношеніяхъ книга? Она могла бы быть матеріаломъ для предсмертной психологіи: въ послѣднихъ часахъ жизни человѣческой разительнѣе высказывается душа, освобождаемая отъ узъ тѣла, при таинственномъ переходѣ изъ одного міра въ другой. Вотъ почему даютъ особенную важность и значеніе предсмертнымъ словамъ и самымъ мановеніямъ. Если бъ Сандуновъ слышалъ и видѣлъ кончину моего прадѣда Ивана Саввича Брыкина и отца, навѣрное вписалъ бы ее въ свою книгу.

Не за долго до блаженной кончины прадѣдушки, я его посѣтилъ съ сенаторомъ Малиновскимъ и присутствовалъ съ матушкой при кончинѣ и погребеніи Измайловскаго старожила. Чувствуя близость смерти, онъ не рѣдко очищалъ душу свою покаяніемъ, освящая ее таинствомъ причащенія; духа не погашалъ въ себѣ и не терялъ ни памяти, ни соображенія. По его желанію, положены были ему на грудь жалованный Петромъ I рублевикъ и письма митрополита Платона, съ которыми онъ не хотѣлъ разставаться въ гробѣ и могилѣ. Къ предсмертной его постели приходили прощаться съ нимъ Измайловскіе жители; живши съ ними такъ долго, онъ всякаго помнилъ и узнавалъ, называя по имени и отчеству, почти каждому давалъ соотвѣтственныя наставленія, однихъ журилъ, другихъ утѣшалъ или привѣтствовалъ; словомъ, едва ли кого оставилъ безъ вниманія. Его предсмертное прощаніе представляло умилительное и назидательное зрѣлище. съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчательный примѣръ силы и присутствія духа, готоваго уже оставить дряхлое тѣло. Наступилъ день ангела Ивана Саввича, Св. Іоанна, Списателя Лѣствицы: то было 30 Марта. Выслушавъ молебенъ тезоименитому себѣ Святому и отходную, больной осязательно ощутилъ приближеніе смерти. «Вотъ она въ ногахъ, вотъ въ колѣняхъ», говорилъ онъ, «вотъ и въ животѣ, идетъ къ груди; дайте мнѣ Богоявленской воды», прихлебнувъ, молвилъ: «охъ, я думалъ, что легче умирать; простите; Господи, помилуй!» Послѣднее слово замкнуло его уста; скрестивъ руки на груди, потянулся, тихо вздохнулъ, и этотъ вздохъ былъ послѣдній въ его жизни. Всѣ предстоявшіе зарыдали.

*

Всякій разъ, какъ прохожу мимо стараго нашего Университета (а я смотрю на него безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ, отъ дѣтства до старости) всякій, разъ пробуждаются близкія сердцу моему воспоминанія и чувствованія: здѣсь были первые мои учители и товарищи моихъ дѣт-

скихъ лѣтъ, но гдѣ они? Здѣсь развивались мои понятія, здѣсь душа моя принимала первыя впечатлѣнія отъ окружавшихъ меня, и онѣ остались на всю жизнь; здѣсь я учился, училъ и служилъ. Къ Университету обращаюсь съ такимъ же чувствомъ съ какимъ обращался къ своей колыбели. Кто безъ сердечнаго участія смотритъ на тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями нашего дѣтства и юности? Онѣ оживляютъ въ памяти нашей близкихъ намъ людей, которые дѣлили съ нами мысли и чувства, тѣ событія, въ которыхъ мы принимали участіе и сочувствовали имъ. Отнимите это воспоминаніе отъ жизни, вы разорвете живую связь прошедшаго съ настоящимъ, опустошите сердце. Довольна ли будетъ оторванная отъ прошедшаго жизнь однимъ настоящимъ, насущнымъ?

Переходъ ребенка изъ родительскаго дома, изъ семейнаго круга въ Университетъ, важная эпоха въ жизни. Таковъ казался мнѣ и мой переходъ въ Университетскую Гимназію не задолго до преобразованія Университета 1804 года. Тогда она помѣщалась въ верхнихъ этажахъ стараго зданія, построеннаго архитекторомъ Казаковымъ. Ученики раздѣлялись на казенныхъ и своекоштныхъ; къ послѣднимъ и я принадлежалъ. Первые носили сюртуки изъ верблюжьяго сукна, на подкладкѣ изъ зеленаго стамеда; послѣдніе не подчинялись особенной формѣ: кто ходилъ въ сюртукѣ, кто въ курткѣ, кто въ шинели. Классы были утренніе и послѣобѣденные; за порядкомъ въ нихъ смотрѣли педели и дежурные офицеры. Тогда я засталъ директоромъ *И. П. Тургенева*, инспекторомъ *П. И. Страхова*.

Изъ Троицкой улицы на Самотекѣ каждый день, кромѣ Суботы, я хаживалъ пѣшкомъ съ узелкомъ книгъ и тетрадокъ на утренніе и вечерніе классы, т. е. верстъ восемь въ день. У отца моего было три хорошія лошади и двое дрожекъ; но онъ мнѣ не давалъ ѣздить, пріучая меня ходить пѣшкомъ, за что я и теперь благодаренъ ему. Только въ дурную погоду, иногда я получалъ пятакъ, за которой можно было на волочкѣ съ фартукомъ пріѣхать въ Университетъ. Обыкновенный мой путь лежалъ канавой, обложенной дикимъ камнемъ. Какъ въ дождливое время по обѣ стороны канавы была непроходимая грязь, то я пробирался по камнямъ. Канава вела на каменный Кузнецкій мостъ, на который надобно было всходить ступеней пятнадцать, подъ арками. Теперь все это сравнено, такъ что и слѣду нѣтъ арокъ и ступенчатой лѣстницы, на которой сиживали нищіе и торговки съ моченымъ горохомъ, разварными яблоками и сосульками изъ сухарнаго тѣста съ медомъ, сбитнемъ и медовымъ квасомъ, предметами лакомства прохожихъ. (Лакомство это стоило денежекъ и полушекъ).

Въ Гимназіи первымъ моимъ учителемъ былъ старикъ Французъ

Лере, который училъ Французскому языку и заставлялъ насъ твердить наизустъ вокабулы и разговоры, коверкая Русскія слова. Кто нетвердо выучивалъ урокъ, или шалилъ въ классѣ, тому давалась въ лобъ кокура; чтобы избавиться отъ наказанія, оставлявшаго шишки на лбу, ученики выдумывали разныя извѣстія, напр. «Слышали ль вы, г. Лере, что Французы Русскихъ побили?»—А гдѣ вы это читали?» Кто скажетъ въ Рязанскихъ, кто въ Тульскихъ газетахъ.—А для чего нѣтъ этого въ Московскихъ?—«Нарочно, мусье, скрываютъ: стыдно вѣдь нашимъ». И простосердечный Французъ былъ очень доволенъ этимъ и не спрашивалъ урока у нувелистовъ. Зимой онъ сиживалъ на стулѣ, въ шубѣ, спустя ея рукава, да и жилъ и училъ онъ, какъ говорится «спустя рукава». Ученики, стоя позади его, ножечкомъ распарывали ему по швамъ шубу. Лери вскакивалъ со стула, бѣсился, кидался на учениковъ съ кокурами; но мальчики разбѣгались.

Первый классъ Русской грамматики и ариѳметики занималъ *Сивковъ*, сухопарый, суровый старикъ, высокаго роста, съ длинной косою и въ черномъ фракѣ; онъ безпрестанно моргалъ глазами. Хотя боялись его палей и розогъ, на которые онъ не скупился; но изъ корридора въ двери то и дѣло ему кричали чужаки (такъ назывались тогда приходившіе изъ другихъ классовъ): сивка бурка, вѣщая каурка. Этихъ шалуновъ, запыхаясь, онъ ловилъ; кого поймаетъ, тому жутко доставалось: велитъ сторожамъ растянуть виноватаго на скамейкѣ и такъ отпоретъ, что небу жарко, или вздуетъ палями ладони, или поставитъ на колѣни на горохъ. Но все это не унимало шалуновъ, которые и на провожаньи его по лѣстницѣ кричали ненавистный для бѣднаго Сивкова возгласъ: сивка, бурка, и умолкали только при появленіи дежурнаго офицера или инспектора.

Во время ваканціи, начальство посылало профессоровъ на ревизію подвѣдомственныхъ Университету училищъ; въ 1805 году отецъ мой ѣздилъ во Владиміръ для открытія тамъ гимназіи. Я сопровождалъ его въ родѣ секретаря. Тогда тамъ губернаторомъ былъ питомецъ Университета *князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій*, а архіереемъ *Ксенофонтъ Троепольскій*. Одинъ, какъ поэтъ, славился любовію своей къ изящнымъ искусствамъ, прекрасному полу и увеселеніямъ; другой гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, великолѣпіемъ служенія и хоромъ пѣвчихъ. Губернаторъ, по случаю открытія гимназіи, устроилъ блистательное торжество; отецъ мой, какъ визитаторъ, въ собраніи сказалъ рѣчь, губернаторъ стихотвореніе свое. Хоръ пѣвчихъ и оркестръ музыки украсили это торжество, довершенное роскошнымъ обѣдомъ и затѣйливою иллюминаціей. Это былъ праздникъ для всего города; не доставало только

пушечной пальбы и фейерверка*). Кажется, никогда не можетъ изгладиться впечатлѣніе, какое произвело на меня торжественное служеніе Ксенофонта въ древнемъ Владимирскомъ соборѣ. Стройное и величественное пѣніе настраивало душу ребенка къ благоговѣйному восторгу. До сихъ поръ я не слыхивалъ такого огромнаго баса, каковъ былъ Ѳедоръ Петровъ, который голосомъ своимъ покрывалъ хорошо подобранные голоса многочисленнаго хора. Чтеніе соотвѣтствовало пѣнію, все по камертону; самое священнодѣйствіе—словамъ литургіи, особенно въ возгласахъ. У преосвященнаго, за сытнымъ обѣдомъ, въ пространныхъ архіерейскихъ покояхъ, посреди плодоваго сада, пѣли концерты и канты съ инструментальною музыкой.

Возвратясь изъ поѣздки нашей къ классическимъ занятіямъ, я поступилъ къ другимъ учителямъ; скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Латинскій языкъ преподавалъ намъ *Тростинъ* по своему учебнику, который мы зубрили наизусть; склоненія, спряженія и неправильные глаголы твердо знали, переводили мало. Въ классѣ у него были аудиторы, которые, облегчая труды учителя, давали ему время сходиться на бесѣду въ корридорѣ съ другими учителями. Тогда на стражѣ ставили одного ученика смотрѣть, не пойдетъ ли по классамъ инспекторъ.

Русской грамматикѣ училъ *Кичеевъ*, рослый, толстый и осанистый мужчина, лѣтъ около 50; онъ былъ грозою учениковъ, которые въ классѣ у него сидѣли тихо и смирно, боялись не палей и розогъ, но его взгляда и слòва; даже другіе учителя призывали его для усмиренія шалуновъ. Онъ считался знатокомъ грамматики.

Французскому языку я учился у *Побѣдоносцева* и *Перелогова;* оба они извѣстны учеными трудами своими, одинъ переводами съ Французскаго на Русскій, также изданіемъ журнала, другой сочиненіемъ Французской грамматики, которую одинъ Французъ, перепечатавъ, выдалъ за свою. Оба они знали основательно Французскій языкъ, но не усвоили себѣ Французскаго произношенія; со всѣмъ тѣмъ были полезными преподавателями. Синтаксисъ послѣдняго показываетъ глубокое изученіе Французскаго языка. Товарищами моими были: *И. И. Давыдовъ, А. П. Боровковъ* и *А. И. Красовскій*, впослѣдствіи сенаторы. Давыдовъ, по ученію и дарованіямъ, былъ между нами первый.

---

*) Подробности см. въ сочиненіи *М. А. Дмитріева:* Князь И. М. Долгорукій. М. 1863. стр. 62 и д. П. Б.

Чаще всѣхъ учителей гимназіи призывалъ къ себѣ въ классъ Кичеева, для усмиренія буйныхъ, преподаватель Латинскаго языка и знатокъ Греческаго, богословъ и археологъ, сочинитель извѣстнаго и доселѣ незамѣнимаго толкованія на литургію *Иванъ Ивановичъ Дмитревскій*. Онъ преподавалъ Латинскій синтаксисъ, переводилъ съ учениками Федра и Корнелія Непота. Какъ станетъ спрашивать урокъ, то одинъ ученикъ встаетъ послѣ другого, поднявъ къ верху руку и говоря: «Иванъ Ивановичъ, я знаю лучше». Такъ обойдетъ весь классъ, а урока не спроситъ. Памятна мнѣ эта личность своею наружностію. Онъ сохранилъ типъ семинариста; средняго роста, съ старомодною прическою и длинною косой, носилъ тафтяный кафтанъ, весь масляный отъ блиновъ, которые любилъ ѣсть, штаны съ мѣдными шлифными пряжками, неуклюжіе башмаки съ заплатами. Случалось, что, снявъ со столовъ доски и на обратной ихъ сторонѣ намалевавъ чернилами и мѣломъ чертей, которыхъ Иванъ Ивановичъ очень боялся, разставляли ихъ по стѣнкамъ, а сдѣлавъ изъ булокъ родъ свѣчей къ нимъ прилѣпливали. Такое позорище пугало его, а онъ приказывалъ нести на показъ инспектору Страхову. Весь классъ несъ черезъ дворъ изъ одного флигеля въ другой такія доски съ пѣніемъ, въ предшествіи учителя, котораго шляпу несли на подушкѣ. Благоразумный и благородный Петръ Ивановичъ *), сдѣлавъ скромно замѣчаніе учителю, а ученикамъ выговоръ, отсылалъ всю процессію назадъ; потому что въ этомъ находилъ не бунтъ и мятежъ, но ребяческую шалость и учительскую слабость. По простотѣ и добротѣ Иванъ Ивановичъ былъ ребенокъ, а по своимъ познаніямъ и трудамъ мужъ, достойный уваженія. Надобно замѣтить, что тогда между учеными велось какое-то юродство въ странности обхожденія, въ небрежности платья и въ образѣ жизни. Казалось, они этимъ щеголяли другъ передъ другомъ и хотѣли отличаться отъ неученыхъ.

Мѣсто Дмитревскаго заступилъ *Романъ Өедоровичъ Тимковскій*, составлявшій рѣзкую противоположность съ Дмитревскимъ. Знатокъ Еллинскаго и Латинскаго языковъ, молодой человѣкъ, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, онъ умѣлъ внушить своимъ ученикамъ уваженіе и привязанность къ себѣ; его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили всякое его слово. Тотъ же предметъ преподавалъ намъ многоученый и трудолюбивый, но не даровитый *Ивашковскій*, издатель большаго Греко-русскаго и Латинскаго словарей, переводчикъ многихъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, коротко ему знакомыхъ.

Я было еще пропустилъ строгаго учителя исторіи и географіи *Михаила Григорьевича Падерина*. Въ классѣ его нерѣдко производилаэь

*) Т. е. инспекторъ Страховъ. П. Б.

экзекуція, а въ корридорахъ атаки на него: стучали въ двери, подкладывали полѣнья и т. п. Толстенькой и низенькой старичекъ, съ палею въ рукахъ, гонялся за дерзкими шалунами по корридору; когда кого поймаетъ, то жутко доставалось ушамъ и ладонямъ. Такая ловля нерѣдко останавливала преподаваніе.

Лѣтнею порою, когда открывались окна въ классахъ и ученическихъ комнатахъ, часто и по долгу слышались жалобные стоны и болѣзненные крики: по Субботамъ бывала расправа съ лѣнивцами, шалунами и нарушителями порядка, которые нескоро забывали это отеческое исправленіе. Въ духѣ того времени такія мѣры употреблялъ эфоръ казенныхъ учениковъ *Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ*, человѣкъ впрочемъ, по своимъ познаніямъ и трудамъ, почтенный, знатокъ Нѣмецкаго языка, сочинитель его грамматики, которая въ свое время почиталась лучшею, лексикона Русско-нѣмецко-французско-итальянскаго, по которому учился Шлёцеръ Русскому языку, издатель Политическаго Журнала. Метода сѣченія въ училищахъ не только свѣтскихъ, но еще болѣе въ духовныхъ, тогда была общеупотребительная. Она входила въ кругъ преподаванія и въ занятія учителей. Насколько она была полезна, можно судить по опытамъ. Намъ привелось слыхать благодарность отъ испытавшихъ ее въ школѣ. Такъ расходятся понятія одного вѣка съ понятіями другого!

Отъ предметовъ ученія и учителей перейдемъ къ потѣхамъ народнымъ, которые привлекали вниманіе, только не участіе наше, въ часы свободные отъ классовъ: это были кулачные бои на Неглинной, которые я любилъ смотрѣть съ ровесниками только издали. Тамъ сходились бурсаки Духовной Академіи и студенты Университета, стѣна на стѣну: начинали маленькіе, кончали большіе. Университантамъ помогали Неглинскіе лоскутники. Когда первые одолѣвали, то гнали бурсаковъ до самой Академіи *). Народу стекалось множество; восклицанія сопровождали побѣдителей, которые нерѣдко оставляли поприще свое, по старой пословицѣ *наша взяла, а рыло въ крови:* у одного подъ глазами ставилось сто фонарей, другой не досчитывался зубовъ и т. д.

Пристрастясь къ музыкѣ, я учился на скрипкѣ; но надо мною сбылась пословица: «охота смертная, да участь горькая». Объ успѣхахъ моихъ въ танцованьѣ можно судить по отзыву учителя-Итальянца: «Русской медвѣдь». Но въ каллиграфіи я былъ чуть не первымъ ученикомъ, и отецъ мой, любя ее, поощрялъ меня въ этомъ, давалъ мнѣ переписывать письма и дѣловыя бумаги; это мнѣ впослѣдствіи пригодилось и чуть ли не повадило меня къ многописанію, отъ котораго и до сихъ

*) Славяно-греко-латинской, что была на Никольской улицѣ. П. Б.

поръ не могу совершенно вылечиться. Въ Университетѣ тогда щеголяли краснописаніемъ. Въ кругъ школьныхъ занятій входило списываніе учительскихъ тетрадокъ и даже печатныхъ книгъ, которыя бывали рѣдки, такъ что иные списывали цѣлые лексиконы. Тогда держались правила: «Кто пишетъ, тотъ дважды читаетъ».

Кажется, въ 1807 году я вступилъ въ Университетъ студентомъ, съ дѣтскимъ восхищеніемъ надѣлъ студенческій мундиръ, трехуголку и привѣсилъ шпагу, которую клалъ съ собою на постель. Мое торжество раздѣляли со мною матушка и бабушка. Мнѣ казалось, что не только родные и сосѣди, но и встрѣчные и поперечные заглядывались на мою шпагу, а что̀ болѣе льстило моему ребяческому тщеславію, будочники и солдаты отдавали мнѣ честь. Конечно, это мечта; но кто не захотѣлъ бы ее воротить, а съ нею и лѣта юности, когда сама природа насъ привѣтствуетъ своею материнскою улыбкою, когда сердце свободнѣе и шире бьется, когда радуетъ насъ бездѣлка? Но все промчалось какъ утренній сонъ: не умираетъ только воспоминаніе.

Скажу нѣсколько словъ о первомъ ректорѣ Университета *Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ*, почтенномъ и сановитомъ старцѣ, ученѣйшемъ профессорѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина, бывшемъ въ тискахъ у Шишковскаго, но странномъ и причудливомъ въ обращеніи. Знаменитый Шлёцеръ называлъ Чеботарева «своимъ руководителемъ въ Русской исторіи». Каково же было мое удивленіе, когда я его встрѣтилъ въ классахъ въ одномъ нижнемъ платьѣ и въ короткомъ плащѣ безъ воротника, съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, съ плюмажною шляпою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни пуклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставѣ и въ походкѣ его выражалась самоувѣренность. Всѣмъ онъ говорилъ *ты*; зная его, никто на это не сердился. Обхожденіе его могло показаться грубымъ, если бы оно не было выраженіемъ добродушія; почти всѣхъ онъ называлъ по имени, а не по отчеству, говорилъ отрывисто, но когда былъ въ ударѣ, или по нынѣшнему въ духѣ, рѣчь его лилась рѣкою. Новое поколѣніе едва ли повѣритъ, что никто, при видѣ Харитона Андреевича, не смѣлъ улыбнуться, а тѣмъ паче засмѣяться и зашикать. Такъ уважали его! Правда, тогда не издавались ни *Искра*, ни *Развлеченіе*, ни *Заноза* и т. п.

Другая близкая мнѣ личность былъ профессоръ философіи, товарищъ и другъ моего отца, *Андрей Михайловичъ Брянцовъ*. Маленькій ростомъ и неуклюжій, старый холостякъ носилъ длинную косу и старомодный кафтанъ съ большими пуговицами; онъ ни съ кѣмъ не переписывался,

не дѣлалъ форменныхъ визитовъ. Послѣ ученыхъ трудовъ, проходилъ ежедневно извѣстное пространство отъ университетской квартиры до города, а по праздникамъ его всегда можно было увидать съ другомъ его Страховымъ въ Успенскомъ соборѣ у лѣваго столба, слушающимъ литургію или всенощную, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ. Безукоризненная одинокая жизнь его украшалась благочестіемъ и добродѣтелію: онъ былъ не по имени, а по дѣламъ философъ христіанскій. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, проникнутый Священнымъ Писаніемъ, онъ не оставлялъ изучать философовъ Англіи, Германіи и Франціи, но изучалъ съ убѣжденіемъ Бакона, что «поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ». Не могу вполнѣ высказать моей благодарности Андрею Михайловичу; я обязанъ ему многими свѣдѣніями и указаніями. Заходя къ нему послѣ классовъ, между прочимъ, возымѣлъ я отъ него мысль заняться Русскими пословицами, которыя любилъ онъ и часто приводилъ въ разговорахъ кстати. Какъ жалѣю до сихъ поръ, что не могъ вполнѣ воспользоваться ученостью незабвеннаго Брянцова.

Мѣсто ректора Чеботарева заступилъ *Страховъ*, профессоръ физики. Признаюсь, я рѣдко видалъ такого статнаго, безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ истинно-почтенный и благородный мужъ. Самый видъ его внушалъ невольное къ нему уваженіе. Скажу безъ преувеличенія, въ управленіи своемъ не нужно было ему прибѣгать къ наказанію, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію въ точности, не изъ страха, но изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили. Его обширныя познанія и дарованія возвышали краснорѣчивое слово и пріятно-звучный теноръ-басъ. На публичныя его лекціи сбирались изъ всѣхъ почти сословій въ Москвѣ; тамъ я видалъ княгиню Екатерину Романовну Дашкову, Ивана Ивановича Дмитріева, Карамзина. Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное.

Какъ просвѣщенный любитель изящныхъ искусствъ, Страховъ завелъ въ Университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Въ воскресные дни дворъ его былъ полонъ каретъ и колясокъ, а церковь тѣсна для многочисленныхъ посѣтителей. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Современники не могутъ забыть Карецкаго, Кошанскаго, Редласа. Въ вакаціонное время, въ классахъ устроенъ былъ, при содѣйствіи Страхова, театръ,

на коемъ играны были питомцами комедіи и оперы. Здѣсь проявились блистательные таланты, которыми любовались спеціалисты въ этомъ—оба братья Сандуновы. Восхищалась своя и посторонняя публика, такъ что не доставало мѣста для желавшихъ.

Какъ забыть въ своемъ воспоминаніи безрукаго профессора математики; хотя я и не слушалъ его лекцій, но потому что отецъ мой пользовался его благорасположеніемъ и привѣтливымъ вниманіемъ. Не говорю уже объ извѣстной его учености по своей части; но замѣчу нѣкоторыя крупныя черты его своеобразности въ жизни домашней и общественной, въ особенности его взглядовъ на вещи. Вѣчный холостякъ, онъ жилъ скромно и уединенно въ своей тѣсной квартирѣ у ограды церкви Св. Георгія на Красной горкѣ, въ деревянномъ домикѣ о трехъ окнахъ на улицу. Ему прислуживалъ старый солдать, который когда запьетъ, профессоръ самъ мелъ свои комнатки и дворикъ, самъ чистилъ себѣ платье и сапоги, готовилъ всегдашнее умѣренное кушанье—щи и кашу. При своей расчетливости, онъ позволялъ себѣ роскошь въ чаѣ, который покупалъ самый лучшій и дорогой и потчивалъ имъ тѣхъ, которые были ему по нраву и по сердцу. Онъ никогда почти не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ во всякое время года; только, любя Донской монастырь, гдѣ землякъ его, товарищъ и другъ Викторъ Антонскій былъ архимандритомъ, иногда нанималъ извощика, да и то, когда тотъ задорожится, покупалъ себѣ фунтъ каленыхъ орѣховъ и, насыпавъ въ карманъ, грызъ ихъ для сокращенія пути. Это у него называлось «ѣхать на орѣхахъ». На дворѣ монастыря и теперь видны устроенные одноруким профессоромъ солнечные часы на каменномъ піедесталѣ. Въ прогулкахъ его особенно занимали строенія; своими замѣчаніями, какъ механикъ, онъ полезенъ былъ архитекторамъ, мастерамъ и подрядчикамъ. Не имѣя ни съ кѣмъ переписки, онъ ни съ кѣмъ не кланялся, никому не дѣлалъ визитовъ. Замѣчательно было расположеніе его библіотеки: по словесности она начиналась съ азбуки, по математическимъ наукамъ съ ариѳметики и т. д. Отдѣляя отъ внѣшнихъ странностей нравственный его характеръ, безъ преувеличенія можно сказать, что *Панкевичъ* представлялъ образецъ честности и прямодушія. Впрочемъ онъ самъ откровенно говаривалъ ученикамъ своимъ: «я не таковъ прежде былъ какъ теперь; но есть привычка, есть и отвычка», только не досказалъ, какой силы воли требуется, какого труда и самопожертвованія стоитъ отвыкать, къ чему съ молодости привыкнешь.

Въ вакаціонное время 1808 года отецъ мой взялъ меня и товарища моего Голтякова, для обозрѣнія училищъ Рязанской губерніи: въ самой Рязани, Зарайскѣ, Данковѣ, Спасскѣ, Касимовѣ, Раненбургѣ,

Скопинѣ. Тогда епархіею управлялъ архіепископъ Амвросій Яковлевъ Орлинъ; директоромъ гимназіи былъ Клечановскій. Меня привлекалъ своею древностію соборъ, гдѣ погребены митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій и преемникъ его архіепископъ Алексѣй Титовъ, которому, хотя первый препятствовалъ занять эту эпархію, но послѣдній успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Сидя на облачальномъ амвонѣ, въ соборѣ, Алексѣй, указывая на гробницу своего предшественника, говорилъ: „Стефане, Стефане, ты лежишь, а я сижу на твоемъ мѣстѣ» По краткости времени и отъ развлеченія, я не могъ тамъ осмотрѣть и замѣтить всѣхъ достопамятностей въ самой Рязани; только въ Богословскомъ монастырѣ привлекла мое вниманіе древняя чудотворная икона Св. Іоанна Богослова, на которую, вслѣдствіе какого-то видѣнія, самъ лютый Батый повѣсилъ свою золотую печать; но, къ сожалѣнію и къ удивленію, не такъ давно архимандритъ, снявъ эту печать, употребилъ ее на позолоту водосвятной чаши. Въ Рязани, въ Архангельскомъ соборѣ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на мантію ревностнаго миссіонера въ Мордвѣ преосвященнаго Мисаила, пробитую стрѣлами и обагренную его мученическою кровію. Въ Зарайскомъ соборѣ привлекъ на себя мое вниманіе древній Корсунскій образъ святителя Николая, особенно чествуемый тамошними окрестными жителями; въ Касимовѣ на Окѣ Татарскій минаретъ и усыпальница Касимовскихъ царей, въ Раненбургѣ крѣпость, гдѣ содержался несчастный Иванъ Антоновичъ, носившій титулъ императора нѣсколько мѣсяцевъ. При обозрѣніи училищъ, отецъ дѣлалъ въ нихъ публичные экзамены, входилъ съ почетными жителями въ сношенія для поддержки училищъ. Бумаги переписывалъ я.

По возвращеніи своемъ въ родимую Москву, я продолжалъ слушать лекціи въ словесномъ отдѣленіи. Припомню нѣкоторыхъ изъ профессоровъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ Сахацкій, товарищъ и землякъ Антонскаго и Панкевича, съ обильною ученостью соединялъ тонкій вкусъ и развитое чувство изящнаго, рѣдкій даръ слова, которымъ увлекалъ вниманіе своихъ слушателей. Онъ первый преподавалъ въ Университетѣ эстетику, съ тѣмъ вмѣстѣ читалъ съ нами Римскихъ классиковъ. Прекрасные его разборы одъ Гораціевыхъ коротко насъ знакомили съ духомъ поэта. Студенты обязаны его краснорѣчивымъ лекціямъ развитіемъ вкуса и любовію къ изящному. Нѣкогда строгій эфоръ, гроза казенныхъ учениковъ, въ мое время является онъ снисходительнымъ профессоромъ Русской словесности; у него занимались мы анализомъ сочиненій, къ отдѣленію мысли отъ выраженія, пріучались къ сочиненіямъ и совершенствовались въ переводахъ. Преложеніе псалмовъ съ Славянскаго на Русскій открывало

намъ духъ и красоты священной поэзіи; въ этомъ руководствомъ профессору были Лавтъ и Гердеръ. Разборомъ въ классѣ опытовъ студенческихъ онъ умѣлъ возбудить соревнованіе въ слушателяхъ. Къ основаніямъ Славянской грамматики онъ присоединилъ и теорію словесности.

Въ свое время знаменитый филологъ, знатокъ Еллинскаго и Латинскаго языковъ, *Маттеи*, описавшій Греческія рукописи Московской патріаршей библіотеки, разбиралъ и объяснялъ Гораціевы оды, заставляя насъ дѣлать парафразы и сообщая намъ свои письменныя на нихъ замѣчанія, плодъ многолѣтнихъ его изслѣдованій. Слушатели любили Маттеи и охотно слушали его лекціи. Маттеи на Латинскомъ языкѣ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ природномъ. Съ какимъ сочувствіемъ читалъ онъ Гораціевы оды и не рѣдко со слезами, вѣроятно вспоминая лѣта юности своей, даже при чтеніи: Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda est tellus, старецъ притопывалъ ногою. Не безъ слезъ обошлось и чтеніе Цицероновыхъ парадоксовъ, и въ какомъ вы думаете мѣстѣ? гдѣ говорится о роскоши у Римлянъ въ подпостельной посудѣ (malleliones) изъ Коринѳской мѣди, серебра и золота. Воображеніе профессора перенесло его на родину, гдѣ его облили изъ одного пріятнаго для него окошка, на которое онъ любилъ глядѣть. Не могу забыть, какъ, представляя Юпитера Олимпійскаго, маніемъ бровей потрясающаго и небо и землю, самъ онъ повалился со стула, такъ что и парикъ его не остался на своемъ мѣстѣ. Подобное сценическое представленіе Зевса мы видѣли въ классѣ археологіи, только безъ паденія представляющаго его. При посѣщеніи Московскаго университета императоромъ Александромъ I, Маттеи поднесъ Государю свой каталогъ патріаршей библіотеки, но какъ Александръ I не говорилъ по-нѣмецки, а Маттеи по-французски, то отзывъ перваго остался въ неизвѣстности. Только Маттеи жалѣлъ, что императоръ не говорилъ съ нимъ по-нѣмецки; тогда, разумѣется, досталось Французскому языку.

Инспекторъ ввелъ къ намъ въ классъ молодого человѣка, лѣтъ 30, въ очкахъ, худощаваго, блѣднаго и смуглаго, съ костылемъ, на который онъ опирался по болѣзни въ ногахъ, которую онъ нечаянно получилъ въ прогулкѣ на Прѣсненскихъ прудахъ съ бывшимъ своимъ пріятелемъ княземъ Шаликовымъ. Типическая его физіогномія походила болѣе на Греческую, чѣмъ на Русскую; она носила на себѣ отпечатокъ холерическаго темперамента. Черные волосы у него на головѣ коротко были острижены; пріемы его были угловаты, но смѣлы и обличали въ немъ что-то военное. Холодно раскланявшись съ нами въ классѣ, онъ съ какою-то увѣренностію сказалъ: «господа, по возложенной на меня отъ университетскаго начальства обязанности, мы займемся съ вами рито-

рикой; руководствомъ себѣ я избираю Жиберта; между тѣмъ будемъ разбирать лучшихъ Русскихъ писателей; начнемъ съ духовныхъ витій». Кто жъ это такой? Наконецъ узнаёмъ, что это былъ нѣкогда ученикъ Харьковскаго Коллегіума, потомъ аудиторъ полковой, который сидѣлъ подъ судомъ за пропажу пороха на гауптвахтѣ у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ познакомился съ маіоромъ Глинкою, который доставлялъ ему для чтенія книги и между прочимъ Болтина Примѣчанія на Леклеркову исторію Россіи. Эта книга возбудила въ арестантѣ желаніе заняться критическимъ изслѣдованіемъ отечественной исторіи, въ которомъ образцомъ ему былъ Шлёцеръ. Генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи схимникъ въ Симоновской обители, Михайло Зиновьевичъ Дурасовъ, взявъ на себя отвѣтственность за пропажу пороха, способствовалъ къ освобожденію подсудимаго отъ суда и слѣдствія. Арестантъ этотъ былъ *Михайло Трофимовичъ Каченовскій*, который съ гауптвахты поступилъ къ попечителю Московскаго университета графу Разумовскому правителемъ его канцеляріи; по его предложенію, безъ экзамена, произведенъ сперва магистромъ, потомъ докторомъ словесныхъ наукъ. По своей должности при попечителѣ, Каченовскій въ Университетѣ былъ вліятельнымъ человѣкомъ; писанныя имъ предложенія отъ имени графа Разумовскаго производили въ старыхъ профессорахъ, привыкшихъ къ старому порядку, не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Послѣ Карамзина, принявъ на себя изданіе Вѣстника Европы, онъ обнаружилъ свой критическій талантъ. Рѣзкія и смѣлыя его сужденія о литературныхъ знаменитостяхъ, дотолѣ неприкосновенныхъ, не могли не раздражить самолюбія поэтовъ, которыхъ еще Горацій называетъ irritabile genus. Хотя Каченовскій въ пропажѣ пороха былъ невиноватъ и оправданъ, но въ антикритикахъ не рѣдко ему намекали на это, и они были для него что̀ *порохъ въ глазу*. На него посыпались эпиграмы, но онъ избралъ себѣ девизъ: «стоять и правду говорить». Это произвело небезполезное движеніе въ нашей литературѣ. Одаренный воспріимчимымъ умомъ и счастливою памятью, дѣятельный и необыкновенно трудолюбивый, Каченовскій во многихъ предметахъ учености былъ самоучкою; пристрастный къ Греческому и Польскому языкамъ, хорошо изучилъ Латинскій, Итальянскій, Англійскій и Французскій, такъ что отъ одного предмета переходилъ къ другому: отъ риторики онъ перешелъ къ Русской исторіи, потомъ къ археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ. Въ его критицизмѣ выразился его подозрительный характеръ. Изученіе Шлёцера усилило эту подозрительность до того, что въ древнихъ письменныхъ памятникахъ мечтались ему поддѣлки: онъ опровергалъ существованіе Нестора Лѣтописца, подлинность Іоанна Болгарскаго и другихъ; съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ нападалъ онъ на исто-

рію Карамзина. Впрочемъ его замѣчанія, дѣльныя и находчивыя, обнаруживая его ученость, или, лучше сказать, начитанность и остроуміе, принесли пользу наукѣ. У него были свои послѣдователи и свои противники. Полемика его съ учеными, ему современными, представляетъ иногда довольно забавнаго. Въ 1796 году ученѣйшій профессоръ Баузе написалъ на Латинскомъ языкѣ краснорѣчивую рѣчь, многими забытую: De Russia ante hoc seculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. Спустя десять лѣтъ, въ Вѣстникѣ Европы появился переводъ ея безъ означенія имени сочинителя и переводчика подъ заглавіемъ: «Чтò сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго». Статья эта, приписанная Каченовскому, заслужила ему похвалу. За нѣсколько времени до этого Шрёдеръ въ журналѣ своемъ помѣстилъ Нѣмецкій переводъ, также безъ означенія имени сочинителя и, увидѣвъ ее въ Вѣстникѣ Европы, публично упрекалъ будто въ похищеніи его собственности, полагая, что Каченовскій перевелъ съ Нѣмецкаго, не сославшись на источникъ. Тогда Каченовскій отвѣчалъ ему напрямикъ: «если такъ, то мы должны сознаться, что оба заимствовали изъ одного источника— изъ рѣчи профессора Баузе» *). Такихъ столкновеній въ литературной дѣятельности у Каченовскаго было довольно. Какъ бывшій его ученикъ и подчиненный, по журналу сотрудникъ, по должности профессора и цензора сослуживецъ, я долженъ сказать, что Михайло Трофимовичъ, не смотря на его холерическій характеръ, былъ самый честный, благородный и дѣятельный человѣкъ. Строгій исполнитель своихъ обязанностей, онъ, владѣя небольшимъ домикомъ въ отдаленной части города, не пользовался, по должности ректора, казенною квартирою, потому что законъ не позволялъ ею пользоваться чиновнику, имѣющему собственный домъ, и каждый день, кромѣ Воскресенья, являлся въ Университетъ по дѣламъ службы.

Съ удовольствіемъ и признательностію я пользовался частными лекціями, библіотекою и драгоцѣннымъ собраніемъ Славяно-Русскихъ древностей незабвеннаго профессора правъ, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога *Ѳедора Григорьевича Баузе.* Въ 1807 году онъ былъ ректоромъ Университета. Съ ненасытимою любознательностію, обогатившею его разнообразными свѣдѣніями, онъ соединялъ рѣдкій даръ слова, свободно и красно говорилъ и писалъ по-латыни. Кромѣ изданныхъ имъ рѣчей, осталось много матеріаловъ для обширныхъ и важныхъ сочиненій, которыя остались въ спискахъ. Въ продолженіе

*) См. подробности въ прекрасной статьѣ о Баузе, написанной *Н. С. Тихомировымъ* въ Біограф. Словарѣ профессоровъ Москов. Унив. М. 1855.

30 лѣтъ, съ особеннымъ старанiемъ и съ великими издержками, составилъ онъ собранiе древнихъ Славяно-Русскихъ рукописей, между которыми находились Псалтырь и Прологъ XII вѣка, Лечебникъ 1588 года, первыя на Русскомъ логариѳмы, коллекцiя Русскихъ монетъ и медалей, по мнѣнiю знатоковъ, единственная въ своемъ родѣ. Мнѣ случалось видѣть почтеннаго профессора съ его Анненскимъ орденомъ на шеѣ, на толкучкѣ между букинистами, покупающимъ и торгующимъ старыя книги и вещи. Съ какою дѣтскою радостiю и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость! Жалѣю, что я мало пользовался симъ рѣдкимъ случаемъ. Баузева библiотека и музей пропали въ 1812 году вмѣстѣ со многими драгоцѣнными памятниками нашей исторiи, которые извѣстны были Карамзину и К. Калайдовичу.

По сосѣдству съ нами, въ 4-й Мѣщанской, жилъ въ своемъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара въ 1812 году, законоискусникъ *Захаръ Аникѣевичъ Горюшкинъ*, по Университету сослуживецъ и благопрiятель моему отцу *). У него я часто бывалъ и пользовался его наставленiями, много слыхалъ отъ него о старинѣ и о вельможахъ съ нимъ знакомыхъ по дѣламъ. Это былъ мужъ опытный, любознательный, честный, твердаго характера. Любопытенъ его переходъ отъ подъячаго Сыскного Приказа до профессора Московскаго Университета. Живы еще у меня въ памяти разсказы Захара Аникѣевича о прежнемъ бытѣ и судебныхъ дѣйствiяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по привычкѣ стариковской, любилъ ихъ часто повторять. Службу свою онъ началъ почти ребенкомъ въ Воеводской Канцелярiи, въ самомъ началѣ царствованiя Екатерины II, когда секретари и повытчики за маловажные проступки таскали за волосы подъячихъ, а судьи самихъ секретарей. При нынѣшнемъ либеральномъ возрѣнiи на жизнь и на службу, конечно это покажется страннымъ и даже неимовѣрнымъ, между тѣмъ и въ наше время, лѣтъ около 40 тому, одинъ полномочный начальникъ, безъ лести преданный, за описку въ одной дѣловой бумагѣ, при всей канцелярiи оттаскалъ за волосы дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Его превосходительство не снесъ этого безчестiя, умеръ отъ апоплексическаго удара. Говорятъ, будто этотъ же ревнитель службы, безъ лести преданный, за стишки, помѣщенные въ журналѣ издателемъ коллежскимъ совѣтникомъ велѣлъ его высокоблагородiю отсчитать по спинѣ сорокъ палокъ. Но этотъ господинъ былъ видно терпѣливѣе и до сихъ поръ здравствуетъ, увѣряя всѣхъ, что это гнусная клевета на него завистниковъ и враговъ, которыхъ у него столько, сколько волосъ на головѣ.

---

*) Горюшкинъ род. въ 1748, ум. въ 1821 году.

Возвратимся къ Горюшкину. Проходя всѣ степени канцелярской службы, онъ былъ подъячимъ въ страшномъ Сыскномъ Приказѣ, гдѣ при допросахъ пытали обличенныхъ и оговоренныхъ: первыхъ потому, нѣтъ ли еще за ними какихъ преступленій, другихъ для дознанія правды, которую выкраивали изъ спины. Стоило только на кого закричать роковое *слово и дѣло*, тотчасъ схватятъ доносчика и обвиняемаго, представятъ въ Сыскной Приказъ, бывшій тогда на Житномъ дворѣ у Калужскихъ воротъ. Въ застѣнкѣ палачи раздѣнутъ до-нага, свяжутъ назади руки веревками, обшитыми войлокомъ, чтобы не перетерли кожи; палачъ, ступивъ на бревешки, встряхиваетъ, такъ что руки выдутъ изъ лопатокъ. Это называлось встряскою, которая повторялась во время допроса; потомъ, нагнувъ спину, палачъ билъ кнутомъ, сдирая кожу лоскутками отъ плечъ до хребта. Вывертывая изъ лопатокъ руки, палачъ, какъ ловкій костоправъ, вправлялъ ихъ, схвативъ: дернетъ что̀ есть силы, и онѣ очутятся на своемъ мѣстѣ. Казалось, еще мало того. На ободранную спину трясли зажженный сухой вѣникъ, или посыпали солью; иногда въ тоже самое время судья колотилъ пытаемаго палкою по головѣ. Судьи прежде хвастались, сказывалъ Захаръ Аникѣевичъ, другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ къ истязанію, новыхъ орудій при допросахъ, приводившихъ въ ужасъ и содроганіе людей не закоснѣвшихъ въ мучительствѣ подобныхъ себѣ. «Случилось мнѣ», продолжалъ онъ, «зайти въ пытальную палату или застѣнокъ по окончаніи присутствія; на полу я увидѣлъ кучку лоскутковъ окровавленной кожи; спрашиваю у палача: что̀ это такое?—Какъ что? Выкройки изъ спины».

Для устрашенія оговоренныхъ и для принужденія ихъ къ признанію въ винахъ, при нихъ пытали другихъ на заказъ, т. е. жесточаѣ обыкновеннаго. Такъ было съ душегубкою и мучительницею Салтычихою. При видѣ заказныхъ пытокъ, она падала въ обморокъ, но не признавалась. Видно, не приказано было ее пытать. Среди лютыхъ пытокъ Русскій человѣкъ обнаруживалъ свое молодечество: при людяхъ для него и смерть красна. Въ Сыскномъ Приказѣ отъ пытаемыхъ Горюшкинъ слыхалъ пословицу: «терпи голова, въ кости скована». Послѣ мучительныхъ встрясокъ, съ истерзанною спиной, съ изломанными руками, облитый кровью выходитъ изъ застѣнка; встрѣтившійся ему колодникъ, шедшій на пытку, спрашиваетъ его: «какова баня?»—«Остались еще вѣники», тотъ отвѣчаетъ ему. Кто вытерпитъ три застѣнка и не сознается въ винѣ, тотъ «очищался кровію». Сколько разъ случалось, бывало, что, когда подымутъ на дыбу, винится въ преступленіи; снимутъ съ дыбы, запирается, говоря, что, не стерпя мученій, ложно показалъ на себя.

Нерѣдко отъ страха сходили съ ума отъ жестокихъ истязаній, и даже при видѣ самыхъ пытокъ, умирали. Подъячіе Сыскного Приказа призывали къ себѣ колодниковъ изъ тюрьмы въ канцелярію подъ предлогомъ повѣрки пыточныхъ рѣчей, а сами нашептывали имъ, кого еще оговорить, разумѣется, извѣстныхъ имъ зажиточныхъ людей. По такому наущенію, колодники имъ гласно объявляли, что съ ними участникомъ былъ такой-то. Тотчасъ къ нему въ полночь нагрянетъ съ подъячими команда, ворвутся въ домъ; испуганный хозяинъ даетъ имъ деньги, и они сами хватаютъ что̀ попало; приводятъ его въ Приказъ и ставятъ къ отвѣту; сперва пытаютъ докащиковъ, потомъ принимаются за оговореннаго; наконецъ, докащики повинятся, что напрасно оговорили: имъ за это дадутъ ударовъ по 15 или 20 кнутомъ. Чтожъ они за это получатъ въ награду? Цѣлковыхъ по два или по три! Такъ бывало не въ одномъ Сыскномъ Приказѣ.

Ничѣмъ не обязанный школѣ, Горюшкинъ чувствовалъ стремленіе къ просвѣщенію; кровавыя сцены въ Сыскномъ Приказѣ и сообщество съ палачами и подобными имъ судьями и подъячими ему омерзѣли. Добывъ себѣ Русскую грамматику, ариѳметику и логику, онъ принялся самъ учиться безъ учителя, уже женатый. Какого усилія и труда требовалось, чтобы безъ руководителя добиться до смысла грамматическихъ терминовъ! Вмѣсто чтенія пыточныхъ рѣчей, онъ сталъ твердить части рѣчи въ грамматикѣ. Такъ, долго не могъ онъ понять въ грамматикѣ склоненіе: воевода, воеводы, воеводѣ и пр., и то и дѣло твердя склоненіе на постелѣ, не давалъ спать женѣ своей, такъ что она, вышедши изъ терпѣнія, сказала ему: «Да что ты наладилъ одно воевода? По мнѣ это не мудрено; къ какому слову только его приладить, такъ и будетъ: воевода, воеводы, воеводѣ. На прикладъ: воевода судитъ, вмѣсто воеводы, подарить воеводѣ». Это объясненіе малограмотной женщины, замѣтилъ Захаръ Аникѣевичъ, развязало ему понятіе, и онъ съ легкой ея руки пошелъ впередъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ онъ выучилъ ариѳметику и логику, съ усиленнымъ вниманіемъ изучалъ историческія, богословскія, философскія и юридическія книги; искалъ знакомства съ учеными людьми, которые могли бы его руководствовать въ занятіяхъ науками. Съ этою цѣлію онъ сблизился съ профессорами Аничковымъ и Десницкимъ. Приложеніе пріобрѣтенныхъ знаній ему доставило мѣсто члена въ уголовной и казенной палатахъ. Споръ его съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ по дѣлу Новикова въ Уголовной Палатѣ обнаружилъ въ Горюшкинѣ гражданское мужество; одинъ опирался на личное мнѣніе Императрицы, а другой на силу закона и не убоялся гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить Государынѣ

обвиненіемъ Новикова. Познанія и опытность въ отечественномъ законовѣдѣніи сдѣлали Горюшкина извѣстнымъ директору Московскаго Университета П. И. Фонъ-Визину; онъ пригласилъ его преподавать въ Университетѣ и потомъ въ бывшемъ при Университетѣ Благородномъ Пансіонѣ практическое законовѣдѣніе. Своимъ лекціямъ онъ давалъ драматическую форму; классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку. Изъ студентовъ и учениковъ избирались наставникомъ предсѣдатели, судьи, секретари и т. д. Въ послѣдствіи изъ нихъ выходили сенаторы и министры. Изданное имъ сочиненіе въ трехъ частяхъ 1807 и 1815 годовъ: «Описаніе судебныхъ дѣйствій», замѣчательно не только въ юридическомъ, но и въ археологическомъ отношеніи, какъ значительный матеріалъ юридическихъ древностей. Горюшкина «Руководство къ познанію Россійскаго законоискусства» есть созданная имъ самимъ система, въ которой сильная, но безформенная народность борется съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юриспрудентовъ. Онъ едва ли не первый у насъ показалъ источникъ юриспруденціи въ нравахъ, обычаяхъ и пословицахъ Русскаго народа. Какъ опытный законоискусникъ, онъ былъ оракуломъ для многихъ; къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы и профессоры. У него была домашняя школа законовѣдѣнія; образовавшіеся у него молодые люди выходили хорошими стряпчими. Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленькій театръ и музыку. По пріемамъ и костюму, Захаръ Аникѣевичъ не походилъ на прежняго подъячаго, но скорѣе на щеголеватаго барина; черты лица были у него правильныя, глаза маленькіе, ротъ узкій, выражавшій проницательность и скромность. Онъ пудрился, украшалъ волосы пуклями, носилъ модный кафтанъ и шлифныя на башмакахъ пряжки съ розами или стразами, двое часовъ въ карманахъ съ золотыми цѣпочками, на пальцахъ жалованные бриллiантовые перстни. Карамзинъ въ своей Исторіи рѣдкіе списки Русской Правды и Лѣтописи, заимствованные изъ библіотеки Горюшкина, обозначаетъ Горюшкинскими...

ДВѢ КАЛМЫЧКИ.

Въ первые годы царствованія императрицы Елисаветы Петровны, когда канцлеръ князь А. М. Черкаскій еще находился у дѣлъ, особое значеніе получили Калмыцкія дѣла. На вѣсти, приходившія изъ Астрахани и Царицына, обращено было особое вниманіе. Генералъ-поручикъ Таракановъ не перестаетъ доносить о дѣлахъ Персидскихъ и Калмыцкихъ. Въ то время среди Калмыцкаго народа обозначилось сильное движеніе, и правительство признало неотложнымъ принять его подъ свое непосредственное покровительство и ввести между нимъ новые порядки. Большое участіе принималъ въ этихъ дѣлахъ князь А. М. Черкаскій, къ которому Калмыки обращались съ особеннымъ довѣріемъ.

Императрица Елисавета Петровна приняла къ сердцу Калмыцкія дѣла; она охотно давала у себя пріютъ дочерямъ знатныхъ Калмыковъ, искавшихъ ея покровительства. Какъ при дворѣ императрицы Анны появлялись Молдаванки и даже Персіянки, такъ при Елисаветѣ въ обычай вошли Калмычки *).

Тоже повторилось и въ домѣ канцлера князя А. М. Черкаскаго. Онъ далъ у себя пріютъ двумъ малолѣтнимъ Калмычкамъ, воспитаніемъ которыхъ занялась его дочь, княжна Варвара Алексѣевна. Съ выходомъ замужъ за графа П. Б. Шереметева она перевезла къ нему въ домъ и своихъ воспитанницъ.

Росли онѣ въ полномъ довольствѣ; за ними съ любовью слѣдила графиня Варвара Алексѣевна. Сохранились портреты ихъ въ Кусковскомъ нашемъ домѣ масляными красками, овальные, поясные. Одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ гравированный портретъ съ слѣдующею надписью: ‹La Comtesse Barbara Chérémeteff. I. Argounow pinxit. Anno 1767. Nov. 27›.

---

*) Наблюдательная Екатерина замѣчаетъ въ Запискахъ своихъ, что большой орѣхъ помѣщается легко въ носу Калмыцкомъ. По преданію, Донауровы происходятъ отъ одной Калмычки, находившейся въ дому канцлерши графини Воронцовой. На нашей памяти у Хомутовыхъ воспиталась достойнѣйшая Екатерина Ивановна Розе, происхожденіемъ Калмычка. Мы знали также Калмычку въ домѣ Кошелевыхъ. Въ Калмыцкомъ нравѣ есть мягкія черты. П. Б.

Смуглыя головки съ отличительными признаками своей народности, Калмычки росли какъ дѣти дома, называя Варвару Алексѣевну бабушкой; онѣ были окружены самыми нѣжными ея заботами и попеченіями. Одну изъ нихъ звали Анной Николаевной, другую Екатериной Борисовной.

Сохранились письма графини Варвары Алексѣевны къ Аннѣ Николаевнѣ, написанныя до 1767 года:

„Душа моя, Аннушка, здравствуй со всей своей свитой! Пріѣзжай, душа моя, къ намъ скорѣй. Боже, благослови путь вашъ и дай Боже въ радости тебя видѣть. Дѣдинька, маманька, тетя, тятя, и я тебя цѣлуемъ и глазушки твои таракашки. Баба твоя Варвара Шереметева.

Мавра и всѣ тебѣ кланяются.

16 Марта. Пятница".

Другою рукою, которою написанъ адресъ:

„Тотъ ямщикъ тебя везъ изъ Москвы въ Петербургъ и теперь меня везъ, ѣдучи въ Москву".

Адресъ: Аннѣ Николаевнѣ. Калмычкѣ графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, а съ ней ѣдетъ дворецкій Василій Вороблевскій*), которому и отдать сіе письмо.

Слѣдующія письма также безъ обозначенія года:

„Аннушка, душа моя, здравствуй! Письмо отъ тебя получила въ Хотиловѣ, въ Четвергъ, 15 дня. Благодарствую, матушка, душа моя, за письмо и радуюсь, что Богъ далъ легче. Боже, дай намъ скорѣе въ радости видѣться. Вручаю тебя въ милость Божію и Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ. Бабушка твоя Варвара Шереметева. Домнушкѣ и Катюшѣ отъ меня поклонъ. Спасибо за письмо, что такъ пишешь о твоемъ мнѣ надобномъ здоровьѣ и всѣмъ спасибо, кто тебя не покидаетъ. Государынѣ моей Пелагеѣ Васильевнѣ кланяюсь и благодарствую, что она тебя не покидаетъ. Сама ей буду служить. Дѣдинька тебѣ кланяется и велѣлъ тебя поцѣловать и носочекъ, и глазушки дорогіе. Мама и тетя тебѣ кланяются и Катинька и барышня Мавра и Настасья, Авдотья и всѣ наши кланяются".

Другой рукой:

„Душа моя сестрица Анна (зачеркнуто „Петровна") Николаевна! Желаю вамъ, что ты бы, душа моя, выздоровѣла, да пріѣзжала на приморскій дворъ, а мнѣ очень скушно безъ тебя. Да увѣдомь, душа моя, каково тебѣ. При семъ остаюсь сестра Прасковья Михайловна".

Рукою графини Варвары Алексѣевны Шереметевой: Съ ямщикомъ, который отдастъ тебѣ это письмо, посылаю тебѣ кулечекъ сухариковъ Вышневолоцкихъ, а мы сегодня обѣдали въ Вышнемъ Волочкѣ".

Сохранился слѣдующій указъ графа Петра Борисовича къ своему довѣренному управителю Василію Замятину отъ 8-го Марта 1767 года:

*) Василій Вороблевскій, впослѣдствіи библіотекарь графа Петра Борисовича Шереметева, пользовался его довѣріемъ и нерѣдко встрѣчается въ дѣлахъ домашняго архива.

„На содержаніе Аннушкѣ Калмычкѣ оставлено тебѣ 400 рублевъ, кот.(орые) брать изъ аптеки, лѣкарство для нея держать, что̀ приказано будетъ отъ лѣкаря Кутаньѐ; кормить оставленныхъ при ней людей, чтобъ были сыты, а что̀ за тѣмъ расходомъ останется отдать Василію Вороблевскому, при отправленіи ея въ Москву, на платежъ прогонамъ и на содержаніе въ дорожномъ пути. Въ другіе же расходы, кромѣ ея содержанія, никуда изъ тѣхъ денегъ ни одной копейки ни держать. Аптекарю же Хинсіяну (?) за пользованіе ея подарено сто рублевъ и больше не дарить. Г. П. Ш".

Другой указъ отъ 29-го Марта 1767 года тому же Замятину:

„Отписка твоя отъ 19 дня сего мѣсяца и притомъ присланныя ко мнѣ изъ Москвы отъ управителя письма получены. Аннушка Калмычка со всѣми кто при ней отправлены изъ Петербурга, сюда пріѣхала вчерашняго дня благополучно. Я здѣсь совсѣмъ еще не разобрался, за тѣмъ ни о чемъ не пишу, а буду еще писать впредъ. Г. П. Ш".

Въ спискахъ живущихъ въ домѣ постоянно упоминаются Анна Николаевна и Екатерина Борисовна, причемъ обозначено и получаемое ими пособіе.

Татьяна Васильевна Шлыкова хорошо ихъ помнила и часто о нихъ разсказывала весьма сочувственно.

Неизвѣстно, въ которомъ году, но одна изъ Калмычекъ, Екатерина Борисовна, переѣхала на житье въ домъ графини Анны Карловны Воронцовой, съ которою графъ Петръ Борисовичъ былъ въ дружбѣ. Сохранилась въ домашнемъ архивѣ записка отъ 1773 г., въ которой читаемъ: «Анна Николаевна проситъ, чтобы освѣдомиться въ домѣ графини Анны Карловны о сестрѣ ея Катеринѣ Борисовнѣ, все ли они здоровы и о томъ увѣдомить, ибо отъ нея она давно не имѣетъ писемъ и не знаетъ причины, для чего къ ней не пишетъ». Только по кончинѣ графини Варвары Алексѣевны произошло нѣкоторое колебаніе относительно дальнѣйшей судьбы Калмычки. Озабоченный этимъ графъ Петръ Борисовичъ слѣдитъ за ея положеніемъ и поручаетъ своему неизмѣнному Петербургскому управителю Петру Александровичу доносить ему о Екатеринѣ Борисовнѣ. Съ своей стороны и она обращается за посредничествомъ къ тому же Петру Александровичу. Въ 1775 г. она пишетъ:

„Государь мой Петръ Александровичъ! Я увѣрена, что вы не читали моего письма, и это очень легко можетъ случиться, что дочь ваша сдѣлала, а впротчемъ *я ничего* не могу *увѣдомить,* потому что по сихъ поръ отъ графа Мартына Карловича*) никакой резолюціи не вышло, и при первомъ своемъ свиданіи со мной сказалъ, что прежде надо долги оплатить, а ужъ потомъ думать объ насъ, а чтобъ я осталась навсегда въ ихъ домѣ, то я никакъ этого не думаю, имѣя надежду, что его сіятельсто графъ Петръ Борисовичъ

*) Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, братъ графини Анны Карловны Воронцовой.

меня возьметъ въ домъ. Можетъ быть, онъ въ томъ разумѣ сказалъ, что я останусь жить здѣсь, пока я буду въ Петербургѣ, а то я никогда этого и не думала, не только чтобъ говорить. Отъѣздъ же, думаю, не скоро будетъ; потому что этотъ Вишневскій скоро очень ѣдетъ, а я такъ не могу, не имѣя никакого рѣшенія отъ графа Мартына Карловича. Госпожа Чепчюгова это сказывала мнѣ и никакъ не знаю; можетъ быть, какъ она жила у насъ въ домѣ, такъ слышала отъ покойной графини или отъ кого другого, впрочемъ остаюсь вамъ вѣрная услужница Е. Куракина".

„Я сказывала графу, что его сіятельство графъ Петръ Борисовичъ изволитъ меня брать къ себѣ въ домъ, чему онъ очень радъ; только то и еще не сказывала, что намѣрена ѣхать съ Вишневскимъ, да теперь я и погожу, потому что сестра моя ко мнѣ пишетъ, что и графъ Петръ Борисовичъ тоже совѣтуетъ, чтобъ не спѣшить мнѣ своимъ отъѣздомъ отсюда".

Въ 1776 году она же пишетъ къ графу Петру Борисовичу:

„Ваше высокографское сіятельство, милостивый государь, графъ Петръ Борисовичъ!

Извѣстна вашему сіятельству отъ моей сестры остановка въ моемъ предпріятіи отъ его сіятельства графа Мартына Карловича, въ томъ, чтобъ вы, милостивый государь, сдѣлали ему эту честь и отписали свое благоволеніе для принятія меня въ свое покровительство, что̀ будетъ служить знакомъ милости вашего сіятельства ко мнѣ и къ увѣренію его сіятельства графа Мартына Карловича объ вашемъ соизволеніи.

„О чемъ я прошу нижайше вашего сіятельства сдѣлать мнѣ милость и благодѣяніе своимъ начертаніемъ къ графу Мартыну Карловичу, которое сдѣлаетъ рѣшеніе моей судьбы; ибо онъ изволилъ проговаривать, когда я поѣду, то, конечно, онъ опредѣлитъ вѣрное мнѣ, чѣмъ бы я могла прожить; отчего изволите милостиво разсудить, ваше сіятельство, сколь мнѣ ваше милостивое соизволеніе нужно и полезно. А прочее извѣстно вамъ, милостивый государь, все отъ моей сестры. Такъ пріимите нижайшую просьбу, какъ отъ нея, такъ и отъ меня, равно вашими благодѣяніями обязанной вамъ, милостивый государь. Съ достодолжнымъ и глубочайшимъ почтеніемъ пребуду вашему высокографскому сіятельству покорная и нижайшая услужница Е. Куракина *).

1776, Мая 9 числа.
С.-Петербургъ.

Результатомъ переписки было возвращеніе Екатерины Борисовны въ домъ нашъ, гдѣ неотлучно находилась ея «сестра» Анна Николаевна.

Всего болѣе сохранилось писемъ Анны Николаевны къ графу Петру Борисовичу отъ 1782—1783 гг., съ отвѣтами послѣдняго. Они относятся ко времени поѣздки его въ Петербургъ съ депутаціею Московскаго дворянства для представленія императрицѣ Екатеринѣ II. Передъ

*) Почему она подписывалась „Куракина", еще не выяснено.

тѣмъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Пріѣздъ перваго губернскаго предводителя Московскаго дворянства и первой дворянской депутаціи былъ событіемъ, оживившимъ общество и дворъ. Нелегко было графу Петру Борисовичу пуститься въ дальній путь, да еще зимою. Давно отсталъ онъ отъ Петербурга и суеты его, но почтенный лестнымъ избраніемъ, онъ не могъ уклониться.

Императрица Екатерина II оказала ему вниманіе, и пребываніе депутаціи въ Петербургѣ, при всей суетности и при всемъ утомленіи, имѣло нѣкоторое общественное значеніе.

Вотъ что упоминаетъ объ этомъ пріѣздѣ Камеръ-Фурьерскій журналъ:

„11 Декабря 1782 г. Въ Воскресенье, поутру, какъ обыкновенно, въ комнатѣ, духовникомъ Ея Величества отправлена утреня; потомъ, въ 11-мъ часу, съѣхались ко двору Ея Императорскаго Величества знатныя Россійскія обоего пола и придворныя персоны, господа чужестранные министры и знатное дворянство и особо прибывшіе изъ Москвы губернскій предводитель, генералъ-аншефъ, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, съ десятью уѣздными той губерніи предводителями, и собирались придворные въ кавалерской комнатѣ, а прочія въ парадныхъ покояхъ.

Между тѣмъ въ аппартаменты Ея Императорскаго Величества прибытіе имѣть изволили Ихъ Императорскія Высочества Государь Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня.

Потомъ, въ 12 часу предъ полуднемъ, Ея Императорское Величество съ Ихъ Императорскими Высочествами изволила имѣть выходъ въ столовую комнату, къ слушанію литургіи, послѣ которой, вышедъ изъ фонарика въ церковь, благоволили Ея Величество и Ихъ Высочества къ рукѣ жаловать преосвященнаго Гавріила архіепископа Новгородскаго и С.-Петербургскаго и духовника Ея Величества, а потомъ, въ церкви жъ, Ея Императорскому Величеству представлены статсъ-дамою графинею Матюшкиною прибывшія изъ Москвы княгиня Барятинская и прочія знатныя дамы, до 8 персонъ.

По возвращеніи изъ церкви, въ парадныхъ покояхъ, при входѣ въ комнату, гдѣ постъ кавалергардовъ, пожаловала къ рукѣ Ея Величество чужестранныхъ министровъ, а потомъ, въ той же комнатѣ, представлены Ея Императорскому Величеству генералъ-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ прибывшіе изъ Москвы

Губернскій предводитель графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ и съ нимъ уѣздные предводители:

Воскресенскій, тайный совѣтникъ графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ.

Дмитревскій, генералъ-маіоръ князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ.

Московскій, камергеръ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ и камергеръ же, графъ Николай Петровичъ Шереметевъ.

Богородскій, камергеръ Сергѣй Алексѣевичъ Всеволодской, и бригадиры Иванъ Ивановичъ Козловъ и Михайло Михайловичъ Матюшкинъ.

Серпуховской, надворный совѣтникъ Петръ Ѳедоровичъ Нащокинъ.

Коломенскій, ротмистръ Яковъ Аѳанасьевичъ Татищевъ и

Можайскій, секундъ-ротмистръ Николай Петровичъ Савеловъ.

„Изъ нихъ помянутый губернскій предводитель его сіятельство графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, отъ лица всего Московскаго дворянства, предъ Ея Императорскимъ Величествомъ говорилъ краткую благодарственную рѣчь, а послѣ оной, какъ оный губернскій предводитель графъ Шереметевъ, такъ и присланные съ нимъ депутаты, жалованы къ рукѣ.

По семъ, Ея Величество, прибывъ въ кавалерскую комнату, изволила жаловать къ рукѣ знатый генералитетъ и придворныхъ кавалеровъ, а потомъ, въ комнатѣ же, гдѣ вещи брилліантовыя, благоволила играть въ шахматы въ 4-хъ персонахъ съ знатнымъ генералитетомъ.

Послѣ того ихъ высочества прибыли въ аппартаменты Ея Величества и до приготовленнаго обѣденнаго стола присутствовали же въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя.

Потомъ обѣденное кушанье изволили имѣть Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества въ столовой комнатѣ на 29 кувертахъ, къ чему приглашены были слѣдующія персоны:

1) Его свѣтлость принцъ Виртембергъ-Штутгардскій.
2) Ея свѣтлость принцесса Виртембергъ-Штутгардская *).
3)
4) } Фрейлины дежурныя.
5)
6) Гофмейстерина ея свѣтлости графиня Левенштернъ.
7) Дежурный генералъ-адъютантъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.
8) Александръ Александровичъ Нарышкинъ.
9) Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ.
10) Левъ Александровичъ Нарышкинъ.
11) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
12) Ѳедоръ Ивановичъ Вадковскій.
13) Кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій.
14) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.
15) Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ.
16) Тайный совѣтникъ графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ.
17) Вице-канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ.
18) Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій.

Дежурные камергеры:

19) Князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій.
20) Евграфъ Александровичъ Чертковъ.
21) Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.
22) Алексѣй Ѳедоровичъ Сабуровъ.

---

*) Это Зельмира (см. „Русскій Архивъ“ 1904, выпускъ 8-й). П. Б.

Камеръ-юнкеры:

23) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

24) Өедоръ Өедоровичъ Вадковскій.

25) Князь Өедоръ Николаевичъ Голицынъ.

26) Василій Петровичъ Салтыковъ.

Въ вечеру, въ 7-мъ часу, въ покояхъ Ихъ Высочествъ представлены Ихъ Императорскимъ Высочествамъ господиномъ оберъ-камергеромъ И. И. Шуваловымъ, упомянутый губернскій предводитель графъ Шереметевъ, съ нимъ и уѣздные предводители.

Вечеромъ Императрица съ знатными персонами благоволила играть въ карты.

На слѣдующій день 12 Декабря праздновалось рожденіе великаго князя Александра Павловича. Опять торжество при дворѣ и парадный обѣдъ на 42 куверта, на которомъ присутствовалъ графъ Петръ Борисовичъ.

Тутъ же князь Г. А. Потемкинъ, князь Н. В. Репнинъ, И. И. Шуваловъ, графъ Г. Н. Орловъ, А. Д. Ланской, князь А. А. Вяземскій, графъ И. Г. Чернышевъ, А. А. и Л. А. Нарышкины.

За столомъ пили за здравіе и палили изъ крѣпости.

Столъ сервированъ кушаньемъ въ двѣ перемѣны, на золоченомъ сервизѣ; кончился оный пополудни въ 2 часа, и послѣ стола Ея Величество благоволила отсутствовать въ свои покои.

Вечеромъ балъ, на слѣдующій день 13 Декабря опера „Орфей".

17-го панихида по императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

19-го въ Понедѣльникъ, къ полудню, съѣхались ко двору Ея Императорскаго Величества придворныя дежурныя обоего пола и прибывшіе отъ дворянства Московской губерніи депутаты и собирались въ кавалерской комнатѣ, куда потомъ, въ 12 часу, Ея Императорское Величество изъ внутреннихъ своихъ комнатъ изволила выдти; по продолженіи съ собравшимися особами разговоровъ, благоволила имѣть обѣденное кушанье въ столовой комнатѣ, на которомъ присутствовавшіе были всѣ и Московской губерніи депутаты".

25-го Декабря большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ графъ Петръ Борисовичъ.

26-го Декабря отдѣльный обѣдъ у Цесаревича въ своихъ покояхъ, а къ столу были приглашены Московскій губернскій предводитель графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ съ депутатами.

Вечеромъ ко двору пріѣздъ имѣла госпожа оберъ-гофмейстерина графиня Марья Андреевна Румянцова съ поздравленіями.

28-го концертъ".

1 Января 1783 г. Московскіе депутаты откланялись.

Переписка между графомъ Петромъ Борисовичемъ и Калмычкой Анной Николаевной продолжается во все время пребыванія его въ Петербургѣ.

Съ нимъ въ Петербургъ ѣздилъ и неизмѣнный его спутникъ по охотѣ и родственникъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, правнукъ старшаго сына фельдмаршала Шереметева. Князь Долгорукій, проживавшій въ домѣ, повидимому также былъ близокъ къ Аннѣ Николаевнѣ, съ которою за это время ведетъ переписку. Письма его отличаются нѣкоторою игривостью, обличающею его характеръ.

„Чѣмъ я хуже кажуся?“ писалъ онъ ей 12-го Декабря 1782 года, „и платья ношу по-французски, рукава все узкіе—ну, полно пенять, а зачинаю къ вамъ реляцію писать! Во-первыхъ, какъ мы пріѣхали въ Среду 7 числа въ 10 часу, а на другой день графъ поѣхалъ во дворецъ, и Государыня изволила принять его очень, очень милостиво; и тамъ обѣдалъ и ужиналъ, а въ Пятницу также, да и всякой день. Да не подумайте же, чтобъ не успѣлъ онъ и меня проучить: по милости Божіей и я просидѣлъ $2^1/_2$ часа у подъѣзда въ каретѣ; насилу прислалъ сказать, чтобъ я ѣхалъ домой. А вчерась была аудіенція, и вы этому не повѣрите, какъ графъ говорилъ хорошо, хотя бы лучшій ораторъ, и Государынѣ такъ было пріятно, что видно это на ея лицѣ, а мнѣ случилось стоять близко. Князь Иванъ Долгоруковъ.

С.-Пб. Декабря 28 дня 1782 г.“

В другомъ письмѣ онъ пишетъ:

. . . . „А я и во дворецъ севодни не поѣхалъ затѣмъ, чтобы только успѣть къ завтрему письма къ вамъ отписать. Затѣмъ у насъ будетъ много гостей званыхъ, что ни самыхъ матіорыхъ *) людей, поимянно писать много.

А нонича графъ поѣхалъ во дворецъ представлять свою команду маленькимъ великимъ князьямъ, а обѣдать у Завадовскаго. Да притомъ въ бытность здѣсь старикъ нашъ замотался и всѣхъ обыгрываетъ. Въ началѣ великаго князя и княгиню и всѣхъ своихъ сотоварищей и выучился въ макау играть, а выигралъ рублевъ съ 300. Такъ-то насъ знать—у насъ въ Петербургѣ.

. . . . Думаю, что мы, конечно, выѣдемъ послѣ Крещенья въ первое Воскресенье. Писалъ бы и больше, да не даютъ мнѣ писать, мѣшаютъ, приступаютъ все въ карты играть. Покорный слуга князь Ив. Долгоруковъ.

С.-Пб. 1 Генваря 1783 г.“

Далѣе онъ пишетъ:

„Нынѣшній день нашъ предводитель откланялся, и надѣюсь, что, конечно, мы выѣдемъ послѣ Крещенья, да вотъ еще что со мной нонича сдѣлалось. Я поѣхалъ по утру съ графомъ во дворецъ и обѣдню тамъ слушалъ. Лишь только изъ церкви вышелъ, а у меня изъ кармана записную книжку вытащилъ добрый человѣкъ и съ ассигнаціями на сто рублей, а у маіора конной гвардіи табакерку съ бриллiантами. У маіора и совсѣмъ пропало, а мое добро и въ водѣ не тонетъ и на огнѣ не горитъ; мою отыскали, да только вся изорвана, но деньги-то цѣлы, слава Богу. Покорный слуга князь Иванъ Долгоруковъ“.

*) Матёрыхъ, т. е. сильныхъ и знатныхъ. П. Б.

Въ письмѣ къ Аннѣ Николаевнѣ онъ пишетъ:

„Премного ублаженная и почтенная сударыня Анна Николаевна! Ей Богу хочется писать больше, да по чести руки не служатъ и глаза не глядятъ. И тако рекомендую себя въ неотмѣнную вашу ко мнѣ любовь и пребуду вашъ всеуниженный слуга князь Иванъ Долгоруковъ“.

Одновременно шла переписка Анны Николаевны съ графомъ Петромъ Борисовичемъ.

Судя по письмамъ князя Долгорукаго, видно, что князь былъ большой весельчакъ и балагуръ, не стѣснявшійся въ своихъ выраженіяхъ. По всей вѣроятности прозвище «Купидонъ» относится къ нему. Такіе типы были необходимою принадлежностью быта того времени. Захудалый князь состоялъ при графѣ Петрѣ Борисовичѣ какъ бы на службѣ и, по всей вѣроятности (судя по его письмамъ), былъ его souffre-douleur.

Кромѣ князя Долгорукаго графа Петра Борисовича сопровождалъ въ Петербургъ и другой неизмѣнный спутникъ по охотѣ, проживавшій въ домѣ, баронъ Лоутицъ; о переписнѣ послѣдняго съ Анной Николаевной упоминается, но, къ сожалѣнію, его письма къ ней не сохранились.

Въ слогѣ писемъ графа Петра Борисовича чувствуется близость Петровскаго времени. Въ выраженіяхъ его, въ шуткахъ и въ оборотахъ виденъ коренной Русскій складъ. Старикъ тяготится пребываніемъ въ Петербургѣ, устаетъ и съ нетерпѣніемъ думаетъ о возвратѣ въ Москву, гдѣ жизнь его протекаетъ по заведенному и никѣмъ не нарушаемому порядку. Но онъ доволенъ оказаннымъ ему и пріемомъ, и вниманіемъ императрицы Екатерины II. Замѣтно особенное сочувствіе его къ молодому двору. Онъ впервыя видитъ молодыхъ великихъ князей и очарованъ любезностью великой княгини Маріи Өеодоровны. Дѣйствительный камергеръ временъ Анны и Елисаветы, оберъ-камергеръ императора Петра III, одинъ изъ хранителей «драгоцѣннаго залога» въ 1762 году, генералъ-аншефъ императрицы Екатерины II, нынѣ только что избранный губернскимъ предводителемъ, въ послѣдній разъ посѣщаетъ давно ему знакомый Петербургъ и всматривается въ будущаго Александра I.

Въ сношеніяхъ его съ Анной Николаевной видны патріархальность и дружба. Она не иначе называетъ его какъ «дѣдушка»; своимъ присутствіемъ она, какъ воспитанница его жены, напоминала ему прошлое. Она, видимо, умна и занимаетъ исключительное въ домѣ положеніе на правахъ родственницы. У нея свой кругъ знакомыхъ, и разнообразный: Вѣра Борисовна Лопухина, графиня В. П. Разумовская, княжна В. И. Мосальская принимаютъ ее как близкую. Она обѣдаетъ у Анны Семеновны Шереметевой, ведетъ знакомство съ Натальей Яковлевной и

Мареой Васильевной Шереметевыми и, повидимому, въ курсѣ придворныхъ «дѣйствъ».

Ея отзывъ объ Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ любопытенъ, какъ характеристика; равно интересно и сообщаемое ею о Ланскихъ.

Она хорошо знаетъ и домашній строй хозяйства графа Петра Борисовича, а Прасковью Ивановну помнитъ съ ея дѣтства.

1-го Января 1783 г. Московскіе депутаты откланялись.

Вернувшись въ Москву, графъ Петръ Борисовичъ зажилъ въ ней своею обычною жизнію, не разлучаясь съ Анной Николаевной.

За все время своего пребыванія въ Петербургѣ графъ Петръ Борисовичъ находился въ постоянной перепискѣ съ нею. Онъ подробно описываетъ ей каждый почти свой день, проведенный въ Петербургѣ. Вотъ эти письма.

1.

1-го Декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Дѣдушка дорогой мой!

Пользуюсь сей оказіей, чтобъ вамъ изъяснить, сколь мнѣ чувствительно раставшись съ вами, по моей искренней къ вамъ привязанности и истинной за всѣ ваши ко мнѣ милости чувствительной благодарности, которая будетъ запечатлѣна въ моемъ чувствительномъ сердцѣ; и при ономъ прошу васъ, дѣдушка дорогой мой, продолжать оныя, которыя составляютъ все благополучіе моей жизни. Теперь одно остается мнѣ желать, чтобъ ваше для меня столь драгоцѣнное здоровье было непремѣнно и непоколебимо, и чтобъ вамъ поскорѣе сюда возвратиться благополучно.

Обо мнѣ, ежели изволите знать, мы благополучно возвратились въ Москву въ 10 часовъ съ половиной, и докторъ Ладо̀ *) пріѣзжалъ увѣдомиться о вашемъ здоровьѣ.

Препоручаю себя въ ваши милости, цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ всепокорная и нижайшая услужница ваша.

2.

2-го Декабря 1782 г. Тверь. Въ полдень.

Анна Николаевна!

Я доѣхалъ въ Тверь, гдѣ сегодня и обѣдаю. Ночевать думаю въ Торжкѣ. Скоро ѣду; время очень тепло, и дорога очень хороша, и коли такъ все поѣду, то уповаю, что буду восьмое число въ Петербургѣ. Въ Твери стою у стараго хозяина, но его нѣтъ. Онъ умеръ.........Скажи всѣмъ живущимъ внизу, какъ я ѣду и здоровъ. Прощай! Откудово удастся, писать буду.

---

*) Докторъ Ладо̀, довѣренное лицо графа Петра Борисовича и его постоянный врачъ.

3.

5-го Декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дѣдушка дорогой мой!

Письмо ваше я имѣла честь получить изъ Твери отъ 2 Декабря въ Суботу въ 9 часовъ ввечеру, за которое приношу вамъ покорнѣйшую и чувствительную мою благодарность, что изволите меня помнить и увѣдомить о вашемъ драгоцѣнномъ для меня здоровьѣ. Прошу васъ, дѣдушка, и впредъ меня не лишать сего счастія, которое теперь одно утѣшеніе подать можетъ мнѣ, бывъ столь удаленна отъ васъ.

Радуюсь сердечно, что время и дорòга столь хороши, что изволите думать быть въ Петербургѣ 8 число; оное для васъ гораздо будетъ покойнѣе, если скорѣе пріѣхать изволите на мѣсто. Но мое желаніе все стремится къ одному, чтобъ поскорѣе возвратиться изволили.

Нонче 5 дней, какъ я лишена счастія и удовольствія пользоваться вашимъ присутствіемъ здѣсь, но оные мнѣ кажутся уже за годъ. Мое теперишнее состояніе весьма жестоко для меня, а больше еще, когда я вздумаю, что еще два мѣсяца, а можетъ быть и больше, я буду должна сносить сіе огорченіе. Ваши только милости и незабвеніе обо мнѣ могу(тъ) нѣсколько уменьшить оное.

Имѣю честь васъ поздравить съ прошедшимъ дорогимъ именинникомъ графомъ Николаемъ Петровичемъ и желаю усердно вамъ съ нимъ многія лѣта праздновать сей день во всякомъ благополучіи и совершенномъ здравіи.

Вѣра Борисовна [1]) изволила присылать въ тотъ день, какъ я пріѣхала, освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ, а въ Суботу присылала спросить и обо мнѣ, и я на сей недѣли не премину съѣздить къ ней съ моимъ почтеніемъ за ея милость. Также и княжна Варвара Ивановна Мас[альская] изволила присылать въ Суботу, чтобъ я къ ней пріѣхала обѣдать; но я извинилась на сей разъ и не была затѣмъ, чтобъ я мало ей удовольствія сдѣлала моимъ присутствіемъ, бывъ столь огорчена. Но впредъ я и къ ней не премину съѣздить, за ея ко мнѣ ласку, считая, что вамъ оное не противно будетъ. Г. Ладó вчера у меня былъ и радуется, услышавъ отъ меня, что вы, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, и просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. По приказанію вашему я сказывала всѣмъ объ вашемъ здоровьѣ. Простите мнѣ смѣлость, которую я беру, употребивъ въ мои(хъ) письмахъ наименованіе дѣдушки, столь для меня драгоцѣнное по вашей ко мнѣ милости и снисхожденію; позвольте мнѣ онымъ пользоваться и въ будущихъ моихъ письмахъ. Цѣлую ваши ручки дорогія и пребуду навсегда съ глубочайшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ и искреннею привязанностію всепокорнѣйшая и нижайшая услужница ваша.

Сестра К. Б. [2]) засвидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе.

---

[1]) Вѣра Борисовна Лопухина, сестра графа Петра Борисовича.

[2]) Калмычка Катерина Борисовна.

4.

5-го Декабря 1782 г. Бронницы.

Анна Николаевна!

Я надѣюсь, что ты первое мое письмо изъ Твери получила, которое я послалъ по почтѣ. Твое получилъ, которое ты писала съ Николашею *), что вы доѣхали хорошо. Я ѣду самъ. Удивляюсь, что такъ скоро. Время здѣсь не холодно стоитъ, и оттепели нѣтъ. Слишкомъ по сту верстъ ѣду въ день и ночью. Сіе письмо пишу изъ Бронницъ. Пятый день моей ѣзды. Сегодня здѣсь я ночую, а завтра буду въ Новѣгородѣ и увижу несчастливаго Протасова, гдѣ онъ губернаторомъ, а ночевать буду въ Подберезовѣ. И такъ считаю быть въ Четвергъ въ Петербургѣ, восьмой день моей ѣзды, и самъ удивляюсь, какъ я сношу всѣ оныя безпокойства въ моемъ состояніи. И такъ, описавъ всю мою ѣзду, осталось сказать вамъ, чтобы вы о семъ сообщили всѣмъ тремъ маленькимъ и Аленѣ, что ѣду по сю пору здоровъ и подъѣзжаю близко Петербурга. Больше ничего не знаю, что̀ бы съ дороги писать, а какъ приду въ миръ, тогда реляція великая: буду, коли время дастъ, описывать. И такъ пребывая на всегда вамъ доброжелательный, вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

5.

12-го Декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше изъ Бронницъ отъ 5 Декабря имѣла честь получить 10 числа сего мѣсяца, за которое приношу вамъ покорную и чувствительную мою благодарность, что изволите меня не забывать своею милостію. Радуюсь сердечно, что вы, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ и притомъ что изволили все сіе безпокойство въ дорогѣ сносить безъ большой трудности. Я удивляюсь и сама, какъ скоро вы изволили ѣхать; но сему способствовало время и хорошая дорога, чѣмъ вы избавились отъ продолжительнаго пути и большаго безпокойства. Изволите писать, что въ Новѣгородѣ увидите несчастливаго Протасова. Я думаю, что онъ очень былъ радъ, васъ увидя и не считалъ имѣть сего счастія, чтобъ васъ встрѣтить въ своей губерніи.

По вашему приказанію всегда сказываю всѣмъ о вашемъ здоровьѣ. Прошу васъ и впредъ меня не оставлять вашимъ писаніемъ и увѣдомленіемъ о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ, которое желаю отъ всего моего сердца, чтобъ было благополучно и невредимо; но при семъ еще больше усерднѣе желаю, чтобъ ваше пребываніе въ Петербургѣ какъ можно было меньше. Мнѣ кажется, что я уже и не дождусь сего счастливаго для меня дня, когда я буду имѣть счастіе и удовольствіе васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ и съ тою же ко мнѣ милостью, которую я всегда отъ васъ получаю съ наичувствительнѣйшею благодарностью, чѣмъ сердце мое преисполнено будетъ навсегда.

---

*) Графъ Н. П. Шереметевъ.

Графу Николаю Петровичу [1]) мое нижайшее почтеніе, ежели смѣю васъ трудить. Теперь васъ увѣдомляю о себѣ, ежели вамъ не противно, что я въ Суботу выѣхала въ первый разъ и была у Вѣры Борисовны поутру съ моимъ почтеніемъ, и она спрашивала о вашемъ здоровьѣ и очень ласково изволила обойтиться и чтобъ я къ ней чаще ѣздила. Послѣ обѣда была у Натальи А., но ея дома не застала, откуда проѣхала къ княжнѣ М. и К., которыя меня очень ласково приняли и просили, чтобъ я къ нимъ чаще ѣздила, во всякое время, когда лишь можно. А вчера была у графини Варвары Петровны [2]), и она, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ.

6.

8-го Декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Дѣдушка дорогой мой!

Уже шесть дней, какъ я не имѣю никакого извѣстія объ вашемъ здоровьѣ, хотя почта вчерась пришла, на которой я надѣялась что нибудь получить отъ васъ, что̀ меня сердечно безпокоитъ, а больше еще, что я и впредъ еще нѣсколько дней, можетъ быть, ничего не буду знать о васъ. Сколь сіе отдаленіе отъ васъ для меня огорчительно и тяжко не пользоваться вашимъ зрѣніемъ и быть столько время въ невѣдѣніи о васъ; сіе умножаетъ ежеминутно мою горесть и скуку. Прошу васъ, дѣдушка дорогой мой, ежели вамъ не трудно, увѣдомлять меня о вашемъ здоровьѣ, сколько можно чаще и меня милостью своею не забывать.

Сожалѣю очень, что время съ Воскресенья стало очень холодно, что̀, я думаю, васъ нѣсколько безпокоитъ въ дорогѣ; но я надѣюсь, что сіе письмо уже васъ найдетъ въ Петербургѣ.

Я еще никуда не выѣзжала, а въ Понедѣльникъ Наталья Яковлевна [3]), ѣхавъ мимо, изволила и ко мнѣ заѣхать. Докторъ вчера у меня былъ и сказывалъ, что онъ будетъ имѣть честь на ноничней почтѣ къ вамъ писать.

7.

8-го Декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Я доѣхалъ въ Петербургъ; самъ удивляюсь, какъ скоро, и все, слава Богу, здорово перенесъ восьмой день, и сегодня не стыну я на стужѣ. Вездѣ перебывалъ; лѣстницу снять смѣрилъ. Пріѣздъ мой чрезвычайно былъ отмѣнно милостиво принятъ, я обѣдалъ у Государыни и великихъ князей маленькихъ видѣлъ; пріятно ихъ видѣть такъ хорошо, и портреты ихъ очень сходны, которые у насъ въ Москвѣ. Всего описать не можно: буду впредъ писать. Ладо̀ мой поклонъ и скажи ему обо мнѣ, и внизу живущимъ тоже скажи, что я здоровъ доѣхалъ. Пребываю всегда доброжелательный вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

---

[1]) Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ.

[2]) Графиня Варвара Петровна Разумовская.

[3]) Наталья Яковлевна Шереметева.

При этомъ письмѣ приложена записка:

Аннушка, голубушка, здравствуй! Поклонись отъ меня княжнѣ [1]) и Парашинькѣ [2]); скажи Татьянушкѣ [3]), что я, слава Богу, здоровъ. Н. Шереметевъ.

На оборотѣ: „Аннушкѣ“. Другою рукою: „Отъ батюшки Николая Петровича получено въ Москвѣ“.

8.

15-го Декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

Письмо ваше отъ 8 числа сего мѣсяца имѣла честь получить 13 числа, за которое приношу вамъ покорнѣйшую и чувствительную мою благодарность, что меня изволите помнить, и тѣмъ больше, что, не взирая на малость времени, изволите меня увѣдомлять симъ письмомъ, какъ о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ и благополучномъ прїѣздѣ, такъ и о милостивомъ принятїи Государынею, чему я искренно и сердечно радуюсь, что изъяснить вамъ онаго не могу; но притомъ я очень опасаюсь, чтобъ столь милостивое принятїе вамъ не лишило бы меня счастїя васъ скорѣе увидѣть, нежели какъ вы изволите полагать. Но я надѣюсь, что по вашей ко мнѣ милости я не лишусь скораго увѣдомленїя отъ васъ, какъ ваше пребыванїе въ Петербургѣ будетъ полагаться, которое я желаю сердечно, чтобъ менѣе продолжалось какъ можно и присемъ всепокорнѣйше прошу васъ и впредъ не лишать меня увѣдомленїемъ о васъ. Что же изволите писать о великихъ князьяхъ, то можно представить, сколь они хороши, естьли походятъ на свои портреты и сколь прїятно на нихъ смотрѣть. Къ доктору посылала сказывать отъ васъ, что ему поклонъ изволите писать и о благополучномъ прїѣздѣ, чему онъ очень радъ, и я думаю, что онъ самъ будетъ къ вамъ писать. Также и всѣмъ сказываю о вашемъ здоровьѣ всегда.

Графу Николаю Петровичу мое почтенїе.

О себѣ васъ увѣдомляю, что я и съ сестрой обѣдали вчерась у графини Варвары Петровны, и она, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ и намъ была очень рада. А послѣ обѣда была у докторши на нѣсколько времени, потому что докторъ звалъ къ себѣ нѣсколько разъ и притомъ, что онъ и самъ ѣздитъ освѣдомляться о моемъ здоровьѣ.

9.

12-го Декабря 1782. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Теперь ты знаешь, что доѣхалъ сюда здоровъ изъ перваго письма моего и теперь все на ногахъ и еще отдыхаю, да я никуда, все во дворцѣ и нигдѣ еще не былъ. Принятъ очень хорошо, и аудїенцїя наша вчерась кончена. Я выпутался своею рѣчью, сколько могъ. Теперь стану отдыхать и помышлять ѣхать обратно или еще сказать не могу, или 27 Декабря, или Ген-

---

[1]) Княжна Масальская.

[2]) Прасковья Ивановна Ковалевская.

[3]) Татьяна Васильевна Шлыкова.

варя 3, такъ я располагаю время моего отъѣзда; не знаю, удастся ли мнѣ такъ исполнить. При семъ посылаю вамъ гостинцы. Себѣ возьми и по запискамъ раздай, кому слѣдуетъ. Я теперь спѣшу ѣхать во дворецъ: праздникъ сегодня. Вздумай только, что я всякій день во дворцѣ по два раза. Я самъ дивлюсь, какъ меня достаетъ, и вечоръ былъ въ антресоляхъ: такъ называются парадные покои на подобіе мусіи. Только очень холодно въ нихъ: они почти не топятся. Больше неколи писать, спѣшу ѣхать. Здѣсь всѣ суетятся, то я тоже долженъ дѣлать. Остаюсь доброжелательный вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

10.

19-го Декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Радуюсь сердечно, что вы, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ и дай Боже, чтобъ и впредъ ваше здоровье въ семъ положеніи пребывало. Теперь я нѣсколько больше надежды имѣю къ вашему, столь мною желаемому, возвращенію, что аудіенція ваша благополучно кончена и что вы изволили свою рѣчь такъ хорошо проговорить, которую и я еще помню [1].

Что же изволите писать, что до сихъ поръ вы все не имѣли времени отдохнуть, я оному очень вѣрю, когда изволите быть всякій день два раза во дворцѣ. И тѣмъ больше вамъ безпокойнѣе, что уже изволили отвыкнуть чрезъ столько лѣтъ, живши все въ покоѣ отъ всѣхъ оныхъ суетъ, а теперь все оное принужденнымъ находитесь противъ вашей воли дѣлать, хотя, какъ я считаю, и много тамъ изволите новаго и хорошаго увидѣть, въ числѣ чего, я думаю, и статую Петра Перваго видѣли. Но я надѣюсь, что ничто васъ не удержитъ тамъ, какъ кажется, по вашему желанію, что я желаю сердечно, чтобъ вашъ отъѣздъ изъ Петербурга могъ такъ выйтить, какъ вы изволите располагать. При семъ присланный отъ васъ гостинецъ я получила, за которое чувствительнѣйшее вамъ приношу мое благодареніе. И оная табакерка очень хороша. Также и прочее все по запискѣ раздала, за что нижайше всѣ благодарятъ.

Имѣю честь васъ поздравить съ наступающимъ праздникомъ, Рождествомъ Христовымъ и желаю вамъ отъ всего моего сердца еще много лѣтъ оной препровождать въ добромъ здоровьѣ и во всякомъ удовольствіи. Но я съ моей стороны желала бы оной препроводить съ вами, заключая мое спокойствіе въ однихъ васъ, то теперь онъ мнѣ будетъ очень скученъ. Въ Суботу графиня Варвара Петровна изволила звать къ себѣ Вѣру Борисовну съ дѣтьми; князь Дмитрій Юрьевичъ [2]) со всей фамиліей, Василій Владимировичъ [3]), Танненбергъ съ женой и докторъ Шкеда, въ числѣ которыхъ я и сестра были, и былъ концертъ и ужинъ. Въ то время Антонъ Чубаровъ

---

[1]) Стало быть, рѣчь Екатеринѣ приготовлена была еще въ Москвѣ. П. Б.

[2]) Дмитрій Юрьевичъ Трубецкой.

[3]) Василій Владимировичъ Шереметевъ.

по вашему приказанію пріѣзжалъ и сказывалъ, какъ графинѣ Варварѣ Петровнѣ, такъ и другимъ сродникамъ, чтȍ вы къ нимъ изволили приказывать, на что Вѣра Борисовна изволила мнѣ сказать, чтобъ я къ вамъ отписала отъ нея поклонъ, также и Анна Ѳедоровна свое почтеніе вамъ свидѣтельствуетъ.

А у меня въ Пятницу былъ Танненбергъ съ женою и дѣтьми и обѣщалъ и впредъ когда пріѣхать, и звали очень къ себѣ; также и докторъ, который былъ вчера у меня, и радуется, слыша о вашемъ здоровьѣ.

А вчера я была у князя Мас[альскаго], который и съ княжною очень меня ласково принимаютъ и просятъ, чтобъ я къ нимъ чаще ѣздила. Простите мнѣ, дѣдушка, естьли я вамъ нѣсколько скучаю описаніемъ о себѣ; но мнѣ кажется, не должно, чтобъ васъ не увѣдомить обо всемъ до меня касающемся, какъ по вашей ко мнѣ милости, такъ и по привычкѣ, чтобъ не увѣдомить васъ, чтȍ я дѣлаю и угодно ли оное вамъ, чтȍ мнѣ всегда служитъ закономъ пріятнымъ. А нонче или завтра думаю обѣдать у Натальи Яковлевны, если она будетъ дома.

11.

15-го Декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Два письма отъ васъ я здѣсь получилъ. Надѣюся, что и вы получили два же письма эти пустыя. Я, слава Богу, держусь своимъ здоровіемъ и берегусь, сколько возможно. Стужа здѣсь великая, а я долженъ всякой день выѣзжать во дворецъ, гдѣ особливо николи такъ холодно не бывало и вѣтренно, особливо въ залѣ и церкви, какъ на дворѣ. Я за стужею еще у обѣдни не бывалъ. Ѣзжу во дворецъ всякой день, потому что мнѣ дозволено всегда во внутренніе покои входъ имѣть, и я въ числѣ составляю... ихъ сосіете съ Государынею, а въ залѣ по случаю праздника великаго князя Александра Павловича, съ которымъ и я очень познакомился, бывъ всякой день вмѣстѣ, гдѣ они довольно рѣзвятся. Вотъ что тебя удивитъ, что танцовалъ на балѣ съ великою княгинею и никакъ отговориться не могъ. Великая княгиня такой человѣкъ: какъ скоро ее узнаешь, то . . . . сдѣлается столько учтива и благосклонна, всякаго обяжетъ къ себѣ, и я отговориться не могъ и танцовалъ, а послѣ игралъ съ нею въ карты. Великій князь и великая княгиня и принцесса Виртембергская, такая маленькая ростомъ и худа очень, какъ ребеночекъ. Я никуда не ѣзжу, окромѣ дворца, да ужиналъ у Вяземскаго. Кто меня ни зоветъ, я все еще отказываю; а надо будетъ иногда и ѣхать. У меня всегда столъ открытый, и ѣздятъ. Я одинъ почти николи не обѣдаю. Квартира моя довольна тепла, только дымна по утрамъ; здѣсь вездѣ такъ отъ фигурныхъ печей. Впрочемъ я не зналъ, какъ скучно для меня здѣшнее житіе. Образъ жизни здѣсь инаковъ, какъ въ Москвѣ; тамъ мало дамы говорятъ, а здѣсь очень много. Объ отъѣздѣ моемъ я еще ничего не могу сказать, скоро ли будетъ, но я располагаюсь не замѣшкаться. Пріемъ мой чрезвычайно ласкателенъ былъ и теперь продолжается тоже. Монументъ Петра Вели-

каго украшеніе городу великое сдѣлалъ, и я уже третій разъ, какъ объѣзжаю его и не могу еще наудовольствоваться. Ѣздилъ нарочно на Васильевскій островъ смотрѣть оттудова, совершенно хорошо. Депутаты мои еще не обѣдали во дворцѣ. Государыня (простудилась) немного, затѣмъ не изволитъ выходить въ парадные покои. Великая княгиня, видится, пошире стала; „онбэразъ", какъ многіе здѣсь говорятъ. Вотъ сколько я описалъ вѣстей новыхъ, хоть бы и Купида столько же могъ пересказать. Теперь приступимъ къ Московскимъ. Я радуюсь, что всѣ здоровы. Пожалуй, скажи имъ отъ меня всѣмъ поклонъ и чтобы меня скоро ожидали. Я не надѣюсь здѣсь замѣшкать. Я къ вамъ послалъ гостинцы на прошедшей почтѣ, гдѣ .... послалъ табакерку. Я надѣюсь, они адресованы всѣ на твое имя. Мадамѣ мой поклонъ и благодареніе за письмо. Отвѣчать здѣсь весьма порядочно трудно. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай, по пословицѣ. Всѣмъ моимъ знакомымъ мое почтеніе, нѣтъ способу ко всѣмъ особо писать. Забылъ еще сказать: Ланской очень ко мнѣ приласкался и подарилъ мнѣ два бюста великихъ князей. Обѣщалъ еще нововышедшія книги а-ля-силуета мнѣ подарить. Севодни полно писать, довольно поморалъ. Пребывая навсегда вамъ доброжелательный другъ г. П. Шереметевъ.

Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ. 16 день выѣзда моего изъ Москвы.

12.

22-го Декабря 1782. Москва. Четвергъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Письмо ваше отъ 15 числа сего мѣсяца имѣла честь получить 20 числа.

Что же изволите писать, что вы всякій день во дворецъ изволите ѣздить, что̀ вамъ очень безпокойно, я думаю, и притомъ такая тамъ стужа, чему я очень удивляюсь. Кажется, прежде сего никогда этого не бывало, чтобъ сидя въ комнатахъ терпѣть такое безпокойство изъ доброй воли. Но это, я думаю, тамошняго житія обычай, чтобъ все то дѣлать, чего и не хочется. Что же изволите имѣть дозволеніе входить во внутренніе покои и составлять сосіете Государыни, оное очень ласкательно и пріятно вамъ должно быть, чему и я радуюсь сердечно, только чтобъ сіе не помѣшало вамъ сюда скорѣе пріѣхать. Радуюсь сердечно, что великая кн(ягиня) такъ съ вами ласково обойтиться изволила, чего я иначе и не ожидала съ ея стороны, слышавъ всегда столь похвалы объ ней, и притомъ, что она своею учтивостью принудила васъ танцовать, чего, я думаю, вы и сами не изволили ожидать, чтобъ вамъ тонцовать, бывши въ Петербургѣ; также и маленькіе великіе князья что съ съ вами ласковы и знакомы, но дозвольте мнѣ сіе сказать, что я по моему чувствованію иначе и не думаю, что кто васъ увидитъ и нѣсколько узна̀етъ, то не можно, чтобъ не почитать и не любить, видя васъ украшеннымъ столько добродѣтелями, которыя составляютъ благоденствіе и моихъ дней, и кои я столько чувствую всегда съ истинною благодарностью, которая по вѣкъ мой будетъ запечатлѣна въ моемъ сердцѣ.

О принцессѣ Виртембергской, что изволите писать, то она, повидимому, не очень украшаетъ фамилію своею красотой, а можетъ быть своими хоро-

шими качествами. Да есть ли смѣю спросить, какъ вамъ ея супругъ показался; я думаю, что пріятно ихъ вмѣстѣ всѣхъ видѣть, болѣе еще, ежели они согласны [1]).

Радуюсь сердечно, что и Ланской столь къ вамъ учтивъ и ласковъ. По вашему изъясненію въ письмѣ мнѣ кажется, вамъ не очень скучно тамъ, хотя вы и изволите писать, что располагаетесь не замѣшкаться, но что и сами еще не изволите знать, когда отвѣтъ вамъ будетъ, что̀ для меня, признаюсь вамъ, дорогой дѣдушка мой, очень неутѣшительно, да притомъ еще, какъ изволите писать, что и депутаты ваши не обѣдали еще во дворцѣ, такъ и оное васъ удерживаетъ по тѣхъ поръ, какъ ихъ накормятъ. Что же касается до монумента Петра Великаго, для котораго вы изволили сбираться ѣхать нарочно въ Петербургъ, теперь давно имѣли время видѣть, которой долженъ быть прекрасенъ по вашему описанію, что со всѣхъ сторонъ его смотрѣть изволили.

Что же изволите писать, что не имѣете время ко всѣмъ особливо писать, я оному очень вѣрю; но естьли смѣю по моей къ вамъ привязанности доложить, чтобъ къ Вѣрѣ Борисовнѣ отписать хоть одно письмо, потому что она очень недовольна, что къ ней не изволите писать. Здѣсь новаго ничего не слышу, да и негдѣ, хотя и выѣзжаю по нуждѣ за ласку, которую мнѣ по милости своей оказываютъ.

О себѣ доношу вамъ, что я въ прошлой Понедѣльникъ обѣдала у Натальи Яковлевны, а она меня свозила послѣ обѣда къ Ма́рѳѣ Васильевнѣ, къ которой я сама не смѣла ѣхать, не знавъ, будетъ ли ей оное пріятно. Но она довольно ласково насъ приняла и сказала, что о праздникѣ пришлетъ за нами. А вчерась Анна Семеновна Шереметева прислала звать къ себѣ обѣдать; также и докторша была у меня вчерась.

Я думаю, что Купидонъ теперь въ великихъ суетахъ и когда пріѣдетъ сюда, то засыплетъ насъ вѣстями.

13.

19-го Декабря 1782. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Нѣтъ возможности всѣ мои безпокойства описать, и удивляюсь, какъ я сношу. Обѣдаю не въ свое время, ложусь спать за полночь. Всякой день зовутъ, всякой день на три обѣда, не знаю куда попасть. Столь учтивства, что уже силъ недостаетъ. Вчерась былъ на ассамблеѣ у князя Александра Михайловича [2]), гдѣ меня запотчивали и заласкали; изрядно было, и танцы великіе, гдѣ Матюшкина всѣ свои грасы оказывала. Объ аудіенціи теперь вы знаете, что кончена въ прошедшее Воскресеніе, а сегодня былъ обѣдъ во дворцѣ. Насъ потчивали, и веселы были всѣ очень. Вчерась былъ и ужиналъ у великаго князя и великой княгини, игралъ въ карты и обыгралъ. Она не очень здорова. Только какъ ее узнаешь, преучтивая и наполнена грасами дама, и

---

[1]) Значитъ, слухъ о несогласіи Зельмиры съ ея мужемъ дошелъ и до Москвы. П. Б.

[2]) Князя Голицына, фельдмаршала. П. Б.

я въ короткое время сдѣлался очень знакомъ съ нею. Объ отъѣздѣ моемъ ничего вѣрно сказать не могу, какъ полагаю выѣхать отсюдова 4 Генваря, а прямо самъ не знаю еще, вѣрно ли это. Теперь лишь пріѣхалъ изъ дворца и усталъ очень. Завтра Португальской министръ даетъ мнѣ балъ и зоветъ весь парадъ, и другіе тоже сбираются мнѣ сдѣлать. При семъ посылаю новой календарь и книжку, какую мнѣ пожаловала Государыня, ея сочиненія, для обученія великихъ князей. Скажи всѣмъ живущимъ, что я здоровъ. Больше писать неколи: темно становится. Пребываю навсегда вашъ доброжелательный другъ г. П. Шереметевъ.

14.

26-го Декабря 1782 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Что изволите писать, что вамъ столько учтивости и ласки оказываютъ и васъ вездѣ зовутъ, что и подлинно вамъ и время недостаетъ вездѣ пребывать, и что у князя Александра Михайловича Голицына быть изволили и тамъ изрядно было, то я оному не удивляюсь, слышавъ, что у него всегда много людей бываетъ, гдѣ и Матюшкина еще по старой привычкѣ оказывала. себя, хотя уже, какъ я думаю, и не имѣетъ уже прежнихъ своихъ прелестей Но по вашему описанію это еще не послѣдніе зовы для васъ будутъ: и другіе еще не преминутъ васъ звать, и бывъ столь всѣ рады послѣ толь долговременной съ вами разлуки, да притомъ тамъ и образъ жизни совсѣмъ не такой, какъ здѣсь, и они очень такими праздниками щеголяютъ, въ числѣ которыхъ и министръ Португальскій отъ нихъ не отстаетъ.

Радуюсь сердечно, что великій князь, а больше еще великая княгиня такъ съ вами ласковы и знакомы, и у нихъ изволили кушать. Я не удивляюсь, что въ столь короткое время, какъ вы изволите писать, столь познакомились съ великой княгиней, нашедъ ее столь учтиву и наполненну столь пріятнымъ обхожденіемъ. А что же изволили выиграть у нихъ, оное не такъ дурно и лучше нежель проигрывать, какъ вамъ и часто случается.

За календарь и другую книжку всепокорнѣйшую вамъ, дѣдушка, приношу мою благодарность. И такъ какъ они сочинены для маленькихъ великихъ князей, то они хороши и для нихъ веселы будутъ.

Въ Пятницу прошлую Вѣра Борисовна изволила сдѣлать мнѣ милость ко мнѣ заѣхать, изволила казать мнѣ ваше письмо, которому она очень рада, и ко мнѣ очень ласкова и не забываетъ меня своей милостью. Также и княжна Мас[альская] очень ко мнѣ ласкова и вчера была здѣсь у обѣдни. А я вчера была у графини Варвары Петровны, потому что изволила присылать за нами. И она, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ.

15.

22-го Декабря 1782. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Объ отъѣздѣ моемъ отсюда еще ничего вѣрно сказать не могу и уповаю, что послѣ новаго года тотчасъ буду откланиваться; къ тому же и дру-

гія депутаціи зачинаютъ пріѣзжать. Такъ какъ свадьба на свадьбу наѣдетъ, не примѣчаютъ хорошаго; такъ и депутація на депутацію тоже неловко. Мнѣ довольно скучно здѣсь и безпокойно. Я глаза свои всѣ выкурилъ отъ дыму. Здѣсь мода, отъ обычаю камлей вездѣ дымно, и писать холодно полночи, и въ лучшихъ покояхъ тоже дѣлается, отчего всѣ и немогутъ, и большіе и маленькіе, всѣ кашляютъ и не выходятъ, и вездѣ такая скука. Съ большимъ безпокойствомъ я не знаю, какъ спать; такъ и вчерась было со мною. Обѣдалъ у Чернышева, побывалъ на часъ дома, гдѣ Купида множество вѣстей насказалъ. Послѣ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ пробылъ до одиннадцатаго часу, потому что я антре имѣю во внутренніе покои. Я съ протчими избранными составляю сосіету Государыни. Оттудова на Литейную улицу, куда я былъ званъ на ассамблею и балъ, гдѣ лишь только повидался и уѣхалъ. Такъ все для меня скучно, и пріѣхалъ домой за полночь. И все такъ-то ложусь здѣсь спать и видѣлъ славной домъ Ѳедора Матвѣевича [1]). Славны бубны за горами! Меня еще ничто не удивило здѣсь окромѣ антресолей Государыни, гдѣ уже дважды былъ въ числѣ избранныхъ и слывутъ моими любимыми покоями, а и въ нихъ холодно и несетъ, но въ истинну сказать, что со вкусомъ и пребогато убраны и рѣдкостей много, особливо въ родѣ Китайскихъ вещей. Въ Эрмитажѣ еще я не бывалъ, потому что очень холодно. Она не очень здорова: насморкъ и кашляетъ. Государыня изволила приказать бюстъ батюшкинъ прислать къ себѣ, которой будетъ поставленъ въ Эрмитажѣ. И я свой здѣсь дѣлаю и очень похоже вылѣпленъ, и такъ я заказалъ его дѣлать, а другой дѣлаю, а-ля-силуетъ: здѣсь всѣ дѣлаютъ изъ мѣлу какъ хотятъ. Севодни даетъ мнѣ ужинъ и концертъ Иванъ Ивановичъ [2]). Это все насъ празднуютъ. А завтра обѣдъ у Вяземскаго, а тамъ будетъ у Потемкина, а тамъ у Голицына, а тамъ у Завадовскаго. Замученъ своимъ угощеніемъ. У Государыни былъ уже обѣдъ чиновной для насъ, а у великаго князя еще, по притчинѣ, что великая княгиня нездорова, еще не было. И такъ всѣ праздники наши должны кончиться. Въ Царскомъ Селѣ еще не былъ: не приказываетъ Государыня ѣхать, потому что очень холодно. Вотъ сколько я написалъ вѣстей, не меньше Купидиныхъ, который, какъ разсыпная грыжа, вездѣ суется и весь вѣстями преисполненъ. Мое большое стараніе какъ скоро возможно отсюдова выѣхать. Мой поклонъ г. Ладо̀ и благодарить за его письмо и сказать ему, что я еще держусь, не при(ни)маю никакого лекарства, окромѣ что и въ Москвѣ изъ него принималъ. Съ Рожерсономъ часто вижусь, только все въ картахъ, великой охотникъ играть и въ большую играетъ. Вчерась Государыня изволила меня спрашивать, кто мой докторъ въ Москвѣ и кто велъ мою послѣднюю болѣзнь, то лихой поворотъ можетъ г. Ладо̀, на что я въ такомъ случаѣ сказалъ, сколько я былъ имъ доволенъ и то не забылъ сказать, что много его заслугъ было во время чумы, и я все сначала моего пріѣзду все объ немъ работаю исполнить, чего онъ желаетъ; только все здѣсь

---

[1]) Толстаго? П. Б.

[2]) Шуваловъ, оберъ-камергеръ. П. Б.

медленно дѣлается и лучшая случайность людей не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ, а я все не отстану стараться объ немъ привести къ желаемому имъ окончанію. Живущимъ съ вами скажи, что я здоровъ, но очень обезпокоенъ и удивляюсь самъ, какъ я выдерживаю. Притомъ всегда въ цѣлой день всѣ люди у меня, и я держу столъ; всегда обѣдаютъ у меня, когда дома или дома нѣтъ. И такъ, довольно описавъ на досугѣ (первое утро еще, что никого у меня нѣтъ), окончу мое письмо. Надѣюсь, что баронъ Лотицъ достальное все опишетъ, и онъ уже и здѣсь принималъ слабительное и шпанскихъ мухъ ставилъ, побывавъ въ оперѣ у Жибеты. Я ни въ какомъ спектаклѣ еще не бывалъ; сказываютъ всѣ, не хорошъ, а холодъ сильной. Въ театръ Государыня не ходитъ, такъ я и не попаду въ него. И такъ отсюда выѣду. Полно писать.

16.

29-го Декабря 1782 г. Москва. Четвергъ.

О бюстѣ батюшки вашего, что Государыня изволила приказать прислать, я думаю, что это мраморный, что̀ у васъ въ Кусковѣ, котораго нѣсколько и жаль, что онъ такъ похожъ и хорошо сдѣланъ; да притомъ и у васъ такого не будетъ, развѣ сдѣлать вновь, который можетъ быть и не столь будетъ хорошъ. Радуюсь, что и вашъ столь похожъ также и а-ля-силуетъ, который естьли сходенъ будетъ, то можно, я думаю, ихъ много надѣлать.

Теперь, можетъ быть, кончены праздники вамъ и съ депутаціею у Государыни, только что великій князь еще обѣда не давалъ. Чтобъ онымъ не продолжили, хотя уже и другіе депутація пріѣзжаютъ, въ числѣ которыхъ и Лук. Ивановичъ Кам. *) съ своимъ кашлемъ прибыть изволитъ и долженъ будетъ говорить рѣчь съ великими остановками. Что же касается до праздниковъ, которые сбираются вамъ давать, то кажется и невозможно будетъ вездѣ вамъ перебывать. Но какъ вы недолго изволите быть въ оныхъ, такъ оное нѣсколько и избавить васъ отъ большого безпокойства. Однакоже со всѣмъ тѣмъ вы теперь въ одинъ мѣсяцъ больше изволили переѣздить и быть въ гостяхъ, нежель здѣсь во всѣ 12 лѣтъ, что̀ и доказываетъ, какъ вы и сами изволите писать, что тамъ то должно дѣлать, чего и никакъ не хочется. Сіе одно могло бы скорѣе васъ принудить пріѣхать жить по вашей волѣ.

О каминахъ, что изволите писать, то оное очень безпокойно для вашихъ глазъ, да и страшно, чтобъ не простудиться, чего я совѣтую вамъ, дѣдушка, очень беречься, и тѣмъ больше, что тамъ вездѣ такъ холодно, будто вымараживаютъ, какъ въ избахъ крестьянскихъ.

О господинѣ Ладо̀ что̀ изволите писать, я все оное ему перескажу, чему онъ очень будетъ радъ, узнавъ, сколь изволите прилагать старанія объ немъ. Что же до Рожерсона касается, то онъ такъ же, какъ и другіе, любитъ карты. Хотя и докторъ, но я думаю, что онъ имѣетъ довольно время сидѣть съ картами, не имѣя много на рукахъ, кого лѣчить.

---

*) Камынинъ? П. Б.

Я слышала здѣсь новость, о которой васъ увѣдомляю, будто князь Потемкинъ скоро сюда будетъ; только какъ здѣсь любятъ сочинять, то я оному не очень вѣрю.

Барону я очень благодарна, что онъ не лѣнится ко мнѣ писать и притомъ очень плодовитое извѣщеніе дѣлаетъ. Но онъ бѣдненькій и тамъ не лучше своимъ здоровьемъ, какъ и здѣсь. Также и князь мнѣ описываетъ о вашемъ здоровьѣ, что для меня всего нужнѣе.

Я не знаю, изволите ли всѣ мои письма получать, которыхъ съ симъ письмомъ должно быть 6, кромѣ тѣхъ двухъ, что̀ изволите получить въ Петербургѣ пріѣхавши. Простите мнѣ, дѣдушка, есть ли мои письма очень длинны; сіе есть лучшее для меня время, когда я къ вамъ пишу, считая нѣсколько будто я съ вами.

17.

26-го Декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

За письмо твое благодарствую и поздравляю васъ съ наступившимъ праздникомъ, желаю благополучно препроводить. Я забылъ прежде послать, что̀ обыкновенно наблюдаю, то разсудилъ лучше поздно нежели николи. На завтрешней почтѣ къ вамъ отправлю атласъ и Аленѣ тоже (на нихъ тоже подписано), и скажите съ вами живущимъ, что я здоровъ, но отъ безпокойства очень устаю. Ни одного дня покою нѣтъ: всякій день обѣда на три и ужина тоже. Всѣ зовутъ, и поспѣть возможности нѣтъ вездѣ поспѣть. Сегодня званы мы со всею депутаціею обѣдать къ великому князю. По сіе время все идетъ гладко, что̀ далѣе будетъ? Я буду откланиваться въ Новый годъ со всею депутаціею. Это еще новое, не бывало, и мнѣ точно сказано, что въ консидерацію мою все оное сдѣлается. Предполагаю выѣхать отсюдова 4 Генваря и не позже какъ 7. И такъ съ помощію Божіею надѣюсь быть въ Москву около 15 Генваря. Статую же Петра Великаго, какъ ни выѣду съ двора, все объѣзжаю я ее и любуюсь: великое украшеніе сдѣлала городу, и по самой истинѣ можно сказать, достойно ее видѣть, такую прекрасную вещь. Въ Четвергъ у меня обѣдать будетъ сестра Ланского, моя крестница, которая меня столько любитъ и ласкаетъ меня, хотя бы дочь родная. Когда меня ни увидитъ, такъ на лицѣ ея радость написана, и все меня проситъ, чтобъ я ее любилъ. И братъ ея очень ласкается ко мнѣ и помнитъ и знаетъ всѣ милости батюшкины къ дому ихъ. Вотъ сколько я вѣстей и новизны написалъ. Вчерась былъ на игрищѣ во дворцѣ, но не игралъ: плохи мои ноги; а послѣ былъ у Государыни въ ея покояхъ и тамъ до одиннадцатаго часу игралъ въ карты. Слава Богу, всѣ выздоровѣли, и великіе князья маленькіе были на игрищѣ, похудали. Здѣсь многіе жалуются кашлями и насморками. И такъ, видится, я оканчиваю мой караванъ. Сегодня послѣдній церемоніальный обѣдъ. Я еще ничего не видѣлъ за стужею: Государыня не приказываетъ мнѣ смотрѣть, чтобы не простудиться. А другъ мой Иванъ Ивановичъ за все берется и все не впопадъ. Но со всѣмъ тѣмъ и стыдно, и всѣ меня

очень ласкаютъ, а я по пословицѣ иду: Донъ, Донъ, а дома лучше [1]). Полно сегодня писать, не можно всего. Остаюсь навсегда благосклонно вашъ другъ г. П. Шереметевъ. Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ.

18.

2-го Января 1783 г. Москва. Понедѣльникъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Всего лучше для меня, что изволите обнадеживать объ вашемъ скоромъ отъѣздѣ, чего я нетерпѣливо и сердечно желаю, чтобъ скорѣе васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ и съ тою же милостью ко мнѣ, которая для меня столь дорога.

Радуюсь, что Государыня также и великій князь и всѣ въ добромъ здоровьѣ. А что вы изволите такъ поздно сидѣть у Государыни и играть въ карты, такъ я думаю, что иные оному и не очень рады. А что на игрищѣ изволили быть, но не играли, то, я думаю, что оное вамъ и не нужно, а только надобно было, дѣдушка, вамъ загадать, скоро ли изволите оттуда выѣхать.

Что же касается до Ланского сестры, оное для васъ, я думаю, пріятно, что она столь къ вамъ ласкова, и притомъ это имъ обоимъ честь дѣлаетъ, что они такъ помнятъ милость батюшки вашего къ ихъ фамиліи.

О Иванѣ Иванычѣ [2]) что̀ изволите писать, я оному не удивляюсь, что онъ вездѣ мѣшается, зная его нравъ суетливой и хитрой, и чтобъ вездѣ большимъ показаться; но въ нонѣшнее время еще меньше ему удается, нежель когда можно было, да и тогда мало успѣвалъ противъ тѣхъ, кто зналъ его. Однако со всѣмъ тѣмъ онъ всегда поверхность очень ласковую оказываетъ, хотя и не думаетъ того.

При семъ и присланный отъ васъ атласъ я получила, за которой всепокорнѣйше васъ благодарю, и онъ очень хорошъ, также и другой атласъ отдала по надписи.

Графу Николаю Петровичу мое нижайшее почтеніе. О себѣ вамъ донесу, что я вчера была у Василія Владимировича, потому что онъ меня звалъ; но я не долго тамъ была и поѣхала ужинать къ Натальѣ Яковлевнѣ, которая присылала ко мнѣ. А нонче поѣду къ графинѣ Варварѣ Петровнѣ поздравить съ днемъ рожденья ея и поѣду къ Вѣрѣ Борисовнѣ обѣдать, а ужинать къ Марѳѣ В., потому что онѣ изволили еще вчера присылать звать меня.

Вчера былъ князь Масальской и княжна у обѣдни и очень пеняла, что я такъ давно у нихъ не была. Такъ я на нонишней недѣли къ нимъ поѣду за ихъ такую ласку. Да притомъ и всѣ знакомые, по своей милости, меня не забываютъ, и вчера Иванъ Иванычъ Юшковъ присылалъ спросить у меня, когда изволите быть и меня поздравить съ Новымъ годомъ, чему я очень удивилась.

---

[1]) Пословицу эту и намъ случалось слышать. Она конечно сложилась въ тѣ дальнія времена, когда возникало Донское казачество, и бродячій Русскій людъ убѣгалъ на Донъ, ища приволья или спасаясь отъ наказаній. П. Б.

[2]) И. И. Шуваловъ.

19.

29-го Декабря 1782 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ. Поздравляю васъ и всѣхъ съ вами внизу, скажи имъ, съ Новымъ годомъ наступающимъ. Здѣсь такая стужа нестерпимая: сегодня 28 градусовъ, а къ вечеру будетъ еще больше. И какъ этакъ пойдетъ, то я надѣюсь отсюдова 4 числа будущаго мѣсяца выѣхать. Несносно будетъ ѣхать, а развѣ 7 выѣду, по тому что̀ будетъ четвертаго. Слабо перемѣняется. Мы церемоніально будемъ откланиваться въ Новый годъ, а вчерась откланивались у великихъ князей, и получилъ приказъ приготовить къ ихъ пріѣзду маленькихъ лошадей и зайцевъ и чтобы были большія палаты, гдѣ имъ жить. Я замучился отъ обѣдовъ и ужиновъ: по два, по три обѣда въ день зовутъ; не знаешь куда ѣхать, и сегодня звалъ еще Кобенцель ужинать, а онъ живетъ за Литейнымъ дворомъ. Стужа превеликая. У меня же сегодня обѣдъ: дама назвалась одна. При семъ посылаю нарочно реестръ, кто будетъ, и крестница моя Ланская будетъ, которая столько мною радуется: какъ увидитъ, то радость на лицѣ ея написана. Вчерась былъ концертъ во дворцѣ весьма холодной и скучной, Жебети пицала и Камаскина. Всѣ кашляютъ и охрипли, а голоски и безъ того не очень задорны, то всѣ мы рады были, что кончили ранѣе. Мнѣ Государыня приказываетъ никуда не ходить по стужѣ, то я еще и ничего не видѣлъ, окромѣ антресолей, и въ Эрмитажѣ еще не былъ: безъ себя не приказываетъ идти. И такъ я и уѣду, не видавъ ничего. Мнѣ все равно, только чтобы отсюдова выѣхать теплѣе. Государыня все равно милостива, какъ съ начала моего пріѣзда и по сіе время. Надѣюсь, что такъ и отъѣду съ тою же милостію. Всѣмъ живущимъ мой поклонъ. А теперь спѣшу одѣваться, принимать гостей. Какъ я ихъ отпотчиваю, самъ не знаю. Набралъ воза́, чѣмъ ихъ угощать. Остаюсь доброжелательный вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

Вѣрѣ Борисовнѣ скажи мой поклонъ; особливо истинно неколи писать.

20.

5-го Января 1783 г. Москва. Четвергъ.

Дорогой мой дѣдушка!

Радуюсь сердечно, что Государыня такъ съ вами равно милостива, какъ и сначала, о чемъ я, право, и не сомнѣвалась, да и притомъ чтобъ оказать вамъ свое удовольствіе, сколь вы ей угодное сдѣлали, принявъ на себя такой трудный и дальній путь для исполненія ея воли. И сколь пріятно для меня, слышавъ отъ васъ, какъ она изволила беречь ваше здоровье, что ничего не дозволяетъ вамъ смотрѣть, боясь, чтобъ вы не простудились. Хотя во дворцѣ и очень холодно, какъ быть изволили на концертѣ, которой, какъ изволите писать, столь былъ скушенъ, но по счастью, что скоро кончился. Хотя и красавица баронесса Жибете и Камаскина пѣли, но онѣ большаго удивленія не могли сдѣлать вамъ, потому что вы уже сколько разъ ихъ слышать изволили.

Что же изволите писать о маленькихъ великихъ князьяхъ, что они васъ просили, чтобъ имъ изволили приготовить здѣсь маленькихъ лошадей, видно, что они собираться изволятъ сюда на житье.

За реэстръ гостямъ покорнѣйше васъ благодарю и думаю, что нѣсколько трудно будетъ ихъ угощать, имѣвъ толь малый сервизъ. Да если смѣю припомнить вамъ, какъ изволили располагаться, чтобъ никого къ себѣ не звать и никуда не ѣздить; но видно, что тамъ не такъ дѣлается, какъ ваше желаніе было и васъ вездѣ такъ много зовутъ, что изъ учтивости одной должны хоть въ одинъ обѣдъ поспѣть.

Вчерась у меня была воеводша и насказала вѣстей кучу, а внучка отъ маскарадовъ и забавъ неможетъ. И у насъ здѣсь стужа превеликая; съ недѣлю не меньше какъ 20 градусовъ, да и все время очень холодно. По увѣдомленію князя Ивана А. и барона радуюсь, слыша, что вы столь много изволите выигрывать, и желаю, чтобъ и сюда привезли сіе обыкновеніе, чтобъ и здѣшнихъ обыгрывать.

21.

2-го Января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Поздравляю васъ съ наступившимъ Новымъ годомъ. Здѣсь морозы несносные, какая великая стужа: все 28 или 24 градусовъ всякой день продолжаются. А я все выѣзжаю: то тамъ обѣдаю, то тамъ ужинаю, и во дворцѣ всякой день. А холодъ вездѣ несносной......., все камельки, а печи только для виду и не закрываются николи. Вчерась, какъ день Новаго года, я на балѣ церемоніально откланивался со всѣю депутаціею, а въ Пятницу буду приватно откланиваться, то-есть 6 числа, а 7 поѣду, то надѣюсь быть около 15 въ Москвѣ, и тамъ всѣмъ моимъ безпокойствамъ будетъ конецъ. Я какъ вчерась поздравлялъ великую княгиню съ Новымъ годомъ, то она тоже изволила отвѣтствовать, а притомъ сказать, что надѣется пріобрѣсти въ Новый годъ, но я теряюсь тѣмъ, что вы отъ насъ отъѣзжаете. Весьма милостивое и хорошее бонъ-мо сказала. Истину сказать, кто ее узнаетъ, тотъ не можетъ не отдать справедливости, что весьма милостивая и почтенная особа. Вчерась еще на прощаніяхъ танцовалъ польской, а вечеръ былъ у Государыни во внутреннихъ покояхъ, гдѣ равно все милостиво продолжается со мною; тоже и великій князь, только что рѣдко бываю у него, потому что всегда должно быть по вечерамъ у Государыни. Вчерась произведеній не было, окромѣ гвардіи, или по послѣдней мѣрѣ я только знаю. Мой поклонъ всѣмъ живущимъ внизу и поздравить съ Новымъ годомъ. Я не знаю, какъ я поѣду, ежели морозы такъ продолжатся, каковы теперь; а все ѣхать надобно. Поѣду тише; чтобы не замерзнуть, ранѣе стану становиться на станціяхъ. Рахмановъ, надѣюсь, къ вамъ доѣхалъ. Я ему приказывалъ о себѣ вамъ разсказать, какъ я живу здѣсь. Теперь полно писать: ѣду обѣдать къ Остерману. А стужа 25 градусовъ сегодня. Что дѣлать, надо всѣмъ угодить. А еще остается обѣдъ у князя Потемкина, которой много ласки и учтивства мнѣ оказываетъ.

22.

5-го Января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ, благодарствую. А я сколько ни крѣпился, чтобы не охрипнуть здѣсь, какъ у всѣхъ здѣсь, нѣтъ, охрипъ и другой день сижу дома. Сегодня получше. Все это отъ бельэтажей холодныхъ и нетопленныхъ такъ я терплю, и кормятъ насъ, какъ свиней на убой, то желудокъ притомъ терпитъ. У князя Потемкина обѣдали во всей славѣ. Здѣсь стоитъ великая стужа, и что я ѣлъ, самъ удивляюсь, какъ прошло: сортовъ 10 разныхъ пироговъ и жаркихъ. И самъ онъ занемогъ тѣмъ же: охрипъ, да въ прибавокъ и горло у него болитъ, а то было сегодня условились ѣхать въ его домъ студеной Аничковской смотрѣть, но на семъ праздникѣ отложили. Ежели я завтра выѣду, то и откланиваться буду, а поѣду Воскресеніе, то-есть 8 числа сего мѣсяца; а коли выѣду Воскресеніе, то и откланяюсь; не то, поѣду во Вторникъ 10 числа. И такъ надѣюсь около 20 быть въ Москвѣ. Мнѣ и самому такъ скучилось здѣсь жить, что я очень радъ буду, какъ выѣду отсюдова. Здѣсь все старое по старому, скучно, одинъ баронъ веселъ, здѣсь по всѣмъ шинкамъ перебывалъ. Я почти его не вижу. Всѣ здѣсь нездоровы и очень скушно препровождаютъ. Я окромѣ антресолей ничего не видалъ и въ Эрмитажѣ не бывалъ, потому что (Государыня) безъ себя не приказываетъ идти, и сама будучи не очень здорова. Еще въ мою бытность не было тамъ собранія, то я и надѣюсь, что и уѣду, не видавъ его, и исполнивъ мою цѣль видѣть статую Петра Великаго; съ удивленіемъ нѣсколько разъ все смотрю. И при семъ посылаю къ вамъ медаль, каковая ни есть. Князь Потемкинъ подлинно ѣдетъ и будетъ у меня обѣдать въ Москвѣ, такъ мнѣ далъ слово вѣрно и будетъ только два часа въ Москвѣ. Я очень доволенъ его пріемомъ и ласкою къ себѣ. Какъ генералъ, отъ всѣхъ удовольственно принятъ, и насъ всѣхъ кормятъ. Ежели поразтолстѣешь здѣсь, то не ихъ вина, а наша. Мои депутаты почти всѣ разъѣхалися; мало здѣсь осталось. Полно сегодня писать.

23.

9-го Января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ отъ 2 Генваря. Вы уже знаете, что я публичную аудіенцію имѣлъ по моему требованію, а на сей недѣлѣ буду приватно откланиваться и послѣ не пробуду, какъ сутки здѣсь. Я бы и прежде оное исполнилъ, но превеликія здѣсь стужи и мятелицы, которыя были, препятствовали мнѣ. При томъ я осипъ и возбудилъ мой гемороидъ, простудяся на обѣдѣ у князя Потемкина и Остерманова, въ бельэтажахъ ихъ холодныхъ, гдѣ только одни камины, и принужденъ былъ дня четыре дома сидѣть, и Рожерсонъ былъ у меня; теперь проходитъ. Я ничего окромѣ окулеканкри (?) не принималъ, и у меня всегда люди были и обѣдали. Я держу здѣсь столъ.

А мои депутаты многіе разъѣхались послѣ обѣда княжева, которой давалъ намъ во всей славѣ и со всею маниѳеценціею на золоченомъ сервизѣ, и десертъ былъ, какъ мой, составленъ изъ разныхъ каменныхъ вещей; только въ непомѣрной стужѣ обѣдали, гдѣ я и охрипъ. Уповаю, что завтра буду откланиваться, а въ Среду или Четвергъ поѣду отсюдова, то-есть 11 или 12 числа сего мѣсяца, что и Рожерсонъ совѣтуетъ мнѣ выѣхать отсюда, видя, что я безпокойно живу здѣсь, все въ дыму. И такъ, многаго не видѣвъ, уѣду, объѣхавъ статую Петра Великаго, и пущусь въ дорогу. Всѣмъ живущимъ внизу и Катеринѣ Борисовнѣ мой поклонъ и маленькой, у Зубатова живущей, тоже; а мнѣ особливо писать время нѣтъ, а скажи имъ, что я письма ихъ получилъ. Сегодня былъ у великаго князя, и я званъ, но не поѣду и выѣду завтра, чтобы откланиваться. Больше согодня писать не о чемъ. Не знаю, удастся ли еще къ вамъ изъ Чудова писать. Придворный календарь при семъ посылаю; недавно они вышли.

24.

12-го Января 1783 г. С.-Петербургъ.

Анна Николаевна!

Письмо ваше получилъ. Моя хрипота прошла. Я былъ вчерась во дворцѣ и вечеръ весь пробылъ тамъ. Здѣсь пропасные морозы, все 24 и мало бываетъ меньше градусовъ, и то на часъ и два, и опять разыграется стужа; но я, не взирая на все оное, сбираюсь ѣхать. Сегодня буду откланиваться Государынѣ и великому князю и тутъ узнаю свою судьбину. Какъ отпущенъ буду, то поѣду въ Суботу: то будетъ 14 число сего мѣсяца. И такъ, смотря по погодѣ, какъ доѣду, не могу сказать. Смотря по погодѣ: коли теплая будетъ, то поскорѣе поѣду, а коли холодно, то потише, чтобы не замерзнуть въ дорогѣ. Вотъ новость вамъ пишу: какъ писалъ сіе письмо, то подкинули подъ окошко нѣсколько экземпляровъ, стихи кѣмъ принесенные, отъ кого, не знаю, и кѣмъ подкинутые; нашелъ изрядно сочиненные и никакого ласкательства нѣтъ; при чемъ посылаю одинъ экземпляръ вамъ, а другой отдай маленькимъ обоимъ, а третій въ библіотеку Вороблевскому. Какъ я еще не видѣлъ Эрмитажа, то завтра не будутъ ли мнѣ его казать, то, кажется, навѣрно я въ Суботу могу выѣхать отсюдова; тѣмъ моя корреспонденція кончится съ вами. Живущимъ внизу скажи, что я здоровъ и какъ я намѣренъ отсюдова выѣхать. Исполнится ли такъ, не знаю. Впротчемъ все со мною происходитъ какъ начало самое было; съ тою развязностью и милостью продолжается, что, уповая на милость Божію, и окончу оное мое послуженіе и ото всѣхъ получа всякое удовольствіе, и угощеніе, и желаніе, что всѣхъ вообще, чтобы я здѣсь пробылъ долѣе, онымъ свидѣтельствуетъ всѣми, что мое бытіе здѣсь имъ было пріятно. Больше писать нечего, или лучше сказать, мнѣ время коротко: надо ѣхать во дворецъ, предоставляя и такъ самолично все пересказать, чего за краткостію времени недоставало мнѣ описать всего. Остаюсь навсегда вашъ благосклонный другъ г. П. Шереметевъ.

25.

17-го Января 1783 г. Новгородъ.

Анна Николаевна!

По окончаніи всѣхъ моихъ безпокойствъ и претерпя большія стужи и угощенія бельэтажевъ (избавь Боже всякаго человѣка, какъ холодно въ нихъ!) охрипнувъ, цѣлую недѣлю не выѣзжалъ съ двора, даже что тѣмъ тронулъ милосердое сердце Ея Величества: сожалѣя обо мнѣ, милостиво изволила ко мнѣ присылать спросить. Все прошло, и я опять былъ во дворцѣ, имѣлъ счастіе равно милостиво принятъ быть и откланяться и въ дорогѣ теперь и сіе пишу изъ Новагорода 17; съ маіеромъ Протасовымъ вмѣстѣ обѣдалъ и много старины вспомнилъ, и сегодня же ночевать буду въ Бронницахъ.

Остается одно желаніе скорѣе и здорову доѣхать до своего попелища; всѣмъ съ вами живущимъ сказать, что я въ дорогѣ и не мѣшкаю ѣхать, а Николай Петровичъ остался еще въ Петербургѣ для балу понедѣльничнаго у великаго князя, а гдѣ нагонетъ, я не знаю. Сегодня Вторникъ, какъ сіе пишу; не знаю, поспѣю ли Воскресеніе пріѣхать къ Москвѣ. Пребываю доброжелательный вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

26.

21-го Января 1783 г. Тверь. Въ ночь, Субота.

Анна Николаевна!

Надѣюсь, что ты и всѣ живущіе съ вами знаете, что я выѣхалъ изъ С.-Петербурга и князь Долгоруковъ меня наѣхалъ въ Новѣгородѣ, съ которымъ я къ вамъ и писалъ; надѣюсь, вы оное письмо и получили. Я замѣшкался въ Петербургѣ долѣе, нежели чаялъ. Откланявшись Государынѣ, я ѣхать хотѣлъ; но Государыня поутру изволила прислать свой портретъ мнѣ, которой я, видя, похвалилъ быть сходну съ Ея Величествомъ, то опять былъ долженъ въ друго(й) ра(зъ) ѣхать благодарить и откланиваться. Дорога очень дурна, и ѣхать поспѣшать никакъ невозможно отъ выбоинъ. Туда было холодно ѣхать, а оттудова очень тепло, и лошадямъ тяжело везти экипажъ. Изъ Твери, гдѣ я взялъ покой половина дня и ночую; при томъ вчерась наѣлся щей, которыя сдѣлали мнѣ лишнюю пакость и тѣмъ удержался здѣсь до завтрава утра, а завтра поѣду и буду обѣдать въ Завидовѣ, а ночевать въ Клину; а какъ поспѣю въ Москву, самъ не знаю. Сказываютъ, что дорога отъ Клину очень дурна, то и быть къ Москвѣ, то въ Понедѣльникъ буду обѣдать въ Пашкахъ, а ночевать въ Черной. И такъ прежде Вторника быть въ Москвѣ не могу; сверхъ всего увижу, какъ оно выйдетъ. Вотъ описаніе всего моего вояжа. Здѣсь я накупилъ всякихъ вздоровъ, изъ которыхъ посылаю къ вамъ гостинецъ, которые получите по росписи, писанной Чубаровымъ, и себѣ возьмите и раздѣлите по адресамъ ихъ и имъ скажите все, что я къ вамъ писалъ и нарочнаго къ вамъ посылаю Якова ѣздоваго. А я все на досугѣ сидѣлъ, вечеръ великой, и дѣлать нечего. Пребываю навсегда доброжелательный вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

P. S. Еще здѣшнихъ коврижекъ кулекъ посылаю, раздѣлите ихъ по всѣмъ.

Послано при семъ.

Настенькѣ: Платокъ шелковый, саржевый, парчи темной съ серебромъ, замочекъ.

Яшинькѣ: На камзолъ парчи съ золотомъ, замочекъ.

Маргаритушкѣ: Платокъ розовый, шелковый, скляночка фарфоровая, замочекъ.

Аннѣ Николаевнѣ: Парчи темной съ серебромъ, замочекъ.

Катеринѣ Борисовнѣ: Парчи бѣлой съ серебромъ, замокъ.

Аленѣ: Платокъ саржевой, парчи бѣлой съ серебромъ, замокъ.

Мадамъ Дувріи: замокъ.

Кому что, на всемъ подписано, и разобрать по надписямъ.

27.

23-го Января 1783 г. Шоша. Понедѣльникъ, вечеръ.

Анна Николаевна!

Сегодня я доѣхалъ, какъ губернскій предводитель, въ свою губернію и какъ помѣщикъ въ свою деревню. Ночую сегодня въ Шошѣ, деревня, которая начинаетъ Московскую губернію. Дорога отъ оттепели и мятелицы стала очень дурна, и почти все шагомъ ѣхать надобно, и выбоины великія сдѣлались. Еже(ли) завтра морозомъ не поправится, то сказываютъ, что отъ Клину очень дурна до самой Москвы. Я завтра буду обѣдать въ Клину, то есть 27 сего мѣсяца. И такъ прямо не знаю, какъ я попаду въ Москву, куда доѣхать великое желаніе мое, чтобы избавиться всѣхъ толчковъ, получаемыхъ отъ худой дороги, и все болитъ отъ толчковъ получаемыхъ. Мнѣ мужики здѣсь поднесли стерлядей, изъ которыхъ посылаю одну тебѣ, а другую отдай Аленѣ, а третью отдай маленькимъ и скажи имъ обо мнѣ, гдѣ я и какъ я. Вчерась я послалъ изъ Твери Яшу къ вамъ съ письмомъ и гостинцами Тверскими; надѣюсь, все оное получили. И такъ увѣдомя васъ о себѣ, пребываю навсегда доброжелательный вашъ другъ г. П. Шереметевъ.

*

Повидимому, Калмычки не разрывали сношеній и съ своими земляками, между которыми у нихъ были и близкіе. Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующимъ письмамъ.

1.

27-го Апрѣля 1786 г. Москва.

Любезная сестрица Анна Николаевна!

Извѣщаю васъ, что я сего числа съ господиномъ моимъ, владѣльцемъ Бодогоемъ, въ Москву благополучно прибылъ и остановились квартирой въ Таганкѣ въ домѣ Гусятникова. Желательно мнѣ съ вами повидаться, но только на оной разъ отъ владѣльца отбыть не могъ, а когда Богъ благоволитъ,

то уже завтра. Причина же та, что я не знаю, гдѣ сыскать вашего дома. Когда вамъ благоугодно будетъ, прошу прислать нарочнаго человѣка. Впрочемъ остаюсь на всегда братъ вашъ Джамба Гелюнъ.

2.

Государынямъ моимъ, любезнымъ сестрицамъ, Екатеринѣ Борисовнѣ и, Аннѣ Николаевнѣ!

Желаю вамъ отъ всего моего усердія здравія и всякаго благополучія. Чрезъ сіе увѣдомляю, любезныя мои сестрицы, я васъ о себѣ, что мы изъ Москвы отправились въ Петербургъ сего Мая 13 числа всѣ благополучно, а вамъ желаю оставаться также благополучно жъ. Даруй Богъ, чтобъ впредъ видѣться мнѣ съ вами, возвратяся изъ Петербурга. И тако, отдая вамъ мое нижайшее почтеніе, остаюсь братъ вашъ Денбу Гелу.

3.

27-го Мая 1786 г.

Любезныя мои сестрицы, Екатерина Борисовна и Анна Николаевна!

Добраго здоровія вамъ желаю! Извѣщаю вамъ, что мы сего теченія 19 дня въ С.-Петербургѣ благополучно прибыли и находимся по Литейной улицѣ, противъ полковой (Преображенскаго полка) канцеляріи. О семъ донеся, покорнѣйше прошу утолить мою жажду желанія слышать вашего благополучнаго пребыванія. Я бы желалъ всегда наслаждаться зрѣніемъ пріятно-отмѣннаго по милости господъ вашихъ пребыванія. Но какъ будучи подобострастенъ власти, того совсѣмъ лишаюсь. Я считаю несчастною сего вѣка перемѣну, которая отдѣлила насъ другъ отъ друга столь далеко и, прекратя оное, остаюсь наивсегда со искреннимъ моимъ къ вамъ почитаніемъ и пребуду, государыни сестрицы, вашъ покорный слуга и братъ Джамба Гелюнъ.

*

По возвращеніи изъ Петербурга, графъ Петръ Борисовичъ уже не покидалъ Москвы и ея окрестностей. Не смотря на преклонные годы и на припадки подагры, онъ велъ подвижную жизнь, останавливаясь въ любимомъ своемъ Марковѣ, въ Мещериновѣ или въ лѣсахъ Троицкихъ. Но болѣе всего и съ увлеченіемъ предавался онъ искусству. Основанный имъ театръ, заботы о художественномъ образованіи крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и хлопоты хозяйственныя занимали его до послѣдняго дня. Въ 1787 г. онъ въ послѣдній разъ принималъ въ Кусковѣ императрицу Екатерину II, причемъ, несомнѣнно, присутствовала и Анна Николаевна; но семейная его жизнь была разрушена потерею старшихъ дѣтей и жены. Меньшая его дочь была глубоко несчастлива въ бракѣ и причиняла немало заботъ. Сынъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ и

любимый отцемъ, жилъ своею жизнью. Правда, что въ домѣ росли другія дѣти, но они не могли служить связью съ дорогимъ для него прошлымъ. Въ лицѣ Анны Николаевны, любимой воспитанницы его жены, удерживалась эта связь съ минувшимъ. Съ годами ея присутствіе сдѣлалось для него необходимостью. Она была развита и умна и могла быть пріятною собесѣдницею. Они жили неразлучно, что̀ немало раздражало приближенныхъ и въ особенности библіотекаря Вороблевскаго.

Слѣды постоянныхъ заботъ объ Аннѣ Николаевнѣ встрѣчаются весьма часто въ бумагахъ домашняго архива. Для примѣра можетъ послужить слѣдующее письмо камердинера графа Петра Борисовича, Ивана Чубарова:

6-го Марта 1785 г.

Государь мой Петръ Александровичъ!

Письмо ваше и притомъ газеты и образцы матерій получилъ, которые его сіятельству графу и объявлялъ, и его сіятельство графъ Николай Петровичъ ихъ изволилъ смотрѣть; только ничего не понравилось изъ присланныхъ образцовъ. Его сіятельство графъ изволилъ выбрать на платье Аннѣ Николаевнѣ и Аленѣ Степановнѣ двѣ объяри, по которымъ изволилъ указать, чтобъ всякой, что̀ по ширинѣ ея надобно, на дамское фовельное платье, сторговавши, купя прислать по тяжелой почтѣ. Цѣна имъ подписана по 3 р. 50 к. аршинъ.

Вамъ милостивому государю моему покорный слуга Иванъ Чубаровъ.

*

Кончина графа Петра Борисовича (30-го Ноября 1788 г.) не могла не отразиться на положеніи Анны Николаевны и Екатерины Борисовны, хотя сынъ его и продолжаетъ ихъ поддерживать, какъ воспитанницъ матери.

30-го Марта 1789 г. встрѣчаемъ такое распоряженіе домовой канцеляріи: Настасьѣ Петровнѣ и Маргаритѣ Петровнѣ, также и Аннѣ Николаевнѣ къ будущему празднику Св. Пасхи указалъ я выдать на платье по 50 р. каждой, что̀ и исполнить. Графъ Николай Шереметевъ.

Сохранилось слѣдующее письмо графа Николая Петровича къ Аннѣ Николаевнѣ отъ 1796 года, когда она уже вышла замужъ за Петра Ивановича Фатьянова.

26-го Августа 1796 г.

Анна Николаевна!

Пріятнѣйшее ваше письмо получилъ я съ удовольствіемъ и за изъясненное въ немъ поздравленіе съ полученіемъ мною монаршей милости свидѣ-

тельствую вамъ и Петру Ивановичу мою благодарность. Прошу и впредъ продолжать пріязненное ваше ко мнѣ расположеніе, а я съ искренностью пребуду вамъ на всегда вѣрный вашъ слуга графъ Николай Шереметевъ.

Кратковременная болѣзнь и довольно быстрая кончина графа Петра Борисовича круто измѣнили всѣ порядки въ домѣ. Правда, что единственный сынъ и наслѣдникъ имущества глубоко чтилъ отцовскую память и подобно ему и даже гораздо болѣе увлекался искусствомъ; но складъ характера его былъ иной. И при немъ Аннѣ Николаевнѣ хорошо жилось въ домѣ, и ей оказано было все прежнее вниманіе; но годы шли, и невольно представлялся вопросъ о будущемъ, невольно мысли склонялись къ обезпеченію самостоятельнаго положенія путемъ брака.

Въ одномъ изъ писемъ Василія Сергѣевича Шереметева къ графу Николаю Петровичу упоминается горячо рекомендованный имъ Фатьяновъ. Они были сослуживцами и, повидимому, пріятелями. Знакомство становится вполнѣ понятнымъ, а послѣдствіемъ его былъ бракъ Анны Николаевны съ Фатьяновымъ.

Петръ Ивановичъ Фатьяновъ, изъ дворянъ Костромского помѣстья, Галичской округи, родился въ 1757 году. Въ военную службу зачисленъ въ 1767 г. Произведенъ въ чинъ прапорщика 21 Августа 1778 г., въ поручики 25 Декабря 1784 г., въ капитаны 1 Января 1788 г., въ секундъ-маіоры за штурмъ Очакова 6 Декабря 1788 г. Вышелъ въ отставку и произведенъ въ чинъ премьеръ-маіора 28 Августа 1795 г. При штурмѣ Очакова Фатьяновъ служилъ въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку, а около 1792 г. сначала въ Полтавскомъ легкоконномъ полку, а затѣмъ въ конно-гренадерскомъ, изъ котораго и получилъ отставку по болѣзни. Въ 1796 г. П. И. Фатьяновъ состоялъ по особымъ порученіямъ при правителѣ Волынскаго намѣстничества генералъ-маіорѣ Василіи Сергѣевичѣ Шереметевѣ, который въ 1788 году сдалъ Полтавскій легко-конный полкъ, переименованный въ казачій полкъ булавы великаго гетмана, новому полковому командиру подполковнику Раевскому.

Въ 1806—1807 г.г. Фатьяновъ былъ Галичскимъ предводителемъ дворянства.

Въ домовыхъ штатахъ 1789 года значится:

«При Аннѣ Николаевнѣ: дѣвушка 1, мальчикъ для прислуги 1».

Отъ 31 Марта 1789 г.: «Калмычкѣ Катеринѣ Борисовнѣ вмѣсто того, что прежде выдавалось ей на платье къ Петрову дню, выдать нынѣ 45 р.»

Донынѣ сохранилась картина, висѣвшая по описи въ комнатѣ, занимаемой Анной Николаевной въ Кусковѣ. Писана она масляными красками и принадлежитъ кисти Русскаго художника. Возможно, что картина эта кисти Ивана Аргунова, писавшаго вообще портреты, но утверждать этого нельзя; впрочемъ, картина написана недурно и по сюжету своему довольно оригинальна. До 1897 г. она висѣла въ Кусковѣ, откуда перевезена въ Петербургъ, въ нашъ Фонтанный домъ.

Несомнѣнно, что какъ Анна Николаевна, такъ и Екатерина Борисовна были Калмычки. Но послѣдняя постоянно подписывается «Куракина», и это вводитъ въ заблужденіе. О дружбѣ князя Александра Борисовича Куракина съ графомъ Николаемъ Петровичемъ извѣстно; но въ числѣ современниковъ здравствовалъ тогда князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ, который въ 1800 году женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой, двоюродной сестрѣ Софьи Михайловны Вишневской. Отсюда связь съ Вишневскими, о которыхъ упоминаетъ Екатерина Борисовна въ своемъ письмѣ. Приводимъ здѣсь письмо Ѳ. Вишневскаго къ П. И. Фатьянову.

16-го Іюля 1796 г. Село Гагарино.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 3 сего мѣсяца я съ наипріятнѣйшимъ удовольствіемъ моимъ имѣлъ честь получить и за дружеское ваше о мнѣ напамятованіе искреннюю благодарность мою симъ вамъ свидѣтельствую. Я сердечно порадовался, узнавши, что вы съ любезною фамиліею вашею въ желаемомъ мною вамъ здоровьѣ находитесь, безпрерывнаго продолженія чего навсегда я вамъ желаю. О себѣ вамъ скажу, что я съ семьею моею, благодареніе Богу, въ отрадномъ состояніи здоровья нашего находимся и довольно весело время проводимъ; могли бы и лучше оное проводить, если бы время постоянно было, но частые дожди съ громомъ съ молніею въ томъ препятствуютъ. Милостивой государынѣ моей Аннѣ Николаевнѣ искреннѣйшее почитаніе мое свидѣтельствую и препоручаю себя въ напамятованіе, а любезныхъ дѣтокъ вашихъ, Варвару Петровну и милаго моего крестника Петра Петровича, стократно цѣлую. Желаю имъ добраго здоровья. Милостивой государынѣ моей Катеринѣ Борисовнѣ истинное почитаніе мое свидѣтельствую; напоминаю объ обѣщаніи ея намъ, чтобы къ намъ въ деревню пріѣхать, о исполненіи котораго я нималаго сомнѣнія не имѣя, посылаю при семъ для пріѣзду и нужный экипажъ и нетерпѣливо ожидать буду, чтобы увидѣть въ деревнѣ своей милую для насъ гостью. Я покорно васъ прошу нижайшее почитаніе мое свидѣтельствовать ея превосходительству милостивой государынѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ и когда будете писать къ Аленѣ Сергѣевнѣ, то таковое же ей отъ меня изъявить, чѣмъ меня обяжете. Затѣмъ писать къ вамъ болѣе ничего не имѣю, а только пожелавъ вамъ всякаго благополучія и здоровья, съ истин-

ною привязанностью моею и почитаніемъ остаюсь, милостивый государь мой, покорный вашъ слуга Өедоръ Вишневскій.

PS. Еще васъ прошу, когда увидите Андрея Алексѣевича, прошу ему искреннее почтеніе мое засвидѣтельствовать.

26-го Октября того же 1796 года Марія Вишневская пишетъ Аннѣ Николаевнѣ:

Je vous félicite, ma très chère et digne amie, avec le jour de nom de votre cher époux et avec celui de votre charmante petite fille. Comment vous marquer les voeux que je forme pour leur bonheur! Tout ce que je vous dirai, c'est que si un jour ils s'accompliront, vous pouvez être persuadée qu'ils seront parfaitement heureux. Au reste, n'aspirant à rien autre chose qu'au plaisir de vous voir, je suis et je serai pour la vie votre très attachée et sincère amie Marie Wischneffsky.

J'embrasse de tout âme vos chers petits enfants.

Өеодосія Вишневская пишетъ:

Recevez aussi mes très humbles remerciements pour votre bon souvenir à mon égard. Soyez persuadée que j'en suis très sensible. Au reste, je vous dirai que ma soeur a été bien malade; c'est pour quoi elle est privée du plaisir de vous écrive elle-même. Je suis, en vous souhaitant une parfaite santé et tout le bonheur imaginable, je vous prie de me croire à jamais votrs très humble servante. Théodosie de Wischneffsky.

PS. Vous aurez la complaisance de présenter bien mes respects à Петръ Ивановичъ et d'embrasser de ma part vos charmants petits enfants.

Сохранилось слѣдующее письмо Маріи Вишневской, безъ начала.

Quoique ma lettre est assez longue, mais pourtant ne pensez pas, ma belle dame, que je puisse oublier que vous avez commis un péché qui n'est pas des plus petits; primo: уничиженіе паче гордости, скрытый талантъ да будетъ проклятъ. Comment vous avez le coeur de dire dans votre dernière lettre que vous ne voulez vous mêler d'une chose, donc sûrement vous acquitterez parfaitement bien? Mais ce n'est plus agir en chrétienne que de dire: *Je vais me mêler d'une chose donc sûrement je m'acquitterai très mal.* Non ma chère, ce n'est pas avec votre esprit que l'on pourrait si l'on voulait même, s'acquitter mal de quelque chose; aussi vous aurez la complaisance de ne plus me régaler avec de pareilles choses...

Je suis votre très sincère et attachée amie Mariette Wischneffsky.

PS. Encore une grâce à vous demander. Si vous aurez (sic!) l'occasion de voir княжну Елену Петровну, ma chère, de lui présenter bien mes respects, aussi à son aimable nièce mes compliments, de même à la demoiselle qui loge chez la princesse. Si vous entendrez de quelques

mariages, de quelques nouveautés, de quelque mort, faites-moi, je vous prie, savoir; car tout cela m'intéresse à l'excès. Dites aussi, ma chère, ce que fait le quai, le vauxhalle, si on se rappelle de nous, ou peut-être nous sommes hors des pensées de tout le monde; je crois que le dernier pourra mieux se vérifier. Adieu, ma chère.

Приписка Екатерины Борисовны:

Мнѣ очень жаль, сестрица, что вы не прислали ко мнѣ письма графини Авдотьи Ивановны, а больше что-то мнѣ грустно, когда они будутъ въ Москвѣ, а меня нѣтъ. Я надѣюсь, матушка, что вы попользуете ихъ пріѣздомъ, хотя и не на долго, можетъ быть. Когда вы получите это письмо, то Петръ Ивановичъ уже возвратится изъ Владимира. Желаю для васъ. Прошу сказать ему искренній поклонъ и за меня его поцѣловать.

Проклятый городничій не присылаетъ писемъ; видно, что должно будетъ и это письмо посылать, не получивши вашихъ. Прости, матушка сестрица.

*

Изъ письма Вишневскаго видно, что въ это время Екатерина Борисовна живетъ вмѣстѣ съ Анной Николаевной Фатьяновой, которую постоянно называетъ «сестрицей». Судя по нижеприводимымъ письмамъ Екатерины Борисовны, видно, что она переѣхала жить къ Вишневскимъ.

1.

8-го Августа 1796 г. Село Гагарино.

Любезная сестрица Анна Николаевна!

Вчерашній день я получила ваше письмо, писанное отъ 30 числа прошлаго мѣсяца и сердечно радуюсь, матушка сестрица, что вы, благодаря Бога, здоровы со всею своею любезною и милою семьею, какъ паче, что милая Варинька, слава Богу, получше и помнитъ свою тетиньку. Прошу ее поцѣловать за это лишній разъ. По пріѣздѣ моемъ въ Гагариново, въ самый тотъ день писала къ вамъ, ибо изъ города Раненбурга былъ секретарь, то ему отдали письма для пересылки, ибо изъ городу почта отправляется по Воскресеньямъ рано и затѣмъ по Пятницамъ отсюда посылаютъ почту, ибо 20 верстъ до городу, гдѣ я вчерашній день была съ любезными своими хозяевами и обѣдали у городничаго. Человѣкъ превеселый и преуслужливый, и у него получили свои письма изъ Москвы и изъ Петербурга, чѣмъ я очень была обрадована; только теперь я желаю знать нетерпѣливо, получили ли вы мое письмо изъ Тулы, въ которомъ я положила ваши 10 р. и письмо къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, и прошедшую почту Ѳедоръ Гавриловичъ писалъ къ вамъ и адресъ написалъ на васъ прямо, а не чрезъ домъ свой. Еще они удивляются, что вы не получили отъ нихъ письма, которое они писали послѣ отправки лошадей за мною. Вы, матушка сестрица, отгадали, что вся скука отъ дальной дороги вознаградится дружбой и ласкою любезныхъ хозяевъ.

Душевно сожалѣю, матушка сестрица, что васъ только мнѣ недостаетъ и что часто не могу получать отъ васъ извѣстій, а то право весело. И село барское, положеніе прекрасное. Съ Марьею Ѳедоровною, живу въ одной комнатѣ, и она столько занимается мною, что желать больше не могу. Еще обѣдали у сосѣда Новикова, самый близкій; и въ городѣ у всѣхъ были съ визитами, и я уже половину городскихъ или, лучше сказать, что̀ есть лучшее знаю. Любезному Петру Ивановичу искреннюю приношу мою благодарность за его приписаніе и радуюсь, что онъ здоровъ и не поѣдетъ въ Владимиръ, что̀ меня крайне утѣшило, и кланяюсь ему искренне. Марѳѣ Ивановнѣ и Андрею Петровичу усердно кланяюсь и покорно благодарю ихъ, что они помнятъ меня. Петрушу цѣлую и желаю, чтобъ онъ началъ ходить къ моему пріѣзду. Княжнѣ Аленѣ Петровнѣ и любезной Софьѣ Григорьевнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ истинное мое почтеніе и усердіе; васъ цѣлую душевно и желаю, матушка сестрица, чтобъ вы были совершенно здоровы и спокойны и милость Божія со всѣми милыми вашими дѣтушками и надъ вами.

Андрею Алексѣевичу искренне кланяюсь и покорно его благодарю, что посѣщаетъ васъ, а я надѣюсь, что онъ будетъ и самъ писать ко мнѣ и къ Ѳедору Гавриловичу, ибо онъ самъ къ нему писалъ, ежели вы получите наше письмо отъ 2 Августа; прости, матушка сестрица, остаюсь покорная вамъ сестра и другъ Екатерина Куракина.

Другою рукою:

Любезному моему Петру Ивановичу мое почтеніе! Вареньку и Петеньку цѣлую. Здѣсь я научилась экономіи, какъ сберегаются лимоны свѣжіе: въ песокъ чистый и сухой положить лимоны, чтобъ другъ съ другомъ не касались, то даже въ зиму будутъ цѣлы и свѣжи. Наталья моя вамъ всѣмъ почтеніе свое свидѣтельствуетъ, а отъ меня всѣмъ бабамъ мой поклонъ; Ѳедоръ Гавриловичъ приказалъ вамъ и Петру Ивановичу кланяться.

2.

18-го Октября 1796 г. Село Гагарино.

Матушка сестрица Анна Николаевна!

Я по сіе время все еще собираюсь ѣхать въ ожиданіи пріѣзда Гаврила Ѳедоровича изъ Москвы. Однако онъ еще не пріѣхалъ, и время приходитъ зазимнее, то можетъ быть, что я уже по пути пріѣду къ вамъ. Сегодня идетъ снѣгъ препорядочный и ежели подморозитъ послѣ, то дня черезъ три будетъ и хорошій путь, то на полозкахъ въ розвальнѣ я могу доѣхать и въ четыре дня, почему я и не могу вамъ навѣрное сказать, когда выѣду отсюдова; однако надѣюсь, что въ концѣ сего мѣсяца буду имѣть удовольствіе увидѣться съ вами, моя любезная сестрица, и я сію почту въ запасъ пишу къ вамъ, ибо можетъ быть, что вы оное получите и за день прежде меня, а можетъ случиться, что и по пріѣздѣ моемъ. Мнѣ, матушка сестрица, очень грустно, что вы пишите отъ 2 числа сего мѣсяца, что моихъ писемъ не получаете, а я

право всякую почту пишу вамъ съ удовольствіемъ, будучи увѣрена; только грустно не получать отъ своихъ родныхъ. Милые и любезные хозяева всѣ вамъ кланяются и очень сожалѣютъ, что я сбираюсь ѣхать, отчего и мнѣ право очень грустно ихъ оставлять, но въ надеждѣ, что они и сами не замѣшкаютъ и пріѣдутъ по пути хорошему.

Петру Ивановичу мое усердное почтеніе, милыхъ и любезныхъ Вариньку и Петрушу цѣлую и васъ также. Прости матушка! Будьте здоровы для вѣрной твоей сестры и друга. Екатерина Куракина.

Другою рукою.

Любезная моя и милая Анна Николаевна!

Я увѣрена, что письмо мое принесетъ очень пріятную новость: на сихъ дняхъ отправится отъ насъ наша неоцѣненная и ваша любезная сестрица Катерина Борисовна. Боже мой, какъ я себѣ живо представляю ваше удовольствіе, ваше утѣшеніе, которое будете имѣть, свидѣвшись съ нею, но представляю же себѣ и мое положеніе. Какая проклятая разница, но что̀ дѣлать; надо, чтобы знать цѣну удовольствія, прежде узнать и горесть. Но совсѣмъ тѣмъ вы не повѣрите, какая на меня смертная тоска, къ тому же и мать все не здорова. Я увѣрена, моя милая, что сіи послѣднія новости вамъ немного принесутъ удовольствія и для того перестаю писать, прося васъ о сохраненіи вашей любви и дружбы, которымъ по вѣкъ мой буду знать цѣну. Затѣмъ прощайте, моя милая, желаю вамъ быть здоровымъ и веселымъ, и любезному моему Петру Ивановику свидѣтельствую мое почтеніе, милыхъ вашихъ малюточекъ цѣлую. Алек. Ѳеод. и Ѳенюшка вамъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе и благодарятъ за ваше памятованіе объ нихъ.

Адресъ: Милостивой государынѣ Аннѣ Николаевнѣ, ея высокоблагородію Фатьяновой, въ приходѣ Іоанна Предтечи, въ домѣ секретаря Попова, близъ казенныхъ бань въ Москвѣ.

*

По письму Фатьянова къ графу Николаю Петровичу отъ 1799 года можно предположить, что ея уже нѣтъ въ живыхъ, такъ какъ, упоминая о дѣтяхъ, онъ объ ней не говоритъ ни слова. Нельзя не замѣтить, что дѣтей своихъ она назвала по именамъ тѣхъ, отъ кого получила воспитаніе. Дочь ея называлась Варвара, а сынъ Петръ. Вотъ это письмо.

1799 г. Ноября 28 Москва.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Пріемлю смѣлость принесть мое усерднѣйшее поздравленіе со днемъ ангела вашего сіятельства, а равно и маленькіе мои приносятъ свое усерднѣйшее поздравленіе вашему сіятельству съ пожеланіемъ нашимъ душевнымъ препроводить сей день многія лѣта въ совершенномъ благополучіи и съ душевнымъ спокойствомъ. Поруча себя и дѣтей въ милость вашего сіятельства,

съ глубочайшимъ и непремѣннымъ почитаніемъ и душевной преданностью во всю мою жизвь пребыть честь имѣю вашего сіятельства, милостивый государь, усерднѣйшій слуга Петръ Фатьяновъ.

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

18-го Декабря 1800 г. Галичъ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Пользовавшись всегдашнимъ благодѣяніемъ и милостію вашего сіятельства, пріемлю смѣлость принесть мое усерднѣйшее поздравленіе въ наступающемъ праздникѣ Рождества Христова, а равно и малютки мои усерднѣйше поздравляютъ съ пожеланіемъ нашимъ душевнымъ препроводить сей день многія лѣта въ совершенномъ благополучіи и съ душевнымъ спокойствіемъ. При проявленіи нашего усерднѣйшаго поздравленія съ глубочайшимъ почтеніемъ пребыть честь имѣю вашего сіятельства, милостивый государь, покорный слуга Петръ Фатьяновъ.

*

Мы не знаемъ, когда и почему Екатерина Борисовна разсталась съ Вишневскими. Только изъ слѣдующаго ея письма къ графу Николаю Петровичу отъ 1804 года мы видимъ, что она переѣхала къ Прасковьѣ Михайловнѣ Раевской.

28-го Ноября 1804 г.

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Николай Петровичъ!

Спѣшу принести должную и глубочайшую мою благодарность вашему сіятельству за плодотворное ваше подаяніе мнѣ въ моей несчастной болѣзни, которая продолжается чуть не два года. Я искреннѣйше и покорнѣйше благодарю ваше сіятельство за присланные 500 рублей, которые истинно меня спасли въ разсужденіе моей несносной болѣзни и мучительной болѣзни, платя штабъ-лекарю и за лекарства, чѣмъ я получила себѣ пользу; за что я и молю всевышняго Создателя за ваше дражайшее здравіе и за любезнѣйшаго вашего сына, за графа Дмитрія Николаевича, я цѣлую ваши дорогія ручки благотворивъ, и имѣю честь поздравить ваше сіятельство со днемъ вашего ангела, съ душевнымъ желаніемъ продолженія дражайшихъ вашихъ лѣтъ для благодѣянія и милостей, за что милосердный Богъ вознаградитъ вамъ сторицею и утѣшитъ дорогимъ вашимъ наслѣдникомъ, чтобъ онъ благодѣяніями и милосердіемъ уподобился вамъ; о чемъ я и молю и прошу Бога на всякій день объ вашемъ здравіи, также и за ея сіятельство за графиню Варвару Петровну, за сестрицу вашу, что чрезъ сіе объясненіе объ моемъ несчастномъ положеніи я получила благодѣяніе отъ васъ, которое именно, могу сказать, меня оживотворило духомъ и тѣломъ и еще, припадая къ вашему сіятельству, цѣлую ваши щедрыя руки отъ чувства и благодарности.

А я теперь по милости генеральши Прасковьи Михайловны Раевской живу у нея; она по благотворенію своему не хотѣла меня допустить, чтобъ

я по необходимости моей продолжительной болѣзни за нужное считала войти въ больницу князя Голицына, но она пожаловала мнѣ у себя флигелекъ, чтобъ въ немъ жила, покуда выздоровѣю, и съ Мая мѣсяца я на всемъ ея содержаніи поживаю; а теперь Богъ дастъ, мнѣ полегче, то должна подумать о себѣ, чтобъ основать себя на будущіе годы, о чемъ и прошу вашего сіятельства помощи и совѣта, такъ какъ благодѣтеля и милостивца своего, надѣясь на ваше милосердіе и великодушіе къ бѣднымъ и наипаче въ вѣчную память въ Бозѣ почивающей ея сіятельства графини вашей Прасковьи Ивановны, какую нибудь сдѣлать мнѣ помощь отъ щедротъ вашихъ и во здравіе вашего сіятельства и дражайшаго вашего наслѣдника и ангела невиннаго графа Димитрія Николаевича. Препоручая себя Богу и вашему сіятельству, съ глубочайшимъ нижайшимъ должнымъ моимъ почтеніемъ и преданностію пребуду вашего сіятельства, милостивый государь, навсегда благодарнѣйшая и покорнѣйшая услужница Екатерина Куракина.

На этомъ письмѣ кончается переписка.

*

Князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ, братъ Александра и Алексѣя. Его именемъ названо село Степановское, нынѣ принадлежащее А. А. Нарышкиной. Родился онъ 2 Іюля 1754 года, а умеръ 8 Іюля 1805 г. Женатъ онъ былъ на племянницѣ кн. Николая Васильевича Репнина, Нарышкиной, но съ нею развелся и женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой, которая дожила до 1843 года въ своемъ домѣ у Красныхъ воротъ въ Москвѣ.

Вишневскіе, пріютившіе у себя Екатерину Борисовну (подписывавшеюся Куракиной), были родственники Е. Д. Измайловой-Куракиной.

Близость Александра Борисовича Куракина и Николая Петровича Шереметева уже видна въ 1770 году, когда (черезъ три года по смерти графини Варвары Алексѣевны Шереметевой) они отправились за границу и вмѣстѣ занимались въ Лейденскомъ университетѣ.

*

Дальнѣйшая судьба двухъ Калмычекъ намъ неизвѣстна и гдѣ онѣ похоронены, остается также невыясненнымъ.

Анна Николаевна жила въ большомъ Кусковскомъ домѣ, гдѣ она имѣла свои покои, на углу отъ сада и отъ церкви, въ верхнемъ этажѣ. Въ нее вела лѣстница снизу съ веревкой обшитой зеленымъ сукномъ; на стѣнѣ первой комнаты картина, изображающая рыбу и горшки, писанныя на полотнѣ *). Въ комнатѣ висѣлъ фонарь, круглый, стеклянный,

*) Картина эта донынѣ сохранилась.

стѣны обиты бумажками (по малиновой землѣ сотканныя красныя травы), шкафъ Китайскій, черный, расписанъ золотомъ, лакированный старый переплетъ Китайскій за стекломъ. У окна завѣсъ зеленый роспашной, простой сосновый столъ.

Въ спальнѣ Анны Николаевны стѣны обиты Нѣмецкими бумажками цвѣтными, столикъ нахтышный *) дубовый, другой дубовый же съ выдвинутымъ ящикомъ, два стула березовыхъ, сидѣнья и спинки обиты краснымъ сафьяномъ.

У двухъ оконъ завѣсы распашныя зеленыя, тутъ же два шкафа и стулъ съ овальною спинкою, обиты желтымъ сафьяномъ, а другой простой, подушка кожаная ветхая. Въ домѣ дѣвичьи комнаты.

Такова обстановка, сохранившаяся къ 1812 году. Согласно описи того времени комнаты Анны Николаевны сохранились донынѣ. Къ нимъ ведетъ все таже лѣстница прямо изъ сада въ верхній этажъ.

*

Заканчивая эти строки, вызванныя перепискою А. Н. Фатьяновой, невольно оглянешься на судьбу двухъ дѣвушекъ, достигшихъ благосостоянія и извѣстности подъ гостепріимнымъ кровомъ дочери князя Черкаскаго.

Судя по сохранившемуся донынѣ въ Кусковѣ портрету, у Анны Николаевны были выразительные темные глаза: «глазушки твои таракашки», говоритъ графиня Варвара Алексѣевна. На ней красное платье и на рукѣ браслетъ. Живая и умная, она не только способна была къ себѣ привлечь, но могла и внушить чувство искренней и неизмѣнной дружбы. Она еще далеко не взрослая, и годъ, отмѣченный на портретѣ Аргунова, это годъ кончины графини Варвары Алексѣевны. Въ числѣ сохранившихся въ Кусковѣ предметовъ по описи значится: «Восковой портретъ Анны Николаевны»; изъ той же описи видно, что портретъ Калмычки «въ овальной рамѣ»—это портретъ Екатерины Борисовны.

«Двѣ Калмычки» не служатъ ли олицетвореніемъ извѣстной бытовой черты нравовъ XVIII вѣка? Мы строго относимся къ «поврежденію» этихъ нравовъ; но все ли было тогда такъ мрачно, какъ изображаютъ его иные современники?..

Г. С. Ш.

С.-Петербургъ.
24-го Марта 1898 г.

---

*) Нахтышъ (Nachttisch)—ночной столъ. П. Б.

ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ М. Б. БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ.

1815 годъ.

9 Января, г. Варшава.

Дошло до свѣдѣнія моего, что многіе полки, въ герцогствѣ Варшавскомъ расположенные, безъ вѣдома и согласіяземскаго начальства самовольно рубятъ деревья въ казенныхъ лѣсахъ, не только на починку обозовъ и другія казенныя надобности, но даже вырубаютъ самые годные дубы для уголья, и сверхъ того вывозятъ много фуръ съ дровами въ селенія, въ окрестности народовыхъ лѣсовъ лежащія. Запрещая сіе строжайше, я предписываю всѣмъ полкамъ, артиллерійскимъ ротамъ и другимъ командамъ, буде онымъ будетъ нуженъ лѣсъ на починку или постройку обозовъ и прочія надобности, то требовать оный отъ г.г. областныхъ начальниковъ съ приложеніемъ вѣдомости, какого именно сорту, для чего и сколько надобно деревъ, объ отпускѣ коего отъ генералъ-губернатора герцогства Варшавскаго имъ еще прежде сего предписано.

2 Марта, г. Варшава.

Предписывая г.г. корпуснымъ, дивизіоннымъ и другимъ частнымъ командирамъ наблюдать, дабы никто изъ г.г. офицеровъ отъ установленной формы отнюдь не отступалъ, предварительно обязываюсь сказать, что послѣ сего со всякаго, оказавшагося по сему виновнымъ, будетъ строжайше и примѣрно взыскано.

Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Василевскій, провождавшій транспортъ артиллерійскихъ снарядовъ изъ Кемпа до Модлина, проходя мѣстечко Ловичъ, гдѣ квартируетъ одинъ изъ высшихъ чиновъ Польскихъ войскъ, не только не исполнилъ порядка службы, чтобы явиться къ нему, но впослѣдствіи оказалъ грубости, за что и приказалъ я Васильевскаго арестовать на три дни.

Объявляя о семъ по арміи, предписываю: при проходѣ нашихъ командъ чрезъ мѣста, гдѣ расположены Польскія войска и будутъ тамъ

старшіе воинскіе начальники, исполнять въ точности порядокъ службы, на сей разъ предписанный.

25 егерскаго полка рядовой Захаръ Косяковъ, который, будучи въ ротѣ артельщикомъ, имѣлъ при себѣ артельныхъ денегъ 180 р. асс. и въ сраженіи при Лейпцигѣ 4 Октября 1813 г. (гдѣ онъ находился въ стрѣлкахъ) былъ захваченъ непріятелемъ въ плѣнъ, но во время нахожденія въ ономъ сохранилъ сіи деньги и по возвращеніи въ полкъ представилъ въ цѣлости, за столь похвальный поступокъ всемилостивѣйше награжденъ чиномъ унтеръ-офицера и выдачею единовременно 300 рублей, которые и приказалъ я генералъ-интенданту Канкрину отправить въ полкъ для врученія Косякову.

4 Апрѣля, г. Варшава.

Съ выступленіемъ высочайше ввѣренной мнѣ арміи въ походъ *) желая прекратить всѣ способы находиться при оной сомнительнаго поведенія людямъ, предписываю корпуснымъ оберъ-гевальдигерамъ, собравъ тотчасъ самовѣрнѣйшее свѣдѣніе, сколько гдѣ находится при корпусныхъ и дивизіонныхъ квартирахъ, въ бригадахъ и полкахъ вольнонаемныхъ служителей, маркитантовъ и другихъ партикулярныхъ людей, кто именно, какой націи и какой имѣетъ письменный видъ, доставить таковое свѣдѣніе къ дежурному генералу арміи и военному генералу полицеймейстеру; впредъ же всѣмъ вышеупомянутаго рода людямъ вести вѣрный имянный списокъ, означая въ ономъ, кто куда именно выбудетъ. Корпусные оберъ-гевальдигеры подъ строгою отвѣтственностью имѣютъ смотрѣніе, дабы никто, какого бы чина и званія ни былъ, не держалъ у себя людей безъ вѣдома и позволенія вышняго начальства, за чѣмъ особенно наблюдать будутъ военный генералъ-полицеймейстеръ и его команда.

Въ главной моей квартирѣ имѣетъ за симъ смотрѣніе и въ противномъ случаѣ отвѣтствуетъ комендантъ главной квартиры.

10 Апрѣля, м. Вяло.

При настоящемъ движеніи войскъ за границею, особливо когда они будутъ слѣдовать въ Германіи по каменистому грунту, по горамъ и по вымощеннымъ камнями шоссе или дорогамъ, не считая достаточною обыкновенную ковку на однѣ переднія ноги строевыхъ въ регулярной кавалеріи и таковыхъ же строевыхъ и подъ пушками въ артиллеріи лошадей и находя необходимымъ ковать сихъ лошадей для сбереженія

*) Противъ бѣжавшаго съ острова Эльбы Наполеона. П. Б.

оныхъ и на заднія ноги, собственно на сей предметъ опредѣляю на каждую строевую въ регулярныхъ полкахъ и на артиллерійскую строевую и подъ пушками, не включая комиссаріатскихъ и подъемныхъ вообще лошадей, въ отпускъ единовременно въ прибавокъ къ штатной суммѣ, на ковку лошадей полагаемой, по пятидесяти копѣекъ сер.

7 Мая, г. Дрезденъ.

По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, котораго названіе шефа угодно было принять его величеству королю Прусскому, отнынѣ именоваться долженъ гренадерскимъ его величества короля Прусскаго полкомъ. Офицеры на мундирахъ носятъ (знаки?) по тому образцу, какъ имѣли полки, гдѣ шехами были принцы.

8 Мая, г. Дрезденъ.

Сего числа видѣлъ я вторую драгунскую дивизію при проходѣ ея чрезъ Дрезденъ и замѣтилъ вообще, что въ оной содержанъ былъ порядокъ и устройство, лошади хорошо промуштучены и подкованы; въ особенности же исправнѣе всѣхъ и во всѣхъ частяхъ Казанскій драгунскій полкъ и конная рота № 9, за что командирамъ оныхъ и объявляю мою благодарность.

12 Мая, г. Фрейбергъ.

Какъ во многихъ полкахъ имѣются еще рекруты, необученные стрѣльбѣ, то я рекомендую г.г. дивизіоннымъ начальникамъ и полковымъ командирамъ, что если гдѣ войска остановятся на мѣстѣ нѣсколько дней, то сіе время непремѣнно употребить на обученіе цѣльной стрѣльбѣ какъ рекрутъ, такъ и тѣхъ изъ старыхъ солдатъ, которые бы недовольно еще были обучены. Для сего назначаю употребить изъ имѣющихся въ полкахъ патроновъ по 10 на человѣка, и сколько которымъ полкамъ будетъ оныхъ на предметъ сей израсходовано, о томъ имѣютъ они представить вѣдомости начальнику артиллеріи генералъ-лейтенанту князю Яшвилю, который сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы тѣ патроны тотчасъ возвращены были полкамъ изъ запасныхъ парковъ по прибытіи оныхъ къ арміи.

Сверхъ взвода стрѣлковъ, въ каждомъ батальонѣ положеннаго, предписываю выбрать еще по 24 человѣка въ каждой ротѣ изъ самыхъ расторопныхъ и способныхъ къ цѣльной стрѣльбѣ людей, которыхъ въ строю размѣщать по два ряда на флангахъ каждаго взвода; мѣста же ихъ въ то время, когда они употреблены будутъ стрѣлками, должны быть замѣщены изъ третьей шеренги. Къ симъ выбраннымъ людямъ

выбрать также изъ каждой роты и одного разсторопнаго офицера. Въ прочемъ я остаюсь въ полной надеждѣ на заботливость г.г. полковыхъ начальниковъ, что люди сіи совершенно будутъ выучены полевой егерской службѣ.

15 Мая, г. Бамбергъ.

Не за безполезное считаю увѣдомить г.г. корпусныхъ начальниковъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ войска при переходѣ чрезъ Рейнъ удостоены имѣютъ быть осмотромъ лично Государемъ Императоромъ.

Всѣмъ войскамъ ввѣренной мнѣ арміи объявляю чрезъ сіе къ должному исполненію, что, какъ мы теперь весьма часто находиться будемъ вмѣстѣ съ войсками союзныхъ и намъ дружественныхъ державъ, то надлежитъ всѣмъ г.г. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ оныхъ отдавать вездѣ должную воинскую честь, такъ точно, какъ и Россійскимъ г.г. генераламъ и офицерамъ.

7 Іюня, с. Ремлингенъ.

Въ проѣздъ мой 6 числа сего мѣсяца къ селенію Ремлингену нашелъ я идущія по дорогѣ двѣ роты Апшеронскаго пѣхотнаго полка съ большимъ числомъ форшпановъ, на коихъ находились ранцы и прочая аммуниція, принадлежащая симъ ротамъ, тогда какъ строжайше предписано брать форшпаны въ самыхъ только необходимыхъ надобностяхъ и весьма ограниченное число. Нижніе чины шли въ порядкѣ, но ротныхъ начальниковъ при своихъ мѣстахъ не было; батальонный же командиръ маіоръ Воронецъ, который послѣ того встрѣтился со мною, не имѣлъ никакого свѣдѣнія, что̀ дѣлается съ его командою, и не будучи также при своемъ мѣстѣ, не могъ дать мнѣ на счетъ взятія большаго числа форшпановъ удовлетворительнаго отчета, за каковое упущеніе его по службѣ предписываю арестовать его на двое сутокъ, а полковому командиру сего полка дѣлается строгій выговоръ.

10-го Іюня г. Ашаффенбургъ.

Сейчасъ получилъ я офиціальное извѣстіе о знаменитой побѣдѣ, одержанной 6 (18) числа сего Іюня соединенными силами фельдмаршаловъ герцоговъ Велингтона и князя Блюхера надъ арміею непріятельскою при Бель-Аліансъ, близъ Брейнъ-ла-Ледъ. Вслѣдствіе упорнаго сраженія многочисленная непріятельская армія, подъ начальствомъ Наполеона Бонапарте, совершенно разбита и разсѣяна. Остатки войскъ ретируются въ ужасномъ безпорядкѣ. Соединенныя силы герцога Велингтона и князя Блюхера ихъ преслѣдуютъ. До отправленія донесенія о сей побѣдѣ взято у непріятеля 150 пушекъ и до 15 тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько генераловъ, а сверхъ того еще число плѣнныхъ безпрестанно увеличивается.

Сообщая таковое радостное извѣстіе арміи, мнѣ ввѣренной, рекомендую объявить оное во всѣхъ полкахъ и ротахъ, а при переходѣ чрезъ Рейнъ отправить въ каждой дивизіи за сію одержанную надъ непріятелемъ побѣду благодарственное молебствіе и съ тѣмъ вмѣстѣ принести ко Всевышнему моленіе о благополучномъ начатіи намъ военныхъ дѣйствій.

20 Іюня, м. Саргеминъ.

Артиллерійскимъ ротамъ и обозамъ избѣгать по возможности всякихъ приваловъ, ибо отдыхъ для лошадей гораздо полезнѣе тогда, когда приходятъ на мѣсто; но если таковые сдѣлаются необходимыми, то ни подъ какимъ предлогомъ дорогъ имъ не заставлять, но очищая оныя останавляться на удобномъ мѣстѣ.

Къ сожалѣнію моему замѣтилъ я, что войска на маршѣ, не смотря на большую ширину дорогъ, идутъ по обѣимъ еще оныхъ сторонамъ и портятъ хлѣбъ. Предписывается симъ, дабы г.г. начальники войскъ всѣхъ частей оныхъ обратили на сіе вниманіе и отнюдь не допускали бы ѣздить и ходить по хлѣбамъ и травамъ и тѣмъ портить оныя, ибо для проѣзда и прохода довольно пространныя дороги; кто же и послѣ сего осмѣлится по хлѣбу ѣздить, строжайше взыскивать.

21 Іюня, м. Моранжъ.

Гдѣ въ Германіи на установленныхъ для нашихъ войскъ военныхъ дорогахъ не имѣется Россійскихъ комендантовъ, а находятся на этапахъ опредѣленные отъ земли коменданты, тамъ исправляютъ ихъ должности сіи послѣдніе, и всѣ наши воинскіе чины, команды и прочіе обязаны уважать ихъ наравнѣ съ нашими комендантами, повинуясь имъ во всемъ, что̀ только касается до сохраненія добраго порядка, установленнаго въ инструкціи, данной комендантамъ. Равнымъ образомъ и жандармы, установленные въ земляхъ намъ союзныхъ, исполняютъ свою должность надъ нашими воинскими чинами на такихъ же точно правилахъ, какъ надъ своими, и всѣ наши воинскіе чины должны не токмо препятствовать распоряженіямъ ихъ, но и повиноваться онымъ во всей точности.

27 Іюня, д. Бюсси-ле-Репо.

Получивъ официіальное извѣстіе, что столица Франціи, послѣ нѣкотораго сопротивленія, сдалась на капитуляцію и занята союзными войсками, сіе важное для насъ событіе, съ которымъ вмѣстѣ и военныя дѣйствія, при самомъ ихъ началѣ, прекращаются, поспѣшаю сообщить высочайше ввѣренной мнѣ арміи, предписывая на первомъ будущемъ растагѣ отпѣть во всѣхъ полкахъ (или какъ удобно будетъ) благодар-

ственное молебствіе, воздавъ тѣмъ хвалу Богу за столь милостивое Его надъ справедливымъ дѣломъ нашимъ покровительство.

11 Іюля, г. Шалонъ.

Доходятъ до меня свѣдѣнія, что во многихъ мѣстахъ войска занимаютъ гумныя мѣста, чрезъ что препятствуютъ дѣлать жатву, а потому я строго предписываю по наступающему уже времени къ жатвѣ войсками гумныхъ мѣстъ отнюдь не занимать и всемѣрно стараться избѣгать всего того, что̀ могло бы воспрепятствовать къ уборкѣ хлѣба съ полей.

11 Августа, г. Мелюнъ.

Его Императорское Величество замѣтить изволилъ, что во многихъ полкахъ:

1) у офицеровъ знаковъ не достаетъ;

2) на ружьяхъ ремни и напол̆ошники неисправны и краска слѣзла, а у иныхъ и совсѣмъ нѣтъ напол̆ошниковъ;

3) на многихъ полковыхъ барабанщикахъ заведены разныя черезъ плечо перевязи съ тесьмами и тому подобное, и вмѣсто тесаковъ штатскія шпаги. Сіе запрещается, а быть на нихъ единственно простой солдатской портупеѣ съ тесакомъ и унтеръ-офицерскимъ темлякомъ.

Трости же большія съ серебряными и мѣдными набалдашниками позволяются.

О сей высочайшей волѣ Государя Императора давая знать по арміи мною предводительствуемой, я предписываю согласно оной къ непремѣнному исполненію, чтобы къ имѣющему быть смотру всѣмъ офицерамъ имѣть знаки, ремни и напол̆ошники на ружьяхъ выкрасить и недостающее число сихъ послѣднихъ исправить; полковымъ же барабанщикамъ быть одѣтымъ, какъ выше сказано.

2 Сентября, г. Шалонъ.

Послѣ того, какъ армія, предводительству моему ввѣренная, порядкомъ, исправностію, сохраненіемъ строгой дисциплины и добрымъ своимъ поведеніемъ обратила на себя особенное вниманіе всемилостивѣйшаго Государя и удостоена приказомъ Его Императорскаго Величества 30 Августа, по арміи уже объявленнымъ, высочайшаго благоволенія и благодарности съ безпредѣльнымъ до того снисхожденіемъ, что всѣ мы осчастливлены драгоцѣннымъ названіемъ сослуживцевъ всемилостивѣйшаго нашего Государя, не должно бы ожидать, чтобъ между нижними чинами нашлись такіе, кои бы посрамили чѣмъ-либо имя Русскаго солдата, а тѣмъ паче, чтобы, забывъ долгъ свой предъ Богомъ,

Государемъ и отечествомъ и нарушивъ присягу, дерзнули отстать отъ своихъ знаменъ, толико прославленныхъ блистательными дѣяніями; но тѣмъ не менѣе я обязываюсь предварить гг. корпусныхъ, дивизіонныхъ, бригадныхъ и всѣхъ прочихъ частныхъ начальниковъ и командировъ полковъ и ротъ артиллерійскихъ, піонерныхъ и понтонныхъ, что въ настоящее время заключенъ со всѣми союзными державами и съ самой Франціею договоръ, по которому бѣглые, ежели бы паче всякаго чаянія могло сіе случиться, гдѣ бы оные ни укрывались, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, будутъ отыскиваемы и доставляемы въ Россію за карауломъ. А потому предписывается по арміи: коль скоро въ какомъ-либо полку или ротѣ откроется дезерція, тотчасъ давать знать о томъ мѣстнымъ начальствамъ для освѣдомленія жителей, которые, по принятымъ уже мѣрамъ, будутъ всюду преслѣдовать бѣглыхъ и, отыскивая, выдавать ихъ правительству для препровожденія въ Россію. Мнѣ прискорбно думать, чтобъ въ какомъ либо полку или командѣ могло послѣдовать сіе важное преступленіе, тогда особливо, когда преступнику преграждены всѣ пути избѣгнуть достойнаго наказанія; но собственно для того, чтобъ изгладить даже и самое помышленіе о возможности онаго, вынуждаюсь требовать отъ г.г. корпусныхъ командировъ и прочихъ частныхъ начальниковъ сильнаго внушенія нижнимъ чинамъ, коль постыдно и унизительно было бы для храбраго и всѣми народами Европы уважаемаго Русскаго солдата, оставивъ свои знамена, пресмыкаться посреди ужасовъ преступленія и смерти. Виновные въ побѣгахъ должны быть не иначе судимы, какъ по точной силѣ законовъ о семъ преступленіи, и сентенцію военнаго суда надлежитъ всегда представлять корпуснымъ командирамъ, которые рѣшительно и со всею строгостію опредѣляютъ наказаніе по полевому уголовному уложенію.

3 Сентября, г. Шалонъ.

Проѣзжая вчерашняго числа мимо бивуакъ 9 пѣхотной дивизіи, изъ коихъ всѣ полки тогда уже выступили въ походъ, я замѣтилъ, что тамъ остались еще многіе офицеры полковъ 9 пѣхотной дивизіи, отставшіе безъ всякой надобности отъ своихъ полковъ, а въ числѣ ихъ одного офицера Нашебургскаго пѣхотнаго полка, одѣтаго самымъ развратнымъ образомъ. Поставляя на видъ всей арміи сей предосудительный поступокъ помянутыхъ офицеровъ, забывшихъ до такой степени обязанность свою, что рѣшились отлучиться на походѣ отъ своихъ полковъ, я отдаю сіе на замѣчаніе дивизіонному начальнику 9 дивизіи, допустившему отлучку таковую, а командиру Нашебургскаго пѣхотнаго полка, которы не обратилъ вниманіе на одѣяніе офицеровъ, тогда какъ неоднократно подтверждаемо было по арміи, дабы офицеры одѣвались приличнымъ

званію своему образомъ и отнюдь не отступали ни въ какомъ случаѣ отъ установленной формы, дѣлается выговоръ.

6 Сентября, г. Шалонъ.

Государю Императору угодно, чтобы нижніе чины не запущали бакенбардовъ низко къ шеѣ, но имѣли бы ихъ наравнѣ со ртомъ; также отнюдь не имѣли бы волосъ ниже подбородка подъ галстухомъ.

Замѣтилъ я, что проходившій сего числа Софійскій пѣхотный полкъ шелъ въ совершенномъ безпорядкѣ, офицеры одѣты были въ сюртукахъ и фуражкахъ-шапкахъ, вопреки отданныхъ мною по арміи на счетъ формы приказовъ, и сверхъ того не находились при своихъ мѣстахъ, а были позади полка въ довольно дальнемъ разстояніи; командовавшаго же аріергардомъ офицера совсѣмъ при ономъ не было, и сверхъ того замѣтилъ я, что въ полку семъ много было усталыхъ, каковую неисправность полка сего поставляю на замѣчаніе дивизіонному командиру генералъ-лейтенанту Капцевичу и рекомендую принять мѣры къ возстановленію въ ономъ должнаго порядка; бригадному же командиру генералъ-маіору Талызину 2-му дѣлаю за слабое смотрѣніе за онымъ выговоръ, а полкового командира подполковника Эдинга и офицера, командовавшаго аріергардомъ, предписываю арестовать перваго на два, а послѣдняго на восемь дней.

22 Сентября, г. Кейзерслаутернъ.

Къ крайнему неудовольствію моему дошли до меня жалобы Баденскаго правительства на войска 10 пѣхотной дивизіи, особенно же на 39 егерскій и Ярославскій пѣхотный полкъ. Для изслѣдованія сихъ жалобъ отправленъ былъ адъютантъ мой подполковникъ Козенъ, и по изслѣдованію открылось, что безпорядки единственно произошли отъ небытія при ротѣ 39 егерскаго полка, квартировавшей въ Муслахѣ, и при ротѣ Ярославскаго пѣхотнаго (полка), квартировавшей въ Фридрихсфельдѣ, офицеровъ; и хотя дивизіонный начальникъ той дивизіи генералъ-лейтенантъ графъ Ливенъ и доставилъ обиженнымъ обывателямъ удовлетвореніе, тѣмъ не менѣе за безпорядки, происшедшіе въ дивизіи его, кои никогда не могли бъ случиться, если бы начальники были при своихъ мѣстахъ, дѣлается ему замѣчаніе, а бригаднымъ командирамъ генералъ-маіорамъ Зассу и Гессе выговоръ. Полковыхъ же командировъ полковъ Ярославскаго пѣхотнаго и 39 егерскаго предписываю арестовать на двое сутки, батальонныхъ начальниковъ, у коихъ состояли помянутыя роты на четыре сутки, а офицеровъ сихъ ротъ, кои не были при своихъ мѣстахъ, на восемь сутокъ.

(*Сообщилъ Михаилъ Соколовскій*).

СТАРИНА О БАЗИЛЕВСКИХЪ.

(Изъ народныхъ устъ).

I.

Разорила Екатерина Вторая Сѣчь Запорожскую, и умерла воля Украйны. Сѣчовики разбрелись, а реэстровые казаки были разселены по всей Малой Россіи. Старшинамъ казачьимъ, люду чиновному, даровано дворянство, и надѣлены они помѣстьями и угодьями; а простые казаки разселились по свободнымъ землямъ, не захваченнымъ старшинами. Людъ посполитый [1]) былъ прикрѣпленъ къ землѣ и былъ отданъ во власть новоиспеченнымъ панамъ [2]). Такъ какъ крестьянъ было мало, то помѣщики правдами и неправдами старались, елико возможно, обращать къ себѣ въ подданство казаковъ, селившихся не вдалекѣ отъ ихъ земель. Слѣдствіемъ этого были частыя возмущенія крестьянъ, помнившихъ еще недавнюю волю, и постоянныя распри между казаками и панами. То и дѣло возникали то тамъ, то здѣсь всякаго рода бунты, несогласія и споры. Казаки не хотѣли уступить своихъ правъ и начали подавать на имя императрицы жалобы на притѣсненія пановъ. Екатерина Вторая принуждена была издать указъ, въ которомъ подтверждала права казаковъ на волю. Во многихъ мѣстахъ чиновничество постаралось скрыть отъ казаковъ этотъ указъ, но кое-гдѣ онъ былъ прочитанъ; слухъ объ этомъ разошелся вездѣ, и это подлило еще болѣе масла въ огонь. Вездѣ требовали, чтобы указъ былъ прочитанъ; но иногда казакамъ, вмѣсто указа о волѣ, читали о подданствѣ панамъ.

---

[1]) Земледѣльцы, не служившіе въ казачьемъ войскѣ, обращенные въ крестьянъ.

[2]) Эти „новоиспеченные“ паны, издавна находившіеся подъ Польскимъ вліяніемъ, не замедлили, по примѣру Польскихъ магнатовъ, сдѣлаться страшными крѣпостниками, и Малороссійскому посполъству, т. е. простонародью, приходилось отъ нихъ хуже нежели Великороссійскимъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ. П. Б.

Не вдалекѣ отъ казачьяго поселка «Турбаи», было помѣстье сотника Базилевскаго, славившагося своимъ богатствомъ и многочисленною роднею. Родня его разселилась на большомъ пространствѣ, въ помѣстьяхъ; однако старый сотникъ заправлялъ дѣлами всего рода своего, и у него хранились всѣ богатства. Жилъ онъ со своею дочкою Марьянусею, которая, по старости сотника, и заправляла всѣмъ хозяйствомъ. Помѣстье Базилевскаго находилось между землями казачьими, и крестьянъ было мало у него. Главнымъ образомъ по настоянію своей родни началъ онъ притѣснять казаковъ и стараться обратить ихъ въ крестьянство. Много терпѣли казаки, но не поддавались. Услышали они вѣсть наконецъ, что пришелъ указъ отъ Царицы о подтвержденіи казачьихъ правъ на волю и возликовали. Дѣйствительно, немного спустя, пріѣхалъ къ нимъ комиссаръ, созвалъ всѣхъ на раду и прочиталъ имъ указъ о томъ, чтобы они слушали своихъ пановъ.... Всѣ остолбенѣли. Вдругъ казакъ Нечай, стоявшій около комиссара, выхватилъ нагайку и ударилъ комиссара по головѣ съ такой силой, что фуражка треснула, прибавивъ, что если онъ не прочитаетъ настоящаго указа, то живой ни уйдетъ. Оробѣлъ комиссаръ сильно, принужденъ былъ вытащить изъ кармана другую бумагу и прочитать имъ настоящій указъ.

Выпроводили комиссара казаки и начали уже совсѣмъ иначе вести себя. Если Базилевскіе уводили раньше козачій скотъ и отнимали имущество, то теперь казаки стали продѣлывать тоже съ Базилевскими. Когда же Базилевскіе начали отплачивать имъ тѣмъ же, то казаки ссылались на указъ. Базилевскіе отвѣчали, что не хотятъ никакихъ указовъ слушать. Возгорѣлась настоящая война между казаками и Базилевскими. Такъ какъ въ войнѣ этой принялъ участіе весь родъ Базилевскихъ, то немудрено, что постоянно одолѣвали они казаковъ. Дошло до того, что казаки рѣшили перебить всѣхъ Базилевскихъ. Предводительствовали ими Нечай и Бажанъ. Но одолѣть Базилевскихъ трудно было: многочисленная дворня ихъ могла отстоять. Тогда казаки подговорили къ участію въ ихъ дѣлѣ бургомистра Базилевскихъ, Баргана, который въ свою очередь постарался подговорить остальную дворню. Дѣло наладилось. Ожидали только случая, когда можно было бы всѣхъ Базилевскихъ разомъ прикончить.

Случай скоро представился. Были имянины стараго сотника, и всѣ Базилевскіе съѣхались къ нему. Казаки обступили дворъ и домъ, разбили окна и принялись за расправу, такъ что никто изъ Базилевскихъ нэ остался въ живыхъ. Стараго сотника перваго убили, а за нимъ и остальныхъ. Одинъ изъ Базилевскихъ хотѣлъ скрыться и залѣзъ въ

печку. Казаки нашли его и законопатили отверстіе печки. Тамъ онъ и умеръ. Марьянуся заперлась въ своей спальнѣ, и, не смотря на всѣ попытки выломать дверь, казаки не могли этого сдѣлать. Тогда Бажанъ разбилъ окно, влѣзъ въ комнату и убилъ ее. Марьянуся лежала ничкомъ въ своей постели.

Покончивъ съ Базилевскими, казаки принялись за разграбленіе добра Базилевскихъ. А добра этого было много: одного золота и серебра, говорятъ, было 50 боченковъ, а мѣдь лежала прямо въ закромахъ. Добромъ казаки подѣлились. Наибольшую долю, конечно, взяли себѣ предводители: Нечай, Бажанъ и Барганъ. Остальные тоже не остались съ пустыми руками. Каждый закопалъ свою добычу въ землю, и всѣ успокоились, увѣренные, что Базилевскіе всѣ были убиты. Но ошиблись они въ своихъ предположеніяхъ.

На имянинахъ сотника между родичами Базилевскаго не было только одного Өедора *) Базилевскаго, который былъ изъ Остапья. Запоздавъ къ празднику, онъ очень спѣшилъ, и какъ разъ около Турбаевъ повстрѣчался съ однимъ изъ жителей Романовскихъ казачьихъ хуторовъ, пастухомъ, который началъ кричать, чтобы панъ остановился. Возмущенный такою дерзостью, Базилевскій остановился и хотѣлъ уже приказать, чтобы пастуха побили за это нагайкою; но пастухъ началъ умолять выслушать его прежде. Базилевскій согласился, и Романовскій козакъ разсказалъ ему о томъ, что̀ дѣлается въ Турбаяхъ. Базилевскій колебался, повѣрить ли ему, или нѣтъ, и наконецъ отправилъ одного изъ слугъ въ Турбаи узнать, правду ли ему говорилъ пастухъ, котораго и оставилъ съ собою до возвращенія посланца. Посланецъ черезъ нѣкоторое время возвратился и сказалъ, что пастухъ правъ и что всѣ Базилевскіе перебиты. Тогда только отпустилъ Базилевскій пастуха, а самъ вернулся въ Остапье и такимъ образомъ избѣжалъ участи своихъ родичей. Вернувшись въ Остапье, Өедоръ Базилевскій заявилъ о всемъ происшедшемъ властямъ и подалъ на казаковъ жалобу въ судъ. Дѣло тянулось около года, и присудили всѣхъ участвовавшихъ къ ссылкѣ въ Новороссію (нынѣ Екатеринославскую губернію).

По окончаніи суда явились въ Турбаи солдаты, всѣхъ заковали въ кандалы, хаты всѣ разорили и погнали въ ссылку. Село же Турбаи переименовано было въ село «Скорбное», и оно до сего дня носитъ имя это въ оффиціальныхъ бумагахъ.

---

*) Өедоръ Өедоровичъ Базилевскій. Прахъ его покоится въ Остапьевскомъ склепѣ.

Много прошло съ того часу времени, и сказаніе о кровавомъ дѣлѣ въ устахъ народа вылилось въ поэтическую форму.

(Со словъ Мареы Рокитной, старухи 68 лѣтъ, жившей въ Турбаяхъ 1900 г. Января 7 дня).

II.

Болѣе столѣтія прошло со времени избіенія Базилевскихъ, но пѣсня объ этомъ событіи и до сихъ поръ живетъ въ памяти народной, живетъ сказаніе объ этомъ и живутъ до сихъ поръ сказанія о сокровищахъ награбленныхъ у Базилевскихъ и закопанныхъ въ землю.

Народная пѣсня о Базилевскихъ *).

Пили, пили Базилевци,
Пили да гуляли,
Свою сестру Марьянусю
На совѣты звали.

Пріѣхала Марьянуся
Вороными конями:
„Захватили братья мои
Не по своей силѣ!"

Пріѣхала Марьянуся,
Кони вспотѣли,
„Захватили братья мои,
Я и не хотѣла бъ!"

Начала сестра Марія
На воску гадати:
„Выпадаетъ, братья мои,
„Намъ въ свѣтѣ не жити".

Посмотрѣла сестра Марья
Въ окно на болото:
Окружили казаченьки
Съ кольями около двора.

„Ой дайте намъ, казаченьки,
„Хоть поѣсть,

*) Помѣщается въ Великорусскомъ переводѣ.

„Да дайте намъ послушать
„Да ваши вѣсти [1])

—„Почему же ты, Марьянусю,
„Да давно не ѣла,
„Да казацкого указа
„Слушать не хотѣла?“.

—„Ой ѣште вы, Турбаевци,
„Баргамоты, груши,
„Да пустите, да не бейте
„Невинныя души“.

Охъ ударилъ казакъ Бажанъ
По большимъ окнамъ,
Попадали стекла, рамки
На мягкія ложа [2]).

Отъ Вергуновъ до Турбаевъ
Покопали шанцы.
Охъ убили Базилевцевъ
Въ Пятницу рано.

Били жены валиками
И малыя дѣти.
„Вотъ тебѣ, Марьянусю,
„За тонкую пряжу“.

У той Марьянуси
Въ подолѣ мережка [3]).
Куда везли хоронить,
Кровавая дорожка.

У той Марьянуси
Красная лента,
Куда везли хоронить,
Кровавая рѣчка.

---

[1]) Т. е. требованія.
[2]) Постели.
[3]) Вышивка.

Въ Турбаяхъ огонь горитъ,
По всему свѣту дымно,
Охъ убили Базилевцевъ.
Всѣ паны дивятся.

Ой чей это конь вороной
Въ табунѣ играетъ?
Охъ это тѣхъ Базилевцевъ,
Что̀ въ свѣтѣ не стало.

Охъ чья же это коляска
Съ крутой горы спускается?
Охъ это тѣхъ Базилевцевъ,
Что̀ съ нами судятся.

Охъ убили Базилевцевъ
И кладовую разобрали,
Да за ту кладовую
Ихъ въ ссылку сослали.

Въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія нѣкоторыя имѣнія Базилевскаго арендовалъ Дукельскій, и Петровкою въ томъ числѣ. Въ Петровкѣ былъ управляющій Дукельскаго Лугово̀й. Много Луговой наслышался о закопанныхъ кладахъ Базилевскаго, но самъ выкапывать ихъ не рѣшался, главнымъ образомъ потому, что это требовало нѣкоторыхъ затратъ; да и слухи ходили въ народѣ, что клады эти заклятые, что закляли ихъ тѣ, которыхъ сослали въ ссылку; говорили, что какъ только станутъ откапывать кладъ, то онъ или начинаетъ уходить въ землю, или подымается сильная буря, или же начинаютъ показываться привидѣнія.

Разъ въ лѣтнюю пору, во время косовицы, косари косили траву въ урочищѣ «Перерубанный гаекъ». Сѣвъ около могилы, находившейся здѣсь, они увидѣли, что могила эта какъ бы растрескалась. Въ трещины эти они начали вкладывать свои косы и понемногу раскапывать могилу. У всѣхъ на умѣ былъ кладъ. На этомъ занятіи засталъ ихъ приказчикъ «дидъ Молдованъ», какъ его называли. Обругавъ всѣхъ лѣнтяями и не обративъ вниманія на ихъ слова, что они отыскали кладъ, онъ послалъ ихъ косить. Въ тотъ же день, уже къ вечеру, косари увидѣли двухъ людей, подъѣзжавшихъ къ нимъ. Люди, подъѣзжавшіе къ косарямъ, не были никому извѣстны. Попросивъ позволенія переночевать и получивъ его, они расположились на ночлегъ около могилы, а косари ушли въ экономію. Рано утромъ, на другой день, косари вышли опять косить и,

каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли не особенно глубокую яму, на стѣнкахъ которой ясно обозначились отпечатки обручей! Ясно было, что въ ямѣ находился боченокъ, который исчезъ вмѣстѣ съ людьми, ночевавшими у могилы.

Слухъ объ этомъ происшествіи распространился вездѣ. Явилось много кладоискателей. Заразился этимъ и управляющій Лугово̀й и началъ подумывать о томъ, чтобы и самому попробовать счастья. Былъ у Лугового пріятель, Коваленко, авантюристъ, пройдоха, какихъ мало вездѣ и во всемъ искавшій своего счастья. Подѣлился своими думами съ пріятелемъ Луговой, и близко принялъ это Коваленко къ сердцу. Въ то время Коваленко служилъ у купца Посникова управляющимъ. И вотъ по дѣламъ своего довѣрителя пришлось ему быть въ Екатеринославской губерніи, недалеко отъ того мѣста, куда были сосланы побившіе Базилевскихъ казаки и гдѣ до сихъ поръ живутъ ихъ потомки. Пронюхалъ онъ это и, подъѣхавъ къ потомкамъ, всяческими способами постарался узнать, гдѣ закопаны клады и по какимъ примѣтамъ можно ихъ отыскать. Указывали, что клады, главнымъ образомъ, закопаны около Барганового гайка, гдѣ былъ хуторъ Баргана, бургомистра Базилевскихъ; разсказывали также, что одинъ изъ колодцевъ въ Турбаяхъ былъ наполненъ серебряною посудою и засыпанъ землею, что въ Турбаевскихъ болотахъ затопленъ баркасъ наполненный серебромъ. Много разсказывали.

Собравъ эти свѣдѣнія, Коваленко немедленно воротился и присталъ къ Луговому, уговаривая его попытать счастья. И убѣдилъ. Рѣшено было дѣло вести втайнѣ, работы дѣлать по ночамъ. Подыскали благонадежныхъ рабочихъ и принялись за дѣло. Смастерили большіе буравы и буравами пробовали въ различныхъ мѣстахъ почву. Черезъ нѣсколько дней буравы наткнулись на что-то твердое. Духъ у всѣхъ замеръ. Начали рыть съ лихорадочной поспѣшностью и нашли старинную битую фарфоровую посуду, а дальше сгнившее хлѣбное зерно. Заключили, что напали на пашенную *) яму, наполненную битою посудою. Еще нѣсколько ночей буравили и опять наткнулись на что-то твердое, но рыть оставили до другой ночи, такъ какъ уже разсвѣло. Пришли на другую ночь, и о ужасъ! Тамъ гдѣ пробовали буравомъ, оказалась глубокая яма, сажени въ двѣ глубиною, а по бокамъ ямы сохранились слѣды отъ обручей съ двухъ боченковъ и дубовыя щепки въ небольшомъ количествѣ. Возникла ссора между Коваленкомъ и Луговымъ. Одинъ другого обвинялъ въ утайкѣ выкопаннаго добра. Разругались и разошлись. Лу-

*) Яма, въ которой хранится хлѣбъ.

говой началъ послѣ этого сильно пить и въ конецъ совсѣмъ спился съ кругу и умеръ въ нищетѣ, а Коваленко, предварительно бросивъ всѣ свои инструменты въ рѣку Хоролъ, предался много рода мятежности.

Между тѣмъ, слухъ о похищенныхъ сокровищахъ разнесся вездѣ. Многіе начали подозрѣвать въ похищеніи крестьянина Михаила Бочарова, бывшаго въ числѣ рабочихъ. Подозрѣнія эти основывались на слѣдующихъ данныхъ: 1) Бочаровъ въ этотъ день, когда кладъ былъ выкопанъ, сказался больнымъ, и никто его нигдѣ не видѣлъ. 2) Бочаровъ, замѣчательная бестія и пройдоха, будучи прежде бѣднякомъ, вдругъ началъ богатѣть и въ короткое время сдѣлался однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ. Узналъ объ этомъ и Коваленко и сдѣлался заклятымъ врагомъ Бочарова. Ходятъ однако слухи, что кладъ въ пользу Бочарову не пошелъ, что онъ, боясь обнаружить свое богатство, довѣрилъ его племяннику, а тотъ увезъ въ Саратовскую губернію, да и былъ таковъ.

Много еще выпахивали кладовъ Романовцы во время вспашки поля, но клады мелкіе, въ родѣ казана или ковшика, наполненнаго деньгами. Много, много выкапывали золота и серебра, а еще больше говорили объ этомъ и туманили людскія головы; не одинъ самый благоговѣйный хуторянинъ, ставя свѣчку передъ иконою Богоматери, усердно молился, чтобы послала она ему кладъ *).

М. Корецкій.

7 Января 1900 года.

*) Малороссія и Южная Россія богаты кладами, что объясняется судьбами ихъ до присоединенія къ Великороссіи. Сличи въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 года (III, 598) статью Р. А. Маркова „О разбойникѣ Кудіарѣ“. П. Б.

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРѢЕВСКІЙ.

Его письма.

П. В. Кирѣевскій (р. 8 Февраля 1808 † 25 Октября 1856), второй сынъ Авдотьи Петровны Елагиной отъ перваго ея брака съ Васильемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ († 1812), собиратель Русскихъ народныхъ пѣсенъ, оставилъ по себѣ благодарное воспоминаніе въ людяхъ, которымъ посчастливилось знать его. Своими немногими произведеніями, оглашенными въ печати, онъ успѣлъ выразить лишь самую малую долю сокровищъ многосторонняго ума своего, дарованій и познаній. Это былъ человѣкъ необыкновенно скромный, вдумчивый, сосредоточенный, съ горячимъ сердцемъ, но и съ непреклонною твердостью убѣжденій и властнымъ словомъ. Ничего въ немъ не было показаннаго, но красота кристальной души его была обаятельна. Образованію его, какъ и его старшаго брата, посвящены были заботы его матери и любящаго вотчима, который тоже принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Читатели „Русскаго Архива" познакомятся съ П. В. Кирѣевскимъ по его письмамъ, любезно сообщены намъ его племянницею Марьею Васильевной Беэръ. П. Б.

Изъ перваго заграничнаго путешествія.

17 Іюля (1829), Смоленскъ. Середа.

Сегодня, въ половинѣ десятаго поутру, мы пріѣхали въ Смоленскъ. Приключеній дорогою никакихъ экстраординарныхъ не было. Родіонъ ведетъ себя какъ нельзя лучше, и я имъ совершенно доволенъ; бричка также до сихъ поръ была совершенно исправна; одинъ разъ только на третьей станціи нужно было починить два поломанныхъ желѣзныхъ прута, и теперь, я надѣюсь, до самаго Бреславля больше починки не будетъ. За лошадьми намъ нигдѣ остановки не было ни на минуту; дорόга вообще очень хороша, и мѣста по всей Смоленской губерніи, особенно окрестности Смоленска и самый Смоленскъ, чрезвычайно живописны. Днѣпръ показывается еще верстъ за сто недоѣзжая до Смоленска; онъ еще за Дорогобужемъ немного ўже Москвы рѣки и чрезвычайно красивъ. Въ самый день нашего отъѣзда, небо часа въ четыре послѣ обѣда совершенно очистилось, и до сихъ поръ стоитъ прекрасная погода. Слѣдовательно все идетъ какъ нельзя лучше. Товарищъ мой меня не такъ мучитъ, какъ я предполагалъ; первыя три станціи онъ

почти все молчалъ и далъ мнѣ время ободриться. Теперь, кажется, дорôга нѣсколько порастрясла его Нѣмецкія кости, и онъ мурлычитъ только изрѣдка. Я до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ почти не усталъ; но все еще грустно. Еще разъ всѣхъ обнимаю. П. К.

Къ Бердяеву я не заѣзжалъ; его деревня лежитъ 18 в. въ сторону, по Духовщинской дорогѣ. До Бреста!

Пятница 26 Іюля (7 Августа), Варшава.

Вотъ я и въ Варшавѣ, за 1200 верстъ отъ васъ! Мы выѣхали изъ Литовскаго Бреста во Вторникъ, часу въ первомъ поутру и, проѣхавъ нѣсколько улицъ, остановились на Русской границѣ. Въ Брестѣ Россія отдѣляется отъ Польши маленькой рѣчкой, которая называется Старымъ Бугомъ; съ Русской стороны мостъ запертъ высокими рѣшетчатыми воротами, выкрашенными, такъ какъ обыкновенно красятся наши версты, а съ Польской точно такими же воротами, выкрашенными бѣлою краской съ малиновыми полосами. Это Польскій національный цвѣтъ и точно такъ красятъ здѣсь всѣ столбы и гауптвахты. Какъ скоро мы въѣхали въ Польскіе ворота, насъ встрѣтили нѣсколько солдатъ въ синихъ мундирахъ и нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ въ свѣтлозеленыхъ мундирахъ съ бѣлыми воротниками; это были первые не-Русскіе солдаты, которыхъ я видѣлъ. Таможенники подошли къ намъ для осмотра, и черезъ посредство Жида, съ рожею, подлѣе которой мнѣ никогда не удавалось видѣть, пропустили насъ безъ замедленія, осмотрѣвъ мой кисетъ съ курительнымъ табакомъ, и Адамъ-Адамычеву бутылку съ прохладительнымъ. Тогда мы поѣхали по землѣ Польской.

Отъ Бреста и до Варшавы сдѣлано прекрасное шоссе, при началѣ и концѣ котораго поставлены два высокіе черные столба съ различными барельефами, которыхъ я не разсмотрѣлъ; эти столбы поставлены въ память того, что шоссе сдѣлано въ 1423 году, о чемъ говоритъ и бронзовая Латинская надпись, передавая потомству великій подвигъ. На каждыхъ двухъ концахъ стоитъ шлагбаумъ, у котораго должно платить за проѣздъ. Природа Польская вообще совсѣмъ не красива; отъ Бреста до Варшавы нѣтъ почти ни одного пригорка, всюду площадь ровная какъ столъ, болота, поля и лѣса; дорôга по большей части обсажена пирамидальными высокими тополями; и по сторонамъ выстроены красные домики для рабочихъ; вездѣ такой же порядокъ, и такая же тишина, какъ на дворѣ барона Черкасова *): съ самыхъ границъ Смоленской губерніи я уже нигдѣ не слыхалъ пѣсней, которыя еще слышны

---

*) Т. е. въ селѣ Володьковѣ, подъ городомъ Бѣлевымъ. П. Б.

по красивымъ Смоленскимъ деревнямъ. Впрочемъ города̀ Царства Польскаго, хотя также запружены множествомъ Жидовъ, несравненно чище и богаче Литовскихъ, на которыхъ нельзя смотрѣть безъ печальнаго чувства. Съ самой Орши (Мог. губ.) уже начинается форма домовъ совершенно несходная съ нашей, а Варшава, своими четырехъ-этажными закопчеными домами и тѣсными улицами, особенно же площадью, на которой стоитъ красивая бронзовая статуя Сигизмунда 3-го, совершенно мнѣ напомнила панораму Парижа, которую я видѣлъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ. Съ нашими городами нѣтъ ни малѣйшаго сходства; особенно замѣтенъ недостатокъ башень и колоколень, что̀ много убавляетъ красоты; впрочемъ она внутри очень хороша, и была бы также хороша снаружи, если бы мѣсто было не совершенно плоское. Вотъ все, что̀ я могу сказать о наружности Варшавы, потому что я не успѣлъ еще осмотрѣть ее порядочно, а видѣлъ только тѣ улицы, черезъ которыя мы проѣзжали съ большимъ трудомъ. До Понедѣльника, а въ Понедѣльникъ рано поутру отправимся въ Бреславль черезъ Калишъ. Между тѣмъ постараюсь доглядѣть въ Варшавѣ все, что̀ будетъ можно. Я познакомился здѣсь съ двумя копчеными Нѣмцами, пріятелями Адама Адамиша, черезъ которыхъ постараюсь узнать средство для подробнѣйшаго осмотрѣнія Варшавы; одинъ изъ нихъ профессоръ Бланкъ, преподающій живопись при Варшавской Академіи; а другой—живописецъ, фамиліи не знаю. До Бреславля! Адамъ Адамиша стращаетъ, что почта уѣдетъ; а отсюда она ходитъ въ Россію только въ недѣлю разъ.

Представленія до сихъ поръ никакого не было, и не знаю будетъ ли; наши пачпорта взяли въ полицію и выдали билетъ на полученіе ихъ назадъ при выѣздѣ. Если представленіе будетъ, то я изъ Варшавы напишу еще разъ; если же не напишу, то это будетъ значить, что его не было. Отъ Москвы до Варшавы я издержалъ всего-на-всего 315 руб.

Минхенъ.

Милая Маменька!

Вотъ я и въ Минхенѣ. Все путешествіе отъ Москвы и досюда совершено какъ нельзя благополучнѣе; я здоровъ и веселъ. Теперь занимаюсь отыскиваніемъ квартиры и осматриваніемъ го̀рода, который впрочемъ весь немного побольше нашей Мясницкой. Однако онъ довольно красивъ и былъ бы прекрасенъ, если бы не лежалъ на огромной равнинѣ, совершенно плоской, покрытой по большой части болотами и полузасохшимъ кустарникомъ. Улицы здѣсь не такія узкія и закопченыя какъ въ другихъ Нѣмецкихъ городахъ; дома по большей части новые и выстроенные очень красиво; довольно много зелени, и изо всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ мною видѣнныхъ Минхенъ на Москву самый похожій.

Очень много красоты отнимаетъ у здѣшнихъ городовъ недостатокъ колоколенъ и златоверхихъ церквей, которыя такъ много украшаютъ наши. Правда, здѣсь есть прекрасныя готическія зданія, но ихъ во всемъ городѣ три или четыре, и при взглядѣ на городъ издалека, они совсѣмъ не производятъ такого дѣйствія, какое множество колоколенъ и башенъ въ Москвѣ, или даже Смоленскѣ. Смоленскъ и Днѣпровскіе берега произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и если исключить окрестности Дрездена, Саксонскую Швейцарію и старинный городокъ Бернеръ съ развалинами двухъ замковъ (въ Баваріи), я по всей дорогѣ отъ Москвы до Минхена не видалъ природы прекраснѣе. За то, что̀ за Саксонская Швейцарія! Описать впечатлѣніе которое она производитъ невозможно; я думаю, что никакая мастерская кисть не въ состояніи выразить ея красотъ на бумагѣ: будетъ пестрота, но не будетъ той огромности и того величія. Мы съ Рожалинымъ и Кирѣевымъ *) исходили ее всю пѣшкомъ и не чувствовали почти усталости, взбираясь на горы, почти отвѣсныя, и проходя по тридцати верстъ на день.

14 (26). Здѣсь меня перервали; и можетъ быть къ лучшему, потому что прежде я не могъ вамъ сказать ничего положительнаго о томъ, какъ я здѣсь устроился, теперь же все почти главное сдѣлано. Сегодня я перехожу наконецъ на квартиру, третьяго дня былъ у Тирша, который здѣсь ректоръ, и вчера къ вечеру узналъ, что Тютчевъ, котораго прежде не было въ Минхенѣ, наконецъ возвратился. Сегодня же отправлюсь къ нему, чтобы выручить ваши первыя письма, которыхъ вы его сдѣлали Аргусомъ. Квартира моя, которую я нанялъ за два червонца въ мѣсяцъ (что̀ и здѣсь довольно дешево), состоитъ изъ двухъ маленькихъ, но очень красивыхъ комнатъ, лежитъ въ уединенной, но очень красивой сторонѣ го̀рода и обращена окнами въ Англійскій садъ, который здѣсь лучшій. Теперь еще я не могу прислать вамъ ея плана, потому что мебели еще не приведены въ порядокъ, и я еще только два раза ее видѣлъ; но въ слѣдующемъ письмѣ непремѣнно пришлю. И такъ вамъ не остается никакой причины къ безпокойству обо мнѣ, зная, что я все почти устроилъ и здоровъ какъ нельзя быть здоровѣе. Душевное же мое спокойствіе зависитъ отъ вашего, и чѣмъ больше вы захотите мнѣ его доставить, тѣмъ больше будете беречь себя и всѣхъ моихъ и вашихъ, тѣмъ чаще будете писать. Впрочемъ во всемъ этомъ я не сомнѣваюсь. Получать отъ васъ письма какъ можно чаще для меня необходимо: заграничность даетъ особаго рода безпокойственность, которой я не

*) Это отецъ извѣстной въ наши дни политической писательницы Ольги Алексѣевны Новиковой *(О. К.)*. П. Б.

зналъ прежде; до такой степени, что два сна, изъ которыхъ я одинъ видѣлъ въ Варшавѣ, а другой въ Калишѣ, были для меня истинной пыткой, покуда я не получилъ отъ васъ письма въ Дрезденѣ, хотя никогда прежде сны не дѣлали па меня никакого впечатлѣнія. Но я забываю, что васъ увѣрять въ этомъ не нужно, что вы это знаете по себѣ, и, слѣдовательно, писать часто непремѣнно будете. Я началъ было писать къ вамъ изъ Дрездена, и по самому началу вы могли видѣть, что я хотѣлъ писать много, но меня перервалъ одинъ Грекъ, который пришелъ не во́-время, а послѣ я уже не успѣлъ кончить; потому что надобно было отправляться сюда, и дилижансъ чуть-чуть было не уѣхалъ безъ меня. Рожалинъ взялся отправить начатое письмо и написать къ вамъ на мою долю какъ можно больше. Какой милый этотъ Рожалинъ! [1]) Онъ принялъ меня какъ истинный другъ, и за время, которое я провелъ съ нимъ въ Дрезденѣ, я всегда буду ему благодаренъ. Онъ вѣроятно писалъ къ вамъ и самъ о теперешнихъ своихъ обстоятельствахъ, но, не смотря на то, и я написать долженъ, что̀ знаю. Кайсарову [2]) въ день моего отъѣзда ждали въ Дрезденъ изъ Ишля; она пробудетъ въ Дрезденѣ около мѣсяца и потомъ отправится на всю зиму въ Россію, оставя дочь на попеченіе Каруса и миссъ Клермонтъ, которую опять выписываютъ изъ Лондона. На вопросъ вамъ, очень ли занятъ Р. и пр., не могу отвѣчать вамъ ничего положительнаго, потому что ничего не могъ узнать. Англичанъ онъ прежде не любилъ, а теперь ненавидитъ и еще съ бо̀льшимъ пристрастіемъ, нежели прежде, не допуская никакихъ исключеній. Ему предлагали два мѣста; одно кн. В. [3]), а другое Гагаринъ въ Римѣ; но Кайсарова уговорила его остаться, по крайней мѣрѣ, на эту зиму, — и онъ согласился. О мѣстѣ при посольствѣ и Кайсарова тоже хлопочетъ чрезъ Шрёдера, который при мнѣ пріѣхалъ въ Др.; но объ этомъ вѣроятно Рож. самъ писалъ къ вамъ больше; по́ крайней мѣрѣ обѣщалъ. Въ Дрезденѣ, какъ кажется, ему скучно, и онъ очень желалъ бы быть въ Минхенѣ; но говоритъ, что прежде весны объ этомъ и думать невозможно. За бумаги онъ не разсердился, и совершенно повѣрилъ потерѣ письма. Онъ съ большей горячностью говоритъ о благодарности къ вамъ; но никакъ ни хотѣлъ вѣрить, что бумаги принадлежатъ ему, и не хотѣлъ ихъ у себя оставить, а хотѣлъ возвратить вамъ. Я уговорилъ его, по крайней мѣрѣ, прежде съ вами списаться.

---

[1]) Николай Матвѣевичъ Рожалинъ, переводчикъ Гётева Вертера, одинъ изъ рано умершихъ даровитыхъ нашихъ юношей. П. Б.

[2]) Супругу извѣстнаго генерала Паисія Сергѣевича. П. Б.

[3]) Вѣроятно, это князь П. А. Вяземскій, сыну котораго, князю Павлу Петровичу, тогда шелъ 10-й отъ роду годъ. П. Б.

Онъ еще имѣетъ одинъ планъ, который вамъ, или еще лучше, брату надо будетъ взять на свои руки. Онъ хочетъ сдѣлать условіе съ кѣмъ-нибудь изъ Моск. журналистовъ доставлять въ каждый номеръ по статьѣ о состояніи Нѣм. лит. и получать за это рублей 1000 въ годъ, но мнѣ кажется это требованіе слишкомъ умѣренно, а дѣло сдѣлать очень возможно; только если — что покуда всего лучше имѣть дѣло съ Пол.[1]). Но надо взять предосторожности противъ повторенія Исторіи Вяз. и Бар. Вотъ покуда все, что̀ успѣлъ сказать о себѣ и Рожалинѣ; теперь спѣшу, а въ слѣдующій разъ буду писать больше. Письмо мое изъ Бреславля напрасно васъ безпокоило; все путешествіе было какъ нельзя благополучнѣе, и Паганини я не слыхалъ, потому что его тогда уже не было въ Бреславлѣ.

Къ брату И. В. Кирѣевскому.

Минхенъ, 10 (22) Сентября (1829).

Милый братъ!

Я наконецъ въ Минхенѣ, все путешествіе совершено какъ нельзя благополучнѣе; всю дорогу я былъ какъ нельзя здоровѣе и теперь также. Я сюда пріѣхалъ по нашему счету 4-е и не писалъ до сихъ поръ, потому что хотѣлъ написать уже ставши твердой ногою въ Минхенѣ, т.-е. нанявши квартиру, записавшись въ Университетъ, словомъ расположившись здѣсь уже совершенно, чтобы не оставить уже никакого повода къ безпокойству на мой счетъ. Однако эта Нѣмецкая аккуратность мнѣ стала наконецъ тяжела; особенно сегодня, когда я получилъ ваши письма, ваши милыя, дорогія письма! Еще только два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Москвы, и мнѣ уже кажется какъ будто я цѣльный годъ прожилъ въ Германіи: такъ пестро прошли эти два мѣсяца, и такъ я привыкъ слышать всегда Нѣмецкій языкъ, видѣть Нѣмецкіе города и физіономіи, слышать холодные толки Нѣмцевъ о громкихъ дѣлахъ далекой и для нихъ чужой Россіи[2]). Не можешь вообразить, какое чувство зашевелилось въ моей душѣ, когда я раскрылъ ваши письма, когда опять услышалъ родные звуки, когда раздался полный, стройный аккордъ всѣхъ струнъ моего сердца! Только теперь я чувствую вполнѣ, что̀ я оставилъ въ Москвѣ. Какъ мало я умѣлъ пользоваться твоею близостью! Судьба уже давно раздѣлила насъ неровнымъ надѣломъ способностей; ты далеко опередилъ меня; какая-то тяжелость ума и безпрестанно грызущее чувство сомнѣнія въ самомъ себѣ оставили меня назади, и мы не могли всѣмъ дѣлиться по братски, какъ бы я желалъ. Но я никогда не любилъ никого больше тебя; и когда мы были вмѣстѣ, чувство моего неравенства для меня было всегда самое

[1]) Т. е. съ издателемъ „Московскаго Телеграфа“ Н. А. Полевымъ. П. Б.

[2]) Тогда кончалась наша первая Николаевская война съ Турціей. П. Б.

тяжелое: оно меня лишало твоей довѣренности. По крайней мѣрѣ разлука наша утѣшительна для меня тѣмъ, что она насъ сблизила. Это была важная эпоха въ моей жизни; она пока дала мнѣ, что и я для тебя не просто братъ по рожденію, что ты меня любишь, хоть я никогда не могу для тебя быть тѣмъ, чтò ты для меня. Пусть же по крайней мѣрѣ съ этихъ поръ мы будемъ ближе! И если сбудется хотя часть моихъ желаній, когда наконецъ пробьетъ часъ возвращенія, я опять обойму тебя, можетъ быть, съ бòльшимъ правомъ, нежели прежде!

Какъ мнѣ весело было получить отъ тебя три письма, зная твою тугость на письма. Продолжай такъ! Три письма въ два мѣсяца еще не очень много. Переселись на одну минуту въ меня, и узнай, чтò значитъ въ Германіи получить письмо отъ тебя. Я говорю три письма, потому, что ты писалъ ко мнѣ въ Дрезденъ, что первое письмо ты адресовалъ къ Тютчеву; однако въ самомъ дѣлѣ я получилъ только два; а перваго не получалъ, потому, что Тютчевъ какъ нарочно куда-то уѣхалъ и воротится, говорятъ, не прежде какъ черезъ мѣсяцъ.

А до сихъ поръ я ничего еще почти не успѣлъ здѣсь сдѣлать. Завтра или послѣ завтра думаю перейти на квартиру, въ которой уже почти условился, и завтра же можетъ быть пойду просить позволенія слушать лекціи къ ректору, то есть къ одному изъ значительнѣйшихъ людей Германіи, Тиршу. Изъ громкихъ именъ здѣсь въ нынѣшнемъ году читались слѣдующія. Шеллингъ *Объ эпохахъ міра*. Океnъ *Натуральную философію*; Астъ *Исторію Философіи*. Тиршъ 1) *Энциклопедію Филологическихъ наукъ* 2) Aeschilos Agamemnon u Cicero Officia, 3) Uebungen d. philologischen seminars. Гёрресъ *Всеобщую Исторію отъ сотворенія міра до Троянской войны и Этнографію*. Всѣхъ профессоровъ 84. Я выбралъ Шеллинга, Окена, Аста, Герреса, Тиршеву Экциклопедію, Деллинга Исторію среднихъ вѣковъ и Дреша Всеобщую Исторію. Я хотѣлъ было прислать тебѣ полный списокъ профессоровъ здѣшнихъ и предметовъ ихъ преподаванія, но на этотъ разъ не успѣлъ, а пришлю когда справлюсь съ квартирою, сяду на мѣсто и перестану метаться изъ стороны въ сторону какъ теперь. Объ описаніи Минхена мнѣ также теперь нельзя и думать; во-первыхъ, потому, что я здѣсь только семь дней; а, во-вторыхъ, потому, что мнѣ не удалось еще здѣсь познакомиться ни съ одной душою, а слѣдовательно я вижу только однѣ стѣны Минхена.

Самые сильныя изъ моихъ заграничныхъ впечатлѣній были слѣдующія: Варшава, которая кромѣ историческихъ воспоминаній съ ней связанныхъ, кромѣ своей собственной красоты, своихъ садовъ и Фрейщица подъ открытымъ небомъ, была для меня первымъ городомъ,

не имѣющимъ никакого сходства съ Русскими; Бреславль и его величественныя готическія церкви и прекрасной пучиной; наконецъ Дрезденъ и Саксонская Швейцарія. Дрезденъ, какъ городъ, не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, хотя лежитъ среди прекрасныхъ мѣстъ; онъ сходенъ наружностью со всѣми другими Нѣмецкими городами, кромѣ того, что не имѣетъ ни одного готическаго зданія, которыя есть почти во всякомъ другомъ; за то какая галлерея! Какой театръ! Въ галлереѣ я былъ только два раза; всякій разъ часа по два; слѣдовательно я всей галлереи еще не знаю, и впечатлѣніе, которое она произвела на меня, слишкомъ пестро и нестройно; но нѣкоторыя картины на меня подѣйствовали особенно живо и никогда не изгладятся изъ памяти. рвнно однакоже, что Рафаэлева Мадонна, по моей ли неизящности или потому, что совершенству не суждено поражать съ перваго взгляда, не произвела на меня такого дѣйствія, какого я ожидалъ; а особенно плѣнила меня картина Франческо Солимена и Карла Дольче, хотя я прежде никогда этихъ именъ не слыхалъ.

Театръ въ Дрезденѣ такой, какого лучше желать невозможно; это показываетъ, что̀ значитъ имѣть директоромъ Тика. При мнѣ давали Фауста и Коварство и Любовь. Я никогда не думалъ прежде, что Фаустъ можетъ быть хорошъ на сценѣ; мнѣ казалось, что онъ слишкомъ много потеряетъ въ быстротѣ театральнаго представленія; однако теперь увѣрился въ противномъ, и думаю, что едва ли какая нибудь трагедія можетъ дѣйствовать сильнѣе. Среди актеровъ былъ только одинъ отличный талантъ, за то талантъ необыкновенный! Это Паули, который игралъ Мефистофеля; но все шло такъ стройно, всѣ малѣйшія мелочи были соблюдены такъ вѣрно, что невозможно было не забыться. Эта стройность игры, можетъ быть гораздо важнѣе, нежели частные таланты, въ актерахъ—единицахъ. Въ Дрезденѣ я видѣлъ первый разъ театръ. Здѣшній Мюнхенскій театръ также славится, но съ Дрезденскимъ его невозможно даже и сравнивать. Я былъ въ немъ еще только одинъ разъ, но и по одному разу можно судить о манерѣ труппы. Здѣсь есть одинъ отличный, превосходный актеръ, Эсслеръ; но за то онъ совершенно одинъ (по крайней мѣрѣ въ той піесѣ, гдѣ я его видѣлъ); никто изъ другихъ не выше нашихъ Слукиныхъ и Максиныхъ, а актрисы играютъ даже несравненно хуже нашихъ; правда, что и самая пьеса, которую давали, была ниже посредственной; это была драма въ стихахъ, составленная изъ одной повѣсти Гофмана «Маіоратство». Я не знаю повѣсти Гофмана, но, вѣроятно, она умнѣе этой драмы. Можетъ быть, есть таланты между другими актерами, которыхъ я еще не видалъ; но по крайней мѣрѣ видно, что не Тикъ здѣсь директоръ, а человѣкъ въ родѣ Кокошкина. Какъ много одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать! Видѣть Дрез-

денскій театръ утѣшительно во многихъ отношеніяхъ; убѣдясь, что достоинство театра, также какъ счастье государства, состоитъ не въ многочисленности геніевъ, а въ стройности, мы можемъ имѣть бо́льшую надежду имѣть скоро хорошій театръ, нежели ожидать, чтобы вѣтеръ навѣялъ геніевъ.

Къ нему же.

12 (24) Сент. (1829).

Я сейчасъ возвратился отъ Тирша, къ которому, какъ къ ректору, ходилъ просить позволенія слушать лекціи. Вотъ тебѣ подробное описаніе этого похода, Тиршъ живетъ въ довольно отдаленной части города (т. е. по Минхенскимъ разстояніямъ), но впрочемъ въ очень красивой сторонѣ Минхена и въ очень красивомъ домѣ, подлѣ самой почти площади, которая называется Carolinen-Platz. Меня провели въ довольно большую комнату, въ которой я увидѣлъ группу совершенно Нѣмецкую: за большимъ круглымъ столомъ сидѣлъ какой-то толстой старикъ въ колпакѣ и человѣкъ шесть дамъ и дѣвушекъ; всѣ онѣ что-то ѣли (часовъ въ 6 послѣ обѣда); а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола сидѣлъ Тиршъ, который тотчасъ подошелъ ко мнѣ съ учтивымъ привѣтствіемъ. Узнавши о цѣли моего пришествія, онъ попросилъ меня въ другую комнату и сталъ разспрашивать, гдѣ я учился и чѣмъ хочу преимущественно заниматься здѣсь; я отвѣчалъ, что философіей и исторіей. Die Philosophie, сказалъ онъ, finden Sie hier gut besetzt, Sie haben den Schelling; in der Geschiehte aber sind sehr Wenige zu empfehlen. Der einzige, den ich Ihnen rathen würde, ist Görres. Das ist zwar ein überspannter, aber geistreicher Kopf. Die anderen haben wenig zu bedeuten. Онъ совѣтовалъ еще слушать по философской части Киттеля, читающаго метафизику и логику, и особенно заниматься Латинскимъ языкомъ, какъ способомъ, совершенно необходимымъ для исторіи. Потомъ говорилъ о Тютчевѣ, какъ своемъ хорошемъ знакомомъ, и очень хвалилъ его. Говорилъ, что и Шеллингъ очень коротко знакомъ съ Тютчевымъ. Потомъ пришелъ къ нему какой-то мозглявый, кривляющійся и глупый Нѣмецъ, съ которымъ онъ говорилъ минутъ пять; а я между тѣмъ сидѣлъ и наблюдалъ его физіономію. Вотъ его наружность. Человѣкъ средняго роста, не худой и не толстый, почти сѣдой; черты лица тонкія и довольно красивыя, нижняя губа нѣсколько выдалась впередъ, и на лицѣ видна какая-то остановившаяся печальная улыбка; глаза черные, ясные и довольно горячіе; брови выдавшіяся и нѣсколько вздернутыя. Главное выраженіе лица—какая-то сосредоточенная внимательность; манеры вообще очень простыя и благородныя, а по его отрывистой манерѣ говорить, кажется, что онъ долженъ быть молча-

ливъ. Когда ушелъ мозглявый Нѣмецъ, Тиршъ спросилъ мое имя, которое записалъ; и я наконецъ отправился, но на дорогѣ толкнулся объ дверь, которую чуть-чуть было не вышибъ!

Для того, чтобы слушать лекціи, сказалъ Тиршъ, не нужно никакого позволенія, кромѣ согласія каждаго отъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ я хочу слушать. Согласіе Тирша я уже получилъ, а теперь долженъ буду сходить къ каждому изъ другихъ и видѣть всю галлерею здѣшнихъ знаменитостей въ ихъ домашнемъ быту! Сверхъ того, мнѣ есть случай, черезъ Тютчева *познакомиться* съ Тиршемъ и Шеллингомъ. Лекціи начнутся по здѣшнему счету 20 Октября. Я выбралъ было по части исторіи Деллинга и Дреша, но такъ какъ Тиршъ ихъ плохо рекомендуетъ, то лучше возьму Киттеля, а Деллинга и Дреша прочту въ книгахъ. Чтѝ касается до Латинскаго яз., то я еще въ Дрезденѣ занялся грамматикой, а здѣсь лексиконами, и давно рѣшился на него обрушиться. Но, добившись если не до бѣлаго, то по крайней мѣрѣ до зеленаго знамени въ языкѣ Лат., хочу заняться хорошенько Испанскимъ и, можетъ быть, Итальянскимъ; тѣмъ заключу языковѣдѣніе; а отъ прочихъ всѣхъ торжественно отказываюсь, выключая Славянскихъ, ничего не стоющихъ Русскому и которые узнаны быть могутъ между прочимъ.

Планы Рожалина идутъ гораздо дальше. Онъ теперь совершенно погруженъ въ языкъ и древности Греческіе; кромѣ всѣхъ Славянскихъ языковъ хочетъ учиться по-шведски, готски, венгерски и, можетъ быть, даже одному изъ восточныхъ языковъ. Онъ обнимаетъ тебя и, при моемъ отъѣздѣ изъ Дрездена, хотѣлъ непремѣнно къ тебѣ писать. Весною, какъ онъ говоритъ, можетъ быть и ему будетъ возможность пріѣхать въ Минхенъ; какъ бы это было весело! Но объ Рожалинѣ я подробнѣе буду писать въ письмѣ къ маменькѣ. Покуда надо кончить; а въ слѣдующій разъ, на просторѣ, напишу больше, пришлю полный списокъ здѣшнихъ профессоровъ въ нынѣшнемъ семестрѣ и напишу все, чтѝ можно будетъ узнать объ устройствѣ здѣшняго Университета. Прощай! Крѣпко тебя обнимаю! Обними за меня Петерсона. Твой братъ П. Кирѣевскій.

Еще одно, а это *одно* меня нѣсколько разъ уже бросало въ холодный потъ. Я получилъ письмо отъ папеньки изъ Долбина. Онъ меня *успокоиваетъ*, говоря, что въ Москвѣ до сихъ поръ, слава Богу, все благополучно, но что онъ, въ случаѣ опасности *), сдѣлалъ распоряженіе отправить всѣхъ насъ въ Остзейскія провинціи, а, можетъ быть, въ

*) Отъ заразныхъ болѣзней, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Турціи. Въ Одессѣ жила тогда тетка Кирѣевскихъ Анна Петровна Зонтагъ. П. Б.

Англію. Я читаю здѣсь въ газетахъ, гдѣ есть что нибудь, о Россіи, и не видя ничего, ничего намекающаго на чуму во внутренности Россіи, не безпокоюсь, безпокоюсь только объ одной Одессѣ. Но *если* будетъ опасность, я совершенно полагаюсь на твою дружбу! Ты *тотчасъ* ко мнѣ напишешь, ты не захочешь оттолкнуть меня отъ себя въ эту минуту; это время мы *должны* быть вмѣстѣ. На этомъ ты долженъ мнѣ дать честное слово. Остаться *одинъ* я *не хочу*, не чувствую ни довольно самонадѣянности, ни довольно геройства. Это письмо для тебя одного.

Къ нему же.

7 (19) Октября (1829)

Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга. Ходилъ просить позволенія слушать его лекціи и проговорилъ съ нимъ около часа. Узнаешь ли ты меня въ этомъ подвигѣ? И что̀ всего удивительнѣе, не запнулся ни разу. Но что̀ тебѣ сказать о Шеллингѣ? Не можешь вообразить, какое странное чувство испытываешь, когда увидишь наконецъ эту сѣдую голову, которая, можетъ быть, первая въ своемъ вѣкѣ; когда сидишь съ глазу на глазъ съ Шеллингомъ! Такъ-какъ завтра уже начинается курсъ, слѣдовательно откладывать моихъ визитовъ профессорамъ было долѣе нельзя, то я и отправился сегодня прямо къ Шеллингу. Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ девятнадцати, недурная собой, съ маленькой сестрою лѣтъ девяти, и когда я спросилъ здѣсь ли живетъ der Herr Geheimhofrath von Schelling, сказала маленькой: Sieh doch nach, ob der Papa zu Hause ist, а сама между тѣмъ начала говорить со мною по-французски о погодѣ. Наконецъ маленькая дочка Шеллинга возвратилась и сказала, что Шеллингъ проситъ меня взойти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостиная Шеллинга—маленькая комнатка шаговъ въ одиннадцать вдоль и поперекъ и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности; вся мебель состоитъ въ маленькомъ диванчикѣ и трехъ стульяхъ, а на голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченыхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видный въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ. Но я не успѣлъ разсмотрѣть этотъ эстампъ хорошенько. Минутъ пять ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ отворилась дверь, и взошелъ Шеллингъ, но совсѣмъ не такой, какимъ я себѣ воображалъ его. Я часто слыхалъ отъ видѣвшихъ его, что никакъ нельзя сказать по его наружности: это Шеллингъ. Я думалъ найти старика, древняго, больного и угрюмаго, человѣка, раздавленнаго подъ тяжелою ношею мысли, какою видалъ на портретахъ Канта; но я увидѣлъ человѣка, по наружности лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдого, нѣсколько блѣднаго, но Геркулеса по крѣпости сложенія, съ лицемъ спокойнымъ и яснымъ.

Глаза его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣсколько вздернутый кверху сократически; верхняя губа довольно длинная и выдавшаяся впередъ, но, несмотря на то, черты лица довольно стройныя, и лицо хотя округлое, но сухое; вообще онъ кажется весь составленъ изъ однихъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе; въ немъ ничего опредѣленнаго не выражается, и вмѣстѣ съ тѣмъ лице ко всѣмъ выраженіямъ способное. Лихонинъ, говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ индувидуально, назвалъ бы выраженіе Шеллингова абсолютнымъ. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія и легкій оттѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ—какое-то молніе блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно спокойныхъ. Вотъ все, что̀ можно сказать о наружности Шеллинга; но если будетъ случай хорошенько замѣтить его профиль, постараюсь выразить его силуэтъ, и тогда его пришлю. Онъ встрѣтилъ меня извиненіемъ, что заставилъ дожидаться и просилъ взойти въ другую комнату, которая, какъ кажется, его кабинетъ. Здѣсь, говоря съ Шеллингомъ я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, нѣсколько рядовъ книгъ на доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ. Когда я сказалъ, что желаю слушать его лекціи, онъ отвѣчалъ, что очень радъ, если хотя чѣмъ нибудь можетъ мнѣ быть полезенъ, и просилъ адресоваться къ нему во всемъ, что̀ онъ можетъ сдѣлать. Онъ посадилъ меня на диванъ, а самъ сѣлъ передо мною на стулѣ, и съ вопроса, долго ли я намѣренъ оставаться здѣсь, началъ говорить о здѣшнихъ способахъ, собраніяхъ по части искусства и библіотекахъ; потомъ, спросивши, въ какомъ состояніи осталась библіотека Московскаго Университета послѣ пожара, началъ разспрашивать о Москвѣ, о Лодерѣ, съ которымъ былъ знако̀мъ, на какомъ языкѣ Нѣмецкіе профессора читаютъ у насъ лекціи, много ли занимаются у насъ Латинскимъ языкомъ въ Университетѣ.... «Ну хорошо!» сказалъ онъ между прочимъ, «въ медицинскомъ отдѣленіи искони уже введенъ Латинскій языкъ, и необходимъ; но если бы, напримѣръ, читать въ Москвѣ Философію на Латинскомъ языкѣ, думаете ли вы, что нашлись бы слушатели?» Я отвѣчалъ, что большая часть слушателей, способныхъ понимать лекціи философическія, были бы способны понимать ихъ и на Латинскомъ языкѣ, но что впрочемъ Нѣмецкимъ языкомъ занимаю́тся въ Россіи еще гораздо больше. Отъ Университета онъ перешелъ къ образу жизни Москвичей, говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе Азіатской роскоши и обычаевъ съ Европейскимъ образованіемъ, распрашивалъ о состояніи нашей литературы, говорилъ, что онъ слышалъ, что она дѣлаетъ быстрые

шаги, и что онъ слышалъ также, что у насъ драматическое искусство процвѣтаетъ, особенно что есть отличные комики; но въ послѣднемъ по несчастью я не могъ подтвердить его мнѣнія. Потомъ онъ перешелъ къ настоящей войнѣ. «Россіи, сказалъ онъ, суждено великое назначеніе, и никогда она еще не высказывала своего могущества въ такой полнотѣ, какъ теперь. Теперь въ первый разъ вся Европа, по крайней мѣрѣ всѣ благомыслящіе, смотрятъ на нее съ участіемъ и желаніемъ успѣха; жалѣютъ только, что, въ настоящемъ положеніи, ея требованія, можетъ быть слишкомъ умѣренны». Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ и какъ важно между тѣмъ его изученіе; хвалилъ его звучность; говорилъ, что очень много слышалъ о нашемъ Жуковскомъ; и что по всѣмъ слухамъ это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалилъ Тютчева. И когда наконецъ я всталъ, чтобы идти, онъ спросилъ мое имя, и сказалъ, что ему очень пріятно было бы, если бы я иногда навѣщалъ его по вечерамъ и это приглашеніе повторилъ два раза.

Вотъ тебѣ покуда все, что могъ запомнить изъ словъ Шеллинга. Голосъ его довольно тихій и густой; онъ говоритъ не медленно и не скоро, нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и неразмѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ; и вообще онъ очень умѣетъ сдѣлать положеніе своего соразговаривающаго ловкимъ.

Зачѣмъ не ты былъ на моемъ мѣстѣ?

(Декабрь 1829).

Вечеръ подъ Рождество я провелъ дома, а въ Рождество обѣдалъ и весь вечеръ былъ у Тютчева, гдѣ видѣлъ и Нѣмецкій Weihachtsbaum, который онъ отложилъ до самаго Рождества потому, что дѣти *) еще наканунѣ были въ пансіонѣ. Нѣмецкій новый годъ я также встрѣчалъ у Тютчева, гдѣ было дипломатическое общество, человѣкъ изъ десяти. Но Русскій Новый Годъ, одинъ для меня настоящій, я, какъ уже писалъ вамъ, встрѣчалъ дома.

Теперь здѣсь идетъ карнавалъ и продолжится еще почти до конца Февраля. Его, впрочемъ, почти нельзя замѣтить ни по народному движенію, ни по праздникамъ: въ городѣ все точно также тихо, какъ прежде, и Нѣмецкая флегма попрежнему остается флегмою; все отличіе карнавала состоитъ въ томъ, что на одной изъ городскихъ площадей разставлены палатки, такъ какъ у насъ бываетъ на ярмаркахъ, что

*) Дочери отъ перваго брака Ѳ. И. Тютчева съ графинею Ботмеръ: Анна (позднѣе Аксакова) и Дарья; (третья, Екатерина, тогда еще не родилась). П. Б.

Нѣмцы, по большей части въ однихъ сюртучкахъ и посинѣлые отъ холоду (потому что здѣсь теперь почти постоянно стоитъ погода между 9 и 10 градусами холода) чинно и мирно между ними прохаживаются, и что отъ времени довремени дается нѣсколько публичныхъ баловъ и маскарадовъ. Маскарады начнутся еще на будущей недѣлѣ, а на одномъ изъ баловъ я былъ вчера. Этотъ балъ былъ скученъ и утомителенъ, и я не понимаю, какъ Нѣмцы его выдержали отъ 7 часовъ до 1, потому что всѣ, кромѣ немногихъ дамъ, которыя успѣли занять лавочки, сдѣланныя около стѣнъ залы, должны были все время стоять на ногахъ. Стула не было ни одного; зала, очень маленькая, такъ была набита народомъ, что съ трудомъ можно было повернуться; вся середина была биткомъ набита мущинами, а вокругъ толпы оставалась одна узкая полоса для танцующихъ; по этой полосѣ неловко и тяжело кружился Нѣмецкій вальсъ. Всѣ танцы состояли изъ вальса, галопа и Франц. кадрили. Я не танцовалъ, а продирался сквозь толпу взадъ и впередъ вмѣстѣ съ Гринкейзеномъ (о которомъ я писалъ вамъ), безъ котораго не остался бы тамъ и получаса. На этотъ разъ слѣдуетъ кончить, для того, чтобы еще днемъ не замедлить отправленія письма. Въ слѣдующій разъ буду писать больше и буду писать скоро, не дожидаясь сроковъ. Покуда крѣпко васъ всѣхъ обнимаю. Вашъ сынъ П. К.

Милый папенька, посылаю вамъ покуда профиль Шеллинга, который удалось сдѣлать очень похоже; я не сталъ придѣлывать ни глаза, ни брови, чтобы не испортить. Въ слѣдующій разъ буду много писать. Покуда прощайте. Обнимаю васъ! Вашъ сынъ П. К.

Хотѣлъ писать къ Машѣ, но также опоздалъ; посылаю покуда ей арію, которую здѣсь два раза игралъ Паганини и которую теперь еще какъ будто слышу. Обнимаю всю мелюзгу. Обнимаю Петерсона, Максимовича, Воейковыхъ и Языкова, если онъ уже съ вами.

Мюнхенъ. 1 Генваря 1830. 12 часовъ.

12 часовъ. Новый Годъ! Пусть его первая минута будетъ посвящена письму къ вамъ, на Святую Русь! Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ всѣхъ! Вотъ и Новый Годъ, печальный годъ, годъ разлуки; тѣмъ больше нужно желанія, чтобы онъ былъ для насъ возможно счастливъ, чтобы мы всѣ прошли его въ полнотѣ твердыми, здоровья и ясности духа, чтобы онъ еще возвысилъ неоцѣнимую радость свиданья. Я его встрѣчаю одинъ, но мыслями съ вами. Завтра буду писать больше.

2 (14) Генваря.

Вчера писать много было нельзя, потому что отъ излишняго натопленія печи у меня разболѣлась голова, и не хотѣлось писать въ

кисломъ расположеніи духа, и потому я лучше рѣшился отложить письмо до сегодня.

Чтò вамъ сказать о томъ, какъ я встрѣтилъ Новый Годъ? Я его встрѣтилъ одинъ, растянувшись на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ и мыслями въ Москвѣ, въ расположеніи духа довольно кисломъ. Вчера началъ его обыкновенными походами въ Университетъ, сегодня хотѣлъ было быть у Окена, но опоздалъ, оставшись на лекціи одного Марціуса, который по случаю свадьбы императрицы Бразильской провожалъ Нѣмецкое переговорное посольство, исходилъ Южную Америку и вдоль и поперекъ, и теперь читаетъ объ ней лекціи. Такъ какъ его лекціи очень интересны, то надѣюсь слушать его чаще. Не меньше того досадно, что не могъ быть у Окена, потому что теперь должно опять дожидаться слѣдующаго Четверга, а я послѣ того раза, о которомъ я вамъ писалъ, еще у него не былъ. Завтра думаю, собравшись съ духомъ, опять пуститься къ Шеллингу; хотъ онъ и приглашалъ меня въ тотъ разъ, когда я у него былъ, но такъ какъ съ того времени уже прошло почти два мѣсяца, то я почти не сомнѣваюсь, что онъ забылъ мое имя. Не смотря на то, я рѣшился мѣднолобствовать. У него теперь идетъ жестокая и очень для него непріятная перебранка съ однимъ Геттинг. проф. Каппе (котораго папенька, можетъ быть, помнитъ по Всеобщей Исторіи, нечеловѣческимъ языкомъ написанной, которой разборъ былъ въ Москов. Вѣстникѣ). На дняхъ я узнаю всю подробность исторіи и напишу папенькѣ. Здѣсь она дѣлаетъ много шуму, и большая часть накидывается на Шеллинга, противъ котораго уже и многіе журналисты писали въ выраженіяхъ очень грубыхъ, особенно осуждая его за то, что онъ такъ давно уже ничего не пишетъ. Вообще изреченіе: «Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ» надъ Шеллингомъ вполнѣ оправдывается, и онъ здѣсь гремитъ также мало, какъ у насъ въ Москвѣ какой-нибудь Мерзляковъ. Главныя обвиненія противъ него, которыя слышны здѣсь довольно часто, сводятся на два: «Непростительно Шеллингу, вопреки профессорской обязанности, такъ долго не печатать ни строчки», и «возможно ли великому философу быть такъ молчаливу и не сообщительну?» Онъ живетъ себѣ уединенно въ своемъ темномъ проулкѣ, въ тѣсной, бѣдной комнаткѣ, почти забытый! Такова печальная судьба философа.

3 (15) Генваря. Вчера я долженъ былъ перерваться и теперь, сію минуту, возвратясь отъ Шеллинга, принимаюсь за продолженіе. Я рѣшился отправиться къ нему сегодня, зная, что у него сегодня, въ силу Пятницы, препочтеннѣйшее собраніе профессоровъ, дамъ и студенчества. Я туда явился въ половинѣ седьмого. Меня провели въ другую половину его жилья, гдѣ у него большія и красивыя комнаты, и такъ

какъ у него еще никого не было и самъ Шеллингъ еще не появлялся изъ своего кабинета, то меня приняла сначала его жена, женщина лѣтъ 45 и, какъ кажется, очень простая, добрая и обыкновенная Нѣмка. Я пробылъ съ ней минутъ 5, наконецъ начали съѣзжаться (т. е. сходиться) профессора, студенты, и явился Шеллингъ. Онъ хотя и забылъ мое имя, но узналъ меня и рекомендовалъ женѣ; потомъ, по поводу холодной погоды, началъ было говорить о многихъ сходныхъ дѣйствіяхъ подполюсныхъ и подъэкваторныхъ климатовъ, но вновь явившіеся гости его перервали, и съ тѣхъ поръ, кромѣ потчиванья чаемъ и усаживаній, я уже не говорилъ съ нимъ почти въ продолженіе всего вечера и радъ былъ, что, слѣдуя примѣру многихъ другихъ, можно было ловко молчать, наблюдать его и его слушать. Къ нему собралось нѣсколько студентовъ, человѣкъ десять профессоровъ, изъ которыхъ я нѣкоторыхъ знаю по физіономіи, другихъ не знаю, и человѣкъ шесть дамъ. Изъ профессоровъ были между прочимъ: Тиршъ, который раза три ко мнѣ подсаживался, но съ которымъ я однакоже не успѣлъ завести разговора продолжительнаго; Мауреръ, который считается однимъ изъ отличнѣйшихъ здѣшнихъ профессоровъ и читаетъ исторію древняго Германскаго права, и Мареніусъ, о которомъ я нѣсколько словъ писалъ къ вамъ вчера; другихъ я не знаю. Вечеръ былъ вообще довольно непринужденъ. О чемъ были разговоры, пересказать нельзя; потому что они безпрекословно мѣнялись, и не было ни одного постояннаго; по большей части однакоже онъ вертѣлся около различныхъ предметовъ физики и натуральной исторіи, и подъ конецъ уже вечера Шеллингъ довольно долго говорилъ съ Мареніусомъ объ одной, недавно вышедшей, ботаникѣ; но такъ какъ я, по несчастью, слышалъ разговоръ только съ половины, а знакомаго, у котораго бы можно было справиться, никого не было, то и не могъ узнать, о чьей ботаникѣ шло дѣло. Многіе осуждали эту книгу въ нестройности расположенія, а Шеллингъ очень защищалъ и хвалилъ ее. Когда я уходилъ, онъ пригласилъ меня на всѣ Пятницы, и я намѣренъ этимъ приглашеніемъ непремѣнно воспользоваться. Возвратясь, я нарисовалъ его силуэтъ и, по счастью, удалось нарисовать очень похоже; посылаю его папенькѣ *).

5 (17) Г. Наконецъ я вчера опять получилъ отъ васъ письмо! Вы пишете, что братъ выѣзжаетъ 2-го или 3-го; и такъ онъ уже теперь въ дорогѣ; и скоро, скоро я обойму его. Какое свиданье! О, еслибъ эта минута могла перелетѣть къ вамъ въ Москву во всей полнотѣ своей и облегчить тяжелую горесть разлуки! Ради Бога, будьте тверды; этого мало: будьте спокойны; не сжимайте жестокаго чувства въ глубинѣ

*) Алексѣй Андреевичъ Елагинъ близко былъ знакомъ съ Нѣмецкою философіей. П. Б.

сердца, дѣлите его, старайтесь развлечь его. Пусть каждая мысль о насъ, соединяется съ мыслью, что вы должны любить, беречь, лелѣять насъ въ себѣ, что ваше здоровье, ваше спокойствіе, первое, основное условіе нашего счастья! Вѣрьте въ счастье; одна эта вѣра можетъ отъ васъ отдалить убійственныя мученія безпокойства; помните, что вы сердце той родной звѣзды, которая намъ свѣтитъ на горизонтѣ темнаго, неродного неба, въ которой мы, далеко разбросанные, соединяемся всѣми мыслями и чувствами. Первымъ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ братомъ должна быть для васъ мысль о необходимости этой разлуки; мысль, что кипящая дѣятельность, разнообразіе новыхъ впечатлѣній, сосредоточенное направленіе всѣхъ мыслей въ другую сторону—лучшее для него лѣкарство. Бороться съ мученіями своего чувства онъ хочетъ, и онъ одолѣетъ его. Вы его знаете, и, слѣдовательно, въ его силахъ сомнѣваться не можете; можете смѣло на него положиться и не мучить, не разстраивать себя напраснымъ безпокойствомъ; вы подадите ему примѣръ, какъ не должно предаваться чувству мучительному и безполезному, какъ должно беречь себя, для своихъ, для себя, для отечества. Вы безпокоитесь о томъ, что онъ поѣхалъ безъ человѣка; но это онъ сдѣлалъ прекрасно, потому что за границей безъ человѣка обойтись совершенно можно, и человѣкъ, не знающій языка, со всей доброй волею, не только ничего не облегчаетъ и совершенно безполезенъ, но напротивъ, еще удвоиваетъ хлопоты: потому что должно заботиться и о себѣ и о немъ, не говоря уже о совсѣмъ безполезномъ удвоеніи расходовъ. Напрасно, однако, онъ человѣка не взялъ до границы: хотя и тутъ безъ человѣка обойтись можно очень хорошо, но человѣкъ могъ бы его избавить отъ многихъ необходимыхъ хлопотъ, связанныхъ съ собственнымъ экипажемъ. Дорогу онъ также избралъ самую лучшую: онъ сдѣлаетъ крюкъ, но за то увидитъ любопытнѣйшую часть Германіи въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ, и можетъ быть, изъ Дрездена привезетъ ко мнѣ въ Мюнхенъ Рожанина. Отъ Рожалина я получилъ письмо недавно; ему въ Мюнхенъ очень хочется, а онъ теперь въ положеніи довольно затруднительномъ: Кирѣева мать возвращается въ Россію, а Кайс. предлагаетъ Рожалину либо возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ Кирѣевыми, либо остаться при ея дочери за 1000 р. въ годъ и, кромѣ обыкновенныхъ уроковъ, еще посвящать всѣ вечера ея забавѣ! «Остаться у К., говоритъ онъ, мнѣ не хотѣлось бы по многимъ причинамъ: безпорядокъ страшный, отъ котораго я терплю больше всѣхъ». И я надѣюсь, что мнѣ удастся его вырвать изъ когтей этихъ Кайс. Стоитъ ли изъ 1000 рублей убить цѣлый годъ понапрасну, а можетъ быть и больше, а кромѣ того еще отдаться на совершенный ихъ произволъ? Единственно удерживаетъ его отъ переѣзда въ Мюнхенъ то, что онъ боится недо-

статка денегъ для возврата, но можно-ли за этимъ останавливаться! Возвратъ изъ Мюнхена въ Россію стоитъ не больше 700; 1000 дастъ ему каждый изъ журналистовъ за труды его съ радостью. Но если ему и не будетъ довольно для этого времени, если этого будетъ и мало, то неужели намъ нельзя будетъ доставить его въ Россію, и неужели онъ лучше захочетъ понапрасну бросить годъ жизни? Это невозможно, и я почти увѣренъ, что скоро увижу его здѣсь.

Я получилъ также недавно очень милое письмо отъ Шевырева изъ Рима; онъ уже узналъ, вѣроятно отъ Рож., или отъ самого брата, что братъ ѣдетъ въ Парижъ, и очень этому радуется, зоветъ насъ всѣхъ лѣтомъ пѣшкомъ къ себѣ въ гости. Въ Римѣ, какъ онъ говоритъ, ему *живется*; онъ ходитъ съ Винкельманомъ въ карманѣ и весь живетъ въ искусствѣ и древности, часто видится съ Мицкевичемъ и жалуется только, что Римъ «завѣшанъ съ Европейской стороны совиными крыльями монаховъ», и потому очень трудно имѣть книги. И въ Римѣ, говоритъ онъ, тоскуется по родинѣ, чувствуешь недостатокъ въ чемъ-то.

Вы говорите, что я все пишу объ Университетѣ и Мюнхенѣ, а мало о себѣ; но это потому что о себѣ должно было бы повторять все тоже: что я попрежнему совершенно здоровъ, хожу въ Университетъ, каждую недѣлю раза два непремѣнно бываю у Тютчева, читаю и корплю надъ латынью. Обыкновенный день проходитъ по большей части такимъ образомъ: встаю часовъ въ 8, до 10 читаю, въ 10 отправляюсь въ Университетъ, гдѣ остаюсь до 12, въ 12 возвращаюсь домой, принимаюсь за своего Ливія и остаюсь надъ нимъ до часа, въ часъ обѣдаю, отъ 2 до 3 опять принимаюсь за латынь, отъ 3 до 4 читаю, въ 4 отправляюсь въ Университетъ слушать Окена и остаюсь до 5. Въ 5 либо отправляюсь читать журналы, либо читаю дома; а ввечеру либо отправляюсь въ театръ, что̀ впрочемъ теперь бываетъ довольно рѣдко, либо къ Тютчеву, либо къ Шеллингу или Окену (по Пятницамъ и Четвергамъ), либо остаюсь дома и опять читаю. Но что̀ больше всего меня мучитъ, это медленность чтенія, съ которою до сихъ поръ не могу сладить, и не смотря на то, что я довольно много читаю, я прочиталъ очень немногое. Теперь я досталъ между прочимъ Лопе-де-Вегу изъ университетской библіотеки и думаю опять заниматься чаще Испанствомъ; я занимаюсь также отъ времени до времени и языкомъ Итальянскимъ, который дается мнѣ очень легко. Главное мое чтеніе состоитъ въ исторіи и философіи; по философской части читаю Шеллинга, а по исторической на эту минуту Гебгарда, исторію Юго-западныхъ Славянъ; послѣ которой думаю приняться за Гизо, котораго мнѣ обѣщалъ дать Тютчевъ. У Тютчева, какъ я уже писалъ къ вамъ, я бываю

непремѣнно раза два въ недѣлю и люблю его и все его семейство за ихъ умъ, образованность и необыкновенную доброту. Они принимаютъ меня и со мною обходятся такъ, какъ добрѣе и внимательнѣе нельзя; но я часто прихожу въ истинное отчаяніе съ хромотою своего Французскаго языка, заиканьемъ и особенно съ совершеннымъ неумѣньемъ говорить, независимо отъ обоихъ первыхъ качествъ или, лучше сказать, недостатковъ, и которое, какъ я больше и больше увѣряюсь, едва ли не навсегда со мною останется.

Спѣшу отправить это письмо, чтобы не продлить еще времени, и такъ уже слишкомъ долгаго. На этотъ разъ я ничего не успѣлъ сказать о себѣ, но вслѣдъ за этимъ будетъ другое, самое подробное. Непремѣнно буду писать и папенькѣ; отдамъ полный отчетъ въ своемъ житьѣ-бытьѣ, въ занятіяхъ, въ профессорахъ, въ Минхенѣ, во всемъ. Буду писать и къ Машѣ [1]) и ко всѣмъ. Покуда всѣхъ крѣпко обнимаю.

Ради Бога, не безпокойтесь обо мнѣ; я здоровъ, какъ нельзя быть здоровѣе, и съ самаго отъѣзда не только ни разу не былъ боленъ, но даже и насморки были только два раза.

Съ Тютчевыми видаюсь довольно часто, и мы, какъ кажется, сошлись какъ нельзя лучше.

Милый папенька! Не сердитесь ради Бога! Скажите Максимовичу, что Тютчевъ обѣщаетъ дать піесъ 7 для Альманаха. Я очень ему благодаренъ за присылку пѣсень.

1 (13) Марта (1830) Минхенъ.

Милая маменька!

Вотъ и 1-е Марта [2])! Отъ всего сердца васъ поздравляю. Какъ досадно, что не выдумали еще до сихъ поръ воздушные дилижансы! Если бы намъ можно было всѣмъ слетѣться къ вамъ на 1-е Марта, хотя на нѣсколько часовъ! Теперь можно только писать, а письмо пройдетъ цѣлый мѣсяцъ, а чтобы получить отвѣтъ, надо ждать почти два цѣлые мѣсяца. Навѣрно вы въ этотъ день объ насъ много думали. Я ждалъ, не долетитъ ли что нибудь магнетически, но ничего не долетѣло. Какъ вы провели этотъ день? Начинаете ли вы хотя нѣсколько привыкать къ разлукѣ. Спокойнѣе ли вы по крайней мѣрѣ? Надѣюсь, что Николинька давно уже здоровъ опять попрежнему, что вы всѣ, всѣ здоровы

---

[1]) Марья Васильевна Кирѣевская (род. 1811 † 1859). П. Б.

[2]) День именинъ Авдотьи Петровны, въ который она всегда окружена была дѣтьми, родными и друзьями своими. П. Б.

и спокойны? И неужели я не получу отъ васъ письма еще прежде, нежели отъ 1 Марта?

Я хотѣлъ къ вамъ писать еще недѣли двѣ тому назадъ, но до сихъ поръ каждый вечеръ что нибудь мѣшало. Теперь могу вамъ дать извѣстіе и о братѣ. Я получилъ отъ него письмо изъ Берлина, отъ 14 (26) Февраля; онъ пріѣхалъ туда 10 Февраля, совершилъ свое путешествіе благополучно и, слава Богу, здоровъ. Вы были бы спокойны, говорите вы, если бы только знали, что онъ хочетъ бороться съ чувствомъ безполезно-мучительнымъ. Вотъ вамъ нѣсколько словъ изъ его письма, по которымъ вы лучше всего можете видѣть расположеніе его духа. Онъ безпокоился о болѣзни Николиньки. «Страшно и грустно, говоритъ онъ; но я хочу вытѣснить изъ сердца все мрачное, все убивающее духъ. Довольно въ жизни горя настоящаго, вѣрнаго! Бояться будущаго, возможнаго—слабость, малодушіе, недостойное человѣка, мужа. Дай только волю своему воображенію, дай ему закусить удила, и оно умчитъ въ такое болото, изъ котораго не выкарабкаешься цѣлую жизнь. Можетъ быть, это одна изъ причинъ изнѣженности и ничтожности большей части нынѣшняго свѣта»... «Каждый вѣкъ, каждый годъ, каждый часъ имѣетъ свой идеалъ человѣка. Стремленіе наше должно быть въ твердости, въ независимости характера отъ сердца. Чѣмъ она труднѣе, тѣмъ больше требуетъ стараній съ нашей стороны». Этихъ словъ, по моему, довольно, чтобы быть спокойну: такъ говоритъ не уныніе, произвольно предающееся чувству мучительному и въ немъ утопающее. Страсть не слабость, но избытокъ силы; твердость не состоитъ и не должна состоять въ подавленіи страстей, но только въ ихъ направленіи и уравновѣшиваніи. Что̀ за дѣло, что онъ сказалъ вамъ, что онъ не хочетъ ни истреблять, ни разсѣевать своего чувства! Онъ хочетъ независимости характера отъ сердца, онъ хочетъ дѣятельности, онъ въ самую первую минуту сказалъ себѣ: долгъ выше счастья. Если бы онъ хотѣлъ истреблять или разсѣевать свое чувство, самое его стараніе его бы усиливало, безпрестанно обращая мысли въ эту сторону. Онъ хочетъ хранить его и дѣйствовать какъ бы его не было; и нѣтъ лучше средства отъ него избавиться, т. е. дать силамъ души своей другое направленіе. Чужіе края, какъ видно по письму его, сильно пробудили его дѣятельность, и это ихъ благотворнѣйшее дѣйствіе. Онъ слушаетъ теперь проф. Берлинскихъ и хотѣлъ тамъ остаться до конца Марта, а въ началѣ Апрѣля я его увижу. Привезетъ ли онъ съ собою Рож., я еще не знаю, потому что не получалъ еще отъ Рож. письма рѣшительнаго. Онъ (т. е. братъ) уговариваетъ насъ обоихъ переселиться въ Парижъ. Выгоды и невыгоды этого переселенія держатся въ равновѣсіи; нѣтъ сомнѣнія, что

Берлинскій университетъ за исключеніемъ философскаго отдѣленія, по всѣмъ др. частямъ, особенно по исторической, гораздо выше Минхенскаго, но мнѣ и въ Минхенѣ еще много и много работы; къ тому же Минхенъ на границахъ Швейцаріи и Италіи, которыхъ живыя лекціи стȯятъ профессорскихъ, а согласится ли Рожалинъ на Берлинъ, не знаю, потому что не знаю, какова тамъ филологія. По всѣмъ вѣроятностямъ, однако, кажется, что я еще до него останусь жителемъ Минхенскимъ; а каково бы весело было пробыть это время вмѣстѣ съ Рожалинымъ. Надѣюсь, скоро получить отъ Рожалина что-нибудь рѣшительное.

Чтȯ вамъ сказать объ себѣ? Вы все говорите, что я пишу только объ Университетѣ и Минхенѣ, а о себѣ мало; но это потому, что въ переходахъ изъ дому въ Университетъ и изъ Университета домой состоятъ почти всѣ различія одного дня для другого, и почти вся моя дѣятельность ограничивается тѣснымъ обручемъ черепа, а въ предѣлахъ этого обруча происходитъ однако больше хлопотливость, нежели настоящая дѣятельность. Какимъ образомъ мнѣ удается быть заняту безпрестанно, трудиться и дѣлать не только мало, но не дѣлать почти ничего, это меня давно удивляло и за каждымъ днемъ мучитъ больше и больше. Часто мнѣ кажется, что если бы я попался на глаза къ Петру Великому, онъ, можетъ быть, причислилъ бы меня къ разряду Третьяковскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе за границей принесло мнѣ пользу большую и прочную, но почти все мною пріобрѣтенное испытано и почти ничего не сдѣлано. Здѣсь, гдѣ съ каждымъ днемъ глубже и глубже чувствуешь тѣ безчисленные труды, которые еще предлежатъ Россіи, чтобы получить живое, умственное движеніе Европы, хотѣлось бы, чтобы не только каждый день, но каждый часъ былъ означенъ какимъ-нибудь шагомъ, и вмѣсто того, движеніе едва, едва замѣтно. Но это старая матерія!

Я забылъ вамъ сказать, что у насъ теперь здѣсь уже весна; еще 14 Февраля, по нашему счету, я почти цѣлый день сидѣлъ съ открытымъ окномъ; съ тѣхъ поръ, правда, шелъ еще раза два снѣгъ и было нѣсколько маленькихъ морозовъ, и до сихъ поръ дуютъ горные вѣтры, но улицы давно уже сухи по лѣтнему, и до послѣднихъ чиселъ Февраля почти постоянно въ воздухѣ градусовъ 8⁰ тепла, а на солнцѣ, когда затихаетъ вѣтеръ, бываетъ иногда и жарко. Зелень однакоже не начинаетъ еще распускаться, и въ теплотѣ воздуха мало проку, потому что ее рѣдко чувствуешь за холодными горными вѣтрами. Впрочемъ я въ здѣшнемъ климатѣ очень большой разницы не чувствую. Осень началась ранѣе, нежели у насъ и была несравненно хуже нашей; зима была совершенно такая же, какъ наша, и термометръ даже часто упа-

далъ ниже 20°. Правда, съ половины Февраля начинаетъ быть довольно тепло, но настоящая весна едва ли начнется прежде конца Марта, а въ началѣ Апрѣля весна и у насъ. Карнавалъ здѣшній кончился 23 Февраля по здѣшнему стилю, начавшись 6 Генв. Существованіе его въ городѣ почти совсѣмъ замѣтно не было, народныхъ праздниковъ здѣсь вообще никакихъ нѣтъ, и увеселенія публики состояли въ нѣсколькихъ балахъ, очень не оживленныхъ, и въ нѣсколькихъ маскарадахъ, въ которые однако всѣ почти сообщались безъ масокъ. Я бывалъ на этихъ сборищахъ только въ Музеѣ, журнально-бально-концертномъ собраніи здѣшней публики, гдѣ были балы по Суботамъ и на маскарадѣ въ театральномъ залѣ. Я вамъ писалъ, кажется, о балѣ нашего посланника, гдѣ я также присутствовалъ; этотъ балъ былъ дѣйствительно блестящій, однако не танцовалъ тамъ, потому что вальсъ единственный танецъ, здѣсь употребительный, и не дождался конца, потому что было и жарко и скучно.

Во время карнавала я видѣлъ здѣсь, между прочимъ, два интересныхъ обряда, которые какимъ-то случаемъ здѣсь еще сохранились. Это Schäfflertanz и Metzgersprung. Первый обрядъ повторяется только въ семь лѣтъ одинъ разъ, послѣдній ежегодно. Schäfflertanz установленъ въ воспоминаніе чумы, которая была здѣсь нѣсколько разъ и въ послѣдній разъ въ 1680 г. Тогда почти всѣ уцѣлѣвшіе жители оставили городъ, и долго уже и по прошествіи опасности никто не смѣлъ возвратиться. Наконецъ одна веселая ватага бочаровъ (которые по нынѣшнему провинціальному называются Schäffler) рѣшилась ободрить народъ смѣлымъ примѣромъ, и они первые взошли въ очумѣвшій городъ, въ праздничныхъ платьяхъ, съ плясками и съ музыкой. Съ тѣхъ поръ, каждыя 7 лѣтъ, въ воспоминаніе этого происшествія, толпа бочаровъ, состоящая человѣкъ изъ 40, одѣта въ красныхъ курткахъ и сѣромъ нижнемъ платьѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ маленькихъ шляпахъ съ бѣлыми перьями на головѣ, съ музыкой и арлекиномъ впереди ходитъ по городу и пляшетъ, останавливаясь передъ домами кого нибудь изъ королевской фамиліи или посланниковъ, которые высылаютъ имъ денегъ. Metzgersprung обыкновеніе очень древнее, котораго происхожденіе неизвѣстно. Въ предпослѣдній день карнавала, подмастерья мясниковъ, которые уже кончили свое ученье и сами могутъ сдѣлаться мастерами, совершаютъ переходъ изъ подмастерьевъ въ мастера съ торжественными обрядами. Они ѣздятъ по всѣмъ улицамъ города въ красныхъ платьяхъ, верхами и съ музыкой. Мастера идутъ сзади въ праздничныхъ платьяхъ, съ большими пуками цвѣтовъ на шляпахъ, а впереди ведутъ двухъ лошадей красиво убранныхъ лентами и цвѣтами, на которыхъ сидятъ два мальчика лѣтъ по пяти, также дѣти мясника. Объѣхавши

городъ, новопосвященные подъѣзжаютъ къ фонтану на большой площади, сходятъ съ лошадей, надѣваютъ странное бѣлое платье, къ которому пришито множество телячьихъ хвостовъ, и должны всѣ вмѣстѣ, впрыгнувши въ бассейнъ фонтана (довольно глубокій и полный воды), выйти оттуда не прежде, какъ вычерпавши весь бассейнъ до-суха и выливши всю воду на собранную толпу народа. Послѣ этого обряда они выходятъ изъ бассейна мастерами и уже получаютъ степень Bürger'а. Такіе обряды тѣмъ интересѣе, что ихъ уже осталось въ Германіи очень немного, и почти совсѣмъ нѣтъ въ земляхъ протестанскихъ.

14 (26) Апрѣля. Минхенъ.

Вотъ вамъ, милая маменька, и еще письмо отъ всей нашей троицы, теперь здѣсь въ Минхенѣ соединеной. Что̀ вамъ сказать объ насъ? Соединеніемъ нашихъ писемъ уже большая часть сказана. Они пріѣхали накапунѣ нашего Свѣтлаго Воскресенія, и съ тѣхъ поръ въ Минхенѣ уже не отдѣльные Русскіе бродятъ, но живетъ Русская семья, связанная и дружбой, и любовью, и воспоминаніемъ; и Русскій языкъ, и Русскій хохотъ, и Русская ясность и безпечность! Я увидѣлъ ихъ именно такъ, какъ желалъ бы. Рожалинъ совершенно тотъ же, какъ былъ съ вами. Братъ совершенно тотъ же какимъ я оставилъ его; ни въ лицѣ, ни въ манерахъ, ни во всемъ его бытѣ я не нашелъ ни малѣйшей перемѣны; кромѣ того, что заграничіе дало ему и дѣятельность Европейскую: онъ встаетъ рано, и послѣобѣденный сонъ уже не привычка, но исключеніе. Словомъ, путешествіе произвело на него именно то дѣйствіе, какого я желалъ, что̀ впрочемъ иначе и быть не могло. Онъ тотъ же энергическій, высокій и горячій душою, и *ясный*, но вмѣстѣ съ этимъ *прежнимъ Русскимъ*, и Европеецъ, т. е. дѣятельный. Сначала онъ хотѣлъ остаться здѣсь только недѣли двѣ, чтобы вѣрнѣе застать въ Парижѣ Тургенева, но теперь рѣшился еще остаться здѣсь еще по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, чтобы короче узнать Университетъ и лекціи и обойти замѣчательнѣйшихъ профессоровъ. На дняхъ собираемся къ Шеллингу. Рожалинъ уже познакомился съ Тиршемъ и записался въ Университетъ на лекціи, которыя опять начнутся 29 Апрѣля. Такимъ же образомъ есть теперь и Русская Landsmannschaft въ Минхенскомъ университетѣ.

Вотъ какъ проходитъ нашъ день: утро занято либо чтеніемъ, либо осматриваніемъ здѣшнихъ галлерей, потомъ обѣдаемъ либо дома, либо въ трактирѣ для наблюденія Нѣмцевъ, потомъ либо возвращаемся домой, либо отправляемся въ Англійскій садъ, либо читаемъ газеты, либо осматриваемъ Минхенъ; ввечеру опять дома, и если бы

Русскому случилось идти мимо нашего окна, онъ по ясному и безпечному тону разговора, по хохоту, узналъ бы, что здѣсь Русскіе а не разсчитанные и холодные Нѣмцы. Первое впечатлѣніе, которое произвелъ на насъ Минхенъ, было самое благопріятное; авось оно и оправдается. Въ Парижѣ братъ познакомится со всѣмъ, чтѣ тамъ есть замѣчательнѣйшаго; узнавши короче и Минхенъ, онъ уже пріѣдетъ въ Парижъ не скользнувши по Германіи, но узнавши почти все, чтѣ въ ней есть любопытнаго; можетъ быть, удастся намъ всѣмъ троимъ сдѣлать еще вылазку и въ Тироль, а къ зимѣ надѣюсь быть опять съ ними вмѣстѣ въ Парижѣ; по крайней мѣрѣ уже не будетъ опять такой долгой разлуки. Теперь обдумываю, какимъ бы образомъ съ наступленіемъ зимы завезти туда и Рожалина, чтобы намъ уже изъ Парижа не разъѣзжаться опять и явиться наконецъ къ вамъ въ Москву всѣмъ вдругъ и вмѣстѣ. Но спѣшить въ Парижъ не буду, потому что здѣсь еще остается много дѣла, котораго прежде зимы не кончу, и братъ меня зоветъ въ Парижъ не иначе, какъ сдѣлавши въ Минхенѣ все Минхенское.

Вотъ вамъ покуда еще нѣсколько словъ объ насъ; теперь должно кончить, а завтра поутру отправить письмо; можетъ быть, если успѣю, напишу еще завтра; объ деньгахъ Шер. я отвѣчалъ вамъ скоро послѣ ихъ полученія, но деньги Н. Н. П. что-то не присылаются; онъ писалъ, не можетъ ли отдать ихъ вамъ, и это было бы гораздо лучше, потому вы теперь къ нему ближе. До половины Іюня мнѣ денегъ станетъ навѣрное; но если къ этому времени еще не придутъ Н. Н. 400, то будутъ нужны, и вы очень одолжите, если къ тому времени вышлете нѣкоторое количество, чтѣ лучше сказать теперь, потому что для полученія отъ васъ отвѣта нужно около двухъ мѣсяцевъ.

У насъ уже здѣсь весна довольно давно, и почти всѣ деревья распустились; но, не смотря на то, рѣдко бываютъ хорошіе дни, чтѣ очень досадно, потому что мѣшаетъ показать брату Минхенъ во всѣхъ подробностяхъ.

Вѣрющее письмо теперь отправить мы опоздали, но оно непремѣнно отправится при слѣдующемъ письмѣ.

Вотъ теперь уже и наши лекціи въ полномъ развалѣ. Рожалинъ слушаетъ Тирша и Шорна, братъ Шорна и Окена; и завтра начинаетъ Шеллингъ, котораго станемъ слушать всѣ трое. Братъ рѣшилъ наконецъ остаться здѣсь до Іюня, и я надѣюсь, что онъ останется и до окончанія семестра, т. е. до Августа.

Они были наконецъ у Шеллинга и приглашены на его вечера, слѣдовательно теперь будемъ являться туда всѣ трое вмѣстѣ. Братъ

былъ также и у Окена, который также его звалъ на свои Четверги. Вотъ вамъ наши университетскія новости. О томъ, какъ и кто имъ больше понравился, какое впечатлѣніе произвелъ Минхенъ на нихъ и дѣлаемыхъ ими планахъ, они вѣроятно сами писать будутъ дальше; покуда мнѣ, какъ старому Минхняку и студенту, должно было сказать новости университетскія.

1 (13) Іюля (1830).

Вчера опять за четырьмя профессорами и Соболевскимъ я не могъ добраться до пера и долженъ былъ отложить до сегодня. Въ промежуткѣ времени между прошедшимъ письмомъ и этимъ, такъ же какъ и всегда прежде, мы были и здоровы и веселы всѣ; таковы же и теперь. Главная перемѣна въ продолженіе этого времени состояла въ присутствіи Соболевскаго, который ни капли не перемѣнился: тотъ же милый и благородный малый, какой былъ, но также и во всемъ другомъ совершенно тотъ же. Онъ пріѣхалъ сюда нарочно за тѣмъ, чтобы видѣться съ нами, пробылъ три недѣли и завтра поутру отправляется въ Туринъ. Онъ разсказалъ намъ множество интересныхъ подробностей о Парижѣ, который находитъ въ совершенномъ спокойствіи и о смутахъ котораго вы безпокоитесь напрасно, и мы, какъ кажется, сладили совокупный съѣздъ нашихъ персонъ въ Швейцарію, куда Соболевскій обѣщаетъ выписать Мицкевича, а можетъ быть и Шевырева, и куда, въ такомъ случаѣ, вѣроятно и мы явимся, что̀ впрочемъ, такъ же какъ и пріѣздъ выписываемыхъ персонъ, еще не совершенно вѣрно. Мы собирались было во время феерій, бывшихъ около Троицына дня, сдѣлать вылазку въ Зальцбургъ или въ горы, гдѣ были различныя, религіозно-драматическія представленія, но такъ какъ въ первые три дня за мерзкою погодою не собрались, а фееріи продолжались не болѣе 8 дней, то и отложили эту вылазку до другаго времени. Соболевскій говоритъ, что въ концѣ осени будетъ, можетъ статься, въ Москвѣ; если такъ, то онъ привезетъ вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ вѣсти самыя подробныя; что касается до него самого, то онъ хотя и увѣряетъ, будто бы перемѣнился, но совершенно тотъ же, большую часть дня лежитъ на диванѣ въ халатѣ и зычнымъ голосомъ разсказываетъ про балы, вечеринки и хорошій тонъ Парижскаго свѣта; а иногда мяучитъ по кошачьи во все горло; такъ какъ надъ нами живетъ Буассерѐ, знаменитый своими сочиненіями о Готической архитектурѣ, и громкое мяуканье ему должно быть слышно, то это приводитъ Рожалина въ отчаяніе. Сначала онъ было нашелъ средство откупаться отъ крика бутылкою вина, но наконецъ и это помогать перестало, и Соболевскій, угрожая ему, что закричитъ, забралъ надъ нимъ неограниченную власть.

2 (14) Іюля.

Сегодня въ 6 ч. поутру Соболевскій уѣхалъ въ Туринъ, условившись, чтобы мы съѣхались съ нимъ въ Швейцаріи, если ему удастся выписать туда же Мицкевича. Не смотря на то, что я его люблю и за многое уважаю, мнѣ, признаюсь, вамъ, не жаль было, что онъ уѣхалъ.

Время наше идетъ попрежнему, мы здоровы и веселы, слушаемъ профессоровъ, остальное время либо бываетъ дома, либо въ хорошій день (который впрочемъ бываетъ довольно рѣдко) отправляемся въ Англійскій садъ и изрѣдка въ театръ, когда играетъ Эсслеръ. Вы требуете отъ меня статей для печати, но, кромѣ всѣхъ другихъ причинъ какъ-то недостатка навыка и проч., право нѣкогда; извините меня пожалуйста предъ Погодинымъ, что я не отвѣчалъ на его приписку къ вашему письму, бывшую еще зимою, и скажите ему, что если я когда нибудь напишу какую нибудь интересную статью о Минхенѣ (что̀, между нами будь сказано, весьма, весьма сомнительно), то пришлю къ нему. Больше же всего вѣроятностей, что если либо братъ, либо Рожалинъ не напишутъ чего-нибудь о Минхенѣ и сонмѣ его философовъ, то Русская публика еще долго ничего о нихъ читать не будетъ. Теперь покуда, чтобы не опоздать, долженъ кончить, потому что слишкомъ поздно принялся за начало, но если я въ слѣдующій разъ не пошлю вамъ письма огромнаго и по грузу и по обширности, то (какъ гласитъ Минхенская клятва) шортъ меня побери!!

23 Іюля (4 Августа 1830)

Три дня тому назадъ мы сдѣлали маленькую вылазку въ Штарнбергъ, мѣстечко, въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Минхена, лежащее у подножія горъ, на берегу широкаго и прекраснаго озера Wurmsee. Мы отправились туда въ шесть часовъ поутру и пріѣхали назадъ въ 1 ночи. Несмотря на то, что въ продолженіе дня мы отъ жару чуть не растаяли, и что съ нами былъ Нѣмецъ достаточно скучный, прелестные берега, огромное, свѣтлое озеро, по которому мы ходили нѣсколько часовъ, и величественныя снѣжныя горы, которыхъ перламутровыя вершины ярко рисовались на темномъ и бѣлоснѣжномъ южномъ небѣ, свое дѣйствіе сдѣлали; мы всѣ такъ плѣнились этими мѣстами, что теперь вѣроятно пропадетъ въ насъ всякая тяжёлость на подъемѣ, и мы чаще будемъ выѣзжать изъ однообразной и бѣдной равнины Минхенской.

Недѣли черезъ двѣ начнутся ваканціи, и тогда можно будетъ проникнуть далѣе въ эти горы, которыя передъ нами бѣлѣются. Плановъ на осень у насъ нѣсколько; во всякомъ случаѣ я думаю, что въ Парижъ не попадемъ еще долго. Отъ чего мои планы перемѣнились, пи-

шите вы, и я хочу оставить Минхенъ? Объ этомъ я въ слѣдующій разъ буду писать подробнѣе, а теперь пока въ эссенціи скажу главныя причины. Я думаю, что польза Университета неисчислима, но ученіе университетское важно не какъ *курсъ*, а только какъ узнаніе точки, на которой наука находится теперь, и *методы* преподаванія людей *великихъ*, въ университетахъ Европейскихъ; слѣдовательно побыть въ Университетѣ еще не значитъ пройти дорогу, а только запастись для дороги фонаремъ. А въ этомъ отношеніи я уже Минхенъ знаю; я былъ здѣсь уже два семестра и слышалъ уже всѣ здѣшнія геніальныя головы. Если бы я былъ здѣсь и одинъ, я конечно, можетъ быть, не такъ бы скоро отправился въ Парижъ, но вѣрно не остался бы даже въ Минхенѣ, потому, что мнѣ здѣсь остаются теперь однѣ книги, которыя можно имѣть всегда, и даже въ Россіи; я поѣздилъ бы по другимъ Нѣмецкимъ университетамъ (которые во всякомъ случаѣ еще отъ меня не ушли) и, можетъ быть, поѣхалъ бы на нѣсколько времени въ Италію, потому что я увѣренъ, что одинъ живой взглядъ на Италію обрисуетъ больше, нежели прочтеніе сотни умныхъ фоліантовъ: книги вездѣ, народы же и земли только на своихъ мѣстахъ. Посмотрѣвъ на университеты Нѣмецкіе и развалины Итальянскія, я навѣрное поѣхалъ бы по крайней мѣрѣ на годъ въ Парижъ, потому что тамъ призма, въ которой сходятся всѣ лучи Европейской политики, и не бывши въ Парижѣ, трудно понимать довольно новѣйшую исторію. Такимъ образомъ, въ чёмъ же перемѣнились мои планы? Только въ томъ, что я рѣшился ѣхать въ Парижъ нѣсколькими мѣсяцами прежде; а въ другіе Нѣмецкіе университеты (вѣроятно Берлинскій и Боннскій) нѣсколькими послѣ; но прежде я не разсчитывалъ, что могу быть вмѣстѣ съ братомъ, а это чего нибудь, да стоитъ. Вы говорите, что не противъ моей поѣздки въ Парижъ; жалѣете однакоже, что братъ перемѣнилъ мои прежніе планы, принадлежавшіе мнѣ самому. Отчего же вы однако такъ мало предполагаете во мнѣ самостоятельности? Я впрочемъ не оставляю еще намѣренія провожать брата въ Парижъ, только потому что увѣренъ, что если бы вы лучше хотѣли, чтобы я остался долѣе въ Германіи, то сказали бы это, и за вѣтренность побранили бы меня, потому что я одинъ виноватъ въ перемѣнѣ своихъ плановъ.

Во всякомъ случаѣ въ Парижъ мы, я думаю, не поѣдемъ еще довольно долго; мѣсяца два съ половиной побудемъ еще въ Минхенѣ, и въ вылазкахъ по окрестностямъ, а тамъ у насъ вертятся планы (еще впрочемъ не рѣшенные), которые весьма меня плѣняютъ; можетъ быть, мы поѣдемъ на зиму въ Римъ!! Этимъ камнемъ мы сдѣлали бы нѣсколько ударовъ вдругъ; воспользовались бы самымъ благопріятнымъ случаемъ

быть въ Римѣ, покуда тамъ Шевыревъ, уже съ Италіей сжившійся, видѣли бы Италію, овладѣли бы ея языкомъ, и такъ-какъ Волконская также по всѣмъ вѣроятностямъ поѣдетъ въ Парижъ въ началѣ весны, то это пособило бы брату въ недостаткѣ рекомендательныхъ писемъ.

Но всѣ эти планы покуда еще одни планы. Между тѣмъ наше время идетъ попрежнему, семестръ еще продолжается, и мы большую часть дня въ Университетѣ. Говорятъ, что на лекціяхъ Шеллинга есть стенографъ, записывающій ихъ отъ слова до слова; приложимъ все стараніе, чтобы достать списокъ и переслать вамъ при первомъ случаѣ. Что̀ скажутъ у насъ въ Россіи, когда узнаютъ, что Шеллингъ дѣйствительно свою систему перемѣнилъ? По-итальянски учиться продолжаем всѣ трое, и мы съ братомъ начали также ѣздить верхомъ.

Сегодня ровно годъ и 10 дней съ тѣхъ поръ какъ мы розно!!

5 (17) **Августа, Минхенъ.**

Какъ нарочно съ перваго числа профессора удвоили свои лекціи, желая скорѣе кончить, и сегодня въ 10 часовъ надобно будетъ еще присутствовать на диспутѣ, котораго нельзя пропустить: одинъ Русскій, Ахиллъ Марчиньѐ, изъ Полтавы, сегодня будетъ диспутоваться на доктора медицины, пригласилъ на диспутъ и Шеллинга и Гёрреса, и вск знать здѣшней учености, а такъ какъ въ Россіи трудно отыскать человѣка глупѣе, то вѣроятно жестоко осрамитъ насъ; тѣмъ больше, что онъ еще первый Русскій здѣсь докторизирующійся, и кромѣ насъ единственный въ Университетѣ. Такимъ образомъ надобно либо еще отложить отправленіе письма дня на два, либо сегодня отправить маленькое, а длинное опять отложить до слѣдующаго раза. Впрочемъ теперь этотъ слѣдующій разъ вѣрнѣе прежнихъ, потому что профессора вѣроятно еще на этой недѣлѣ заключатъ свои лекціи, и тогда писать будетъ просторно. Такъ какъ мы недавно еще писали къ вамъ, то надѣюсь, что теперешняя просрочка пяти дней не заставитъ васъ безпокоиться и во всякомъ случаѣ, хотя мы теперь и намѣрены быть аккуратнѣе, но вы лучше сдѣлаете, если будете разсчитывать отправленіе письма отъ насъ не по точнымъ срокамъ, а всегда около 1-го числа, и нѣсколько дней опозданія не будутъ васъ безпокоить.

Все это время мы были совершенно здоровы и веселы; занятія, кромѣ хлопотъ о перемѣнѣ квартиры, теперь насъ занимающихъ, остались все тѣже, а о планахъ нашихъ впередъ покуда еще нельзя сказать ничего вѣрнаго; всего вѣроятнѣе, что мы осень проведемъ либо въ Сѣверной Италіи, либо въ Швейцаріи, а съ наступленіемъ зимы

явимся въ Римъ! Покуда еще ничего окончательнаго не рѣшили; рѣшили только то, что во всякомъ случаѣ, отправляясь отсюда осенью, надо спѣшить хлопотать объ отправленіи назадъ Родіона, чтобы не платить за дорогу вдвое и совершенно понапрасну. Мы условливаемся съ банкиромъ, который обѣщаетъ поручить своимъ корреспондентамъ, чтобы они записывали его въ дилижансы въ каждомъ пограничномъ городѣ, отъ границы до границы, и наконецъ въ Любекѣ на кораблѣ. Онъ также воротится въ Россію человѣкомъ, учившимся въ чужихъ краяхъ, потому что въ самомъ дѣлѣ употреблялъ здѣсь почти все время на то, чтобы учиться; теперь все говоритъ по-нѣмецки, знаетъ четыре правила ариѳметики, весьма порядочно пишетъ по нѣмецки, сдѣлалъ себѣ довольно красивый почеркъ Русскій, прочелъ всю исторію Карамзина и многое другое; однимъ словомъ, мнѣ кажется, что онъ больше сдѣлалъ дѣла, нежели я, и бываетъ стыдно. Теперь онъ пишетъ свое чувствительное путешествіе, которое очень любопытно.

Самымъ интереснымъ происшествіемъ, случившимся съ нами между прошедшимъ письмомъ и этимъ, былъ одинъ визитъ, который намъ сдѣлалъ одинъ монахъ съ молодой дамой и о которомъ вѣроятно братъ писалъ подробнѣе, и еще интереснѣе, что этотъ монахъ былъ потомокъ Греческихъ императоровъ, Палеологъ, а дама воспитывалась и жила въ Москвѣ 9 лѣтъ; это племянница Палеолога, которую зовутъ Катерина Ивановна Попандопуло. Чтобы принять ихъ торжественнѣе, мы велѣли открыть еще двѣ комнаты, стоявшія подлѣ насъ вмѣстѣ, и убрать ихъ такъ, чтобы онѣ казались длинною анфиладою, и угощали ихъ незрѣлыми персиками и мороженымъ. Пиръ этотъ кончился тѣмъ, что Палеологъ поцѣловалъ у брата руку съ комплементомъ, совершенно восточнымъ: «теперь, сказалъ онъ, вы уже совсѣмъ купили насъ себѣ въ плѣнъ». Еще интересно было то, что часть разговора шла черезъ переводчиковъ, потому что съ Палеологомъ былъ еще его братъ, не знающій никакого языка кромѣ Греческаго, и у насъ былъ еще одинъ Полякъ, Потоцкій, который не говорилъ по-русски.

Черезъ два дня—8 Августа! Крѣпко обнимаю и поздравляю новорожденную. Въ слѣдующій разъ буду писать къ ней много. 8-го Августа*) будемъ пить за ея здоровье и чтобы какъ можно лучше праздновать этотъ праздникъ, постараемся напиться до пьяна. Покуда прощайте.

23 Августа (4) Сентября (1830).

Я началъ было писать къ вамъ дней пять тому назадъ, но изорвалъ письмо, во-первыхъ, потому, что оно было писано тотчасъ послѣ

*) День рожденія Маріи Васильевны Кирѣевской.

полученія вашего письма отъ 23 Іюля, которое меня сначала испугало, можетъ быть, больше нежели къ тому было причинъ, а во-вторыхъ, потому, что я въ немъ уже черезчуръ жестоко бранился на Машу. Теперь повторю ей свой выговоръ только вкратцѣ: возможно ли, писавши за 3000 верстъ, перерывать письмо на половинѣ слова? Какъ я ни убѣжденъ, что безпокоиться и не должно, и нѣтъ причины, но, не смотря на то, все-таки отъ безпокойствъ не избавлюсь, покуда не получу обѣщаннаго черезъ двѣ недѣли письма̀.

Теперь я долженъ отпра̀вить опять только нѣсколько строчекъ, потому что это все-таки будетъ лучше, нежели дать вамъ опять нѣсколько дней безпокойства, отложивши отправленіе писемъ, а прежде сегодня писать было нельзя, за хлопотами по отправленію Родіона. Мы совсѣмъ было уладили его отъѣздъ на вчерашній день; третьяго дня я уже взялъ было и мѣсто въ дилижансѣ, чтобы ему ѣхать вчера въ шесть часовъ поутру, но только что я возвратился съ билетомъ на дилижансъ и съ объявленіемъ, что наконецъ все готово, какъ узналъ, что прекрасный климатъ Минхенскій и Нѣмецкія кушанья, противорѣчащія Русскому желудку, сдѣлали ему маленькую лихорадку, которая обнаружилась въ самую минуту моего возвращенія. Такимъ образомъ путешествіе должно было отложить, и хотя теперь уже опять съ двухъ пріемовъ хинина въ порошкѣ лихорадка совершенно прошла, но я все еще не знаю, когда ему можно будетъ ѣхать, не подвергаясь опасности вторичнаго возвращенія лихорадки. Между тѣмъ корабли изъ Любека вѣроятно перестанутъ ходить, и тогда надобно будетъ думать о другой дорогѣ. Крайній срокъ отъѣзда, съ которымъ еще можно застать корабли въ Любекѣ, слѣдующая Пятница на этой недѣлѣ; докторъ говоритъ, что къ тому времени онъ безъ сомнѣнія оправится, такъ что будетъ мочь ѣхать безо всякой опасности, но я все еще не знаю, рѣшусь ли его о́тправить такъ скоро. Что̀ касается до нашей поѣздки, то она также еще не рѣшена. До сихъ поръ кажется, что рѣшено только одно, что мы нынѣшней осенью въ Парижъ не поѣдемъ. Вѣроятно будемъ тамъ не прежде какъ слѣдующей весною. Гдѣ мы покуда будемъ, мы не знаемъ еще и сами; до сихъ поръ еще думаемъ, что будемъ въ Римѣ, но и это еще не вѣрно. Во всякомъ случаѣ пишите намъ въ Минхенъ; покуда не пришлемъ новаго адреса.

Лекціи наши кончились еще съ 25 Авг. (по здѣшнему счету), и мы уже простились съ Шеллингомъ и Океномъ, которые разъѣхались въ разныя стороны: первый въ Карлсбадъ, а второй въ Гамбургъ. Шеллингъ въ послѣдній разъ, когда мы у него были, былъ очень милъ; братъ просилъ у него объясненіе на многое изъ его новой системы, и завязался разговоръ чрезвычайно интересный, который братъ вѣрно

описалъ вамъ подробно. Шорнъ также уѣзжаетъ отсюда на дняхъ; мы у него были недавно, но не застали его дома.

Время наше теперь по большей части проходитъ дома. Мы никого не видимъ кромѣ другъ друга, и этого довольно съ насъ; иногда приходитъ Цинкейзенъ, но довольно рѣдко, потому что онъ живетъ далеко за городомъ, или Стажинскій, Полякъ полусумасшедшій и жестоко скучный; или Врангель, нашъ Русскій (или лучше сказать полурусскій, потому что онъ забылъ почти Русскій языкъ). Послѣдній человѣкъ довольно странный, и покуда не узнаешь его, кажется человѣкомъ совершенно пустымъ, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ истинный талантъ и живописецъ въ душѣ. Въ послѣднія двѣ недѣли мы видѣлись также довольно часто съ однимъ Греческимъ архимандритомъ, Палеологомъ, о которомъ я уже вамъ писалъ, и который наконецъ надоѣлъ намъ пуще горькой рѣдьки; теперь онъ по счастію уѣхалъ. У него мы сдѣлали однакоже интересное знакомство съ однимъ Грекомъ, который называется Христосъ и съ маленькимъ Боццарисомъ; оба здѣсь удивляютъ всѣхъ своимъ Сульотскимъ народнымъ костюмомъ. Христосъ этотъ человѣкъ довольно интересный, былъ другомъ славнаго Марка Боццариса и теперь здѣсь воспитываетъ его сына.

Съѣздное пѣшеходство наше по Швейцаріи едва ли состоится, по крайней мѣрѣ мы во всякомъ случаѣ ее увидимъ, проѣзжая въ Италію. Отъ Соболевскаго мы получили письмо недавно отъ Турина, гдѣ онъ еще нѣсколько дней останется; онъ пишетъ, что недавно получилъ письмо отъ Шевырева изъ Рима, но не даетъ о немъ никакихъ новостей; Мицкевичъ (какъ Соболевскій пишетъ) теперь уже давно въ Женевѣ, а отъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ Поляковъ я слышалъ, что онъ еще изъ Рима дѣлалъ путешествіе въ Смирну; но до сихъ поръ однакоже, по словамъ всѣхъ Поляковъ, онъ еще ничего не написалъ новаго съ тѣхъ поръ какъ за границей.

Вотъ всѣ новости до насъ дошедшія. Мы, слава Богу, не только всѣ совершенно здоровы, но кромѣ Родіона, который въ продолженіе нашего здѣсь пребыванія раза два простуживался, никто изъ насъ не былъ до сихъ поръ ни разу не только боленъ, но даже и нездоровъ больше нежели насморкомъ, несмотря на то, что здѣшній климатъ весьма далекъ отъ Итальянскаго. И такъ о насъ не безпокойтесь, а будьте всегда и всѣ здоровы такъ же какъ мы, чтобъ и намъ о васъ безпокоиться не было причины.

Минхенъ. (Осень 1830).

Вотъ вамъ, милая маменька, и еще письмо изъ Минхена и прежде обыкновеннаго термина. Въ прошедшемъ письмѣ я вамъ лгалъ, чтобы

не дать безпокойства (и это была первая и послѣдняя ложь въ моихъ письмахъ къ вамъ), теперь можно говорить и откровенно и вмѣстѣ благовѣщательно: недѣли черезъ двѣ послѣ полученія этого письма, вы можетъ быть обоймете брата!! Я говорю недѣли черезъ двѣ, предполагаю, что уже въ Россіи есть зимній путь, иначе перемѣна колесъ на полозья и полозьевъ на колеса можетъ нѣсколько времени задержать его; но я надѣюсь, что и въ такомъ случаѣ вы безпокоиться не будете, потому что эта задержка по всѣмъ вѣроятностямъ не можетъ продолжаться долго. Онъ выѣхалъ отсюда 16 (28) Октября, и вслѣдствіе непростительной глупости, мною сдѣланной, уѣхалъ за день прежде, нежели я возвратился въ Минхенъ. Онъ поспѣшилъ такъ отъѣздомъ, безпокоясь обо мнѣ; я не писалъ къ нему изъ Вѣны недѣли двѣ, потому что съ утра до вечера бѣгалъ въ разные концы Вѣны, спѣша осмотрѣть все любопытнѣйшее, а онъ увѣрился, что я не пишу отъ того, что боленъ, и поспѣшилъ въ Вѣну, думая непремѣнно тамъ найти меня. Вмѣсто того, мы встрѣтились на дорогѣ и видѣлись въ Пассавѣ только на полчаса. Но ѣхать вмѣстѣ съ нимъ мнѣ тогда хотя и весьма захотѣлось, но было нельзя, потому что денегъ, взятыхъ имъ съ собою, недостаточно было бы для насъ обоихъ, а касса находилась въ Минхенѣ. Такимъ образомъ я пріѣхалъ сюда; но здѣсь, читая въ газетахъ холерныя извѣстія и получивши ваше письмо, въ которомъ вы о холерѣ такъ мало безпокоитесь, не сидится. Думаю, что и я, недѣли черезъ 1½ поѣду къ вамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое этому препятствіе? Одна трата 1000 рублей! Но неужели же мнѣ этого возвращенія не удастся? За то я буду спокоенъ, обниму васъ опять послѣ этой долгой, долгой разлуки, проведу съ вами нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ опять къ Нѣмцамъ! Пусть это глупость, вѣтренность; но неужели же въ жизни нельзя сдѣлать такой глупости? Я пріѣду къ вамъ, вы побраните меня и простите! Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Наконецъ опять обнять васъ всѣхъ! Эта мысль все больше и больше глотаетъ меня всего; не смотря на то, рѣшаюсь еще помедлить недѣльки 1½ и подождать извѣстій. Можетъ быть, и рѣшусь быть благоразумнымъ человѣкомъ и остаться. Во всякомъ случаѣ меня не ждите; а если впрочемъ пріѣду, то и не удивитесь мнѣ, какъ привидѣнію. Во всякомъ случаѣ, если и рѣшусь ѣхать, то не прежде, какъ недѣли черезъ 1½, а рѣшившись, напишу вамъ. Изо всего этого не заключите, чтобы Русская холера насъ черезчуръ безпокоила; совершенно спокойнымъ, разумѣется, быть нельзя, но мы спокойны столько, сколько быть можно, и знаемъ, что вы въ Москвѣ опасности дожидаться не станете. Рожалинъ пишетъ къ вамъ самъ. Во всякомъ случаѣ, рѣшусь ли я ѣхать или нѣтъ, вы очень одолжите, если пришлете на мое имя сюда рублей 1000 въ началѣ или половинѣ Декабря. Если

не уѣду, то эти деньги будутъ не лишнія, потому что и безъ того я бы сталъ просить денегъ у васъ, потому что промотался въ Вѣнѣ; а если поѣду, то деньги будутъ тѣмъ нужнѣе, что, знаю, ихъ останется очень мало. Мы всѣ такъ здоровы, какъ нельзя лучше, и такъ спокойны, какъ только можно. Я говорю мы всѣ, несмотря на то, что съ нами нѣтъ брата: потому что, когда мы встрѣтились въ Пассавѣ, онъ былъ здоровъ совершенно и чуть не прыгалъ отъ радости, что ѣдетъ въ Россію, а вчера я получилъ письмо отъ него изъ Вѣны, и письмо очень веселое.

Покуда долженъ кончить; когда остановлюсь на какомъ нибудь рѣшеніи, напишу тотчасъ. Вашъ сынъ П. Кирѣевскій.

Изъ поѣздки для собиранія пѣсень.

3 Іюля 1834. Осташково. Вторникъ.

Совсѣмъ не отъ лѣности пишу къ вамъ опять нѣсколько строчекъ. Много бы хотѣлось написать всѣмъ вамъ, да дѣло въ томъ, что я за полчаса передъ этимъ и не думалъ, что надобно и вамъ писать сей же часъ, чтобы къ вамъ пошло письмо въ Понедѣльникъ. Случилась, совсѣмъ для меня неожиданно, ярмарка, на которую надо сначала плыть 40 в. по Селигеру, а потомъ ѣхать 25 в. на лошадяхъ; надобно сейчасъ же на нее отправляться, потому что теперь дуетъ *повѣтеръ*, а случая пропустить нельзя. Эта ярмарка начнется въ Пятницу и будетъ продолжаться цѣлыхъ четыре дня; стало быть, можно надѣяться на добычу. А тамъ вслѣдъ за ней начнется въ день Казанской Богородицы еще ярмарка въ Вышнемъ-Волочкѣ, которая продолжится 2 недѣли. Еще не знаю, удастся ли попасть въ Волочекъ, потому что онъ отъ мѣста первой ярмарки верстъ полтораста, а въ бричкѣ черезъ Селигеръ нельзя ѣхать; но можетъ быть, что рѣшусь и туда заѣхать дня на два, на три. Въ такомъ случаѣ буду писать къ вамъ изъ Волочка. Вы однакоже все-таки пишите ко мнѣ въ Осташковъ, потому что я не замедлю воротиться. Кажется, я попалъ наконецъ на свою колею и не возвращусь оттуда съ пустыми руками. Обо мнѣ не безпокойтесь; я слава Богу и здоровъ, и веселъ. Крѣпко васъ всѣхъ обнимаю. Вашъ П. К.

Осташковъ, 23 Іюля 1834. Понедѣльникъ.

Все это время я былъ въ разъѣздахъ; 11 ночью приплылъ изъ своего (опять неудачнаго) похода въ Новгородскую губернію, гдѣ пробылъ цѣлую недѣлю и черезъ два дня послѣ возвращенія опять уплылъ верстъ за 12 отъ Осташкова на сельскій праздникъ, гдѣ пробылъ еще три дня. Вся моя добыча, привезенная съ этой вылазки: 2 утки, 3 чайки и 20 свадебныхъ пѣсень. Что дѣлать! Авось либо Новгородъ будетъ счастливѣе. Наконецъ я уже нанялъ коней, чтобы отправиться по Нов-

городской дорогѣ, и выѣзжаю послѣ завтра рано поутру. Итакъ, вы ужъ теперь не пишите ко мнѣ въ Осташковъ, а пишите въ Новгородъ; а я, пріѣхавши туда, отыщу письма и положу съ почтмейстеромъ. Я поѣду по Старорусской дорогѣ, сверну въ сторону, чтобы посмотрѣть верховье Волги (которая точно также выходитъ изъ Селигера, какъ Днѣпръ изъ Балтійскаго моря!) и потомъ прямо въ Старую Русь; а оттуда, если можно будетъ поставить бричку на пароходъ, черезъ Ильмень въ Новгородъ, куда и пріѣду 30 или 31, если не задержатъ недостатокъ лошадей и вѣтры Ильменскіе.

Новгородъ, 6 Авг. 1834.

Ѣздить отсюда некуда, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ монастырей; и преданія здѣсь только одни могилы и камни, а все живое забито Военными Поселеніями, съ которыми даже и тѣнь поэзіи несовмѣстна. Стало быть, на пѣсни здѣсь мало надежды; за то надобно хорошенько разсмотрѣть и узнать здѣшнюю каменную поэзію еще богатую. До сихъ поръ еще я мало могъ ходить по городу отъ несносныхъ жаровъ, отъ которыхъ и дома ничѣмъ заняться невозможно; а когда я въ первый разъ взглянулъ на Новгородъ съ Волховскаго моста, при солнечномъ захожденіи, онъ мнѣ представился въ самомъ величественномъ видѣ. И случай этому много помогъ: верстъ за 40 въ окрестностяхъ горятъ лѣса, и дымъ отъ нихъ доходитъ досюда; въ этомъ дымѣ, соединившемся съ Волховскими туманами, пропали всѣ промежутки между теперешнимъ городомъ и окрестными монастырями, бывшими прежде также въ городѣ, такъ что городъ мнѣ показался во всей своей *прежней* огромности; а заходящее солнце, какъ исторія, свѣтило только на городскія башни, монастыри и соборы и на бѣлыя стѣны значительныхъ зданій; все мелкое сливалось въ одну безличную массу, и въ этой массѣ, соединенной туманомъ, было также что-то огромное. На другой день все было опять въ настоящемъ видѣ, какъ будто въ эту ночь прошли 300 лѣтъ, разрушившихъ Новгородъ. Мнѣ удалось найти квартиру на берегу Волхова противъ Св. Софіи и Новгородскаго кремля, и хотя моя комнатка внутри примерзкая, за то могу любоваться самымъ лучшимъ видомъ въ Новгородѣ. Новгородскій Кремль еще сохранилъ по счастью свою почтенную полуразрушенность, а Софійскій соборъ, также уцѣлѣвшій неприкосновенно, самое прекрасное зданіе, какое я видѣлъ въ Россіи.

Кромѣ одного, впрочемъ весьма пустого, свитскаго офицера, я здѣсь ни съ кѣмъ еще не познакомился, и едва ли съ кѣмъ познакомлюсь, кромѣ развѣ купца, о которомъ вы пишите и котораго я постараюсь отыскать. Мнѣ и одному будетъ весело, если только я буду знать, что вы всѣ здоровы и веселы, или по крайней мѣрѣ *стараетесь*, чтобы вамъ было весело.

*

Изъ втораго заграничнаго путешествія.

Кассель, 29 Іюня (11 Іюля) 1835.

Вѣрно для васъ, милая маменька, совсѣмъ неожиданно письмо отъ меня изъ Касселя, и вы удивитесь, какимъ образомъ я залетѣлъ сюда. Это случилось вотъ какъ. Мы ѣхали на пароходѣ вмѣстѣ съ Надеждинымъ, еще нѣсколькими Русскими и Ал. Титовымъ; и всѣ вмѣстѣ отправились изъ Любека въ Гамбургъ. Изъ Гамбурга должны были всѣ разъѣхаться въ разныя стороны, но съ Ал. Титовымъ случился на дорогѣ такой припадокъ, который привелъ меня въ ужасъ и если бы онъ ѣхалъ одинъ, то могъ бы погибнуть ни за нюхъ табаку. Такъ какъ я изо всей компаніи былъ ему самый ближайшій, а вы писали, что мое высочайшее покровительство вамъ не совершенно необходимо, то я и рѣшился проѣхаться съ нимъ вмѣстѣ до Касселя, а въ случаѣ нужды и до Ахена. Такъ мы и согласились, тѣмъ болѣе, что ѣхать цѣлой Русскою ватагою было гораздо веселѣе. По счастію онъ оправился. Досюда мы ѣхали всѣ вмѣстѣ, а отсюда Титовъ поѣхалъ съ Надеждинымъ, Княжевичемъ и кн. Крапоткинымъ до Кельна, откуда ему останется до Ахена только 60 верстъ. Надѣюсь, что теперь будетъ исправенъ; впрочемъ Княжевичъ обѣщалъ, въ случаѣ нужды, проводить его и вплоть до Ахена. Они уѣхали отсюда вчера, а я отправляюсь въ Дрезденъ сегодня ввечеру и пишу покуда это письмо только для того, что боюсь вашего обо мнѣ безпокойства, потому что я имѣлъ непростительную глупость не написать къ вамъ изъ Гамбурга. Теперь надѣюсь обнять васъ скоро самолично, потому что въ Дрезденѣ пробуду только два дня, чтобы навести объ васъ справки и посовѣтываться съ эскулапомъ о водахъ, какія мнѣ пить слѣдуетъ.

Франценсбрунъ. Четвергъ.

Вотъ я наконецъ и усѣлся въ Франценсбрунѣ, милая маменька. Я потому не писалъ къ вамъ еще вчера, что нашелъ квартиру послѣ почтоваго времени. Теперь уже началъ свою починку; вчера былъ у Конрада, нынче выпилъ три стакана Зальцбруна, и часа черезъ полтора возьму ванну изъ Луизенквелля. Конрадъ мнѣ предписалъ ежедневныя ванны, и, для начала, Зальцбрунъ съ прибавленіемъ на каждый день по стакану, покуда не приготовлюсь къ настоящему Франценсбруну. Франценсбрунъ крошечный городокъ, въ родѣ Маріенбада и не похожъ мѣстоположеніемъ ни на Маріенбадъ, ни на Карлсбадъ, потому что лежитъ на огромной равницѣ, которая только на самомъ горизонтѣ замыкается горами; впрочемъ довольно красивъ; улицы усажены каштанами и тополями, а въ концѣ городка прекрасный тѣнистый паркъ. Я нанялъ себѣ двѣ большія готическія комнаты со

сводами въ родѣ Вестманстерскаго аббатства и съ фортепьянами; въ нижнемъ этажѣ zur Grossfürstinn von Russland. У меня изъ оконъ довольно красивый видъ на Kaiserstrasse съ каштанами, а для услажденія моего слуха живутъ противъ меня герцогини Баденскія, изъ которыхъ одна поетъ очень пріятно и много. Вообще мнѣ было бы сидѣть довольно хорошо, если бы вы мнѣ поскорѣе прислали грамотку отъ нашихъ. Съ нетерпѣніемъ жду вашего письма и скоро буду опять писать къ вамъ.

6 (18) Августа. Вторникъ. Франценсбрунъ.

Вотъ вамъ и еще писуля изъ Франценсбруна, милая маменька, дабы вы не разсудили за благо какъ-нибудь безпокоиться объ моей неизвѣстности, а пуще всего дабы вамъ подать благой примѣръ для подражанія. Когда будете посылать письма ко мнѣ, прикажите пожалуйста брать на почтѣ квитанціи въ отправленіи, или такъ называемые *ресиписы*, потому что сквернѣе здѣшнихъ почтъ едва ли есть гдѣ нибудь, и письмо безъ квитанціи совершенно находится въ зависимости отъ почтовыхъ чиновниковъ. Вообразите, напр., что письмо отправленное вами сюда изъ Карлсбада, въ которомъ было запечатано и Титовское, пропало! Это тѣмъ больше досадно, что ему, можетъ быть, что-нибудь нужно, не говоря уже о томъ, что мнѣ бы хотѣлось имѣть отъ него вѣсти. На почтѣ здѣсь говорятъ, что если въ Карлсбадѣ не взяли ресипису, то и отыскать письма нельзя. Не помните ли, кто отдавалъ его на почту?

Каково-то вамъ было ѣхать? Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ писемъ. А мое путешествіе изъ Карлсбада сюда было самое досадное: вообразите, что мнѣ попался такой поганый извощикъ, что я тянулся досюда 18 часовъ, и долженъ былъ ночевать на дорогѣ, чему едва ли бывалъ примѣръ во всей Богемской исторіи.

У насъ здѣсь все тоже, что̀ было, кромѣ того, что народу начинаетъ становиться все меньше; но мнѣ до этого мало дѣла, потому что я не познакомился ни съ однимъ человѣкомъ, кромѣ одного сѣдого Венгерскаго помѣщика, который нынче уѣхалъ, да и не хочу знакомиться. Жду съ нетерпѣніемъ В. Титова.

Вы хорошо сдѣлали, что не поѣхали сюда, потому что вамъ бы здѣсь было скучно, а Веза, съ которою вы хотѣли познакомиться, отправляется послѣ завтра къ вамъ въ Дрезденъ, куда уѣхало и все Баденство.

Мнѣ вообще довольно хорошо, кромѣ того, что не велятъ ничѣмъ хорошенько заниматься, а потому скучно. Я продолжаю ежедневно ку-

паться и отъ нынѣшняго дня вмѣсто 8 стакановъ Salzquelle началъ пить 4 Salz и 3 *Шпруделя*. Не дѣлалъ покуда ровно ничего; но думаю однако, что умѣю хоть сколько-нибудь позаняться моими пѣснями.

Письмо Титова.

Франценсбрунъ, 3 Сентября н. ст.

Цѣлуемъ ручки, челомъ бьемъ, падаемъ до ногъ за ваши драгоцѣнныя два посланія, изъ которыхъ послѣднее отъ 31-го прочли сію секунду. Виноваты, что сами такъ долго къ вамъ не писали снова; третій день чинимъ перья; а они окаянныя, видно размокли отъ водъ, и чинятся медленнѣе нежели когда-либо. За совѣты благодаримъ усердно. Бодрость возвратилась къ намъ вмѣстѣ съ ясною погодою. Петру Вас. вода какъ съ гуся вода; онъ отъ нихъ какъ ни въ одномъ глазѣ; а я грѣшный принужденъ былъ заключить съ докторомъ капитуляцію, на основаніи которой отъ питія воднаго вовсе отбоярился, за то меня купаютъ ежедневно не только въ водѣ, но и въ грязи минеральной. Посмотримъ, это чистилище не удалитъ меня отъ полей Елисейскихъ, или приближитъ къ нимъ. Нашъ Франценсбрунъ по немножку просыпается; винà этому—ожидаемый черезъ 10 дней проѣздъ Римскаго Кесаря съ супругою и многочисленною свитою; здѣшній Militair Inspector, начальствующій надъ 3 человѣками гарнизона, со вчерашняго дня уже началъ расправлять усы и галстухъ.

Планы наши вотъ какіе: подивясь величію Кесаря и справясь съ завѣтнымъ числомъ ваннъ и стакановъ, мы съ Петр. Вас., около 17-го или 18-го числа совокупно оставляемъ Франценсбрунъ и ѣдемъ въ Карлсбадъ, быть можетъ черезъ Маріенбадъ и Königswarte, сосѣдственный замокъ князя Меттерлиха, съ изящнымъ паркомъ и любопытнымъ собраніемъ монетъ. Изъ Карлсбада Петръ Вас. къ вамъ въ Дрезденъ, а я прямо въ Прагу учиться по чешски и заготовлять фатеры, въ надеждѣ, что и вы не замедлите удостоить вашимъ прибытіемъ. Прага не городъ, а чудо; это всѣ говорятъ. О 16½ талерахъ вы повторяете въ каждомъ письмѣ аккуратно; мы объ нихъ и безъ того не забудемъ; но Бога ради скажите, отправилъ ли Gerstkamp въ Вѣну мой чемоданъ съ шубою и доставилъ ли вамъ квитанцію, съ помощью которой легко бы отыскать оный. Если нѣтъ, сдѣлайте милость, прикажите приструнить трактирнаго оратора; не то, смерть какъ боюсь остаться безъ чемодана и безъ шубы, у насъ теперь уже морозитъ ночью. Простите, будьте здоровы и веселы душою, почтеннѣйшая —хотѣлъ сказать Авдотья Петровна, но ей-ей прозаично; позвольте отнынѣ навсегда звать васъ въ письмахъ тетушкою: оно какъ-то ловчѣе. И такъ прощайте, почтенная тетушка, а милымъ кузинамъ Марьѣ Вас. и Лилушкѣ поклонитесь и благодарите за добрую память. Т.

*

Чтò вы скажете на наши планы? Такъ какъ Т. намѣренъ здѣсь остаться не долѣе 18 Сент., то и мнѣ кажется, что я лучше поступлю если выѣду не 13, а также 18; и вмѣсто 10 дней пробуду въ Дрезденѣ дня 2 или 3, чтобы намъ долѣе можно было пробыть въ Прагѣ, и Прага, я увѣренъ, что вамъ понравится, судя по всѣмъ описаніямъ о ней. Мы здѣсь покуда находились въ исправности, и мнѣ тутъ и сидѣть и

ходить хорошо; мы ходили многое множество, читаемъ Краледворскую рукопись и купаемся аккуратно, а сверхъ того я еще глотаю ежедневно по 8 стакановъ *всѣхъ* здѣшнихъ ключей, а все это идетъ благополучно, кромѣ того, что здѣсь по несчастью завелась какая-то Русская статская совѣтница, самая несносная тетёха, которая отъ времени до времени нападаетъ на меня во время питія водъ и мучитъ по цѣлымъ часамъ, разсказывая мнѣ различные анекдоты языкомъ дѣвичьей, изъ которой она по всѣмъ вѣроятіямъ вылѣзла. Къ 13 ждутъ сюда Имп., и вѣроятно тогда опять Франценсбрунъ заворошится. Поль вчера проѣхалъ здѣсь въ Лейпцигъ и обѣщалъ оттуда переслать вамъ сочиненія Эйнбр., но брошюрку Карамзина я, увы, немогъ у него взять, потому что только сію минуту, получа ваше письмо, узналъ объ ней. Я привезу вамъ въ Дрезденъ гостинецъ, состоящій изъ портрета Титова, который сейчасъ началъ рисоваться. Здѣсь есть одинъ Нѣмецъ, который очень хорошо и похоже дѣлаетъ портреты на стеклѣ, въ видѣ медали и я уговорилъ Т. подвергнуться его искусству. Это хорошо еще и тѣмъ, что можно этимъ стекломъ печатать сколько хочешь экземпляровъ. Однако пора кончить. Покуда прощайте, будьте какъ можно здоровѣе и веселѣе. Большого Машинаго письма я не признаю сожженнымъ, а продолжаю ожидать.

Броды, 10 (22) Октября 1835. Среда.

Наконецъ мы сегодня въ 6 часовъ поутру явились сюда и теперь только въ 4 в. отъ Русской границы. Пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ для того, чтобы вы о насъ не безпокоились и чтобы скорѣе получили вѣсти. Мы ѣхали гораздо долѣе, нежели предполагали; потому что съ самаго выѣзда насъ и днемъ и ночью провожалъ безпрестанный дождикъ, который только со вчерашняго дня нѣсколько поунялся, а вслѣдствіе дождей намъ почти на всякой станціи должно было мазать колесы, что̀ задерживало довольно долго. За исключеніемъ этихъ дождей мы ѣхали до сихъ поръ, слава Богу, вполнѣ благополучно, и я теперь нахожусь здравъ и исправенъ на Русской границѣ. Погодина во всю дорогу была такъ здорова, какъ я бы никакъ не ожидалъ отъ нея; она много поправилась, посвѣжѣла въ лицѣ и не отстаетъ отъ насъ ни за обѣдами, ни за ужинами; но съ Погодинымъ случилась бѣда уже передъ самой Бродской гостинницею; а именно: расплачиваясь съ извощиками, онъ потерялъ бумажникъ со всѣми деньгами, точно также какъ вы въ Прагѣ; по счастью денегъ было не больше 100 серебр. гульденовъ. Княжевича чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше любишь: это человѣкъ необыкновенный. Несмотря на погоду, путешествіе было вообще пріятно. Авось и святая Русь меня приметъ любовно въ свои объятія.

Теперь уже скоро надѣюсь обнять нашихъ, а въ Кіевѣ жду писемъ отъ васъ. Изъ Кіева же я къ вамъ еще напишу.

Кіевъ. 20 Октября (1 Ноября). 1835.

Вотъ я наконецъ и на Святой Руси, во славномъ градѣ Кіевѣ, и отсюда, по данному обѣщанію, опять пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, да имѣете обо мнѣ вѣсти. Видите ли, какой я аккуратный. Пусть же сіи мои похвальные поступки и вамъ послужатъ примѣромъ. Мы пріѣхали сюда 14 (26) Октября рано поутру, третьяго дня отправили въ Крымъ Княжевича и сегодня же, вѣроятно, отправимъ свои стопы далѣе, домой, Я говорю мы, потому что отсюда я отправлюсь до Долбина вмѣстѣ съ Погодинымъ. Кіевъ мы покуда очень мало могли разсмотрѣть, потому что насъ уже съ давняго времени мочилъ почти безпрерывный дождь, который превратилъ всѣ Кіевскія улицы въ совершенныя болота, а нынче послѣ долгаго отсутствія въ 1-й разъ наконецъ проглянуло солнце. Мы уже 3-й день живемъ у Максимовича, который перевезъ насъ къ себѣ тотчасъ послѣ отъѣзда Княжевича и вообще къ намъ очень любезенъ. Онъ не перемѣнился ни капли, кромѣ того, что ректорство его по необходимости сдѣлало дѣятельнѣе; впрочемъ это ему не по нутру, и черезъ недѣлю онъ подаетъ въ отставку отъ ректорства.

Приписка М. П. Погодина.

Цѣлую ручки у Авдотьи Петровны, нашей доброй, любезной, дорогой. Чтó за Кіевъ, прелесть, а погода *кара-боска*. Нынѣ выѣзжаемъ. А у меня есть огромный мраморный отломокъ изъ Десятинской церкви и первая монета Русскаго времени отца *Донскаго*. Кланяемся. М. П.

Е. В. Погодиной.

Почтенная и дорогая Авдотья Петровна, дней черезъ 5, если Богъ дастъ, надѣемся мы быть въ Бѣлевѣ, увидимъ всѣхъ вашихъ, тутъ наговоримся мы о васъ, и направимъ путь нашъ въ Москву. Здоровье мое ежедневно поправляется болѣе и болѣе; надѣюсь, что въ Москвѣ совершенно возстановится. Марьѣ Васильевнѣ мое почтеніе, милую Лилочку цѣлую. Много уважающая васъ и преданная Е. Погодина.

М. А. Максимовича.

Изъ богоспасаемаго града Кіева въ Нѣмецкій градъ Дрезденъ посылаю душевный поклонъ мой вамъ, Авдотья Петровна, Марья Васильевна и Елисавета Алексѣевна, желаю удачнаго тамъ пребыванія и желаннаго возвращенія въ Москву бѣлокаменную. Часто вспоминающій о васъ Максимовичъ. 20 Окт. 1835. Поклонитесь отъ меня Армфельду, если повстрѣчается вамъ, и вспомните обо мнѣ передъ Мадонною.

Изъ поѣздки къ больному Н. М. Языкову.

Симбирскъ, 23 Марта 1838.

Я было хотѣлъ писать къ вамъ нынѣ побольше, но, вмѣсто того, долженъ ограничиться нѣсколькими строками, потому что надобно спѣшить приготовлять прокламацію о собираніи пѣсень, потому что здѣшній губернаторъ, переведенный отсюда въ Вятку, взялся напечатать ее въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; а уѣзжаетъ онъ уже завтра.

Языкову, слава Богу, получше, и при самомъ первѣйшемъ открытіи пути мы отсюда отправимся въ Москву. Въ ожиданіи пути я покуда весь зарылся въ изслѣдованія различныхъ здѣшнихъ родовыхъ архивовъ, которые мнѣ со всѣхъ сторонъ доставляютъ.

Пожалуйста потрудитесь найти для Ал. Мих. *) надежную Нѣмецкую няньку, чтобы чѣмъ нибудь отблагодарить за ихъ гостепріимство.

Братъ Василеосъ! Возьми пожалуйста у Бекетова описаніе всѣмъ его рукописямъ и пришли сюда на имя Александра Михайл. Да пописывай пожалуйста. Обнимаю тебя. Смотри за нашими.

Симбирскъ, 2 Апрѣля 1838.

Христосъ воскресе! Отъ всей души обнимаю васъ всѣхъ и поздравляю съ вчерашнимъ днемъ и съ завтрашнимъ. Нынѣшній годъ намъ пришлось всѣ наши лучшіе праздники провести не вмѣстѣ. Что̀ дѣлать! За то, можетъ быть, все таки жъ отъ этого будетъ польза: Языковъ хотя и безъ меня собирался пріѣхать въ Москву, но безъ меня все таки не собрался бы такъ скоро; они всѣ тяжелы на подъемъ до невѣроятности и безпечны въ такой же степени. Впрочемъ я, благодаря вашимъ письмамъ, не грущу; мнѣ, слава Богу, хорошо, и будетъ хорошо, если только все будетъ хорошо у васъ, и я не буду оставаться безъ вѣстей. Смотрите же, берегите себя и будьте веселы. Языковъ покуда все въ томъ же положеніи былъ, какъ при послѣднемъ моемъ письмѣ, и сегодня авось либо удастся уговорить его проѣхаться. Наконецъ-то весна, кажется, приходитъ скорыми шагами, и сегодня здѣсь уже 7° тепла. Можно надѣяться, что послѣдній снѣгъ скоро исчезнетъ, и рѣки начнутъ очищаться, чтобы пропустить насъ; а съ первой возможностью мы и отправимся.

Однако пора кончить, потому что сію минуту Ал. Мих. прислалъ за мною дрожки, чтобы везти меня въ баню. Прощайте покуда! Обнимаю васъ! Вашъ П. Кирѣевскій.

У заутрени я буду въ домовой церкви у Ивашева; здѣсь слишкомъ мало церквей по народонаселенію, и потому во всѣхъ и всегда бываетъ такая тѣснота, что повернуться невозможно.

---

*) Это старшій братъ поэта Языкова, Александръ Михайловичъ. П. Б.

9 Апрѣля 1838. Симбирскъ.

Вотъ ужъ и 3-е Апрѣля! Авось либо скоро намъ можно будетъ пуститься и въ путь. Хоть насъ и пугаютъ, говоря, что рѣки не успѣютъ установиться прежде 20, думаю ужъ вѣрно это такъ долго не продолжится; хотя мы, конечно, не поѣдемъ иначе какъ по совершенно уже установившемуся пути. Языкову, слава Богу, лучше, и онъ на этой недѣли ужъ два раза проѣзжался: въ первый разъ въ Свѣтлое Воскресенье, а во второй въ Четвергъ. Буду стараться возить его почаще, чтобы пріучить къ скорому отъѣзду, тѣмъ больше, что эти прогулки его нисколько не безпокоятъ, и онъ отъ воздуху чувствуетъ себя, слава Богу, свѣжѣе.

Между тѣмъ продолжаю рыться въ своихъ архивахъ и записалъ также нѣсколько пѣсень.

Вотъ вамъ покуда все существенное, что̀ у насъ здѣсь дѣлается. Покуда этимъ долженъ и закончить, потому что ужъ поздно, а я все утро проспорилъ съ Петр. Мих. о разныхъ философскихъ матеріяхъ.

Спасибо вамъ за ваши письма и за братнино. Они мнѣ сдѣлали Святую недѣлю настоящимъ праздникомъ.

*

Къ сестрѣ.

С. Кирѣевская Слободка, 10 Дек. 1839.

У меня тутъ по части удовольственныхъ и забавныхъ обстоятельствъ есть нѣсколько книжекъ: Шекспиръ, Шиллеръ, нѣсколько книжекъ объ Русской старинѣ и Полякъ Красицкій (которую библіотеку ты впрочемъ сама уже имѣла честь здѣсь видѣть). Но изо всего этого покуда ничего не трогаю. Читалъ только нѣсколько Красицкаго, который, кромѣ своего ума, вмѣстѣ съ тѣмъ интересенъ и какъ способъ навостряться въ Польскомъ языкѣ. Это епископъ, бывшій другомъ Фридриха II. и писавшій между прочимъ насмѣшки надъ монахами. Вообще человѣкъ отмѣнно умный, но только по тогдашней модѣ. Епископомъ онъ былъ столько же, сколько Кондильякъ игумномъ.

Особенно усладительно мнѣ здѣсь присутствіе гитары, которую я иногда щиплю и которая утѣшаетъ меня старыми пѣснями. Я разобралъ еще одну новую: «Не одна въ полѣ дороженька», прекрасныя варіаціи Высоцкаго, однако еще не твердо знаю, и авось либо успѣю вытвердить. Какъ только удастся справиться съ самыми необходимыми дѣлами, явлюсь за тобою. Крѣпко тебя обнимаю, пожалуйста будь здорова и напиши подробно съ этимъ посланнымъ. Прощай, мой душевный другъ, поклонъ бабушкѣ, Ивану Филипповичу, которые ко мнѣ

такъ добры и ласковы, что я не знаю, какъ мнѣ благодарить ихъ; кузинамъ тоже мой поклонъ въ поясъ.

Кирѣевская Слободка, 14 Дек. 1839.

Дѣла и подвиги мои здѣсь такъ затягиваются, что на меня нашелъ страхъ, чтобы вы не стали обо мнѣ безпокоиться; говорю обо мнѣ, потому что отъ Маши изъ Бунина вы вѣрно имѣете частыя вѣсти, а я оттого и не писалъ до сихъ поръ, что все надѣялся, что скоро поѣдемъ. Кажется однакоже, что опредѣлительно и теперь еще нельзя назначить, когда мы наконецъ пустимся въ обратный путь къ своему мѣсту; потому что мнѣ предстоитъ еще множество хлопотъ, и самыхъ скучныхъ. Разумѣется я буду стараться справиться съ ними, какъ можно скорѣе, а все-таки жъ нельзя знать когда удастся. Во всякомъ случаѣ не безпокойтесь и не думайте, чтобы насъ задерживало что-нибудь особенное; хотя бы даже не удалось явиться къ вамъ прежде кануна Новаго года. Должно ставить двухъ рекрутъ, продавать въ новокупленной деревнѣ лѣсъ, покупать лѣсъ на здѣшнія надобности, съѣздить къ окружнымъ начальникамъ казенныхъ крестьянъ, чтобы сколько нибудь помочь дѣлу съ однодворцами, которые заняли хотя только небольшую часть моего усадебнаго мѣста, однакоже настолько, что мнѣ уже двора больше поселить нельзя, какъ мнѣ бы необходимо было. А кромѣ того заселили они это мѣсто, какъ дѣло оказывается, не нынѣшнимъ лѣтомъ, а ужъ тому назадъ лѣтъ 10, и ссылаются на давность. Одно, чѣмъ надѣюсь сколько-нибудь помочь, это отмежеваньемъ пахотной земли къ одному мѣсту. Вообразите, что всѣхъ этихъ дѣлъ и еще многаго множества, я и до сихъ поръ еще не успѣлъ уладить. Тѣмъ-то и худо заѣзжать въ деревню, что дѣлами такъ и обвалятъ. Особенно скучно зимою, потому что и носа показать на воздухъ не хочется, а въ комнатѣ тѣмъ скучнѣе, что покуда еще негдѣ дать ногамъ простору: сидишь какъ въ клѣткѣ. Въ этотъ пріѣздъ постараюсь закупить хоть сколько нибудь лѣсу для домика; тогда все-таки будетъ раздольнѣе, когда случится зажиться здѣсь недѣли три или мѣсяцъ, и вамъ и Кирѣевскимъ будетъ куда ко мнѣ пріѣхать.

Вотъ вамъ покуда главныя черты моего здѣсь житья-бытья. О прочемъ, впрочемъ уже давно прошедшемъ, т. е. какъ мы были у Хомяковыхъ и какъ въ Бунинѣ, Маша вѣрно писала къ вамъ подробнѣе.

С. Рубча, 9 Іюня 1840.

Вотъ ужъ 12-й день какъ я въ Рубчѣ. Межевальныя и всяческія хозяйственныя хлопоты такъ меня затаскали, что я забылъ и считать это скучное время, а когда счелъ наконецъ, сколько времени ужъ про-

шло съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Москвы и съ тѣхъ поръ какъ не писалъ къ вамъ, то самъ испугался. Авось либо вы это время обо мнѣ не безпокоились; особенно надѣюсь, что кузины вамъ писали обо мнѣ, что я 22-е, 23-е былъ у нихъ, слѣдовательно здоровъ и благополученъ. Спасибо вамъ за ваши письма, а то было и меня начинали мучить всяческія мысли. Мнѣ здѣсь жестоко скучно и даже досадно, когда подумаешь, что вмѣсто двухъ недѣль, какъ я предполагалъ, я ужъ лежу въ здѣшней сторонѣ вотъ покуда! и еще можетъ быть придется сидѣть недѣлю и даже больше. Всякій день кажется, что вотъ къ завтрему все можно кончить, а вмѣсто того встрѣчается еще что нибудь, да еще что нибудь. Если бы я не видалъ, что дѣло идетъ, слава Богу, на ладъ и что съ моимъ отъѣздомъ опять бы не разладилось, то давно бы уѣхалъ; а ладится дѣло отъ моего присутствія не потому чтобы я что нибудь особенно умѣлъ или зналъ, а просто потому, что я самъ владѣлецъ сущій на лице и могущій рѣшать. Слѣдовательно мнѣ и похвалиться нечѣмъ. Съ Орловскимъ моимъ сосѣдомъ Опухтинымъ мы уже совсѣмъ условились, какъ межеваться и даже наняли землемѣра, такъ что мы сейчасъ уже начнемъ класть рубежи, какъ скоро я возвращусь отсюда; съ здѣшними кроткими сосѣдями, т. е. съ Васильевскими, Габелемъ и Свистуновскимъ повѣреннымъ также совсѣмъ опредѣлили, кому чтò брать, и остается только призвать землемѣра. Если кто нибудь изъ нихъ не отступится отъ своихъ словъ, то, кажется, что дѣло кончится ко всеобщему удовольствію; только боюсь, чтобы мнѣ не пришлось опять сюда ѣхать самому для окончательнаго положенія рубежей.

Въ Слободкѣ я схозяйничалъ одно важное дѣло, а именно купилъ домъ. Я хотѣлъ было мало-по-малу приготовлять для него лѣсъ, вмѣсто того узналъ, что верстахъ въ 15 отъ мéня у князя Друцкаго продается домъ почти совсѣмъ готовый; поѣхалъ туда посмотрѣть его и купилъ. Я заплатилъ за него 3000, чтò по моему расчету не дорого, тѣмъ больше, что у меня въ виду двѣ продажи, которыя должны мнѣ вознаградить эту сумму, а именно лѣсъ въ новокупленной деревнѣ, за который Опухтинъ мнѣ даетъ уже 3.500, и 25 десятинъ земли черезполосной съ однодворцами, съ которою мнѣ нечего дѣлать. На дняхъ, когда возвращусь въ Слободку, я надѣюсь кончить одну изъ этихъ продажъ; а между тѣмъ, такъ какъ деньги нужны были къ спѣху, то я занялъ у Мойера.

Домъ расположенъ почти точно такъ, какъ я предполагалъ строить и какъ вамъ показывалъ планъ, только въ бóльшемъ размѣрѣ. 30 арш. въ длину и 19 въ ширину. Будетъ 7 комнатъ, 5 большихъ

и 2 поменьше, и 2 печи. Домъ почти весь совсѣмъ готовый, есть даже ужъ и двойныя дубовыя рамы; недостаетъ только половъ, фундамента и печей, чтобы ему быть обитаему; все это можетъ быть нынѣшнее же лѣто поспѣютъ сдѣлать, и тогда будетъ домъ по формѣ. Мѣсто дому я утвердилъ по другую сторону деревни, тамъ, гдѣ вы указали, когда были въ Слободкѣ, противъ самой дубравы, и, признаюсь, мнѣ весело его будетъ ставить, съ мыслію, что теперь и вамъ и брату можно будетъ пріѣхать ко мнѣ пожить. Хотя такой домъ въ Слободкѣ, собственно говоря, роскошь; потому что я никогда не предполагалъ жить въ здѣшней сторонѣ долго (признаюсь, что я ея не люблю), но я позволилъ себѣ эту роскошь именно потому, что это вещь прочная, слѣдовательно можетъ пригодиться и сверхъ расчёта; а кромѣ того трата мнѣ не будетъ чувствительна, потому что вознаградится другими продажами. Когда пріѣдете въ Слободку, вы мнѣ украсите окрестности дома деревьями и цвѣтами.

Вотъ главные пункты моихъ здѣшнихъ хозяйственныхъ дѣйствій, другихъ же никакихъ и не было, потому что и некогда было ничего другого дѣлать, даже читать. Людей видѣлъ все это время очень мало. Въ Бунинѣ былъ только одинъ разъ, объ которомъ вѣрно кузины и писали къ вамъ; тамъ все также, какъ было: бабушка и Мойеръ такіе же ласковые, кузины все также умны и милы. Изъ сосѣдей познакомился только съ тѣми, съ кѣмъ свела необходимость размежеванія, т. е. подлѣ Слободки съ Опухтиными, людьми довольно скучными (состоящими изъ мужа, молодого кирасирскаго офицера въ отставкѣ, и жены, богатой старушки); подлѣ Рубчи съ Василевскими, съ тѣми самыми, съ которыми былъ у меня процессъ. Они состоятъ изъ 80-лѣтняго старика, крючкодѣя, впрочемъ очень умнаго, двухъ сыновей, отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, такихъ, какъ они обыкновенно бываютъ, а впрочемъ, какъ кажется, добрыхъ малыхъ, и жены меньшаго сына, родной жены того Павлищева, что̀ женатъ на Пушкиной. Она показалась мнѣ дамой очень хорошаго общества. Всего чаще, съ тѣхъ поръ какъ въ Рубчѣ, видаюсь съ Болотовымъ, который посылаетъ вамъ свой усердный поклонъ. Я былъ у него уже 4 раза и всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ вижу этого почтеннаго старика въ его тихомъ кругу. Новаго объ немъ сказать нечего, кромѣ того, что я узналъ (къ своему утѣшенію), что онъ совсѣмъ не хозяинъ.

Кирѣевская Слободка, 12 Мая 1840.

Надѣюсь, милая маменька, что на васъ не нашло безпокойство, отъ того, что письма отъ меня пришли не такъ скоро какъ мы предполагали и что вамъ въ Люблино сообщили извѣстія обо мнѣ отъ Ивана,

который писалъ на другой день послѣ моего пріѣзда въ Долбино, когда я былъ въ Петрищевѣ. Мое путешествіе продолжалось долѣе нежели я предполагалъ, и до сихъ поръ мнѣ почти не было возможности писать къ вамъ. Я ѣхалъ долѣе нежели предполагалъ, потому, что въ Калугѣ провелъ цѣлый день отъ пришедшей мнѣ въ голову глупости: я вспомнилъ, что тамъ можно достать за дешевую цѣну пистолетную цѣль съ выскакивающимъ флагомъ, и вздумалось мнѣ купить эту игрушку для деревни; а такъ какъ въ ней нужно было кой-что поправить, а мастеръ поправлялъ не такъ скоро, какъ обѣщалъ, то я протянулся за этимъ цѣлый день. Въ Козельскѣ заѣзжалъ къ Воейкову, но не засталъ его дома; мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ Бѣлевъ; такимъ образомъ и долженъ я былъ отправить на почту Таньку черезъ станціоннаго смотрителя; теперь она ужъ вѣрно дошла до мѣста своего назначенія; письмо я послалъ ваше. Въ Долбино я пріѣхалъ уже въ Воскресенье (5-е) часовъ въ 5 послѣ обѣда, и меня встрѣтили тамъ съ извѣстіемъ, что Иванъ только часа два тому назадъ уѣхалъ въ Петрищево. На другой день рано поутру (т. е. въ Понедѣльникъ) я отправился туда, надѣясь застать брата еще тамъ, однако частью отъ мерзкой дороги, частью отъ неисправныхъ лошадей ѣхалъ долѣе обыкновеннаго, а когда пріѣхалъ, мнѣ опять сказали, что, дескать, Ив. Вас. и Ал. Анд. только что уѣхали: Ив. Вас. въ Долбино на Бѣлевъ, а Ал. Андр. на охоту и скоро воротится. Воейковъ также уѣхалъ. Такимъ образомъ я и рѣшился остаться этотъ день въ Петрищевѣ у Ал. Анд. (который черезъ 2 часа воротился), а на другой день пораньше ѣхать опять въ Долбино, потому что мнѣ не хотѣлось продолжать путь не повидавши брата. Ал. Ан. я нашелъ, слава Богу, здороваго и веселаго. Онъ отдѣлалъ Петрищевскій домикъ внутри и снаружи очень элегантно, точно какъ картонную игрушечку и сдѣлалъ изъ него, кажется, все, что̀ можно было сдѣлать, даже больше, чѣмъ бы можно было ожидать, потому что даже снаружи домишка вышелъ красивъ. На другой день поутру опять я пріѣхалъ въ Долбино (во Вторникъ, 7-е) и нашелъ Ивана въ передней бесѣдующаго съ мужиками; онъ, слава Богу, довольно здоровъ и бодръ, и путешествіе вмѣсто того, чтобы утомить его, даже сдѣлало ему пользу. Худо только то, что хлѣба во всей околодкѣ были худы, а у него особенно, почти что были безнадежны отъ долгой засухи. Послѣ того, какъ я видѣлъ ихъ, шли довольно обильные дожди и авось либо они хоть нѣсколько поправились. Иначе ему бѣдному будетъ очень тяжело. Богъ милостивъ. Вторникъ и Среду я пробылъ у него въ Долбинѣ, а въ Четвергъ (т. е. въ Николинъ день) послѣ обѣда отправился въ Бѣлевъ, а изъ Бѣлева на почтовыхъ сюда. Такъ какъ я выѣхалъ изъ Бѣлева уже довольно поздно, а въ тарантасѣ спать не могъ, то и долженъ былъ на

нѣсколько часовъ остановиться въ Болховѣ для сна; и такимъ образомъ поспѣлъ въ Орелъ не раньше 2 часовъ пополудни въ Пятницу. Въ Понедѣльникъ (6-е) я не писалъ къ вамъ потому, что не видалъ еще Ивана и находился въ Петрищевѣ, гдѣ А. А. тоже хотѣлъ было писать, но отложилъ; въ Пятницу слишкомъ поздно пріѣхалъ въ Орелъ, а теперь слѣдовательно первая возможная почта, которою я и пользуюсь. Я пріѣхалъ сюда въ Пятницу, пообѣдавши въ Орлѣ, и вообразите мое удивленіе, когда меня встрѣтилъ на крыльцѣ Максимъ Ефимовичъ со всѣми своими привычными анекдотами и прибаутками; тотъ самый Макс. Ефим., котораго я не дальше какъ день тому назадъ видѣлъ у брата въ Долбинѣ и который гоститъ у меня еще и теперь. Его вызвалъ въ Орелъ кто-то изъ Сомовыхъ и не дождавшись уѣхалъ, не оставивши даже записочки, зачѣмъ онъ его выписывалъ. Еще не знаю, долго ли онъ у меня пробудетъ, но покуда онъ хотя и отнимаетъ отъ меня нѣсколько времени, однакоже я ему радъ, потому что я принялъ методу не церемониться, и онъ за это не въ претензіи. Не знаю, какъ будетъ дальше, а покуда моя врожденная любовь къ однообразію еще не колеблется подъ ударами его остротъ и анекдотовъ, которые меня радуютъ какъ хорошіе экземпляры допотопныхъ окаменѣлостей.

Кирѣевская Слободка, 12 Іюня 1840.

Вчера только я сюда возвратился изъ Кромъ, а сейчасъ опять ѣду въ Орелъ дохлопатывать свои межевыя дѣла. Рубченская наша полюбовная сказка уже всѣми подписана и скрѣплена Кромскимъ уѣзднымъ судомъ; остается только выхлопотать землемѣра. Всякій день кажется, что вотъ ужъ дѣло почти что кончено, дня въ два все это должно сдѣлаться, а вмѣсто того встрѣчается то тутъ какая нибудь бездѣлица, то тамъ какой нибудь пустячекъ, и время проходитъ да проходитъ, и невидимо, и скучно. Я отъ того больше и не писалъ къ вамъ такъ давно, что все мнѣ казалось: вотъ скоро развяжусь съ дѣлами; а теперь сталъ опять расчитывать вѣроятности, и выходитъ опять, что недѣли двѣ еще придется промучиться. А вы между тѣмъ не пишите, вѣроятно тоже ожидая меня со дня на день. Напишите пожалуйста поскорѣе побольше, какъ вы и что̀ у васъ; а то безъ вашихъ писемъ иногда приходится слишкомъ скучно. Два дня тому назадъ я по счастью встрѣтилъ въ Кромахъ одного изъ новыхъ университетскихъ кандидатовъ Шатохина, который порадовалъ меня своимъ разсказомъ, что онъ дня за три передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы видѣлъ нашего молодца Василеоса разгуливающаго на водахъ, и что онъ былъ здоровъ и веселъ. А то я было собирался наперекоръ дѣламъ ѣхать къ кузинамъ за новостями, хотя точно нѣкогда и почти дня не сижу на мѣстѣ.

Москва, 2 Іюня 1841.

Нашихъ здѣсь я нашелъ всѣхъ, слава Богу, здоровыхъ и, кажется, веселыхъ. Василеосъ пишетъ статью Рѣдкину, Николя славно держитъ экзаменъ и у всѣхъ получаетъ по 5. Валуевъ послѣ завтра уже будетъ кандидатомъ, Хомяковы собираются въ деревню недѣли черезъ $1^{1}/_{2}$. Поповъ уѣзжаетъ сегодня. Грановіусъ уѣхалъ вчера, и я не успѣлъ его видѣть; обнѣмеченіе его здѣсь уже не тайна, а разнеслось по всему ученому и неученому міру*). Вотъ ужъ можно сказать увышечки! Впрочемъ онъ и безъ того такъ склоненъ былъ къ нѣмчизму, что, можетъ быть, будетъ счастливъ; жаль только, что нашего полка убыло. Я никого еще не видалъ кромѣ Хомяковыхъ. Однакожъ 12-й часъ. До слѣдующаго раза. Досадно, что наши не писали къ вамъ прежде, и боюсь, что вы безпокоились, не найдя въ Карлсбадѣ писемъ. Крѣпко обнимаю васъ и все сестричество. Ради Бога берегите себя и объ насъ не безпокойтесь.

Кирѣевская Слободка, 25 Декабря 1841.

Отъ души обнимаю васъ и поздравляю съ нынѣшнимъ праздникомъ. Я не писалъ къ вамъ въ Понедѣльникъ, потому что противъ прежняго обычая теперь и въ дилижансовыхъ лошадяхъ уже начали встрѣчаться отъ времени до времени остановки: въ Мценскѣ меня продержали часа 3 и еще часа 2 въ Отрадѣ, послѣдней станціи; а оттого я, вмѣсто того, чтобы пріѣхать въ Орелъ въ Понедѣльникъ рано поутру, какъ разсчитывалъ, пріѣхалъ не раньше 2 часовъ. Впрочемъ и этого бы не было, если бъ я не провелъ въ Субботу цѣлой ночи въ Тулѣ. А мнѣ, когда я пріѣхалъ въ Тулу въ Субботу въ 12 ч. ночи, пришло въ голову остаться ночевать, чтобы поутру сходить къ обѣднѣ въ соборъ, посмотрѣть Тульскихъ людей; такъ я и сдѣлалъ. Соборъ Тульскій довольно почтененъ, но люди меня не утѣшили. Кажется, у насъ ужъ вездѣ почтенный стиль нашихъ церквей и величественныя лица древнихъ иконъ, и звуки колоколовъ, и вся эта строгая совокупность церковныхъ впечатлѣній начинаютъ приходить въ рѣзкое разногласіе съ обмелѣвшими физіономіями прихожанъ, въ которыхъ мода потрясла серьезный строй души и заставила искать впечатлѣній полегче и повеселѣе. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы обо мнѣ не безпокоились, не смотря на то, что не получали письма отъ Понедѣльника. Дорога была прекрасная до самаго Мценска и только отъ Мценска началась плоха за недостаткомъ снѣгу. Здѣсь я нашелъ сюрприз не со-

---

*) Т. Н. Грановскій женился на Елисаветѣ Богдановнѣ Мильгаузенъ, дочери извѣстнаго доктора, служившаго въ Шереметевскомъ Странноиріимномъ домѣ. П. Б.

всѣмъ пріятный: меня дожидался землемѣръ съ женой и съ помощниками въ Слободкѣ. Это бы еще меня не удивило, потому что я и ожидалъ еще найти его здѣсь, но то было ново, что онъ, разсказавши мнѣ объ окончаніи Рубченскаго межеванья, которое онъ въ самомъ дѣлѣ совершилъ превосходно, сталъ просить позволенія остаться у меня до весны, за дороговизною Орловской жизни, а я не нашелъ въ головѣ никакой благовидной причины ему отказать; и такимъ образомъ онъ остался у меня на шеѣ, и съ женою, и съ помощниками. Вотъ невыгода большого дома. Въ другое время это мнѣ было бы ничего, потому что его содержаніе обойдется недорого, и онъ хорошій малый; но именно теперь, когда бы я желалъ не видать ни одного человѣческаго лица, это совсѣмъ не кстати. Я объявилъ ему по крайней мѣрѣ, что хочу быть одинъ и что соглашаюсь оставить его только на томъ условіи, чтобы мнѣ запереться въ моей половинѣ и чтобы онъ не дивился, если даже не буду выходить съ нимъ обѣдать. Попробую, а если все это не поможетъ, то поищу другого средства остаться внѣ людскихъ физіономій [1]). До сихъ поръ еще не могъ ни за что приняться, потому что пріѣхалъ въ Слободку изъ Орла въ Понедѣльникъ въ ночь, во Вторникъ толковалъ съ землемѣромъ, въ Середу ѣздилъ къ Василью, который не можетъ выходить, и занимался хозяйственными толками, а нынче побрелъ къ обѣднѣ, гдѣ архіерей служилъ отъ 9 ч. до часу, такъ что я даже не остался слушать проповѣди Ефима Андр. [2]). Завтра поутру ѣду въ Бунино и, возвратившись оттуда, надѣюсь приняться за дѣло.

Къ Алексѣю Андреевичу Елагину.

8 Февраля 1842. С. Кирѣевская Слободка.

Увѣдомился я, милый папенька, что у васъ уже довольно съ давняго времени сдѣланы для меня образцовыя кресла, долженствующія украсить мое степное новоселье. Это такое обстоятельство, за которое я приношу вамъ мою наичувствительнѣйшую благодарность; а между тѣмъ посылаю подводу, чтобы оныя кресла, буде возможно, къ себѣ подвинуть и съ благодарностью на оныя сѣсть.

При этомъ случаѣ не могу не упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, за которое ужъ позвольте на васъ весьма посѣтовать: вы обѣщали, въ первый разъ какъ будете въ Бунинѣ, сами навѣстить мое новоселье или по крайней мѣрѣ прислать меня увѣдомить, когда вы

---

[1]) Этотъ землемѣръ и его семейство прожили въ Кирѣевской Слободкѣ до самой кончины ея владѣльца. П. Б.

[2]) Достопочтеннѣйшій протоіерей Остромысленскій, воспитавшій въ Орловской Гимназіи и въ Кадетскомъ корпусѣ цѣлое поколѣніе юношей. П. Б.

будете въ Бунинѣ, чтобы намъ тамъ встрѣтиться. А вмѣсто того, дошло до моего свѣдѣнія, что вы тамъ были недавно и не только не захотѣли меня навѣстить, но даже и не прислали сказать. Я ужъ думалъ не сердитесь ли вы за что нибудь, но не могъ придумать за что, а если такъ, то, пожалуйста, напишите, за что. Если же не сердитесь, то увѣдомьте пожалуйста, скоро ли опять предполагаете быть въ Бунинѣ и долго ли еще придется оставаться въ тюремномъ заключенiи тѣмъ несчастнымъ бутылкамъ рейнвейну и бургонскаго, которыя уже такъ давно сиротствуютъ, ожидая, что вы исполните ваше обѣщанiе. Это исполненiе очень бы меня обрадовало. Вашъ сынъ Петръ Кирѣевскiй.

Москва, 14 Iюня 1842.

Я давно ужъ собираюсь къ вамъ, но едва ли еще удастся выѣхать прежде чѣмъ недѣли черезъ двѣ али три. Пѣсни мои плыли было хорошо, а нѣсколько дней пошли медленнѣе, потому что я няньчусь съ новымъ гостемъ. Я еще, кажется, не писалъ къ вамъ, что мой домъ наполнился гостями. Верхнiй этажъ ужъ недѣли три какъ наполнился дамами, а нижнiй этажъ наполняется кавалерами. Дамами по слѣдующему случаю. У того землемѣра, что̀ жилъ у мени въ Слободкѣ, умеръ своякъ, жившiй въ Дмитровѣ и при которомъ жила его мать. Отъ этого все семейство осталось на попеченiи землемѣра, и онъ долженъ былъ нанять имъ квартиру въ Москвѣ. Узнавши объ этомъ, я просилъ его жену, которая прiѣзжала за этимъ на нѣсколько дней въ Москву, чтобы ихъ семейство покуда остановилось у меня, по образцу Грекова, впредъ до продажи дома. Такимъ образомъ и живутъ у меня наверху дамы, состоящiя изъ матери и молодой вдовицы, обѣ больныя.

Этихъ однакожъ мнѣ вовсе не слышно, и я съ ними не няньчусь, а няньчусь я съ прiѣхавшимъ сюда нѣсколько дней тому назадъ и переѣзжающимъ ко мнѣ Матѣевскимъ. Это Варшавскiй профессоръ, Славянскiй юристъ и одна изъ опоръ Славянскаго мiра; объ немъ вамъ подробнѣе разскажетъ Василеосъ. Отмѣнно жаль, что его здѣсь нѣтъ по этому случаю. Матѣев. прiѣхалъ сюда опредѣлять сына въ Университетъ въ юрид. отд. и пробудемъ еще недѣли двѣ. Только досадно, что заѣхалъ онъ сюда въ такую глухую пору, когда Москва какъ помеломъ выметена, и познакомиться ему почти что не съ кѣмъ. Это человѣкъ чрезвычайно интересный, и мнѣ особенно жаль, что нѣтъ тутъ Василеоса.

Вчера мы обѣдали у Шевырева, гдѣ между прочимъ обнаружился Мельгуновъ. Онъ три дня тому назадъ возвратился здоровый и румяный и вамъ усердно кланяется. Также вамъ поручилъ кланяться Арфиль *), котораго я встрѣтилъ вчера же на Тверскомъ бульварѣ.

*) Т. е. профессоръ Александръ Осиповичъ Армфельдъ. П. Б.

Сейчасъ жду къ себѣ Матѣевскаго, который нынче будетъ созерцать мои пѣсни и у меня обѣдать; а дня черезъ три и совсѣмъ ко мнѣ переѣдетъ.

Стурдзу *) для Маши искалъ по всей Москвѣ, но увы! Нигдѣ нѣтъ; а говорятъ, что скоро выйдетъ новое изданіе съ большими прибавленіями.

Домъ мой безпрестанно смотрятъ, и надѣюсь продать скоро.

Къ Алексѣю Андреевичу Елагину.

26 Сентября, 1842. Кирѣевская Слободка.

Очень очень благодаренъ вамъ, милый папенька, за ваше письмо. Я хотѣлъ было отвѣчать на первой же почтѣ; однако въ Пятницу, за множествомъ хлопотъ, не пришлось послать въ городъ, а потому и пришлось отложить до слѣдующаго дня. Хотя и нынче нѣтъ почты, а пойдетъ она завтра, однако ужъ лучше пишу ныньче, потому что опять отправляюсь въ Рубчу и возвращусь не прежде, какъ завтра къ вечеру.. По случаю разбивки дачъ на десятины и происходящей у меня вмѣстѣ съ тѣмъ метемпсикозы, т.-е. переселеній душъ изъ Слободки въ Рубчу, нынѣшній мой пріѣздъ былъ изо всѣхъ самый хлопотливый; я здѣсь засидѣлся долѣе чѣмъ предполагалъ, даже не успѣлъ еще ни разу быть въ Бунинѣ. Очень мнѣ жаль, что и въ этотъ разъ видно оставаться ожидающему насъ рейнвейну нераскупореннымъ; даже не могу на васъ пенять, потому что предполагаю, что и у васъ, особенно по случаю Коптевскаго несчастія, было хлопотъ немало. Надѣюсь впрочемъ, что вы не оставите его достаивать до столѣтней старости и хоть на будущее лѣто освободите изъ тюремнаго заключенія. Очень бы мнѣ хотѣлось показать вамъ свое новоселье, въ которомъ я даже въ нѣкоторыхъ, очень важныхъ пунктахъ могу передъ вами похвастать. Къ исцѣленію вашей лошади мы прилагали всевозможныя старанія, выписывали лучшаго медика, холили ее сколько было въ нашихъ силахъ, но увы! всё оказалось тщетнымъ, и она отправилась на клеверъ въ Елисеевы поля, къ тѣнямъ Трофониуса, Герзистекса и другихъ героевъ своего племени. Ваши кучера поступили съ нею безчеловѣчно, и теперь мнѣ ничего не остается, какъ привезти вамъ ея земную верхнюю оболочку, которая можетъ быть хотя и не живымъ очевиднымъ свидѣтельствомъ, что она не обошлась безъ пособій медицины.—Очень вами благодаренъ за предупрежденіе о мистификаціи, противъ которой постараюсь быть на сторожѣ; хотя впрочемъ Валуевъ, давно уже писалъ мнѣ объ этомъ въ такомъ видѣ, что это можетъ быть и не мистификація, а именно Уваровъ оставался вовсе въ сторонѣ, а дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

*) Т. е. книгу А. С. Стурдзы о священническомъ санѣ. П. Б.

что Комовскій дескать былъ въ Берлинѣ и разсказывалъ Гриму объ моемъ собраніи, а Гримъ при этомъ случаѣ высказалъ ему свое сожалѣніе, что такое драгоцѣнное собраніе еще не издано. Вотъ и всё; изъ этого, кажется, уже само собой выросло на жирной почвѣ Московскихъ слуховъ нѣчто великолѣпное. Впрочемъ я во всякомъ случаѣ, если дѣло приметъ мистификаціонной оборотъ, постараюсь быть остороженъ. Скоро я надѣюсь видѣть васъ самолично, хоть на весьма короткое время, потому что мнѣ нельзя будетъ оставаться у васъ долго, чтобы не опоздать къ проводамъ Василеоса *). Я предполагаю ѣхать такимъ образомъ: нынче поѣду въ Рубчу, завтра возвращусь, во Вторникъ отправлюсь въ Бунино, въ Середу возвращусь; а въ Четвергъ или въ Пятницу отправлюсь въ путь къ Бѣлокаменной и слѣдовательно у васъ буду въ самомъ скоромъ времени. Вашъ сынъ Петръ Кирѣевскій.

Къ брату Василію Алексѣевичу Елагину.

22 Октября 1842. Четвергъ.

Обнимаю тебя, друже Василеосъ, и да здравствуешь въ Берлинѣ! На этотъ разъ объемъ моего письма сократилъ Савиничъ, который явился рано поутру и сейчасъ ушелъ, когда ужъ пора отправлять. Изъ этого ты видишь, что и въ Дмитровѣ уже проложена дорога; а не сказаться дома такому человѣку какъ Сав. невозможно. Мои пѣсни нашли за то новаго мецената и покровителя въ видѣ чирья, который съ самаго Воскресенья присадилъ меня на Волтеровскія кресла и вліяніе котораго очень полезно для хода пѣсень. Вотъ тебѣ покуда самое существенное изъ моего бытья съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ. Спасибо тебѣ за Кирпу. Смотри же будь веселъ и пиши побольше. Отъ Стаховича нѣтъ съ самаго твоего отъѣзда ни слуху, ни духу. Твой братъ Петръ К.

Приписки: 1) Елисаветы Ивановны Поповой.

Любезный путешественникъ! Какъ жаль, что нечего вамъ на чужбину написать интереснаго. Въ первое время разлуки ничѣмъ не бываетъ душа занята, кромѣ сожалѣнія о томъ, что разлука существуетъ. На что ее выдумали? Въ патріархальныя времена было лучше: тогда путешествовали всѣмъ семействомъ. Да хранитъ васъ Богъ въ этомъ Египтѣ, куда вы стремитесь! Е. Попова.

2) А. А. Елагина.

Любезный путешественникъ. Ты будешь къ намъ писать о Германскихъ профессорахъ, а я къ тебѣ объ Московскихъ. Среди ученаго центра, гдѣ всякое слово раздается на цѣлую Европу, до тебя будутъ

---

*) В. А. Елагинъ уѣзжалъ тогда въ чужіе края (вмѣстѣ съ А. Н. Поповымъ). П. Б.

доходитъ отголоски Московской ученистики, и я теперь хочу быть посредникомъ между тобою и Московскимъ Университетомъ. Кланяйся Попову. Прощайте. Да хранятъ васъ Славянскіе боги! А. Елагинъ.

1-го Іюля, 1843. Кирѣевская Слободка.

Нынче наконецъ часу во второмъ пополудни я доѣхалъ сюда, милая маменька, и спѣшу воспользоваться задержаніемъ почты. Я ѣхалъ такъ необычайно долго, какъ мнѣ никогда еще не случалось ѣхать, не только по почтѣ, но даже и на долгихъ, такъ, что мнѣ едва ли скоро опять придетъ охота брать почтовыхъ. Вообразите, что до Калуги только одна и была станція, на которой мнѣ дали лошадей черезъ часъ, а на остальныхъ долженъ былъ ждать на каждой отъ 10 до 18 часовъ. Дорогой я познакомился между прочимъ съ какими-то Калужскими дамами, Булыгиными, которыя ѣхали еще несчастнѣе меня, которыхъ я находилъ и отъ которыхъ уѣзжалъ на каждой стенціи. Однакожъ онѣ мнѣ не были въ большое услажденіе отъ дорожнаго гнѣва. Съ Калуги взялъ вольныхъ и поѣхалъ уже очень хорошо; но и тутъ было нѣсколько задержекъ осью, которая у меня перегорѣла подъ Лихвиномъ.

Письмо ваше мнѣ доставилъ въ Долбинѣ А. П. Коленіусъ, который, отправляясь изъ Бѣлева, имѣлъ любезность зайти на почту. Я вамъ отмѣнно за него благодаренъ.

Я посылаю при семъ ключи отъ своихъ шкаповъ; а намѣреніе мое такое: попросите пожалуйста Мяколушку, чтобы онъ съ помощью этихъ ключей и не нарушая мѣстоположенія прочихъ книгъ, досталъ оттуда нѣсколько весьма примѣтныхъ по своей огромности: 2 тома Старой Кормчей, Новую Кормчую, въ бумажкѣ, 2 тома Беверегія, также фоліанты. Наружность всѣхъ этихъ книгъ ему извѣстна, а меня объ нихъ очень просилъ Иванъ, которому онѣ необходимы. Посылать огромныхъ 5 фоліантовъ по почтѣ въ Долбино было бы неудобно, а потому да обратится онъ къ Наташѣ съ просьбою доставить ихъ своему благовѣрному. А когда онъ достанетъ книги, то попросите его прислать ключи опять мнѣ сюда по почтѣ, потому что они мнѣ будутъ нужны.

9 Августа 1843. Кирѣевская Слободка.

Жалко мнѣ, что не состоялась у васъ ни дача, ни Ростовъ, а это вамъ сдѣлало бы много пользы. Авось либо удастся пріискать хоть домъ посуше; если удастся воротиться скоро, то я вамъ надѣюсь помочь въ поискахъ. Очень вамъ благодаренъ за хлопоты объ моемъ домѣ и если нужна будетъ кухня, то она у меня здѣсь, и я ее либо вышлю, либо самъ привезу, только пожалуйста не отдавайте меньше 20 т.; я увѣренъ, что эти деньги дадутъ, тотому что передъ отъѣздомъ было человѣка три, которые давали съ перваго слова 18. Что касается до мебели,

то она почти вся не моя, а братнина. Да чтожъ вы не написали объ Рихтерахъ? Остаются ли они у васъ или уѣзжаютъ?

Не имѣете ли какихъ либо слуховъ объ Уваровѣ и объ моихъ пѣсняхъ. Очень боюсь, чтобы онѣ какъ нибудь не пошли по рукамъ, если Уваровъ долго не возвратится, а Нѣмцы его того и гляди что одолѣютъ.

У Мойера я встрѣтилъ Вендриха, котораго хотѣлъ было увести къ себѣ, да онъ уперся, обѣщая скоро пріѣхать вмѣстѣ съ Ал. Ан.

Фортопьяны мои очень удались и дошли какъ нельзя лучше.

10 Сентября 1843. Кирѣев. Слоб.

Вотъ ужъ я совсѣмъ почти на чеку, милая маменька, чтобы ѣхать къ вамъ и авось либо на дняхъ подымусь; теперь меня держитъ только еще это глупое Опухтинское дѣло, объ которомъ я ужъ давно вамъ разсказывалъ и которое до сихъ поръ не только еще не кончено, но пришлось даже ѣхать къ губернатору, чтобы разсказать ему все въ подробности, потому что, говорятъ, губернаторъ покупаетъ у Опухт. это имѣніе, а Опухт. кажется, просто рѣшился дѣйствовать по цыганской системѣ. Я уже два раза у губернатора былъ, но не заставалъ его дома, а послѣ того цѣлую недѣлю, т. е. до нынѣшняго дня, чирій, которому вздумалось сѣсть на щекѣ, не пускалъ меня изъ дому. Теперь, слава Богу, прошелъ, и завтра собираюсь совершить этотъ торжественный походъ, отъ котораго впрочемъ мало надѣюсь, зная разсудительность губернатора; все также надобно попробовать.

Авось либо скоро теперь удастся обнять васъ! И какъ бы желалъ, чтобъ это было уже въ новомъ, тепломъ покойномъ и близкомъ отъ Языкушки домѣ. Если Дашковы станутъ тѣснить васъ срокомъ, то нельзя ли вамъ будетъ хоть потѣсниться нѣсколько дней въ моемъ домѣ, покуда пріищите? А Дашковская сырость много вамъ можетъ быть очень вредна.

Вы уже знаете изъ писемъ отъ нашихъ, что они всѣ были у меня здѣзь и восхваляли мое хозяйство. Ожидали ли вы отъ меня такой прыти? Правда, что это больше прыть Васильева; но все таки жь заслуживаетъ большое удивленіе и моя премудрость; потому что избрать и поддержать хорошаго министра или полководца одно изъ важнѣйшихъ качествъ великаго владыки. Не такъ ли?

19 Іюля 1843. Кирѣев. Слоб.

У меня тутъ, слава Богу, все идетъ своимъ порядкомъ; Василій ссорится съ Полосовной, мужики убираютъ сѣно и хлѣбъ, и я толкусь тамъ и сямъ. Въ Рубчѣ оказалось больше хлопотъ, чѣмъ я предпола-

галъ. Я было думалъ начать тамъ глиняную постройку, а вмѣсто того пришлось заниматься сажаніемъ Рубчи на пашню. Переведя туда 16 тяглъ изъ Слободки, я оставилъ мужикамъ по 6 сороковыхъ десятинъ на тягло, т. е. такое количество, какого почти ни у кого нѣтъ здѣсь въ околодкѣ; и думалъ, что они будутъ очень довольны, оставаясь на прежнемъ оброкѣ, а вмѣсто того весь міръ пришелъ ко мнѣ проситься на пашню: земли, дескать, мало осталось. Я сдѣлалъ по мірскому и навѣрное отъ этого я въ накладѣ не буду, за то хлопотъ много, и цѣлый годъ будетъ мало денегъ. Впрочемъ съ будущей осени все придетъ въ порядокъ и, можетъ быть, самимъ крестьянамъ будетъ лучше, потому что тамъ народъ очень избалованный и по словамъ тамошнихъ же стариковъ не умѣлъ пользоваться землею.

Два раза я былъ у Павла Анд. Болотова, который всякій разъ поручаетъ переслать вамъ усердный поклонъ. У него теперь собралась огромная семья; съѣхались оба сына со всѣми семьями. Старшій изъ нихъ, свитскій полковникъ, показался мнѣ человѣкомъ очень замѣчательнымъ; онъ вмѣстѣ и отличный математикъ и отличный музыкантъ; въ 37 лѣтъ какъ лунь сѣдой и пылкій какъ юноша.

Кир. Слоб. 13 Іюня 1845.

Я все еще покуда здѣсь, а въ Рубчу поѣду, я думаю, завтра. Здѣсь я такъ долго пробылъ оттого, что хотѣлось при себѣ убрать клеверъ, котораго у меня вышло на 10 десятинахъ 60 копенъ. Хлѣба здѣсь, слава Богу, хороши, и садовникъ дѣйствуетъ какъ нельзя лучше: по обѣимъ сторонамъ дома я нашелъ уже готовые цвѣтники, наполненные цвѣтами, большой садъ уже разбитъ, и въ немъ уже растутъ 370 яблонь, тѣнистыхъ деревьевъ уже много прибавилось, и наконецъ я вчера уже ѣлъ свою собственную дыню. Тополя ваши я посадилъ группами около балкона, а елки по правую сторону дома, по направленію къ деревнѣ, также не рядами, а рощею. Авось, Богъ дастъ, примутся, хоть садовникъ и пугаетъ, что теперь, дескать, сажать не время, а надобно осенью. Благодарю обоихъ братьевъ и всѣхъ трехъ сестеръ за ихъ труды на украшеніе Слободки. Надобно же, чтобы вы всѣ пріѣхали посмотрѣть на ея усовершенствованія и погулять по дубровамъ.

8-е у меня былъ бар. Алексѣй Иван. Черкасовъ, который провелъ у меня почти весь день и котораго мнѣ весело очень было видѣть. Когда онъ взошелъ, я его тотчасъ узналъ, несмотря на то, что онъ очень потолстѣлъ и что даже его физіономія почти совсѣмъ перемѣнилась. Онъ очень уменъ и любезенъ, и весело видѣть, что несчастіе не задавило въ немъ бодрости, а, напротивъ, развеселило, какъ человѣка, укрѣпившаго свои силы въ борьбѣ. Я знаю, что это бываетъ очень

рѣдко. 10 я было поѣхалъ къ нему въ Орелъ, но онъ уже за 4 часа прежде моего прiѣзда уѣхалъ въ деревню.

Къ сестрѣ Марьѣ Васильевнѣ Кирѣевской.

Кирѣевская Слободка. 17 Сентября 1845. Понедѣльникъ.

Хамъ, хамъ! милая Маша. Авось либо это письмо васъ еще застанетъ въ Москвѣ; а если застанетъ, то я еще воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы дать тебѣ еще нѣсколько порученiй. Во-первыхъ попроси Валуева, чтобы онъ меня увѣдомилъ, когда именно будетъ проѣзжать черезъ Орелъ, чтобы мнѣ его видѣть. Я еще въ Пятницу буду писать къ нему самому, наудачу; но боюсь, что мое письмо уже не найдетъ его въ Москвѣ.

Потомъ еще прошу вотъ о чемъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я захлопотался и забылъ подписаться (у Строгонова въ канцелярiи) на Славянскiй Словарь Франта, на который и ты меня просила подписать и тебя. Такъ попроси пожалуйста Попова или Панова, чтобы меня подписать. Да еще: купи мнѣ въ Англiйскомъ магазинѣ у Брадлея пару бритвъ, руб. въ 15 асс., чѣмъ меня весьма обяжешь. И наконецъ, скажи Михайлѣ, чтобы онъ меня увѣдомилъ поаккуратнѣе, на чемъ же стоитъ дѣло о покупкѣ Карцева, потому что я ничего не знаю. Вотъ сколько комиссiй, исполненiемъ коихъ меня весьма обяжешь.

У насъ, слава Богу, все довольно хорошо. Я только вчера возвратился сюда изъ Долбина и Петрищева, и завтра жду къ себѣ тетеньку которая обѣщала заѣхать ко мнѣ по дорогѣ; можетъ быть и съ Бунинскими. Смотри же, береги маменьку и сама будь здорова. Крѣпко васъ обнимаю.

28 Iюня 1846. Москва.

Здравствуйте! Я было не собирался къ вамъ нынче писать, а хотѣлъ на слѣдующей почтѣ, но вчера узналъ одну вѣсть, которую вамъ весело сообщить. Нашъ Гаврило Степанычъ [1]), слава Богу, живъ, въ здравомъ умѣ и живетъ [2]) спокойно въ домѣ людей, которые кажется его любятъ. Слава Богу. Хоть и тяжко будетъ его истрадавшейся душѣ узнать еще объ новой потери. При свиданiи разскажу вамъ подробнѣе все, что удалось объ немъ слышать, хотя это и очень не много. Крѣпко васъ всѣхъ обнимаю. Будьте здравы и ради Бога берегите себя. Вашъ сынъ Петръ К.

Я было совсѣмъ собрался, чтобы выѣхать къ вамъ во Вторникъ, т. е. завтра, потому что мнѣ ужъ очень здѣсь наскучило, и хочется къ

---

[1]) Декабристъ Батенковъ, однополчанинъ и другъ Алексѣя Андреевича Елагина. П. Б.

[2]) Т. е. еще въ Томскѣ. П. Б.

вамъ, а вмѣсто того судьба опять не пустила: вчера я продалъ домъ [1]), и на этотъ разъ ужъ крѣпко кажется, потому что получилъ и задатокъ. Теперь совершеніе купчей и перевозка опять меня задержитъ недѣли на двѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ все-таки жъ хочется, чтобы у меня здѣсь постоянно была маленькая квартира, съ которой бы мнѣ не переселяться и которую постараюсь найти поближе къ вамъ. По крайней мѣрѣ теперь хоть и будетъ мнѣ много хлопотъ, за то хоть съ пользой, а не по пустякамъ. Купилъ домъ какой-то Петръ Исакіевичъ Татлинъ, человѣкъ, какъ кажется, добрый и почтенный и не Нѣмецъ; а вѣдь я хоть и очень дешево, т.-е. 17,500 рубл., но все-таки жъ 300 р. больше, чѣмъ уступалъ Пасѣкѣ, и по моимъ расчетамъ довольно выгодно. Сейчасъ отправляюсь въ Гражданскую Палату, чтобы заваривать купченную кашу.

Москва, 7 Іюня 1848.

Къ сегодняшнему дню мнѣ было обѣщали кончить мое печатаніе; но увы! дѣло опять протягивается на цѣлую недѣлю, и теперь обѣщаютъ кончить къ Суботѣ, т.-е. какъ разъ къ Васиному рожденью, которое я было надѣялся праздновать вмѣстѣ со всѣми вами. Что же дѣлать? Теперь уже всё не только придется сидѣть, сколько сидѣлъ. Что до меня касается, то обо мнѣ не безпокойтесь, потому что я, слава Богу, здоровъ; и глаза мои, хотя и не совсѣмъ еще прошли, но теперь уже несравненно лучше, такъ что я ихъ почти не замѣчаю. Очень меня огорчила вѣсть о нашемъ добромъ Воейковѣ! Я его искренне любилъ и люблю, и мало такихъ прекрасныхъ, младенческихъ душъ. Освѣжительна была встрѣча съ нимъ и по его внутренней красотѣ, и по свѣтлымъ воспоминаніямъ молодости, которыя она воскрешала. Вотъ какъ можно прожить жизнь, не удосужившись видѣться и съ тѣми, кого любишь!

Съ нетерпѣніемъ жду окончанія корректуры, чтобы пуститься къ вамъ; а теперь покуда хотя и предполагаю васъ въ Бунинѣ, но пишу все-таки въ Петрищево, потому что вамъ вѣроятно скорѣе перешлютъ письмо изъ Петрищева. Въ Пятницу проводилъ я Хомяковыхъ, уѣхавшихъ въ Смолен. дер., а на дняхъ уѣзжаютъ также Акс. и Бестуж.; послѣдніе къ Хомяковымъ въ Богучарово.

19 Ноября 1848. Кир. Слободка.

Бодянскаго [2]) мнѣ жаль вдвойнѣ; мнѣ жаль въ немъ и его, и себя, потому что это разрушило почти всѣ мои надежды на полезную дѣя-

[1]) Домъ этотъ былъ на Остоженкѣ. П. Б.

[2]) О. М. Бодянскій, вслѣдствіе ссоры графа Строганова съ графомъ Уваровымъ, долженъ былъ прекратить изданіе Чтеній Общества Исторіи, гдѣ (въ 9 кн. 1848) П. В. Кирѣевскій напечаталъ духовные стихи, имъ собранные. Это было цѣлымъ событіемъ, которое съ наступившею строгостью цензуры угнетающе подѣйствовало на собирателя народныхъ пѣсень. П. Б.

тельность, и можетъ быть надолго, если не навсегда. Но покуда не унываю и буду прилежно работать, какъ будто все есть какъ было. Провидѣнію виднѣе что̀ нужно.

13 Февраля 1849.

Я собирался было нынче на свиданіе съ барономъ Черкасовымъ. Одинъ разъ я его ужъ тамъ видѣлъ, и онъ мнѣ между прочимъ разсказывалъ повѣсть весьма важную, а именно: на дняхъ возвратился въ Петербургъ Скарят., который имѣлъ съ высочайшимъ слѣдующій разговоръ:

Выс. Давно ли ты получалъ письма отъ брата Гр.

Ск. Уже давно...

Выс. Я могу тебѣ сообщить объ немъ самыя свѣжія новости: они теперь взошли въ Трансильванію.

Стало быть, война кажется несомнѣнною; но въ чемъ дѣло и кого мы пошли давить, еще никто не знаетъ.

Возвращаю Василеосу Елачича, который очень хорошъ и немного напоминаетъ Гоголя. Очень радъ буду ему отправить его, если дальнѣйшія дѣйствія возбудятъ къ тому желаніе.

14 Марта 1849. Москва. Понедѣльникъ.

Никола вамъ пишетъ вѣрно подробно обо всѣхъ здѣшнихъ происходимостяхъ, а потому скажу только, что мы всѣ слава Богу здоровы. Послѣднюю недѣлю мы особенно были заняты болѣзнью и смертью бѣднаго Киреева, котораго мы схоронили въ Пятницу. Онъ страдалъ ужасно, но кончина его была полна вѣры, мужественна и прекрасна. Утѣшительно было видѣть, что въ послѣдніе дни ходили за нимъ все его старые пріятели, т. е. мы, Кошелева, Павловъ, Хомяковъ. И это его радовало. Очень его жаль. Его жизнь была несчастлива, и слишкомъ пылкій характеръ вовлекалъ его во многія ошибки; но его душа была благородна, прекрасна и полна любви.

Деньги къ Остряковой я отослалъ немедленно по полученіи вашего письма и посылаю вамъ ея росписку. Онѣ пришли очень кстати, потому что она въ крайней нуждѣ; а въ это именно время она хотѣла говѣть, и говѣть ей было не на что.

Что касается до моихъ пѣсень, то я хотя и былъ у Бодянскаго, но до сихъ поръ еще не могъ узнать ничего положительнаго. По крайней мѣрѣ онъ обѣщалъ выручить напечатанныя.

Къ невѣсткѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Елагиной.

27 Іюня 1849.

Хамъ! хамъ! хамъ!

Спасибо тебѣ, милая сестра Катя, за грамотку и за Петрищевскія вѣсти. Я очень радъ, что у маменьки именно теперь гости и что у нихъ

Петерсоны, которые ее все-таки будутъ нѣсколько развлекать; а еще пуще того радъ, что она собирается къ вамъ, куда и мнѣ удобнѣе будетъ собраться, и очень желаю, чтобы это произошло скорѣе. Покуда посылаю денежное письмо отъ Марьи Алекс., полученное съ почты. У насъ покуда не происходитъ ничего особеннаго, кромѣ того, что я познакомился съ Тиньковыми и что я этому знакомству очень радъ, потому что они мнѣ весьма понравились. 24 онъ пріѣхалъ ко мнѣ и провелъ весь вечеръ, а вчера я былъ у него; и тоже возвратился въ ½ 1-го ночи. Это человѣкъ очень умный, и что̀ всего рѣже, полный души, несмотря на свои генеральскіе эполеты, надъ которыми онъ и самъ служитъ. А вербовать его въ Славянофилы оказалось вовсе ненужнымъ, потому что онъ и безъ того оказался истымъ Славянофиломъ, который разливается тѣмъ же самымъ Іереміинымъ плачемъ, которымъ и мы грѣшные. Къ нему я очень охотно буду ѣздить, а теперь еще тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь одинъ, а все его семейство въ деревнѣ.

Полонизмъ твой меня чрезвычайно радуетъ, а переписать нѣкоторыя мѣста, мысль очень хорошая; только, главное, старайся овладѣть выговоромъ во всей тонкости и не забывай различіе двухъ э. Авосьлибо удастся скоро опять у васъ побывать, чтобы почитать еще вмѣстѣ. Такая литература въ самомъ дѣлѣ стоитъ того, чтобы ею питаться.

Брату Николаю Алексѣевичу Елагину въ Кіевъ.

1 Авг. 1849. Кирѣев. Сл.

Хамъ! хамъ! хамъ!

Чтобы видѣть нѣсколько людей, я бы тебѣ посовѣтывалъ, во-первыхъ, выписать Максимовича, адресуя въ Каневъ, для доставленія въ Прохоровку, а между тѣмъ отправиться прямо къ кому нибудь изъ профессоровъ, напр. къ Костырю. Люди необходимы, потому что языкъ не только до Кіева доведетъ, но и въ Кіевѣ водитъ.

За Крыжаковъ тебѣ большое спасибо: это тѣ самыя. А на прочія книжки я польстился бы на многія, но большая часть изъ тѣхъ, которыя мало соблазняютъ—до̀роги, какъ напр. Полныя сочиненіи Чацкаго, которыя стоятъ 10 цѣлковыхъ; объ этихъ буду просить въ такихъ случаяхъ, если передъ возвращеніемъ у тебя еще останется много денегъ. Заглавіе Мартышкинова перевода на нынѣшней почтѣ не успѣлъ пріискать, а на слѣдующей.

Прощай же покуда; будь здоровъ и да будетъ тебѣ Кіевъ слаще своего варенья! Передавъ мое крѣпкое рукожатіе Лаптеву. Твой братъ Петръ К.

10 Дек. 1851. Кир. Слоб.

Я пріѣхалъ еще 5-го вечеромъ и 6 поѣхалъ къ обѣднѣ, чтобы слышать претрогательную проповѣдь архіерея о томъ, какъ съ самаго на-

чала міра всякій порядокъ и всякое добро держится только самодержавной властью, какія смуты тамъ, гдѣ она ограничивается, какъ наприм. на Западѣ, и какое благоденствіе, гдѣ она неограниченна, какъ, напр. у насъ, что во всѣхъ концахъ Россіи господствуетъ неукоснительное правосудіе, что у насъ каждый человѣкъ вполнѣ огражденъ отъ всякихъ притѣсненій и вполнѣ благоденствуетъ, и пр., и пр. Это бы еще не рѣдкость; но замѣчательно то, что Т. былъ у него вечеромъ наканунѣ Николина дня, въ который онъ говорилъ эту проповѣдь, и что онъ тогда съ жаромъ говорилъ совершенно противное. Это, мнѣ кажется, фактъ очень замѣчательный; потому что ему говорить проповѣди не было собственно никакой надобности, и это было безкорыстно. Вообще такое настроеніе общества доказываетъ такой глубокій запросъ, который едвали не ниже всякаго другого.

6 Іюня 1853. Кир. Сл.

Третьяго дня, милая маменька, проѣзжалъ здѣсь посланный отъ Бунина въ городъ и привезъ вѣсть, что всѣ наши Бунинскіе совершенно здоровы и что маленькій путешественникъ *) также доѣхалъ туда какъ нельзя лучше. Съ 1-го Іюня у насъ наконецъ пришло настоящее лѣто и это будетъ ему особенно полезно. Жалко думать, что въ эти прекрасные жаркіе дни вы въ городѣ. Пуще всего дай вамъ Богъ силы не грустить и уповать на Его заботливость обо всѣхъ насъ. Вы писали, что хотите переводить Винэ, и это было бы великолѣпно, авось либо многое можно будетъ и напечатать. А въ наше время его интересное слово было бы очень кстати. Вмѣстѣ съ Софійскимъ колоколомъ авось либо зазвучитъ и Русское слово, прильпнувшее къ гортани. Эта надежда очень утѣшительна. Вчера Т. былъ такъ милъ, что нарочно пріѣхалъ сообщить добрыя вѣсти, только что полученныя, впрочемъ вы ихъ безъ сомнѣнія знаете гораздо подробнѣе. А надо признаться, что мы всѣ до того отвыкли радоваться, что даже страшно. Въ этомъ конечно есть наша вина, потому, что какъ бы ни было велико торжество зла и горя, а всеже не одно оно въ Божіемъ мірѣ. Между тѣмъ отвычка отъ радости можетъ сдѣлать душу человѣческую и не способною къ радости, какъ всякая сила можетъ заглохнуть отъ бездѣйствія. Эта мысль меня особенно поразила въ Свѣтлое Воскресенье, когда пѣли: Се день, его же сотвори Господь, а церковь все-таки полна была будничными физіономіями. Дай-то Богъ, чтобы магическій звукъ Софійскаго колокола снялъ эту кору съ нашего сердца.

1 Авг. 1853. Кир. Слоб.

Очень мнѣ васъ жалко, милая маменька. Я было все надѣялся, что съ пріѣздомъ Ж. хлопоты ваши уймутся, а вышло наоборотъ.

*) Алексѣй Васильевичъ Елагинъ. П. Б.

Соображая все, какъ дѣло оказывается, я даже, признаюсь, не понимаю, какими средствами можно *обрусить* маленькихъ Ж. Съ характеромъ и привычками Ел. едва ли можно ожидать, чтобы она захотѣла или бы имѣла силу сама обрусѣть, или хотя бы научиться по-русски, какъ Стаховичева; а покуда дѣти будутъ находиться неразлучно съ матерью, которая по-русски не понимаетъ и ужъ по этому одному непремѣнно образуетъ около себя отдѣльную совершенно иностранную атмосферу, никакъ нельзя сообразить, какимъ образомъ дѣти будутъ сживаться съ Русью и не будутъ постоянно чувствовать своего дома островомъ среди чужой стороны. Если же, вдобавокъ, она найметъ себѣ квартиру на Полянкѣ (!!), т. е. въ 6 верстахъ отъ васъ, то я не понимаю, какъ вамъ будетъ можно даже и видаться часто; потому что это вамъ будетъ ужъ совсѣмъ не по силамъ, и она тогда останется при своемъ и безъ вашего общества. Если же такъ будетъ, то я опять таки не понимаю, зачѣмъ же вы будете мучиться и тосковать въ Москвѣ, когда она будетъ отъ васъ въ 6 верстахъ, стало быть совсѣмъ не вмѣстѣ, и не будетъ на васъ опираться. Съ нетерпѣніемъ жду, что̀ изъ этого выйдетъ, когда она найметъ квартиру. А покуда мнѣ васъ невыразимо жалко. Дай-то Богъ, чтобы это все устроилось къ вашему утѣшенію, а не къ мученію.

Къ брату Николаю Алексѣевичу.

13 Дек. 1854. Кир. Слоб.

Посылаю тебѣ вдругъ 3 спасиба: во-первыхъ за то, что ты ведешь со мною корреспонденцію; во-вторыхъ за то, что отыскалъ мнѣ драгоцѣнныя для меня письма, и въ третьихъ, наконецъ, за то, что помнишь мои книжные замыслы, которые меня очень занимаютъ, и пишешь ко мнѣ объ Византійцахъ. То-то и бѣда, какъ говоритъ Русская пословица, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ! Такъ вотъ, кажется, и сдѣлалъ бы и то, и сё, и третье, и четвертое, а Мамонъ (не Мамоновъ) говоритъ прръ!! безъ меня нельзя! Поэтому и надобно соображаться, чтобы, при всѣхъ предпріятіяхъ и успѣхахъ, было и ему оказано мое почтеніе. Вотъ почему и Византійцы, какъ они ни привлекательны, должны быть покуда причислены къ зеленому винограду. Это предпріятіе, сопряженное съ многоденежіемъ безвозвратнымъ и, слѣдовательно, доступное только богатымъ отцамъ отечества, въ родѣ Румянцева. Будутъ-ли таковые, весьма сомнительно; а что до меня касается, то разумѣется и у меня, при моихъ вѣрныхъ спекуляціяхъ, будутъ милліоны; но то бѣда, что немножко поздно пустился въ дорогу и что путевыя вьюги слишкомъ быстро заносятъ мнѣ шапку снѣгомъ. Судьба любитъ и подшутить надъ людьми: покуда есть зубы, кормитъ размазнею; а

когда ужъ нѣтъ зубовъ, являются самые великолѣпные орѣхи и всякая всячина. Однакожъ я все-таки не унываю и буду продолжать барахтаться всѣми силами, какъ бы ни было коротко мое поприще. Потребность въ обдуманномъ изданіи книгъ до такой степени вопіюща, что я непремѣнно пускаюсь на эту дорогу, во что бы то-ни стало. Но только ломать зубы объ Византійцевъ теперь было бы безразсудно; кромѣ того, что это стоило бы; необходимость въ нихъ въ эту минуту вовсе не такъ велика, какъ въ другихъ, безъ которыхъ мы ходимъ просто какъ въ туманѣ. Плана полной исторической библіотекѣ я не оставляю, потому что онъ всетаки жъ кажется мнѣ возможнымъ. Но этотъ планъ я не самъ исполнять буду, потому что онъ мнѣ не по силамъ. А я себѣ выгородилъ кругъ книгъ, съ которыми надѣюсь и самъ сладить и которыя удовлетворятъ, по крайней мѣрѣ, самой насущной современной потребности. А именно: краткія исторіи всѣхъ народовъ съ ихъ статистиками и полная ученая литература Славянскихъ народовъ; но для понятія второй необходимо нужны прежде первыя. Это теперь моя любимая мысль, о которой я тебѣ говорилъ въ Бунинѣ, а ты мнѣ помоги приступить къ ея исполненію, т. е. уговори Петра Ивановича взяться за необходимаго для меня Кольраума, который лежитъ у тебя на столѣ. Этимъ ты меня очень одолжишь. Но только уговори такъ, чтобы онъ безъ церемоній сказалъ, какія условія были бы ему не стѣснительны, занявшись этимъ трудомъ исключительно. Съ моей стороны были бы слѣдующія условія: чтобы рукопись перевода, набѣло переписанная, принадлежала мнѣ въ полную собственность, покуда я движусь на свѣтѣ; чтобы отъ меня зависѣла орѳографія собственныхъ именъ, поправка техническихъ выраженій, какъ напр. Landsknecht, и проч., исключеніе такихъ мѣстъ, противъ которыхъ заартачилась бы цензура, и, наконецъ, чтобы мнѣ платить условную сумму по третямъ, по окончаніи каждой трети книги, и чѣмъ скорѣе переведетъ, тѣмъ лучше. Если онъ согласенъ переводить на тѣхъ же условіяхъ, какъ переводилъ Кастрена, разочтя страницы по буквамъ, то этому я былъ бы очень радъ. Пожалуйста, брате! узнай ты мнѣ и напиши его откровенный отвѣтъ, чтобы мнѣ, сообразно съ тѣмъ, и начать изловчаться.

Вы уже читали манифестъ объ наборѣ. Мнѣ онъ еще вдвое тяжелѣе тѣмъ, что много плановъ путаетъ. Я надѣялся новый годъ быть съ вами, а числа набора назначены такъ неловко, что теперь не знаю, какъ быть: потому что если вернуться къ набору, придется прибыть съ вами слишкомъ мало, а если ѣхать послѣ набора, то продется весновать, между тѣмъ какъ весною мнѣ будетъ необходимо быть здѣсь. До сихъ поръ еще ни на чемъ не остановился; можетъ помочь только то, что можетъ быть скоро откроютъ предварительное присутствіе.

ЗАМѢТКИ О ГРИБОѢДОВѢ.

I.

Представленіе двухъ актовъ „Горя отъ ума" въ 1831 году.

Извѣстно, съ какимъ трудомъ проникала на сцену и въ печать безсмертная комедія Грибоѣдова. Очень недавно еще, чуть ли не на нашей памяти, былъ разрѣшенъ полный текстъ ея для сценической постановки. Популярность ея, общее увлеченіе ею заставляли дѣлать все новыя и новыя попытки пробиться сквозь дебри тогдашней театральной цензуры. Свѣдѣнія объ одной изъ нихъ, кажется, не были отмѣчены еще въ біографіи Грибоѣдова.

Въ 1831 г. Московское общество торжественно праздновало „Карнавалъ" („Дѣтскій Журналъ", 1831, XI, 172—173). Подробно описывая его, князь Шаликовъ говоритъ и о постановкѣ „Горя отъ ума".

„Во Вторникъ Благородное Собраніе открылось вечернимъ маскарадомъ, блестящимъ, какъ радуга послѣ ненастья. Въ Среду дневнымъ спектаклемъ былъ бенефисъ г-жи Сабуровой. Дана въ первый разъ „Людмила", драма въ трехъ отдѣленіяхъ, составленная изъ баллады, и по необыкновенной занимательности своей, вмѣстѣ съ прелестными стихами Жуковскаго, достойная бенефиціантки. Послѣ драмы были представлены третье и четвертое дѣйствіе изъ единственной въ своемъ родѣ комедіи: „Горе отъ ума", и именно Московскій балъ и Разъѣздъ послѣ бала. Восхитительныя картины, которыхъ каждое лицо, каждая черта знакома намъ, какъ собственныя наши, и которыя радуютъ насъ вѣрностію кисти точно такъ, какъ радуетъ сходство заказаннаго нами портрета съ любезнымъ для насъ подлинникомъ. Вотъ тайна генія—обворожать такими предметами, которые вовсе не вымышлены и которымъ любуемся мы именно потому, что они извѣстны намъ... Такъ новая мысль (въ обыкновенномъ смыслѣ) поражаетъ насъ не потому, чтобъ никто не имѣлъ ея—нѣтъ! А, напротивъ, потому что она тотчасъ представитъ намъ собственную, но таившуюся мысль или какую-нибудь сторону, какую-нибудь часть ея; или напомнитъ уму, душѣ, воображенію нѣчто знакомое, представитъ или напомнитъ въ первый разъ, и вотъ что составляетъ сущность новой мысли, и иначе новая мысль не тронула бы насъ, заставила бы еще усомниться въ исторіи своей, требовала бы изслѣдованія или осталась бы безъ всякаго вниманія!"

II.

П. Григорьевъ о Грибоѣдовѣ.

Въ 1856 г. П. Григорьевъ издалъ свое драматическое произведеніе „Въ память столѣтія Русскаго театра“ (С.-Пб.). За I отдѣленіемъ „Сумароковъ и первые Русскіе актеры“ и II — „Указъ 1756 года“ слѣдуетъ „Праздникъ артистовъ 30-го Августа 1856 года“: восхваленіе великихъ Русскихъ артистовъ и драматурговъ.

Упомянувъ о томъ, что Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Крыловымъ, „заслушивался“ князя А. А. Шаховскаго, „любилъ его бесѣды“, Григорьевъ переходитъ потомъ къ восхваленію Грибоѣдова. По его указанію, артисты должны были при этомъ обратиться къ находившемуся на сценѣ портрету А. С.

Теперь, товарищи, живымъ воспоминаньемъ
Того поэта славнаго почтимъ,
Кто нашъ театръ однимъ своимъ созданьемъ
Украсилъ, поддержалъ, въ примѣръ другимъ!
Прими, нашъ Грибоѣдовъ благородный,
Почетъ отъ публики и отъ артистовъ всѣхъ!
Твой каждый стихъ намъ сталъ пословицей народной,
И нескончаемый вездѣ его успѣхъ
Твою, поэтъ, увѣковѣчилъ славу!
Ты сталъ у насъ, по признанному праву,
Между всѣхъ комиковъ въ главѣ, какъ образецъ!
Такъ, въ день столѣтія сценическаго міра,
Прими отъ всѣхъ привѣтъ изъ глубины сердецъ!
Твоя высокая комедія-сатира
Сплела тебѣ безсмертія вѣнецъ!
Почтимъ признательно поэта-человѣка,
Когда сочувствуетъ намъ публика сама!
Тотъ стоитъ всѣхъ похвалъ и будущаго вѣка,
Кто создалъ „Горе отъ ума!“ *)
(Всѣ кланяются).

III.

Къ исторіи Грибоѣдовскихъ типовъ.

Въ одномъ изъ старинныхъ Московскихъ барскихъ семействъ до послѣдняго времени хранилась (къ сожалѣнію, теперь безслѣдно исчезнувшая) любопытнѣйшая рукопись комедіи „Горе отъ ума“, конца 20-хъ годовъ, судя по почерку. На поляхъ ея и въ выноскахъ были указаны имена тѣхъ лицъ, которыхъ будто бы изобразилъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи, и относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ были приведены краткія біографическія свѣдѣнія. До исчезновенія рукописи я не успѣлъ переписать этихъ замѣтокъ, но

*) Стр. 105—106.

изложилъ у себя въ записной книжкѣ содержаніе двухъ изъ нихъ. Неизвѣстный переписчикъ и комментаторъ считаетъ прототипомъ Фамусова почетнаго опекуна Лунина, Молчалина—его секретаря Полуденскаго, женившагося впослѣдствіи на дочери своего начальника. Любопытны свѣдѣнія о Лунинѣ и Полуденскомъ сообщаютъ Записки Загоскина, которыя печатались въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1900 г. [1]). Повидимому, дѣйствительно въ семьѣ Лунина случилась исторія, отчасти похожая на интригу „Горя отъ ума“.

Такихъ пріуроченій въ литературѣ о Грибоѣдовѣ мы до сихъ поръ не встрѣчали.

IV.

В. К. Кюхельбекеръ [2]) Грибоѣдову.

Увы, мой другъ, какъ трудно совершенство!
И мнѣ его достигнуть ли когда?
Я рано назвалъ призракомъ блаженство,
Ужель и даръ мой и восторгъ—мечта?
А если нѣтъ, избѣгну ли забвенья?
Не схватитъ ли меня до достиженья,
Когда уже мнѣ видится вѣнокъ,
Въ срединѣ самой моего теченья,
Неумолимый рокъ?
Жилецъ возвышеннаго міра
Я вѣчно буду чуждъ земныхъ цѣпей:
Но, ахъ! Меня спасетъ ли лира?
Избѣгну ли разставленныхъ сѣтей?
Какъ мнѣ внизу примѣтить гнусныхъ змѣй?
Быть можетъ, ихъ нога моя попрала,
И ужъ острятъ убійственныя жала.
Но ты, ты возлетишь надъ пѣснями толпы!
Пѣвецъ, тебѣ данъ рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое [3]) и свѣтлая [4]) любовь,
Святыя таинства высокаго искусства
И рѣзво скачущая кровь!
О, если я сойду къ брегамъ туманной Лены,
Какъ неизвѣстная, нѣмая тѣнь,
Пусть образъ мой, душой твоей согрѣтой,
Еще разъ узритъ день!
Я излечу на зовъ твой изъ могилы,
Развью раскованныя крылья,
Къ златому солнцу воспарю,
И жадно погружусь въ безсмертную зарю!

Вл. Каллашъ.

---

[1]) II, 502—3; IV, 51—52 и пр., см. также Благово, Разсказы бабушки, С.-Пб., 1885, 177—179.

[2]) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ А. А. Краевскаго.

[3]) Написано вверху вмѣсто „свѣтлое“.

[4]) Тоже, вмѣсто „тихая“.

ками князя Потемкина онъ погубилъ себя во мнѣніи Екатерины. Въ 1794 году ему дали мѣсто посланника въ Неаполѣ, откуда онъ скоро былъ отозванъ, такъ какъ своимъ злоязычіемъ оскорбилъ королеву Каролину. На Русской границѣ его задержали, и до воцаренія Павла онъ долженъ былъ прожить въ Перновѣ. Въ царствованіе Павла онъ снова является при дворѣ. Государь воспретилъ ему проявлять остроуміе, онъ не послушался и былъ сосланъ въ одну изъ своихъ деревень.

Отзывы графа о лицахъ и событіяхъ рѣзки, но иногда весьма мѣтки. Про Павла Петровича онъ говоритъ, что сначала онъ чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что не давалось ему царствовать, а подъ конецъ горевалъ о томъ, что воцарился поздно. По словамъ графа, съ 1746 или 1765 году Павелъ вынесъ болѣзнь *), сопровождавшуюся судорогами, и что ему дѣлали операцію въ горлѣ, отчего исказилось его лицо, бывшее до того красивымъ. Если вѣрить разсказу графа о томъ, какъ состоялся второй бракъ Павла, то участіе Генриха Прусскаго и архимандрита (позднѣе митрополита) Платона въ этомъ роковомъ для Россіи событіи ужасно. Когда графъ собрался жениться на Измайловой, Платонъ уговаривалъ его перейти въ православіе. Въ царствованіе Александра Павловича онъ уже не имѣлъ никакого значенія, жилъ то въ Москвѣ, то въ Парижѣ и подъ конецъ жизни поселился въ Швейцаріи.

*) Порошинъ не говоритъ объ этой болѣзни, которая постигла цесаревича нѣсколькими годами позже.

Мы увѣрены, что Записки его найдутъ себѣ много читателей. П. Б.

К. Военскій. Императоръ Николай и Польша въ 1830 году. Матеріалы для исторіи Польскаго возстанія 1830—1833 гг. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе съ портретомъ императора Николая I въ мундирѣ Польскихъ войскъ. С.-Пб. 1905. Москва, 8-ка, XI и 154 стр.

Это очень любопытныя Записки Польскаго полковника Вылежинскаго. Въ предисловіи приведено письмо владѣльца рукописи графа Адама Красинскаго къ издателю съ благими пожеланіями относительно сближенія между Поляками и Русскими въ виду общей опасности отъ желтаго племени.

Старина и новизна. Книга девятая. С.-Пб. 1905. Большая 8-ка, 425 и 2 нен. стр. съ рисункомъ проекта памятника на Куликовскомъ полѣ, работы Мартоса.

Книга полная важнаго историческаго содержанія. Тутъ Записки князя А. М. Дондукова-Корсакова съ письмами къ нему разныхъ лицъ, выдержки изъ архива С. Д. Нечаева съ письмами къ нему Иннокентія Таврическаго. Цѣлый сборникъ писемъ доставилъ въ эту книгу С. Ю. Витте, по своей бабкѣ кн. Долгоруковой происходящій отъ князей Долгорукихъ, одинъ изъ которыхъ, по отзыву его двоюродной сестры Блаватской (Радда-Бай), нѣкогда удалялся въ Индію. Оказывается, что С. Ю. Витте владѣетъ стариннымъ Долгоруковскимъ крестомъ со святыми мощами, чѣмъ можетъ объясняться его радѣніе о Русской церкви. П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногородняго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Лѣтопись историкородословнаго общества въ Москвѣ. Выпускъ первый. Москва. 1905. 8-ка, 46, 46, 12 и нѣсколько ненумерованныхъ стр. Съ превосходно исполненнымъ портретомъ Великаго Князя Сергія Александровича, памяти котораго посвященъ этотъ выпускъ.

Привѣтствуемъ новое ученое общество, предметъ котораго столь важенъ для успѣховъ Русской исторіи и нашего народнаго самосознанія. Общество возникло, благодаря почину его перваго по времени предсѣдателя Леонида Михайловича Савелова (бывшаго Коротояцкаго дворянскаго предводителя), оказавшаго большую услугу всѣмъ занимающимся родословными изслѣдованіями своею книгою „Опытъ Библіографическаго Указателя по исторіи и генеалогіи Россійскаго дворянства“ (Москва 1893). Въ этой книгѣ имена родовъ расположены по азбукѣ, и при каждомъ родѣ означено, гдѣ можно имѣть о нихъ показанія. Къ сожалѣнію, многія и многія родословныя еще не оглашены у насъ въ печати, и любители до сихъ поръ не имѣютъ пополнительныхъ по этому предмету трудовъ покойнаго Руммеля, котораго наслѣдниковъ надобно просить, чтобы они передали нововозникшему обществу бумаги, оставшіяся послѣ этого приснопамятнаго родослова; приготовленныя имъ родословія были уже перечислены въ „Новомъ Времени“.

Намъ довелось участвовать въ первой половинѣ засѣданія новаго общества, состоявшемся въ Апрѣлѣ нынѣшняго года на Поварской, въ домѣ и покояхъ графини Натальи Михайловны Соллогубъ, которая и самаопытный генеалогъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ея участіе въ Русской Родословной Книгѣ князя А. Б. Лобанова - Ростовскаго. Обыкновенно въ большинствѣ засѣданій нашихъ ученыхъ обществъ господствуютъ скука, мундирная застегнутость, утомительное чтеніе протоколовъ и статей, сочинители которыхъ рѣдко умѣютъ (по выраженію митрополита Филарета) отсѣкать сухія вѣтки отъ древа велерѣчія, и пр. Тутъ напротивъ: при многочисленности собранія, свобода обхожденія и мнѣній. Говорилось о дѣлѣ, а не объ околичностяхъ ѳнаго. Не знаемъ, какъ прошла вторая половина засѣданія, когда читались статьи (къ сожалѣнію, намъ не возможно было оставаться долѣе); но надѣемся, что было и будетъ впередъ отмѣряемо время, сколько кому читать (какъ нѣкогда наблюдалось въ засѣданіяхъ Общества Любителей Русской Словесности, когда предсѣдателемъ его былъ А. С. Хомяковъ, а секретаремъ М. Н. Лонгиновъ).

Треть перваго выпуска вышедшей въ свѣтъ Лѣтописи занята свѣдѣніями о покойномъ Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ, съ нѣкоторыми чертами его біографіи. Затѣмъ слѣдуетъ большая, даровито написанная статья Ю. В. Татищева о предкѣ его Михаилѣ Игнатьевичѣ Татищевѣ, дѣятелѣ Смутнаго времени, котораго погубилъ знаменитый М. В. Скопинъ - Шуйскій, этотъ любимецъ народный, самъ потомъ погубленный. Какъ разъяснилась бы исторія Смутнаго времени, если бы имѣли мы побольше такихъ біографій.

ЗАПИСКИ ИВАНА ИВАНОВИЧА МѢШКОВА *).

1767—1832 г.

Я происхожу отъ такого лица, которому судьбою опредѣлено было въ самомъ нѣжномъ еще возрастѣ испытать ея превратности.

Въ исходѣ XVII столѣтія въ городѣ Пинскѣ существовала, а можетъ быть существуетъ еще и теперь, бывшая тогда въ своемъ краю очень богатою и значительною фамилія *Зелинскихъ*. Въ то время городъ этотъ принадлежалъ къ Польскимъ владѣніямъ (онъ входитъ теперь въ составъ Минской губерніи). Сопредѣльныя между собою мѣстности обоихъ государствъ, Россіи и Польши, рѣдко наслаждались тогда спокойствіемъ. Въ одно время, не знаю уже по какому случаю, ребенокъ этой фамиліи, *Стефанъ Зелинскій*, восьми только лѣтъ отъ роду, былъ отторгнутъ отъ своего семейства и, въ числѣ другихъ, какъ плѣнный, попалъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ переданъ богатому помѣщику Василію Ивановичу Болтину, который жилъ въ то время въ Пензенской провинціи, Узинскаго стана въ селѣ Умысѣ (эта мѣстность принадлежитъ теперь Саратовской гурерніи къ Кузнецкому уѣзду). Будучи человѣкомъ вполнѣ благороднымъ, этотъ достойный дворянинъ вошелъ въ положеніе несчастнаго мальчика, далъ ему возможное по тогдашнимъ нравамъ и обстоятельствамъ образованіе и вообще обходился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ благородно-рожденнымъ; а впослѣдствіи, когда *Стефанъ* пришелъ въ совершенный возрастъ, женилъ его на дѣвицѣ *Ѳеклѣ Трофимовой*, жившей у него же г. Болтина въ домѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ *Стефана Зелинскаго* 1719 годъ. Въ этомъ году императоръ Петръ Великій повелѣлъ сдѣлать во всей Россіи перепись (т. е. первую ревизію) съ тѣмъ, чтобы всѣ тѣ обитатели государства, которые гдѣ по этой ревизіи окажутся, оставались уже всегда на тѣхъ же мѣстахъ; а такъ какъ, по смыслу этого распоряже-

*) Онѣ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Импер. Публичной Библіотеки. Б. М.

нія, лица, оказавшіяся живущими на земляхъ помѣщичьихъ, должны были быть укрѣплены за владѣльцами тѣхъ земель, то прапрадѣдъ мой и подвергся послѣдствіямъ этого распоряженія [1]).

Для произведенія переписи прибылъ въ томъ же 1719 году бригадиръ Фаминцынъ. По обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ *Стефанъ Зелинскій* находился въ имѣніи г. Болтина, сей послѣдній долго былъ въ недоумѣніи, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Онъ могъ умолчать о *Зелинскомъ*, имѣя основаніемъ его происхожденіе; но это могло имѣть вредныя для г. Болтина послѣдствія: за утайку такого рода законъ налагалъ строгое взысканіе. Оставалось одно: записать *Стефана* за собою. Такъ это и было исполнено; предку моему придали, Богъ знаетъ, съ какого повода, фамилію *Мѣшкова*, и благородно-рожденный человѣкъ сдѣлался крѣпостнымъ. Въ это время ему было уже 44 года; въ 1745 г. онъ скончался, на 70 году отъ роду, оставивъ послѣ себя двоихъ сыновей *Филиппа* [2]), *Алексѣя* и *одну дочь Татьяну*.

Эти обстоятельства подробно разсказывали моему отцу второй изъ упомянутыхъ сыновей *Стефана*, *Алексѣй* и *внукъ Стефана*, мой дѣдъ *Иванъ Филипповичъ*. *Алексѣй Стефановичъ* умеръ въ 1806 г., имѣя отъ роду 79 лѣтъ, а дѣдъ мой прожилъ до 1830 года и умеръ на 87 году отъ рожденія. Ежели дать вѣру ихъ разсказамъ, то *Зелинскіе* были у себя въ Польшѣ люди уважаемые и значительные и даже имѣли что-то въ родѣ собственнаго войска.

Въ 1748 году Болтинъ, находясь уже въ глубокой старости и съ одной стороны сознавая несправедливость укрѣпленія за собой *Стефана*, а съ другой, желая предупредить укрѣпленіе оставшагося послѣ него семейства за своими наслѣдниками (такъ какъ дѣтей у него г. Болтина не было) пожелалъ предоставить этому семейству свободу еще при жизни своей, что̀ и исполнилъ установленнымъ порядкомъ.

Вотъ вся правда о происхожденіи моихъ предковъ. Конечно, ни самъ прадѣдъ мой, ни потомство его, не имѣя никакого доказательства на принадлежность къ фамиліи *Зелинскихъ*, никогда не предполагали доказывать это. Правда и то, что самый разсказъ о происхожденіи отъ этой фамиліи долженъ показаться и даже можетъ быть названъ разсказомъ легендарнымъ; но я спрашиваю: какая же была надобность *Сте-*

---

[1]) Тоже вѣроятно было и съ Ковалевскимъ, отъ котораго произошла приснопамятная городу Москвѣ графиня Прасковья Ивановна Шереметева. П. Б.

[2]) У этого Филиппа былъ сынъ Иванъ Филипповичъ, умершій въ 1830 году на 87 году отъ рожденія; онъ оставилъ сына *Ивана*, автора помѣщаемыхъ Записокъ. Б. М.

фану Зелинскому сочинять всю эту исторію и передавать ее своимъ сыновьямъ? Повторяю, что никто изъ нихъ никогда не имѣлъ притязанія доказывать прежнее званіе *Стефана*, а разсказывать сказки для одного только собственнаго удовольствія, безъ надежды доказать основательность этихъ сказокъ, ни къ чему не приводило.

Я родился 26 Декабря 1767 года. Этотъ годъ достопамятенъ для Россіи, во первыхъ, введеніемъ оспопрививанія и, во вторыхъ, открытіемъ войны съ Турками. Первому Екатерина Великая показала начальный опытъ на самой себѣ, видя, что никто не вѣритъ сему спасительному средству и что больше двухъ третей изъ числа заболѣвавшихъ оспою дѣлались ея жертвою; а послѣднею, открывъ побѣдами и заключивъ славный миръ при Кучукъ-Кайнарджи, положила основаніе своей славѣ.

Въ 1773 году, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, отецъ мой началъ преподавать мнѣ то, что̀ зналъ и упражнялся въ томъ почти ежедневно понемногу. Но лишь только я началъ оказывать успѣхи, моимъ лѣтамъ свойственные, какъ вдругъ всѣ мѣста Россіи, а въ томъ числѣ и наше мѣстопребываніе, были встревожены извѣстіемъ о появленіи извѣстнаго бунтовщика и самозванца Пугачова, что̀ навело на всѣхъ большой страхъ и ужасъ. Когда же онъ усилился и отъ Оренбурга проникъ въ Казань, а потомъ, слѣдуя чрезъ Волгу, въ Симбирскую губернію, приближался къ предѣламъ нашего мѣстопребыванія, ужасъ этотъ увеличился при извѣстіяхъ, что онъ, по пути истребляя все и производя разныя варварства, умерщвлялъ дворянство и чиновниковъ, а изъ крестьянъ лучшихъ бралъ съ собою. Г. *Аблязовъ* *) удалился изъ имѣнія со всѣмъ семействомъ въ Москву, проѣхавши чрезъ Тамбовъ и Рязань; отецъ же мой и жившій въ имѣніи отставной капитанъ *Куницкій* съ женою остались въ селѣ Аблязова. Наконецъ, дѣдъ и отецъ мой, боясь пришествія бунтовщиковъ въ селеніе, такъ какъ слухи были, что злодѣй уже въ Пензѣ, только въ 80 верстахъ отъ нихъ, скрылись въ лѣса, а меня и брата моего *Алексѣя Ивановича*, родившагося въ Мартѣ того же года, оставили въ домѣ одного приверженнаго къ намъ двороваго человѣка, въ числѣ его дѣтей и секретно.

Былъ Августъ 1774 года; вдругъ пришла и въ то село, гдѣ мы были оставлены, партія изъ 200 изверговъ Пугачова, подъ начальствомъ какого-то Яицкаго казака, помнится, Мясникова, и начала неистовство-

*) Владѣлецъ мѣстности, гдѣ жилъ мой отецъ; дѣдъ его управлялъ имѣніемъ. *Примѣч. Мѣшкова.*

вать. Во-первыхъ, домъ господскій совершенно разграбили и послѣ, перебивши въ немъ стекла, разломали печи и полы; все, чтò въ домѣ было, выкидали въ окна перебитымъ и переломаннымъ; питья, какія были, выкатили изъ погребовъ и подваловъ на дворъ, имѣвшій пространства десятинъ на пять и всѣ перепились до безчувствія. Узнавши, что ни помѣщика, ни управителя въ имѣніи нѣтъ, пытали капитана Куницкаго, гдѣ спрятано господское имущество, говоря, что всего увезти нельзя, особенно спрашивали о деньгахъ. Но этотъ несчастный, не зная о семъ ничего, такъ какъ все было вывезено изъ селенія скрытно и спрятано по лѣсамъ въ землѣ, не могъ имъ ничего сказать. Не вѣря ему, особенно по наговорамъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, что Куницкій долженъ все то знать, бывши другомъ дома, злодѣи поставили его къ стѣнѣ и стрѣляли въ него холостыми зарядами, чтобы устрашить и вынудить отъ него желаемое извѣстіе, но такъ какъ Куницкій сказать все таки ничего не могъ, то его повѣсили на воротахъ и потомъ, снявши, бросили въ яму и завалили тѣло навозомъ.

Вечеромъ, на господскомъ дворѣ, бунтовщики развели огни и въ продолженіе всей ночи неистовствовали. Понятно, что во всю эту ночь никто изъ жителей не смыкалъ глазъ. Утромъ вся партія вышла, оставя всѣхъ въ изумленіи, а жена несчастнаго Куницкаго бывши беременна, пробыла въ лѣсу двое сутокъ, потомъ, когда злодѣи вышли, явилась и узнавши о участи мужа, сдѣлалась больна и разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Несчастный ея мужъ хотя также имѣлъ возможность куда либо скрыться, но нѣкоторые изверги изъ крестьянъ его до того не допустили. Въ домѣ отца моего все также было истреблено, перебито и переломано, такъ, что въ немъ послѣ того нельзя уже было жить. Мы съ братомъ остались цѣлы и невредимы; хотя двое изверговъ и были въ томъ домѣ, въ которомъ мы жили, но ничего намъ не сдѣлали.

Самовидцемъ я былъ этихъ двоихъ изверговъ и еще многихъ, проѣзжавшихъ верхами по улицѣ и иныхъ пѣшихъ. Въ одеждѣ и уборахъ ихъ было такое разнообразіе, что и описать трудно. Каждый имѣлъ на себѣ то, чтò попало: на иномъ было Нѣмецкое, на другомъ поповское платье и проч. Были даже и такіе, на которыхъ одежда была женская.

По прошествіи недѣль двухъ, когда уже слышно было повсюду, что Пугачовъ со всѣми партіями его въ Саратовѣ, и что по слѣдамъ его идутъ войска подъ командою *полковника Михельсона*, а по мѣстамъ, оставшимся позади Пугачова и особенно по тѣмъ, гдѣ были его партіи, отъ *графа Панина* (которому было тогда поручено искорененіе бунта), отряжены были чиновники для возстановленія порядка. Дѣдъ и отецъ

мои возвратились, скрывавшись около мѣсяца и питаясь кое-чѣмъ; а изъ чиновниковъ одинъ, прибывъ съ командою, сдѣлалъ освѣдомленіе о всемъ въ имѣніи происшедшемъ, порядокъ и повиновеніе возстановилъ, виновныхъ изъ крестьянъ при себѣ жъ приказалъ повѣсить на публичномъ мѣстѣ и не велѣлъ ихъ снимать, тѣло же капитана Куницкаго, вырывъ изъ навоза, приказалъ предать погребенію.

Дѣдъ мой, вступившій по прежнему въ управленіе имѣніемъ, не встрѣтилъ уже никакого сопротивленія, но мѣстность поражена была новымъ несчастіемъ: открылся недостатокъ въ хлѣбѣ, такъ какъ онъ, не бывшій въ свое время по случаю бунта убранъ, почти весь пропалъ на корню, а снятаго не было уже достаточно. Къ тому, сѣвъ озимаго хлѣба былъ также пропущенъ; поэтому весною открылся совершенный голодъ, такъ что многіе, не имѣя хлѣба, принуждены были муку для онаго дѣлать изъ дубовыхъ желудей, лебеды и гнилыхъ деревьевъ, отъ чего и родились многія болѣзни. Но Провидѣніе сжалилось надъ несчастными; яровой посѣвъ былъ и многочисленъ и изобиленъ, а потому, когда былъ снятъ, пропитаніе возстановилось, и нужды большой уже не было. За симъ все пошло своимъ порядкомъ.

Таковое несчастное стеченіе обстоятельствъ прекратило постоянное мое образованіе, и отецъ мой началъ упражняться въ ономъ уже съ 1775 года, продолжая то уже безпрерывно.

Послѣ торжества мира съ Турціею, Екатерина Великая излила на подданныхъ своихъ неизреченныя милости, издавши въ семъ году Марта 17 всемилостивѣйшій манифестъ, которымъ оказаны милости всѣмъ вообще сословіямъ государства, опубликованныя въ 47 статьяхъ. Подданные всѣ оживились и, забывши минувшія несчастія, благословляли Императрицу. За симъ, Божественное Провидѣніе обрадовало Россію новымъ залогомъ своего благословенія.

Императорскій домъ состоялъ только изъ Императрицы и ея наслѣдника, великаго князя Павла Петровича; онъ на сихъ годахъ овдовѣлъ, лишившись супруги своей, государыни Натальи Алексѣевны, скончавшейся родами, и послѣ совокупился бракомъ съ Виртембергскою принцессою Маріею Ѳеодоровною, отъ котораго брака 12-го Декабря 1777 года родился великій князь Александръ Павловичъ. Торжество въ Россіи по всѣмъ мѣстамъ было трехдневное и необыкновенное; радость же была общая и неизреченная; всѣ другъ друга поздравляли, обнимаясь со слезами радости на глазахъ.

Въ 1779 году императорскій домъ умножился еще рожденіемъ великаго князя Константина Павловича.

Дѣдъ мой и отецъ находились все въ томъ же мѣстѣ; но въ семъ году дѣдъ мой остался при прежней должности, а отецъ поѣхалъ въ Саратовъ и, пріобрѣтя тамъ усадьбу, выстроилъ домъ очень порядочный.

Въ Мартѣ 1780 г. мы пріѣхали въ Саратовъ. Городъ этотъ въ 1775 г. былъ истребленъ пожаромъ и только что выстроился, но не былъ еще значителенъ, каменныхъ домовъ въ немъ было не больше пяти, а прочіе были деревянные и очень небогатые, такъ какъ изъ дворянства никто въ немъ не жилъ, а находились всѣ по деревнямъ, купечество было незначительно, а прочіе обыватели всѣ принадлежали къ низшему сословію. Городъ управлялся комендантомъ, въ вѣдомствѣ котораго находилось до 300 солдатъ съ маіоромъ и казачья команда человѣкъ изъ 100 съ офицеромъ; судопроизводство находилосъ включительно все въ Воеводской Канцеляріи, въ которой присутствовали: воевода, его товарищъ и былъ одинъ секретарь. Канцелярія эта была подвѣдомственна Астраханской губернской канцеляріи. Еще были въ городѣ Опекунская Контора для управленія населенными около Саратова по обѣимъ сторонамъ рѣки Волги колоніями иностранныхъ выходцевъ, которыхъ было сто четыре селенія, и Контора, управлявшая соляными дѣлами.

Жить въ Саратовѣ въ это время было очень выгодно. Всѣмъ произведеніямъ, къ жизненнымъ припасамъ принадлежащимъ, также какъ и относящимся къ домоводству, цѣны были, противъ теперешняго, невѣроятно дешевыя. Мука ржаная и пшеничная продавалась не свыше 20 коп. за пудъ, а первая иногда и дешевле. Говядина лучшая Черкасской скотины и рыба красная, т. е. осетрина, бѣлужина, севрюга и стерлядь безъ вѣса обходились меньше копѣйки фунтъ, а прочая рыба почти ничего не стоила. Икра всякая, лучшая, стоила отъ 4 до 5 коп. фунтъ, баранъ 25 коп.; живность еще дешевле; индѣйку можно было купить за 10 коп., гуся, утку и проч. еще дешевле. Лѣсъ сосновый пригонялся плотами изъ Вятки, отъ 6 до 7 руб. сотня брусьевъ, вершковъ отъ 6 до 8 въ отрубѣ, ибо бревнами не пригоняли по неудобности изъ круглаго дерева дѣлать плоты; дрова, большею частію также изъ Вятки, сплавлялись колотыя изъ березовыхъ бревешенъ, однополѣнныя; пять саженъ такихъ дровъ продавались меньше рубля. Чаю фунтъ обходился два рубля, кофе 60 к., а сахару пудъ отъ 8 до 10 рублей; сукно, самое лучшее, Англійское, не дороже 5 рублей аршинъ, а прочія отъ 1 до 2 рублей. По этому можно судить, какъ дешево были и другіе предметы.

Роскоши даже и примѣтъ не было. Всѣ жили по склонности, скромно, ни въ чемъ не нуждаясь; экипажей дороже 200 рублей я ни у кого

не видывалъ. Одѣвались опрятно, но недорого, такъ какъ все было дешево. Угощенія дѣлались большею частію домашними произведеніями; винъ же иностранныхъ мало употреблялось, хотя они и были въ продажѣ: шампанское по 2 р., бургонское по 1 р. 50 копѣекъ. Столоваго вина употреблялось очень много: оно дѣлалось въ Астрахани и продавалось не дороже 2 р. за ведро. Еще былъ чихирь, вино тонкое и пріятное, стоившее меньше рубля за ведро, а другихъ винъ я не видывалъ. Водокъ онисовой (?), иностранной Гданской, какъ тогда ее называли, штофъ стоилъ меньше рубля, Русская, Астраханская, на манеръ Французской 4 р. ведро, а вино простое 3 рубля.

Деньги ходили въ оборотахъ по покупкѣ большею частію мѣдныя, потому что всякая покупка была очень дробна, да и такихъ денегъ въ обращеніи было видно больше мелкихъ, т. е. 2 и 1 копѣечниковъ, денежекъ и полушекъ; не рѣдко видны были, такъ называемыя *мордки*, то-есть восьмая часть копѣйки. Пяти-копѣечники же и серебряныя деньги рѣдко были видимы; цѣлковый рубль, при размѣнѣ на мелкія, стоилъ 95 коп. мѣдью. Ассигнаціи же ходили еще рѣже; обращались онѣ только при большихъ оборотахъ. Ихъ тогда предполагали повсемѣстно обращавшимися государственными векселями. Ходили эти ассигнаціи, первыя, съ 1769 года и были 100, 75, 50 и 25 рублевыя, а мелкихъ не было. Я, до выхода новыхъ ассигнацій, видѣлъ ихъ очень мало, ибо онѣ были рѣдки.

По основаніи въ Саратовѣ жительства нашего, вскорѣ послѣ переѣзда, сдѣлалось извѣстнымъ, что городъ этотъ предположено сдѣлать губернскимъ и открыть губернію по Учрежденію 1775 года. На этотъ конецъ, въ томъ же 1780 году, начаты были постройкою два корпуса для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и домъ генералъ-губернаторскій или дворецъ, какъ тогда называли, для государева намѣстника; названіе это было ему свойственно, ибо рядомъ съ большою галлереею была тронная зала, гдѣ былъ поставленъ тронъ подъ балдахиномъ малиноваго бархата съ золотыми позументами и кистями и гдѣ стоялъ портретъ Императрицы во весь ростъ, въ полномъ императорскомъ облаченіи. Строенія эти были хотя и деревянныя, но огромныя и были приведены къ концу въ томъ же году, такъ что можно было занимать ихъ.

Въ Генварѣ 1781 г. прибыли въ Саратовъ генералъ-поручикъ Якобій, которому высочайше поручено было открыть губернію (онъ былъ губернаторомъ въ Астрахани), преосвященный епископъ Антоній, также изъ Астрахани, губернаторъ генералъ-маіоръ Поливановъ, вице-губернаторъ, бригадиръ Цыплетевъ, предсѣдатели палатъ, совѣтники, асессо-

ры, секретари и прочихъ мѣстъ чиновники, всѣ, которые слѣдовали отъ короны; собралось также и дворянство, до 200 лицъ, изъ тѣхъ мѣстностей, которыя включительно составляли предположенную губернію.

Къ Февралю все было готово для открытія; оно было назначено 3-го числа. Чиновники и дворянство собрались къ г-ну Якобію въ домъ генералъ-губернаторскій. Съ началомъ въ церквахъ благовѣста всѣ отправились въ соборъ; послѣ обѣдни и молебствія преосвященный говорилъ приличное слово. Потомъ всѣ прибыли обратно во дворецъ; тамъ въ тронной залѣ дворянство расположилось производить балотировку, а г. Якобій губернатора и всѣхъ чиновниковъ ввелъ въ свои мѣста, при окропленіи оныхъ св. водою. Между тѣмъ временемъ избраны были дворянствомъ уѣздные предводители и представлены г. Якобію на утвержденіе; онъ, тотчасъ утвердивъ ихъ, пригласилъ всѣхъ во дворецъ къ столу. Когда пито было за здоровье Императрицы и императорскаго дома, была открыта пушечная пальба, а это было знакомъ къ начатію народнаго праздника.

Праздникъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Вышеупомянутый дворецъ и противъ его оба корпуса присутственныхъ мѣстъ были на прекрасномъ ровномъ мѣстѣ къ концу городу, гдѣ предположено было быть главной площади онаго, которая и теперь существуетъ, но уже среди города (гдѣ сооруженъ впослѣдствіи соборъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго). Площадь эта, по ея назначенію, обсажена была въ два ряда и очень часто сосновыми деревьями. Посреди ея и противъ самой гауптвахты, между корпусами присутственныхъ мѣстъ, выстроенъ былъ довольно большой амфитеатръ съ возвышеніемъ на четыре ступени; на ономъ для парада поставленъ былъ большой жареный быкъ, цѣлый, съ позолоченными рогами и начиненный разными птицами; по сторонамъ же онаго, въ различныхъ мѣстахъ, разставлены были большіе чаны съ питьями разнаго рода, т. е. виномъ, пивомъ и медомъ; было также разложено на столахъ множество хлѣбовъ и калачей. Все это было покрыто краснымъ сукномъ. Когда поданъ былъ знакъ, весь народъ бросился къ амфитеатру, и все въ нѣсколько минутъ было уничтожено: быка не стало (онъ былъ надрѣзанъ), хлѣбы и калачи растащены, чаны опустѣли, а сукна изорваны и также растащены клочьями. Между тѣмъ, пальба изъ пушекъ продолжалась, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Иллюминація эта была и въ послѣдовавшіе два вечера, въ продолженіе которыхъ была балотировка; послѣ выбалотированія лица, къ должностямъ избранныя, по приведеніи къ присягѣ, были введены губернаторомъ въ свои мѣста

Затѣмъ балотировка была по уѣзднымъ городамъ, большая часть которыхъ была открыта изъ лучшихъ казенныхъ селеній, по удобности предположенныхъ уѣздовъ; прежнихъ же городовъ было только четыре: Новохоперскъ, Царицынъ, Камышинъ и Петровскъ. Между тѣмъ, въ губернскомъ городѣ праздновали открытіе губерніи еще нѣсколькими балами; генералъ Якобій давалъ балъ во дворцѣ; послѣ дворянство и купечество. Во время столовъ посуда была казенная, серебряная и вызолоченная внутри. Сервизъ этотъ присвоенъ былъ собственно государеву намѣстнику или генералъ-губернатору и цѣнился въ 100,000 рублей.

Такимъ образомъ Саратовъ изъ скромнаго города, такъ сказать, переродился. Благородная публика въ городѣ сдѣлалась огромною, составившись изъ опредѣленныхъ членовъ и дворянства, на житье оставшагося; семейства этихъ лицъ ее умножали. Все стало великолѣпнѣе; торговля начала распространяться; привозъ всего умножился, но цѣны на все остались прежнія.

Однакоже дешевизна въ такомъ положеніи, какъ я описалъ выше, недолго продолжалась по открытіи Саратовской губерніи; потому что съ прибытіемъ лицъ, губернское управленіе составившихъ, и со вступленіемъ въ дворянскія должности чиновниковъ, большею частію значительныхъ фамилій и богатыхъ, а слѣдовательно многочисленную прислугу имѣвшихъ, а потомъ съ прибытіемъ значительнаго количества дворянъ, цѣны всему начали мало-по-малу измѣняться, такъ какъ потребность во всемъ умножилась. Впрочемъ, измѣненіе цѣнъ не было значительно, и я приведу тому въ примѣръ цѣны на нѣкоторые жизненные припасы, какъ то: муку ржаную и пшеничную, говядину и лучшую рыбу. Первую начали продавать отъ 20 до 25 коп. за пудъ, при чемъ ощутительнѣе было возвышеніе на пшеничную, а ржаная иногда и по прежней цѣнѣ продавалась; говядину же и рыбу стали продавать на вѣсъ отъ 1 коп. до 2 коп. фунтъ. Это произвело нѣкоторый ропотъ между жителями, но скоро всѣ привыкли. Въ сравненіи съ этимъ цѣны возвысились на чай, сахаръ и кофе, но немного. Относительно носильныхъ товаровъ, ихъ прежде мало было въ Саратовѣ; но съ открытіемъ губерніи все оказалось въ изобиліи, и купцы, развивая свою торговлю, начали улучшать свое состояніе. Но главная торговля по Волгѣ хлѣбомъ и лѣсомъ, а также и другими оптовыми товарами, сплавляемыми сверху рѣки съ Макарьевской ярмарки и изъ другихъ мѣстъ, и хлѣбомъ изъ Саратова, была вся въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, а Саратовскіе совсѣмъ ею не занимались. Самое значительное возвышеніе въ цѣнахъ было на экипажи: дешевле 500 р. было ихъ уже не видно.

Особливаго примѣчанія заслуживаетъ оказавшееся при открытіи губерніи рвеніе дворянства служить по выборамъ: каждый за особливую себѣ честь поставлялъ быть избраннымъ въ какую либо должность. По теперешнему можетъ невѣроятнымъ показаться, что уѣздные судьи, засѣдатели судовъ, земскіе исправники и ихъ засѣдатели были лица, имѣвшія до 500 душъ и больше; совѣстный же судья, засѣдатели, а также засѣдатели другихъ мѣстъ, какъ напримѣръ Верхняго Земскаго суда (гдѣ въ двухъ департаментахъ ихъ было десять и пр.), были лица, имѣвшія состояніе значительно болѣе, а изъ тѣхъ, которые получили мѣста отъ короны, у нѣкоторыхъ было отъ 1000 до 3000 душъ.

Мнѣ въ это время было 14 лѣтъ; я, бывши образованъ порядочно, съ неописаннымъ любопытствомъ всѣмъ занимался, и мнѣ все описываемое самому было видно и извѣстно.

По собственной моей склонности и по желанію отца, главнымъ моимъ упражненіемъ были книги. Я читалъ ихъ, такъ сказать, съ жадностію, въ деревнѣ живя, большею частію духовныя и получая ихъ отъ священника, который былъ хотя и не ученый, но очень умный и добрый человѣкъ и меня любилъ. Другихъ книгъ получить мнѣ было не отъ кого, такъ какъ и у владѣльца имѣнія библіотеки никакой не было. Покажется, можетъ быть невѣроятнымъ, но это правда, что я прочиталъ всю Библію и нѣкоторыя мѣста много разъ, Четьи-Минеи или житія св. отецъ, всѣ Прологи, изданныя отъ Синода, поученія и проч. Нашедши въ Библіи описаніе сотворенія міра и исторію извѣстныхъ въ древности народовъ и ихъ правленія, а также все, относящееся до Завѣтовъ Ветхаго и Новаго, я получилъ впечатлѣніе меня переродившее; ибо, хотя я изъ катихизиса и имѣлъ сообразное моимъ лѣтамъ понятіе о Богѣ и о мірѣ, но Библія раскрыла мнѣ то и другое въ видѣ обширнѣйшемъ. Четьи-Минеи, съ своей стороны, впечатлѣли во мнѣ безпредѣльную любовь къ св. мужамъ, прославившимъ себя добродѣтелями и святостію жизни, до такой степени, что я и спалъ и видѣлъ, чтобы самому оставить міръ и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлались они. Въ Саратовѣ же отецъ мой доставалъ мнѣ множество книгъ свѣтскихъ. Попался мнѣ переводъ: «*Ролленевой древней исторіи*», и я не хотѣлъ отстать отъ этой книги; до того она меня заняла. Читалъ я много и другихъ книгъ и даже романовъ, особливо: «*Жизнь Клевеланда*» и «*Приключенія маркиза Г.*». Между тѣмъ желаніе поступить въ монахи прошло. По открытіи же губерніи, я любопытствовалъ прочитать «*Учрежденіе о управленіи губерній*», книгу, тогда безпредѣльно всѣхъ занимавшую. Когда отецъ удовлетворилъ это желаніе, то она до того показалась мнѣ любопыт-

ною, что я списалъ ее своею рукою и зналъ почти всю на память. Потомъ я желалъ и былъ удовлетворяемъ много разъ личнымъ осмотромъ всѣхъ по тому учрежденію открытыхъ мѣстъ и не одинъ разъ былъ и во дворцѣ, или генералъ-губернаторскомъ домѣ, который тогда по отбытіи г. Якобія украшался и былъ никѣмъ не занимаемъ, такъ какъ генералъ-губернаторъ Саратовскій, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, хотя и былъ назначенъ, но находился внѣ губерніи, занимаясь, какъ извѣстно тогда было, Тавридою, которую покоривъ пріобрѣлъ впослѣдствіи проименованіе Таврическаго.

Здѣсь прилично было бы нѣсколько распространиться объ этомъ безпримѣрномъ и полководцѣ и вельможѣ, какъ о прославившемся во время моей жизни; но о немъ такъ много писано, что я скажу только о томъ, что̀ въ отношеніи къ нему чувствовали въ Саратовѣ. Городъ и губернія тщеславились, имѣя его государевымъ намѣстникомъ, хотя немногіе лично его знали. Губернаторъ Поливановъ, какъ тогда говорили, былъ его любимцемъ. Боялись свѣтлѣйшаго безпредѣльно и когда случалось, что получалась отъ него какая либо бумага по службѣ, то ходили ее смотрѣть, какъ диво; приказанія же его исполнялись безотлагательно и скоротечно, хотя бы то было по какой либо запискѣ за его подписомъ, что̀ однакожъ случалось очень рѣдко. Помню я, что сервизъ генералъ-губернаторскій, о которомъ я упомянулъ выше, былъ отправленъ къ нему по его запискѣ, которая состояла не больше какъ въ двухъ строкахъ.

До Іюня 1782 г. отецъ мой и я не предпринимали еще ничего въ отношеніи нашей будущности. Бывъ прельщенъ мною видѣннымъ, я желалъ поступить въ гражданскую службу, а отецъ желалъ посвятить и себя и всѣхъ насъ купеческому званію и торговлѣ. Но обстоятельства измѣнили это его желаніе. Домъ нашъ, который, какъ я выше упомянулъ, по Саратову былъ изрядный, отягощенъ былъ безпрерывнымъ постоемъ квартировавшихъ въ то время въ Саратовѣ драгунскихъ полковъ, сперва Астраханскаго, а потомъ Владимировскаго, такъ что мы всегда имѣли на квартирѣ или маіора, или капитана, а сами жили кое-гдѣ, изъ чего и выходило, что мы домомъ своимъ не только почти не пользовались, но кромѣ того терпѣли еще многія притѣсненія и неудовольствія; а такъ какъ, по тогдашнимъ узаконеніямъ, всѣ находящіеся въ гражданской службѣ чины и лица отъ постоя были свободны, то это, вмѣстѣ съ моимъ желаніемъ, и убѣдило отца моего искать случая опредѣлиться въ гражданскую службу.

По новости Сарато̀вской губерніи, въ канцелярскихъ служителяхъ

по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ была общая потребность и, стало быть, не предстояло не малѣйшаго затрудненія быть принятымъ на службу немедленно. Оставалось рѣшиться, куда поступить. По совѣту пріятелей и знакомыхъ, представилось лучшимъ служить въ Гражданской Палатѣ.

Въ этой палатѣ присутствовавшими были тогда: предсѣдателемъ статскій совѣтникъ *Иванъ Петровичъ Вешняковъ*, который впослѣдствіи былъ вице-губернаторомъ въ Саратовѣ же, гдѣ и скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника; совѣтниками: коллежскіе совѣтники *Давидъ Матвѣевичъ Панчуледзевъ*, человѣкъ уже престарѣлый и *Василій Николаевичъ Болдыревъ*, также преклонныхъ лѣтъ; асессорами: маіоры *Иванъ Кузмичъ Фокинъ*, служившій предъ открытіемъ губерніи въ Воеводской Канцеляріи, товарищемъ воеводы, и *Андрей Лукичъ Бѣдняковъ*, вышедшій недавно въ отставку изъ квартировавшаго тогда въ Саратовѣ полка и нынѣ живущій въ томъ же городѣ не у дѣлъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; секретаремъ, пріѣхавшій изъ Москвы и служившій тамъ въ Юстицъ-коллегіи, провинціальный секретарь *Иванъ Алексѣевичъ Васильяновъ*. Я потому всѣхъ ихъ именую, что впослѣдствіи, можетъ быть, доведется о нихъ упоминать въ этихъ моихъ запискахъ.

Итакъ въ Іюнѣ 1782 г., подали мы оба съ отцомъ въ Гражданскую Палату наши просьбы о принятіи насъ на службу, при чемъ представили и надлежащіе о себѣ документы.

Іюня 30-го того же 1782 г. насъ обоихъ въ Саратовскую Гражданскую Палату опредѣлили копіистами, привели къ присягѣ и мы тотчасъ вступили въ должность. Въ это время мнѣ было 16 годъ, и я писалъ довольно хорошо, слѣдовательно былъ и не безполезенъ. Всѣми мѣрами я старался себя улучшить и пріобрѣсти хорошее о себѣ мнѣніе и столько счастливъ былъ, что меня всѣ почти полюбили; а какъ отецъ мой содержалъ меня опрятно въ отношеніи платья, то я скоро сдѣлался примѣтнымъ, и повытчикъ, въ распоряженіи котораго я состоялъ, отличалъ меня отъ моихъ товарищей.

Должность моя не требовала отъ меня ничего, кромѣ усердія, исправности въ письмѣ и хорошаго поведенія; все это я соблюдалъ и всегда, въ положенное время былъ у должности, а свободные отъ нея часы употреблялъ на чтеніе законовъ, которыми Палата была снабжена и которыя я могъ брать и домой. Я читалъ ихъ со вниманіемъ; тѣ, которые были поважнѣе, выписывалъ, съ нѣкоторыхъ же списывалъ даже и копіи. Больше предъ прочими вниманіе мое обратили на себя «Уло-

женіе *) и Генеральный Регламентъ»; первое, потому что заключало въ себѣ всѣ предметы законовъ, очень еще мало въ 1782 году измѣнившіеся; а послѣдній, потому что содержалъ въ себѣ форму всего и во всѣхъ мѣстахъ канцелярскаго порядка до такой степени, что даже расположеніе судебныхъ камеръ и убранство ихъ въ немъ предположены. Это заставило меня весь Регламентъ списать своею рукою, что̀ еще больше сдѣлало мнѣ все въ немъ содержащееся понятнымъ; списокъ этотъ и теперь у меня въ хорошемъ, по тогдашнему, переплетѣ и съ надписью о времени, когда я его списалъ, сохраняется, какъ памятникъ моего юношества и вниманія къ знанію отечественныхъ законовъ и учрежденій.

Почтенный начальникъ мой, Иванъ Петровичъ Вешняковъ, узнавши о таки ъ моихъ качествахъ и занятіяхъ, въ 1783 году опредѣлилъ меня писц ıъ крѣпостныхъ дѣлъ съ прибавкою жалованья и, лично одобривши труды мои и вниманіе, сказалъ: «Старайся, мой другъ, быть еще л чшимъ; я тебя не оставлю». Вниманіе начальника поощрило мое усердіе; да и должность, хотя маловажная, всетаки была повиднѣе потому что каждая крѣпость, въ Палатѣ совершаемая, должна была быть писана моею рукою и отъ меня зависѣла всякая справка съ книгами и дѣлами, нѣтъ ли препятствій къ совершенію крѣпостей, что̀ я и дѣлалъ подъ наблюденіемъ надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ и скоро и вѣрно, чѣмъ сверхъ исправности, заслужилъ въ короткое время отъ просителей всегдашнюю благодарность и хорошіе всюду отзывы; а такъ какъ сверхъ того, по должности, я очень часто долженъ былъ съ крѣпостями ходить къ благороднымъ и даже значительнымъ лицамъ для рукоприкладства и росписокъ въ книгахъ крѣпостныхъ и довѣренностяхъ: то это сдѣлало меня всѣмъ знакомымъ, что̀ впослѣдствіи было для меня очень полезно.

Іюля 1-го дня 1784 г. награжденъ я былъ, вмѣстѣ съ другими и отцомъ моимъ, званіемъ подканцеляриста, что̀ по молодости моей очень меня обрадовало, и я усугубилъ еще мое усердіе, сколько могъ. Между тѣмъ вникалъ въ должность надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ съ совершеннымъ вниманіемъ и на этотъ конецъ собралъ и списалъ всѣ законы и формы, до сей должности относящіеся, и въ семъ году могъ уже самъ сочинять крѣпости и разные акты по крѣпостной части.

Въ томъ же году Саратовская губернія поручена была новому генералъ-губернатору, генералъ-поручику Павлу Сергѣевичу Потемкину,

*) Это конечно Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649, а Генеральный Регламентъ—Петра Великаго.

бывшему тогда въ семъ званіи по Астрахани и Кавказу, начальникомъ Каспійской флотиліи и всего Кавказскаго края, съ находившимися тамъ войсками. Пребываніе же онъ имѣлъ тогда больше въ Екатериноградѣ, вновь учрежденномъ губернскомъ городѣ Кавказской губерніи. Генералъ этотъ считался тогда отличнымъ военачальникомъ и былъ очень любимъ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ. Въ 1785 г. онъ былъ и въ Саратовѣ, жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и велъ себя пышно и гордо. Въ торжественные дни онъ не выѣзжалъ иначе, какъ окруженный адъютантами и 24 драгунами съ маіоромъ, по сторонамъ кареты. Входилъ во всѣ дѣла и требовалъ скорости, что̀ и исполнялось. Кромѣ губернатора, который самъ былъ любимцемъ свѣтлѣйшаго, всѣ чиновники предъ нимъ трепетали. Всѣ его предписанія дышали строгостію, не рѣдко съ собственноручными на нихъ дополненіями. Былъ ученъ и знающъ; выходили тогда даже нѣкоторыя его сочиненія.

Во время его управленія, въ Саратовской губерніи произошли два слѣдующіе примѣчательные случая. Первый изъ нихъ доказываетъ не совершенную еще полноту населенія въ то время губерніи. Императрицѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Саратовской губерніи есть большое количество казенныхъ земель, остающихся пустопорожними, даже и за населеніемъ ста-четырехъ селеній иностранцами, вызванными изъ чужихъ краевъ; что земли эти, удобныя къ поселеніямъ и хозяйственнымъ заведеніямъ, такъ какъ изобиловали всякими угодьями, хотя и были неоднократно Казенною Палатою предлагаемы по публикамъ къ отдачѣ въ оброчное содержаніе, но снимали ихъ мало, слѣдовательно и доходъ съ нихъ получался самый ограниченный. Ея Величество повелѣла генералъ-губернатору раздавать эти земли въ вѣчное владѣніе и отмежевать ихъ такимъ дворянамъ, которые возмутся заселять ихъ или устроивать на оныхъ хозяйственныя заведенія и скотоводство. Повидимому слѣдовало предполагать, что дворяне съ радостію воспользуются таковою монаршею милостію, такъ какъ земли отдавались безъ всякаго за нихъ въ казну платежа; но я помню, что весьма немногіе воспользовались случаемъ, и земель таковыхъ осталось нерозданными огромное пространство, изъ котораго впослѣдствіи значительное количество пожаловано было г.г. Нарышкинымъ, а прочая земля заселилась выходцами изъ другихъ губерній, или продана казною за деньги по значительнымъ цѣнамъ.

Второй случай заключался въ слѣдующемъ. Управлявлявшій губерніею, съ самаго ея открытія, губернаторъ Поливановъ, хотя и былъ поддерживаемъ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, но подвергся не-

счастію, и съ нимъ погибло довольно много другихъ лицъ, вслѣдствіе нижеописаннаго обстоятельства. Имъ отрѣшенъ былъ отъ должности секретарь Уѣзднаго Суда, нѣкто коллежскій регистраторъ Игнатьевъ; въ отомщеніе за то, этотъ Игнатьевъ сдѣлалъ доносъ, препроводя его въ собственныя руки Императрицы. Его взяли въ Петербургъ, и тамъ онъ далъ объясненія, помѣстивши въ нихъ слишкомъ сорокъ предметовъ, заключающихъ въ себѣ злоупотребленія и худое управленіе губерніею, при чемъ прибавилъ, что все это онъ можетъ доказать въ Саратовѣ. По этому доносу Императрица отправила въ Саратовъ двоихъ сенаторовъ: графа Александра Романовича Воронцова и тайнаго совѣтника Алексѣя Васильевича Нарышкина, которые и прибыли въ началѣ 1787 г., приведя съ собою Игнатьева и довольное количество чиновниковъ, очень значительныхъ, въ томъ числѣ: статскихъ совѣтниковъ Рудакова и Рычкова. По прибытіи, Игнатьевъ занятъ былъ при Уголовной Палатѣ комиссіею, составленною изъ членовъ ея и упомянутыхъ двоихъ чиновниковъ, объясненіемъ доказательствъ, а г.г. сенаторы потребовали отъ губернатора нужныя имъ свѣдѣнія; онъ уклонился болѣзнію, но чрезъ короткое время Императрицею былъ отрѣшенъ и преданъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Агалинымъ суду Сената въ Москвѣ, куда они и были отправлены, а между тѣмъ г.г. сенаторы, оставаясь въ Саратовѣ до осени, продолжали свои по всей губерніи дознанія. Чиновники же Рудаковъ и Рычковъ занимались по комиссіи дѣломъ собственно Игнатьева; въ эту комиссію переведенъ былъ въ званіе предсѣдателя Уголовной Палаты и начальникъ мой Иванъ Петровичъ Вешняковъ, уже по отъѣздѣ сенаторовъ, какъ человѣкъ знающій; онъ и производилъ это дѣло, которое, заключая въ себѣ множество предметовъ и многосложное слѣдствіе, длилось очень долго.

Я въ это время, находясь по прежнему на службѣ въ Гражданской Палатѣ, былъ помощникомъ столоначальника аппеляціонныхъ дѣлъ, довольно навыкъ къ дѣламъ и считался по Палатѣ въ числѣ лучшихъ канцелярскихъ чиновниковъ, хотя былъ все еще подканцеляристомъ, а во время бытности сенаторовъ взятъ былъ въ ихъ канцелярію и занимался дѣломъ только доносителя (т. е. Игнатьева), а другихъ исправлялъ очень мало и при самомъ началѣ вступленія въ канцелярію, именно 16 Марта 1787 г., произведенъ былъ въ канцеляристы, а при отбытіи сенаторовъ того же года Ноября 23-го въ губернскіе регистраторы. Классныхъ же чиновъ гражданскимъ чиновникамъ тогда не давали, по случаю пріостановленія производства года на четыре, по протесту оберъ-прокурора Правительствующаго Сената Колокольцова, такъ какъ оно шло безпорядочно и неуравнительно: ибо я помню, что иные по два

чина въ годъ получали, и другіе и въ нѣсколько лѣтъ ни одного. По этому-то, впослѣдствіи и вышелъ извѣстный указъ 1790 г. о терминахъ на всѣ чины до надворнаго совѣтника включительно.

Когда сенаторы уѣхали, я возвратился въ Губернскую Палату и былъ замѣщенъ по прожнему помощникомъ столоначальника аппеляціонныхъ дѣлъ; въ этой должности я оставался до 1788 года, въ Генварѣ котораго прибылъ новый предсѣдатель Палаты, статскій совѣтникъ Николай Симоновичъ Лаптевъ, изъ прокуроровъ Юстицъ-коллегіи, человѣкъ свѣдущій въ законахъ и дѣлопроизводствѣ и знакомый съ большимъ кругомъ, а сверхъ того любимецъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, подъ начальствомъ котораго служилъ во время истребленія Турецкаго флота при Чесмѣ.

Сей предсѣдатель, вступивши въ должность, многое нашелъ не по себѣ, а потому, предпринявши прежде всего преобразовать канцелярію Палаты, приказалъ намъ всѣмъ оную составлявшимъ вмѣстѣ съ секретаремъ явиться къ себѣ въ домъ, назначивши для того и день. Онъ обошелся съ нами при этомъ очень вѣжливо и ласково, говорилъ много съ сокретаремъ и съ каждымъ изъ насъ, съ примѣчательнымъ приличіемъ въ вопросахъ. Бесѣда эта продолжалась часа два, и предсѣдатель заключилъ ее тѣмъ, чтобы мы служили хорошо и усердно, занимаясь каждый своею частію какъ слѣдуетъ, за что онъ будетъ стараться воздать намъ; секретарю же сверхъ того примѣтилъ (онъ былъ человѣкъ невоздержный), что ему надобно поправиться, тѣмъ больше, что онъ глава канцеляріи и имѣетъ на всѣхъ и во всемъ непосредственное вліяніе. Мы вышли отъ него всѣ довольны, кромѣ секретаря, который очень и очень былъ сконфуженъ заключеніемъ предсѣдательскаго разговора. По Палатѣ показалось мнѣ, что будто все переродилось, и мы стали какъ будто другіе; по крайней мѣрѣ, я это чувствовалъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того г. предсѣдатель объявилъ въ присутствіи росписаніе должностей всѣхъ канцелярскихъ чиновъ; къ секретарю назначилъ помощникомъ того столоначальника аппеляціонныхъ дѣлъ, у котораго я былъ помощникомъ; меня же сдѣлалъ столоначальникомъ на его мѣсто; равнымъ образомъ, назначилъ и изъ членовъ каждому особенную часть, на основаніи Генеральнаго Регламента 8-й главы о раздѣленіи трудовъ, и приказалъ составить о семъ по Палатѣ особый журналъ.

При этомъ я, имѣя почти уже 21 годъ отъ роду, примѣтилъ, какое большое вліяніе можетъ имѣть такой начальникъ на подчиненныхъ

и на ввѣренное его управленію мѣсто. Въ Палатѣ пошло все другимъ образомъ: невидныя лица сдѣлались видными и дѣла пошли успѣшнѣе и лучше. Жалованье мое почти удвоилось; я получилъ другой духъ, и посредственныя мои способности получили другое и преимущественное дѣйствіе, которое еще больше во мнѣ усугубилось по слѣдующему обстоятельству.

Николай Симоновичъ (Лаптевъ) имѣлъ большую переписку съ Петербургомъ и Москвою и почти все съ значительными лицами, какъ-то съ Орловыми, Безбородко, Лопухинымъ и тому подобными. Ему нуженъ былъ писецъ, для переписки способный: онъ избралъ меня, и я наканунѣ каждаго почтоваго дня, а иногда и въ почтовые, когда Московская почта отходила, долженъ былъ быть у него, и онъ, запершись въ кабинетѣ и посадивши меня напротивъ себя за столъ, диктовалъ мнѣ свои письма, научивши меня предварительно формѣ ихъ, т. е. какъ начинать, отставлять и какіе края съ трехъ сторонъ оставлять каждому, по приличію; окончивши, печаталъ прежде самъ, а послѣ и мнѣ поручалъ, научивши всему, какъ что дѣлать. При началѣ порученія мнѣ переписки, онъ примѣтилъ мнѣ, что переписка, писанная стороннею рукою, никогда и никому, кромѣ трехъ лицъ, извѣстна быть не должна. Я понялъ это замѣчаніе и былъ точнымъ его исполнителемъ.

Однакоже, сколько ни лестно было мнѣ подобное довѣріе, но оно отвлекало меня отъ должности иногда въ нужное время, что̀ и заставляло трудиться въ другіе дни больше моихъ сослуживцевъ. Благодѣтель мой не могъ того не замѣтить; награждая мои труды, онъ прибавилъ мнѣ еще жалованья и усугублялъ каждодневно свои милости различными способами, которыя, какъ извѣстно, у разумныхъ начальниковъ всегда въ рукахъ; я же, такъ сказать, рвался, чтобы дѣлаться еще больше ихъ достойнымъ.

Впослѣдствіи Гражданская Палата совершенно преобразовалась; дѣла потекли успѣшнѣе и, къ удовольствію всѣхъ, рѣшались съ полною справедливостію, а иногда оканчивались и миролюбно посредствомъ убѣжденій Николая Симоновича, который о сихъ предметахъ больше всего заботился; къ тому же въ это время онъ имѣлъ и сотрудниковъ нѣкоторыхъ, именно совѣтника, поступившаго на мѣсто Давида Матвѣевича Панчулидзева, который вышелъ въ отставку и скоро скончался, сына его титулярнаго совѣтника Алексѣя Давидовича и выписаннаго имъ изъ Москвы въ секретари губернскаго секретаря Поликарпова, человѣка съ достаточными способностями.

Между тѣмъ, въ Саратовъ былъ назначенъ и прибылъ новый ге-

нералъ-губернаторъ, бывшій предъ симъ Воронежскимъ и Харьковскимъ, генералъ-поручикъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ, съ наставленіемъ отъ Императрицы поправить губернію и постараться объ окончаніи вышеупомянутаго дѣла бывшаго секретаря Игнатьева. Этотъ генералъ-губернаторъ былъ примѣрный человѣкъ, образецъ добродѣтельныхъ начальниковъ; въ короткое время его полюбили всѣ до безпредѣльности, особливо за благонравіе и кротость его; губернаторомъ же, на мѣсто г. Поливанона, пріѣхалъ генералъ-маіоръ Илья Гавриловичъ Нефедьевъ, имѣвшій преклонныя уже лѣта и человѣкъ хотя добрый, но мало свѣдущій по сей части. Генералъ-губернаторъ, усмотрѣвшій медленное теченіе по Уголовной Палатѣ дѣла по извѣту Игнатьева, а сверхъ того узнавши дѣятельность Николая Симоновича, съ разрѣшенія Императрицы перевелъ производство онаго въ Гражданскую Палату, куда и поручено мнѣ было принять его. Дѣло это сдѣлалось столько обширнымъ, что заключило въ себѣ многія тысячи листовъ и раздѣлено было на сорокъ отдѣленій, по числу предметовъ въ доносѣ. Когда я принялъ дѣло, Николай Симоновичъ, призвавши меня къ себѣ, объявилъ, что ему хотѣлось бы, чтобы я же и производилъ оное съ помощію назначенныхъ для того людей. Мнѣ не оставалось на это ничего больше сказать, кротого только, что вниманіе его я принимаю новымъ доказательствомъ его милости и буду стараться оправдать его довѣріе. И такъ я сдѣлался производителемъ сего дѣла, и какъ по волѣ генералъ-губернатора и по желанію моего Николая Симоновича всегда оставлялись и послѣ-обѣденныя присутствія, а я каждодневно съ подчиненными долженъ былъ онымъ дѣломъ заниматься до 12 часовъ ночи, иногда же и до двухъ часовъ за полночь: то столько занятіями изнурился, что занемогъ. Усмотрѣвши это, Николай Симоновичъ назначилъ занятія съ семи часовъ утра по два за полдень и послѣ обѣда съ пяти до десяти часовъ, что̀ составляло двѣнадцать часовъ въ сутки. При таковомъ стараніи означенное дѣло кончилось однакоже не ближе какъ черезъ годъ и было представлено въ Правительствующій Сенатъ.

Генералъ-губернаторъ, отдавая должную справедливость дѣятельности Николая Симоновича, довелъ объ оной до свѣдѣнія Государыни Императрицы, и она изволила вскорѣ его перемѣстить вице-губернаторомъ въ Казань, а послѣ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, губернаторомъ въ Тамбовъ. Мы же остались безъ всякаго воздаянія; ибо, какъ выше объяснено, чиновъ въ то время никому не давали, кромѣ какъ на вакансіи. Руководствуясь тѣмъ, Николай Симоновичъ хотя и представлялъ меня въ палатные регистраторы XIV класса, но такъ какъ въ это самое время (1790 г.) состоялся вышеписанный указъ

съ назначеніемъ терминовъ для каждаго чина, то я по оному и воспользовался производствомъ въ коллежскіе регистраторы, 31 Декабря 1791 г., и вмѣстѣ утвержденъ былъ палатнымъ регистраторомъ. Слѣдовательно, я занялъ классную должность; но, по маловажности ея, мнѣ было поручено еще производство частныхъ дѣлъ.

По отбытіи Николая Симоновича, предсѣдателемъ въ Гражданскую Палату опредѣленъ былъ предсѣдатель Верхняго Земскаго Суда, коллежскій совѣтникъ Николай Ѳедоровичъ Батуринъ, бывшій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, человѣкъ чрезвычайно добродѣтельный и дѣла̀ хотя знающій, но не столько дѣятельный, какимъ былъ его предшественникъ. Онъ зналъ меня лично и по вступленіи въ должность не только отлично со мною обращался, но часто оставлялъ меня у себя обѣдать, а такъ какъ его всѣ вообще любили и уважали, то и я чрезъ сіе сдѣлался всѣмъ извѣстенъ съ хорошей стороны и многими любимъ, какъ молодой 22 лѣтній чиновникъ, отличаемый предсѣдателемъ, а посему, при искательствѣ моемъ, былъ вхожъ во всѣ дома и принимаемъ благосклонно, а сверхъ того приглашаемъ на балы и праздники.

Съ 1-го Января 1792 г., должность моя была перемѣнена, и я избранъ былъ Палатою въ надсмотрщики крѣпостныхъ дѣлъ, а также приходчикомъ и расходчикомъ денежной казны и особенно порученъ былъ съ должностію моею въ дирекцію совѣтника Алексѣя Давидовича Панчулидзева. Исправляя съ полнымъ усердіемъ и вѣрностію эти должности, я заслужилъ совершенную довѣренность сего почтеннаго начальника, который, чрезъ сіе полюбя меня, всегда отличалъ и благосклонно принималъ у себя. По окончаніи же года, такъ какъ упомянутая должность, по тогдашнимъ правиламъ, давалась только на годъ, введя меня въ присутствіе, рекомендовалъ оному отличнѣйшимъ образомъ и просилъ, сдѣлавши журналъ, вызвать всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ и предложить имъ, чтобы брали съ меня примѣръ въ прохожденіи служеніи, что̀ и было исполнено. Свидѣтельствуетъ это данной мнѣ Палатою въ 1797 г. аттестатъ.

Сдавши означенную должность, я поступилъ опять въ регистраторы; но должностію этою занимался одинъ изъ моихъ подчиненныхъ, а самъ я исправлялъ обязанности столоначальника апелляціонныхъ и вотчинныхъ дѣлъ три года, а потомъ снова былъ надсмотрщикомъ и приходо-расходчикомъ на 1794 годъ, по прошествіи котораго поручена была мнѣ должность протоколиста, которую я исправлялъ очень не долго, а назначенъ былъ опять къ отправленію вотчинныхъ и апелляціонныхъ дѣлъ, а часть эта и тогда считалась и теперь считается по

Гражданской Палатѣ важнѣйшею, съ тою разницею, что теперь она вдругъ тремъ или четыремъ лицамъ поручается. Между тѣмъ 31-го Декабря 1795 г., я былъ награжденъ чиномъ губернскаго секретаря.

Опытъ и стараніе научили меня познанію законовъ и порядку дѣлопроизводства; по этому въ началѣ 1793 г., по просьбѣ бывшаго въ то время въ Саратовѣ губернскимъ прокуроромъ Ѳедора Петровича Есипова, я отпущенъ былъ въ отпускъ для занятій по дѣламъ его въ Симбирскѣ и Ардатовѣ. Дѣла эти, къ удовольствію г. Есипова, я кончилъ скоро и выгодно, но чуть было не пожертвовалъ жизнью, возвращаясь въ Саратовъ въ первыхъ числахъ Апрѣля въ самую большую распутицу. Дѣйствія мои по этимъ дѣламъ и рекомендація г. Есипова сдѣлали меня извѣстнымъ по Саратову за дѣловаго человѣка, почему я имѣлъ уже много порученій по дѣламъ въ городѣ и писалъ просьбы, которыя по тогдашнему считались примѣрными, а это было мнѣ полезно, какъ человѣку молодому; сверхъ того я и одѣвался приличнѣе многихъ, что̀ считалось тогда отличіемъ и повлекло за собою приглашеніе меня въ лучшіе дома по городу.

Препровождая такимъ образомъ и жизнь и службу, я считалъ себя вполнѣ счастливымъ, такъ какъ повидимому имѣлъ все: былъ здоровъ, въ цвѣтѣ молодости, пользовался благорасположеніемъ публики и въ средствахъ къ жизни, при существовавшей дешевизнѣ, не нуждался; стало быть, чего же могло мнѣ не доставать? О женитьбѣ я мало думалъ и, считая дѣло это слишкомъ важнымъ, предполагалъ, что на это будетъ еще время и просилъ только Бога поддержать мое здоровье.

1796 годъ былъ уже въ исходѣ; губернаторомъ въ Саратовѣ, по кончинѣ Ильи Гавриловича Нефедьева, былъ генералъ-маіоръ Василій Сергѣевичъ Ланской *), имѣвшій меньше 40 лѣтъ отъ роду и обладавшій всѣми прекрасными качествами, любимый же до безпредѣльности не только благородною публикою, но и всѣми вообще. Губернія была спокойна, всѣмъ изобиловала и, казалось, всѣ наслаждались благополучіемъ, благословляя обладательницу свою, императрицу Екатерину Вторую, милостивую, кроткую, мудрую и попечительную, какъ вдругъ, въ половинѣ Ноября, разнеслась тихо плачевная вѣсть, что она 6 ч. того мѣсяца скончалась. Этой вѣсти никто не хотѣлъ вѣрить, имѣя полные

*) Управлявшій потомъ въ 1820 годахъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника. Онъ имѣлъ Андреевскій орденъ и сконч. въ 1827 или 28 г.

слезъ глаза*); но она тотчасъ подтвердилась полученіемъ съ курьеромъ манифеста императора Павла I о вступленіи его на престолъ.

У губернаторскаго дома, который былъ тогда вмѣстѣ и генералъ-губернаторскимъ (такъ какъ генералъ-губернаторъ, помнится, Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, былъ тогда на Кавказской линіи), поставлена была вѣстовая пушка, предварительно для повѣстки, по пріѣздѣ курьера; всѣ были каждую минуту готовы слышать печальную вѣсть, какъ вдругъ три выстрѣла возвѣстили оную въ 11 часовъ 16 числа. Всѣ чиновники мгновенно собрались къ губернатору, а между тѣмъ начался благовѣстъ со всѣхъ церквей. Не больше, какъ въ четверть часа, соборъ былъ полонъ. Здѣсь отправлена была панихида блаженныя памяти по Екатеринѣ II, а потомъ торжествовали восшествіе на престолъ императора Павла Петровича, съ принесеніемъ ему присяги отъ всѣхъ, отъ кого слѣдовало; а затѣмъ, всѣ разошлись по домамъ, продолжая, какъ будто не вѣрить, что лишились своей благодѣтельницы навсегда.

Его Величество вступленіе свое на престолъ ознаменовалъ отмѣною предположеннаго предъ тѣмъ рекрутскаго набора и отмѣнилъ хлѣбный сборъ въ натурѣ; а въ Декабрѣ полученъ указъ, которымъ Саратовская губернія упразднялась, а мѣстности, въ ней заключавшіяся, повелѣно присоединить, по мѣрѣ удобности, къ губерніямъ Пензенской и Астраханской. По такому высочайшему повелѣнію остановлены были всѣ дѣйствія Саратовской губерніи, и мы занялись только приготовленіемъ описей рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ и къ сдачѣ ихъ куда слѣдуетъ; губернаторъ же Василій Сергѣевичъ Ланской былъ переведенъ въ Тамбовъ.

Между тѣмъ, какъ мы занимались приготовленіемъ дѣлъ къ сдачѣ, въ началѣ 1797 г. состоялся имянный указъ, повелѣвавшій Саратовскую губернію опять возстановить, съ тѣмъ, что губернскіе чиновники, назначенные въ составъ управленія оною, должны прибыть изъ Пензенской губерніи, которую упразднить, оставивши Пензу уѣзднымъ городомъ. Намъ оставалось продолжать свои занятія къ отдачѣ дѣлъ имѣвшимъ прибыть изъ Пензы чиновникамъ; мы и продолжали эти занятія, доколѣ они, весною 1797 г., прибыли; нерѣшенныя дѣла передали кому слѣдовало, а рѣшенныя сдали въ архивъ, окончивши все это уже въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

Съ прибытіемъ изъ Пензы губернскаго управленія, прибылъ и губернаторъ тамошній, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ

*) Екатерину оплакивали и въ захолустной тогда Уфѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ въ своихъ „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука" С. Т. Аксаковъ. П. Б.

Яковлевичъ Гедеоновъ, но онъ оставался въ должности очень недолго: въ Маѣ мѣсяцѣ на мѣсто его переведенъ изъ Тамбова прежній губернаторъ Василій Сергѣевичъ Ланской.

Бывшія у меня на рукахъ дѣла я сдалъ всѣ по принадлежности, а между тѣмъ, не оставаясь ни одного дня безъ должности, былъ приглашенъ и опредѣленъ въ учрежденную въ Саратовѣ Контору Опекунства иностранныхъ поселенцевъ, для управленія въ Саратовской губерніи ихъ колоніями, населенными по вызову изъ чужихъ краевъ иностранцами разныхъ націй и исповѣданій по нагорной и луговой сторонамъ Волги. Это опредѣленіе послѣдовало по желанію главнаго судьи упомянутой Конторы, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Дмитріевича Еремеева, который, бывши до того предсѣдателемъ Саратовской Уголовной Палаты, зналъ меня лично и назначилъ столоначальникомъ по дѣламъ, возникавшимъ по просьбамъ колонистовъ всякаго рода. Такимъ образомъ окончилась служба моя въ Саратовской Гражданской Палатѣ, которую я продолжалъ съ 30 Іюня 1782 г. по 31 Іюня 1797 г., то есть пятнадцать лѣтъ одинъ мѣсяцъ и одинъ день, съ удовольствіемъ для меня и при постоянномъ благорасположеніи ко мнѣ начальства.

Имѣя почти тридцать лѣтъ отъ роду и достаточную опытность въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ всякаго рода, я зналъ почти совершенно, какъ порядокъ, такъ и правила всего судопроизводства. Обстоятельства заставили меня приняться совершенно за противныя прежнимъ занятіямъ по службѣ, потому что обязанности Конторы Опекунства иностранныхъ поселенцевъ состояли совсѣмъ въ другихъ предметахъ. Контора эта учреждена была съ такимъ предложеніемъ, чтобы она одна въ губерніи, ни отъ кого независимо, управляла колоніями, какъ по части хозяйственной, такъ и по части судопроизводства и, бывши подчинена одной Экспедиціи государственнаго хозяйства и сельскаго домоводства, въ С.-Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ изъ членовъ онаго учрежденной, къ ней одной во всемъ относилась и въ особенности къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину, какъ къ главному ея начальнику.

Я въ Контору вступилъ предъ самымъ ея открытіемъ. Составляли оную: главный судья съ двоими товарищами, секретарь, бухгалтеръ, переводчикъ, землемѣръ и потребное число канцелярскихъ чиновъ.

Контора была открыта 31 Іюля, и мы занялись принятіемъ всѣхъ дѣлъ, къ оной относящихся, отъ Казенной Палаты, съ 1765 г. по упомянутое время, то есть со времени населенія колоній по вызову 1763 г.

Для того, чтобы имѣть лучшее объ этихъ колоніяхъ понятіе, нужно предварительно знать слѣдующее. Ихъ населено было всего сто четыре селенія, большею частію на луговой и нагорной сторонахъ рѣки Волги и частію по рѣкамъ, впадающимъ въ Волгу: двумъ (Малому и Большому) Караманамъ, Медвѣдицѣ, Иловкѣ и Тарлыку. Колонисты, выѣхавшіе изъ своихъ государствъ, вступили въ готовыя селенія и дома, казною выстроенные, а кромѣ того снабжены были всѣмъ нужнымъ къ домоводству и хлѣбопашеству отъ казны же. Деньги, на все это употребленныя, были внесены на каждое семейство въ домовыя книги и разсрочены на тридцать лѣтъ; управлялись же прежде коммисарствами подъ вѣдѣніемъ Опекунской Конторы; потомъ, по открытіи въ губерніи Казенной Палаты директоромъ экономіи, а наконецъ учреждена для того опять особая Контора. По переписи, жителей въ колоніяхъ было до двадцати тысячъ душъ мужскаго и столько же женскаго пола; перепись эта была произведена еще прежнею Конторою.

По принятіи изъ Саратовской Казенной Палаты дѣлъ, Контора занялась разсмотрѣніемъ всѣхъ предметовъ до колоній относившихся, а между тѣмъ мнѣ поручено было, вскорѣ по открытіи, согласно инструкціи изданной для Конторы, обозрѣть во всѣхъ колоніяхъ домà колонистовъ; а такъ какъ со времени постройки ихъ протекло около тридцати лѣтъ, то узнать, сколько лѣсу понадобится каждому семейству на поправку домовъ, для отпуска его изъ Вятскихъ лѣсовъ за попѐнныя деньги, съ сплавомъ въ плотахъ къ колоніямъ.

Я объѣхалъ всѣ колоніи и, обозрѣвши ихъ, составилъ порученное мнѣ исчисленіе, по которому впослѣдствіи лѣсъ и былъ отпущенъ.

Коммисія эта занимала меня нѣсколько мѣсяцевъ и я, видѣвши всѣ колоніи и населенныхъ въ нихъ людей, безъ всякаго мнѣ порученія, велъ, въ продолженіе этого времени, свои замѣчанія о всѣхъ предметахъ, какіе, по мнѣнію моему, казались заслуживавшими вниманія; по возвращеніи же въ Саратовъ, составивъ подробное исчисленіе о лѣсѣ, представилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, главному судьѣ и свои замѣчанія, составленныя хотя и кратко, но достаточно описывавшія положеніе колоній

Замѣчанія эти составлены были мною только для любопытства, но главнымъ судьею приняты были съ большою благодарностію и были причиною, что онъ, принявъ мое усердіе въ особенное вниманіе, по зрѣломъ соображеніи, представилъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину о произведеніи по колоніямъ новой переписи съ составленіемъ экономическихъ по онымъ примѣчаній.

Пока на это представленіе не было еще отвѣта, я былъ безпрерывно употребляемъ на слѣдствія въ колоніяхъ по разнымъ происшествіямъ и всегда оканчивалъ ихъ къ удовольствію Конторы, особенно главнаго судьи, который былъ человѣкомъ очень умнымъ и знающимъ, за что онъ обнадеживалъ меня ходатайствомъ о награжденіи.

Между тѣмъ, получено было и предписаніе Экспедиціи государственнаго хозяйства, чтобы исполнить предположеніе Конторы о произведеніи новой переписи колонистамъ съ составленіемъ экономическихъ примѣчаній и потомъ представить въ Экспедицію подробное изъ всего извлеченіе.

По полученіи такого предписанія, Контора постановила отправиться для исполненія старшему товарищу главнаго судьи, коллежскому совѣтнику Сергію Сидоровичу Попову, а при немъ и мнѣ, въ видѣ дѣлопроизводителя, переводчику и троимъ канцелярскимъ служителямъ.

Въ Генварѣ 1798 г. мы всѣ отправились въ колоніи, взявъ съ собою планы, прежнюю перепись и все, что̀ представлялось нужнымъ. Объѣха̀въ нѣсколько колоній, составили перепись съ заключеніями, которыя г. Поповъ и повезъ самъ въ Саратовъ на опытъ; я же съ канцеляріею между тѣмъ продолжалъ дѣло. Послѣ онъ возвратился въ колоніи съ одобреніемъ нашего труда, и такимъ образомъ мы перепись и окончили, занимаясь тѣмъ около полутора года. Между тѣмъ главный судья сдѣлалъ представленіе о награжденіи меня чиномъ, вслѣдствіе чего я 22-го Сентября 1799 г. и былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, минуя чинъ коллежскаго секретаря, чѣмъ обязанъ предстательству Андрея Дмитріевича и вниманію князя Алексѣя Борисовича Куракина.

Съ окончаніемъ, такимъ образомъ, переписи и замѣчаній, извлеченія изъ нихъ были представлены Экспедиціи государственнаго хозяйства и были опредѣлены основаніемъ полныхъ свѣдѣній о колоніяхъ и предпріятій Конторы по хозяйственной части.

Между такими моими по Конторѣ занятіями оставалось мнѣ много свободнаго времени, и его употреблялъ я на отправленіе дѣлъ тяжебныхъ, уголовныхъ и слѣдственныхъ, такъ какъ считался столоначальникомъ, усердно стараясь отличать себя какъ трудами, такъ и точнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на меня порученій.

Трудъ мой, усердіе и польза ихъ для службы со стороны главнаго судьи были вознаграждаемы полнымъ его благорасположеніемъ, до такой

степени, что оно возбудило въ равныхъ мнѣ чиновникахъ зависть, а въ секретарѣ даже недоброжелательство; многіе изъ нихъ полагали, что я, пользуясь этимъ благорасположеніемъ, дѣйствую иногда ко вреду ихъ, хотя этого никогда не бывало. Нерѣдко, послѣ присутствія, главный судья оставлялъ меня у него обѣдать; кромѣ того я неоднократно былъ приглашаемъ и на дачу его, верстахъ въ десяти отъ города отстоявшую. Изъ товарищей главнаго судьи тотъ, съ которымъ вмѣстѣ дѣлали мы замѣчанія и перепись, былъ мнѣ почти другомъ, и я каждый день, въ свободное отъ службы время, былъ съ нимъ вмѣстѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самыхъ благороднѣйшихъ качествъ и главному судьѣ истинный другъ, до такой степени, что они и въ городѣ и на дачѣ рѣдко разлучались. Другой товарищъ главнаго судьи надворный совѣтникъ Сикстель, хотя былъ человѣкъ добрый, но образъ жизни велъ уединенный и знакомство имѣлъ только съ одними иностранцами; ко мнѣ онъ хотя и былъ благосклоненъ, но не въ такой степени, какъ главный судья и г. Поповъ, съ которымъ мы, такъ сказать, свыклись во время своего путешествія по колоніямъ. Съ г. Сикстелемъ мнѣ одинъ только разъ случилось заниматься въ теченіе трехъ недѣль производствомъ одного довольно значительнаго слѣдствія, которое впослѣдствіи времени доходило до разсмотрѣнія Экспедиціи государственнаго хозяйства, Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ по иностраннымъ исповѣданіямъ и наконецъ императоровъ Павла I и Александра I и было причиною большаго для меня безпокойства; но безпристрастіе мое во всѣхъ дѣйствіяхъ по службѣ и Провидѣніе всюду меня защищали, и я всегда слѣдовалъ прямою дорогою, что̀ меня и сохранило, какъ при этомъ, такъ еще и при другомъ случаѣ, о которомъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ.

Теперь, мнѣ кажется приличнымъ коснуться, хотя кратко, моихъ семейныхъ обстоятельствъ.

Выше видно было, что въ Саратовѣ отецъ мой имѣлъ домъ; семейство наше, кромѣ отца и матери, состояло изъ меня, братьевъ моихъ Тимоѳея и Алексѣя Ивановичей, изъ которыхъ первый былъ моложе меня тремя, а послѣдній семью годами, изъ сестры Марьи Ивановны, имѣвшей уже совершенныя лѣта, а сверхъ того въ 1781 году родился еще братъ мой Сергій Ивановичъ, которому въ это время (1800 г.) шелъ 13 годъ. Отецъ мой, служа по палатамъ гражданской и уголовной, былъ уже въ отставкѣ губернскимъ секретаремъ; старшій по мнѣ братъ, служившій также сперва въ Гражданской Палатѣ, перешелъ потомъ въ военную службу и одиннадцать лѣтъ находился въ оной на Кавказской линіи и послѣ взятія графомъ Валеріаномъ Александровичемъ Зубовымъ

Дербента былъ произведенъ въ подпоручики, но когда при восшествіи въ 1796 году на престолъ императора Павла I, графъ Зубовъ отъ командованія войсками былъ уволенъ, и данные имъ чины не были утверждены, то братъ оставилъ военную службу и, вступивъ опять въ гражданскую, находился при мнѣ въ Конторѣ Опекунства иностранныхъ поселенцевъ, въ чинѣ коллежскаго регистратора, полученномъ по высочайшему повелѣнію. Другой мой братъ, Алексѣй Ивановичъ, въ чинѣ губернскаго секретаря, служилъ секретаремъ въ Новохопорскомъ Земскомъ Судѣ; въ Новохопорскѣ же, который принадлежалъ тогда къ Саратовской губерніи, онъ и женился. Братъ Сергій Ивановичъ, опредѣленный уже на службу, находился при немъ же, а отецъ и мать мои въ это время находились тамъ же, отправившись къ брату на свадьбу. Слѣдовательно, въ Саратовѣ оставался я съ братомъ и сестрою, проживая въ своемъ домѣ.

Въ это время (3-го Іюля 1800 г. въ три часа пополудни) въ Саратовѣ произошелъ пожаръ, жертвою котораго были до 700 домовъ, нѣсколько церквей и Контора Опекунства иностранныхъ поселенцевъ съ домомъ главнаго судьи. Потребно искусное перо, чтобы описать это ужасное происшествіе. Пожаръ продолжался не больше шести часовъ, но имѣлъ тяжкія послѣдствія. Разореніе жителей было громадно; ужасъ и смятеніе въ городѣ не описанные. При Конторѣ спасены, какъ дѣла, такъ и архивъ, сохранявшій въ себѣ всю бухгалтерію и долги колоній до нѣсколько милліоновъ рублей. По волѣ Провидѣнія, нашъ домъ уцѣлѣлъ; пожаръ до него не достигъ, продолжаясь по вѣтру.

Такъ какъ разстройство по Конторѣ было чрезвычайное: то мы, перебравшись въ одинъ изъ частныхъ домовъ, занялись разборкою дѣлъ, но не успѣли еще ее кончить, какъ утромъ чрезъ нѣсколько дней случился опять пожаръ, истребившій до ста домовъ, въ томъ числѣ и квартиру Конторы; но и на этотъ разъ намъ все удалось спасти, только пришлось перебираться опять на новое мѣсто.

Между тѣмъ, Провидѣнію угодно было жизнь мою совсѣмъ измѣнить. Въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ, предсѣдатель Уголовной Палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Врасскій и супруга его Анна Степановна познакомили меня съ пріѣхавшею изъ Пензы дѣвицею Елизаветою Саввишною Сенченковою, дочерью чиновника, служившаго тамъ прокуроромъ; она пріѣхала въ Саратовъ съ своею бабкою и имѣла отъ роду 17 лѣтъ. Я былъ у нихъ нѣсколько разъ и хотя дѣвица была не въ богатомъ положеніи и ничего за собою не имѣла, кромѣ небольшого дома въ Пензѣ, нѣсколько дворовыхъ лю-

дей и домашнихъ принадлежностей, но доброта ея души и сердца, соединенная съ привлекательною наружностью, плѣнила меня, и такъ какъ мнѣ было уже 32 года, то я и писалъ къ отцу моему, прося позволенія на ней жениться. По этому письму, отецъ и мать мои, прибывъ въ Саратовъ, бракъ мой благословили, а потомъ отецъ отправился со мною въ Пензу, гдѣ бракъ и совершился 29 Іюля 1800 г., въ собственномъ домѣ жены моей, которой посаженою матерью была Александра Васильевна Миленина, урожденная Зубова, ближняя родственница князя Зубова, бывшая въ лучшихъ отношеніяхъ съ бабкою жены моей, вдовою титулярнаго совѣтника Акулиною Евсевьевною Любимовою. Въ послѣдствіи времени она сдѣлалась другомъ и женѣ моей; я же сдѣлался коротко знакомымъ мужу ея, надворному совѣтнику Ивану Андреевичу Миленину, чрезъ котораго и былъ познакомленъ со всѣми въ Пензѣ, а у него въ домѣ былъ какъ родной.

По совершеніи брака, отецъ мой отправился въ Саратовъ, домой, а я съ женою и почтенною ея бабушкою остался въ Пензѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними побывать у всѣхъ ихъ хорошихъ знакомыхъ, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ жившихъ. Я, до исхода Августа, прожилъ тамъ съ особеннымъ удовольствіемъ, но вдругъ получилъ съ почтою письмо изъ Саратова, которымъ отецъ мой извѣщалъ меня, что домъ нашъ, во время случившагося послѣ меня пожара, вмѣстѣ съ многими другими сгорѣлъ, и мы лишились всего, даже и необходимаго, такъ какъ пожаръ начался близко; домъ нашъ тотчасъ же былъ объятъ пламенемъ и спасти хотя что-либо не было никакой возможности.

Происшествіе это повергло насъ въ неописанную печаль; но, Богу благодареніе, она продолжалась не долго. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что намъ некуда было переѣхать, однакожъ Господь утѣшилъ насъ въ скорости: на той же недѣлѣ я получилъ извѣстіе, что квартира для насъ готова. Мы тотчасъ же отправились въ Саратовъ и по пріѣздѣ расположились въ квартирѣ. Сентября 5-го жена моя была имянинница, и у насъ было много гостей; вдругъ, часу въ девятомъ вечера, въ сосѣдствѣ произошелъ новый пожаръ, но благодаря Бога онъ скоро былъ потушенъ и не имѣлъ никакихъ убыточныхъ для насъ послѣдствій.

Отецъ мой, по примѣру другихъ, кое-какъ до весны обстроившись на своей усадьбѣ, жилъ своимъ домомъ, а я, оставаясь въ своей квартирѣ, началъ попрежнему отправленіе своей должности; жена же моя съ своею бабушкою ознакомились съ кѣмъ нужно было, всѣ вмѣстѣ вели жизнь хотя не богатую, но спокойную и пріятную, потому что,

хотя расходы мои и умножились, но при существовавшей на все дешевизнѣ помогали мнѣ во многомъ расположенныя ко мнѣ лица, особенно во всемъ деревенскомъ.

Между тѣмъ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы мѣста по уѣзднымъ и земскимъ судамъ замѣщены были чиновниками отъ короны, съ назначеніемъ ихъ отъ герольдіи, способными къ отправленію службы. Я, служа въ Конторѣ Опекунства иностранныхъ поселенцевъ, хотя и пользовался благорасположеніемъ главнаго судьи и особеннымъ его вниманіемъ, но въ отношеніи къ будущему въ виду ничего не имѣлъ, и вотъ, посовѣтовавшись съ семействомъ и другомъ моимъ, Сергіемъ Сидоровичемъ Поповымъ, послалъ въ Герольдію прошеніе, изъявляя желаніе поступить на соотвѣтственную чину моему вакансію въ Саратовской, Пензенской или Симбирской губерніяхъ, а отъ Сергія Сидоровича выпросилъ письма въ Петербургъ къ его знакомымъ, въ числѣ которыхъ были и лица значительныя. Вскорѣ и безъ всякаго затрудненія я былъ опредѣленъ въ городъ Инсаръ, принадлежавшій тогда къ Симбирской губерніи, засѣдателемъ въ Уѣздный Судъ; именно 4-го Декабря 1800 года. Туда я и отправилъ чрезъ Пензу свое семейство, а самъ поѣхалъ въ Симбирскъ представиться губернскому начальству и поручить себя покровительству губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Михайловича Сушкова, который зналъ меня лично по бытности предсѣдателемъ Саратовской Гражданской Палаты. Это исполнилъ я съ полнымъ успѣхомъ при письмахъ Саратовскихъ моихъ благодѣтелей, а особливо упомянутаго Алексѣя Александровича Врасскаго, у котораго былъ въ Симбирскѣ другъ, губернскій прокуроръ Иванъ Дмитріевичъ Апраксинъ.

Проживъ въ Саратовѣ слишкомъ двадцать лѣтъ и снискавъ во всѣхъ хорошее къ себѣ расположеніе, я оставилъ его съ чувствомъ искренней признательности особенно къ главному судьѣ, Андрею Дмитріевичу Еремееву, который, прощаясь со мною, снабдилъ меня очень хорошимъ аттестатомъ.

Въ продолженіе послѣдней моей жизни въ Саратовѣ и когда я не былъ еще женатъ, Алексѣй Давидовичъ Панчулидзевъ, при которомъ, какъ выше упомянуто, служилъ я въ Гражданской Палатѣ и который въ это время въ чинѣ надворнаго совѣтника служилъ совѣтникомъ въ Соляной Конторѣ, познакомилъ меня съ присланнымъ въ Саратовъ по высочайшему повелѣнію на житье, дѣйствительнымъ камергеромъ Иваномъ Николаевичемъ Корсаковымъ, имѣвшимъ надобность въ такомъ чиновникѣ, который зналъ бы законы и письмоводство. Я въ короткое

время съ этимъ несчастнымъ тогда, но счастливымъ безпредѣльно въ царствованіе Екатерины II вельможею познакомился, пріобрѣлъ его благорасположеніе и былъ участникомъ многихъ его семейственныхъ тайнъ и сочинителемъ бумагъ по дѣламъ его и по чувствамъ, оставляемымъ на случай смерти, такъ какъ онъ, бывши боленъ, не надѣялся пережить своего несчастія, а при томъ дѣла его были въ запутанномъ положеніи. Бывши холостымъ, онъ имѣлъ однакоже дѣтей. Я просиживалъ съ нимъ ночи и слышалъ отъ него много такихъ разсказовъ, которые рѣдкіе слышали. Но заключеніе его, по волѣ государя императора, продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ, получивъ свободу, отправился въ Петербургъ.

Такимъ образомъ окончилась Саратовская моя жизнь, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ тамъ продолжавшаяся, а вмѣстѣ съ тѣмъ и служба по Опекунской Конторѣ, три года четыре мѣсяца и семь дней составлявшая. Нельзя сказать, чтобы я оставлялъ Саратовъ съ большимъ сожалѣніемъ, такъ какъ уѣзжалъ оттуда по собственной волѣ, ѣхалъ съ женою, искренно и горячо мною любимою, и надѣялся, что по новой службѣ обстоятельства мои улучшатся при моихъ о томъ стараніяхъ. Но Господь располагаетъ всѣмъ по Собственному усмотрѣнію, а не по нашимъ предначертаніямъ.

Въ городъ Инсаръ пріѣхалъ я изъ Симбирска въ началѣ Февраля 1801 г., прежде еще моего семейства. Первымъ дѣломъ моимъ, по вступленіи въ должность, было познакомиться со всѣми по Уѣздному Суду товарищами, которыми были опредѣленные прежде меня: уѣзднымъ судьею,—коллежскій ассесоръ Сергій Ѳедоровичъ Иконниковъ, засѣдателемъ—прапорщикъ Яковъ Ѳедоровичъ Ѳедоровъ и секретаремъ—губернскій секретарь Петръ Михайловичъ Поповъ, люди умные и должности свои знающіе; при томъ они были мѣстными жителями и были со всѣми знакомы. Послѣ, посредствомъ ихъ и собственнымъ стараніемъ, познакомился я съ городничимъ, членами Земскаго Суда, г. предводителемъ дворянства, а наконецъ и со всѣми дворянами, въ городѣ тогда жившими; когда же прибыло и мое семейство, сдѣлался знакомымъ и съ ихъ семействами. Изъ числа ихъ, многіе были знакомы съ бабкою жены моей по Пензѣ, такъ какъ Инсаръ былъ предъ тѣмъ, когда Пенза была губернскимъ городомъ, уѣзднымъ городомъ Пензенской губерніи. Сверхъ того сдѣлался знакомымъ съ жившими тогда въ предмѣстіи города заводчиками г.г. Никоновыми и ихъ семействами, которые по своему состоянію и добродушію, такъ сказать, оживляли публику этого маленькаго города. Первою моею квартирою въ Инсарѣ былъ домъ бывшаго предъ пріѣздомъ моимъ засѣдателемъ въ Уѣздномъ Судѣ г. Ликина, за

которымъ была супругою Авдотья Степановна, урожденная княжна И . . . . ва, съ которою жена моя сдѣлалась другомъ; но послѣ мы наняли другой обывательскій домъ, гдѣ и жили уже одни.

Должность засѣдателя Уѣзднаго Суда нимало меня не затрудняла; я съ перваго же раза былъ полезенъ для службы въ оной, такъ какъ производство дѣлъ суда, послѣ службы въ Гражданской Палатѣ и производства дѣлъ слѣдственныхъ и уголовныхъ, не было для меня ново. Мы всѣ четверо работали, такъ сказать, въ запуски, слѣдовательно и успѣвали много. Но судьбѣ не угодно было, чтобы мы, кромѣ секретаря, служили по Уѣздному Суду.

Въ исходѣ Марта, сперва частнымъ путемъ, а потомъ и оффиціально, получено было извѣстіе о кончинѣ императора Павла I и о вступленіи на престолъ императора Александра I; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ другой манифестъ о возобновленіи дворянскихъ выборовъ. Вслѣдствіе того, въ Маѣ и выбраны въ Уѣздный Судъ новые отъ дворянства члены. Передъ вступленіемъ ихъ въ должность, былъ полученъ еще манифестъ милостивый о прекращеніи всѣхъ дѣлъ, кромѣ смертоубійства, лихоимства и грабежа. Поэтому мы, закончивъ всѣ подлежавшія дѣла, донесли о томъ Симбирскому Губернскому Правленію; прочихъ же дѣлъ, какъ я припоминаю, мы сдали только семь и послѣ сдачи, на основаніи особаго распоряженія, причислены были къ Герольдіи.

Перемѣна эта, хотя и не во многомъ меня разстраивала, но главное состояло въ томъ, что я долженъ былъ искать мѣста, потому что безъ службы жить не могъ и принужденъ былъ для того ѣхать, но куда не зналъ. Итакъ, рѣшившись отправиться въ Пензу, гдѣ, какъ я выше упомянулъ, у жены моей былъ домъ, который по счастію не былъ проданъ, мы, въ Іюлѣ, такъ и поступили; а между тѣмъ въ Маѣ, 12 числа Богъ даровалъ намъ сына Николая.

Но Богъ бѣднымъ людямъ всегда на помощь готовъ; чрезъ короткое по пріѣздѣ нашемъ въ Пензу время, я получилъ изъ Саратова письмо отъ брата моего Тимофея Ивановича, который увѣдомлялъ меня, что Алексѣй Давидовичъ Панчулидзевъ, бывшій въ то время уже Саратовскимъ вице-губернаторомъ, приказалъ ко мнѣ написать, что ежели я остался безъ должности, то пріѣхалъ бы въ Саратовъ, а онъ обѣщаетъ мнѣ мѣсто по моему желанію.

Въ Саратовъ отправился я въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и, нашедъ отца моего, мать и сестру здоровыми, а брата Тимофея Ивановича отправившимся служить въ Астрахань, явился къ Алексѣю Давидовичу, былъ

принятъ имъ ласково и благосклонно и, по просьбѣ моей, получивъ обѣщаніе быть опредѣленнымъ въ Пензу, на первый разъ виннымъ приставомъ, я подалъ о томъ просьбу и тотчасъ возвратился домой къ семейству.

Въ то время въ Саратовѣ по Опекунской Конторѣ нашелъ я большую перемѣну, которая главнымъ образомъ состояла въ томъ, что главный судья Андрей Дмитріевичъ Еремеевъ, вмѣстѣ съ обоими его товарищами, отрѣшенъ былъ отъ должности по слѣдующему случаю. Выше видно было, что при открытіи Опекунской Конторы, я командированъ былъ сдѣлать исчисленіе, сколько надобно было колоніямъ и каждому семейству лѣса на поправку домовъ и что исчисленіе это я сдѣлалъ; послѣ того, лѣсъ и былъ отпущенъ изъ Вятскихъ лѣсовъ за попѐнныя деньги. Впослѣдствіи открылось, что когда лѣсъ тотъ былъ сплавленъ къ колоніямъ, то бо̀льшая часть семействъ, которыя въ представленномъ мною Конторѣ исчисленіи были показаны, лѣса не получили, а сплавленъ онъ былъ въ Астрахань и тамъ проданъ, почему и попѐнныхъ денегъ взыскать было не съ кого. Это открылось, и присланъ былъ изъ Петербурга сенаторъ Габлицъ, который все обнаружилъ. Тогда Контора была отрѣшена за дурное распоряженіе, несмотрѣніе и недоставленіе по моему исчисленію колонистамъ лѣса; меня же при семъ случаѣ Господь сохранилъ даже отъ малѣйшаго неудовольствія, такъ какъ найдено было, что я съ своей стороны все порученное мнѣ исполнилъ въ точности. Кромѣ того узналъ я, что по слѣдствію, мною съ г. Сикстелемъ произведенному, какъ выше упомянуто, были также непріятныя послѣдствія. Слѣдствіе это произведено было г. Сикстелемъ вообще съ пасторомъ Лютеранскаго исповѣданія и мною въ видѣ дѣлопроизводителя; само собою разумѣется, что при этомъ дѣйствовавшимъ лицомъ былъ я, какъ знающій весь порядокъ судопроизводства.

Это слѣдствіе заключалось въ слѣдующемъ. Пасторъ колоніи Грязнухи, находящейся въ Устъ-Кулашенскомъ округѣ, прислалъ въ Опекунскую Контору важный доносъ на форштегера (голову). Опекунская Контора поручила г. Сикстелю вмѣстѣ съ пасторомъ и мною произвести по доносу слѣдствіе. Мы всѣ трое, взявъ съ собою двоихъ канцелярскихъ служителей, изъ которыхъ одинъ былъ за переводчика, зная хорошо Нѣмецкій языкъ, отправились въ ту колонію, гдѣ жилъ доноситель и прибывъ, по составленіи присутствія, получили отъ него подтвержденіе доноса; тогда было отобрано нами объясненіе отъ головы и по обоимъ актамъ совокупно мы произвели слѣдствіе. Въ срединѣ производства, доноситель, увидя, что дѣло идетъ напротивъ его доноса, подалъ протестъ, что онъ не можетъ находиться при слѣдствіи, потому

что секретарь присутствія, то есть я, не Нѣмецъ. Но комисія, не смотря на сей протестъ, слѣдствіе продолжала, кончила и представила его въ Контору въ двухъ экземплярахъ, одинъ на Русскомъ, а другой на Нѣмецкомъ діалектахъ, изъ которыхъ къ послѣднему сдѣланы были рукоприкладства, такъ какъ всѣ участвовавшіе въ дѣлѣ были Нѣмцы. Контора слѣдствіе это препроводила въ Юстицъ-Коллегію Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, а Коллегія, разсмотрѣвъ дѣло и нашедъ пастора ложнымъ доносителемъ и сварливымъ человѣкомъ, предписала удалить его отъ прихода на нѣсколько мѣсяцевъ. Пасторъ былъ этимъ не доволенъ и послалъ прошеніе государю императору Павлу I. Его Величество повелѣть соизволилъ вышеписанное слѣдствіе переслѣдовать самому главному судьѣ г. Еремееву, который послѣ уже выбытія моего отправился на мѣсто съ пасторомъ, другимъ уже, со штатнымъ секретаремъ, коллежскимъ ассесоромъ Баженовымъ и переводчикомъ Гриммомъ, не взявъ съ собою никого изъ лицъ, находившихся при первомъ слѣдствіи. Но и при этомъ произведенное нами слѣдствіе подтвердилось во всѣхъ отношеніяхъ и когда дѣло представлено было въ Юстицъ-Коллегію, то она пастора отрѣшила отъ прихода уже на годъ.

По кончинѣ императора Павла I, пасторъ поднесъ новую просьбу императору Александру Павловичу, жалуясь на слѣдствіе и на Контору. Снисходя на это прошеніе, Его Величество соизволилъ повелѣть слѣдствіе еще разъ переслѣдовать, уже по отрѣшеніи г. Еремеева, новому главному судьѣ, статскому совѣтнику Николаю Васильевичу Есипову, который, бывъ прежде въ Саратовѣ губернскимъ прокуроромъ, имѣлъ на отца моего какое-то неудовольствіе; слѣдовательно, и я пріятенъ ему не былъ. Когда я въ вышеписанное время былъ въ Саратовѣ, онъ только что собирался на это слѣдствіе и, въ бытность мою между прочими у него, даже намекалъ мнѣ, что я у него въ рукахъ, хотя изъ Конторы я выбылъ. Признаюсь, я былъ этимъ испуганъ, ибо хотя безпристрастно и вѣрно при слѣдствіи дѣйствовалъ, но все-таки опасался и въ Пензу отправился въ тревожномъ положеніи духа. Возвратившись въ Пензу, я весь Сентябрь провелъ съ своимъ семействомъ, продолжая опасаться г. Есипова; въ началѣ же Октября, благодѣтелемъ моимъ Алексѣемъ Давидовичемъ Панчулидзевымъ былъ вытребованъ въ Саратовъ присягнуть на должность Пензенскаго виннаго пристава, что̀ исполнилъ въ Казенной Палатѣ и отправился къ должности.

Г. Есиповъ въ это время слѣдствіе уже произвелъ и представилъ по порядку въ Юстицъ-Коллегію, но содержаніе этого слѣдствія узнать я не могъ.

Въ Пензѣ, по пріѣздѣ своемъ, должность я принялъ отъ смотрителя надъ магазинами, купца М...... Вина я принялъ отъ него до 230 бочекъ и началъ уже отпускать его откупщику. Принималъ я это вино не на мѣру, а по нарѣзкамъ на бочкахъ, по которымъ оное потомъ и отпускалъ; но у откупщика при продажѣ вина открылось, что мѣра въ бочкахъ не вѣрна противъ нарѣзокъ; а по сему отъ 250 бочекъ, по выборѣ ихъ, онъ насчиталъ на меня слишкомъ 200 ведеръ. Но такъ какъ я извѣстенъ былъ откупщику со сторны хорошей, и онъ зналъ, что въ измѣненіи нарѣзокъ я не участвовалъ, то замѣною того вина меня и не безпокоилъ, ибо это ему очень мало значило (вино продавалось тогда дешевле рубля за ведро). Но тѣмъ не меньше, мнѣ было больно, что я былъ обманутъ бывшимъ смотрителемъ, и я съ огорченіемъ ему это выговорилъ, а послѣ, по прибытіи въ Пензу Алексѣя Давидовича, ему все чистосердечно разсказалъ. Онъ, призвавши М....., приказалъ ему со мною разчесться, что имъ и было исполнено, а потомъ и я съ своей стороны окончилъ дѣло и съ откупщикомъ.

Это было въ Ноябрѣ 1801 года, когда въ Пензѣ сдѣлалось уже извѣстнымъ, что губернія опять возобновлена. Вскорѣ затѣмъ прибыли губернаторъ, тайный совѣтникъ Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель, вице-губернаторъ статскій совѣтникъ Сергій Яковлевичъ Тиньковъ и многіе члены. Я Пензенскими моими благодѣтелями, именно: статскимъ совѣтникомъ Ефимомъ Петровичемъ Чемесовымъ и Иваномъ Андреевичемъ Миленинымъ, былъ имъ рекомендованъ съ самой выгодной стороны, а потому вице-губернаторъ, какъ будущій мой начальникъ, приказалъ мнѣ каждый день у него бывать; узнавъ же меня короче, занялъ меня, сверхъ настоящей моей должности, разными соображеніями, касавшимися до составленія Казенной Палаты и собранія въ оную всѣхъ принадлежностей, такъ какъ предъ тѣмъ изъ губернскаго города, оставшагося уѣзднымъ, все было развезено въ разныя губерніи, въ которыя уѣздные города отошли. Тутъ я успѣлъ показать посильное мое усердіе, и Сергій Яковлевичъ меня полюбилъ; даже изъявилъ одинъ разъ мнѣніе, что я занимаюсь не своею должностію.

Послѣ, въ исходѣ Декабря, открыта была губернія, и съ 1-го Января 1802 г. присутственныя мѣста начали свое дѣйствіе. Оставаясь виннымъ приставомъ, я продолжалъ пользоваться благорасположеніемъ Сергія Яковлевича и, бывая у него часто, неоднократно получалъ приглашенія къ обѣду; съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлался извѣстнымъ не только всѣмъ губернскимъ чиновникамъ, но и самому губернатору. При этомъ, стараясь снискать во всѣхъ благорасположеніе, столько счастливъ былъ, что всѣ меня полюбили, и жить мнѣ было не скучно; жена же моя и ея бабушка пользовались вниманіемъ многихъ. Особливо онѣ коротки

были и дружны съ семействомъ Ивана Андреевича Миленина, который изъ городничихъ сдѣлался совѣтникомъ Казенной Палаты по камерной части, и слѣдовательно былъ моимъ начальникомъ.

Между тѣмъ, слѣдствіе г. Есипова продолжало меня безпокоить; но наконецъ къ удовольствію моему я узналъ, что слѣдствіемъ этимъ всѣ прежнія во всѣхъ частяхъ подтвердились, но что открыты были пристрастія и подозрѣнія на бывшихъ съ г. Еремеевымъ при второмъ слѣдствіи секретаря Бажанова и переводчика Гримма во взяткахъ. По этому пасторъ совершенно уже удаленъ былъ отъ прихода; а оба упомянутыя лица отрѣшены отъ должностей съ преданіемъ суду; я же остался неприкосновеннымъ и, воздавши за то Богу благодареніе, далъ себѣ обѣщаніе и во всю жизнь руководствоваться безпристрастіемъ и всегда идти прямою дорогою.

Вице-губернаторъ Сергій Яковлевичъ Тиньковъ все больше и больше оказывалъ мнѣ знаки своего вниманія и благорасположенія, и въ Августѣ (4-го числа) опредѣлилъ меня Пензенскимъ уѣзднымъ казначеемъ, оставивъ на моихъ же рукахъ, до избранія мнѣ преемника, и должность виннаго пристава, которая однакоже скоро отъ меня была принята и мною сдана въ исправности.

Должность казначея для меня была хотя и новая, но, при своемъ стараніи, я скоро къ ней привыкъ и ни въ чемъ не затруднялся, имѣя хорошаго бухгалтера; наконецъ столько счастливъ былъ, что при свидѣтельствахъ денежной казны каждый разъ получалъ благодарность отъ присутствія Казенной Палаты, которая оказывала мнѣ совершенную довѣренность, и я всѣми силами старался ее оправдать.

Между симъ временемъ, я домъ жены моей, который былъ тѣсенъ и ветхъ, совсѣмъ перестроилъ и въ Сентябрѣ перешелъ въ него жить, хотя нѣкоторыя подѣлки и не были еще окончены.

Съ этого времени жизнь моя была однообразна, и я больше занимался моею должностію, которая по своей многосложности требовала большой исправности; я, стараясь избѣгать запущеній, ходилъ въ казначейство рано и нерѣдко просиживая тамъ ночи. Впослѣдствіи, когда присоединенъ былъ приходъ и расходъ, суммъ бывшихъ до того у губернскаго казначея, занятія мои еще увеличились; но при стараніи я исправлялся.

По пятой ревизіи, когда Пенза была еще губернскимъ городомъ, всѣ безпомѣстные чиновники дворовыхъ людей своихъ написали за собою по городу; когда же губернія была упразднена, чиновники всѣ разъѣхались по разнымъ губерніямъ, но куда, извѣстно не было. Дворовыхъ людей разумѣется они взяли съ собою, а посему, такъ какъ платежъ съ нихъ податей не производился, то за годъ до 6-ой ревизіи накопи-

лась на нихъ значительная недоимка. Уѣздное казначейство, показывая ее по вѣдомостямъ, принуждено было ограничиваться перепискою съ градскою полиціею, которая каждый разъ отвѣчала, что владѣльцевъ и людей нѣтъ въ губерніи а потому и взыскать денегъ не съ кого. Это очень меня озабочивало, хотя отъ начальства и не было на счетъ этой недоимки никакихъ понудительныхъ предписаній мнѣ лично, а были онѣ обыкновенно градской полиціи и Земскому Суду.

По сему предмету я хотя ни за что не отвѣчалъ, но мнѣ наскучило каждомѣсячно писать въ вѣдомостяхъ эти недоимочныя статьи, которыхъ было больше ста, и занимали онѣ нѣсколько листовъ. Желая этого избавиться, я принялся лично освѣдомлятъся о всѣхъ лицахъ, на которохъ недоимка считалась; сверхъ того выпросилъ у полицеймейстера одного чиновника, способнаго мнѣ въ томъ помочь. Въ теченіе съ небольшимъ одного года, мы-успѣли открыть мѣстопребываніе почти всѣхъ лицъ и я, упрося полицеймейстера сдѣлать въ вѣдомостяхъ противъ всѣхъ статей о томъ отмѣтки, составилъ вѣдомости по каждой губерніи особо, которыхъ, сколько припомню, вышло семнадцать, и вѣдомости эти представилъ Казенной Палатѣ, прося разослать ихъ чрезъ Губернское Правленіе во всѣ губерніи съ требованіемъ взысканія недоимокъ. Средство это удалось такъ хорошо, что меньше нежели въ годъ недоимки всѣ поступили въ казну, чѣмъ вице-губернаторъ былъ столько доволенъ, что кромѣ, благодарности, 20 Сентября 1804 г. представилъ государственному казначею о награжденіи меня чиномъ коллежскаго асесссора. Занимавшій тогда эту должность Ѳедоръ Александровичъ Голубцовъ, получивши это представленіе, на просительное о мнѣ письмо статскаго совѣтника Дмитрія Аполлоновича Колокольцова отвѣчалъ, что чинъ будетъ мнѣ пожалованъ, но впослѣдствіи: такъ какъ представленіе было пущено въ ходъ мимо министра финансовъ графа Васильева, прямо въ Правительствующій Сенатъ, то за невыслугою срока въ производствѣ было отказано.

Лѣтомъ 1805 года случилось со мною по должности происшествіе, которое сперва поразило меня, но кончилось благополучно и даже къ моему удовольствію. Вотъ что произошло. Въ одинъ день, еще за часъ до восхожденія солнца, одинъ изъ присяжныхъ Казначейства явился ко мнѣ съ донесеніемъ, что ночью въ казначействѣ были воры. Отправившись на мѣсто немедленно, я нашелъ, что рамы въ кладовой выставлены и сквозь рѣшетки пропущены веревки, повидимому съ крючками; на дверяхъ кладовой замокъ и печати оказались цѣлы. Я, въ туже минуту отправясь къ вице-губернатору, подалъ о происшествіи рапортъ; онъ, съ своей стороны, распорядившись приглашеніемъ членовъ Казенной Палаты и губернскаго прокурора, поѣхалъ со мною къ губер-

натору, прося сдѣлать казначейству свидѣтельство. Хотя день былъ воскресный, но всѣ, собравшись къ губернатору, пріѣхали отъ него въ казначейство, а по пріѣздѣ губернаторъ, спросивъ меня, не ходилъ ли я въ кладовую послѣ происшествія и получивъ отрицательный отвѣтъ, повѣрилъ книги и узнавъ, какому числу денегъ надобно было находиться въ кладовой, вошелъ въ оную, гдѣ точно то число и найдено. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что крючьями желали вытащить нѣсколько мѣшковъ съ монетою, а крючья, бывъ зацѣплены, прорвали мѣшки, но ихъ не вытащили. Покушеніе не удалось; на рамахъ же найдена кровь, вѣроятно отъ порѣза разбитыми стеклами. По происшествію сему тотчасъ былъ составленъ журналъ, велѣно было произвести слѣдствіе и донесено министрамъ финансовъ и полиціи, а мнѣ лично объявлена признательность за исправность въ казначействѣ при такомъ внезапномъ свидѣтельствѣ.

Вскорѣ послѣ того Сергій Яковлевичъ Тиньковъ вышелъ въ отставку, имѣя уже чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и мы, всѣ его подчиненные, разстались съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, потому что онъ былъ умный, добрый и справедливый начальникъ, умѣвшій отдавать каждому свое по службѣ. На мѣсто его опредѣленъ былъ статскій совѣтникъ Александръ Михайловичъ Евреиновъ.

Память о Сергіѣ Яковлевичѣ я и до сихъ поръ (1832 г.) сохраняю въ моихъ чувствахъ съ истинною благодарностію. Служба моя при немъ, по качеству должности, хотя была и трудна, но пріятна, и я, казалось, не чувствовалъ ея трудности. Въ доказательство благорасположенія его ко мнѣ, я могу привести слѣдующее обстоятельство. Братъ мой Алексѣй Ивановичъ, который, какъ я упомянулъ выше, служилъ секретаремъ въ Новохоперскомъ Земскомъ Судѣ, пожелалъ служить въ Пензѣ, слыша, что я весело продолжаю свою здѣсь службу; а потому, взявъ увольненіе, въ исходѣ 1802 г. пріѣхалъ сюда съ своимъ семействомъ, состоявшимъ въ то время изъ жены и дочери. Сергій Яковлевичъ, узнавъ о томъ, тотчасъ предложилъ мнѣ, чтобы братъ мой опредѣлился на первый разъ въ Казенную Палату, куда и назначилъ его столоначальникомъ по ревизской экспедиціи.

Новый начальникъ мой, Александръ Михайловичъ Евреиновъ, вступивъ въ должность, былъ не столько опытенъ, сколько его предшественикъ; на первый разъ онъ показалъ себя взыскательнымъ и взялся за всѣ части по дожности, не все коротко зная, а руководствовался совѣтами принятаго у него титулярнаго совѣтника Терентьева, который хотя и не служилъ, но многое дѣлалъ къ неудовольствію членовъ Палаты; впрочемъ впослѣдствіи, не знаю уже по какому поводу, вице-губернаторъ съ чиновникомъ этимъ разстался. Что̀ принадлежитъ до меня,

онъ, послѣ подробнаго освидѣтельствованія казначейства, приказалъ мнѣ ежедневно рапортовать ему лично, представляя записки о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, что и исполнялъ въ точности, стараясь снискать его благорасположеніе, въ чемъ, къ удовольствію моему и успѣлъ; но во всю при немъ службу мою, былъ на ряду съ прочими подвѣдомственными ему чиновниками, безъ всякаго отъ другихъ отличія.

Трехлѣтіе мое въ должности уѣзднаго казначея кончилось, и я былъ оставленъ на другое; я прослужилъ бы и его, если бы не встрѣтилось со мною слѣдующее обстоятельство. Гражданскій губернаторъ, Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель зналъ меня коротко, а притомъ наслышался обо мнѣ отъ Сергія Яковлевича Тинькова и другихъ моихъ благодѣтелей, что я имѣлъ опытность по дѣламъ почти всѣхъ родовъ. Въ одинъ день, пригласивъ меня къ себѣ, онъ спросилъ меня, не желаю ли я перемѣнить службу и принять должность, больше мнѣ свойственную, при чемъ прибавилъ, что ежели я на это согласенъ, то онъ опредѣлитъ меня секретаремъ своей канцеляріи, такъ какъ бывшій предъ тѣмъ секретаремъ титулярный совѣтникъ Арфаловъ, получивъ чинъ коллежскаго ассесора, опредѣленъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія, а исправляющій его должность, секретарь того правленія, титулярный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Поповъ, мѣста этого занять не желаетъ. Поблагодаривъ его превосходительство, я отвѣчалъ, что принимаю предложеніе его за особливую милость, но такъ какъ предлагаемая должность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мало мнѣ извѣстна, то опасаюсь, слѣдовательно, что мало буду и полезенъ. Филиппъ Лаврентьевичъ возразилъ, что усердіе и стараніе все преодолѣваютъ, въ чемъ онъ, зная меня, увѣренъ. Послѣ сего мнѣ не осталось ничего, какъ только согласиться, а затѣмъ я подалъ въ Казенную Палату просьбу о увольненіи меня отъ должности. Вице-губернаторъ, предупрежденный губернаторомъ, не замедлилъ согласиться и по сочтеніи меня счетною экспедиціею уволилъ съ отличнымъ аттестатомъ, а въ томъ, что начета на мнѣ не оказалось, Палата выдала мнѣ квитанцію.

Такимъ образомъ, прослуживъ виннымъ приставомъ 10 мѣсяцевъ и 21 день, а казначеемъ 3 года 4 мѣсяца и 23 дня, я уволенъ былъ 25 Ноября 1805 года.

Въ исходѣ Ноября 1805 года, составивъ свое прошеніе съ приложеніемъ аттестатовъ, подалъ я оное Филиппу Лаврентьевичу, прося объ опредѣленіи меня секретаремъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, который былъ вмѣстѣ и при губернаторѣ. Онъ принялъ это прошеніе и оставилъ его у себя, обѣщая исполнить мое желаніе. Но въ Декабрѣ, пригласивъ меня къ себѣ, губернаторъ объявилъ мнѣ самымъ ласковымъ образомъ, что Иванъ Андреевичъ Поповъ, служа уже при немъ,

проситъ оставить его секретаремъ; почему, совѣстясь отказать ему, какъ человѣку, занимающему уже эту должность, онъ дастъ мнѣ въ скоромъ времени другое приличное мнѣ назначеніе. Обстоятельство это меня поразило, такъ какъ безъ должности мнѣ жить было невозможно. Замѣтивъ это и ободряя меня, губернаторъ прибавилъ, что я не буду раскаиваться въ томъ, что оставилъ казначейское мѣсто и получу скоро такое, которое доставитъ мнѣ жалованье вдвое большее; при томъ же, онъ постарается мнѣ воздать по службѣ и другимъ образомъ. Это меня ободрило, и я нисколько не сомнѣвался въ исполненіи этого обѣщанія, такъ какъ Филиппъ Лаврентьевичъ былъ добръ и справедливъ; сверхъ того я впослѣдствіи и самъ пришелъ къ убѣжденію, что, при желаніи г. Попова остаться на мѣстѣ секретаря, губернатору и нельзя было поступить иначе. Чрезъ нѣсколько дней губернаторъ, призвавъ меня къ себѣ вторично, объявилъ, что Государь Императоръ, утвердивъ представленіе его о сооруженіи по всѣмъ уѣзднымъ городамъ Пензенской губерніи каменныхъ корпусовъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, процентами съ 300.000 р. капитала и съ издержкою изъ того же капитала 100.000 р., отпущенныхъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія для раздачи заимообразно подъ залогъ, соизволилъ поручить эти постройки ему чрезъ комиссіонеровъ или подрядомъ; что, предпринимая это сооруженіе и опредѣливъ уже одного комиссіонера, онъ желаетъ назначить меня другимъ съ воли Государя Императора, а потому даетъ мнѣ предписаніе предварительно вступить въ эту должность и посылаетъ по начальству представленіе о утвержденіи меня въ этомъ званіи съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. При этомъ Филиппъ Лаврентьевичъ оказалъ другую милость, утвердивъ брата моего Алексѣя Ивановича секретаремъ Губернскаго Правленія, вмѣсто Ивана Андреевича Попова, котораго оставилъ секретаремъ при себѣ.

Хотя предлагаемая мнѣ должность была совершенно противоположна той службѣ, на которой находился я прежде, но выбирать мнѣ было не изъ чего, я согласился и принялъ предписаніе, а губернаторъ приказалъ мнѣ просмотрѣть въ его канцеляріи дѣло о предположенной постройкѣ и потомъ придти къ нему назадъ. Это было 30 Декабря 1805 г., съ котораго числа и предписано производить мнѣ жалованье изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и выдавать прогоны по моимъ требованіямъ. Сверхъ того, выданы были мнѣ шнуровыя книги на записку прихода и расхода отпускаемыхъ мнѣ денегъ, какъ по заготовленію матеріаловъ, такъ и на прогоны. Обозрѣвъ дѣло въ канцеляріи, я нашелъ, что строенія въ каждомъ городѣ по смѣтамъ предположены каждое слишкомъ въ 30.000 р. и что чрезъ комиссіонеровъ начально велѣно было приступить къ заготовленію матеріаловъ, чтобы можно было уз-

нать, во что строенія могутъ обойтись и тѣмъ доставить средство отдать на подрядъ за выгодныя цѣны; произвести все это велѣно подъ собственнымъ наблюденіемъ губернатора.

Явившись къ губернатору, я доложилъ ему, что дѣло все видѣлъ. Убѣдившись въ томъ изъ моихъ на вопросы его объясненій, онъ приказалъ мнѣ побывать у него вечеромъ, для полученія, на первый разъ, хотя словесныхъ, наставленій. Первоначальное наставленіе это заключалось въ томъ, чтобы я, получивъ прогоны, отправился въ городъ Чембаръ и по пріѣздѣ туда подробно узналъ о всѣхъ способахъ къ сооруженію зданій.

При исполненіи возлагаемаго на меня порученія, одно благоразумное соображеніе могло меня руководствовать; юриспруденція же моя ни на что тутъ не годилась. Попросивъ у Бога помощи и взявъ съ собою смѣту матеріаламъ построенія, я отправился въ Чембаръ. По пріѣздѣ пробылъ въ городѣ и его окрестностяхъ дней восемь, употребивъ первые дни на ознакомленіе себя съ чиновниками, дворянами и купечествомъ, а потомъ на освѣдомленія откуда что̀ и по какимъ цѣнамъ можно было получить для построекъ и что̀ потомъ самому мнѣ придется по найму дѣлать. Освѣдомленія мои открыли мнѣ, что бутовый камень есть въ горахъ около Чембара; извести близко хотя и нѣтъ, но верстахъ въ 40 и 50 известковаго камня множество, что кирпичъ можно было пріобрѣсти не иначе, какъ сдѣлавъ его самъ наймомъ; сараи для дѣланія его нужно самому же устроить со всѣмъ для работы и обжига кирпича необходимымъ. Желѣзо связное и кровельное, также лѣсъ, не было никакой возможности достать по близости, а надобно было получать. первое—въ Саратовѣ, второе—на Баташевскихъ заводахъ, а послѣдній въ Краснослободскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 200. Словомъ сказать, я освѣдомился обо всемъ подробно и съ собранными свѣдѣніями уѣхалъ въ Пензу.

По возвращеніи сюда я занялся составленіемъ подробнаго донесенія губернатору и представилъ оное съ объясненіемъ цѣнъ, которыя на все были ниже цѣнъ, опредѣленныхъ смѣтою. Послѣ просмотра, губернаторъ, поблагодаривъ меня за оказанное стараніе, разрѣшилъ меня во всемъ и позволилъ заключить съ кѣмъ слѣдовало условія, продолжая дѣйствія согласно съ моими предположеніями, а между тѣмъ, поручилъ мнѣ сдѣлать тоже по городу Керенску, куда предъ тѣмъ хотя и былъ отправленъ опредѣленный прежде меня другой комиссіонеръ, титулярный совѣтникъ Половинкинъ, но имъ почти ничего еще сдѣлано не было. И это порученіе исполнилъ я къ полному удовольствію губернатора, такъ что съ наступленіемъ весны 1806 года можно было приступить къ дѣлу въ обоихъ городахъ. Послѣ того, тою же зимою, воз-

ложено было на меня новое порученіе: начать весною постройку въ Пензѣ каменныхъ: острога, гауптвахты, домовъ рабочаго, смирительнаго и для помѣщенія умалишенныхъ. Для этого опять потребовались значительныя приготовленія; но съ помощію Божіей я все исполнилъ, неусыпно занимаясь дѣломъ и стараясь заслужить одобреніе начальства.

Съ наступленіемъ весны открылъ я во всѣхъ мѣстахъ движеніе по строеніямъ и, надзирая за всѣмъ, былъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ. Въ Пензѣ всѣ строенія къ зимѣ привелъ къ окончанію, а сверхъ того сдѣлалъ поправки въ домѣ вице-губернаторскомъ; въ Чембарѣ же и Керенскѣ довелъ до того, что весною 1807 г. можно было заложить зданія. Между тѣмъ пріискалъ подрядчиковъ каменной работы, плотничнаго дѣла, кровельнаго и столярнаго. Другой комиссіонеръ занимался по городу Мокшану, и у него также къ веснѣ было все приготовлено, такъ что и тамъ можно было сдѣлать закладку. Въ Маѣ мѣсяцѣ были заложены мною въ Чембарѣ и Керенскѣ, а Половинкинымъ въ Мокшанѣ; но такъ какъ онъ вскорѣ былъ отрѣшенъ по имянному указу, по прежней еще службѣ, а опредѣленный на мѣсто его коллежскій ассесоръ Дюкинъ былъ командированъ для вырубки бревенъ въ Цнинскихъ лѣсахъ для Керенска, то я занятъ былъ по всѣмъ тремъ городамъ и къ зимѣ заложилъ службы при зданіяхъ и вывелъ подъ второй этажъ главные корпуса.

Въ Іюнѣ губернаторъ поручилъ мнѣ передать Чембарскимъ и Керенскимъ городничимъ и исправникамъ предписанія его, чтобы они къ назначеннымъ въ тѣхъ предписаніяхъ днямъ собрали всѣхъ неслужащихъ инвалидовъ, для выбора изъ нихъ въ Пензенскій баталіонъ и въ служащіе инвалиды, такъ какъ изъ нихъ многіе были отправлены въ полки по случаю бывшей тогда войны Пруссіи съ Франціею; а такъ какъ жена моя въ это время была очень уже слаба, и я терялъ даже надежду на ея выздоровленіе, то, растерявшись совершенно, забылъ объ этихъ предписаніяхъ и ихъ по назначенію не доставилъ, оставшись въ Пензѣ при женѣ.

Іюля 2-го, бывши слаба уже до послѣдней степени, она родила дочь Ольгу, а 8-го, въ шесть часовъ утра скончалась, бывши 23 лѣтъ, 10 мѣс. и 9 дней. Лишившись ея, я не помнилъ себя отъ горести и не думалъ не только о должности, но и о самомъ себѣ; отдавъ женѣ моей послѣдній долгъ, только тогда вспомнилъ о предписаніяхъ губернатора. Онъ, между тѣмъ, 7-го числа отправился въ городъ Нижній Ломовъ, а 10 предполагалъ быть въ Чембарѣ, ожидая, что въ обоихъ пунктахъ все уже приготовлено, но по пріѣздѣ узналъ, что предписанія его не получены. Зная мое положеніе по полученному увѣдомленію, не только на меня онъ не осердился, но принялъ извѣстіе съ огорченіемъ, и сборъ

какъ въ Нижнемъ Ломовѣ, такъ и въ Чембарѣ былъ сдѣланъ уже при немъ.

Около 15 Іюля, оправившись насколько можно было, я занялся по прежнему должностію и началъ тѣмъ, что отправился въ Чембаръ, гдѣ губернатора уже не засталъ и былъ увѣдомленъ городничимъ, что при отъѣздѣ своемъ онъ поручилъ выразить свое участіе въ постигшемъ меня бѣдствіи, что̀ извлекло у меня слезы; въ отношеніи же построекъ онъ ихъ освидѣтельствовалъ и остался всѣмъ доволенъ.

Пробывъ въ Чембарѣ одинъ только день, я отправился въ Керенскъ, но и тамъ не засталъ губернатора нѣсколькими часами. Я узналъ, что и тамъ дѣйствіями моими онъ былъ доволенъ; такимъ образомъ, я съ нимъ и не встрѣчался до пріѣзда своего въ исходѣ Августа въ Пензу. Я не могу описать, сколько горестно было для меня это возвращеніе; горесть эта еще больше усугубилась кончиною новорожденной дочери. Филиппъ Лаврентьевичъ принялъ меня ласково и, благодаривъ меня за успѣшныя по постройкамъ дѣйствія, предложилъ мнѣ, чтобы я самъ составилъ проектъ представленія министру внутреннихъ дѣлъ о награжденіи меня чиномъ коллежскаго ассесора. Сколько ни лестно для меня было подобное предложеніе, но, совѣстясь хвалить самого себя, я просилъ приказать написать эту бумагу въ канцеляріи; такъ и было исполнено, и представленіе отправлено было съ первою почтою.

Между тѣмъ, строенія мои во всѣхъ трехъ городахъ возвышались и были доведены до такого положенія, что можно было опредѣлить, во что онѣ могутъ обойтись; видно было, что онѣ обойдутся гораздо ниже смѣты, даже и въ труднѣйшемъ городѣ Чембарѣ. Это подало губернатору возможность объясниться съ такими лицами, которыя брали постройки въ другихъ городахъ, и скоро сняли за очень выгодныя цѣны, (отъ 20 до 20 съ небольшимъ тысячъ рублей); даже и Керенскъ онъ отдалъ за 20.000 р., съ принятіемъ въ счетъ всего, что̀ было мною изготовлено и построено. Собственно меня губернаторъ занялъ по Чембару и Мокшану, потому что комиссіонеръ Дюкинъ между симъ временемъ опредѣленъ совѣтникомъ Казенной Палаты. Послѣ того мнѣ сдѣлалось легче, такъ какъ главнѣйшее было уже сдѣлано.

Зиму провелъ я, занимаясь большею частію уже только поспѣшною по возможности отдѣлкою флигелей на чисто, т. е. плотничною работою, и весною покрылъ желѣзомъ и опять принялся за кладку главныхъ корпусовъ. Въ это время получена была бумага отъ министра, которою вторично въ чинѣ мнѣ отказано по прежней причинѣ, за невыслугою срока, а болѣе, кажется, по несчастію: потому что другіе, въ томъ числѣ и секретарь губернаторскій, подобные чины получили.

Отказъ этотъ былъ крайне непріятенъ для губернатора, и онъ

своеручно написалъ новое убѣдительнѣйшее представленіе министру, которымъ, описывая мои дѣйствія и старанія, вновь ходатайствовалъ о награжденіи меня чиномъ; это представленіе было отправлено 31 Марта 1803 года. Около того времени пріѣхалъ ко мнѣ изъ Саратова братъ Сергій Ивановичъ, взявшій увольненіе отъ службы; ему было тогда около 20 лѣтъ, и онъ имѣлъ чинъ коллежскаго регистратора. Филиппъ Лаврентьевичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ, принялъ его къ себѣ въ канцелярію, а потомъ, усмотрѣвъ въ немъ способности, перевелъ въ Губернское Правленіе столоначальникомъ, которымъ братъ мой пробылъ не больше года и утвержденъ помощникомъ секретаря съ отдѣленіемъ ему особой экспедиціи. Вскорѣ за братомъ переѣхала въ Пензу и сестра моя, Марья Ивановна, съ мужемъ своимъ, коллежскимъ регистраторомъ Осипомъ Петровичемъ Корсунскимъ, который по пріѣздѣ его былъ опредѣленъ въ Наровчатскій Уѣздный Судъ повытчикомъ (прослуживъ тамъ нѣкоторое время, онъ былъ переведенъ архиваріусомъ въ Губернское Правленіе, гдѣ и служилъ уже по смерть свою, имѣя напослѣдокъ чинъ титулярнаго совѣтника). Вслѣдъ за сестрою и зятемъ, и отецъ мой съ матерью, продавъ бывшій у нихъ въ Саратовѣ домъ, также пріѣхали въ Пензу и на первый разъ жили у брата Алексѣя Ивановича, а потомъ, купивъ домъ, жили уже отдѣльно; къ нимъ перешелъ отъ меня и братъ Сергій Ивановичъ.

Между тѣмъ въ Пензѣ произошли разныя неустройства. Губернаторъ Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель уволенъ былъ отъ службы по фальшивой, посланной отъ его имени, просьбѣ; но когда подлогъ обнаружился, то не только остался при должности, но получилъ еще въ скоромъ времени орденъ св. Анны 1-ой степени. По поводу этихъ неустройствъ пріѣзжалъ тогда въ Пензу сенаторъ, тайный совѣтникъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ изъ Саратова, гдѣ былъ по случаю появившейся будто бы тамъ чумы.

Я въ это время былъ въ Чембарѣ и вдругъ получилъ предписаніе прибыть немедленно въ Пензу. По возвращеніи я узналъ отъ Филиппа Лаврентьевича, что сенаторъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ отношеніе, чтобы онъ, въ бытность въ Пензѣ, удостовѣрился, дѣйствительно ли я заслуживаю испрашиваемой мнѣ губернаторомъ награды. Филиппъ Лаврентьевичъ, взявши меня съ собою, повезъ къ сенатору, которому и рекомендовалъ, какъ чиновника полезнаго и ревностнаго къ службѣ. Осипъ Петровичъ, принявъ меня самымъ вѣжливымъ и обязательнымъ образомъ, отвѣчалъ, что онъ обо мнѣ уже навѣдывался и узналъ сверхъ того, что и братъ мой, служащій секретаремъ въ Губернскомъ Правленіи, также достоинъ награды, почему и просилъ губернатора дать ему формулярные о насъ обоихъ списки съ аттестаціею,

и затѣмъ его уже будетъ дѣло просить министровъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи о исходатайствованіи намъ награжденія. Губернаторъ, по выходѣ отъ сенатора, рекомендовалъ меня еще правителю его дѣлъ, г. Корсакову, прося и его содѣйствія, а на другой день отправилъ меня опять по городамъ, такъ что я не успѣлъ особливо быть у г. Корсакова, чтобы о себѣ попросить.

Неизвѣстно мнѣ, что̀ г. сенаторъ писалъ къ министрамъ, но чина я опять не получилъ; только въ Ноябрѣ присланъ былъ всемилостивѣйше пожалованный мнѣ бриліантовый перстень [1]).

Губернаторъ доводилъ еще до свѣдѣнія г. сенатора, что я, кромѣ занятій по постройкѣ зданій присутственныхъ мѣстъ, городского полицейскаго уряда, устроилъ еще, во время существованія заразы въ Саратовской губерніи, карантины на границѣ ея съ губерніею Пензенскою, съ пользою для казны. Я и дѣйствительно построилъ три карантина по дорогамъ и сдалъ назначеннымъ на нихъ смотрителямъ, но все это оставлено безъ вниманія, и я остался только при подаркѣ.

Хотя мнѣ и больно было, что нѣсколько представленій въ разное время сдѣланныхъ о награжденіи меня чиномъ не имѣли желаннаго послѣдствія, но я вскорѣ утѣшился послѣдовавшею въ жизни моей перемѣною.

На дорогѣ изъ Пензы въ Чембаръ, въ 40 верстахъ отъ губернскаго города, жилъ въ своемъ имѣніи, селѣ Матвѣевкѣ, помѣщикъ, отставной гвардіи прапорщикъ Александръ Александровичъ Бахметевъ [2]), человѣкъ очень добрый, довольно богатый и любимый всѣми въ Пензѣ. Я былъ съ нимъ знако̀мъ искренно съ 1804 года и во время поѣздокъ своихъ въ Чембаръ и обратно въ Пензу всегда къ нему заѣзжалъ, а предъ симъ въ Октябрѣ былъ у него по случаю освященія церкви. Въ это время у него было много гостей, въ числѣ которыхъ находился и бывшій въ царствованіе Екатерины II губернаторомъ въ Пензѣ генералъ-поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Ступишинъ [3]). Г. Бахметевъ меня съ нимъ познакомилъ; разставаясь, какъ онъ, такъ супруга его Агнія

---

[1]) Перстень этотъ въ 1.000 р. ассигнаціями отецъ мой хранилъ больше 30 лѣтъ, какъ единственную полученную по службѣ награду; но за нѣсколько лѣтъ до кончины, принужденный обстоятельствами, продалъ его, согласно оцѣнкѣ. *Г. М.*

[2]) Это мой воспріемникъ отъ купели. Онъ имѣлъ большія связи и знакомство въ Петербургѣ и скончался въ Пензѣ въ 1821 г. *Г. М.*

[3]) Онъ былъ первымъ губернаторомъ въ Пензѣ, по открытіи Пензенской губерніи, съ 1780 по 1796 г. Родившись въ 1734 г., онъ скончался въ своемъ имѣніи 20 Ноября 1806 г. Вдова его, Агнія Дмитріевна, бывшая моею крестною матерью, скончалась въ Пензѣ въ Ноябрѣ 1825 г., а мать ея Елисавета Петровна Леонтьева скончалась въ Октябрѣ 1824 г. *Г. М.*

Дмитріевна и мать ея Елисавета Петровна Леонтьева, просили меня пріѣхать къ нимъ въ деревню Пановку, въ 27 верстахъ отъ Пензы и съ ними покороче познакомиться. Такое приглашеніе для меня, конечно, было очень лестно, но при жизни Ивана Алексѣевича я не успѣлъ имъ воспользоваться; въ слѣдовавшемъ за тѣмъ году онъ скончался отъ апоплексическаго удара. И такъ, уже по его кончинѣ, я былъ у г. Ступишиной, вмѣстѣ съ г. Бахметевымъ, былъ всѣмъ семействомъ обласканъ и впослѣдствіи былъ въ Пановкѣ довольно часто, такъ какъ при поѣздкахъ моихъ это было мнѣ по дорогѣ.

Въ одинъ день, Александръ Александровичъ, между разговоромъ, спросилъ меня, не расположенъ ли я опять жениться? Мнѣ былъ въ это время 41 годъ; я былъ здоровъ, а семейство мое состояло изъ одного сына отъ первой жены, которому шелъ восьмой годъ отъ роду. Я отвѣчалъ г. Бахметеву, что и дѣйствительно скучно жить одному и что я готовъ былъ бы жениться, если бы представилась партія. Тогда онъ сказалъ, что у Агніи Дмитріевны воспитывается благородная дѣвица Анна Ѳедоровна Ложкина, которую онъ берется за меня высватать; я, не отвергая этого предложенія, просилъ меня познакомить, чтò онъ и сдѣлалъ.

Анна Ѳедоровна мнѣ понравилась, и выдать ее за меня согласились, наградивъ по приличію и приданымъ.

Свадьба наша совершилась 10 Января 1809 г. [1]) и я, проживъ въ Пановкѣ около мѣсяца, долженъ былъ по должности ѣхать на Баташевскій заводъ за кровельнымъ желѣзомъ. Заводъ этотъ находится въ Муромскомъ уѣздѣ, куда я и отправился великимъ постомъ, оставивъ молодую жену въ Пановкѣ и побывавъ между тѣмъ въ Пензѣ для свадебныхъ визитовъ.

Между тѣмъ, въ слѣдовавшемъ Февралѣ, Агнія Дмитріевна Ступишина помолвила единственную дочь свою, Александру Ивановну, за генералъ-маіора Семена Давидовича Панчулидзева. Это былъ родной братъ бывшему моему начальнику и благодѣтелю Алексѣю Давидовичу, который также пріѣзжалъ къ помолвкѣ съ супругою; кромѣ ихъ и родныхъ, въ Пановкѣ было все лучшее Пензенское общество. Предположивъ свадьбу въ Апрѣлѣ, г-жа Ступишина, вмѣстѣ съ женихомъ, отправилась въ Москву [2]).

---

[1]) Невѣста отца моего (моя мать) родилась 1 Декабря 1794 г.; стало быть, въ день брака ей было 14 лѣтъ 1 мѣсяцъ и 10 дней. *Г. М.*

[2]) С. Д. Панчулидзевъ былъ шефомъ одного изъ драгунскихъ полковъ и въ войну 1812—1815 получилъ ордена: св. Георгія 3, св. Владиміра 2, св. Анны 1 ст. съ алмазами и Прусскій Краснаго Орла 2 степени. Вышедши въ отставку, онъ скончался въ 1817 г. въ Москвѣ. *Г. М.*

Я, съ своей стороны, вояжъ свой на заводъ кончилъ благополучно; купивъ желѣзо, перевезъ его въ Чембаръ, а потомъ, заѣхавъ въ Пановку за женою, возвратился въ Пензу. Впрочемъ, къ 14 Марта, ко дню рожденія Александры Ивановны, мы оба опять были въ Пановкѣ, гдѣ провели уже и Пасху, которая, какъ мнѣ помнится была въ исходѣ Марта; къ тому же времени возвратились изъ Москвы и Агнія Дмитріевна съ Семеномъ Давидовичемъ. Въ Апрѣлѣ совершилась и свадьба.

Въ исходѣ этого послѣдняго мѣсяца, я со всѣмъ семействомъ моимъ отправился въ Чембаръ оканчивать строенія и прожилъ тамъ уже все лѣто очень весело, отлучаясь по временамъ въ Пензу и Мокшанъ, гдѣ строенія также приходили къ концу. Между тѣмъ, братъ мой Сергій Ивановичъ также женился и жилъ уже отдѣльно; въ скоромъ времени онъ произведенъ былъ секретаремъ въ Инсарскій Уѣздный Судъ и уѣхалъ съ женою въ Инсаръ.

Тѣмъ же лѣтомъ губернаторъ Вигель*) вышелъ въ отставку, находясь уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ; на мѣсто его же опредѣленъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ѳедоровичъ Кршижановскій. По прибытіи его въ Пензу, вмѣстѣ съ прочими отправился къ нему и я съ подробнымъ донесеніемъ о всѣхъ возложенныхъ на меня порученіяхъ. Прочитавъ это донесеніе, онъ сказалъ мнѣ самымъ холоднымъ тономъ, что самъ увидитъ лично мои дѣйствія и заранѣе увѣренъ, что найдетъ ихъ не въ такомъ положеніи, какъ я описываю.

Столь холодный и до тѣхъ поръ ни отъ кого невиданный пріемъ очень меня огорчилъ; но дѣлать было нечего: приходилось повиноваться обстоятельствамъ. Впрочемъ я ничего не опасался: ведя дѣло честно и исправно, я никакъ не предполагалъ, чтобы губернаторъ притѣснилъ меня безъ всякой къ тому причины. Побывавъ въ Мокшанѣ, я отправился въ Чембаръ, стараясь наблюсти, чтобы новый начальникъ не имѣлъ повода къ неудовольствію или упреку.

Къ зимѣ я привелъ строенія въ такое положеніе, что весною можно было сдать ихъ по порядку; оставалось заняться только кое-какими мелочами и внутреннимъ устройствомъ; между тѣмъ, семейство свое перевезъ въ Пензу. Потомъ я побывалъ опять въ Мокшанѣ и отправился затѣмъ въ Чембаръ вмѣстѣ съ женою; ей тамъ понравилось, такъ какъ она успѣла пріобрѣсти пріятныя знакомства и, слѣдовательно, проводила время весело.

Въ Ноябрѣ пріѣхалъ въ Чембаръ и губернаторъ Кршижановскій. Онъ началъ подробнымъ осмотромъ возведенныхъ мною строеній; осмот-

---

*) Ф. Л. Вигель, состоявшій на службѣ съ 1752 г., скончался, имѣя больше 70 лѣтъ отъ роду въ 1812 году. *Г. М.*

рѣвъ ихъ, онъ не сказалъ ни слова, т. е. не похвалилъ и не похулилъ. Онъ прожилъ въ Чембарѣ недѣлю, принимая рекрутъ, и я каждый день былъ при немъ и вмѣстѣ, какъ въ городѣ, такъ и по уѣзду, былъ приглашаемъ съ женою на обѣды и праздники; видя, что я всѣми любимъ, губернаторъ сдѣлался и самъ нѣсколько ко мнѣ внимательнѣе. Въ бытность въ Мокшанѣ, я также ничего не слыхалъ отъ него въ отношеніи къ строеніямъ; только онъ подтвердилъ мнѣ, чтобы я старался весною приготовить все къ сдачѣ. Я и исполнилъ это въ Маѣ, по личномъ его обзорѣ, а потомъ по освидѣтельствованіи всѣхъ строеній ассесоромъ строительной экспедиціи, которая была уже тогда учреждена, губернскимъ архитекторомъ.

Между тѣмъ 16 Января 1810 г. родился у насъ сынъ Григорій *), а такъ какъ Анна Θедоровна сама его кормила, то онъ вмѣстѣ съ нами и путешествовалъ.

По сдачѣ такимъ образомъ въ казну строеній, я занимался только нѣкоторыми мелочными комиссіями по городамъ, какъ напримѣръ поправкою соляныхъ магазиновъ и сведеніемъ моихъ счетовъ, которые въ Ноябрѣ и представилъ въ Губернское Правленіе со всѣми документами и справочными всему цѣнами. Сколько припомню, въ Чембарѣ строенія обходились въ 27.000 рублей, такъ какъ этотъ городъ, какъ уже и выше упомянуто, былъ самый труднѣйшій; въ Мокшанѣ же до 24.000 р., куда все изъ Пензы и изъ другихъ мѣстъ доставлялось и гдѣ также много было затрудненій, почему города эти и не были взяты на подрядъ.

Такъ какъ возложенныя на меня порученія тѣмъ кончились, то Губернское Правленіе 15-го Ноября 1816 г. уволило меня отъ должности для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, а по сочтеніи въ приходѣ и расходѣ денегъ и по полученіи квитанціи о неоказательствѣ на мнѣ начета, выдало мнѣ очень хорошій аттестатъ.

Безъ должности оставаться было мнѣ невозможно, такъ какъ у насъ съ женою особенныхъ средствъ къ жизни не было, и мы жили однимъ только моимъ жалованьемъ; поэтому, благодѣтельница жены моей, г. Ступишина, просила Александра Θедоровича Кршижановскаго дать мнѣ какое либо назначеніе, чтò онъ и обѣщалъ. Но мнѣ служить при немъ не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что еще въ 1809 году состоялся указъ, чтобы не производить больше титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры безъ экзамена. Я старался отыскать себѣ мѣсто частное, чтò мнѣ и удалось.

Съ 1811 г. по 1815 годъ, въ Пензѣ сдѣлался откупщикомъ род-

*) Это—мое появленіе на свѣтъ. *Г. М.*

ственникъ Александра Александровича Бахметева, гвардіи поручикъ Николай Алексѣевичъ Бахметевъ же, имѣя за собою на откупу еще шесть городовъ, именно: Мокшанъ, Инсаръ, Саранскъ, Городище, Симбирской губерніи; Ардатовъ и Балахну Нижегородской; онъ въ это время пріѣхалъ въ Пензу, намѣреваясь снять этотъ городъ у прежняго откупщика, если онъ согласится, заблаговременно.

Николай Алексѣевичъ Бахметевъ знакòмъ мнѣ не былъ, и я, можетъ быть, самъ по себѣ къ нему и не обратился бы; но Александръ Александровичъ, предложивъ мнѣ занять у него какую либо должность, обѣщалъ меня рекомендовать и обо мнѣ просить. Я согласился; но Николай Алексѣевичъ, бывъ, при значительномъ состояніи, человѣкомъ добрымъ и прямымъ, отвѣчалъ Александру Александровичу, что опасается чиновниковъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ надѣлалъ ему большихъ хлопотъ по Рязанскимъ сборамъ. Тогда Александръ Александровичъ предложилъ себя по мнѣ порукою, послѣ чего Николай Алексѣевичъ согласился безпрекословно и оставилъ меня у себя для разныхъ объясненій.

По отъѣздѣ Александра Александровича онъ много говорилъ со мною о различныхъ предметахъ и наконецъ сказалъ, что займетъ меня по юридической части откупа, съ тѣмъ, чтобы я помогалъ еще главному его комиссіонеру, Пошехонскому купцу Василію Ларіоновичу Серебренику въ дѣлахъ письменныхъ по распоряженіямъ главной конторы; но при этомъ спросилъ меня, какую я назначу себѣ плату. Я хотѣлъ было назначить себѣ тоже жалованье, какое получалъ на службѣ, то-есть 500 р., но удержался и отвѣчалъ, что буду доволенъ всѣмъ, чтò самъ онъ назначитъ, будучи увѣренъ, что онъ меня не обидитъ и будетъ умѣть оцѣнить труды мои. Г. Бахметевъ согласился на это безъ всякаго возраженія и съ того же дня занялъ меня домашнимъ письмоводствомъ по приготовительной части откуповъ и познакомилъ съ упомянутымъ главнымъ своимъ комиссіонеромъ, котораго нашелъ я человѣкомъ очень хорошимъ и умнымъ. Между тѣмъ, Николай Алексѣевичъ успѣлъ Пензенскій откупъ снять предварительно съ 15 Ноября 1810 г., и мы занялись принятіемъ онаго отъ предмѣстника. Главная обязанность моя состояла въ письмоводствѣ, т. е. въ заключеніи контрактовъ, заключеніи довѣренностей и наставленій лицамъ, имѣвшимъ дѣйствовать по разнымъ частямъ откупа; а такъ какъ съ наступленіемъ 1817 года надобно было отправить управляющихъ и разныхъ повѣренныхъ еще въ шесть городовъ, то дѣла было много. Впрочемъ, къ новому году успѣли кончить всѣ на этотъ счетъ распоряженія, потому что при главной конторѣ было довольно очень хорошихъ писцовъ.

Я скоро примѣтилъ, что г. Бахметевъ и главный его комиссіонеръ

были мною довольны, и я старался это поддерживать. Съ наступленіемъ же новаго года, когда сборы были уже въ дѣйствіи, мнѣ пришлось отправиться въ нѣкоторые изъ городовъ здѣшней губерніи, чтобы узнать, какъ идутъ дѣла; по другимъ же городамъ главный комиссіонеръ отправился самъ. Чрезъ недѣлю оба мы возвратились съ своими замѣчаніями и занялись распоряженіемъ нужное исправить, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и людей перемѣнить; потому что на первый разъ приняты были и мало способные; впослѣдствіи же всѣ должности замѣстились людьми опытными и хорошими. Николай Алексѣевичъ, съ истеченіемъ 1810 г., приказалъ разчесть мнѣ жалованіе изъ 1500 р., съ производствомъ его въ томъ же количествѣ и на будущее время, дозволивъ мнѣ, сверхъ того, пользоваться питьями для дома и имѣть конторскія дрожки съ кучеромъ и парою лошадей.

Я, сохраняя благодарныя къ нему чувства, старался увеличить свое усердіе и принималъ всѣ мѣры къ его пользамъ; видя это, онъ не рѣдко изъявлялъ мнѣ свое удовольствіе и благодарилъ Александра Александровича за то, что онъ его со мною познакомилъ. Мнѣ это было пріятно тѣмъ больше, что я ежедневно видѣлъ опыты полной пріязни и со стороны главнаго комиссіонера, съ которымъ вскорѣ и сдѣлались мы хорошими пріятелями. Получая самыя точныя свѣдѣнія о теченіи питейныхъ сборовъ по всѣмъ городамъ, мы видѣли, что они вездѣ идутъ очень хорошо, и у Николая Алексѣевича была одна только непріятность: тяжелъ былъ для него губернаторъ Кришжановскій. Но и она въ первыхъ мѣсяцахъ 1811 года миновалась: губернаторъ былъ отъ должности уволенъ съ причисленіемъ къ Герольдіи, безъ жалованья, пробывъ въ этомъ званіи меньше двухъ лѣтъ.

На мѣсто его, губернаторомъ опредѣленъ былъ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ *), человѣкъ умный и безпристрастный, коротко знакомый и другъ ссмейству Агніи Дмитріевны Ступишиной. Поэтому я безъ всякаго сомнѣнія могъ бы, со временемъ, занять и должность; но я уже не искалъ ея, хотя и былъ съ нимъ ознакомленъ и, пользуясь его благорасположеніемъ, всегда бывалъ приглашаемъ съ женою на вечера и балы, которые у него часто бывали; онъ не рѣдко даже присылалъ за нами свой экипажъ, зная, что у насъ его нѣтъ. Съ Николаемъ же Алексѣевичимъ Бахметевымъ онъ также скоро познакомился.

Такимъ образомъ, жизнь наша съ женою текла весело и пріятно; недостатковъ мы имѣли мало, такъ какъ мнѣ достаточно было 1500 р.

---

*) Действительный статскій совѣтникъ, сынъ князя Сергія Ѳедоровича. Въ 19 лѣтъ отъ роду онъ былъ генералъ-маіоромъ и генералъ-адъютантомъ императора Павла I; губернаторомъ же былъ до половины 1816-го года. *Г. М.*

для содержанія своего семейства, которое кромѣ насъ двоихъ, состояло только изъ двоихъ сыновей, Николая—10 лѣтъ и Григорія съ небольшимъ одного года. По истеченіи года и по повѣркѣ теченія сборовъ, Николай Алексѣевичъ былъ въ значительныхъ выгодахъ по всѣмъ городамъ; съ наступленіемъ же 1812 г. обстоятельства перемѣнились. Съ самаго начала его распространились слухи о предстоящей войнѣ съ Франціею, что̀ видно было и по движеніямъ войскъ; а наборъ, открытый въ Мартѣ, не оставилъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія; потомъ война была обнародована и высочайшимъ манифестомъ. Питейные сборы пошли хуже и хуже, такъ что по всѣмъ городамъ была значительная недопродажа вина и, слѣдовательно, мы не досчитывались большихъ суммъ, состоявшихъ къ исходу года въ сотняхъ тысячъ рублей. Николая Алексѣевича это крайне разстроивало, и мы, сколько ни старались усугубить надзоръ нашъ и дѣятельность, но все осталось тщетно.

Извѣстно каждому, сохранившему объ этой войнѣ воспоминанія, что̀ тогда всѣ вообще чувствовали, какія дѣлали пожертвованія и какіе несли убытки. Николай Алексѣевичъ положился во всемъ на Бога, какъ истинный христіанинъ; къ тому же онъ имѣлъ и состояніе очень значительное.

Октября 4 дня 1812 г., Богъ даровалъ мнѣ сына Александра; такимъ образомъ, я имѣлъ троихъ сыновей, изъ которыхъ старшій Николай, съ успѣхомъ упражняясь въ наукахъ, обѣщалъ мнѣ изъ себя хорошаго человѣка.

Съ истеченіемъ 1812 года, убытокъ по откупамъ былъ чрезвычайный, такъ что его не могла покрыть даже и прибыль 1811 года; слѣдовавшій 1813 годъ пошелъ еще хуже, къ тому же г. Бахметеву встрѣтилась новая непріятность: комиссіонеръ его Василій Ларіоновичъ Серебрениковъ былъ такимъ же комиссіонеромъ съ 1807 по 1811 г. по Рязанскимъ питейнымъ сборамъ, по которымъ было большое слѣдствіе чрезъ сенатора, и Серебрениковъ, по имянному повелѣнію, былъ лишенъ честнаго имени; поэтому ему было воспрещено въ подобныхъ должностяхъ находиться. Стало быть, онъ не могъ больше оставаться комиссіонеромъ и въ Пензѣ, а потому хотя и оставался при сборахъ, но безъ занятій; довѣренности же его всѣ переведены были на мое имя. Такимъ образомъ, я сдѣлался дѣйствующимъ комиссіонеромъ, съ чѣмъ вмѣстѣ и жалованье мое удвоено. Но такъ какъ упомянутый комиссіонеръ въ недавнемъ предъ тѣмъ времени сдѣлалъ одно очень полезное для винокуренія изобрѣтеніе, а сверхъ того представилъ свидѣтельства значительныхъ лицъ о благородной своей жизни, то по ходатайству князя Голицына, не только возвращено ему было честное имя, но всемилостивѣйше пожалована ему золотая медаль на Анненской

лентѣ, для ношенія на шеѣ; медаль эту получилъ онъ лично, бывши въ Петербургѣ.

По отъѣздѣ его въ столицу, питейные сборы шли также худо весь 1813 годъ, такъ какъ не отъ человѣческаго къ нимъ вниманія зависѣло улучшеніе, а отъ лучшихъ обстоятельствъ, которыя были еще отдалены, потому что война продолжалась, и значительныя повинности не дозволяли и думать о возвышеніи расхода питей.

Около того же времени, въ губерніи случились и другія непріятности, которыя не могли не имѣть на откупа бо̀льшаго или меньшаго вліянія. Въ городѣ Инсарѣ былъ пожаръ, городъ почти весь выгорѣлъ, при чемъ сгорѣли питейная контора и питейныя дома съ питьями и имуществомъ. Въ томъ же городѣ былъ бунтъ отъ стоявшаго въ немъ ополченія; почти въ тоже время, подобный бунтъ произошелъ и въ городѣ Саранскѣ, что̀ убытки увеличило. Въ Пензѣ опасались того же. Стало быть, было не до питья; при томъ были приняты мѣры для ограниченія попоекъ; но здѣсь до того не дошло: вскорѣ пришли полки для предупрежденія бунта.

Съ весны этого года я почувствовалъ большое разстройство въ здоровьѣ; оно началось непонятнымъ уныніемъ и тоскою, при большой слабости. Но при помощи Божіей, при пособіи врачей и съ наступленіемъ хорошаго времени, болѣзнь прошла, и я началъ попрежнему заниматься дѣлами.

Въ Іюлѣ болѣзнь возобновилась съ большею болью въ предсердіи, съ охладѣніемъ рукъ и ногъ. Я испугался, но женѣ своей ничего о томъ не сказывалъ. Въ одну ночь боль и тоска усугубились, и я принужденъ былъ разбудить жену и послать за врачемъ, что̀ было уже часу въ первомъ за полночь. Но врачъ пріѣхалъ только рано утромъ и далъ мнѣ лѣкарство; между же тѣмъ, до его прибытія, при помощи теплыхъ припарокъ и пріема бывшихъ дома мятныхъ капель, болѣзнь облегчилась и впослѣдствіи прошла.

Занимаясь дѣлами безпрерывно, въ исходѣ Октября я опять почувствовалъ подобное же разстройство въ здоровьѣ, но такъ какъ необходимо было мнѣ ѣхать за сто верстъ, въ село Никольское къ Николаю Алексѣевичу на освященіе церкви, то я къ нему и отправился въ каретѣ съ однимъ изъ его пріятелей, туда же приглашеннымъ.

По пріѣздѣ туда, нашелъ я множество гостей, въ томъ числѣ и брата Сергія Ивановича, пріѣхавшаго туда съ княземъ Василіемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, камеръ-юнкеромъ и совѣтникомъ Губернскаго Правленія, со слѣдствія въ Городищенскомъ уѣздѣ ими производимаго. Братъ мой изъ Инсарскаго Уѣзднаго Суда былъ опять переведенъ въ Губернское Правленіе и опредѣленъ вторымъ секретаремъ. По оконча-

ніи освященія церкви, я возвратился въ Пензу и хотя все еще чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но должностію занимался. Весь Декабрь 1813 года нездоровье мое продолжалось. Въ Январѣ 1814 года я попалъ на руки къ очень хорошему вольно практиковавшему въ Пензѣ врачу, Ѳедору Викентьевичу Савве, который, нашедши болѣзнь мою геморроидальною, облегчилъ ее и, поставивъ меня на ноги, далъ мнѣ наставленіе, какъ себя держать.

Съ наступленіемъ 1814 г. военныя обстоятельства хотя и перемѣнились въ пользу Россіи, и она торжествовала знаменитыя побѣды, но перемѣнъ въ питейныхъ дѣлахъ все еще не оказывалось. Открылись онѣ уже въ 1815 г., когда Русскіе всюду были побѣдителями; колоссъ, нарушившій спокойствіе почти всей вселенной, былъ сокрушенъ. Но съ истеченіемъ того года оканчивался и срокъ содержанія откуповъ; по строгому исчисленію, Николай Алексѣевичъ нашелъ себя въ убыткѣ, простиравшемся до шести сотъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ, на предстоявшее четырехлѣтіе, онъ снялъ только Пензу и Инсаръ, такъ какъ кромѣ комиссій по этимъ городамъ, впродолженіе истекшаго четырехлѣтія возникло много дѣлъ, и надобно было разсчитываться съ казною по всѣмъ городамъ. При томъ расчеты и по Рязанской губерніи были еще не кончены, хотя и были поручены повѣренному, купцу Отрыганьеву; поэтому я и остался при дѣлахъ г. Бахметева съ тѣмъ же содержаніемъ, по 3.000 рублей въ годъ.

Занимаясь дѣлами Николая Алексѣевича больше уже юридическими, такъ какъ откупныя по обоимъ городамъ шли хорошо, съ выгодою и удобно уже управлялись однимъ г. Серебрениковымъ, я въ Іюлѣ 1816 г. получилъ отъ г. Бахметева порученіе съѣздить въ Рязань, чтобы тамъ, освѣдомившись о тамошнихъ расходахъ и расчетахъ съ казною, ихъ окончить. На этотъ предметъ я получилъ полныя довѣренности и деньги, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности требовать еще денегъ изъ Москвы, отъ комиссіонера г. Бахметева. Послѣ этого распоряженія Николай Алексѣевичъ и самъ въ Москву отправился.

Купецъ Отрыганьевъ, при довѣренностяхъ на расчетъ, былъ снабженъ и наличными деньгами и разными капиталами, образовавшимися въ Рязани въ тамошнихъ заведеніяхъ; сверхъ того, было ему предоставлено собрать долги. Все это, вмѣстѣ взятое, составляло до 70.000 руб.; при этомъ положено было ему содержаніе по 5,000 р. ежегодно впредь до окончанія расчетовъ. По пріѣздѣ въ Рязань я нашелъ, что купецъ Отрыганьевъ расчетовъ даже и не начиналъ, откупныя заведенія всѣ распродалъ въ руки своихъ ближнихъ, большую часть долговъ собралъ и самъ уже былъ Воронежскимъ откупщикомъ.

По довѣренностямъ Николая Алексѣевича я принялся за дѣло рѣшительно; въ полтора мѣсяца всѣ расчеты кончилъ, уладилъ всѣ обстоятельства, въ Августѣ мѣсяцѣ внесъ 4.000 р. въ казну, возвратилъ всѣ залоги и отправилъ ихъ къ Николаю Алексѣевичу въ Москву для возвращенія залогодателямъ, которые въ теченіе тѣхъ шести лѣтъ, въ кои Отрыганьевъ не кончилъ дѣла, получали значительные проценты. Такимъ образомъ, кончивъ все, возвратился въ Пензу, издержавъ всего 7.000 р. Г. Бахметевъ отъ такихъ дѣйствій моихъ былъ въ восхищеніи; между тѣмъ, какъ я возвращался въ Пензу, публиковалъ въ Московскихъ газетахъ мои распоряженія и недѣятельность Отрыганьева, не сказавъ мнѣ о томъ ни слова. Публикацію эту увидѣлъ я нечаянно и сохраняю ее до сихъ поръ.

Пріѣхавъ въ Пензу, я нашелъ, что губернаторъ князь Голицынъ изъ должности этой выбылъ, а на мѣсто его опредѣленъ тайный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій; до прибытія же его губерніею управляетъ вице-губернаторъ Александръ Михайловичъ Евреиновъ, а изъ братьевъ моихъ тотъ, который былъ секретаремъ Губернскаго Правленія, опредѣленъ исправникомъ въ Краснослободскъ, меньшой же Сергій Ивановичъ занялъ его мѣсто.

Между другими дѣлами Николая Алексѣевича, которыхъ было довольно, особенно занимали меня два процесса съ одною его родственницею Ольгою Васильевною Кашкаровою о 60.000 рубляхъ и о половинѣ имѣнія изъ 300 душъ, оставленныхъ въ наслѣдство сестрамъ г. Бахметева бригадиромъ Николаемъ Степановичемъ Кашкаровымъ. Не начиная еще этихъ дѣлъ, Николай Алексѣевичъ мирился съ г. Кашкаровою на 40 тысяч. рубляхъ; но, по несогласію ея, пришлось завести съ нею дѣло. При внимательномъ моемъ стараніи, оба дѣла шли хорошо и въ Пензенской Губернской Палатѣ были рѣшены въ пользу моихъ довѣрительницъ. Г. Кашкарова перенесла ихъ въ Сенатъ, но впослѣдствіи дѣла эти кончились миромъ, и я, имѣя довѣренности, совершилъ его съ полученіемъ значительной суммы. Сестры Николая Алексѣевича отблагодарили меня за то 2.000 рублями.

Между тѣмъ въ Октябрѣ прибылъ въ Пензу и Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Братъ Сергій Ивановичъ, который образовался умнымъ человѣкомъ и полезнымъ чиновникомъ, вскорѣ пріобрѣлъ его вниманіе. Я также представлялся ему чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, былъ принятъ вѣжливо и хотя на службѣ не состоялъ, но впослѣдствіи пользовался его благорасположеніемъ; брата же моего онъ полюбилъ и удостоилъ полной довѣренности. Это возбудило зависть къ нему членовъ Губернскаго Правленія, но при покровительствѣ Михаила Михайловича большихъ неудовольствій онъ не имѣлъ.

Въ Маѣ 1817 года (12 числа) Провидѣнію угодно было посѣтить меня большимъ несчастіемъ. Старшій сынъ мой Николай, служившій въ Губернскомъ Правленіи и имѣвшій уже первый классный чинъ коллежскаго регистратора, послѣ обѣда, купаясь въ рѣкѣ Пензѣ, утонулъ. Узнавъ о томъ, я поспѣшилъ на мѣсто происшествія, но рѣка послѣ весенняго разлива была еще глубока. Между тѣмъ послалъ за врачами, и первымъ явился операторъ Врачебной Управы, статскій совѣтникъ Эглау, посланный губернаторомъ, который тотчасъ узналъ о происшествіи, обѣдая неподалеку у Александра Александровича Бахметева, гдѣ находился и г. Эглау. Послѣ поисковъ, продолжавшихся около двухъ часовъ, тѣло сына моего было сыскано и отнесено домой; но хотя и г. Эглау и другіе, прибывшіе послѣ него врачи и фельдшера всячески старались помочь, но всѣ ихъ старанія были напрасны. Я въ это время совершенно потерялся отъ горести и хотя вскорѣ въ домъ нашъ собрались многія лица, принявшія въ насъ участіе, но я ничего не помню, не видалъ даже и того, что̀ дѣлали съ сыномъ.

Несчастіе это такъ меня поразило, что я сряду 12 ночей не смыкалъ глазъ и дошелъ до такой слабости, что почти никого не узнавалъ, и хотя былъ на ногахъ, но гдѣ ходилъ, что̀ дѣлалъ, ничего не понималъ. Жена моя также занемогла, и мы оба были въ самомъ жалкомъ положеніи. При этомъ-то случаѣ испыталъ я, что во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ Господь нашъ первый помощникъ и полагаю, что не иначе, какъ по волѣ Его случилось со мною такое происшествіе, которое избавило меня отъ полнаго, можетъ быть, сумашествія или и отъ смерти.

Въ одинъ день послѣ обѣда, часу въ шестомъ, я вышелъ изъ дому, безъ опредѣленной цѣли, чтобы только пройтиться. Я шелъ мимо губернаторскаго дома, самъ того не чувствуя, какъ вдругъ встрѣтился со мною Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, возвращаясь отъ Григорія Даниловича Столыпина, который жилъ въ домѣ Заварицкаго. Видя меня смутнымъ и смѣшаннымъ, онъ подошелъ ко мнѣ и уговаривалъ меня по крайней мѣрѣ минутъ двадцать, чтобы я опомнился и предался Богу, называя отчаяніе большимъ предъ Нимъ грѣхомъ. Я на все отвѣчалъ однимъ только рыданіемъ. Наконецъ онъ разстался со мною, повторяя, чтобы я съ благоговѣніемъ повиновался волѣ Всевышняго и не забывалъ, что я нуженъ для семейства моего, которое въ это время состояло изъ двоихъ сыновей и дочерей. Разставшись съ Михаиломъ Михайловичемъ, я пошелъ внизъ по Лекарской улицѣ и зашелъ къ брату Сергію Ивановичу, но ни его, ни жены его дома не засталъ. При выходѣ моемъ изъ комнатъ, бывшій у нихъ большой пудель, вдругъ на меня бросившись, искусалъ мнѣ до крови икру правой ноги, изорвавъ платье. Я испугался и, взявъ перваго попавшагося извощика, отправился къ ин-

спектору Врачебной Управы г. Отсолигу, показать ему раны и просить пособія, такъ какъ опасался, не была ли собака бѣшеною и не умереть бы мнѣ, какъ не задолго предъ тѣмъ случилось съ однимъ моимъ знакомымъ въ Пензѣ, Василіемъ Ивановичемъ Кожинымъ, который, будучи также укушенъ пуделемъ, получилъ антоновъ огонь и отъ того умеръ.

Отсолига дома я не засталъ и поспѣшилъ къ другому знакомому мнѣ врачу г. Саввѣ, о которомъ упоминалъ выше. Осмотрѣвъ раны, онъ сдѣлалъ мнѣ первую перевязку и обнадежилъ, что опасности нѣтъ, ежели собака не бѣшеная; а потомъ, отправивъ меня домой, пошелъ смотрѣть собаку, которую нашелъ здоровою. Чрезъ мѣсяцъ я выздоровѣлъ, и въ теченіи этого времени меня занимала только болѣзнь моя, а горесть о сынѣ ослабѣвъ прошла совершенно, такъ что осталось о немъ одно грустное воспоминаніе. Между тѣмъ выздоровѣла и жена моя.

Дѣла мои шли своимъ порядкомъ, и мнѣ оставалось еще много свободнаго времени, которое, по большой части употреблялъ я на дѣла стороннихъ лицъ, кромѣ дѣлъ г. Бахметева, такъ какъ я былъ столько счастливъ, что пріобрѣлъ въ Пензѣ общее довѣріе до такой степени, что всѣ со мною совѣтовались и охотно ввѣряли мнѣ свои дѣла, тѣмъ болѣе, что, какъ всѣмъ било извѣстно, я не принималъ на себя такихъ дѣлъ, которыя можно было проиграть. По дѣламъ Николая Алексѣевича мнѣ довелось, между тѣмъ быть въ Саратовѣ, который нашелъ я, послѣ бывшихъ тамъ пожаровъ, совершенно въ другомъ уже видѣ. Алексѣй Давидовичъ, бывшій въ то время, еще съ 1809 года, тамъ губернаторомъ, принялъ меня самымъ привѣтливымъ образомъ, я нѣсколько разъ у него обѣдалъ, бывалъ на вечерахъ и игралъ въ бостонъ. Прежнихъ, оставленныхъ мною тамъ знакомыхъ, большею частію я не нашелъ уже въ живыхъ, а оставшіеся состарились; должности же по присутственнымъ мѣстамъ давно заняты были новыми лицами. Вотъ какія перемѣны произвело время; я увидѣлъ, чего прежде не замѣчалъ, на сколько и самъ я состарился.

Окончивъ тамъ дѣла, я возвратился въ Пензу къ прежнимъ своимъ занятіямъ; мнѣ часто приходилось ѣздить въ деревню къ г. Бахметеву, гдѣ въ это время возникли нѣкоторыя непріятности, которыя впрочемъ при помощи Божіей всѣ миновались.

Между многими не оконченными еще дѣлами, были еще два, которыя его больше всѣхъ прочихъ занимали. Вотъ первое изъ нихъ. Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда по сему Кондолю, въ которомъ было у него около 500 душъ крестьянъ, о дачѣ того села по межевымъ правительствамъ была тяжба съ сосѣдственными владѣльцами. Оно было уже рѣшено Межевою Канцеляріею и, по содержанію рѣшенія, Саратов-

ская Межевая Контора должна была размежевать дачи всѣхъ владѣльцевъ, каждаго особо, но контора того еще не исполнила. Я далъ движеніе этому исполненію, и дача г. Бахметева была обмежевана, чѣмъ онъ и успокоился.

Второе дѣло было важнѣе. Пензенской губерніи въ Городищенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Никольскомъ, Пестровка тоже, въ которомъ существуетъ извѣстная всей Россіи хрустальная его фабрика, находилось между другими его селеніями, село Усовка, принадлежащая къ которому дача, въ генеральное межеваніе, отмежевана была въ одну окружность съ селами Столыпинымъ и Маисомъ, принадлежавшими въ то время сенатскому оберъ-прокурору Аркадію Алексѣевичу, брату его, полковнику Николаю Алексѣевичу и кригсъ-цалмейстеру Григорію Даниловичу Столыпинымъ. Дачи эти заключались въ 18.000 десятинахъ; по крѣпостнымъ документамъ г. Бахметевъ имѣлъ право больше, нежели на шестую ея часть, но владѣлъ меньшимъ количествомъ, между тѣмъ какъ г.г. Столыпины, имѣя винокуренные заводы, одни лѣсомъ пользовались; стало-быть и его лѣсъ тутъ же истреблялся, тогда какъ исключительное право его на шестую часть, будучи приведено въ ясность, могло его сохранить. Я присовѣтовалъ Николаю Алексѣевичу убѣдить г.г. Столыпиныхъ въ общемъ собраніи всѣхъ владѣльцовъ, разсмотрѣть акты, какъ г. Бахметева и свои собственные и, опредѣливъ каждому по правамъ количество десятинъ, размежеваться на основаніи существующихъ правилъ. Сдѣлать это было тѣмъ удобнѣе, что онъ былъ пріятелемъ со всѣми г.г. Столыпиными, хотя они и лишнимъ количествомъ дачи пользовались. Онъ того и достигъ и, съ общаго согласія, положено было получить Аркадію Алексѣевичу 6.000, Николаю Алексѣевичу, т. е. его брату 3.000, Григорію Даниловичу 6.000 и г. Бахметеву 3.000 десятинъ съ сотнями саженъ. Все это было сдѣлано на бумагѣ, съ назначеніемъ границъ каждому участку и послѣ, чрезъ вольнаго практика, на границахъ сдѣланы просѣки; а по исполненіи и этого, сдѣлана была полюбовная сказка по формѣ, точно такъ, какъ вольный практикъ просѣками назначилъ. Затѣмъ сказка эта представлена была въ Уѣздный Судъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, взявши землемѣра, размежевалъ владѣльцевъ и снабдилъ ихъ на вѣчныя времена сдѣланными планами, по утвержденіи ихъ, въ Межевой Канцеляріи государственною печатью. Уѣздный Судъ, приступивъ къ исполненію, потребовалъ землемѣра; но Григорій Даниловичъ Столыпинъ между тѣмъ, послѣ представленія уже полюбовной сказки, чрезъ другаго вольнаго практика, узналъ, что въ его участкѣ, въ число 6.000 десятинъ, 200 десятинъ недостаетъ, а прирѣзаны онѣ, по ошибкѣ прежняго вольнаго практика, въ участокъ Аркадія Алексѣевича; почему, остановивъ дѣйствія Уѣздна-

го Суда и землемѣра, завелъ о томъ частную переписку съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ, который въ то время былъ уже сенаторомъ. Но этотъ послѣдній, послѣ полюбовной сказки, которая давала ему право на участокъ его по просѣкамъ, не соглашался ни на что и письменно просилъ губернатора понудить Уѣздный Судъ къ исполненію предложенія. Съ своей стороны Григорій Даниловичъ, бывшій въ то время губернскимъ предводителемъ дворянства и жившій въ Пензѣ, просилъ Михаила Михаиловича о противномъ и о убѣжденіи его соперника, чтобы онъ какимъ либо способомъ возвратилъ ему излишнія 200 десятинъ, но тотъ не согласился, опираясь на сказку. А такъ какъ оба они были одинаковыми Михаилу Михаиловичу пріятелями, онъ же вмѣшательствомъ своимъ не хотѣлъ дѣлать непріятности ни одному изъ нихъ, то дѣло по Уѣздному Суду и оставалось безъ движенія. Но изъ словъ Григорія Даниловича губернатору ясно было, что этотъ послѣдній совершенно безвинно теряетъ 200 десятинъ, которыя стоили по крайней мѣрѣ пятнадцать тысячъ рублей.

Не рѣшаясь такимъ образомъ ни на что, онъ поручилъ мнѣ составить краткую, но полную записку, съ подведеніемъ приличныхъ обстоятельствамъ дѣла законовъ. Исполняя это порученіе, записку я составилъ, а она словами законовъ открыла, что послѣ полюбовной сказки, утвержденной уже судебнымъ порядкомъ, для Григорія Даниловича не оставалось уже возможности удержать свои 200 десятинъ. Не представляя еще записки этой Михаилу Михаиловичу, я показалъ ее Григорію Даниловичу, съ тѣмъ, что не найдетъ-ли онъ съ своей стороны нужнымъ что либо въ ней добавить. Онъ, разсмотрѣвъ записку, отвѣчалъ, что она не въ его пользу и что онъ ее еще просмотритъ; почему, оставивъ бумагу у себя, хотя и совѣтовался съ знающими людьми, но всѣ отвѣчали ему извѣстною Русскою пословицею: «что̀ съ воза упало, то пропало». Тогда онъ самъ, съ моего согласія, передалъ записку Михаилу Михаиловичу, сказавъ, что она отнимаетъ у него всякую надежду. По разсмотрѣніи записки Михаилъ Михайловичъ представилъ самому Григорію Даниловичу рѣшить дѣло, полагаясь на собственныя его въ законахъ познанія; Григорій Даниловичъ ничего не могъ на то сказать, кромѣ того только, что бросаетъ дѣло и винитъ въ томъ одну свою неосторожность.

Когда я, послѣ того пришелъ къ Михаилу Михайловичу, онъ много благодарилъ меня за записку, прибавивъ, что она кончила самое непріятное для него дѣло, такъ какъ оба соперника одинаковые ему пріятели и что за такое содѣйствіе онъ много мнѣ обязанъ. Такимъ образомъ кончилось вскорѣ и это дѣло формальнымъ размежеваніемъ противъ полюбовной сказки. Г. Бахметевъ по Усовской дачѣ успокоился; а Ми-

хаилъ Михайловичъ усугубилъ свое ко мнѣ благорасположеніе и доказалъ его на опытѣ.

Съ истеченіемъ 1818 года откупныя дѣла оканчивались и открывались сборы казенные, слѣдовательно знающіе порядокъ этого дѣла люди были нужны. Тогдашній вице-губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Войцеховичъ и опредѣленный совѣтникомъ питейнаго отдѣленія Казенной Палаты Александръ Яковлевичъ Кривскій неоднократно предлагали мнѣ принять при казенныхъ сборахъ должность, какую желаю: или надзирателя въ Пензѣ, или чиновника особыхъ порученій при Палатѣ, съ жалованьемъ по штату 1.500 р. въ годъ. Получая 3.000 рублев и надѣясь на благорасположеніе г. Бахметева, а сверхъ того зная, что я ему еще нуженъ и могу пользоваться получаемымъ отъ него содержаніемъ, я отклонилъ это предложеніе тѣмъ, что получая жалованье вдвое и, бывши обязанъ г. Бахметеву, не могу оставить дѣла его не конченными. Мнѣ хотѣлось также видѣть, какъ пойдутъ сборы; кромѣ того, я хорошо понималъ, что, принявъ предлагаемую мнѣ должность, я буду обязанъ большою отчетливостію и отвѣтственностію.

Послѣ того и Михаилъ Михайловичъ, по просьбѣ вице-губернатора, повторилъ тоже предложеніе, прибавивъ, что ежели я, исключительно обѣихъ должностей, желаю принять службу, то онъ дастъ мнѣ мѣсто. Поблагодаривъ его превосходительство, я отъ должностей по питейнымъ сборамъ отказался, что же касалось до службы подъ его начальствомъ, отозвался, что считая это за счастіе, я тѣмъ не меньше по обстоятельствамъ, привязывающимъ меня къ г. Бахметеву, долженъ предварительно объясниться съ нимъ.

При этомъ объясненіи, г. Бахметевъ обнадежилъ меня продолженіемъ какъ своего благорасположенія, такъ и получаемаго мною содержанія; поэтому, когда Михаилъ Михайловичъ, при свиданіи спросилъ меня, на что же я рѣшился, то я, открывъ ему чистосердечно свои обстоятельства, просилъ позволенія воспользоваться его вниманіемъ по окончаніи дѣлъ г. Бахметева, что̀ онъ мнѣ и обѣщалъ.

Въ послѣднихъ числахъ Марта, Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій получилъ новое назначеніе генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, куда съ наступленіемъ удобнаго времени собираясь отправиться, расположился и брата Сергія Ивановича взять съ собою, обѣщая должность совѣтника, на что братъ и согласился. Но такъ какъ на мѣсто губернатора въ Пензу скоро былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій, бывшій Михаилу Михаиловичу хорошимъ пріятелемъ: то онъ предложилъ брату моему остаться на нѣкоторое время при новомъ губернаторѣ, а между тѣмъ постараться прі-

искать на свое мѣсто способнаго человѣка, который вскорѣ и нашелся. Это былъ служившій прежде въ Губернскомъ Правленіи столоначальникомъ, а потомъ секретаремъ въ Керенскомъ Земскомъ Судѣ, титулярный совѣтникъ Лысовъ.

Въ первыхъ числахъ Мая пріѣхалъ и Ѳедоръ Петровичъ Лубянскій, а Михаилъ Михайловичъ, только его пріѣзда и ожидавшій, уѣхалъ изъ Пензы въ Сибирь 7 числа. Братъ остался пока секретаремъ; Лысовъ былъ назначенъ его помощникомъ. Ѳедоръ Петровичъ брата моего также скоро полюбилъ, потому что онъ и дѣйствительно былъ полезенъ для службы, и лучшаго секретаря найти было трудно.

Въ исходѣ 1819 г., братъ мой получилъ отъ Михаила Михайловича частное письмо и оффиціальное приглашеніе на службу въ Сибирь. Письмомъ онъ увѣдомлялъ, что мѣсто совѣтника въ Томскомъ губернскомъ правительствѣ ему готово, о чемъ и будетъ сдѣлано распоряженіе по полученіи его отзыва; при чемъ извѣщалъ о удобствѣ путешествія и о выгодахъ тамошней жизни. Сдавъ должность и распростившись съ нами, братъ отправился 16 Февраля 1820 г., а 7 Марта пріѣхалъ въ Томскъ и вступилъ въ должность, получивъ чинъ коллежскаго ассесора, кромѣ годоваго жалованья невзачетъ.

Съ наступленіемъ 1820 года, я окончилъ всѣ дѣла Николая Алексѣевича Бахметева, такъ что заниматься больше было уже нечѣмъ. Поэтому онъ въ Сентябрѣ разсчелъ меня, изъ 3000 руб. по 1821 годъ и, увольняя отъ себя, просилъ не отказать въ помощи на будущее время по дѣламъ его, ежели встрѣтится въ томъ надобность, а между тѣмъ принять въ знакъ его признательности 500 рублевый пансіонъ, хотя бы дѣлъ и не было. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Москву, приказавъ производить этотъ пенсіонъ съ 1821 г. по полугодно.

Съ 1819 г. я познакомился съ полковникомъ гвардіи Дмитріемъ Сергѣевичемъ Олсуфьевымъ и надв. совѣтникомъ Иваномъ Михайловичемъ Чубаровымъ; я принялъ на себя производство ихъ дѣлъ, съ полученіемъ по 500 р. въ годъ отъ каждаго изъ нихъ; весь же годовой доходъ той составлялъ не меньше трехъ тысячъ рублей.

Въ Августѣ 1821 года, благодѣтельница жены моей Агнія Дмитріевна Ступишина должна была по обстоятельствамъ своимъ ѣхать въ Москву; а такъ какъ дѣла ея были значительны, и ей нужно было содѣйствіе опытнаго человѣка, то она упрашивала меня ѣхать съ нею, предлагая вознагражденіе за поѣздку и труды. Имѣя на рукахъ въ Пензѣ много дѣлъ моихъ довѣрителей, я принужденъ былъ къ собственному и ея сожалѣнію отказаться, но предложилъ ей взять съ собою брата моего Алексѣя Ивановича, который ничѣмъ въ то время занятъ не былъ; дѣло это такъ и устроилось. Между тѣмъ жена моя имѣла въ

Москвѣ родныхъ, и г. Ступишина убѣждала меня отпустить съ нею хотя ее, а жена моя со слезами упрашивала меня на то согласиться. Хотя по малолѣтству всѣхъ дѣтей нашихъ, это было почти невозможно, но желая доставить женѣ удовольствіе свиданія съ родными, я уступилъ тѣмъ больше, что никакихъ на поѣздку эту издержекъ собственно отъ себя не предвидѣлъ. И такъ, въ исходѣ Августа, всѣ они отправились, а я остался одинъ; но сколько тяжело было для меня отсутствіе Анны Өедоровны, знаетъ одинъ только Богъ. По отъѣздѣ ея, старшій сынъ нашъ Григорій, которому было около 12 лѣтъ, сдѣлался сильно боленъ, а другія дѣти, которые были малъ-мала меньше, требовали бдительнаго надзора и попеченія. Свояченица моя, хотя и любила ихъ, какъ мать, не въ силахъ была со всѣмъ управиться. Въ дополненіе, я занемогъ и самъ; вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, возникла у меня переписка съ женою и Агніею Дмитріевною, а переписка эта была причиною, что Анна Өедоровна, не ожидая окончанія дѣлъ Агніи Дмитріевны, которыя длились и не могли кончиться ближе весны 1822 г., должна была изъ Москвы отправиться въ Декабрѣ съ человѣкомъ, которымъ снабдилъ ее жившій тамъ Николай Алексѣевичъ Бахметевъ и въ сопровожденіи почталіона, отправленнаго съ нею ея родными. Съ ними жена моя и пріѣхала въ Пензу, наканунѣ праздника Рождества Христова. Вояжъ этотъ хотя и стоилъ ей около 1000 р. съ покупками, но обрадованный благополучнымъ ея возвращеніемъ, я о томъ не жалѣлъ. Мучило меня только то, что въ дорогѣ, по случаю необыкновенной по времени года распутицы и разлитія отъ дождей и оттепели рѣкъ, пришлось ей перенести большія затрудненія и усталость. Къ неудовольствіямъ, которыя Богъ ниспослалъ мнѣ во время отсутствія жены, присовокупились въ тоже время еще слѣдующія. Послѣ первой моей жены осталось имущество состоявшее въ разной движимости; осталось также семейство дворовыхъ людей. Всѣмъ этимъ наслѣдовалъ несчастный сынъ мой Николай, утонувшій въ 1817 году, а я назначенъ былъ къ нему опекуномъ; по смерти же его, все переходило къ дѣтямъ, рожденнымъ Анною Өедоровною, которымъ я также опекуномъ былъ сдѣланъ. Изъ упомянутыхъ дворовыхъ людей, одна женщина, имѣвшая двоихъ взрослыхъ и уже женатыхъ сыновей, открыла искъ на предоставленіе свободы. По просьбѣ этой возникло дѣло, и мнѣ пришлось защищаться; слѣдствіемъ сего было то, что и прочая прислуга начала оказывать неповиновеніе, и я имѣлъ ежедневныя отъ того неудовольствія, а это болѣзнь мою усугубило.

Въ Октябрѣ (1821 г.) въ Пензенскую губернію вступила для квартированія 5-я дивизія 2 пѣхотнаго корпуса, почему понадобились квартиры. Въ домъ мой поставленъ былъ офицеръ; не имѣя возможности

его у себя помѣстить, я принужденъ былъ нанять ему квартиру, что̀ дѣлало для меня ощутительный расчетъ. На меня же Агнія Дмитріевна была въ большомъ неудовольствіи за то, что я вызвалъ домой Анну Ѳедоровну.

Въ тоже время въ Пензѣ учреждена была квартирная комиссія, и я былъ выбранъ въ нее депутатомъ отъ дворянства, что̀ меня разстроивало по моимъ собственнымъ дѣламъ и занятіямъ, которыми одними только и содержалъ я свое семейство. Я прибѣгнулъ къ покровительству губернатора и, представивъ ему свое положеніе, просилъ увольненія; снизойдя на мою просьбу, онъ утвердилъ кандидата за мною избраннаго.

Весною 1822 г. возвратились въ Пензу изъ Москвы, какъ Агнія Дмитріевна Ступишина, такъ и братъ мой Алексѣй Ивановичъ. Съ г. Ступишиною пріѣхала на житье въ ея домъ, старшая сестра жены моей, дѣвица Наталья Ѳедоровна Ложкина, что̀ очень обрадовало жену мою.

Братъ Алексѣй Ивановичъ вскорѣ по возвращеніи отправился въ Петербургъ искать должности, взявъ съ собою и жену свою Екатерину Саввишну, съ тѣмъ, чтобы оставить ее у брата или у сестры, которые жили за Москвою, на трактѣ въ Петербургъ, въ своихъ имѣніяхъ. Пріѣхавъ въ столицу, онъ по благорасположенію и ходатайству Михаила Михайловича Сперанскаго, который по возвращеніи изъ Сибири жилъ уже тамъ, былъ опредѣленъ губернскимъ прокуроромъ въ новоучрежденную въ Сибири Енисейскую губернію, и съ разрѣшенія министра юстиціи, князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго, пріѣхалъ въ Пензу, чтобы устроить свои домашнія дѣла и похлопотать о сынѣ, который въ это время служилъ юнкеромъ въ Шлюссельбургскомъ пѣхотномъ полку, поступивъ въ военную службу изъ коллежскихъ регистраторовъ по служенію въ Пензенской Гражданской Палатѣ. По пріѣздѣ въ Пензу, онъ домъ свой продалъ, также какъ и ненужную движимость; въ отношеніи же его сына я, бывши хорошо знакомъ съ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Эмме, выпросилъ ему увольненіе, до полученія отставки, въ четырехмѣсячный отпускъ. Взявъ за тѣмъ съ собою и его, братъ мой 7 Октября 1822 г. отправился въ Сибирь на службу съ чиномъ коллежскаго ассесора, получивъ прогоны и жалованье за годъ безъ зачета. Въ послѣдствіи, сынъ его былъ изъ военной службы уволенъ, но тѣмъ же званіемъ, безъ возвращенія чина коллежскаго регистратора. Впрочемъ генералъ-губернаторъ восточной Сибири, узнавъ брата моего по письму Михаила Михайловича Сперанскаго и истребовавъ о племянникѣ моемъ формуляръ по гражданской службѣ, испросилъ ему не только возвращеніе прежняго чина, но зачтены ему обѣ службы, и онъ съ чиномъ

колежскаго секретаря, поступилъ сперва въ должность смотрителя Енисейскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія а потомъ въ секретари Губернскаго Суда. Я между тѣмъ, хотя и жилъ безъ должности, но имѣлъ доходъ постоянный, не меньше 3.000 р. въ годъ отъ частныхъ комиссій, а между тѣмъ въ Октябрѣ представилось къ выгодѣ моей такое дѣло, которое дало мнѣ порядочную прибыль.

Помѣщица Шахматова, по неудовольствію очень богатаго родственника ея г. Дубенскаго, обойдена была въ наслѣдствѣ завѣщаніемъ его имѣнія сыну ея отъ перваго супружества, г. Челюсткину. Я по ея желанію, принявъ на себя это дѣло, открылъ оное, и оно скоро рѣшилось миромъ по убѣжденію моему и другихъ, знающихъ законы лицъ, такъ что г. Шахматова имѣніе оставила за сыномъ, получивъ очень значительную сумму для другихъ дѣтей; я же, при изъявленіи искренней ея благодарности, получилъ отъ нея двѣ тысячи рублей.

Я жилъ безъ нужды, хотя по увеличенію моихъ расходовъ, денегъ этихъ мнѣ едва доставало; впрочемъ кромѣ ихъ, я имѣлъ тогда пять тысячъ рублей наличныхъ, которые и берегъ по пословицѣ на черный день.

Августа 30 дня 1824 г. въ Пензу изволилъ прибыть Государь Императоръ; я не пропускалъ ни одного случая его видѣть и каждый разъ бралъ съ собою сыновей Григорія и Александра. Государь всегда и всюду являлся ангеломъ, и мы видѣли его больше десяти разъ.

Въ исходѣ Мая 1825 г., бывъ у губернатора Ѳедора Петровича Лубяновскаго, я просилъ его опредѣлить обоихъ сыновей моихъ на службу; онъ съ удовольствіемъ согласился; Мая 30-го, отслуживъ молебенъ, я представилъ ему ихъ обоихъ; просьбы ихъ были приняты; оба они были опредѣлены въ Губернское Правленіе, и старшій сынъ Григорій переведенъ былъ вскорѣ въ губернаторскую канцелярію, а Александръ остался дома, продолжая еще ученіе. Въ теченіе того же года, они были произведены въ канцеляристы, и сынъ Григорій, преуспѣвая въ службѣ, оказалъ довольныя способности, а такъ какъ они изрядно танцовали, то нерѣдко приглашаемы были къ дѣтямъ губернатора на вечера. Это меня радовало, тѣмъ больше, что я не рѣдко слышалъ отъ губернатора похвалы Григорію. Между тѣмъ отецъ мой достигъ такой старости, что никакъ не могъ уже жить одинъ *). Я упрашивалъ его перейти жить ко мнѣ, но онъ не соглашался, будучи убѣждаемъ къ тому бывшимъ у него воспитанникомъ Дмитріемъ мальчикомъ имъ избалованнымъ и любимымъ, но развратнымъ. Видя, что всѣ деньги, которыя я и братья мои ему давали (до 500 р.) употреблялись этимъ мальчикомъ на мотов-

*) Дѣдъ мой, губернскій секретарь Иванъ Филиппповичъ, родился въ 1744 году; стало быть въ 1825 году ему былъ 81 годъ отъ роду. *Г. М.*

ство, а отецъ мой терпѣлъ между тѣмъ недостатки, я продолжалъ упрашивать его безпрестанно. Наконецъ онъ согласился и поселился у меня съ воимъ воспитанникомъ, получая отъ братьевъ моихъ деньги по прежнему и пользуясь моимъ содержаніемъ. Пользуясь старостію моего отца, воспитанникъ этотъ распоряжался въ полной мѣрѣ его деньгами, которые всѣ шли на мотовство, а мнѣ распоряжаться ими отецъ мой не позволялъ. Это меня мучило, но я ничего не могъ сдѣлать при невниманіи отца къ моимъ представленіямъ; дѣло и оставалось въ этомъ положеніи до самой кончины отца моего, послѣдовавшей 4 Октября 1830 года; воспитанникъ же его, развратившись совершенно, пошелъ потомъ охотою въ солдаты.

Дѣла моихъ довѣрителей, ходатайства по которымъ составляли единственный источникъ средствъ для содержанія моего съ семействомъ, начали между тѣмъ уменьшаться. Николай Алексѣевичъ Бахметевъ, хотя и не перемѣнялъ своего ко мнѣ благорасположенія, но пенсію прекратилъ и уѣхалъ на жительство въ Москву. Дмитрій Сергѣевичъ Олсуфьевъ, хотя и занимался откупными дѣлами, но такъ какъ онѣ его не радовали, также со мною разстался; дѣла Ивана Михайловича Чубарова совершенно прекратились, почему прекратилась получаемая мною и отъ него плата. Послѣ всего этого, мнѣ пришлось существовать только тѣмъ, что̀ у меня оставалось и что̀ я успѣлъ до тѣхъ поръ сберечь, а расходы съ возрастомъ дѣтей умножались.

Въ 1827 году, счастіе мое совсѣмъ склонилось къ паденію. Дѣлъ никакихъ не было. Дѣло, заведенное женщиною о искательствѣ свободы, рѣшено было Сенатомъ, который присудилъ не только дать всѣмъ людямъ, которыхъ было человѣкъ до десяти, свободу, но и взять отъ меня въ казну все оставшееся послѣ первой жены моей имущество, какъ выморочное; все это предписано было исполнить Губернскому Правленію и Гражданской Палатѣ.

При произведеніи этого исполненія дѣло коснулось и до̀ма, потому что хотя онъ и былъ выстроенъ мною на собственныя средства, но на усадьбѣ, принадлежавшей первой моей женѣ. Мнѣ большого труда стоили хлопоты по этому предмету, но я успѣлъ доказать по Уѣздному Суду, что усадьба стоила не больше 300 р., а домъ обошелся мнѣ въ 6.000 рублей. На этомъ основаніи, домъ былъ утвержденъ за мною, какъ Уѣзднымъ Судомъ, такъ и Гражданскою Палатою, съ донесеніемъ о томъ Сенату. Что̀ касалось до прочаго имущества, то оно все было отъ меня отобрано, въ томъ числѣ много и моего собственнаго, которое при принятіи въ 1807 году мною опеки въ опись было вписано, такъ какъ я тогда предполагалъ, что все одному сыну достанется.

Но однимъ этимъ бѣдствія мои не кончились. Провидѣнію угодно

было поразить меня еще горшимъ несчастіемъ. Въ Іюлѣ 1827 г., жена моя начала чувствовать опухоль въ ногахъ, которая, увеличиваясь, не проходила; врачъ, Григорій Ефимовичъ Гейманъ, удостовѣрившись въ качествѣ болѣзни, обнадежилъ, что ее прекратитъ. Но я, имѣя достаточно опасности, подозрѣвалъ, что жена моя занемогла водяною болѣзнію и приступилъ къ врачу распросами, а онъ отвѣчалъ мнѣ, что хотя я и не ошибаюсь, но такъ какъ болѣзнь не въ груди, то опасности пока нѣтъ, такъ что недугъ вскорѣ пройдетъ. Я ободрился, тѣмъ больше, что и дѣйствительно, послѣ употребленія предписанныхъ врачемъ средствъ, опухоль прошла, и жена моя, чувствуя себя лучше, начала опять выѣзжать изъ дому, но болѣзнь, возвратившись опять, то появлялась, то проходила. Такъ продолжалось до половины Генваря 1828 г., но 14 числа жена моя почувствовала сильное удушье. Я испугался и поспѣшилъ къ врачу, но онъ отозвался болѣзнію, просилъ другого, надворнаго совѣтника Ласковскаго; но онъ, зная что жену мою лечилъ г. Гейманъ, сначала отказывался, а потомъ, убѣжденный моими просьбами и слезами, посѣтилъ больную, хотя это было во второмъ часу по полуночи и нѣсколько ее облегчилъ; но на другой и послѣдовавшіе дни она опять была дурна до послѣдней степени, такъ что пришлось составить консиліумъ уже изъ нѣсколькихъ врачей. Но г. Гейманъ отказался уже лечить, видя недовѣріе къ нему жены моей, г. Ласковскій также отказывался. Наконецъ, по убѣдительной просьбѣ Прасковьи Юрьевны Кологривовой, онъ согласился принять на себя леченіе и каждый день, иногда по нѣскольку даже разъ, посѣщалъ больную, предписывая разныя средства и лекарства. Но всѣ старанія его были напрасны и больная, страдая до Мая мѣсяца, не будучи даже въ состояніи принимать лекарства, шестаго числа скончалась, повергнувъ меня съ семействомъ въ неописанную и безпредѣльную горесть.

При этомъ, постигшемъ насъ бѣдствіи, обязанъ я многимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ нашемъ горестномъ положеніи; имена ихъ конечно записаны на небесахъ въ числѣ людей благодѣтельныхъ. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и ревизовавшій въ то время губернію, сенаторъ Иванъ Саввичъ Горголи, который, узналъ меня случайно, часто навѣдывался о положеніи нашемъ.

Болѣзнь жены моей крайне разстроила меня еще и въ финансовомъ положеніи; тогда тѣже благотворители собрали по подпискѣ до 400 рублей, и этими деньгами покрыты были какъ издержки на погребеніе, такъ и долгъ по аптекѣ *).

---

*) Иниціатива этого благодѣтельнаго дѣла принадлежала доброму и благородному медику Ивану Дементьевичу Ласковскому, который на отрѣзъ отказался отъ всякаго за свои попеченія вознагражденія. Съ тѣхъ поръ протекло 51 годъ, но я все еще помню и до смерти моей буду вспоминать о немъ съ искреннею признательностію. *Г. М.* (1878 г.).

Въ такомъ крайнемъ и, можно даже сказать, безвыходномъ положеніи, Господь невидимо посылалъ мнѣ случаи, которые извлекали меня изъ крайнихъ недостатковъ, а большею частію, именно тогда, когда эти послѣдніе были близки, бывалъ случай, что я по встрѣчавшимся дѣламъ, получалъ по 200 рублей, тогда какъ не надѣялся получить больше 50-ти.

Въ Іюлѣ того же года, мнѣ неожиданно представился случай поступить на службу: губернаторъ Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій, предложилъ мнѣ должность дворянскаго засѣдаться по Пензенскому Уѣздному Суду. Жалованье по этой должности было самое ограниченное, но при крайнихъ своихъ обстоятельствахъ, я принужденъ былъ согласиться тѣмъ больше, что губернаторъ, по благорасположенію своему, обѣщалъ мнѣ дать и другое мѣсто, если представится къ тому случай. Сверхъ того, я надѣялся еще на упомянутаго ваше сенатора, Ивана Саввича Горголи; онъ, меня узнавши, при отъѣздѣ изъ Пензы, взялъ съ собою мой формуляръ, также обнадеживая мѣстомъ *).

Вступивъ въ должность 31 Іюля, я нашелъ товарищами своими Уѣзднаго Судью маіора Александра Андреевича Халкіопова, человѣка добраго, честнаго, но въ гражданской службѣ ничего не свѣдущаго, и засѣдателя, коллежскаго регистратора Козмина, человѣка молодого и способнаго только на бѣло переписывать; секретаремъ же былъ титулярный совѣтникъ Качаловъ, уже престарѣлый и занимавшійся одною скрѣпою журналовъ и другихъ бумагъ; изъ канцелярскихъ служителей если и были нѣкоторые съ хорошими способностями, то или невоздержные или лѣнивые, при томъ же, получая самое ничтожное жалованье, такъ сказать, обезкураженные.

Что̀ принадлежитъ собственно до суда, обстановка его была самая бѣдная: столы вѣтхіе, даже судейскій былъ таковъ, что мы трое едва за нимъ могли помѣститься, а для сельскихъ засѣдателей не было уже и мѣста. Секретарскій столъ былъ съ небольшимъ въ аршинѣ длиною, и положить на немъ, въ случаѣ надобности, что-либо не было возможности; столы же канцелярскихъ служителей были въ такомъ положеніи, что едва стояли. Шкаповъ не было ни одного, а дѣла валялись въ какихъ-то коробьяхъ и подъ столами, мебель же была только въ судейской комнатѣ и состояла изъ одного кресла и трехъ стульевъ, канцелярскіе служители довольствовались скамьями и лукошками; чернильницъ, кромѣ судейской, секретарской и у протоколиста не было, ихъ замѣняли черепки отъ разбитыхъ бутылокъ. Шандалы были глиня-

---

*) Но кому же неизвѣстно, что обѣщанія сильныхъ міра сего пишутся обыкновенно на пескѣ или на водѣ? Обѣщаніе генералъ-лейтенанта Горголи такъ и осталось обѣщаніемъ и никакихъ послѣдствій не имѣло. *Г. М.*

ные; сукна же были только на судейскомъ и секретарскомъ столахъ, но вѣтхія и измаранныя, на первомъ свѣтлозеленое, на послѣднемъ красное *). Архивъ суда былъ въ полномъ безпорядкѣ. Не за долго предъ моимъ поступленіемъ въ судъ, онъ былъ ревизованъ сенаторомъ Горголи, который сдѣлалъ многія о неисправностяхъ замѣчанія.

Нашелъ я еще въ судѣ одно очень важное дѣло о извѣстномъ тогда бѣглецѣ изъ солдатъ и разбойникѣ Никиткѣ, который съ шайкою своею наводилъ страхъ и ужасъ на Пензенскій и Петровскій уѣзды. Пойманный, онъ судился военнымъ судомъ, но участники его судились въ Уѣздномъ Судѣ и содержались въ тюремномъ замкѣ нѣсколько уже мѣсяцевъ, между тѣмъ къ рѣшенію дѣла ничего приготовлено не было.

По прежнему служенію, я привыкъ къ исправности, а новая моя должность, показалась мнѣ не только неудобоисполнимою, но и опасною.

Прежде всего я объяснился съ секретаремъ, представя ему общую для всѣхъ насъ отвѣтственность; потомъ говорилъ и съ канцелярскими чинами, приглашая ихъ служить съ усердіемъ. По общему съ товарищами согласію, составленъ былъ журналъ, на основаніи котораго судъ, описавъ свое положеніе, а равно недостатки въ жалованьѣ и канцелярской суммѣ, вошелъ съ представленіемъ въ Губернское Правленіе и къ начальнику губерніи; что же касалось насъ троихъ, т. е. членовъ суда, мы, на основаніи Регламента, раздѣлили труды между собою по приличію, назначивъ затѣмъ занятія и каждому изъ канцелярскихъ чиновъ, о чемъ также донесли. Начальникъ губерніи одобрилъ распоряженія суда и предложилъ ихъ поддерживать; насчетъ же канцелярскихъ служителей далъ знать, что онъ ожидаетъ новыхъ штатовъ.

Послѣ сего принялся я за дѣло Никитки и занимался имъ почти цѣлый мѣсяцъ, такъ какъ оно было очень обширно; но занятіе онымъ происходило большею частію по ночамъ, потому что во время присутствія приходилось заниматься одними текущими дѣлами, журналами и чтеніемъ поступавшихъ бумагъ. Съ истеченіемъ мѣсяца, дѣло было кончено и отправлено въ Уголовную Палату, которая, подтвердивъ рѣшеніе почти во всѣхъ частяхъ, возвратила его къ исполненію. Немедленно и арестанты его со счета суда были исключены.

Служилъ я по Уѣздному Суду два года и слишкомъ пять мѣсяцевъ, переписавъ своею рукою цѣлыя стопы бумаги, такъ какъ, по перепискѣ на бѣло, я оставлялъ черновыя у себя.

---

*) Такое описаніе Уѣзднаго Суда для теперешняго поколѣнія можетъ показаться увеличеннымъ, но я самъ былъ уже въ это время на службѣ и хорошо помню, что не только низшія, но и высшія присутственныя мѣста въ Пензѣ имѣли подобную обстановку. Бутылочные черепки служили иногда чернильницами и вмѣсто шандаловъ, и въ Губернскомъ Правленіи я, какъ и многіе товарищи мои, сидѣли на скамейкахъ. *Г. М.*

Случалось иногда рѣшать дѣла вопреки пользамъ лицъ значительныхъ и слышать потомъ неудовольственные на этотъ счетъ отзывы. Но это не удерживало меня держаться всегдашняго моего правила руководствоваться законами, совѣстію и честію, что многимъ не нравилось. Служба моя кончилась 21 Генваря 1891 года. Въ предшествовавшемъ 1830 г., я получилъ знакъ отличія безупречной службы и больше наградъ никакихъ не удостоивался.

Я не зналъ чѣмъ мнѣ содержать себя и бѣдное мое семейство. Одна надежда была на Бога. Сверхъ того я имѣлъ въ виду практику въ ходатайствѣ по дѣламъ или въ сочиненіи юридическихъ бумагъ.

Въ эти самые дни полученъ былъ вновь состоявшійся штатъ контрольнымъ отдѣленіямъ казенныхъ палатъ, по которому и въ Пензенской Казенной Палатѣ прибавлялся одинъ контролеръ. Предполагая, по служенію своему уѣзднымъ казначеемъ, что должность эту исправлять я въ состояніи, я рѣшился искать этого мѣста, хотя по лѣтамъ своимъ и находилъ его для меня отяготительнымъ. Но выбирать мнѣ было не изъ чего: оставаться празднымъ и безъ куска хлѣба было еще хуже. Послѣ этого рѣшенія я обратился съ просьбою сперва къ губернскому контролеру, Ивану Ѳедоровичу Шведову, а потомъ къ вице-губернатору Владиміру Михайловичу Прокоповичу-Антонскому; зная меня очень хорошо, онъ съ удовольствіемъ согласился на мою просьбу, и я былъ опредѣленъ немедленно. Въ должность я вступилъ 9 Февраля и, слѣдовательно, оставался безъ должности только 18 дней. Мнѣ порученъ былъ третій столъ по отдѣленію контрольному...

*

На этомъ прерываются собственноручныя записки И. И. Мѣшкова, доведенныя имъ до 20 Октября 1832 года. Причиною этому, какъ должно заключить изъ отмѣтки сына его Григорія Ивановича, было постоянное болѣзненное его состояніе, которое сперва препятствовало ему прочитывать написанное и наконецъ, побудило въ 1834 году оставить совсѣмъ службу, при чемъ ему была назначена пенсія въ 450 рубл. ассигнаціи въ годъ. Разбитый параличемъ онъ умеръ въ 1844 году 19 Февраля и похороненъ въ Пензѣ, въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ.

(Сообщено Б. Л. Модзалевскимъ).

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА ГРАФА С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

I.

Рядная запись В. Б. Лопухиной

(урожденной графини Шереметевой).

Возвращеніе графа Петра Борисовича Шереметева изъ заграничнаго похода*) и путешествія совпадаетъ съ радостнымъ для него семейнымъ событіемъ: онъ выдаетъ замужъ свою любимую сестру, Вѣру Борисовну, за Ѳедора Абрамовича Лопухина. Свойство Шереметевыхъ съ Лопухиными уже существовало: двоюродный братъ графа Петра Борисовича Ѳедоръ Владимировичъ женатъ былъ на Лопухиной (пережившей своего мужа и находившейся не въ ладахъ съ своимъ тестемъ, Владиміромъ Петровичемъ, дядею графа Петра Борисовича). Бракъ Вѣры Борисовны совершился въ 1736 году, когда сестра ея Наталья Борисовна пребывала еще въ Сибирской ссылкѣ; этотъ бракъ долженъ былъ, конечно, напомнить семьѣ подобное же событіе 1730 года, столь еще недавнее. Отсутствіе старшей сестры на свадьбѣ второй едва ли было тогда чѣмъ-либо замѣчено: врядъ ли, въ тѣ грозныя времена, охота была растравлять эту рану. Но сравненіе напрашивалось невольно, какъ по условіямъ брака, такъ и относительно имущественнаго положенія и приданаго. Вопросы эти обыкновенно интересуютъ общество, тѣмъ болѣе въ тѣ времена, когда семейныя дѣла играли такую роль въ сферахъ придворныхъ и административныхъ. Передъ нами рядная запись Вѣры Борисовны со всѣми подробностями предметными. Весь вопросъ былъ законченъ съ Вѣрою Борисовною въ 1736 г., тогда какъ съ старшей сестрой Натальею графъ Петръ Борисовичъ порѣшилъ лишь въ 1745 году, т. е. когда она возвратилась изъ Сибири. Въ числѣ подписавшихся къ рядной Вѣры Борисовны нѣтъ ни одного Ло-

*) Мать графа П. Б. Шереметева, была родомъ Салтыкова; мать Анны Іоанновны тоже Салтыкова. Онъ временно состоялъ въ Австрійской службѣ при знаменитомъ принцѣ Евгеніи. П. Б.

пухина, какъ и къ рядной Натальи Борисовны нѣтъ ни одного Долгорукаго.

Семья Лопухиныхъ многочисленная и сплоченная, родство царицы Евдокіи, тѣ племянники и внуки, о которыхъ она такъ сильно всегда хлопотала передъ своимъ царственнымъ внукомъ [1]), конечно должна была преимущественно держаться родныхъ царевича Алексѣя и не сочувствовать потомству Екатерины I. Вотъ почему Лопухины при императрицѣ Аннѣ не преслѣдуются, а при Елисаветѣ дѣло Лопухиной сразу омрачило первые годы ея царствованія [2]).

Позднѣе улеглись эти волненія, связанныя съ утраченнымъ прошлымъ и съ памятью величія и близости къ престолу. На Е. Н. Лопухиной женился (въ 1780-хъ годахъ) графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, и кровь Лопухинская текла въ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, «ненаглядной его Ниночкѣ». Лопухины и послѣ смерти царицы не разъединялись и въ значительномъ числѣ погребены въ Московскомъ Андроньевѣ монастырѣ. Тамъ погребенъ и зять графа Петра Борисовича, Ѳедоръ Абрамовичъ; тамъ погребена и Вѣра Борисовна, постоянно жившая въ Москвѣ и по вдовствѣ своемъ.

Любопытна должна быть первая встрѣча сестеръ по возвращеніи Натальи Борисовны. Опять неравенство положеній: одна уже 26 лѣтъ отъ роду вдова; другая невозмутимо-счастливая, уже мать семейства и живущая въ полномъ благоденствіи до конца своихъ дней. Надпись на могилѣ ея въ Андроньевѣ монастырѣ слѣдующая: «1789 года Апрѣля 25 числа преставися раба Божія, супруга тайнаго совѣтника и кавалера Ѳеодора Абрамовича Лопухина, Вѣра Борисовна и погребена того же Апрѣля 29 числа. Родилась 1716 г. Сентября 4 числа, а житія ея было 73 года, 7 мѣсяцевъ и 21 день» [3]). На могилѣ ея мужа: «1757 году Апрѣля 30 дня погребенъ тайный совѣтникъ, ордена Св. Анны кавалеръ Авраамъ Авраамовичъ Лопухинъ» [4]).

Отецъ царицы Евдокіи былъ тоже Ѳедоръ Абрамовичъ Лопухинъ. «1713 Марта противъ 21 д. въ 7 ч. ночи преставился рабъ Божій ближній бояринъ Ѳеодоръ Абрамовичъ Лопухинъ, а житія его было 75 лѣтъ». Сынъ его Авраамъ былъ отцомъ супруга Вѣры Борисовны.

---

[1]) Письма Русскихъ Государей.

[2]) Кажется, что и при Петрѣ Великомъ Лопухины не подвергались особымъ преслѣдованіямъ. Ѳ. П. Лубиновскій („Р. Арх.“ 1872, стр. 118) передаетъ со словъ В. И. Лопухина, что царь, никому не сказавшись, ѣздилъ три раза въ монастырь къ своей первой супругѣ и привозилъ ей денегъ; а по свидѣтельству Кампредона, онъ передъ смертью говорилъ, что пролилъ собственную кровь. П. Б.

[3]) Иванчинъ-Писаревъ, Описаніе Андроньева монастыря.

[4]) Тамъ же. Онъ носилъ двойное имя Ѳедоръ-Авраамъ.

Царица Евдокія Ѳеодоровна благословила ихъ на бракъ богато украшенными иконами Спасителя и Божьей Матери. Иконы даны вкладомъ въ Знаменское, село Калужской губерніи, принадлежавшее Лопухинымъ.

Не сохранилось надписи надъ братомъ царицы, Авраамомъ Ѳедоровичемъ, котораго дѣти, царицыны племянники, Василій и Ѳеодоръ Абрамовичи и супруга Татіана Алексѣевна Голицына, погребены тоже въ Андроньевѣ монастырѣ. «1714 г. Ноября въ 1 д. преставися раба Божія Татіана Алексѣевна, супруга ближняго стольника Авраама Ѳеодоровича Лопухина, дщерь ближняго стольника князя Алексѣя Борисовича Голицына, а житія ея было 23 года».

У Вѣры Борисовны три дочери: Заборовская, Голохвастова и Ушакова. Съ ними и по смерти отца своего сохраняетъ сношенія графъ Николай Петровичъ Шереметевъ.

Я назвалъ иконы Знаменскаго храма Лопухинскими, но они могли быть и Шереметевскими; ибо Заборовская, послѣ кончины которой они внесены туда, была дочь Вѣры Борисовны Лопухиной.

У нея было значительное семейство. Дѣти ея мужскаго полу скончались въ малолѣтствѣ, но она имѣла много дочерей. Анна Ѳедоровна замужемъ за полковникомъ Андреяномъ Андреяновичемъ Лопухинымъ, Катерина, Марья, Настасья, Елисавета, Ѳедосья, Варвара, Прасковья, Агриппина Ѳеодоровны въ дѣвицахъ *). Наталья Ѳеодоровна за секундъ-маіоромъ гвардіи Преображенскаго полку и кавалеромъ св. Георгія Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Толстымъ.

Тысяча семьсотъ тридцать шестого года Ноября въ четвертый день, лейбгвардіи Преображенскаго полку капитанъ-поручикъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. Сговорилъ я, графъ Петръ, сестру свою родную, дѣвицу графиню Вѣру Борисовну, за брегадира Ѳедора Абрамовича Лопухина въ замужество, а за нею сестрою своею графинею Вѣрою далъ въ благословеніе въ началѣ Божіе милосердіе, святые образы, а именно, образъ Богоявленія Господня съ корольками въ шитыхъ рамахъ, образъ Похвалы Пресвятыя Богородицы окладъ серебряной, образъ Пресвятыя Богородицы на пергаменѣ окладъ съ каймой серебряной, подъ нимъ чашечка водосвятная, образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, окладъ серебряной, убрусъ низаной; да приданаго крестъ алмазный брилліантовый съ цѣпочкою и съ задвижкою, цѣна тысяча рублей, складень алмазной, брилліантовый тысяча двѣсти рублевъ, серги алмазныя брилліантовыя тысяча триста рублевъ, крестъ лиловой съ брилліантами двѣсти рублевъ, перстень алмазной брилліантовый восемь сотъ десятъ рублевъ, портретъ алмазной съ брилліантами триста пятьдесятъ рублевъ, перстень алмазной брилліантовой сто рублевъ, перстень изумрудной съ брилліантами триста пятьдесятъ рублевъ, два брилліанта алмазные пятнадцать рублевъ, шпажка алмазная пять рублевъ, двѣнадцать трясилъ алмазныхъ брил-

*) Миллеръ, предисловіе къ біографіи фельдм. графа Б. П. Шереметева.

ліантовыхъ семь сотъ восемдесятъ пять рублевъ, перстень алмазной бриліантовой шестьдесятъ восемь рублевъ, розы алмазныя сдѣланы на руки съ ѳиниѳтью триста рублевъ, перло бурмицкое зерны большія шесть сотъ рублевъ, складень алмазной розовой семьдесять пять рублевъ, перло бурмицкое двѣ нитки восемьдесять рублевъ, Каѳимскаго большого жемчугу ѳунтъ семьсотъ шестьдесятъ восемь рублевъ, Персицкого жемчугу на руки девять золотниковъ пятьдесятъ рублевъ, серги алмазныя розовыя пятьдесятъ рублевъ. зеркало серебряное съ алмазами сто пятьдесятъ рублевъ, табакерка золотая семдесятъ рублевъ, часы золотые съ репетицею и съ крючкомъ съ алмазами двѣсти рублевъ, перстень большой изумрудной четвероугольной тридцать рублевъ.

Да серебряной посуды: нахтышъ новой со всѣмъ уборомъ, а именно: зеркало съ рамами серебреными, рукомойникъ, лохань, ларецъ большой, восемь ларцовъ разныхъ рукъ, два шандала, чашка супная, съ торелкою, щипцы съ подономъ, два блюдечка маленькія, щетка съ крышкою, подушка булавошная оправлена серебромъ, стаканъ съ крышкою, двѣ помадницы, колокольчикъ, пара ножей. Вѣсу въ помянутомъ нахтышѣ тридцать одинъ ѳунтъ семдесять одинъ золотникъ. Да серебряной же посуды столъ уборной новой же работы, доска большая, чайникъ съ канѳоромъ, коѳейникъ большой, чекулатникъ [1]), два подноса, двѣ чашки полоскательныя, два чайника, одинъ молошникъ, двѣ сахарницы, шесть ложекъ съ пріемцомъ, двѣ чайницы, вѣсомъ въ оной посудѣ серебра тридцать восемь ѳунтовъ пятьдесятъ четыре золотника. Да посуды жъ серебреной старинной работы, ларецъ сканной,налишники вызолочены, лотокъ сканной, ручки вызолочены, молошникъ гладкой съ крышкою, лохань большая чеканная вызолочена, лохань поменьше, чеканная вызолочена жъ, лохань маленькая чеканная вызолочена жъ, два лоточка чеканные да стаканъ чеканной плоской да чайникъ маленькой, двѣ чашки лощатыя, да стаканъ съ крышкою на ножкахъ вызолоченъ, двѣ кружки вызолочены, тазъ серебреной. Вѣсу въ вышеписанномъ серебрѣ старинной работы двадцать четыре ѳунта шестьдесятъ четыре золотника. Итого всего вышеписаннаго серебра два пуда четырнадцать ѳунтовъ девяносто три золотника, цѣна тому вышеписанному серебру тысяча семьсотъ пятьдесятъ два рубли. Фарфоровой и хрустальной посуды на двѣсти рублевъ.

Да платья: шапка соболья верхъ пунцовой бархатной, да соболи на шею двѣсти р., ѳантанжа тридцать два р., два нахцына шестнадцать р., каборъ бархатной черной, подложенъ бархатомъ алымъ десять р., два платка шитые по ѳлеру сорокъ рублевъ, роба шитая по бѣлому граниту серебромъ пятьсотъ пятьдесятъ рублевъ, самара желтая парчевая съ серебромъ съ юбкою триста тридцать шесть рублевъ шлаѳорокъ парчевой синій съ серебромъ, съ юбкою двѣсти семьдесятъ рублевъ, шлаѳорокъ парчевой брусничиной съ серебромъ, другой мужской изъ той же парчи двѣсти пятьдесятъ девять рублевъ, шлафорокъ бѣлой парчевой сто пятьдесятъ два рубли, шлаѳорокъ брусничатой тканой шестьдесятъ пять рублевъ, шлаѳорокъ алой обьяринной съ юбкою пятьдесятъ шесть рублевъ, шлаѳорокъ бѣлой отласной съ юбкою и съ подишпаніемъ [2]) сто восемьдесятъ рублевъ, шлафорокъ дикаго цвѣту грызетовой съ юбкою сорокъ четыре рубли, шлафорокъ штофной малиновой съ юбкою пятьдесятъ рублевъ, шлафорокъ черной бархатной съ юбкою шестьдесятъ рублевъ, шлаѳорокъ гранитуровой голубой съ юбкою тридцать рублевъ, шлаѳорокъ обьяринной желтой пятьдесятъ рублевъ, шлаѳорокъ гранитуровой двоемочной

---

[1]) Т.-е. шеколадникъ, по сохранившему и доселѣ у простолюдиновъ произношенію. П. Б.

[2]) Т.-е. съ кружевами Испанскими: poins d'Espagne. П. Б.

двадцать шесть рублевъ, шлаѳорокъ желтой штофной восемьдесятъ рублевъ, епанча соболья, покрыта гласетомъ серебрянымъ и обложена пластинчетыми собольми пятьсотъ восемьдесять рублевъ, епанча парчевая на рысьемъ мѣху, обложена горностаями восемьдесятъ рублевъ, епанча пунцовая бархатная на горностаевомъ мѣху сорокъ семь рублевъ, епанча камлотовая холодная дамская искладена позументомъ серебренымъ тридцать рублевъ, шуба бархатная пунцовая на буромъ лисьемъ мѣху пятьдесятъ рублевъ, казакейка штоѳная вишневая пятнадцать рублевъ, казакейка транцынелевая зеленая семь рублевъ, казакейка алая отласная пятнадцать рублевъ, казакейка грызетовая десять рублевъ, казакейка таѳтяная двоелишневая шесть рублевъ, юпка желтая отласная двадцать два рубли, юпка алая транцынелевая четырнадцать рублевъ, исподница парчевая золотная съ кружевомъ золотнымъ шестьдесятъ рублевъ, исподница малиновая бархатная, съ поддишпаніемъ, золото съ сереброміъ, семьдесятъ рублевъ, исподница зеленая бархатная съ позументомъ золотнымъ сорокъ рублевъ, исподница отласная алая съ кружевомъ серебренымъ десять рублевъ, корсетъ парчевой алой двѣнадцать рублевъ, корсетъ парчевой пунцовой десять рублевъ, корсетъ голубой отласной, шитой пять рублевъ, корсетъ гранитуровой двоелишневой три рубли, два корсета марселевые бѣлые четыре рубля. Бѣлья: сорочекъ мужскихъ Галандского полотна съ манжетами и кружевными шесть, съ камортковыми шесть, итого одна дюжина сто семьдесять рублевъ; сорочекъ женскихъ Галанского полотна, одна дюжина Галанскихъ же и Валендорскихъ одна дюжина, Валендорскаго полотна три дюжины, Польскихъ одна дюжина, итого шесть дюжинъ четыреста пятьдесятъ шесть рублевъ. На постелю каморткового Галанского и Валендорского полотна съ кружевомъ пять перемѣнъ, да мыленныхъ три перемѣны, триста тридцать два рубли; скатертей камчатыхъ и Рижскихъ сорокъ четыре, салѳетокъ камчатыхъ и Рижскихъ пятьдесятъ двѣ дюжины, двѣсти шестьдесятъ рублевъ; полотенецъ лишныхъ четыре дюжины семнадцать рублевъ, да скатертей и салфетокъ и полотенецъ неразрѣзныхъ въ двухъ сундукахъ на сто рублевъ. Кровать бархатная малиновая искладена позументомъ серебренымъ широкимъ и узкимъ и къ оной кровати покрывало и одѣяло парчевое, восемь сотъ пятьдесятъ четыре рубли; перина пуховая съ подушки да три столика уборныхъ оклеены бархатомъ и прочими парчами. Черевиковъ и туфель парчевыхъ и шитыхъ полторы дюжины да чулковъ шелковыхъ и костровыхъ одна дюжина, сто рублевъ. Разныхъ лентъ на всякіе уборы, сто пятьдесятъ рублевъ.

Итого вышеписанного приданого, алмазныхъ вещей, и серебреной посуды, и платья, и протчего на шестнадцать тысячъ на шесть сотъ на пятьдесятъ рублевъ, да денегъ десять тысячъ рублевъ, и всего того приданого и денегъ на двадцать на шесть тысячъ на шесть сотъ на пятьдесятъ рублевъ.

Къ сей сговорной лейбъ-гвардіи капитанъ поручикъ графъ Петръ Борисовъ сынъ Шереметевъ, вышеписанную сестру свою родную дѣвицу графиню Вѣру Борисовну въ замужество за брегадира Ѳедора Абрамовича Лопухина сговорилъ и приданаго алмазныхъ вещей и платья и серебряной посуды и денегъ на двадцать на шесть тысячъ на шесть сотъ на пятьдесятъ рублевъ далъ и руку приложилъ *).

Статскій совѣтникъ князь Иванъ княжъ Васильевъ сынъ Одоевской.

Совѣтникъ Іаковъ Андреевъ сынъ Масловъ.

Генералъ-маіоръ Иванъ Ивановъ сынъ Бибиковъ.

---

*) При именахъ свидѣтелей опускаются находящіяся при каждомъ обычныя слова: „свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ". П. Б.

Брегадиръ и каморъ-коллегія вице-президентъ Петръ Ивановъ сынъ Засѣцкій.

Маіоръ Аѳанасій Яковлевъ сынъ Дохтуровъ.

Асессоръ Степанъ Тихоновъ сынъ Каѳтыревъ.

Асессоръ князь Андрей княжъ Михайловъ сынъ Щетининъ.

Каморъ-коллегіи асессоръ Андрей Васильевъ сынъ Тороповъ.

Подполковникъ Ѳедоръ Дави(до)въ сынъ Гурьевъ.

Полковникъ и лейбъ-гвардіи капитанъ Александръ Титовъ сынъ Раевской.

Совѣтникъ Иванъ Савостьяновъ сынъ Анненковъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Матвѣй Ѳедоровъ сынъ Воейковъ.

Государственной каморъ-коллегіи совѣтникъ Иванъ Мартиновъ сынъ Голохвастовъ.

Государственной камеръ-коллегіи совѣтникъ Григорій Степановъ сынъ Батуринъ.

Вотчинной коллегіи президентъ Александръ Тимоѳеевъ сынъ Ржевской.

Статской дѣйствительной совѣтникъ Петръ Ивановъ сынъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Государственной юстицъ-коллегіи ассесоръ Александръ Ивановъ сынъ Панинъ.

Государственной юстицъ-коллегіи ассесоръ князь Григорій княжъ Яковлевъ сынъ Вяземской.

Государственной комерцъ-коллегіи совѣтникъ старшій Михаилъ Павловъ сынъ Шаѳировъ.

Асессоръ Иванъ Антоновъ сынъ Алексѣевъ.

Отъ морскихъ солдатъ порутчикъ Иванъ Михайловъ сынъ Измайловъ.

Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручикъ Петръ Алексѣевъ сынъ Векентьевъ.

Брегадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ Александръ Кузминъ сынъ Петровъ-Соловово.

Отъ ѳлота капитанъ Андрей Ивановъ сынъ Полянской.

Отъ ѳлота лейтенантъ Иванъ Васильевъ сынъ Новиковъ.

Отъ ѳлота лейтенантъ Иванъ Ивановъ сынъ Аничковъ.

Сговорную писалъ Московской крѣпостной конторы подъячій Яковъ Осетровъ. Совершилъ по указу секретарь Иванъ Протопоповъ. 1736 Ноября 1 сія сговорная въ Московской крѣпостной конторѣ въ книгу перечнемъ записана. Отъ письма и отъ записки за страницу и на расходъ всего 27 рублей 58 коп. $^3/_4$ взято, и сію сговорную совершилъ надсмотрщикъ Аврамъ Худяковъ.— 1736 г. Ноября 4 дня по сей сговорной записи брегадиръ Ѳедоръ Аврамовъ сынъ Лопухинъ вышеписанное приданное, алмазныя вещи и серебряную посуду и иное и денегъ 10000 рублевъ и прочее всего и съ деньгами на 26000 на 600 рублей, да еще на пятьдесятъ рублевъ у графа Петра Борисовича Шереметева принялъ все сполна и подписался своею рукою.

Повидимому Вѣра Борисовна была любимая сестра графа Петра Борисовича. О ней часто вспоминала видавшая ее въ молодости Т. В. Шлыкова.

Изъ дѣтей ѳельдмаршала всѣхъ пережила Екатерина Борисовна, вышедшая въ 1750 году замужъ за князя Петра Васильевича Урусова. Любопытно, что старшая сестра Наталья Борисовна ни разу о младшихъ сестрахъ своихъ не упоминаетъ, словно ихъ не было...

Въ приданое Вѣрѣ Борисовнѣ досталось Орловской губ. Кромскаго

уѣзда село Ретяжи, откуда нѣкогда отбылъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ отправляясь въ Мальту [1]). Оно смежно и доселѣ съ землею селъ Шереметевки и Алексѣевскаго, оставшихся во владѣніи потомства гр. Бориса Петровича. Мѣстность красивая на берегу Оки и лѣсная. Когда-то были вѣковыя рощи, нынѣ сведеныя. Усадьба и теперь сохранила тѣнистый садъ, и видъ ея таинственно напоминаетъ о прошломъ ея владѣльцевъ Лопухиныхъ, извѣстныхъ масоновъ. Донынѣ сохранились мѣстные легенды объ одномъ изъ Лопухиныхъ, который, узнавъ о переходѣ Наполеона въ 1812 г. чрезъ границу Имперіи, устроилъ въ полѣ пиръ съ смоляными бочками, при чемъ, послѣ сильнаго кутежа, пѣли Наполеону «вѣчную память» [2]).

*

Послѣдняя, меньшая сестра графа Петра Борисовича Екатерина (род. 2 Ноября 1718 † 14 Авг. 1799) вышла замужъ въ 1750 г., когда княгиня Наталья Борисовна была уже налицо (только черезъ семь лѣтъ послѣ того она поступаетъ въ монастырь). Событіе свадьбы меньшой сестры въ жизни ея прошло незамѣченнымъ; но и здѣсь невольно напрашивается сравненіе съ актомъ, совершеннымъ въ 1745 году. Екатерина Борисовна выдана за князя Алексѣя Васильевича Урусова, изъ древняго, но нѣсколько захудалаго рода. Онъ былъ въ чинѣ поручика и состоянія не имѣлъ. Братъ ея до самой смерти своей (1788) помогалъ сестрѣ различными способами и передалъ завѣтъ о ней своему сыну.

Дочь ея Варвара вышла замужъ за князя Касаткина-Ростовскаго. Ея письма къ графу Николаю Петровичу особенно типичны. Ее постоянно и преимственно поддерживалъ графъ Николай Петровичъ. Отсюда и родство съ княземъ Ѳедоромъ Михаиловичемъ Касаткинымъ-Ростовскимъ, воспитанникомъ графа Дмитрія Николаевича Шереметева. Въ семьѣ его хранится хорошій масляный портретъ княгини Екатерины Борисовны. П. В. Шлыкова хорошо ее помнила.

Портреты всѣхъ трехъ сестеръ донынѣ висятъ рядомъ въ Кусковскомъ [3]).

II.

Приданое графини Варвары Петровны Разумовской

(урожденной графини Шереметевой).

Указъ его сіятельства государя нашего графа Петра Борисовича домовой канцеляріи въ село Пруды, прикащику Василію Крапковскому.

---

[1]) Описаніе путешеств., изд. Миллера.

[2]) Позднѣе Ретяжи пріобрѣлъ одинъ изъ чиновниковъ Орловской при архіереѣ Смарагдѣ Консисторіи. П. Б.

[3]) Сохранилась рядная и княгини Е. Б. Урусовой. Ей дано въ приданое 17409 р. да 10,000 на покупку деревень. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 (III, 433) напечатано и приданое знаменитой княгини Натальи Борисовны, которое она получила отъ своего брата по возвращеніи изъ Сибирской ссылки. Такимъ образомъ вполнѣ опровергаются отзывы и нареканія князя И. М. Долгорукаго (въ „Капищѣ моего сердца“) о графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ. П. Б.

Февраля 23 дня 1774 году, по волѣ всемогущаго Бога, его сіятельства любезная дочь ея сіятельство графиня Варвара Петровна выдана въ замужество за его сіятельство двора Е. И. В. камеръ-юнкера графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, а въ приданое за ея сіятельствомъ даны изъ недвижимаго имѣнія вотчины, а именно: Московской губерніи Володимерской провинціи, Муромскаго уѣзда, село Карачарово съ приселки Панфилово, Савослейка, съ деревнями; той же губерніи Рузскаго уѣзда село Колюбакино съ деревнями, Московской же губерніи Дмитровскаго уѣзду село Волдинское съ деревнями и сельцо Ермолино; Нижегородской губерніи Арзамаскаго уѣзду село Обремово съ приселки Веняево, Левашево съ деревнями, той же губерніи Арзамазскаго же уѣзду село Знаменское-Мареево тожъ съ приселки, Круглая Поляна, Гереси (?) Елфимово, Василево, Кондрыкино, Михалково съ деревнями; Казанской губерніи Саранскаго уѣзду село Ждимирово съ приселки Иванько̀во и Парняй (?), той же губерніи Симбирскаго уѣзда поселокъ Знаменскій-Камышлейка тожъ. Которыя всѣ вотчины Марта съ 1 числа сего года во владѣніе ихъ сіятельству графинѣ Варварѣ Петровнѣ и графу Алексѣю Кирилловичу отданы, въ чемъ въ государственной Вотчинной Коллегіи за ними утверждено.

А въ тѣхъ записяхъ между прочимъ написано: ежели которые крестьяне мужеска и женска пола изъ тѣхъ отданныхъ ея сіятельству графинѣ Варварѣ Петровнѣ вотчинъ до той записи переведены или сами перешли въ вотчины его сіятельства графа государя и въ вотчины его сіятельства графа Николая Петровича и поселились дворами, такожъ дѣвки и вдовы вышли въ замужество безъ отпускныхъ и другими какими случаями перешли: онымъ быть въ тѣхъ мѣстахъ и на тѣхъ основаніяхъ, какъ до написанія той записи были; такожъ ежели и изъ вотчинъ ихъ сіятельствъ крестьяне мужеска и женска пола вышеписанными случаями выбыли и поселены въ показанныхъ ея сіятельства графини Варвары Петровны вотчинахъ: то и тѣмъ оставаться на тѣхъ же мѣстахъ и на томъ же основаніи, какъ до написанія той записи были, о чемъ тебѣ вѣдать.

Петръ Барановъ, Алексѣй Толмачевъ, Александръ Долгоноговъ.

Сообщилъ графъ С. Д. Шереметевъ.

Февраля 25 дня 1774 года.

Д. В. ДАШКОВЪ.

Его письма къ Е. Г. Пушкиной.

Славный государственный дѣятель, прослужившій дѣвять лѣтъ министромъ юстиціи при Николаѣ Павловичѣ, Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (род. 25 Дек. 1789 † 28 Дек. 1839) ждетъ своего жизнеописанія, для котораго сохранилось немного показаній. Онъ происходилъ отъ старинныхъ выселившихся изъ Крыма служилыхъ людей и сохранилъ въ лицѣ яркія черты южнаго происхожденія. Говорятъ, что въ дни Цареградскаго погрома, когда погибъ патріархъ Григорій, освирипѣлые мусульмане не тронули его, благодаря Крымскому его облику. Въ слѣдующее царствованіе на него и на Д. Н. Блудова указалъ Николаю Павловичу Карамзинъ, которой былъ для обоихъ (по словамъ Блудова) тѣмъ, кого Нѣмцы называютъ ein väterlicher Freund, т. е. питалъ къ нимъ отеческую дружбу. Дашкову поручено было цензурное дѣло въ Россіи, и сочиненный имъ (въ сотрудничествѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ) Цензурный Уставъ 1828 года былъ благодѣтеленъ Русскому здравому просвѣщенію. Увѣряютъ, что когда Государь предложилъ Дашкову Министерство Юстиціи, онъ напрямикъ сказалъ, что, являясь съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, онъ всякій разъ будетъ имѣть въ карманѣ прошеніе объ отставкѣ. Не даромъ Пушкинъ звалъ его *бронзою*. Намъ случилось знать стариковъ, съ необыкновеннымъ уваженіемъ отзывавшихся объ его министерскомъ управленіи... Думаемъ, что читатели „Русскаго Архива", охотно познакомятся съ нимъ по нижеслѣдующимъ письмамъ, которыя писаны къ Еленѣ Григорьевнѣ Пушкиной (ур. Воейковой, въ первомъ бракѣ Нѣмцовой); о ней свѣдѣнія помѣщены въ І-й книгѣ Сборника „Девятнадцатый Вѣкъ".

P.bourg, ce 1 Septembre 1822.

Avant de répondre au contenu de la lettre que vous avez bien voulu m'adresser, madame, en date du 15 Août, permettez-moi de me laver du reproche d'avoir laissé sans réponse votre première du 31 Mai. J'ignore si la feuille qui contenait cette preuve de souvenir, qu'il m'eût été si agréable de recevoir, a été emportée par le vent au moment de m'être expédiée, ou bien si le bureau de poste a eu la noire malice de vouloir m'en priver: le fait est qu'elle ne m'est jamais

parvenue. Or, comment répondre à ce qu'on n'a pas reçu, à ce dont on n'a pas même soupçonné l'existence?

Il n'en est pas ainsi de votre bonne et aimable missive en faveur du petit Batuschkoff. J'ai reconnu votre coeur à l'intérêt que vous daignez prendre à ce pauvre orphelin, et je vous ai beaucoup remercié de la préférence que vous m'avez donnée pour seconder vos vues. N'allant point moi-même chez m-me Mouravieff, j'ai été crier aux oreilles de tous ceux qui ont quelque influence sur elle; je suis allé à Tzarsco-Sélo pour en parler aux Karamzines; j'ai chargé m-me Bloudoff de presser sur le même sujet la soeur de Batuschkoff, qui demeure maintenant chez sa tante. J'échaufferai encore tout ce monde, avec les précautions que vous m'avez indiquées, madame, et ne manquerai point de vous instruire du résultat de ces démarches, aussitôt qu'il y en aura eu un. Vous savez au reste qu'on ne peut répondre que de soi; au moins, je vous réponds bien de faire et de réitérer tous les efforts possibles.

Quant à ma santé, à laquelle vous voulez bien vous intéresser, elle se soutient assez heureusement, quoique je sois dans le cas de faire un nouvel apprentissage du climat difficile de P.bourg, après une si longue absence. Je désire infiniment qu'il en soit de même quant à la santé de mesdemoiselles Hélène et Pauline: elles ont assez souffert toutes les deux et vous ont assez donné d'inquiétude pour qu'il fut déjà tems de voir cesser leur indisposition.

En me rappelant au souvenir de m-r de Pouschkine, je vous prie, madame, d'agréer mes voeux les plus sincères pour votre prospérité avec mes respectueux hommages. Dachkoff.

С.-Петербургъ, 1 Сентября 1822.

Прежде чѣмъ отвѣчать на содержаніе вашего ко мнѣ письма отъ 15-го Августа, позвольте мнѣ оправдать себя въ сдѣланномъ мнѣ упрекѣ, будто я оставилъ ваше первое письмо, отъ 31-го Мая, неотвѣченнымъ. Не вѣдаю, былъ ли въ минуту отправки унесенъ вѣтромъ этотъ листокъ, служившій доказательствомъ памяти обо мнѣ и который мнѣ было бы такъ пріятно получить, или же почтовая контора придумала печальную шутку лишить меня этого письма; но дѣло въ томъ, что я совсѣмъ его не получалъ. Какъ же отвѣчать на то, чего не получалъ и о существованіи чего не подозрѣвалъ?

Не та участь постигла ваше доброе и любезное письмо относительно маленькаго Батюшкова. Я узналъ сердце ваше въ томъ участіи, какое вы благоволите принять въ этомъ бѣдномъ сиротѣ и очень благодарилъ васъ за оказанное мнѣ предпочтеніе въ содѣйствіи вашимъ намѣреніямъ. Не бывая самъ у г-жи Муравьевой, я нажужжалъ въ уши всѣмъ, кто имѣетъ на нее вліяніе; поѣхалъ въ Царское Село, чтобы говорить объ этомъ

съ Карамзиными, поручилъ г-жѣ Блудовой оказать давленіе по тому же поводу на сестру Батюшкова, которая живетъ у своей тетки. Я еще воспламеню все это общество, принимая всѣ указанныя вами предосторожности, и не премину сообщать вамъ результаты своихъ шаговъ, какъ только таковые окажутся. Вы, впрочемъ, знаете, что отвѣчать можно только за себя; по крайней мѣрѣ отвѣчаю вамъ за то, что неустанно буду употреблять всѣ возможныя усилія.

Что̀ касается моего здоровья, которымъ вы изволите интересоваться, оно держится довольно счастливо, хотя я вновь дѣлаю опытъ съ тяжелымъ климатомъ Петербурга послѣ столь долгаго отсутствія. Безконечно желаю того же въ отношеніи здоровья барышень, Елены и Полины: обѣ онѣ довольно страдали и достаточно причинили вамъ безпокойства; пора перестать ихъ недомоганію.

Напоминая о себѣ г-ну Пушкину, прошу васъ принять мое почтительное уваженіе и лучшія пожеланія благополучія. Дашковъ.

P.bourg, ce 26 Décembre 1822.

...Nous venons de recevoir des nouvelles indirectes du pauvre frère de Pompée. C'est le médecin qui traite actuellement Batuschkoff à Simphéropol en Crimée, qui a écrit à l'un de ses amis de P.bourg, et ce qu'il en dit n'est pas du tout rassurant. Sa mélancolie paraît avoir augmenté. Je compte lui écrire par le premier courrier d'Odessa; mais je vous avoue que j'ignore comment le pauvre malade prendra ma lettre, toute amicale et circonspecte qu'elle puisse être. Mais je dois le faire, car le médecin (un certain m-r Muhlhausen) dit qu'il se plaint d'avoir été oublié par ses amis... Dachkoff.

С.-Петербургъ, 26 Декабря 1822.

Мы только что получили окольными путями извѣстіе о бѣдно̀мъ братѣ Помпея. Докторъ, который въ настоящее время лечитъ Батюшкова въ Симферополѣ, въ Крыму, написалъ одному изъ своихъ друзей въ Петербургѣ и то, что̀ онъ говоритъ о немъ, совсѣмъ неутѣшительно. Видимо, его меланхолія усилилась. Разсчитываю написать ему съ первымъ курьеромъ, хотя признаюсь, не знаю, какъ приметъ бѣдный больной мое письмо, какъ бы оно ни было дружественно и осторожно. Но я долженъ это сдѣлать, такъ какъ докторъ (нѣкто Мюльгаузенъ) говоритъ, что онъ жалуется на то, что забытъ друзьями. Дашковъ.

P.bourg, ce 26 Mars 1823.

...On a reçu depuis peu des nouvelles de notre pauvre malade de Crimée qui sont plus consolantes que les dernières. Il va mieux, à ce que mande son médecin; il a paru prendre plaisir aux lettres que nous lui avons écrites, quoiqu'il n'ait répondu à personne. Croyant que l'am-

bition et la perspective d'être employé activement pourraient peut-être produire un bon effet sur lui, ses amis ont demandé que le ministère lui écrive directement pour l'engager à revenir ici, en lui promettant de l'ouvrage. C'est bien dommage que son beau-frère Sehépiloff n'ait pas attendu auprès de lui à Simphéropol l'arrivée de cette lettre, quoiqu'il en ait reçu l'avis: nous aurions pu alors apprendre au juste l'impression qui en sera résultée et mieux combiner nos démarches à l'avenir...

Dachkoff.

С.-Петербургъ, 26 Марта 1823.

.... Недавно были получены о нашемъ больномъ изъ Крыма болѣе утѣшительныя вѣсти, чѣмъ послѣднія. По словамъ доктора ему, лучше. Видимо, онъ былъ доволенъ нашими письмами, хотя и не отвѣтилъ никому. Думая, что честолюбіе и перспектива быть дѣйствительнымъ чиновникомъ, могли бы, можетъ быть, имѣть на него хорошее вліяніе, друзья его просили министерство написать непосредственно ему, предлагая вернуться и обѣщая работу. Очень жаль, что его зять, Шипиловъ, не смотря на совѣты, не дождался у него въ Симферополѣ прибытія этого письма; тогда мы могли бы узнать навѣрное, какое получится впечатлѣніе и сообразовать съ этимъ свои дальнѣйшіе поступки. Дашковъ.

P.bourg, ce 28 Décembre 1823.

Silence n'est pas oublié, comme négligence apparante n'est pas ingratitude. Je vous supplie, madame, de vouloir bien vous rappeler de cette juste distinction, avant de me condamner définitivement. Ce n'est pas que je me croie irréprochable: au contraire, je sollicite de votre indulgence accoutumée un pardon généreux, et je prends mes mesures, autant que possible, pour que ma lettre vous parvienne la veille de l'an, au soir. Je sais combien vous tenez à cette heure mystérieuse, et je présume qu'alors ma contrition pourra plus facilement vous toucher. J'ai donc attendu ce courrier-ci pour vous écrire et vous prier de rendre justice à mes sentimens tout en tapant sur le correspondant dûment atteint et convaincu d'inexactitude.

Dieu fit du repentir la vertu des mortels. Veuillez donc, madame, agréer sans colère mes voeux les plus sincères pour votre prospérité et celle de toute votre famille. Veuillez en revanche me donner de vos nouvelles, de celles de votre seigneur et maître (qui est trop occupé de *l'écartée* pour se rappeler de ses amis) et des mesdemoiselles Hélène et Pauline, auxquelles je vous prie de faire également agréer mes félicitations et mes voeux à loccasion de la nouvelle année.

Je voudrais pouvoir vous donner de mon côté quelques bonnes nouvelles de notre pauvre malade; mais il paraît que pour lui il n'y a pas

d'espoir de guérison en Russie. On songe à le faire transporter au printems prochain à Sonnenstein, près de Dresde, dont l'établissement destiné à ce genre de maladies doit être excellent. Il ne voit plus que son oncle, avec lequel il était loin d'être bien auparavant, et Joukoffsky. Quant à Bloudoff et moi, qu'il voyait assez volontiers pendant son séjour à la campagne, il a déclaré que, tout en nous aimant, il ne nous recevrait plus, comme tenant département des affaires étrangères. On craint de le mettre au désespoir en se décidant à user de violence à son égard, et d'ailleurs sa position ici ne permettrait pas d'entreprendre une cure suivie, de sorte qu'il est impossible de surmonter ses caprices, ni de lui faire prendre régulierèment des remèdes. Sa soeur, qui loge avec lui, est presqu 'alienée elle-même et gâte les affaires au lieu de les arranger; mais on ne peut pas venir à bout d'elle. Tout cela brise le coeur: pauvres humains et triste destinée! Je ne devrais pas vous donner, madame, de si penibles détails. Je connais votre sensibilité, mais je connais aussi l'intérêt que vous portez à notre malheureux ami.

Recevez l'expression de mes respectueux hommages et daignez me conserver toujours une petite place dans votre souvenir.

Dachkoff.

С.-Петербургъ, 28 Декабря 1823.

Молчаніе не есть забвеніе, подобно тому какъ мнимая небрежность не есть неблагодарность. Умоляю васъ, благоволите вспомнить это правильное различіе прежде чѣмъ осудить меня окончательно. Не то чтобы я считалъ себя безупречнымъ; напротивъ, прошу у вашей обычной снисходительности великодушнаго прощенія и принимаю возможныя мѣры, дабы письмо мое дошло къ вамъ вечеромъ наканунѣ Новаго Года. Знаю, сколь вы чтите этотъ таинственный часъ и полагаю, что въ это время сокрушенное сердце мое легче можетъ васъ тронуть.

Итакъ, я ждалъ именно этого курьера, чтобы написать вамъ и просить васъ, нападая на корреспондента, надлежащимъ образомъ пораженнаго, въ тоже время отдать справедливость моимъ чувствамъ. Богъ обратилъ раскаяніе въ добродѣтель смертныхъ. Примите же безъ гнѣва мои наиискреннѣйшія пожеланія благополучія вамъ и всему вашему семейству. Благоволите за то извѣстить меня о себѣ, о вашемъ господинѣ и повелителѣ (который слишкомъ занятъ игрою, *экартэ*, чтобы помнить о друзьяхъ) и объ Еленѣ и Полинѣ въ коимъ прошу также передать просьбу принять мое поздравленіе и пожеланія на Новый Годъ.

Желалъ бы съ своей стороны дать вамъ добрыя вѣсти о нашемъ бѣдномъ больномъ; но, кажется, нѣтъ для него надежды выздоровѣть въ Россіи. Думаютъ перевезти его будущею весною въ Зонненштейнъ, близъ Дрез-

дена, гдѣ заведеніе, предназначенное для такого рода больныхъ. должно быть прекрасно. Онъ только и видитъ своего дядю, съ которымъ раньше далеко не былъ хорошъ, и Жуковскаго; что касается Блудова и меня, съ которыми онъ охотно видѣлся въ свое пребываніе въ деревнѣ, онъ объявилъ, что, при всей своей любви къ намъ, больше не приметъ насъ, какъ состоящихъ при департаментѣ иностранныхъ дѣлъ!

Боятся привести его въ отчаяніе рѣшеніемъ употребить надъ нимъ насиліе, и кромѣ того здѣсь положеніе его не позволило бы предпринять послѣдовательное леченіе, такъ что невозможно преодолѣть его капризовъ и заставить его правильно принимать лѣкарства. Сестра его, живущая съ нимъ, сама почти сумасшедшая и портитъ дѣла вмѣсто того, чтобы ихъ устроивать, съ нею нельзя справиться. Все это сокрушаетъ сердце: бѣдные люди и печальна ихъ участь! Я не долженъ былъ бы сообщать вамъ такихъ тяжелыхъ подробностей, знаю вашу чувствительность, но знаю также, какое участіе вы принимаете въ нашемъ несчастномъ другѣ.

Примите выраженіе моего глубокаго уваженія и благоволите сохранить для меня маленькое мѣсто въ вашей памяти. Дашковъ.

P.bourg, ce 31 Décembre 1824 v. st.

Ne pouvant pas Vous faire parvenir, madame, ma lettre à l'heure mystériuse où la nouvelle année succède à l'ancienne, je désire au moins Vous prouver que j'ai pensé à Vous dans ces momens, auxquels Vous attachez tant de prix. J'aime cependant à croire que Vous en eussiez été bien sûre même sans jeter les yeux sur la date de cette lettre, que je n'avais pas besoin de Vous écrire pour que Vous fussiez persuadée de la sincérité et de l'ardeur des voeux que je forme pour Votre bonheur. Quant à moi, je me dois la justice de dire, que j'ai deviné Vos sentimens à l'égard du terrible fléau du 7 Novembre avant d'avoir reçu Votre bonne et consolante épitre du 13 Décembre. Tous Vos amis, tous ceux auxquels Vous avez bien voulu Vous y intéresser, se portent bien et n'ont d'aucune manière souffert de l'inondation; mais le spectacle des malheurs d'autrui n'en a été que plus accablant pour nous. Ces malheurs (quoiqu' exagérés dans quelques gazettes) ont cependant été bien grands, et pour comble d'infortune, n'ont pesé que sur le pauvre peuple. Malgré la sollicitude paternelle du gouvernement, l'on s'en ressentira longtems.

Je n'ai jamais été de l'avis du philosophe-poète Lucrèce, dont l'idée a été si bien rendue par la plume brillante de Voltaire:

On voit avec plaisir, dans le sein du repos,
Des mortels malheureux lutter contre les flots;
On aime à voir de loin deux terribles armées,

Dans les champs de la mort au combat animées;
Non que le mal d'autrui soit un plaisir si doux,
Mais son danger nous plait quand il est loin de nous.

Pauvre humatité, comme on te calomnie! Ce philosophe impitoyable lui-même, placé à l'abri du danger, aurait senti son coeur se briser (à moins d'être un monstre) en voyant les ravages de notre funeste inondation.

Même le lendemain, lorsque le fleuve retiré dans son lit avait laisé à découvert les maux qu'il avait causés, ce n'est pas une vaine curiosité, qui eût conduit Lucrèce parmi les décombres. Il n'eût pas considéré *avec plaisir*, ni d'un oeil sec, des cadavres entassés sur les ruines de leurs maisons et d'établissemens encore hier florissants, des barques échouées au milieu des rues les plus peuplées, la misère et les pleurs de pauvres malheureux qui avaient survécu à leur bien-être! C'est le spectacle que nous avons eu sous les yeux. Jugez, madame, si la sécurité personnelle a pu nous y rendre insensibles!

Les Tourguéneff ne sont pas ici. Ils ont eu le malheur de perdre leur mère et se trouvent maintenanf à Moscou, occupés à arranger les affaires de la succession. Votre petit Pompée se porte bien, et ses maîtres en sont contens. Dieu veuille que Vous puissiez bientôt nous donner d'aussi bonnes nouvelles de son frère! Que fait ce pauvre ami? Dites moi de grâce que le dernier des biens, l'espérance, n'est pas encore perdu à son égard. Parlez moi de lui et de sa soeur, peut-être encore plus infortunée que lui.—Bloudoff est-il toujours à Dresde? Je lui écris par ce même courrier. Vous voyez, madame, par tous ces points d'interrogation que j'ose compter sur une réponse: Vous savez à quel point elle me fera plaisir. Agréez encore une fois tous mes voeux et veuillez Vous charger également de les faire agréer à mesdemoiselles Hélène et Pauline. Le souvenir dont elles m'honorent (sans doute parce qu'elles connaissent tout l'attachement que je porte à leur maman) m'est et me sera toujours infinement précieux. Adieu, madame, mes respectueux hommages Vous suivent partout; mais que je voudrais pouvoir Vous les exprimer de bouche! Daschkoff.

Переводъ.

С.-Петербургъ, 31-е Декабря 1824. ст. ст.

Не имѣя возможности доставить вамъ свое письмо въ тотъ таинственный часъ, когда новый годъ заступаетъ мѣсто стараго, желаю, по крайней мѣрѣ, доказать вамъ, что въ эти мгновенія, которымъ вы придаете такую цѣну, думалъ о васъ. Хочется, однако, думать, что вы въ этомъ были вполнѣ увѣ-

рены, не взглянувъ даже на число въ письмѣ; что и безъ письма моего вы были убѣждены въ искренности и усердіи моихъ пожеланій вамъ счастья. Что̀ до меня, я долженъ, отдавая себѣ справедливость, сказать, что угадалъ ваши чувства по поводу ужаснаго бѣдствія 7-го Ноября раньше, чѣмъ получилъ ваше доброе успокоительное письмо отъ 13-го Декабря. Всѣ ваши друзья, всѣ, о ко̀мъ вы въ немъ изволите интересоваться, здоровы и ни въ малой степени не пострадали отъ наводненія. Но отъ этого зрѣлище чужого несчастія было еще тягостнѣе. Эти несчастія (хотя и преувеличенныя въ нѣкоторыхъ газетахъ) были, однако, страшныя и въ довершеніе бѣды, обрушишились исключительно на бѣдный людъ. Не смотря на отеческое попеченіе правительства, это надолго отзовется. Я никогда не раздѣлялъ мнѣнія философа-поэта Лукреція, мысль котораго была такъ хорошо передана блестящимъ перомъ Вольтера: „Съ удовольствіемъ смотришь, обрѣтаясь самъ въ покоѣ, на несчастныхъ смертныхъ, борющихся съ волнами; пріятно издали видѣть двѣ страшныя арміи, увлеченныя борьбою на полѣ смерти; не то чтобы чужая бѣда была столь сладкимъ удовольствіемъ, но чужая опасность намъ нравится, когда она вдали отъ насъ“.

Бѣдное человѣчество, какъ клевещутъ на тебя!

И тотъ самый немилосердый философъ, будучи самъ внѣ опасности, почувствовалъ бы свое сердце разбитымъ (если онъ не чу̀довище) при видѣ опустошеній, произведенныхъ нашимъ гибельнымъ наводненіемъ. Даже на слѣдующій день, когда рѣка, вернувшись въ свое русло, обнажила произведенное ею бѣдствіе, не чувство пустого любопытства привело бы Лукреція среди обломковъ. Онъ бы не смотрѣлъ *съ удовольствіемъ* и не безъ жалости на кучи труповъ на развалинахъ домовъ и заведеній, еще вчера процвѣтавшихъ, на барки, сѣвшія на мель посреди самыхъ населенныхъ улицъ, на нищету и плачъ несчастныхъ бѣдняковъ, переживших свое благосостояніе! Вотъ какое зрѣлище мы имѣли передъ глазами. Судите же, могла ли собственная безопасность сдѣлать насъ нечувствительными къ нему!

Тургеневы не здѣсь. Они имѣли несчастіе лишиться матери и находятся теперь въ Москвѣ, занятые устройствомъ дѣлъ по наслѣдству. Вашъ маленькій Помпей здоровъ, и учителя имъ довольны. Дай Богъ, чтобы вы скоро могли прислать намъ столь же хорошія вѣсти объ его братѣ! Что̀ подѣлываетъ этотъ бѣдный другъ? Сдѣлайте милость, скажите мнѣ, что послѣднее благо, надежда, еще не пропала для него. Скажите мнѣ о немъ и объ его сестрѣ, быть можетъ еще болѣе несчастной чѣмъ онъ.

Что̀ Блудовъ, все еще въ Дрезденѣ? Пишу къ нему съ этимъ же курьеромъ. Вы видите изъ всѣхъ этихъ вопросительныхъ знаковъ, что я осмѣливаюсь разсчитывать на отвѣтъ: вы знаете, до какой степени онъ меня обрадуетъ. Примите еще разъ всѣ мои пожеланія и благоволите также передать ихъ Еленѣ и Полинѣ. Память, которою онѣ меня удостаиваютъ (безъ сомнѣ-

нія потому что знаютъ преданность мою къ ихъ мамашѣ) мнѣ всегда будетъ безконечно дорога. Прощайте. Мое благоговѣйное уваженіе съ вами повсюду; но какъ бы я желалъ выразить его вамъ устно. Дашковъ.

P.bourg, ce 11 (23) Janvier 1827.

Un surcroît imprévu d'occupations m'a empêché de Vous écrire, madame, la veille du jour de l'an; mais j'ose Vous assurer que Votre souvenir m'a été présent *à cette époque du renouvellement de notre bail d'amitié*, comme Vous avez la bonté de l'appeler. Votre aimable lettre, que je viens de recevoir, a encore augmenté mes regrets de n'avoir pu Vous adresser mes félicitations ordinaires et l'expression de tous mes voeux. Mon inexactitude forcée Vous aura chagrinée peut-être; mais elle ne Vous aura inspiré aucun doute sur mes sentimens: ils sont à toute épreuve, et le temps et l'absence n'y feront jamais rein.—Je vous dois, madame, mille remercîmens pour Vos obligeantes félicitations. Non certainement, je ne les prendrai point pour de vains complimens, et encore moins pour une flatterie indigne de Votre caractère si noble et si élevé: je ne puis les attribuer qu' à une amitié sincère, mais peut-être, aussi à une trop haute opinion de moi. Je me connais mieux et je crains de ne pas justifier assez la confiance honorable que notre Souverain s'est plu à me témoigner. Je ne puis répondre que de mon zèle, et Dieu veuille qu'il puisse suffire! Je me trouve dans une carrière tout-à-fait nouvelle pour moi, sauf quelques souvenirs et quelque peu d'expérience acquise en simple particulier et dans une position très-délicate; il me faut du temps et du travail pour m'orienter et voir clair. L'honneur et le désire d'être utile me soutiendront.

C'est assez parler de moi: parlons de Vous, de Votre aimable famille, de nos amis communs. Je Vous remercie beaucoup d'avoir bien voulu me donner quelques détails sur Votre genre de vie à Dresde et sur la santé de m-elle Pauline. J'ai joui de Vous savoir enfin rassurée sur son compte, et je désire ardemment d'apprende au plutôt qu'elle est entièrement remise. Ce n'est qu'alors que Votre prochain retour en Russie me causera un plaisir sans mélange. Je suis fâché que nos amis Vous quittent avant Votre départ de Dresde. Dites-leur, de grâce, que mes sentimens à leur égard n'ont point changé, et que je ne cesserai jamais de prendre le plus vif intérêt à leur sort. Mais j'ai été plus peiné encore de ce que Vous m'avez dit de notre infortuné Batuschkoff. Je n'ai jamais eu trop d'espoir pour lui, et Votre lettre m'a ravi jusqu' à la dernière lueur. Faut-il que le malheureux s'éteigne dans ce triste état, et que ses meilleurs amis soient réduits à désirer sa mort, comme

le seul terme de ses souffrances! Lui, qui avait tout pour être heureux, et qu'un enchaînement de circonstances funestes a perdu! Tous le regretteront, et moi plus que personne. Son souvenir sera éternellement lié dans mon coeur à une époque, que je ne voudrais pas voir renaître, et pendant laquelle son amitié adoucit mes chagrins.

Also bestimmten die Götter elender Sterblichen Schicksal,

Bang in Gram zu leben; allein sie selber sind sorglos!

Adieu, madame. Plus on perd d'êtres qu'on a chéris, et plus on s'attache à ceux qui nous restent. Veuillez me conserver Votre bienveillance et Votre amitié et croire à mon attachement inaltérable. Portez-Vous bien et soyez heureuse. D.

Permettez-moi de me rappeler au souvenir de m-elles Vos filles.

С.-Петербургъ, 11 (23) Января 1827.

Неожиданное скопленіе дѣлъ помѣшало мнѣ написать вамъ наканунѣ Новаго Года, но могу васъ увѣрить, что у меня была мысль о васъ въ *это время возобновленія нашего дружескаго договора*, какъ вы были добры его это назвать. Любезное письмо ваше, которое я только что получилъ, еще усугубило мое сожалѣніе, что не могъ послать вамъ обычныхъ поздравленій и выраженія всѣхъ моихъ пожеланій. Быть можетъ, васъ огорчила моя невольная неаккуратность. Но она не внушила вамъ никакихъ сомнѣній въ моихъ чувствахъ: они непоколебимы (испытаны), ни время, ни отсутствіе никогда имъ ничего не сдѣлаютъ. Приношу вамъ тысячу благодарностей за любезное ваше поздравленіе. Нѣтъ, разумѣется, не приму его за пустую любезность, еще меньше за лесть, недостойную вашего благороднаго и возвышеннаго характера: могу это приписать лишь искренней дружбѣ и быть можетъ также слишкомъ высокому мнѣнію обо мнѣ.

Я знаю себя лучше и боюсь не оправдать въ должной мѣрѣ того довѣрія, которымъ нашему Государю угодно было меня удостоить. Могу отвѣчать лишь за свое усердіе и дай Богъ чтобы его было достаточно.

Я очутился на совершенно новомъ для меня поприщѣ, если не считать нѣкоторыхъ воспоминаній и кое-какую опытность пріобрѣтенную въ частной жизни, а положеніе мое очень щекотливое: нужны мнѣ время и трудъ, чтобы опознаться и ясно видѣть. Честь и желаніе быть полезнымъ поддержатъ меня.

Довольно говорить о себѣ: поговоримъ о васъ о вашемъ любезномъ семействѣ, о нашихъ общихъ друзьяхъ.

Очень благодарю васъ за нѣкоторыя подробности о вашемъ образѣ

жизни въ Дрезденѣ и о здоровьѣ Полины. Съ восторгомъ узналъ, что наконецъ вы успокоились на ея счетъ и горячо желаю поскорѣй узнать, что она окончательно поправилась. Только въ этомъ случаѣ ваше скорое возвращеніе въ Россію доставитъ мнѣ полное удовольствіе.

Меня огорчаетъ, что наши друзья [1]) покидаютъ васъ до вашего отъѣзда изъ Дрездена. Сдѣлайте милость, скажите имъ, что мои чувства къ нимъ не измѣнились и что я никогда не перестану самымъ живымъ образомъ интересоваться ихъ участью. Но еще больше огорченъ я тѣмъ, что̀ вы сказали о нашемъ несчастномъ Батюшковѣ. Никогда я не надѣялся слишкомъ за него, а ваше письмо лишило меня и послѣдняго проблеска. Неужели несчастный угаснетъ въ такомъ печальномъ состояніи, и лучшія друзья его доведены до желанія его смерти, какъ единственнаго предѣла его мученіямъ! Онъ, имѣвшій все, чтобы быть счастливымъ и котораго злополучное стеченіе обстоятельствъ погубило! Всѣ будутъ жалѣть о немъ, а я больше всѣхъ. Память о немъ будетъ вѣчно связана въ моемъ сердцѣ съ временемъ, возврата котораго я бы не хотѣлъ и въ теченіе котораго дружба его смягчала мое горе и мои печали.

Итакъ боги предопредѣлили судьбу бѣдныхъ смертныхъ жить въ страхѣ и тоскѣ, только они одни беззаботны.

Прощайте. Чѣмъ больше любимыхъ существъ теряешь, тѣмъ больше привязываешься къ остающимся. Благоволите сохранить ко мнѣ вашу благосклонность и дружбу и вѣрьте въ мою неизмѣнную преданность. Будьте здоровы и счастливы. Д.

Позвольте мнѣ напомнить о себѣ вашимъ дочерямъ [2]).

---

[1]) Жуковскій и братья Тургеневы. П. Б.

[2]) Одна изъ нихъ, дѣвица Прасковья Алексѣевна Пушкина, любезно сообщила въ „Русскій Архивъ“ эти письма Д. В. Дашкова къ ея матери. П. Б.

РУССКІЕ ПОКЛОННИКИ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году.

Кто не бывалъ на морѣ, тотъ не легко повѣритъ, чтобы прекрасный лѣтній день могъ иногда казаться несноснѣе зимней непогоды; но мы узнали сіе на опытѣ во время скучнаго переѣзда отъ Родоса до Яффы. Безвѣтріе застигло насъ въ виду крѣпости Кастель-россо, на берегу Карамансkомъ, и мы цѣлые пять дней не могли двинуться съ мѣста. Все въ природѣ утомляло взоръ единообразіемъ: съ утра до вечера море свѣтлѣлось какъ зеркало, а небо было безоблачно. Нестерпимый жаръ и духота въ каютѣ, палящій зной на палубѣ (гдѣ растопленная смола текла по доскамъ и канатамъ), печальный стукъ парусовъ о мачты, вселяли въ насъ уныніе и заставляли жалѣть о буряхъ, съ коими боролись мы въ самыхъ сихъ мѣстахъ, на пути изъ Египта въ Морею... Не такъ ли иногда, послѣ бури страстей, въ дремотѣ нравственной и съ отвращеніемъ ко всему, что̀ прежде насъ плѣняло, жалѣемъ о сильныхъ горестяхъ, потрясающихъ бытіе, но возвышающихъ душу?.. Наконецъ легкій вѣтерокъ помогъ намъ войти въ пристань Кастель-россо, гдѣ мы съ трудомъ запаслись гнилою водою. Крѣпость построена на маленькомъ утесистомъ островѣ, какъ бы оторванномъ отъ твердой земли, и жители должны издалека доставать нужное для пищи.

Мы еще простояли болѣе сутокъ противъ южнаго мыса Кипрскаго (cap Gatte), въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Сильное морское теченіе влекло корабль на Западъ и отдаляло насъ отъ желанной цѣли. Берегъ Сирійскій открылся не прежде 20 Августа; сперва показалась влѣвѣ вершина Кармила, потомъ прямо передъ нами бѣловатое поморіе Кесарійское, и вправѣ цѣпь высокихъ горъ близъ Іерусалима. Съ умиленіемъ и жаднымъ любопытствомъ смотрѣли мы на сію землю, столь важную въ исторіи рода человѣческаго, обильную чудесами и событіями великими, колыбель Христіанской вѣры; на землю, гдѣ живутъ преданія Ветхаго и Новаго Завѣта, гдѣ каждый холмъ, каждая дебрь, каждая развалина говорятъ о дѣлахъ пророковъ и знаменитыхъ витязей.

Весь оный край, отъ Сура (древняго Тира) до Газы, очень опасенъ для судовъ въ бурное время года; а Греческіе кормчіе, исключая смѣлыхъ островитянъ съ Идры, Псары и Спецціи, тогда были вообще неискусные мореходцы внѣ Архипелага. Къ счастію, нашъ *каравокиръ* (хозяинъ судна), родомъ изъ Скіаѳо, уже нѣсколько разъ привозилъ поклонниковъ въ Яффу и, твердо зная сіи мѣста, взялся провести корабль на рейду, даже ночью. Онъ сдержалъ слово и на разсвѣтѣ бросилъ якорь верстахъ въ двухъ отъ города. Мы съѣхали съ нимъ на берегъ въ небольшой лодкѣ, пробираясь между огромными камнями, о кои разбивались волны съ ревомъ, и пошли отдыхать въ Греческій *метохъ* (подворье), гдѣ были гостепріимно встрѣчены проигуменомъ. Черезъ него отправили въ Іерусалимъ къ епитропамъ (намѣстникамъ) грамоту *блаженнѣйшаго* патріарха Поликарпа [1]), извѣщавшую ихъ о нашемъ посѣщеніи.

Яффа (древняя Іоппія) была нѣкогда средоточіемъ торговли между Палестиною, Египтомъ и ближними островами. Нынѣ, въ безпечное и хищное правленіе Турковъ, пристань занесена песками и оживляется только во время проѣзда поклонниковъ. Городъ построенъ уступами, почти весь изъ тесанаго камня, съ глубокимъ рвомъ и стѣною, примыкающею съ обѣихъ сторонъ къ морю; улицы тѣсны, а дома некрасивы и какъ бы подавлены плоскими кровлями. Но окрестности, по дорогѣ къ Іерусалиму, прекрасны: отъ самыхъ воротъ идутъ большіе сады и виноградники, славимые всѣми путешественниками.

Мы нашли жителей въ смятеніи и страхѣ: новый паша Акрскій (отъ коего зависитъ Яффа), Абдулла, забывъ важныя услуги, оказанныя ему Евреемъ Хаимомъ, велѣлъ умертвить сего несчастнаго и бросить трупъ въ море. Всѣ иновѣрные, Греки и Мусульмане, сожалѣли о незаслуженной казни человѣка, имъ благодѣтельствовавшаго [2]). Въ тоже время

---

[1]) Патріарха Константинопольскаго именуютъ по-гречески *всесвятѣйшимъ* (παναγιώτατος), а прочихъ *блаженнѣйшими*.—Вотъ, для любопытныхъ, полное титло первосвятителя Іерусалимскаго: „Блаженнѣйшій и святѣйшій отецъ и патріархъ святаго града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи за Іорданомъ, Каны Галилейской и святаго Сіона".

[2]) Хаимъ пользовался довѣренностію прежнихъ пашей, Джеззара и Солеймана; но, прогнѣвавъ нѣкогда перваго, лишился ушей и носа. Одинъ изъ Европейскихъ консуловъ совѣтовалъ ему, въ дружескомъ разговорѣ, удалиться въ какое-либо Христіанское государство, гдѣ пріобрѣтенныя имъ богатства (добыча его убійцы!) доставили бы ему средства кончить дни свои въ изобиліи и покоѣ. „Богатства?" прервалъ Хаимъ, ахъ, ужели думаете, что можно здѣсь оставаться тому, у кого есть кусокъ хлѣба!" Говоря такимъ образомъ, онъ обманывалъ себя или другихъ. Не скупость удерживала его въ землѣ, гдѣ

отрядъ войска внезапно окружилъ городъ Сафетъ, обитаемый Евреями, и насильственно собралъ съ нихъ дань, равную десятилѣтней подати. Турки и чужестранные купцы не укрылись отъ притѣсненій. Европейскіе консулы, люди малозначущіе и робкіе, не смѣли противиться, и всѣ начальства трепетали предъ новымъ правителемъ, коего беззаконное самовластіе и свирѣпство грозили Палестинѣ вторымъ Джеззаромъ. Но для насъ обстоятельства сіи были благопріятны. Мусселимъ (губернаторъ) Яффскій, боясь подать поводъ къ жалобамъ, принялъ немедленно мѣры къ охраненію насъ отъ всякаго безпокойства до самаго Іерусалима и строго запретилъ Арабскимъ шейхамъ требовать обычный *кафаро*, т. е. подорожные сборы, отъ коихъ Россійскіе подданные освобождены VIII статьею Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Доставъ, за умѣренную цѣну, нужныхъ намъ лошадей и верблюдовъ, мы отправились изъ Яффы 22 Августа, передъ вечеромъ, въ сопровожденіи мусселимскаго чиновника и монастырскихъ драгомановъ, и ѣхали прекрасною Саронскою долиною до Ремли (древн. Аримаѳіи): тамъ пробыли нѣсколько часовъ, ожидая восхожденія мѣсяца. Отъ сего города равнина возвышается непримѣтно до подошвы горъ Іудейскихъ, безплодныхъ и населенныхъ малолюдными племенами хищныхъ Аравлянъ. Вступивъ въ ущелія, мы увидѣли другую природу: мѣста дикія, гдѣ почти нѣтъ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, гдѣ поросшія кустарникомъ развалины показываются изрѣдка на холмахъ, какъ гробы временъ минувшихъ. Дорога, каменистая и трудная, то извивается по крутизнамъ, то спускается въ глубокіе овраги, на дно пересохшихъ потоковъ. Видъ сей пустыни, весьма живо и вѣрно описанной Шатобріаномъ (Itinér. de Paris à Jérusalem, partie III), вливаетъ въ душу уныніе: тамъ свистъ вѣтра и пронзительный лай чакаловъ заглушаютъ крикъ проводниковъ и топотъ конскій.

При въѣздѣ въ бѣдную Арабскую деревушку, верстахъ въ 15 отъ Іерусалима, насъ остановили именемъ шейха Абу-Гоша, грозы поклонниковъ, съ усильною просьбою зайти къ нему для отдохновенія. Мы нашли его на маленькомъ дворикѣ, сидящаго въ тѣни, на рогожахъ, и окруженнаго старѣйшинами его племени. Всѣ приняли насъ очень ласково. Абу-Гошъ хвалился знакомствомъ съ Англійскою королевою,

---

собственность и жизнь каждаго въ непрестанной опасности; но сила привычки, слѣпая вѣра въ предопредѣленіе и какое-то врожденное равнодушіе, составляющія отличительную черту въ характерѣ восточныхъ народовъ.

супругою Георга IV, и славнымъ Сиднеемъ Смитомъ [1]), показывалъ полученные отъ нихъ подарки, съ явнымъ намѣреніемъ возбудить и нашу щедрость и, угостивъ дружелюбно, пустился провожать караванъ за деревню. Онъ сидѣлъ на прекрасной лошади и управлялъ ею съ отмѣннымъ проворствомъ; при спускѣ въ Теревинѳскую долину, бросился на всемъ скаку съ крутизны, не пошатнувшись въ сѣдлѣ и безпрестанно понуждая коня широкими и острыми стремянами. Прощаясь, обѣщалъ посѣтить насъ въ *Кудсъ-шерифѣ* [2]), клялся не обижать никогда Русскихъ путешественниковъ и просилъ замолвить за него доброе слово страшному пашѣ Акрскому.

Нельзя вообразить ничего печальнѣе окрестностей Іерусалима: горы, стремнины, овраги, безъ зелени, почти безъ деревьевъ, засыпанные вездѣ на̀ четверть круглыми ка̀мнями; казалось, что каменный дождь ниспалъ съ неба на сію преступную землю. Около полудня, утомленные зноемъ, мы поднялись на высоту и увидѣли передъ собою рядъ зубчатыхъ стѣнъ и башень, не окруженныхъ ни предмѣстіями, ни разбросанными хижинами и какъ бы воздвигнутыхъ среди пустыни. При первомъ взглядѣ на сіи древнія стѣны,—городъ Давида, Ирода и Годфреда—тысячи воспоминаній, одно другого живѣе, одно другого священнѣе, тѣснятся въ душу. Пусть холодные умы смѣются надъ восторгами поклонниковъ! Здѣсь, у подошвы Сіона, всякъ—Христіанинъ, всякъ вѣрующій, кто только сохранилъ жаръ въ сердцѣ и любовь къ великому!

Предваренные изъ Яффы Греческіе монахи встрѣтили насъ у западныхъ воротъ (*Бабъ-уль-Халилъ*), привѣтствуя отъ имени второго эпитропа, Прокопія (старшій, архіепископъ Петры Аравійской, былъ тогда въ своей епархіи), и провели въ назначенный намъ монастырскій домъ, близъ патріархіи и храма Воскресенія. Въ семъ гостепріимномъ убѣжищѣ доставили намъ возможныя удобства, и мы въ полной свободѣ занялись поклоненіемъ святынѣ и обозрѣніемъ всего достойнаго примѣчанія въ городѣ и внѣ онаго.

Не стану описывать того, что̀ было много разъ описано учеными и внимательными путешественниками, о чемъ такъ много спорили и

---

[1]) Кромѣ подарковъ, Сидней Смитъ оставилъ шейху оттискъ большой печати, на коей было вырѣзано нѣсколько Арабскихъ словъ изъ Корана, въ похвалу Христіанамъ, ихъ усердію къ молитвѣ, и проч.

[2]) *Кудсъ-шерифъ*, т. е. знаменитая святыня или очищеніе: такъ Мусульмане называютъ Іерусалимъ, разумѣя сей городъ мѣстомъ очищенія отъ грѣховъ и ставя почти на ряду съ Меккою и Мединою. Еще зовутъ его *Бейтъ-уль-Мукаддесъ*—домъ святый.

продолжаютъ спорить, изъясняя различно сказанія древнихъ. Каждый шагъ въ новомъ Іерусалимѣ измѣренъ; но обширность стараго еще подвержена сомнѣнію, и положенія нѣкоторыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и Евангеліи, не опредѣлены удовлетворительно. Мы знаемъ, что новый городъ занимаетъ только часть прежняго, разрушеннаго Титомъ въ 71 году по Р. Х. Іосифъ Флавій (De Bell. Jud. VI. 6) увѣряетъ, что окружность стѣнъ составляла 33 стадіи; нынѣ содержитъ она, по свидѣтельству Маундреля, только 4630 обыкновенныхъ шаговъ, или съ небольшимъ три версты. Иные критики, стараясь согласить мѣстныя наблюденія съ текстомъ Іудейскаго историка, убавляютъ мѣру его стадій; другіе просто обвиняютъ его въ невѣрности и увеличиваніи, хотя опытомъ доказано, что нельзя такъ легко осуждать древнихъ писателей, и что новѣйшія, точныя изысканія часто подтверждали ихъ извѣстія, казавшіяся намъ баснями. Любопытные могутъ имѣть понятіе о доводахъ, на коихъ основаны разныя мнѣнія ученыхъ о положеніи горы Сіонской, Голгоѳы и проч., прочитавъ разсужденіе Данвиля (Sur l'étendue de l'anc. Jérus. et de son temple) и статью Риттера (Allgem. vergleich. Geographie, III Abth. § 31). Шатобріанъ слѣдуетъ во всемъ первому *). Избѣгая напрасныхъ повтореній, я предложу Русскимъ читателямъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній о нынѣшнемъ состояніи главныхъ *мѣстъ поклоненія* и о жизни нашихъ соотечественниковъ въ Іерусалимѣ.

Важнѣйшая для Христіанъ святыня, Гробъ Господень, заключена въ стѣнахъ большаго храма Воскресенія, сооруженнаго св. Еленою около 326 года. Напрасно сомнѣвались въ подлинности сего памятника: множество сильныхъ доказательствъ удостовѣряетъ, что Христіане, въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, сохраняли вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ страданія и погребенія Спасителя. Они, по словамъ Гиббона, «означили ѳеатръ каждаго достопамятнаго дѣйствія, слѣдуя несомнительному преданію» (IV, 101. См. вышепом. Dissert. sur l'anc. Jérus. и Шатобр. Mém. sur l'authenticité des tradit. Chrét.). Сей храмъ былъ до половины разрушенъ пожаромъ, въ Октябрѣ 1807 года. Гробъ остался невредимъ; но кедровый куполъ церкви, объятый огнемъ, упалъ на отва-

---

*) Вообще извѣстія Шатобріановы о нынѣшнемъ Іерусалимѣ столь же точны, сколько его записки о Греціи невѣрны и поверхностны. Мы сами видѣли тому не одинъ примѣръ въ Мореѣ. Докторъ Авраміотти, съ коимъ онъ познакомился въ Аргосѣ, написалъ цѣлую книгу въ опроверженіе его *Путешествія* и, по большей части, укоряетъ справедливо. Но удѣлъ Авраміотти—забвеніе; а многіе отрывки Шатобріановы, пребываніе въ Палестинѣ, исторія Карѳагена и особливо смерть св. Лудовика, останутся навсегда въ памяти у каждаго, кто умѣетъ цѣнить изящное.

ленный по воскресеніи камень и раздробилъ его; Греческій *каѳоликонъ* (соборъ) и окружные придѣлы сгорѣли. Западная Европа, нѣкогда проливавшая рѣками кровь за обладаніе симъ святилищемъ, равнодушно смотрѣла на его развалины. Одни Греки, въ рабствѣ и угнетеніи, собрали до семи милліоновъ левовъ (болѣе $4^1/_2$ милл. рублей), купили цѣною золота у Порты позволеніе и возобновили все зданіе на прежнихъ основаніяхъ, подъ надзоромъ простого *калфы*—самоучки-зодчаго. Старики, дѣти, женщины работали изъ усердія, и многіе донынѣ утѣшаются воспоминаніемъ, что носили землю при строеніи храма. Такія пожертвованія, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, доставили нашимъ единовѣрцамъ право совершать литургію на Св. Гробѣ: право, утвержденное *хати-шерифомъ* (именнымъ указомъ) султана Махмуда, но еще оспориваемое Католиками.

Вступивъ въ церковь, поклонникъ съ негодованіемъ видитъ Турецкую стражу, жадно считающую входящихъ, для сбора положенной дани. Часто начальникъ оной, въ знакъ уваженія, идетъ передъ нимъ, даже въ алтари, показываетъ чубукомъ мѣста святыя, или разгоняетъ толпящійся народъ плетью!.. Шагахъ въ 40 отъ дверей, среди величественной ротонды, воздвигнута надъ Гробомъ Христовымъ часовня (кувуклій) изъ желтоватаго мрамора, обращенная на Востокъ. Въ ней сперва придѣлъ *Ангела*, а потомъ тѣсная пещера, гдѣ, по древнему обычаю, было положено тѣло на большомъ камнѣ, въ самой горѣ высѣченномъ и покрытомъ нынѣ мраморною доскою. Тридцать шесть лампадъ горятъ надъ нимъ день и ночь, въ открытомъ сверху куполѣ. На семъ нетлѣнномъ жертвенникѣ совершается проскомидія; а при началѣ литургіи сосуды переносятся въ придѣлъ, гдѣ часть отваленнаго Ангеломъ камня служитъ престоломъ. Стѣны кувуклія, снаружи и внутри, украшаются тканями: поводъ ко многимъ ссорамъ между разными вѣроисповѣданіями!

На каждомъ шагу, въ семъ храмѣ, находитъ вѣрующій слѣды великаго дѣла искупленія. Здѣсь Христосъ былъ обремененъ оковами и привязанъ къ столбу *); здѣсь Онъ явился, по воскресеніи, Маріи Маг-

*) Отломокъ сего столба хранится въ придѣлѣ у Францисканскихъ монаховъ, за желѣзною рѣшеткою, такъ что поклонники не могутъ цѣловать онаго, а только дотрогиваются до него концемъ трости. Католики, въ оправданіе столь ненавистной предосторожности, говорятъ, будто бы Греки неоднократно старались похитить сію святыню. Греческіе духовные, съ своей стороны, обвиняютъ ихъ въ подобныхъ покушеніяхъ и сами берегутъ за рѣшеткою, подъ престоломъ, часть столба, на коемъ Спаситель былъ посаженъ воинами для поруганія... Iliacos intra muros peccatur et extra.

далинѣ и (если вѣришь преданію) Скорбящей Матери; здѣсь узнанъ крестъ Его. Тамъ, камень *помазанія*, на коемъ тѣло Его было умащено ароматами и обвито плащеницею; придѣлы поруганія (improrere), раздѣленія ризъ, Благаго Разбойника, Лонгина Сотника; гробы Іосифа и Никодима. Вверху, на Голгоѳѣ, два маленькіе престола означаютъ, гдѣ пригвождали Спасителя къ древу и гдѣ оно водружено было. Внизу сходъ въ подземелье, въ коемъ царица Елена нашла Крестъ, раскопавъ заваленную подошву холма... Тщетно кесарь Адріанъ, во времена гоненій, старался присвоить сіи мѣста идолослуженію, воздвигнувъ истуканъ Венеры на Голгоѳѣ и Юпитера надъ Гробомъ Господнимъ. Сіи кумиры не привели святыни въ забвеніе, но еще болѣе сохранили память о ней до пришествія въ Іерусалимъ благочестивой царицы, утвердившей знаменіе вѣры Христовой на развалинахъ язычества.

Наружныя стѣны церкви закрыты частными домами и принадлежащимъ Греческому монастырю строеніемъ. Прежде было два входа; но одинъ, съ сѣверной стороны, закладенъ: остались только южныя врата, называемыя *святыми*. Ключи въ рукахъ у Турковъ, кои отпираютъ двери не иначе, какъ въ присутствіи *мутевелли* (надзирателя), назначаемаго Акрскимъ пашею, и драгомановъ Греческаго, Католическаго и Армянскаго. Тогда городскіе жители и поклонники всѣхъ исповѣданій обходятъ свободно разные придѣлы, но не могутъ служить молебновъ въ чужихъ отдѣленіяхъ. Нѣкоторые, испросивъ позволеніе духовныхъ властей, остаются на время во внутренности храма съ чередными монахами и священниками и вмѣстѣ съ ними получаютъ пищу сквозь небольшія окна въ дверяхъ и въ сводѣ надъ главнымъ алтаремъ Греческимъ.

И мы провели въ семъ священномъ уединеніи нѣсколько дней, для меня незабвенныхъ. Все окружавшее возбуждало въ моей душѣ неизъяснимыя чувства. Часто, въ глубокую полночь, когда привыкшіе къ оному зрѣлищу монахи покойно спали въ келіяхъ, я стоялъ, облокотясь на подножіе столба, среди большой церкви. Куполы, переходы и весь Греческій *каѳоликонъ*, до самаго алтаря, скрывались во мракѣ; но святые памятники были какъ бы опоясаны рядами неугасающихъ лампадъ и казались свѣтлыми оазисами въ темной дебри. Давно-минувшее воскресало въ моемъ воображеніи: страданія Праведнаго, источникъ жизни, отсюда излившійся, когда скрижали Моисеевы уступили мѣсто новому закону; торжество Крестоносцевъ, преклонявшихъ колѣна предъ *великимъ Гробомъ*, ихъ мечами освобожденнымъ, и вѣнчаніе героя-вождя

діадимою изъ тернія. Я смотрѣлъ на могилу Готфреда [1]), и вдохновенная Тассова пѣснь гремѣла въ моемъ слухѣ!.. Къ утру сіи мечтанія прерываемы были благовѣстомъ въ деревянный колоколъ, священники и діаконы мелькали какъ тѣни, съ курящимися въ рукахъ кадилами, гласы поющихъ ликовъ мѣшались со звукомъ органовъ, и хвала Божеству возносилась на разныхъ языкахъ, съ разными обрядами, но въ единомъ храмѣ...

Всѣ *мѣста поклоненія* раздѣлены между Греками, Католиками и Армянами. Копты имѣютъ только одинъ алтарь, пристроенный къ кувуклію; а Сиріане (Несторіане), Грузины, Хабеши или Абиссинцы и Марониты, о коихъ упоминается въ прежнихъ описаніяхъ, удалены изъ храма силою, либо уступили добровольно свои права другимъ народамъ. Каждый украшаетъ свою *собственность*, какъ хочетъ; но тамъ, гдѣ владѣютъ вмѣстѣ два исповѣданія, число иконъ и лампадъ уставлено единожды навсегда съ согласія Турковъ. Порядокъ служенія и обряды также опредѣлены подробно особымъ положеніемъ, и съ того времени не стало одной, ближайшей причины къ раздору между Іерусалимскими Христіанами. Еще таятся въ сердцахъ взаимныя досады, и приносимое на украшеніе церкви золото еще расточается въ Акрѣ, Дамаскѣ, Царѣградѣ, дабы вредить соперникамъ. По крайней мѣрѣ главы духовенства, не переставая обвинять другъ друга въ ежедневныхъ обидахъ, стараются не допускать монаховъ до явныхъ и соблазнительныхъ ссоръ, бывшихъ нѣкогда у Св. Гроба, къ прискорбію единовѣрцевъ.

Начало злу въ закоренѣлой ненависти каждаго исповѣданія къ другому и въ желаніи овладѣть исключительно мѣстами, гдѣ кровь Спасителя пролита за всѣхъ. Отъ самаго раздѣленія Римской церкви съ Константинопольскою, духъ смиренія и любви рѣдко управлялъ ихъ сношеніями. Въ глазахъ Крестоносцевъ Греки едва ли не были хуже поклонниковъ Могаммеда; въ глазахъ Грековъ Католики не имѣли права на имя Христіанъ [2]). Наслѣдственная между ими злоба не уменьшилась и нынѣ, особливо въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ и на остро-

---

[1]) Напрасно ставятъ въ вину Грекамъ поврежденіе гробницъ, воздвигнутыхъ во время Латинскаго владычества надъ могилами Годфреда и брата его Балдуина. Сіи памятники истреблены пожаромъ; но мѣста ихъ означены кирпичными возвышеніями, и отъ самихъ Католиковъ всегда зависѣло возобновить древніе гробы и надписи.

[2]) Когда нынѣшніе Греки говорятъ о Христіанахъ, то всегда разумѣютъ себя или Русскихъ; Католиковъ называютъ *Латинами*, *Франгами* или просто *Западными* (οἱ Δυτικοί). Въ томъ же смыслѣ и царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ Іезуиту Поссевину: „Вѣра наша, вѣра Христіанская, изъ давныхъ лѣтъ была себѣ, а Римская церковь была себѣ" и проч. См. Статейн. спис. и Истор. Госуд. Росс. IX. 359.

вахъ, подвластныхъ Портѣ, гдѣ часть жителей приняла догматы Римскіе. Католикъ, обращенный въ Православіе, подвергается Греками вторичному крещенію. За то Католикъ, женившійся на Православной, долженъ быть разведенъ съ нею: такъ учили въ 1817 году, въ Смирнѣ, Европейскіе проповѣдники, рожденные въ землѣ просвѣщенія и терпимости! Tantae ne animis coelestibus irae?

Относительно къ Св. Гробу обѣ стороны основываютъ свои требованія на грамотахъ разныхъ халифовъ и султановъ, отъ Омара до Махмуда II. Но Греки хотятъ *равенства*, а Католики—*господства*, утверждая, что сія святыня есть ихъ собственность, и что имъ однимъ принадлежитъ ея храненіе. До самаго обновленія *великой церкви* (ἡ μεγάλη ἐκκλησία (такъ называютъ храмъ Воскресенія), они не позволяли Православнымъ служить въ кувукліи, и, даже послѣ изданнаго въ 1815 году хати-шерифа, старались возвратить себѣ утраченныя преимущества, пользуясь вліяніемъ своихъ посланниковъ при Портѣ. Недостатокъ въ деньгахъ и начавшійся съ Армянами споръ за Виѳлеемскій храмъ принудили ихъ оставить въ покоѣ Грековъ и соблюдать сдѣланное положеніе. Въ силу онаго, Греки и Католики поочередно моютъ и метутъ кувуклій и камень помазанія; имѣютъ равное число иконъ, лампадъ и подсвѣчниковъ и равное право украшать стѣны покровами. Армяне лишены большей части сихъ выгодъ: у нихъ одна икона надъ дверями и нѣсколько лампадъ; во всѣхъ духовныхъ обрядахъ они занимаютъ третье мѣсто.

Каменные четвероугольные столбы, окружающіе кувуклій, и переходы, верхніе и нижніе, также раздѣлены по частямъ между всѣми исповѣданіями. На Голгоѳѣ Католикамъ принадлежитъ южная сторона, а Грекамъ досталась отъ Грузинъ сѣверная, гдѣ стоялъ Крестъ. Чтò касается до мѣста обрѣтенія онаго, то сей сводъ, тѣсный и полный сырости, еще въ спорѣ между ими. Первые не допускаютъ туда ставить чужихъ лампадъ, а послѣдніе жалуются на умышленное повреждепіе мраморныхъ досокъ, положенныхъ Православными *).

Но, порицая справедливо сіи распри, скажемъ, что образъ восточ-

---

*) Мы пропускаемъ многія подробности, необходимыя для того, кто желалъ бы имѣть точное свѣдѣніе о нынѣшнемъ положеніи храма: здѣсь онѣ были бы утомительны и неясны. Надѣемся, что любопытство читателей будетъ скоро удовлетворено изданіемъ въ свѣтъ прекраснаго и полнаго плана *великой церкви*, снятаго на мѣстѣ г. академикомъ Воробьевымъ. Никто изъ новѣйшихъ путешественниковъ не имѣлъ для сего столько способовъ, и никто не могъ бы лучше ими воспользоваться. Къ его рисункамъ приложится описаніе главнѣйшихъ обрядовъ, исчисленіе иконъ и лампадъ каждаго исповѣданія, и проч.

наго судопроизводства много содѣйствуетъ къ продолженію оныхъ. Приговоры кадіевъ основаны почти всегда на показаніяхъ свидѣтелей, особливо Мусульманъ, и потому каждый тяжущійся старается склонить на свою сторону стражей храма и почетныхъ жителей Іерусалимскихъ. Дабы увѣрить ихъ въ несомнѣнности права, нужны *обычай* и *давность*, кои въ глазахъ Турковъ важнѣе мертвыхъ грамотъ. Кто, напримѣръ, мететъ и украшаетъ кувуклій, тотъ (по ихъ понятіямъ) владѣетъ онымъ; зная сіе, всякъ боится уступить сопернику и противится упорно малѣйшей новизнѣ. Сверхъ того, паши, муссселимы, кадіи непрестанно питаютъ между Христіанами вражду, для собственныхъ выгодъ. Покровительствуя нынѣ однихъ, завтра обѣщаютъ другимъ сильное заступленіе, и радуются умноженію жалобъ и доносовъ. Въ 1819 году паша Дамасскій, главный правитель Іерусалима, позволилъ Армянамъ, за 60 тысячъ левовъ, прорубить дверь близъ алтаря ихъ въ Виѳлеемской церкви, къ великой досадѣ Католиковъ; а симъ вызвался отмѣнить, за меньшую цѣну, данное позволеніе. Ему не заплатили требуемаго, и дверь осталась отворенною. На слѣдующій годъ, ставъ опять лагеремъ передъ стѣнами города съ идущимъ въ Мекку караваномъ, онъ взялъ еще съ Армянъ 30 тысячъ левовъ и вторично предложилъ Католикамъ тѣже условія... Если правда, что законы и правительства образуютъ вездѣ народную нравственность, то безпристрастный наблюдатель долженъ въ духѣ Турецкаго владычества искать вину осуждаемыхъ имъ пороковъ.

Трудно исчислить, чего стоятъ Іерусалимскимъ Христіанамъ мнимая терпимость Порты и снисходительность мѣстныхъ начальниковъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, Греки издержали на подарки въ продолженіе одного только мѣсяца Августа 1820 до ста кошельковъ, т. е. 50 тысячъ левовъ. Прибавимъ къ сему необходимые расходы на церковное строеніе, на патріархію, и проч., и мы увѣримся, что слухи о тайныхъ монастырскихъ сокровищахъ, будто бы ежегодно умножаемыхъ обильными подаяніями, столь же баснословны, какъ и повѣсть о неистощимой кладовой Абулказема въ Арабскихъ сказкахъ *). Напротивъ того, мо-

*) Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи (Introduction aux Mémoires sur la Grèce de M. R.), въ коемъ многія любопытныя извѣстія перемѣшаны съ неправдами и напрасными ругательствами, повторена (хотя и не утвердительно) сказка о какомъ-то древнемъ сокровищѣ, въ Греческомъ монастырѣ Св. Гроба. По словамъ автора, султаны тщетно хотѣли узнать, гдѣ оно хранится, и овладѣть имъ; самъ первосвититель, бывая въ Іерусалимѣ, не смѣетъ требовать отчета у казначея, избираемаго изъ надежнѣйшихъ монаховъ и передающаго сію тайну своему преемнику... Можемъ увѣрить читателей, что всѣ игумены, ризничіе, казначеи въ полной зависимости у патріарха; что подаянія поклонни-

нахи всѣхъ исповѣданій были въ наше время доведены до крайности. Католики, рѣдко видая у себя Латинскихъ богомольцевъ и получая изъ Рима весьма бѣдныя пособія, лишились неожидаемо въ Испаніи большихъ имѣній, захваченныхъ Кортесами. Греки едва могли уплачивать свои долги и содержать себя доходами съ принадлежащихъ Св. Гробу земель и метоховъ, внѣ Палестины, и приношеніями Православныхъ поклонниковъ. Сами Армяне, богатѣйшіе изъ всѣхъ восточныхъ Христіанъ, почти разорились послѣ несчастія, постигшаго въ 1819 году единовѣрныхъ имъ Константинопольскихъ *сарафовъ* (банкировъ), изъ коихъ иные были казнены, а другіе сосланы въ заточеніе, по указу султанскому.

Возвратимся къ нашему описанію. На Юговостокъ отъ *великой церкви* нѣсколько развалинъ означаютъ *путь страданія* (via dolorosa), коимъ Спаситель шелъ отъ претора до Голгоѳы; тамъ, ссылаясь на свидѣтельства святыхъ отцевъ и другихъ писателей, показываютъ домà Пилата и благочестивой жены Вероники; жилище злого богача; мѣсто, гдѣ Богоматерь встрѣтила Сына, несущаго крестъ; *врата суда*, которыми изводили на казнь преступниковъ за городскія стѣны. Но въ семъ отношеніи древнія преданія не достаточны: они дополняются баснями *мирхаджіевъ* (вожатыхъ) и собственнымъ воображеніемъ поклонниковъ. Тоже скажемъ о домахъ архіереевъ Анны и Каіафы, св. Іоакима и Анны, о темницѣ Петра Апостола, и проч. Время, многократныя плѣненія Іерусалима и тяжкое Мусульманское иго изгладили почти всѣ слѣды оныхъ второстепенныхъ памятниковъ Христіанства.

На томъ мѣстѣ, гдѣ, по общему мнѣнію, былъ преданъ смерти Апостолъ Іаковъ, сооружена великолѣпная обитель, принадлежавшая поперемѣнно Грузинамъ, Грекамъ и Армянамъ. Послѣдніе (какъ увѣряютъ) овладѣли ею насильственно при первосвятителѣ Паисіи. Нынѣ состоитъ она подъ управленіемъ особаго Армянскаго патріарха, не зависящаго ни отъ Эчмядзинскаго, ни отъ Константинопольскаго. Симъ только пожертвованіемъ Греки могли удержать за собою главный свой монастырь, для нихъ гораздо важнѣйшій по смежности съ храмомъ Воскресенія. Въ немъ живутъ епитропы и угощаются богомольцы въ первые дни послѣ пріѣзда; малыя церкви и келіи разбросаны тамъ, безъ порядка, среди открытыхъ сѣней и переходовъ, а подъ ними ус-

ковъ и другіе церковные доходы собираются его намѣстниками и что въ монастырѣ нѣтъ иной кладовой, кромѣ патріаршей. Въ тамошней ризницѣ мы видѣли нѣсколько серебряныхъ паникадилъ, распятій, евангелій и шитыхъ золотомъ плащеницъ, по большей части Русской работы; но она уступаетъ въ богатствѣ многимъ Аѳонскимъ.

троены житницы для прокормленія множества иноковъ и православныхъ Аравлянъ [1]).

Обитель *Франговъ*, т. е. Католическая, въ рукахъ у монаховъ ордена Францисканскаго. Начальствующій оною именуется *хранителемъ Св. Гроба* и обыкновенно смѣняется каждое трехлѣтіе.

Изъ древнихъ зданій, внутри стѣнъ, особенно привлекаютъ любопытство путешественниковъ укрѣпленный замокъ, называемый *домомъ Давидовымъ*, и славная мечеть Омарова. Первый, по мнѣнію Данвиля, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была твердыня Царя-псалмопѣвца, а впослѣдствіи башня *Псефина*, съ коей, при восхожденіи солнца, взоръ достигалъ до предѣловъ Аравіи, до моря и до отдаленнѣйшаго края земли Іудовой (Іос. Флав. VI. 6). Видъ изъ нынѣшняго замка обнимаетъ всѣ окрестности. Въ промежуткахъ и за вершинами ближнихъ каменистыхъ холмовъ возвышается другой рядъ горъ, столь же безплодныхъ; на иныхъ примѣтны остатки старинныхъ башень и обрушающіеся минареты.

Мечеть воздвигнута на горѣ Моріи, отдѣленной отъ Сіона глубокою лощиною, на самыхъ основаніяхъ Соломонова храма, возобновленнаго Зоровавелемъ и въ конецъ разрушеннаго Титомъ. Развалины покрывали сіе мѣсто во времена гоненій на церковь Апостольскую, и во время торжества ея. Когда же Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ и искалъ, гдѣ бы начать строеніе своей мечети, то Греческій патріархъ Софроній, боясь лишиться Гроба Господня, указалъ побѣдителю на Морію. Халифъ Ель-Уалидъ довершилъ сіе зданіе, образецъ Арабскаго художества, подобное (говоритъ Шатобріанъ) *шатру, раскинутому среди пустыни*. Христіанамъ строго запрещено входить въ него: всякое покушеніе подвергло бы Европейца большой опасности, а Турецкаго подданнаго неминуемой казни, если только онъ не перемѣнитъ вѣры. За годъ до нашего пріѣзда одинъ бѣдный Грекъ былъ туда введенъ, переодѣтый, знатнымъ чиновникомъ паши Дамасскаго; но послѣ заплатилъ за то жизнію, ибо не хотѣлъ спасти себя отступничествомъ [2]).

---

[1]) Кромѣ патріархіи, у Грековъ есть въ городѣ еще нѣсколько монастырей, мужскихъ и женскихъ, изъ коихъ примѣчанія достойны: Іоанна Предтечи, по красотѣ церкви и всего строенія; св. Николая, гдѣ заведено училище для Аравлянъ; св. Георгія, съ больницею и домомъ призрѣнія для стариковъ, и проч.

[2]) Историкъ Крестовыхъ походовъ, архіепископъ Тирскій, и монахъ Рогеръ описывали оба сію мечеть; кажется, что послѣдній имѣлъ случай осмотрѣть внутренность оной. Его извѣстія были намъ подтверждены разсказами нашего янычара, нарочно посыланнаго туда въ часы молитвы. Онъ видѣлъ камень (для Мусульманъ священный), съ котораго Могаммедъ садился на *Ель-Борака*, готовясь летѣть на небо, и два малые столба, кои будто бы давятъ проходящихъ между ими грѣшниковъ.

Полуденная часть горы Сіонской, заключавшаяся прежде внутри стѣнъ, нынѣ оставлена за городомъ. Тамъ совершалась *тайная вечеря;* тамъ гробницы Давида и Соломона, въ мечети, куда Турки не пускаютъ иновѣрныхъ. На семъ же холмѣ кладбище Іерусалимскихъ Христіанъ всѣхъ исповѣданій (странниковъ погребаютъ въ *селѣ Скудельничемъ*), а у подошвы бьетъ изъ камня ключъ Силоамскій, о коемъ воспоминаетъ пѣвецъ *Потеряннаго Рая*, призывая небесную Музу:

. . . . if Sion hill
Delight thee more, and Siloa's brook that flow'd
Fast by the oracle of God . . . . . .

Гора Елеонская, съ растущими на ней по мѣстамъ масличными деревьями, отдѣлена отъ Сіона и Моріи долиною Іосафатовою, усѣянною развалинами. Посреди ея, въ дождливое время года, струится мутный потокъ, называемый *Кедрскимъ*; но лѣтомъ и осенью оный совсѣмъ пересыхаетъ. Мастерское перо Шатобріаново живо изобразило сію дебрь, гдѣ, по словамъ пророка Іоиля, будутъ нѣкогда собраны на судъ всѣ племена человѣческія. «Камни на кладбищѣ Евреевъ навалены подобно грудѣ обломковъ, у подошвы деревни Силоамской; трудно различить самыя хижины между окружающими ихъ могилами. На семъ полѣ разрушенія возвышаются три древніе памятника, гробницы Захаріи, Іосафата и Авессалома. Видя предъ собою печальный Іерусалимъ, надъ коимъ непримѣтно ни малѣйшаго дыма, откуда никакой шумъ не исходитъ; видя запустѣніе горъ, на которыхъ нѣтъ существа живого, и всѣ оные гробы въ безпорядкѣ, изломанные, разбитые, полуотверстые, можно подумать что уже раздался гласъ трубы, зовущей на судъ, и что мертвые готовы встать изъ долины».

Мѣсто вознесенія Господня полагаютъ на средней вершинѣ Елеонской. Остатки пышнаго храма, сооруженнаго во времена Константиновы, обращены въ мечеть. Замѣтимъ, что Мусульмане издавна присвоили себѣ всѣ высоты кругомъ города. Они думаютъ, что въ послѣдніе дни міра дикіе народы *Гогъ* и *Магогъ* придутъ осаждать Пророка *Иссу* (Іисуса Христа) въ Іерусалимѣ и займутъ ближнія горы: съ нихъ будутъ метать стрѣлы, кои упадутъ, обагренныя кровію, на собственныя главы дерзновенныхъ.

Возвращаясь оттуда къ воротамъ Геѳсиманскимъ и спустясь въ долину къ самому потоку Кедрскому, поклонники съ усердіемъ посѣщаютъ Гробъ Богоматери, въ пещерѣ. На ономъ совершается литургія Православными и Армянами; Католики не имѣютъ сего права. Когда прекратится вражда между Христіанами на Востокѣ, то первымъ зало-

томъ взаимной терпимости и мира будетъ равное ихъ участіе въ служеніи сей святынѣ, почитаемой всѣми исповѣданіями...

Подробное описаніе достопамятностей Іерусалимскихъ можно найти въ каждомъ путешественникѣ, начиная съ IV вѣка (см. Itinerarium à Burdigalâ Hierusalem usque) до нашихъ временъ *). Всѣ извѣстія сходны одно съ другимъ, и послѣдніе странствователи невольно должны были повторять сказанное прежде. Ссылаясь на нихъ, я прибавлю нѣсколько словъ о мѣстѣ рожденія Спасителя, уважаемомъ самими Мусульманами.

Дорога къ Виѳлеему лежитъ на Югъ мимо горы Сіонской и обители Греческой во имя пророка Иліи. Въ долинахъ встрѣчаются засѣянныя поля и виноградники; слѣды древняго трудолюбія видны на каменистыхъ холмахъ, обсѣченныхъ уступами для насажденія лозъ и смоковницъ.

Большая Виѳлеемская церковь, построенная крестообразно, была нѣкогда весьма великолѣпна; въ притворѣ еще цѣлы четыре ряда мраморныхъ столбовъ рѣдкой красоты. Она принадлежитъ Грекамъ и Армянамъ. Латинскіе монахи напрасно требуютъ себѣ въ ней части, ибо нельзя считать обыкновенный храмъ за *общее мѣсто поклоненія*, какъ Гробъ Господень или Голгоѳу. По сторонамъ главнаго алтаря двѣ лѣстницы ведутъ въ святый вертепъ: тамъ, у восточной стѣны, означено серебряною звѣздою, гдѣ родился Предвѣчный Младенецъ, и устроенъ престолъ, на которомъ служатъ Православные и Армяне. Ясли стояли немного поодаль, въ большой впадинѣ, гдѣ нынѣ алтарь Католическій. Вся пещера обложена драгоцѣннымъ мраморомъ и освѣщается лампадами, изъ коихъ каждое исповѣданіе имѣетъ свое число, однажды навсегда уставленное.

Виѳлеемскіе Аравляне частію обращены въ Христіанскую вѣру, но ихъ суровые нравы тѣмъ не смягчились. Они достаютъ много денегъ, дѣлая изъ кости и перламутра четки и кресты, раскупаемые благочестивыми пришельцами.

Вообще время прибытія поклонниковъ въ Іерусалимъ есть время жатвы для тамошнихъ жителей. Симъ единственно оживляется страна, давно уже не *кипящая млекомъ и медомъ*, гдѣ земледѣліе въ упадкѣ и

*) См. также Греческій *Проскинитарій*, напеч. въ Вѣнѣ 1787. Изъ сочиненій Русскихъ богомольцевъ достойны вниманія записки *Василія Барскаго*, ходившаго на поклоненіе св. Гробу въ 1726 и 1729 году; іеромонаха *Мелетія*, 1793—1794, и крестьянина гр. Шереметева, *Кира Бронникова*, 1820—1821, любопытное по его званію и по опасностямъ, коимъ онъ подвергался на возвратномъ пути въ отечество, при началѣ войны Греческой.

нѣтъ промышлености, гдѣ народъ преданъ въ жертву грабительству и насиліямъ всякаго рода, гдѣ наконецъ, по выраженію Шатобріана «въ каждой деревнѣ погибаетъ ежегодно по хижинѣ и по семьѣ, и скоро одно кладбище показываетъ мѣсто прежняго селенія.»

Всего болѣе посѣщаютъ святыя мѣста Греки и Армяне. Усердіе первыхъ достойно особеннаго удивленія; вѣра, сохранившая народное ихъ существованіе, была для нихъ главнымъ утѣшеніемъ въ рабствѣ. Они стекались отовсюду, безъ различія пола и возраста: отцы семействъ приносили въ Палестину плодъ многолѣтнихъ трудовъ, оставляя дѣтей въ бѣдности; старцы, *подкрѣпляемые желаніемъ* (какъ дряхлый поклонникъ въ прекрасномъ сонетѣ Петрарки: Movesi'l vecchiarel canuto e bianco), брели на костыляхъ ко гробу Того, *Чьимъ лицезрѣніемъ чаяли насладиться въ небѣ.* Многіе, исполнивъ обѣтъ свой, посвящали остатокъ жизни на служеніе во храмѣ. Число православныхъ богомольцевъ, прежде 1821 года, простиралось иногда до трехъ тысячъ; между ними бывало около двухъ сотъ Русскихъ.

Посольство наше старалось всѣми силами доставить своимъ соотечественникамъ въ областяхъ Оттоманскихъ возможную помощь и заступленіе. Они обыкновенно отправлялись изъ Одессы въ концѣ Августа и, по пріѣздѣ въ Константинополь, жили на особомъ дворѣ, не подвергаясь ни моровой язвѣ, ни оскорбленіямъ отъ Турецкой черни; бѣдные получали денежныя пособія. Посланникъ сносился съ патріархомъ Св. Града о помѣщеніи ихъ, безъ платы, на отправляемый ежегодно въ началѣ Сентября корабль съ поклонниками и выдавалъ имъ сверхъ паспортовъ *ферманы* (султанскіе указы), освобождавшіе Россійскихъ подданныхъ отъ всякой дани на пути и во храмѣ, гдѣ съ прочихъ Христіанъ требуютъ за входъ по 24 лева. Въ Яффѣ они были принимаемы въ Греческомъ метохѣ и довольствуемы всѣмъ, по обычаю, на счетъ монастырскій, за что оставляли проигумену небольшое подаяніе.

Отъ сего города многіе ходили пѣшкомъ, а богатые и больные могли имѣть верховыхъ лошадей за дешевую цѣну*). Достигнувъ Іерусалима, они жили сперва нѣсколько дней въ патріархіи и давали въ церковную казну вкладъ, какой хотѣли; но желавшіе вписать имена своихъ родственниковъ въ общій *синодикъ* для вѣчнаго поминовенія, платили за каждое 50 левовъ и болѣе, смотря по достатку. Потомъ вы-

---

*) Отъ Яффы до Іерусалима считается 60 верстъ (12 часовъ). Отъ Іерусалима до Іерихона немного болѣе 20, а оттуда до Іордана 15 верстъ.

бирали себѣ въ разныхъ обителяхъ келiи на всю зиму. Наемъ и пища, самая умѣренная, стоили отъ 150 до 200 левовъ.

Въ ожиданiи великаго поста богомольцы бывали въ ближайшихъ мѣстахъ поклоненiя, въ Виѳлеемѣ, Виѳанiи, Назаретѣ и проч. Нѣкоторые даже ѣздили на Синайскую гору, чрезъ Газу и Суецъ.

Стеченiе народа въ Iерусалимѣ возрастаетъ по мѣрѣ приближенiя Пасхи. Армяне и Азiатскiе Греки собираются толпами изъ Караманiи, Сирiи, Египта; съ ними бываютъ и Грузины. Весь городъ приходитъ въ движенiе, особливо въ Великую Субботу, день явленiя *святаго свѣта* *). Послѣ праздника мусселимъ, съ отрядомъ войска, провожаетъ поклонниковъ въ Iерихонъ и къ Iордану; и вскорѣ за тѣмъ каждый возвращается прежнею дорогою въ отчизну. Плаванiе отъ Яффы до Константинополя, на хорошемъ кораблѣ и съ нужными запасами, становится во 100 левовъ. Прибавя къ сему исчисленiю еще 180 или 200 левовъ на подаянiя разнымъ монастырямъ и церквамъ во все время пребыванiя въ Палестинѣ, наемъ лошадей и другiя мелочи, мы увидимъ, что необходимыя издержки нашихъ богомольцевъ не превышали пяти сотъ рублей. Но многiе изъ нихъ прiѣзжали совсѣмъ безъ денегъ и должны были прислуживать монахамъ или просить милостыни у воротъ патрiархiи, гдѣ имъ никогда не отказываютъ въ пищѣ. Для поданiя симъ бѣднымъ странникамъ помощи, равно и для надзора надъ ними, посланъ былъ въ Яффу особый чиновникъ, въ званiи вице-консула... Происшествiя 1821 года помѣшали успѣху сего дѣла и затруднили Русскимъ путь къ Св. Гробу.

Евреи не менѣе Христiанъ усердны къ посѣщенiю страны своихъ предковъ, хотя знаютъ напередъ, какое утѣсненiе ихъ въ ней ожидаетъ. Они дорого платятъ за позволенiе войти въ Iерусалимъ, и еще дороже за клочекъ земли въ долинѣ Iосафатовой для будущей могилы. Ихъ стра-

---

*) См. вышепом. *Проскинитарiй* и сказанiя нашихъ лѣтописцевъ и странствователей. О происхожденiи *св. свѣта* мнѣнiя въ самомъ Iерусалимѣ различны. Въ присутствiи мусселима и Армянскаго духовенства гасятъ всѣ свѣчи и лампады во храмѣ, кромѣ отдѣленiя Католическаго. Архiерей Греческiй входитъ одинъ въ кувуклiй и собираетъ хлопчатою бумагою свѣтъ, являющiйся на мраморной доскѣ Св. Гроба, подобно *каплямъ пота*. Другiе говорятъ, что оный показывается въ видѣ яркаго, неопаляющаго пламени, и что его можно безвредно класть руками въ сосудъ. Iеромонахъ Мелетiй пишетъ, что свѣтъ блистаетъ на гробовой крышкѣ *какъ мелкiй разсыпанный бисеръ, разныхъ цвѣтовъ, который совокупляясь краснѣетъ*. Католики совсѣмъ не хотятъ вѣрить сему явленiю. Какъ бы то ни было, архiерей выноситъ изъ пещеры въ предѣлъ *Ангела* горящiя свѣчи и подаетъ ихъ въ два малыя окна, съ одной стороны Армянамъ, а съ другой Православнымъ, отъ которыхъ уже огонь *разливается по церкви подобно рѣкѣ* (слова Мелетiя), при громкихъ восклицанiяхъ: „Нѣтъ вѣры, кромѣ вѣры Христовой!"

данія и бѣдность не возбуждаютъ ни въ комъ сожалѣнія; они презираемы равно Греками, Аравлянами, Турками. Среди развалинъ своей столицы, среди воспоминаній о древней независимости и славѣ, сей несчастный народъ съ удивительною покорностію сноситъ даже отъ дѣтей непрестанныя обиды. Знакомецъ нашъ, шейхъ Абу-Готъ, не понималъ, какъ могутъ быть Евреи подданными *Московскаго падишаха*, и говорилъ, «что радъ привѣтствовать въ своей землѣ цѣлыя тысячи Русскихъ поклонниковъ, но что сердце его разрывается съ досады, когда одинъ *Чифутъ* (Жидъ) проходитъ безпошлинно...» Въ такомъ уничиженіи они утѣшаются видомъ Сіона и непоколебимою надеждою на Царя-избавителя!

Постоянныхъ жителей въ Іерусалимѣ считается около 13 тысячъ [1]), изъ коихъ большая часть Аравляне, исповѣдующіе Мусульманскую вѣру; есть однакоже между ими нѣсколько Христіанъ. Сіи вообще очень бѣдны и питаются милостынею отъ монастырей Греческихъ и Католическаго.

Все городское управленіе въ рукахъ у Турковъ. Мы сказали выше, что Іерусалимъ зависитъ отъ паши Дамасскаго; но пóдать съ богомольцевъ, за доступъ къ Св. Гробу, принадлежитъ пашѣ Акрскому и собирается его *мутевелліемъ* [2]). Сіе странное распоряженіе весьма невыгодно для Европейскихъ монаховъ, ибо подвергаетъ ихъ двоякимъ притѣсненіямъ и вредитъ ходатайству консуловъ, пребывающихъ въ Акрѣ и Яффѣ. *Мусселимъ* присылается изъ Дамаска, а *молла* (верховный судья) прямо изъ Константинополя; послѣдній пользуется большимъ уваженіемъ.

Прежде отъѣзда изъ сей достопамятной страны, мы хотѣли видѣть Іорданъ и Мертвое море. Мы знали, что въ лѣтнее время хищные Аравляне удаляются съ своими стадами отъ рѣки на вершины горъ, и что дорога менѣе опасна, нежели весною. Въ томъ увѣрилъ насъ и почтенный архіепископъ Петрскій, недавно возвратившійся изъ епархіи, совѣтуя однакоже протребовать провожатыхъ отъ Турецкаго начальства. Все было сдѣлано по нашему желанію.

7 Сентября явилось къ намъ нѣсколько человѣкъ изъ мусселимовой стражи съ его *чаушемъ* (приставомъ), всѣ на прекрасныхъ лоша-

---

[1]) Нельзя ручаться за сіе исчисленіе, ибо во всей Турціи нѣтъ ни метрикъ, ни подушной переписи.

[2]) Намъ сказывали, что Акрскій паша получаетъ сіи доходы въ званіи попечителя главной мечети въ городѣ Ремлѣ, состоящемъ подъ непосредственнымъ его управленіемъ, и что земля подъ храмомъ Воскресенія есть собственность оной.

дяхъ, монастырскій драгоманъ и два шейха изъ Арабскихъ племенъ, кочующихъ за Іорданомъ. Переждавъ полдневный зной, мы пустились въ путь мимо Геѳсиманіи, по правой сторонѣ горы Елеонской; ввечеру остановились отдыхать у колодца, на дворѣ обвалившагося *караванъ-серая*. Здѣсь, за три или четыре мѣсяца до насъ, былъ ограбленъ молодой Англичанинъ, не имѣвшій при себѣ никого кромѣ слуги и янычара. Защищаясь упорно, онъ ранилъ саблею одного изъ разбойниковъ и въ наказаніе получилъ отъ нихъ самъ точно такую же рану: примѣръ правосудія, достойный сихъ дикихъ сыновъ природы! Оттуда ѣхали мы по косогорамъ и ущеліямъ до большой равнины, окружающей Іерихонъ, и въ полночь добрались до жалкихъ остатковъ сего города, нѣкогда славнаго.

Тамошній ага довелъ насъ дружелюбно въ собственное свое жилище—въ башню, гдѣ укрываются поселяне съ ихъ стадами отъ хищническихъ набѣговъ. Ужинъ и ночлегъ были на площадкѣ вверху, подъ открытымъ небомъ. На зарѣ все вокругъ насъ ожило: провожатые спѣшили сѣдлать лошадей, а мы любовались пріятными видами съ высокой нашей спальни. Въ долинѣ зеленѣлись деревья и кусты, откуда кабаны выбѣгали на обработанныя поля къ самымъ хижинамъ. По ту сторону Іордана чернѣлся большой лѣсъ; а прямо передъ нами, между двумя рядами горъ, Мертвое море ярко отражало лучи восходящаго солнца. Преданія священной древности оттѣняли картину сельской жизни. Величавый Аравлянинъ, потомокъ Исмаила, полунагой, съ длиннымъ ружьемъ за плечами, гналъ на паству козъ и овецъ къ потоку, ознаменованному чудомъ пророка Елисея; другіе копали гряды, можетъ быть тамъ, гдѣ стоялъ домъ Раавы и гдѣ левиты носили кивотъ завѣта на гибель Іерихону... При выѣздѣ изъ деревни, мы встрѣтили женщинъ, идущихъ съ глиняными на головѣ кувшинами за водою, въ синихъ широкихъ платьяхъ и закинувъ назадъ покрывала; наше приближеніе ихъ не встревожило. Одно слово *хаджи* (поклонникъ) удовлетворяло любопытство каждаго и прекращало всѣ вопросы.

Обширная степь, отдѣляющая отъ Іордана оазисъ Іерихонскій, походитъ на дно морское, оставленное волнами; кой-гдѣ, около песчаныхъ бугровъ, показываются тамаринды, обыкновенно растущія вдоль потоковъ, и колючій терновникъ. Во дни Христіанскаго владычества, было въ сей пустынѣ множество монастырей и скитовъ (eremitoria graciosa); нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ. Мѣсто крещенія Спасителя, какъ полагаютъ Греки, въ 5 или 6 верстахъ отъ развалинъ обители во имя *аввы Герасима;* достигнувъ онаго, мы спустились съ крутого бе-

рега, обросшаго внизу камышемъ и мелкимъ кустарникомъ, и переѣхали въ бродъ на противную сторону, болѣе отлогую.

Верховья Іордана у подошвы лѣсистыхъ горъ Ермона и Антиливана; стремясь оттуда на Югъ прямою чертою, онъ проходитъ сквозь Тиверіадское (Геннесаретское) озеро и, подобно цѣпи, соединяетъ его съ Мертвымъ моремъ. Сія знаменитая рѣка лѣтомъ не шире 10 саженей и глубины посредственной, но бѣжитъ по каменистому дну съ отмѣнною быстротою; когда же начнутъ таять снѣга Ливанскіе, то разливается вдвое. Мы въ ней купались, и потомъ, слѣдуя обычаю, налили свои *чотры* (плоскіе дорожные сосуды) немного мутною, но пріятною ея водою *). Поклонники симъ не довольствуются и мочатъ здѣсь простыни, кои должны при погребеніи служить имъ саваномъ.

Впадающіе въ Іорданъ потоки по большей части въ жары пересыхаютъ; окружные пески совсѣмъ безводны. Его устье означается на поверхности Мертваго моря длинною полосою, какъ будто бы струи издревле священныя, мерзятъ смѣшеніемъ съ волнами проклятыми озера, поглотившаго Содомъ и Гоморръ. Прежде думали, что она продолжаетъ свое теченіе подъ землею и соединяется въ Египтѣ съ Ниломъ, или въ Сиріи съ Фарромъ (см. Риттера Georg. § 25). Но, кромѣ другихъ доказательствъ, опровергающихъ сіе мнѣніе, мы знаемъ изъ свидѣтельства очевидцевъ, что Мертвое море возвышается и упадаетъ, смотря по прибыли и убыли Іордана.

Не подалеку отъ устья, рѣка склоняется влѣво, и только верхи кустовъ показываютъ ея направленіе. Мы пустились прямо, безъ дороги, по сыпучему песку, бѣлому какъ снѣгъ отъ покрывающей его соли. Жаръ былъ несносный. На густомъ, раскаленномъ небѣ солнце рдѣло будто на закатѣ. Съ одной стороны цѣпь Аравійскихъ горъ, утесистая стѣна безъ отдѣльныхъ вершинъ, безъ зубцовъ и изгибовъ, идетъ вдоль озера какъ неизмѣримая рама. Съ другой меловые холмы, чудною игрой естества, представляютъ шатры, малыя крѣпости и башни, украшенныя карнизами. Все отлично здѣсь отъ другихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Въ самыхъ степяхъ Сахары близость воды перемѣняетъ видъ природы: влага проникаетъ сквозь сухой хрящъ и одѣваетъ его зеленою травою; тлетворный воздухъ очищается; существа живущія находятъ пріютъ въ пальмовыхъ рощахъ, и безплодная пустыня превра-

*) Мы не нашли въ сей водѣ *солоноватаго вкуса*, какъ говоритъ Шатобріанъ, хотя были на Іорданѣ почти въ одно съ нимъ время года. Постоявъ немного, она становится совсѣмъ прозрачною, а дно сосуда покрывается темноватымъ иломъ.

щается въ цвѣтущій оазисъ — подобіе рая. Напротивъ того, окрестности Мертваго моря унылы и лишены всякихъ признаковъ жизни: нѣтъ свѣжести, нѣтъ звѣрей, птицъ, растеній; изсохшія деревья, лежащія корнями вверхъ по берегу, принесены волною съ восточнаго конца или, можетъ быть, Іорданомъ во время разлива. Вода свѣтла, но пресыщена горькими солями. Трудно повѣрить слышанному Пококомъ и Шатобріаномъ отъ какого-то монаха и отъ Виѳлеемскихъ Аравлянъ, что въ ней водится рыба: намъ сказывали провожатые, что даже заходящая случайно изъ рѣки тотчасъ умираетъ.

Въ длину Мертвое море (Арабск. Бахръ-уль-Лутъ, т. е. *Лотово*) простирается на 75, а въ ширину на 20 верстъ; окружность его Зееценъ полагаетъ въ 5 дней пути. Сей новѣйшій странствователь, и еще прежде игуменъ св. Саввы, Даніилъ, собрали довольно подробныя свѣдѣнія объ южномъ его краѣ, отчасти подтвержденныя намъ Іерусалимскими жителями, ѣздившими въ Петру. Оно дѣйствительно оканчивается узкимъ заливомъ, чрезъ который лѣтомъ переходятъ въ бродъ по колѣно. Странный образъ соляныхъ глыбъ, выбрасываемыхъ озеромъ, подалъ конечно поводъ къ сказкѣ, часто повторяемой, о видѣнномъ поклонниками *столбѣ Лотовѣ*. Что же касается до славнаго плода Содомскаго, то не всякой согласится съ мнѣніемъ Шатобріана. *Черноватыя, горькія сѣмена* отысканныхъ имъ малыхъ лимоновъ не похожи на *пепелъ*, и вообще его описаніе не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о семъ обманчивомъ яблокѣ, снаружи прекрасномъ, внутри гниломъ, *какъ радости міра*, замѣчаетъ одинъ путешественникъ.

Мы ночевали опять въ Іерихонѣ и на другой день возвратились въ Іерусалимъ новою дорогою, чрезъ монастырь св. Саввы. Отъ самаго потока Кедрскаго до Мертваго моря идетъ глубокій оврагъ, называемый *Юдолію плача;* по его пересохшему дну мы приближались къ обители, построеной уступами на южной крутизнѣ, и поднялись вверхъ, содрогаясь невольно при каждомъ поворотѣ. Все зданіе обнесено высокими стѣнами и больше имѣетъ видъ укрѣпленнаго замка, нежели убѣжища для мирныхъ иноковъ. Слѣдуя за игуменомъ по высѣченнымъ въ камнѣ ступенямъ, мы поклонились костямъ святыхъ отцевъ, избіенныхъ невѣрными, и гробу св. Саввы; видѣли пещеру сего благочестиваго труженика и финиковое дерево, имъ самимъ насажденное. На самой вышинѣ двѣ четвероугольныя башни служатъ монахамъ подзорными каланчами. Окружныя горы изрыты множествомъ вертеповъ, гдѣ нѣкогда обитало до 10 тысячъ отшельниковъ.

Намъ еще показывали окно, изъ коего раздаютъ ежедневно хлѣбъ

кочующимъ неподалеку Аравлянамъ. Ихъ племя было издревле (какъ увѣряютъ) *приписано* Греческими императорами къ монастырю для услуженія, и за то получало отъ него пищу; нынѣ же требуетъ оной съ угрозами, какъ принадлежащей себѣ дани; матери приносятъ новорожденныхъ младенцовъ къ окну и берутъ за нихъ лишніе участки. Въ случаѣ ссоры съ иноками, сіи полудикіе Мусульмане держатъ ихъ въ осадѣ и пресѣкаютъ сообщеніе съ Іерусалимомъ.

Посѣщая обители Палестинскія, мы не забывали осматривать ихъ книгохранилища, хотя неудача нашихъ исканій на горѣ Аѳонской оставляла и здѣсь мало надежды. Въ патріархіи есть нѣсколько рукописей, но все требники, патерики и творенія церковныхъ учителей. Грамоты, относящіяся къ правамъ Грековъ, съ давняго времени отосланы въ Константинополь; прочія бумаги, нами видѣнныя, любопытны потому только, что дополняютъ печальную картину претерпѣваемыхъ Іерусалимскими Христіанами утѣсненій.

14 Сентября, въ день Воздвиженія Креста, мы лобызали въ послѣдній разъ Гробъ Господень и всѣ святыни въ *великой церкви*. Архіепископъ Геѳсиманскій служилъ литургію на Голгоѳѣ; потомъ начался торжественный ходъ изъ Греческаго *каѳоликона* въ подземелье св. Елены. Архіерей держалъ на головѣ серебряное Распятіе съ частію Животворящаго Древа; за нимъ несли хоругви, кресты, иконы; народъ устилалъ ступени лѣстницъ зелеными вѣтвями и цвѣтами. Во время молебна, знаменіе спасенія было троекратно воздвизаемо на самомъ мѣстѣ его обрѣтѣнія.

Въ тотъ же день мы простились съ гостепріимными епитропами и, взявъ у мусселима провожатыхъ до Акры, выѣхали изъ Св. Града...

Перепечатано изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ 1826 года. Эти записки Д. В. Дашкова, веденныя 85 лѣтъ назадъ, любопытны для современныхъ Русскихъ паломниковъ, пользующихся всякими удобствами, благодаря Палестинскому Обществу, которое основалось трудами В. Н. Хитрово, а процвѣло подъ попеченіемъ Великаго Князя Сергія Александровича. П. Б.

БОЛѢЗНЬ И КОНЧИНА НАСЛѢДНИКА-ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

1865.

Письма Анны Ѳедоровны Тютчевой въ Москву къ К. П. Побѣдоносцеву и къ сестрѣ ея Екатеринѣ Ѳедоровнѣ.

Дочь поэта Ѳедора Ивановича и Баварской графини Ботмеръ, А. Ѳ. Тютчева (черезъ годъ послѣ перваго изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ вышедшая за мужъ за И. С. Аксакова) воспитывала Великую Княжну, нынѣ герцогиню Эдинбургскую Марію Александровну и предпослѣдняго ея брата Великаго Князя Сергія Александровича. Когда въ „Русскомъ Архивѣ" печатались Французскія письма Ѳ. И. Тютчева, покойный Великій Князь, восхищаясь ими, говорилъ намъ, что какъ они ни хороши, но письма его дочери еще лучше, при чемъ изволилъ прибавить: „У меня ихъ цѣлая связка". Читатель видитъ теперь, что Анна Ѳедоровна хорошо писала и по русски, хотя, рожденная и выросшая въ Германіи, плохо владѣла разговорною Русскою рѣчью. Своимъ умомъ, обширною образованностью, твердымъ характеромъ, прямотою своихъ отзывовъ о людяхъ и событіяхъ, живымъ благочестіемъ, преданностью долгу и пламенною любовью къ Россіи она возымѣла особое значеніе при дворѣ, и ея имя стало извѣстно повсюду. Въ Москвѣ у нея жили ея бабка, тетка Дарья Ивановна Сушкова и младшая сестра Екатерина Ѳедоровна, и въ ихъ домѣ собиралось тогда лучшее Московское общество, къ которому принадлежалъ служившій въ Московскомъ Сенатѣ и читавшій юридическія лекціи въ Московскомъ Университетѣ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (онъ преподавалъ Наслѣднику-Цесаревичу законовѣдѣніе и сопровождалъ его въ путешествіи по Россіи). Генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ былъ М. А. Офросимовъ, подобно своему предмѣстнику отличавшійся доступностью и мягкосердечіемъ, а въ молодости писавшій даже стихи („его романсъ: Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ" пѣвали по всей Россіи). При немъ въ Москвѣ начались толки о преобразованіи государственнаго управленія. Графъ А. С. Уваровъ, Д. Д. Голохвастовъ (владѣвшій необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія) и другіе думали объ учрежденіи двухъ палатъ (Боярская дума" и „Лучшій людъ"). Къ нимъ присоединился и воспитанный въ Англіи графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ. Ѳ. И. Тютчевъ писалъ про нихъ;

Куда вамъ въ члены Англійскихъ палатъ!
Вы только члены Англійскаго клуба.

А князь Н. П. Мещерскій отвѣчалъ ему тоже стихами:

Вы ошибаетесь грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Забыли, видно, вмѣстѣ съ шубой
И память о странѣ родной.

Въ Петербургѣ тоже по этой части не было спокойно. На средства богатыхъ дворянъ издавалась Скарятинымъ „Вѣсть". Тамошнему губернскому предводителю дворянства приказано было удалиться въ Парижъ къ матери его графинѣ Бутѐра. Изданъ указъ Сенату съ достопамятными словами: „Все мое царствованіе служитъ доказательствомъ, что я не врагъ законно-свободныхъ учрежденій; но право *вчинанія* принадлежитъ исключительно мнѣ". Таково было тогда положеніе дѣлъ въ Россіи, между тѣмъ какъ въ Ниццѣ, куда поѣхала Императрица Марія Александровна съ дочерью, усиливалась болѣзнь Наслѣдника Престола. П. Б.

Получено Февраля 1.

22-е Января 1865. Ницца.

Я такъ давно къ вамъ не писала, даже не поблагодарила васъ за ваше письмо отъ 14-го Декабря. Тамъ были праздники, и слѣдственно хлопоты, а потомъ семейныя обстоятельства меня занимали и тревожили. Устроилась здѣсь судьба меньшой моей сестры, Маріи. Она выходитъ замужъ за Н. А. Бирилева, моряка, который отличался своей храбростью въ Севастополѣ. Онъ предобрый человѣкъ, сестра его очень любитъ и очень счастлива.... Теперь всѣ довольны, и я такъ рада видѣть одну сестру счастливой счастіемъ молодости и жизни. Я видѣла въ этомъ случаѣ, какъ дѣлà, такъ сказать, сами собою устраиваются, когда на то назначеніе судьбы или, лучше сказать, Провидѣнія. Ни сестра, ни Бирилевъ не должны были провести зиму въ Ниццѣ: онъ на возвратномъ пути изъ Аѳинъ въ Россію заѣхалъ съ своимъ фрегатомъ въ Ville-Franche, и его остановили здѣсь по случаю присутствія Императрицы; сестра должна была провести зиму въ Cannes, а маменька такъ нехотя пріѣхала въ Ниццу. Сестра и онъ почти съ первой встрѣчи полюбили другъ друга, и всѣ препятствія сами собою устранились. Сестра была такъ увѣрена, что дѣло устроится, и при томъ такъ весело и такъ спокойно, что именно почувствовала, что это *ея судьба.*

Чтò у васъ дѣлается въ Москвѣ, Константинъ Петровичъ? Вы правду мнѣ писали, что у насъ люди точно дѣти, которыя тѣшатся, воображая, что они взрослые. Вчера мы получили № г. «Вѣсть» со статьею Орл.-Давыдова, адресомъ дворянства и разсужденіями г. Скарятина и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе, что собраніе дворянства распущено по указу Сената.

Все это весьма прискорбно. Во всѣхъ этихъ безцѣльныхъ волненіяхъ чувствуется что-то болѣзненно-незрѣлое. Тутъ нѣтъ ни знанія, ни убѣжденія, ни любви къ странѣ. У насъ теперь такъ много серьезныхъ дѣлъ, которыя требовали бы напряженія лучшихъ силъ въ Россіи, и вотъ на какіе пустяки жизненныя силы растрачиваются. Мы всѣ здѣсь мыслію больше живемъ въ Россіи, чѣмъ въ Ниццѣ. Съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ всегда курьера и почты. Слава Богу, что дѣло Каткова кончилось безъ явнаго разрыва между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ; mais cela ne change rien au fond de la position, qui est bien triste. Je pense souvent à vous pendant les ravissantes promenades que je fais dans les montagnes et qui me rappellent les promenades de Crimée que je faisais avec vous. Il y a des points de vue qui me rappellent la côte, bien que la nature ici soit moins grandiose et moins poétique. Nous avons un temps ravissant. Le ciel est d'un bleu si profond, l'air est si pénétré d'une lumière dorée, la mer a des teintes si splendides, le gazon commence déjà à s'émailler de violettes et de narcisses des champs, et les amandiers sont en fleurs. Hier soir à huit heures j'étais au jardin avec la Grande-duchesse, et elle cueillait des violettes au clair de la lune. La nuit était suave. Nous faisons de grandes excursions à pied de deux et trois heures et nous revenons avec de grands bouquets d'irices sauvages qui tapissent les montagnes. Il y a ici des vallons étroits tout-à-fait sauvages et si silencieux, que ce silence pénètre jusqu'au fond même de l'âme. «Da Kommt ein Frieden über mich». On ne peut s'empêcher de se répéter souvent ici: Ah, que Dieu est riche, que de belles choses Il sait faire *).

Я здѣсь говѣла передъ Рождествомъ. Церковь хорошая и священникъ очень добрый и хорошій человѣкъ. Свадьба моей сестры будетъ 5-го Февраля, потомъ отецъ и маменька уѣдутъ въ Россію. Настанетъ

---

*) Но это, въ сущности, ничего не измѣняетъ въ положеніи, которое весьма печально. Я часто думаю о васъ во время прелестныхъ прогулокъ въ горахъ, напоминающихъ мнѣ Крымскія прогулки съ вами. Здѣсь есть мѣста, напоминающія мнѣ берегъ Крыма, хотя здѣшняя природа не такъ величественна и менѣе поэтична. Погода у насъ чудесная. Синее небо такъ глубоко, воздухъ до того пронизанъ золотымъ свѣтомъ, въ морѣ такіе роскошные тоны, трава уже начинаетъ пестрѣть фіалками и полевыми нарцисами, а миндальныя деревья въ цвѣту. Вчера въ 8 часовъ вечера я была въ саду съ В. Княжной, и она рвала фіалки при лунномъ свѣтѣ. Ночь была мягкая. Мы дѣлаемъ большія экскурсіи по два, по три часа и возвращаемся съ огромными букетами дикихъ ирисовъ, которыми покрыты горы. Есть здѣсь узкія, совсѣмъ пустынныя долины, до того безмолвныя, что тишина проникаетъ въ самую глубь души. „Тутъ миръ находитъ на меня". Нельзя здѣсь не повторять часто: Ахъ какъ щедръ Господь! Сколько прекраснаго Имъ создано.

великій постъ, самое мое любимое время въ году. Потомъ поѣдемъ еще въ Киссингенъ, а послѣ краткаго отдыха послѣ лѣченія, домой. Какъ я рада буду! Прощайте, добрѣйшій Константинъ Петровичъ.

Я вамъ не сказала еще, что было здѣсь совѣщаніе Французскихъ докторовъ Nélaton et Rayé для Г. Наслѣдника. Ils ont confirmé ce que Hartmann a dit, c'est-à-dire que tous les organes intérieurs étaient sains et en bon état, que tout le mal était un rhumatisme dans les muscles du dos, douloureux et fort éprouvant pour les nerfs, mais pas du tout dangereux. On lui a prescrit des douches aromatiques, des ventouses sèches et des exercices gymnastiques. Plus tard, il fera des cures de bains de souffre, de bains de fer et puis de bains de mer. Tout cela le ménera à l'automne et fera remettre le mariage probablement. Je crois qu'il gardera de l'étranger un souvenir qui ne lui donnera aucune envie d'y retourner. Adieu, je vous dis mille amitiés et j'attends bientôt une lettre de vous. A. Tutcheff [1]).

*

Получено 8 Марта. Nice.

29-е Февраля 1865.

Отъ души благодарю васъ, добрѣйшій Константинъ Петровичъ, за письмо ваше отъ 2-го Февраля. Досадно мнѣ было, что я не могла раньше на него отвѣчать. Я была нездорова, когда получила его; потомъ Императрица заболѣла, а это отняло у меня свободные часы, которые я имѣю обыкновенно, когда Марія Александровна у Императрицы. На первой недѣлѣ я говѣла. Опять было мало досуга писать. Великій постъ здѣсь совсѣмъ чужой, не рòдной. Я почти раздѣляю впечатлѣніе Маріи Александровны. На первый день великаго поста, утромъ она подошла къ окну и сказала: «Ахъ, какъ неуютно; великій постъ, и все это несносное солнце» [2]). Я на солнце не хочу жаловаться; но правда, что тихій, грустный сумракъ Сѣвера лучше идетъ къ великопостнымъ

[1]) И они подтвердили то, что̀ сказалъ Гартманъ, т. е., что всѣ внутренніе органы здоровы и въ хорошемъ состояніи, а вся болѣзнь состоитъ въ мускульномъ ревматизмѣ, весьма мучительномъ и чувствительномъ для нервовъ, но совсѣмъ не опасномъ. Прописали ему ароматическія души, сухія банки и гимнастическія упражненія. Впослѣдствіи, онъ пройдетъ курсъ лечнія сѣрными ваннами, а затѣмъ морскимъ купаньемъ. Все это протянется до осени и, вѣроятно, заставитъ отложить свадьбу. Я думаю, у него останутся о заграницѣ такія воспоминанія, что онъ не пожелаетъ вернуться туда. Прощайте, шлю вамъ дружескій привѣтъ и жду скораго письма. А. Тютчева.

[2]) Какъ соотвѣтствуютъ этому отзыву стихи Ө. И. Тютчева: „О этотъ Югъ, о эта Ницца! О какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!“ П. Б.

впечатлѣніямъ и молитвамъ, чѣмъ яркое сіяніе южнаго солнца. Но бываютъ и здѣсь чудные часы. Я очень люблю въ полдень сидѣть гдѣ нибудь на вершинѣ горы: необозримое пространство моря блеститъ на солнцѣ какъ расплавленное серебро, вся долина наполнена яркимъ золотымъ свѣтомъ, и во всемъ этомъ свѣтѣ и сіяніи царствуетъ такая глубокая, торжественная тишина, что и на душѣ становится тихо и свѣтло. Но это не всегда такъ бываетъ: часто хотѣлось бы спрятаться отъ всего этого блеска и свѣта. Надобно быть очень молодымъ и счастливымъ для того, чтобы душа была въ согласіи съ этой роскошною, сіяющею природой Юга. Сѣверная наша, простая, родная природа гораздо больше *сочувствуетъ* той тоскѣ и той грусти, которыя такъ нераздѣльны съ сердцемъ человѣка, испытавшаго жизнь; она лелѣетъ эту грусть въ почти отрадное умиленіе. А южная природа смѣется надъ нашей сѣверной грустью; наша тоска не знаетъ куда дѣться отъ всего этого блеска и этой полноты жизни. Я васъ все потчую описаніями природы. Въ сущности здѣсь ничего другого нѣтъ, о чемъ можно бы говорить. Дни такъ однообразно протекаютъ; единственный интересъ и развлеченіе, это письма получаемыя изъ Россіи. Мы всѣ были по немножку нездоровы, Императрица была даже очень больна и очень медленно поправляется. Воздухъ здѣсь такой странный; кажется тепло, пріятно, покуда гуляешь, а какъ придешь домой, дѣлается точно лихорадочное состояніе, и проводишь весь день до вечера въ очень непріятномъ расположеніи.

Наслѣднику немножко лучше. Онъ выѣзжаетъ и бываетъ у Императрицы, но онъ все ходитъ сгорбленнымъ и ужасно худъ и блѣденъ. Онъ видится, кажется, только съ господами своей свиты.

Чичеринъ пріѣхалъ изъ Рима; онъ очень поправился и помолодѣлъ послѣ своей тяжкой болѣзни. Впрочемъ я вамъ опредѣленнаго насчетъ Наслѣдника ничего сказать не могу: я никогда не вижу Наслѣдника и рѣдко встрѣчаюсь съ его господами. Вообще я цѣлый день занята уроками и прогулками съ Великой Княжною, вечеромъ вижусь только съ моими родными, съ гр. Блудовой и съ Евгеніею Сергѣевной *), веду вообще однообразную и довольно скучную жизнь. Говорятъ, мы остаемся здѣсь до 1-го Мая; потомъ поѣдемъ въ Киссингенъ и надѣемся быть дома къ 15 Іюля; но это очень долго еще. Прощайте, Константинъ Петровичъ. Какъ-то не пишется сегодня; но вы пишите мнѣ, пожалуйста. Я такъ ваши письма люблю, мнѣ почти всегда такъ скучно и такъ грустно. Сестра мнѣ пишетъ, что она часто видится съ вами и что она

*) Вдовою Н. В. Шеншина. П. Б.

этому очень рада. Я должна бы упрекать вамъ, что вы отказались отъ предложенія Урусовой; но, нѣтъ, вы правы: не жить вамъ въ Петербургѣ. Кто васъ знаетъ, тотъ понимаетъ, что ваше мѣсто въ Москвѣ. Да хранитъ васъ Богъ! А. Тютчева.

Къ сестрѣ.

6 Avril.

Depuis que je t'ai écrit, les vomissements et les maux de tête avec insomnie complète continuaient toujours. La nuit l'état des nerfs arrivait à une exaspération impossible. Du Vendredi au Samedi la nuit fut si mauvaise, que Hartmann dit à l'Impératrice en confidence (car officiellement on disait et s'obstinait à répéter, que le Grand-duc allait mieux et qu'il n'y avait aucun danger) que si pareille nuit se renouvelait, le Grand-duc aurait un coup de nerfs. L'Impératrice m'en parla. Je ne puis te dire l'angoisse de ce Samedi et de cette nuit de Pâques. C'est la première fois que je n'ai pas senti la joie de la fête, que je n'ai même pas pu suivre les prières de l'office. Cependant pour tout le monde le Grand-duc n'était nullement en danger, et Str. ordonnait strictement aux gens de le dire. La nuit de Pâques fut calme. Dimanche Hartmann avait le visage tout rassuré. Il disait: encore une nuit comme celle-ci, et nous sommes maîtres de la maladie. L'Héritier dormit presque tout le Dimanche et quand il se reveillait, il disait: какъ сладко спать такъ! L'Impératrice rayonnaït de joie. Lundi matin on vint me dire qu'il avait bien dormi. Je descendis chez l'Impératrice, qui avait l'air encore plus rassuré que la veille. Une demi-heure après un domestique entre précipitamment et me dit: Наслѣднику очень худо. Je descends, je trouve Hartmann pâle comme la mort, dans la дежурная, écrivant un télégramme à l'Empereur. Je lui demande, qu'est ce? Il me dit: c'est un épanchement au cerveau, qui a commencé. C'est fini, me dit-il, en haussant les épaules.—Alors il faut le faire communier.—Il n'a plus la tête. En ce moment l'Impératrice sortit. Hartmann lui avait déjà dit que cela allait mal. Avant de se mettre à écrire le télégramme à l'Empereur, elle lui demanda: qu'écrire à l'Empereur?—Madame, dit Hartmann, c'est un épanchement au cerveau. L'impératrice poussa une espèce de cri. Vous m'avez donc trompée; vous ne m'avez pas tout dit!-Madame, je ne pouvais pas vous dire tout d'un coup. Elle se saisit le coeur et dit ensuite: Il faut être calme maintenant; il faut que je ne songe qu'à l'Empereur. Et elle rentra pour écrire le télégramme. Je pris la Petite pour aller à l'église faire dire un молебенъ. J'emmenais ensuite le prêtre à la villa Bermond. Strogonoff entra en colère contre moi et me dit: De quoi vous mêlez

vous: le Grand-duc a un petit accès de nerfs qui passera, et il ne s'agit pas de cela. Je lui dis alors ce que nous pensions tous de la manière dont il avait tenu tout le monde dans l'erreur sur l'état du Grand-duc, et qu'il n'y avait plus rien à cacher maintenant.

Cependant l'Impératrice voulut que le prêtre dise d'abord la messe de Lundi de Pâques et revint ensuite. Nous allames y assister. Le Gr. duc Héritier avait du reste toute sa tête. On dit qu'à sept heures du matin, se trouvant seul, il avait eu un coup de nerfs. Le médecin, qui arriva à 8 heures, lui trouva la pupille horriblement dilatée, le bras gauche paralysé et la tête prise. Il courut chez l'Impératrice. Plus tard le Grand-duc reprit sa tête. Il était seulement un peu étonné de l'engourdissement de son bras, mais ne sentait aucun mal et voulait sortir du lit. Après la messe il y eut une grande discussion. Str. et N. ne voulaient absolument pas qu'on fît communier le Grand-duc de crainte de l'effrayer; les frères de l'Impératrice, le grand-duc de Darmstadt et le prince Alexandre, deux allemands protestants, insistaient avec angoisse pour qu'on le fît communier. Hartmann se rangea de leur avis. N. prétendait qu'on pourrait lui donner la communion quand on serait sûr qu'il n'aurait plus que vingt minutes à vivre. Hartmann disait qu'alors il serait privé de connaissance et que maintenant il avait assez sa tête pour comprendre ce qu'il faisait, mais pas assez pour comprendre qu'il se trouvait en danger. Pendant ce temps nous fimes dire au prêtre un молебенъ aux Saints de Moscou pour obtenir cette communion que nous attendions avec tant d'angoisse.

Après la communion on procéda au traitement: on lui mit des vésicatoires à la tête et on lui donna le calomel qui, dit-on, doit rabsorber l'eau au cerveau. Le reste de la journée fut calme. Il dormait beaucoup, mais à son réveil sa voix était toujours claire et forte, les idées parfois un peu confuses, mais reprenant bientôt leur lucidité, l'ouie affaiblie et le bras gauche engourdi, ce qui l'étonnait et le faisait rire. Il demandait sans cesse à se lever et ne comprenait pas pourquoi on le tenait au lit quand il ne souffrait plus du tout et qu'il se sentait mieux que tous les jours précédents.

Переводъ.

6-е Апрѣля.

Съ тѣхъ поръ какъ я тебѣ писала, рвота и головная боль при полной безсонницѣ все продолжались. Ночью состояніе нервовъ доходило до невозможнаго возбужденія. Съ Пятницы на Субботу ночь была такъ плоха, что Гартманъ сказалъ Императрицѣ по секрету (такъ какъ оффиціально говорили и упорно повторяли, что В. К. лучше и что не было никакой опас-

ности), что если подобная ночь повторится, у В. К. сдѣлается нервный ударъ. Императрица мнѣ объ этомъ говорила. Не могу тебѣ описать тоски въ Субботу, въ эту Пасхальную ночь. Въ первый разъ въ жизни я не чувствовала радости праздника, даже не могла слѣдить за молитвами во время богослуженія. А между тѣмъ, для всѣхъ В. К. вовсе не былъ въ опасности, Строгоновъ же строго приказывалъ людямъ это говорить. Пасхальная ночь прошла спокойно. Въ Воскресенье у Гартмана было лицо совсѣмъ успокоенное. Онъ говорилъ: еще одна ночь, какъ эта, и мы препобѣдимъ болѣзнь. Наслѣдникъ спалъ почти все Воскресенье, а когда просыпался, говорилъ: какъ сладко спать такъ! Императрица сіяла отъ радости. Утромъ, въ Понедѣльникъ, пришли мнѣ сказать, что онъ спалъ хорошо. Я спустилась къ Императрицѣ, имѣвшей видъ еще болѣе успокоенный, чѣмъ наканунѣ. Черезъ полчаса стремительно входитъ слуга и говоритъ мнѣ: Наслѣднику очень худо. Я спускаюсь, нахожу Гартмана, блѣднаго какъ смерть, въ дежурной, пишущимъ телеграмму Государю. Спрашиваю его: что̀ случилось? Онъ отвѣчаетъ: началось изліяніе въ мозгъ; все кончено, сказалъ онъ, пожимая плечами.—Въ такомъ случаѣ нужно его пріобщить.—Онъ уже безъ сознанія. Въ эту минуту вошла Императрица. Гартманъ ей уже сказалъ, что дѣло плохо. Раньше чѣмъ приняться составлять телеграмму Государю, она спросила: что̀ написать Государю? Ваше В-ство, сказалъ Гартманъ, это изліяніе въ мозгъ. Императрица вскрикнула, сказавъ: значитъ вы меня обманывали, вы мнѣ не все говорили? Ваше В-ство, я не могъ сказать вамъ все вдругъ. Она схватилась за сердце, а потомъ сказала: нужно теперь быть спокойной, я должна думать только о Государѣ. И она вернулась, чтобы написать телеграмму. Я пошла за маленькой В. Княжной, чтобы идти въ церковь заказать молебенъ, послѣ чего я повезла священника въ виллу Бермонъ. Строгановъ вышелъ въ ярости на меня и сказалъ мнѣ: Чего вы вмѣшиваетесь? У В. К. маленькій нервный припадокъ, который пройдетъ, и дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Тогда я высказала ему что̀ всѣ мы думали о способѣ, какимъ онъ всѣхъ держалъ въ заблужденіи относительно положенія В. К., а что теперь ужъ больше нечего скрывать *).

Между тѣмъ Императрица пожелала, чтобы священникъ сначала отслужилъ положенную въ пасхальный Понедѣльникъ обѣдню, а затѣмъ бы вернулся. Мы пошли къ обѣднѣ. В. К., впрочемъ, былъ въ полномъ сознаніи. Говорятъ, что въ 7 ч. утра, когда онъ оставался одинъ, съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Прибывшій въ 8 ч. докторъ нашелъ у него зрачки страшно расширенными, лѣвую руку парализованною и сознаніе потеряннымъ. Онъ побѣжалъ къ Императрицѣ. Позднѣе В. Князь пришелъ въ себя и только былъ немного удивленъ онѣмѣнію своей руки, но не чувствовалъ никакой боли и хотѣлъ встать съ постели. Послѣ обѣдни былъ по этому поводу большой споръ. Строгоновъ и N. ни за что не хотѣли, чтобы В. Князя пріобщили, изъ боязни его испугать, а братья Императрицы, герц. Дармштадскій и

*) Много лѣтъ спустя, Анна Ѳедоровна мнѣ говорила, что лучшаго руководителя при воспитаніи, какимъ былъ графъ С. Г. Строгановъ, она не знала. П. Б.

принцъ Александръ, два Нѣмца, протестанты, съ тоскою настаивали на томъ, чтобы его пріобщили. Гартманъ присоединился къ ихъ мнѣнію; увѣрялъ, что можно дать причастіе, когда будетъ увѣренность въ томъ, что ему жить осталось всего 20 минутъ. Гартманъ говорилъ, что тогда онъ будетъ лишенъ сознанія, а что теперь у него достаточно его, чтобы понимать, что̀ онъ дѣлаетъ, но не достаточно, чтобы сознавать опасность, въ которой онъ находится. Въ это время мы попросили священника отслужить молебенъ Московскимъ святителямъ о дарованіи этого причастія, котораго мы ожидали съ такимъ томленіемъ.

Послѣ причастія приступили къ леченію: положили къ головѣ мушку, дали ему каломели, которая будто бы должна оттянуть воду отъ мозга. Остальной день прошелъ спокойно. Онъ много спалъ, но по пробужденіи голосъ его былъ все-таки ясный и бодрый; мысли, временами немного смутныя, быстро принимали свою ясность, слухъ ослабѣлъ, а лѣвая рука онѣмѣла, что̀ его удивляло и смѣшило. Онъ безпрестанно просилъ разрѣшенія встать и не понималъ почему его держали въ постели, когда онъ больше совершенно не страдалъ и чувствовалъ себя лучше, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни.

12 Avril.

Le Gr-duc Héritier est mort cette nuit à une heure, et je me sens aussi attérée que si nous n'avions passé par huit jours d'angoisse, toujours flottant entre l'espoir et le désespoir, reprenant espoir au moindre symptôme un peu consolant. Mercredi matin les médecins avaient prononcé l'arrêt fatal; Mercredi soir il y eut un mieux si prononcé qu'ils le déclarèrent sauvé, et on eut la cruauté de le dire à la Mère. Mais la nuit du Mercredi fut horriblement agitée, et vers le matin il y eut un nouvel épanchement au cerveau. Il passa le Jeudi à délirer, bien qu'il reconnut les personnes qui s'approchaient de son lit et surtont la Mère, qu'on avait engagée enfin à rester auprès de lui. Le Vendredi vers le matin il s'assoupit et dormit toute la journée du Vendredi, demandant lui-même qu'on le laissât tout-à-fait seul, parce qu'il voulait dormir. Les médecins reprirent espoir. Le Samedi l'Empereur arriva avec les fils Wladimir et Alexis (Alexandre était arrivé Jeudi) et la pauvre Petite Promise qu'ils avaient rencontrée à Dijon. Elle a l'air d'une enfant de 15 ans, très jeune et délicate, petite et un petit visage charmant dont tout le charme est dans de magnifiques et grands yeux noirs qui parlent à l'âme. Le Samedi fut très agité, les idées s'embrouillaient de plus en plus, et il n'avait plus dormi depuis Vendredi soir. Il vit son père et le reconnut, mais vaguement, sans faire d'observation sur son arrivée, comme un homme qui a encore des impressions, mais plus d'idées. Vers

le soir il se calma; l'Impératrice alla se coucher avec ordre de se faire réveiller à 4 heures, parce que Hartmann prévoyait que cette heure pouvait être mauvaise. En effet, à peine était-elle auprès de lui, que soudain le malade reprit toute sa lucidité. Il se mit à lui baiser les mains en baisant chaque doigt, comme il avait habitude de le faire avec elle, et lui dit: прощай, Ma; жаль мнѣ тебя, бѣдная мамаша! A Hartmann, qui s'approchait en ce moment, il dit: adieu, adieu, soignez la bien, en montrant sa mère. On appela l'Empereur. Cette fois-ci il le reconnut, se jeta à son cou et le tint longtemps embrassé, puis-il lui baisa les mains et tous les doigts. Son frère Alexandre s'approcha. Il dit à son père: вотъ это славный человѣкъ, береги его! En voyant les autres frères, il fit une exclamation et un geste pour montrer combien il les trouvait grands. Sur ces entrefaites la Petite Promise arriva. On lui dit qu'elle était là Alors son visage s'illumina de joie, il la tint longtemps embrassée la couvrant de baisers et répétant: моя милая, душка моя, Ангелъ мой! Puis il dit à son père: не правда ли, какая она милая! On lui demanda s'il voulait communier. Il y consentit avec joie. Il ne put plus confesser; mais pendant qu'on lisait les prières, il saisit l'епитрахиль et le tint serré sur son coeur. En prenant la communion, il lui sembla qu'une miette était restée sur ses lèvres, et il s'efforçait de l'essuyer avec la пелена. Quand on dit la prière après la communion, son pauvre visage mourant fut inondé de larmes et tellement illuminé de joie, que le prêtre dit n'avoir jamais vu à un mourant une figure si rayonnante de bonheur. Il tint encore longtemps sa Promise embrassée. Le Père et la Mère le bénirent et après avoir béni le mourant, ils se détournèrent de lui pour donner la bénédiction au fils qui succède et qui se tenait là accablé de douleur; car ce frère était ce qu'il aimait le plus au monde. Après la communion l'Héritier fit un geste de la main à tous les assistants et répéta à plusieurs reprises à très haute voix: прощайте, прощайте, прощайте! Peu à peu ses idées s'embrouillèrent. Je l'entendis encore une fois dire: извините меня всѣ, et puis plus tard: слава Отцу и Сыну и Святому Духу! C'était à 9 heures du matin. Plus tard il parla toujours moins et des mots de plus en plus incohérents, il s'assoupit deux fois. Les médecins avaient encore un reste d'espoir de le sauver, et je croyais que Dieu ferait un miracle et le rendrait à nos instantes prières. Il faut que nous ayons bien péché devant Dieu pour que les prières de toute la Russie, si ferventes, n'aient pu monter jusqu'à Lui. A trois heures on nous fit venir la première fois pour lire la отходная. On pria longtemps, le malade était très agité par le musc qu'on ne cessait de lui donner, les médecins dirent que cela durerait jusqu'au soir. Ah! quelle agonie, il me semble que de ma vie entière je n'en pourrai

perdre le souvenir angoissé et terrifiant. A $7^1/_2$ la véritable agonie commença, le mourant ne voyait plus et n'entendait plus, mais il gémissait horriblement et avait ce terrible hoquet de la mort. La lutte entre la mort et tant de vie et de jeunesse était terrible. Nous étions tous là. Au chevet du malade l'Impératrice, à ses pieds l'Empereur, d'un côté et de l'autre du lit le grand-duc Alexandre et la Petite fiancée, tenant chacun une main du mourant. On avait voulu à plusieurs reprises emmener la Pauvre Enfant; mais elle, avec un calme et une fermeté admirable, disait: Non, rien ne me forcera de m'en aller; il me reconnait, il me sourit et me caresse. C'est elle qui de $7^1/_2$ à une heure de la nuit essuyait la bave noire qui s'échappait de la bouche du mourant après chaque hoquet. Puis elle baisait ses mains et mettait sa jeune et charmante tête près de la figure du moribond, avec tant de calme et de douleur. Quatre fois on commençait à lire les prières des agonissants. Je ne te dis rien de l'Impératrice, je n'en puis parler. Ce fils était sa joie, son orgueil, son tout.

Ce supplice dura six heures; les gémissements devenaient de plus en plus douloureux. Nous demandions avec supplication à Dieu de le délivrer. Enfin le râle commença, qui dura bien une heure. Quand il expira, l'Empereur, l'Impératrice, la Promise et les frères se jetèrent avec des cris sur le corps, et se fut un des ces moments.... L'Empereur emporta l'Impératrice défaillante. Je ne puis te dire la torture de pitié qu'on éprouve à la vue de ce malheur inouï compliqué de tant de circonstances les plus aggravantes et les plus tragiques. Cet éloignement de notre pays, ce splendide printemps, qui s'épanouit autour de ces affreuses scènes de deuil, cette semaine de Pâques si joyeuse d'ordinaire, ces si ardentes supplications rejetées! On ne sent plus la miséricorde de Dieu, on ne sent que Sa terrible et redoutable colère.

Dieu donne à *elle* la paix et la résignation. Je tremble des conséquences. Sa santé était déjà si minée, et elle a passé maintenant huits nuits sans se deshabiller et s'endormir.

Le Dimanche des Rameaux j'avais l'esprit et la conscience si obsédés de mes terreurs pour le Grand - duc, que je résolus d'en parler à l'Impératrice avec toute l'énergie.

Elle me dit: Ne m'agitez pas; je suis déjà si nerveuse, que cette nuit je me suis sentie réveillée en sursaut, je me léve effrayée croyant qu'il était arrivé quelque chose à la villa Giesbach ou chez vous, en haut, et peu à peu seulement je démêle ces paroles qu'on m'avait dites à

l'oreille: *prenez garde*!—C'est un avertissement, Madame.—Ce sont mes nerfs. Et moi j'avais ma figure noire devant moi et je n'osais pas le dire. Ce qui est singulier, c'est que cette vision m'a quitté dès que le Grand-duc eut communié Lundi.

L'impératrice entra chez le Grand-Duc. Elle lui dit du ton le plus naturel: C'est aujourd'hui le Lundi de Pâques où les enfants communient sans préparation; ne voudrais-tu pas communier comme un enfant? L'Empereur et moi, nous sommes tristes que tu n'aies pas fait les Pâques. Il dit: Très volontiers, mais je ne suis pas préparé.—Ta longue et douloureuse maladie a été une préparation.—Oui, dit-il, mais je l'ai supporté avec tant d'impatience. Il est vrai que je n'ai jamais murmuré contre Dieu, je n'ai jamais demandé pourquoi Dieu m'a imposé cette épreuve. On fit enfin entrer le prêtre; il confessa et reçut la communion avec une confiance et une joie d'enfant. Puis il fit télégraphier à sa promise: j'ai communié, grande joie! *)

Переводъ.

12-е Апрѣля.

Наслѣдникъ скончался сего дня въ 1 ч. ночи, и я чувствую себя до того пораженною, какъ будто мы и не проводили цѣлой недѣли въ тоскѣ, постоянно колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, снова надѣясь при малѣйшемъ утѣшительномъ признакѣ. Въ Среду утромъ доктора произнесли смертный приговоръ; въ Среду же вечеромъ наступило настолько явное улучшеніе, что они объявили его спасеннымъ, и у нихъ хватило жестокости сказать это матери. Ночь на Четвергъ прошла ужасно тревожно, а къ утру было

*) Въ Вербное Воскресенье ужасъ за В. К. до того овладѣлъ моимъ умомъ и совѣстью, что я рѣшила настойчиво говорить объ этомъ съ Императрицей.... Она сказала мнѣ: не волнуйте меня, я уже до того нервна, что эту ночь вскочила во снѣ, встала въ страхѣ, что что-нибудь случилось въ виллѣ Гисбахѣ или у васъ, наверху и только мало-по-малу я разобрала слова, сказанныя мнѣ на ухо: *берегитесь*!—Это предупрежденіе, Государыня.—Это все мои нервы. А я все видѣла передъ собою черную фигуру, но не смѣла объ этомъ говорить. Странно то, что это видѣніе покинуло меня какъ только В. К. пріобщился въ Понедѣльникъ.

Императрица вошла къ В. К. и сказала ему самымъ естественнымъ тономъ: сегодня Понедѣльникъ Пасхи; въ этотъ день всѣ дѣти могутъ причаститься безъ приготовленія; не хочешь ли ты причаститься какъ ребенокъ? Государю и мнѣ грустно, что ты не говѣлъ на Страстной недѣлѣ. Онъ отвѣчалъ: очень охотно, но я не приготовился.—Твоя долгая мучительная болѣзнь была приготовленіемъ. Да сказалъ онъ, но я переносилъ ее съ такимъ нетерпѣніемъ; правда, я никогда не роптвлъ на Бога, никогда не спрашивалъ, за что Господь послалъ мнѣ такое испытаніе. Наконецъ позвали священника; В. К. исповѣдался и принялъ причастіе съ дѣтскою радостью и довѣріемъ. Послѣ этого онъ просилъ телеграфировать своей Невѣстѣ: я причастился—великая радость!

новое изліяніе въ мозгу. Весь Четвергъ онъ бредилъ, хотя узнавалъ подходившихъ къ его постели, особенно Мать, которую, наконецъ, убѣдили оставаться при немъ. Въ Пятницу, къ утру, онъ задремалъ и спалъ весь день, самъ прося оставить его совершенно одного, т. к. ему хотѣлось спать. Доктора снова начали надѣяться. Въ Суботу пріѣхалъ Государь съ сыновьями Владиміромъ и Алексѣемъ (Александръ пріѣхалъ еще въ Четвергъ) и съ несчастной Маленькой Невѣстой, съ которой они встрѣтились въ Дижонѣ. Она имѣетъ видъ пятнадцатилѣтняго ребенка, очень юное и нѣжное созданіе, съ прелестнымъ маленькимъ личикомъ, очарованіе котораго составляютъ прелестные, большіе, черные глаза, говорящіе душѣ. Субота прошла очень безпокойно, мысли путались все больше и больше; съ вечера Пятницы онъ уже не спалъ. Онъ увидѣлъ отца и узналъ его, но смутно, не сдѣлавъ замѣчаній по поводу его пріѣзда, какъ человѣкъ, воспринимающій еще впечатлѣнія, но не имѣющій уже понятій. Къ вечеру онъ успокоился. Императрица пошла спать, приказавъ себя разбудить въ 4 часа, т. к. Гартманъ предполагалъ, что въ этотъ именно часъ могло быть плохо. Въ самомъ дѣлѣ, только что она подошла къ нему, какъ къ больному вдругъ вернулось полное сознаніе. Онъ началъ цѣловать ей руки, цѣлуя отдѣльно каждый палецъ, какъ дѣлалъ это всегда, и сказалъ ей: прощай, Ма; жаль мнѣ тебя, бѣдная Мамаша! Гартману, подошедшему въ это время, онъ сказалъ: прощайте, прощайте и, показывая на Мать: берегите ее хорошенько. Позвали Государя. На этотъ разъ онъ узналъ его, бросился къ нему на шею и долго держалъ его въ своихъ объятіяхъ, потомъ онъ цѣловалъ ему руки и каждый палецъ. Подошелъ къ нему братъ Александръ. Тогда онъ сказалъ отцу: вотъ это славный человѣкъ—береги его! Увидѣвъ остальныхъ братьевъ, онъ сдѣлалъ восклицаніе и знакъ удивленія ихъ росту; тѣмъ временемъ вошла Маленькая Невѣста. Ему сказали объ ея приходѣ. Тотчасъ лицо его озарилось радостью; онъ долго обнималъ ее, покрывая поцѣлуями и повторяя: моя милая, душка моя, ангелъ мой! Потомъ онъ сказалъ отцу: неправда ли какая она милая! Его спросили, не хочетъ ли онъ пріобщиться, на что онъ съ радостью согласился. Уже не могъ онъ исповѣдаться, но пока говорили молитву, онъ схватилъ епитрахиль и прижималъ ее къ сердцу. Во время причастія ему показалось, что на губахъ осталась крошка, и онъ старался обтереть ее пеленою. Когда читали молитву послѣ причастія, бѣдное лицо умирающаго было залито слезами и свѣтилось радостью; священникъ увѣрялъ, что никогда не видѣлъ у умирающихъ столь сіяющаго счастьемъ лица. Онъ долго еще держалъ въ объятіяхъ свою Невѣсту. Отецъ и мать благословили его, а потомъ повернулись, чтобы благословить сына, слѣдующаго за нимъ, который стоялъ тутъ же, подавленный горемъ, т. к. этого брата онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Послѣ причастія Наслѣдникъ сдѣлалъ всѣмъ присутствовавшимъ знакъ рукой и нѣсколько разъ повторилъ очень громкимъ голосомъ: прощайте, прощайте, прощайте! Мало по малу его мысли начали путаться. Я услыхала, какъ онъ еще разъ сказалъ: извините меня всѣ, а потомъ, слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Это происходило въ 9 ч. утра, послѣ чего

онъ говорилъ все меньше и меньше, слова были все болѣе безсвязны; два раза онъ засыпалъ. У докторовъ оставалась еще маленькая надежда спасти его, и я вѣрила, что Богъ сотворитъ чудо и отдаетъ намъ его по нашимъ неотступнымъ молитвамъ. Должно быть, мы очень нагрѣшили передъ Богомъ, если столь горячія молитвы всей Россіи не могли дойти до Него. Въ три часа насъ въ первый разъ позвали къ чтенію отходной. Молились долго, больной былъ очень возбужденъ мускусомъ, который не переставали ему давать; доктора сказали, что такъ будетъ до вечера. Ахъ, какая агонія! Мнѣ кажется, во всю мою жизнь не изгладятся эти томительныя, ужасающія воспоминанія. Въ $7^1/_2$ ч. началась настоящая агонія; умирающій уже не видѣлъ и не слышалъ, но страшно стоналъ въ ужасной предсмертной икотѣ. Борьба смерти съ такой жизненностью и молодостью была прямо страшна. Мы всѣ были при этомъ. У изголовья больного стояла Императрица, въ его ногахъ Государь, а по бокамъ постели в. к. Александръ и Маленькая Невѣста, держа каждый руку умирающаго. Нѣсколько разъ хотѣли увести Несчастнаго Ребенка, но она говорила съ удивительнымъ спокойствіемъ и твердостью: нѣтъ, ничто не заставитъ меня уйти; онъ меня узнаетъ, онъ улыбается мнѣ и ласкаетъ меня. И она съ $7^1/_2$ до 1 часу ночи вытирала черную пѣну, выходившую изо рта умирающаго послѣ каждой икоты. А потомъ она цѣловала его руки и клала свою молодую прелестную головку къ умирающему съ такимъ спокойствіемъ и скорбью! Четыре раза принимались читать отходную. Не говорю тебѣ ничего объ Императрицѣ, я не въ состояніи говорить о ней. Этотъ сынъ былъ ея радостью, гордостью, всѣмъ для нея!

Мученія длились шесть часовъ; стоны дѣлались все болѣе мучительными. Мы молили Бога послать ему освобожденіе. Наконецъ начался хрипъ, который длился не менѣе часа. Когда онъ скончался, Императрица, Государь, невѣста и всѣ братья съ криками припали къ тѣлу, и это была такая минута....

Не могу сказать тебѣ, какую мучительную жалость испытываешь при видѣ этого неслыханнаго горя, осложненнаго столькими самыми трагическими обстоятельствами, еще болѣе его усиливающими. Эта отдаленность отъ нашей родины, роскошная весна среди ужасныхъ сценъ скорби. Эта пасхальная недѣля, обыкновенно столь радостная, эти отвергнутыя горячія мольбы! Не чувствуешь больше милосердія Божія, а только Его страшный гнѣвъ.

Да пошлетъ Господь ей миръ и покорность Провидѣнію. Я содрогаюсь за послѣдствія. Ея здоровье было уже и такъ надорвано, а теперь она еще провела восемь ночей не раздѣваясь, безъ сна.

Государь и Императрица все еще погружены въ печаль, В. К. Александръ молчаливъ и сдержанъ, а въ глазахъ его читаешь глубокую сердечную скорбь.

Къ К. П. Побѣдоносцеву.

Je vous ai écrit la première fois après la mort du Grand-duc une lettre si troublée. Je ne me rappelle pas trop ce que je vous ai dit, mais je sais que j'étais dans un horrible trouble et je ne parviens pas à en sortir encore. Dans ce malheur je ne parviens pas à sentir autre chose que le côté humain, la part humaine, les torts et les fautes commises, le mensonge partout. L'image de ce mourant auquel le médecin versait encore par force du musc dans la bouche pendant qu'on lisait pour la quatrième fois la отходная, toute cette science humaine, vaine et menteuse, acharnée autour de ce lit de mort, tant de tortures gratuites infligées à cette pauvre victime mourante pour satisfaire l'orgueil et l'outrecuidance de ses bourreaux, tout cela me hante comme un terrible cauchemar. Quand j'étais à l'église, que j'assistais à ces prières pleines de vie, l'espérance revenait dans mon âme; quand je retournais à la maison près de cette chambre de malade, envahie de médecins, il me semblait que tout cet appareil de science et d'orgueil humain ne laissait pas la prière pénétrer jusqu'au mourant, et le désespoir me reprenait.

Maintenant six médecins ont constaté qu'il portait depuis cinq ans le germe d'une maladie mortelle en lui et qu'il devait mourir.

Vous viendrez me voir à Pétersbourg, n'est-ce pas? J'ai besoin de vous parler. Je me sens si troublée, et toutes les relations, que j'ai ici, me troublent d'avantage. Qu'est-ce que la vérité? Où est elle? Pour qui existe-t-elle? Savez vous que je songe par moment à m'en aller d'ici. Comment vivre dans cette contradiction perpétuelle sans y perdre la dignité et la paix de sa conscience? Ou il faut aller avec le courant; ou, si l'on résiste, on arrive à un tel état d'irritation, qu'on ne voit plus clair dans son âme, on ne sait plus si on agit pour le principe du vrai ou pour la satisfaction de sa propre personnalité.

Мы еще остаемся здѣсь до 10-го Мая, намъ придется еще вынести visites de condoléance всѣхъ возможныхъ Нѣмецкихъ потентатовъ. Мнѣ хотѣлось бы прекратить въ себѣ всякую способность чувствовать до возвращенія въ Россію. Здѣсь чтò новое чувство, то новое возмущеніе. Напишите мнѣ еще сюда, мимо Сушинскаго, прямо: Iougenheim près de Darmstadt.

Прощайте, Константинъ Петровичъ. Какъ вамъ хорошо и тихо и спокойно въ тихой и святой Москвѣ; тамъ и скорбь должна быть и тихà и свята; тамъ она можетъ скоро озариться молитвою и умиленіемъ, а здѣсь куда какъ тяжела! Будьте здоровы. Анна Т.

Получено 28-го Апрѣля.

Переводъ.

Я написала вамъ впервыя послѣ кончины В. К. очень взволнованное письмо. Ужъ не помню что именно говорила я вамъ, но знаю, что была въ то время ужасно возмущена и до сихъ поръ не въ состоянiи перестать возмущаться. Въ этомъ горѣ мнѣ не удается ничего чувствовать кромѣ мiрского, кромѣ участiя въ немъ людей, сдѣланныхъ ими ошибокъ, вреда и лжи во всемъ. Образъ несчастнаго умирающаго, которому докторъ все еще насильно вливалъ мускусъ въ то время, когда въ четвертый разъ читали отходную, вся эта человѣческая наука, ненужная, лживая, накинувшаяся на этотъ смертный одръ; столько ненужныхъ мученiй, доставленныхъ несчастной умирающей жертвѣ ради удовлетворенiя гордости и высокомѣрiя его палачей, все это преслѣдуетъ меня подобно страшному кошмару. Когда я бывала въ церкви, присутствуя на молитвахъ, полныхъ жизни, въ душу ко мнѣ возвращалась надежда; но какъ только приходила домой, рядомъ съ этой комнатой больного, наполненной докторами, мнѣ казалось, что все это величiе науки и человѣческой гордости не допускали молитву до больного, и тогда меня снова брало отчаянiе.

Теперь шесть докторовъ засвидѣтельствовали, что Великiй Князь въ теченiи пяти лѣтъ имѣлъ въ себѣ зачатокъ смертельной болѣзни, и что онъ долженъ былъ умереть.

Вѣдь вы будете у меня въ С.-Пб.? Мнѣ нужно съ вами поговорить. Я такъ возмущена, а всѣ отношенiя, кототорыя я здѣсь имѣю, возмущаютъ меня только еще больше. Что такое правда? Гдѣ она? Для кого она существуетъ? Знаете ли, иногда я помышляю уѣхать отсюда *). Какъ можно, не теряя достоинства и спокойствiя совѣсти, жить въ постоянномъ противорѣчiи? Либо нужно идти по теченiю, либо бороться съ нимъ; но тогда доходишь до такого раздражительнаго состоянiя, что ужъ не видишь ясно въ собственной душѣ и не знаешь, дѣйствуешь ли во имя правды или изъ-за удовлетворенiя своей личности.

Стр. не явился на панихиду въ первый день послѣ смерти, объявляя, qu'il n'aime pas la comédie de la mort. La vue de cette figure près du cercueil me retourne le coeur. Songez donc que Samedi, avant le Lundi fatal, il écrivait encore à l'Empereur que l'Héritier n'avait qu'un catharre d'estomac et était en pleine convalescence. Quand le malheureux enfant disait aux courriers de dire à son père qu'il se sentait très mal, devant lui il leur défendait d'en rien dire, prétendant que c'était de l'imagination. Vous savez qu'il n'a pas voulu qu'il communie. Il deman-

*) Лѣтомъ этого же 1865 года, въ Ильинскомъ подъ Москвою, Анна Ѳедоровна была уже невѣстою И. С. Аксакова. Однажды, возвратившись изъ Ильинскаго, онъ передавалъ намъ слова Ѳ. И. Тютчева, обращенныя къ его дочери: „Анна, какъ ты будешь счастлива, любя и въ тоже время уважая своего мужа!“ П. Б.

dait au médecin qu'il lui dise quand il n'aurait plus que 20 minutes à vivre, qu'alors il serait bien temps. Et c'est le médecin, qui est protestant, qui a rejeté cette proposition avec indignation, disant, qu'alors il n'aurait plus sa tête. C'est moi qui avais amené le prêtre dès que j'ai su le danger. Il s'est mis à crier contre moi, me disant: de quoi vous mêlez vous, le Grand-duc a un petit accès de nerfs; il ne s'agit pas de cela. Je lui dis alors: le Grand-duc va mourir; puisque le corps est perdu, qu'on songe au moins à l'âme. Je lui dis alors tout ce que j'avais sur le coeur et qu'il répondrait devant la Russie de ses tromperies. Mais sans les deux frères de l'Impératrice, à qui Dieu le rende! il aurait pourtant empêché qu'on fit communier le Grand-duc Lundi. Alors il a confessé avec toute sa tête; mais le Samedi il a déjà communié sans confesser, ne pouvant plus parler. Tout l'hiver les domestiques nous disaient que le Grand-duc allait mal et eux tout l'hiver ont su le cacher. Ложь, ложь и ложь! Прощайте, Константинъ Петровичъ. Одно меня утѣшаетъ, что это Александръ Александровичъ будетъ.... Когда смотришь на его глубокую, простую, святую скорбь, такъ благоговѣешь сердцемъ передъ нимъ. Дай Богъ ему здоровья и избави его отъ дурныхъ, лживыхъ людей. Напишите мнѣ à Jougenheim, près Darmsradt. Анна.

Получено 1-го Мая.

Переводъ.

Стр. говорилъ, что онъ не любитъ комедіи смерти. Видъ этого человѣка возлѣ гроба переворачиваетъ мнѣ душу. Подумайте только, что въ Субботу передъ роковымъ Понедѣльникомъ, онъ еще писалъ Государю, что у Наслѣдника только катарръ желудка и что онъ на пути къ полному выздоровленію. Когда несчастный ребенокъ поручалъ курьерамъ передать отцу, что онъ чувствуетъ себя очень плохо, графъ, въ его присутствіи, запрещалъ имъ передавать что либо подобное, утверждая, что это одно воображеніе.

Знаете ли вы, что онъ не захотѣлъ, чтобы В. К. пріобщился? Онъ просилъ доктора сказать ему, когда В. К. останется жить всего 20 минутъ, находя, что тогда успѣютъ его пріобщить. И ужъ докторъ, протестантъ, съ негодованіемъ отринулъ это предложеніе, говоря, что тогда В. К. будетъ въ безсознаніи. Вѣдь это я привела священника, какъ только узнала объ опасномъ положеніи больного. Онъ началъ кричать на меня: Зачѣмъ вы вмѣшиваетесь? у В. К. маленькій нервный припадокъ, и дѣло вовсе не въ этомъ. Тогда я ему сказала: В. К. умираетъ; ужъ разъ тѣло погублено, пусть подумаютъ о душѣ по крайней мѣрѣ. Я высказала ему все, что было у меня на душѣ и то, что онъ отвѣтитъ передъ Россіей за свой обманъ.

И все-таки не будь двухъ братьевъ Императрицы (да наградитъ ихъ Господь за это!), онъ все таки не допустилъ бы, чтобъ В. К. пріобщили въ Понедѣльникъ. Въ этотъ день онъ исповѣдался въ полномъ разумѣ, а въ Субботу онъ уже пріобщился безъ исповѣди, не будучи въ состояніи говорить. Всю зиму лакеи говорили намъ, что здоровье В. К. плохо, а они сумѣли всю зиму это скрывать.

Получено 24 Апрѣля.

16-е Апрѣля.

Сколько разъ я вспоминала васъ въ это ужасное время и какъ я желала, чтобы вы были здѣсь, чтобы вы молились за него и плакали о немъ. Здѣсь все, все такъ тяжело! Дома у насъ, когда умираетъ кто-нибудь изъ нашего царскаго рода, то его окружаетъ и покрываетъ великая любовь, великая молитва Русскаго народа; здѣсь, ѣдешь въ церковь на панихиду, около церкви толпится любопытный Французскій народъ; они болтаютъ, курятъ, смѣются; въ церкви все верхніе чины, генералы съ лентами, Русскіе Французскаго покроя прямо изъ Парижа; и холодомъ и равнодушіемъ вѣетъ около гроба этого бѣднаго ребенка, котораго наше равнодушіе, наше небреженіе, наша ложь такъ безжалостно убили. Все больно въ этой скорби, она тяготитъ надъ нами какъ тяжелое наказаніе Божіе, не растворена утѣшеніемъ Его милости, и съ каждымъ днемъ становится на душѣ и тяжелѣе, и мрачнѣе. Какъ мы молились, Константинъ Петровичъ! Всѣ дни мы его оспаривали у смерти. Еще въ послѣднія минуты я все еще кричала къ Богу, чтобъ Онъ отдалъ намъ его; мнѣ такъ не хотѣлось, чтобъ онъ умеръ: онъ намъ такъ нуженъ былъ, его такъ любила Мать, такъ любила молодая его Невѣста. А они, окружающіе его, такъ жестоко съ нимъ обходились. Доктора послѣ аутопсіи тѣла говорили, что страшно подумать, сколько онъ долженъ былъ страдать; онъ все молча, безъ жалобъ, переносилъ, а его все обвиняли, что онъ нѣжится, что онъ притворяется, что онъ могъ бы прямо стоять, если бы только хотѣлъ, между тѣмъ какъ у него три верешка спинной кости уже изгнили. Онъ до самаго Понедѣльника принуждалъ себя встать, одѣваться, являться къ столу съ господами своей свиты. Никто не жалѣлъ его. И въ его послѣдней болѣзни, особенно въ ночь отъ Четверга на Пятницу, оставили его одного, запретили ему звать своихъ людей, подъ предлогомъ, что они пошли отдохнуть для того, чтобы онъ *успокоился*. Слышали вы когда-нибудь, что умирающаго оставляютъ одного, и Матери запретили входить къ нему, для того чтобы онъ не *встревожился*... Стр. кричалъ на него почти еще въ послѣдній день. Въ Пятницу онъ просилъ, умолялъ, чтобы ему дали чаю и папироску; и въ этомъ ему отказали, хотя они всѣ знали, что спасти его нельзя.

Богъ одинъ усладилъ ему смертный часъ, Онъ далъ ему радость увидѣть и узнать еще и отца, и брата, и Невѣсту, и пріобщиться Св. Таинъ съ великою радостію, которая сіяла на его умирающемъ лицѣ. Когда онъ скончался, у него не было то лицо, которое мы знали, не Николая Александровича, лицо сдержанное и озабоченное: это было радостное, безпечное лицо спящаго ребенка; ему, казалось, пятнадцать лѣтъ, не больше. Когда я подошла къ нему, румянецъ былъ еще на его щекахъ, и онъ былъ очень бѣлъ, не смуглый, какъ мы его знали.

Теперь онъ очень измѣнился, отъ него почти ничего не осталось: такъ онъ былъ худъ. Когда я стою около его гроба, то мнѣ вовсе не кажется, что онъ уже такъ далекъ, такъ далекъ, тамъ, гдѣ ему очень, очень радостно, гдѣ все сіяетъ и цвѣтетъ какъ природа окружающая насъ; мнѣ кажется, что молитвы его матери его такъ скоро перенесли туда. Его послѣднее сознательное слово было: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Еще разъ онъ какъ-то опомнился, протянулъ руку брату и сказалъ: здравствуй, Саша! А послѣднее его слово, около девяти часовъ вечера, былъ: стопъ машина! Въ предсмертномъ бреду онъ все командовалъ морскія эволюціи. Вотъ его и по морю повезутъ обратно въ Россію на мѣсто вѣчнаго его покоя. Вы пріѣдете въ Петербургъ проститься съ нимъ, мнѣ очень хочется увидѣться съ вами.

Тяжело мнѣ, во всю жизнь не было такъ тяжело. Я такъ чувствую: въ своемъ сердцѣ, что это несчастіе не испытаніе, а *наказаніе*; его люди устроили своей ложью, своей гордостью, своимъ легкомысліемъ, своей ожесточенностью и равнодушіемъ.

Получено 1-го Мая.

Югенгеймъ. 25-е Апрѣля 65.

Мнѣ было и больно, и отрадно читать ваше письмо, Константинъ Петровичъ: я знала, что вамъ будетъ очень тяжело; вы умѣете страдать, а немногіе, на это способны. Ужасное совершилось, все должно бы, кажется остановиться въ жизни. Il semble que des événements pareils devraient ébranler l'âme comme les fanfares précurseurs des trompetes du jugement dernier, qu'après avoir assisté à un drame aussi terrible, l'être de chacun de nous devrait être complétement changé et renouvelé. On est tout tremblant, tont interdit de voir le sillon se refermer si vite et la vie reprendre son cours indifferént.

L'Empereur et l'Impératrice sont encore plongés dans la tristesse, le grand-duc Alexandre est silencieux et réservé, et on lit dans ses yeux le deuil profond de son coeur *).

*) Такія событія должны бы, кажется, потрясти душу, подобно трубному гласу, предвѣстнику страшнаго суда; присутствованіе при столь ужасной драмѣ

Присылаю вамъ карточку Наслѣдника, снятую въ первый день вечеромъ послѣ его кончины. Онъ весь былъ покрытъ оранжевыми цвѣтами. Въ Пятницу его перевезли на нашъ фрегатъ, на «Александръ Невскій». Вспоминалось мнѣ при этомъ, какъ онъ жалѣлъ два мѣсяца тому назадъ, что не могъ ѣхать на праздникъ, данный на «Александрѣ Невскомъ» по случаю свадьбы моей сестры. Хотѣлось бы, сказалъ онъ, провести нѣсколько часовъ на Русской почвѣ.

Вечеръ былъ прекрасенъ. Небо и море и вся роскошно цвѣтущая природа, все было облито какимъ-то золотымъ туманомъ, и все было проникнуто свѣтомъ и блескомъ и какою-то необыкновенною тишиною.

Въ Вилафранкѣ поставили гробъ на шлюпкѣ въ какой-то огромной корзинкѣ цвѣтовъ, и съ шлюпки его подняли на воздухъ на «Александръ Невскій».

Солнце садилось, все было облито розовымъ свѣтомъ, море было покрыто шлюпками съ толпою народа, музыка гремѣла со всѣхъ пароходовъ, залпы торжественно раздались; казалось, празднуется великій радостный праздникъ, а не погребеніе.

На «Александрѣ Невскомъ» поставили гробъ въ особомъ отдѣленіи на мѣстѣ, гдѣ походная церковь поставляется. Государь и Императоръ прощались съ покойникомъ, долго обнимали, благословляли его. Такія минуты никогда не забываются. Я также прощалась съ нимъ, взяла изъ его гроба вѣтку апельсиновыхъ цвѣтовъ, для себя одну и для васъ другую. На немъ были образа Иверской Божіей Матери, всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ и Святого Сергія. Они съ нимъ и останутся. На рукѣ у него было кольцо, которое Невѣста ему надѣла, когда она въ Понедѣльникъ вечеромъ прощалась съ его тѣломъ. Вчера мы пріѣхали въ Югенгеймъ, и еще стало грустнѣе. Здѣсь мы его видѣли, когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ изъ Копенгагена, полный новаго чувства, молодой любви, надежды и разцвѣтающей жизни; здѣсь служили молебенъ передъ его сватаніемъ. Я много имѣла здѣсь разговоровъ съ нимъ. Онъ мнѣ еще зимою писалъ: помните ли наши Югенгеймскіе разговоры? А сегодня девятый день, и мы отслужили панихиду по немъ. Прощайте, напишите мнѣ.

должно бы совершенно переродить и обновить каждаго изъ насъ, а между тѣмъ содрогаешься отъ изумленія при видѣ, какъ быстро сомкнулась бездна и жизнь приняла свое равнодушное теченіе. Императоръ и Императрицы еще погружены въ горѣ; Великій Князь Александръ молчаливъ и сдержанъ, но въ глазахъ его отражается глубокій трауръ его сердца.

Директоръ департамента народнаго просвѣщенія. 20-го Мая 1865 г. № 4285.

Милостивый государь Константинъ Петровичъ. Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ допустить ваше превосходительство, какъ бывшаго преподавателя въ Бозѣ почившаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, къ участію въ процессіи перевезенія тѣла его высочества и къ присутствованію при отпѣваніи. Объ этомъ всемилостивѣйшемъ соизволеніи, объявленномъ г. управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія г. оберъ-церемоній мейстеромъ высочайшаго двора, тайнымъ совѣтникомъ Хитрово, имѣя честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. *Петерсъ.*

*

С.-Петербургъ. 10-е Іюня 1865.

Добрѣйшій и душевно уважаемый Константинъ Петровичъ. Вчера окончили мы съ Оттономъ Борисовичемъ [1]) распредѣленіе вещей, оставшихся послѣ покойнаго Великаго Князя. На вашу долю, по выбору Императрицы, досталась чернильница, бывшая постоянно на столѣ его; но такъ какъ нынѣ предполагается списать кабинетъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при покойномъ, то чернильница должна оставаться на своемъ мѣстѣ, до окончанія этой работы. Откладывая поэтому присылку этого подарка, поспѣшаю препроводить къ вамъ вещицы назначенныя:

1) Ивану Кондратьевичу [2])...... папиросница.

2) Сергѣю Михайловичу [3])...... топорикъ въ футлярѣ.

3) Ѳедору Ивановичу [4])...... костяной ножъ.

4) Кудрявцеву [5])...... прессъ-папье (Флорентинск. мозаики)

и 5) Борису Николаевичу [6])...... зонтикъ.

Будьте столь добры, распорядиться доставкою этихъ вещей по назначенію и увѣдомить меня о полученіи.

Обо мнѣ еще ничего не рѣшено, жду и провожу время въ безпрерывныхъ хлопотахъ. Мысленно обнимаю васъ и прошу вѣрить въ искренность чувствъ уваженія и преданности вашего Ѳ. Оома.

*

Наконецъ-то и вамъ, душевно-уважаемый Константинъ Петровичъ, могу выслать чернильницу, давно и хорошо вамъ знакомую, со стола

---

[1]) Рихтеромъ.

[2]) Бабсту.

[3]) Соловьеву.

[4]) Буслаеву.

[5]) Профессору Московской Духовной Академіи. Кудрявцевъ преподавалъ Наслѣднику исторію философіи.

[6]) Чичерину.

покойнаго Наслѣдника. Могу представить себѣ, какъ живо напомнитъ она вамъ то время, когда вы читали его высочеству лекціи гражданскаго права и потому не могу не выразить вамъ, какъ я счастливъ тѣмъ, что именно на вашу долю выпала эта вещь, сама по себѣ дешевая, но для васъ неоцѣнимая.

20-го будетъ здѣсь великое празднество; намъ всѣмъ Русскимъ нужно въ этотъ день молить Всевышняго о ниспосланіи благословенія на юнаго Наслѣдника и о томъ, чтобы покойный братъ его во всемъ служилъ примѣромъ ему, чтобы Богъ сподобилъ его исполнить на дѣлѣ то, что̀ онъ устами и сердцемъ будетъ обѣщать предъ престоломъ Его.

Теперь память о почившемъ такъ свѣжа, что не проходитъ почти минуты безъ воспоминаній объ истекшихъ 15 годахъ; но дни, какъ предстоящій, еще живѣе напоминаютъ прошедшее, и рана поневолѣ растравляется. Не повѣрите, какимъ воспоминаніемъ счастливаго прошлаго служитъ Петергофъ, это любимое лѣтнее пребываніе покойнаго. Его прелестный домъ, съ видомъ на лугъ, окаймленный лѣсомъ, изъ за котораго виднѣется море; его ботикъ, на которомъ онъ катался за нѣсколько дней до отъѣзда его за границу; наконецъ экипажи и лошади, ему принадлежавшіе, которыми теперь пользуется в. к. Александръ А-чъ; на все это смотришь съ глубокою грустью и желаніемъ, чтобы въ братѣ отразилось все то, что̀ такъ дорого было для насъ въ почившемъ Наслѣдникѣ.

12-го Іюля были мы на панихидѣ, положившей предѣлъ трауру. Въ церкви были только царская семья и бывшая свита покойнаго Цесаревича. Могила была убрана именно такъ, какъ мнѣ хотѣлось ее видѣть въ этотъ день. Это былъ великолѣпный цвѣтникъ, напомнившій мнѣ тѣ носилки (въ видѣ цвѣточной корзины), на которыхъ въ Виллафранкѣ гробъ былъ поднятъ съ катера на фрегатъ. О. Б. Рихтеръ, пріѣзжавшій въ Петербургъ изъ имѣнія его belle-soeur, также присутствовалъ при службѣ; теперь уже онъ далеко за границею; но гдѣ—неизвѣстно, ибо онъ самъ не зналъ еще куда ѣхать.

Мысленно обнимаю васъ, дорогой Константинъ Петровичъ, и желаю вамъ отъ души воспользоваться прекраснымъ лѣтомъ для поправленія вашего здоровья.

Душевно уважающій и преданный вамъ Ѳ. Оомъ.

ДЕКАБРИСТЫ.

I.

Письмо князя Оболенскаго-отца.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вѣруя, что сердце Царево въ рукѣ Божіей, повергаюсь безъ трепета къ священнымъ стопамъ Вашего Величества и, лобызая ихъ, устами души моей, возношу мольбу къ сердцу Царскому. Государь! Являя образъ Его величія, будь Ему подобенъ и милостію, преклони слухъ къ моленію отца, оскорбленнаго преступленіемъ сына до такой степени, что не имѣетъ силъ и словъ для выраженія всего мученія сердечнаго. Государь! Вы—отецъ; но я не о преступникѣ молю, хотя и знаю, что нѣтъ грѣха, который бы могъ превзойти милосердіе ваше.

Кромѣ сего несчастнаго еще три сына посвящены отъ меня на службу Вашего Величества. Изъ нихъ старшій нѣсколько лѣтъ служитъ въ гвардіи, по немъ второй уже два года въ званіи пажа находится въ корпусѣ; младшаго всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно принять, но не исполнено. Всемилостивѣйшій Государь! Воззри на нихъ, какъ Царь-отецъ, да не поставится имъ въ вину преступленіе брата. Повели невиннымъ продолжать службу, гдѣ благоволишь, и даруй имъ средство заслужить хотя нѣсколько вину преступнаго ихъ брата.

Государь! Не отвергни молящаго семидесятилѣтняго старца и дозволь на закатѣ жизни моей, почувствовавъ сладость милосердія, сойти въ могилу, благословляя судъ и милости, оказанныя несчастному отцу.

Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный князь Петръ Оболенскій.

*

На письмѣ помѣтка: «Е. И. В. 26 Генваря 1826». И. И. Дибичъ, 13 Февраля 1826 г., отношеніемъ за № 309, отвѣчалъ кн. П. Н. Оболенскому: «Государь Императоръ, пріемля особенное участіе въ скорбныхъ чувствахъ вашихъ, изложенныхъ въ принесенномъ вами Его Ве-

личеству всеподданнѣйшемъ прошеніи высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ увѣдомить ваше сіятельство, что преступное поведеніе одного изъ сыновей вашихъ нисколько не можетъ вредить службѣ прочихъ вашихъ дѣтей, коихъ безпорочное и усердное служеніе всегда будетъ принято въ должное вниманіе. Его Величество желаетъ и надѣется, что они усугубятъ стараніе поведеніемъ своимъ утѣшить васъ въ справедливой вашей горести».

Нелицепріятность Императора Николая I подтверждается назначеніемъ 14 Іюля 1826 г. полковника Владимира Ивановича Пестеля, брата одного изъ пяти казненныхъ декабристовъ, своимъ флигель-адъютантомъ.

II.

Письмо Донского, войскового атамана ген.-лейтен. Иловайскаго I-го 10 Января 1826 г.

Всеавгустѣйшій Монархъ!

Горестно было событіе, омрачившее 14-й день Декабря, но вѣрные престолу сыны отечества найдутъ утѣшеніе въ столь очевидномъ благословеніи Всевышняго Промысла, явившаго въ достопамятный день сей образецъ той непоколебимой любви народной, на которой престолъ и спокойствіе государства, аки на несокрушимомъ столбѣ, во вѣки надежно пребывать будутъ.

Съ подобающимъ чувствомъ читая манифестъ Вашего Императорскаго Величества отъ 19 Декабря и видя въ печальномъ событіи семъ новый опытъ великости царственнаго дома, Донское войско благоговѣло предъ высокою душою его самодержца и вознесло хваленіе Царю Царей о имени твоемъ, всеавгустѣйшій Монархъ, и о возстановленіи спокойствія въ первопрестольномъ градѣ твоемъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Съ сердцемъ умиленнымъ приношу я благодареніе Господу моему, сохранившему воинамъ Донскимъ чистоту нравовъ ихъ и ничѣмъ ненарушимую привязанность къ самодержцамъ своимъ. Сіи качества получили мы отъ отцовъ нашихъ, которые, пребывая всегда одинаково непоколебимы въ преданности своей къ августѣйшимъ монархамъ, въ царствованіе блаженной памяти императора Петра I, во время стрѣлецкаго бунта, явили на дѣлѣ, сколь свято чтятъ они вѣрность престолу. Я священнѣйшимъ долгомъ поставилъ возобновить нынѣ въ памяти казаковъ службу предковъ ихъ возвѣщеніемъ въ приказѣ моемъ и спискѣ съ жалованной 1706 года Февраля 21 дня грамоты, которыхъ экземпляры осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству.

Государь! Мы сохранили во всей полнотѣ чувства отцовъ нашихъ; на всемъ пространствѣ земли нашей нѣтъ ни единаго существа, мысля-

щаго иначе: всѣ мы, какъ только въ силахъ будетъ поднять мечъ, всегда станемъ у подножія престола твоего и составимъ оплотъ неодолимый для враговъ твоихъ. Благодареніе Всевышнему: мы вовсе не знакомы съ заразительными мечтаніями злоумышленниковъ; мы, Донцы, знаемъ только молиться Богу и служить вѣрно нашему Царю и Отечеству. Всегда, по словамъ пророка, возревнуемъ закону и дадимъ души наши за завѣтъ отецъ нашихъ.

Приказъ по войску Донскому, 10 Января 1826 г., № 10.

Храбрые и вѣрные Донскіе воины! Изъ возвѣщеннаго нынѣ въ народѣ манифеста всемилостивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича, даннаго въ 19 день минувшаго Декабря, узнали вы о гнусномъ намѣреніи злыхъ заговорщиковъ поколебать спокойствіе любезнѣйшаго нашего отечества. Я въ полной мѣрѣ ощущаю то негодованіе, которымъ преисполнены сердца ваши противу сихъ злодѣевъ, кои всѣ, благодареніе Всевышнему, схвачены и преданы дѣйствію правосудія.

Вѣрные сыны Дона! Намъ отцы наши оставили достойный образецъ преданности ихъ Государю своему въ событіи 1705 года, во время стрѣлецкаго бунта: они не только не вняли гласу подосланыхъ тогда возмутителей, которыхъ, схвативъ, представили къ Государю, но общимъ приговоромъ осудили еще всякаго, кто только поколеблется цѣловать крестъ о неизмѣнной вѣрности своей, въ куль да въ воду, и грудью своею стали за Царя своего. Жалованныя за сіи подвиги грамота и клейноды, знаменующіе славу предковъ нашихъ, сохранятъ память сей доблести ихъ въ самомъ позднемъ потомствѣ.

Мы наслѣдовали отъ отцовъ нашихъ всѣ добрыя ихъ качества; въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ кровь, и я ручаюсь за васъ, достойные мои соотчичи, и вы взаимно поручитесь за всѣхъ и каждаго, что въ цѣломъ составѣ нашемъ нѣтъ ни единаго человѣка, который бы, подобно знаменитымъ нашимъ предкамъ, не почиталъ величайшимъ благомъ пожертвовать послѣднею каплею крови своея за царствующій домъ и всемилостивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича.

Желая яснѣе воскресить въ памяти вашей всѣ подробности знаменитаго для насъ событія 1705 года и доставить вамъ удовольствіе внушать дѣтямъ и внукамъ вашимъ туже преданность къ Государю и Отечеству, каковою ознаменовали себя наши предки, я прилагаю здѣсь отпечатанные экземпляры жалованной грамоты за тѣ подвиги, предписываю читать оную въ воскресные и праздничные дни, въ станицахъ, на полныхъ станичныхъ сборахъ, а въ полкахъ при собраніи чиновъ, да, внимая священнымъ словамъ сей хартіи, возревнуемъ закону и дадимъ души наши за завѣтъ отцовъ нашихъ.

Отношеніе И. И. Дибича ген.-лейт. Иловайскому, 29 Января 1826 г., № 168.

Государь Императоръ, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ письмо вашего превосходительства отъ 10 сего Января и приложенный при этомъ приказъ по войску Донскому въ тотъ же день вами отданный, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить вамъ, милостивый государь, что Его Величество въ излагаемыхъ вами чувствахъ преданности вашей къ престолу и отечеству въ полной мѣрѣ удостовѣренъ; какъ равно и въ томъ, что сіи же самыя чувства раздѣляетъ съ вами и все храброе Донское войско, упрочившее славу свою знаменитыми государству заслугами.

III.

Поимка Кюхельбекера.

(Приказъ цесаревича Константина, 20 Января 1826 г., № 14).

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, г. военный министръ ген. отъ инфантеріи Татищевъ отъ 4-го сего Января сообщилъ мнѣ сдѣлать повсемѣстное объявленіе, чтобы взяты были всѣ мѣры къ отысканію коллежскаго ассесора Кюхельбекера и, если гдѣ окажется кто либо его скрывающій съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ противъ скрывающихъ государственныхъ преступниковъ, описавъ и примѣты онаго Кюхельбекера.

Вслѣдствіе чего сдѣлано было отъ меня объ ономъ циркулярное предписаніе по высочайше ввѣреннымъ мнѣ Россійскимъ и Польскимъ войскамъ и губерніямъ, также сообщено г. намѣстнику Царства Польскаго генералу князю Заіончеку.

Вчерашняго числа, по полудни въ часъ, лейбъ-гвардіи Волынскаго полка унтеръ-офицеръ Никита Григорьевъ, будучи посланъ по ротнымъ дѣламъ съ однимъ рядовымъ на предмѣстіе Прагу и идя тамъ, на площади встрѣтилъ человѣка, одѣтаго въ тулупѣ, крытомъ китайкою, а подъ нимъ простомъ нагольномъ тулупѣ же, подпоясаннаго кушакомъ и въ Русской шапкѣ, шедшаго въ городъ отъ Гроховскаго въѣзда. Сей человѣкъ остановилъ его, спросилъ по-русски: тутъ ли квартируетъ гвардейская конная артиллерія? Унтеръ-офицеръ Григорьевъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ, и спросилъ его, что̀ онъ за человѣкъ и зачѣмъ хочетъ знать о конной артиллеріи. На сіе онъ сказалъ, что крѣпостной слуга барона Моренгейма и желаетъ знать, гдѣ офицеръ оной артиллеріи Есаковъ, знакомый съ его господиномъ. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, вглядываясь въ него и помня примѣты Кюхельбекера, о которыхъ назадъ тому нѣсколько дней въ полку было объявлено въ приказѣ и внушено объ оныхъ нижнимъ чинамъ, и находя, что оныя весьма сходствуютъ съ симъ человѣкомъ, а притомъ видя, что онъ мѣшается въ рѣчахъ, спрашивая о конной артиллеріи, тогда какъ самъ объявилъ, что находится уже съ годъ въ Варшавѣ, и потому предложилъ ему проводить его лейбъ-гвардіи въ Волынскій полкъ, говоря, что тамъ есть братъ г. Есакова, командиръ полка, который ему дастъ вѣрное свѣдѣніе о служащемъ въ конной артиллеріи; но человѣкъ въ тулупѣ, благодаря его нѣсколько разъ за труды, неоднократно просилъ его учтивымъ образомъ не безпокоиться и вернуться. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, изъ сего болѣе еще удостовѣрясь, что онъ долженъ быть сомнительный человѣкъ, повелъ его на гаубтвахту, что̀ на Прагской площади, и представилъ караульному офицеру лейбъ-гвардіи Литовскаго полка прапорщику

Суровцеву 2-му, который спрашивалъ его, что̀ онъ за человѣкъ, но и ему отвѣчалъ, что барона Моренгейма; офицеръ же отправилъ его подъ арестомъ къ коменданту, предъ которымъ уже онъ признался, что есть тотъ самый Кюхельбекеръ, котораго отыскиваютъ. Вслѣдствіе чего онъ былъ тотчасъ представленъ ко мнѣ и, по снятіи съ него по приказанію моему допроса, отправленъ онъ въ С.-Петербургъ подъ строжайшимъ надзоромъ.

О таковомъ расторопномъ и внимательномъ поступкѣ унтеръ-офицера Григорьева, заслуживающаго въ полной мѣрѣ похвалу, въ примѣръ прочимъ дѣлая извѣстнымъ по высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, объявляю ему, Григорьеву, совершенную мою благодарность, а полковаго командира ген.-маіора Есакова особенно благодарю за внятное внушеніе нижнимъ чинамъ предписаній начальства, каковое также поставляя въ примѣръ г.г. начальникамъ частей высочайше ввѣренныхъ мнѣ войскъ, присовокупляю, сколь необходима во всѣхъ дѣлахъ службы внимательность и точное исполненіе, слѣдствіемъ чего токмо можетъ быть подобная исправность. О чемъ я долгомъ поставилъ довесть до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія.

*

Изъ приказа Цесаревича отъ 5 Февраля за № 24 видно, что унтеръ-офицеръ Григорьевъ по высочайшему повелѣнію произведенъ въ прапорщика, съ опредѣленіемъ въ гвардейскіе инвалиды и съ выдачею ему единовременно 1 т. р.

IV.

Память о Пестелѣ въ Вятскомъ полку.

Донесеніе секретаря Заславскаго Нижняго Земскаго Суда Ярецкаго, отъ 22 Ноября 1826 г.

Со времени опредѣленія меня въ должность я не имѣлъ ничего достойнаго вниманія донести вамъ, но, по вступленіи Вятскаго пѣхотнаго полка на квартиры въ м. Зинковъ, старался я узнать, каковые носятся слухи между военными и узналъ:

1) всѣ нижніе чины и офицеры жалѣютъ Пестеля, бывшаго ихъ командира, говоря, что имъ хорошо съ нимъ было, да и еще чего-то лучшаго ожидали и, стоитъ только вспомнить кому изъ военныхъ Пестеля, то вдругъ всякій со вздохомъ тяжкимъ и слезами отвѣчаетъ, что таковаго командира не было и не будетъ; я сіе отъ многихъ самъ слышалъ, и Евреи, почти всякій, тоже отъ военныхъ слыша, мнѣ доносили;

2) находящійся при мастеровой командѣ унт.-оф. Филатовъ, любимецъ бывшій Пестеля, все подробно разсказывая передъ Евреемъ Волі-

омъ Зейлиховичемъ, какимъ образомъ и чрезъ что, разсорившись, капитанъ Майборода съ Пестелемъ, донесъ на него, Пестеля, о заговорахъ, говорилъ, что въ ту ночь, когда къ Пестелю прiѣхалъ какой-то генералъ взять его въ главную квартиру, онъ, Филатовъ, былъ посыланъ Пестелемъ къ Аврамову съ письмомъ секретнымъ, и велѣно ему въ два часа 60 верстъ проѣхать въ м. Прилуку, и Аврамовъ, прочитавъ письмо, сказалъ, что о всемъ уже знаетъ; говорилъ и то Филатовъ, что Пестель съ Аврамовымъ узнали въ три дня о кончинѣ покойнаго Государя Императора Александра, тогда, когда о семъ еще здѣсь никто не зналъ, и что сiя кончина послѣдовала отъ отравленiя ядомъ;

3) квартирующiй у Еврейки Дрейзи музыкантскiй староста, передъ многими Евреями, будучи пьянымъ, ругалъ Майбороду, чтò сдѣлалъ доносъ на Пестеля, изъ которыхъ послѣдняго ужасно расхвалялъ и жалѣлъ; говорилъ при томъ, что Пестель предъ смертью изрекъ слова сiи, что онъ Пестель, чтò посѣялъ, то и взойти должно и взойдетъ впослѣдствiи непремѣнно, каковыя слова Пестеля повторялъ Филатовъ передъ Волiомъ Зейликовичемъ, и другiе нижнiе чины передъ многими Евреями;

4) всѣ вообще офицеры и нижнiе чины ужасно не терпятъ новаго командира, ругаютъ его за-глаза, называя глупымъ, дуракомъ, грубiяномъ и иными словами.

О сихъ разглашенiяхъ доносъ мой не былъ обнаруженъ, а короче можно удостовѣриться отъ Евреевъ о семъ, только дабы они не знали, на каковой предметъ ихъ вспрашиваютъ; также и нижнiе чины могутъ проговориться, не примѣтивъ, кто отъ нихъ и на что узнать хочетъ.

V.

Показанiя очевидцевъ.

1.

Рапортъ плацъ-адъютанта С.-Петербургской крѣпости, лейбъ-гвардiи Павловскаго полка штабсъ-капитана Николаева плацъ-маiору той же крѣпости, 6 Декабря 1825 г.

Вслѣдствiе предписанiя вашему высокоблагородiю его высокопревосходительства господина коменданта С.-Петербургской крѣпости генералъ-адъютанта и кавалера Сукина отъ 2 сего Декабря № 396, честь имѣю почтеннѣйше донести, что 14 Декабря прошлаго 1825 г. я былъ посланъ къ господину С.-Петербургскому коменданту для полученiя пароля и приказа, и тогда же я услышалъ въ канцелярiи его, что Государь Императоръ соизволилъ выйти на дворцовую площадь, куда тотчасъ пошелъ я, и былъ въ присутствiи Высочайшей особы, какъ во все то время пока Государь Императоръ изволилъ читать собравше-

муся народу высочайшій манифестъ, такъ и послѣ прибытія 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, когда Его Величество, находясь при семъ баталіонѣ, у дома Губернскаго Правленія къ собравшемуся и у баталіона тѣснившемуся народу изволилъ приказывать посторониться и дать мѣсто, то во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, я удалялъ народъ по возможности. Потомъ подлѣ сего баталіона я шелъ къ Исакіевской площади и стоялъ подлѣ угла Адмиралтейскаго бульвара въ интервалѣ между онымъ баталіономъ и эскадронами лейбъ-гвардіи Коннаго полка. По окончаніи происшествія встрѣтилъ я на площади капитана учебнаго карабинернаго полка Рѣпина. Проходя съ нимъ по площади и услышавъ отъ разговаривающихъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, что одинъ изъ нихъ отправляется въ домъ Кусовникова, осмотрѣть, нѣтъ ли скрывающихся мятежниковъ, пошелъ за нимъ. Сей офицеръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ Тернбергъ, взойдя на дворъ, смотрѣлъ въ окно комнаты, гдѣ скрывались мятижники, и оставался тутъ. Я съ г. Рѣпинымъ вошли въ ту комнату, гдѣ былъ Щепинъ-Ростовскій, бывшій штабсъ-капитанъ. Онъ въ пьяномъ видѣ сидѣлъ на кровати и держалъ въ рукахъ обнаженную саблю, а вокругъ него было до 12-ти рядовыхъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Подойдя къ Щепину, я усовѣщевалъ его выйти оттуда, и онъ согласился и пошелъ за мною. Тутъ же приказалъ я помянутымъ рядовымъ слѣдовать за мною, и, когда они вышли, то рядовые взяты командою лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а Щепинъ шелъ вмѣстѣ со мною и г.г. Рѣпинымъ и Тернбергомъ. Когда мы достигли стоявшаго у Исакіевскаго забора лейбъ-гвардіи Московскаго полка, то г.г. офицеры сего полка, въ праведномъ гнѣвѣ на мятежника Щепина-Ростовскаго, окруживъ его, сорвали съ него эполеты и прочія на немъ офицерскія принадлежности, и тутъ же наряженъ особый конвой для дальнѣйшаго препровожденія арестанта. Послѣ сего я поспѣшилъ возвратиться къ своему посту въ крѣпость и тогда же имѣлъ честь лично доводить о семъ до свѣдѣнія его высокопревосходительства господина коменданта, равно и вашему высокоблагородію.

*

2.

*Рапортъ начальника штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи генералъ-маіора Пяткина командиру того же корпуса *) 7 Декабря 1826 г., № 9.*

Находясь во время бывшаго смятенія 14 Декабря прошлаго 1825 года въ Зимнемъ Его Величества дворцѣ, состоящій при Его Высоче-

*) Т. е. ген.-адъют. графу Е. Ф. Комаровскому.

ствѣ Наслѣдникѣ Престола фл.-адъют. полковникъ Мердеръ, подошедъ ко мнѣ, объявилъ, что Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволитъ безпокоиться, чтобы черный народъ толпясь у подъѣздовъ дворца, не вломился въ сѣни и дворецъ, а потому Ея Величество желала бы, чтобы находящаяся при дворцѣ полиція строже за симъ наблюдала.

Съ окончаніемъ отзыва о семъ фл.-адъют. Мердера, я ту же минуту вышелъ на комендантскій подъѣздъ, потребовалъ къ себѣ командира С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона подполковника фонъ-деръ-Палена и, объявя ему волю Государыни Императрицы, приказалъ удвоить за симъ досмотръ и всячески стараться предпринятіе неблагомыслящихъ людей удерживать, ежели бы востребовалась надобность, силою оружія, что̀ подполковникомъ фонъ-деръ-Паленомъ съ большою ревностію и усердіемъ и исполнено.

Послѣ сего пошелъ я обще съ старшимъ адъютантомъ высочайше ввѣреннаго вашему сіятельству корпуса поручикомъ Барсуковымъ, взявъ съ собою на̀ всякій случай и находящагося при мнѣ казеннаго денщика Матвѣя Козлова, на Исакіевскую площадь, гдѣ, побывши противъ бунтующихъ съ полчаса и увидя, что Государь Императоръ изволитъ ѣздить по Дворцовой площади, я тотчасъ пошелъ съ адъютантомъ Барсуковымъ и все время находился при особѣ Его Величества, гдѣ видѣли меня изъ знакомыхъ мнѣ господъ ген.-лейт. Костенецкій, состоящій при господинѣ министрѣ финансовъ, ст. сов. Пражевскій и кол. асс. Завагѣйскій.

Не имѣя при себѣ никакой команды, съ которою могъ бы стать на ряду съ усердствующими и готовыми жертвовать собою, но, желая быть въ чемъ либо полезнымъ, я не могъ ничего другого ни сдѣлать, ни предпринять, какъ примѣромъ своей вѣрности и преданности Монарху возбудилъ стоящихъ въ угрюмомъ молчаніи нижнихъ чиновъ гвардейской артиллеріи и какого-то пѣхотнаго полка (названіе которыхъ по долгопрошедшему времени припомнить не могу) на вопросъ Государя Императора, рады ли они умереть за него, закричать радостное ура, подавъ сигналъ къ оному собственнымъ примѣромъ.

*

3.

Рапортъ дежурнаго штабъ-офицера отдѣльнаго корпуса внутренней стражи подполковника Репѣшка командиру того же корпуса, 8 Декабря 1826 г., № 9.

По нахожденію моему при вашемъ сіятельствѣ для управленія канцеляріею по званію вашему временнаго военнаго губернатора Петербургской и Выборгской Сторонъ, вмѣстѣ съ означенною канцеляріею

имѣлъ пребываніе въ С.-Петербургской крѣпости, и когда, по дошедшему свѣдѣнію о возмущеніи лейбъ-гвардіи Московскаго полка, прибылъ ко мнѣ командиръ здѣшняго внутренняго гарнизоннаго баталіона полковникъ Елистратовъ съ вопросомъ о приказаніи собрать ввѣренный ему баталіонъ для приведенія къ присягѣ, я, не бывши въ правѣ разрѣшить его, тотчасъ отправился въ корпусной штабъ, дабы попросить на сіе приказаніе вашего сіятельства или г. начальника штаба, но, не заставъ ни ваше сіятельство въ домѣ, ни начальника штаба въ штабѣ и, освѣдомясь, что возмутившіеся на Петровской площади производятъ шумъ и что вы и начальникъ штаба въ Зимнемъ дворцѣ, отправился туда; однакожъ, не могши достигнуть во дворецъ и увидѣвъ толпу мятежниковъ, ходилъ по Исакіевской площади въ разныхъ мѣстахъ, но, по многолюдству, тамъ бывшему, не отыскавъ ни ваше сіятельство, ни его превосходительство, поспѣшилъ въ крѣпость, дабы на случай какого-либо происшествія на Петербургской Сторонѣ не замедлить донести вамъ, какъ корпусному командиру и военному губернатору, для принятія надлежащихъ мѣръ. Возвращаясь туда, встрѣтилъ бѣжавшихъ черезъ рѣку Неву съ крикомъ и въ изступленіи съ двумя офицерами толпу нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, которые не допустили даже меня сказать нѣсколько словъ къ укрощенію ихъ. Между тѣмъ по возвращеніи въ крѣпость вторично прибылъ ко мнѣ полковникъ Елистратовъ и, объявляя, что солдаты лейбъ-гренадерскаго полка, бѣжавшіе мимо его квартиры, возмущали стоявшихъ тутъ ввѣреннаго ему баталіона и инвалидной команды нѣсколько нижнихъ чиновъ, подстрекая ихъ не присягать на вѣрность подданства нынѣ царствующему Государю Императору, чтò заставило его, г. Елистратова, опасаться, дабы сіе не возымѣло худого вліянія на подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, тѣмъ паче, что они расположены были на всемъ пространствѣ Петербургской Стороны и не было возможности имѣть за ними строгій надзоръ. А потому рѣшительно предположили мы собрать баталіонъ и инвалидную команду въ полной аммуниціи и вооруженіи на дворъ квартиры его, полковника Елистратова, дабы симъ средствомъ прекратить всякое сообщеніе съ людьми неблагонамѣренными и имѣть баталіонъ въ совершенной готовности къ исполненію ожидаемаго отъ начальства приказанія, для полученія котораго отправился я вновь на Исакіевскую площадь къ вашему сіятельству и вторично не найдя, возвратился въ С.-Петербургскую крѣпость къ тамошнему коменданту г. г.-адъют. Сукину, который приказалъ мнѣ именемъ Его Императорскаго Величества тотчасъ привести къ присягѣ С.-Петербургскій внутренній гарнизонный баталіонъ и ввесть оный въ крѣпость, поелику находившійся тамъ караулъ не былъ еще приведенъ къ присягѣ. Отправясь для исполненія

сего приказанія, встрѣтилъ упомянутый баталіонъ на дорогѣ, присягнувшій уже по предварительному о семъ приказанію г. г.-адъют. Сукина, чрезъ поручика того баталіона Смирнова полковнику Елистратову объявленному, и съ онымъ прибылъ въ крѣпость.

Когда же сей баталіонъ, по приказанію г. коменданта, занялъ назначенные плацъ-маіоромъ крѣпости внутренніе и наружные посты, я въ тоже время отправился вновь на Исакіевскую площадь и, найдя ваше сіятельство въ зданіи Правительствующаго Сената, донесъ о всемъ вышеизъясненномъ и тотчасъ получилъ приказаніе ваше принимать нижнихъ чиновъ въ мятежѣ участвовавшихъ и въ разныхъ мѣстахъ посланными патрулями собираемыхъ подъ конвой лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, гдѣ, по распоряженію командира того полка г.-адъют. Шипова, полковой адъютантъ Леонтьевъ, производя со мною повѣрку какъ бывшимъ уже арестованными, такъ и вновь приводимымъ подъ арестъ, сдавалъ мнѣ оныхъ, и впослѣдствіи, когда собрано было 623 человѣка, составивъ о нихъ записку, получилъ приказаніе слѣдовать вмѣстѣ съ конвоемъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подъ начальствомъ полковника Альбрехта въ С.-Петербургскую крѣпость, по прибытіи куда, по повелѣнію вашего сіятельства раздѣливъ участвовавшихъ въ мятежѣ по полкамъ и составивъ о званіи и числѣ ихъ записку, также отобравъ имѣвшуюся у нѣкоторыхъ изъ нихъ ременную аммуницію, кивера и у иныхъ тесаки, принялъ подъ сохраненіе, а мятежниковъ сдалъ счетомъ плацъ-маіору С.-Петербургской крѣпости полковнику Подушкину и обо всемъ ономъ въ тоже время донесъ вашему сіятельству. Отобранные же кивера, ременную амуницію и тесаки согласно вашему приказанію сдалъ на другой и на третій даже день прибывшимъ для пріема оныхъ отъ полковъ лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго и Гвардейскаго экипажа унтеръ-офицерамъ.

4.

Рапортъ старшаго адъютанта отдѣльнаго корпуса внутренней стражи подполковника Кельчевскаго командиру того же корпуса, 8 Декабря 1826 г., № 68.

По случаю бывшаго 7 Ноября въ С.-Петербургѣ наводненія исправляя должность полиціймейстера на Петербургской Сторонѣ, услышавъ 14 Декабря о смятеніи нѣкоторыхъ рядовыхъ Московскаго полка, прибывшихъ на Сенатскую площадь, спѣшилъ о томъ, а равно и о бѣгущихъ съ Петербургской Стороны лебъ-гренадерахъ, донести вашему сіятельству, какъ временному военному губернатору Петербургской Стороны; но, прибывъ на Дворцовую площадь и увидя на оной Государя

Императора, я оставался тамъ, и, когда Его Императорское Величество изволилъ съ оной отбыть, то я счелъ уже долгомъ по носимому мною тогда званію полиціймейстера пойти на Исакіевскую площадь, гдѣ, не доходя дому Любимова, встрѣтился мнѣ старшій адъютантъ штаба Его Императорскаго Величества подполковникъ Случевскій, также и супруга господина генерала отъ инфантеріи Воинова, со слезами спрашивавшая о своемъ мужѣ, которую, успокоивъ и приведя къ Невскому проспекту, послалъ какого-то писаря въ Гвардейскій штабъ, нѣтъ ли кого въономъ изъ адъютантовъ, и, когда прибылъ старшій адъютантъ Кутузовъ, то, уговоря генеральшу Воинову идти съ нимъ домой, я пошелъ на Исакіевскую площадь, гдѣ попались верхами генералъ Воиновъ и за нимъ адъютантъ его Шнель, коего остановя, разсказалъ о вышеписанномъ. Здѣсь имѣлъ счастіе снова видѣть Его Императорское Величество, когда изволилъ подъѣзжать къ войскамъ и спрашивать, готовы ли за Его Величество умереть, и, не могши иначе оказать моей преданности къ Государю, я кричалъ съ войсками ура, и какъ здѣсь, такъ и на дворцовой площади, бывъ вблизи особы Государя Императора между народомъ, многократно возбуждалъ оный кричать ура, Государь Николай Павловичъ бывъ къ тому самъ примѣромъ. Потомъ у забора Исакіевской церкви, бывъ сшибленъ съ ногъ подавшеюся толпою народа, зашибъ сильно болѣвшую до того правую руку и возвратился на квартиру, изъ которой поздно вечеромъ дѣлалъ разъѣздъ на Петербургской Сторонѣ.

5.

Записка плацъ-адъютанта поручика Ландцерта С.-Петербургскому коменданту.

Прошлаго 1825 года Декабря 14 дня, по приказанію вашего превосходительства; поѣхалъ я поутру рано въ Измайловскій полкъ, для постановленія часового къ казенному ящику онаго полка; пріѣхавши оттуда во дворецъ, узналъ о воцарствованіи Государя Императора Николая Павловича и пошелъ на верхъ къ вашему превосходительству, гдѣ васъ засталъ съ покойнымъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ. Вы изволили мнѣ приказать ѣхать въ Аничковскій дворецъ, чтобы къ комнатамъ Наслѣдника поставить часового. По исполненіи сего порученія поѣхалъ я въ ордонансъ-гаузъ для занятія по должности моей, гдѣ г. плацъ-маіоръ мнѣ приказалъ остаться и имѣть наблюденіе за карауломъ и служителями дома ордонансъ-гауза. Узнавши тамъ о возмущеніи, поѣхалъ я сейчасъ къ вашему превосходительству во дворецъ. Въ то время уже прекратился мятежъ; я же

оставался при вашемъ превосходительствѣ во весь вечеръ, всю ночь и слѣдующіе дни, гдѣ вами былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ и развозкѣ преступниковъ въ здѣшнюю крѣпость.

6.

Записка плацъ-адъютанта капитана Бреме С.-Петербургскому коменданту.

1825 года декабря 14 дня я былъ дежурнымъ при вашемъ превосходительствѣ, имѣлъ порученіе принимать возвращаемыя изъ полковъ знамена, потомъ былъ посланъ за 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, который уже встрѣтилъ на мосту, что̀ на Зимней Канавкѣ, послѣ сего неоднократно посыланъ былъ на Петровскую площадь для узнанія, что̀ тамъ происходило, о чемъ и доносилъ вашему превосходительству. По приказанію Его Императорскаго Величества чрезъ флигель-адъютанта (фамиліи не знаю) ходилъ въ придворную конюшню за верховыми лошадьми для гг. генераловъ и, наконецъ, вечеромъ, г. генералъ-адъютантомъ Левашовымъ былъ посланъ въ казармы лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и въ крѣпость отыскать бывшихъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручика Попова, подпоручика Кожевникова и прапорщика Жеребцова, которые однако ни въ казармахъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, ни въ крѣпости не найдены. Въ прочее же время находился при вашемъ превосходительствѣ и отвозилъ арестантовъ изъ числа мятежниковъ въ крѣпость.

7.

Записка плацъ-адъютанта поручика Рейнгардта С.-Петербургскому коменданту.

14 Декабря 1825 г., въ отсутствіе г. плацъ-маіора, находился я въ ордонансъ-гаузѣ для наблюденія за порядкомъ и тишиною стоявшаго тутъ лейбъ-гвардіи отъ Московскаго полка караула, арестантовъ и нижнихъ чиновъ ордонансъ-гауза; по пріѣздѣ же г. плацъ-маіора былъ имъ посланъ за священникомъ, котораго приведя въ ордонансъ-гаузъ, способствовалъ ему, г. плацъ-маіору, я въ убѣжденіи караула принять присягу, потомъ посланъ былъ въ фурштадтскую бригаду для отдачи приказанія о смѣнѣ карауловъ, также наблюдалъ за слѣдованіемъ ихъ въ свои казармы; послѣ сего находился въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ имѣлъ разныя порученія вашего превосходительства и возилъ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ преступниковъ, куда слѣдовало.

8.

Записка плацъ-адъютанта капитана Тунцельмана С.Петербургскому коменданту.

Какъ прошлаго 1825 года 14 Декабря приказано было всѣмъ гг. генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ прибыть во дворецъ для слушанія Божественной литургіи, ѣхалъ и я туда. Прибывши ко дворцу, увидѣлъ большую толпу народа на площади, услышалъ о мятежѣ и узналъ, что Его Величество изволилъ повести Преображенскаго полка 1-й баталіонъ противъ мятежниковъ, собравшихся на Сенатской площади. Я пошелъ туда и засталъ Его Величество съ Преображенскимъ баталіономъ противъ гауптвахты губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и остался тамъ; видѣлъ, какъ бывшій капитанъ Якубовичъ говорилъ съ Его Величествомъ, какъ онъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ Преображенскаго полка и, наконецъ, флигель-адъютантъ полковникъ Дурново были посланы Его Величествомъ уговаривать мятежниковъ, чтобы они покорились. Оттуда пришелъ я назадъ ко дворцу, откуда ваше пр. изволили меня послать смотрѣть, какія именно войска находятся въ толпѣ мятежниковъ. Возвратившись съ симъ свѣдѣніемъ къ вашему пр., вы изволили меня вторично туда послать, чтобы узнать, что̀ тамъ происходитъ. Лишь только сталъ подходить гвардіи къ конному полку, который въ это время подвинулся было къ атакѣ, тогда мятежники сдѣлали по немъ залпъ и въ ономъ полку нѣсколько убили и ранили. Я съ симъ свѣдѣніемъ возвращался къ вашему превосходительству, настигъ дорогою митрополита, шедшаго уже по случаю сихъ выстрѣловъ назадъ, встрѣтилъ артиллерію съ зажженными фитилями противъ Невскаго проспекта, которой Его Величество приказалъ въ то время зарядить орудія, а митрополиту велѣно было опять идти усовѣщевать мятежниковъ, который сѣлъ въ карету и поѣхалъ туда. Когда же артиллерія двинулась впередъ, чтобы атаковать мятежниковъ, поѣхалъ уже я для пріуготовленія вечерняго рапорта въ ордонансъ-гаузъ. Пріѣхавши же съ рапортомъ во дворецъ, мятежъ былъ уже прекращенъ; тогда пошелъ наверхъ и въ темномъ коридорѣ встрѣтилъ ведущихъ къ Его Величеству бывшаго л.-гв. Московскаго полка штабсъ-капитана князя Щепина-Ростовскаго и оставался во всю ту ночь при вашемъ пр., былъ вами употребленъ для разныхъ порученій и развозки мятежниковъ въ крѣпость.

9.

Записка плацъ-адъютанта поручика Молокова С.-Петербургскому коменданту.

1825 г. Декабря 14 числа, во время бывшаго мятежа находился я на Петровской площади въ присутствіи Государя Императора, на-

родъ не допускалъ съ бульвара переходить черезъ площадь къ Сенату, потомъ, по приказанію вашего превосходительства, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка часть 1-й гренадерской роты отводилъ подъ арку Главнаго Штаба, объявя приказаніе ваше капитану Мещерскому поставить часовыхъ подъ оною, брать подъ арестъ проходящихъ пьяныхъ солдатъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, и чрезъ полчаса еще проходящіе того же Московскаго полка рядовые въ небольшомъ числѣ отводимы туда же, а по окончаніи мятежа вся команда была приведена на главную гауптвахту Зимняго дворца. Былъ посланъ въ крѣпость къ коменданту съ словеснымъ приказаніемъ зарядить всѣ орудія картечами и запереть ворота, а послѣ во все время находился у Зимняго дворца при вашемъ пр., раненыхъ солдатъ отправлялъ на гауптвахту Петровской площади и лазаретъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, ѣздилъ въ галерный портъ для отправленія находившихся тамъ мятежниковъ нижнихъ чиновъ къ г.-адъют. Бенкендорфу, а прочее время отвозилъ въ крѣпость мятежниковъ.

10.

Записка плацъ-маіора полковника Болдырева С.-Петербургскому коменданту, 14 Декабря 1826 г.

1825 г. Декабря 13, въ ночи, получилъ я предписаніе прибыть къ вашему пр. 14 числа, къ 5 часамъ утра. По прибытіи изволили объявить, что Государь Императоръ повелѣть соизволили находиться мнѣ, до вступленія въ караулъ новой смѣны, въ Аничковскомъ дворцѣ при Ихъ Высочествахъ Наслѣдникѣ и Великихъ Княжнахъ, отпустить для присяги знамена и обратно принять. По исполненіи сего и по вступленіи новой смѣны прибылъ я въ Зимній дворецъ. Въ знаменской комнатѣ встрѣтилъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручика Толстого, который мнѣ сказалъ, что въ Московскомъ полку происходитъ мятежъ на дворѣ казармъ онаго. Зная, что въ ордонансъ-гаузѣ стоялъ караулъ отъ Московскаго полка, гдѣ въ то время содержалось слишкомъ сто человѣкъ арестантовъ, я поспѣшилъ туда и послалъ плацъ-адъютанта Рейнгарта призвать священника; самъ между тѣмъ въ казармы Московскаго полка. Не доѣзжая оныхъ и увидѣвъ того полка солдатъ, бѣгущихъ въ безпорядкѣ на Семеновскій мостъ, я возвратился въ ордонансъ-гаузъ. Въ сіе время Рейнгардтъ привезъ Владимирской церкви священника, съ которымъ я привелъ къ присягѣ караулъ, всѣхъ арестантовъ и бывшихъ въ то время служителей; причемъ караульные солдаты, знавъ, что полкъ ихъ не присягаетъ, не хотѣли и они оную принять, но по убѣжденію моему исполнили сей

священный долгъ. Тоже самое и съ тѣмъ же священникомъ исполнилъ я и въ караулѣ Семеновскаго гошпиталя. Послѣ того, пріѣхавъ къ Зимнему дворцу, доложилъ о семъ в.-пр., потомъ отправился на Исакіевскую площадь, гдѣ увидѣвъ Государя Императора, находился близъ Его Величества до возвращенія его во дворецъ. Тутъ я доложилъ вашему пр., что Московскаго полка караулы еще не смѣнены. Ваше пр. приказать изволили смѣнить оные фурштадтскими баталіонами и доложить о семъ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, испросивъ, куда Московскаго полка карауламъ по смѣнѣ приказано будетъ слѣдовать. Я, возвратясь съ симъ приказаніемъ на упомянутую площадь, нашелъ Его Высочество близъ конно-гвардейскаго манежа и, по исполненіи порученія, возвратился во дворецъ, гдѣ и находился при в.-пр., нѣсколько сутокъ почти безотлучно, отвозилъ въ крѣпость преступниковъ и разныя другія исполнялъ порученія.

11.

Записка плацъ-адъютанта штабсъ-капитана Оливея С.-Петербургскому коменданту.

1825 г. 14 Декабря прибылъ я въ 10 часовъ утра, по приказанію в.-пр. въ канцелярію, дожидалъ вашего повелѣнія до 11¾ часа; потомъ, услышавъ о возмущеніи мятежниковъ, отправился на Петровскую площадь, думая найти ваше пр. тамъ и полагая себя нужнымъ по должности; въ 12 часовъ былъ посылаемъ дежурнымъ г.-адъют. Потаповымъ и г.-адъютант. Левашовымъ, по приказанію Императора, къ Сенату, чтобъ обозрѣть, въ какомъ порядкѣ стоятъ мятежники, какого званія собравшаяся вкругъ мятежниковъ толпа, и примѣрно донести, сколько; куда я бѣжалъ бѣглымъ шагомъ вмѣстѣ съ Павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, который, обойдя Исакіевской церкви заборъ, повернулъ влѣво; я, оставшись одинъ, пробирался впередъ сквозь толпу, не примѣтивъ унтеръ-офицерской цѣпи, коимъ *) музыканты и писаря того жъ полка, то есть Московскаго, одѣтые въ шинеляхъ и въ фуражныхъ шапкахъ, давали знать о движеніи войска и о всѣхъ съ нашей стороны предосторожностяхъ; дошедъ уже къ углу Сената внезапнымъ прикладнымъ ударомъ по моей рукѣ былъ остановленъ и вопрошенъ стоявшимъ въ цѣпи межъ толпою унтеръ-офицеромъ, куда, зачѣмъ и кому присягалъ, и чтобъ шелъ немедленно къ нимъ въ каре. Я, видѣвъ неизбѣжную свою погибель, какъ и фельдъегерь, со мною бывшій находившійся въ тотъ день въ дежурствѣ у дежурнаго генерала, послан-

*) Т. е. унтеръ-офицерамъ.

ный также по должности и также неизвѣстный лейбъ-гвардіи артиллерійскій офицеръ, пустились въ бѣгство назадъ, съ преслѣдованіемъ двухъ унтеръ-офицеровъ Московскаго полка, державшихъ на руку ружья, съ крикомъ толпы держи, держи! и бросаніемъ въ насъ полѣньевъ и камней. Прибѣжавъ къ Синему мосту и прійдя въ себя, почувствовалъ тогда только боль въ правой рукѣ и примѣтилъ опухоль, которая многими была видима; потомъ, донеся о всемъ подробно, былъ употребленъ по приказанію Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича къ удержанію народа подлѣ забора, дабы не толпились къ Его Императорскому Величеству; послѣ чего самимъ Императоромъ былъ посылаемъ съ повелѣніемъ, чтобъ кавалерія шла въ атаку; я, пришедъ и отдавъ высочайшее повелѣніе, увидѣлъ себя вторично въ опасности отъ бѣгущихъ лейбъ-гренадеровъ, отъ коихъ я спасся хитростію, бросивъ къ монументу Петра I шарфъ и бѣжавъ съ ними на ряду, держась лѣвой стороны, гдѣ камни, между коихъ и скрылся, до того самого времени, какъ ранили полковника Стюрлера, къ коему выскочивъ и побѣжавъ вмѣстѣ съ адъютантомъ начальника главнаго штаба поручикомъ Бухольцомъ, понесли раненаго полковника въ домъ Лобанова, гдѣ мы его отдали теперешнему флигель-адъютанту поручику Зальцу. Потомъ былъ посланъ Его Императорскимъ Высочествомь Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ къ полковнику, теперь генералъ-маіору, Гартонгу, съ повелѣніемъ прибыть скорѣй съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ на назначенное ему мѣсто; исполнивъ все вышеописанное, явился къ в. пр., къ Зимнему дворцу, былъ посылаемъ в. п. для отданія нѣкоторыхъ приказаній полковникамъ, дежурнымъ во дворцѣ; потомъ былъ очевидцемъ, когда Его Императорское Величество вывелъ Наслѣдника Александра Николаевича къ лейбъ-гвардіи саперному баталіону; въ то время в. пр. послали меня на Исакіевскую площадь, чтобъ узнать, кончилось ли дѣло и много ли взято арестантовъ, что̀ я и выполнилъ, для доклада вашего превосходительства Его Императорскому Величеству.

Начиная съ онаго дня, находился при в. пр. вверху пять сутокъ; первые четыре по словесному вашему приказанію и пятые по наряду.

12.

Записка плацъ-адъютанта капитана Денисова С.-Петербургскому коменданту, 13 Генваря 1826 г.

Вслѣдствіе приказанія вашего превосходительства симъ объяснить честь имѣю, что въ день 17 Декабря 1825 г., какъ приказано было всѣмъ г.г. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ прибыть во дворецъ для слушанія Божественной литургіи, куда ѣхавъ, у дома князя Лобанова,

увидѣлъ скопище народа на Петровской площади и услышалъ о мятежѣ; притомъ, увидя, что Его Императорское Величество изволитъ находиться съ 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка противъ воротъ Адмиралтейства, гдѣ я рѣшился остаться, дабы въ случаѣ могъ быть полезенъ и показать свою преданность Государю Императору и отечеству, но, услыша, что Его Величество приказалъ флигель-адъютанту какъ можно скорѣе велѣть съ придворной конюшни осѣдлать лошадей и привести на площадь для находившихся генераловъ при Его Величествѣ, г. флигель-адъютантъ сказалъ мнѣ, что у него болитъ нога, а посему поручилъ мнѣ данное ему приказаніе, дабы поспѣшнѣе привести въ исполненіе приказаніе Его Величества; по выполеніи же мною сего приказанія, шедши обратно мимо Зимняго дворца, в. пр. угодно было у меня спросить, что происходитъ на площади, куда я и возвратился и гдѣ находился попрежнему у 1-го Преображенскаго баталіона, но, не имѣя болѣе никакихъ порученій, возвратился въ Зимній дворецъ и оставался тамъ.

13.

Объясненіе IV класса Леонтія Майера.

14 Декабря 1825 г. чиновники канцеляріи военнаго министра, въ домѣ княгини Лобановой-Ростовской, собрались весьма рано; въ 9 часовъ получили высочайшій манифестъ о восшествіи Его Императорскаго Величества на престолъ.

Я послалъ въ сенатскую типографію купить нѣсколько экземпляровъ, но не довольно напечатано было, и только чрезъ два дня можно было получить ихъ. Около 11 часовъ пришелъ одинъ баталіонъ Московскаго полка въ большомъ безпорядкѣ и остановился у Сената. О нихъ разсказывали, что присягнуть не хотѣли; потомъ слышно было нѣсколько выстрѣловъ. Тогда я вышелъ изъ дома на площадь и увидѣлъ, что у дворца при экзерциргаузѣ много людей собрано было. На улицѣ говорили, что тамъ Государь. Чувства мои стремили меня идти туда, чтобы увидѣть и поклониться Монарху. Я прошелъ чрезъ толпы народа въ близость Его Величества, и по дорогѣ по слышаннымъ рѣчамъ мнѣ показалось, что какъ въ народѣ, такъ и въ войскѣ болѣе всего дѣйствовало невѣдѣніе о истинномъ положеніи дѣлъ и разныя недоразумѣнія. Посему я почелъ обязанностію объяснить содержаніе манифеста и приложеній всѣмъ окружавшимъ меня. Съ радостію я примѣтилъ, что сіе сдѣлало на нихъ хорошее впечатлѣніе.

Въ сіе время Государь, съ примѣтнымъ спокойствіемъ духа, самъ разставлялъ караулы у воротъ дворца и потомъ, сѣвъ на лошадь, самъ

формировалъ баталіонъ, съ коимъ много говорить изволилъ, и какъ многіе изъ нихъ кричали ему ура, то, предводительствуя ими, подвигался впередъ къ Сенату противъ мятежниковъ. Народъ, вокругъ меня стоявшій, ободренный мужествомъ Императора, радостно слѣдовалъ внушенію своему, кричалъ ура, бросая шапки и шляпы. Такъ подвигались до дома Губернскаго Правленія. Государь имѣлъ при себѣ только одинъ баталіонъ, но нельзя было сомнѣваться въ вѣрности и любви окружающаго его многочисленнаго народа. Его Величество нѣсколько разъ громко благодарилъ за оказанное народомъ усердіе. Я имѣлъ счастіе поклониться Государю и нѣсколько разъ видѣть его весьма близко. По истеченіи полчаса конная гвардія явилась и дефилировала мимо Его Величества.

Послѣ сего войска остановились противъ дома бюргеръ-клуба. Государь, подъѣхавъ къ народу, говорилъ слѣдующія слова: Сдѣлайте одолженіе, ребята, ступайте домой, Государь васъ проситъ; здѣсь вамъ дѣла нѣтъ, а завтра я васъ всѣхъ радъ буду принимать. Государь повторялъ сіе повелѣніе нѣсколько разъ громогласно, народъ послушался и удалялся, и между тѣмъ еще болѣе войскъ собралось. Разговаривая съ генераломъ-маіоромъ Чуйкевичемъ, имѣлъ я счастіе, что Государь весьма милостиво взглянулъ на меня.

Такъ какъ никто еще не имѣлъ другой мысли, кромѣ той, что все заблужденіе основано на недоразумѣніи и ослѣпленіи, то я сказалъ генералу Чуйкевичу и потомъ еще другому неизвѣстному мнѣ генералу, что должно бы послать за всѣми пожарными трубами въ городѣ и обливать сборный баталіонъ каре водою со всѣхъ сторонъ, направляя трубы противъ глазъ, чего бы они выдержать не смогли и при бывшемъ маленькомъ морозѣ сіе бы привело ихъ въ невозможность дѣйствовать. Тогда уже прибылъ Кавалергардскій полкъ и другіе войска. Его Величество находился у деревяннаго забора, подлѣ Лобанова дома, и войска, а наипаче кавалерія, составляли фронтъ противъ сенатскаго зданія. Дабы быть по возможности полезнымъ, я хотѣлъ самъ узнать, кто именно были дерзновенные, въ лицѣ Монарха своего оказывающіе столь гнусное непослушаніе. Я подошелъ къ рѣшеткѣ у памятника Петра Великаго; здѣсь пришло мнѣ на умъ, что, можетъ быть, сіи войска ничего не знаютъ о манифестѣ и приложеніяхъ, и я рѣшился подойти къ углу баталіона каре и говорить съ солдатами. Я сказалъ имъ ясно и громко: Ребята, вы несчастными себя сдѣлаете, мы уже всѣ присягали Государю Николаю Павловичу, Цесаревичъ отказался, онъ самъ не хочетъ. Многіе изъ солдатъ имѣвши ружье у ноги и головою на него упиравшись, со вниманіемъ слушали меня, и другіе подвинулись, чтобъ слышать, что̀ я говорю. Въ сіе мгновеніе одинъ офицеръ высокаго роста и

весь поблѣднѣвшій, скомандовалъ на плечо, и я удалился опять къ рѣшеткѣ памятника. Баталіонъ каре сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, но, кажется, холостымъ зарядомъ и на воздухъ. Каре сей, сколько мнѣ видно было, состоялъ изъ сброда разныхъ людей и внутри онаго поставленъ былъ столъ. Казалось, что всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты, были пьяны.

Полки Кавалергардскій и Конногвардейскій сдѣлали нѣкоторыя демонстраціи противъ каре, но безъ дѣйствія.

Здѣсь я замѣтилъ, что мѣсто, гдѣ находился Государь, могло быть весьма опаснымъ, имѣя въ тылу только доски забора, за которыя мятежники забраться могли и чтобы быть въ состояніи примѣтить и объявить всякое вредное дѣйствіе, я взошелъ на одну изъ гранитныхъ колоннъ, лежащихъ близъ памятника Петра Великаго, откуда и могъ обозрѣть все пространство и тылъ баталіона-каре, и видѣлъ, что за заборомъ ничего не было. Здѣсь я былъ очевидцемъ, какъ одинъ человѣкъ въ овчинной шубѣ и съ закрашеннымъ лицомъ позвалъ лейбъ гренадеръ —сюда, сюда! и они пролѣзли чрезъ камни къ баталіону-каре. Можетъ быть, съ цѣлію кавалерія не примкнула къ Невѣ, чѣмъ воспрепятствовала бы сему переходу. Тогда же замѣтилъ, что издали поставлено орудіе и пошелъ за фронтъ.

Тамъ я встрѣтился съ генераломъ барономъ Толемъ, прибывшимъ тотъ же часъ. Онъ спросилъ у меня, гдѣ Государь; я проводилъ его до того мѣста и также ему сказалъ, что можно бы послать за пожарными трубами. Онъ отвѣтилъ: сейчасъ настоящія трубы будутъ, разумѣя пушки, и послѣдствіе доказало, сколь сіи нужны были, ибо тогда еще никто не могъ вообразить настоящихъ обстоятельствъ и что твердостію и мужествомъ Государя въ сіи важныя минуты спасена вся Россія отъ погибели.

Я поспѣшилъ послѣ сего домой, увѣдомить сына моего о семъ происшествіи.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ «ЗЕМСКІЙ ГОЛОСЪ» [1].

Воскресенскъ, 6-го Сентября 1881 г.

Въ запискѣ князя Александра Петровича Щербатова [2]) прекрасно объяснены какъ причина и цѣль новой газеты, такъ и отношенія, въ которыя она должна стать къ прессѣ обоихъ направленій: революціоннаго или такъ называемаго либеральнаго и народнаго или славянофильскаго; перечислены также и самые живые вопросы, которые газетѣ предстоитъ особенно имѣть въ виду. Не досказано, мнѣ кажется, только вотъ что. Новая газета должна прямо, съ перваго же номера, твердо и явственно водрузить знамя, которому она, сколь я понимаю, призвана служить: знамя истиннаго историческаго *Русскаго* самодержавія.

Почему народъ горой стоитъ за самодержавіе, а общество напротивъ? Потому, что по народному понятію *вся* суть самодержавія въ Царѣ, въ его великой власти; по мнѣнію же общества—главная, чуть ли не основная, суть самодержавія въ административныхъ порядкахъ всеопекающей центрально-канцелярской машины.

Народъ стоитъ за ту власть самодержавную, къ которой отъ вѣчевыхъ порядковъ стремилась земля полтысячи лѣтъ съ Мономаха до Грознаго; которую она же, Земля, отстояла въ Смутное время и вторично воздвигла въ лицѣ Михаила Романова; и которая, власть присно-свободная и всеосвобождающая, къ 19-му Февраля возросла до истиннаго историческаго мессіанизма своего: быть зиждительницей и охранительницей свободы народа и полноправія земщины. Всѣ эти факты: воздвиженіе и отстаиваніе самодержавія самою Землею и освобожденіе Земли мощію самодержавія, не виданы въ Европѣ: тамъ монархъ былъ не излюбленникъ, а завоеватель страны, первый отъ рыцарей-поработителей народа; освободителемъ же на волчью свободу, безъ земли, явилась революція. Нашъ народъ, слѣдовательно, стоитъ за самодержавіе совершенно особенное, исключительно—Русское.

Общество же, считая за атрибутъ самодержавія машину, Петромъ насильственно по Европейскимъ образцамъ сгроможденную промежъ Царя и Земли; принимая ея машинные факты (Аракчеевщину, Бироновщину и т. п.) за факты исто-самодержавные, и по фактамъ и по атрибуту приравнивая наше самодержавіе къ Европейскому абсолютизму, общество предрѣшаетъ имъ одинаковую и судьбу: смѣну административной машины, а слѣдовательно и

---

[1]) Писано въ министерство графа Н. П. Игнатьева. П. Б.

[2]) Нѣкогда товарища министра путей сообщенія. П. Б.

самодержавія конституціей. Что конституція у насъ была бы только вторичное подражаніе чужому, что было же у насъ до Петра свое нѣчто, этого не помнитъ и не понимаетъ общество, отчужденное Петромъ ото всего Русскаго, въ томъ числѣ и отъ Русскаго самодержца.

Какъ о самодержавіи нашемъ и Европейскомъ, такъ и о представительствѣ земско-соборномъ и конституціонно-парламентскомъ мнѣнія общества удивительно смутны; народное же по крайней мѣрѣ опредѣленіе конституціи геніально-мѣтко: *присяговенная господчина*, т. е. власть, подчиняться которой и въ томъ присягать долженъ самъ Государь; его *присягой* только и можетъ держаться эта *господская* власть. Почему же господская? Чья же иначе? „Пойдетъ нѣшто мужикъ царствомъ править?" Но не то ли же сказалъ бы народъ и о Земскомъ Соборѣ? О, нѣтъ; онъ уже и теперь (и неужели не пророчески-предчувственно?) высказываетъ задачу новаго царствованія: велитъ Царь—что̀ намъ, то и господамъ, міромъ правиться (земское самоуправленіе), а по закону, что̀ дымъ къ солнцу, къ нему свѣтодавцу воздыматься (Земскій Соборъ).

Общество же, не очень зная, въ чемъ собственно разница между Земскимъ Соборомъ и конституціоннымъ парламентомъ, вообще однако считаетъ Соборъ низшей степенью представительства, годною только для начала. Либеральные вожаки общественнаго мнѣнія уже и теперь настроиваютъ его такъ, чтобы, когда придетъ время, общество разомъ заговорило о необходимости нѣкоторой *современности* въ Соборѣ, съ перваго взгляда весьма невинной, напр. рѣшенье вопросовъ большинствомъ голосовъ, публичность засѣданій, полная гласность, срочность Соборовъ; все это вѣдь есть уже въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Я попытался въ особомъ наброскѣ доказать, что всерѣшающее большинство (единовозможный видъ парламентской власти), во первыхъ—зло, во вторыхъ—ложь, въ третьихъ—нелѣпость; что истинный рѣшитель только самодержецъ, и что въ этомъ вопросѣ: кто рѣшитель, большинство или самодержецъ, вся суть дѣла. Далѣе надо доказать зло, ложь и нелѣпость публичности соборныхъ засѣданій: публика поощряетъ ораторовъ, составляетъ оратору карьеру, смущаетъ простого человѣка, который безъ нея сталъ бы говорить дѣло предъ дѣльными слушателями, предъ Государемъ и лучшими людьми Земли; публичностью исключается возможность совѣщаній о дѣлахъ, требующихъ тайны; наконецъ, гдѣ публика, гдѣ нуженъ звонокъ и т. п., тамъ не мѣсто Государю, а безъ него Соборъ не Соборъ. И такъ, публика только вредна; ея вовсе не должно быть на Соборѣ.

Иное дѣло гласность. Обязательно полная, она почти имѣла бы значеніе публичности; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ размѣрахъ гласность полезна дѣлу и кромѣ того всегда желательна обществу. Отчего же не быть при Соборѣ правительственному *присяжному* стенографу? Отчего не сообщать во всевѣдѣніе *что и когда* заблагоразсудитъ Государь предать гласности?

Срочность, ежегодность что ли, созывовъ тоже прямо-парламентская замашка. Соборъ, какъ во время оно былъ, такъ долженъ быть: событіе, а не учрежденіе; событіе не чрезвычайное, не кризисное, но и не предписанное на такіе-то дни и мѣсяцы, а вызываемое самой жизнью, часто или рѣдко, на долго или коротко, какъ придется. Иначе Соборъ обратится въ присутственное мѣсто, а соборяне въ его непремѣнныхъ членовъ.

Остается еще вопросъ ценза избирателей. Въ Европѣ дѣло это поставлено такъ: при имущественномъ цензѣ избирателей немного, немногихъ подкупать легче нежели многихъ. При suffrage universel избиратель всякій проходимецъ; хоть и много ихъ, за то они дешевы. Первая практика маскируется теоріей: платящій 42 франка не подкупенъ! Вторая: проходимцы—нація! У насъ подкупать не для чего: власти *намъ*, т. е. нашему большинству, въ Соборѣ нѣтъ; карьеры *мнѣ*, безъ публики, безъ обязательной гласности и при безсрочности Соборовъ, тоже нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, разумѣется, выборщики должны быть не все равно кто, дабы и выборные были настоящіе. Наша исторія съ вѣчевыхъ временъ, а народная жизнь и по сейчасъ рѣшаютъ вопросъ этотъ столь же своеобразно, сколь просто и дѣльно: полноправны *мужевать*, а слѣдовательно и избирать, только *мужи* (по вѣчевому), *большаки* (по крестьянски). То и другое слово значитъ: домохозяинъ, семьи голова и кормилецъ. Это едино-возможный *нравственный* цензъ, предъ которымъ имущественный и образовательный (сколько франковъ платишь и знаешь ли таблицу умноженія) явные пустяки.

Затѣмъ, тоже по древне-соборному и по досель-народному: выбирать (какъ выбираютъ въ парламентъ и у насъ въ земство) неизвѣстно на какія дѣла, на всякія, какія въ три года случатся, нелѣпо. Избиравшимся на Соборъ Государь предписывалъ: по *такому-то* дѣлу *накрѣпко* сговориться съ избирателями. Отсюда вотъ еще что: быть представителемъ или по соборному точнѣе выразителемъ мысли избирателей можетъ только *непосредственно* избранный. Двухъ-трехъ-колѣнными выборами, отъ волости въ уѣздъ, отъ уѣзда въ губернію, отъ губерніи въ Соборъ, выборные превращаются изъ излюбленныхъ выразителей живого мѣстного мнѣнія въ случайныхъ представителей губернскаго электоральнаго настроенія. Выборы слѣдовательно должны быть *прямые*.

Подробный анализъ этихъ основъ Собора сравнительно съ основами конституціи необходимо приводитъ къ заключенію, что Соборъ, по всей исторической и практической сути своей—діаметральная противоположность конституціи, явленіе исто-*самодержавное* и, какъ все *исто*-самодержавное, непремѣнно и всеземское; явленіе слѣдовательно съ нравственно-государственной точки зрѣнія неизмѣримо-высшее всякой конституціи, господчины, гдѣ она настоящая и балаганщины, гдѣ она поддѣльная.

Итакъ, выдѣлить понятіе о Русскомъ самодержавіи вовсе вонъ изъ Европейскихъ понятій о монархизмѣ и абсолютизмѣ; выяснить самодержавіе какъ власть совершенно особенную, невѣдомую Европѣ, власть освободительницу народа и земщины, исторически на то призванную и фактически мощ-

ную; каковой властью конституція никогда не бывала и не можетъ быть, ибо ни могущества, ни предопредѣленія на то не имѣетъ.

Вотъ, по моему, первая, насущно-важная задача новой газеты.

Вторая, столь же важная: понятіе о Земскомъ Соборѣ, органѣ связующемъ, единящемъ *Русскаго* самодержца со всею земщиной (слово NB непереводимое на Европейскіе языки), это понятіе выдѣлить тоже совершенно вонъ изъ Европейскихъ понятій о представительствѣ, всегда, по ихнему, такъ или иначе конституціонномъ, и выставить Соборъ по критеріуму его основной правды, простоты и дѣльности, исто-государственной дѣльности, исто-народной простоты, исто-Божеской правды, явленіемъ несравненно высшимъ всякихъ конституцій, монархичекихъ и республиканскихъ, коихъ всѣ основы діаметрально противоположны основамъ правды, простоты, дѣльности: ложны, сложны и пустопорожни. И таковы они неизбѣжно, фатально, ибо конституція явленіе не только не народное, но и не государственное, а частное: либо сословное, аристократическое и буржуазное, все-таки же господское; либо кружковое, партійное, всякихъ партій, всякихъ господъ господчина.

Затѣмъ перейти къ вопросу: какое самоуправленіе *истинное*, центральное или повсеземское, и чему истинное самоуправленіе сроднѣе, самодержавію или конституціи? и доказать, что *центральное* самоуправленіе (въ чемъ полагаютъ суть конституціи) такая же невозможность, такая же фикція, какъ и центральное всеопеканіе (въ чемъ полагаютъ суть всякаго самодержавія и въ чемъ дѣйствительно была суть Европейскаго абсолютизма). Истинное самоуправленіе возможно только въ повсемѣстномъ земскомъ видѣ. Тутъ возможны выборы сознательные, учетъ дѣйствительный; выборщики и учетчики тутъ настоящіе, сами пайщики дѣла; дѣльцы тоже, видящіе дѣло на яву, а не изъ бумагъ; само дѣло соразмѣрное, посильное. *Это* самоуправленіе вовсе не принципіально-присуще конституціи; живое доказательство Франція, гдѣ при республиканской конституціи, какъ и при прежней Наполеоновской, центральное всеопеканіе не лучше Мазариновскаго и хуже Аракчеевскаго. Центральное же самоуправленіе, хотя бы въ самой Англіи, *самоуправленіе* развѣ? Дѣйствительно развѣ *выбрала* нація Биконсфильда творить волю ея? Его поступки въ Индіи, въ Турціи, въ Берлинѣ, дѣйствительно что ли воля націи? Контроль надъ нимъ націи дѣйствительный развѣ, а гдѣ же въ бюджетѣ милліоны, субсидированные имъ Турціи на войну съ нами? А его и парламентская *коллегіальная* отвѣтственность предъ націей, осуществима ли она и какъ, нравственно или фактически, отставкой, непереизбраніемъ только то? А величайшіе государственные вопросы войны и мира, эти иногда роковые вопросы, быть или не быть государству, почему именно они не подлежатъ вовсе вѣдѣнію парламента? И почему самодержецъ такъ трудно рѣшается на войну, а конституціонный Наполеонъ или Биконсфильдъ такъ опрометчиво пользуется этою своей или королевиной прерогативой?

Итакъ, центральное самоуправленіе—фикція, маска господчины всякихъ Биконсфильдовъ и Гамбеттъ. Истинное же самоуправленіе, повсеземское при-

суще вовсе не конституціи, а именно самодержавію. Недаромъ первое царское вѣнчаніе, первый Земскій Соборъ и первыя уставныя грамоты на самоуправленіе городамъ и волостямъ, все это одинъ, совокупный, разомъ совершившійся фактъ, въ свѣтлое время юности Ивана Васильевича, и также цѣльно возобновившійся при воцареніи Михаила Ѳеодоровича.

Выяснить этотъ цѣлокупный, тріединый идеалъ Русскаго государства: Царь Самодержавный, Земля полноправная, и ихъ, Царя и Земли, единеніе, Земскій Соборъ: вотъ что̀, по моему, значитъ водрузить знамя, которому должна служить новая газета. Къ этому лучезарному знамени радостно устремится все, что̀ есть живого въ обществѣ, большинство, если не все общество, ибо съ мала до велика все оно жаждетъ истины, ищетъ свѣта и мечется отъ казенныхъ потемокъ въ конституціонныя только потому, что свѣтъ истины все еще подъ спудомъ.

Тогда можно будетъ ставить какіе угодно вопросы земскіе, аграрные, финансовые; подо всѣ будетъ готова настоящая почва. До тѣхъ же поръ будутъ всѣ они на вѣтру болтаться все также, какъ и теперь; а у общества все также будетъ про всѣ вопросы одинъ вопросъ: какой вѣтеръ, казенный или конституціонный?

*

Письмо это по всей вѣроятности принадлежитъ перу Павла Димитріевича Голохвастова: опредѣленіе конституціи, какъ *присяговенной господчины*, мы слышали отъ него не разъ.

Павелъ Димитріевичъ Голохвастовъ (род. 15 Февраля 1838 года, ум. 4 Іюня 1892 г. въ Москвѣ) былъ человѣкъ широкаго образованія, великій знатокъ народной жизни и языка, вдохновенный истолкователь Русской исторіи.

Печатные труды его (Алеша Поповичъ—драматическія сцены, О Русскомъ народномъ стихосложеніи, Земское дѣло въ Смутное время, Кормленіе въ древней Руси и полемика по этому поводу), какъ ни талантливы они, даютъ лишь слабое понятіе объ этомъ удивительномъ собесѣдникѣ, глубокомъ мудрецѣ съ чистою дѣтскою душою.

Его разсказы о А. И. Герценѣ, о томъ, какъ народъ относится къ реформамъ Александра II, безпощадно-мѣтко отличая дѣйствительно цѣнное отъ измышленій Петербургскихъ канцелярій, или изложеніе странникомъ Русской исторіи XVIII и XIX столѣтій, были полны глубокаго содержанія и неисчерпаемаго комизма. Его рѣчь живая и образная, то преисполненная тонкаго юмора, то блеставшая истиннымъ вдохновеніемъ, была для насъ и поученіемъ и источникомъ чистаго наслажденія. Не можемъ вспоминать о немъ безъ чувства глубокаго умиленія и признательности. Въ немъ было что̀-то неотразимо-привлекательное.

Внезапная смерть постигла его въ полномъ разцвѣтѣ силъ и дарованія; она повергла въ неутѣшную печаль всѣхъ, имѣвшихъ счастье лично быть съ нимъ знакомыми, и причинила нашему обществу великую утрату.

Павелъ Димитріевичъ самъ передавалъ намъ, что сдѣлалъ въ своемъ экземплярѣ исторіи Карамзина цѣлый рядъ замѣчаній и вставокъ, а академическій словарь Русскаго языка испещрилъ поправками и дополненіями. Скромность покойнаго лучшее доказательство, что эти комментаріи стóятъ большой ученой работы.

Со смертью его вдовы (талантливой писательницы-драматурга) бóльшая часть бумагъ его запропала; утѣшаемся надеждою, что онѣ не окончательно утратились: многія изъ нихъ драгоцѣнны и составятъ необходимый матеріалъ для исторіи 80-хъ годовъ.

Переписка между нимъ и И. С. Аксаковымъ за 1882 г., когда Голохвастовъ былъ вызванъ въ Петербургъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ, сохранилась; она преисполнена живого интереса и имѣетъ большое значеніе, особенно въ настоящее время; въ ней обстоятельно означается то, чтò лишь мелькомъ упоминается въ газетахъ и журналахъ.

Въ 1880-мъ г. усердно ходили слухи о введеніи конституціи, дабы успокоить-де расходившуюся смуту. Вотъ что по этому поводу говорили въ народѣ писалъ Голохвастовъ.

„...На что бунтуютъ? Чтобя царя замаять, да и схватить съ него себѣ „власть (конституцію)... чтобы регенствовать (опека надъ всей землею) или „диктаторствовать (со своими голдвить)“.

„По разсужденію нашихъ Европейцевъ, продолжаетъ онъ, власть царская неограничена, и все тутъ. По нашему народному, не все: она и неограничима; ибо, какъ власть помазанника Божія, она святыня предъ церковью, а потому и передъ людьми, всѣми и каждымъ, и прежде всѣхъ передъ „самимъ царемъ. Святыня же неприкосновенна, стало и недѣлима. Недѣлима „поэтому и власть царская между помазанникомъ Божіимъ и кѣмъ бы то ни „было... Коснуться святыни, ограничить власть свою, сничтожить самодер„жавіе невластенъ слѣдовательно и самъ самодержецъ. Если же бы все-таки „совершилось такое преступленіе противъ Бога, народа и Царя, то ужъ ко„нечно не самимъ же Царемъ, а только развѣ отъ его имени, или же по край„ней мѣрѣ не добровольно, а либо съ подвоха, либо съ принужденія чьего „ни есть злодѣйскаго“...

Грустно думать, что съ 1881 года мысли, изложенныя въ письмѣ, Голохвастова не осуществлены, что основное понятіе нашей государственной жизни, *самодержавіе*, лишь въ самое послѣднее время было разобрано съ Русско-православной точки зрѣнія г. Д. Х. въ его брошюрѣ, теперь широко оглашенной, какъ приложеніе къ „Русскому Дѣлу“ еще грустнѣе становится, когда изъ предисловія узнаешь, что еще годъ тому назадъ брошюра г. Д. Х претерпѣвала всякія цензурныя придирки и мытарства. *Изд.*

Н. Е. БАРАТЫНСКІЙ.

Николай Евгеньевичъ Баратынскій, одинъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Казанской губерніи, былъ сынъ поэта Евгенія Абрамовича Баратынскаго и Настасьи Львовны, рожденной Энгельгардъ. Николай Евгеньевичъ родился 26 Ноября 1835 г. Семилѣтнимъ мальчикомъ онъ ѣздилъ съ своими родителями за границу, и первыя сильныя и сознательныя впечатлѣнія были получены имъ во время этого путешествія. Отцу его Евгенію Абрамовичу не суждено было вернуться на родину: онъ скончался внезапно. Сбылось желаніе, выраженное поэтомъ въ его прекрасномъ послѣднемъ стихотвореніи, чтобъ тамъ, въ Неаполѣ

... вполнѣ забывъ о страстномъ и мірскомъ,
Дремоту лѣни слить съ послѣднимъ вѣчнымъ сномъ.

Весьма возможно, что впечатлѣнія этого ранняго путешествія, вмѣстѣ съ врожденной наслѣдственностью, способствовали къ развитію въ душѣ его сына Николая Евгеньевича того поэтическаго настроенія, которое сопровождало его всю жизнь и не заглушалось неусыпными трудами и заботами совершенно матеріальнаго свойства.

Вотъ что онъ самъ говоритъ въ видѣ заключенія при изданіи своихъ стиховъ: „Друзьямъ на память 1882 года“.

Отъ юныхъ лѣтъ мнѣ музы были милы,
Языкъ боговъ былъ мной высоко чтимъ;
Но мой досугъ, ума и сердца силы
Я посвѣщалъ не имъ.
Семья, друзья, общественное дѣло,
Дѣла всѣхъ близкихъ и дѣла свои,
Какъ бы на зло стремленіямъ, всецѣло
Охватывали дни.
Но въ высь меня звѣзда моя манила,
И жаждалъ я, сквозь прозу пыльныхъ тучъ
Хоть мелькомъ зрѣть любимаго свѣтила
Животворящій лучъ.
Алкалъ я звуковъ вдохновенной арфы,
А принимался за постыдный трудъ!
Мои заботы, какъ заботы Марѳы,
Въ вѣка не перейдутъ.
Зарылъ ли я, какъ рабъ талантъ отъ Бога?
Иль звукъ посильный издала струна?
На выборъ лучшая и высшая дорога
Была ли мнѣ дана?

Послѣднее ли вымолвилъ я слово,
Иль сказанное вслухъ, какъ пахарю зерно,
За звуки звуками воздать готово
Сторицею оно?
Прорцы, Господь! Молчанье я нарушу,
Слухъ вознесу я къ горнимъ голосамъ,
И дни мои и пламенную душу
Созвучіямъ отдамъ.

13-ти лѣтъ Николай Евгеньевичъ поступилъ въ школу Шакѣева, затѣмъ въ Николаевское Кавалерійское училище гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда вышелъ офицеромъ 4-го Іюля 1854 г. Поступивъ въ Павловскій полкъ, онъ состоялъ батальоннымъ адъютантомъ и во время Крымской кампаніи былъ командированъ въ Финляндію, гдѣ служилъ до заключенія мира. По выходѣ въ отставку Николай Евгеньевичъ отправился съ матерью и сестрами за границу, въ Италію и Швейцарію, гдѣ прожилъ четыре года, до кончины матери, въ знаменитый для Россіи 1861 годъ.

Съ этого года начинается переходная пора въ дѣятельности и трудовой жизни для всей дворянской молодежи, и Николай Евгеніевичъ вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ Львомъ Евгеніевичемъ и сестрами отправился сначала въ Тамбовское имѣнье для введенія уставныхъ грамотъ и перевода дѣлъ съ крестьянскаго на вольнонаемный трудъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Казанскую губ., гдѣ горячо принялся за переустройство хозяйства въ тамошнихъ имѣньяхъ.

Крестьяне села Каймаръ были отпущены на полный надѣлъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказались настолько состоятельными, что держали мельницы, торговали хлѣбомъ, и вообще все село было въ цвѣтущемъ состояніи, при чемъ поразительнымъ явилось то обстоятельство, что, десять лѣтъ спустя послѣ освобожденія, село обнищало до неузнаваемости. Принявшись за хозяйство, Николаю Евгеньевичу стоило большихъ трудовъ приведеніе въ извѣстность наличности могущихъ поступать доходовъ. Но тамъ, гдѣ у другихъ отнимались руки отъ неподготовленности и неумѣнья взяться за непривычныя дѣла, примѣръ заграничной аккуратности и выработка характера помогли Николаю Евгеньевичу превозмочь тѣ препятствія, которыя другимъ оказались не подъ силу, и въ теченіе всей своей жизни, онъ съ неусыпной энергіей и послѣдовательностью, доводилъ свои дѣла до желаемыхъ результатовъ.

Въ 1864 г. Ник. Евг. женился на Ольгѣ Александровнѣ Каземъ-Бекъ, и съ 1865 года началась его общественная дѣятельность, въ которой онъ, какъ и во всемъ къ чему прикасался, проявлялъ пылкую горячность. Въ Октябрѣ того же года Ник. Евг. былъ избранъ гласнымъ Казанскаго уѣзднаго собранія, а въ Декабрѣ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и при этомъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта Маріинскаго училища. Всегда интересуясь вопросомъ воспитанія и образованія, Ник. Евг. всей душой отдался этому заведенію, въ то время находившемуся въ плачевномъ состояніи: преподаватели не получали слѣдуемаго имъ жалованья, библіотеки вовсе не су-

ществовало, и даже въ учебныхъ пособіяхъ былъ большой недостатокъ. Самое помѣщеніе было наемное и весьма недостаточное. Со времени назначенія Ник. Евг. предсѣдателемъ попечительнаго совѣта, для заведенія начинается новая эра. (См. истор. очер. Каз. Маріин. гимн., стр. 46—50). Первыя стремленія Ник. Евг. въ этомъ дѣлѣ были направлены на удаленіе начальницы училища, какъ личности вполнѣ неблагонадежной, не заслужившей довѣрія родителей и не любившей дѣтей. 22-го Октября 1867 года г-жа Бакаева была уволена, и на ея мѣсто попечит. совѣтъ пригласилъ начальницу Вологодской гимназіи Ан. Гр. Волкову, которая вмѣстѣ съ членами попечит. совѣта всѣми силами содѣйствовала къ преуспѣянію Маріинскаго училища, переименованнаго въ 1869 году въ Маріинскую гимназію. Въ вышеупомянутомъ очеркѣ Смирнова на стр. 59-й читаемъ: „При главномъ и руководящемъ участіи энергичнаго предсѣдателя попечит. совѣта Ник. Евг. Баратынскаго возникла монументальная мысль о постановкѣ гимназіи на твердую почву, мысль, воплотившаяся въ формѣ прекраснаго и вполнѣ приспособленнаго зданія, въ которомъ Маріинская гимназія помѣщается въ настоящее время". Тотъ же очеркъ свидѣтельствуетъ, что основою капитала для покупки дома послужили деньги, собранныя отъ благороднаго спектакля, устроеннаго Прасковьей Ивановной Скарятиной, бывшей губернаторшей, въ 1868 году, (667 р.) Черезъ 4 года, а именно въ 1872 г., попеч. совѣтъ располагалъ уже капиталомъ въ 28000 р., въ число которыхъ, только 11000 поступили изъ посторонняго источника, остальные 17000 р. накопились изъ средствъ гимназіи.

„Шагъ отъ 667 р. до 17.000 можно назвать гигантскимъ", добавляетъ тотъ же Смирновъ и далѣе, упоминая о портретѣ Николая Евгеньевича, поставленномъ въ залѣ возсозданной имъ гимназіи, по оставленіи имъ должности предсѣдателя попечит. совѣта, Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что изображенный на этомъ портретѣ можетъ сказать, примѣняя къ себѣ слова древняго оратора: „Древяную сію обрѣтохъ, златую же оставляю."

Членами попечит. совѣта и дѣятельными помощниками Николая Евгеньевича были: П. П. Филлиповичъ, П. А. Мѣсятниковъ и П. А. Костливцевъ. 12-е Декабря 1873 г. гимназія перешла въ новоотстроенное зданіе, и съ того года наплывъ учениць былъ такъ великъ, что пришлось открыть параллельные классы. Ник. Евг. прослужилъ въ качествѣ предсѣдателя попечительнаго совѣта 17 лѣтъ, и немало пришлось ему вынести непріятностей ради благого дѣла. Когда въ 1882 году къ 7-му классу гимназіи былъ добавленъ 8-ой, Ник. Евген просилъ уѣздное земское собраніе о дополнительной платѣ къ земскимъ стипендіямъ, въ чемъ ему было отказано, въ самой неприглядной формѣ. (Ст. пост. XVIII оч. Каз. уѣз. собр. стр. 27 до 33); городская же дума подняла вопросъ объ уменьшеніи отпускаемой городомъ субсидіи въ пользу Маріинской гимназіи, не принимая во вниманіе, что съ увеличеніемъ средствъ увеличились и расходы, и что, чѣмъ больше заведеніе привлекаетъ учащихся, тѣмъ больше этимъ самымъ выражается симпатіи общества къ нему и тѣмъ болѣе надо усилій, чтобъ поддержать его процвѣтаніе. Въ 1883 г. Ник. Ев. отказался отъ званія предсѣдателя попечит. совѣта. По кончинѣ Н. Е. въ

Казанск. Телеграфѣ 1898 г. отъ 23-го Апрѣля, въ статьѣ одного изъ его сослуживцевъ, озаглавленной: „Памяти Н. Е. Баратынскаго", читаемъ между прочимъ слѣдующія строки: „Ник. Евг. не по имени только былъ предсѣдателемъ попечит. совѣта, онъ былъ истиннымъ попечителемъ, онъ былъ отцемъ гимназіи. Онъ входилъ въ мельчайшія подробности этого заведенія, изыскивалъ всевозможныя средства, чтобъ не дать умереть этому дорогому для него дѣтищу. Изыскивать матерьяльныя средства, выпрашивая ихъ, хотя бы для самаго благороднаго дѣла, слишкомъ тяжело. Кто берется за это, тотъ приноситъ большую жертву. Ник. Евг. выдержалъ эту пытку, преодолѣлъ все и добился своего. Заслуга Ник. Евг. передъ обществомъ какъ предсѣдателя попечит. совѣта—громадна".

Неустанная дѣятельность на пользу Маріинской гимназіи не мѣшала Ник. Ев. занимать въ тоже время и другія общественныя должности. Какъ предводитель Казанск. уѣзда, онъ принимаетъ участіе въ земскомъ собраньи въ качествѣ предсѣдателя собранія. По вопросу объ народномъ образованіи Николаемъ Евгеньевичемъ было предложено поручить управѣ просить г.г. мировыхъ посредниковъ, чтобы оня обратились къ сельскому обществу съ предложеніемъ: не найдутъ ли они сами какія либо средства къ распространенію между ними грамотности; затѣмъ поручить и членамъ управы собрать и приготовить къ 1867-му году подробныя свѣдѣнія о томъ:

1) Сколько по ихъ мнѣнію нужно будетъ первоначально открыть школъ и въ какихъ мѣстахъ уѣзда.

2) Кому ввѣрить образованіе дѣтей обоего пола.

3) Какое потребуется количество денегъ на устройство каждой школы, на отопленіе, освѣщеніе, прислугу, жалованье наставникамъ, учебныя пособія и пр. Заявленіе предсѣдателя было принято единогласно.

Въ 1866 г., за отсутствіемъ губернскаго предводителя дворянства, Ник. Евг. руководилъ всѣми приготовленіями по случаю пріѣзда Его Высочества Государя-Цесаревича Александра Александровича, и супруга его имѣла счастіе принимать ихъ высочества и быть хозяйкой бала, даннаго въ ихъ честь въ Дворянскомъ собраніи 7-го Августа. Какъ предводитель дворянства, Ник. Ев. заслужилъ благодарность и уваженіе всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и по отказѣ его отъ этой должности въ 1872 г. Казанскимъ уѣзднымъ дворянствомъ была учреждена стипендія его имени, на одинъ полный курсъ Маріинской женской гимназіи.

Въ 1868 г. Ник. Ев. былъ избранъ членомъ уѣздной управы и затѣмъ почетнымъ мировымъ судьей.

О дѣятельности Н. Е. какъ гласнаго, можно судить по отчетамъ собраній. Онъ неоднократно былъ избираемъ въ ревизіонныя коммисіи и ко всякой возложенной на него обязанности относился со свойственнымъ ему интересомъ и энергіей. Кромѣ занятій общественными и своими собственными дѣлами Ник. Ев. находилъ время и для литературнаго труда. Будучи всегда консервативнаго направленія, Ник. Ев. съ годами выработалъ себѣ тѣ взгляды на значеніе дворянства какъ оплота государства, которые онъ изложилъ въ сво-

ихъ статьяхъ „Письма изъ губерніи“ „Семейные участки въ бытовомъ отношеніи“, помѣщенныя въ Русскомъ Вѣст. 1890 г. и „Недѣлимые дворянскіе участки“ того же года, вышедшіе впослѣдствіи отдѣльными брошюрами *). Ник. Ев. велъ усиленную и послѣдовательную переписку со многими выдающимися людьми по поводу общественныхъ вопросовъ.

Предполагая представить свою брошюру „о недробимости дворянскихъ имѣній“ Государю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору Николаю Второму, Николай Евгеніевичъ присоединилъ къ ней слѣдующіе стихи.

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднину Цесаревичу Николаю Александровичу.

Ты Богомъ, Государь, поставленъ надъ страною
Обширной и могучей. Славный въ ней народъ
Довѣрчиво пойдетъ повсюду за Тобою,
И въ счастіи Твоемъ, и въ полосѣ невзгодъ.

Въ немъ мудрыхъ проотцевъ преданья еще живы,
Сердца его сыновъ къ царямъ любви полны;
Но рай не на землѣ, и нѣтъ безъ плевелъ нивы,
И безъ мучительныхъ недуговъ нѣтъ страны.

А злѣе нѣтъ враговъ и недруговъ нѣтъ хуже
Какъ тѣхъ, которые внутри кишатъ.
Имъ корни всѣмъ одни; они всегда наружѣ:
„Въ народѣ нищета, а на верху развратъ“.

Взаимные враги, когда нѣтъ у кормила
Руководителя, избытокъ и нужда,
Суть въ совокупности живительная сила,
Краеугольная основа для труда.

Но людямъ трудъ тяжелъ, когда онъ не свободенъ
И можетъ стать для нихъ источникомъ всѣхъ бѣдъ.
Съ свободной волей насъ создалъ законъ Господень,
И ковы снялъ съ труда твой вѣнценосный Дѣдъ.

Однако прежній строй, создавшися вѣками,
Не могъ безъ недуговъ, безъ потрясеній пасть.
И въ неурядицахъ, усиленныхъ врагами,
Достатокъ пострадалъ и пострадала власть.

Не прочна власть въ странѣ, гдѣ людямъ нѣтъ достатка,
Гдѣ твердыхъ нѣтъ основъ для вольнаго труда,
Гдѣ средь всеобщаго народныхъ силъ упадка,
Встаетъ озлобленно и яростно—„нужда“.

*) Въ этихъ статьяхъ и брошюрахъ Н. Е. проводитъ ту мысль, что для сохраненія въ Россіи земельнаго дворянства, какъ оплота государства и проводника культуры въ народъ, необходимо учредить недѣлимые и неотчуждаемые участки земли, при чемъ онъ приводитъ въ примѣръ практическую Америку, которая озаботилась сохраненіемъ участковаго землевладѣльческаго элемента, установивъ почти во всѣхъ штатахъ минимумъ владѣнія, далѣе котораго земля не можетъ подлежать ни раздѣлу, ни продажѣ по обременяющимъ ее долгамъ; это называется homestead exemption laws.

Гдѣ сынъ своимъ отцемъ воздѣланную ниву
Не унаслѣдуетъ, гдѣ гнѣздъ семья не вьетъ,
Гдѣ трудовыхъ годовъ, нелегкую наживу,
Годъ жизни кочевой безслѣдно унесетъ;

Гдѣ неустойчивы дѣла и договоры,
Гдѣ деньги властвуютъ, гдѣ лихвѣ нѣтъ препонъ,
Гдѣ изнурительны налоги и поборы,
Гдѣ капиталомъ трудъ съ землей заполоненъ.

Семья, одна семья, опора для порядка.
Тамъ, гдѣ семейныхъ нѣтъ упроченныхъ узловъ,—
Гражданственности нѣтъ и власть всегда тамъ шатка,
И безъ границъ просторъ для всѣхъ ея враговъ.

Работая вдали отъ суетнаго свѣта,
Приглядывался я къ условіямъ труда.
Любовью къ ближнему была душа согрѣта,
И сдѣлалась моей нуждой его нужда.

Вблизи я увидалъ всѣ немощи отчизны,
И будущность ея встревожила мой умъ.
Прими жъ, мой Государь, прими безъ укоризны
Плодъ добросовѣстныхъ и безкорыстныхъ думъ.

Безумно не искалъ я общаго лекарства
Для излеченія всѣхъ нéдуговъ страны,
Но видѣлъ гибель я страны и государства
И на развалинахъ отжившей старины,

Шипящихъ злобно змѣй и гадовъ подысподнихъ
И въ гамѣ голосовъ непрошенныхъ гостей
Смолкали голоса служителей Господнихъ
И Русскаго Царя отвергнутыхъ друзей!

Свободному труду я въ сочетаньяхъ новыхъ
Основу твердую пытался изыскать.
Хотѣлъ спасти побѣгъ сѣмянъ еще здоровыхъ
И вѣрныхъ слугъ Царя сплотить въ едину рать.

Хотѣлъ по всей землѣ раскинуть я твердыни,
Въ которыхъ бы нужда нашла достатокъ свой,
Въ которыхъ бы семья преданья и святыни
Хранила бы, гордясь работой вѣковой,

Отцевъ, упрочившихъ довольство въ населеньи,
Служившихъ родинѣ въ совѣтахъ и судахъ,
На высшихъ ступеняхъ и въ мѣстномъ управленьи
Иль павшихъ за нее со славою въ бояхъ.

Я закрѣпить къ землѣ хотѣлъ изъ рода въ роды
Сыновъ прославленныхъ на родинѣ отцевъ,
Охрану ввѣрить имъ закона и свободы
Отъ внѣшнихъ недруговъ и внутреннихъ враговъ.

Молю, мой Государь, почти Твоимъ вниманьемъ
Мой необъемистый, но долгодумный трудъ.
Я подношу его съ сердечнымъ упованьемъ,
Что зёрна думъ моихъ въ душѣ твоей найдутъ

Ту ниву, что поднять способна тучный колосъ;
Что благодарная работа наградитъ
Сторицею Тебя. И вѣрь отчизны голосъ,
Великій Государь, тебя благословитъ.

Неожиданная кончина Александра Третьяго и восшествіе на престолъ Николая Второго помѣшали осуществленію этого намѣренія.

Вся вышеизложенная общественная дѣятельность Ник. Ев. не мѣшала ему серьезно и послѣдовательно заниматься собственными дѣлами. Своимъ отношеніемъ къ нимъ онъ умѣлъ не только выбирать, но создавать себѣ помощниковъ. Будучи самъ дѣятелемъ, онъ неуклонно требовалъ того же отъ всѣхъ своихъ служащихъ, умѣя при этомъ поощрять исполнительность каждаго. Онъ входилъ въ труды и семейныя обстоятельства какъ служащихъ, такъ и ближайшихъ крестьянъ, помогая и совѣтомъ и дѣломъ. Онъ искренно былъ оплакиваемъ народомъ.

Ник. Ев. скончался 7 Апрѣля 1898 г. 63-хъ лѣтъ, въ своемъ имѣньи, гдѣ безвыѣздно провелъ послѣдніе три года жизни.

Въ 32 № „Гражданина" за 1898 г. на стр. 22, мы читаемъ слѣдующее.

„Я получилъ изъ Казани письмо, посвященное памяти недавно скончавшагося въ своей деревнѣ, мѣстнаго помѣщика Н. Е. Баратынскаго. Письмо это пришлось мнѣ по сердцу, такъ какъ я, съ давнихъ поръ, имѣлъ пріятельскія отношенія къ этому почтенному человѣку и высоко цѣнилъ въ немъ носителя всѣхъ лучшихъ старинныхъ преданій дворянства во всей ихъ чистотѣ, и такой же чистый культъ служенія его идеѣ. Этой идеѣ онъ посвятилъ всю свою жизнь, не признавая иного мѣста службы, какъ деревню - и служилъ двояко: примѣромъ собственной жизни, посвященной блюденію всѣхъ завѣтовъ дворянской любви къ Богу, къ Царю и къ народу и затѣмъ всецѣлымъ отданіемъ себя на пользу и на помощь ближнему. Оттого имя Н. Е. Баратынскаго стало въ его Казанской губерніи извѣстно не только между дворянствомъ, но во всѣхъ сословіяхъ, какъ синонимъ главнѣйшихъ доблестей дворянства, чести, правды и добра, и имя это стало славнымъ и благословеннымъ".

Я съ благоговѣніемъ останавливаюсь на этомъ имени и на этой свѣжей могилѣ въ деревенской глуши Казанской губерніи теперь болѣе, чѣмъ когда либо, ибо теперь идетъ рѣчь о возсозданіи дворянства и самъ собой ставится вопросъ: для чего? Тогда, перенося̀сь на могилу Казанскаго дворянина Николая Евгеніевича Баратынскаго, куда кромѣ маленькой семьи, его оплакивающей, притекаетъ большая семья крестьянъ, любившихъ въ немъ барина-отца, я чувствую и понимаю, что на вопросъ, для чего нужны работы по возсозданію дворянства? эта смиренная и далекая могила даетъ отвѣтъ: для того, чтобы въ каждой губерніи рождать и множить Баратынскихъ.

В. А.

По генеалогіи въ первомъ выпускѣ Лѣтописи встрѣчаемъ замѣтку г-на К. Г-ва, пытающагося отвергнуть наше сообщеніе (въ 3-й тетради „Русскаго Архива“ нынѣшняго года) о происхожденіи поэта Я. П. Полонскаго отъ Умовскаго или Умскаго, сына императрицы Елисаветы Петровны и графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Г-нъ К. Г-въ держится мнѣнія А. А. Васильчикова, утверждавшаго, что „у Елисаветы Петровны никакихъ дѣтей не бывало.“ Но А. А. Васильчиковъ писалъ, когда еще только начинали разбирать всю историческую подноготную XVIII вѣка, и доводы его весьма шатки. „Въ тѣ времена открытаго фаворитизма, говоритъ онъ, на приличія свѣта не обращали слишкомъ строгаго вниманія; если бы у Елисаветы были дѣти, то они воспитывались бы во дворцѣ и со временемъ получили бы чины и богатства“. Но тутъ дѣло было поважнѣе свѣтскихъ приличій. А. А. Васильчиковъ не зналъ, что Елисавета Петровна обвѣнчалась съ Разумовскимъ почти черезъ два года послѣ того, какъ уже объявила наслѣдникомъ Русскаго престола своего племянника (имѣвшаго больше правъ на державство нежели она), что она должна была бережно хранить тайну своего брака и что коллежскій совѣтникъ Богданъ Васильевичъ Умскій (рожденный, можетъ быть, еще до брака своей матери, на что намекаетъ его имя Богданъ) былъ богатымъ Рязанскимъ помѣщикомъ и вторымъ (послѣ Похвиснева) опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, открывшимъ 21 Апрѣля 1764 года для пріема дѣтей Московскій Воспитательный Домъ, гдѣ, въ комнатѣ близъ церкви, и сохранился его портретъ весьма схожій чертами лица съ одною изъ праправнучекъ его роднаго дяди, гетмана К. Г. Разумовскаго. (Кстати: брачная постель родителей Б. В. Умскаго находится въ селѣ Порѣчьѣ, имѣніе графа Ѳ. А. Уварова). Мать поэта Полонскаго, Наталья Яковлевна Кафтырева, была внучкою Богдана Васильевича Умскаго, слѣд. правнучкою императрицы Елисаветы. Отъ того же Б. В. Умскаго происходилъ и Александръ Михайловичъ Тургеневъ (сочинитель невѣроятныхъ разсказовъ о временахъ Павла Петровича въ „Русской Старинѣ“).

Мнѣ посчастливилось знать близко Якова Петровича Полонскаго. Извѣстно, что этотъ по истинѣ прекрасный человѣкъ не способенъ былъ хвастать своимъ происхожденіемъ. Онъ сказалъ мнѣ о немъ только для сохраненія въ памяти потомства, такъ какъ такому сохраненію и посвященъ „Русскій Архивъ“. Въ воспоминаніи же о своемъ дядѣ Кафтыревѣ онъ не говоритъ того (во 2-й книгѣ „Русскаго Вѣстника“ 1900 года).

Преданіе бываетъ часто важнѣе писанія, а г-ну К. Г—ву желательно подтвержденіе писанное, какого въ данномъ случаѣ не могло и быть. О самомъ бракѣ императрицы Елисаветы прежде только шептались, пока не было о немъ напечатано донесеніе Даліона королю Людовику XV-му (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895, I, 160).

П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

7.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ VIII. Примѣчанія, добавленія и поправки. Съ приложеніемъ двухъ снимковъ съ почерка Пушкина. Изданіе А. С. Суворина. 1905. Большая 8°. 648 стр. Въ концѣ указатель личныхъ именъ въ письмахъ и дневникѣ Пушкина.

Многолѣтній трудъ старѣйшаго и опытнѣйшаго нашего библіографа, наконецъ, оконченъ. Не безъ улыбки прочитали мы (стр. 378), что онъ названъ „популярнымъ“. Это огромная, руколомная (какъ выражался князь П. А. Вяземскій про Гротово изданіе сочиненій Державина) книга, не отвѣчающая въ этомъ отношеніи своему назначенію быть справочною для чтенія и изученія: книга напечатана тѣми же буквами, какъ и первые семь томовъ сочиненій Пушкина и оттого одебелѣла. Указатели, словари и вообще книги справочныя, къ которымъ читатель обращается лишь на короткое время, должны печататься сжато: глазъ этимъ не утомляется, а между тѣмъ изданіе выигрываетъ въ сподручности и въ самой цѣнѣ своей.

Долголѣтняя и многотрудная работа достопочтеннаго П. А. Ефремова, конечно, заслуживаетъ признательности общественной. Но зачѣмъ не покидаетъ онъ своей привычки злобно отзываться о своихъ сотрудникахъ? Даже всепримиряющая поэзія Пушкина не подѣйствовала на него въ этомъ отношеніи. Досталось и Анненкову, и Морозову, и мнѣ грѣшному. Между тѣмъ самъ онъ, по сравнительно малому знакомству съ политическою и общественною исторіею того времени, когда жилъ Пушкинъ, впадаетъ часто въ грубыя ошибки. Вѣроятно отъ слишкомъ мелочнаго сличенія разнорѣчій, надъ которымъ смѣялся самъ Пушкинъ („умно иль нѣтъ, я могъ соврать) иной разъ скудѣетъ онъ и художественнымъ вкусомъ: такъ (стр. 29) у него вышло изъ подъ пера вмѣсто того, чтобы сказать „когда писалъ“ злозвучное „пишà“, или (стр. 339) знаменитый стихъ „стальной щетиною сверкая“ называетъ онъ „неудачнымъ“. Онъ не знаетъ (стр. 84), что въ Чадаевѣ Пушкинъ подъ конецъ жизни вполнѣ разочаровался и уже только жалѣлъ объ его суетности. Про Н. И. Кривцова сказано (стр. 101), что онъ лишился ноги подъ Кульмомъ, тогда какъ уже въ 1812 году Кривцовъ лежалъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, будучи раненъ въ одномъ изъ сраженій 1812 года. Н. Н. Бантышъ-Каменскій названъ (стр. 123) послѣдователемъ Лабзина, тогда какъ это былъ сынъ его Владимиръ Николаевичъ, сосланный въ Суздаль. Баронъ Оттонъ Шепингъ (очень образованный и добрѣйшій человѣкъ) названъ (стр. 157) Дмитріемъ Андреевичемъ, и про него невѣсть что насказано. Княгиня Суворова (стр. 169) названа по ея первому супругу Аркадьевной, тогда какъ она была Марьею Александровной. „Г. Бартеневъ разсказываетъ сказку, будто графиня (Воронцова) до конца жизни ежедневно читала, а потомъ приказывала читать себѣ сочиненія Пушкина“ (стр. 217). Работая въ Одессѣ въ архивѣ князя С. М. Воронцова, я лично зналъ его мать, княгиню Ели-

ИЗЪ БУМАГЪ Я. И. БУЛГАКОВА [1]).

Письма Я. И. Булгакова къ Екатеринѣ Великой.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я знаю совершенно, сколь трудно говорить съ Государемъ [2]), котораго просвѣщенію и мудрости удивляется весь свѣтъ, и сколь дерзко отваживаться занимать у него время, коего каждая минута посвящается на доставленіе подданнымъ благоденствія; но, будучи ободренъ изустнымъ всемилостивѣйшимъ вашимъ повелѣніемъ, осмѣливаюся подвергнуть къ стопамъ вашимъ всеподданнѣйшее донесеніе о двухъ дѣлахъ, кои требуютъ рѣшенія, единственно зависящаго отъ премудрыхъ распоряженій, предпринимаемыхъ въ пользу и славу Имперіи, которая обязана всѣмъ своимъ блескомъ неусыпному старанію вашего величества о ея цвѣтущемъ состояніи.

Первое всеподданнѣйшее мое донесеніе касается до извѣстнаго Гишпанскаго повѣреннаго *Болики*. Ему здѣсь совсѣмъ отказано. Сіе произошло отъ того, что Турецкому министерству, которому нѣтъ нужды ни до какого договора, гдѣ только нѣтъ выгодъ государства, не было прибыли заключать съ нимъ трактатъ; а денегъ не осмѣлилось оно взять, не только опасаясь народной молвы, которая бы его погубила, но можетъ быть и потому, чро Французскій посолъ и Неаполитанскій посланникъ, хотя и имѣли повелѣнія отъ дворовъ своихъ помогать Бо-

---

[1]) Сообщено покойнымъ гр. Борисомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, кромѣ писемъ къ Екатеринѣ Второй, которыя перепечатываются изъ „Русскаго Вѣстника" С. Н. Глинки (1814 года). Переписка Булгакова съ кн. Потемкинымъ печатается съ подлинниковъ собственноручныхъ, изъ коихъ Булгаковскія письма—черновыя. Это переписка служебная; была конечно и переписка частная, дружеская; выдержки изъ нея помѣщены въ нашей статьѣ о Булгаковѣ („Русскій Архивъ" 1898, кн. 1-я): они были товарищами по Московскому Университету (изъ котораго князь Потемкинъ исключенъ за лѣность). П. Б.

[2]) Такъ и князь М. М. Щербатовъ, въ своей запискѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, выражается про одну изъ нашихъ императрицъ: „Сей Государь женскаго пола." П. Б.

ликію, подъ рукою тому противились, и, станется, что рейсъ-ефендія стращали. Первой, дабы Гишпанія не раздѣляла Левантской торговли съ Франціею; а второй, чтобъ не потерять пенсій, съ прибыткомъ получаемыхъ, за хожденіе по дѣламъ Гишпаніи: ибо, въ случаѣ заключенія трактата, Болики останется здѣсь министромъ той державы. Я съ симъ послѣднимъ никогда не говорилъ о его дѣлѣ, которое производитъ онъ отъ всѣхъ весьма скрытно; но, кажется, не ошибаюсь, что министерство Турецкое, дабы не выпустить изъ рукъ обѣщанной суммы, скоро бъ подалось на оное заключеніе, ежели бъ какой дворъ, а особливо Россійскій, замолвилъ слово за Боликія. Ежели вашему императорскому величеству угодно будетъ обратить въ пользу дѣлъ сіе обстоятельство, для умноженія вліянія вашего въ Европѣ и для одолженія Гишпаніи, которая ищетъ дружбы съ Портою, между прочимъ и для того, чтобъ отдохнуть отъ разбойническихъ нахальствъ варварскихъ республикъ, я не смѣю отвѣчать за успѣхъ въ такой землѣ, гдѣ ничего вѣрнаго нѣтъ, но думаю, что попытка ничего испортить не можетъ, а Гишпанія будетъ вамъ обязана. На семъ основаніи осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить мысль мою, происходящую единственно отъ ревности и усердія къ службѣ отечества, которое ваше императорское величество возводите на верхъ всевозможной славы. Внушеніе о семъ, учиненное Гишпанскому двору, можетъ побудить его прибѣгнуть къ покровительству вашего величества, которое столь было полезно многимъ государствамъ. И нынѣ Гишпанія съ Россіей, нынѣ сіи два государства сражаются за свободу Европы и вселенной, за вѣру и добродѣтель. Но нужно, кажется, притомъ наблюсти, чтобъ отъ Французовъ скрытно дѣло сіе производилось, ибо они, конечно, не упустятъ тайнымъ образомъ тому противиться.

Второй предметъ, побудившій меня принять смѣлость обезпокоить безпосредственно ваше императорское величество симъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, относится до Венеціи. Прежній здѣсь посолъ Мемо, человѣкъ для Венеціанина довольно разумный, знающій и оборотливый, старался со мною коротко ознакомиться, и, можетъ быть, увидя, что нѣтъ опасности мнѣ ввѣриться, открылся, что, желая быть полезнымъ отечеству своему и находя великія для него выгоды въ заключеніи съ Россіею торговаго трактата, старался онъ сію мысль вселить въ земляковъ своихъ участвующихъ въ правленіи и предуспѣлъ наконецъ отворить многимъ глаза; что, по несчастію, образъ правленія ихъ требуетъ времени и терпѣнія въ дѣлахъ, но сіе надѣется онъ привести въ движеніе; что республика давно о томъ помышляла и сдѣлала первый шагъ чрезъ пребывающаго въ Вѣнѣ министра вашего императорскаго величества, князя Голицина; но дѣло тогда остановилось по причинѣ

войны, окончаніе которой, приносящее толикую славу Россіи, возобновило надежду и, отворивъ новый путь, представило новыя и многія выгоды для торговли. Заключилъ онъ просьбою, чтобъ я изъ сей откровенности не дѣлалъ никакого употребленія до времени. Я не могъ ему иначе отвѣтствовать, какъ похваляя любовь его къ своему отечеству и представляя плоды, могущіе произойти для онаго изъ сей торговли, чѣмъ заставилъ его войти въ бо̀льшія подробности, изъ коихъ наконецъ вывесть могу то заключеніе, что какъ нельзя имъ ожидать, чтобъ корабли ихъ ходили на Черное море, нашимъ же далеко и, можетъ быть, безполезно заходить въ Адріатическое, то: 1) можно выбрать островъ, какъ, напримѣръ, Корфу, и наономъ производить торговлю и мѣну товаровъ, кои они свозить будутъ изо всей Италіи; 2) что, увидя надежду для заключенія трактата, могутъ они отправить посла ко двору вашего императорскаго величества, не желая производить сего дѣла черезъ маркиза Маруція, который, по словамъ г. Мемо, поведеніемъ своимъ еще до вступленія въ службу Россіи учинилъ себя непріятнымъ всей республикѣ. Наконецъ нашъ разговоръ кончился тѣмъ, что онъ, намѣреваясь пробыть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, впредъ со мною изъясняться будетъ и доведетъ преемника своего до такой же откровенности, когда время къ тому наступитъ.

Я за долгъ служенія моего почелъ всеподданнѣйше о томъ донести и также дерзаю просить о снабженіи меня высочайшими повелѣніями по симъ двумъ предметамъ, ежели бъ вашему императорскому величеству угодно было ихъ уважить. Льщусь я, впрочемъ, что смѣлость моя великодушно прощена мнѣ будетъ, какъ слѣдствіе ревности и усердія къ службѣ.

2.

Ежели позволено вѣрноподданному когда нибудь пасть предъ священнымъ престоломъ премудрой обладательницы наисчастливѣйшей части земного шара для изъясненія радостныхъ чувствованій, то нѣтъ случая, въ которомъ смѣлость сія могла быть извинительнѣе, какъ въ такомъ, когда ея твердостію и согласными съ ея достоинствомъ повелѣніями отвращаются народныя несчастія.

Изъ министерскихъ моихъ доношеній ваше императорское величество изволите увидѣть всѣ главныя обстоятельства окончанія дѣла Лашкарева; о мелкихъ не смѣлъ я и доносить, дабы не было почтено, что я успѣхъ себѣ приписываю; но въ дополненіе оныхъ осмѣливаюсь прибавить, что обязанъ я много рейсъ-ефендію и драгоману Порты, которые дѣйствительно трудились, какъ бы шло о ихъ головахъ. Я не дерзаю представить, что полезно бы было для переду наградить безъ

огласки чѣмъ нибудь, и особливо, какъ людей еще бѣдныхъ, деньгами; ибо подарки и нескромность погубили *Абдулрезана* и *Моралмоллу*, людей которыхъ теперь почти уже здѣсь нѣтъ; но долгъ служенія моего заставляетъ меня, не смотря ни на что, отдать справедливость переводчику *Пизанію*. Не говоря о его достоинствахъ, ни о томъ, что дѣла имъ однимъ держались, осмѣлюсь я сказать, что наималѣйшій знакъ высочайшаго благоволенія ободритъ его навсегда; а онъ, имѣя знакомство больше другихъ, довѣренность при Портѣ, долговременное дружество съ рейсеффендіемъ и уваженіе отъ всѣхъ, конечно всѣхъ здѣсь себѣ равныхъ полезнѣе.

Симъ голосомъ осмѣливаюсь я говорить объ немъ по случаю сего дѣла, потому что оно важнѣе здѣсь почтено, нежели стоило, и всѣ думали, а можетъ быть подъ рукою и пронырствовали, чтобъ война была неизбѣжна, но не успѣли того исполнить. Я сіе сужу по слѣдствіямъ, и, осмѣлюсь донести что̀ послѣ примѣтилъ. Французскій посолъ въ отчаяніи, что я его посрамилъ, не призвавъ на помощь; но ничего не говорилъ. Интернунціусъ поблѣднѣлъ, когда я ему сказалъ, что бератъ у меня; прочіе, какъ Голландской, Венеціанской и Неаполитанской, будучи рабами Французскаго посла (какой стыдъ для Европейцевъ), усмѣхались и печалились, смотря на него. Англійской былъ радъ, но всѣхъ больше радовался Прусской, и по словамъ его заключаю я, что онъ за побѣду почитаетъ, что обошлось безъ Вѣнской помощи. Дабы усладить нѣсколько горесть интернунціуса, внушилъ я рейсефендію, что прилично сообщить ему отъ Порты объ окончаніи сего дѣла, какъ министру, прежде принимавшему въ ономъ участіе; и сіе было исполнено.

3.

Удостоясь получить высочайшее благоволеніе, отъ 13 Октября, припадаю къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества. Будучи ободренъ симъ наидрагоцѣннѣйшимъ для меня монаршей милости изъявленіемъ, пріобрѣтаю я имъ новыя силы къ продолженію, хотя по недостатку моихъ дарованій и маловажнаго, но ревностнаго и вѣрнаго служенія.

Порта не упоминаетъ объ отвѣтѣ на свою записку и домогаться болѣе, я думаю, не будетъ, принимая за отвѣтъ общій нашъ меморіалъ; по сему же послѣднему день ото дня отказываетъ дать рѣшеніе. Теченіе дѣла ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ нынѣшнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ доношеній. Не можно еще было настоятельнымъ образомъ понуждать министерство, которое, дѣйствительно, имѣло нужду во времени и заготовило бы уже отвѣтъ, наполненный учтивостями; но по сношеніямъ своимъ съ Французскимъ посломъ, съ

муфтіемъ и сералемъ, перемѣняетъ оный, дабы что нибудь рѣшительнѣе сказать. На сихъ дняхъ мы приступимъ его требовать. Не будучи пророкомъ, осмѣлюсь однако предсказать, что войну здѣсь не предпочтутъ, ибо не смѣютъ и вести ее съ успѣхомъ не въ состояніи. Что̀ касается до отвѣта, ежели дадутъ нерѣшительный, мы другого требовать будемъ, утверждая, что въ семъ дѣлѣ нѣтъ средины; ежели же получимъ точно такой, какого домогаемся, то надлежитъ ожидать, что, не смотря на неограниченное на все соглашеніе, при разбирательствѣ и уложеніи пунктовъ на всякомъ шагу будутъ спорить, обманывать, откладывать, тянуть и ни въ чемъ обѣщанія своего не сдержатъ. На сей случай испрашиваю высочайшихъ повелѣній. Безполезно бъ утруждалъ я ваше императорское величество, ежели бъ предпринялъ описать здѣшнія головы, отъ коихъ спасеніе имперіи зависитъ; сіе невозможно, или, по крайней мѣрѣ, покажется невѣроятно. Въ самый день, когда меморіалы наши поднесены отъ Порты съ докладомъ султану, онъ, дрожа отъ страха и, можетъ быть, воображая сей день послѣднимъ, далъ праздникъ въ серальскомъ саду своимъ женщинамъ, и министерство, вмѣсто рѣшенія по дѣлу, получило повелѣніе запереть о̀кна у Порты съ стороны дворца, какъ то дѣлается обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ, чрезъ что всему городу и бываетъ извѣстно, что государь забавляется. Визирь пьетъ, наживается и ищетъ свергнуть кегая-бея. Кегая-бей старается визиря погубить, дабы всѣмъ овладѣть, заступя его мѣсто. Онъ разумный, но гордый человѣкъ, и Турокъ, думающій, что земляки его тѣже люди, кои были за три вѣка, но что недостаетъ имъ начальника. Рейсефендій, не зная, что̀ отвѣчать, лжетъ и проводитъ по всѣмъ дѣламъ со дня на день, не смѣя по слабости души ничего на себя взять. Обо всемъ спрашиваютъ муфтія, котораго совѣты повидимому также не въ силахъ помочь.

Единый человѣкъ, имѣющій голову и душу, безграмотный и престарѣлый капитанъ-паша, можетъ всегда быть полезенъ государству, ежели дѣло идетъ о крайнихъ мѣрахъ; но онъ войны не ищетъ, зная, что возложатъ на него всю тягость, ничѣмъ его не снабдятъ и наконецъ имъ пожертвуютъ. Славу и любовь пріобрѣлъ онъ безпредѣльную, богатства нажилъ несчетныя, и слѣдовательно боится потерять и то и другое при первой неудачѣ; но и сей человѣкъ великъ только здѣсь и по здѣшнему образу мыслей. Вчерась посылалъ я къ нему за нѣкоторою нуждою. Застали его подъ сараемъ почти безъ одежды играющаго съ слугами, скачущаго на лошади съ ружьемъ въ рукахъ, нападающаго на стѣну и представляющаго сраженіе. Вотъ первый здѣшній герой! Увѣряютъ меня, что онъ старается непріятеля своего Джанили-Али-пашу перевесть въ Египетъ, а на его мѣсто опредѣлить двухъ его предан-

ныхъ людей, раздѣля, можетъ быть, его губерніи. Сіе походитъ на правду; но ненадежно, чтобъ Джанили дался въ обманъ и поѣхалъ на явную смерть.

Здѣсь боятся бунта, въ провинціяхъ возмущеній и измѣны, нигдѣ ни на кого положиться не смѣютъ; но никто ни о чемъ не рачитъ и помысла не имѣетъ объ отвращеніи зла, которое всѣ предвидятъ неизбѣжнымъ.

Вотъ, всемилостивѣйшая Государыня, истинное здѣшнее внутреннее положеніе! Вотъ люди, съ коими мы должны имѣть дѣло! Въ таковомъ состояніи государства, съ таковыми имъ управляющими министрами, можно ли быть вѣрну въ успѣхѣ по дѣламъ? Можно ли предвидѣть, что завтра воспослѣдуетъ?

Французскій посолъ, по однимъ уже Крымскимъ обстоятельствамъ, получилъ точныя повелѣнія отвращать войну. Оныя конечно еще сильнѣе подтверждены будутъ, когда въ Версаліи узнаютъ о соединеніи двухъ высочайшихъ дворовъ противъ Порты. Выгоды Франціи того требуютъ, поведеніе посла тому соотвѣтствуетъ, и надежно, что употребитъ онъ всѣ силы къ склоненію Порты на всѣ наши требованія. Со мною онъ не говоритъ, обходясь однакожъ очень ласково, о семъ дѣлѣ ни слова. Можетъ быть (хотя и нѣтъ еще нималой причины того подозрѣвать) и самъ интернунціусъ удерживаетъ его, дабы учинить себя нужнѣе и придать цѣны своимъ стараніямъ. Прусской повѣренный Гафронъ Французскому послу недавно объявилъ, что открылъ онъ великую тайну, а именно соединеніе мое съ интернунціусомъ противъ Порты, и разсуждалъ, что Порта можетъ намъ противиться, что состояніе ея не таково, какимъ его описуютъ; что она имѣетъ и деньги и людей, и недостаетъ только ей ободренія. Посолъ увѣрялъ его, что сіе мнѣніе ложно, что она не въ силахъ ниже съ одною имперіею бороться, что первая война будетъ въ погибель, и просилъ Гафрона развѣдать далѣе о нашемъ согласіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, Прусской политикъ прибѣгалъ ему сказать, что все знаетъ, что мы принуждаемъ Порту приступить къ вооруженному нейтралитету, и что ханъ, дабы высвободить его отъ здѣшней зависимости по вѣрѣ, нами крещенъ, названъ Константинъ-ханомъ и пожалованъ генералиссимусомъ Россійскихъ войскъ. Третьяго дня Порта требовала совѣта у Шведскаго повѣреннаго Гендельштама, а сей у Французскаго посла, и по наученію его отвѣчалъ рейсефендію, что нѣтъ иной для нея дороги, какъ согласиться на всѣ наши требованія. Послѣ сего послѣдняго шага рейсефендій началъ сочинять, или лучше, передѣлывать отвѣтный намъ меморіалъ.

Стараніе посла привести Гафрона на истинный путь и наставленіе Гендельштаму доказываютъ также, что онъ искренне печется объ отвра-

щеніи войны. Между тѣмъ Гафронъ началъ часто посылать къ Портѣ своего переводчика; но знать еще нельзя, какія дѣлаетъ внушенія, кои хотя бы были и противны намъ, но по малой къ нему довѣренности опасны теперь быть не могутъ, ибо не подкрѣплены Французскимъ посломъ.

Интернунціусъ увѣрялъ меня, и, можетъ быть, вслѣдствіе правилъ своего двора, что сколь скоро примѣчено будетъ соединеніе Франціи съ королемъ Прусскимъ, который намѣренъ побуждать Порту къ войнѣ съ нами, дабы, пользуясь симъ обстоятельствомъ, пріобрѣсти себѣ часть Польши, онъ интернунціусъ перерветъ всякое дружеское сообщеніе съ посломъ. Капитанъ-паша присылалъ за Англинскимъ посломъ, спрашивалъ у него о состояніи и связи Европейскихъ державъ, о Татарскихъ замѣшательствахъ и о силѣ Россіи, не упоминая однако ни о другихъ дѣлахъ, ни о нашемъ общемъ меморіалѣ, хотя и вѣроятно, что сіи вопросы дѣлалъ по повелѣнію Порты. Посолъ весьма возвышалъ силу и внутреннее богатство Россіи; утверждалъ, что опасно ее тронуть и раздражать, и совѣтовалъ всячески избѣгать съ нею войны. Сіе онъ самъ мнѣ пересказывалъ. Прочіе послы и министры пребываютъ донынѣ въ молчаніи.

Опасаясь болѣе трудить ваше императорское величество, заключу сіе всеподданнѣйшее доношеніе тѣмъ, что на Персидской границѣ надлежитъ быть какимъ ни есть важнымъ происшествіямъ. Частные и тайные курьеры, улещеніе тамошнихъ пашей и движенія, кои стараются при Портѣ скрывать, доказываютъ въ томъ краю волненіе; но не могу я проникнуть, относится ли все оное до самой Персіи, или до разбойничающихъ народовъ, каковъ суть Курды.

4.

День вынужденія мною отъ Порты всеподданнѣйше подносимаго съ симъ курьеромъ отвѣта поставляю я наисчастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни, тѣмъ паче, что послѣ перваго не оставалось уже мнѣ надежды отвратить зло, кое неистовство мусульмановъ навлекло на своихъ единовѣрцевъ и кое бы распространилось вообще на родъ человѣческій.

Со всѣми своими увертками, хитростями, коварствомъ, ласкою не предуспѣло министерство Турецкое ослѣпить меня до того, чтобъ я ему повѣрилъ и не примѣтилъ въ поведеніи его обмана. Получа первый отвѣтъ на второй мой меморіалъ (который привелъ его въ отчаяніе), безполезно уже было подать третій; ибо я не могъ въ немъ сказать ни бо̀льшихъ обѣщаній, ни новыхъ угрозъ, истоща все во второмъ. Попытался я еще разъ собственно рейсефендію увѣщаніе сдѣлать чрезъ Пизанія, который привыкъ уже представлять имъ истину во всей ея

наготѣ, что отъ упрямства министерства онъ первый погибнетъ и предъ Богомъ отвѣчать будетъ даже по смерти своей за зло, которому подвергнутся невинныя жертвы ихъ упрямства. Не отважусь утвердить, внушенія ли мои поколебали и поспѣшили сверженіе визиря, но оное столь внезапно совершилось, мысли столь скоропостижно перемѣнились, что я почти вѣрю, что въ сію минуту Богъ ихъ просвѣтилъ! И когда рѣшились на мое требованіе, то рейсефендій со слезами просилъ, чтобъ, поправляя отвѣтъ ихъ, его я не погубилъ. Теперь, всемилостивѣйшая Государыня, жребій ихъ въ рукахъ вашего императорскаго величества. Ежели они не сдержатъ обѣщанія, навлекутъ на себя войну, которая можетъ быть для нихъ послѣднею; ежели все сдержатъ, ваше величество учинитесь здѣсь повелительницею для блага вашихъ подданныхъ. Меморіалы мои, а особливо второй, написалъ я нарочно подробнѣе, чтобъ онъ служилъ оправданіемъ дѣла предъ свѣтомъ, а ихъ довелъ дать отвѣтъ такой, которымъ они признались виноватыми и связали себѣ навсегда руки. Приведя ихъ въ сіе положеніе противъ высочайшей власти, вся теперь тягость упадаетъ на меня. Въ переговорахъ предвижу я трудности, превосходящія мои силы; но, ваше величество, поставя меня посреди волнъ, повелѣли мнѣ быть камнемъ, и сего довольно. Всемилостивѣйшее благоволеніе, объявленное отъ 15 Ноября, которое удостоился я получить въ самое сіе смутное время, было для меня оживленіемъ и ободреніемъ.

Письмо князя Потемкина къ А. С. Стахіеву.

Милостивый государь мой Александръ Стахіевичъ!

Подпоручикъ Аѳанасій Пана́ для взятія своей фамиліи уволенъ отъ меня въ Константинополь, гдѣ покорнѣйше прошу принять его подъ особое ваше покровительство и оказать ему всякое съ вашей стороны пособіе въ совершеніи его намѣреній; удостоивъ его вашихъ милостей, обяжете того, которой съ отмѣннымъ почтеніемъ пребываетъ вашего высокородія, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою кн. Потемкинъ.

Октября 14 дня 1780 года.
Его высокородію Стахіеву.

*

Переписка съ княземъ Потемкинымъ.

Къ князю Потемкину. Херсонъ, 14 Іюля 1781 г. Чрезъ вицеканцлера.

Отправляя курьера къ высочайшему двору, принимаю смѣлость всепокорнѣйше донести в. с., что я пріѣхалъ сюда скорѣе, нежели самъ

надѣялся, но здѣсь принужденъ былъ прожить больше недѣли по причинѣ противнаго вѣтра, который препятствовалъ мнѣ до сегодняшняго дня пуститься въ море.

Здѣсь нашелъ я суда въ готовности и всевозможное во всемъ пособіе со стороны начальника. Почитая оное слѣдствіемъ оказываемой в. с. ко мнѣ милости, осмѣливаюсь принести всенижайшую благодарность и, препоручая себя продолженію вашего покровительства, которое я ставлю выше всего, имѣю честь быть съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью.

*

Къ князю Потемкину, 1 (12) Февраля 1782.
Съ Дедолевскимъ. Особливый пакетъ.

Св. к. м. г.

Находящійся здѣсь Сиднева конторы товарищъ г. Итонъ вручилъ мнѣ для доставленіи вашей свѣтлости прилагаемое при семъ представленіе. Въ ожиданіи повелѣній, какой мнѣ по оному дать отвѣтъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше для объясненія прибавить къ содержанію онаго, что упоминаемый мною купецъ Аренсъ торгуетъ въ обществѣ съ Вѣнскимъ банкиромъ барономъ Фризомъ и сказывалъ мнѣ, что чрезъ Вѣнскаго здѣсь интернотаріуса и графа Кобенцеля ищетъ у высочайшаго нашего двора позволенія пріѣхать въ С.-Петербургъ, осмотрѣвъ дорôгой Таганрогъ, Астрахань и прочія мѣста, черезъ которыя предполагаютъ они вести новую торговлю. Имѣю честь съ должнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью быть и пр.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Имѣя надобность въ большомъ восточныхъ языковъ лексиконѣ господина Мининскаго, въ пяти томахъ состоящемъ, и не найдя здѣсь онаго, покорно васъ, милостивый государь мой, прошу принять трудъ купить для меня сіи книги, такъ какъ удобно оныя сыскать можно въ мѣстѣ пребыванія вашего и при первомъ отправленіи пожаловать доставить ихъ ко мнѣ, присовокупя къ тому словарь сего автора, его грамматику и счетъ употребленнымъ на сію покупку деньгамъ. Вы тѣмъ чувствительно одолжите пребывающаго съ особымъ къ вамъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою кн. Потемкинъ.

Декабря 6 дня 1782 года.

*

Къ кн. Потемкину, 15 (26) Февраля 1783.

Высокопочтеннѣйшее письмо в. с. отъ 6 Декабря только на сихъ дняхъ дошло до рукъ моихъ. Повелѣніе данное въ немъ о присылкѣ

лексикона Мининскаго исполнить всѣми силами стараться буду и уже приказалъ его повсюду искать; но оной столь сталъ рѣдокъ, что отчаеваюсь здѣсь найти; писалъ я даже въ Вѣну, гдѣ, сказываютъ, былъ одинъ продажный экземпляръ года съ два назадъ. Въ Вѣнѣ его вновь начали печатать, но въ нѣсколько лѣтъ вышелъ только одинъ томъ, а остальныхъ и надежды нѣтъ скоро дождаться.

P. S. Сверхъ мего ожиданія, нашелъ я здѣсь полный лексиконъ Мининскаго, переплетенный въ 4 томика, и съ моимъ курьеромъ его къ в. с. отправилъ. Осмѣливаюсь при семъ представить, что ежели бы в. с. приказали его напечатать у насъ безъ всякихъ передѣлокъ (ибо печатаемый въ Вѣнѣ гораздо хуже стараго по причинѣ поправокъ, кои его портятъ), то бы не только нашимъ училищамъ милость показали, но и здѣсь бы весьма рады были.

*

Къ кн. Потемкину, 9 (20) Мая 1783.

Получа секретной высочайшій рескриптъ отъ 8 Апрѣля, котораго содержаніе конечно вашей милости извѣстно, начиная исполненіе онаго принимаю смѣлость, по данному въ немъ мнѣ повелѣнію, всепокорнѣйше донести, что по отправленіи сего курьера здѣсь все спокойно и о ввѣренномъ начальству в. с. дѣлѣ Порта не только свѣдѣнія, но и подозрѣнія еще не имѣетъ; я же ожидаю высокопочтеннѣйшихъ вашихъ повелѣній для моего впредъ по сему дѣлу руководства въ чиненіи надлежащаго отпора.

Порта имѣла извѣстіе черезъ одного своего подданнаго и пріѣхавшаго изъ Крыма шкипера, что е. св. ханъ Шагинъ - Гирей отреченіе сдѣлалъ отъ ханства, но почла оное за ложь, ибо тотъ шкиперъ утверждалъ, что на его мѣсто возведенъ Россіей султанъ Батырь-гирей.

Пріуготовленія ея здѣсь къ приведенію себя въ оборонительное состояніе попрежнему, но съ меньшимъ жаромъ, продолжаются. Льютъ пушки, учатъ изъ нихъ стрѣлять, отправляютъ ихъ на Дунай и въ пограничныя съ нами и съ Цезарскими крѣпости, починиваютъ флотъ, набираютъ матросовъ, но довольно набрать не могутъ. О движеніяхъ войскъ до Дуная не слышно, а по народному слуху перевезено, сказываютъ, оныхъ нѣсколько изъ Азіи прямо въ Очаковъ.

Изъ приложенной при семъ вѣдомости в. с. усмотрите, сколько и какіе корабли отправлены нынѣшнею весною на Черное море. Здѣсь въ каналѣ стоятъ теперь готовые къ походу по обыкновенію на Бѣлое море четыре корабля, одинъ фрегатъ и три галеры, но кажется не намѣрены ихъ отсюда удалять; въ Архипелагъ отправили сверхъ сего давно два корабля, и капитанъ-паша оставленъ здѣсь на все лѣто.

Недавно вынудилъ я отъ Порты новый актъ, за подписью и печатью визиря, коимъ Порта обязывается не мѣшаться въ Татарскія дѣла. Почитаю за нужное всепокорнѣйше при семъ приложить съ онаго копію.

Вчера умеръ отъ паралича муфти, а сегодня пожалованъ на его мѣсто Дури-Заде-Атауланъ-еффенди, человѣкъ знатной фамиліи, сынъ муфтія, бывшаго во время заключенія съ нами мира, мужъ миролюбивый и благоразумный. Духовенство и городъ крайне тѣмъ недовольны, но гдѣ бываютъ всѣ довольны выборомъ людей на первыя и важныя мѣста? Сіе посылая въ Авлеополь *), рекомендую оттуда отправить съ нарочнымъ курьеромъ къ в. с., и всепокорнѣйше прошу не оставить меня своими повелѣніями, кои доставляемы ко мнѣ быть могутъ чрезъ оный почтамтъ и скоро и вѣрно.

ВѢДОМОСТЬ

о корабляхъ, отправленныхъ въ прошломъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ здѣшняго флота на Черное море.

№		Имена капитановъ.	Число пушекъ.	Число людей по штату.
1	Инаетъ-ханъ (Милость Божія)........	Заде-Ахметъ.	70	450
2	Тиш-пай (Шестиногой)..............	Етендорлы Аглѣетъ.	54	450
3	Бурджъ-Зафаръ (Полюсъ побѣды)	Фундуклы мегли-али.	60	450
4	Фатихъ-Багри (Морской побѣдитель)..	Гелиболы Заде-Халивъ.	54	450
5	Аяръ-Бахри (Морской ходокъ)	Умюнлы Идрисъ.	60	450
6	Двѣ галеры........................	—	—	отъ 80 до 100 чел.

Сверхъ того, находится на Черномъ морѣ зимовавшій въ Синопѣ корабль о 54 пушкахъ.

Изъ помянутыхъ кораблей два отправлены въ Трапезонтъ для привезенія мѣди, два въ Синопъ за строевымъ лѣсомъ, одинъ въ Варну за хлѣбомъ и по возвращеніи сюда обратно за тѣмъ же пошлются, а галеры останутся въ Синопѣ для чищенія порта.

*

№ 2. Къ кн. Потемкину, 15 (26) Мая 1783.

Отправляя курьера къ высочайшему двору, имѣю честь симъ всепокорнѣйше препроводить копію моей реляціи съ ея приложеніемъ, въ

*) Т. е. въ Овидіополь? П. Б.

которой в. с. изволили усмотрѣть все здѣсь происшедшее со времени послѣдняго моего къ вамъ всенижайшаго письма. Прибавить къ оному ничего нельзя, а ежели угодно, чтобы я продолжалъ и впредъ доставлять симъ образомъ здѣшнія новости, буду ожидать повелѣній.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Прибывъ нынѣ къ войскамъ моей команды и учредя въ Херсонѣ пребываніе мое, долгомъ поставляю васъ о семъ увѣдомить. Я занимаюсь теперь предварительными распоряженіями къ выполненію извѣстнаго высочайше возложеннаго на меня служенія и о произведеніи онаго въ дѣйство извѣстить васъ не умедлю; ожидая же о происходящемъ у васъ увѣдомленій вашихъ, имѣю честь быть съ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашимъ покорнымъ слугою кн. Потемкинъ.

23 Мая 1783 года. Херсонъ.

*

№ 4. Къ князю Потемкину въ Херсонъ, 15 (26) Іюня 1783.

Высокопочтеннѣйшія в. с. два письма, которыми удостоить меня изволили изъ Херсона отъ 23 и 26 Мая, мною получены. Принося всенижайшую благодарность, осмѣлюсь увѣрить, что не пощажу ничего по человѣчеству возможнаго для исполненія повелѣнія въ недопущеніи Порты поступить на крайность. Понынѣ она пребываетъ въ молчаніи противъ меня, хотя уже точно обо всемъ знаетъ; и ежели духовенство и чернь не взволнуются, то надѣюсь, что министерство, въ которомъ первый жаръ былъ опасенъ, будетъ снова стараться уменьшить важность сего происшествія, оставляя будущимъ временамъ тому помочь, ежели найдется въ силахъ; а между тѣмъ дѣло уже будетъ совершено.

Не хотя съ моей стороны завести рѣчи, дабы тѣмъ не отнять у Порты способа извиняться передъ всѣми невѣдѣніемъ и не заставить ее принять какія-либо мѣры, употребляю я однако всѣ посторонніе каналы для чиненія ей нужныхъ внушеній. Однимъ она признается въ своей слабости и страхѣ отъ черни, другимъ говоритъ громко, какъ бы была въ силахъ воспрепятствовать намѣреніямъ высочайшаго двора; но по сіе время вывожу я изо всѣхъ моихъ свѣдѣній то заключеніе, что станетъ она тянуть, стараясь между тѣмъ успокоивать духи. Опасно только, чтобы не нахлынули сюда изъ Крыма Татары, кои всѣ ея миролюбивыя мѣры учинятъ недѣйствительными, возмущая и развращая воплемъ своимъ городъ, какъ то̀ и прежде бывало. Почему и осмѣливаюсь всепокорнѣйше представить, что полезно бы для насъ было никого изъ Татаръ не выпускать по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько времени.

Прочія здѣшнія новости изволите усмотрѣть изъ приложенной при семъ записки. Хотя извѣстія, въ ней заключающіяся, и маловажны, но часто подаютъ понятіе о настоящемъ расположеніи духовъ. Я и впредъ продолжу представлять къ в. с., ежели то угодно.

Имѣю удовольствіе всепокорнѣйше во 1-хъ донести, что 10 сего мѣсяца подписалъ я и размѣнялъ торговый трактатъ, точно по высочайшей волѣ и предписаніямъ, и уже полное исполненіе по немъ чинится. Краткость времени и отправленіе всѣхъ бумагъ къ высочайщему двору не позволяютъ мнѣ теперь поднести вашему сіятельству копіи съ сего безпримѣрнаго и неописанную пользу нашимъ подданнымъ приносящаго постановленія, но учиню оное скоро и исправлюсь. Порта весьма рада окончанію сей негоціаціи, которая обращается къ успокоенію народа, не смотря на то, что наложила на себя цѣпи, доказывающія совершенно ея слабость.

*

№ 5. Къ кн. Потемкину, 1 (12) Іюля 1783. Буюкдере.

Имѣю честь всепокорнѣйше приложить копію съ заключеннаго мною съ Портою торговаго трактата и съ сегодняшней моей къ высочайшему двору реляцией съ запискою здѣшнихъ происшествій. Ко всему оному не остается мнѣ ничего прибавить, кромѣ просьбы не оставить меня покровительствомъ в. с., къ изъявленію котораго пидаетъ случай окончаніе, учиненное точно по волѣ в. и. в. сего хлопотливаго и невозможнымъ казавшагося дѣла и быть увѣреннымъ о достодолжномъ высокопочитаніи и проч.

*

№ 7. Къ кн. Потемкину, 1 (12) Августа 1783. Буюкдере.

Часъ отъ часу умножающаяся моровая язва пресѣкла почти съ городомъ сообщеніе, а наступившій рамазанъ, въ который днемъ всѣ спятъ, а ночь проводятъ за столомъ, остановилъ дѣла, такъ что не имѣю я ничего особливаго къ всепокорнѣйшему донесенію съ симъ курьеромъ, кромѣ обыкновенной записки здѣшнихъ новостей, которую при семъ имѣю честь приложить. О Крымѣ теперь мало слышно разговоровъ, но приготовленія попрежнему, хотя и съ малымъ уже жаромъ, продолжаются, и Азіатскія войска, переѣзжая въ Галлиполь, тянутся къ Дунаю, куда теперь назначенный ими командовать въ Измаилѣ Абды-паша уповательно уже прибылъ.

*

№ 11. Къ кн. Потемкину, Буюкдере, 1 (12) Октября 1783.

Имѣю честь всепокорнѣйше вашему сіятельству донести, что 21 минувшаго Сентября размѣнялся я съ рейсефендіемъ ратификаціей тор-

говаго трактата и съ сими нумерами Турецкую отправляю къ высочайшему двору.

Здѣсь все по старому, т. е. пріуготовленія продолжаются для своего собственнаго защищенія и, кажется, о Крымѣ спорить не будутъ, ежели не воспослѣдуетъ какого новаго обстоятельства со стороны Европы. Прочія новости изволите усмотрѣть, в. с., изъ включаемаго здѣсь приложенія.

*

№ 12. Къ кн. Потемкину Буюкдере, 15 (26) Окт. 1783.

Всепокорнѣйше при семъ прилагаю сегодняшнее мое доношеніе къ высочайшему двору, изъ котораго в. с. усмотрѣть изволите всѣ новости. Къ оному имѣю только то прибавить, что Турки день-ото-дня, кажется, становятся мягче, и я имѣю немалую уже надежду, что о Крымѣ хлопотать много не будутъ, ежели дастся имъ увѣреніе, что сосѣди не коснутся до ихъ собственныхъ владѣній.

Извѣстный St. Genie, собиравшій въ Италіи войско для завоеванія Траннебара и потомъ сюда пріѣхавшій со своими офицерами помогать Портѣ противъ насъ, получа отъ нея отказъ и находясь въ бѣдности, проситъ у меня пашпорта въ Россію, говоря, что имѣетъ нужду до в. с. Я ему отвѣчалъ, что, не описавшись, дать онаго не могу людямъ непризнаемымъ даже и посломъ отъ двора; но онъ, не могши болѣе здѣсь оставаться по недостатку въ пропитаніи, отправился водою въ Галацъ съ другимъ офицеромъ по имени Censier, дабы чрезъ Польшу какъ ни есть пробраться въ Россію. Зная, что изъ его туда пріѣзда не можетъ выйти никакой намъ пользы, а послужатъ они только шпіонами непріятелямъ нашимъ, почелъ я за долгъ предупредить о томъ в. с., дабы, ежели то заблагоразсудить изволите, могли завременно быть даны по границѣ въ Кіевѣ, Альвіополѣ, Херсонѣ и даже въ Крыму нужныя о непропускѣ сихъ бродягъ повелѣнія.

*

№ 13 Къ кн. Потемкину, 15 (26) Ноября 1783 г. Буюкдере.

Высокопочтеннѣйше и милостивыми свыше моихъ заслугъ выраженіями наполненное письмо в. с. отъ 16 Октября имѣлъ я честь на сихъ дняхъ получить съ курьеромъ, привезшимъ ко мнѣ рѣшительныя высочайшія по Татарскимъ дѣламъ повелѣнія. Нимало не упуская времени, приступлю къ исполненію оныхъ, употребляя притомъ всѣ тѣ наставленія, коими в. с. почтить меня изволили, и счастливъ буду, ежели Богъ позволитъ совершить и сію премудрую монаршую волю съ таковымъ же успѣхомъ, каковымъ увѣнчевалъ Онъ прежніе мои труды. Сколько по человѣчеству и по слабому моему разумѣнію можно было,

предуготовлялъ я всѣ средства и пружины къ сему дѣйствованію и не лишаюсь еще надежды видѣть и въ нихъ пользу, ежели не случится какого новаго посторонняго и непредвидимаго обстоятельства, какъ тому ежедневно въ здѣшней землѣ бываютъ примѣры. Конечно, не премину представлять в. с. обо всемъ, что̀ происходить будетъ; теперь же остается мнѣ донести, что на сихъ дняхъ получено повелѣніе Вѣнскому интернунцію по прежнему мнѣ содѣйствовать, а Англійскому и Французскому посламъ сноситься между собою и соединенными силами отвращать Порту отъ войны. Она рада молчаніемъ признать случившееся въ Крыму и тѣмъ отдѣлаться, но сего намъ недовольно; слѣдовательно вся трудность состоитъ въ подписаніи на то акта, а принудить къ сему визиря почитаю здѣсь невозможнымъ, ибо онъ почти увѣренъ, что вскорѣ тотъ пожертвуетъ головою.

Важныхъ происшествій въ семъ краю нѣтъ, а мелочныя новости изволите усмотрѣть изъ приложеннаго журнала, который всепокорнѣйше препровождаю.

*

№ 14. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Ноября 1783.

Предуготовя всѣ нужныя мѣры, потребовалъ я у министерства конференціи, вручилъ ему на оной, сего мѣсяца меморіалъ и просилъ деклараціи. Рейсефендій не могъ ничего отвѣчать и взялъ все на доношеніе. Теперь происходитъ совѣтованіе, а на сихъ дняхъ назначенъ большой совѣтъ. Не могу еще в. с. донести ничего головою*), ибо они сами не знаютъ, что̀ дѣлать и что̀ рѣшить. Между тѣмъ не упускаю я ни самой мелкости, могущей споспѣшествовать доброму концу; дѣло можетъ быть скоро объяснится, и я съ будущимъ курьеромъ о томъ донесу. Мое мнѣніе никогда не перемѣнялось, что не сошедъ съ ума не могутъ они пошевелиться; но иногда сходятъ съ ума и разумные люди. Заботы мои не только съ Турками, но и съ помощниками, которые отъ усердія меня сушатъ, не позволяютъ мнѣ теперь войти въ подробности, кои, я вѣрю, только в. с. наскучили, и я принужденъ кончить сіе, ссылаясь на извѣстія, содержащіяся въ приложенномъ журналѣ и препоручаю себя покровительству вашему.

*

№ 15. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Дек. 1783.

Извѣстясь, что в. с. предпріяло изъ Чернигова путь въ Петербургъ, не осмѣливаюсь больше трудитъ особымъ донесеніемъ о здѣшнихъ происхожденіяхъ, кои изволите увидѣть изъ всеподданнѣйшихъ

*) Т. е. вообще. П. Б.

моихъ реляцій, отправляемыхъ съ симъ курьеромъ, а осмѣлюсь только препоручить себя продолженію милостиваго ко мнѣ покровительства и просить не лишать онаго и впредъ.

*

№ 16. Къ кн. Потемкину, 28 Дек. 1783.

Начатое в. с. Крымское дѣло благополучно приведено къ концу. Сейчасъ подписалъ я и размѣнялъ съ Турецкими полномочными повелѣнной актъ. Спѣша отправить первое о томъ всеподданѣйшее доношеніе, почитаю за долгъ принести в. с. всепокорнѣйшее мое поздравленіе, какъ главному начальнику сего славнаго, счастливаго и безъ потери людей, денегъ и какихъ либо выгодъ совершившагося происшествія.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Свидѣтельствуя благодарность мою за письмо ваше отъ 28 Декабря и преподаемыя во ономъ извѣстія о совершеніи дѣла Крымскаго, взаимно васъ поздравляю съ благимъ окончаніемъ сего возложеннаго на васъ подвига. Крайнія затрудненія и препятство, которыя вамъ преодолѣвать было должно, умножаютъ цѣну заслуги вашей, и я не престану всегда признавать и исповѣдывать пользы и успѣхи, которыя со вступленіи вашего въ настоящеее званіе пріобрѣли дѣла наши при Портѣ, перемѣня совсѣмъ видъ свои и теченіе. Сія есть справедливость, которую отдать вамъ тѣмъ для меня пріятнѣе, чѣмъ искреннѣе къ вамъ почтеніе вашего, милостивый государь мой, покорнаго слуги кн. Потемкина.

Генваря 15 дня 1784 года.

*

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Чистосердечно поздравляю васъ съ окончаніемъ толь *знаменитаго дѣла. Труды ваши останутся въ потомствѣ.* Могу васъ при томъ увѣрить, что ея величество изволитъ отдавать вамъ ту справедливость, которую вы заслуживаете, и не упущу стараться и о томъ, что̀ вы писали. Что̀ если я изъ Крыма на суднѣ пріѣду къ вамъ въ гости? Я безъ шутокъ хочу знать, можно ли сіе сдѣлать. Считать буду за счастіе.

8 Февраля 1784. С.-Петербургъ.

*

Къ кн. Потемкину, Пера, 1 (12) Генв. 1785 г.

Высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 16 Октября минувшаго года о дѣлѣ Таганрогскаго жителя Панаіотія Мораита удостоился я получить на сихъ дняхъ. Не хотя безпокоить в. с. долгимъ описаніемъ обстоятельствъ сего дѣла, осмѣливаюсь при семъ всепокорнѣйше приложить ко-

піи съ писемъ моихъ къ ихъ сіятельствамъ вицеканцлеру и гр. Безбородкѣ, изъ коихъ досмотрѣть изволите настоящія по сему дѣлу препятствія. Я во всѣхъ жалобахъ и требованіяхъ нашихъ подданныхъ, гдѣ только хотя тѣнь справедливости находится на ихъ сторонѣ, доставляю имъ удовлетвореніе, не ожидая на то и повелѣній; но просьба Мораитова есть такого рода, что связана съ политическими дѣлами высочайшаго двора и не отъ меня слѣдственно зависитъ въ томъ ему здѣсь помочь.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

Отправляя нарочнаго къ вашему превосходительству курьера съ высочайшимъ повелѣніемъ по поводу отзывовъ жителей Очаковскихъ, ваше превосходительство прошу по сдѣланіи надлежащихъ представленій Портѣ и истребованіи удовлетворительнаго ея рѣшенія, возвратить курьера ко мнѣ на томъ же самомъ пакетъ-ботѣ, на которомъ онъ къ вамъ отправленъ. Затѣмъ пользуюсь я симъ случаемъ къ увѣренію васъ объ отличномъ почтеніи, съ коимъ пребываю кн. Потемкинъ,

Іюля 29 дня 1785 г. Царское Село.
Его п-ству Булгакову.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

При умножающейся торговлѣ на Черномъ морѣ и по выгодамъ, коими пользуется на сихъ водахъ флагъ Россійскій, можетъ быть, является къ вашему превосходительству купечество, получить оный желающее. Для сего имѣю я честь къ вамъ препроводить двѣнадцать патентовъ на толикое жъ число судовъ. Я прошу ваше превосходительство, въ случаѣ вступающихъ къ вамъ просьбъ о дачѣ флаговъ, снабдѣвать просящихъ патентами, соображаясь однако въ семъ случаѣ съ предписаніемъ прилагаемаго здѣсь въ копіи высочайшаго рескрипта, особливожъ чтобъ получающіе сіи патенты были люди надежные, которые бы ни малѣйшаго не нанесли оному предосужденія, въ чемъ и нужно достовѣрное за нихъ ручательство.

Пребываю я съ отмѣннымъ къ вамъ почтеннымъ кн. Потемкинъ.

Іюля 29 дня 1785 г.

*

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется черезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что въ сходственномъ всевысочайшаго ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей, повелѣнія, коимъ всевысочайше препоручена мнѣ дача флаговъ подданнымъ ея величества на торговыя ихъ суда, въ Черное и Средиземное морѣ отправляемыя, доз-

волено Херсонскому жителю Антоніу Антуану торгъ въ помянутыхъ моряхъ производить, желающему поднять флагъ Россійской на........ его именуем..... подъемлющей............ и употреблять сей флагъ отъ нижеписаннаго числа въ теченіе трехъ лѣтъ, дабы такимъ образомъ могъ онъ свободное имѣть по тѣмъ водамъ плаваніе и безпрепятственно справлять торговлю, пользуясь всѣми тѣми выгодами и преимуществами, каковыя по силѣ учиненныхъ между имперіей Россійскою, блистательною Портою Оттоманскою и прочими державами трактатовъ Россійскому флагу принадлежать. Во удостовѣреніе чего сей отверстый листъ рукою и печатью герба моего утвержденъ. Въ С.-Пб. Февраля 25 дня 1784 года. Sur le vaisseau le Comte de Stackelberg du Tort de DXLVII tonneaux. (подп.) князь Потемкинъ.

(Титулъ князя Потемкина).

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Живущіе въ Константинополѣ Армяне, урожденцы Персидскіе, Николай и Исай Мосѣевы и Моисей Николаевъ имѣютъ желаніе войти въ подданство Ея Императорскаго Величества. Они просятъ о томъ чрезъ письма своихъ здѣсь родственниковъ. Если ваше превосходительство не находите препятствъ къ исполненію желанія ихъ, то покорно прошу надлежащимъ образомъ удовлетворить оному и въ такомъ случаѣ доставить имъ покровительство, каковымъ пользуются Россійскіе подданные, меня же увѣдомить. Кн. Потемкинъ.

P. S. Я бы думалъ приличнѣе имъ назваться купцами Херсонскими.

Августа 26 дня 1785.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Авг. (10) Сент. 1785 г.

Въ половинѣ Августа прибылъ сюда изъ Марселіи подъ Россійскимъ купеческимъ флагомъ корабль, называемый «Графъ Штакельбергъ», принадлежащій Херсонскому купцу Антуану и товарищамъ, отправленный въ Херсонъ для забранія мачтъ, вывезенныхъ туда изъ Польши. Оной корабль принадлежалъ недавно къ королевскому флоту, совершенно формы и конструкціи военной, имѣющій на нижней батареѣ мѣста на 24 пушки, сверхъ верхней, и поднимающій до 26 тысячъ киловъ (слѣдовательно превосходящій десятью тысячами постановленія трактата); прежде назывался онъ «La Sirène» и года три назадъ былъ здѣсь въ военномъ видѣ. Появленіе сего огромнаго и впрочемъ знакомаго уже здѣсь судна произвело немалую тревогу. Я заставилъ молчать лиманназира или капитана порта и увѣрилъ разными изворотами министерство, что оный корабль не больше положенія, хотя таковымъ кажется. Ферманъ на пропускъ его былъ уже выданъ, но по несчастію капитанъ бросилъ якорь въ виду, и султанъ прислалъ къ Портѣ за-

просъ, за коимъ послѣдовало повелѣніе отобрать ферманъ и выправить его въ Бѣлое море.

Не желая претерпѣть отсылкою сего корабля, которая, не смотря на частое злоупотребленіе нашими торгующими, была бы самая первая, употребилъ я всѣ отъ меня зависящія побужденія и наконецъ довелъ до того министерство, что оно обѣщалось удовольствоваться, ежели я обязуюсь письменно, что оный корабль возвратится изъ Херсона во Францію и вторично сюда присланъ оттуда не будетъ. Не видя иного способа скрыть предъ публикою непріятности, происходящей отъ безразсудной присылки онаго корабля, согласился я дать оное обязательство, но желалось мнѣ и въ томъ надъ ними взять верхъ. Когда драгоманъ Пизаній принесъ отповѣдь мою, что я даю обязательство о возвращеніи изъ Херсона онаго корабля во Францію и министерство потребовало онаго на письмѣ, то рейсефендій вступился, говоря, что онъ мое слово почитаетъ за трактатъ и, зная меня, головою своею отвѣчаетъ за сдержаніе онаго, чѣмъ всѣ удовольствовались, и ферманъ на пропускъ корабля опять мнѣ былъ выданъ. Но хлопоты тѣмъ не кончились, и корабль вновь остановленъ. Когда послали къ султану репортъ, въ которомъ просто сказали, что я обязался на возвращеніе корабля, то онъ, повидимому поджигаемый кѣмъ нибудь изъ враговъ нашихъ, хотѣлъ конечно видѣть самъ мою бумагу. Почему и надлежало что-нибудь дать; но я, постоянно избѣгая исполнять Турецкія прихоти, поупрямился дать обязательство мною подписанное, дабы не имѣли они доказательства, что трактатъ нарушается съ нашей стороны, а велѣлъ драгоману Пизанію написать слѣдующее на Турецкомъ языкѣ: Touchant le batiment Russe venu en dernier lieu de France, commandé par le capitaine Smillet, destiné d'aller à la Mer Noir pour prendre de Kerson une cargaison de mats, l'envoyé extraordinaire et ministre plenipotentiairé de la Cour Impériale de Russie résidant auprès de la Sublime Porte, a promis avec sa parole, que le susdit batiment ira seulement pour cette fois à Kerson pour prendre la susdite cargaison et reviendra ici (s'entend s'il ne lui arrive pas le malheur de mer) pour retourner en France sans plus revenir. Le 22 Aout 1785.

Симъ способомъ выпутался я со славою изъ хлопотъ. Корабль отпущенъ и отправится съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, а съ капитана, дабы Французы не навлекли мнѣ какихъ новыхъ заботъ, я взялъ обязательство, что онъ возвратится сюда съ кораблемъ въ теченіи сего года.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Авг. (10 Сент.) 1785.

Удостоился я получить высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 29 Іюля съ приложеніемъ 12 патентовъ на толикое же число судовъ для желающихъ торговать подъ Россійскимъ купеческимъ флагомъ. Всенижайшую принося благодарность за сей новый знакъ ко мнѣ довѣренности, осмѣлюсь обнадежить в. с., что конечно злоупотребленія изъ оной не выдетъ, тѣмъ паче, что я по мѣсту своему обязанъ силою трактата отвѣчать за плавающихъ подъ нашимъ флагомъ. Сколь же скоро, на основаніи присланнаго ко мнѣ въ копіи высочайшаго рескрипта, снабжу кого изъ желающихъ онымъ патентомъ, не премину в. с. о томъ донести.

Говоря о сей матеріи, за долгъ почитаю донести, что консулы наши, зависящіе отъ Венеціанскаго поста, присвояютъ себѣ ввѣренную в. с. власть давать флаги, и именно г. Бечили далъ оный двумъ своимъ пріятелямъ, Цефалонскимъ жителямъ. Какъ я, не будучи увѣренъ, не по повелѣнью ли вашему онъ на сіе поступилъ, пропустилъ въ Таганрогъ и писалъ туда разсмотрѣть, могутъ ли они имѣть сіе право, не будучи нашими подданными; то въ отвѣтъ мнѣ сказано только, что сіе разсмотрѣніе мнѣ предоставляютъ. Писалъ я такоже и къ Г. Ежели сіе продлжится, то для торговли великое злоупотребленіе и вредъ, а министру здѣсь пребывающему безконечныя хлопоты воспослѣдуютъ. Я и теперь насилу вышелъ изъ хлопотъ, причиненныхъ мнѣ купцомъ Антуаномъ, который воспользовался даннымъ отъ в. с. бѣлымъ патентомъ, какъ то изволите усмотрѣть изъ записки, при семъ всепокорнѣйше представляемой. Ежели бы не предуспѣлъ я исправить его проступки, то бы и нашей доброй вѣрѣ въ наблюденіи обязательствъ, трактатомъ утвержденныхъ, причинился ударъ, а онъ бы отъ недопущенія корабля до Херсона въ конецъ разорился.

Принимаю смѣлость всенижайше просить не оставить меня милостивымъ наставленіемъ, могу ли я давать патенты нашимъ подданнымъ, находящимся въ службѣ, какъ напримѣръ, принадлежащимъ къ здѣшнему посту людямъ и зависящимъ отъ него консуламъ, ежели кто изъ нихъ пожелаетъ имѣть свое собственное судно. Сіе тѣмъ мнѣ нужнѣе, что нѣкоторые ко мнѣ уже отзывались.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Авг. (10) Сент. 1785.

Получа съ нарочнымъ курьеромъ высокопочтеннѣйшее в. с. повелѣніе отъ 29 Іюля, препровожденное высочайшимъ рескриптомъ, по поводу споровъ съ Агаповцами о Кинбурнской соли, тотчасъ учинилъ я у Порты домогательство и получилъ удовлетворительное рѣшеніе.

Отправляю онаго курьера обратно въ Херсонъ на пакетботѣ Битюгѣ съ сообщеніемъ обо всемъ къ Г. и къ губернатору Коховскому, прося перваго о неукоснительномъ доставленіи сего пакета в. с.

Изъ приложенной копіи со всеподданнѣйшей моей реляціи и перевода отправленнаго въ Очаковъ фермана в. с. усмотрѣть изволите, что̀ мною учинено и какія туда повелѣнія посланы. Турецкому начальнику дана свобода назначить количество соли или изыскать съ общаго, съ нашимъ согласія, какой другой выгоднѣйшій образъ довольствованія жителей солью, почему и надѣюсь, что сіе безпокойное дѣло приведено будетъ вскорѣ къ желаемому концу.

Съ тѣмъ же курьеромъ получилъ я высочайшее повелѣніе о склоненіи Порты назначить пограничнаго комиссара для разбора и рѣшенія мелкихъ споровъ и дѣлъ, и уже началъ о томъ стараться; но краткость времени и забота правительства въ тушеніи пожаровъ не дозволили мнѣ еще добиться отвѣта. Думаю, что чернь, недовольная правленіемъ, поджигаетъ городъ. Правда ли то или нѣтъ, еще точно неизвѣстно; но то правда, что пожары бываютъ ежедневно, а часто по три и по четыре вдругъ, даже и въ Перѣ, гдѣ третьяго дня въ трехъ мѣстахъ огонь появился. По счастію нашему, предуспѣвали не давать онымъ распространяться.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

По просьбѣ Россійскаго генерал-консула въ Александріи и въ Египтѣ маіора Тонуса симъ препровождаю къ в. п. два патента на поднятіе Россійскаго флага на собственныхъ его купеческихъ корабляхъ, которые и прошу доставить ему, Тонусу, со взятіемъ обязательства на основаніи высочайшаго Ея Императорскаго Величества мнѣ рескрипта, въ копіи къ вамъ отъ меня отправленнаго.

Ноября 8 дня 1785 года.

*

Божіею милостію мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу, Военной Коллегіи вице-президенту, Новороссійскому, Азовскому, Астраханскому и Саратовскому генералъ-губернатору князю Потемкину.

Мы уже дали знать нашимъ коллегіямъ иностранныхъ дѣлъ и адмиралтейской о соизволеніи нашемъ, чтобы дача Россійскихъ флаговъ на торговыя суда подданныхъ нашихъ, по Черному морю, а изъ того въ Средиземное море плавающія, предоставлена была вамъ; въ слѣдствіе чего нужнымъ мы признали преподать вамъ потребные по сему пункты наставленія, сходствующіе положенію того края и постановленнымъ о томъ правиламъ, повелѣваемъ. *Первое*: Россійскіе флаги на торговыя суда

по Черному морю, а изъ того въ Средиземное плавающія давать подданнымъ нашимъ, какого бъ они народа и закона ни были, наблюдая предписанное въ четвертой статьѣ указа нашего отъ 8 Мая 1780 г. о записывающихся въ подданство наше иностранцахъ. *Второе.* Къ наблюденію вашему относиться долженствуетъ, чтобы флаги наши даны были неинако какъ людямъ извѣстнымъ или же имѣющимъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ или торги свои отправляютъ надлежащія свидѣтельства и одобренія, и чтобы получающіе оные были люди надежные, отъ коихъ флагу и торговлѣ нашей не могло бы послѣдовать никакого предосужденія. *Третіе.* Въ отсутствіи вашемъ отъ губерній вамъ ввѣренныхъ позволяемъ вамъ возложить таковую дачу, если вы разсудите за благо, на кого-либо изъ тамошняго начальства по вашему разсмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы онъ поступалъ по точности сего предписанія и всякой разъ доносилъ вамъ кому именно и съ какимъ одобреніемъ явившемуся данъ флагъ.

Пребываемъ въ прочемъ вамъ императорскою нашею милостью всегда благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, Генваря 4 дня 1783.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою: Екатерина.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Греческой купецъ и города Таганрога житель Панаіотъ Мусантовъ въ поданномъ мнѣ прошеніи прописываетъ, что онъ по открытіи по Черному и Бѣлому морямъ Россійской торговли отправилъ въ прошломъ 1778 г. обще съ товарищемъ своимъ судно въ Константинополь. Прикащикъ ихъ, съ дозволенія бывшаго тамъ Россійскаго министра Стахіева и Оттоманской Порты, нагрузилъ оное разными товарами съ заплатою надлежащихъ пошлинъ и, получивъ отъ Порты пропускной ферманъ, а отъ министра пашпортъ, отправился оттуда въ обратный путь; но не успѣлъ доплыть до крѣпости, какъ судно умышленно возвращено въ Буюкдере и задержано подъ арестомъ семь мѣсяцевъ, послѣ чего хотя и отпущено, но какъ настала зима, то едва могъ онъ доѣхать до Балаклавской гавани и тамъ по необходимости зимовать, въ Таганрогъ же прибылъ уже въ 1779 году, въ Маѣ мѣсяцѣ. Отъ таковаго годичнаго съ товарами пребыванія оные пришли въ гибель, и купцы претерпѣли убытку, считая покупку товару, содержаніе судна и починку онаго, на пятнадцать тысячъ восемьсотъ шестьдесятъ одинъ рубль тридцать восемъ копеекъ. Ваше превосходительство, какъ объясняетъ помянутый купецъ, извѣстны уже о семъ дѣлѣ изъ отправленнаго къ вамъ съ высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи отъ 12 Іюня 1783 года изъ государственной иностранной коллегіи рескрипта и одобрительнаго отъ господина тайнаго совѣтника и кавалера графа Безбородки письма, и потому конечно сдѣлали уже нужныя розысканія. Я также и съ своей стороны, по долгу званія моего, не могши не принять участія въ нанесенномъ убыткѣ жителямъ ввѣренной мнѣ губерніи,

ваше превосходительство покорно прошу о убѣжденіи при Портѣ кого слѣдуетъ къ разобранію сего дѣла и доставленіи обиженному должнаго удовлетворенія.

Октября 16 дня 1785 года.
Его прев-ству Булгакову.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Въ Августѣ мѣсяцѣ сего года жительствующій на Ингулѣ Французской купецъ Фаберъ ограбленъ былъ вышедшими съ Турецкой стороны людьми. Убытокъ при семъ имъ понесенный простирается до пяти тысячъ рублей, а сверхъ того, защищавшіе его служители многіе поранены и одинъ убитъ до смерти. Господинъ генералъ-маіоръ Рѣпнинской, увѣдомивъ о семъ Очаковскаго пашу, требовалъ скорѣйшаго изысканія сихъ злодѣевъ и доставленія ему, Фаберу, удовольствія, которое при началѣ и было обѣщано; но наконецъ сдѣланъ отзывъ, что злодѣи скрылись и потому нѣтъ возможности обиженнаго удовлетворить. Равнымъ образомъ и Херсонской купецъ Карасевъ, имѣвъ въ долгу на Очаковскихъ Туркахъ тысячу восемьсотъ рублей, искалъ себѣ уплаты сихъ денегъ, но послѣ всѣхъ обнадеживаній напослѣдокъ объявлено ему, что заимщики долгу выплатить не въ состояніи. Столь малое уваженіе справедливыхъ требованій, по долгу моего начальства, заставляетъ меня ваше превосходительство просить о исходатайствованіи отъ Порты строгаго предписанія въ Очаковъ, дабы купцамъ Фаберу и Карасеву надлежащее сдѣлано было удовлетвореніе.

Декабря 6 дня 1785 г.
Его п-ству Булгакову.

*

Къ кн. Потемкину, Пера, 15 (26) Декабря 1785 г.

Высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 26 Августа съ повелѣніемъ объ Армянахъ Моисеевыхъ удостоился я получить на сихъ дняхъ и, переговоря съ ними, слѣдующее имѣю честь донести.

Хотя они и Персидскіе уроженцы, но давно здѣсь поселились, признаются подданными Порты, платили харачъ, и наконецъ для избѣжанія сего платежа одинъ изъ нихъ сдѣлался Голландскимъ баратеромъ, другой пользуется протекціею Голландскаго же посла, а третій уѣхалъ въ Персію. Слѣдовательно не зависѣло отъ меня исполнить страннаго ихъ желанія, которое въ томъ состоитъ, чтобы, будучи подданными Порты и баратерами Голландіи, пользоваться подъ своимъ именемъ преимуществами Россіянъ въ разсужденіи пошлинъ безъ всякой для Россіи пользы; а войти въ подданство наше они не намѣрены и сами признаются, что не могутъ. Впротчемъ переманить ихъ изъ подъ Голландской

протекціи въ нашу нельзя безъ оскорбленія посла; да ежели бы они и хотѣли поселиться, о чемъ не думаютъ, въ Россіи, то Порта можетъ потребовать ихъ какъ своихъ бѣглыхъ, а по меньшей мѣрѣ не можно имъ будетъ болѣе здѣсь торговать. Въ угодность в. с. предложилъ я имъ, чтобы они товары свои привозили подъ именемъ какого Русскаго купца, но они на то не согласились.

Осмѣливаюсь представить здѣсь прошеніе, поданное мнѣ отъ родственниковъ одного въ Россіи находящагося Армянина Симоніана. Не зная совсѣмъ дѣла, не могъ я имъ никакого точнаго отвѣта дать и всепокорнѣйше прошу, ежели сіе дѣло заслуживаетъ отвѣта или какое уваженіе, повелѣть меня наставить, что̀ просителямъ сказать, дабы впредъ они в. с. не безпокоили.

*

Къ кн. Потемкину, Пера, 15 (26) Генваря 1786.

Высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 8 Ноября съ двумя патентами на Россійскій флагъ удостоился я получить, и съ первымъ случаемъ не премину оные доставить къ находящемуся въ Александріи г. к. барону Тонусу въ силу изъявленнаго мнѣ о томъ въ помянутомъ письмѣ повелѣнія.

*

Пера, 1 (12) Марта 1786.

Удостоясь получить съ послѣднимъ курьеромъ высокопочтеннѣйшее в. с. повелѣніе отъ 6 Декабря по поводу ограбленнаго на Ингулѣ живущаго купца Фабера и имѣющагося на Очаковскихъ Туркахъ долга Херсонскаго купца Карасева, принесъ я Портѣ жалобу на Очаковскаго пашу въ неисполненіи понынѣ посланныхъ къ нему указовъ и съ симъ же курьеромъ отправляю къ г. ген. маіору Репнинскому новые и строгіе ферманы о скорѣйшемъ удовлетвореніи не только сихъ, но и другихъ нашихъ подобныхъ требованій.

*

Къ кн. Потемкину, Пера. 1 (12) Апрѣля 1786 г.

Находящійся здѣсь для учрежденія торговыхъ дѣлъ его Польскаго величества совѣтникъ г. Хржановскій подалъ мнѣ ноту, которую при семъ представляя, всепокорнѣйше прошу в. с. удостоить меня повелѣній, какой ему отвѣтъ дать, который тѣмъ для него нужнѣе, что Польская компанія иного не ожидаетъ, кромѣ просимыхъ ею распоряженій для начатія своихъ операцій симъ лѣтомъ.

*

Къ кн. Потемкину, Пера. 1 (12) Апрѣля 1786 г.

Извѣстный в. с. Агличанинъ г. Итонъ, ищущій всѣми силами способовъ быть Россіи полезнымъ, просилъ меня представить в. с. прило-

женныя при семъ два проекта. Можетъ быть, по обстоятельствамъ и заслужатъ они уваженія, и въ семъ случаѣ осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить удостоить меня своими повелѣніями. Оной Итонъ, независимо отъ сихъ проектовъ и прежней его о консульствѣ просьбы, имѣетъ во многихъ частяхъ наукъ и художествъ столь обстоятельныя знанія, что, думаю, съ немалою пользою могъ бы употребленъ быть вездѣ и особливо въ Таврической области, гдѣ нужда въ разныхъ новыхъ заведеніяхъ. Въ ожиданіи всепочтеннѣйшихъ повелѣній, не угодно ли будетъ, чтобы я его самого прислалъ.

*

Къ кн. Потемкину. Къ вицеканцлеру
къ кн. Безбородку. 12 (23) Мая 1786.

Вручитель сего г. Шевалье-Ворслей, человѣкъ въ Англіи знатный, губернаторъ острова Вейта, тайный совѣтникъ, другъ г. Пита, странствующій изъ любопытства и объѣхавшій не только всю почти Европу, но и другія части свѣта, вознамѣрился предпріять путь чрезъ Тавриду въ Петербургъ и просилъ меня препроводить его письмомъ къ в. с. Хотя я знаю совершенно, что нѣтъ ему въ томъ нужды, не хотѣлъ я однако сдѣлать ему отказа и осмѣлился сіе дать. Онъ отправляется въ Тавриду на пакетботѣ, привезшемъ сюда миледи Кревенъ, которая прославляетъ оказанныя ей отъ в. с. учтивости и не можетъ довольно выхвалить красоту Тавриды и возблагодарить за все для нея учиненное по приказу в. с. тамошнимъ губернаторомъ. Она поѣхала теперь въ Архипелагъ, гдѣ, пробывъ мѣсяца два, возвратится сюда и отправится сухимъ путемъ въ Вѣну.

*

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Отпустя нынѣ сорокъ человѣкъ Татаръ Таврическихъ на поклоненіе въ Мекку, препровождаю къ вашему превосходительству имянной оныхъ списокъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдованіи ихъ чрезъ Константинополь не оставили вы безъ примѣчанія отзывовъ ихъ и роду обращенія, каковый имѣть будутъ съ ними Турки, и чтобъ преподали мнѣ о томъ ваше увѣдомленіе.

Іюня 5 дня 1786. Его п-ству Булгакову.

*

Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 15 (26) Августа 1786.

Съ послѣднимъ курьеромъ удостоился я получить высокопочтеннѣйшее в. с. повелѣніе отъ 5 Іюня касательно до отпущенныхъ на поклоненіе въ Мекку сорока Таврическихъ Татаръ и конечно оное исполню, сколь скоро помянутые поклонники сюда прибудутъ. Извѣ-

стія объ нихъ никакого еще нѣтъ, а какъ слышно, что немало подобныхъ Татаръ проѣхало чрезъ Трапезонтъ, то статься легко можетъ, что и сіи путь свой взяли для выигрыша времени чрезъ помянутый городъ.

*

№ 1. Къ кн. Потемкину. 15 (26) Окт. 1786.

Получа высочайшее повелѣніе доносить в. с. о здѣшнихъ дѣлахъ по отправленіи вашемъ изъ С.-Петербурга, за счастіе я поставлю наблюдать съ обыкновеннымъ моимъ усердіемъ сей долгъ, исполнять со всею ревностью приказанія, коими удостоить меня изволите и руководствоваться наставленіями в. с. какъ для моего собственнаго поведенія, такъ и для пользы высочайшей службы.

Дѣло Ахалцыское благополучно кончено на основаніи высочайшихъ повелѣній. Порта отправляетъ къ тамошнему пашѣ нарочнаго чиновника съ строгимъ ферманомъ не касаться и не дозволять безпокоить Лезгинцамъ области царя Ираклія, который названъ въономъ ферманѣ уже не подданнымъ, но добрымъ сосѣдомъ Порты. Надѣюсь, что повелѣніе ея будутъ пашею исполнено и спокойствіе на границѣ возстановится.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Ко времени высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Тавриду прибытія, ваше превосходительство прошу приговорить хорошаго туда купца съ алмазными и жемчужными вещьми, также и другихъ купцовъ съ разными Турецкими товарами, которые безъ сомнѣнія не будутъ имѣть причины раскаиваться въ сей поѣздкѣ, а ваше превосходительство можете быть увѣрены объ отличномъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ пребываетъ вашего превосходительства кн. Потемкинъ.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

Его свѣтлости князю Потемкину. „22 Августа 1786“.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь!

Съ сердцемъ горестію наполненнымъ утруждаю симъ вашу свѣтлость. Въ теченіе службы моей многія славныя нашей великой Монархини дѣла шли чрезъ мои руки, хотя сначала и подъ начальствомъ другихъ. Выборъ Польскаго короля, диссидентское дѣло, раздѣлъ Польши, Цареградское посольство, Тешинскій миръ, разграниченіе Польши, разныя здѣсь учрежденія, тарифъ, торговый трактатъ, Крымскій актъ служатъ доказательствомъ моего усердія и ревности. Теперь, по 25 лѣтней, безпрерывной и трудной службѣ, атакованъ я и мои подчиненные пришельцемъ, проводившимъ всю жизнь свою въ интригахъ и тюрьмахъ,

во зло употребляющимъ нынѣшнее свое званіе и благотвореніе своихъ покровителей, утопающимъ въ долгахъ, хватая оные у тѣхъ, кого силою своею въ Россіи застращать или адскими выдумками ослѣпить предуспѣваетъ, и наконецъ разстраивающимъ здѣсь дѣла высочайшаго двора, а именно Смирнскимъ генеральнымъ консуломъ Петромъ Ферріеріемъ. Всѣ бумаги посылаю я къ его сіятельству графу Александру Андреевичу Безбородку, почему и не хочу докучать повтореніемъ дѣла, а осмѣливаюсь только прибѣгнуть къ милостивому вашей свѣтлости посредству для поверженія меня къ освященнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ и для исходатайствованія всемилостивѣйшаго Ея правосудія по разсмотрѣніи оныхъ бумагъ въ Совѣтѣ.

Богу единому извѣстно, сколь трудно мнѣ изворачиваться въ нынѣшнихъ критическихъ обстоятельствахъ, когда дѣло идетъ почти не меньше какъ о войнѣ; и въ сіе самое время бродяга, ни вѣры, ни совѣсти не имѣющій, изобрѣтаетъ скаредства для нанесенія дѣламъ большаго вреда. Когда онъ осмѣлился чрезъ меня самого писать ложь и клевету, то безъ сумнѣнія прямо еще больше наплететъ каверзъ; но я, зная правосудіе министерства, надѣюсь, что онымъ вѣра подана не будетъ, по меньшей мѣрѣ не спрося прежде у оклеветаемыхъ отвѣта.

Въ качествѣ стариннаго дворянина и честнаго человѣка, спросился бы я только у одной чести о способѣ прекратить сіи скаредства; но министръ, служащій Государю и Отечеству съ вѣрою, усердіемъ и раченіемъ, защищается и охраняется столпами Имперіи, отъ коихъ зависятъ цѣлость государства и правосудіе подданныхъ. Прибѣгаю слѣдовательно къ вашей свѣтлости и отъ васъ ожидаю моего удовлетворенія.

Имѣю честь съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностію и пр.

Буюкдере, 1 (12) Августа 1786.

*

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Сіе вручитъ вамъ господинъ канцелярій совѣтникъ Лашкаревъ. Я препоручилъ ему въ проѣздъ чрезъ Букарестъ точнѣе развѣдать поступки господаря Волосскаго и расположеніе къ нему его подданныхъ, въ пользу которыхъ ваше превосходительство и можете полученныя отъ него извѣстія употребить при Портѣ, если обстоятельства того потребуютъ. Сверхъ того господинъ Лашкаревъ, будучи назначенъ главнымъ повѣреннымъ въ Персіи, въ бытность свою въ Константинополѣ узнаетъ вѣрнѣе настоящую связь тамошнихъ дѣлъ съ Портою, въ чемъ и ваше превосходительство сдѣлаете ему нужное способствованіе, преподавъ притомъ и изустно мнѣ чрезъ него всѣ извѣстія къ свѣдѣнію нужныя

и будучи въ прочемъ увѣрены, что съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ и проч. кн. Потемкинъ.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Въ разсужденіи высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ здѣшній край путешествія, нужно примѣтить Портѣ обыкновенный между г сударями въ Европѣ обрядъ, что въ случаѣ приближенія одного государя къ границамъ другого, взаимно въ знакъ дружбы они обсылаются съ комплементами. Ваше превосходительство присовѣтуйте наблюсти сіе Портѣ, интересовавъ тутъ кого нибудь изъ хорошихъ и нужныхъ людей, которому конечно пожалованъ будетъ и подарокъ хорошій.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ!

Препоруча господину канцеляріи совѣтнику Лашкареву покупку разныхъ Турецкихъ вещей въ Константинополѣ, ваше превосходительство прошу на то употребить до 15000 рублей. По первому вашему увѣдомленію возвращу я къ вамъ съ благодареніемъ издержанную сумму.

Декабря 13 дня 1786 г. Кременчугъ.

*

№ 2 Къ Кн. Потемкину, Пера 15 (26) Дек. 1786 г.

Получа извѣстіе изъ Авлеополя*), что в. с. отправиться уже изволили изъ С.-Петербурга, начинаю исполненіе данныхъ мнѣ высочайшихъ повелѣній и при семъ всепокорнѣйше прилагаю дубликаты четырехъ всеподданнѣйшихъ реляцій, двухъ послѣднихъ и сегодняшняго отправленія, прося г. подполковника и г. почтмейстера Пулевича отправить ихъ тотчасъ съ нарочнымъ курьеромъ навстрѣчу къ в. с., ежели другого какого о доставленіи моихъ пакетовъ предписанія не имѣется.

*

№ 4. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Генваря 1787.

Съ г. канцеляріи совѣтникомъ Лашкаревымъ, прибывшимъ сюда 4 сего мѣсяца, удостоился я получить высокопочтеннѣйшее в. с. секретнѣйшее повелѣніе, отправленное изъ Кременчуга отъ 13 Декабря, со всѣми его приложеніями, и тотчасъ ко исполненію оныхъ приступилъ истребованіемъ конференціи съ Турецкимъ министерствомъ. Изъ слѣдующей при семъ реляціи подъ № 4 в. с. подробно изволите усмо-

*) Т. е. вѣроятно изъ Ольвіополя, какъ и выше названъ этотъ городъ. П. Б.

трѣть, что̀ на оной происходило и что̀ мною учинено для успѣха ввѣреннаго мнѣ дѣла. Не повторяя слѣдовательно сказаннаго въ оной реляціи, дабы безполезно не утрудить, прибавлю я здѣсь только то объясненіе, что, исполняя въ совершенной точности всѣ мудрыя в. с. наставленія и повелѣнія, къ предписаннымъ пунктамъ требованій почелъ я за необходимо нужно прибавить на конференцій и другія здѣшнія ненаблюденія трактатовъ, дабы тѣмъ и вину министерства Турецкаго еще больше увеличить, и для переду, истребя вдругъ всѣ поводы къ кривымъ толкованіямъ, избавиться споровъ и хлопотъ ежедневно случающихся и при всякомъ новомъ министерствѣ возобновляемыхъ. Что̀ происходить будетъ, не премину какъ наичаще в. с. доносить и надѣюсь, что безъ нужныхъ и столь обстоятельныхъ, каковы были послѣднія, наставленій, оставить меня не изволите. Имѣю я причину думать, что дѣло станутъ тянуть, но до послѣдней крайности не дойдетъ, а потому льщусь, что и упомянутое мнѣніе мое начать требованіе акта, подписаннаго визиремъ, удостоится милостивой апробаціи.

Присылка г. Лашкарева великую приноситъ мнѣ пользу. Знакомство его съ знатными Турками поможетъ мнѣ для умноженія нужныхъ внушеній, чинимыхъ мною для споспѣшествованія дѣлу. Слухъ о предстоящей войнѣ начинаетъ уже распространяться, и никто скрыть не можетъ, что безъ совершеннаго сумасшествія здѣсь и помыслить нельзя о сопротивленіи.

Въ другой реляціи подъ № 5, всепокорнѣйше при семъ приложенной, в. с. усмотрите прочія здѣшнія происшествія; а въ третьей, подъ № 6, сейчасъ полученныя чрезъ употребляемыхъ мною людей извѣстія, и вслѣдствіе сей послѣдней осмѣливаюсь просить о снабженіи меня нужными повелѣніями.

*

№ 5. Къ кн. Потемкину. Пера. 15 (26) Генваря 1787.

По другому высокопочтеннѣйшему в. с. письму отъ 13 Декабря не упустилъ я говорить министерству Турецкому по поводу Волошскаго господаря Мавроенія, о коемъ извѣстія, привезенныя г. Лашкаревымъ, совершенно сходственны со всѣми мною оттуда прежде полученными. Сей господарь защищается отъ визиря и рейсефендія пашинской партіи. Новой Молдавской господарь Ипсиланти пожалованъ безъ участія Порты прямо изъ Сераля, и обѣщано ему было Волошское княжество; но какъ Мавроеній платитъ въ Сералѣ шпіона, то по увѣдомленію отъ сего послѣдняго рейсефендій низверженіе Мавроенія требуетъ отвратить, взявъ съ его капи-нечаевъ сто тысячъ піастровъ, и несчастіе пало на Маврокордата. Уповательно однако, что со временемъ Ипси-

ланти переведенъ будетъ въ Бухарестъ, и ожидаю отъ него пользы. Нынѣ онъ мнѣ великія оказываетъ услуги и въ преданности своей къ высочайшему двору даетъ сильныя увѣренія, хотя и то правда, что во всемъ семъ видитъ свою собственную пользу. Кредитъ его здѣсь великъ, а поправленія земли и благодѣяній, учиненныхъ имъ въ Валахіи въ семилѣтнее правленіе, и понынѣ тамъ забыть не могутъ, почему и надежно, что онъ и княжество сохранитъ отъ конечнаго разоренія и намъ услуги оказывать будетъ.

Пребываніемъ здѣсь г. Лашкарева пользуюсь я, сверхъ употребленія его для внушеній, такожъ для объясненія ему разныхъ обстоятельствъ, коихъ всѣхъ трудно и почти невозможно описывать, дабы онъ изустно в. с. обо всемъ донесъ, какъ то повелѣвать изволите. Равномѣрно стараюсь я ему доставить познанія о связи Порты съ Персіей; но оная такъ незначуща и здѣсь столь мало о Персіи слышно, что онъ, думаю, немного умножитъ прежнія свои о ней свѣдѣнія.

*

№ 6. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Генваря 1787.

Прежде еще полученія высокопочтеннѣйшаго в. с. повелѣнія отъ 13 Декабря, стороною внушалъ я Портѣ, что знакомъ дружбы почитается, когда въ случаѣ приближенія одного государя къ границамъ другого обсылаются они съ привѣтствіями; но на сіе отвѣтствовано отъ везиря моему подосланному, что имъ вѣра и политика не позволяютъ того сдѣлать. Нынѣ, узнавъ, что оное будетъ угодно, воспользовался я повторить сіе внушеніе не только чрезъ мои намеки, но даже и на конференціи, говоря о дружбѣ между двумя дворами, примѣтилъ рейсъ-ефендію, что между государями настоитъ обыкновеніе посылать въ такихъ случаяхъ знатныхъ людей для поздравленія. Кажется, что онъ былъ моего мнѣнія; но настоять о томъ я еще не могу, пока главное дѣло не восприметъ желаемаго оборота.

*

№ 7. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (27) Генваря 1787.

Въ силу высокопочтеннѣйшихъ повелѣній в. с. отъ 13 Декабря, выдалъ я г. Лашкареву нужныя деньги на порученныя ему покупки до 15000 рублевъ. Онъ уже много забралъ и съ симъ же курьеромъ отправляетъ часть своихъ комиссій. Равномѣрно приговариваю и пришлю или съ собою привезу купцовъ съ алмазными, жемчужными и другими здѣшними товарами. Оные требуютъ только безопасности и чтобы не были принуждены платить пошлины за тѣ товары, кои, не продавъ у насъ, назадъ вывезутъ, что̀, кажется, и не найдетъ затрудненія, а ежели и за проданное не заплатятъ пошлины, то сія милость привлечетъ оныхъ еще больше. О семъ ожидаю в. с. точныхъ повелѣній.

По повелѣнію Е. И. В—ва быть мнѣ въ Херсонѣ ко времени пришествія туда высочайшаго двора, писалъ я къ г. Войновичу въ Севастополь прислать сюда къ 1 Апрѣля два почтовыхъ пакетбота, дабы по причинѣ невѣрнаго пути и карантина не опоздать мнѣ пріѣхать въ Херсонъ къ оному времени. Симъ же осмѣливаюсь всепокорнѣйше в. с. просить пожаловать дать нужныя о томъ повелѣнія. Сверхъ того, что въ отчаяніе меня приведетъ, ежели лишенъ я буду столь близкаго счастія пасть къ стопамъ Е. В—ва, бытность моя при в. с. можетъ рѣшить и кончить дѣлъ въ одинъ день больше, нежели перепискою черезъ годъ, и особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

*

№ 8. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Февраля 1787.

Изъ приложенныхъ реляцій подъ № 9 и 10 в. с. усмотрѣть изволите не только распоряженій, намѣреній и пріуготовленій Порты, но даже разсужденій, мнѣній и подвига Турецкихъ и чужестранныхъ министровъ. Почему, ссылаясь на оные, не хочу здѣсь трудить повтореніемъ, а пріобщу только кратко, что военныя пріуготовленія чинятся изъ страха и для обороны, ежели бъ нужда до того дошла, а не съ мыслію начать войну, которой продолжать здѣсь не въ состояніи. Всѣ такъ мыслятъ. Одинъ только везирь злобствуетъ; ибо, какой бы оборотъ дѣла ни взяли, всегда вина на него упадетъ. Сожалительна смѣна рейсъ-ефендія. Прежній хотя и былъ правою рукою у везиря и капитанъ-паши, но дѣла разумѣетъ, а съ новымъ, который также другъ капитанъ-пашѣ, но не везирю, никакого толку добиться нельзя. На первой конференціи удостовѣрюсь я, чего ожидать надлежитъ; но думаю, что изъ онаго, кромѣ единаго только пустословія, ничего не выйдетъ.

Высокопочтеннѣйшее повелѣніе в. с. изъ Херсона отъ 25 Декабря, весьма кстати подоспѣло и великую мнѣ въ перебранкахъ принесетъ помощь, служа яснымъ доказательствомъ, что уже и по обѣщаніи, данномъ мнѣ прямо и чрезъ Французскаго посла, оставить въ покоѣ Грузію, Ахалциской паша не исполняетъ воли Порты.

Г. Лашкаревъ видѣлся съ знакомыми министрами, но какъ самъ о томъ доноситъ, то и осмѣливаюсь сослаться на него о ихъ разговорахъ.

*

№ 9. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Февраля 1787.

Наималѣйшее приказаніе в. с. есть для меня долгъ честной, и ни одно конечно безъ исполненія оставлено не будетъ; но даннаго въ высокопочтеннѣйшемъ письмѣ отъ 7 Генваря сдѣлать шлюпку подобную султанской и прислать въ Севастополь въ Маѣ мѣсяцѣ, исполнить совсѣмъ невозможно. На строеніе ея, рѣзьбу, позолоту и уборку требует-

ся почти годъ; да сверхъ того здѣсь ниже простой министерской лодки безъ фермана нельзя сдѣлать, а на подобную султанской нужно имянное повелѣніе, котораго въ нынѣшнихъ особливо обстоятельствахъ не дадутъ. Во всякой другой землѣ государь за удовольствіе поставитъ въ подарокъ свою собственную послать, но здѣсь закоренѣлыя суевѣрныя мнѣнія въ головахъ столь сильны, что султану за-равно лишиться своей шлюпки или какой провинціи. Я призывалъ мастеровъ, но они дрожатъ, услыша только предложеніе. Буду стараться по меньшей мѣрѣ достать рисунокъ, а ежели удастся и модель, по коимъ у насъ можно будетъ снарядить нѣсколько похоже большую шлюпку. Турки столь странны, что мы съ г. Лашкаревымъ ни за какія деньги не могли достать ни склонить сдѣлать шлюпку, и одинъ слухъ о томъ произвелъ шумъ и кривые толки.

*

№ 10. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Февраля 1787.

Изъ слѣдующихъ при семъ всеподданнѣйшихъ реляцій в. с. усмотрѣть изволите сами, что съ Турками добромъ ничего кончить нельзя. По Ахалцыскому дѣлу обмануть имъ меня никакъ не удалось; но у нихъ твердо положено, какъ-то мнѣ завѣрно извѣстно, никогда не соглашаться на признаніе царя Ираиля нашимъ подданнымъ, а потому и надлежитъ впредъ ожидаться всегда къ безпокойствамъ въ той сторонѣ. Упорство министерства основано на обольщеніяхъ другихъ державъ, на надеждѣ пріуготовленіями привести себя въ почтительное состояніе и на ожиданіи сюда капитанъ-паши, на котораго, поруча ему дѣла, другіе всѣ сбираются вину свалить, какъ бы оныя ни обратились, а между тѣмъ никому нужды нѣтъ, чѣмъ все кончится.

Въ жалобахъ Порты изволите найти дѣло одного Трапезонтскаго Грека, у котораго взята данная ему Ханъ-Шагинъ-гиреемъ въ уплату долгу. Объ ономъ я описывался, и по отзывамъ какъ г. губернатора Коховскаго, такъ и г. Лашкарева, кажется, просьба сего бѣднаго человѣка основательна, то и осмѣливаюсь всепокорнѣйше представить приказать разсмотрѣть его дѣло и удовлетворить его, не по уваженію къ заступленію Порты, но для показанія свѣту, что справедливость у насъ всякому безъ отличенія воздается. Сіе, сколь ни маловажно, произвело бы здѣсь великое дѣйствіе, ибо дѣло всѣмъ извѣстно.

*

№ 11. Къ кн. Потемкину. 15 (26) Февраля 1787.

Г. Лашкаревъ, доканчивающій исполненіе повелѣній в. с., сбирается вскорѣ отсюда отъѣхать. Онъ видѣлся съ сумасброднымъ рейсефендіемъ и самъ о томъ доноситъ. Модели шлюпокъ султанскихъ на сей

недѣлѣ будутъ окончены, и я тотчасъ ихъ отправлю. Ожидаю всепочтеннѣйшихъ повелѣній по поводу купцовъ; много есть охотниковъ, но никто ѣхать не отваживается безъ увѣренія, что не принудятъ ихъ заплатить пошлины за всѣ вообще привезенные ими товары, а только за тѣ, кои продадутся, остальные же дозволено будетъ равномѣрно безъ пошлины назадъ вывезть. Многіе также, не могши сами отлучиться, меня просятъ взять съ собою немалое количество дорогихъ вещей.

*

№ 12. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Марта 1787 г.

Высокопочтеннѣйшія в. с. повелѣнія изъ Кременчуга отъ 28 Генваря я имѣлъ честь получить и не оставилъ тотчасъ изъ нихъ сдѣлать употребленіе, учиня новое домогательство у Турецкаго министерства. Изъ приложенныхъ при семъ реляцій изволите усмотрѣть, какой мнѣ данъ отвѣтъ и чтȯ здѣсь происходитъ.

Чиновникъ, посланный въ Ахалцыхъ, туда прибылъ, и неуповательно, чтобы былъ гдѣ пріостановленъ по повелѣнію Порты, которая по всѣмъ наружностямъ желаетъ теперь прервать тамошніе набѣги, но это уже выговорилось, что царя Ираклія не признаётъ подданнымъ Россіи. Новое обѣщанное на конференціи туда повелѣніе, по словамъ ея, такожъ отправлено. Но какъ я не согласился на ферманъ, и онаго израженій перемѣнить не хотѣли, то и не могъ настоять, чтобы для бȯльшей вѣрности во исполненіи вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ кто нибудь съ моей стороны: ибо сіе самое обратила бы она въ свою пользу, утверждая послѣ, что я согласился на все содержащееся въ ферманѣ.

О поведеніи и расположеніяхъ Порты трудно что-либо вѣрное донести. Войны боятся, отовсюду получаютъ худыя вѣсти, но пріуготовленія продолжаютъ и по дѣламъ даже обѣщанное исполняютъ съ непонятною медлительностью.

О кн. Маврокордатѣ совсѣмъ здѣсь замолкли, а наряжаютъ, сказываютъ, въ Яссы для изслѣдованія, кто ему былъ въ томъ помощникомъ; можетъ быть и для того, чтобы объ насъ сказали послѣ, что мы, нарушая трактатъ, подговариваемъ и принимаемъ подданныхъ Порты.

*

№ 13. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Марта 1787.

Съ симъ курьеромъ отправляю къ в. с. двѣ модели шлюпокъ султанскихъ, т. е. фелуки и канчебаса, ибо онъ по этикету въ одной выѣзжаетъ, а въ другой возвращается. Здѣсь же осмѣливаюсь приложить и рисунокъ съ размѣрами, да сверхъ того отправилъ я на казенномъ суднѣ *Пчелѣ* въ Херсонъ образцы обѣихъ сихъ шлюпокъ, по коимъ можно видѣть, какъ основаніе ихъ связано.

Г. Лашкаревъ готовъ къ отъѣзду и дожидается только прибытія обыкновеннаго изъ Авлеополя курьера, съ коимъ не будетъ ли какихъ повелѣній. Онъ обстоятельнѣе можетъ показать и растолковать все до шлюпокъ касающееся.

P. S. Приложенное при семъ безъ надписи письмо посылается къ кн. Маврокордату отъ сестры его, коей мужъ Мишъ-оглу страдаетъ здѣсь невинно. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить приказать оное ему дать, и ежели будетъ отвѣтъ, повелѣть на мое имя прислать, дабы не подвергнуть сихъ несчастныхъ людей большей бѣдѣ.

*

№ 15. Къ кн. Потемкину. Пера, 11 (22) Марта 1787.

На порученныя г. Лашкареву комиссіи выдалъ я ему по повелѣнію в. с. пятнадцать тысячъ рублевъ или 25000 піастровъ, а какъ оныхъ на все недостало, то додалъ я ему еще 5506 п., всего же 30.506 п. Не имѣя своихъ собственныхъ и опасаясь, чтобы до полученія назадъ не претерпѣть нужды въ казенныхъ, коихъ также у меня мало, склонилъ я здѣшняго банкира барона Гипша ссудить за моею порукою сею суммою, въ которой г. Лашкаревъ и подписку ему далъ; почему и осмѣливаюсь всепокорнѣйше в. с. просить дать нужное повелѣніе, чтобы оныя деньги сюда были доставлены.

*

№ 16. Къ кн. Потемкину. Пера, 15 (26) Марта 1787.

Г. Лашкаревъ отправился отсюда въ Авлеополь 12 сего мѣсяца. Въ дополненіе донесеннаго съ нимъ, имѣю честь всепокорнѣйше при семъ представить дубликаты сегодняшнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ реляцій, содержащихъ все здѣсь по отправленіи сего курьера происшедшее. Привязки и дерзость рейсефендія доказываютъ только, что у нихъ воли и желанія много, но силъ нѣтъ шумъ съ нами зачать и что добромъ едва ли мы съ ними раздѣлаемся по прочимъ дѣламъ; а что̀ принадлежитъ до Ахалцыхскаго, то уже и теперь видно намѣреніе ихъ идти до крайности.

По написаніи доношеній моихъ Порта разглашаетъ о полученіи двухъ курьеровъ отъ капитана-паши съ извѣстіемъ, что войска его разбили беевъ, что онъ головы трехъ пришлетъ и что самъ вскорѣ сюда будетъ. Привыкнувъ къ подобнымъ баснямъ, мало кто сему вѣритъ, и всѣ ожидаютъ подтвержденія.

*

№ 17. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Апр. 1787.

Всепокорнѣйше имѣю честь приложить дубликаты сегоднишнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ доношеній, кои, ежели противной вѣтеръ не

продолжится, повидимому будутъ послѣднія. Я сбираюсь отправиться тотчасъ въ путь и для многихъ причинъ предпочелъ ѣхать въ Севастополь, откуда проберусь въ Херсонъ сухимъ путемъ для выигранья времени. По повелѣнію в. с. везу съ собою богатыхъ купцовъ со многими хорошими вещьми. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить приказать послать въ Севастополь нужныя повелѣнія о карантинѣ и о пошлинѣ, какъ о томъ и г. Лашкаревъ безъ сумнѣнія доносилъ.

Интернунцій баронъ Гербертъ торопится ѣхать въ Херсонъ, а оттуда на встрѣчу къ Императору; но станется, что выѣдемъ мы вмѣстѣ. Ежели я въ дорогѣ и въ карантинѣ не замѣшкаюсь и въ Херсонъ поспѣю гораздо прежде прибытія высочайшаго двора, то не повелѣно-ли будетъ мнѣ ѣхать и далѣе, о чемъ ожидать буду тамъ милостивыхъ повелѣній.

*

№ 18. Къ кн. Потемкину. Пера, 1 (12) Апр. 1787.

Между прочими озорничествами и насиліями наряжаемыхъ на войну людей случилось въ Буюкдере происшествіе съ однимъ изъ Французскихъ купеческихъ судовъ подъ нашимъ флагомъ, принадлежащихъ купцу Антуану, которое едва не кончилось совершеннымъ несчастіемъ. Обстоятельства всего в. с. изволите усмотрѣть изъ приложенныхъ при семъ списковъ. Порта, узнавъ о томъ, прежде предварила меня своею жалобою, которую я испровергнулъ, сильно настоявъ о наказаніи озорниковъ. Хотя дѣло начало свое возымѣло не отъ точнаго намѣренія ихъ напасть на Россіянъ, ибо сіи же бродяги здѣсь въ Портѣ стрѣляли во Французскія суда и дорогою по каналу вездѣ насилія дѣлали, но торопливость или безразсудность капитана Mареня могла бы до того довести, чтобы всѣ Русскіе экипажи въ Буюкдере были перерѣзаны, а особливо ежели бъ ядро попало въ судно Сеферликъ. По другому счастію, вскорѣ вѣтръ сдѣлался благополучный и какъ наши суда, такъ и Турецкіе военные наряды отправились въ море. Рейсефендію сильно желалось привязаться и почесть выстрѣлъ за непріятельское дѣйствіе съ нашей стороны, но принужденъ былъ, выслушавъ мои толкованія, успокоиться, и я не допустилъ, дабы не дать худого примѣра для переду, посадить для вѣрности на наши суда Турецкихъ унтеръ-офицеровъ, а велѣлъ только капитану Мареню тотчасъ возвратиться въ городъ, откуда онъ прямо уже на Черное море отправился.

*

№ 19. Къ кн. Потемкину. Севастополь, 20 Апр. (1 Мая) 1787 г.

Изъ вчерашняго моего всепокорнѣйшаго письма изволили в. с. видѣть, что наконецъ я сюда доѣхалъ. Сегодня, отправляя всеподданнѣй-

шія доношенія и не зная, гдѣ они застанутъ дворъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше при семъ ихъ приложить подъ открытою печатью и просить о дальнѣйшихъ доставленіяхъ, не могши къ в. с. за неимѣніемъ писцовъ послать дубликатовъ, кои впрочемъ, кажется, и не были бъ нужны. Ежечасно ожидаю повелѣній о себѣ и о пріѣхавшихъ со мною.

*

№ 20. Къ кн. Потемкину, 8 (19) Іюня 1787.

Получа изъ Константинополя новыя извѣстія и отъ генеральнаго консула Северина сообщенія, осмѣливаюсь препроводить симъ всепокорнѣйше пакетъ подъ открытою печатью, содержащій всеподданнѣйшія мои доношенія и адресованный на имя в. с. изъ Бухареста. Равномѣрно представляю записку Цареградскихъ новостей, выбранныхъ изъ партикулярныхъ мною полученныхъ писемъ. Въ ожиданіи скораго сюда высочайшаго прибытія, не смѣю трудить пространнѣйшимъ письмомъ.

*

Къ кн. Потемкину. Бахчисарай, 18 Мая 1787 г.

Получа Константинопольскую почту, принимаю смѣлость симъ препроводить къ в. с. доношеніе драгомана Пизанія и записку всѣхъ новостей. Изъ первыхъ изволите усмотрѣть, что министерство Турецкое, а именно везирь и рейсефендій, зачинщики всѣхъ нынѣшнихъ сумасбродствъ, находятся теперь сами въ критическомъ положеніи, и послѣдній, хотя и продолжаетъ свои къ намъ привязки, старается пособить происшедшему въ Канеѣ.

Не хочу трудить больше какими либо изъясненіями, кои сдѣлать могу словесно, ежели будутъ нужны.

*

№ 22. Къ кн. Потемкину. Симферополь, 2 (13) Іюня 1787 г.

Получа изъ Константинополя обыкновеннаго курьера, имѣю честь при семъ всепокорнѣйше представить в. с. привезенныя съ нимъ доношенія надворнаго совѣтника Пизанія и секретаря посольства Яковлева. Изъ оныхъ изволите усмотрѣть худое положеніе капитанъ-паши въ Египтѣ, назначеніе новаго командира надъ флотомъ, ежедневныя по дѣламъ нашимъ привязки рейсефендія, отчасу больше умножающіяся, новую заботу Портѣ со стороны Марока, которая, кажется основательна; непріятныя ей вѣсти изъ Босніи и Албаніи, и, наконецъ, послѣднія извѣстія о всѣхъ Турецкихъ происшествіяхъ и безпорядкахъ. Равномѣрно прилагаю всепокорнѣйшее письмо отъ вицеконсула Селунскаго о Яфскомъ ханѣ Шагингиреѣ, о которомъ и изъ Царяграда ко мнѣ пишутъ, что будто велѣно его отвезти въ ссылку на островъ Родосъ.

Я здѣсь ожидаю курьера съ высочайшими повелѣніями, какъ то

приказано было, по полученіи котораго тотчасъ отправлюсь въ Севастополь и далѣе.

Позвольте мнѣ, св. князь, воспользоваться симъ случаемъ для принесенія вамъ всенижайшей благодарности за всѣ милости, оказанныя мнѣ въ бытность мою при в. с. Оныя никогда не истребятся изъ моей памяти, равно какъ останутся вѣчно въ сердцѣ моемъ.

*

Къ кн. Потемкину. Симферополь, 5 (16) Іюня 1787.

Вчера съ возвратившимся сюда г. губернаторомъ Каховскимъ удостоился я получить, вмѣстѣ съ высочайшими по дѣламъ наставленіями, знаки монаршей милости, а именно табакерку и позволеніе принять орденъ Бѣлаго Орла. Зная, что сими неожиданными мною отличностями обязанъ я единственно покровительству в. с., принимаю смѣлость принести всепокорнѣйшую благодарность, для изъявленія которой не могу и довольно словъ найти.

Получа теперь всѣ нужныя бумаги, ѣду въ Севастополь и оттуда немедленно отправляюсь въ мой путь. Изъ Константинополя никакихъ новыхъ извѣстій здѣсь я не получалъ.

*

Къ кн. Потемкину. Симферополь, 5 (16) Іюня 1787.

Присланный ко мнѣ въ Константинополь для разныхъ нужныхъ покупокъ Керченской цолнеръ Клефровъ, желая быть полезенъ въ службѣ, перевелъ на Греческій языкъ торговый нашъ съ Портою трактатъ Осмѣливаюсь оной переводъ симъ всенижайше препроводить въ той надеждѣ, что, можетъ быть, в. с. изволите найти за благо повелѣть, по освидѣтельствованіи вѣрности его съ Русскимъ подлинникомъ, напечатать для пользы нашихъ торгующихъ. Оной Клефровъ, человѣкъ молодей, прилежной, воспитанной преосвященнымъ Евгеніемъ, желаетъ предпочтительнѣе нынѣшнему его служенію и, кажется, способности имѣетъ, къ занятію учительскаго мѣста въ Таврическихъ училищахъ, когда оныя откроются, или въ Греческомъ кадетскомъ корпусѣ, почему и осмѣливаюсь при семъ случаѣ о томъ всепокорнѣйше донести.

*

№ 23. Къ кн. Потемкину. Севастополь, 19 (30) Іюня 1787.

Получа изъ Константинополя курьера отъ 1 сего мѣсяца, имѣю честь при семъ всепокорнѣйше представить в. с. привезенныя имъ ко мнѣ два письма отъ перваго драгомана Пизанія и одно отъ секретаря посольства Яковлева, съ его приложеніями. Изъ оныхъ в. с. изволите усмотрѣть, что сумасбродства Турецкаго министерства продолжаются попрежнему и что я лишился послѣдняго въ ономъ добраго человѣка,

служившаго мнѣ подпорою, чрезъ отрѣшеніе кегая-бея Гаири-ефендія. Тамъ все отъ часу идетъ хуже, правосудія добиться нельзя, и придирки ежедневно возобновляются.

Упоминаемый въ письмѣ г. Яковлева планъ сдѣланъ Французскимъ подполковникомъ Брентаномъ (который въ Краковѣ былъ взятъ съ конфератами генераломъ Суворовымъ, а потомъ служилъ въ Турецкой арміи на Дунаѣ и года съ три назадъ опять присланъ изъ Парижа въ Константинополь), сообщенъ ему отъ Польскаго совѣтника Хржановскаго, находящагося въ дружбѣ съ Пр. посл. г. Дицомъ. Оной Брентано, человѣкъ впрочемъ изрядной, не всегда будучи одинаковыхъ мыслей съ своимъ посломъ, немного былъ имъ терпимъ и теперь, думаю, уже возвратился во Францію.

Между привязками рейсефендія наиосновательнѣйшая относится до взятой въ казну соли у одного Трапезонтскаго Грека, а ему данной въ уплату за товары ханомъ Шагинъ-Гиреемъ. Принимаю смѣлость всепокорнѣйше в. с. просить дать повелѣніе г. губернатору Коховскому о удовлетвореніи сего человѣка, который не даетъ покоя самому султану, а можетъ быть и подущается къ тому рейсефендіемъ, дабы въ государя вселить мнѣніе, что съ нашей стороны не могутъ они получить правосудія даже и въ подобныхъ мелочахъ.

Я нынѣ не могъ выѣхать изъ Севастополя за противными вѣтрами. По счастію, дѣламъ въ Константинополѣ отсутствіе мое остановки причинить много не можетъ, ибо оныя и безъ того теперь дѣлаться не могутъ по причинѣ рамазана, который уже въ половинѣ.

*

№ 24. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 1 (12) Іюля 1787 г.

Не успѣвъ още осмотрѣться по моемъ сюда пріѣздѣ, въ дубликатѣ всеподданнѣйшей моей реляціи и ея приложеніяхъ всепокорнѣйше в. с. представляю тѣ извѣстія, кои были до меня собраны; съ первымъ же курьеромъ надѣюсь быть въ состояніи донести о точномъ здѣшнемъ положеніи. По словамъ другихъ везирь и рейсефендій пребываютъ въ намѣреніи дѣла до крайности довести и войну воспалить, не зная, какъ и чѣмъ оправдаться въ вооруженіяхъ безполезно предпринятыхъ, когда отъ нихъ зависѣло все миролюбно кончить, исполня справедливое требованіе высочайшаго двора. Обстоятельства здѣшнія по прежнему худы, можетъ быть хуже нежели были. Капитанъ-паша въ отчаянномъ положеніи; Магмудъ-паша побиваетъ войска Порты; Бакорою завладѣлъ начальникъ одного сильнаго племени; во многихъ мѣстахъ голодъ, въ другихъ бунты, а здѣсь въ деньгахъ недостатокъ. Все сіе предвѣщаетъ скорой переломъ, но ни въ какомъ случаѣ везирь и рейсефендій не

видятъ для себя спасенія, а потому и предпочитаютъ лучше бѣсноваться, нежели остановить вооруженія и согласиться на мѣры умѣренности.

*

Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 15 (26) Іюля 1787.

Года съ полтора назадъ Мурза-бей, одинъ изъ главнѣйшихъ Египетскихъ беевъ, писалъ ко мнѣ, по прибытіи нашего въ Египтъ консула, что посылаетъ ко мнѣ лошадь съ уборомъ. Лошадь издохла въ Александріи, а уборъ, по причинѣ начавшихся тамъ замѣшательствъ, только на сихъ дняхъ ко мнѣ привезенъ. Находя его не столь богатымъ, сколь страннымъ, осмѣлился я отправить, какъ вещь нѣсколько любопытную, къ в. с., адресовавъ для дальнѣйшаго доставленія ящикъ съ нимъ къ г. контръ-адмиралу гр. Воиновичу въ Севастополь на привезшей меня сюда шкунѣ Измаилъ, а здѣсь всему убору реестръ всепокорнѣйше прилагаю.

*

№ 25. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 15 (26) Іюля 1787.

Сегодня буду я имѣть требованную рейсефендіемъ конференцію и донесу объ ней хотя кратко еще съ симъ курьеромъ, а между тѣмъ всепокорнѣйше имѣю честь при семъ представить дубликаты всеподданнѣйшихъ реляцій. Послѣ держанія 10 Іюня большого совѣта у муфтія, котораго не можно было никому проникнуть, вдругъ зачали говорить о войнѣ, посылать новые наряды войскъ, переписывать тимары и заиметы, разглашать, будто везирь идетъ на войну и будто султанъ приказалъ подать себѣ вѣдомость, во что стало поднятіе санджакшерифа. Правда, что сіи послѣднія двѣ вѣсти знаю я только отъ одного интернунція, а онъ и прежде сильно увеличивалъ Турецкія пріуготовленія и старался мнѣ всегда стращать. Можетъ быть, конференція обнажитъ причину таковыхъ разглашеній, выдуманныхъ, какъ кажется, подлинно для одного только устрашенія: ибо министерство не знаетъ что̀ дѣлать въ случаѣ, когда вся сволочь, собранная на границѣ и на корабляхъ, начнетъ сюда приходить и по сей причинѣ намѣренъ, сказываютъ, не возвращать флота съ Чернаго моря, а держать его тамъ всю зиму.

На сихъ дняхъ пронеслось, что Бекиръ-паша, не могши съ флотомъ своимъ во время случившейся погоды удержаться въ Чинганскелеси, на Европейскомъ берегу, пустился въ море, и снесло его на Азіатскую сторону въ Генеболь, гдѣ онъ и сталъ на якорѣ.

*

№ 26. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 16 (27) Іюля 1787.

Всепокорнѣйше имѣю честь приложить реляцію мою о вчерашней конференціи. Содержаніе ея удивитъ в. с., ибо наглость министерства

Турецкаго выходитъ изо всѣхъ предѣловъ, и никто здѣсь тому пособить не можетъ, слѣдовательно все зависитъ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, кои могутъ свергнуть везиря и его партію. Между тѣмъ опасно, чтобъ на границахъ и особливо около Кинбурна не произошло какой шалости. Ежели предуспѣю я что̀ больше открыть на обѣщанной конференціи, всепокорнѣйше донесу съ нарочнымъ курьеромъ, котораго надѣюсь отправить въ будущій Понедѣльникъ, 19 сего мѣсяца.

*

№ 27. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 22 Іюля (2) Авг. 1787.

Здѣсь все день ото дня становится хуже, и ниже старанія моихъ помощниковъ не дѣйствуютъ. Везирь всѣ силы напрягаетъ, чтобы скорѣе дѣло довести до явнаго разрыва. Изволите увидѣть в. с. обстоятельно все происходящее изъ реляцій, при семъ всепокорнѣйше приложенныхъ. Стремленіе его и злость удерживаются однимъ только султаномъ, но на твердость его положиться нельзя. Спѣшу симъ отправленіемъ, почитая, что необходимо принять нужныя по границамъ мѣры, и думаю, что первый шумъ начнется отъ Очакова или на берегахъ Тавриды, а можетъ быть и въ обоихъ мѣстахъ вдругъ. Нѣтъ возможности описать безумія везиря и рейсефендія и трусости прочихъ большихъ Турковъ, кои не смѣютъ ни за нихъ, ни противъ нихъ говорить. 1-го Августа отправилъ обыкновеннаго курьера; но опасаюсь, чтобы не пресѣкли у меня наконецъ и сей дороги.

*

№ 28. Къ кн. Потемкину. Буюкдере, 1 (12) Авг. 1787 года.

Изъ нынѣшнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ доношеній, при семъ всепокорнѣйше приложенныхъ, в. с. изволите усмотрѣть, что по отправленіи моего послѣдняго курьера дѣла̀ нѣсколько здѣсь поправились и духи гораздо поуспокоились; но чѣмъ все кончится, еще отгадать нельзя.

Имѣю честь всепокорнѣйше при семъ приложить записку, содержащую планъ, сдѣланный Французами, который одинъ изъ моихъ пріятелей имѣлъ случай видѣть; сей планъ отданъ министерству тому мѣсяца два назадъ и хотя не одобренъ посломъ, но, кажется, Турки держаться его намѣрены въ случаѣ войны.

***

Къ кн. Потемкину. 29 Іюля 1790.

Не хотѣлъ я безпокоить в. с. изъ Петербурга, пока не окончилось совсѣмъ мое отправленіе *); теперь же, пріѣхавъ въ Москву для учреж-

---

*) Т. е. посломъ въ Варшаву, на мѣсто переведеннаго въ Стокгольмъ графа Штакельберга. П. Б.

денія домашнихъ моихъ дѣлъ, по всемилостивѣйшему на то дозволенію, осмѣливаюсь начать доношеніе мое принесеніемъ наивсепокорнѣйшей благодарности за милостивое обо мнѣ представленіе. Вслѣдствіе онаго я и всѣ мои бывшіе подчиненные осыпаны щедротами и награжденіями свыше нашихъ заслугъ и претерпѣній. Я уже и безъ того всѣмъ добромъ былъ обязанъ в. с.; а нынѣшнее благотвореніе, не могши болѣе умножить моей искренней привязанности, чинитъ благодарность мою безконечною.

Инструкція, данная мнѣ, соображена съ наставленіемъ, полученнымъ мною отъ в. с.; а вообще велѣно мнѣ держаться предписаній, посланныхъ къ послу гр. Штакельбергу, съ которымъ видѣлся я въ Петербургѣ. Хотя угодно было дать мнѣ дозволеніе не только здѣсь учредить мои дѣла, да и въ деревни заѣхать, но, помня приказаніе в. с. спѣшить пріѣздомъ въ Варшаву, тороплюсь я исполнить сію вашу волю и прямо на сихъ дняхъ ѣду къ моему посту, дабы не потерять времени, котораго много пропало безполезно и въ Петербургѣ, несмотря на всѣ мои старанія и скорость, съ каковою все рѣшимо было въ Царскомъ Селѣ.

Остается мнѣ всенижайше просить васъ, милостивый государь, продолжить ко мнѣ ваше столь необходимо мнѣ нужное покровительство и не оставить своими повелѣніями и наставленіями, ибо одного усердія въ нынѣшнемъ дѣлъ-положеніи довольно быть не можетъ.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 14 (25) Сентября 1790.

Короткость времени не дозволила мнѣ еще много собою изслѣдовать, но что̀ я могъ узнать отъ людей довольно надежныхъ, но для доставленія в. с-ву начертанія, въ какомъ теперь Польша или, справедливѣе, столица ея, находится положеніи, осмѣливаюсь донести.

Всѣ вообще чуждаются Россіи, многіе за скосырство [1]) почитають называться явно ея непріятелями, а намъ преданные таятся и, кажется, не объявятся прежде, нежели мы дѣйствовать начнемъ. Всѣ думали, что я тотчасъ начну шумѣть, а враги того только и ждали, дабы скорѣе виды свои въ дѣйствіе производить. Прусская партія, какъ меня увѣряютъ, гораздо ослабѣла, не видя ничему обѣщанному исполненія. Шведской миръ и забвеніе о Полякахъ въ Рейхенбахѣ [2]) отворяютъ многимъ глаза; но начальникамъ ея трудно перемѣнить поведеніе. Они боятся впасть въ презрѣніе, а можетъ быть подвергнуться и мщенію. Сверхъ

---

[1]) Слово исчезнувшее изъ употребленія. Хвастовство, фордыбачество. П. Б.

[2]) Гдѣ тогда былъ конгрессъ у Австріи съ Пруссіею. П. Б.

того новые происки и ухищреніи Пруссаковъ удерживаютъ ихъ въ развращеніи. Послѣ онаго обмана льстятъ ихъ теперь, что они заключатъ выгодно союзъ съ Портою, что сія послѣдняя, сдѣлавъ миръ съ Австрійцами, нападетъ на Россію всѣми силами, что имъ возвратятъ Кіевъ, Бѣлоруссію и пр. По симъ внушеніямъ Поляки обратили съ Австрійскихъ границъ къ нашимъ свои войска. Сказываютъ, что оныхъ собралось тамъ уже 25 тысячъ человѣкъ, а 20 еще готовы; что отсюда отправлено 40 пушекъ, да въ Каменцѣ припасено немало. На сей походъ деньги отсюда выданы тотчасъ и безъ всякаго спора.

Прусской дворъ употребляетъ деньги; въ самомъ дѣлѣ, здѣсь и по провинціямъ больше видно Прусской, нежели Польской монеты. Слышалъ я, что въ Варшавѣ роздано полтораста тысячъ червонцевъ, а какъ всѣ присягали не брать денегъ отъ чужихъ дворовъ, то Прусскія раздавалъ маршалъ Потоцкой. Съ получающихъ, дабы навсегда ихъ связать, берутся расписки. Самому Лукезинію изъ сей суммы подарено 30 или 40 тысячъ червонцевъ. Симъ образомъ они такъ перепутались, что и говорить не смѣютъ, когда ихъ и обманываютъ. Маршалъ Потоцкой заплатилъ недавно долгу 60 т. злотыхъ Русскими полуполтинниками; видно, что ихъ дѣлаютъ въ Пруссіи *).

Король въ дурномъ положеніи: долгу на немъ больше милліона червонныхъ; беретъ онъ, сказываютъ, съ кого и сколько можетъ. Окруженъ Итальянцами, а они теперь большею частью Пруссаки и пріятели Лукезинію. О наслѣдникѣ престола всѣми силами старается, хотя и не имѣетъ надежды оставить корону племяннику; но твердятъ, что король Прусской, желая сдѣлать Полякомъ сына своего Лудовика, обѣщалъ ему оплатить долги, или по меньшей мѣрѣ дать милліонъ червонныхъ. Тоже обѣщаніе носится и о Саксонскомъ курфирстѣ, коего министръ и пріятели сильно суетятся. Здѣсь всѣ такъ разорились, что многіе сеймующіе, не имѣя чего ѣсть, разъѣзжаются и черезъ то оставляютъ все въ рукахъ у тѣхъ, кто живетъ Прусскими деньгами. Слѣдовательно можно думать не безъ основанія, что на деньги всѣ будутъ падки, не исключая и Его Величества. Теперь опасно, чтобы по провинціямъ не подкупали (а къ сему, можетъ быть, уже и мѣры приняты) и не привели на согласіе выбрать тотчасъ наслѣдника. Наши пріятели, кои еще мало ко мнѣ являются, желаютъ, чтобы учиненъ былъ какой-нибудь подвигъ съ нашей стороны въ пользу Польши, за который бы могли они ухватиться, ободрить теряющихъ отвагу и привлечь къ себѣ колеблющихся; а сверхъ того нужны имъ и деньги, безъ коихъ невозможно составить партіи для перевѣса Прусской. Я обо всемъ ономъ донесъ

*) Вспомнимъ про фальшивые талеры Фридриха II-го. П. Б.

всемилостивѣйшей Государынѣ; о гетманѣ Браницкомъ именно писалъ слѣдующее: «долженъ я отдать справедливость „....образъ своихъ мыслей“ (изъ письма къ Государынѣ отъ 12 (23) Сент.). Вотъ, м. г., все то, о чемъ могу я теперь донести съ нѣкоторымъ основаніемъ. Здѣсь ждутъ нетерпѣливо заключенія союза у Польши съ Портою, и въ семъ случаѣ, даже и благоразумные опасаются, чтобы сумасшедшіе въ первомъ жару не попустились на какую бы наглость. Разбитіе Турецкаго флота, съ которымъ осмѣливаюсь нижайше поздравить, крайне здѣсь непріятно.

*

Секретно.

15 (26) Сентября 1790.

P. S. Маршалъ Сапѣга и мать его начинаютъ слушать правду, и я не отчаяваюсь мало-по-малу довести ихъ до прямой дороги, въ чемъ мнѣ много поможетъ и гетманъ Браницкій. Для нея надобны будутъ, думаю, и деньги, а онъ, сказываютъ, и отъ Пруссаковъ набралъ, чтò и лучше. Что же касается до маршала Потоцкаго, изъ письма изволили видѣть, какъ онъ запутанъ съ Пруссаками, не говоря уже о злости противъ насъ, которая имъ управляетъ; ибо я не увѣренъ еще ни объ одномъ изъ нихъ здѣсь, кому бы служила правиломъ одна только любовь къ отечеству: у всѣхъ свои личные виды, намѣренія и корысти, а отъ сего-то ничто и не идетъ даже и тогда, когда намъ только вредить хотятъ. Потоцкой по сію пору бѣгаетъ отъ меня, не встрѣчается, не кланяется, хотя и знакòмъ былъ. Можетъ быть, боится Лукезинія [1]). Я употреблю всѣ мѣры съ нимъ сблизиться.

Долженъ я предупредить в. с. о слѣдующемъ. Полковникъ Мощинскій сказывалъ мнѣ въ Яссахъ, что посолъ Штакельбергъ неоднократно у него спрашивалъ, чтò со стороны двора нашего можетъ польстить генерала-артилеріи Потоцкаго [2]) и его жену; что онъ отвѣта на то тогда не давалъ, а теперь мнѣ открывается, что графинѣ Потоцкой было бы лестно имѣть орденъ Св. Екатерины. Я ему отвѣчалъ, что о семъ необходимо нужно изъясниться съ в. с., но за скорымъ моимъ отъѣздомъ и другими дѣлами не успѣлъ я тогда донести. Въ бытность въ Петербургѣ представился мнѣ случай доложить о семъ Государынѣ черезъ гр. А. А. [3]) съ тѣмъ примѣчаніемъ, что теперь дать орденъ принесло бы и дѣламъ и ей больше вреда, нежели пользы, а можно обѣщать, если они продолжатся быть преданы и въ дѣлѣ помогать станутъ, чтò мнѣ и

---

[1]) Прусскаго посланника въ Варшавѣ. П. Б.

[2]) Это знаменитый Феликсъ (Щенсный)? П. Б.

[3]) Т. е. черезъ графа Безбородку. П. Б.

повелѣно. Безъ сумнѣнія Мощинскій, который, не смотря на всѣ обѣщанія, со мною еще здѣсь не видался, возобновитъ сей вопросъ. Я не учиню употребленія изъ позволенія, а отошлю его къ в. с. и скажу только, что сіе единственно отъ васъ зависитъ.

*

Замыселъ о государственномъ соединеніи Польши съ Пруссіею [1]).

Voici ce que j'ai pu sçavoir (la plus grande partie de ceci) du *colonel*, ce qui assurement forme la base, peut-être même le total, du secret de l'homme à 15 m. pistoles; et quoique la chose paraisse extravagante, cependant il y en a qui l'approuvent, sur tout les *parents du chef*, et *le colonel même*.

Le chef [2]), il y a environ trois semaines, a été dans la maison de la dame votre voisine, où après quelques discours analogues avec circonstances, *il a dit*: que depuis longtemps il lui roulait dans la tête un plan, qui assurément pour la prospérité de la Pologne et sa splendeur était le seul convenable, mais qu'il craignait qu'actuellement il serait difficile et trop tard pour le faire accepter au roi de Prusse, auquel, a-t-il ajouté, on avait manqué et qu'on avait désobligé et pas sçu ménager, tandis qu'il, y a deux ans, ce même roi de Prusse par une certaine inclination adorait les Polonais, leurs façons et leurs usages. Le plan est simple, a-t-il dit. Il s'agirait de faire de notre pays un des premiers royaumes et de plus formidables du monde. L'occasion nous est favorable, puisque la nation veut un successeur au roi. N'avons nous point fait jadis un acte d'union entre la Pologne et la Lithuanie? Pourquoi ne pourrions nous pas faire un acte pareil avec la Prusse, qui est un royaume puissant, rempli d'industrie, de manufactures, de ports, craint et respecté? Quant aux avantages, ils seraient immenses pour toutes les deux nations animées d'un intérêt commun. On aplanirait les difficultés que la nature de la chose pourrait faire naître. Par exemple on ferait un *état convenable à notre maître,* le gouvernement établi par la diète actuelle, et les Pacta Conventa, *que l'on ferait*, seraient à jamais conservés. Le roi de Prusse s'établirait en Pologne. Un tiers de catholiques Polonais ou Lithuaniens occuperait des charges en Prusse. Un tiers des

---

[1]) Это приложеніе къ письму Булгакова печатается съ современнаго списка. Сочинитель намъ неизвѣстенъ; вѣроятно Французъ. Вспомнимъ, что мать сыновей Булгакова была Француженка Имбѣръ, отецъ которой, богатый торговецъ, имѣлъ дѣла съ кн. Потемкинымъ. По времени записка должна быть отнесена ко второй половинѣ 1790 года. П. Б.

[2]) Графъ Игнатій Потоцкій, великій маршалъ Литовскій. П. Б.

Dissidents pourrait réciproquement occuper des charges en Pologne et en Lithuanie. Les Prussiens pourraient occuper des charges dans nos palatinats et districts, de même que les nôtres dans les provinces de la Prusse. Nos terres augmenteraient du double, puisque les Prussiens, alors nos concitoyens, pourraient en acheter. Tous les ports de la Prusse deviendraient les nôtres, ainsi que ses armées, ses trésors, son industrie, ses alliances. On pourrait aussi stipuler des conventions pour les armées et les trésors de la république, pour une administration des impôts. Quelque privilège de plus et de plus de conséquence, qu'on accorderait au roi de Prusse, lui ferait oublier un pouvoir absolu, que son caractère bon et humain abhorre. D'ailleurs il serait plus riche et plus puissant, quoique moins absolu. Il s'obligeroit ensemble avec la nation de recouvrir la Galicie et toutes les autres provinces, qui jadis ont appartenu à la république et qui présentement sont dans les mains de l'Autriche et de la Russie.

Le colonel interrogea le chef, comment pourrait être reglé l'article de la religion par rapport à la personne du roi; il répondit: que si l'on pourrait le persuader à l'union, l'article de la religion serait le moindre des obstacles. Il le questionna sur les moyens d'exécution; il répondit, que pour l'exécution, il fallait la regarder sous deux points de vue, c'est à dire, intérieurement et extérieurement; que, quant à l'intérieur l'occasion de la nomination d'un successeur au roi était la plus opportune, et que la nation, venant à être bien instruite *après* et éclairée par des citoyens prudents, il était plus que sûr, qu'elle connaîtrait ses propres avantages et consentirait de bon coeur. Quant à l'extérieur, que, la chose étant conduite avec beaucoup de secret et circonspection, aucune puissance ne serait en état de s'opposer à la force réelle de la Prusse et de la Pologne unies, capables alors de faire trembler l'Europe entière. Que d'ailleurs il y aurait mille moyens d'endormir ou de contenter la Russie et l'Autriche; que, selon les circonstances, on pourrait ou être l'allié de la Porte, ou la sacrifier et permettre son démembrement; que d'ailleurs l'agrandissement de ces deux puissances ne ferait que les affaiblir, en divisant et éloignant leur forces dans des pays éloignés et stériles, et qu'il viendrait encore plus aisement un temps favorable pour les ruiner et reprendre tout ce qui appartenait à la Pologne et à la Lithuanie. Il détaillait plus au long son plan, quoique, au vrai il ne le communiquait que comme un canevas et une idée, disant toujours, qu'il était persuadé de la difficulté de faire consentir le roi de Prusse. Voilà pour quoi, ajoutait-il, il aurait été de notre intérêt pour bien de raison de ne pas désobliger le roi et son ministère en lui refusant Dantzig et Thorn, qui nous sont au reste inutiles, tandis que lui les aurait mises en état de défense, et

au cas de l'exécution du plan et des obstacles de la part de la Russie, ou de quelqu'autre puissance maritime, Dantzig, dans les mains du roi de Prusse aurait beaucoup décidé pour la chose. Il finit pas répéter, qu' aujourd'hui le roi de Prusse peut-être n'accepterait pas un plan si utile et si glorieux pour la Pologne, en répétant, qu'on avait mal fait de l'avoir désobligé.

Le colonel ajouta, que le chef, lorsqu'il a parlé à la diète pour s'opposer à l'exclusion, que l'on voulait faire des puissances limitrophes à la couronne de la Pologne, s'était dejà malheureusement laissé échaper un mot rélatif à ce plan, qui avait donné bien à penser à quelqu'un de nos concitoyens. Cela m'a donné l'idée de demander au colonel, si le roi était au fait de ce plan; il me répondit: Je n'en sais rien, mais je sais que le roi cherche à finir ses jours tranquillement et content, persuadé déjà qu'aucun de sa famille ne sera passur la trône de Pologne. En outre, ajouta-t-il, quel plus grand bien et profit ne pourrait-il résulter pour son pays?

Voilà tout ce qu'il m'a été possible de savoir, et je vous nomme celui chez lequel j'ai vérifié le plus la chose, afin que de votre côté vous puissiez aussi la suivre, mais avec du ménagement, pour qu'il ne s'apperçoive d'où cela vient, et ne pas les effaroucher, car *l'homme aux roubles* est fort lié avec le colonel et parent de nous tous, et pour tout au monde je ne voudrais pas qu'il me soupçonne avoir été à la piste de son secret, et d'avoir peut-être été l'instrument de faire avorter l'affaire; il pourrait croire, que j'ai voulu profiter seul. A part aussi la fureur du chef.

Actuellement je vais vous communiquer mes observations, qui peut-être pourront vous servir à vous en faire développer de plus sûres et de plus justes.

Le plan paraît extravagant et chimérique au premier abord; mais en portant un oeil attentif sur le caractère du roi de Prusse, sur l'esprit et goût de ce monarque porté et dompté presque par des choses extraordinaires et souvent illusives, sur le caractère de ses favoris, sur le systême de rapacité, aussi de son cabinet, sur les inclinations fanfaronnes et violentes de la nation qu'il gouverne, cette réflexion vous fera voir, que de ce côté-là l'objection pourrait être bien faible. Quant aux Polonais, je veux bien que la rage dont est animé le chef contre la Russie, l'aie porté à enfanter un plan extravagant; mais la nation en soi-même est bien capable sans rage d'en enfanter de plus extravagants encore que celui-ci, et dans un moment de fermentation des têtes, de les exécuter par étourderie, irréflexion et ignorance. L'exécution, selon moi, je l'avoue, ne me paraît pas impossible, quoiqu'environnée de

difficultés. Si le secret aurait été gardé, examinant le dehors et regardant sans partialité la situation de l'Europe, je trouve que tout coup extraordinaire et surtout ce qu'on appelle coup de main, est actuellement possible et fait pour la circonstance du temps. La France seule, la malheureuse France peut fournir de quoi contenter les vues de l'Angleterre, de la Hollande et du Danemark, soit aux Indes, soit en Amerique. Les provinces en Europe peuvent contenter les autres puissances tant de l'Allemagne que du Midi: il est toujours doux quand il s'agit de prendre, et bien plus doux lorsque cela ne coûte que peu de peines. A part les vues des souverains, aujourd'hui malheureusement il faut mettre aussi en balance l'esprit que sous le nom de liberté ont pris les peuples de l'Europe. Deux nations indépendantes qui veulent se joindre et n'en faire qu'une seule; un roi, qui descendrait en apparence du trône du despotisme pour monter celui des loix, une nation - frère, qui demande pour chef et se donne à ce roi magnanime, qui quitte de bon gré le pouvoir absolu, que de motifs pour l'exaltation des têtes de l'Europe qtue d'extravagances! Mais aussi que de moyens on en peut tirer pour soutenir ce plan! Et si meme il faudrait se battre, que coûterait à la Prusse le sang d'un million d'habitants de la Pologne et de la Lithuanie? Mais que d'embarras en attendant pour les voisins! Les réflexions même du chef seront à observer, ou la Russie et l'Autriche accepteraient, ou n'accepteroient pas des arrangemens sur les états de la Porte. Si elles les acceptaient, ces mêmes acquisitions pour bien d'années leur seroient sûrement à charge, et ces puissances s'exposeraient aux résultats du chef. Si elles ne les acceptaient pas, il en résulterait une guerre sanglante, et que dirait-on pour motif? Que l'on ne voudrait pas que deux nations libres s'unissent ensemble, que l'on ne voudrait pas purger l'Europe des Turcs, et l'on ne voudrait pas que la balance de l'Europe fût conservée telle, qu'elle était avant l'union. Voilà tout ce que l'on pourrait dire. Mais l'Europe alors ne dirait-elle pas aussi, que la Prusse avait raison lorsqu' elle a sonné le tocsin contre les vues des deux cours qui paraissaient vouloir être les seules préponderantes en Europe. Réflechissez à ceci. En outre, pour vous convaincre encore plus que l'exécution de ce plan ne serait pas impossible, observez qu'une partie de la Pologne, de la Lithuanie, de la Samogitie et de la Courlande est environnée de corps de trouppes Prussiennes. Faites attention que Riga et la Livonie peuvent être des prétextes pour offusquer les yeux, et que ces trouppes pourront tout d'un coup être au milieu du pays et maîtriser, sil le faudrait, les diétines et la diète. Examinez la marche de celle-ci; les constitutions faites à baton rompu, mais où cependant vous trouverez un fil d'approximité au plan. Les mouvements d'insurrection des

bourgeois, les lois que l'on veut porter en faveur des paysans, ne pourraient-ils pas être des préparatifs sourds et éloignés pour s'en servir en cas de besoin et en cas que l'on rencontrait une forte opposition du côté de la noblesse? Enfin, je ne puis pas dire autrement, si non que je trouve, malgré l'extravagance du plan, la possibilité de l'exécution, puisque les circonstances fournissent des moyens en abondance.

Il est inutile que je vous fasse sentir de quelle conséquence son exécution servit pour votre cour. Tous les états Ottomans ne vous dédommageraient pas de la Pologne, d'autant plus unie en corps de nation avec la Prusse. Actuellement que leurs ideés sont connues, il n'y a, selon moi, rien à craindre. Ce même plan, dont je vous ai fait sentir les conséquences et la possibilité dans l'exécution, fournit assez de moyens contre lui. Le meilleur et le plus court serait de le faire ébruiter dans quelques jours, de lui donner le plus grand ridicule, de ne pas négliger cependant d'inspirer une certaine allarme au clergé et aux bigots, mais avant tout ceci, approfondissez de votre côté autant qu'il vous sera possible, la chose. Je vous ai nommé les personnes exprès pour vous faciliter les moyens à cela. Seulement employez des personnes sûres et prudentes par les raisons que je vous ai marqueés plus haut. Peut-être on abandonnera ce plan, peut-être celui en fera éclore d'autres; de ceci je ne vous réponds pas. Peut-être aussi le chef a-t-il voulu sonder le terrain; peut-être ne pensa-t-il qu'au prince Louis de Prusse, pous lequel le frère du chef est beaucoup porté, comme aussi pour la succession: deux points auxquels le colonel est totalement contraire. Enfin, quelle que soit la chose, quelles que soient ses ideés, approfondissez les toujours; car tout ce que je vous mande est sûr et de pleine vérité, et je me flatte qu'alors vous saurez aussi rendre justice à mon zêle respectueux pour tout ce qui régarde les intérêts de votre Auguste Souveraine.

P. S. Comme je n'ai rien épargné pour savoir ceci, et que j'ai rémué tout ce qu'humainement il m'a été possible de remuer, j'ai sçu que l'idée de ce plan était venue au chef sur un projet à peu près semblable qu'il a découvert que N. avait envoyé en Russie à N. N. il y a 14 ou 15 ans, et dont on assure qu'il a en une copie d'un des gens du premier, ce que vous pourrez sçavoir aisement; car, si cela est vrai, N. ne pourra pas avoir oublié un projet semblable.

N'oubliez pas aussi de faire attention à l'assurance qui de nouveau règne dans les actions du chef, et aux menaces au soupé de sa parente. Et quant à la Prusse, rappellez vous la fable de l'Homme et du Cheval.

Переводъ. Вотъ самая большая часть того, что я могъ узнать отъ полковника; тутъ конечно основа, даже, можетъ быть, вся сущность тайны, хра-

нящейся у человѣка въ 15 тысячъ пистолей, и хотя дѣло повидимому сумасбродное, но нѣкоторые его одобряютъ, въ особенности родственники маршала и самъ полковникъ. Недѣли три тому назадъ маршалъ былъ въ домѣ вашей сосѣдки и тамъ, поговоривъ о современныхъ обстоятельствахъ, онъ сказалъ, что уже давно въ головѣ у него мысль, которая конечно одна только пригодна для благосостоянія Польши и ея возвеличенія, но что въ настоящее время, пожалуй, будетъ трудно и слишкомъ поздно склонить Прусскаго короля къ осуществленію оной. Этого короля, прибавилъ онъ, обидѣли и не съумѣли его привлечь къ себѣ, тогда какъ, два года тому назадъ, по извѣстному своему настроенію, онъ очень любилъ Поляковъ, ихъ нравы и образъ жизни. Дѣло просто, сказалъ онъ. Оно клонится къ тому, чтобы страна наша содѣлалась однимъ изъ первыхъ и могущественнѣйшихъ въ мірѣ державъ. Обстоятельства намъ благопріятствуютъ, такъ какъ народъ хочетъ преемника королю. Развѣ не совершилось у насъ нѣкогда соединеніе Польши съ Литвою? Отчего намъ не вступить въ таковое же съ Пруссіею, державою сильною и уважаемою, богатою своею промышленностью, фабриками, пристанями? Польза была бы безмѣрная для обоихъ народовъ, одушевленныхъ общими выгодами. Затрудненія, которыя могутъ возникнуть по сущности дѣла, устранимы. Напр., для государя нашего можно устроить пригодное ему положеніе; учрежденное нынѣшнимъ сеймомъ правленіе и выработанныя ограничительныя условія сохранялись бы навсегда. Король Прусскій жилъ бы въ Польшѣ. Треть Польскихъ или Литовскихъ католиковъ получили бы должности въ Пруссіи; въ свою очередь треть диссидентовъ заняли бы должностныя мѣста въ Польшѣ и Литвѣ. Прусаки могли бы служить въ нашихъ палатинатахъ и уѣздахъ, а наши въ Прусскихъ областяхъ. Наши земли удвоились бы въ цѣнѣ, потому что Прусаки, будучи нашими согражданами, стали бы покупать ихъ. Всѣ пристани Пруссіи сдѣлаются нашими, равно какъ ея войска, казна, ея промышленность и союзы. Можно будетъ также войти въ соглашеніе относительно войскъ и казны республики и учрежденія податей. Королю Прусскому предоставлено будетъ нѣсколько побольше правъ и льготъ, и онъ забудетъ о власти неограниченной, до которой, по своему доброму и человѣколюбивому нраву, онъ вовсе не охотникъ. Къ тому же онъ будетъ богаче и сильнѣе, отъ и сократится въ самовластіи. За одно съ народомъ онъ обяжется возвратить Галицію и всѣ другія области, нѣкогда принадлежавшія республикѣ и нынѣ находящіяся въ рукахъ Австріи и Россіи.

Полковникъ спросилъ маршала, какъ можетъ быть разрѣшенъ вопросъ относительно вѣроисповѣданія короля. Тотъ ему сказалъ: лишь бы склонить его къ соединенію, а вѣроисповѣданіе представитъ наименѣе затрудненій. На разспросы, какъ все это сдѣлать, онъ отвѣчалъ, что тутъ надо имѣть въ виду двѣ стороны, внутреннюю и внѣшнюю. Относительно внутренней, дѣлу вполнѣ благопріятствуетъ выборъ преемника королю, и когда потомъ народу благоразумные сограждане хорошо растолкуютъ, въ чемъ суть, то онъ несомнѣнно пойметъ свои прямыя выгоды и согласится охотно. Что касается до стороны внѣшней, то лишь бы вести дѣло тайно и осторожно,

ни одна держава не въ силахъ будетъ воспротивиться наличной силѣ Пруссіи и Польши, которыя, соединившись, будутъ страшны всей Европѣ. Впрочемъ есть тысячи способовъ усыпить или удовольствовать Россію и Австрію. Смотря по обстоятельствамъ, можно либо вступить въ союзъ съ Портою, либо пожертвовать ею и допустить ея раздробленіе. Оба эти государства ослабѣютъ отъ своего распространенія, будучи поставлены въ необходимость раздѣлять свои силы и держать ихъ въ земляхъ отдаленныхъ и безплодныхъ, и тогда еще скорѣе наступитъ время для ихъ погубленія и для возвращенія всего того, чтó принадлежало Польшѣ и Литвѣ. Онъ входилъ въ подробности, но собственно сообщалъ только одну рамку и главную мысль, повторяя, что по его мнѣнію трудно получить согласіе Прусскаго короля. Вотъ почему, твердилъ онъ, намъ слѣдовало для нашего блага не огорчать короля и его министерство отказомъ уступить Данцигъ и Торнъ, которые для насъ безполезны, тогда какъ онъ привелъ бы ихъ въ положеніе оборонительное, а въ случаѣ удачи соединенія и препятствій со стороны Россіи или какой другой морской державы, Данцигъ въ рукахъ Прусскаго короля имѣлъ бы значеніе рѣшающее. Въ заключеніе онъ сказалъ, что теперь король Прусскій, можетъ быть, и не рѣшится на дѣло столь полезное и славное для Польши, и что сдѣлали худо, не согласившись на его домогательство.

Полковникъ прибавилъ, что, по несчастію, когда на сеймѣ хотѣли постановить, чтобы корона Польская не доставалась никому происходящему изъ державъ сосѣднихъ, маршалъ, воспротивившись этому, уже проговорился неосторожнымъ намекомъ о своей мысли и тѣмъ заставилъ задуматься нѣкоторыхъ согражданъ. Тогда мнѣ пришло въ голову спросить полковника, извѣстна ли королю эта мысль. Не знаю, отвѣчалъ онъ, но знаю, что королю хочется кончить дни свои въ спокойствіи и довольствѣ и онъ уже пришелъ къ убѣжденію, что на престолѣ Польскомъ не будетъ никого изъ его родныхъ. Да развѣ что-либо лучшаго и выгоднѣйшаго можетъ произойти для его страны?

Вотъ все, чтò я могъ узнать, и я вамъ называю человѣка, у котораго я тщательно провѣрилъ изложенное, для того, чтобы съ вашей стороны вы могли слѣдить за дѣломъ, но съ осторожностью, дабы онъ не догадался, откуда оно идетъ и чтобы ихъ не раздражить; ибо *рублевый господинъ* весьма друженъ съ полковникомъ и всѣмъ намъ родня, а я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы, чтобы онъ меня заподозрѣлъ въ вывѣдываніи его тайны и, можетъ быть, послужилъ неуспѣху дѣла; онъ, пожалуй, вообразитъ, что я хотѣлъ одинъ воспользоваться плодами. Не говорю уже о негодованіи маршала.

Теперь сообщу я вамъ мои замѣчанія, которыя, можетъ быть, послужатъ вамъ сдѣлать выводы наиболѣе точныя и вѣрныя.

На первый взглядъ мысль кажется сумасбродною и химерическою; но обратите вниманіе на характеръ Прусскаго короля, на умоначертаніе и вкусы этого государя, охотника до вещей необыкновенныхъ и не рѣдко мечтательныхъ, почти одержимаго ими, на характеръ его любимцевъ, на его и его кабинета повадки къ алчности, на хвастливость и насильственность народа,

которымъ онъ управляетъ, и вы поймете, что съ этой стороны сумасбродный замыселъ до нѣкоторой степени основателенъ. Что̀ до Поляковъ, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ вызванъ ненавистью, которую маршалъ питаетъ къ Россіи; но и безъ того самъ народъ весьма способенъ къ замысламъ еще болѣе сумасброднымъ, а по своему пустозвонству и невѣжеству и къ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ скоро замутятся головы. Признаюсь, мнѣ дѣло не представляется невозможнымъ, если вести его въ тайнѣ хотя и сопряжено съ затрудненіями. Глядя безпристрастно на положеніе Европы, я думаю, что всякая чрезвычайность и особенно то, что̀ называютъ взрывомъ (coup de main), въ настоящую минуту возможна и будутъ современна. Одна Франція, несчастная Франція можетъ доставить чѣмъ поживиться Англіи, Голландіи Даніи, и въ Индіи, и въ Америкѣ. Другія державы, Германія и южныя, удовольствуются ея Европейскими владѣніями: завладѣвать всегда пріятно, а еще пріятнѣе, коль скоро завладѣніе не особенно трудно, помимо намѣреній государей. По несчастію, въ наши дни надобно считаться съ мятежнымъ духомъ, который, подъ именемъ свободы, распространился въ народахъ Европы. Два независимыя государства хотятъ соединиться и управляться заодно; король, повидимому, мѣняющій самодержавство на подзаконность; народъ-братъ, желающій имѣть главу и обращающійся для того къ этому великодушному королю, который добровольно отказывается отъ деспотической власти: есть отъ чего воспламениться умамъ въ Европѣ. Сколько сумасбродства, но въ тоже время сколько возможностей осуществиться замыслу! И даже, если придется воевать, развѣ Пруссіи сколько нибудь дорога̀ кровь, пролитая милліонами жителей Польши и Литвы? Но между тѣмъ сколько затрудненій для сосѣдей! Обратите вниманіе на разсужденія маршала. Россія и Австріа займутъ или не займутъ владѣнія Порты. Если займутъ, то самыя эти пріобрѣтенія на много лѣтъ окажутся имъ въ тягость, и тѣмъ самымъ замыселъ приблизится къ осуществленію. Если же не займутъ, начнется кровопролитная война, и поводами къ ней объявятъ то, что не допустили соединенія двухъ свободныхъ народовъ, что не захотѣли очистить Европу отъ Турокъ, не захотѣли сохранить Европейскаго равновѣсія, каковое было до соединенія. Вотъ что могутъ сказать. Также и Европа скажетъ, что Пруссія справедливо забила набатъ противъ намѣреній двухъ императорскихъ дворовъ, захотѣвшихъ исключительно преобладать въ Европѣ. Подумайте объ этомъ. Чтобы еще болѣе убѣдить васъ въ возможности осуществленія замысла, обращу ваше вниманіе, что части Польши, Литвы, Самогитіи и Курляндіи окружены Прусскими войсками. Рига и Лифляндія могутъ послужить предлогами для отвода глазъ, и эти же войска могутъ внезапно очутиться въ срединѣ Польши и обуздать, буде окажется нужно, и сеймики и сеймъ. Замѣтьте, что̀ на нихъ дѣлается: конституціи сочиняются безъ оглядки, и однако съ чертами, способствующими замыслу маршала. Предначертанные законы въ пользу крестьянъ не выдутъ ли тайною подготовкою къ тому, чтобъ воспользоваться крестьянами въ случаѣ нужды и когда придется противодѣйствовать дворянству? Словомъ, я утверждаю, что какъ ни сумасброденъ замыселъ, онъ исполнимъ, благодаря многимъ обстоя-

тельствамъ, которыя ему пособствуютъ. Нечего вамъ представлять, какія могутъ оказаться послѣдствія для вашего двора. Всѣ Оттоманскія области не имѣли бы для васъ такого значенія, какъ Польша, особливо соединенная воедино съ Пруссіею. Теперь, когда мысли ихъ извѣстны, опасаться чего либо, по моему, не слѣдуетъ. Самый замыселъ, возможность исполненія котораго и послѣдствія показалъ я вамъ, даетъ противъ себѣ средства. Наилучшимъ и самымъ короткимъ было бы разгласить его въ нѣсколько дней, выставить его въ самомъ смѣшномъ видѣ, не забывъ поднять тревогу въ духовенствѣ и у людей набожныхъ; но прежде всего сами вы, сколько возможно болѣе, познакомьтесь съ нимъ. Въ облегченіе ваше я вамъ назвалъ участниковъ. Только, по причинѣ выше изложенной, дѣйствуйте черезъ людей надежныхъ и благоразумныхъ. Можетъ быть, замыселъ этотъ будетъ брошенъ, можетъ быть изъ него возникнутъ другіе; за это я вамъ не отвѣчаю. Можетъ быть также, что маршалъ захотѣлъ попробовать; можетъ быть, у него въ виду только принцъ Людвигъ Прусскій, къ которому очень приверженъ братъ маршала, какъ и къ наслѣдству, а тому и другому совершенно противенъ полковникъ. Наконецъ, какъ бы то ни было, каковы бы ни были мысли, вдумайтесь въ нихъ, ибо все, что̀ я вамъ сообщаю, вѣрно и полно истины. Я же надѣюсь, что тогда вы воздадите справедливость моему почтительному усердію ко всему, что́ касается выгодъ вашей Августѣйшей Государыни.

P. S. Я ничего не щадилъ для развѣдокъ, разузнавалъ и разыскивалъ сколько по человѣчеству было возможно, и узналъ, что маршалъ возымѣлъ свой замыселъ на основаніи одной найденной имъ записки похожаго содержанія, которую лѣтъ 14 или 15 тому назадъ N. посылалъ въ Россію къ N.N.; списокъ съ нея, какъ увѣряютъ, нашелся у одного изъ людей перваго. Вамъ легко узнать, такъ какъ, если это правда, N. не могъ позабыть про подобную записку.

Не позабудьте также обратить вниманіе на то, что маршалъ снова обнаруживаетъ увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ и на угрозы за ужиномъ у его родственницы. Касательно же Пруссіи, припомните басню про Человѣка и Лошадь.

*

Секретно.

25 Сентября (6 Октября) 1790.

P. S. Князь Жозефъ Понятовскій, командующій Польскими войсками къ нашей границѣ, представилъ сюда, что онъ нашелъ способъ имѣть при в. с. шпіона, чрезъ котораго въ состояніи открывать всѣ ваши предпріятія и намѣренія, и требовалъ денегъ. Сему крайне здѣсь обрадовались, велѣли скарбовой комиссіи отпустить насчетъ войсковой восемь тысячъ червонныхъ, и деньги отправлены къ Понятовскому въ прошлое Воскресенье. Ежели не употребленъ сей вымыселъ для выманки денегъ на что-нибудь другое, сожалѣю я о ихъ легковѣрности. Несмотря на великую тайну, узналъ я тотчасъ о дѣлѣ, но никакъ про-

вѣдать не могъ, кто бъ былъ сей шпіонъ. Король, можетъ быть, о немъ знаетъ, но другому никому еще неизвѣстно. Стану добиваться всячески, а по суммѣ надлежитъ заключить, что онъ не изъ мелкихъ людей, и конечно имѣетъ вольный доступъ къ в. с.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 25 Сентября (6 Октября) 1790.

Дѣла здѣсь весьма запутываются. Прусская партія забрела такъ далеко, что не знаетъ, какъ и развязаться, а составлена она большею частію изъ Барскихъ конфедератовъ или людей, напоенныхъ тѣми же же мыслями; теперь всѣми силами старается продолжить сеймъ на цѣлый годъ и далѣе, ежели будетъ нужда, надѣясь и принимая мѣры, чтобы нынѣшніе послы были подтверждены, а не новые выбраны, ибо въ послѣднемъ случаѣ выпустила бы изъ рукъ своихъ власть и, можетъ быть, подверглась бы разнымъ непріятностямъ. Но теперь наступаетъ дѣло гораздо важнѣе, а именно выборъ новаго короля. Сеймики назначены 5 (16) Ноября; на нихъ народъ рѣшитъ, выбрать ли наслѣдника и рѣшится безсумлѣнно на выборъ, ежели не помѣшаетъ тому противная партія, то есть наша, которой еще нѣтъ. Сверхъ того предложенъ Саксонской курфирстъ. Это пріятно народу; но я думаю, что сіе служитъ только маскою, а будутъ стараться выбрать сына Прусскаго короля Лудовика. Здѣсь ропщутъ уже на Саксонскаго министра, что онъ не радѣетъ объ интересахъ своего государя, то есть что не даетъ никому денегъ. Ежели выборъ исполнится, Польша для насъ потеряна, и добронамѣренные даже говорятъ, что когда мы ничего не начинаемъ, то лучше имъ пристать къ самой партіи, дабы для переду спасти себя и свое имѣніе. Чтò теперь отвратить можно пятьюдесятью тысячами червонныхъ, того послѣ милліономъ и безъ войны не передѣлаешь. Надобно намъ имѣть на своей сторонѣ шестнадцать или хотя двѣнадцать сеймиковъ, коихъ инструкціи сдѣлаютъ перевѣсъ, составляя больше четверти въ числѣ всѣхъ сеймиковъ. Гетманъ Браницкій беретъ на себя Кіевское и Волынское воеводства. Отвѣчаетъ онъ также за воеводу Сирадскаго, Валевскаго, за еп. Кочановскаго. Надобно будетъ призвать примаса, еп. Виленскаго, маршала Рачинскаго, вице-канцлера Хрептовича (кои всѣ разъѣхались), а особливо воеводу Русскаго Потоцкаго. Я повторяю, что время очень коротко и буду ожидать, чтò изволите приказать. Здѣсь теперь начинаютъ образумливаться, но не знаютъ еще что дѣлать; боятся, чтобы мы не стали мстить, въ чемъ я ихъ успокаиваю. Всѣмъ таковымъ хочется, чтобы съ нашей стороны учинена была какая декларація въ пользу Польши, чтò еще рано, но всего по-

лезнѣе деньги. Многимъ нечего ѣсть, и можно таковыхъ подъ рукою и подъ разными предлогами ссужать, дарить и снабжать. Маршалъ Потоцкой начинаетъ быть обходительнѣе, но трудно его поставить на истинный путь; можетъ быть, со временемъ поисправится и онъ. Маршалъ конфедераціи Сапѣга перемѣняетъ поведеніе, день ото дня становится лучше, а мать его почти уже готова бросить Пруссаковъ. Для нея также всего нужнѣе деньги. Всего важнѣе имѣть на нашей сторонѣ короля: о семъ должно всячески стараться. Примасъ и Хрептовичъ могутъ въ томъ помочь. Первый разгонитъ Итальянцевъ, кои всѣ Пруссаки и водятъ короля какъ хотятъ. Онъ состарѣлся, ослабѣлъ, наскучилъ, а они толкуютъ ему, какъ слышно, чтобы онъ по выборѣ наслѣдника сдалъ ему правленіе и поѣхалъ отдохнуть въ Италію, гдѣ лучше здѣшняго жить будетъ той пенсіей, которую дастъ ему новый король. Я уже доносилъ, что изъ Берлина обѣщаютъ заплатить его долги, коихъ больше милліона червонцевъ, ежели выберется Прусской принцъ; тоже самое можетъ ему дать и Саксонской курфирстъ, ежели бъ взялъ верхъ. Король перебивается деньгами какъ можетъ. Дорого и не за что дать ему милліонъ червонныхъ, но давать по часту и по немногу, обѣщая и впредъ не оставить, было бы весьма полезно и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ удержало бы его отъ многихъ вредныхъ намъ сеймовыхъ учрежденій. Онъ на все соглашается, какъ ребенокъ и кажется оправдываетъ мнѣніе, что хочетъ все бросить и уѣхать, лишь бы дали чѣмъ жить. Со мною еще очень холоденъ и объ дѣлахъ не говоритъ. Засѣданія на сеймѣ продолжаются цѣлый день; ассамблей нигдѣ нѣтъ, ибо всѣ устали, даже по Воскресеньямъ нѣтъ съѣзда у двора. Сіе причиною, что рѣдко его видѣть можно.

Больше теперь донести ничего не имѣю, а буду ожидать повелѣній вашей свѣтлости. О содержащемся въ семъ письмѣ не писалъ я въ Петербургъ въ той мысли, что ежели изволите найтить что̀ изъ сказаннаго мною нужнымъ, мнѣніе свое туда представите, а инаково могла бы выйти какая-нибудь несообразимость въ принимаемыхъ мѣрахъ.

Нехудо, ежели бы постарались у насъ о смѣнѣ Шведскаго здѣсь министра Енгестрома. Благопристойность, ежели не дружба, не позволяетъ его здѣсь оставить. Поведеніе его противъ насъ было столь скаредно, злость столь неограниченна, что не отъ него зависитъ говорить теперь противно прежнему. Онъ даже выпускалъ печатныя сочиненія противъ самой Государыни, достойныя послѣдняго наказанія. „На сихъ дняхъ женился онъ здѣсь на одной Полькѣ» *).

*

*) Поставленныя въ кавычки слова были въ подлинникѣ зачеркнуты. П. Б.

Секретно.

Къ кн. Потемкину. Отъ 12 (23) Окт. 1720.

Nous sommes bien loin de ce qu'a cru le trésorier Dziekonsky au sujet du chef. Pas plus tard qu'hier, il a dit: que plutôt il veut que toute sa famille périsse et que le pays soit à feu et à sang, que de voir que de son vivant non seulement l'influence Russe réprenne, mais même qu'il puisse rester à cette puissance le moindre espoir. Son plan est la chose qui lui tient à coeur; et à quelqu'un qui lui à parlé du prince Louis, il a répondu, qu'il sera assez bien dans ses affaires lorsqu'il sera l'électeur de Brandebourg et seigneur d'une demi - douzaine de fiefs souverains. Il ajouta: il n'y d'autre moyen pour faire perdre en Europe toute l'influence à la Russie et préparer sa destruction, que de faire une seule nation de la Polonaisse et de la Prussienne. Il a fait voir un avis, qu'il avait réçu par lequel on lui faisait savoir que la Grande Dame [1]) voulait à l'occasion de la nouvelle nomination d'un roi en Pologne, faire proposer le prince N. N. [2]), s'obligeant à joindre la Vallachie et la Moldavie à la Pologne. En parlant du général d'artillerie, il a dit: qu'il y a un moyen et qu'il espère par ce moyen de le faire révenir de sa prévention. Il n'a pas plus paru si persuadé, ou fait semblant de l'être, sur les difficultés et refus du roi des Prusse; au contraire, il a paru plutôt sûr de son fait; ainsi vous voyez, qu'il n'y a rien a négliger ou a mépriser sur l'article de son plan. Ce qui à présent l'intéresse, est de changer les commissaires du trèsore de Lithuanie; voilà une des choses qu'il prétend lui être nécessaire. Il faut qu'il aye ses raisons, car il intrigue beaucoup, et aussi en peu de jours on passera à l'examen du trésor de Lithuanie [3]).

---

[1]) Т. е. Екатерина. П. Б.

[2]) Т. е. князя Потемкина. П. Б.

[3]) Относительно маршала мы весьма далеки отъ того, о чемъ думалъ казначей Дзеконскій. Недалѣе какъ вчера онъ говорилъ, что для него легче гибель всего семейства его и опустошеніе Польши огнемъ и мечемъ, чѣмъ не только возобновленіе Русскаго значенія, но и слабѣйшая возможность онаго. Онъ носится съ своимъ планомъ и когда кто-то ему сказалъ о принцѣ Людовикѣ, онъ отвѣчалъ, что дѣла его пойдутъ довольно хорошо, когда онъ будетъ Бранденбургскимъ курфирстомъ и станетъ владѣть полдюжиною самостоятельныхъ помѣстій. Другаго нѣтъ средства, прибавилъ онъ, положить конецъ всему Русскому значенію въ Европѣ и приуготовить ея паденіе, какъ связать во едино населенія Польши и Пруссіи. Онъ предъявлялъ полученное имъ извѣстіе о томъ, что Великая Женщина, по случаю выбора новаго Польскаго короля, желала предложить князя N. N., обязуясь за то присоединить къ Польшѣ Молдавію и Валахію. Говоря о

14 Окт. 1790.

Милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ.

Мнѣніе ваше нахожу я весьма справедливо, чтобъ достать короля на свою сторону. Долги его платить Россіи тяжеловато, но можно сыскать способъ, что нація, разложа на термины, заплатитъ.

Отвращать выборъ наслѣдника вы должны стараться. За воеводство Волынское я почти отвѣчаю и надѣюсь, что сосѣднія послѣдуютъ. Литву поручить Касаковскому. О деньгахъ я доносилъ, но на всякой случай теперь можете взять отъ Теппера двадцать тысячъ червонныхъ подъ видомъ отправленія ко мнѣ.

Сапѣжинѣ кстати скажите отъ меня поклонъ.

Продолжайте ласкать Потоцкаго маршала. Примасъ былъ бы нуженъ, но какъ его достать изъ Италіи? Браницкаго старайтесь помирить съ королемъ.

На записку вашу о взятыхъ деньгахъ королемъ ради подкупленія при мнѣ довѣреннаго человѣка въ отвѣтъ скажу, что вы знаете, какъ у меня легко узнавать. Я могу сказать, что по сихъ поръ еще и угадать никому не удалось. И такъ его величество денежки выманилъ для себя. При всякомъ случаѣ вы можете увѣрять, что я имѣю высочайшія предписанія соблюдать къ Польшѣ самыя дружественныя расположенія и что отъ насъ они кромѣ добраго ничего ожидать не должны. Я теперь ѣду обозрѣвать посты передовые. Черезъ три дня возвращусь и начну вступать въ зимовыя квартиры.

Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр. Кн. Потемкинъ Таврическій.

Октабря 14 дня 1790 г. Бендеры.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. 12 (23) Окт. 1790.

Съ подполковникомъ Глазенапомъ отправилъ я къ в. с. обнажающійся планъ маршала Потоцкаго, за которымъ у меня присматриваютъ, а теперь имѣю честь приложить продолженіе сего дѣла, въ которомъ участвуетъ и самъ король. На сихъ дняхъ многіе изъ сеймующихъ,

---

генералѣ артиллеріи, онъ выразился, что есть средство, которымъ можно его разубѣдить и что онъ надѣется на это средство. Относительно препятствій и отказа со стороны Прусскаго короля онъ, повидимому, колеблется, или прикидывается менѣе прежняго убѣжденнымъ, но кажется увѣренъ въ успѣхѣ. И такъ вы видите, что надобно считаться съ его замысломъ. Въ настоящее время занятъ онъ тѣмъ, чтобы перемѣнить комисаровъ казначейства въ Литвѣ, и увѣряетъ, что ему это нужно. Надо думать, что у него тутъ есть виды; ибо онъ весьма пронырливъ, и вотъ черезъ нѣсколько дней начнется провѣрка Литовскаго казначейства. (Писано не своеручно. П. Б.).

ѣдучи по домамъ для сеймиковъ, откланивались ему, и онъ наидовѣреннѣйшимъ говорилъ, что кто идетъ противъ сукцессіи престола, идетъ противъ него. Нѣкоторые чинили ему возраженіе, и онъ довольствовался отвѣтствовать, что уже вступилъ въ обязательство (разумѣя Прусскаго короля) и никакъ отстать отъ онаго не можетъ. Одинъ изъ самыхъ старыхъ его друзей Грохольскій, кастелланъ Брацлавскій, представилъ между прочимъ, что онъ, получа корону отъ Государыни, не можетъ отдать ее другому безъ ея согласія, не обнажая своей неблагодарности; что сія корона и выборъ новаго короля будучи обезпечены трактатами съ нею и конституціями, не можетъ онъ всего самъ собою нарушить и что подвергнетъ Польшу всѣмъ несчастіямъ. На сіе онъ вздыхая и почти со слезами сказалъ, что онъ то чувствуетъ, всѣми силами будетъ стараться не допустить, чтобы здѣсь воспослѣдовало что-либо непріятное для Государыни, но что по поводу сукцессіи вошелъ онъ въ такія обязательства, коихъ нарушителемъ и перепадчикомъ быть не можетъ. Въ семъ мѣстѣ приходящіе перервали ихъ разговоръ, но довольно уже и сего для объясненія его мыслей и выведенія слѣдствій, могущихъ произойти изъ столь безумнаго, но важнаго предпріятія.

Тѣ самые, которые видѣли въ маршалѣ Потоцкомъ податливость изъ перемѣненія мыслей, которые утверждали, что онъ скоро исправится, теперь говорятъ, что онъ ихъ обманулъ и, забредши уже такъ далеко, навсегда пребудетъ въ нынѣшнихъ расположеніяхъ, хотя бы то стоило ему всей фамиліи и пагубы Польши, какъ онъ самъ изъяснялся. Со мною онъ обходится учтиво, равно какъ и король, но о дѣлахъ не говорятъ ни слова.

Княгиня Сапѣжина уже дала мнѣ слово, что она готова съ нами дѣйствовать и отвѣчаетъ за своего сына, лишь бы мы польстили чѣмъ Польшу, не трактовали ее какъ прежде, не препятствовали держать положеннаго нынѣ войска. Она чрезвычайно зла на короля и на Штакельберга, и ежели все то правда что̀ мнѣ сказывала о претерпѣнномъ отъ нихъ, то и дивиться нечему. Не спускаетъ также Пруссакамъ. Я ей набилъ въ голову, что нужно помѣшатъ нынѣшнимъ интригантамъ, кои, собравшись на сеймъ въ 20 или 30 только лицахъ, могутъ республику, вольность и ихъ всѣхъ закабалить на вѣки, и слѣдовательно лучше бы всего было, ежели сеймъ теперь лимитованъ былъ. Она за сіе ухватилась, но не знаю, предуспѣетъ-ли; ибо пріемъ ея противъ Пруссаковъ много у нея отнялъ кредита.

Я получилъ на сихъ дняхъ отъ всем. Гос. письмо отъ 25 Сент. Она изволитъ предписывать мнѣ поведеніе, котораго одного я уже и держался, т. е. тихое, скромное и ласковое, дабы привлекать къ себѣ умы, пока нашъ миръ съ Турками заключенъ не будетъ; кто избѣгаетъ обращенія

со мною, начиная отъ короля, за тѣмъ не бѣгать; говорить, что я ни денегъ, ни повелѣнія не имѣю, а самъ я только пассивный смотритель происходящаго и единственно стараюсь о сохраненіи добраго согласія между Россіей и республикою. Государыня довольна расположеніями гр. Браницкаго, приказываетъ сестру его и племянника подкрѣплять въ наступившей перемѣнѣ и образѣ ихъ мыслей. Я благодарю Бога, что по сю пору такъ поступалъ, какъ бы все повелѣнное мнѣ зналъ напередъ. Система пріятелей нашихъ есть та, чтобы сдѣлать реконфедеренцію, выдать манифестъ, въ которомъ изъяснится нарушеніе закона и даже акта нынѣшней конфедераціей ею самою. Но боятся къ сему приступить, не имѣя за плечами Россійскаго войска [1]) и денегъ въ карманѣ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ въ три дня головы перерубить могутъ. Вотъ все, м. г., что̀ теперь могу я донести. Потоцкой не отступитъ отъ своего плана; король ему содѣйствуетъ; они находятъ себѣ помочниковъ. Всего досаднѣе, что диссиденты противъ насъ. Прусской повѣренной въ дѣлахъ есть племянникъ генер. Гольца, бывшаго маршаломъ диссиндентской конфедераціи въ Коронѣ [2]), а посолъ Волковыской Грабовской, племянникъ маршала же конфедераціи Литовской Грабовскаго. Послѣдній говорилъ противъ насъ на сеймѣ страшнымъ образомъ, а теперь разглашаетъ, что когда курфирстъ Саксонской торгуется, то можно взять Прусскаго короля. Они собираются послать депутацію на сеймъ, дабы ихъ правы (ибо гарантія и трактаты съ Россіей уничтожены) были имъ подтверждены отъ республики. Сіи люди, вмѣсто благодарности, похожи на ренегатовъ, кои несравненно злѣе на христіанъ, нежели сами Турки.

Къ кн. Потемкину. 13 (24) Окт. 1790.

P. S. Изъ прежнихъ моихъ всепокорнѣйшихъ доношеній в. с-ть изволили видѣть, что находящійся въ Константинополѣ здѣшній министръ Потоцкой писалъ въ депутацію чужестранныхъ дѣлъ, что онъ трактатъ съ Портою тотчасъ заключитъ, не ожидая отсюда повелѣнія и отвѣта; что онъ такой же патріотъ, какъ и они; что интересы отѐчества своего знаетъ не меньше ихъ и что потому нѣтъ ему нужды дожидаться ихъ повелѣній и проч. Сіе было причиною разглашенія отъ Потоцкихъ, что трактатъ конечно получится недѣли черезъ двѣ; но скосырской голосъ министра сильно не полюбился депутаціи. Великій канцлеръ коронный Малаховскій склонилъ ее отправить скоропостижно и никому не сказавши повелѣніе къ Потоцкому, чтобы онъ трактата союза не

---

[1]) Передъ тѣмъ Россія, нуждаясь въ войскахъ на Югѣ и на Сѣверѣ, вызвала свои полки изъ Польскихъ владѣній. П. Б.

[2]) Т. е. въ Польшѣ. П. Б.

заключалъ иначе какъ вмѣстѣ съ трактатомъ торговымъ, и сверхъ того ничего бы съ Портою также не рѣшилъ, не отнесясь напередъ въ депутацію и не получа на то отъ нея повелѣнія. Пакетъ отправленъ съ отъѣхавшимъ въ Вѣну полковникомъ Мощинскимъ къ Польскому министру Воинѣ, а сему велѣно его тотчасъ же и скорѣйшею дорогою отослать въ Константинополь. Я хотя и чинилъ внушенія о вредѣ для Польши подобнаго трактата, но не ожидалъ толикой твердости. Сего еще не довольно. Канцлеръ донесъ о томъ королю, извиняясь, что поведеніе Потоцкаго принудило ихъ скорѣе послать къ нему запрещеніе, и потому не имѣлъ онъ времени доложить напередъ е. в-у. Вмѣсто сердца и неудовольствія король его похвалилъ и сверхъ того прибавилъ, что имѣетъ государственную причину, о которой сказать теперь не можетъ, быть одного съ канцлеромъ мнѣнія; что тотчасъ пошлетъ за княземъ Адамомъ и поручитъ ему сказать маршалу Потоцкому, что онъ самъ на сеймѣ говорить будетъ противъ его сродника и принудитъ отозвать его, ежели онъ продолжитъ поступать противъ здѣшнихъ повелѣній. Желательно, чтобы здѣшнее повелѣніе поспѣло прежде, нежели Потоцкой совершитъ свое сумасбродство. Есть надежда та, что по здѣшнимъ слухамъ Пруссаки, желая, чтобы союзъ Порты съ Польшею черезъ ихъ руки и подъ ихъ медіаціею былъ заключенъ, дѣлаютъ затрудненія и препятствія Потоцкому въ окончаніи его дѣла.

Вчера повѣренный въ дѣлахъ Цесарскій получилъ объявительную грамоту объ избраніи и короновании короля Леопольда императоромъ Римскимъ и поднесъ ее королю на ужинѣ у маршала Мнишека, гдѣ угощалась Курляндская герцогиня и гдѣ мы всѣ были.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. Ноября 1790.

P. S. Посылаемая пьеса *Разговоръ между Солономъ и Кадіемъ* есть сочиненіе епископа Коссаковскаго, который написалъ и другія подобныя, произведшія немалое дѣйствіе; но разговоръ такъ живо представляетъ лицы, что каждый себя узналъ, начиная отъ короля. Интересованные старались угадать автора и думали даже обо мнѣ, но по сію пору не нашли еще, чѣмъ возразить. Я осмѣливаюсь приложить примѣчанія, съ помощью которыхъ в. с. сами, думаю, отдать изволите справедливость автору *Отвѣта на отповѣдь Потоцкому,* сочиненную Колантаемъ и также его пера. *Снятая маска и Сукцессія или Елекція* писаны однимъ мною употребляемымъ человѣкомъ.

Прилагаю еще одну пьесу подъ титуломъ: *Чтожъ-то дѣлается съ нашимъ несчастливымъ отечествомъ?* Приписывается она князю Адаму и маршалу Потоцкому, вмѣстѣ ее сочинявшимъ. Я стараюсь, чтобы и сія

не осталась безъ отвѣта. Дѣло архіерея Слуцкаго, содержащагося подъ карауломъ, думаю, рѣшится хорошо. Король спрашивалъ комиссію его судящую, заклиная правду сказать. Главный его непріятель Залѣсскій отвѣчалъ, что, по совѣсти говоря, не находитъ въ немъ вины. Сіе король заставилъ его повторить при маршалѣ Малаховскомъ, послѣ чего приняли намѣреніе рѣшить дѣло епископа, т. е., разсмотря для формы, выпустить его на волю, ежели новое какое обстоятельство не перемѣнитъ сихъ добрыхъ расположеній.

Сейчасъ получено извѣстіе, что князь Радзивиллъ, воевода Виленскій, умеръ въ Бялой.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, къ № 7.

P. S. Маіоръ Чаплицъ повезъ отвѣтъ отъ маршала Потоцкаго къ Коссаковскому, которой безъ сомнѣнія его показывалъ в. с., коего на всякій случай имѣю честь при семъ приложить переводъ.

Онъ, не смотря на красивыя свои слова, насъ ненавидитъ и можетъ быть до смерти ненавидѣть будетъ за худой пріемъ, учиненный ему, какъ самъ изъяснился своимъ друзьямъ, въ Россіи. Злости его есть множество доказательствъ; но что̀ я теперь открылъ о его намѣреніяхъ, не оставляетъ уже никакого въ томъ сомнѣнія. Приложенная пьеса есть письмо отъ одного изъ нашихъ пріятелей или попросту сказать, шпіоновъ, вчерась писаное къ барону Ашу, ибо ко мнѣ онъ еще не очень имѣетъ довѣренности, пока не вызнаетъ меня короче. Оное письмо стоитъ не только прочтенія, но и уваженія. Предпріятіе Потоцкаго кажется тѣмъ вѣроподобнѣе, что все происходящее здѣсь легко съ нимъ соображается. Не препровождаю я сей бумаги иными разсужденіями, ибо въ ней уже ихъ найтить изволите. Собираніе войскъ Прусскихъ противъ насъ я самъ почитаю только за претекстъ, ежели нѣтъ подлинно какого адскаго противъ насъ съ Англіею, Голландіею и пр. заговора, и я не увѣренъ, чтобы Прусской король объявилъ намъ войну. Дѣлаетъ онъ съ одной стороны, чтобы Турковъ принудить не заключать мира, лаская ихъ, что съ нами драться будетъ и втянетъ въ тоже Польшу, а съ другой легко станется, что вдругъ введетъ свою армію въ Литву дабы принудить выбрать его сына, что̀ уже и составитъ часть плана Потоцкаго. Всему сему конецъ положитъ можетъ нашъ миръ съ Турками, но можно ли оного въ сихъ обстоятельствахъ скоро ожидать?

Недавно маршалъ Потоцкой съ братомъ своимъ уговаривалъ маршала конфедеранціи князя Сапѣгу, видно, приступить къ ихъ плану, но, находя въ немъ упорство, разсердился и отходя отъ него сказалъ: такъ надобно приняться за Французскій способъ, разумѣя, что надлежитъ

чернь взволновать. Въ самомъ дѣлѣ при мнѣ уже нѣсколько разъ бунтовали работники у разныхъ мастеровъ и усмирены военными командами.

Съ матерью кн. Сапѣги имѣлъ я уже переговоры, и дѣло идетъ на ладъ, но точнаго не могу еще ничего сказать. Я ее уговариваю, толкую. Она начинаетъ бранить Пруссаковъ, жалуется на худой пріемъ сына ея въ Кіевѣ, приписываетъ оный Штакельбергу, а всего въ недѣлю переломать нельзя. Сверхъ того надобны деньги для всѣхъ и рѣшеніе в. с-ти по письму моему отъ 25 (6) Мая.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. 15 (26 Ноября) 1790.

Замедлилъ я отвѣтомъ на высокопочтеннѣйшее в. с. письмо отъ 14 Окт., полученное мною 4 Ноября, дожидаясь извѣстій, кои бы могли удовлетворить любопытство ваше по здѣшнимъ дѣламъ, и особливо по сеймамъ. О сихъ послѣднихъ доношу особыми письмами. Кажется, идетъ вездѣ довольно хорошо. Повелѣніе в. с. получилъ я поздно, то-есть за три дня до сеймиковъ, а дабы дѣйствовать деньгами, сего времени не довольно бы было и на здѣшній, но не пренебрегъ я однако и безъ денегъ ничего негдѣ. Епископъ Коссаковскій повсюду, гдѣ могъ въ Литвѣ, по нашему желанію, принялъ мѣры и ждетъ теперь отвѣтовъ. Гетманъ Браницкой, который еще изъ Любомля не возвратился, повсюду почти предуспѣлъ, кромѣ Кіевскаго воеводства, и выбралъ рѣзуновъ, противъ коихъ не всѣ посмѣютъ здѣсь спорить. Княгиня Сапѣжина также, надѣюсь, не попусту отсюда поѣхала.—Теперь осмѣлюсь отвѣчать на содержаніе вышесказаннаго повелѣнія отъ 14 Октабря. Король не знаетъ, что̀ дѣлаетъ, со мною избѣгаетъ о дѣлахъ говорить, но подсылаемымъ отъ меня, коимъ вѣритъ, оказываетъ отчаяніе: блѣднѣетъ, плачетъ, когда слышитъ, что Россія хочетъ добра Польшѣ, почитаетъ себя погибшимъ, но не говоритъ почему. Видно, что обязательства, данныя имъ и безсумлѣнно на письмѣ, приводятъ его въ сіе отчаяніе. О маршалѣ Потоцкомъ донесу, что я исполняю повелѣнія в. с.; но позвольте мнѣ сказать между тѣмъ, что я знаю,—дай Богъ, чтобы мнѣніе мое не оправдалось!—онъ уже нѣсколько разъ насъ обманулъ. Писалъ къ Государынѣ чрезъ Штакельберга, что на всегда намъ преданъ и станетъ дѣйствовать въ нашу пользу, а недѣлю спустя сдѣлалъ все противное. Послѣ опять сблизился съ Штакельбергомъ и надѣлалъ еще хуже. Надежно, что съ новыми послами *) потеряетъ кредитъ. Партію за собою онъ, конечно, не повлечетъ, а безъ нея совершенно будетъ че-

*) Съ новыми участниками сейма? П. Б.

ловѣкъ безполезный. Онъ начинаетъ суетиться. Письмо отъ Коссаковскаго и свой ему отвѣтъ, переведя по французски, отдалъ королю, говоря, что оно отъ Рибаса. Симъ хотѣлъ онъ застращать короля, показывая, что его ищутъ. На сихъ дняхъ получилъ онъ другое преумное отъ Коссаковскаго письмо. Не знаю еще, какое изъ того выйдетъ слѣдствіе. Я повторяю, что не упущу ни малѣйшаго случая его уловить и настроилъ мои пружины, но не вижу большой надежды.—Когда всѣ деньги приму, дамъ кн. Шаховскому расписку, а в. с-ти донесу.—По сю пору курфирстъ Саксонской увѣряетъ, что короны избирательной не хочетъ, а наслѣдственной не приметъ безъ согласія трехъ дворовъ. Я все думаю, что онъ служитъ маскою партіи Прусской, а теперь все стремленіе обращается на Брауншвейгскаго герцога; но ежели король Прусской не введетъ тысячъ пятьдесятъ войска и милліона червонныхъ, мало ему надежды предуспѣть. Я сужу по мыслямъ здѣшнимъ и по извѣстіямъ получаемымъ о сеймикахъ.

Сапѣжина рада будетъ памяти в. с-ти. Надобно правду однако сказать, что она и сынъ ея теряютъ кредитъ съ того времени, какъ она со мною переболталась, но полезна быть можетъ.

Графъ Браницкой не откажется, можетъ быть, примириться съ королемъ, когда сей будетъ нашъ, чего трудно ждать, судя по его слезамъ и горести. Всего однако предвидѣть нельзя. Теперь гетманъ съ нимъ изрядно, по меньшей мѣрѣ нѣтъ между ними сшибокъ и непріятностей. Отважусь ли я утрудить в. с. донесеніемъ еще объ одной особѣ, которая истинно полезнѣе теперь Россіи, нежели ея министры? Графиня Александра Васильевна столь здѣсь почитается, что тому нѣтъ другого примѣра *). Она одна, о которой никто ничего предосудительнаго выдумать не смѣетъ, и всѣ единогласно говорятъ объ ней хорошо. Мнѣ она такою помощницею и даже покровительницею, что я не нахожу словъ для воздания ей должнаго.

О человѣкѣ, на подкупу котораго взяты здѣсь деньги, не могъ я ничего болѣе провѣдать, ибо князь Жозефъ даже въ письмѣ къ королю его не назвалъ; но деньги, какъ меня потомъ увѣряли, переведены чрезъ одного банкира. Сумнѣнія нѣтъ, что в. с-ть угадаете, но здѣсь повѣрятъ тому, что изъ Украйны напишутъ; ибо надобно что нибудь сплесть, когда деньги взяли.

Съ отправленія послѣдняго курьера накопилъ я много секретныхъ извѣстій, кои при семъ всепокорнѣйше прилагаю. Они не требуютъ дальнѣйшаго объясненія.

*

---

*) Въ одномъ изъ писемъ къ ней (въ „Архивѣ Князя Воронцова“) Екатерина сравниваетъ Польшу съ соловьемъ, не замѣчающимъ, что надъ нимъ готовая поглотить его жаба. П. Б.

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 26 Ноября (7 Декабря) 1790.

Вчерась получена здѣсь штафета отъ курьера, отправленнаго изъ Константинополя и на дорогѣ занемогшаго, съ письмами отъ Польскаго министра Потоцкаго отъ 13 Ноября. Доноситъ онъ, что съ Портою трактатъ заключилъ и 20 Ноября пошлетъ его съ другимъ курьеромъ уже подписанный. О содержаніи его говоритъ, что онъ есть только оборонительной съ Портою на будущее время и по окончаніи нынѣшней между ею и Россіею войны; но ежели бы Прусскій король объявилъ теперь войну Россіи для интереса Порты, то и Польша должна ему помогать яко находящаяся in casu foederis. Прибавляетъ, что Порта обѣщала ему за сіе заключить также трактатъ торговый съ великими выгодами для Польши, и что онъ его подпишетъ и также пришлетъ.

Когда маршалы Малаховской и Потоцкой о семъ донесли королю, онъ весьма огорчился, говорилъ, что запретилъ Потоцкому заключать трактатъ безъ здѣшняго повелѣнія, что не приметъ его и проч.; но какъ маршалъ Потоцкой истолковалъ, что трактатъ не есть наступительный, а только оборонительной, то онъ удовольствовался сказать: посмотримъ.

По отправленіи сего не могъ я еще обстоятельнѣе развѣдать, но въ самое же то время графъ Герцбергъ прислалъ сюда новую жалобу на онаго дѣлателя трактатовъ Потоцкаго, что онъ ни въ чемъ не хочетъ соглашаться съ Прусскимъ и Англійскимъ министрами въ Константинополѣ и дѣлаетъ все по своей головѣ.

Не препровождаю сихъ новостей донесеніемъ, какое онѣ произведутъ здѣсь дѣйствіе и будутъ ли трактатъ ратификовать, ибо еще того по короткости времени знать нельзя; но ожидать должно, что, получа оной при самомъ открытіи сейма съ новыми послами, противные воспользуются симъ обстоятельствомъ для своихъ видовъ и употребятъ всѣ силы для распаленія головъ и безъ того еще не совсѣмъ охладѣвшихъ.

Станиславъ Потоцкой, посланный въ Вѣну для уговариванія генералъ-артилеріи Потоцкаго и для свиданія съ Лукезиніемъ, возвратился съ письмами отъ перваго къ королю и къ маршалу Малаховскому, весьма благоразумно и съ твердостію писанными. Сей Станиславъ Потоцкой разсказываетъ, что Цесарь недоволенъ замѣшательствами, кои старались Поляки завести въ Галиціи; а князь Кауницъ изъяснялся, что Цесарь не намѣренъ мѣшаться во внутреннія Польскія дѣла, но желаетъ также, чтобы и никто изъ сосѣдей въ оныхъ участія не бралъ.

Польской въ Вѣнѣ министръ Война жалуется на депутацію чужестранныхъ дѣлъ, которая даетъ ему повелѣнія, несообразныя съ положеніемъ дѣлъ въ Вѣнѣ и послѣ за неисполненіе пишетъ ему выговоры, и намѣренъ просить объ своемъ отзывѣ. Здѣсь уже приготовляютъ на

его мѣсто одного камергера Гутаковскаго, имѣющаго деревни въ Бѣлой Россіи, но дѣйствовавшаго даже и нынѣ письмами на Оршанскомъ сеймикѣ въ угодность и въ пользу противной партіи.

Кончу сіе приложеніемъ извѣстій до нынѣ много собранныхъ.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину. 11 (22) Дек. 1790.

По повелѣніи в. с. отъ 14 Октября принялъ я отъ кригсцалмейстера кн. Шаховскаго двадцать тысячъ червонныхъ Голландскихъ, для употребленія мнѣ предписаннаго. Послѣ удостоился получить высочайшее повелѣніе за собственноручнымъ подписаніемъ, отъ 6 Ноября, и съ приложеніемъ кредитива на пятьдесятъ тысячъ червонныхъ для употребленія на умноженіе прилѣпляющихся къ видамъ нашимъ, даже и по провинціямъ. Въ ономъ же повелѣніи предписано мнѣ принятые отъ в. с. 20000 червонныхъ возвратить въ суммы, вѣдомству вашему принадлежащія. Почему и испрашиваю повелѣнія, куда и какъ прикажете доставить тѣ 20000 червонныхъ. Сожалѣтельно, что все сіе пришло ко мнѣ уже послѣ сеймиковъ; но теперь надобно изворачиваться здѣсь для умноженія нашей партіи.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 11 (22) Декабря 1790.

Все то, что̀ по сей день произошло здѣсь, все то, что̀ могъ я провѣдать касательно до трактата, заключаемаго между Портою и Польшею, содержится въ приложенныхъ при семъ копіяхъ двухъ моихъ писемъ къ е. с. вице-канцлеру, слѣдовательно и безполезно бы было утруждать в. с. повтореніемъ вышесказаннаго; но имѣю честь въ прибавокъ къ тому приложить еще другія извѣстія, собранныя мною съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ писемъ Потоцкаго, еще прежде нежели досталъ копію трактата, и могущія послужить къ объясненію.

Потоцкимъ здѣсь недовольны, равно какъ и Прусскимъ королемъ, къ которому отправляютъ курьера съ запросомъ или больше съ жалобою на Кнобельсдорфа. Я между тѣмъ отворяю глаза кому могу о гибели Польши, которая бы, конечно, послѣдовала ей отъ заключенія сего трактата.

На сеймѣ ничего еще не дѣлается. Партія Потоцкихъ, которой держится и король, боится, что съ новыми послами не управится, боится по получаемымъ извѣстіямъ, чтобы у насъ скоро не воспослѣдовало мира съ Турками и вслѣдствіе того торопиться станетъ окончить дѣла на сеймѣ, а способомъ къ сему почитаетъ назначить делегацію въ маломъ числѣ, которая бы все уложила и принесла на апробацію сейму,

какъ то было въ 1768 и 1773 гг.; но со всѣмъ тѣмъ опасается сама предложить, не будучи вѣрна въ успѣхѣ, а ищетъ, чтобы то вышло отъ другихъ.

Вся почти Польша желаетъ въ короли Саксонскаго курфирста. Министръ его увѣрялъ меня, что старается отвратить отправленіе отъ сейма депутаціи къ его государю и что сей пребываетъ въ прежнихъ мысляхъ, то есть, что не приметъ короны безъ согласія сосѣднихъ державъ.

Имѣю честь приложить особую записку о разныхъ здѣшнихъ слухахъ и происшествіяхъ. Ежедневныя побѣды в. с., о коихъ слухъ сюда доходитъ скорѣе вѣтра, сильно тревожатъ неблагонамѣренныхъ: боятся они мира, съ которымъ владычество ихъ должно кончиться, а между тѣмъ терпѣніемъ и молчаливостью съ нашей стороны выигрывается время и головы прохладѣваютъ, чѣмъ они крайне недовольны.

P. S. При самомъ отправленіи сего курьера получилъ я изъ Константинополя новыя извѣстія, кои всепокорнѣйше прилагаю, равно какъ и другую записку, содержащую новости изъ Вѣны и здѣшнія, сейчасъ до меня дошедшія.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 13 (24) Января 1791.

Всенижайшую приношу благодарность за своеручный апостиль отъ 24 Декабря. Я сдѣлалъ все нужное и полезное употребленіе изъ предписаній в. с. Со мною начинаютъ лучше обходиться послѣ сего извѣстія; но надобно правду сказать, что пока не узнаютъ о заключеніи мира, дѣла пребудутъ въ томъ же положеніи или, можетъ быть, тянуть ихъ станутъ на сеймѣ. Маршалъ Потоцкой робѣетъ, но злость его вся таже. Помогаютъ ему въ распаленіи духа Пруссаки и Англичане, кои льстятъ здѣсь, что весною Прусскій король объявитъ намъ войну, а Англійскій дворъ пошлетъ эскадры въ Балтійское и Черное моря; что Гишпанцы и Датчане къ нимъ пристанутъ; что миръ нашъ со Швеціею не продолжится и прочее тому подобное. Я толкую несообразимость всего онаго; изъясняю, что ежели бы оно и подлинно случилось, то изъ сего выдетъ вредъ только Пруссакамъ, Англичанамъ и Полякамъ, а намъ большого сдѣлать они всѣ не могутъ, ибо мы на все уже готовы, а имъ далеко еще до насъ идти. Пріятели наши въ томъ увѣрены, жалуются только на то, что подобными разглашеніями содержатъ Потоцкіе въ развращеніи здѣшнюю мелочь, и желаютъ, чтобы мы не соглашались на отдачу Гданска и Торуня, думая, что единымъ увѣреніемъ о сохраненіи Польшѣ сихъ городовъ партія наша сильно возрастетъ.

Король обѣщался не допустить заключенія трактата съ Турками. Предписанія Потоцкому даны такія, что и заключить онаго Турки и сами не захотятъ, а подъ приказаніемъ Потоцкому ѣхать на конгрессъ скрывается, по моему мнѣнію, желаніе короля выжить его изъ Константинополя; когда же оттуда выѣдетъ, то легче ему будетъ и совсѣмъ его отозвать. Не смотря на все сіе, ввѣриться королю нельзя. Со мною онъ ласковъ; я съ нимъ часто ужинаю, онъ охотно со мной разговариваетъ, но никогда не зачиналъ о Польскихъ дѣлахъ. Потоцкой часто блѣднѣетъ, когда видитъ меня съ нимъ въ разговорѣ. У него опять съ партіею его возобновилось желаніе ввести здѣсь сукцессію. Они имъ такъ завладѣли, что и онъ ихъ боится. Со временемъ и терпѣніемъ до всего однако дойти можно.

Всепокорнѣйше прилагаю особую записку разнымъ секретнымъ извѣстіямъ, собраннымъ мною по отправленіи послѣдняго курьера.

Г. Кассини выдалъ сочиненіе, при семъ приложенное. Мысль и основаніе въ немъ хороши, но не довольны здѣсь только тѣмъ, что слишкомъ горячо за Россію онъ говоритъ. Осмѣливаюсь такожъ послать появившіяся здѣсь лучшія Польскія сочиненія и, между прочимъ, новую комедію, столько шуму произведшую, хотя и мало значущую.

Сейчасъ я получилъ изъ Лондона письмо отъ 28 (8) Декабря. Увѣдомляютъ, что гр. Огинскій на сихъ дняхъ возвратился въ Гагу. Сказываютъ, что онъ пріѣзжалъ предлагать Лондонскому двору, дабы оный приступилъ къ союзу, заключаемому между Польшею и Турціею, но что въ Лондонѣ отклонили сіе предложеніе.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 10 (21) Февраля 1791.

Стараясь завести для полученія вѣрныхъ извѣстій повсюду надежные каналы (коихъ ниже слѣда не осталось мнѣ послѣ моего предшественника), былъ я столько счастливъ, что между прочимъ нашелъ таковой у самаго маршала Потоцкаго, который тѣмъ важнѣе, что всѣ каверзы дѣлаются отъ него или у него. Хотя еще недавно сдѣлалъ я сіе пріобрѣтеніе и хоть великую осторожность долженъ имѣть, но досталъ я уже многія бумаги, заслуживающія прочтенія и при семъ всепокорнѣйше ихъ прилагаю, а именно: 1) описаніе поведенія его съ начала нынѣшнихъ дѣлъ; 2) инструкція, посланная къ Потоцкому, въ Константинополь отъ 1 Апрѣля прошлаго 1790 г.; 3) выписка изъ новой инструкціи, посланной къ нему же въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго года; 4) копія послѣдняго отъ посланника Потоцкаго на сихъ дняхъ полученія; 5) проектъ артикуловъ торговаго трактата

между Пруссіей и Польшею, сочиненный нынѣ вмѣстѣ Потоцкимъ, Гельсомъ и Піатоліемъ, дабы Поляковъ уловить и склонить къ уступкѣ.

Окончa сіе, долженъ я еще донести в. с., что получилъ странное письмо отъ барона Гибша, которое при семъ прилагаю. Зная его короткую связь съ султаномъ, который при мнѣ еще нѣсколько разъ къ нему присылалъ своихъ любимцевъ спрашивать новостей, когда чужестранные министры обманывали Порту, и требовать объясненій по дѣламъ, я былъ готовъ повѣрить содержанію сего письма, тѣмъ болѣе, что самъ чрезъ него многія внушенія допускалъ до Сераля; въ привязанности его къ намъ никогда сумнѣнія не имѣлъ и что онъ когда и въ гоненіи былъ отъ Юсуфъ-паши за насъ, поведенія своего однако не перемѣнялъ. Но какъ поступокъ его по сю пору ожиданнаго имъ дѣйствія не произвелъ, то и не знаю, чтò объ немъ думать. В. с. лучше изволите развязать сей узелъ. Можетъ быть, и то, что хорошія намѣренія перемѣнились послѣ; ибо тамъ ничто долго не держится, особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда злодѣи наши не видятъ для себя иного спасенія, какъ въ развращеніи Турковъ. Послѣ отправленія послѣдняго курьера собиралъ я черезъ секретные мои каналы извѣстія и при семъ всепокорнѣйше прилагаю. P. S. Всепокорнѣйше еще прилагаю одну пьесу, а именно письмо аббата Піатоли къ маршалу Потоцкому. Изъ онаго видно новый ихъ планъ. Дѣло идетъ о введеніи сукцессіи трона. Маршалъ Мнишекъ былъ въ деревнѣ и уже сюда пріѣхалъ. Сперва король хотѣлъ послать Піатолія, но теперь уговариваетъ самого Потоцкаго. Не знаю еще, чѣмъ кончится, а и того меньше произведутъ ли какой успѣхъ въ Берлинѣ его интриги. Потоцкій велѣлъ приготовить дорожную карету, сказавъ, что ѣдетъ въ Литву на короткое время, но поѣдетъ въ Берлинъ и Дрезденъ. P. S. Его Польское величество поручилъ мнѣ просить в. с., чтобы маіора Пумана не оставили своимъ покровительствомъ. Онъ къ сему прибавилъ, что уже самъ васъ объ немъ просилъ въ Каневѣ. Прежде короля писала ко мнѣ сестра онаго маіора, баронесса Шутеръ, что онъ служитъ 22 года и нынѣ обойденъ; что потерялъ здоровье и, имѣя жену и дѣтей, желалъ бы быть комендатомъ въ Таганрогѣ, гдѣ надѣется поправить и здоровье и состояніе. Я ее утѣшилъ, что произвожденіе у насъ идетъ по всей арміи, а не по полку и если въ его полкъ помѣщенъ какой посторонній премьеръ-маіоръ, то сіе не значитъ, чтобы онъ былъ обойденъ; что въ Таганрогѣ комендантское мѣсто важно и занимается обыкновенно полковникомъ или генераломъ, а потому огорчаться не можно, ежели брату ея не дадутъ сего мѣста. Прошу всепокорнѣйше однако удостоить меня повелѣніемъ, чтò въ отвѣтъ сказать королю?

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 11 (22) Февр. 1791.

P. S. Г. Коссаковскій говоритъ здѣсь громко и хорошо о нашихъ арміяхъ, о положеніи дѣлъ и пр.; до того доходило, что за обѣдомъ у короля маршалъ Потоцкой вступился было за Турокъ и за Лукезинія, но онъ его отдѣлалъ такъ, что Потоцкой, не зная, что̀ отвѣчать, всталъ изъ-за стола и ушелъ, извиняясь начатымъ на сеймѣ. . . . *), на которомъ ему быть надобно. Послѣ сего король ежедневно видается и говоритъ наединѣ съ Коссаковскимъ, а сей меня увѣряетъ, что онъ поссорилъ совершенно его съ Потоцкимъ; но послѣ изъявленій благодарности в. с., послѣ всѣхъ похвалъ, вчерась былъ онъ у меня и, разсказавъ все свое похожденіе въ бытность въ арміи, объявилъ мнѣ въ заключеніе, что, бывъ только волонтеромъ, не почитаетъ себя за Русскаго генерала, ибо о немъ ни приказа не было отдано, ни въ списокъ его не внесли, ни при отпускѣ не назначили срока для возвращенія, ни пашпорта не дали; что впрочемъ хотятъ для него здѣсь сдѣлать въ Литовской арміи новое мѣсто генерала-поручика, но онъ его не приметъ, а будетъ жить дома, не мѣшаясь никакъ въ политическія дѣла. Сколь ни старался онъ прикрывать краснорѣчіемъ и говорить съ униженностью и сожалѣніемъ, что не можетъ служить, но было довольно видно его неудовольствіе. Между прочимъ съ оскорбленіемъ отзывался, что за Килію не дали ему креста и не снизошли на просьбу его быть съ командою при взятіи Измаила. Всѣ оныя причины кажутся мнѣ маловажны, а станется, что или не имѣлъ онъ никогда истиннаго намѣренія остаться въ нашей службѣ, или здѣсь его уже развратили какими обѣщаніями для его многолюдной фамиліи. Со временемъ, можетъ быть, узна̀ю я истину. Письмо отъ него при семъ всепокорнѣйше прилагаю.

*

Къ кн. Потемкину въ С.-Пб., 12 (23) Марта 1791.

Пользуясь проѣзжающимъ изъ Вѣны курьеромъ, имѣю честь всепокорнѣйше представить в. с-ти копію съ письма отъ г. Лукезинія изъ Шистова къ маршалу Потоцкому, которую удалось мнѣ достать. Не хотя курьера задержать больше часа, не имѣю времени пространно донести о происходящемъ здѣсь, а ссылаюсь на заготовленныя мои и съ нимъ отправляемыя доношенія къ е. с. вицеканцлеру, въ которыхъ есть много любопытнаго. Сейчасъ получилъ я короткое изъ Константинополя письмо отъ 10 Февраля, въ которомъ между прочимъ пишутъ ко мнѣ слѣдующее: посолъ Англійскій хвастаетъ, что онъ сдѣлаетъ миръ съ Россіею, а Прус-

*) Не можемъ разобрать одного слова. П. Б.

ской утверждаетъ, что Государыня не инако поступитъ, какъ Императоръ. Польша пойдетъ по слѣдамъ Пруссіи, а между тѣмъ султанъ ожидаетъ отвѣта отъ своего министра изъ Берлина.

*

Къ кн. Потемкину въ С.-Пб., 26 Марта (6 Апрѣля) 1791.

Ссылаясь на доношенія мои къ высоч. двору, на бумаги, особо доставляемыя къ гр. Безбородку, изъ которыхъ в. с. изволите увидѣть всѣ здѣшнія происшествія, не хочу утруждать повтореніемъ, а донесу всепокорнѣйше только о слѣдующемъ.

Не преставалъ я стараться объ обращеніи короля на истинный путь и до того было довелъ, что онъ почти уже обѣщалъ писать къ в. с-ти, чтобы стараніемъ вашимъ возвращены ему были прежнія милость и покровительство всемилостивѣшей Государыни; но все сіе перемѣшалось въ три дни: онъ вдругъ такъ предался Прусской партіи, что безъ воли маршала Потоцкаго ничего не дѣлаетъ.

Я самъ не ожидалъ столько отваги и смѣлости, какъ оказали наши пріятели и особливо канцлеръ Малаховскій, человѣкъ съ природы робкой; но надѣяться должно, что сей первый опытъ умножитъ въ немъ еще больше храбрости, какъ уже то и случилось въ Понѣдельникъ 24 сего мѣсяца. Теперь Прусскіе пріятели пользуются меморіалами г. Беренсдорфа, стараются ими доказать, что Россія не удалена и отъ подѣла Польши и симъ ищутъ очернить и сдѣлать ненавистными въ землѣ нашихъ друзей и насъ самихъ. Всепокорнѣйше прилагаю копіи послѣднихъ писемъ отъ Потоцкаго изъ Константинополя.

*

Къ кн. Потемкину, 12 (23) Апр. 1791.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Константинополя курьеръ, отправленный отъ Польскаго посланника Потоцкаго, 29 Марта по новому штилю; слѣдовательно, не можетъ быть откуда извѣстій свѣжѣе имъ привезенныхъ. Изъ всѣхъ его депешъ при семъ всепокорнѣйше прилагаю выписку. Съ Польшею ничего еще тамъ заключено не было.

Здѣсь господствующая партія принимаетъ тайное намѣреніе, при начатіи засѣданій 2 Мая, не кончить проэкта о сеймахъ, какъ того порядокъ дѣлъ требуетъ, а заниматься другими дѣлами, въ концѣ же Мая отложить сеймъ на два мѣсяца, но уложа прежде стражу или подъ другимъ какимъ именемъ правительство. Сіе значитъ диктатуру, которою у Потоцкаго голова набита; не хочетъ также выбирать новыхъ скарбовыхъ комиссаровъ, дабы, обѣщая мѣста многимъ, держать всѣхъ въ своей зависимости.

Къ кн. Потемкину, 22 Апр. (3 Мая) 1791.

Спѣшу отправленіемъ сего курьера съ доношеніемъ ко всемилостивѣйшей Государынѣ о нечаянномъ здѣсь происшествіи почти подобномъ на Шведское. Станиславъ вздумалъ быть самодержавнымъ, силою превратилъ корону въ наслѣдственную, выбралъ Саксонскаго курфирста, дочь его и будущаго зятя въ преемники, учредилъ новую форму правленія, и все сіе сдѣлано съ помощію черни. Нечего было дѣлать нашимъ пріятелямъ, и опасно, чтобы они не пострадали. Теперь здѣсь всѣ внѣ себя, и трудно сказать что-либо основательное. Сколь скоро буду въ состояніи, обо всемъ донесу. Наибольшее волнованіе произвели скаредныя доношенія Деболія *). Сіе отправляю въ полночь. Дай Боже, чтобы курьеръ проѣхалъ счастливо.

*

Къ кн. Потемкину, 30 Апр. (11 Мая) 1791.

Съ симъ курьеромъ доношу къ высочайшему двору съ наиподробнѣйшими обстоятельствами все здѣсь случившееся, а потому и не буду утруждать в. с-ь повтореніемъ. Гетманъ Браницкой былъ въ опасности потерять голову и имѣніе и, дабы его спасти, согласились мы съ нимъ, какъ и другіе наши пріятели, коимъ впрочемъ нечего было дѣлать, чтобы они притворились уступая насилію, и даже ввести его въ стражу. Послѣ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ сложить чинъ, когда то будетъ нужно и полезно. Я было его примирилъ съ королемъ, и начали уже звать его въ за̀мокъ на ужины. Маршалъ кн. Сапѣга также нашъ, но всѣмъ имъ нечего дѣлать.

Генерала артиллеріи стараются склонить. Можетъ быть, Станиславъ Потоцкой изъ Берлина поѣдетъ въ Англію его уговаривать. Отъѣздъ его, Голландскаго и Англійскаго посланниковъ, за коими всѣ отправились по просьбѣ короля, заставляетъ подозрѣвать, что ведутся какія интриги съ Прусскимъ королемъ, и вошедшія въ Польшу Пруссія войска едва ли не призваны оттуда, что̀ скоро обнажится.

Чинъ канцлера короннаго предлагалъ король князю Адаму Черторыскому, а потомъ маршалу Потоцкому, маршальство же Литовское послѣ него князю Адаму; но они не приняли. Ничто еще въ устройство не приходитъ, и на сихъ дняхъ нѣкоторые послы говорили даже дерзкимъ образомъ противъ короля, называя его просто безъ единаго титула Станиславомъ-Августомъ и грозя, что подобныхъ имъ найдется тотчасъ пятьдесятъ тысячъ и пр. Никто не смѣлъ ихъ прервать.

Теперь всѣ смотрятъ, какая будетъ принята резолюція у насъ и у прочихъ сосѣдей; недовольныхъ много, но духъ вольности въ Польшѣ

*) Польскаго въ Петербургѣ посланника. П. Б.

унылъ. Никто не вѣритъ, чтобы разглашеніе о подѣлѣ Польши было основательно; большая часть увѣрена, что Россія къ оному не приступитъ и потому одному желаетъ съ нами сближаться. Я ожидаю повелѣній, какъ мнѣ поступить, а между тѣмъ ободряю, поддерживаю, совѣтую дѣлать манифесты, что̀ и продолжается.

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 24 Сент. (5 Окт.) 1791.

Открываю я здѣсь новые и весьма важные замыслы и почитаю за долгъ предупредить объ оныхъ в. с.

Поведеніе курфирста Саксонскаго заставляетъ здѣсь почитать за дѣло почти невозможное, чтобы онъ принялъ Польскую корону безъ желаемыхъ отъ него перемѣнъ въ новой конституціи, а перемѣны имъ требуемыя, яко немогущія исполниться безъ разрушенія оной, только за увертку и политическій отказъ. Мнѣ только извѣстно, что король Польской тайно предупрежденъ отъ самого курфирста, что принятіе короны чинится для него невозможнымъ и что медленность его въ даніи рѣшительнаго отвѣта есть выдумка его для выигранія времени. Извѣстно мнѣ также, что сіе положеніе дѣлъ причиняетъ королю великую заботу, ибо обманули народъ, разглася, что все дѣлается съ согласія курфирста и что дабы положить вдругъ конецъ всѣмъ препятствіямъ, король Польской негоцируетъ не чрезъ министровъ Польскихъ, а посторонними людьми у Императора и у Прусскаго короля, дабы они сами согласились и склонили курфирста выдать инфанту за кн. Ст. Понятовскаго. Увѣряли меня, что негоціація идетъ поспѣшно и, можетъ быть, уже кончена. Ежели она удастся, то въ семъ случаѣ планъ короля въ томъ состоитъ, чтобы собрать подъ Варшавою нѣсколько войска (къ чему безъ сумнѣнія употребятъ лагерь кн. Виртембергскаго) и въ назначенный день прокламировать его, Понятовскаго, королемъ Польскимъ и наслѣдникомъ нынѣшняго короля. Сколь ни скрытно сіе производится, предуспѣлъ я проникнуть ихъ тайну. Они сильно торопятся, и ежели пойдетъ на дѣло, надѣятся выборъ кончить скоро и, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, употребя и насилія и всевозможные способы.

Перемѣна въ поведеніи кн. Станислава все сіе также подтверждаетъ. Онъ начинаетъ обходиться ласково со всѣми и давать подъ рукою деньги, дабы составить партію для подкрѣпленія сего проекта. Дѣломъ управляетъ аббатъ Піатоли, и кн. Станиславъ имѣетъ съ нимъ свиданіе послѣ полуночи, хотя оба они живутъ въ за̀мкѣ. Сей Піатоли выговорился на сихъ дняхъ одному своему пріятелю, докучающему испросить одну милость у короля: «Лучше подождать; что̀ нынѣ просятъ у короля яко милость, то черезъ мѣсяцъ будетъ имѣть право отъ

него требовать. Я теперь занимаюсь учиненіемъ ему и фамиліи его такой услуги, каковой ни одинъ человѣкъ ему еще не оказалъ. Терпѣніе на малое время: дѣло мое скоро будетъ сдѣлано, и тогда я ваше сдѣлаю».

Другое намѣреніе не меньше важное вчиняется также въ головы зачинщиковъ революціи. Недовольствуясь тѣмъ, что ежедневно умножаютъ привиллегіи мѣщанъ, дабы имѣть въ нихъ подпору, вздумали они, не уважая могущихъ слѣдствій, въ случаѣ волнованія по воеводствамъ или вступленія чужестранныхъ войскъ въ Польшу для подкрѣпленія противящихся новой конституціи, дать вдругъ неограниченную и Французской подобную вольность всѣмъ крестьянамъ, кои и безъ того уже во многихъ мѣстахъ шевелятся. Сіе легко станется отъ нынѣшняго сейма, на которомъ малое число благонамѣренныхъ не только не въ силахъ воспротивиться, а, напротивъ того, боится и съ основаніемъ, чтобы изъ мщенія и ненависти не назначили ихъ въ жертву распаленнымъ вольностью крестьянамъ, какъ было то случилось 3 Мая съ мѣщанами.

Впрочемъ здѣсь продолжается ферментанція и, несмотря на угрозы, не проходитъ дня на сеймѣ безъ вылазки противъ новой конституціи.

*

Секретно.

Къ кн. Потемкину, 10 (21) Окт 1791 *).

Въ продолженіе всенижайшаго моего доношенія отъ 24 Сент. о здѣшнихъ замыслахъ, имѣю честь всепокорнѣйше прибавить слѣдующее: 1) Негоціяція въ Вѣнѣ и въ Дрезденѣ по поводу кн. Станислава Понятовскаго кончилась безъ всякаго успѣха. Оба сіи двора нашли ее противною своимъ выгодамъ и интересамъ. Видно, вслѣдствіе сего извѣстія, оной князь началъ говорить, что ѣдетъ въ Италію. 2) Послѣдній способъ у короля будучи сею неудачею отнятъ, опасно, чтобы онъ не пустился на крайность и самъ собою насильно, скоропостижно, съ помощью войскъ, или возмутя крестьянъ вольностью, не выбралъ въ короли одного или другого изъ своихъ племянниковъ; но кажется съ другой стороны, что дождется прежде рѣшенія отъ курфирста, приметъ ли онъ корону или нѣтъ, и сверхъ того уповательно также, что и въ провинціяхъ встрѣтитъ какое сопротивленіе.

---

*) Писано, когда князя Потемкина уже не было въ живыхъ. Вскорѣ Я. И. Булгаковъ замѣненъ былъ графомъ Я. Е. Сиверсомъ и вышелъ въ отставку. П. Б.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

I.

Письмо Цесаревича къ графу И. И. Дибичу, 3 (15) Марта 1828 г., № 103, изъ Варшавы.

Получивъ дополненіе къ высочайшему приказу, отданному въ 17 день прошедшаго Февраля, въ которомъ сказано, что Его Императорское Величество при осмотрѣ 16-го Февраля 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ и ученіи баталіона дворянскаго полка, найдя примѣрный во всѣхъ частяхъ порядокъ, чистоту въ одеждѣ, выправку, отличную осанку, благовидную наружность и знаніе своего дѣла кадетъ и дворянъ, изволилъ объявлять совершенную свою признательность мнѣ и прочимъ г.г. начальникамъ, принимая всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ монаршее ко мнѣ благоволеніе и зная въ полной мѣрѣ цѣну онаго, но въ теперешнемъ случаѣ, какъ я по фронтовой части не видалъ кадетъ и дворянъ съ самаго 1817 года, то-есть болѣе десяти лѣтъ, и сіе всѣмъ извѣстно: то таковое монаршее благоволеніе я не могу къ себѣ отнести, какъ мнѣ не принадлежащее. Почему и имѣю честь просить вашего сіятельства всеподданнѣйше доложить Государю Императору, что я прошу повелѣть отмѣнить насчетъ меня вышеозначенный высочайшій приказъ, дорожа всемилостивѣйшимъ Его Императорскаго Величества благоволеніемъ. когда, дѣйствительно, могу оное заслужить, но не желаю, дабы имя мое было упомянуто въ такомъ случаѣ, который не слѣдуетъ отнести ко мнѣ, и о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

*

Въ отвѣтномъ письмѣ графъ Дибичъ, 7 Марта 1828 г., № 698, писалъ:

Государь Императоръ, приписывая нынѣшнее отличное состояніе сихъ корпусовъ тому твердому основанію, которое Ваше Императорское Высочество дать имъ изволили, почелъ обязанностію изъявленную въ приказѣ начальникамъ сихъ корпусовъ благодарность отнести также и къ особѣ Вашей, какъ главному виновнику благоустройства сихъ военно-учебныхъ заведеній: ибо Его Величество поставилъ себѣ за правило всегда приписывать успѣхи по какой бы то ни было части тѣмъ именно, кои трудами своими и попечи-

тельностію положили основаніе существующему порядку. По сей причинѣ Его Величество находитъ уже неудобнымъ отмѣнить объявленнаго Вашему Высочеству въ высочайшемъ приказѣ благоволенія; но, какъ Ваше Высочество не желаете принимать изъявленій признательности за устройство и порядокъ въ кадетскихъ корпусахъ, при высочайшихъ смотрахъ замѣчаемые, то впредъ въ подобныхъ случаяхъ, согласно волѣ Вашего Высочества, таковой монаршей благодарности объявляемо уже не будетъ.

*

II.

Всеподданнѣйшее письмо ген.-лейтенанта Иловайскаго 1-го, 27 Іюля 1828 г.

Содѣлавшись жертвою злобы, я лишенъ твоихъ милостей, Государь благодушный. Воля твоя подвергла меня суду по законамъ; сердце твое требуетъ истины; но я уже чувствую надъ собою тяготѣющую руку неправды. Святость намѣреній твоихъ подтвердила законы, предоставляющіе подсудимому всѣ способы къ оправданію; но судъ царей не есть судъ Царя моего, и я къ оправданію своей невинности вижу только одинъ способъ: быть судимымъ тамъ, гдѣ не вполнѣ страшна власть личныхъ моихъ враговъ и гонителей въ видѣ службы. Графъ Чернышевъ мститъ мнѣ за противорѣчія по Донскому Комитету; графъ Гурьевъ, для защищенія поступка отца своего и для избавленія самого себя отъ платежа за него нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей Донскому войску суммы, старался въ томъ винить другихъ, межъ коими и меня; генералъ Богдановичъ по давнишней враждѣ за мою на него взыскательность; а графъ Дибичъ, за мнимое оскорбленіе его всемогущества, тѣмъ, что не чрезъ него получилъ я высочайшее Вашего Императорскаго Величества назначеніе въ 1826 г. по пріѣздѣ моемъ въ столицу въ первый разъ представиться особѣ твоей, Государь милосердный, и симъ случаемъ его безпредѣльное властолюбіе поразилось столь сильно, что онъ въ пылу своего неукротимаго гнѣва не могъ скрыть гибельныхъ для меня своихъ чувствъ и намѣреній, сказавъ: „я уничтожу и тебя, и твоихъ совѣтниковъ!“ И сей убійственный глаголъ угрозы властительнаго вельможи уже совершается: онъ есть источникъ моихъ бѣдствій въ минувшемъ и настоящемъ и указатель будущей участи моей по суду, подъ непосредственнымъ его вліяніемъ: ибо немногіе осмѣлятся исполнить долгъ чести, совѣсти и присяги къ моему оправданію, зная, что сія многомощная особа жаждетъ моей гибели. И вотъ образцы сей истины: слѣдствіе произведено вопреки узаконеннаго порядка во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ я ни о чемъ не былъ спрашиванъ; свидѣтели были спрашиваны безъ присяги; сами подученные претенденты были приняты въ родѣ свидѣтелей, а личные мои враги составляли собственныя комиссіи при двухъ рабочихъ полкахъ, и вслѣдствіе того меня су[illegible]ъ и за то, что въ 1825 г. для пріема блаженныя памяти Государя Императора казаки помогли мнѣ очистить и усыпать пескомъ дворъ и садъ. Меня су[illegible] и за владѣніе

тѣмъ, что̀ я издавна получилъ по наслѣдству или пріобрѣлъ еще до назначенія меня войсковымъ атаманомъ; меня судятъ и за то, что я войску подарилъ изъ моей собственности; меня судятъ даже и за то, что указомъ Правительствующаго Сената въ 1826 г. объявлено мнѣ высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе! Притомъ меня изнуряютъ и переѣздами: сперва я вытребованъ изъ Новочеркасска въ Москву для сужденія при главной квартирѣ 1-й арміи, оттоль отправленъ въ Калугу, потомъ въ Кіевъ, а теперь ѣду въ Тулу, подъ команду младшаго генерала Набокова.

Монархъ правосудный! Удостой внять отчаяннымъ мольбамъ старца, во бранѣхъ за царей и отечество посѣдѣвшаго, а въ преклонности лѣтъ гонимаго мщеніемъ и очерненнаго клеветою сильныхъ, съ пособіемъ ихъ угодниковъ; дозволь по благости своей воспользоваться правомъ избранія мѣста сужденія; повели чрезъ особу не страшающуюся ни явнаго, ни тайнаго мщенія графовъ Дибича и Чернышева и не имѣющую съ ними, какъ и съ прочими моими врагами, никакихъ связей, переслѣдовать дѣло при мнѣ и прочихъ вмѣстѣ со мною подсудимыхъ, и тогда, буде окажется надобность, судить меня подъ непосредственнымъ начальствомъ Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, гдѣ будетъ угодно Его Императорскому Высочеству.

Съ надеждою милосерднаго монаршаго благовоззрѣнія, имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій Алексѣй Иловайскій.

*

Отзывъ Цесаревича Константина Павловича графу И. И. Дибичу, 7 Октября 1828 г., № 328.

Я имѣлъ честь получить отношеніе вашего сіятельства отъ 26-го прошедшаго Сентября за № 408, при коемъ, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, прилагая всеподданнѣйшее прошеніе войска Донского ген.-лейт. Иловайскаго 1-го, изволите спрашивать меня: найду-ли я удобнымъ исполнить желаніе его, ген.-лейт. Иловайскаго, чтобъ судъ надъ нимъ произведенъ былъ подъ непосредственнымъ моимъ надзоромъ.

Прося вашего сіятельства повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшую мою благодарность за всемилостивѣйшее вниманіе и довѣріе ко мнѣ, слѣдствіемъ коихъ Государю Императору благоугодно имѣть по сему предмету мое мнѣніе, я имѣю честь изъяснить оное со всею откровенностію и искренностію.

Читая всеподданнѣйшее прошеніе ген.-лейт. Иловайскаго, съ перваго взгляда замѣчаю я укорительныя выраженія противу начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества и управляющаго Военнымъ Мини-

стерствомъ, товарища сего начальника. Всякому позволено объяснять дѣло, приносить жалобы или оправданія и просить о чемъ-либо въ свою пользу, но запрещается прибѣгать къ укоризнамъ, а наипаче, говоря о начальникахъ и лицахъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Государя Императора; слѣдственно, въ моемъ понятіи, по одному уже сему ген.-лейт. Иловайскій есть виновенъ, не касаясь тѣхъ винъ его, за которыя онъ состоитъ подъ судомъ, ибо я совершенно не знаю, въ чемъ заключается его дѣло и за что онъ судится.

Желаніе ген.-лейт. Иловайскаго, чтобъ судить его подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ, есть обидно для всей Россійской арміи, потому что доказываетъ недовѣрчивость его къ ней и обидно равномѣрно для меня тѣмъ, что въ понятіи его я и состоящія подъ моимъ начальствомъ войска будто бы не принадлежимъ къ общему составу, но составляемъ что-нибудь отдѣльное, тогда какъ, по разуму образованія главнаго штаба Его Императорскаго Величества, и я, и командуемыя мною войска зависятъ отъ одного и того же управленія, какъ и прочія, и исполняютъ въ точности всѣ онаго распоряженія. Въ семъ послѣднемъ предметѣ свидѣтельствуюсь какъ бывшимъ начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества ген.-адъют. княземъ Волконскимъ, такъ и вашимъ сіятельствомъ; да и въ продолженіе тридцатитрехлѣтней службы моей, я вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность быть точнымъ исполнителемъ распоряженій начальства и даже горжусь тѣмъ, когда исполню волю его поспѣшнѣе другихъ.

Хотя ген.-лейт. Иловайскій и имѣетъ къ лицу моему довѣріе, но судить его дѣла я самъ не могу, и должно бы составить военный судъ изъ войскъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ; презусъ однако и ассессоры онаго суда были бы изъ лицъ, принадлежащихъ къ однѣмъ и тѣмъ же войскамъ, кои состоятъ подъ управленіемъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества: ибо во всей Россійской арміи нѣтъ ни одного лица, которое бы не зависѣло отъ начальства начальника онаго штаба и товарища его; слѣдственно, желаніе ген.-лейт. Иловайскаго не достигло бы своей цѣли. Притомъ въ войскахъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ, всѣ генералы суть моложе его, Иловайскаго, и для того, если бы учредить изъ нихъ военный надъ нимъ судъ, то въ презусы онаго должно бы назначить или командира Литовскаго отдѣльнаго корпуса ген.-адъют. барона Розена 1-го, или начальника главнаго штаба моего генерала отъ инфантеріи графа Куруту, что̀ сдѣлать едва ли допуститъ возможность. За симъ, если бы Государю Императору благоугодно было оказать ген.-лейт. Иловайскому снисхожденіе, въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, переслѣдованіе и разсмотрѣніе дѣла его можно бы возложить на особую комиссію, изъ Сената составленную: ибо мѣсто, изъ коего была бы она составлена, ни по чему не подчинено управленію главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Въ прочемъ, обращаясь къ лицамъ, на связи коихъ ген.-лейт. Иловайскій жалуется, я долженъ сказать, что вашего сіятельства знаю я съ пору-

чичьяго чина и всегда, по настоящее время, состою съ вами въ одинаковомъ соотношеніи, ежели говорилъ иногда правду, то и выслушивалъ всегда оную, но безъ личностей и безъ непріятностей. Ген.-адъют. графа Чернышева знаю менѣе, нежели вашего сіятельства, графа Гурьева только видѣлъ, а генералъ Богдановичъ вовсе мнѣ незнакомъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ мнѣніе мое и повергая оное на высочайше благосоизволеніе Его Императорскаго Величества, я во всякомъ случаѣ поставляю себѣ священнымъ долгомъ исполнять со всею готовностію то, что̀ Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть, а не желаніе ген.-лейт. Иловайскаго. При чемъ насчетъ его просьбы неизлишнимъ нахожу присовокупить мое замѣчаніе, что на принесеніе оной въ такомъ смыслѣ, какъ она писана, не имѣла ли вліянія какая посторонняя интрига, происходящая по растратѣ войска Донского суммъ? Прошеніе его при семъ къ вашему сіятельству имѣю честь препроводить обратно, прося о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

*

Рапортъ графа А. И. Чернышева Цесаревичу Константину Павловичу, 9 Ноября 1828 г., № 1756.

Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества представилъ Государю Императору подлинный отзывъ Вашего Императорскаго Высочества отъ 7 Октября № 328, послѣдовавшій по всеподданнѣйшему письму войска Донского ген.-лейт. Иловайскаго 1-го о порученіи производящагося надъ нимъ при главной квартирѣ 1-й арміи слѣдствія непосредственному надзору Вашего Императорскаго Высочества.

Его Императорское Величество, по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи сего отзыва, находя какъ основанія, такъ и заключенія онаго совершенно сообразными съ настоящимъ существомъ дѣла и преисполненными правоты и отличительнаго безпристрастія, высочайше повелѣлъ мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что Его Величество столь сильно раздѣляетъ чувства Вашего Высочества, въ семъ отзывѣ изъясненныя, что не можетъ не радоваться, что и въ семъ случаѣ сошелся съ мнѣніемъ Вашего Высочества и что вообще Его Императорскому Величеству благоугодно принять себѣ за правило не отказывать никогда въ просьбахъ прибѣгающихъ къ защитѣ Вашего Императорскаго Высочества, въ томъ убѣжденіи, что лица сіи услышатъ правду отъ Вашего Высочества гораздо сильнѣе, нежели при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. При чемъ Государь Императоръ соизволилъ повелѣть помянутое мнѣніе Вашего Императорскаго Высочества, поколику можно, сообщить генералу Иловайскому; самое же письмо его приложить къ дѣлу.

*

Двѣ приведенныя записки, имѣющія значеніе исторіографическаго матеріала въ освѣщеніи личности Цесаревича Константина Павловича, характеризуютъ отношенія двухъ братьевъ. Императоръ Николай I всегда видѣлъ въ Цесаревичѣ Константинѣ старшаго брата и пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ подчеркнуть свое къ нему уваженіе. Наоборотъ, Цесаревичъ Константинъ, еще въ царствованіе императора Александра I, сталъ на оппозиціонную сторону и скептически относился къ многимъ военнымъ порядкамъ того времени. Достаточно по этому поводу припомнить его переписку съ Н. М. Сипягинымъ.

Цесаревичъ пишетъ, что онъ десять лѣтъ не видалъ фронтовыхъ кадетскихъ занятій. Да и мудрено ему было поспѣть всюду при многочисленныхъ его должностяхъ. Стоя во главѣ Польскаго войска, или, какъ онъ самъ выражался, во главѣ Русскаго авангарда, Цесаревичъ подписываетъ свои Польскіе военные приказы скромнымъ сравнительно званіемъ генералъ-инспектора кавалеріи; это званіе растворило въ себѣ всѣ прочія, и лично мнѣ, не взирая на непрестанныя архивныя розысканія, не удалось отыскать его подписи съ званіемъ генералъ-адъютанта. Мало того, не удалось установить даже приблизительной даты полученія имъ свитскаго званія. Можетъ быть, кто-либо изъ занимающихся исторіей не откажетъ оповѣстить на страницахъ „Русскаго Архива" объ установленной имъ датѣ указаннаго пожалованія, каковая имѣетъ значеніе въ Исторіи Государевой Свиты, такъ какъ Цесаревичъ Константинъ былъ первымъ генералъ-адъютантомъ изъ Августѣйшаго дома.

Поразила Цесаревича рѣзкость выраженій въ письмѣ Иловайскаго, не пощадившаго густыхъ красокъ для обрисовки личности всесильнаго И. И. Дибича. Какъ сторонникъ дисциплины, даже, пожалуй, суровой муштры, напоминающей строгость Павловскаго режима, Цесаревичъ не могъ не отнестись отрицательно къ характеру заявленія Иловайскаго, которое не выдерживаетъ требованій дисциплины.

Любопытно, что оба письма Цесаревича не встрѣтили противодѣйствія со стороны Государя, ставившаго интересы службы выше личныхъ отношеній и личныхъ удобствъ, хотя бы послѣднія касались наиболѣе высокопоставленныхъ чиновъ.

Михаилъ Соколовскій.

ДВА ПИСЬМА АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА КЪ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВУ.

I.

Милостивый государь Константинъ Петровичъ.

Мы встрѣтились съ вами въ первый разъ въ Сергіевой пустынѣ, при общемъ нашемъ говѣніи, и теперь опять встрѣчаемся въ Кіевѣ, колыбели нашего Православія*). И такъ не удивитесь, если первое мое слово къ вамъ будетъ о предметѣ религіозномъ. Мнѣ весьма прискорбно, что несчастіе, постигшее нашего генералъ-губернатора, не дало ему времени переговорить со мною въ назначенный имъ часъ о приготовляемыхъ празднествахъ; гражданскому же губернатору трудно измѣнять то, что̀ было уже однажды предположено его ближайшимъ начальникомъ и принято Государемъ Наслѣдникомъ. Но я, въ этомъ случаѣ, не могу умолчать, зная съ одной стороны мнѣніе о томъ митрополита, а съ другой стороны опасаясь, чтобы несвоевременныя празднества, наканунѣ великихъ торжествъ церковныхъ, не произвели непріятнаго впечатлѣнія.

Мнѣ кажется, что каждое мѣсто на Руси должно имѣть свою характеристическую особенность, и потому мы обязаны предлагать вниманію дорогихъ гостей собственно то, что̀ составляетъ исключительно достояніе наше, по Русской пословицѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, оставляя въ сторонѣ все прочее. Что же собственно принадлежитъ нашему Кіеву, отличаетъ поразительно отъ прочихъ городовъ Русскихъ? Это его святыня, древности и мѣстная красота природы; вотъ на что предпочитательно должно быть обращено все вниманіе.

Но къ предполагаемымъ осмотрамъ древности и святыни примѣшаны и свѣтскія увеселенія: театръ и народное гулянье, которыя должны уже стоять на второмъ планѣ. Здѣсь же, напротивъ, народному гулянью близъ Китаевой пустыни должно уступить одно изъ величайшихъ празднествъ Кіевскихъ—торжественная всенощная наканунѣ двунадесятаго праздника Рождества Богородицы, которую служитъ самъ митрополитъ

*) К. П. Побѣдоносцевъ сопровождалъ тогда Великаго Князя Наслѣдника въ его путешествіяхъ. За торжественнымъ обѣдомъ въ Кіевѣ Александръ Александровичъ спросилъ митрополита Арсенія: Кто этотъ Муравьевъ? Какую должность онъ занимаетъ?—Это оберегатель Православія, отвѣчалъ митрополитъ (Слышано отъ М. В. Юзефовича). П. Б.

въ каѳедральномъ соборѣ Софійскомъ, древнѣйшемъ всея Руси. Въ то самое время, когда въ соборѣ и Лаврѣ и во всемъ Кіевѣ будетъ совершаться торжественное богослуженіе, близъ самой той пустыни будутъ народныя пляски и игры, какъ бы во времена до-Владимировы, и потѣшные огни обратнаго шествія по водамъ. Такая несвоевременность не можетъ не произвести тяжкаго впечатлѣнія на благочестивыхъ людей въ Кіевѣ, особенно на духовенство; и я, какъ человѣкъ, преданный церкви и любящій своего Государя, вмѣняю себѣ въ священную обязанность предварить о томъ заблаговременно, сказавъ мое искреннее слово, въ надеждѣ, что вы не посѣтуете за мою откровенность.

Изложивъ передъ вами то, что̀ лежало на моей душѣ, остаюсь съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Муравьевъ.

Кіевъ, 4 Сентября 1869 г.

P. S. Не лучше ли, если позволитъ погода, перенести народное гулянье на первый вечеръ Субботній, менѣе торжественный?

II.

Кіевъ, 1 Декабря 1873.

Благодарю васъ, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, за то, что обо мнѣ вспомнили въ день моихъ имянинъ. Мнѣ всегда утѣшительно получать отъ васъ письма, хоть это рѣдко случается, а свиданія еще рѣже. Немного отраднаго говорите о Питерѣ; ничего болѣе не могу сказать и о Кіевѣ, потому что вездѣ все одно и тоже. А я сижу себѣ смиренно въ моемъ уголку и стараюсь ничего не видѣть, развѣ только за живое задѣнутъ; да и въ церковномъ отношеніи не принимаю болѣе никакого участія, такъ что даже въ своемъ Сѵмволѣ Вѣры замѣнилъ для себя вселенское его выраженіе Вѣрую во единую, соборную церковь, такими словами: «Вѣрую во единую приходскую церковь», и стараюсь ею себя ограничить. Въ прошломъ году, однажды, когда во всемъ разгарѣ бушевала буря Болгарская, я еще искушался писать по этому предмету къ патріарху, но и тутъ было мало пользы: удобнѣе молчаніе. Посылаю вамъ сію брошюру и нѣкоторыя другія, въ томъ числѣ и описаніе моей образно̀й, которую вы нѣкогда посѣтили съ Цесаревичемъ и такъ какъ мы мало съ вами бесѣдуемъ лично и письменно, то пусть, по крайней мѣрѣ, эти книженки послужатъ для взаимной заочной бесѣды нашей, и, можетъ быть, побудятъ васъ когда-нибудь еще ко мнѣ написать. А я, до того времени, поручая себя доброй памяти вашей, остаюсь съ искренней любовью и уваженіемъ душевно преданный вамъ А. Муравьевъ.

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ѲЕДОРОВЪ.

IV. Мыслитель.

7 *).

Убѣдившись въ несостоятельности политическихъ, юридическихъ и гуманистическихъ способовъ возстановленія братскихъ отношеній между людьми, обратимся къ разсмотрѣнію средствъ экономическихъ. Не даромъ-же наше время видитъ въ нихъ наиболѣе могучее и дѣйствительное орудіе для усовершенствованія общественнаго строя. Не даромъ же самыя смѣлыя надежды на будущее связаны именно съ вопросомъ объ экономической реформѣ. Посмотримъ, каковы эти надежды и насколько онѣ основательны.

„Ищите прежде всего матерьяльнаго благосостоянія, а все остальное приложится вамъ!“ Въ этихъ словахъ, высказанныхъ устами „не-знаменитости“, откровенно и рѣшительно воплотился символъ вѣры такъ называемыхъ „дѣловыхъ людей“ нашего времени, исповѣдуемый не только мильонами зауядныхъ честныхъ тружениковъ и алчныхъ бездѣльниковъ, но и многими передовыми вожаками той части „интеллигенціи“, которая считаетъ себя за наиболѣе прогрессивную и радикальную въ вопросѣ о способахъ установленія всеобщаго блага. Царство Золотого Тельца древнѣе всѣхъ существующихъ государствъ, но никогда еще не достигало оно такого развитія, такого всемірнаго величія, какъ въ наши дни.

Въ признаніи за богатствомъ самодержавія согласны всѣ: и поклонники его, и враги. „Характерная черта нашего вѣка состоитъ въ томъ, что это вѣкъ Мамона“, говоритъ соціалистъ Бебель (Die Frau und der Sozialismus. 23 Aufl. Stuttgart. 1894, 259); „расчетъ властвуетъ надъ людьми и предписываетъ большинству ихъ образъ мыслей“ (тамъ-же. XI). Земля и промышленность, пути сообщенія, перемѣны метеорологическія и политическія недо-

---

*) Выдающееся значеніе, которое за послѣднее время получили политико-экономическіе вопросы вообще и соціализмъ въ особенности, побуждаютъ насъ изложить довольно подробно относящіяся къ этой области убѣжденія Николая Ѳедоровича, при чемъ ихъ обзору пришлось, по необходимости, предпослать сопоставленіе наиболѣе типичныхъ изъ тѣхъ фактовъ и ученій, противъ которыхъ направлена его оригинальная и глубокомысленная полемика.

статокъ и излишество, нищета народной массы и несчастные случаи общественные долги, изобрѣтенія и открытія, здоровье, болѣзнь, смерть и война, все стало предметомъ спекуляціи и эксплуатаціи" (259). Капиталъ, „какъ левъ рыкающій" ищетъ все поглотить (235)... Уже не государство сдерживаетъ биржу, а биржа держитъ въ своихъ рукахъ государственную власть" (260). „Весь міръ должникъ золота", говоритъ одинъ изъ представителей Французской „Христіанской Демократіи"; „банкиръ властвуетъ надъ всѣми правительствами, надъ всѣми народами, надъ всѣми трудящимися. Вотъ оно, вотъ оно во-истину царство золота, владычество золота, обоготвореніе золота!" (Compte rendu du Congrès National de la Démocratie Chrétienne de Lyon. Lyon. 1896, 139), Къ власти надъ нимъ сводится „дѣйствительная, реальная сила парламента въ истинно-парламентарно управляемой странѣ", тогда какъ варіанты формъ правленія сами по себѣ, при наличности этого основного условія, стали довольно безразличными (Das Erfurter Programm erläutert von Kautsky. Stuttgart. 1892. 221).

Съ другой стороны „страхъ передъ нуждою побуждаетъ людей больше всего благоговѣть передъ богатствомъ: стать богатымъ значитъ стать уважаемымъ, достойнымъ удивленія и вліятельнымъ. Итакъ, денегъ, денегъ, добытыхъ, если можно, честно, а если нельзя, то денегъ во что-бы то ни стало! Вотъ урокъ, повторяемый ежедневно и ежечасно обществомъ надъ ушами его членовъ" (Henry George. Progress and Poverty. 106 edit. London 1889, 325). „Азбука денегъ", по авторитетному изреченію Американскаго милліардера филантропа Карнэджи, „становится для всѣхъ насъ вопросомъ величайшей важности" (And. Carnegie. The Empire of Business. Нѣмец. переводъ Kaufmann's Herrschgewalt. Berlin. 1904, 19), тогда какъ извѣстный Нѣмецкій политическій дѣятель Ласкеръ поясняетъ, что „къ этому вопросу сводится теперь и весь вопросъ объ образованіи и развитіи" (у Бебеля, 321). „Довольно философствовать!" восклицаетъ всесильный финансовый дѣлецъ. „Философія ни къ чему не ведетъ! Добродѣтель, искусство, изящество, величіе, одни слова все это, и безсмысленныя слова! Есть только одна вещь, способная возвеличить и народъ, и учрежденіе, и отдѣльную личность,—деньги!" (Mirbeau. Les affaires sont les affaires. Acte III, sc. 2. Paris 1903. 233—234).

Въ такой оцѣнкѣ власти денегъ съ „стальнымъ королемъ" С. Американскихъ Штатовъ и съ прославленнымъ ораторомъ Германскаго рейхстага сходятся голоса и простыхъ рабочихъ, и крестьянъ. „Капиталъ", говоритъ одинъ изъ передовыхъ Нѣмецкихъ фабричныхъ, „это солнце, отъ котораго теперь все зависитъ: искусство, наука, нравственность и т. д." (Докладъ Rade о „Нравственно-религіозномъ міровоззрѣніи Нѣмецкихъ фабричныхъ рабочихъ" въ Verhandlungen des IX Evangelisch-sozialen Kongresses in Berlin. Göttingen. 1898, 73). Таковъ приговоръ городского рабочаго; таково же убѣжденіе и современнаго селянина: по мнѣнію старательнаго наблюдателя нравовъ Нѣмецкаго крестьянства преобладающая въ немъ страсть есть „алчность къ деньгамъ, жажда обогащенія, овладѣвшая всѣмъ разумомъ, всѣми чувствами, всѣми

стремленіями, настолько, что сердце стало нечувствительно ко всему остальному, окаменѣло или же сдѣлалось воспламенимымъ ко всевозможной неправдѣ и мерзости въ такой степени, что подъ-часъ не знаешь, въ кого эти люди серьёзно вѣруютъ, въ Бога или въ Мамона?" (Zur bäuerlichen Glaubens und Sittenlehre. Gotha. 1895, 208). Какъ мыслитъ и что чувствуетъ по поводу наживы Французскій крестьянинъ, мы знаемъ по снимкамъ съ натуры въ „Землѣ" Э. Золя; а въ „Мужикахъ" Чехова и въ нѣкоторыхъ типахъ М. Горькаго передъ нами столь же неутѣшная картина грубо-матеріалистическаго настроенія и нашего крестьянина „новѣйшей формаціи".

Конечно, въ народѣ еще не вся „душа ушла въ карманъ да въ брюхо", и хочется вѣрить, что власти тьмы противостоятъ еще не одни юродивые и „блаженные" (Акимъ у Толстого, Лука „На днѣ", Василій Өивейскій Л. Андреева)! Нельзя не замѣтить однако, что и въ Русскомъ народѣ на мѣсто старой мудрости, выраженной въ пословицахъ: „хлѣба съ душу, денегъ съ нужу" или „съ пóдать", „хочешь деньги нажить, надо совѣсть заложить", „пусти душу въ адъ, будешь богатъ", становятся болѣе подходящіе къ современности варіанты: «что взято, то свято!", „стыдно да сытно!", „деньги есть, на печь лѣзь!", „тому честь, у кого деньги есть". Если прежде „трудовой грошъ" былъ „крѣпостью хорошъ", теперь „всѣ грóши стали хороши". Если прежде они нужны были, чтобы только „концы съ концами сводить", да „чтобы черный день пережить", теперь сталъ „грошъ на всякое время хорошъ", „на деньги" уже „постà нѣтъ:" „деньги на будень, деньги на праздникъ", „деньги про бѣлый день, деньги про красный день, да деньги и про черный день!" (Иллюстровъ. Сборникъ Россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. 218, 237, 267—272 и варіанты, слышанные нами въ Тамбовской губерніи). Если же дѣло обстоитъ такъ даже въ православной деревнѣ, то, замѣчаетъ Николай Өедоровичъ Өедоровъ, напрасно нѣкоторые наши экономисты осуждаютъ „ограниченность крестьянскихъ потребностей", видя въ ней спутника „узкости крестьянскаго духовнаго міра": „духовный міръ совсѣмъ исчезнетъ именно тогда, когда сбудутся желанія гг. экономистовъ, то есть, когда и крестьянинъ станетъ думать, что умѣренность есть добродѣтель барановъ, забывая, что неумѣренность—добродѣтель свиней". (Письмо ко мнѣ 22 Іюня 1899 г. по поводу статьи г. Головачева).

За всѣмъ тѣмъ характерною чертою вѣка должно считать *не самый фактъ корыстолюбія, а принципіальное оправданіе его.* Алчность къ наживѣ всегда существовала въ большей или меньшей степени, но XIX вѣку принадлежитъ „честь открытія" теоріи, которою столь гордится „научный соціализмъ", теоріи *историческаго матеріализма*", полагающей въ основу всего развитія человѣчества *„желудочный вопросъ"*. Въ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи" Марксъ впервыя возвѣстилъ, что „способомъ производства матеріальной стороны жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, а, наоборотъ, общественное бытіе опредѣ-

ляетъ формы ихъ сознанія“. Факторомъ же, опредѣляющимъ общественное бытіе, являются *матеріальныя производительныя силы и производственныя отношенія между людьми*, въ свою очередь подчиненныя желѣзной необходимости исторіи“. „Направленіе судебъ человѣчества мудростью Провидѣнія (Боссюэтъ и др.), ученіе о постепенномъ воспитаніи человѣческаго рода (Лессингъ и Гердеръ), мечты идеалистовъ о самостоятельныхъ поискахъ „благъ невещественныхъ (истины, добра и красоты) душой, настроенной въ созвучіе съ Прекраснымъ“, все улетучилось, какъ дѣтскія грезы, все разсыпалось въ прахъ у подножія „божественнаго колосса силы, царящей отъ начала исторіи до ея конца“ (Huret. Enquête sur la question sociale en Europe. Paris. 1897, 7), силы чисто матеріальной, безсознательной и безвольной, роковыя велѣнія которой ея живыми агентами, людьми, выполняются также помимо или даже противъ ихъ сознанія и воли (Fr. Engels. Brief von 1890 въ Socialistischer Akademiker, Oktob. 1895). Мы узнаёмъ отнынѣ, что конечной причины *всѣхъ* общественныхъ перемѣнъ надо искать не въ умахъ людей, не въ сердцахъ и не въ волѣ ихъ, а *„въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна“* (Engels. Anti-Dühring): „экономическій строй общества есть та реальная основа, изъ которой должна быть истолкована вся верхняя надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, также какъ и религіозныхъ, философскихъ и иныхъ образовъ мысли каждаго историческаго періода“ (Engels Dühring's Umwälzung der Wissenschafft, 11).

Что бы ни говорили о постепенномъ смягченіи и расширеніи „жесткихъ объятій историческаго матеріализма“ (Бернштейнъ, Историческій матеріализмъ. СПб. 1901, 13—15), сущность его и понынѣ остается тою же. Не заявляетъ ли комментаторъ „Эрфуртской Программы“, Каутскій, что, „хотя безъ мышленія и безъ идеи нѣтъ прогресса, но все же идеи только посредники общественнаго прогресса; не отъ нихъ исходитъ первое побужденіе къ нему, а отъ экономическаго развитія“ (Das Erfurter Programm erläutert. 138)? „Обществомъ движетъ человѣческій духъ, но не какъ повелитель экономическихъ условій, а какъ ихъ *слуга*; *они* ставятъ передъ нимъ задачи; *они же* опредѣляютъ и результаты, которыхъ онъ долженъ и можетъ достигать“ (Neue Zeit. 15 Jahrgang. I, 231). Таковъ приговоръ историческаго матеріализма надъ духовными потребностями. А вотъ и другой, надъ нравственными: „первое условіе здороваго животнаго—хорошее пищевареніе; не менѣе вѣрно и то, что первое условіе здороваго общества—имѣть что переваривать *помимо нравственности*, какъ бы полезна ни была послѣдняя *на подобающемъ ей* (очевидно, не первомъ) *мѣстѣ*. Иными словами: *умственная и нравственная эволюція общества основывается прежде всего на условіяхъ производства и распредѣленія богатства*“ (E. Belfort Bax. The Religion of Socialism. 3 ed. London. 1891, 134).

Выводы эти возводятся во всеобщій законъ, примѣнимый не къ одному прошедшему и настоящему, но и къ будущему, не исключая даже идеально-совершеннаго соціалистическаго Zukunfts-Staat'а“. „Соціальный способъ“ про-

изводства (вѣщаютъ намъ пророки грядущаго земного рая) примкнетъ въ своемъ развитіи къ основамъ, заложеннымъ „уже въ производствѣ капиталистическомъ“ (Das Erfurter Program erläutert von Kautsky. 117). На мѣсто „ветхаго человѣка“, гнилого продукта буржуазнаго строя станетъ Homo novus, отличающійся отъ стараго только тѣмъ, что онъ будетъ „продуктомъ производства корпоративнаго, продуктомъ самодовлѣющей хозяйственной ассоціаціи“ (145).

Ученіе, конечною цѣлью котораго является не добровольное объединеніе и взаимоустроеніе свободныхъ личностей для осуществленія высшихъ нравственныхъ задачъ, а только *„управленіе вещами“*, только *„руководство процессомъ ихъ производства“* (Энгельсъ у Каутскаго, 317), такое ученіе совершенно послѣдовательно смотритъ и на самого человѣка, какъ на продуктъ слѣпой матеріальной силы, а не какъ на самостоятельную, активную, творческую силу. Къ этому выводу одинаково приходятъ и ученые теоретики соціалдемократіи, и ея практическіе дѣятели, до простыхъ рабочихъ включительно. Изъ пристальнаго наблюденія послѣднихъ священникъ Гёре, ставшій однимъ изъ видныхъ представителей рабочей группы Нѣмецкаго рейхстага, выводитъ заключеніе, что „соціалдемократія не есть только политическая партія и выразительница новой хозяйственной системы: въ глубинѣ своего внутренняго существа она воплощеніе послѣдовательнаго противухристіанскаго матеріализма; именно изъ этой-то матеріалистической основы и вырастаетъ вся ея экономическая и политическая система“ (Göhre. Drei Monate Fabrikarbeiter. Leipzig. 1891, 215), тогда какъ одинъ изъ даровитыхъ руководителей Американскаго „этическаго движенія“ Шельдонъ примѣнительно ко всему современному обществу заключаетъ, что иначе и быть не можетъ: *„мы становимся матеріалистами* даже противъ собственной воли, борьба за существованіе тянетъ насъ въ эту сторону... Чѣмъ болѣе окунаемся мы въ борьбу только за хлѣбъ и имущество, тѣмъ менѣе задумываемся мы надъ смысломъ человѣческаго назначенія, тѣмъ болѣе *вымираетъ* въ насъ *душа*“. (Sheldon. What does it mean to be religious and what is Religion? въ Ethical Adresses. 1 series № 3. Philadelphia, 1894, p. 52). Тоже настроеніе, но уже не въ элегическомъ тонѣ, а съ самодовольствомъ типичнаго янки по поводу „тріумфовъ духа надъ матеріей“, констатируетъ прославленный Американскій кардиналъ-прогрессистъ, монсиньоръ Эйрлэндъ. „Намъ, людямъ современнымъ, кажется, что все въ мірѣ идетъ превосходно, какъ скоро *матеріальное* совершенствуется; люди льнутъ къ *матеріальному*, восхищаются имъ; *матеріальное стало важнѣйшимъ и высшимъ въ жизни*“. (L'Église et le Siècle. Conférences et discours de m-gr. Ireland. 8 édit. Paris 1894, 202—3): выводъ, въ которомъ съ католическимъ прелатомъ сходится и ревнитель воинствующаго протестантизма, пасторъ Штёккеръ (Рѣчь его въ сборникѣ Le Christianisme et la Question sociale, 116—117). Вѣкъ практическій по преимуществу возводитъ матеріальную дѣловитость въ неумолимый законъ жизни, и не одни буржуазные дѣльцы и жуиры, преклоняющіеся передъ „золоченымъ брюхомъ“

(Em. Fabre, Les Ventres Dorés. Paris. 1905), но и соціалисты восклицаютъ: „дѣло есть дѣло, а не сантиментальность!“ (Bax. Religion of Socialism. 91).

Важнѣе всего однако то, что оправданіе такого настроенія и связаннаго съ нимъ взгляда на сущность прогресса мы встрѣчаемъ не у однихъ „правовѣрныхъ“ соціализма, но и у представителей его „гибридныхъ формъ“ и наконецъ даже у самихъ его противниковъ. Представители такъ называемаго „евангелическаго соціализма“ убѣждены въ томъ, что „экономическій вопросъ обнимаетъ *высшіе интересы человѣчества*“, что „въ глубинѣ этого демоническаго движенія бьется *сердце нашего вѣка*“ и что „соціалдемократы—буревѣстники животворнаго теплаго теченія лучшаго соціальнаго строя“. (Bericht über die Verhandlungen des 1 Evangelisch-sozialen Kongress zu Berlin, 1890, 21, 122, 123). Англійскіе „христіанскіе соціалисты“ еще смѣлѣе и опредѣленнѣе признаютъ матеріальное благосостояніе за основу не только счастія, но и всей нравственности. Для нихъ „Христіанство Христа“ уже не что иное, какъ подготовка соціализма. „Ученіе объ иномъ мірѣ (Otherworldliness)—не Христово ученіе“, увѣряютъ они (Rev. Stewart Headlam. Christian Socialism въ Fabian Tracts, № 42. London 1896, Reprint. 2); „наоборотъ, это величайшее проклятіе изъ всѣхъ, тяготѣвшихъ надъ человѣчествомъ“ (Morrisson Davidson. The Gospel of the Poor. 2 ed. London s. a. (1893), 10). „Всѣ дѣла и ученія Христа“, по мнѣнію этихъ господъ, „были свѣтскія и соціалистическія: заботы о здоровьѣ, о возстановленіи красоты, гармоніи и удовольствія на мѣсто болѣзней, безобразія, раздоровъ и нужды, заботы о томъ, чтобы народъ былъ должнымъ образомъ накормленъ, заботы о томъ, чтобы въ нашей здѣшней жизни было мѣсто веселью и радости“ (Headlam. l. c.). „Свѣтскія соціалистическія дѣла, совершенныя Христомъ въ маломъ масштабѣ въ Палестинѣ, Церковь нашихъ дней должна осуществить въ широкихъ размѣрахъ по всему свѣту“ (6—7). „Великій Назаретскій коммунистъ, міровой революціонеръ, рѣшительный секуляристъ, такъ много заботившійся о здѣшней жизни и столь мало о „будущей“, возвѣстилъ міру благую вѣсть коммунизма, общежитія безъ частной собственности, безъ ренты, процентовъ и барышей, въ такую пору, когда даже отъ мудрыхъ и благоразумныхъ были сокрыты основанія экономической истины. Но казавшееся тогда едва доступнымъ пониманію даже его учениковъ просіяло въ наши дни ослѣпительнымъ блескомъ въ изслѣдованіяхъ и трудахъ такихъ людей, какъ Сенъ-Симонъ, Прудонъ, Родбертусъ, Марксъ и другихъ усердныхъ слугъ человѣчности“ (Morrison Davidson, 141) *). „То, что̀ слѣдовало сдѣлать Христу и чего онъ не могъ исполнить, написать учебникъ политической

---

*) Такіе же отзывы о Христѣ съ совпаденіемъ даже отдѣльныхъ выраженій мы встрѣчаемъ и у настоящихъ соціалистовъ, напр. у Domela Nieuwenhuis, у Oscar'a Zimmer'a (Der Socialist von Nazareth. Berlin. 1902, 7—8, 17). Для прогрессивныхъ Нѣмецкихъ рабочихъ Христосъ „революціонеръ, ниспровергатель существующаго порядка; въ наши дни онъ, навѣрное, былъ-бы соціалдемократомъ, политическимъ вождемъ и депутатомъ рейхстага отъ рабочей партіи“ (Докладъ Rade. 103—4 и 85).

экономіи" (по мнѣнію Rob. Buchanan'а въ примѣчаніяхъ къ его „Wandering Iew"), выполнили за него эти свѣточи нашего вѣка, и остается „только убѣдить всѣхъ христіанъ, что *однѣ лишь политико-экономическія реформы въ духѣ соціализма могутъ направить людей на путь истиннаго братства*" (Headlam y Nitti. Le Socialisme catholique. Paris. 1894, 92).

Но пока языческіе соціалисты разжигаютъ ненависть къ капитализму, ничуть не ослабляя лежащей въ основѣ его жажды наживы и матерьяльнаго наслажденія, пока величающіе себя соціалистами христіанскими пишутъ „Евангелія Бѣдности", въ которыхъ Христосъ превращается въ каррикатурнаго проповѣдника того же исключительно матерьяльнаго благосостоянія, капитализмъ растетъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, до чудовищныхъ размѣровъ, и надменно похваляется своею всеобъемлющею силою. Уже добросовѣстный Гладстонъ констатировалъ фактъ, что общечеловѣческимъ „всемірнымъ дѣломъ стало обогащеніе"; новѣйшіе же милліардёры утверждаютъ, что такъ и должно быть и иначе быть не можетъ. „Безъ капитала невозможно ничто, рѣшительно ничто; упразднять его — безуміе, настоящее безуміе", объявляетъ король Французскихъ горнозаводчиковъ Шнейдеръ (Huret. Enquête sur la question sociale. 1897, 26). „Могущество финансовъ оправдывается ихъ пользою", подтверждаетъ финансистъ Е. Перейръ, а Ротшильдъ поетъ капиталу цѣлый хвалебный гимнъ, полный отеческой нѣжности: „Капиталъ— это, видите ли, величайшій благодѣтель человѣчества, это первая сила, самая необходимая, всѣмъ движущая, все оплодотворяющая и создающая счастіе народовъ. Она не терпитъ грубаго обращенія съ собою: ее можно привлечь только кротостью, только ласкою; бойтесь запугать капиталъ! Если вы вздумаете пригрозить ему, онъ исчезнетъ, и въ этотъ день *все погибнетъ!* поймите это:—*все!*" (Huret. 67, 68). Наконецъ Карнэджи, ставшій изъ простого телеграфиста „королемъ стали и желѣза Новаго Свѣта", получающій только 460,000 марокъ ежедневнаго дохода, раздающій ежегодно милліоны на просвѣщеніе, пишетъ цѣлое „Евангеліе Богатства", долженствующее рѣшить основную задачу нашихъ дней. Задача эта состоитъ „въ раскрытіи благоразумнаго употребленія богатства, дабы развить между богачемъ и бѣднякомъ братскія отношенія" (Carnegie. L'Évangile de la Richesse. Paris. 1891, 9). Съ точки зрѣнія великодушнаго милліонера, начавшаго свою карьеру ни съ чѣмъ, бѣдность не только не зло, но даже лучшее изъ того, что̀ можно пожелать вступающему на жизненный путь: „именно изъ бѣдняковъ происходятъ добродѣтельные и великіе люди, учители человѣчества, мученики, изобрѣтатели, государственные мужи, поэты и даже... великіе дѣльцы!" (Carnegie. Kaufmann's Weltherrschaft, 117). Но Американскій милліонеръ не Франпискъ Ассизскій. Его „Гимнъ Бѣдности" не безкорыстенъ: бѣдность хороша только въ качествѣ побужденія какъ можно скорѣе отъ нея избавиться; „стремиться къ высшему (въ смыслѣ матерьяльнаго благосостоянія), быть царемъ въ своихъ мечтахъ, не упускать ни одного случая къ осуществленію этой мечты"—таковы совѣты „Стального Короля", преподаваемые имъ юношеству въ его книгѣ „Всемірная дѣловая имперія или всемірное владычество

купца“, за которой оба свѣта, Новый и Старый, признали „высокое воспитательное значеніе“. Только по вышеуказанной причинѣ нѣтъ надобности въ упраздненіи „честной бѣдности“. „Къ счастью для человѣчества это и невозможно“ (Kaufmann's Weltherrschaft. 122), такъ же, какъ невозможно и ненужно уничтоженіе борьбы изъ-за вещественныхъ благъ, то есть закона конкуренціи. Пусть этотъ законъ, какъ и роскошь, какъ и комфортъ, дорого обходятся обществу; пусть онъ иногда жёстокъ (слѣдовало бы сказать жестóкъ!) для отдѣльныхъ личностей! онъ благопріятенъ для цѣлой расы, какъ обезпечивающій преобладаніе способнѣйшему въ каждомъ отдѣлѣ человѣческой дѣятельности“ (L'Évangile de la Richesse, 13). Законъ противоположности между бѣдностью и богатствомъ приходится принять, независимо отъ того хорошъ ли онъ или плохъ; все равно: избѣжать его мы не можемъ, замѣнить его намъ нечѣмъ!“ (13). Да и не надо! Сосредоточеніе богатства въ рукахъ способныхъ создавать его энергіей и умѣньемъ —не зло, а благо. Подрывать индивидуализмъ, право собственности, законъ конкуренціи и сосредоточенія богатствъ значитъ жертвовать самымъ надёжнымъ результатомъ человѣческаго опыта, дѣлать безплодною почву, откуда человѣчество извлекало свои лучшіе плоды“ (16—17).

Весь вопросъ сводится, слѣдовательно, только къ тому, какъ должны богачи употреблять свое богатство. И на это, не однимъ разсужденіемъ, но и личнымъ примѣромъ въ грандіозныхъ размѣрахъ Американскій Апостолъ Богатства даетъ отвѣтъ настолько же опредѣленный, насколько и на первый взглядъ заманчивый. Богачъ долженъ смотрѣть на себя не какъ на безотчетнаго собственника своихъ сокровищъ, а какъ на лицо, которому они только ввѣрены для обращенія ихъ на общее наибольшее благо. Ограничиваясь въ своемъ собственномъ пользованіи лишь очень умѣренною, почти минимальною долею, не одобряя столь легкой посмертной благотворительности, богачъ долженъ еще при жизни обратить свои богатства на общественную пользу. Безъ насильственной революціи, безъ нарушенія установившагося строя, съ сохраненіемъ благодѣтельнаго индивидуализма этотъ идеалъ осуществитъ примиреніе бѣдняка съ богачемъ, создастъ царство согласія; избытокъ богатства немногихъ станетъ достояніемъ большинства и притомъ при наилучшихъ условіяхъ, ибо богатство не распредѣлится непосредственно среди народа, а будетъ направляемо къ общему наибольшему благу небольшимъ числомъ людей способнѣйшихъ, компетентнѣйшихъ, короче,—самими его творцами, милліонерами, „этою солью земли, этими трудолюбивѣйшими, самоотверженными людьми, работающими для общаго блага“ (L'Évangile de la Richesse. 24, 28, 34, 20. Kaufmann's Weltherrschaft, 136 ff. 132).

Мы потому позволили себѣ остановиться подробно надъ мыслями Карнэджи, что ихъ можно считать полнымъ завершеніемъ современной вѣры во всемогущество денегъ. Знаменательно и то, что новое Евангеліе Богатства исходитъ именно изъ Новаго Свѣта, открытіе котораго, какъ извѣстно, и положило начало быстрымъ способамъ обогащенія для всего свѣта. Подобно

Колумбу, воспѣвшему наивный, хвалебный гимнъ величію и красотѣ золота, съ которымъ „можно осуществлять все, чтò угодно, и даже привлекать души въ рай“ (4-e Voyage de Chr. Colomb y Nasarette. Relations des Voyages etc. P. 1828. III, 152),—сынъ страны наибольшаго количества милліонеровъ, полагающій въ этомъ фактѣ причину ея будто бы всесторонняго первенствующаго культурнаго значенія, Карнэджи слагаетъ хвалу и въ честь „вездѣсущаго, непоколебимаго золота“ (Kaufmann's Weltherrschaft, 23, 25, 69) и въ честь „дѣловыхъ людей“, творцовъ богатства, организаторовъ „дѣла“. Исходя изъ опредѣленія дѣла какъ той или другой денежной операціи и „считая конечною цѣлью трудовъ „дѣльца“ наживу состоянія“ (182—3), Карнэджи оказывается послѣдовательнѣе своего друга Дана, еще полагавшаго, что „въ XX вѣкѣ руководителями міра будутъ съ одной стороны мыслители, мужи науки и изобрѣтатели, мужи генія, а съ другой—мужи богатства“, тогда какъ для автора „Евангелія Богатства“ первые уже только сотрудники, только подготовители главной, рѣшающей дѣятельности богачей. Ученый лишь въ рѣдкихъ случаяхъ способенъ заслужить репутацію великаго дѣльца; истинный же выразитель и кормчій судебъ современнаго міра есть именно „дѣлецъ“; вотъ почему и возводитъ Карнэджи въ идеалъ общественнаго дѣятеля именно денежнаго дѣльца и „дѣловую карьеру“. „Ни одно жизненное призваніе“, по его мнѣнію, „не обнимаетъ стольнихъ задачъ, ни одно не требуетъ столь ёмкаго и проницательнаго взгляда на вещи, ни одно такъ не расширяетъ и не возвышаетъ духовныхъ силъ, какъ дѣловая карьера“, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть „и строгая школа всѣхъ добродѣтелей: благодѣтельная по своимъ утилитарнымъ послѣдствіямъ, она облагораживаетъ и душу; рядомъ съ прозаическою стороною каждое дѣло имѣетъ и свою романтическую, и если благородное стремленіе къ успѣху не ради „грязнаго доллара“, а ради побѣды въ намѣченной себѣ цѣли, замѣчается не у всѣхъ дѣльцовъ, виновата въ этомъ низость души, а не величіе дѣла“ (182, 202—3).

Настолько убѣдительнымъ и соотвѣтствующимъ духу вѣка кажется такое опредѣленіе „дѣла“ и такъ велика откровенная или скрытая вѣра во власть вещественныхъ благъ и въ силу денегъ въ особенности, что оказать этому убѣжденію поддержку счелъ нужнымъ практически-дѣловитый „новый“ политическій католицизмъ. „Папа рабочихъ“ Левъ XIII понялъ и провозгласилъ, что духъ вѣка „вполнѣ послѣдовательно“ перемѣстилъ центръ тяжести изъ политической области въ экономическую, и выдвинулъ на первый планъ вопросъ о матерьяльномъ благосостояніи (Энциклика Rerum novarum въ Leonis XIII Epistolae Encyclicae. Friburgi Brisg, series III, p. 137). Для разрѣшенія этого вопроса въ его наиболѣе острой формѣ, то есть, примѣнительно къ рабочимъ, должны, по мнѣнію папы, быть привлечены „*всѣ* человѣческія средства, и участвовать въ этомъ усиліи обязаны *всѣ*, въ томъ числѣ и духовныя лица *всею* душою и съ полнымъ усердіемъ (195, 83). Прогрессивный вождь католичества не находитъ возможнымъ повторять одно старое внушеніе „о Горнемъ помышляйте!“; онъ поясняетъ, что „Церковь прости-

раетъ заботы о душахъ не настолько, чтобы пренебрегать интересами жизни смертной, земной... Наоборотъ, она не только усердно заботится объ уменьшеніи нужды и увеличеніи матерьяльнаго благосостоянія (43), но и „радостно привѣтствуетъ старанія украсить жизнь и сдѣлать ее болѣе удобною“ (въ энцикликѣ „о христіанскомъ управленіи государствами“). Безспорно подчиняя полезное добродѣтельному, экономическое нравственному и признавая богатство не цѣлью, а только средствомъ общественной жизни (Dehon. Les directions pontificales politiques et sociales. 3 éd. Paris. 1897, 146—7), папа однако придаетъ матерьяльнымъ интересамъ такое огромное значеніе, что выдвигаетъ ихъ на первый планъ въ современной программѣ дѣятельности Церкви. Отсюда цѣлый рядъ общихъ предписаній мірянамъ и спеціальныхъ инструкцій духовнымъ, цѣлое „соціальное богословіе“ для общаго руководства; а для практическаго примѣненія — систематическій пространный „соціальный катехизисъ“, гдѣ съ первыхъ же строчекъ цѣлью жизни объявлено двойственное желаніе во 1) „отвоевать себѣ относительное матерьяльное благосостояніе, а во 2) заслужить и доступъ на небо“ (Déhon. Catéchisme social. 3 éd. Paris. 1898, 1). Наука о богатствѣ, это „начало экономической премудрости“ (Revue de la jeunesse catholique. Sept. 1898, 656), разрабатывается здѣсь какъ часть нравственно-религіознаго ученія Церкви. Сообразно съ совѣтомъ папы, обращеннымъ къ рабочимъ, „составлять себѣ мало помалу небольшой капиталецъ (80), ростъ богатства вводится здѣсь „въ планъ Провидѣнія“ и берется подъ защиту Церкви отъ незаслуженнаго презрѣнія и отъ пристрастныхъ упрековъ; доказывается, какъ и архіепископомъ Киномъ на Чикагосскомъ Парламентѣ религій (The World's Parliament of Religions at Chicago. Proceedings etc., I. p. 1036), что Евангеліе хвалитъ добровольную бѣдность лишь какъ исключительное достоинство немногихъ выдающихся лицъ спеціальнаго предназначенія, тогда какъ вообще совокупность народа призывается къ обогащенію, матерьяльнему прогрессу и къ пользованію земными благами въ награду за христіанскую жизнь (Catéchisme Social. 81—82). И вотъ, не хуже свѣтскаго Американскаго дѣльца, настоятель ордена священниковъ Святѣйшаго Сердца Іисусова, съ одобренія Римскаго первосвященника, поучаетъ „въ христіанскомъ духѣ“ о значеніи моно-и билитализма (121), о размѣрахъ дозволительныхъ барышей и процентовъ (158), о великой пользѣ капитала, кредита, банковъ и биржи (96, 102 s. 105 s.) и даже о необходимости пастырямъ Церкви „вмѣшиваться въ акціонерныя собранія для защиты правъ Бога и для противодѣйствія иррелигіознымъ директорамъ и служащимъ“ (162—3). Неудивительно послѣ этого, что, въ отвѣтъ на подобные совѣты, президентомъ конгрессовъ католическихъ рабочихъ, по выраженію кардинала Ларота, объявляется не кто иной какъ самъ „рабочій—Христосъ“. (Compte rendu du Congrès, Ouvrier de Nante. 1895. 9. 85).

Призывъ главы католичества сосредоточить вниманіе и любовь на вопросахъ экономическихъ встрѣтилъ горячій откликъ среди мірянъ и духовныхъ. Извѣстный Вюрцбургскій профессоръ Шелль упрекаетъ своихъ единовѣрцевъ, что они „слишкомъ мало цѣнятъ политико-экономическую и про-

мышленную силу (Schele. Der Katholizismus als Princip des Fortschritts. 6 Aufl. 26), а на Дортмундскомъ генеральномъ съѣздѣ Нѣмецкихъ католиковъ „уклончивость отъ свѣтскихъ матеріальныхъ заботъ“ объявляется „поистинѣ непростительною сентиментальностью“ и, въ противоположность экономическому равнодушію, требуется *„католицизировать промышленность, христіанизировать капиталъ и создать* блестящее экономическое и финансовое положеніе“ для вѣрныхъ сыновъ единой спасающей Церкви, не смущаясь устарѣвшимъ мнѣніемъ, будто матеріальныя заботы сопряжены съ опасностями для души (Verhandlungen der 43 General-Versammlung der Katholiken Deutschlands zu Dortmund. 343—9). Вліятельный публицистъ, аббатъ Гитце въ своей „Квинтэссенціи соціальнаго вопроса“ замѣчаетъ, что вѣкъ Августинова „Града Божія“ и „Суммы“ Өомы Аквинскаго невозможно сравнивать съ вѣкомъ пара и электричества, и потому надо не отставать отъ экономическихъ задачъ своего времени, а идти впереди ихъ. Въ этомъ смыслѣ на съѣздѣ въ Фьезоле кардиналъ Радини-Тедески возводитъ активное участіе въ этихъ задачахъ въ „высшую обязанность для духовенства“, которую оно выполняетъ съ такимъ увлеченіемъ, что по отзыву Гойо (Goyau. Autour du catholicisme social. 285) программу „Падуанскаго съѣзда клерикаловъ могъ бы принять Лондонскій конгрессъ соціалистовъ“ (Dehon. Nos congrès. P. 1897, 26). На 2-мъ конгрессѣ Христіанской демократіи фабрикантъ Леонъ Гармель, прозванный „отцомъ рабочихъ“, убѣждаетъ своихъ слушателей, что „Спаситель пришелъ не для того только, чтобы отворить намъ врата рая, но и для того, чтобы обезпечить и на землѣ каждому человѣку наибольшую сумму возможнаго счастія“. (2 Congrès National de la Démocratie chrétienne de 1897. Compte-rendu. Lyon. 1898, 13). Кардиналъ Эйрлэндъ восхищается „всеміpнымъ побѣдоноснымъ тріумфальнымъ шествіемъ торговли на благо религіи и христіанской цивилизаціи“ (Ireland. L'Église et le Siècle. 185). Аббатъ Сетти привѣтствуетъ отъ лица Церкви широкое развитіе промышленности и машиннаго труда и изумительныя побѣды техники надъ матеріей, видя въ этомъ средство „приблизить людей къ Богу“: (1 congrès de la Démocratie chrétienne. Lyon. 1896, 130), тогда какъ другой аббатъ экономистъ, уже дословно совпадая съ заманчивыми рѣчами ораторовъ Нѣмецкой соціалдемократіи, „обѣщаетъ народу въ христіанскомъ градѣ будущаго прекрасные дни праздниковъ послѣ дней честнаго и веселаго труда“ (1 congrès d. l. Dém. chrét. 143). Для этого, увѣряетъ сейчасъ названный Американскій прогрессивный прелатъ, нужно только *„направить паръ и электричество на службу благодати Божіей“*, да еще помнить мудрый совѣтъ: *не читать проповѣдей передъ пустыми желудками“*. (Ireland 47, 171).

На этихъ чисто-свѣтскихъ, чисто-утилитарныхъ соображеніяхъ матеріальнаго свойства основываютъ и надежду на побѣду вѣры надъ невѣріемъ. „Надо отказаться отъ того, что̀ было, и работать для того, что̀ будетъ; надо идти рѣшительными шагами на встрѣчу потребностямъ свѣтскаго міра. Онъ пересталъ быть христіанскимъ; онъ станетъ имъ снова, но для этого надо жить съ нимъ и для него“. (Klein. Nouvelles tendances en religion et en lit-

térature. 2 ed. P. 1893. XII, XIII); „надо *лаицизировать христіанство*“ (47). Чтобы вернуть ко Христу народъ, надо *обратиться къ мыслямъ и средствамъ современнымъ;* поговорка старыхъ временъ „satur venter non studet libenter“ отжила свой вѣкъ; въ наши дни не „сытое брюхо къ ученію глухо“, а голодное; вотъ почему и не слѣдуетъ проповѣдывать Евангелія „передъ пустыми желудками“. Надо показать народу, что вы можете дать ему то счастіе и ту справедливость, которыхъ онъ требуетъ, и тогда, *во имя этого* (*матеріальнаго*) *счастія и этой справедливости* (въ распредѣленіи вещественныхъ благъ и труда), народъ полюбитъ и невѣдомаго ему Бога“ (Ireland. 166. 168), который по мнѣнію апостоловъ „прогрессивнаго католицизма“, окажется „сокрытымъ только въ немъ одномъ (тамъ же), также, какъ и истинная демократія (Toniola. La notion de la Démocratie chrétienne. 39. Chiauduno. Democratia cristiana e movimento cattolico. Torino. 1897 и Istruzione della S. Congregazione degli Affari Ecclesiastici Straordinarii sull'Azione Popolare Cristiana o Democratico-cristiana in Italia, Vicenza. 1902) и „вся истинная гражданственность“ (Fonsegrive. Christianisme et Démocratie. 109, 121).

Къ этому всемірному великому славословію корысти и наживы, къ этому разнообразному по формамъ, но единодушному по сущности признанію, что вещественныя блага, а не что-либо иное, лежатъ въ основѣ счастія человѣчества и что отъ благоустройства въ производствѣ и дѣлежѣ ихъ прежде всего зависитъ судьба цѣлаго міра, какъ относится нашъ мудрецъ, одинокій и въ этомъ отношеніи среди толпы людской? Знавшіе его нравственное величіе, но недостаточно знакомые съ его наблюдательностью и шириною взгляда на жизнь, могли въ данномъ случаѣ считать его только за наивнаго отшельника-аскета, совсѣмъ не замѣчавшаго, въ духовной чистотѣ своихъ мечтаній, „дѣлового“ склада жизни и не понимавшаго ея даже начальныхъ требованій. Они ошибались. Конечно, самъ по себѣ онъ былъ, какъ дитя, чуждъ всякой корысти и прихоти, всякому матеріальному расчету; изъ своего ничтожнаго заработка онъ отдавалъ все, что̀ можно было отдать, оставляя лишь столько, сколько требовалось для уплаты за тѣсный уголъ жилья, да за пропитаніе, настолько скудное, что ему приходилось по долгимъ мѣсяцамъ обходиться безъ горячей пищи. У него не было ни матраса, ни подушки, ни шубы; онъ не признавалъ иного платья, кромѣ сильно поношеннаго и служившаго до тѣхъ поръ, пока оно не превращалось въ лохмотья. Никакой обстановки! При каждомъ перемѣщеніи съ квартиры раздавались послѣднія жалкія вещи, даже, по возможности, книги. Наконецъ, никогда ни одной копѣйки затраты на развлеченія, ни на малѣйшія удобства, ни даже на извозчика, хотя бы и въ суровую непогоду, хотя бы и при нездоровьѣ. При такомъ отношеніи къ себѣ изъ бюджета даже въ 17 рублей 50 коп. въ мѣсяцъ оказывались остатки, которые всѣ шли на помощь просившимъ и не-просившимъ. И не смотря на это довольство столь малымъ, казавшееся завиднымъ навѣщавшему его Л. Н. Толстому, все еще какая-то нервная боязнь денегъ, какъ чего-то ядовитаго, заразнаго и мерзкаго. „Какъ ни трать ихъ, а онѣ всѣ еще остаются, проклятыя!“ восклицалъ онъ съ неподдѣльнымъ ис-

пугомъ, когда находился какой-нибудь забытый грошъ въ карманѣ, ничего столь ни опасаясь, какъ такого остатка послѣ смерти. Соблазнъ богатства, роскоши, комфорта, денегъ и вещи, даже самой облагороженной, напр, произведенія искусства въ смыслѣ собственности, не имѣлъ надъ нимъ никакой силы, не смотря на бодрость и воспламенимость чувствъ, которая сохранялась до старости и которую, по его убѣжденію, отнюдь и не слѣдуетъ убивать въ организмѣ.

Но, побѣждая въ себѣ самомъ искушеніе собственностью и вещью, онъ не бѣжалъ отъ соблазна, не жмурилъ очей передъ чарами суеты, какъ подвижникъ, опасающійся паденія. Лукавому бѣсу корысти, поработившему міръ, онъ смотрѣлъ безстрашно въ мутныя очи, стараясь понять и разоблачить обманъ, обольщающій міръ. Не боясь загрязниться прибоемъ житейскаго моря, „пѣнящагося своими срамотами“ (Іуд. 1, 13), онъ стоялъ на берегу его, проницательно изучая коварную стихію корысти во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, отъ грознаго шквала коренного, всеобъемлющаго переворота до предательской зеркальной глади сентиментальной поверхностной благотворительности, заманчиво разстилающейся надъ бездною безсердечнаго себялюбія и скрытаго насилія. Онъ слѣдилъ за ходомъ экономической борьбы, знакомился съ ея условіями и слѣдствіями, со всемъ арсеналомъ ея средствъ и орудій. Онъ не ограничивался знаніемъ теоретическихъ основъ соціализма; онъ слѣдилъ за развитіемъ ихъ въ проектахъ „Общества будущаго“, въ родѣ книги Беллами или „Страны Свободы“ Гертцки, за воплощеніемъ и въ литературныхъ типахъ вопросовъ соціально-экономическихъ. Непрерывный ростъ финансовой и торгово-промышленной силы сосредоточивалъ на себѣ его вниманіе очень пристально. Онъ обнаруживалъ связь политическихъ событій съ экономическими факторами, съ борьбою изъ-за міровыхъ рынковъ. Вліяніе индустріализма и меркантилизма на внутреннюю жизнь народовъ, на общественную нравственность и религію; прислуживаніе науки, искусства и техники фабрикѣ, рынку и биржѣ, вымираніе села и ростъ городовъ, торжество бездушной, плодящей рабство машины надъ свободнымъ, естественнымъ, добровольнымъ ручнымъ трудомъ, прихоть и мода, повелительница вкуса, конкуренція и реклама съ ихъ всестороннимъ завершеніемъ всемірною выставкою, все это онъ обозрѣвалъ со вздумчивою проницательностью, совершенно нежданною въ человѣкѣ „не отъ міра сего“.

И всему этому онъ ставилъ свой приговоръ, краткій, рѣшительный и проникавшій въ самую сущность дѣла. Обнимая взоромъ всѣ намѣченные выше видоизмѣненія стремленія къ наживѣ, всѣ пріемы къ оправданію ея, всѣ надежды обосновать на ней миръ и счастіе человѣчества, онъ, не колеблясь ни минуты, говорилъ: „всѣ вы глубоко заблуждаетесь и всѣ, виноватые и невинные, притѣснители и притѣсняемые, тріумфаторы и жертвы безумной погони за такимъ призрачнымъ счастіемъ, всѣ вы погибнете, погубите и міръ съ собою, если не покаетесь, если не перейдете къ иному, здравому взгляду на задачи жизни и къ соотвѣтствующему дѣлу“.

Заблуждаются прежде всего защитники существующаго экономическаго порядка, полагающіе его въ основу установившагося общественнаго строя. „Евангеліе Богатства“ несостоятельно уже потому, что оно не только не уничтожаетъ бѣдности для огромнаго большинства („бѣдность еще не бѣда!“), но даже не обезпечиваетъ его отъ самой насущной нужды, съ чѣмъ уже нельзя мириться (Письмо ко мнѣ отъ 7 Іюля 1901 г.). Не сознаютъ ли сами поклонники вещественнаго благосостоянія, какъ основы счастія человѣчества, что до сихъ поръ накопленіе матеріальныхъ богатствъ не устранило „ни унылой, мертвящей скорби, ни приближающагося къ безумію страха за необезпеченное существованіе“? (H. George. Progress and Poverty. 3). „Не возрастаетъ ли съ непрерывною быстротою число пролетаріевъ и не есть ли это для современнаго общества фактъ неизбѣжный?“ (31. 28). Всюду, рядомъ съ такимъ изумительнымъ экономическимъ, торговымъ и промышленнымъ прогрессомъ, такое море отчаянія и гнетущей, непроглядной, незаслуженной нужды. „Бѣдствія вездѣ: и тамъ, гдѣ поддерживаются огромныя вооруженныя арміи, и тамъ, гдѣ онѣ существуютъ лишь номинально; бѣдствія и при покровительственныхъ тарифахъ и при свободной торговлѣ; бѣдствія и при самодержавномъ правленіи и при почти полномъ народовластіи“ (3). Ростъ экономической производительной силы и ея слѣдствіе—обогащеніе, не совпадаютъ съ ростомъ общаго благосостоянія; наоборотъ, имъ соотвѣтствуетъ ростъ бѣдности, нужды, нищеты. Не признаютъ ли и открытые защитники капитализма, и христіанскіе соціалисты, что бѣдность неискоренима? Но какъ могутъ мириться съ этимъ фактомъ и даже признавать бѣдность за благодѣтельное явленіе тѣ, для которыхъ богатство есть высшее благо? Не верхъ ли это фарисейства? Не злая ли насмѣшка надъ голоднымъ пресытившагося богача, мечтающаго о доблестяхъ нужды, точь въ точь какъ Римскіе обжоры мечтали о прелестяхъ поста послѣ объѣденья? Не ослабляетъ противорѣчія и ссылка якобы христіанскихъ соціалистовъ на слова Христа: „бѣдныхъ всегда съ собою имате“; по той причинѣ, что „для Христа бѣдность настолько же не зло“, насколько и богатство (денежное и вещественное) не благо, въ отличіе отъ явно-язычесвихъ и лживо-христіанскихъ соціалистовъ. Оттого для Него достойны сожалѣнія не одни бѣдняки, но и богачи, такъ же какъ и первые нуждающіеся въ спасеніи, именно для нихъ-то особенно затруднительномъ; оттого и Евангеліе Христа относится не къ однимъ бѣднымъ, а „ко всему міру“, опять въ противоположность новымъ благодѣтелямъ-реформаторамъ, побуждаемымъ часто не столько любовью къ бѣднымъ, сколько завистью и ненавистью къ богатымъ. А если такое же настроеніе преобладаетъ и въ большинствѣ нуждающихся (къ чему открыто призываютъ сторонники „борьбы классовъ“), мыслимо ли добровольное согласіе бѣдняковъ на ту благонамѣренную гегемонію богачей, о которой мечтаетъ Карнэджи, даже если бы его милліардёры и оказались такими подвижниками долга, какими онъ ихъ расписываетъ? „Мы поѣдомъ ѣдимъ другъ друга, и не на войнѣ только, а и въ такъ называемомъ мирѣ, который таже война, лютая и непрестанная“ (Письмо ко мнѣ, 11 Декабря 1899), и мечтаемъ, будто ни

съ того, ни съ сего волки сдружатся съ овцами потому только, что не послушавшіе Галилейской Проповѣди, послушаютъ „Евангеліе Стальныхъ и Нефтяныхъ Королей“! Да и въ состояніи ли голосъ этихъ рѣдкихъ кормчихъ дороги въ рай черезъ игольныя уши богатства заглушить хоръ тѣхъ безчисленныхъ дѣльцовъ, для которыхъ альфою и омегою экономической мудрости сталъ любимый афоризмъ Французовъ „дѣла—дѣла“, и нѣтъ въ нихъ мѣста никакой сентиментальности!

Наконецъ (и это самое важное!), даже допустивши осуществимость грёзъ покаявшагося капитализма, изъ притѣснителя ставшаго „всѣмъ слугою“, что̀ сто́ило бы то будущее благосостояніе, которое полагало бы въ основу свою одно только ничтожество денежнаго богатства, этой золотой пыли, на которую пріобрѣтаются лишь продажныя, и потому только дешевыя вещи, тогда какъ всѣ существенныя блага: жизнь, здоровье, даровитость ума и чувствъ, чистота душевная, семейное счастье—внѣ купли-продажи и ни на какихъ биржахъ не котируются?.. Вотъ почему для доказательства неизлѣчимаго недуга той призрачной торгово-промышленной и финансовой силы, передъ которою раболѣпно повергается въ прахъ нашъ вѣкъ, не достаточно было изобразить банкротство милліонера, какъ это сдѣлалъ Ибсенъ въ своемъ „Боркманѣ“; „никогда никого не любившему, несмотря на свою манію величія“, надо было дать картину неизбѣжнаго крушенія даже благороднѣйшихъ мечтаній милліонерства, даже въ его наилучшихъ проявленіяхъ, напримѣръ, у Карнэджи, за неимѣніемъ пока достойнѣйшаго („О драмахъ Ибсена и о сверхъискусствѣ“). Надо показать, что трагическій смыслъ наивнаго восклицанія Гётевой Гретхенъ не въ томъ, что „все стремится, все льнётъ къ золоту“, а въ томъ, что, несмотря на это, и въ значительной степени *именно поэтому*, мы все-таки всѣ столь нищенски-бѣдны („Zum Golde drängt, am Golde hängt doch Alles! *Ach, wir Armen!*“).

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ безпристрастно разобраться въ тѣхъ благахъ, которыми будто бы одаряетъ насъ торгово-промышленная культура, основанная на трудѣ большинства и на обогащеніи немногихъ. Если деньги сами по себѣ не могутъ быть благомъ, если „не въ деньгахъ счастье“, если даже въ благопріятнѣйшемъ для нихъ смыслѣ онѣ не цѣль, а только средство къ достиженію блага, провѣримъ, благо ли то, на что онѣ идутъ, для чего онѣ предназначаются. Капиталъ, говорятъ намъ „знатоки дѣла“ нуженъ для увеличенія силъ труда, для умноженія, улучшенія и удешевленія производства. Какого однако труда, и какого производства? Не тѣхъ, что̀ должно, по справедливости, назвать естественными и необходимыми: не сельскаго, благороднаго „земляного“ труда, рождающаго хлѣбъ насущный, и не кустарнаго, ручного, домашняго производства, не отчуждающаго отъ земли, отъ села и создающаго вещи первой необходимости. Но этотъ дѣйствительно нужный, не придуманный трудъ, какъ и это скромное производство, обходились и доселѣ обходятся безъ большого капитала, и даже несомнѣнно желательное развитіе, поддержка и улучшеніе того и другого не потребуютъ большихъ

затратъ. Не поэтому ли самому ученые экономисты, упоенные дурманомъ, капитализма, и смотрятъ свысока, пренебрежительно и на сельское земледѣльческое хозяйство, и на сельскій кустарный трудъ, какъ на архаическія низшія степени экономическаго развитія? Капитализмъ входитъ въ свои права или, вѣрнѣе, приступаетъ къ самоуправству только съ побѣдою города надъ селомъ, машины и фабрики надъ ручною ремесленною работою. Торжество капитала—это измѣненіе сельскаго земледѣльческаго быта въ торгово-промышленный. Но чтобы рѣшить, что̀ торжествуетъ, въ данномъ случаѣ, добро или зло, надо опредѣлить конечную цѣль обоихъ видовъ труда: сельскаго, земледѣльческаго и городского, торгово-промышленнаго.

Побужденіе и цѣль перваго—*добыча необходимыхъ средствъ для существованія,* слѣдовательно *поддержка жизни*, спасеніе отъ гибели, *отъ смерти;* у второго же—*доставленіе удобствъ, комфорта, прихоти, роскоши и,* какъ средства ко всему этому— *богатства.* „Для выбора между тѣмъ и другимъ нужно только рѣшить: въ богатствѣ ли благо и въ бѣдности ли зло? Или же жизнь есть благо, а смерть зло?“ (Письмо ко мнѣ отъ 3 Августа 1900 г.). Можетъ ли быть что-либо проще этого вопроса? Возможно ли колебаніе въ рѣшеніи его для ума несбитаго съ толку и для чувства неизвращеннаго? И однако, какъ это ни гибельно для человѣчества, оно все еще не уяснило себѣ должнымъ образомъ этого перваго изъ вопросовъ жизни и рѣшаетъ его, сплошь и рядомъ, превратно. Искусственно привитой соблазнъ вещи, „вещелюбіе“ пересиливаетъ даже естественную любовь къ жизни, и дряхлѣющему человѣчеству, „возвращающемуся къ старческому младенчеству, также, какъ и на зарѣ существованія, приходится погружаться въ глубокое раздумье о томъ: „что̀ важнѣе: вопросъ ли соціальный о богатствѣ и бѣдности, то-есть о всеобщемъ обогащеніи, или же вопросъ естественный, о жизни и смерти, то есть о всеобщемъ возвращеніи жизни, не въ теоретическомъ лишь смыслѣ, разрѣшающемъ, почему сущее существуетъ, а и въ практическомъ, требующемъ рѣшить, почему живущее старѣетъ и умираетъ?“ Иными словами: „что̀ важнѣе, *общественныя* ли бѣдствія, то-есть *пауперизмъ искусственный* или же *общія природныя* бѣдствія, то-есть *пауперизмъ естественный?* Минующее ли, тлѣнное богатство есть добро и бѣдность зло? Или же жизнь, но, разумѣется, *безсмертная*, есть истинное добро, а смерть—истинное зло“. (Супраморализмъ или великій синтезъ, вопр. 1). Къ стыду нашему надо сознаться, что какъ разъ послѣднее время проявляетъ особенную близорукость въ рѣшеніи этого вопроса, полагая, какъ это мы видимъ изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, спасеніе человѣчества въ накопленіи богатствъ и въ распредѣленіи ихъ, а не въ обезпеченіи самой жизни и не въ борьбѣ со смертью. Соціализмъ еще рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ выдвинулъ вопросъ о богатствѣ и бѣдности на первый планъ и придалъ ему значеніе всеобъемлющее, отъ исхода котораго будто бы зависитъ вся грядущая судьба человѣчества.

На самомъ же дѣлѣ этотъ предполагаемый вопросъ будущаго есть уже отживающій; онъ не болѣе, какъ частный случай вопроса о жизни и смерти,

внѣ котораго, то-есть самъ по себѣ, онъ и неразрѣшимъ („12 Членная схема ученія небратскаго, неродственнаго, немирнаго состоянія міра". Вопр. 1). Дѣйствительно всеобъемлющимъ можетъ и долженъ быть признанъ вопросъ не объ излишествахъ (богатствѣ, комфортѣ, прихотяхъ), а о существенномъ, для всѣхъ всегда необходимомъ: о хлѣбѣ насущномъ и объ естественныхъ условіяхъ, отъ коихъ зависитъ само существованіе человѣка. Вѣрно и всякаго признанія достойно слово Писанія: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ"; но вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе о хлѣбѣ насущномъ включено въ молитву Господню. Въ Писаніи осуждается забота *о личномъ и излишнемъ*; забота же *о пропитаніи себя вмѣстѣ со всѣми*, основанная на знаніи и управленіи слѣпою силою природы, не можетъ быть осуждаема, потому что это значило бы осудить какъ все знаніе, такъ и общее всѣхъ людей дѣло. Хлѣбъ насущный есть и потребность насущная; но онъ же и существенная движущая сила, не только физическая, но и умственная: вся дѣятельность человѣческая есть проявленіе этой силы" („Вопросъ о братствѣ или о родствѣ и причинахъ небратскаго, неродственнаго, то-есть немирнаго состоянія міра". 2-я редакція статьи подъ этимъ заглавіемъ). Наконецъ, это есть и сила нравственная, такъ какъ обезпеченіе всѣмъ и всегда хлѣба насущнаго возможно только дружнымъ, добровольно соединеннымъ, повсемѣстнымъ трудомъ всѣхъ, то-есть мыслимо не иначе, какъ результатъ дѣйствительно-братскихъ, мирныхъ отношеній людей другъ къ другу.

Этому священному, величавому значенію заботы объ обезпеченіи хлѣба насущнаго всѣмъ и всегда, что̀ можетъ противопоставить такъ усердно рекламирующая себя современная и даже будущая торгово-промышленная культура? Уже одно ея названіе, какъ и пренебрежительное ея отношеніе къ земледѣльческому быту, показываетъ, что для нея продовольственно-санитарный вопросъ въ указанномъ смыслѣ—не главная цѣль. Не задумываясь надъ первичными причинами неурожая, она озабочена не устраненіемъ самихъ источниковъ голода, а палліативнымъ противодѣйствіемъ ему покупкою хлѣба или его суррогатовъ. „Были бы деньги" (такъ разсуждаетъ эта культура), а хлѣбъ найдется", для зажиточныхъ, конечно, для жителей городовъ и для странъ высокаго развитія, которымъ, пожалуй, даже и не сто̀итъ самимъ возиться съ первобытнымъ, малодоходнымъ, сельскимъ трудомъ, какъ въ Англіи, гдѣ территорія нѣсколькихъ графствъ служитъ мѣстомъ только для охоты крупныхъ землевладѣльцевъ (Вандервельде. „Бѣгство изъ деревни". Москва. 1904, 248). Для нихъ хлѣбъ найдется въ степяхъ Россіи, Аргентины и Австраліи! Забывается при этомъ только одно соображеніе, а именно: что искать гарантіи отъ голода въ развитіи торговли *чужимъ* хлѣбомъ и даже въ такъ называемомъ интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, нуждающемся въ доставкѣ *чужеземнаго* удобренія (напр. Галапагосскаго гуано или Чилійской селитры для Англіи) значитъ *жить однимъ за счетъ другихъ*, дѣлать изъ однихъ существа привилегированныя, а другихъ лишать ихъ продуктовъ, заставлять село работать на городъ, превращать земледѣльческіе народы въ кормильцевъ и въ тоже время въ чернорабочихъ для народовъ фабричныхъ. Это искаженіе

ветхозавѣтной заповѣди труда, возложенной Творцомъ на человѣка: въ потѣ лица *своего* ѣсть хлѣбъ *свой*"; это искаженіе и новозавѣтной молитвы Господней, совершенно противоположной внушеніямъ „развитой торгово-промышленной культуры": „хлѣбъ *нашъ* (то есть *насъ всѣхъ, а не одних деньги имущихъ* для покупки *чужого* хлѣба) *насущный* (а не извлеченіе наибольшаго дохода изъ земли) даждь *намъ (всѣмъ намъ) днесь* (то-есть ограничиваясь лишь необходимымъ, а не дѣлая запасовъ и скупокъ для перепродажи, для барышей и для уклоняющихся отъ труда естественнаго и всеобщаго („Регуляція метеорологическая какъ исполненіе молитвы Господней"). Не задумывается торговопромышленная культура надъ тѣмъ, что практикуемая и оправдываемая ею эксплоатація природы (интенсивное хозяйство (?) и наибольшій доходъ) и ограбленіе „низшихъ расъ" въ силу „высшаго права (?!) странъ высшей (?!) культуры" (Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Спб. 1901, 267) не могутъ же продолжаться вѣчно и что, по мѣрѣ оскудѣнія природы и развитія низшихъ расъ, грозный вопросъ о хлѣбѣ насущномъ возстанетъ во всей своей насущной неотложности, несмотря на всю сѣть путей сообщеній и на всѣ мѣшки золота на міровомъ рынкѣ. Но... до этого далеко, а въ свое время прогрессъ найдетъ средства противодѣйствія затрудненію. На такихъ разсужденіяхъ успокаивается торгово-промышленное общество для того, чтобы отдаться всецѣло своимъ собственнымъ, ему присущимъ заботамъ и цѣлямъ: накопленію богатства, организаціи удобствъ жизни, комфорта, прихоти, роскоши, то-есть излишествъ, противоположныхъ насущному".

Въ критикѣ индустріализма и капитализма нашъ мыслитель проявляетъ строгость, которая многимъ покажется преувеличенною, но основные мотивы ея нельзя не признать вѣрными. Индустріализмъ, по его убѣжденію, поощряетъ развитіе всѣхъ дурныхъ страстей: корыстолюбія, властолюбія и сластолюбія. „Господство промышленности основано на отреченіи отъ града Божія, отъ будущей небесной жизни, отъ жизни со всѣми отцами, ради земного благополучія, изъ-за матерьяльнаго благосостоянія будто бы большинства, въ дѣйствительности же меньшинства, а именно богатыхъ". („Выставка 1889 года или наглядное изображеніе культуры, цивилизаціи и эксплуатаціи"). Въ самой основѣ индустріализма заложена чувственность, та *любовь къ вещи*, та *матеріализація,* которую, какъ мы видѣли выше, типичные представители вѣка считаютъ за его наиболѣе характерный и все возрастающій признакъ. Наше время, столь гордящееся мнимыми побѣдами надъ силами природы, въ сущности очень далеко отъ такого торжества; вѣкъ индустріализма не вноситъ въ природу ни разума, ни воли для *регуляціи* слѣпыхъ, фатально дѣйствующихъ силъ и для направленія ихъ къ цѣли сознательной, планомѣрной и благотворной; онъ довольствуется одною *эксплуатаціей* ихъ для низшихъ чувственныхъ потребностей. Это не правитель природы, это потворщикъ, сообщникъ ея злыхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по этому самому—и рабъ ихъ. Движущія слѣпою, не знающею нравственнаго долга природою начала: борьба за существованіе, вытѣсненіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, пассивнаго приспособленія къ средѣ и половой подборъ, становятся рѣшающими стиму-

лами и средствами и для человѣческихъ дѣйствій. „Источникъ индустріализма—половой подборъ, то-есть сознательное подчиненіе безсознательной силѣ, въ насъ и внѣ насъ дѣйствующей, безъ всякой мысли о совокупномъ противодѣйствіи ей или о союзѣ людей противъ этого коренного порока и грѣха со всѣми его послѣдствіями („Конференція мира“).

Чтобы убѣдиться въ правильности такого заключенія, кажущагося преувеличеніемъ, стоитъ только бросить взглядъ на то, что является какъ бы общедоступнымъ выводомъ и нагляднымъ итогомъ всей торгово-промышленной культуры, на любую всемірную выставку, лучше же всего на послѣднюю Парижскую. Это юбилейное торжество господства буржуазіи, третьяго, городского, торгово-промышленнаго сословія есть въ тоже время апоѳеозъ царства женщины, царства прихоти, роскоши и поклоненія чувственной красотѣ („Выставка 1889 г.“). Именно на этомъ базарѣ житейской суеты, воздвигнувшей у самаго своего входа статую женщины-соблазнительницы, гетеры, наслѣдницы Евы, Елены, Пандоры, Европы, Аспазіи, созерцающей себя въ зеркалѣ, орудіи самообожанія, гордой сознаніемъ, что она конечная цѣль современной культуры, — здѣсь, на выставкѣ, гдѣ даже матеріалы и орудія производства, предназначаемые для иныхъ, серьезныхъ цѣлей, получаютъ облицовку, постановку и сочетанія женоподобныя, блазнящія,—здѣсь мы наглядно убѣждаемся, въ какой степени и богъ войны Марсъ (на полѣ котораго и водарилась выставка), и богъ горнозаводской промышленности и природныхъ земныхъ сокровищъ Плутонъ, и богъ богатства искусственнаго, торговлею создаваемаго Меркурій, и наконецъ, сама старая дѣвственница Минерва, изъ богини мудрости превратившаяся въ прислужницу распутной Афродиты.—всѣ склоняются передъ всемірнымъ владычествомъ этой послѣдней, ставшей первымъ божествомъ новоязыческаго международнаго Олимпа. На зарѣ просвѣщенія „искусство“ Эллинское, Парнасское или древне-Олимпійское, искусство гимнастическое (нагое, безодежное) служило приготовленіемъ къ военному государству и создало его; полнымъ проявленіемъ, выставкою этого гимнастическаго искусства были Олимпійскія, Пиѳійскія и другія игры, приготовлявшія къ внутреннимъ и внѣшнимъ войнамъ и дававшія содержаніе пластикѣ, поэзіи и другимъ искусствамъ. Греки дорожили красотою тѣла; современные Европейцы, повидимому, еще болѣе дорожатъ красотою одежды... Высшее, основное Европейское искусство есть искусство одѣваться, искусство половой борьбы, полового подбора, который и создалъ фабрично-промышленное государство... Наши „собранія“ (ассамблеи), балы и выставки замѣнили Греческія игры: здѣсь поприще для высшаго проявленія искусства наряжаться, при чемъ наряжаются не одни лица, но даже и вещи, все облекается въ благолѣпіе тлѣнія, фальсификаціи и непрочности. Это царство соблазна, игры и игрушекъ, гдѣ всѣ произведенія иногда тяжелого, иногда каторжнаго труда стараются очаровать человѣка соблазномъ любви къ вещи, подчинить ей его душу; это соборъ людей и вещей, разряженныхъ по вкусу женщинъ, съѣздъ жениховъ всѣхъ возрастовъ: отъ дѣтства, торопящагося жить чув-

ственностью, до молодящейся старости, маскирующей себя, ибо старость— величайшій порокъ въ царствѣ женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ—это царство чувственнаго наслажденія, гдѣ все зоветъ: „пій, яждь и веселись; знай, что иныхъ благъ, кромѣ выставленныхъ на этомъ поприщѣ, нѣтъ и быть не можетъ". Богъ—не духъ, какъ увѣрялъ наивный Галилейскій Мечтатель; „вещь—вотъ истинный Богъ, и нѣтъ иныхъ боговъ, кромѣ этихъ фетишей!" Небо сведено на землю, и на этомъ земномъ небѣ „нѣтъ мѣста для Лазарей; блаженны богатые, ибо имъ принадлежитъ царство земное, и горе бѣднымъ, слабымъ, больнымъ: имъ нѣтъ доли на пиру жизни!.. Накопляй же сокровища, пріобрѣтай вещи; посвящай этому жизнь; утилизируй, эксплуатируй, истощай природу, злоупотребляй ею на служеніе прихотямъ; убѣдись, что красота— въ непрочности, истина—въ фальсификаціи, благо же—въ забавѣ вещью и похотью, въ игрѣ, подъ которыми кроются однако борьба, вражда, насиліе, хищеніе и разрушеніе" („Выставка").

Но и не одно это, а и рабство, именно рабство среди погони за счастьемъ, за независимостью, за силою и властью! Производство предметовъ излишества, прихоти и роскоши не требуетъ ли громадныхъ заводовъ и фабрикъ, отравляющихъ землю и воду своими отбросами, воздухъ—зловоннымъ чадомъ своихъ трубъ, изрыгающихъ пламя и дымомъ застилающихъ лазурь неба и сіяніе дня?.. А внутри этихъ тюрьмъ, созданныхъ ради прихотей суеты, капризовъ моды или удобствъ жизни для рѣдкихъ баловней счастья,—тысячи рабочихъ, одуряемыхъ нескончаемымъ, однообразнымъ механическимъ трудомъ, безъ цѣпей прикованныхъ къ вѣчно стонущимъ и грохочущимъ машинамъ, приводимымъ въ дѣйствіе ватагами другихъ рабовъ, занятыхъ уже прямо каторжною работою въ глубокихъ нѣдрахъ земли, хранящей запасы солнечной теплоты, довольно, впрочемъ, быстро истощаемой!.. Только ослѣпленные зловѣщимъ блескомъ Ваала - Молоха, бога - пожирателя, не понимаютъ, что подпочва всей торгово-промышленной культуры, черный брилліантъ, каменный уголь, это слезы тѣхъ несчастныхъ, что̀, погруженные въ лоно земли, живыми, чуть ли не въ пятьсотъ разъ глубже мертвыхъ, трудятся надъ добываніемъ силы, идущей въ значительной степени на производство бездѣлушекъ, игрушекъ и тряпокъ! („Конференція мира").

Надъ этими рабами — цѣлый сонмъ другихъ, кажущихся свободными, часто не подозрѣвающихъ своего униженія и рабства; это техники, инженеры и другіе представители и прикладного, и теоретическаго, принципіальнаго знанія, естествоиспытатели, математики и вообще ученые. Наука, бывшая когда-то рабою богословія („Theologiae ancilla"), затѣмъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ ея сотрудницею и помощницею въ раціоналистической апологетикѣ и философіи, и наконецъ ея судьею и повелительницею въ XIX-мъ, сама стала быстро вырождаться въ прислужницу промышленности и торговли. Такое направленіе находитъ почти единодушное одобреніе; его поощряетъ политическая власть, пресса, даже Церковь: въ „Рѣчи о прогрессѣ", произнесенной по поводу Парижской выставки, Американскій кардиналъ Эйр-

лэндъ, назвавши современнаго человѣка „вторымъ Творцомъ“, приглашаетъ его „развивать, насколько возможно, силы природы, впрягая ихъ въ колесницу науки и *промышленности*, чтобы расширить арену *для торговли*“ (Ireland. L'Église et le Siècle, 201). Излишнее воззваніе! И безъ того прикладныя науки влекутъ къ себѣ умы и энергію, потому что наиболѣе оплачиваются; а, глядя на это, и такъ называемыя „чистыя“ науки впадаютъ въ нечистыя мечты объ обогащеніи, объ открытіи новыхъ источниковъ наживы или объ удешевленіи и расширеніи старыхъ способовъ ея. Наконецъ, даже жрецы музъ, именующіе себя „*свободными* художниками“, становятся несвободными слугами той же торговли и промышленности, биржи, конторы, фабрики, магазина, будуара, салона, кафе-шантана: всѣ искусства, всѣ стихи работаютъ на прихоть, на роскошь, на забаву богача-кутилы, щеголя, свѣтской женщины, кокотки, и никого уже не оскорбляетъ превращеніе орнаментовъ древнихъ храмовъ и рукописей въ игру декадентской эстетики и въ орудія полового подбора („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Но за этими порывами къ беззаботному наслажденію въ уютномъ тихомъ уголкѣ или въ свѣтской суетѣ роскошныхъ палатъ, за этою убаюкивающею совѣсть художественною оправою лѣни и безсердечія среди цѣлаго моря нищеты и всевозможныхъ страданій, — какая всемірная, какая лютая борьба изъ-за тлѣнныхъ благъ, затаённая, скрытая вражда, ежеминутно готовая перейти да и переходящая въ открытыя войны! Эта грустная истина признается даже и тѣми, кто въ богатствѣ видитъ якорь всеобщаго спасенія: „фактъ мирнаго конфликта въ погонѣ за удовлетвореніемъ своихъ желаній за чужой счетъ—не подлежитъ сомнѣнію“, говоритъ Генри Джорждъ (Progress and Poverty. 359). „Современный экономическій строй долженъ быть непрерывною борьбою“, заявляетъ Англійскій соціалистъ Баксъ (Bax, Religion of Socialism. 69). „Теперешняя политическая экономія (по мнѣнію выдающагося представителя Французской „Христіанской демократіи“ Леона Гармеля) основана на началѣ конкуренціи и борьбы. Евангеліе говоритъ намъ: „любите другъ друга“, а политическая экономія: „уничтожайте другъ друга“ (Nitti, Le Socialisme catholique, 303). Индустріализмъ и меркантилизмъ несомнѣнно отцы новѣйшаго милитаризма. Ростъ вооруженій и ужасовъ войны за послѣднее время всѣмъ вполнѣ очевиденъ; но далеко не всѣ хотятъ или умѣютъ уяснить себѣ, что главная причина того и другого есть какъ разъ тотъ хвалёный торгово-промышленный прогрессъ, въ развитіи котораго цивилизація видитъ гордость настоящаго и на почвѣ котораго она строитъ свои надежды на будущее всеобщее счастіе.

Перепроизводство — вотъ естественное слѣдствіе усовершенствованнаго машиннаго, заводско-фабричнаго производства. Съ другой стороны выбрасываніе на всемірный рынокъ огромной массы лишнихъ или скоро становящихся излишними товаровъ—нормальное слѣдствіе прихоти и моды, сходной въ этомъ отношеніи со слѣпою природою, рождающею колоссальное количе-

ство животныхъ или растительныхъ особей, для отбора изъ нихъ сравнительно немногихъ на выработку или продленіе рода съ обреченіемъ всего остального на гибель. Но, уподобляясь неразумной силѣ въ излишествѣ и безсмысленности дѣйствій, современный индустріализмъ превосходитъ ее по алчности и потому, не изъ жалости къ своимъ созданіямъ (которыхъ мода обрекаетъ на смерть гораздо скорѣе Кроноса), а изъ ненасытности къ наживѣ, ищетъ сбыта наудачнымъ или эфемерно старѣющимъ своимъ произведеніямъ въ странахъ мало-культурныхъ, отстающихъ отъ передовыхъ въ своихъ похотяхъ. Отсюда — поиски новыхъ мѣстъ сбыта, новыхъ рынковъ, борьба за овладѣніе ими, всѣми правдами и неправдами. Для разцвѣта этой колоніальной политики наиболѣе благопріятны мало-развитыя, „дѣвственныя" земли; бѣда только въ томъ, что и онѣ, для принесенія „культуртрегерамъ" ожидаемыхъ плодовъ, требуютъ предварительнаго удобренія, сильнѣйшаго изъ всѣхъ, удобренія человѣческою кровью, которая и льется обильно, чтобы подготовить приливъ золота къ центрамъ міровою прогресса. „Будущее (говорятъ современные дѣльцы) принадлежитъ не мирнымъ расамъ, скупымъ и трусливымъ, а расамъ—авантюристкамъ и завоевательницамъ. Имперіи созидаются въ крови, и ихъ цементируютъ кровью... Вся Европа и Новый Свѣтъ такъ поступаютъ на всѣхъ пунктахъ земного шара" (Em. Fabre, Les Ventres Dorés. Acte II. 4 ed. P. 1905, 102—103). И столь убѣдительнымъ представляется этотъ фактъ современнымъ политико - экономамъ, что, по мнѣнію Бернштейна (Историческій матеріализмъ. 268) *„онъ долженъ стать руководящимъ и для соціалдемократіи"*. Еще бы! Вѣдь „право дикихъ на занимаемую ими территорію можетъ признаваться *лишь условно*; въ крайнемъ случаѣ, *на сторонѣ высшей культуры здѣсь и высшее право*" (Тамъ же). Право ли однако?.. или же наглое насиліе могущественнаго надъ слабымъ, вооруженнаго и коварнаго надъ беззащитнымъ и простодушнымъ?.."

„Таково происхожденіе новаго милитаризма, сына крупной заводско-фабричной промышленности, требующей всеобщаго вооруженія для выполненія повинности всеобщаго истребленія ради умноженія матерьяльнаго богатства. Милитаризмъ современный разнится отъ прежняго и по происхожденію, и по цѣли, и по средствамъ. Старый милитаризмъ, священный, а новый, секуляризованный: старый защищалъ отечество, родную землю и сокрытый въ ней прахъ отцовъ, считая, что жизнь хороша только съ отцами, только въ отечествѣ („Ubi patria, ibi bene"). Оттого старый милитаризмъ оставлялъ посады, но до послѣдней возможности оборонялъ акрополи, капитоліи, кремли. Новый же милитаризмъ, полагающій, что отечество тамъ, гдѣ хорошо живется („Ubi bene, ibi patria". Это безъ оговорокъ признаетъ „правовѣрный" соціализмъ: Kautsky. Erfurter Programm. 247, а раньше Марксъ. Ср. Bebel, Die Frau. 350 f.), охотно отрекается отъ родины, эмигрируетъ, колонизируетъ, предпочитаетъ чужія, новыя мѣста роднымъ, старымъ; оставляетъ безъ защиты кремли и сёла съ могилами отцовъ и предковъ, защищаетъ города съ ихъ богатствами, фабриками, источниками богатствъ, съ ихъ товарными складами и магазинами, и выходитъ на завоеваніе новыхъ рынковъ.

Столь же глубокое различіе между старымъ и новымъ милитаризмомъ и въ способахъ дѣйствій. Первому нужна оборона своего, родного, то есть прежде всего средства защиты; второму, нападеніе на чужое, орудія разрушенія, истребленія, гигантскія скорострѣльныя дальнобойныя пушки, митральёзы, гаубицы, пулемёты, торпеды, мины, „усовершенствованныя“ взрывчатыя вещества; бездымный порохъ, динамитъ, мелинитъ, роборитъ, шимозе... Для такихъ „усовершенствованій“, которыми талантливая младшая дочь Европейской культуры Японія перещеголяла свою мать и наставницу, индустріализмъ привлекаетъ къ труду своихъ холоповъ. Ученые, правда, часто негодуютъ на милитаризмъ, а между тѣмъ сами-же его усиливаютъ, прислуживаясь своими изобрѣтеніями мануфактурѣ и торговлѣ. („Вопросъ о братствѣ и т. д. 1 редакція); математики, физики, химики, техники, инженеры напрягаютъ силы знанія и своихъ дарованій, рискуя самою жизнью, для того, чтобы сдѣлать орудія смерти еще болѣе убійственными, еще болѣе смертоносными. Даже безпримѣрныя кровопролитія Портъ-Артура, Лаояна и Мугдена не въ состояніи отрезвить гуманную Европу отъ восхищенія передъ успѣхами союза науки съ войною и отъ расчетовъ во что, при дальнѣйшемъ „прогрессѣ“ этого рода, обойдется борьба за новые рынки и новые пути міровой торговли. Передъ свѣжими ужасами кровавой дѣйствительности мечты о разоруженіи, о вѣчномъ мирѣ кажутся большинству дѣтскими грёзами либо „политическою благоглупостью“, и если довольствоваться для нихъ одними тѣми соображеніями, которыя полагались доселѣ въ основу ихъ, съ Гаагскою Конференціей включительно, мечты эти дѣйствительно безнадежны, и призрачность ихъ могла бы быть доказана и безъ Англо-Бурской и Русско-Японской войнъ.

Изъ всего предыдущаго очевидно, что весь процессъ промышленнаго производства, торга и войны составляетъ одно цѣльное, порочное и злое во всѣхъ своихъ частяхъ дѣло. Современный милитаризмъ, неотдѣлимый отъ индустріализма, своимъ усовершенствованнымъ оружіемъ и усовершенствованными способами сообщенія возвратилъ человѣческій родъ, такъ самодовольно болтающій о мирномъ прогрессѣ, къ тому состоянію, въ какомъ онъ былъ въ самыя первобытныя времена повсемѣстной и постоянной войны („Конференція мира“). На то „homo homini lupus“ и война всѣхъ противъ всѣхъ, изъ теоріи Гоббса (появившейся именно въ Англіи и какъ разъ-на разсвѣтѣ ея торгово-колоніальной политики) перешли на арену жизни, и весь ходъ всемірной исторіи получилъ характеръ эволюціи, которую слѣдуетъ назвать военною. Даже и во время такъ называемаго мира эта война не прекращается; изъ явной она только становится скрытою, но не менѣе лютою, коварною и гибельною: борьба классовъ, профессій, интересовъ, конкурренція, этотъ жизненный нервъ матеріальнаго прогресса съ точки зрѣнія политической экономіи, фальсификація, какъ средство удешевленія и допускаемаго безнаказанно обмана, реклама, какъ другое орудіе лжи и соблазна, полемика, диспутъ, злословная партійная критика, какъ общепризнанное орудіе раскрытія

истины и непризнанное, но ежеминутно примѣняемое орудіе раздора, расчета и убійства; словомъ, что все это, какъ не милитаризмъ въ самомъ обширномъ его значеніи? И не въ правѣ-ли мы видѣть въ предполагаемыхъ успѣхахъ мирнаго быта, возникающаго на основахъ торгово-промышленнаго строя, только періодическіе варіанты трансформизма войны?..

Но поддержкою вражды и розни не ограничивается зло индустріализма: онъ не только озлобляетъ человѣка противъ человѣка, онъ растлѣваетъ внутренно и самого его. Не говоримъ уже о принижающемъ вліяніи каторжнаго труда шахтъ, рудниковъ, плавильныхъ печей, сталелитейныхъ заводовъ и всѣхъ тѣхъ очаговъ производства, что́ непосредственно отравляютъ или истощаютъ организмъ. Даже и кажущаяся на видъ легкою фабричная работа настолько томительна своимъ однообразіемъ и безсмысленною механичностью, что обреченнымъ на нее даже сама война, въ качествѣ противоположности къ ихъ ежедневнымъ занятіямъ, можетъ показаться чѣмъ-то желаннымъ. Но, располагая къ войнѣ прямо и косвенно, фабричная работа лишаетъ однако занимающихся ею способностей къ войнѣ, губя силы и здоровье ненормальными условіями жизни („Выставка“): отсутствіемъ воздуха, свѣта, чистоты, движенія у однихъ и достаточнаго отдыха у другихъ. Кому же неизвѣстно, что кабакъ и публичный домъ, правое и лѣвое крыло фабрики, ихъ нормальные, неотлучные спутники? Всѣ это знаютъ, и относительно факта такой дружбы торгово-индустріальнаго прогресса съ пьянствомъ и развратомъ повѣрили бы В. Стэду и на слово, даже, если бы онъ и не прилагалъ справочнаго плана по этому вопросу примѣнительно къ одному изъ центровъ Новаго Свѣта (въ своей книгѣ „Если бы Христосъ пришелъ въ Чикаго“!). Непонятнѣе, какъ могутъ почти всѣ съ этимъ мириться, какъ съ неизбѣжностью. Не сознается ли гуманный историкъ *раціонализма*, историкъ Европейской *нравственности* Лекки, что основаніе каждой фабрики непремѣнно увеличиваетъ пьянство и развратъ, и не прибавляетъ-ли немедленно, что „всякій человѣкъ и каждое общество тѣмъ не менѣе одобрятъ основаніе фабрики?“ Одобритъ это, конечно, и правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилитъ полицію, увеличитъ „мирный“ составъ войскъ, не оставитъ безъ увеличенія и состава судовъ... Но вотъ что просмотрѣлъ историкъ умственнаго и нравственнаго прогресса: что, если будемъ безпрепятственно дава́ть волю такому развитію *предполагаемаго* матеріальнаго блага рядомъ съ *дѣйствительнымъ* нравственнымъ зломъ, въ недалекомъ будущемъ торгово-промышленные центры представятъ слѣдующую поучительную картину. Важнѣйшее, срединное мѣсто въ общежитіи займутъ фабрика и заводъ съ ихъ необходимыми придатками, трактиромъ, кабакомъ съ одной стороны и домомъ проституціи съ другой; торговый магазинъ съ вывѣсками и рекламами составитъ фасадъ величественнаго цѣлаго, его „казовую“ сторону, „товаръ лицомъ“, представленный и сопоставленный купеческою ловкостью при усердномъ содѣйствіи купленнаго ею „свободнаго“ искусства. Фабрика же, гдѣ люди на шесть дней превращаются въ винты, гайки, рычаги, клапаны и другія части сложной машины, фабрика съ притонами разгула и разврата, гдѣ фабричные проводятъ седьмой

день, будетъ изнанкою; и наконецъ самое послѣднее мѣсто. задворки заводовъ и фабрикъ займутъ университетъ и всѣ ученыя, учебныя и художественные учрежденія! Ученое сословіе, дѣля барыши съ третьимъ сословіемъ, то есть содѣйствуя обращенію людей четвертаго, фабричнаго сословія въ части машинъ, обезглавливая ихъ на всѣ шесть дней недѣли, показываетъ видъ, будто принимаетъ горячее участіе въ рабочихъ и въ седьмой день занимаетъ ихъ популярными чтеніями и общедоступными спектаклями, великодушно возвращая имъ на этотъ единственный день голову и чувство, которые такимъ образомъ для рабочихъ тоже, что̀ шляпа, надѣваемая по праздникамъ. Но, занимая вышесказанными поученіями и развлеченіями праздникъ, благодѣтели народа уже не оставляютъ времени для служенія Господу въ день Господень, такъ, что, за недосугомъ и отсутствіемъ посѣтителей, придется закрыть храмы, обреченные на вымираніе тамъ, гдѣ надъ Троичнымъ Богомъ торжествуютъ Ваалъ, Меркурій, Вакхъ и Астарта. Участвуя въ дѣйствительномъ порабощеніи и обезглавленіи людей четвертаго сословія, ученые даютъ имъ мнимое, поддѣльное, удешевленное, популярное просвѣщеніе („тенденціозное, искаженное, невиданное еще доселѣ полу-образованіе“, по призванію даже сочувствующихъ соціализму: Göhre, Drei Monate Fabrikarbeiter, 152—155) вмѣсто дѣйствительнаго, самостоятельнаго, активнаго участія въ познаваніи; и въ тоже время ихъ „освобождаютъ отъ предразсудковъ, то есть отъ религіи, замѣняя ея авторитетъ своимъ собственнымъ (отзывъ Гарнака объ этой сторонѣ соціалистической пропаганды въ Verhandlungen des 9 Evangelisch-sozialen Kongress. in Berlin 1898, 141—2). Тѣже ученые, которые не вошли „въ долю“ съ прогрессомъ третьяго сословія, стараются вооружить противъ него четвертое. Таковы варіанты дѣятельности ученаго (но уже не „Латинскаго“), а международнаго квартала Торгово-промышленнаго Града Богатства въ его законченномъ видѣ.

Описанная группа зданій будетъ служить выраженіемъ политико-экономической мудрости посада, эксплуатирующаго село. Противъ же этой группы зданій должна расположиться другая, состоящая изъ казармъ для войскъ, изъ полицейскихъ частей, суда и тюрьмы, все вмѣстѣ, какъ необходимое дополненіе учрежденій 1-й группы. И эта 2-я группа будетъ выраженіемъ политико-юридической мудрости города, мудрости вспомоществующей торгово-промышленному классу совокупно съ рабочимъ классомъ въ эксплуатаціи села или пятаго сословія, потому что городъ относится къ селу какъ хищникъ, какъ плотоядное животное къ травоядному. Душу города составляетъ такимъ образомъ двойной прогрессъ: 1) торгово-промышленный, постоянно усиливающій внутреннюю борьбу и 2) полицейско-судебный, обязанный сдерживать ее, предупреждать столкновенія постояннымъ надзоромъ надъ всѣми и карать выходящихъ за предѣлы дозволенной свободы. Наконецъ, извнѣ этотъ городъ, это не братство, а гражданство, это не отечество, а безродное государство, это принудительный рабочій домъ—острогъ, съ кафе-шантаномъ и борделью для охмеленія послѣ труда, извнѣ этотъ городъ долженъ быть представленъ крѣпостью со всѣми усовершенствованіями въ наступа-

тельныхъ и оборонительныхъ орудіяхъ войны, этой союзницы и слуги лицемѣрнаго будто-бы мирнаго развитія, что̀ и представляетъ третью сторону современнаго прогресса, прогрессъ военный. Новѣйшей цивилизаціи, такъ много говорящей о братствѣ народовъ и общечеловѣческихъ интересахъ, крѣпость необходима не менѣе, чѣмъ замкнутой въ узкіе предѣлы и разобщенной на мелкіе союзы средневѣковой: она понадобилась Парижу противъ нашествія Берлина; Гибралтаръ нуженъ Англіи какъ ключъ средиземно-морской торговли, Суецъ какъ ключъ мирового морского транзита; конкуррируя съ Джономъ-Булемъ, Американскій „Самъ“ ставитъ заблаговременно Тихо-океанскіе форпосты на Филиппинахъ. Это все предупредительныя мѣры на путяхъ международнаго сближенія въ области „мирныхъ интересовъ“ и притомъ между соплеменниками или „добрыми сосѣдями“... Но ждется и нѣчто бо̀льшее: бѣлый промышленный Западъ не всегда будетъ тріумфаторомъ надъ желтымъ Востокомъ и черным Югомъ: онъ уже не смѣетъ сказать: „не боюся я Востока“, потому что Востокъ не только не спитъ глубоко, но пробудился болѣе грознымъ, чѣмъ въ дни Вавилона и Ниневіи, чѣмъ въ дни Атиллы, „бича Божія“. Батыя и Тимура, и „желтая опасность“, панмонголизмъ, облекавшаяся еще такъ недавно въ форму апокалипсическихъ видѣній („Три разговора. Антихристъ“ Соловьева), стала уже дѣйствительностью и дѣйствительностью ужасною, въ осуществленіи которой виновны именно алчность и ненасытность торгово-промышленнаго Запада: послѣ Японскихъ побѣдъ невозможно уже скрывать, что Западъ изобрѣтаетъ и куетъ оружіе и обучаетъ его употребленію земледѣльцевъ и кочевниковъ Востока для пораженія самого же себя этимъ же самымъ оружіемъ. Иначе и быть не можетъ: „извлекшій мечъ отъ меча и погибнетъ!“ („Выставка“).

Какъ ни велики перечисленныя бѣдствія, порождаемыя индустріализмомъ и меркантилизмомъ, они все еще не исчерпываютъ мѣру ихъ прегрѣшеній. Остается раскрыть еще одинъ грѣхъ, грѣхъ величайшій, первородный въ данномъ случаѣ, тотъ, отъ котораго плодятся и множатся всѣ остальные пороки и преступленія. Это утрата смысла и цѣли жизни, измѣна долгу существованія, замѣна дѣла любви всеобъемлющей узкимъ себялюбіемъ, корыстью, прихотью, забавою, похотью. Если единственнымъ здоровымъ, единственнымъ нравственнымъ опредѣленіемъ жизни можетъ быть лишь: „жить не для себя только и не для однихъ другихъ, а со всѣми для всѣхъ“, то жизнь, основанная на началѣ торгово-промышленномъ есть принципіальное отреченіе отъ этого опредѣленія, узаконеніе ложной и безнравственной противоположной основы. Въ обществѣ, въ которомъ одни трудятся на другихъ, гдѣ одни богатѣютъ за счетъ другихъ, люди раздѣлены на два противоположныхъ лагеря: одни живутъ только для себя, другіе—только для другихъ; а при такомъ дѣленіи, неизбѣжно приводящемъ къ ненависти, зависти, враждѣ и борьбѣ, добровольное согласіе, то-есть жизнь со всѣми для всѣхъ, невозможно.

Невозможна и родственная любовь, основа нравственности, такъ какъ объектъ любви здѣсь не люди, а вещи; высшая цѣнность здѣсь не душа

безсмертная, а тлѣнное богатство матеріальное. На Евангельскій вопросъ: „что дастъ человѣкъ за душу свою?" отвѣтъ далъ поэтъ, можно сказать, всей новой Европы, не менѣе, впрочемъ, почитаемый и Новымъ Свѣтомъ: въ лицѣ Фауста Гёте изобразилъ человѣка, продающаго свою душу за чувственное наслажденіе; въ наукѣ онъ разочаровался, мыслью не удовлетворяется; наука вѣдь не даетъ ни счастья, ни полнаго знанія, а крылья мысли, по его убѣжденію, никогда не могутъ сдѣлаться тѣлесными; вотъ онъ и продалъ душу за наслажденіе. Дѣйствительный же современный Фаустъ, особенно Англійскій, далеко не былъ столь грандіозенъ: уподобляясь даже не юношѣ, рвущемуся „отъ страстнаго желанія къ наслажденію и въ наслажденіи вздыхающему о желаніяхъ", а уже ребенку, этотъ новѣйшій Фаустъ продалъ душу за мануфактурныя лишь игрушки, сходенъ въ этомъ отношеніи больше со старымъ Англійскимъ Фаустомъ (Марлò), продавшимъ себя ради денегъ, на которыя и пріобрѣтаются продукты фабричнаго индустріализма. Впрочемъ, въ концѣ концовъ и Нѣмецкій Фаустъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ осушить болото и завести на его мѣстѣ *фабрику* (Faust. 2 Theil). („Выставка 1889 года").

Эта эволюція души современнаго человѣка, оканчивающаяся атрофіей души, есть результатъ цѣлаго ряда измѣнъ: „измѣнивши въ началѣ Отцу Небесному въ своемъ паденіи, въ нарушеніи заповѣди Отца ради исполненія желанія жены, человѣчество совершило вторую измѣну въ оставленіи земледѣлія и села, то-есть праха своихъ предковъ, измѣну роду и племени ради устройства города или юридико-экономическаго общества вмѣсто семьи и родственной общины. Изъ этого корня со временемъ выросла и третья измѣна Христіанству, выросъ Католицизмъ, обратившій даже самый законъ благодати въ законъ юридическій. Наконецъ, наиболѣе полное выраженіе измѣны Христіанству представила Англія, создавшая политическую экономію, въ которой всѣмъ людямъ дается новая оцѣнка, не нравственная уже и даже не юридическая, а денежная, гдѣ люди трактуются какъ товаръ, цѣнность коего опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра. Въ чемъ наша задача?") „Само просвѣщеніе" говоритъ одинъ изъ ученыхъ соціализма, „стало товаромъ и уже обезцѣненнымъ. Если прежде говорили объ аристократіи духа, теперь толкуютъ уже о пролетаріатѣ интеллигенціи... Она взята внаймы купцомъ, фабрикантомъ, банкиромъ, биржевикомъ; она перестала быть духовнымъ вождемъ буржуазіи... она сама стремится выбиться впередъ, нажиться; не развитіе, а разцѣнка и оплата ея духовныхъ имуществъ составляютъ теперь ея серьезнѣйшую заботу, а проституированіе себя, продажа своихъ убѣжденій,—у нея главное средство успѣха... Вотъ что сдѣлалъ капиталистическій способъ производства изъ идеалистовъ, изслѣдователей и мыслителей!" (Kautsky. Das Enfurter Programm. 51—54). Но, констатируя этотъ фактъ, соціализмъ не замѣчаетъ, что онъ самъ является завершеніемъ пути отъ ложнаго начала къ ложной цѣли. Это начало (матеріальнаго обогащенія какъ задачи жизни) расширяется до значенія

универсальнаго, до стимула, движущаго всею исторіей человѣчества. Сбудутся ли или обманутъ надежды соціализма, одно пока, по его собственному признанію, несомнѣнно, что „торговая зараза—этотъ вампиръ, передъ которымъ честь, совѣсть и нравственность теряютъ смыслъ“ (Bax. Religion of Socialism. 91), распространяется, люди перестаютъ быть людьми и обращаются въ купцовъ, продающихъ свои таланты и знанія; весь міръ становится „державою купца“, отношенія нравственныя, сердечныя, душевныя все болѣе замѣняются ледяными юридическими, „дѣловыми“, мундирными, канцелярскими и конторскими; усовершенствованная регламентація вездѣ и во всемъ придаетъ обществу чисто-механическій обликъ, и получается уже вѣроятность, что доведенное до совершенства безукоризненной машины общество достигнетъ такого высокаго уровня развитія, что не будетъ нуждаться даже въ выдающемся индивидуальномъ умѣ, не говоря уже о личномъ чувствѣ или душѣ“ („Вопросъ о причинахъ и т. д.“). Если исторія, въ ея истинномъ значеніи, есть психическая задача, въ смыслѣ не только изученія, но и пробужденія души, родственнаго чувства, то соціологія вмѣстѣ съ ея заключительною главою, соціализмомъ, есть наука о бездушномъ обществѣ, наука разобщенія у однихъ и порабощенія у другихъ“ (Вопросъ о братствѣ и т. д.). „Политическая экономія есть Іудина наука, какъ назвалъ ее одинъ изъ Славянофиловъ“ (тамъ же); она научаетъ измѣнамъ, предательству: измѣнамъ сыновнему и братскому долгу и дѣлу, предательству родства и отечества ради чувственности и наживы. Экономическая цѣль жизни, накопленіе богатствъ, есть „домостроительство погибели, а не спасенія“ (тамъ же).

Погибели, несомнѣнно, общей! Но эту ужасную истину всего менѣе сознаютъ одурманенные бѣшеною погонею за колесомъ фортуны, хотя оно-то и есть колесо ненасытнаго Джагерната, подъ оборотами котораго гибнутъ не одни избранники несчастія, а безъ разбора и безъ исключенія всѣ и все: „нынѣ я, а завтра—ты,—все во имя суеты!“ Болѣе нравственный и потому менѣе сильный въ этой борьбѣ тѣла противъ души гибнетъ однако раньше перешагнувшихъ „по ту сторону добра и зла“ въ этой „переоцѣнкѣ цѣнностей“, эксплуатируемые раньше эксплуататоровъ, жертвы „высокой культуры“ раньше ея палачей, вѣрные отеческимъ преданіямъ раньше измѣнниковъ и ренегатовъ, бѣдняки раньше богачей, село раньше города. Остановимся вниманіемъ на послѣднемъ, на *гибели села*, приносимаго въ жертву городу, ибо это явленіе, имѣющее значеніе центральное во всемъ вопросѣ.

Самый фактъ обезлюденія деревни, вслѣдствіе переселеній въ города—внѣ всякаго сомнѣнія; онъ у всѣхъ передъ глазами и успѣлъ уже не только вызвать цѣлую научную и публицистическую литературу *), но и проникнуть

---

*) Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи, пер. Котельникова. Спб. 1903. Meuriot. Les agglomérations urbaines dans l'Europe contemporaine. Paris. 1898. Rumelin. Stadt und Dorf. Allendorf. Der Zuzug in die Städte. Iena. 1901. Graham. The Rural Exodus. London. 1892. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Москва. 1904. Méline. Rétour à la Terre. Paris. 1905, и др.

въ область художественнаго творчества (Трилогія Бельгійскаго поэта-символиста Emile Verhaeren'a: „Compagnies hallucinées"; „Villes tentaculaires" и „Aubes"). Какой печальный переворотъ произошелъ въ этомъ отношеніи въ XIX вѣкѣ, видно изъ того, что сто лѣтъ тому назадъ во всей Европѣ было только 22 города, имѣвшихъ населеніе свыше 100,000 чел., при чемъ сумма населенія всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, равнялись 4.700.000 человѣкъ, или $^1/_{35}$ всего континентальнаго населенія, тогда какъ въ концѣ вѣка число такихъ городовъ дошло уже до 147 съ 40 милліонами жителей, что равняется $^1/_{10}$ всего населенія Европы (Веберъ, 23 и сл.). Въ Англіи уже $^2/_3$ всѣхъ жителей страны сосредоточились въ городахъ, и одинъ Лондонъ не только на много превысилъ людностью сумму обитателей всѣхъ прежнихъ городовъ ($6^1/_2$ мил. противъ 4, 7), но и населеніе многихъ Европейскихъ странъ (Баваріи и друг. мелкихъ Нѣмец. государствъ, Греціи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи, Даніи, Швейцаріи), почти сравнялся съ Бельгіей и Швеціей съ Норвегіей и превзошелъ всѣ независимыя государства Азіи, кромѣ Японіи, Китая и Персіи и всѣ Американскія, кромѣ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, Мексики и Бразиліи!

Этому чудовищному росту городовъ, обольщающихъ деревню своими соблазнами и, подобно морскимъ головоногимъ („Les villes tentaculaires") втягивающимъ ее въ себя и высасывающимъ ея силы, пропорціоналенъ ростъ цѣлаго ряда общественныхъ бѣдствій. Уже Руссо назвалъ города „пропастями, поглощающими человѣческій родъ"; новѣйшіе статистики и политико-экономы подтверждаютъ за ними репутацію не только ненасытныхъ поглотителей произведеній природы и труда, но и настоящихъ пожирателей людей. Даже рѣзкія краски Золя („Le Ventre de Paris") кажутся блѣдными сравнительно съ цифровыми данными о потребленіи брюхомъ Парижа, Лондона, Берлина и Нью-Іорка пищевыхъ продуктовъ, доставляемыхъ изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ всего земного шара. Но что̀ все это значитъ сравнительно съ гекатомбами, приносимыхъ имъ въ жертву человѣческихъ жизней фальсификаціей и скудностью пищи, голодовками бѣдняковъ рядомъ съ обжорствомъ богачей, удушеніемъ нищихъ рядомъ съ пышными палатами роскоши, ростомъ чахотки и сифилиса, алькоголизмомъ, развратомъ, уменьшеніемъ рождаемости, возрастаніемъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней и самоубійствами! Все это видитъ, подсчитываетъ и анализируетъ современная городская цивилизація, смакуетъ въ пикантныхъ или потрясающихъ художественныхъ изображеніяхъ, лицемѣрно или малодушно оплакиваетъ на гуманистическихъ и филантропическихъ конгрессахъ, публичныхъ лекціяхъ и въ проповѣдяхъ... и оставляетъ зло неизмѣннымъ въ его основахъ, находя городскую централизацію неизбѣжнымъ слѣдствіемъ централизаціи экономической. Охотно взваливая отвѣтственность за этотъ грѣхъ на капиталистическій строй, прожектёры новаго, соціалистическаго порядка не умѣютъ однако сами выйти изъ той же дилеммы; не умѣютъ, да, въ строгомъ смыслѣ, и не хотятъ, находя, что переселеніе изъ деревень въ города „не безусловное зло и всѣми было бы признано даже полезнымъ, если бы сдерживалось въ извѣстныхъ границахъ" (Вандервельде, 23).

Еще очень недавно вожаки соціализма смотрѣли на сельскій бытъ, какъ на архаическую, отживающую форму общежитія, и не столько перемѣна теоретическихъ убѣжденій, сколько практическія соображенія (главнымъ образомъ расчетъ въ избирательной борьбѣ) заставили ихъ смягчить свой суровый приговоръ надъ деревнею. Но и сейчасъ они не скрываютъ, что „развитіе соціализма стоитъ въ прямой связи съ ростомъ городскихъ агломерацій", съ перевѣсомъ города надъ деревнею. (Вандервельде. 226—229), съ централизаціей производства; „мелкопомѣстный крестьянинъ" попрежнему остается для соціализма „стѣсняющимъ, тормазящимъ элементомъ" (Bebel. Die Frau, 315). Положимъ (для успокоенія этого неудобнаго избирателя) „Эрфуртская Программа" не требуетъ обязательной экспропріаціи мелкаго землевладѣнія и мелкаго мастерства, но потому лишь, что то и другое и безъ внѣшнихъ принужденій осуждено на быстрое вымираніе: они прекратятся сами собою за невыгодностью и невозможностью соперничать съ крупнымъ производствомъ и интенсивною эксплуатаціей (Kautsky. Das Erfurter Programm. 150—1, 153).

Если послѣ этого соціалисты увѣряютъ, что въ Обществѣ Будущаго уничтожится противорѣчіе между городомъ и деревнею (Bebel. 312—3, 315. Kautsky. 153) и воспослѣдуетъ бытовая децентрализація: изъ этого было бы совершенно неправильно заключать о сознаніи соціалистами коренного зла индустріализма и объ осужденіи искаженнаго городскаго быта по существу. Ничего подобнаго! Только въ своей юношеской, романтической порѣ развитія, еще до разцвѣта машиннаго производства, соціализмъ, въ лицѣ Фурье и другихъ „истинныхъ друзей рѣпы и капусты" (Fourier. Harmonie Universelle et le Phalanstère. 1849. I, 284) могъ предаваться пасторальнымъ мечтамъ о такомъ благоденствіи, въ которомъ промышленность ограничивалась бы лишь второстепеннымъ, добавочнымъ значеніемъ при сельско-хозяйственныхъ трудахъ. Но уже Пеккёръ (Pecqueur. Les intérets du commerce. Paris, 1839), находя, что большая часть завидныхъ результатовъ цивилизаціи, въ томъ числѣ большія мануфактуры и торговая промышленность, сосредоточена въ городахъ (тогда какъ „въ деревняхъ одно изолированное и словно осужденное на изгнаніе земледѣліе, умственная спячка, огрубеніе способностей и косность) надѣется, что въ недалекомъ будущемъ, главнымъ образомъ благодаря торжеству пара, деревни „урбанизируются", появятся и въ нихъ благодѣтельныя фабрики и промышленныя заведенія, а вслѣдъ за ними и комфортабельные дома, тогда какъ большіе города, „необходимые для цивилизаціи" и продолжающіе расширяться, будутъ походить на рядъ дачъ, не лишенныхъ, какъ теперь, земли, неба, воздуха и растительности (I, 121—2, 172). Новѣйшіе соціалисты не скрываютъ, что такая *урбанизація деревни* составляетъ и ихъ идеалъ: „индустрія перенесется въ сельскую равнину (Kautsky, 153) или въ Альпійскія мѣстности (Вандервельде), словомъ, въ деревню" (Bebel, 314), но останется вѣрна своимъ задачамъ, путямъ и пріемамъ, не вернется къ скромному кустарному домашнему ремеслу; „ходъ экономическаго развитія и въ соціалистическомъ обществѣ останется тотъ же: крупное производство

будетъ расти, а мелкое вымирать (Kautsky, 151), спасти его невозможно" (Bebel, 236), побѣдоносное шествіе по странѣ крупнаго капиталистическаго фабричнаго производства есть доминирующій фактъ экономической эволюціи" (Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ. 461).

Не городъ, слѣдовательно, капитулируетъ передъ селомъ, а деревня послѣдуетъ по стопамъ города; *урбанизація села* выразится въ *индустріализаціи его самого и земледѣлія.* Вмѣсто производства дешевыхъ хлѣбныхъ злаковъ, которыхъ еще Линней (въ похвальномъ впрочемъ смыслѣ словъ) назвалъ „плебеями растительнаго царства, чернью, деревенщиной, но и кормильцами человѣческаго рода", брюхо столичныхъ гастрономовъ побуждаетъ теперь жителей деревни заняться интенсивнымъ огородничествомъ и плодоводствомъ, парниковой и тепличной насильственной выгонкой овощей и фруктовъ въ противоестественную пору года и въ неестественныхъ формахъ и величинахъ. Эти „фабрики раннихъ деликатессовъ" (primeurs) и „фабрики пищевыхъ консервовъ" представляютъ собою типичную для городского вліянія попытку индустріализаціи земледѣлія; но ихъ недостаточно для сторонниковъ урбанизаціи деревни. Настоящія промышленныя учрежденія, заводы и фабрики, сначала по необходимости (по расчету), отступившія отъ центра городовъ на окраины, двинулись теперь къ деревнямъ, не для обогащенія ихъ, конечно, а для удешевленія платы за землю и за помѣщеніе, за трудъ и содержаніе рабочихъ и для пользованія даровыми водяными двигателями, благодаря вновь открытымъ способамъ передачи моторной энергіи на далекія разстоянія. И вотъ утесы, ущелья и водопады Ніагары, Скалистыхъ горъ, Канады, Швейцарскихъ и приморскихъ Альпъ, озарились свѣтомъ электричества и огласились стонами паровыхъ молотовъ, скрежетомъ и лязгомъ заводскихъ и фабричныхъ машинъ, а изъ гигантскихъ дымовыхъ трубъ смрадный чадъ „усовершенствованнаго производства" тяжелыми вздохами сталъ подниматься туда, „гдѣ парили лишь туманы, да цари-орлы", къ великой радости и капиталистовъ, и соціалистовъ, одинаково находящихъ „весьма желательнымъ, чтобы эта политика промышленныхъ предпринимателей упрочивалась и развивалась *во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ*" (Вандервельде 275), среди которыхъ не слѣдуетъ однако забывать алкоголизмъ и развратъ, также во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ.

Конечно, въ противовѣсъ всѣмъ этимъ бѣдамъ спѣшатъ противопоставить приманку будто бы возрастающаго матеріальнаго благосостоянія. Но если бы она даже и оказалась не даромъ Данайцевъ, въ состояніи ли она вознаградить за другую утрату, которую терпитъ человѣчество, замѣняя естественный сельскій бытъ искусственнымъ, городскимъ, торгово-промышленнымъ? Каковы бы ни были матеріальные результаты индустріализма и меркантилизма, они, все равно, не могутъ, не смѣютъ быть рѣшающими побужденіями для опредѣленія характера и цѣли человѣческой дѣятельности. *Соціальныя отношенія нельзя ставить внѣ этики* („Вопросъ о братствѣ и т. д."): неизмѣримо выше того, чтò выгодно, стоитъ то, чтò нравственно, и впереди

вопроса о наживѣ, о доходѣ и барышѣ царитъ вопросъ о выполненіи долга *и долга*, разумѣется, *реальнаго, то-есть нравственнаго, а не фиктивнаго, денежнаго.*

Съ этой-то точки зрѣнія и подлежитъ весь торгово-промышленный строй наиболѣе тяжкому осужденію. Его призрачный прогрессъ, тріумфъ машины, фабрики, конторы, банки, биржи, города, основанный на умноженіи богатствъ вещественныхъ, неразрывно связанъ съ конкуренціей, то-есть съ завистью и борьбою другъ противъ друга, съ рекламою, то-есть самохвальствомъ и соблазномъ, а часто и обманомъ, наконецъ, съ вытѣсненіемъ слабѣйшаго сильнѣйшимъ (капитализмъ и борьба классовъ, завоевательная и колоніальная, эксплуатаціонная политика); а все это есть непрерывное, всестороннее расширеніе и усиленіе небратскихъ враждебныхъ отношеній между людьми („Вопросъ о небратскихъ отношеніяхъ"), а слѣдовательно, вѣрный путь ко всеобщей гибели. Вотъ почему только что указанное, на ложномъ началѣ основанное разрѣшеніе противоположности между городомъ и селомъ (урбанизація села) не спасеніе отъ зла, а вящее его усугубленіе, задушеніе села городомъ, искорененіе души даже въ ея первоначальныхъ и наиболѣе живучихъ твердыняхъ, внесеніе растлѣвающаго и мертвящаго городского соблазна туда, гдѣ теплится послѣдній слабый огонекъ родственнаго чувства. Естественный вопросъ о жизни и смерти, о долгѣ, вытекающемъ изъ смерти, дающемъ смыслъ жизни и обусловливающемъ ея спасеніе, затемняется вопросомъ о бѣдности и богатствѣ, о погонѣ за доходами и барышами; благородная и спасительная *всеобщая повинность участія во всеобщемъ трудѣ всеобщаго спасенія замѣняется губительнымъ правомъ на участіе немногихъ, многихъ или всѣхъ, въ комфортѣ*, а если можно, такъ и *въ прихотяхъ* и *въ излишествахъ*, а также и *въ досугѣ*, то-есть (за отсутствіемъ истиннаго дѣла) въ праздности. Однимъ словомъ, это есть превращеніе сына человѣческаго, вѣрнаго долгу отцамъ, въ сына блуднаго, оставившаго домъ отчій, забывшаго долгъ сыновній и замѣнившаго отцелюбіе вещелюбіемъ, женолюбіемъ и другими пороками („Вопросъ о братствѣ и т. д. 2 редакція).

Для человѣчества, желающаго мира всего міра, жизни дѣйствительно-братской, невозможной, какъ и само братство, безъ отечества, нормальною жизнью можетъ быть только жизнь сыновъ, неразлучающихся съ отцами, давшими имъ жизнь и ждущими отъ нихъ *уплаты долга, возврата жизни, эквивалентомъ которой не можетъ быть никакая вещь, никакое богатство* никакой продуктъ индустріализма, ни одинъ объэктъ торговли, купли-продажи. Такова по своему назначенію *жизнь сельская.* Оба другихъ образа жизни, *кочевой* и *городской*, уклоненія отъ единой нормальной: кочевая форма недозрѣвшая до истинной, а городская—уклонившаяся отъ нея, отживающая, ведущая къ гибели („Супраморализмъ", вопросъ VII). Процессъ вырожденія нормальнаго, здороваго образа жизни въ аномальный, болѣзнетворный глубоко поучителенъ потому именно, что съ полною наглядностью раскрываетъ намъ параллельный поступательный ходъ того накопленія матеріальныхъ богатствъ, въ которомъ видятъ прогрессъ настоящаго надъ прошедшимъ и задачу бу-

дущаго. Первоначальная *общинная жизнь* патріархальныхъ временъ сомкнулась какъ бы объятіемъ любви вокругъ земли въ буквальномъ смыслѣ отеческой, вокругъ кладбищъ, хранившихъ прахъ отцовъ и предковъ, вокругъ „дѣдинцевъ"-кремлей, которые именно поэтому и защищались такъ самоотверженно сынами, что они были ихъ величайшею святынею. Обособленіе родовъ и вытекающее изъ него постепенное отчужденіе ближайшихъ родственныхъ группъ отъ дальнѣйшихъ выразились наглядно, бытовымъ образомъ, въ возрастаніи *значенія семейнаго жилища*, родного дома. Какъ всякая религія есть первоначально культъ отцовъ, такъ и первоначальное святилище есть хранилище праха всѣхъ отцовъ, кладбище, кремль. Начавшееся обособленіе родовъ переноситъ алтарь, бывшій доселѣ всеобщимъ, въ частный домъ, въ жилище родовыхъ ларовъ и пенатовъ; черезъ это родовое, семейное жилище пріобрѣтаетъ священное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ побужденіе и къ внѣшнему его улучшенію: первоначальный, простѣйшій кровъ, пещера, шалашъ, изба, „убѣгъ" отъ непогоды, „пристанище" для необходимаго отдыха, становятся мѣстомъ продолжительнаго пребыванія, осѣдлости, признакомъ собственности, сторожемъ богатства, укрѣпленіемъ для охраны его, замкнутымъ отъ стороннихъ лицъ (обращеннымъ внутрь въ Римѣ и на Востокѣ, въ противоположность первоначальному всѣмъ открытому шатру кочевника). Жилище становится мѣстомъ безопасности отъ враговъ, „покоемъ"; но безопасность, спокойствіе и довольство куплены цѣною обособленія, отчужденія отъ братьевъ, превращающихся въ соперниковъ въ борьбѣ за вещественныя блага. Столь восхваляемая неприкосновенность жилища, смѣнившая старинное гостепріимство, превращаетъ это жилище на „правовомъ" Западѣ въ крѣпость (говорятъ же Англичане съ гордостію: „мой домъ—моя крѣпость!"), а на безправномъ мусульманскомъ Востокѣ—въ тюрьму безъ оконъ на улицу. Для того же, чтобы жизнь въ крѣпости не совсѣмъ превратилась въ тюремное заключеніе по унынію, домъ требуетъ уютной и красивой обстановки, комфорта, а за нимъ вслѣдъ, по возможности, и роскоши. Семейное жилище людей обособившихся, закупорившихся отъ братьевъ и забывшихъ объ отцахъ, кладбище коихъ въ эту пору цивилизаціи изъ центра общежитія вытѣсняется на окраины, если не совсѣмъ упраздняется (кремація), современное жилище, этотъ „home side at home", изъ алтаря родственныхъ чувствъ, угасшихъ въ сердцахъ его обитателей, становится капищемъ для культа вещи, художественною игрушкою, принимаемою за дѣйствительность для которой уже все закончено, нѣтъ уже упованія, нѣтъ будущности, остается одна безвыходность. Это капище, этотъ домъ-фетишъ можетъ быть и прекрасно, и уютно, и комфортабельно, и пышно устроенъ; но, взятый въ своей обособленности, въ своемъ одиночествѣ, въ своей исключительности, онъ способенъ привести къ отчаянію, навести ужасъ".

„Какая противоположность въ этомъ отношеніи между Англіей и Россіей! Англія, окруженная океаномъ, „на отоцѣ моря" расположенная, можетъ считаться превосходною крѣпостью, внутри которой живущіе могли свободно

предаваться *своимъ* дѣламъ, жить для самихъ себя, изолируясь отъ другихъ. Россія, наоборотъ, не имѣетъ никакой естественной защиты. Отсюда и *служилый* характеръ ея населенія; оттого она страна *„скородомовъ“* и *„скорогорожъ“*, какъ и страна *обыденныхъ*, однодневно создававшихся *храмовъ*, незнакомыхъ Западу, строившему свои готическіе соборы иногда цѣлыми вѣками. Постройки на Руси при такихъ условіяхъ принимали временный характеръ; жилища не могли стремиться къ законченности, обращаться въ идоловъ, изъ нихъ не творили кумировъ; при нападеніи и разгромѣ ихъ оставляли почти безъ сожалѣнія; при побѣдѣ же или по уходѣ врага возвращались не къ ихъ пепелищу, а къ родной землѣ, къ праху отцовъ, изъ котораго не только жилье сыновъ, но и храмы ихъ вырастали вновь съ чудесною быстротою. Съ другой стороны на нашихъ постройкахъ лежитъ отпечатокъ родовой общины; ибо, по мнѣнію одного археолога, что̀ такое нашъ Русскій домъ, какъ не совокупность клѣтей, соединенныхъ сѣнями или покрышею? Онъ могъ расширяться неопредѣленно вмѣстѣ съ ростомъ рода; оттого ему и присущи названія *собирательныя*: „хоромы“, „палаты“, „сѣни“, „палати“... Весь домашній скарбъ не могъ, по тѣмъ же причинамъ, сдѣлаться у насъ кумиромъ, какимъ онъ сталъ у Западныхъ народовъ, у Итальянцевъ („tesoro“), раньше всѣхъ (со временъ Возрожденія) вернувшихся къ поклоненію вещи, и особенно у творцовъ новой торговопромышленной силы, Голландцевъ и Англичанъ. Произведенія мануфактурной промышленности, создающія красивую обстановку, также надо причислять къ идоламъ; напримѣръ, прихотливыя ткани, одежды вещей и въ особенности одежды людей, это несовершенное подобіе несовершенныхъ естественныхъ покрововъ, эти тлѣнныя оболочки нашего тлѣннаго одѣянія, то есть тѣла“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“.).

Мануфактурная промышленность и есть истинное, настоящее идолопоклонство, въ противоположность земледѣлію, которое гніющія вещества обращаетъ въ живыя, здоровыя тѣла, служа такимъ образомъ разрѣшенію санитарно-продовольственнаго вопроса. Мануфактурная же промышленность есть обращеніе живого въ мертвое, увеличеніе гнили и умноженіе потребителей, безъ увеличенія продовольственныхъ запасовъ; она дѣйствуетъ, слѣдовательно антигигіенично и не принимаетъ участія въ рѣшеніи санитарно-продовольственнаго вопроса въ его должномъ смыслѣ. За то она творитъ кумировъ, которыми обольщаетъ человѣка, заставляя его, ради благолѣпія тлѣнныхъ вещей, забывать красоту безсмертія.

Побѣда вещи надъ духомъ почти закончена. Въ погонѣ за бездушнымъ матерьяльнымъ благомъ мы ищемъ овладѣть вещью и считаемъ себя богатыми, когда убѣждены, что овладѣли ею. Но убѣжденіе здѣсь только самообольщеніе: въ дѣйствительности не человѣкъ владѣетъ вещью, а вещь обладаетъ человѣкомъ, связываетъ его, лишаетъ свободы, вноситъ раздоръ въ среду людей. Говоря это, мы разумѣемъ не одну даровую, отъ природы доставшуюся намъ вещь, но и ту, къ которой приложенъ былъ трудъ человѣческій. От-

печатокъ послѣдняго заставляетъ думать, что человѣкъ уже овладѣлъ вещью, тогда какъ этотъ отпечатокъ въ дѣйствительности скорѣе закрываетъ отъ насъ истинную сущность вещи, ту сущность, которой человѣкъ еще не знаетъ, потому что не владѣетъ еще силами природы, создающими сущность вещей. Своею ограниченною теперешнею наукою человѣчество еще не въ состояніи познать въ совершенствѣ „матерь вещей", природу, а слѣдовательно разумно и нравственно направлять ея силы и дѣйствія; вмѣсто *отеческой регуляціи*, человѣчество ограничивается *наемнической эксплуатаціей* природы, а такое поведеніе создаетъ не хозяйское обладаніе, а только насиліе и хищеніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ, а отнюдь не въ Прудоновскомъ, можно сказать, что наша (предполагаемая) собственность есть воровство. Праздны всѣ дрязги (тяжбы) и драки (войны) изъ за собственности, преждевременны всѣ споры о частной и коллективной (общественной) собственности и о способахъ пользованія ею, когда *у всего человѣчества въ совокупности нѣтъ еще ни правовыхъ (трудовыхъ), ни фактическихъ (изъ силы исходящихъ) основаній для собственности*, то есть когда *природа (совокупность вещей) еще не въ его власти*. „Называя уже теперь вещи своими, мы присвоиваемъ не принадлежащее намъ, грѣшимъ, слѣдовательно, противъ восьмой заповѣди. Только принимая то, чѣмъ мы пользуемся, въ качествѣ полученнаго нами въ долгъ съ обязанностью уплаты, можемъ мы снять съ себя обвиненіе въ кражѣ; но за то рискуемъ навлечь на себя другое обвиненіе—въ несостоятельности, такъ какъ все, чѣмъ мы пользуемся, есть произведеніе земли, то-есть проценты съ капитала, намъ не принадлежащаго. Чтобы не быть обвиненными въ кражѣ или чтобы не объявиться несостоятельными должниками, *мы обязаны не хищеніемъ, не истощеніемъ (эксплоатаціей), а посредствомъ совершеннаго знанія и труда, регуляціею, пріобрѣсти этотъ капиталъ, предназначенный въ общее всѣхъ людей достояніе*". („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра").

Однако даже и тогда изъ совокупности вещей, носящихъ на себѣ отпечатокъ нашего труда, мы не должны составлять какого-то особаго мірка, пріуроченнаго только къ личной и семейной нашей жизни, не должны творить себѣ кумира, не должны обожать это малое подобіе другого, большого міра, который въ свою очередь, какъ ни великъ и ни цѣненъ онъ, не долженъ быть обожаемъ. Не соперничать, не равняться съ лиліями долинъ, съ синевою неба, съ „зорями огненными" въ нашихъ одеждахъ и нашихъ золочёныхъ клѣткахъ-покояхъ должны мы, а *вносить сознаніе и волю въ слѣпую силу, призванную* (подъ разумнымъ и нравственнымъ управленіемъ нашимъ) не растлѣвать излишествами и роскошью немногихъ и убивать скудостью и нуждою остальныхъ, а *давать необходимое для жизни и здоровья всѣмъ*, въ отличіе отъ той цивилизаціи, что умѣетъ только брать временные, крупные барыши съ земли, но не знаетъ какъ обезпечить даже хлѣбъ насущный всѣмъ всегда и вездѣ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"). „Нельзя забывать необходимаго, основного, ради ненужнаго, излишняго, слѣдовательно, вреднаго; нельзя и служить двумъ повелителямъ за-разъ: и долгу,

и прихоти, ибо чувственный соблазнъ личнаго наслажденія имѣетъ въ такомъ случаѣ всѣ вѣроятности пересилить нравственное достоинство труда, направленнаго ко всеобщему благу. Паденіе станетъ неизбѣжнымъ“ (Тамъ же).

Оставленіе сынами родителей ради своихъ удобствъ и наслажденья и есть первое паденіе. Но такъ какъ сердце не живетъ безъ любви, на мѣсто замершаго въ немъ чувства къ родителямъ вселяется иная страсть: *вещелюбіе, матеріализмъ*, какъ почва для роста чувственныхъ наслажденій, и *женолюбіе, гетеризмъ*, какъ сильнѣйшее воплощеніе и обобщеніе чувственности, сопряженное съ еще бо̀льшимъ отчужденіемъ отъ родителей, и это уже самое глубокое паденіе („Вопросъ о братствѣ“, 2 редак.). Оно-то и совершается въ городской, торговопромышленной культурѣ, которая, можно сказать, если не всецѣло, то въ значительной степени сводится къ культу женщины. Блудный сынъ, покинувшій домъ отчій, не-надолго останавливается на распутіи, въ раздумьи „куда ему направиться къ городу ли, къ культу вещи и женщины, къ благолѣпію имѣнія, или же къ селу; къ праху ли отцовъ, на кладбище мертвыхъ, ждущихъ оживленія, или же къ городу—фабрикѣ, къ городу—рынку, къ городу—выставкѣ, вытѣсняющему кладбища, упраздняющему храмы, унижающему университеты прислуживаніемъ науки торговлѣ и промышленности и презирающему музеи, какъ хранилища памяти о прошломъ, столь мало цѣнимомъ настоящимъ? („Супраморализмъ“, вопросъ VII). Современное человѣчество, сочетаніе Блуднаго Сына по легкомыслію и безволію съ Фаустомъ по безцѣльности знанія и ненасытности желаній, рѣшаетъ вопросъ въ пользу города и, забывая нравственный долгъ, отдается порыву къ чувственному наслажденію и къ богатству тлѣнному. Ваалъ и Астарисъ, боги блудныхъ сыновъ и дочерей-гетеръ, торжествуютъ надъ Богомъ отцовъ, и хоръ отступниковъ звучитъ въ вакхическомъ восторгѣ надъ осиротѣвшимъ міромъ: „ты побѣжденъ, Галилеянинъ!..“

Но горе побѣдителямъ! Что ни казалось бы, что̀ ни говорилось бы, все же „блаженны веси, горе городамъ!“ („Слово о дѣлѣ и долгѣ“). Падетъ, падетъ, великій Вавилонъ, и грозный судъ надъ сынами противленія, если они не раскаются, огненными чертами „мене, текелъ, упарсинъ“, уже написанъ для имѣющихъ очи на томъ храмѣ суеты, въ которомъ находитъ свое высшее воплощеніе вся Европейско-Американская торгово промышленная культура, отрицающая смыслъ и цѣль жизни.

Этотъ храмъ—*Всемірная Выставка*. Выставка есть изображеніе измѣны отцамъ сынами, увлекшимися соблазномъ вещи и красотою женщинъ; это дефратернизація черезъ депатріацію, или экспатріація для служенія вещи (матеріализація) и женщинѣ (эфеминизація). Ея предшественникъ — гуманизмъ. Въ гуманизмѣ, вырождающемся въ гомункулизмъ, въ самой уже неопредѣленности этого слова, заключается отрицаніе смысла жизни. Сыны, покинувшіе прахъ отцовъ, замѣнили наименованіе „сыновъ“ словомъ „человѣкъ“, дабы ничто не напоминало объ отцахъ, а съ ними и о смерти. Ихъ

жилище, городъ, долженъ быть вѣчнымъ брачнымъ пиромъ, на которомъ слово, переставшее быть дѣломъ, стало орудіемъ увеселенія, забавы, какъ и всѣ другія искусства, превратившіяся въ служанокъ полового подбора или торговой наживы, подчиняющей художественное промышленному. Выставки называютъ себя художественно-промышленными не потому, что въ нихъ включенъ особый отдѣлъ изящныхъ искусствъ, а потому, что онѣ вообще наиболѣе характерное художество нашего времени. Выставка это—панегирикъ XIX вѣку; но пока жизнь не представляетъ совершенства, панегирикъ—самая несовершенная, самая лживая форма искусства, если только цѣлью искусства не считать введеніе въ обманъ. Выставка близка къ истинѣ, когда она представляетъ собою Елену или Еву, вообще женщину, виновную въ паденіи міра; но она не даетъ этому изображенію центральнаго положенія, недостаточно показываетъ, какъ бы слѣдовало, отношенія къ этому идолу всѣхъ произведеній промышленности, недостаточно уясняетъ союза ассамблеи и будуара съ биржей, съ рынкомъ; не разоблачаетъ, въ какой степени богъ войны на содержаніи у индустріи и торговли и насколько сама наука проституируетъ себя тою же противоестественною связью. Напрасно выставка тріумфовъ фабрики опускаетъ ея спутниковъ: казарму, полицейское учрежденіе, домъ пьянства и домъ разврата. Намекъ на эти стороны культуры, рекламируемой Выставкою, былъ бы нелишнимъ: вѣдь это проявленія все того же культа, только въ самой грубой формѣ! Романтическая изнутри, Выставка была бы героическою извнѣ, но героическою не въ смыслѣ побѣды и торжества, а въ смыслѣ сокрушенія о жертвахъ, о гибели, которую несутъ все это богатство, вся эта роскошь, эта погоня за наслажденіями и новоизобрѣтенныя наукою орудія разрушенія. Внутри—брачный пиръ, вѣчный праздникъ, постоянная ярмарка; снаружи тоже пиръ, но пиръ смерти, логично, неизбѣжно вытекающій изъ перваго. Такія разоблаченія способны однако смущать настроеніе и отвлекать „отъ дѣла"; недиво, что Выставка ихъ маскируетъ или прямо опускаетъ. За то какое усердіе въ рекламѣ настроенія противоположнаго, жизнерадостнаго! Здѣсь налицо—нарушеніе, вѣрнѣе отрицаніе всѣхъ десяти заповѣдей, 1-й же и 5-й въ особенности. Выставка признаётъ только „иныхъ" боговъ, въ слѣпыхъ силахъ природы и въ чувственныхъ влеченіяхъ проявляющихся, и отрицаетъ Единаго и особенно Тріединаго, требующаго отъ разумныхъ существъ объединенія противъ этихъ силъ, торжество надъ которыми и управленіе коими и даетъ человѣку власть и надъ собственными животными влеченіями. Вся Выставка, само зданіе и все въ немъ заключающееся, есть именно „твореніе подобій того, что̀ есть на небѣ, и на землѣ, и подъ землею. Это гигантская суета суетъ, поглощающая всѣ силы души, не оставляющая ни мѣста, ни времени, ни охоты для мысли о Богѣ, не говоря уже о дѣлѣ Ему угодномъ. Если Чикагская выставка отступила отъ этого правила и соединилась со „Всемірнымъ Парламентомъ религій", то сдѣлала это не изъ благочестивыхъ побужденій, а изъ рекламно-декоративныхъ; потому что по мнѣнію устроителей „религія есть одинъ изъ самыхъ *живописныхъ и занятныхъ* фактовъ", такъ что „исклю-

чать ее изъ Выставки было бы столь же неосновательно, какъ исключить электричество или искусство“ (The World's Parliament of Religions. Proceedings. Preface I vol. p. VII and p. 3). Исказивши первую заповѣдь, Выставка упраздняетъ совсѣмъ четвертую. Эта ветхозавѣтная заповѣдь, снисходительно, какъ дѣтямъ, разрѣшала шесть дней *дѣйствительно* служить *мнимымъ* богамъ, и требовала только одного дня для служенія истинному Богу, и служенія притомъ мнимаго, лишь мыслью, созерцаніемъ, а не исполненіемъ Божественной воли, не дѣломъ управленія слѣпыми силами во всемъ мірѣ, который по бездѣйствію человѣка и сталъ смертоносною силою. Этотъ-то единственный день, хотя бы лишь созерцанія Бога, и отнимаетъ Выставка, чтобы всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, привлечь въ душепагубному созерцанію соблазнительныхъ вещей, порабощающихъ человѣка. Съ величайшимъ озлобленіемъ относится Выставка къ 5-й заповѣди: облекая дочь человѣческую всѣмъ, что есть самаго соблазнительнаго, она старается отвлечь сыновъ и дочерей отъ отцовъ и матерей; освобождая отъ запрещенія, заключающагося въ 7-й заповѣди, и не только разрѣшая ея нарушеніе, но даже наталкивая на это всѣми своими соблазнами, возводя запрещаемое этою заповѣдью въ высшее благо жизни, превращая воспрещеніе въ повелѣніе, Выставка вычеркиваетъ 7-ю заповѣдь изъ закона внѣшняго и внутренняго, вводя на ея мѣсто новую заповѣдь прелюбодѣянія и проституціи, которыя приведутъ къ исполненію также новой заповѣди не-рожденія. Развивая далѣе во всей силѣ соблазнительную привлекательность внѣшности, наружной стороны вещей, Выставка возбуждаетъ аппетиты стяжанія, хищенія, кражи и наживы и всякаго рода нечистыя пожеланія; она вселяетъ зависть, вражду, возбуждаетъ сословіе на сословіе, дѣтей на отцовъ, народъ на народъ и царство на царство, вооружая ихъ истребительнѣйшими орудіями. Этотъ храмъ не только „дамскаго счастія“ („Au Bonheur des Dames“ Золя), но и кавалерскаго также, всю жизнь обращаетъ во взаимное истребленіе не однимъ грубымъ оружіемъ, но и утонченнымъ: мыслью, словомъ, услуги котораго для злословія и лжи приняли въ наши дни небывалые размѣры. Попирая такимъ образомъ 9-ю заповѣдь, Выставка лишаетъ смысла и 10-ю, возбуждая взаимныя обвиненія рабочихъ и капиталистовъ въ нарушеніи 8-й заповѣди и подтверждая этимъ только то, что ни одни, ни другіе не могутъ считаться дѣйствительными собственниками предмета ихъ раздоровъ. Но обвиняя всѣхъ поочередно въ кражѣ, Выставка сама есть не что иное, какъ колоссальная кража; ибо она, какъ и жизнь, какъ и современная культура наша, въ которой столько дарового и такъ мало трудового, есть произведеніе не управляемой еще разумными существами слѣпой силы, которая, по этому самому, и творитъ зло. Представляя же это зло благомъ, вся матеріалистическая, на обогащеніи основанная культура есть величайшая ложь“ („Выставка 1889 года“).

Въ этой громовой обвинительной рѣчи противъ цивилизаціи, сводящейся къ культу Золотого Тельца, колосса, стоящаго на глиняныхъ ногахъ индустріализма и меркантилизма, осужденъ *не одинъ капиталистическій строй общества, но и соціалистическій.* Столь обычное у другихъ противопоставленіе

нхъ, какъ противоположностей, изчезаетъ съ высшей точки зрѣнія нашего мыслителя. Тотъ и другой—сыны общаго отца, матеріализма, и трудно сказать, которому изъ двухъ должна быть присуждена пальма первенства за безнравственность. Правда, капитализмъ открыто отказывается идти трудиться на виноградникъ общаго спасенія, тогда какъ соціализмъ обѣщается свершить этотъ трудъ; но если, подобно второму сыну Евангельской притчи, онъ не исполняетъ обѣщаннаго, если, нескончаемо толкуя о важности хлѣба, онъ предлагаетъ алчущимъ и жаждущимъ не „хлѣбъ животный“ (жизнь дающій) и не источникъ воды, „текущій въ жизнь вѣчную“, а лишь то, что не въ силахъ обезпечить даже жизни минующей, эфемерной: тогда его соблазнительное усердіе не менѣе виновно, чѣмъ грубая лѣнь его старшаго брата.

Повторяемъ: *соціальные вопросы неразрѣшимы внѣ этики и вопреки ей*; *а соціализмъ именно такъ хочетъ и надѣется рѣшить ихъ, упраздняя этическую основу* своей теоріей историческаго матеріализма (Бернштейнъ, Историч. матеріализмъ. 6), *противопоставляя христіанской психократіи (царству душъ) марксистскую матеріократію* („Санитарно-продовольственный вопросъ“), *власть вещей надъ душою, „о которой соціализмъ совсѣмъ забылъ“* („Вопросъ о братствѣ“).

„Презирая *иной* міръ со всѣми его театральными эффектами“ (Bax, Religion of Socialism, 52), считая его „за величайшее безуміе, препятствующее пользоваться земными благами“ (La Croix. 17 Janv. 1901 по оффиціальному органу Бельгійскихъ соціалистовъ „ Voornit.“), находя безсмертіе „ненужнымъ, непріятнымъ, полагая, что „отъ одной мысли о немъ можно было бы сойти съ ума“ (отзывы рабочихъ-соціалистовъ у Rade, 114, 115 и Göhre, 175) и объявляя Воскресеніе „нелѣпостью“ (Rade, 114), соціализмъ, чтобы избавиться отъ подобныхъ ученій, „враждебныхъ свободѣ и культурѣ и мѣшающихъ наслаждаться“ (Bebel, Christenthum und Socialismus, Berlin. 1903, 13), признаётъ себя врагомъ всякой религіи *) и въ особенности Христіанства, „обносковъ другихъ вѣроисповѣданій, самой вредной изъ религій“ (тамъ же 12. 10). *Небесному соціализму противопоставляетъ земное, божественному—животное*, и эту вѣру въ чисто-животное начало въ человѣкѣ („Menschenthier“, Rade, 99) онъ выдаетъ за окончательное, рѣшающее слово точнаго знанія,

---

*) Dieu—c'est le mal, сказалъ еще Прудонъ. „Упраздненіе религіи есть требованіе общественнаго счастія“, досказалъ Марксъ. „Я врагъ всякой религіи“, заявляетъ Бебель (Christenthum u. Socialismus, 11); „эта иллюзія для простодушныхъ, поддерживаемая буржуазіей изъ расчета, разрушенная наукою, изчезнетъ сама собою, за ненадобностью, не дождавшись своего упраздненія (Die Frau, 264, 318—320). „Единственный Богъ—Общество, единственный Спаситель—Трудъ“ (Dietzgen y Kannegiesser. Les catholiques allemands. 1 ed., p. 185). „Какъ? Религія народа—соціализмъ!“ иронически провозгласилъ Либкнехтъ въ рейхстагѣ въ 1890 г. „да я въ ужасъ прихожу отъ попытки изобразить соціализмъ, какъ религію! Всякій соціалистъ есть атеистъ!“ (id., 186) „Соціализмъ есть атеистическій гуманизмъ“ (Bax, Religion of Socialism, 81).

опираясь на догматически принимаемый имъ дарвинизмъ и эволюціонизмъ. Прикрываясь правиломъ „жить согласно съ природою“ (Rade, 122), соціализмъ, для привлеченія къ себѣ народной массы, дразнитъ соблазнами естественныя слабости чувственной стороны человѣка („Вопросъ о братствѣ“): онъ проповѣдуетъ, что „всѣ влеченія природы должны быть удовлетворяемы“ и поясняетъ, что „животныя влеченія ничуть не ниже умственныхъ“ (Bebel, Die Frau, 335, 73), и, осудивши воздержаніе (75), поетъ хвалебный гимнъ половому влеченія (74), полагая, что словамъ Лютера о необходимости удовлетворенія этой естественной страсти слѣдовало бы красоваться надъ входами храмовъ, пока они существуютъ (73) и что освященная примѣромъ Гёте смѣна женщинъ и свободная любовь должны быть „привилегіей не однихъ великихъ людей, а всѣхъ“ (343—6).

Какъ видимъ, „пророки новой земли“ обѣщаютъ на ней вѣрующимъ въ „Бога-Общество“, участіе каждаго не только въ „разумной ѣдѣ и разумномъ питьѣ“ (Bebel, 337—340), не только въ комфортѣ и прихоти, но и въ похоти. Такой конечный результатъ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ началу евангелія соціалистовъ-трансформистовъ, которое должно открываться словами: *„въ началѣ была Гастрея (желудокъ), и Гастрея была у природы. и сама природа была желудокъ“*. Но природное, естественное, такъ понимаемое, совершенно противоположно Христіанскому и даже человѣческому; природнымъ въ этомъ смыслѣ будетъ пожираніе, непрерывное *взаимное пожираніе*; Христіанскимъ же въ отрицательномъ смыслѣ будетъ постъ, а въ положительномъ—творческій процессъ, возсозданіе своего организма; природному же размноженію въ Христіанствѣ соотвѣтствуетъ въ отрицательномъ смыслѣ цѣломудріе, то-есть, отрицаніе рожденія, а въ положительномъ —всеобщее воскрешеніе“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“). Но изъ устъ Бебеля и другихъ „славныхъ и именитыхъ“ соціализма мы уже слышали, что воздержаніе вредно, а воскресеніе нелѣпо, что одна мысль о возобновленіи жизни и о свиданіи съ умершими „ужасна, ужасна до сумасшествія“, тогда какъ похоть, наоборотъ, похвальна и желательна. Вотъ почему въ новомъ обществѣ *„цѣлью жизни станетъ жизнерадостность, а цѣлью воспитанія*, для всѣхъ обязательнаго и одинаковаго, *развитіе способностей къ максимальному наслажденію“* (Bebel, 332), въ чемъ и состоитъ идеалъ соціализма“ (Bax, 95). А такъ какъ въ общежитіи, основанномъ исключительно на экономическихъ началахъ, спросу должно соотвѣтствовать предложеніе, то этой усовершенствованной алчности и похотливости будетъ соотвѣтствовать и „доселѣ невообразимое богатство“ (Bebel, l. c.). *„Энтузіазмъ* къ объекту наслажденія, *къ продукту“* разовьетъ до еще невиданныхъ размѣровъ „духъ веселаго (вещевого) творчества, соревнованіе въ производствѣ и усовершенствованіи вещей“ (271) и создастъ *„невообразимое возрастаніе продуктовъ*, а съ ними *и источниковъ и способовъ наслажденія“* (281). *Это и будетъ гармоническимъ развитіемъ человѣка“* (283), о которомъ мечталъ предшественникъ соціализма, гуманизмъ; это-то и явится „небомъ на землѣ“, *царствомъ „высшаго, идеальнаго эгоизма*, примиреннаго съ общимъ благомъ“.

(272, 274), обезпечивающимъ каждому „наибольшую мѣру пріятностей жизни“ (267).

Если въ этотъ идеалъ соціализмъ вводитъ трудъ для всѣхъ обязательный, на основаніи правила „да не будетъ наслажденія безъ труда, ни труда безъ наслажденія“ (Bebel, 267), то онъ спѣшитъ успокоить, что въ будущемъ царствѣ наслажденій *трудъ будетъ умѣренный*, насколько можно *пріятный и въ высшей степени производительный*“ (тамъ же), вслѣдствіе чего онъ не только будетъ отбываться въ красивыхъ, даже пышныхъ, вполнѣ гигіеничныхъ помѣщеніяхъ, но и сведется всего на какихъ нибудь полтора, много-много два съ половиною часа въ день для удовлетворенія всѣхъ потребностей (275—277 и Bax, 78). Передъ столь заманчивою перспективою 22½ часового „недѣланія“, которое не всегда будетъ посвящаться однимъ „благороднѣйшимъ наслажденіямъ“, какъ надѣется Каутскій, а можетъ быть отдано въ распоряженіе и тѣхъ животныхъ стремленій, что должны считаться ничуть не низшими духовныхъ, современные споры о 8-часовомъ трудѣ и 16-часовой праздности могутъ казаться жалкимъ, ребячествомъ, проявленіемъ „несовершеннаго еще развитія потребностей“, тѣмъ болѣе, что идеаломъ „будущаго Царства Труда“ оказывается „*не свобода труда, а освобожденіе отъ него* (Kautsky, Das Erfurter Programm, 175), если не полное, то возможно бо́льшее, такъ какъ „для истиннаго соціалиста *трудъ есть зло*; трудящійся сверхъ необходимости не герой, а безумецъ; *довести трудъ до минимума*— вотъ стремленіе соціализма“ (Bax, Religion of Socialism. 94, 95). Къ этому-то и должны направляться вся мудрость науки, вся ловкость и сила техники будущаго. Вымираніе наукъ неприкладныхъ уже началось; уже и сейчасъ наука—раба купцовъ и фабрикантовъ. Но при торжествѣ соціализма „ей предстоитъ еще худшая участь: стать рабою фабричныхъ рабочихъ; тогда все, не имѣющее матеріальнаго приложенія, должно будетъ совсѣмъ исчезнуть“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“), какъ бы ни божились въ противоположномъ „пророки новой земли.

Какъ видимъ по подлиннымъ, дословнымъ признаніямъ самого соціализма, онъ, не смотря на свою ненависть къ старому общественному строю, сходится съ нимъ въ своихъ основныхъ и конечныхъ матеріалистическихъ стремленіяхъ. Только въ дни юности могъ онъ мечтать смести прочь все прежнее, все замѣнить новымъ; теперь же опытъ жизни, какъ Бенъ-Акиба въ „Уріэлѣ Акостѣ“, можетъ махнуть рукою и на его новаторство, повторяя вѣчный припѣвъ: „все это было, уже было прежде“! Умудренный „дѣловою практикою и въ тоже время не брезгающій тогою ученаго, соціализмъ „отказался отъ утопій“ (хотя Беллами, Гертцки („Freiland) и другіе непрерывно умножаютъ въ литературѣ отдѣлъ проектовъ идеальныхъ общежитій, начатый еще Платономъ, Т. Моромъ и Кампанеллою). Основы будущаго совершеннаго порядка соціализмъ открываетъ теперь уже въ томъ самомъ реальномъ, настоящемъ, противъ котораго онъ борется (Kautsky, 239). „*Соціальная община* (вѣщаетъ каноническій комментаторъ „Эрфуртской Про-

граммы) „не есть произвольный вымыселъ, а необходимое произведеніе предшествующаго экономическаго развитія“; она *вытекаетъ изъ современнаго государства и въ немъ „получаетъ свое единственное* (!!) *естественное обоснованіе* (тамъ же, 123). Не основы, слѣдовательно, современнаго капиталистическаго строя, не сущность и не цѣль его измѣнитъ соціализмъ, *а только формы. „Онъ примкнетъ къ капиталистическому производству,* который самъ выработаетъ начáла для развитія своихъ преемниковъ, тѣхъ новыхъ людей, которые будутъ нуждаться въ новыхъ способахъ производства. Онъ же (то-есть все тотъ же старецъ Капитализмъ) породитъ и ту общественную организацію, что̀ ляжетъ въ основу новыхъ способовъ производства“ (117). „*Хозяйственная дѣятельность современнаго государства—вотъ естественная точка отправленія для общества соціалистовъ*“ (119), а его ближайшая задача—захватить (въ лицѣ рабочаго класса) власть для того, чтобы, при помощи ея, *превратить государство въ большое, во всемъ существенномъ самодовлѣющее хозяйственное общество*“ (130 и 145). Дальнѣйшая же *цѣль*, какъ мы уже убѣдились, остается таже, что̀ и въ старомъ обществѣ: *матерьяльное обогащеніе*, „*энтузіазмъ къ продукту*“, то-есть все таже первобытная Гастрея, но усовершенствованная подборомъ и наслѣдственностью, выросшая до чудовищныхъ размѣровъ, уже не знающая ни конкуренціи, ни сопротивленія, „все втягивающая въ себя“,— непрерывное, безконечное поглощеніе вещей и жизненныхъ силъ черезъ фильтръ чувственныхъ наслажденій.

Послѣ этихъ разоблаченій самихъ вождей соціализма очевиднымъ и несомнѣннымъ слѣдуетъ признать, что обѣщаемый новый строй общества, полагающій однако въ свою основу начало *только экономическое* и притомъ промышленное, фабрично-заводское, крупно производственное, долженъ страдать всѣми недостатками, свойственными этому началу по существу его. Поскольку же новый строй примыкаетъ къ прежнему *государственному,* онъ наслѣдуетъ органическіе пороки и этого послѣдняго. Если соціализмъ надѣется со временемъ устранить изъ своего общежитія элементъ юридическій, то мы могли бы признать это за улучшеніе въ томъ лишь случаѣ, когда *юридическое* было бы замѣнено *этическимъ*; замѣна же юридическаго *экономическимъ* („Основа всего — экономическій, хозяйственный элементъ“: Вах, 169) не только не улучшеніе, а скорѣе ухудшеніе, вящее паденіе человѣчества, дальнѣйшее уклоненіе отъ нравственнаго. При всей своей слабости, внѣшній юридическій законъ все же силится обосновать себя на идеѣ справедливости, нравственнаго блага, тогда какъ экономическій строй зиждется исключительно *на расчетѣ и подсчетѣ.* Статистика здѣсь главная наука, главный регуляторъ всей дѣятельности (Bebel, 268—9), а бухгалтерія—вѣчный и вездѣсущій контролеръ. Первая замѣняетъ Богу-Обществу разумъ, вторая—совѣсть, и, благодаря такому упрощенію, увѣряютъ насъ, „все пойдетъ по плану и въ полномъ порядкѣ, все будетъ опредѣляться очень легко, а исполняться еще легче, словно шутя, словно играя“ (271). Добровольность, великодушіе, самопожертвованіе прекратятся также, какъ и лѣнь: удостовѣреніе на отработанные четыре часа (286—7) окажется единственнымъ мѣриломъ нравственности этого

общества, гдѣ всякій трудъ станетъ товаромъ, гдѣ каждый шагъ будетъ оплаченъ, гдѣ весь міръ преобразится въ торжище („Вопросъ о причинахъ“).

Уже одно такое превращеніе живыхъ, свободныхъ, разнообразныхъ личностей въ монотонную, обезличенную машину есть глубокій регрессъ. Но надо еще подумать, какою цѣною покупаются ожидаемая полномѣрность и правильность отправленій этого Общества - Машины, которая не грезилась даже автору „Человѣка - Машины“ („L'Homme-Machine“ Ла-Меттри). Обѣщанная *свобода превращается* на дѣлѣ *въ тяжелую неволю*: соціализмъ, при случаѣ, гдѣ ему нужно, такъ охотно дружащій съ анархизмомъ, съ этимъ delirium tremens личной свободы, сознаётся, что какъ только онъ восторжествуетъ надъ „гнилымъ бюрократизмомъ“, ему самому придется „обзавестись также управленіемъ мѣстнымъ и центральнымъ“ (Bebel, 267—8) и предоставить выборнымъ администраторамъ право распредѣленія занятій между „товарищами“, контроля надъ исполненіемъ и примѣненія побудительныхъ мѣръ для приведенія къ одному знаменателю тѣхъ, чей строптивый нравъ осмѣлился бы уклониться отъ общей, догматически предписанной нормы. Чего слѣдуетъ ожидать отъ этой возрождающейся гидры власти, тому нагляднымъ доказательствомъ могутъ служить траги-комическія попытки основать соціалистическія и коммунистическія общежитія въ разныхъ странахъ; мы же считаемъ себя въ правѣ сказать, что если бы послѣдовательно проведенная коммуна оказалась дѣйствительно осуществимою въ крупныхъ размѣрахъ, опека въ ней доходила бы до максимума, а зависть, съ вытекающимъ изъ нея обличеніемъ соперниковъ, была бы возведена въ высшую добродѣтель („Вопросъ о братствѣ“. 2 редакція, примѣч. 5. Ср. остроумный памфлетъ Евг. Рихтера „Торжество соціализма“).

И тѣмъ болѣе претящее впечатлѣніе должна производить эта жалкая дѣйствительность, чѣмъ нараднѣе расписываютъ соціалисты свои стремленія къ справедливости и равноправію. Если Пресвятая Троица, нераздѣльная и несліянная, одинаково далекая какъ отъ розни, такъ и отъ угнетенія, есть дѣйствительно высшій образецъ общества нравственнаго, то соціалистическій идеалъ общества чисто-экономическаго, всецѣло корыстнаго, со своими фразами о сочетаніи въ немъ полной свободы съ полною солидарностью, есть величайшій подлогъ, наглая фальсификація дѣйствительно-нравственнаго строя общежитія: ибо *въ соціалистическомъ идеалѣ нѣтъ перваго условія союза нравственнаго—любви безкорыстной и добровольной*, душу свою полагающей за други своя, *а есть только расчетъ*, безсердечное, торгашеское „do •ut des“. „Мысль объ основаніи на землѣ подобія Тріединому никогда не была чужда человѣчеству; но никогда человѣчество не ставило себѣ цѣлью постепеннаго осуществленія такого подобія, даже никогда не дѣлало, по крайней мѣрѣ сознательно, оцѣнки различнымъ договорамъ, союзамъ, ассоціаціямъ съ этой, высшей точки зрѣнія, быть можетъ отъ того, что не считало возможнымъ отказаться отъ такихъ договоровъ, которые однако противорѣчатъ величавому образцу. Соціализмъ оказался смѣлѣе: разцѣнку онъ произвелъ, но подмѣнилъ

при этомъ образецъ для сравненія: усвоивъ только внѣшнюю форму Троицы (сочетаніе свободы съ солидарностью), онъ упразднилъ ея сущность, онъ забылъ о душѣ („Вопросъ о братствѣ". 2 ред.), то-есть о знаніи, о чувствѣ (любви) и о волѣ, какъ основахъ совершеннаго общества. Для него въ началѣ было не Слово (Логосъ, Знаніе) и не Любовь, а Гастрея, первоначальная животная потребность, которая двигала, движетъ и будетъ направлять и впредъ судьбу человѣческаго рода по законамъ фаталистической эволюціи, въ которой, въ строгомъ смыслѣ, даже нѣтъ мѣста волѣ, такъ что все философское ученіе марксизма есть нравственный квіэтизмъ, проповѣдь бездѣйствія и безволія („О марксистахъ" и „Кризисъ марксизма"). „Усвоивъ лишь внѣшнюю форму, личину, искусственную маску Тріединаго Существа, соціализмъ сдѣлалъ эту форму вмѣстилищемъ всѣхъ пороковъ: политической наглости, гражданской зависти, экономической корысти и всевозможной чувственности, поставивъ вещелюбіе, женолюбіе и себялюбіе выше отцелюбія и братолюбія („Вопросъ о братствѣ"); царству Отца, Сына и Святого Духа его идеалъ противопоставляетъ нескончаемый брачный пиръ блудныхъ сыновъ и дочерей, забывшихъ родителей и все прошедшее для вакхическаго упоенія мгновеніемъ настоящаго (Тамъ же).

Вотъ почему не вѣтвь масличную, а мечъ обоюдоострый, *не миръ, а вящую, лютую вражду* несетъ намъ эта будто бы „благая вѣсть, это новое Евангеліе, новая жизнь и новая сила" (Kautsky, 231). Не отрицаютъ этого и сами вѣстники; осуществленія своей задачи они ждутъ исключительно отъ рабочаго сословія, *не иначе, какъ путемъ борьбы* его съ другими классами (Kautsky, 177). *Рабочее движеніе*, говорятъ они, *непремѣнно и неизбѣжно—движеніе революціонное, боевое* противъ существующаго порядка (196); отъ него *не спасутъ никакія подачки, никакія полумѣры, никакіе компромиссы, всего менѣе конституціонный парламентаризмъ, эта „главная опора порабощенія низшихъ классовъ буржуазіей" настоящею царицею парламентаризма при содѣйствіи „голосующей скотины"* (Stimmvieh). (Kautsky, Das Erfurter Programm, 223, 226). Борьба эта, экономическая по содержанію и цѣли, превращается въ политическую по главному средству, ведущему къ успѣху, по стремленію къ захвату власти (219): рабочая партія должна овладѣть властью (227—8) и воспользоваться ею для возвеличенія себя, для осуществленія своихъ намѣреній; *сдѣлать борьбу рабочей партіи изъ-за власти сознательною, объединить ее и направить къ конечной цѣли — вотъ задача соціалдемократіи* (177, 240). Да не смущаютъ васъ сентиментальныя соображенія о протестѣ большинства, о нежелательности насилія надъ нимъ! Что такое большинство? *Большинство глупо*; это стадо барановъ! *Его надо принуждать къ тому, что направлено къ его же пользѣ,* ему еще непонятной. Не смущайтесь и боязнью нарушить право свободныхъ людей рѣшать самимъ свою участь! Во имя нашего дѣла,—къ чорту это право, будь оно даже правомъ большинства, *пока мы въ меньшинствѣ*! Мы возстановимъ его, *какъ только большинство станетъ нашимъ*! (Bax, Religion of Socialism, 118—120).

Такъ говорятъ вожди политическихъ партій. Удивительно ли, что, воспринимая эти правила практической мудрости парламентаризма и сочетая ихъ съ принципіальнымъ ученіемъ о неизбѣжности борьбы классовъ, интеллигентные рабочіе съ боевымъ задоромъ восклицаютъ: „миръ въ свое время, а сейчасъ *надо сражаться и ненавидѣть!*“ (Rade, 88). Вожди же прислушиваются, поощряютъ и успокоиваютъ: „сила-де не конечная цѣль прогресса, но все же его существенное орудіе, *сила* „это *повивальная бабка прогресса*“ (Bax, 105). „Всѣ новыя формы общества всегда возникали изъ борьбы смѣнявшихся силъ“ (Kautsky, 139). „*Война—мать всѣхъ вещей*... все проявленіе борьбы. Честь ей и слава! Ей одной обязаны мы всѣми благодѣяніями прогресса. Не призналъ ли этого даже великій Кантъ, когда сказалъ: „человѣкъ жаждетъ согласія, но природа лучше его знаетъ, что хорошо для его породы; она жаждетъ раздора“. Вѣрно, вѣрно! И „*какъ отрадно, какъ весело то воззрѣніе на жизнь, которое возводитъ борьбу въ средоточіе всего существованія!*“ Нечего, слѣдовательно, бояться и классовой борьбы; будемъ только вести ее „приличными средствами, на законной, на честной почвѣ“ (Gombart, Socialismus und sociale Bewegung im 19 Jahrhundert. Jena, 1901, 96—100).

Если есть въ соціализмѣ что-либо цѣнное, такъ это его откровенность и прямолинейность. Саддукеи „Евангелія Богатства“ въ данномъ случаѣ честнѣе его фарисеевъ: они открыто и безъ увертокъ исповѣдуютъ, что если *взаимное пожираніе* было основнымъ закономъ природы изначала, то и въ дальнѣйшемъ развитіи, естественномъ и матеріальномъ, борьба другъ противъ друга изъ-за „желудочнаго вопроса“ столь же законна, и что конечный наградой за долговременное взаимное пожираніе можетъ быть только всеобщее желудочное же благополучіе, *всеобщее обжираніе* и его слѣдствія, другія похоти. Верхомъ же послѣдовательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безнравственности является отреченіе отъ родственности и долга сыновняго. Уже капиталистическій индустріализмъ и меркантилизмъ трудятся исключительно на пользу и утѣху живущихъ, забывая объ умершихъ („Вопросъ о братствѣ, 2 ред.); соціализмъ же доводитъ это направленіе до крайнихъ слѣдствій: при его презрѣніи и даже ненависти къ прошедшему, къ традиціонному, патріархальному, родовому, сельскому быту, къ родинѣ, къ отечеству, которое онъ замѣняетъ интернаціональностью *), что ему за дѣло до отцовъ, до предковъ, до какой-то родственности? Родственность естественная, замѣнившаяся въ юридическомъ обществѣ отвлеченною гражданственностью, замѣняется въ промышленно-кооперативной ассоціаціи дѣловымъ товариществомъ (Gennossenschaft), которое нельзя назвать даже, какъ принято у многихъ купеческихъ и промысловыхъ предпріятій, товариществомъ на вѣрѣ, а слѣдуетъ назвать товариществомъ, основаннымъ на взаимномъ недовѣріи: ибо добровольнаго

---

*) „У пролетарія нѣтъ отечества“ объявляетъ „Коммунистическій Манифестъ“. „Соціалдемократія по существу своему интернаціональна“ (Kautsky, 252); „національзація государства ей противна“ (Bax, 126—7); „для соціалиста рѣшающимъ правиломъ въ обсужденіи вопроса объ отечествѣ остается: „ubi bene ibi patria (Kautsky, 247).

труда и непринужденной взаимопомощи тутъ нѣтъ и помина; здѣсь все опредѣлено заранѣе, подсчитано и взвѣшено, приведено къ равнымъ долямъ; словомъ, здѣсь все подневольное, иначе сказать, полная противоположность союзу любви, союзу родственному. Даже къ браку, въ его установившемся, большинствомъ принятомъ смыслѣ, соціализмъ относится несочувственно; уступки „старой, пережившей себя формѣ“ дѣлаются лишь по необходимости, въ силу еще значительной привязанности къ ней рабочихъ (Rade, Göhre и Huret, Enquête sociale pass.), да потому, что она сама по себѣ „не противорѣчитъ товарищескому способу производства“ (Kautsky, 146). Идеаломъ тѣмъ не менѣе остается никакимъ обязательствомъ и рокомъ не связанное, свободное, не узаконяемое никакимъ внѣшнимъ актомъ и обрядомъ сближеніе половъ и столь же легкое разлученіе (подробности у Бебеля и въ „передовой“ литературѣ этой стороны женскаго вопроса). Источникъ родственнаго чувства такимъ образомъ уничтожается даже въ его ближайшемъ кругу. Удивляться ли послѣ этого отчужденію отъ родителей? Если уже исключительное „прилѣпленіе къ женѣ своей“, съ которою человѣкъ становится „плоть едина“, ведетъ къ „оставленію отца и матери“, то насколько же болѣе побуждаетъ покидать родителей прилѣпленіе не къ женѣ уже, а къ гетерѣ, не къ основательницѣ и сотрудницѣ новой семьи, а къ мѣняемой по прихоти „подругѣ вольной“ наслажденій. Какъ воспитаться и окрѣпнуть долгу сыновнему въ той неустойчивой средѣ, гдѣ уже не двое будутъ неразлучно плоть едина, а, разлучаясь и соединяясь по прихоти, то трое, то четверо, или сколько угодно плотей. Но по этому самому не будетъ уже души ни единой?.. Вполнѣ естественно, что для блудныхъ сыновъ, забывшихъ отчій домъ, всякое напоминаніе о немъ, оживляющее замершія мысли о благодарности, о долгѣ къ родителямъ, кажутся докучливымъ, противнымъ. „Семейный очагъ вмѣстѣ съ трономъ и алтаремъ“, говоритъ одинъ Англійскій соціалистъ, „есть Троица буржуазіи“; „собранія родственниковъ, ихъ сходки, бесѣды соборъ людей, не имѣющихъ часто ничего общаго между собою, *кромѣ родства(!)*; культъ предковъ, фамильные портреты, безсмыслица, безобразіе, точно такъ же, какъ и трауръ по умершимъ роднымъ“ (Bax, Religion of Socialism. 136, 143, 138, 143).

Дальше идти невозможно. Мы здѣсь на крайней точкѣ прогресса, ставшаго „по ту сторону добра и зла“, внѣ этики, на почвѣ „чисто-экономической“ и потому именно нечистой и безнравственной. Но что посѣешь, то и пожнешь! Сѣющіе въ тлѣніе, предпочитающіе красотѣ безсмертія благолѣпіе тлѣннаго, пожнутъ тлѣніе. Къ общему спасенію не приходятъ путемъ погибели, вражды, борьбы, корысти, идолопоклонства передъ золотомъ и торгово-промышленными бездѣлушками. Ни комфортъ, ни роскошь, ни груды золота въ рукахъ капиталистовъ, ни чудовищная производительность матеріальныхъ благъ будущимъ кооперативнымъ хозяйствомъ, ни равный раздѣлъ богатства, ни общность имуществъ, ни легкость и краткость труда, ни вся вакханалія чувственныхъ наслажденій не въ состояніи создать рая на землѣ, потому

во-1), что все это отвѣтъ не на нравственный долгъ людей, а на ихъ слабости и пороки; а во-2) потому, что *все матеріальное богатство и всѣ чувственныя наслажденія не уничтожаютъ нашей естественной бѣдности и вытекающихъ изъ нея страданій.*

И у капитализма, и у соціализма ложны альфа и омега, начало и конецъ, ложны и промежуточныя звенья обѣихъ системъ. Участіе всѣхъ въ комфортѣ, роскоши и чувственной похоти, если бы даже и сбылось, ничуть не обезпечило бы всѣмъ основнаго блага насущнаго, не спасло бы отъ голода, болѣзней, слабостей и аномалій физическихъ и умственныхъ и, наконецъ, отъ смерти. О послѣдней побѣдѣ даже и мечтать не хотятъ, какъ о несбыточной невозможности и гонятъ прочь мысль о безсмертіи, какъ „нѣчто ужасное, съ ума сводящее, мѣшающее пользоваться благами жизни". Но о достиженіи остальнаго уже мечтаютъ, напримѣръ, объ упраздненіи „*преждевременной* смерти" (какъ будто должна быть смерть *своевременная!*) „Смерть старика (по мнѣнію одного „христіанскаго" соціалиста) естественна (!) и почти прекрасная вещь (!!)"; но смерть ребенка и юноши—явленіе ненормальное, чудовищное; ему нѣтъ мѣста въ усовершенствованномъ общежитіи, и въ устраненіи этой аномаліи „нѣтъ ничего нелѣпаго или несбыточнаго, потому что причина явленія—бѣдность и ея слѣдствія". (Headlam, Christian Socialism. Fabian Tracts. № 42. Reprint. 1896, 3). Мы же скажемъ, что въ этихъ словахъ съ одной стороны чудовищна безнравственность, жалѣющая о смерти тѣхъ, кто получилъ жизнь и не жалѣющая о тѣхъ, кто далъ ее, и нелѣпа надежда устранить смерть возрастаніемъ богатства и его слѣдствій, по бо́льшей части столь смертоносныхъ. „*Пока будетъ смерть, будетъ и бѣдность, бѣдность природная*" („Эпиграфы къ „Пасхальнымъ Вопросамъ"), *естественный пауперизмъ*, проистекающій не изъ недостатка матеріальныхъ внѣшнихъ благъ или изъ ихъ неудовлетворительнаго распредѣленія, а изъ природнаго несовершенства нашей организаціи и отъ неродственныхъ отношеній нашихъ къ природѣ и природы къ намъ. И вотъ эту-то основную причину всеобщей нужды, всѣхъ бѣдствій и всей вражды въ человѣчествѣ совершенно не хотятъ или не умѣютъ увидѣть и понять надѣющіеся спасти человѣчество политическими и экономическими мѣрами. На недостаточность первыхъ имъ начинаютъ указывать уже люди ихъ собственнаго лагеря: „Все это прекрасно, все это прогрессъ, все это наука!.. И однако, не смотря на все, это, люди кругомъ насъ мрутъ съ голода!.. Право на жизнь, первое изъ всѣхъ правъ, игнорируется этимъ прогрессомъ!.. Чего же послѣ этого сто́ятъ наши старые и достойные осмѣянія политическіе вопросы, такъ долго наполнявшіе своею пустотою умы, а, можетъ быть, и сердца наши?.." (Рѣчь аббата Нодэ на Ліонскомъ, конгрессѣ Христіанской Демократіи. 1-r Congrès de la Démocratie Chrétienne. Procès-verbaux, 165). Мы же спѣшимъ прибавить: не одни политическіе вопросы, но и экономическіе, если они выдѣлены отъ нравственныхъ и поставлены выше ихъ.

Маньяки „хозяйственныхъ способовъ" прогресса даже и не доходятъ

до хозяйства надъ природою; они не идутъ дальше эксплуатаціи ея, дальше наемническаго или хищническаго, явно-грабительскаго отношенія къ ней. „Мы все еще смотримъ на природу, какъ на кладовую средствъ для удобствъ жизни и наслажденій“ („Вопросъ о братствѣ“. 1 редакц. Слова архіеп. Амвросія Харьковскаго). Но, какъ ни велика кладовая, и она истощится при разбойничьемъ отношеніи къ ней. Смущаются ли однако этимъ соображеніемъ апостолы „Евангелія Богатства“ и вѣрноподданные Царства Золотого Тельца? Нимало! У нихъ только и на умѣ, только и рѣчи, что о пріисканіи новыхъ источниковъ наживы, да о наибольшемъ доходѣ. Нужно же *наибольшій, но все же случайный доходъ обратить въ постоянный и вѣрный доходъ* (тамъ же), а для этого единственный путь—*совершенное знаніе природы и управленіе ею*. Естествознаніе, а не политическая экономія ведетъ къ этому. Нужно знаніе природы такое, которое поставляло бы себѣ цѣлью счастіе всѣхъ, живыхъ и умершихъ, знаніе, которое поэтому должно составлять достояніе также всѣхъ, а не одной привилегированной касты ученыхъ и техниковъ, работающихъ на купцовъ и фабрикантовъ, убѣжденныхъ въ „всемірности дѣловой имперіи“ (Empire of Business“ Карнэджи), тогда какъ „именно для банкировъ-то и фабрикантовъ и нѣтъ мѣста въ дѣйствительно всемірной, *небесной* дѣятельности, отъ которой зависитъ и вся разумная и нравственная дѣятельность земная. Даже для села менѣе препятствій сдѣлаться „гражданиномъ міра“, тогда какъ Лондоны и Парижы изъ первыхъ должны стать послѣдними“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія мира“). „Именно въ странахъ мануфактурныхъ наука не можетъ раскрыться во всей своей полнотѣ, не можетъ получить приложенія, соотвѣтствующаго широтѣ мысли научной, такъ какъ дѣятельность тамъ не совпадаетъ съ знаніемъ, ибо послѣднее стремится охватить всю природу, а первая сосредоточивается главнымъ образомъ на производствѣ мелочей и пустяковъ (Тамъ же). По признанію самихъ поклонниковъ экономическаго прогресса, „энтузіазмъ науки и энтузіазмъ рынка въ настоящемъ строѣ общества совпадаютъ“ (Вах, 133). Мало того! Хуже того, еще позорнѣе, еще гибельнѣе! „Нынѣшняя наука находится подъ вліяніемъ половымъ; ибо, рабски подчиняясь промышленности, она въ значительной степени трудится для культа *женщины*, въ интересахъ полового подбора; если же она работаетъ надъ примѣненіями къ военному дѣлу, она является сотрудницею дѣятельности *мужской* половины человѣчества, но сотрудницею, увеличивающею зло дѣятельности губительной; если же, наконецъ, наука остается чистою, неприкладною, отвлеченною, она, правда, можетъ быть сочтена *безполою*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *безжизненною*, ибо въ ней нѣтъ чувства къ отцамъ, источникамъ жизни сыновъ; она и здѣсь, какъ въ двухъ первыхъ случаяхъ, не подобна Духу Святому, *животворящему, отъ Отца исходящему* („Вопросъ о братствѣ“. 2 ред.). Въ соціализмѣ же наукѣ предстоитъ еще худшая участь, еще вящщее униженіе: ибо здѣсь всѣ, „ассенизаторы и профессоры“, „всѣ въ равномъ достоинствѣ“ будутъ предстоять не передъ Богомъ отцовъ, а передъ богинею Коопераціей, при чемъ даже ученый трудъ снизойдетъ на уровень товара (такъ и по Бебелю, и по Беллами).

Правда, соціализмъ обѣщаетъ всѣхъ сдѣлать образованными, и въ этомъ нѣтъ ничего несбыточнаго; но это среднее, популярное образованіе, догматически запоминаемое по готовому масштабу и плану, эта фальсифицированная, тенденціозно сфабрикованная умственная пища, которою соціализмъ нашихъ дней пробавляетъ своихъ довѣрчивыхъ адептовъ, создавая „еще невиданное доселѣ полуобразованіе“ („Eine Halbbildung wie nie zuvor“, Göhre, 152—154), эти сумерки прогресса отдѣлены цѣлою бездною отъ полуденнаго солнца истиннаго знанія, отъ дѣйствительнаго, дѣятельнаго участія всѣхъ въ знаніи не только уже упроченномъ, но и развивающемся, идущемъ дальше („Вопросъ о братствѣ“, 1 ред.) *не для эксплутаціи природы, не для расхищенія ея и гибели насъ вмѣстѣ съ нею, а для регуляціи и спасенія ея и насъ.* „Всякая работа должна стать не рыночною цѣнностью, не товаромъ, предлагаемомъ на торгу безъ зазрѣнія совѣсти, а „изслѣдованіемъ, какъ и всякое знаніе—дѣломъ“ („Наука дѣтская и совершеннолѣтняя“).

Только тогда наука станетъ всемогуща; а безъ науки, *такъ* понимаемой, какъ смѣетъ соціализмъ говорить о наступившемъ уже будто бы торжествѣ надъ природою, когда ни урожай, ни здоровье не въ нашихъ рукахъ, мы же всѣ въ рукахъ смерти? Не смѣшно ли слышать на эту трагическую тему самодовольно-пошлые, успокоительные комментаріи объ обезпеченіи отъ голода примѣненіемъ обширныхъ зернохранилищъ (Bebel, 304), или искусственнымъ противодѣйствіемъ дѣторожденію во избѣжаніе перенаселенія земного шара (354), или наконецъ легкимъ фабрично-химическимъ способомъ добыванія пищевыхъ продуктовъ (281)? Даже если бы послѣдняя задача (этотъ идеалъ городского Запада) и оказалась сбыточною, развѣ такое превращеніе поля и неба въ фабричную тюрьму и живой дѣятельности земледѣльца въ новый видъ машиннаго труда не сопровождалось бы окончательною умственною и нравственною гибелью народа? Развѣ эта послѣдняя замѣна регуляціи природы эксплуатаціею не была бы конечнымъ отреченіемъ отъ неба; ибо „не земля насъ кормитъ, а небо“ (по выраженію крестьянъ), и у Отца Небеснаго, а не у завода искусственной пищи просимъ мы хлѣба насущнаго. Говоримъ: „будь это возможно“... но на чемъ основана эта надежда при нашемъ съ одной стороны хищническомъ отношеніи къ природѣ, а съ другой—при нашей рабской зависимости отъ нея? Однимъ изъ наиболѣе гибельныхъ видовъ самообмана въ современной жизни есть злоупотребленіе словами „господство надъ природою“. Гдѣ оно, это господство, если подъ нимъ разумѣть не примѣненіе ея силъ на пустяки или на второстепенныя удобства жизни, а дѣйствительную, постоянную власть надъ основными условіями не только нашего собственнаго существованія, но и дѣйствій окружающихъ насъ космическихъ силъ? („Вопросъ о причинахъ и т. д.“ и „о злоупотребленіи словами „господство надъ природою“ и словомъ „братство“).

Власть немыслима безъ свободы, свобода—безъ знанія, доказанное, всемогущее знаніе—безъ дѣла. Вотъ почему „свободными дѣлаются, а не рождаются. Знаніе, какъ лишь таковое, оставаясь только знаніемъ, можетъ открыть, ко-

нечно, одно лишь рабство, а не свободу. Когда всѣ измѣненія въ мірѣ будутъ опредѣляться разумною волею, когда всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ человѣкъ, сдѣлаются *его* орудіями, *его* органами, тогда только будетъ онъ свободенъ". „*Человѣческое всемогущество мыслимо лишь въ проектѣ всеобщаго освобожденія, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщее воскресеніе.* Высшее благо, какъ и свобода, составляютъ проектъ", только еще проектъ, а не дѣйствительность. Мы безъ устали болтаемъ о свободѣ и всевозможныхъ ея правахъ, а, сами того не замѣчая, „подразумѣваемъ подъ свободою почти полное подчиненіе природѣ и почти полную независимость другъ отъ друга, отъ общаго дѣла, отъ долга, понимаемаго въ надлежащемъ смыслѣ; не видимъ зла во взаимномъ отчужденіи и видимъ даже благо въ подчиненіи слѣпой силѣ, считая это естественнымъ и необходимымъ" („Вопросъ о причинахъ и т. д.").

„А между тѣмъ сама природа не подтверждаетъ и не оправдываетъ такого взгляда. Человѣкъ — крѣпостной земли, праздный пассажиръ, паразитъ, захребетникъ ея; съ нею совершаетъ онъ невольные рейсы вокругъ солнца, также несвободнаго въ своихъ движеніяхъ. Но въ тоже время солнце изливаетъ на землю волны силы, изъ коей растенія дѣлаютъ запасы; на счетъ же этихъ запасовъ образуются движущіяся существа, и не только движущіяся, но и сознающія это движеніе и старающіяся отдѣлиться отъ земли. Сама природа, слѣдовательно, какъ бы нарушаетъ свое крѣпостное право надъ человѣкомъ... она начинаетъ его освобожденіе не только отъ закрѣпощенія, но и отъ паразитизма и всякаго захребетничества; она непосредственно не кормитъ и не одѣваетъ его, заставляя добывать все необходимое *трудомъ*" („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра").

Но, скажутъ намъ, соціализмъ какъ разъ этого и требуетъ: „да не будетъ наслажденія безъ труда, ни труда безъ наслажденія" (Bebel, 267)—вотъ его правило. Правило недостаточное и ложное, отвѣтимъ мы, когда оно ограничивается тѣмъ, въ чемъ соціализмъ видитъ идеалъ, то-есть, когда всеобщій трудъ имѣетъ цѣлью наслажденіе однихъ трудящихся, или, иными словами, когда цѣлью жизни остается одно настоящее, одна сравнительно ничтожная часть человѣческаго рода, одни живущіе, а не все человѣчество въ совокупности, не всѣ живущіе *и жившіе.* Въ забвеніи послѣднихъ, въ пожертвованіи ими и заключается грѣхъ ложной культуры, основанной на стремленіи къ матерьяльному обогащенію и къ чувственному наслажденію, и въ грѣхѣ этомъ повиненъ не одинъ соціализмъ, но и все новѣйшее гуманистическое просвѣщеніе. Не поэтъ ли этой нарядной, но безсердечной „общечеловѣчности" сказалъ: „Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы, кто каждый день ихъ долженъ добывать?" Если мы примемъ это выраженіе буквально, то-есть въ томъ смыслѣ, что добывается дѣйствительно жизнь, а не средства только къ поддержанію жизни, и не мнимая, а дѣйствительная свобода, тогда личность приметъ гигантскіе размѣры, колоссальный образъ. Сколько гордости въ такомъ опредѣленіи свободнаго существа, и какое неоправданное дѣйствительностью самомнѣніе со стороны современнаго человѣка считать себя такимъ

существомъ уже и нынѣ! Но даже и этотъ величавый на первый взглядъ идеалъ не долженъ быть цѣлью человѣка: величію силы въ немъ не соотвѣтствуетъ слабость любви. Нельзя ставить на первый планъ всегда себя, даже просвѣтленнаго, облагораженнаго себя и свою личную свободу; нельзя довольствоваться ни „высшимъ идеальнымъ эгоизмомъ“ соціалистовъ (Bebel, 272 и Rade, 123: „хорошій человѣкъ долженъ быть эгоистомъ!“), ни сверхчеловѣчностью Ницше. Можно ли гордиться своимъ просвѣщеніемъ среди братьевъ, оставляемыхъ во тьмѣ невѣжества, или своею свободою, когда вокругъ все человѣчество въ неволѣ?.. „Нѣтъ достоинства въ добываніи жизни только для себя, для своей драгоцѣнной личности и въ защитѣ одной своей независимости: всякій звѣрь такъ поступаетъ!“ Нельзя оправдываться въ данномъ случаѣ ссылкою на то, что забота о личномъ существованіи необходима для дѣтей: „что̀ это за апоѳеозъ подёнщины эфемернаго существованія! Даже съ точки зрѣнія личнаго, эгоистическаго расчета такое опредѣленіе неудовлетворительно. Негодно оно, наконецъ, и съ нравственной точки зрѣнія, а это самое главное, рѣшающее: если бы матерьяльное обезпеченіе неизмѣримо превосходило даже самыя смѣлыя мечты соціалистовъ, если бы трудомъ добывались не только жизнь и свобода, но и самыя орудія ихъ добыванія, и такимъ образомъ создавались бы дѣйствительно полная свобода и самодѣятельность, тождественная съ личнымъ безсмертіемъ, и если бы послѣднее могло быть распространено на всѣхъ живущихъ,—даже и этотъ идеалъ (о которомъ, конечно, и не мечтаютъ ученики „Евангелія Богатства“) остался бы все-таки нравственно-несостоятельнымъ, нечестивымъ и грѣховнымъ; ибо такое безсмертіе было бы пріобрѣтено цѣною неискупленной смерти многихъ поколѣній, отъ которыхъ достигающіе безсмертія получили жизнь. Только эгоистическое, неблагодарное, только безнравственное существо способно было бы принять такое безсмертіе („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Пора отрезвиться преждевременнымъ хвастунамъ свободы, рабамъ, величающимъ себя властелинами міра! „Мы живемъ не на чужой только счетъ, не на счетъ лишь слѣпой природы, „ея подарками, ея подачками намъ, нищимъ и убогимъ, что̀ должно бы казаться позорнымъ для мнящихъ себя вѣнцомъ творенія; „мы живемъ и на счетъ себѣ подобныхъ, даже самыхъ близкихъ, замѣняя, вытѣсняя ихъ, а это уже не только позорно, но и преступно. Всѣ бѣдствія, физическія и нравственныя, суть естественныя послѣдствія подчиненія нашего слѣпой силѣ, на счетъ которой мы живемъ; ибо, повинуясь влеченіямъ силы чуждой, неподобной намъ, хотя и въ насъ самихъ живущей, мы становимся врагами себѣ подобныхъ и даже самыхъ близкихъ. Такимъ образомъ, нынѣшняя жизнь (каковы бы ни были политическіе, юридическіе и экономическіе варіанты ея строя) дѣлаетъ и будетъ дѣлать насъ не только недостойными счастія, но и несчастными. Но если глубина самоосужденія превращаетъ Страшный Судъ изъ трансцендентнаго въ имманентный, то и искупленіе требуетъ съ нашей стороны усилій, труда для обращенія не нами произведеннаго, дарового въ трудовое. Долгъ, слѣдовательно,

возникаетъ не изъ займа только, но и изъ грѣха, изъ преступленія; ибо каждое поколѣніе, рождаясь, тѣмъ самымъ наноситъ смерть своимъ родителямъ, отнимая у нихъ часть ихъ самихъ, часть ихъ силъ, ихъ жизни. Вотъ почему *долгъ* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *повинность*. Сознаніе, что долгъ жизни не оплаченъ, есть сознаніе своей зависимости, рабства, невольности, смертности, словомъ—не-братства. Въ неоплаченномъ долгѣ заключается наказаніе рабствомъ, смертью. Оплаченный долгъ есть возвращеніе жизни тѣмъ, отъ кого она получена и черезъ это—свободы и себѣ („Вопросъ о братствѣ", 2 ред.).

При этомъ должно замѣтить, что содержаніе долга всегда одинаково; разница только въ уплатѣ, то есть въ чемъ мы полагаемъ ее. „Око за око", жизнь за жизнь, конечно, уплата, и даже, по жестокости, равноцѣнная. Вира, то-есть матерьяльное вознагражденіе, уплачиваемое за погибшую рабочую силу семьѣ убитаго на работахъ, тоже плата, хотя и весьма неравноцѣнная. Но въ обоихъ случаяхъ плата, очевидно, недѣйствительна, произвольна и не уменьшаетъ долга, а въ первомъ случаѣ даже удвояетъ его. Всѣ проступки и преступленія, отъ малѣйшаго оскорбленія до убійства, имѣютъ значеніе разрушенія жизни; юридическія же возмездія жизни не возвращаютъ. Экономическая плата за вещи и услуги столь же недѣйствительна. Правда, за услуги и вещи, полученныя нами отъ другихъ, мы можемъ уплачивать тѣмъ же, то-есть подобными-же услугами и вещами, но мы не можемъ возвратить тѣхъ силъ, той части жизни, которая потрачена на ихъ производство. Мѣна не заключаетъ въ себѣ взаимнаго возвращенія потраченныхъ жизненныхъ силъ, а ведетъ только ко взаимному разоренію, къ ослабленію, къ смерти. Все это показываетъ, что *содержаніе долга есть всегда жизнь, а потому и погашеніемъ долга можетъ быть только возстановленіе жизни, воскрешеніе* (Тамъ-же).

Вотъ почему дѣйствительную, всеобщую, природную нашу бѣдность, естественный пауперизмъ, являющійся слѣдствіемъ нашихъ частью рабскихъ, а частью хищническихъ отношеній къ природѣ и вытекающихъ отсюда небратскихъ отношеній между людьми, уничтожить не могутъ никакіе экономическіе пріемы, никакія хозяйственныя, матеріальныя улучшенія, реформы или революціи. Безсильно накопленіе богатства, что бы ни говорили капиталисты утратившіе совѣсть или еще сохранившіе остатки ея: концентрація богатства не можетъ быть долговременна; безъ труда оно таетъ быстро (H. George, Progress and Poverty, 104 sq.) и, какъ выше сказано, имъ и всѣми даже благороднѣйшими плодами его не возмѣщается затраченная на его добычу часть силъ и жизней человѣческихъ, „потъ и кровь труда, прилипшіе къ мильонамъ (выражаясь словами одного Американскаго университета, отказавшагося недавно принять отъ Карнэджи 25 мильоновъ долларовъ на дѣло просвѣщенія). Безсильно и всякое распредѣленіе богатства во всѣхъ его видахъ, деньгами ли, землею ли: „право всѣхъ на землю равносильно праву умирать съ голоду; община обусловливаетъ собою равенство всѣхъ, но равенство передъ нищетою" (Чупровъ въ „Нуждахъ деревни". I, 180).

Не спасетъ отъ общихъ бѣдствій, наконецъ, и никакая организація труда, только къ одной матеріальной цѣли направленнаго. Раздѣленіе труда, столь восхваляемое политико-экономами, только содѣйствуетъ перепроизводству, изготовленію излишняго, не гарантируя всегдашней наличности необходимаго, да производству „цѣлыхъ горъ бездѣлушекъ и красиваго полового оперенія для самцовъ и самокъ изысканной городской культуры" („Вопросъ о причинахъ и т. д."). При безцѣльности самого торгово-промышленнаго общества никакое распредѣленіе занятій не можетъ улучшить положеніе человѣчества такъ же точно, какъ и равномѣрное распредѣленіе труда соціалистами. Пока дѣятельность людей будетъ не дѣломъ регуляціи природы, а лишь поддѣлкою подъ природу, она не въ силахъ обезпечить даже чисто-матерьяльнаго благосостоянія: надъ нею всегда, какъ мечъ Дамокла, будетъ висѣть насиліе, произволъ той слѣпой vis major, передъ которою покорно, совсѣмъ по-холопски, склоняются во прахѣ гордецы, сыны необузданной свободы, не выносящіе никакого проявленія власти со стороны существъ разумныхъ („Вопросъ о причинахъ"). Призрачны также и всѣ надежды, возлагаемыя на облегченіе труда и его уменьшеніе: трудъ, даже и легкій, даже и краткій, не ведущій къ полному освобожденію отъ неволи передъ природою, остается тяготою, зломъ, по собственному признанію соціалистовъ; а обезсмысленіе его, механизація, требующая, при расширенномъ усовершенствованномъ производствѣ, одного ума на тысячу рукъ, должна дѣлать его прямо ненавистнымъ существу, рвущемуся къ свободной всесторонней дѣятельности (тамъ-же). Наконецъ, при должномъ взглядѣ на задачу жизни, вопросъ объ укороченномъ рабочемъ днѣ превращается въ отвѣтственный передъ нравственностью вопросъ: куда дѣвать остающійся и имѣющій возрастать досугъ празднымъ, по народному, „гулящимъ" людямъ; и не есть-ли этотъ досугъ, желанный идеалъ несовершеннолѣтнихъ, противоположность дѣлу или службѣ, какъ выраженію взгляда на жизнь у человѣчества достигшаго совершеннолѣтія? („Слово о дѣлѣ и долгѣ" и „О двухъ нравственностяхъ: теоантропической или долгѣ всеобщаго воскрешенія, и зооантропической или правѣ на личное наслажденіе"). Не соціалистическій „энтузіазмъ къ производству", не коммунистическое превращеніе „моего" и „твоего" въ право всѣхъ на вся", не развитіе наибольшихъ потребностей при максимальной способности и возможности удовлетворенія и не субботній покой, безсильно подновляемый различными новыми проповѣдниками или безцѣльнаго труда или недѣланія, а *трудовое безсмертіе и воскрешеніе дастъ человѣчеству богатство не ветшающее и счастіе не мимолетное, не призрачное* („Вопросъ о братствѣ", 2 ред.). Будемъ ли мы жить чужими трудами (капитализмъ) или сами трудиться, но для ложной цѣли (соціализма) сѣя не жизнь, а тлѣніе, все равно, мы не достигнемъ довольства даже тѣлеснаго, еще же менѣе блаженства духовнаго, нравственнаго; лишимъ и человѣчество будущности, обречемъ его навсегда на полуживотное состояніе, будемъ и впредъ, какъ доселѣ, повинны смерти. *Пока же будетъ смерть, будетъ и бѣдность*, даже и среди грудъ золота Ротшильдовъ и Вандербильдтовъ, даже и среди „невообразимой продуктивности" кооперативнаго „Zukunftsstaat'а"!

Задача человѣчества рѣшается не вопросомъ о богатствѣ и бѣдности, а вопросомъ о жизни и смерти, вопросомъ, почему живущее умираетъ? *Задача человѣчества состоитъ въ обращеніи міра несвободнаго*, гдѣ все опредѣляется физическою необходимостью, безсознательною и безвольною причинностью, *въ міръ сознательный и свободный, который теперь мы можемъ представить себѣ лишь мысленно, но который должны осуществить дѣйствительно, активно и реально;* потому что это не идеалъ только, а и проектъ, въ которомъ сходятся, примиряются и объединяются высшія требованія знанія и нравственнаго чувства, истины, красоты, блага или добра и всеобщаго счастія или блаженства. („Вопросъ о братствѣ", 2-я редакція).

Владимиръ Кожевниковъ.

Исаръ. Іюнь 1905.

В. М. ЕРОПКИНЪ.

Участникъ обороны Севастополя 1854 г.

Наступаетъ полувѣковая годовщина безпримѣрной обороны Севастополя, и храмъ на стотысячномъ кладбищѣ призываетъ молитвенно помянуть беззавѣтно положившихъ животъ свой за Царя, за дорогую родину, и уже немногихъ оставшихся героевъ-Севастопольцевъ.

Въ тяжелую годину 1853 г. многихъ охватилъ патріотическій порывъ костьми лечь за славу Россіи. Вновь поступали въ военную службу находившіеся уже въ отставкѣ служаки. Въ этомъ числѣ былъ и Василій Михайловичъ Еропкинъ (Москвичъ, Рюриковичъ, прямой потомокъ Владимира Мономаха и его внука великаго князя Смоленскаго Ростислава). Онъ родился въ 1807 году, учился дома, за тѣмъ слушалъ лекціи въ Университетѣ, въ 1825 г. поступилъ въ Школу Гвардейскихъ подпрапорщиковъ, произведенъ прапорщикомъ л.-гв. въ Гренадерскій полкъ, съ которымъ въ 1828 году сдѣлалъ Турецкій походъ, и былъ на въ штурмѣ Варны въ 1-мъ батальонѣ, изъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ единственный остался невредимъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы, въ битвѣ при Остроленкѣ. Въ 1837 г. онъ вышелъ въ отставку, избранъ Серпуховскимъ дворянствомъ посредникомъ размежеванія земель (отъ содержанія въ 5000 р. отказался). Въ сороковыхъ годахъ В. М. Еропкинъ женился на извѣстной Московской красавицѣ Наталіи Алексѣевнѣ Смирновой и съ тѣхъ поръ мирно занимался хозяйствомъ въ своемъ родовомъ подмосковномъ имѣніи Лопаснѣ. Въ 1853 г. загорѣлась Восточная война. Еропкинъ бросилъ семью, хозяйство, явился на призывъ Царя и поступилъ въ Бородинскій Егерскій Его Высочества Цесаревича Наслѣдника (нынѣ 68 лейбъ-Бородинскій Его Величества) полкъ.

19-го Ноября 1853 г. въ Москвѣ собралась вся семья Еропкиныхъ, отслужили напутствующій молебенъ, простились... Василій Михайловичъ оставилъ жену и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, старшая 8-лѣтняя, младшая у кормилицы.

По маршруту полкъ выступилъ на Кавказъ, но въ дорогѣ получилъ приказъ идти въ Севастополь.

Еропкинъ командовалъ 3-мъ батальономъ, состоялъ въ спискахъ 3-й карабинерной роты. Онъ отечески заботился о солдатахъ во время зимняго, продолжительнаго, труднаго похода, благодаря чему не было у него заболѣваній, и за что онъ получилъ высочайшую благодарность,

На всѣхъ днёвкахъ, мѣстные жители радушно, съ хлѣбомъ солью, встрѣчали Бородинцевъ, будущихъ героевъ; дѣлились съ ними всѣмъ, напутствовали ихъ молебнами, подносили иконы.

Только 13 Апрѣля 1854 г., въ день Свѣтлаго Праздника, когда въ церквахъ ударили къ поздней обѣднѣ, Бородинцы вступили въ Севастополь. Полкъ помѣстили временно въ Морскихъ казармахъ на Корабельной; съ Мая разбили лагерь на Бельбекѣ.

У нѣкоторыхъ жителей Севастополя были дачи за городомъ; они наперерывъ приглашали полковую молодежь, оказывали сердечное вниманіе, особенно были привѣтливы г. Бибиковъ и его двѣ красавицы-дочери; иногда молодые офицеры устраивали танцы, которые хотя минутно отвлекали мысли отъ надвигавшейся грозы.

Въ Августѣ мѣсяцѣ Бородинцы выступили изъ лагеря и стали на позицію въ аулѣ Бузлюкѣ, на рѣкѣ Альмѣ. Утромъ 7-го Сентября послали развѣдчиковъ, они были въ бѣлыхъ кителяхъ; вечеромъ къ нимъ пришла смѣна въ сѣрыхъ шинеляхъ. Съ развѣдчиками былъ совсѣмъ юный прапорщикъ, Василій Яковлевичъ Ребиндеръ (нынѣ генер.-лейтенантъ), вдругъ видитъ, на нихъ несется непріятельскій эскадронъ тоже въ бѣлыхъ кителяхъ (непріятель принялъ нашихъ въ бѣлыхъ кителяхъ за своихъ), эскадронъ такъ близко подскакалъ, что развѣдчики-Бородинцы приняли его въ рукопашную. «Хватай эскадроннаго командира въ плѣнъ», крикнулъ Ребиндеръ; мигомъ унтеръ-офицеръ схватилъ лошадь подъ уздцы, другой ударилъ Француза по рукѣ, пистолетъ выпалъ, эскадроннаго командира забрали и тотчасъ доставили на Мекензевы горы, гдѣ расположился главнокомандующій князь Меншиковъ. На его вопросъ плѣнному «Ваша фамилія?»—«Виконтъ де-Конди».—«Вашу шпагу!» Виконтъ ее отдалъ, вынувъ клинокъ. Князь прочелъ на немъ «vaincre ou mourir» (побѣдить или умереть) и насмѣшливо взглянулъ на виконта, который сконфуженно сказалъ: «j'espère que j'ai fait mon devoir; oh Dieu, que diront les journaux!» (надѣюсь я исполнилъ свой долгъ, о Господи, что̀ скажутъ газеты). Виконта де-Конди доставили плѣннымъ въ Севастополь, хотя онъ сильно надѣялся на освобожденіе.

Утромъ, 8-го Сентября, Бородинскій полкъ построился на р. Альмѣ. Въ 10 ч. начался молебенъ; горячо молились готовившіеся къ бою, для нѣкоторыхъ это была послѣдняя земная молитва... Во время окропленія святой водой и пѣнія «Спаси Господи люди Твоя», раздался 1-й залпъ непріятеля. Началась страшная убыль людей; послѣ паденія всякой бомбы раздавалась команда «сомкнись», кровь лилась; пальба, грохотъ барабановъ, стоны умирающихъ сливались. Пронесли А. Д. Френева 2-го (пуля штуцерная угодила ему въ ногу), Д. Н. Николаева, раненаго въ животъ. Юнкеръ Тимротъ, передавая приказанія, на полусловѣ убитъ

на-поваль. Капитанъ Ириней Людовиковичъ Гиршбаумъ контуженъ въ затылокъ, А. Ф. Поплавскій — въ грудь; П. Н. Циргъ—въ правую руку и поясницу, Н. А. Савичъ—въ щеку. Раны наносились штуцерными, т. е. Англійскими пулями. Доктора, фельдшера, по локоть въ крови, работая свыше силъ, не успѣвали дѣлать перевязки; нѣкоторые были сами убиты, подавая раненымъ первую помощь.

Для обстрѣливанія непріятеля вызвали изъ батальоновъ полка вооруженныхъ штуцерными ружьями. 3-й батальонъ, какъ и весь полкъ, несъ громадную убыль отъ нарѣзнаго оружія непріятеля, который выставилъ 70.000 войска, противъ 24.000 нашихъ. До 5 ч. дня непріятель обстрѣливалъ адскимъ огнемъ, отъ котораго таяла 17-я дивизія; въ это время, на всѣхъ парахъ, форсированнымъ маршемъ, дѣлая по 60 верстъ въ сутки, пришла 16-я дивизія и *прямо съ похода* вступила въ бой. Непріятельская дивизія, подъ командою герцога Кембриджа, стоявшая противъ центра нашей позиціи, перешла на лѣвый берегъ р. Альмы. Бородинскій полкъ отошелъ къ р. Качѣ ожидать приказаній.

Все время сраженія при Альмѣ, Еропкинъ былъ передъ 3-мъ батальономъ верхомъ на лошади своего завода «Золотомъ»; умное животное инстинктивно чуяло опасность и противъ воли сѣдока дѣлало скачки въ сторону, а на покинутомъ мѣстѣ разрывалась бомба, падала граната. В. М. заставилъ «Золотого» остаться на мѣстѣ и тутъ же былъ тяжело контуженъ въ лѣвую ногу (пуля засѣла въ сапогѣ и хранится у дочерей Еропкина), а «Золотой» убитъ осколкомъ бомбы. Еропкинъ отправился на Сѣверную въ бараки, гдѣ его перевязали, въ лазаретѣ оставался нѣсколько дней и снова пошелъ въ строй.

Въ сраженіи подъ Альмой, прапорщикъ Вас. Яковл. Ребиндеръ былъ въ цѣпи верхомъ; осколкомъ бомбы ему оторвало каблукъ и часть пятки правой ноги; въ разгарѣ сраженія онъ остался верхомъ въ строю, отъ сильной потери крови потерялъ сознаніе и только тогда его сняли съ лошади, а исковерканное стремя глубоко врѣзалось въ рану, въ 12 ч. ночи его доставили въ аулъ Мамашой, гдѣ сдѣлали перевязку; утромъ перевезли въ Севастополь, въ Морской госпиталь, гдѣ уходъ былъ неважный. Докторъ, пользовавшій Ребиндера, уговаривалъ его ампутировать ступню ноги, но раненый не соглашался. Въ одинъ изъ осмотровъ, докторъ, думая, что Ребиндеръ въ забытьи, говоритъ хирургу: когда прапорщикъ будетъ безъ сознанія, ампутируйте ему ногу! В. Я. это слышалъ, собралъ послѣднія силы и далъ доктору такой сильный урокъ, который онъ вѣроятно помнилъ до конца своей жизни. «Такъ и надо», сказалъ раненый Безобразовъ. Въ этой палатѣ лежалъ кирасиръ офицеръ Генер. Штаба Жолобовъ; ему тоже предлагали ампутацію ноги, Ребиндеръ совѣтовалъ не давать рѣзать ногу, но докто

ра побѣдили: отрѣзали выше ступни, сдѣлалась гангрена; отрѣзали выше, еще отрѣзали—гангрена, и Жолобовъ скончался. Ребиндеръ потребовалъ, чтобы его перевезли на собственную квартиру, гдѣ его фельдшеръ толково лѣчилъ. Когда началась бомбардировка, В. Я. перевезли въ Симферополь, гдѣ онъ жилъ въ прекрасной семьѣ Лагоріо, окруженный лаской и вниманіемъ. Зимой Ребиндеръ уѣхалъ лѣчиться въ Петербургъ. У прапорщика Станкевича, отъ затылка до пятокъ—сплошная зіяющая рана, ребра были видны, 6 мѣсяцевъ пролежалъ ничкомъ, питали его исключильно размазней и разными кашами; только въ 1856 г. онъ настолько оправился, что могъ ходить на костыляхъ.

12-го Сентября князь Меньшиковъ повелъ войска къ Бахчисараю, 19-го Бородинскій полкъ вступилъ въ Севастополь, и его назначили на 4-е отдѣленіе оборонительной линіи, гдѣ онъ занялъ позицію отъ Малахова кургана до рейда. Тотчасъ по вступленіи, полкъ приступилъ къ оборонительнымъ работамъ.

Еропкинъ съ 3-мъ батальономъ работалъ при возведеніи 2-го бастіона. Между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ были прорыты траншеи; надо было сравнять неровности, находившіяся впереди ихъ и другихъ бастіонахъ: работа адски трудная, такъ какъ приходилось для этого носить землю издалека, иногда посланные не возвращались: убиты или ранены.

5 Октября 3-й батальонъ, находясь на 2-мъ бастіонѣ и въ траншеяхъ, выдержалъ первую бомбардировку Севастополя. При разрушительномъ грохотѣ изъ непріятельскихъ траншей и флота, солдатики 24 часа работали безъ отдыха, потерявъ многихъ ранеными и убитыми. Кап. Левашевъ контуженъ въ верхнія конечности, обожжены оба плеча и получилъ нѣсколько поверхностныхъ ранъ. Подпоруч. Френевъ раненъ въ лѣвую губу, контуженъ въ голову и въ правый глазъ осколкомъ бомбы. С. П. Вороновъ раненъ въ голову осколкомъ бомбы.

Вечеромъ этого ужаснаго боя, Еропкинъ, вернувшусь на позицію› кромѣ казенной порціи, далъ отъ себя двойную порцію водки утомившимся солдатикамъ и велѣлъ имъ лечь отдыхать. Въ это время пришелъ раненый плѣнный Французъ, полковникъ Грандидіэ (послѣ сраженій Французы дружили съ Русскими, но Русскіе съ Англичанами—никогда). «Полковникъ, у меня просьба: позвольте мнѣ отдохнуть въ вашей палаткѣ, всѣ бараки, госпитали переполнены». «Простите великодушно», отвѣчалъ Еропкинъ, «я сутки былъ съ людьми на работѣ безъ отдыха, въ другой разъ моя палатка къ вашимъ услугамъ, а теперь напьемся чаю, поужинаемъ чѣмъ Богъ послалъ». Скромный ужинъ еще не кончился, прибѣжалъ вѣстовой: «ваше высокоблагородіе, начальникъ дивизіи требуютъ». Еропкинъ быстро одѣлся и просилъ Грандидіэ его

подождать. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ встрѣтилъ его словами: «Полковникъ Еропкинъ, въ 12 ч. ночи вамъ съ батальономъ выступать».—«Ваше превосходительство, люди сутки были на работѣ безъ отдыха, безъ пищи, убыль громадная».—«Что̀ дѣлать, полковникъ, людей нѣтъ».—«Слушаю, ваше превосходительство». В. М. вернувшись къ себѣ, сказалъ полковику Грандидіэ: «Можете располагать моей палаткой, мнѣ приказъ выступить въ 12 ч. ночи; если не вернусь—вотъ адресъ моей жены, будете въ Москвѣ—скажите ей, что я умеръ какъ мои предки... за славу дорогой родины, прощайте!» Въ 12 ч. ночи батальонъ выступилъ и 6-го Октября на разсвѣтѣ, при неумолкаемой бомбардировкѣ, работалъ на укрѣпленіяхъ Севастополя. Послѣ полудня, 3-й батальонъ былъ смѣненъ другими войсками. Подходя къ своей палаткѣ, Еропкинъ замѣтилъ, что она будто не совсѣмъ въ порядкѣ; входитъ въ нее, а полковникъ Грандидіэ лежитъ на постели убитый гранатой, пробившей сверху палатку. Рука Всевышняго сохранила отца пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей; жена В. М., со дня его выступленія въ походъ, ежедневно ходила къ заутрени и обѣдни.

Еропкинъ ходилъ въ госпиталь навѣщать своихъ солдатиковъ. «Здорово Грищенко, какъ себя чувствуешь?» (у него ногу отняли до колѣна). «Болитъ все, ваше высокоблагородіе, эта самая нога, ну да я Англичанкѣ не спущу! Вотъ ужо поправлюсь, покажу ей», говоритъ Грищенко. «А ты Ивановъ?»—«Я-то что̀, ваше высокоблагородіе, а вотъ больно жаль ротнаго, хорошій былъ баринъ, царство ему Небесное!» Видимо Ивановъ хотѣлъ перекреститься, но, съ тоскою взглянувъ на болтающійся пустой рукавъ правой руки, прошепталъ «Его Святая воля»! Лежитъ солдатъ, глаза горятъ (раненъ въ животъ на вылетъ); на вопросъ В. М., лучше ли ему «Сумно (грустно), ваше высокоблагородіе, раздумался о домѣ; чай, женка, дѣти малыя вѣсточки ждутъ, увижу ли ихъ!» горячая слеза скатилась по впалымъ щекамъ страдальца. В. М. многимъ написалъ письма, обласкалъ, снабдилъ табакомъ. «Прощайте, братцы; дай Богъ вамъ выздоровѣть, до дому добраться, спасибо за царскую службу».—«Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе, благодаримъ покорно, берегли насъ какъ отецъ родной, вѣкъ не забудемъ», Со слезами разстался Еропкинъ съ великими, по беззавѣтной храбрости и по удивительной скромности, героями.

Въ восточную войну штабъ и оберъ-офицеры носили шинели покроя, цвѣта и сукна какъ у солдатъ; у Еропкина шинель была пробита пулями въ 28 мѣстахъ. Онъ шелъ по улицѣ Севастополя обѣдать къ товарищу, порывъ вѣтра отвернулъ правую полу шинели, а осколокъ бомбы оторвалъ ее. Падаетъ бомба, плѣнный Турченокъ съ крикомъ «Варна, Варна» обнимаетъ ее—образуется громадная лужа крови.

14-го Октября 3-й батальонъ съ полкомъ участвовалъ въ большой вылазкѣ, которая унесла много жертвъ: Вл. Пет. Языковъ раненъ въ лопатку на вылетъ; Н. Кар. Шонертъ *) — пуля пробила колѣно, переломила берцовую кость. Штаб.-кап. Литвиновъ, А. С. Паливецкій тяжко контужены. Трубачевъ, Смирновъ, Тумановъ ранены, также С. Ф. Брюховъ. Сколько храбрыхъ положили животъ свой за Царя и родину! 172 нижнихъ чина выбыли изъ строя. Вылазка 14 Октября 1854 года была совершена съ цѣлью отвлечь вниманіе противника отъ Балаклавы; направленіе вылазки было — отъ большой бухты на правый флангъ непріятельскаго лагеря. Полки дошли до самаго лагеря и собрались штурмовать бывшій тамъ редутъ, но, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, согласно полученной инструкціи, отступили: по дѣковому оврагу—Бутырскій полкъ, по Киленъ-балкѣ—Бородинцы и по Саперной дорогѣ—артиллерія.

Съ 7-го Сентября во всѣхъ вылазкахъ, сраженіяхъ участвовали два юныхъ прапорщика Н. Н. Родіоновъ и Д. М. Мессарошъ, веселые, добродушные, товарищи ихъ любили, хотя часто подшучивали надъ ними.

20-го Октября Бородинскій полкъ перешелъ въ Чоргунъ; 24-го Октября, переправившись черезъ мостъ на р. Черной, онъ пошелъ къ Воловьей балкѣ. Поднявшись на площадку, егеря Тарутинцы и Бородинцы бросились въ штыки на бригаду Адамса и заставили ее отступить къ № 1 батареѣ. Несмотря на страшныя потери (командиръ Бородинскаго полка Шелюта-Веревкинъ смертельно раненъ), егеря, сомкнувъ ряды, какъ львы бросались на батарею и взяли ее. Адамсъ ихъ оттѣснилъ. Бородинцы и Тарутинцы, устроивъ ряды, снова ринулись на войска Адамса, но тутъ подоспѣли свѣжія непріятельскія бригады Бентинга, и всѣ обрушились на Бородинцевъ. Оставшаяся горсть храбрыхъ, опустившись въ каменоломный оврагъ, стала вновь строиться, идти въ бой. Некому было вести ихъ! Во время этой адской рѣзни убиты командиры 1-го, 2-го и 4-го батальоновъ: полковникъ Пржецлавскій, подполковникъ Казариновъ и маіоръ Дурново. Ни людей, ни носилокъ не хватало выносить раненыхъ; сами другъ другу помогали. Кн. С. Н. Максутовъ, кн. Эсп. А. Ухтомскій, Акимовъ, Садовниковъ, Н. М. Прянишниковъ тяжко ранены. Я. А. Рейнеке раненъ въ шею около дыхательнаго горла. Беккеръ и Сташевскій контужены. Поручикъ Паливецкій, командиръ 10 егерской роты, и унтеръ-офицеръ бросились на непріятельскую батарею, гдѣ заклепали два орудія, но, увидѣвъ, что знаменнаго унтеръ-офицера 4 батальона убили, бросились къ знамени и вынесли его изъ подъ сильнаго непріятельскаго огня. Прапорщикъ Доможировъ, съ тремя

*) Генералъ-маіоръ Шонертъ скончался четыре года назадъ.

нижними чинами, во время рукопашной схватки, когда все перемѣшалось, охранялъ знамя 3 батальона и вынесъ его изъ боя къ сборному пункту.

Еропкинъ, единственный уже начальникъ Бородинцевъ, былъ верхомъ, отдавая приказанія; штуцерная пуля ударила его подъ колѣно правой ноги, онъ упалъ съ лошади, которую тоже ранило; 765 нижнихъ чиновъ ранеными и убитыми въ одномъ Бородинскомъ полку! В. М. Еропкина отнесли въ бараки, пуля засѣла въ сѣткѣ тончайшихъ жилокъ. Его навѣщали Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, предлагая ему рѣшиться на операцію; но проф. Пироговъ, за опасностью, отказался вынуть пулю. Съ великими стараніями перевезли Еропкина въ Симферополь, гдѣ его помѣстили въ частный лазаретъ гостепріимныхъ сестеръ Рудзевичъ, которыя отдали свой домъ для раненыхъ и сами ухаживали за ними, какъ истинныя сестры милосердія. Отъ полученныхъ ранъ Еропкинъ заболѣлъ пятнистымъ тифомъ, но его крѣпкая, здоровая натура поборола недугъ. Черезъ мѣсяцъ, оправившись, думалъ онъ уѣхать къ семьѣ, въ Москву, но рецидивъ тифа еще съ большей силой сломилъ его. Почти двѣ недѣли В. М. лежалъ безъ сознанія, безъ движенія, но въ страшномъ бреду (по словамъ его товарищей). Въ концѣ 2-й недѣли, въ одиннадцатомъ часу утра, въ палату вошелъ проф. Пироговъ осмотрѣлъ больного. «Къ 2-мъ часамъ будетъ кризисъ, онъ его не вынесетъ; когда умретъ, вынести его въ часовню». В. М. Еропкинъ все слышалъ, все понялъ; отъ слабости не могъ глазъ открыть, ни слова сказать; началось мучительное ожиданіе кризиса-смерти! Часы пробили 12-ть.... часъ.... В. М. горячо молился.... начался кризисъ, выступилъ страшно обильный потъ; Еропкинъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе поднять руку, перекрестился и заснулъ. Вечеромъ проснулся онъ отъ громкаго голоса Пирогова: «Когда умеръ Еропкинъ и куда его вынесли?»—«Я живъ, профессоръ», прошепталъ В. М.—«Надъ вами совершилось чудо, полковникъ; я тутъ не при чемъ, поздравляю васъ», радостно сказалъ Николай Ивановичъ.

Выздоровѣвъ отъ тифа, В. М. двигался на костыляхъ, со слезами благодарилъ барышень Рудзевичъ за ихъ сердечное вниманіе, ласковый уходъ и заботы. Въ началѣ Іюля 1855 года В. М. выѣхалъ къ семейству, въ Москву, взявъ съ собой круглаго сироту 11-ти лѣтняго Петрушу Окулова. Отецъ его подполковникъ остался въ полѣ сраженія; г-жа Окулова, ночью, съ деньщикомъ, при свѣтѣ фонаря, пошла искать мужа и только по запонкамъ рубашки узнала его. Отъ нравственнаго сотрясенія она преждевременно родила и скончалась.

Въ Москву пріѣхалъ плѣнный Сардинецъ, полковникъ Ландріани, дружески привязался къ В. М. Еропкину, восторгался Россіей, прекло-

нялся предъ Русской арміей. Ему даже зима, съ ея морозами правилась, и онъ увѣрялъ, что Русскіе теплѣе южнаго солнца согрѣли его своею сердечною добротою и великодушіемъ. Портретъ его-дагеротипъ отправленъ въ музей Севастополя; также портретъ акварельный В. М. Еропкина въ мундирѣ лейбъ-Бородинскаго полка; копія съ него помѣщена въ альбомѣ, изданномъ инженеръ-генераломъ П. Ф. Рёрбергомъ. Командиръ лейбъ-Бородинскаго полка, полковникъ А. Н. Аникѣевъ, отъ имени полка и себя лично, просилъ прислать копію акварельнаго портрета В. М. Еропкина, что̀ было немедленно исполнено съ надписью: «Командиръ 3-го батальона лейбъ-Бородинскаго полка 1854 года. Оборона Севастополя. Альма. 2-й бастіонъ. Инкерманъ». Полковникъ Аникѣевъ горячо благодарилъ отъ имени всего лейбъ-Бородинскаго полка и себя лично за присланный портретъ, который «*вѣчно будетъ* храниться въ полковомъ музеѣ и напоминать о доблестномъ однополчанинѣ, служба котораго въ рядахъ славнаго лейбъ-Бородинскаго полка «въ эпоху геройской защиты Севастополя, да послужитъ намъ высо«кимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ служить своей родинѣ и Великому «Вождю Русскаго народа».

Конецъ жизни В. М. Еропкинъ провелъ въ Твери, привѣтливый, ласковый, постоянно помогавшій, хлопотавшій за обездоленныхъ судьбою отставныхъ воиновъ. На фамиліи у В. М. была изумительная память: о событіяхъ, которыя совершились за 50 лѣтъ, онъ разсказывалъ безошибочно, будто они произошли вчера. Записки его о походахъ 1828 г. 1830 г. напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 г. № XII и 1878 г. № II, также въ «Русской Старинѣ» за 1885 годъ. Пріемъ, сдѣланный ему его однополчанами, л.-гв. гренадерскимъ полкомъ въ лагерѣ, подъ Краснымъ Селомъ 1881 г., былъ радостнѣйшимъ воспоминаніемъ стараго ветерана *). Штуцерная пуля, понемногу спускаясь, произвела прогрессивный параличъ нижнихъ конечностей и приковала В. М. къ одру страданій, которыя онъ переносилъ съ удивительно-кроткою покорностью; душою и мыслью онъ не разставался со своими родными л.-гв. гренадерскимъ и лейбъ-Бородинскимъ полками.

Скончался и похороненъ онъ въ Твери, а память о военныхъ его подвигахъ и пролитая кровь за Святую Русь, тамъ въ дорогомъ, для всякаго Русскаго, Севастополѣ!

Вѣра Еропкина.

---

*) По желанію гг. офицеровъ В. М. Еропкинъ поднесъ полку свой портретъ въ мундирѣ л.-гв. гренадеровъ 1837 г.; полкъ сдѣлалъ на портретѣ надпись: „В. М. Еропкинъ, представитель славныхъ для л.-гв. гренадеръ временъ Варны, и нынѣ душою не разстается съ роднымъ полкомъ". Портретъ помѣщенъ въ дежурной комнатѣ.

ДОКТОРЪ МАНДТЪ О ПОСЛѢДНИХЪ НЕДѢЛЯХЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА [1]).

L'empereur n'était plus à reconnaître à Gatshina, la douleur morale l'avait brisé bien avant le mal physique. Si vous l'aviez vu à chaque mauvaise nouvelle qui arrivait! Il était anéanti, les larmes coulaient et souvent il laissait trop voir à Münster le désespoir qui s'emparait de lui... Mais ces moments là était un martyr pour l'Empereur audessus des forces humaines. Revenu en ville sa force de caractère a de nouveau repris, mais son coeur était devenu plus tendre, plus aimant que jamais. Il avait encore plus d'amour pour son pays, encore plus de dévouement, moins d'égoïsme que jamais. C'est la nouvelle d'Eupatorie qui l'a positivement tué; jusque là j'avais de l'espoir, il me paraissait que sa forte constitution prendrait ledessus. Mais là, il a recu le dernier coup. «*Tant de vies sacrifiées pour rien!*» Ces paroles, cette idée revenait continuellement; «*mes pauvres soldats!*» Les imprudences physiques y étaient aussi pour beaucoup; par exemple il y avait des récrues réunies au manège; le temps était froid, le manège humide, l'Empereur avait la goutte et il avait la grippe. Je voulais lui défendre d'y aller; j'ordonnais comme médécin, je suppliais comme serviteur, comme homme; rien n'y faisait. «Comment! ces hommes vont mourir, se faire tuer ponr moi, et je n'irai seulement pas les voir, leur dire un mot d'encouragement! C'est mon devoir d'y aller, et j'irai, quoiqu'il arrive!»

Переводъ.

Въ Гатчинѣ [2]) Государь сталъ неузнаваемъ, душевное страданіе сломило его прежде чѣмъ физическое. Если бы вы его видѣли при полученіи каждой плохой вѣсти! Онъ бывалъ совершенно подавленъ, изъ глазъ катились слезы и часто онъ слишкомъ обнаруживалъ Мюнстеру [3]) овладѣвавшее имъ отчаяніе... Но эти минуты бывали для государя нечеловѣческимъ мученіемъ. По возвращеніи въ городъ сила воли къ нему вернулась, но душа его стала еще нѣжнѣе, еще болѣе любящей чѣмъ когда либо. Въ немъ было еще больше любви къ своему государству, еще больше преданности, а эгоизма менѣе чѣмъ когда

[1]) Изъ неизданныхъ записокъ одного приближеннаго къ императору Николаю Павловичу лица. Письмо доктора Мандта къ его супругѣ за границу напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ („см. по Указателю за первыя 30 лѣтъ“.П. Б.

[2]) Только въ Сочельникъ Государь возвратился въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ гадали на вертящемся столѣ. „Кто будетъ царствовать черезъ 50 лѣтъ?“ Спросилъ Государь.—„Русская Борода“, отвѣчалъ столъ. Эти гаданья подали Ѳ. И. Тютчеву поводъ написать удивительные стихи: „Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою“. П. Б.

[3]) Австрійскій посолъ. П. Б.

либо. Извѣстіе объ Евпаторіи положительно убило его; до того времени у меня была надежда, мнѣ казалось, что крѣпкое сложеніе его преодолѣетъ. Но тутъ ему былъ нанесенъ послѣдній ударъ. *„Сколько жизней пожертвовано даромъ!“* Слѣдующія слова и мысль постоянно возвращались къ нему: *„бѣдные мои солдаты!“* Много способствовали и неосторожности относительно здоровья; напримѣръ, были собраны въ манежѣ рекруты; погода была холодная, въ манежѣ сыро, а у Государя подагра и гриппъ. Я хотѣлъ запретить ему ѣхать туда; я требовалъ въ качествѣ доктора, умолялъ какъ слуга, какъ человѣкъ, но ничто не дѣйствовало. „Какъ! Эти люди идутъ на смерть за меня, а я не пойду хоть увидать ихъ, сказать имъ хоть слово ободренія! Мой долгъ поѣхать туда, и я поѣду что бы со мной ни случилось!“

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

I. О художникѣ Флавицкомъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года въ одномъ изъ примѣчаній къ бумагамъ о самозванкѣ Таракановой, профессоръ живописи Флавицкій, своею картиною распространившій по Россіи выдуманное показаніе о томъ, будто она была залита въ тюрьмѣ Невскимъ наводненіемъ, названъ Полякомъ; между тѣмъ онъ происходилъ вѣроятно изъ духовенства: племянникъ его— профессоръ неорганической химіи въ Казани Флоріанъ Михайловичъ Флавицкій, отецъ котораго былъ смотрителемъ училища въ Усмани, Тамбовской губерніи.

Ѳ. Глинка.

II. Объ Умскомъ.

Въ такъ называемыхъ „дворовыхъ“ книгахъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, значатся въ приходѣ Иліи Пророка на Воронцовомъ полѣ, съ 1760-хъ гг. владѣнія Богдана Василѣевича Умскаго (сперва надворнаго, а потомъ коллежскаго совѣтника). Одно изъ нихъ (составляющее нынѣ часть владѣнія поч. гражд. Морозовыхъ) продолжало сохраняться въ томъ приходѣ и въ началѣ 1790-хъ гг. за сыномъ его Николаемъ Умскимъ.

Между тѣмъ, по исповѣднымъ книгамъ (клировымъ вѣдомостямъ) Ильинской церкви, въ спискѣ прихожанъ, значится Воспитательнаго Дома опекунъ Иванъ Васильевичъ Умской; точно также и впослѣдствіи сынъ его, когда онъ сдѣлался домовладѣльцемъ, именуется: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантъ (а потомъ поручикъ) Николай Ивановичъ Умской.

Наконецъ, въ Указателѣ Москвы, ч. 2, стр. 344 (изд. 1793 г.) помянутое владѣніе означено такъ: Умскаго Николая .... поручика (отчества не показано, а поставлены 4 точки).

Н. Найденовъ.

савету Ксаверьевну († 1881) и часто съ нею бесѣдовалъ о старинѣ и о Пушкинѣ, сочиненія котораго были ежедневнымъ ея чтеніемъ (поутру Псалтырь, середъ дня Пушкинъ), и это, по словамъ жившей у нея въ домѣ Ельвины Ланге, въ теченіи многихъ лѣтъ сряду. На стр. 264 Чертковская библіотека названа *бывшею*, тогда какъ она доселѣ процвѣтаетъ въ завѣдываніи достопочтеннаго А. И. Станкевича. На стр. 275 г. Ефремовъ напечаталъ подлинно басню о томъ, будто Хрулевъ, Бабстъ и Погодинъ писали В. А. Кокореву его статьи. Покойный Кокоревъ въ этомъ отношеніи вовсе не нуждался въ чужой помощи; онъ отлично владѣлъ перомъ, и сочиненія этого геніальнаго человѣка конечно должны быть собраны и изданы. Покойный М. П. Погодинъ говорилъ тамъ, что желалъ бы имѣть такой слогъ, какъ у Кокорева, а императоръ Александръ Александровичъ изволилъ однажды отозваться, что читаетъ все что̀ напишетъ Кокоревъ. На стр. 277-й извѣстный А. Ѳ. Воейковъ названъ *пошлымъ*, что̀ вполнѣ не вѣрно: Воейковъ былъ клеветливъ, но очень даровитъ. Про А. О. Смирнову сказано (стр. 279), будто благодаря ей Гоголь лишился таланта и жизни! Графиня А. Ѳ. Закревская (ровесница Пушкина) вышла замужъ еще въ царствованіе Александра Павловича, а не послѣ посланій къ ней Пушкина (стр. 280). Къ ней написаны и стихи: „Когда твои младыя лѣта“, а не къ А. П. Кернъ, которая никогда не принадлежала къ высшему обществу и память которой понапрасну оскорблена (стр. 302). Нѣтъ никакого основанія стихотвореніе митрополита Филарета называть передѣлкой Пушкинскихъ „Стансовъ“ на религіозно-мистическій ладъ стр. 316. По желанію его, Пушкинъ самъ измѣнилъ два стиха въ послѣдней строфѣ. Стр. 348. В. А. Елагинъ былъ человѣкъ чрезвычайно правдивый и многосторонне образованный. Онъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ своемъ лично зналъ Пушкина и Мицкевича, которые не рѣдко бывали у его матери и у своднаго его брата И. В. Кирѣевскаго, и его показанію конечно должно вѣрить вполнѣ.

Стр. 418. Выдумано, будто мною было наложено запрещеніе на рукописи Пушкина. Въ Апрѣлѣ 1880 года ѣздилъ я за ними въ Козловъ къ владѣльцу, вошелъ съ нимъ въ соглашеніе, по которому получилъ право напечатать изъ нихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ то, что̀ признаю для себя возможнымъ (въ чемъ и имѣется у меня расписка), и затѣмъ уже рукописи были переданы въ общественную собственность и сданы мною подъ расписку хранителя рукописей Румянцовскаго Музея А. Е. Викторова.

Стр. 602. Вслѣдствіе путаницы изложенія читатель можетъ подумать, что памятникъ въ Парголовѣ воздвигнутъ надъ могилою князя Бутеры, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Врачу, исцѣляйся самъ!

П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—80 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

8.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

История России Соч. Д. И. Иловайскаго. Томъ пятый. Алексѣй Михайловичъ *) **и его ближайшие преемники.** Москва 1905. Большая 8-ка, VIII, 657 и 663 стр. съ портретами царя Алексѣя Михайловича и Сергѣя Дмитріевича Иловайскаго, памяти котораго посвящаетъ эту книгу сочинитель—отецъ его.

Насъ не обвинятъ въ пристрастіи, если мы назовемъ этотъ трудъ *монументальнымъ*. Почти сотня страницъ его занята драгоцѣнными примѣчаніями со сылками на источники и съ указаніями на то, гдѣ найти подробности изложеннаго въ самой книгѣ. По этимъ указаніямъ желающій можетъ писать отдѣльныя изслѣдованія о лицахъ и событіяхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Отъ добросовѣстнаго историка не укрылись самыя мелочныя показанія современниковъ, какъ и вполнѣ самостоятельныя статьи и замѣтки о томъ времени, появившіяся въ печати съ тѣхъ поръ какъ вышли въ свѣтъ X, XI и XII томы Исторіи Россіи, сочиненія С. М. Соловьева. Авторъ съ большимъ искусствомъ отдѣляетъ главное отъ побочнаго и общее отъ мелочного, давая въ тоже время примѣчаніями возможность ближе знакомиться съ ходомъ дѣлъ и судить о нихъ независимо. Свой разсказъ ведетъ онъ спокойно, безъ напускной важности, чуждаясь словъ своеобразныхъ и хлесткихъ, съ благородною простотою, которая въ этомъ томѣ у него еще привлекательнѣе, нежели въ томахъ предыдущихъ. Подобно князю П. А. Вяземскому, онъ пишетъ, на старости лѣтъ, много лучше того, какъ писалъ ранѣе: утѣшительный знакъ жизненности и самосовершенствованія. Такъ и листы его „Кремля“, прежде читаемые немногими, въ нынѣшнемъ году разошлись многими десятками тысячъ, чему нельзя не порадоваться, такъ какъ ими пробивается толща общественнаго равнодушія и превратныхъ понятій.

История Россіи доведена Д. И. Иловайскимъ до единодержавія Петра Великаго, царствованію котораго будетъ вѣроятно посвящено нѣсколько томовъ.

Привѣтствуя въ книгѣ Д. И. Иловайскаго настоящій успѣхъ народнаго самопознанія, позволимъ себѣ выразить по поводу ея и свое сужденіе. Намъ кажется, что въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ напрасно не указано значеніе того, что онъ былъ всего второй государь новой династіи, что отецъ его еще долженъ былъ выкупать у Владислава Жигимонтовича запрещеніе поминать его на эктеньяхъ въ сосѣднихъ съ Польшею Русскихъ областяхъ; что тогда, не такъ какъ нынѣ, событія долго сохранялись въ народной памяти, а второму Романову приходилось жить среди еще многихъ современниковъ Годунова, Дмитрія и Шуйскаго. Не совсѣмъ улегла народная молва о томъ, какъ избранъ былъ отецъ его на престолъ. Въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣтно довольно безпокойное желаніе отличиться, снискать себѣ въ народѣ славу по дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, что облегчило зложелателямъ Россіи возможность

---

*) Въ концѣ книги, въ оглавленіи онъ названъ Алексѣемъ *Первымъ*. П. Б.

ГРАФЫ НЕССЕЛЬРОДЕ (ОТЕЦЪ И СЫНЪ).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ уже помѣщенъ нашъ отзывъ о выходѣ въ свѣтъ двухъ книгъ Нессельродовскаго архива, прекрасномъ изданіи графа Анатолія Дмитреевича Нессельроде (подстрочныя примѣчанія котораго свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ его съ историческими лицами и событіями за послѣднюю четверть XVIII и первую XIX вѣковъ). Нынѣ читатели познакомятся ближе съ прадѣдомъ и дѣдомъ издателя, дѣятельность коихъ принадлежитъ Русской исторіи. Къ первому изъ нихъ примѣнима пословица: „на однихъ подошвахъ семи царямъ служилъ“, что однако не можетъ умалять высокихъ достоинствъ его свѣтлаго ума и сердечной общительности. Гдѣ-гдѣ не перебывалъ онъ? Потомокъ старинныхъ Германскихъ графовъ и младшій въ родѣ, онъ служилъ сначала въ войскахъ Священной Римской имперіи и получилъ рану въ сраженіи, потомъ перешелъ на службу къ курфирсту Палатину, а оттуда во Францію, съ чиномъ полковника; за тѣмъ онъ въ Дармштадтѣ, въ близкомъ обществѣ съ первою тещею нашего Павла Петровича (о которой читатели знаютъ по статьѣ о ней въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года), въ Веймарѣ съ ея дочерью и въ теченіе шести лѣтъ въ Берлинѣ. Онъ полюбился Фридриху II-му, сдѣлался его камергеромъ и частымъ собесѣдникомъ; но у скупого Прусскаго короля жить было ему нечѣмъ, и онъ опредѣлился на службу къ нашей щедрой Государынѣ, которая вскорѣ назначила его своимъ полномочнымъ министромъ въ Лисабонъ (Сентябрь 1778), съ жалованьемъ въ 8 т. и на отправку 6 т. р. Передъ отправленіемъ туда онъ женился во Франкфуртѣ на дѣвицѣ Луизѣ Гонтаръ *). Она черезъ четыре года скончалась, оставивъ ему сына, нашего государственнаго канцлера, у котораго въ чертахъ лица означилось Еврейское происхожденіе его матери. Графъ Карлъ Васильевичъ родился въ 1780 году на Англійскомъ кораблѣ, крещенъ въ Лисабонѣ по Англиканскому обряду, воспитался въ Германіи, служилъ въ Русскомъ флотѣ, въ гвардіи и при дворѣ, получилъ за супругою своею (графинею Гурьевой) большія помѣстья и принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ Европейской исторіи. По миру Парижскому 1856 года, часть его имѣній отошла къ Молдавіи. Это для того, съострилъ тогда А. С. Хомяковъ, чтобы графу Нессельроду быть и Молдавскимъ помѣщикомъ. Но въ разнообразныхъ положеніяхъ, въ которыя ставила его судьба, графъ Карлъ Васильевичъ пребывалъ

*) Одинъ изъ ея родственниковъ, Гонтаръ находился въ военной службѣ. П. Б.

человѣкомъ неукоризненнымъ, какимъ читатели „Русскаго Архива“ знаютъ его и по письмамъ братьевъ Булгаковыхъ. Достаточно сказать, что былъ онъ пріятелемъ князя М. С. Воронцова и, выходя въ отставку, составилъ записку о Русскихъ дѣлахъ, полную государственной мудрости и искренняго радѣнія о благѣ Россіи *). Многіе думаютъ даже, что наша политика въ его управленіе была болѣе Русскою, нежели при князѣ Горчаковѣ, о которомъ Бисмаркъ выразился, что съ нимъ легко ладить, такъ какъ по матери своей (ур. Ферзенъ) онъ Нѣмецъ, и котораго Тютчевъ разъ назвалъ Нарцисомъ собственной чернильницы (т. е. напишетъ острое и хлесткое слово и самъ любуется имъ).

Овдовѣвъ, графъ Вильгельмъ Нессельроде не захотѣвъ оставаться въ Лиссабонѣ. На обратномъ пути въ Россію онъ провелъ нѣсколько времени въ Лондонѣ, гдѣ сошелся съ гр. С. Р. Воронцовымъ (который въ письмахъ къ нему называетъ его сына, тогда малютку, своимъ другомъ). Многочисленныя пріятельскія связи при Нѣмецкихъ дворахъ много помогли умному, образованному и дѣятельному графу. У насъ онъ сдѣлался близокъ къ Павлу Петровичу и къ его супругѣ. Оба они выражали ему свою признательность за тѣ добрыя отношенія, которыя на нѣкоторое время установились между ними и Государыней. Въ чемъ именно состояла эта услуга, не говорится. Екатерина писала Гримму, что „старый Иродъ“ вмѣшивался въ ея семейныя дѣла. Съ Августа 1785 года Ирода не стало; при его преемникѣ (который въ 1780 году пріѣзжалъ въ Петербургъ и не сумѣлъ помѣшать сближенію Россіи съ Австріею) кажется, такое вмѣшательство кончилось; но за то Павелъ Петровичъ сдѣлался собратомъ новаго Прусскаго короля по масонству; а Марія Ѳеодоровна, съ самаго своего пріѣзда въ Россію, была постоянною и ревностною угодницею Пруссіи, что и возбуждало негодованіе Екатерины и было для нея личнымъ и государственнымъ горемъ. Какъ впослѣдствіи княгиня Ш. К. Ливенъ не стѣснялась выговаривать Маріи Ѳеодоровнѣ (уже императрицѣ-вдовѣ) чрезмѣрныхъ сочувствій ея Берлинскому двору, такъ вѣроятно и умный графъ В. Нессельроде, угождая Екатеринѣ, сдерживалъ своими совѣтами проявленія чужеземства въ великой княгинѣ, которая въ этомъ отношеніи дѣйствовала на своего супруга и вредила ему (т. I, стр. 132). Можетъ быть, и въ этихъ видахъ, Екатерина назначила графа Нессельроде посланникомъ въ Берлинъ (на мѣсто гр. С. П. Румянцова), а онъ конечно понималъ, какъ въ сущности враждебна къ Россіи Пруссія, не прощавшая ей благодѣяній послѣ Семилѣтней войны и теперешняго союза съ ея соперницею въ Германіи, т. е. съ Австріей. Въ первомъ томѣ изданнаго нынѣ Нессельродовскаго архива помѣщено очень много писемъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны къ графу Нессельроде, а также писемъ гр. С. Р. Воронцова, гр. Штакельберга и др. (къ сожалѣнію безъ строгаго хронологическаго порядка; тутъ также большое письмо князя Ангальта о взятіи Очакова).

1 (12) Ноября 1788 г. Цесаревна писала въ Берлинъ графу Нессельроде: „Личное положеніе наше, любезный графъ, таково, что намъ остается только желать, чтобы оно не измѣнилось. Скажу даже, что съ тѣхъ поръ какъ вы

*) Она напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года.

уѣхали, оно улучшилось. Мы пользуемся плодами вашихъ стараній и ежедневно приносимъ вамъ дань нашей признательности. Живемъ тихо, ровно; кажется, миновало всякое взаимное стѣсненіе. Часто вспоминаемъ ваши великія слова: „Необходимо умѣнье владѣть въ мирѣ своею душою и руководить ею". Но цесаревна безпрестанно вмѣшивалась въ политику. Ей хотѣлось, чтобы Россія заключила миръ съ Турціею при посредствѣ Пруссіи, и она держала пари съ гр. Нессельроде о томъ, что осада Очакова не удастся. Когда онъ былъ взятъ, она писала (31 Дек. 1788): „Представьте, что съ 15 числа мы не знали никакихъ подробностей, и только нынче привезъ ихъ генералъ Рахмановъ. Какъ вамъ нравится эта небрежность? Штурмъ былъ 6 числа, а первый курьеръ сюда посланъ только 9-го. И тѣмъ не менѣе, мы нетерпѣливо ждемъ пріѣзда Потемкина; потому что всѣ благомыслящіе люди надѣются на его вліяніе: онъ хочетъ мира, хочетъ согласія между дворами, негодуя на Вѣну, которая ему навредила". Около этого же времени написано завѣщаніе, которое митрополитъ Платонъ взялся хранить въ Москвѣ, въ алтарѣ Успенскаго собора, и которое начинается словами: „Мы Павелъ и мы *Марія*". Зимою 1788—1789 годовъ стояли сильные морозы; по свидѣтельству Маріи Ѳедоровны, Императрица отъ нихъ хворала, „чаще, нежели мы", и отношенія къ ней снова испортились. Павелъ Петровичъ писалъ въ Берлинъ графу Нессельроде 28 Февр. 1789 г.: „Засвидѣтельствуйте, что я весьма польщенъ добрымъ мнѣніемъ о мнѣ и довѣріемъ, которое мнѣ оказываютъ. Считаю долгомъ прибавить нѣсколько словъ о томъ, что у насъ происходитъ. По пріѣздѣ своемъ Потемкинъ бесѣдовалъ со мною, и мнѣ показалось, что онъ вовсе не склоненъ къ Императору и очень желаетъ мира *). Онъ твердилъ о нашемъ бѣдственномъ положеніи. О Пруссіи не сказалъ онъ мнѣ ничего опредѣлительнаго, но, судя по отзывамъ его клевретовъ, онъ не прочь отъ союза съ Пруссіей. У насъ нѣтъ средствъ, и въ особенности денегъ". Лѣтомъ 1789 г. Павелъ намѣревался снова ѣхать на войну. Марія Ѳедоровна въ письмѣ отъ 17 (28) Іюня 1789 г. извѣстила гр. Нессельроде, что Екатерина ласковымъ, нѣжнымъ письмомъ отговорила его отъ этого, и что они опять съ нею въ наилучшихъ отношеніяхъ. „Вамъ любезный другъ, прибавляетъ она, вамъ первому обязаны мы этимъ благополучіемъ, и Мамоновъ служитъ тому поддержкою" (Писано почти наканунѣ удаленія Мамонова изъ Зимняго дворца).

О дѣлахъ семейныхъ вообще судить трудно. Винятъ обыкновенно Екатерину въ несправедливости къ сыну и невѣсткѣ, но тутъ для безпристрастнаго потомства возникаютъ вопросы психологическіе. Можетъ быть, стороною терпящею была сама Императрица. Покойный С. М. Соловьёвъ передавалъ намъ, что въ ея бумагахъ въ Государственномъ Архивѣ читалъ онъ разсказъ ея про одинъ разговоръ съ Павломъ, и она записала, что послѣ этого разговора пролила много слезъ. Можетъ быть, и тутъ проявляла

*) Извѣстно, что Потемкинъ падалъ духомъ и даже говорилъ о необходимости отказаться отъ Крыма. Твердость Екатерины превозмогла надъ всѣми невзгодами. П. Б.

она то свойство, въ которомъ разгадка успѣховъ ея царствованія. „Я ничей тиранъ никогда не была и принужденія ненавидую“. Можетъ быть, не она виновна и въ томъ, что Лагарпъ, вѣроятно знакомый родному Монбельярскому дворику, этотъ представитель „пустоцвѣта Швейцаріи“ изъ простого учителя Французскаго языка сдѣлался главнымъ наставникомъ и заразилъ космополитизмомъ душу превосходнаго отрока, котораго Екатерина готовила себѣ преемникомъ, имѣя на то все право по Петровскому закону о „Правдѣ воли монаршей“. Вообще ближайшее изученіе тогдашнихъ людей и дѣлъ побуждаетъ къ сомнѣнію въ справедливости нареканій, придуманныхъ людьми, которыя въ лицѣ Екатерины ненавидили Россію. Что Павелъ не нуждался въ средствахъ, о томъ свидѣтельствуютъ дворцы въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ и войско (около двухъ тысячъ), которое онъ завелъ себѣ за нѣсколько лѣтъ до кончины матери своей и для котораго онъ выписывалъ черезъ графа Нессельроде изъ Германіи какого-то знатока войнской выправки Гольца, назначивъ ему заглазно крупное жалованье еще задолго до пріѣзда его въ Гатчину.

Графъ В. Нессельроде оставался посланникомъ въ Берлинѣ въ теченіе многихъ лѣтъ. Сынъ его, жившій въ младенчествѣ у родственниковъ своей матери Гонтаръ, когда подросъ, то перевезенъ былъ въ Берлинъ и учился у славнаго въ то время педагога-латиниста Гедике. Екатерина на воспитаніе его жаловала по 2 т. р. въ годъ (стр. 266). Умный отецъ зорко слѣдилъ за нимъ. Уже 12 лѣтъ отъ роду нашъ будущій канцлеръ написалъ статью о жизни и царствованіи Петра Великаго (стр. 252), а когда ему было 16 лѣтъ, отецъ отправилъ его на службу въ Петербургъ. Письма, которыя получалъ онъ отъ своего отца, въ своемъ родѣ образцовыя. Онъ настаиваетъ на необходимости выучиться по-русски. Читая эти письма, вспоминаешь про графа С. Р. Воронцова и про его письма къ сыну, или про письма барона П. Л. Николая къ сыновьямъ его. Приводимъ нѣсколько писемъ юноши графа Карла къ отцу изъ Россіи въ Берлинъ; они послужатъ дополненіемъ къ помѣщаемой ниже автобіографіи его. Оказывается, что съ ранней молодости онъ уже былъ зоркимъ наблюдателемъ.

„С.-Пб. 31 Іюля (11 Авг.) 1798. Пользуюсь отъѣздомъ графини Головкиной, чтобы сообщить вамъ о томъ, чего бы я не осмѣлился ввѣрить почтѣ. Я увѣренъ, что мои извѣстія васъ раздосадуютъ, и въ тоже-время докажутъ, что благоразумно поступили вы, уѣхавъ изъ Петербурга какъ разъ во время. Потѣшный бой затѣялся между двумя придворными кружками, мужчинами и женщинами. Побѣда осталась за первыми, а наша покровительница Нелидова попала въ немилость, и всѣ ея сторонники, одинъ за другимъ, подверглись опалѣ. Первымъ палъ секретарь Государя Нелединскій; мѣсто его занялъ другъ нашъ Нелидовъ. Вторая жертва вицеадмиралъ Плещеевъ, онъ уволенъ безъ мундира. Графъ Буксгевденъ отрѣшенъ отъ должности военнаго губернатора, подъ тѣмъ предлогомъ, что дозволилъ артиллерійское ученіе по вечерамъ. Преемникомъ ему нашъ бравый генералъ Паленъ, который посылаетъ вамъ сердечный поклонъ, я у него обѣдалъ. Куракины еще держатся, но на волоскѣ отъ паденія. Кочубей будетъ вице-канцлеромъ; а въ генералъ-прокуроры мѣ-

тятъ Трощинскаго, князя Гагарина (что прошлаго года исчезалъ въ Гатчину) и г-на Лопухина, бывшаго въ Москвѣ губернаторомъ, отца той дѣвицы, которую прочатъ въ преемницы Нелидовой. Въ этой схваткѣ совершалъ подвиги Кутайсовъ и вознагражденъ за то малою Аннинскою лентою. Этотъ бѣсенокъ долго страдалъ нарывомъ въ горлѣ; хирургъ Вилье, котораго мы видали у друга нашего Виртворта, вылѣчилъ его; онъ вамъ очень кланяется. Вы вѣроятно слышали, что въ Лифляндіи появилась повальная болѣзнь на лошадей; слава Богу, она прошла, благодаря долгому Дризену, которому поручено было принять противъ нея мѣры".

„Во главѣ пѣхотнаго корпуса, получившаго приказъ двинуться къ Турецкимъ границамъ, будетъ генералъ отъ инфантеріи Розенбергъ, человѣкъ, говорятъ, хорошій. Подъ его начальствомъ будетъ Львовъ. Съ Виртембергскими принцами обходятся довольно хорошо, особливо со старшимъ; другой птица неважная. Ихъ посылаютъ (какъ вы, можетъ быть, уже знаете) по дѣлу о бракосочетаніи одной изъ великихъ княженъ съ эрцгерцогомъ Карломъ.

15 Дек. 1798.

„Императрица въ очень горестномъ положеніи, потому что Императоръ въ теченіе дня лишь урывками видается съ нею. Парады нынче очень скоро кончаются и ведутся небрежно; а затѣмъ Императоръ тотчасъ же ѣдетъ въ каретѣ комнатнаго слуги Кутайсова, incognito, къ своей красавицѣ. Послѣ обѣда она сама пріѣзжаетъ къ комнатному слугѣ и остается у него весь вечеръ. Занятіямъ государственными дѣлами посвящается только очень короткое время поутру, и непремѣнно глупостями Мальтійскаго ордена. Вообразите, до чего дошло: Мальта еще не занята, а князь Волконскій объявленъ уже комендантомъ острова, и назначены батальоны, которые будутъ составлять тамошній гарнизонъ. Паленъ твердитъ, что вы поступили благоразумно, уѣхавъ отсюда. Меня лично не тревожатъ. До сихъ поръ я одинъ только разъ просидѣлъ день подъ арестомъ за то, что нѣсколько минутъ опоздалъ на зовъ Императора, такъ какъ не могъ же, будучи въ караулѣ, не умыться напередъ".

Гатчино, 22 Дек. 1798. Полночь.

„Дѣвица Лопухина прибыла третьяго дня. Графъ Николай Румянцевъ и вицеканцлеръ кн. Куракинъ уволены. Мѣсто сего послѣдняго еще не занято. Думаютъ, что его займетъ графъ Семенъ Воронцовъ, такъ какъ Кочубей добивается его мѣста въ Англіи; но тотъ предъявляетъ всякія препятствія, не желая принять столь опасную для умнаго, какъ онъ, человѣка. Растопчинъ въ полной милости. Мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ сильнѣе умомъ, нежели характеромъ и что онъ способенъ надѣлать зла многимъ *).

С.-Пб. 6 (18) Іюля 1800.

„Служба моя внезапно кончилась, благодаря столь же несчастному, какъ и неожиданному случаю. Распря между моими двоими товарищами до того

*) Понятно, что Растопчинъ не могъ оставаться равнодушенъ, видя, какъ усиливалось въ Россіи значеніе и вліяніе иноземщины. П. Б.

раздражила Императора, что онъ нашелъ нужнымъ совершенно преобразовать нашъ полкъ, и вотъ я очутился въ томъ положеніи, котораго все время опасался и отъ котораго не могло предохранить меня мое камергерство. Уволившись, я прежде всего задался вопросомъ, какъ теперь быть. Мнѣ показалось всего лучше выждать, чтобы буря миновала, потому что просить чего либо тотчасъ значило бы получить отказъ. Всего бы лучше для меня воспользоваться увольненіемъ для поѣздки въ Германію, и для свиданія съ отцомъ, который для меня дороже всего на свѣтѣ. Кажется, что мнѣ въ томъ не откажутъ въ виду преклоннаго вашего возраста и постоянныхъ болѣзней; но вы согласитесь, чтобы было чрезвычайнымъ неблагоразуміемъ уѣхать безъ увѣренности въ возможности возвратиться. Графъ Ростопчинъ теперь въ Петергофѣ; онъ иногда пріѣзжаетъ въ городъ. Если мнѣ удастся его повидать, попрошу его помочь мнѣ совѣтомъ и исходатайствовать у Императора позволенія выѣхать изъ России на опредѣленное время. Хотѣлось бы мнѣ опредѣлиться въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и быть причислену къ какому-либо изъ посольствъ; но ка ъ теперь весьма немного, то придется подождать перемѣны въ Европейскихъ дѣлахъ".

Молодой гр. Нессельроде посланъ былъ объявить о восшествіи на престолъ Александра Павловича въ Виртембергъ къ тому самому герцогу, котораго читатели „Русскаго Архива" довольно близко узнали по исторіи его первой супруги Зельмиры (1904, VIII). Ему очень хотѣлось перемѣнить службу и опредѣлиться въ Берлинское посольство. Марія Ѳедоровна отказала ему въ своемъ ходатайствѣ, и тогда онъ обратился съ прошеніемъ къ самому Государю. Онъ писалъ своему отцу, 1 (12) Августа 1801: „Съ отъѣздомъ графа Палена не осталось у меня здѣсь настоящаго сильнаго покровителя. Генералъ Дюрокъ еще не уѣхалъ; я думаю, что онъ поѣдетъ со дворомъ въ Москву. Если онъ будетъ на обратномъ своемъ пути во Франкфуртѣ, постарайтесь съ нимъ познакомиться. Онъ держалъ себя здѣсь чудесно: трудно встрѣтить въ молодомъ Французѣ болѣе смётки, скромности и разсудка. Онъ же и собою красивъ, и хорошенькія женщины въ него влюбляются; а скандальная хроника повѣствуетъ даже о связи съ г-жею N. Богъ вѣсть, но мнѣ кажется, что дѣло возможное. Князь Долгорукій, тотъ, котораго вы видѣли съ генераломъ Спренгпортеномъ, опять посылается въ Парижъ. Можетъ быть, вы не знаете, что этотъ генералъ, по возвращеніи плѣнниковъ, получилъ Александровскую ленту съ брилліантами. По случаю возвращенія г-жи Загряжской *), дано въ теченіе недѣли нѣсколько праздниковъ. Самый блистательный былъ у барона Григорія Строганова, вамъ знакомаго по Берлину. Всѣ говорятъ, что праздникъ этотъ обошелся ему въ 25 т. рублей. Праздники даются часто, и вотъ какъ вельможи наши разоряются на свои забавы. Напротивъ, дворъ живетъ до крайности тихо. Его никогда не видно. Будучи за-

*) Изъ чужихъ краевъ, куда Наталья Кирилловна уѣзжала отъ ужасовъ Павлова царствованія. Когда юноша-графъ Нессельроде пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ, отецъ приказывалъ ему бывать у Натальи Кириловны и у вдовы Рибопьера. П. Б.

клятымъ врагомъ церемоній и всякаго оказательства, Государь почти не появляется иначе, какъ въ самомъ простомъ экипажѣ, и безъ всякой свиты. Уже два мѣсяца какъ не было обычныхъ воскресныхъ выходовъ; я былъ на послѣднемъ въ день моего возвращенія. Государь живетъ постоянно на Каменномъ острову, откуда еженедѣльно ѣздитъ въ Павловскъ, гдѣ находятся императрица-мать и всѣ великія княжны. Общество Государя состоитъ изъ четырехъ молодыхъ людей, т. е. графа Кочубея, князя Адама Чарторыжскаго, графа Северина Потоцкаго, младшаго графа Строгонова, да еще князя Голицына [1]), котораго вы не знаете. Еще неизвѣстно, сколько времени пробудутъ въ Москвѣ: одни говорятъ четыре недѣли, другіе четыре мѣсяца. Отъѣздъ должности назначенъ на 28 Августа".

Иностранными дѣлами тогда завѣдывалъ графъ Н. П. Панинъ (сынъ Нѣмки), и ему молодой графъ Нессельродъ счелъ себя обязаннымъ за полученіе въ Берлинѣ съ сохраненіемъ камергерскаго званія.

Такъ началось дипломатическое поприще будущаго нашего канцлера. Отецъ многократно отговаривалъ его отъ этой службы; но сынъ оказался прозорливѣе. Въ перепискѣ ихъ между собою, очень живой и для исторіи важной, читатель невольно клонится на сторону старика, который горячо и въ тоже время разумно любитъ единственнаго сына, возбуждающаго самою безупречностью своею болѣе уваженія, нежели сочувствія.

Въ Берлинѣ былъ нашимъ посломъ баронъ Криднеръ, супругъ знаменитой баронессы, которая позднѣе имѣла такую власть надъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Онъ принялъ юношу-дипломата съ распростертыми объятіями, поселилъ у себя въ домѣ, обучалъ пріемамъ службы. Переписка съ отцомъ дѣятельно продолжалась. Жившій во Франкфуртѣ на Майнѣ старикъ получалъ отъ сына вѣсти и о томъ, что̀ дѣлалось въ Россіи. Такъ онъ ему сообщалъ напримѣръ, что графъ Н. П. Румянцовъ, въ управленіи котораго находились пути сообщенія, получилъ отъ Государя изъ Новгорода письмо съ выраженіемъ негодованія, за чѣмъ шоссе отъ Петербурга до Москвы открыто было только для царскихъ проѣздовъ, а не для всѣхъ, или о томъ, что князю А—дру Борисовичу Куракину велѣно присутствовать при докладахъ Кочубея, который занялъ тогда мѣсто гр. Панина, испросившаго себѣ отпускъ на три года, или о томъ, что въ Берлинѣ говорятъ, будто графъ П. А. Паленъ снова призванъ на службу. Въ письмѣ отъ 10 Іюля, 1802 г. цѣлый разсказъ о знаменитомъ поединкѣ Шевалье-де-Сакса съ князьями Зубовымъ и Щербатовымъ, а черезъ 10 дней другой разсказъ о неудавшемся намѣреніи опальнаго графа Н. П. Панина посѣтить Швецію. 12 Сент. н. ст. 1802 г. онъ пишетъ: „Въ Петербургѣ всѣ удивляются назначенію Алопеуса [2]). Это дѣло графа Александра Воронцова и двора Мекленбургскаго,

---

[1]) Князя Александра Николаевича, въ котораго до конца не извѣрился императоръ Александръ Павловичъ.

[2]) Въ Берлинъ, на мѣсто барона Криденера. П. Б.

который, Богъ вѣсть почему, пользуется большимъ вліяніемъ. Императрицы-матери уже меньше слушаются. Въ сущности же никто не можетъ похвалиться большимъ значеніемъ у Государя. Ему до того не желается имѣть любимца, что онъ считаетъ быть лучше подъ вліяніемъ многихъ, нежели одного лица. Но мнѣ кажется, что кормило правленія въ рукахъ графа Александра, хотя онъ это скрываетъ. По важнымъ внутреннимъ дѣламъ онъ выдвигаетъ Кочубея. Россію онъ знаетъ лучше всѣхъ, къ его опытности прибѣгаютъ, и такимъ образомъ, не имѣя опредѣленной должности, онъ правитъ Имперіею, невидимый какъ Провидѣніе. Въ большой милости ген.-адъютантъ князь Долгорукій. Это онъ доставилъ Дрезденское мѣсто Ханыкову. Находясь въ Берлинѣ, онъ выражалъ мнѣ много дружества, и я обращусь къ нему въ случаѣ, если г.г. Куракинъ и Кочубей не захотятъ устроить мое перемѣщеніе въ Гагу". Это перемѣщеніе состоялось вскорѣ и вызвано было опасеніемъ служить подъ начальствомъ Алопеуса, который находился во враждѣ съ старикомъ гр. Нессельродомъ.

„Берлинъ, 2 Окт. 1802. Баварскій курьеръ, пріѣхавшій вчера изъ Петербурга, привезъ важныя извѣстія. Произошла большая ломка. Князь Куракинъ подалъ въ отставку. Кочубей назначенъ генералъ-прокуроромъ съ придачею ему молодого графа Строганова. На мѣстѣ князя Куракина графъ Александръ Воронцовъ, а на мѣстѣ Кочубея князь Адамъ Чарторыжскій. Они будутъ теперь управлять нашими иностранными дѣлами. Графу Завадовскому поручено народное просвѣщеніе". Когда графъ А. Р. Воронцовъ отпросился въ свою Владимирскую деревню, графъ Нессельродъ писалъ отцу, 10 Января 1803 г., уже изъ Гаги: „Охотно соглашаюсь съ вами, что для себя лично канцлеръ хорошо сдѣлалъ, что отстранился отъ дѣлъ, такъ какъ здоровье не позволяетъ ему управлять ими какъ слѣдуетъ; но сомнѣваюсь, много ли добраго окажется изъ того для насъ. Будетъ ли преемникъ его такъ же какъ онъ твердъ характеромъ, и также искренне преданъ благу Россіи, чтобы не допускать никакого иностраннаго вліянія и наконецъ вывести это государство на то поприще, которое ему предназначено по его пространству, географическому положенію, военнымъ силамъ, производительности и по драгоцѣнному преимуществу ни въ комъ не нуждаться и мирно пользоваться такимъ положеніемъ, что не оно къ другимъ, а другія къ нему должны обращаться? Согласитесь же, что трудно предполагать таковыя качества въ Полякѣ, который, какъ бы ни былъ уменъ и чистосердеченъ, не такъ скоро забудетъ недавнія бѣдствія своей родины, чтобы ревностно работать на благо правительства, причинившаго оныя. Я все надѣюсь, что управленіе ввѣрено ему лишь на время, но не вижу, кто бы его замѣстилъ. Графъ Семенъ Воронцовъ рѣшительно оставляетъ Лондонское мѣсто, но не для того, чтобы получить другое, а намѣреніе его, какъ я знаю отъ вѣрныхъ людей, совсѣмъ удалиться и жить съ братомъ своимъ во Владимирской деревнѣ *). Что касается до графа Маркова, я думаю, что онъ вовсе не для того поѣхалъ на Вѣну, о

*) Это намѣреніе не исполнилось, такъ какъ братъ умеръ (2 Дек. 1805). П. Б.

чемъ вы предполагаете. Конечно, по своей связи съ графомъ Людовикомъ Кобенцелемъ, онъ бы могъ тамъ остаться. Онъ самъ весьма желаетъ получить это мѣсто и получитъ, если находящійся теперь въ Петербургѣ графъ Андрей Разумовскій не достаточно силенъ, чтобы на немъ удержаться; ибо весьма настойчиво утверждали, что его отзовутъ, только отнюдь не для замѣны его княземъ Петромъ Долгорукимъ, какъ толковали слишкомъ пылкіе газетчики, воображающіе, что быть посломъ обычно членамъ этого славнаго семейства. Тотъ, о комъ они толкуютъ, теперь въ Вѣнѣ, провѣряетъ счеты по союзу 1799 года и по передвиженію нашихъ войскъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Это военный человѣкъ, зять Государственнаго Казначея, острословъ, и все-таки добрый малый, нововсе неспособный къ дипломатіи" [1]).

„Гага, 15 Апрѣля 1803. Черезъ одного изъ путешественниковъ я получилъ изъ Петербурга письмо съ извѣстіями столь же важными, какъ и злополучными, которыя попрошу васъ, дорогой батюшка, не особенно разглашать. Вопреки всему что̀ говорилъ вамъ графъ Семенъ Воронцовъ въ свой проѣздъ черезъ Франкфуртъ, слѣдующій случай наглядно вамъ докажетъ, что расширеніе власти Сената, произведенное послѣдними преобразованіями, не радуетъ и можетъ сдѣлаться опаснымъ въ правленіе вялое и слабодушное. Государь приказалъ Сенату внести въ число законовъ указъ, по которому всякій унтеръ-офицеръ (изъ дворянъ или другихъ сословій) не можетъ проситься въ отставку не прослуживъ 12 лѣтъ. Въ Сенатѣ поднялись весьма сильныя возраженія. Въ особенности возсталъ графъ Потоцкій, одинъ изъ нашихъ главныхъ дѣльцовъ. Государь, вмѣсто того, чтобы настоять на своемъ, почелъ нужнымъ взять указъ назадъ. Дидрихштейнъ откланялся, каждый день ожидаютъ Кобенцеля. Другъ нашъ Головкинъ [2]) попросилъ позволенія для жены своей на отъѣздъ, и ему сказано, что онъ можетъ ее сопровождать, чего вовсе не хотѣлось ему. Онъ принялся писать и просить, и добился того, что получилъ разрѣшеніе не ѣхать.

*

Не задолго до своей кончины (11 Марта 1862) графъ К. В. Нессельроде продиктовалъ своей племянницѣ Марьѣ Карловнѣ Калерджи свои воспоминанія, не имѣя конечно подъ руками тѣхъ писемъ, которыя въ XVIII вѣкѣ писалъ къ своему отцу.

Переписка отца съ сыномъ не прерывалась. Мы теперь имѣемъ ее до 1804 года включительно, а въ слѣдующихъ книгахъ Нессельродовскаго архива вѣроятно появится продолженіе до 1810 года (когда отецъ скончался). Политическія событія составляютъ содержаніе этой переписки, при чемъ иногда старикъ-отецъ дѣлится съ сыномъ своими воспоминаніями. Такъ 25 Іюля

---

[1]) Князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, отецъ князя Александра Сергѣевича знакомаго читателямъ „Русскаго Архива" по письмамъ его тестя А. Я. Булгакова. П. Б.

[2]) Графъ Ѳедоръ Гавриловичъ, записки котораго недавно вышли въ свѣтъ. П. Б.

1804 года онъ писалъ: „Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что недѣль шесть назадъ, здѣсь проѣзжалъ нѣкто Лагарпъ. Ты, по имени, конечно, вспомнишь, кто это такой; но можетъ быть удивишься, когда скажу, что на его визитныхъ карточкахъ означенъ пышный титулъ: „бывшій директоръ Гельветической республики“ *). Пробывъ здѣсь восемь дней, онъ отправился въ Дрезденъ, съ цѣлью пробраться въ Россію. Я вижу отсюда, какъ великій Сегюръ подноситъ Бонапарту двойное украшеніе ордена Почетнаго Легіона, въ день празднѳвства, которое для того назначено въ Домѣ Инвалидовъ, и конечно онъ исполнитъ эту обязанность со всею свойственною ему мелочною точностью и съ жеманствомъ, которое присуще всякому Французу. Такимъ я видѣлъ его въ Эрмитажномъ театрѣ въ Петербургѣ на представленіи одной изъ Русскихъ комедій, сочиненной Императрицею Екатериной (онъ сидѣлъ у ногъ Императрицы, между графомъ Кобенцелемъ, который нынѣ правитъ Австрійскою монархіей, и Мамоновымъ). Такимъ былъ онъ, въ знаменитое Крымское путешествіе, когда сопровождалъ Императрицу вмѣстѣ съ Кобенцелемъ и Англійскимъ посломъ Фицъ-Гербертомъ. Сей послѣдній, какъ я слышалъ отъ графа Штакельберга, былъ много умнѣе Сегюра, понапрасну расточавшаго цвѣты утонченнаго Французскаго краснорѣчія. Я еще видѣлъ Сегюра съ національною кокардою на шляпѣ въ Берлинѣ, посыланнаго туда Французскою республикою, во времена Директоріи, ея предсѣдателемъ знаменитымъ Баррасомъ, которому Бонапартъ обязанъ всѣмъ своимъ счастіемъ. Цѣлью посылки было помѣшать Прусскому королю Фридриху-Вильгельму присоединиться съ коалиціи. Сегюръ потерпѣлъ неудачу, представивъ намъ подобіе политическаго самоубійства, вслѣдствіе жестокой его распри съ бывшимъ закадычнымъ его другомъ, знаменитымъ адмираломъ княземъ Нассау-Зигеномъ, который въ то время былъ горячимъ приверженцемъ Французскихъ принцевъ. Сегюръ потомъ исчезъ съ политическаго Берлинскаго горизонта. Я такъ распространился о немъ для того, чтобы ты, любезный сынъ, зналъ что̀ въ сущности за человѣкъ, предназначенный по видимому занять мѣсто Талейрана въ управленіи иностранными дѣлами“.

---

*) Въ управленіи которою онъ прибѣгалъ къ мѣрамъ кровавымъ. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ.

Переводъ съ Французскаго [1]).

Я родился въ Лиссабонѣ 2 (13) Декабря 1780 года. Моя мать была протестантка, а отецъ католикъ. Проживъ долго среди энциклопедистовъ и философовъ XVIII вѣка, онъ сдѣлался менѣе исключительнымъ въ дѣлѣ вѣротерпимости и потому согласился на желаніе матери моей окрестить и воспитать меня по обрядамъ той вѣры, которую она сама исповѣдывала [2]). Въ Лиссабонѣ не оказалось иного протестантскаго храма кромѣ домашней церкви Англійскаго посольства; въ ней совершилось мое крещеніе, и такимъ образомъ я на всю жизнь принялъ Англиканское вѣроисповѣданіе.

Едва мнѣ минуло шесть лѣтъ, какъ я лишился матери. Несчастіе это такъ глубоко поразило отца моего, что сдѣлало для него ненавистнымъ пребываніе въ Лиссабонѣ. Онъ сталъ ходатайствовать объ увольненіи, которое и получилъ въ 1787 году. Отцу моему было подъ шестьдесятъ лѣтъ [3]); онъ сильно страдалъ подагрой, что̀ и внушило ему желаніе, послѣ далеко небезмятежной жизни, удалиться отъ общественныхъ дѣлъ.

Будучи однимъ изъ младшихъ членовъ старинной фамиліи герцогства Бергъ, онъ, по тогдашнему обыкновенію всѣхъ младшихъ въ родѣ, искалъ счастія вездѣ понемногу. Сначала вступилъ онъ въ Австрійскія войска и находился въ 1747 году въ сраженіи подъ Лауфельтомъ, гдѣ получилъ въ голову рану, слѣды коей сохранилъ до самой смерти. Потомъ постепенно перебывалъ въ службѣ Палатинскаго двора, Соединен-

---

[1]) Неудачный переводъ этихъ Воспоминаній уже напечатанъ былъ въ Октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1865 года, но съ неточностями, которыя здѣсь поправлены; опущенія же возстановлены. П. Б.

[2]) Поэтому можно полагать, что графъ Нессельроде-отецъ былъ католикъ. П. Б.

[3]) Графъ Вильгельмъ Нессельроде (какъ видно въ дальнѣйшемъ изложеніи Воспоминаній его сына) скончался въ 1810 году. П. Б.

ныхъ Провинцій, Франціи и Пруссіи. Во Франціи онъ состоялъ полковникомъ въ Королевскомъ Нѣмецкомъ полку (Royal-Allemand), вышелъ въ отставку во время опалы своего покровителя, герцога Шоазеля, послѣ чего и возвратился въ Германію. Находясь въ Берлинѣ для устройства домашнихъ дѣлъ, онъ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ Фридриху Великому; ему посчастливилось даже понравиться этому государю оригинальностью ума своего, напоминавшаго въ немъ скорѣе Француза чѣмъ Нѣмца, быстротою отвѣтовъ подчасъ очень мѣткихъ. Фридрихъ предложилъ отцу моему оставить его при себѣ, пожаловалъ ему камергерскій ключъ и, что̀ было несравненно привлекательнѣе для отца моего, принялъ его въ число тѣхъ умныхъ людей, которые составляли пріятельскій кружокъ этого монарха. Въ теченіе шести лѣтъ отецъ мой оставался при дворѣ великаго короля, не занимая впрочемъ никакой должности. Правда, что разъ Фридрихъ предложилъ ему назначить его посланникомъ въ Вѣну, но ограниченность предложеннаго при этомъ содержанія заставила отца моего отвѣчать, что, не имѣя никакого состоянія, онъ долженъ отказаться отъ чести быть представителемъ четырехъ нищенскихъ орденовъ. Видя, что положеніе его въ Пруссіи не представляетъ ему никакой надежды упрочить свою будущность, отецъ мой просилъ у короля увольненія. Король согласился не безъ досады, выраженной въ словахъ довольно жесткихъ.

Во время пребыванія своего въ Берлинѣ, отецъ мой познакомился съ княземъ Орловымъ, который предложилъ ему вступить въ Русскую службу. Императрица Екатерина, вслѣдствіе ходатайства ландграфини Дармштадтской, матери великой княгини Натальи Алексѣевны (первой супруги императора Павла) изъявила благосклонное согласіе на принятіе въ службу отца моего, пожаловала его въ камергеры и вслѣдъ затѣмъ назначила на только-что учрежденное мѣсто посланника при Португальскомъ дворѣ. Пробывъ въ Португаліи шесть лѣтъ и выхлопотавъ себѣ увольненіе, отецъ мой прибылъ въ Петербургъ; но здѣсь ожидали его новыя предложенія, помѣшавшія ему привести въ исполненіе намѣреніе отдохнуть отъ дѣлъ. Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, бывшій тогда Русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, поссорился съ тамошнимъ дворомъ изъ-за этикета, при чемъ вся вина была на его сторонѣ. Императрица отозвала виновнаго и велѣла предложить отцу моему его мѣсто. Какъ ни мечталъ мой отецъ объ отставкѣ, но не было никакой возможности отказаться отъ предложенія, доказывавшаго высокое довѣріе Императрицы къ его способностямъ и преданности; притомъ въ Берлинѣ предстояло исполнить порученіе весьма важное и трудное по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Россія состояла въ войнѣ съ Турціей и Швеціей. Успѣхи нашего оружія смущали Англію: она боялась осу-

ществленія въ отношеніи Оттоманской Имперіи замысловъ, обнаруженныхъ благодаря легкомысленному тщеславію нѣкоторыхъ, и Питтъ возымѣлъ намѣреніе, въ видахъ уравновѣшенія союза Россіи съ Австріей, соединиться съ Пруссіей и вооруженною рукой на морѣ и на сушѣ противодѣйствовать намъ на Востокѣ. Обезсилить дѣйствія Англійскаго министерства, старавшагося вовлечь Прусскій кабинетъ въ свои планы, —такова была задача, указанная отцу моему въ Берлинѣ. Императрица думала, что вслѣдствіе долговременнаго пребыванія при дворѣ Фридриха Великаго, пріобрѣтенныхъ при этомъ личныхъ знакомствъ и близкихъ сношеній съ лицами, имѣвшими вліяніе при дворѣ, отецъ мой предпочтительно предъ всякимъ другимъ обладалъ средствами, необходимыми для достиженія успѣха. Это рѣшило выборъ Государыни. Назначеніе послѣдовало и сопровождалось лично въ отношеніи меня милостью: по высочайшему повелѣнію, я записанъ мичманомъ [1]), хотя мнѣ было всего восемь лѣтъ отъ роду.

Покуда отецъ мой былъ въ Россіи, я оставался во Франкфуртѣ на попеченіи одной изъ моихъ тетокъ по матери. Пріѣхавъ въ Берлинъ, отецъ вызвалъ меня къ себѣ и помѣстилъ къ директору гимназіи [2]), въ которой я проходилъ курсъ ученія. Чтобы сдѣлаться морскимъ офицеромъ, нужно было, пожалуй, не такое воспитаніе; но обстоятельства готовили мнѣ другое поприще, для котораго гораздо лучше служило данное мнѣ въ то время образованіе, къ несчастію оставшееся неоконченнымъ. Достигнувъ 16-тилѣтняго возраста (въ 1796 году), я былъ отправленъ отцомъ моимъ въ Петербургъ для начатія службы. Я пріѣхалъ сюда за шесть мѣсяцевъ до кончины императрицы Екатерины и имѣлъ честь быть представленнымъ ей. Она назначила меня въ Балтійскій флотъ и поручила меня адмиралу Карцову для изученія службы подъ его начальствомъ. Съ этою цѣлью я перебрался въ Кронштадтъ, гдѣ помѣщалось второе отдѣленіе морского кадетскаго корпуса, находившееся въ завѣдываніи моего наставника. Переселеніе мое произошло въ Сентябрѣ 1796. Въ Ноябрѣ Императрицы не стало.

Императоръ Павелъ еще до вступленія на престолъ былъ весьма милостивъ къ моему отцу, который при отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ далъ мнѣ письмо къ нему. При воцареніи своемъ Павелъ вспомнилъ о томъ и пожаловалъ меня прямо въ свои флигель-адъютанты по флоту. Получивъ извѣстіе объ этомъ лестномъ повышеніи, я немедленно покинулъ Кронштадтъ, вернулся въ Петербургъ и былъ представленъ Государю,

---

[1]) Можетъ быть потому, что онъ родился и провелъ младенчество при морѣ. П. Б.

[2]) Г. Гедике, извѣстному латинисту. П. Б.

который принялъ меня чрезвычайно благосклонно и допустилъ дежурить при своей особѣ. Однажды онъ спросилъ меня, имѣю ли я охоту къ морской службѣ. Я отвѣчалъ, что не имѣлъ еще случая пріохотиться. Государь сказалъ на это. что онъ такъ и думалъ, зная про мое Берлинское воспитаніе, и предложилъ мнѣ перейти въ сухопутныя войска. Я согласился съ большимъ удовольствіемъ. Государь перевелъ меня поручикомъ въ конную гвардію, оставивъ при себѣ флигель-адъютантомъ. Я продолжалъ дежурить при Государѣ и сопровождалъ его въ Москву на коронацію, весной 1797 года.

Когда дворъ возвратился въ Петербургъ, то отецъ мой пріѣхалъ благодарить Императора за оказанныя мнѣ милости [1]). Еще въ 1795 году отецъ мой испросилъ у императрицы Екатерины чистую отставку, которую и получилъ съ 2000 рублей пенсіи. Пріѣздъ его въ столь преклонныхъ лѣтахъ имѣлъ цѣлью направить первые служебные шаги мои и водворить меня въ Петербургскомъ обществѣ. Императоръ Павелъ былъ къ нему чрезвычайно ласковъ. Не забывъ кое-какихъ услугъ [2]), оказанныхъ ему отцомъ моимъ въ прежніе годы, Государь пожаловалъ ему Александровскую ленту, вскорѣ потомъ далъ въ 12-тилѣтнее пользованіе мызу Нейгутъ въ Курляндіи и уговаривалъ поселиться въ Россіи; но разстроенное здоровье не позволило отцу моему воспользоваться этимъ лестнымъ предложеніемъ. Проведя въ Россіи годъ, онъ лѣтомъ 1798 г. уѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ и оставался до смерти.

Я продолжалъ дежурить при Императорѣ. Въ этомъ 1798 г. составился противъ Французской республики новый союзъ, въ которомъ Россія впервыя приняла участіе. Мы выставили три корпуса: первый, генерала Розенберга, былъ направленъ къ Италіи, съ тѣмъ чтобы, по соединеніи съ Австрійскою арміей, стать подъ главное начальство фельдмаршала князя Суворова, которому императоръ Австрійскій, съ согласія императора Павла, поручилъ свою Итальянскую армію. Второй корпусъ, подъ начальствомъ Корсакова, долженъ былъ дѣйствовать въ Швейцаріи; третій, подъ предводительствомъ генерала Германа, предназначенъ къ высадкѣ въ Голландіи для занятія этой страны вмѣстѣ съ Англичанами. Весной 1799 г. должны были начаться военныя дѣйствія во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Зимою еще Государь велѣлъ предложить своимъ фл.-адъю-

---

[1]) Графъ Нессельроде-отецъ вспоминаетъ, въ письмѣ къ сыну отъ 1 (13) Ноября 1801 г., какъ Павелъ заставлялъ его, уже 70-лѣтняго старика, являться съ семи часовъ утра на военныя Гатчинскія ученія. П. Б.

[2]) Разсказываютъ, что Нессельроде, чрезъ посредство графа Мамонова, успѣлъ выхлопотать у Императрицы денежную сумму, которая была необходима великому князю. *Примѣчаніе переводчика въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.*

тантамъ вступить въ дѣйствующія войска и принять участіе въ войнѣ. Я поспѣшилъ согласиться на это предложеніе, при чемъ выказалъ больше отваги, чѣмъ предусмотрительности. Меня помѣстили во второй корпусъ, собиравшійся на границахъ Подоліи и долженствовавшій соединиться съ корпусомъ Розенберга. Я отправился по назначенію, но едва доѣхалъ до Кіева какъ курьеръ изъ Петербурга привезъ мнѣ приказаніе Государя вернуться немедленно. Прощайте мои мечты о воинской славѣ! Съ отчаяніемъ въ душѣ пришлось ѣхать обратно и отказаться отъ счастья быть участникомъ въ Италіянской кампаніи, обезсмертившей Суворова, имя котораго несомнѣнно принадлежитъ къ именамъ величайшихъ полководцевъ новѣйшихъ временъ.

Опечаленный, я вернулся въ Петербургъ. Пріемъ Государя былъ таковъ, что не разсѣялъ моей грусти. При представленіи моемъ, онъ сурово сказалъ мнѣ: «Если не хочешь служить при мнѣ, такъ отправляйся въ полкъ». Такимъ образомъ кончилось мое флигель-адъютантство. и я пошелъ явиться къ князю Борису Голицыну, командовавшему конною гвардіей. Общество офицеровъ состояло изъ избраннаго дворянства, изъ молодыхъ людей первыхъ фамилій: то были Петербургскіе львы. Несмотря на то, или, можетъ-быть, по тому самому, полкъ не былъ въ милости у Государя: не проходило парада или ученья безъ неудовольствія, выговоровъ и, всего чаще, разжалованія. Послѣдній родъ наказанія повторялся столь часто, что повышеніе сдѣлалось очень быстрымъ. Вслѣдствіе этого я, 9-го Іюля 1799 года, произведенъ въ полковники. Увы, не долго пришлось мнѣ наслаждаться такимъ почетомъ! Въ концѣ Декабря, мой эскадронъ стоялъ въ караулѣ Зимняго дворца. Одинъ изъ моихъ офицеровъ не разслушалъ команды полковника, распоряжавшагося парадомъ, и сдѣлалъ ошибку, замѣченную Государемъ. И безъ того недовольный полкомъ, Государь сильно разсердился, разжаловалъ офицера, смѣнилъ князя Бориса Голицына, назначилъ великаго князя Константина Павловича командиромъ конногвардейцевъ и выслалъ ихъ изъ столицы въ Царское Село. Къ несчастію, а можетъ и къ счастію, я попалъ въ эту общую немилость; но, благодаря остатку добраго ко мнѣ расположенія, былъ уволенъ не просто, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, а съ пожалованіемъ въ камергеры. Не безъ живого сожалѣнія покинулъ я военное поприще. Впрочемъ, я имѣлъ счастіе любить всякую, выпадавшую на мою долю, службу.

Итакъ, мнѣ пришлось быть камергеромъ, нести придворную службу и въ двадцать лѣтъ предаваться бездѣйствію, которое не могло ни отвѣчать моимъ вкусамъ, ни обезпечивать мою будущность. Я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы нѣсколько нагнать занятіями время, поте-

рянное на военной службѣ. Такое существованіе продлилось болѣе года, въ теченіе котораго меня постигли новыя превратности. Лѣтомъ, Государь, чѣмъ-то разгнѣванный, уволилъ всѣхъ камергеровъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ. Нѣкоторые получили мѣста по гражданскому управленію, а я просто уволенъ въ отставку. Къ концу 1800 года Государь велѣлъ объявить, что разрѣшаетъ всѣмъ уволеннымъ отъ службы военнымъ и гражданскимъ чинамъ просить о новомъ вступленіи. Я поспѣшилъ представить просьбу Государю и немедленно назначенъ къ прежней должности камергера.

Возвратясь изъ Гатчины, Императоръ перенесъ свое мѣстопребываніе изъ Зимняго въ только-что оконченный Михайловскій дворецъ. Здѣсь я цѣловалъ ему въ послѣдній разъ руку на куртагѣ 11-го Марта, не задолго до его кончины. Въ ночь съ 11 на 12-е послѣдовала страшная катастрофа, возведшая на престолъ Александра. Въ то время было принято посылать увѣдомленія о вступленіи на престолъ дворамъ, состоявшимъ въ родствѣ съ императорскою фамиліей; обыкновенно посланныхъ выбирали изъ числа камергеровъ. Меня отправили къ герцогу Виртембергскому, брату императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вслѣдствіе войны съ Франціей онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ чужомъ владѣніи, Эрлангенѣ, гдѣ я и исполнилъ возложенное на меня порученіе, довольно щекотливое по причинѣ распросовъ о кончинѣ императора Павла, которымъ меня подвергали. Мнѣ посчастливилось не уклониться отъ того что̀ мнѣ приказано было говорить.

По подписаніи 9-го Февраля 1801 года Люневильскаго мира, Французскія войска стали очищать Германію, и герцогъ Виртембергскій могъ возвратится въ свои владѣнія. Онъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему для полученія тамъ послѣднихъ приказаній и отвѣтовъ на привезенныя мною письма императорской фамиліи. «Я хочу—говорилъ онъ мнѣ—чтобы вы могли сказать сестрѣ моей, что видѣли меня водворившимся у себя дома». Изъ Эрлангена я отправился въ Штутгартъ, заѣхавъ по пути во Франкфуртъ, гдѣ имѣлъ счастіе свидѣться съ отцомъ моимъ, который тамъ поселился по отъѣздѣ изъ Петербурга. Проведя во Франкфуртѣ десятокъ дней, я, тотчасъ, по прибытіи Виртембергскаго герцога въ его столицу, поѣхалъ къ нему. Онъ принялъ меня въ Лудвигсбургѣ, своемъ любимомъ загородномъ замкѣ. Герцогъ безпокоился о здоровьи неизлѣчимо больного любимца своего, графа Цеппелина. Замѣчательный былъ человѣкъ этотъ герцогъ, ума высокаго, характера неукротимаго, тиранъ въ семействѣ и въ государствѣ *). Наблюдать его вблизи было для меня до-

*) Нѣкоторыя черты его нрава проявлялись иногда у насъ въ его племянникахъ. П. Б.

вольно интересно. Видно такова участь этого небольшого государства—часто попадать подъ управленіе прихотливыхъ людей. Воспоминанія о царствованіи знаменитаго герцога Карла еще были тамъ живы, и мнѣ не разъ приходилось слышать анекдоты о монархѣ, про котораго Шиллеръ сказалъ: „Когда Діонисій пересталъ быть тираномъ, то сдѣлался школьнымъ учителемъ.“ Онъ дѣйствительно такимъ образомъ окончилъ рядъ убыточныхъ выходокъ, какими угнеталъ свою страну. Разставшись съ герцогомъ, я завернулъ въ Карлсруэ, гдѣ счелъ нужнымъ представиться маркграфу и маркграфинѣ Баденскимъ, такъ сія какъ послѣдняя была матерью императрицы Елисаветы Алексѣевны. Оттуда я снова заѣхалъ во Франкфуртъ къ отцу моему и, пробывъ съ нимъ нѣсколько недѣль, предпринялъ обратный путь въ Россію.

Заботы о будущемъ не покидали меня. Новое царствованіе, милости, оказанныя мнѣ императоромъ Александромъ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, давали мнѣ надежду вступить, подъ счастливыми предзнаменованіями, на любое поприще. Я рѣшился сдѣлаться дипломатомъ, на что не безъ труда получилъ отцовское соизволеніе. Отецъ мой, пожавшій въ этой службѣ болѣе терній чѣмъ розъ, не хотѣлъ подвергать своего сына непріятностямъ, которыя самъ переносилъ. Къ этимъ опасеніямъ, внушеннымъ отеческою нѣжностію, присоединялось, быть-можетъ, недовѣріе къ моимъ дарованіямъ, въ то время мало развитымъ и заставлявшимъ бояться за меня неудачъ въ отрасли общественнаго служенія, которая требуетъ способностей, какъ отцу моему казалось, недостаточно мнѣ свойственныхъ [1]). Какъ бы то ни было, я настаивалъ на однажды принятомъ рѣшеніи, и въ проѣздъ черезъ Берлинъ старался вывѣдать у барона Криденера [2]), не будетъ ли съ его стороны препятствій, если я, по возвращеніи въ Петербургъ, стану просить о назначеніи въ его посольство. Отвѣтъ его вполнѣ утвердилъ меня въ надеждѣ быть благосклонно принятымъ. Баронъ Криденеръ былъ человѣкъ достойный, характера весьма любезнаго, и всегда состоялъ съ отцомъ моимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Получивъ его согласіе, я тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ сталъ хлопотать объ исполненіи

---

[1]) Отецъ писалъ будущему нашему канцлеру, 4 Мая 1804 года: „Вспомни, что̀ я говорилъ тебѣ, когда ты рѣшился покинуть военную службу и поступить на дипломатическую, и моя двадцатилѣтняя опытность давала мнѣ право такъ говорить. Для человѣка съ умомъ возвышеннымъ, здравымъ сужденіемъ и добрымъ сердцемъ эта служба худшая изо всѣхъ. Желаю тебѣ, любезный сынъ, чтобы собственная опытность до конца твоей жизни убѣждала тебя въ ошибочности моего мнѣнія“.

[2]) Это мужъ знаменитой баронессы, внучки фельдмаршала Миниха, которая была виновницею Священнаго Союза, имѣвшаго столь роковое значеніе въ Европейской исторіи. Супруги, кажется, жили врозь и не имѣли другъ на друга вліянія. П. Б.

своихъ желаній. Просьба по этому предмету была подана мною прямо Государю, который велѣлъ передать ее графу Панину, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ. Графъ Панинъ, пріязненно расположенный ко мнѣ, тотчасъ зачислилъ меня въ министерство и назначилъ въ Берлинскую миссію. Восьмнадцать лѣтъ спустя, мнѣ довелось опредѣлить сына его *) въ тоже министерство.

Въ Августѣ мѣсяцѣ я прибылъ въ Берлинъ. Баронъ Криденеръ принялъ меня съ отмѣннымъ радушемъ, отвелъ мнѣ квартиру у себя въ домѣ, руководилъ меня въ первомъ изученіи мною дипломатіи, далъ мнѣ возможность, вмѣстѣ съ его сыномъ, прослушать курсъ публичнаго права, читанный знаменитымъ Ансильйономъ, преподававшимъ въ то время исторію въ Военной Академіи. Тридцатью годами позже, Ансильйонъ былъ Прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а я Россійскимъ вице-канцлеромъ, и мы вмѣстѣ составляли и подписывали протоколы о томъ, какое положеніе тремъ державамъ Сѣвера (какъ называли тогда Россію, Австрію и Пруссію) принять въ отношеніи правительства Лудовика-Филиппа.

Слѣдующая за моимъ пріѣздомъ зима прошла чрезвычайно блистательно въ Берлинѣ. Королева Луиза была въ полномъ блескѣ красоты. Дворъ и высшее общество, соперничая, оживляли карнавалъ. Костюмированные и другіе балы, спектакли любителей, обѣды, слѣдовали одинъ за другимъ съ такою непрерывностію, что мы едва успѣвали вздохнуть. Дипломатическій корпусъ не оставался назади. Онъ былъ составленъ прекрасно и представилъ мнѣ случай подружиться съ отмѣнными людьми, игравшими впослѣдствіи роли въ дѣлахъ Европы. Въ числѣ ихъ былъ графъ Стадіонъ, котораго въ 1806 году я засталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ (куда мнѣ тогда давали порученіе). Секретаремъ посольства при графѣ Стадіонѣ былъ баронъ Вессембергъ, позднѣе товарищъ мой на Вѣнскомъ конгрессѣ, такъ печально окончившій свое поприще въ 1848 году. Представителемъ Франціи былъ генералъ Бернонвиль, солдатъ революціи, человѣкъ не дурной, но ничтожный въ дѣлѣ дипломатіи, и потому опиравшійся на секретаря посольства, г. Биньйона, человѣка очень умнаго, сдѣлавшагося впослѣдствіи извѣстнымъ своими сочиненіями, пристрастіемъ къ Полякамъ и ненавистью къ Россіи. Могъ ли я подумать въ то время, что Талейранъ изберетъ въ 1814 году Бернонвиля для участія во временномъ правительствѣ? Въ числѣ замѣтныхъ членовъ дипломатическаго корпуса былъ

*) Графа Виктора Никитича, будущаго министра юстиціи. Онъ первоначально служилъ при посольствѣ въ Аѳинахъ. П. Б.

генералъ Офарриль, честный человѣкъ и хорошій воинъ. Событія, взволновавшія Испанію, къ сожалѣнію, отбросили его на ложную дорогу. Я свидѣлся съ нимъ въ 1810 году, въ Парижѣ; онъ былъ въ ту пору военнымъ министромъ короля Іосифа.

Но изо всѣхъ сдѣланныхъ мною тогда знакомствъ всего болѣе пригодилось мнѣ впослѣдствіи сближеніе съ знаменитымъ Генцомъ. Онъ состоялъ еще въ Прусской службѣ и только-что напечаталъ два сочиненія, вознесшія его на степень равную съ знаменитѣйшими Европейскими публицистами, каковы Буркъ и Малле-дю-Панъ. Одно изъ этихъ сочиненій относилось къ финансамъ Англіи и было первою книгою объяснившею на материкѣ механизмъ Англійской администраціи и систему г. Питта. Другое подъ заглавіемъ: *Европа прежде и послѣ Французской революціи*, должно было служить опроверженіемъ изданія озаглавленнаго: *Состояніе Франціи въ исходѣ VIII года*, которое было изготовлено Отривомъ по приказанію Наполеона Бонапарте, желавшаго, при провозглашеніи консульства, распространить по Европѣ свои начала и ученія. Опроверженіе это имѣло огромный успѣхъ; съ этого времени Генцъ сдѣлался самымъ рѣшительнымъ и просвѣщеннымъ защитникомъ добрыхъ началъ. Къ сожалѣнію, нравственный его характеръ не стоялъ въ уровень съ высотой его генія. Его не безъ основанія обвиняли въ подкупности, хотя, впрочемъ, онъ пользовался деньгами только отъ тѣхъ, кто раздѣлялъ его образъ мыслей. Онъ сохранилъ до самой смерти свои политическія убѣжденія, не такъ какъ Іоганъ Миллеръ, историкъ Швейцаріи, и другіе ученые публицисты, одновременно съ Генцомъ защищавшіе тоже дѣло съ подобнымъ же рвеніемъ. Послѣднее сочиненіе Генца вызвало для него предложеніе вступить въ Австрійскую службу. Онъ принялъ это предложеніе съ поспѣшностью, предпочитая служить державѣ по преимуществу консервативной предпочтительно предъ Прусскимъ кабинетомъ, которымъ недобросовѣстно располагалъ графъ Гаугвицъ, слабый и измѣнчивый и въ намѣреніяхъ, и въ дѣйствіяхъ.

Остается еще упомянуть о принцѣ Людвигѣ-Фердинандѣ. Онъ принялъ меня въ кружокъ своихъ приближенныхъ, и я получилъ такимъ образомъ возможность узнать этого принца, блистательно одареннаго отъ природы достоинствами, обѣщавшими сдѣлать изъ него великаго человѣка. Быть-можетъ, онъ и сдѣлался бы такимъ по минованіи пыла юношескихъ страстей, которыя въ эпоху моего съ нимъ знакомства были черезчуръ живы: удовольствія и самыя серіозныя занятія, женщины, игра, вино, изученіе Греческаго и Латинскаго языковъ, генералъ-басъ, все это шло у него рядомъ. Необдуманный подвигъ мужества лишилъ

его жизни въ Саальфельдской битвѣ. Если бы лѣта и опытъ успѣли придать ему зрѣлости, то онъ могъ бы сдѣлаться полезнымъ своему отечеству, гдѣ сожалѣніе о немъ было всеобщее.

Зима прошла и пріятно, и назидательно, въ обществѣ этихъ людей высокаго развитія. Весной отецъ мой тяжко захворалъ. Съ разрѣшенія своего начальника, я навѣстилъ во Франкфуртѣ больного, который, къ счастію, оправился отъ болѣзни; но въ бытность мою во Франкфуртѣ, я внезапно получилъ горестное извѣстіе о смерти моего превосходнаго начальника, пораженнаго апоплексіей на прогулкѣ Подъ Липами. Потеря эта была для меня вдвойнѣ чувствительна. Съ одной стороны, я жалѣлъ о немъ, какъ о человѣкѣ, съ другой,—предвидѣлъ, что смерть его произведетъ перемѣну въ служебномъ моемъ положеніи. Предчувствіе это оправдалось весьма скоро. На мѣсто барона Криденера назначенъ баронъ Алопеусъ. Алопеусъ былъ прежде директоромъ канцеляріи покровительствовавшаго ему вицеканцлера, графа Остермана, и во время Берлинскаго посланичества отца моего сильно интриговалъ противъ него, желая получить его мѣсто, что̀ ему не удалось въ то время. При враждебныхъ отношеніяхъ новаго посланника къ отцу моему, было бы съ моей стороны въ высшей степени неудобно состоять при его посольствѣ.

Я принялъ немедленное рѣшеніе и тотчасъ по полученіи извѣстія о назначеніи Алопеуса перепросился въ Гагу. Покуда шла о томъ переписка и ожидалось изъ Петербурга согласіе министра, я воспользовался временемъ для поѣздки въ Богемію,—поѣздки, оставившей мнѣ самыя пріятныя воспоминанія и самыя интересныя знакомства. Въ проѣздъ чрезъ Дрезденъ я познакомился съ княземъ, въ то время еще графомъ, Меттернихомъ, Австрійскимъ посланникомъ при Саксонскомъ дворѣ. Въ Теплицѣ я свелъ знакомство съ семействомъ Клари и княземъ де-Линь. Въ этой прекрасной долинѣ собиралось на водахъ избранное Вѣнское общество, съ присоединеніемъ отборныхъ иностранцевъ болѣе или менѣе отовсюду. Въ эпоху, о которой здѣсь говорится, всего болѣе содѣйствовалъ къ оживленію этого чуднаго мѣста князь Лобковицъ. Заклятый меломанъ, онъ соединялъ лѣтомъ въ своихъ Ейзенбергскомъ и Раудницкомъ за́мкахъ лучшихъ представителей Вѣнской и Дрезденской труппъ: въ Дрезденѣ еще существовала постоянная Итальянская опера. Капельмейстеромъ у князя былъ знаменитый Паёръ. Подъ его руководствомъ и даже съ его участіемъ (онъ былъ отличнымъ актеромъ) дано было съ рѣдкимъ совершенствомъ представленіе извѣстнаго сочиненія Паизіелло *Король Өеодоръ*. Благодаря рекомендательному письму графа Стадіона, князь Лобковицъ принялъ меня съ величайшею любезностью.

Я пробылъ у него съ недѣлю сначала въ Ейзенбергѣ, а потомъ въ Раудницѣ, большомъ замкѣ на берегу Эльбы, куда все общество переѣхало для присутствованія при представленіи *Короля Ѳеодора*; я принималъ участіе во всѣхъ удовольствіяхъ и праздникахъ, продолжавшихся ежедневно съ утра до ночи. Увы, подобнымъ образомъ жизни бѣдный князь разорился вполнѣ. По его кончинѣ всѣ майораты отданы подъ опеку, которая лишь послѣ многихъ лѣтъ успѣла привести въ порядокъ это огромное состояніе. Въ Австріи опека поправляетъ разоренныя имѣнія, въ Россіи она окончательно разоряетъ ихъ.

Съ трудомъ оторвался я отъ этой восхитительной жизни, къ которой къ тому же примѣшалось немножко любви. Наконецъ пришлось уѣхать. Осенью 1802 г. я вернулся въ Берлинъ, гдѣ нашелъ свое назначеніе въ Гагу. На пути я снова заѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ провелъ недѣли двѣ съ добрѣйшимъ отцомъ моимъ; затѣмъ пустился по дорогѣ въ Голландію. Слѣдуя правымъ берегомъ Рейна, я направился на Дюссельдорфъ, гдѣ еще остановился дней на десять у моего двоюроднаго брата (cousin), графа Карла Нессельроде, главы нашей фамиліи и владѣльца майоратовъ. То былъ человѣкъ умный, очень образованный, большой музыкантъ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Гацфельдъ, женщинѣ высокаго роста, некрасивой, но за то первоклассной піанисткѣ, въ такое время, когда Листы и Тальберги еще не блистали на музыкальномъ горизонтѣ. Отецъ мой утверждалъ, что бракъ ихъ былъ дѣломъ не любви, а генералъ-баса. Племянникъ этотъ и сестра его, графиня Лерхенфельдъ, были любимцами отца моего. Знакомство мое съ этимъ родственникомъ началось въ Берлинѣ, куда онъ пріѣзжалъ провести нѣсколько мѣсяцевъ послѣдней зимы. Въ Дюссельдорфѣ я познакомился съ нимъ ближе; разговоръ его былъ самый интересный. Онъ вблизи видѣлъ начало Французской революціи и даже до извѣстной степени раздѣлялъ увлеченіе, внушенное тогда честнымъ людямъ трудами Учредительнаго Собранія,—увлеченіе, отъ котораго скоро вылѣчили послѣдующія событія. Недолго я наслаждался дружбой, возникшею между мною и моимъ отличнымъ двоюроднымъ братомъ: онъ умеръ внезапно въ слѣдующую весну.

Остановки во Франкфуртѣ и Дюссельдорфѣ замедлили пріѣздъ мой въ Гагу. Я достигъ мѣста моего назначенія въ Декабрѣ, почти въ концѣ 1802 года. Русскій министръ, графъ Штакельбергъ, принялъ меня благосклонно, хотя нѣсколько сурово. Начинать съ нимъ было нелегко. Онъ любилъ дать почувствовать подчиненнымъ тяжесть своей власти. Вскорѣ однако онъ пересталъ хмуриться, заставилъ меня работать; я только того и желалъ, и наши отношенія сдѣлались удовлетворительными, на-

сколько то возможно, когда имѣешь дѣло съ человѣкомъ возвышенныхъ чувствъ, сердца горячаго, но и нрава преисполненнаго странностей и гордыни *).

Я оставался при графѣ Штакельбергѣ три года; наши ежедневныя отношенія то ухудшались, то опять поправлялись; несмотря на то, отношенія эти положили основаніе дружбѣ, продолжавшейся между нами до самой его смерти. Онъ нерѣдко еще будетъ встрѣчаться въ этой біографической замѣткѣ, что̀ и заставило меня означить здѣсь главныя черты его характера.

Въ 1795 г., послѣ того какъ Пишегрю завладѣлъ Голландіею, прежнее штатгальтерское правленіе было уничтожено, и семь союзныхъ провинцій преобразованы въ Батавскую республику, которую я и засталъ по пріѣздѣ. Партія патріотовъ владычествовала и управляла. Всѣ должности были заняты участниками этой республиканской партіи; Оранжисты были безусловно отстранены. Раздѣленіе между этими двумя партіями было весьма рѣзкое; презрѣніе со стороны Оранжистовъ и ненависть со стороны республиканцевъ дѣлали въ это время сближеніе невозможнымъ. Несмотря на то, въ Гагѣ жили многія Оранжисткія фамиліи, какъ, напримѣръ, Биланды, Васенаеры, Геккерны, Вандерштали. Семейства эти составляли основу хорошаго общества; дипломатическій корпусъ имѣлъ въ нихъ сильную поддержку. Аміенскій миръ открылъ возможность многимъ эмигрантамъ, разсѣяннымъ по Англіи и Германіи, вернуться въ отечество; въ числѣ ихъ было много достойныхъ молодыхъ людей, съ которыми у меня установились пріятныя отношенія.

Личный составъ дипломатическаго корпуса былъ хорошъ. Вліятельнѣе всѣхъ былъ г. де-Семонвиль, Французскій посолъ; по вечерамъ часто собирались у г-жи де-Семонвиль, весьма умной женщины; сынъ ея, Карлъ Монтолонъ, послѣдовавшій въ 1815 году за Наполеономъ на островъ Св. Елены, состоялъ въ то время при посольствѣ. Представителемъ Англіи былъ сэръ Робертъ Листонъ, человѣкъ съ большими достоинствами, характера мягкаго и мирнаго, настоящій Англійскій дипломатъ стараго вѣка. Австрійскимъ посланникомъ былъ баронъ Фельцъ, родомъ Бельгіецъ, умный человѣкъ, отецъ госпожи Виленъ XIV, пріѣзжавшей изъ своихъ Фландрскихъ помѣстій проводить зиму въ Гагѣ, гдѣ она своею любезностью оживляла нашъ кружокъ. Въ такомъ обществѣ не мудрено было провести пріятно зиму.

---

*) Съ этимъ графомъ Штакельбергомъ, когда онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ, ссорился поэтъ Батюшковъ. Въ своей дѣятельности онъ былъ болѣе Русскимъ человѣкомъ нежели иные его товарищи, кровные Русскіе люди. П. Б.

Весной 1803 года новая буря разразилась надъ бѣдною Голландіей, и скажу даже—надъ цѣлою Европой, такъ какъ послѣдствіями этой бури были почти безпрерывно, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, продолжавшіяся войны и другія бѣдствія. Я разумѣю разрывъ Аміенскаго трактата. Голландіи досталось прежде всѣхъ. Корпусъ войскъ, подъ начальствомъ маршала Виктора (впослѣдствіи герцога Беллюнскаго), отправленный для завоеванія Луизіаны, долженъ былъ отказаться отъ этого предпріятія и оставленъ въ Голландіи, принужденной содержать его. Только-что поправившаяся морская торговля этой страны снова разорена въ конецъ, да и цѣлое государство доведено до крайности. Всего этого еще было недостаточно: дошло дѣло до того, что притязанія Бонапарта не знали болѣе границъ. Батавское правительство попыталось сопротивляться и поплатилось за то своимъ существованіемъ. Бонапартъ свергнулъ его и замѣнилъ великимъ пенсіонеромъ, которому предоставлена высшая исполнительная власть. Верховная эта должность возложена на Шиммельпенингка, который до разрыва былъ Голандскимъ посломъ въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ. Онъ былъ прежде адвокатомъ въ Амстердамѣ и игралъ замѣтную роль въ партіи патріотовъ. Съ умомъ, съ характеромъ мягкимъ и умѣреннымъ, онъ принималъ къ сердцу благо своего несчастнаго отечества; за то и непродолжительно было его правленіе.

Эта перемѣна правительства произошла въ 1804 г. Весной слѣдующаго затѣмъ года начальникъ мой, графъ Штакельбергъ, взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ для свадьбы съ графиней Лудольфъ. Перваго секретаря посольства, г. Мальтица, перевели въ Мадридъ, а меня акредитовали повѣреннымъ въ дѣлахъ. Мнѣ въ первый разъ досталось летать на своихъ собственныхъ крыльяхъ. Я смотрѣлъ на это событіе какъ на истинное счастіе и не измѣнилъ своего взгляда до сей поры, хотя въ ту минуту, какъ пишу этотъ очеркъ, мнѣ 78 лѣтъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, для молодаго дипломата нѣтъ ничего желательнѣе какъ имѣть случай выказать свое умѣнье. Случаи эти встрѣчаются чаще во второстепенныхъ чѣмъ въ большихъ посольствахъ; доставшійся на мою долю сдѣлалъ меня извѣстнымъ министерству. Депеши мои принимаемы были въ Петербургѣ съ большимъ снисхожденіемъ чѣмъ онѣ, можетъ-быть, того заслуживали. Нашли, что меня можно употреблять въ дѣло, а мнѣ только того и хотѣлось. Гага могла служить точкой для любопытныхъ наблюденій. Въ портахъ дѣлались большія приготовленія для знаменитой Англійской экспедиціи. Корпусъ Французскихъ войскъ, назначавшійся къ высадкѣ въ соединеніи съ Батавскою арміей, былъ сосредоточенъ въ Цейстскомъ лагерѣ, подъ начальствомъ генерала Мармона. Къ Фран-

цузамъ ежедневно прибывали подкрѣпленія. Эти военныя движенія вскорѣ пріобрѣли для насъ существенное значеніе. Въ теченіе 1805 г. Россія, Австрія и Англія составили противъ Франціи новый союзъ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ возгорѣлась война. Корпусъ Мармона изъ Голландіи двинулся въ южную Германію. Русскія войска, подъ начальствомъ графа Толстаго, заняли Ганноверъ. Батавское посольство было отозвано въ Петербургъ, такъ что мои офиціальныя сношенія прекратились, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приказано оставаться въ Гагѣ елико возможно и извѣщать о томъ что̀ дѣлается за спиною Французскихъ армій. Задача была и щекотлива, и не всегда удобоисполнима. Иногда, какъ, напримѣръ, послѣ полученія извѣстій о претерпѣнныхъ нами подъ Ульмомъ и Аустерлицомъ пораженіяхъ, мнѣ приходилось весьма жутко. Я находилъ утѣшеніе лишь среди добрыхъ Голландцевъ, искренно сочувствовавшихъ нашимъ несчастіямъ. Имъ надоѣло Французское иго, и они, вѣроятно, сбросили бы его, если бы союзъ ознаменовался успѣхомъ, а не пораженіемъ. Вмѣсто того этимъ гордымъ республиканцамъ пришлось подчиниться новому королю, которымъ императоръ Французовъ наградилъ ихъ весной 1806 г. Россія не признала этой власти. Я получилъ приказаніе выѣхать изъ Голландіи и ожидать въ Берлинѣ новаго назначенія. Въ самый день въѣзда въ Гагу короля Людовика я покинулъ этотъ городъ.

По дорогѣ въ Берлинъ я провелъ недѣли двѣ у отца моего во Франкфуртѣ. Я предвидѣлъ, что готовившіяся событія надолго разлучатъ насъ. Въ это время статскій совѣтникъ Убри былъ посланъ въ Парижъ для мирныхъ совѣщаній вмѣстѣ съ Англійскимъ уполномоченнымъ лордомъ Лодерделемъ. Выѣзжая изъ Франкфурта, я былъ увѣренъ, что спокойствіе Европы будетъ упрочено если не прочнымъ миромъ, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я пріѣхалъ въ Берлинъ. Представительство Россіи было здѣсь въ довольно странномъ положеніи. Послѣ Аустерлицкаго сраженія и заключенія Пресбургскаго мира, баронъ Гарденбергъ вышелъ изъ министерства, и оно снова попало въ руки преданнаго Франціи графа Гаугвица, виновника той боязливой и шаткой политики, которой Пруссія слѣдовала со времени Базельскаго мира. Нашъ посланникъ, Алопеусъ, объявилъ, что не хочетъ имѣть дѣла съ новымъ министромъ; но такъ какъ эта выходка нисколько не подвигла короля возвратиться къ другу своему Гарденбергу, и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ не счелъ нужнымъ прерывать сношенія съ Берлинскимъ кабинетомъ: то сношенія съ графомъ Гаугвицомъ поручены возвращавшемуся изъ Петербурга графу Штакельбергу, при которомъ

мнѣ и велѣно состоять. Порученіе это имѣло главнѣйшею цѣлью посредничество между Пруссіей и королемъ Шведскимъ, присоединившимся къ союзу 1805 года и занимавшимъ еще нѣкоторыя мѣстности въ сѣверной Помераніи. Рѣчь шла объ очищеніи имъ этихъ мѣстностей, что́ и совершилось послѣ скучныхъ переговоровъ. Во время этихъ переговоровъ внезапно пріѣхалъ къ намъ изъ Парижа Убри, везя трактатъ, который взялъ на себя подписать. Трактатъ этотъ не удостоился ратификаціи, и кабинетъ нашъ, видя неизбѣжность столкновенія, предписалъ мнѣ объѣхать южную Германію и собрать свѣдѣнія о числѣ и расположеніи въ ней Французскихъ войскъ, содержимыхъ тамъ Наполеономъ подъ разными предлогами вопреки условіямъ Пресбургскаго мира. Я началъ съ того, что поѣхалъ въ Гофъ, гдѣ одинъ изъ старинныхъ моихъ пріятелей, генералъ графъ Тауенцинъ, расположилъ свою главную квартиру. Оттуда я отправлялъ весьма исправно донесенія министерству. Послѣ двухнедѣльнаго тамъ пребыванія я чрезъ Прагу, Теплицъ Дрезденъ вернулся въ Берлинъ, и повсюду мнѣ встрѣчались прежніе знакомцы, сообщая свѣдѣнія полезныя для дополненія моихъ донесеній. Въ Берлинѣ я нашелъ большую перемѣну: графъ Гаугвицъ, поборникъ мира во что бы то ни стало, сдѣлался вдругъ горячимъ приверженцемъ войны. Тайна этой метаморфозы была такова.

Въ непосредственныхъ съ Наполеономъ сношеніяхъ, послѣдовавшихъ за Аустерлицкою битвой, графъ Гаугвицъ достигъ уступки Ганновера Пруссіи; но при переговорахъ Франціи съ Англіей, Наполеонъ увѣрялъ. что Ганноверъ будетъ уступленъ обратно Англіи. Двуличность эта привела къ разрыву, радостно принятому какъ Берлинскою публикой, такъ въ особенности войсками. Полная воспоминаніями о Фридрихѣ Великомъ, армія предавалась самодовольному веселью, нисколько не оправдавшемуся за неспособностію старыхъ генераловъ, получившихъ начальство, въ особенности герцога Брауншейгскаго, который уже пресловутымъ походомъ своимъ въ Шампаньи утратилъ славу, нажитую въ продолженіе Семилѣтней войны. Желающимъ составить себѣ понятіе о смятеніи, царствовавшемъ въ главной квартирѣ, слѣдуетъ прочитать любопытный разсказъ Генца. Извѣстіе объ Іенскомъ сраженіи какъ громъ свалилось на Берлинъ. Чтобы поразвѣдать новости, я зашелъ къ графу Шуленбургу, который, въ намѣреніи утѣшить меня, далъ мнѣ прочитать свою знаменитую прокламацію *). Рѣшившись на войну, король отправилъ въ Петербургъ генерала Круземарка просить о содѣйствіи Россіи; къ сожалѣнію, вслѣдствіе нерѣшительности графа Гаугвица, было уже упущено много времени. Императоръ Александръ, не задумываясь нисколько,

*) „Der König hat eine Schlacht verloren, Ruhe ist die erste Bürgerpflicht.“

двинулъ два корпуса войскъ къ Берлину. Здѣсь полагали, что войска эти уже недалеко, такъ что графъ Штакельбергъ счелъ нужнымъ непосредственно увѣдомить главнокомандующаго объ Іенскомъ пораженіи. Порученіе это было возложено на меня. Покуда наши уполномоченные отъѣхали для безопасности въ Голштинію, я отправился навстрѣчу Русской арміи, но вмѣсто того, чтобы встрѣтить ее на берегахъ Вислы, нашелъ генерала Бенингсена и его главную квартиру въ Гроднѣ. Сообщивъ ему что̀ слѣдовало, я продолжалъ свой путь на Петербургъ чрезъ Ригу, гдѣ засталъ генерала графа Буксгевдена, командовавшаго вторымъ корпусомъ, отданнымъ въ распоряженіе Прусскаго короля.

Печальная развязка кампаніи 1805 г. имѣла послѣдствіемъ перемѣну у насъ министра иностранныхъ дѣлъ. Князь Адамъ Чарторыйскій, благодаря которому составилась коалиція, долженъ былъ удалиться. Императоръ Александръ замѣнилъ его генераломъ Будбергомъ, нѣкогда посланникомъ нашимъ въ Швеціи. Будучи мало ему извѣстенъ, я сожалѣлъ о его предшественникѣ, изъявлявшемъ мнѣ благорасположеніе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я представился новому своему начальнику. Генералъ Будбергъ былъ премилый человѣкъ, болѣзненный, ума не слишкомъ возвышеннаго, совсѣмъ не созданный для мѣста, на которое попалъ. Уваженіе къ истинѣ заставляетъ меня произнести о немъ такое сужденіе, хотя въ отношеніи меня лично онъ былъ всегда крайне обязателенъ и не пренебрегалъ случаемъ оказать мнѣ услугу. Уже до моего пріѣзда онъ предназначилъ меня сопутствовать графу Петру Толстому, который долженъ былъ, въ качествѣ военнаго комиссара, ѣхать въ главную квартиру Прусскихъ войскъ. Вслѣдствіе Іенскаго сраженія и новаго размѣщенія войскъ, эта поѣздка была уже не нужна, и я на время остался безъ должности. Генералъ Будбергъ, при первомъ нашемъ свиданіи, спросилъ меня, чего я желаю. „При теперешнихъ значительныхъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ я, слѣдуетъ желать лишь одного: быть употребленнымъ какъ можно дѣятельнѣе“. Отвѣтъ этотъ пришелся ему по сердцу и остался незабытымъ.

Оба Русскіе корпуса, какъ я сейчасъ сказалъ, состояли подъ командой генераловъ Буксгевдена и Бенингсена. Чтобы соединить главное начальство въ одномъ лицѣ, а также съ цѣлью удовлетворить общественному желанію, чтобы Русское имя было во главѣ нашихъ армій, императоръ поручилъ главное командованіе старику фельдмаршалу Каменскому. Въ царствованіе Екатерины Каменскій отличался въ Турціи. Онъ былъ причудливъ, жестокъ, хотя и не лишенъ воинскихъ дарованій, но чрезвычайно заносчиваго нрава, притомъ очень дряхлъ и не въ состояніи сѣсть на лошадь. Назначая Каменскаго, императоръ не совсѣмъ охот-

но сдался на заявленія доходившихъ до него толковъ. Обыкновенно въ Россіи при главнокомандующемъ состоитъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, завѣдующій перепиской съ гражданскими и военными властями союзныхъ государствъ. Въ одно утро генералъ Будбергъ прислалъ за мной и предложилъ мнѣ состоять при фельдмаршалѣ Каменскомъ. Я, не задумываясь, согласился. Онъ изумился и сказалъ мнѣ: Да развѣ вы не знаете что̀ за человѣкъ Каменскій?"—„Очень хорошо знаю", отвѣчалъ я.—„Другіе выказали менѣе готовности; я не премину выставить это при случаѣ", прибавилъ Будбергъ. На другой день послѣ подписанія приказа о моемъ назначеніи, я явился къ страшному фельдмаршалу, который принялъ меня довольно хорошо и предложилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, что̀ не обѣщало большого удобства въ путешествіи.

Мы выѣхали въ Декабрѣ, дороги были непроѣздны, Каменскій спѣшилъ медленно: онъ точно предчувствовалъ ожидавшую его катастрофу. Такъ онъ провелъ два дня въ Ригѣ, столько же въ Вильнѣ и еще долѣе въ Гроднѣ, куда за нимъ пріѣхалъ капитанъ Бенкендорфъ, присланный дежурнымъ генераломъ, графомъ Толстымъ, умолять о скорѣйшемъ пріѣздѣ главнокомандующаго, такъ какъ Бонапартъ уже перешелъ чрезъ Вислу для нападенія на корпусъ Бенингсена, расположенный вдоль рѣки Цкры. Фельдмаршалъ уѣхалъ, приказавъ мнѣ догнать его въ Пултускѣ, куда я прибылъ ночью, въ ту самую минуту, когда были атакованы наши аванпосты, и Каменскій сѣлъ въ сани, намѣреваясь ѣхать къ мѣсту сосредоточенія нашихъ силъ. Онъ принялъ меня дурно, сказалъ что мнѣ нечего тутъ дѣлать, и велѣлъ вернуться въ Гродну для ожиданія тамъ новыхъ приказаній (онъ опасался подвергнутъ архивы случайностямъ сраженія). Я послушался, скрѣпя сердце: будучи молодъ, горячъ, я горѣлъ нетерпѣніемъ присутствовать при битвѣ. Чрезъ два дня по возвращеніи въ Гродну, я, къ величайшему своему удивленію, нашелъ тамъ фельдмаршала. При самомъ началѣ сраженія онъ потерялъ голову до того, что сказалъ генералу Бенингсену: „Вы начали распоряжаться, такъ отвѣчайте и за исходъ; я ни во что не стану мѣшаться и сдамъ командованіе арміей по старшинству генералу Буксгевдену." Тотчасъ по его пріѣздѣ я поспѣшилъ къ нему явиться. „Я не командую больше", сказалъ онъ мнѣ, „ступайте къ генералу Буксгевдену." Такъ завершилась военная карьера этого ветерана съ придурью. Конецъ его жизни былъ еще плачевнѣе: онъ поселился въ деревнѣ и былъ убитъ своими крѣпостными людьми. Императоръ Александръ, узнавъ о поступкѣ фельмаршала, вышелъ изъ кабинета и, обращаясь къ окружавшимъ его, сказалъ: „Угадайте-ка, господа, кто первый бѣжалъ изъ арміи?" Сумасбродство Каменскаго послужило въ пользу Бенингсену. Онъ первый имѣлъ славу

устоять противъ того, кто до тѣхъ поръ казался непобѣдимымъ. Бонапартъ, повсемѣстно отбитый, долженъ былъ отступить за Вислу. Время года и дурное состояніе дорогъ, на которыхъ Французы открыли пятый элементъ—грязь, помѣшали Бенингсену воспользоваться этимъ успѣхомъ. Гулъ Пултусскаго сраженія, 14 (26) Дек. 1806, громко раздался по Петербургу; въ Бенингсенѣ стали видѣть человѣка могущаго быть противопоставленнымъ Бонапарту. Онъ назначенъ главнокомандующимъ на мѣсто Каменскаго, при чемъ Буксгевденъ отозванъ. Согласно этому и я перешелъ сначала отъ Каменскаго къ Буксгевдену, а потомъ отъ Буксгевдена къ Бенингсену.

Было весьма затруднительно предовольствовать армію въ краю уже опустошенномъ, и потому рѣшено было перевести войска наши въ восточную Пруссію, оставивъ на Наревѣ обсерваціонный корпусъ подъ начальствомъ генерала Эссена. Мы вступали въ страну, занятую въ то время однимъ лишь Французскимъ корпусомъ маршала Бернадота. Войска непріятеля были довольно разъединены; тотчасъ, по вступленіи, нашъ авангардъ устремился на нихъ; въ дѣлѣ при Морунгенѣ перевѣсъ остался за нами; при этомъ Бернадотъ потерялъ свои экипажи, а графъ Петръ Паленъ отличился. Узнавъ объ этомъ пораженіи, Бонапартъ со всею своею арміей покинулъ Варшаву и настигъ насъ въ первыхъ числахъ Февраля. Генералъ Бенингсенъ рѣшился принять сраженіе, но, не находя мѣстность къ тому удобною, отступилъ отъ Морунгена къ Прейсишъ-Эйлау. Это отступательное движеніе заняло у насъ три дня, въ теченіе коихъ намъ пришлось выдержать довольно серіозныя аріергардныя схватки. Днемъ дрались, а ночью маршировали. Я слѣдовалъ за этими движеніями верхомъ и довольно хорошо переносилъ усталось. Въ одной изъ этихъ битвъ мы имѣли несчастіе потерять генерала Анрепа, одного изъ лучшихъ генераловъ. Наконецъ мы остановились у Эйлау, гдѣ 27-го Января 1807 года было дано одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій этой кровавой эпохи. Къ несчастію, сраженіе это не имѣло должныхъ послѣдствій. Поле битвы вполнѣ осталось за нами, и каково же было наше изумленіе, когда на другой день намъ дано приказаніе отступить на Кенигсбергъ, покуда Бонапартъ отступалъ съ своей стороны? Генералъ Бенингсенъ старался оправдать свое распоряженіе безпорядками, неизбѣжными послѣ всякаго сраженія, будь оно выграно или проиграно. Такимъ образомъ мы провели дней пять или шесть въ Кенигсбергѣ, поправляясь и ожидая подкрѣпленій. Дѣйствительно, вскорѣ соединился съ нами атаманъ Платовъ, предводительствовавшій нѣсколькими полками казаковъ и бригадою егерей. Генералъ Бенингсенъ имѣлъ въ ту пору намѣреніе, ко-

торое, при энергическомъ и быстромъ исполненіи, могло бы привести къ самымъ счастливымъ послѣдствіямъ: онъ отправилъ графа П. Толстаго принять начальство надъ частью Эссенова корпуса, съ приказаніемъ войти въ старую Пруссію и угрожать правому флангу Французовъ; самъ же Бенингсенъ съ главными силами долженъ былъ одновременно атаковать ихъ фронтъ. Мы снова двинулись, полные надеждъ. Отрядъ казаковъ шелъ впереди; попадавшіеся ему непріятельскіе аванпосты поспѣшно отступали, оставляя намъ много плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ былъ молодой офицеръ графъ Монтескіу-Фезенсакъ, написавшій впослѣдствіи брошюру о Московскомъ отступленіи.

Во время бездѣйствія армій Бонапартъ присылалъ къ намъ парламентеромъ генерала Бертрана, подъ предлогомъ предложить перемиріе, которое Бенингсенъ отвергъ не задумываясь. Онъ продолжалъ свое наступательное движеніе, но дойдя до Браунсберга узналъ, что Французская армія, прекративъ отступленіе, внезапно остановилась и расположилась вдоль рѣки Пассарги; это совсѣмъ сбило съ толку нашего начальника и заставило его отказаться отъ плана дѣйствій столь искусно задуманнаго. Здѣсь начинается рядъ ошибокъ и неудачъ уничтожившихъ слишкомъ большія возлагавшіяся на Бенингсена надежды. Ему, какъ и многимъ изъ его современниковъ, Бонапартъ преставлялся головою Медузы, поражающею однимъ своимъ появленіемъ. Подобное расположеніе духа было на этотъ разъ тѣмъ прискорбнѣе, что Французская армія остановилась ненамѣренно на Пассаргѣ: ей приказано было отступать за Вислу, но шедшій по рѣкѣ ледъ воспрепятствовалъ тому. Справедливость этого была впослѣдствіи завѣрена мнѣ генераломъ Жомини, который занималъ въ то время мѣсто начальника штаба корпуса Нея и былъ посланъ навести мосты, чего не могъ исполнить.

И нашъ, и Прусскій кабинеты старались привлечь Австрію къ союзу. Генералу Бенингсену приказано было изъ Петербурга сообщать въ Вѣну свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣлъ и въ особенности выставить важныя потери понесенныя Французами подъ Эйлау. Меня отправилъ онъ съ этимъ порученіемъ въ Вѣну, куда я пріѣхалъ въ началѣ Февраля 1807 года. Во главѣ Австрійскаго министерства былъ мой старинный знакомый, графъ Стадіонъ, тотъ самый, съ которымъ я былъ друженъ, когда жилъ въ Берлинѣ. Представителемъ нашего двора оставался еще князь Разумовскій, уволенный вслѣдствіе Аустерлицкаго сраженія; за неприбытіемъ назначеннаго на его мѣсто князя Куракина, онъ продолжалъ еще управлять посольствомъ. Я объяснилъ и ему, и графу Стадіону, положеніе дѣлъ. Къ великому моему удовольствію, все Вѣнское общество раздѣляло радость и надежды, оживлявшія враговъ Бонапарта послѣ

Эйлауской битвы. Я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ три мѣсяца, посреди этого блестящаго общества, изобиловавшаго восхитительными женщинами. То была смѣсь Австріекъ и Полекъ; между послѣдними особенно обращала на себя вниманіе Замойская. Расположеніе Австрійскаго правительства ежедневно улучшалось до того, что оно стало уже собираться послать одного изъ генераловъ (Винсена) для соглашенія съ Бенингсеномъ о военныхъ и политическихъ замыслахъ, вызываемыхъ обстоятельствами.

Между тѣмъ императоръ Александръ прибылъ въ армію, сопровождаемый Будбергомъ, который приказалъ мнѣ вернуться какъ можно скорѣе. Онъ приготовилъ мнѣ новое назначеніе и желалъ объявить мнѣ о томъ лично. Дѣло шло объ акредитованіи меня при Лудовикѣ XVIII, который жилъ въ Митавѣ и изъявилъ желаніе имѣть при себѣ посредника для передачи нашему министерству своихъ видовъ и многочисленныхъ проектовъ о томъ, какъ произвести во Франціи реакцію. Фридландское сраженіе покончило и проекты Лудовика XVIII, и рѣчь о моей поѣздкѣ въ Митаву. Во время аудіенціи, данной мнѣ въ 1814 году въ Тюльери, Людовикъ XVIII сказалъ: „я очень счастливъ, графъ, что знакомлюсь съ вами здѣсь, а не тамъ, гдѣ долженъ былъ познакомиться прежде.“

Не къ законному королю, а къ самозванцу суждено мнѣ было отправиться.

Извѣстны послѣдствія несчастной битвы: перемиріе, свиданіе Русскаго и Французскаго государей на плоту посреди Нѣмана, 13 (25) Іюня, и переговоры о мирѣ въ Тильзитѣ. Уполномоченными при этомъ были назначены: отъ насъ князь Куракинъ, заѣхавшій по пути въ Вѣну для полученія послѣднихъ приказаній императора Александра, и князь Дмитрій Лобановъ; со стороны Французовъ—Талейранъ. Я опредѣленъ къ Куракину, но дѣятельность моя ограничилась переписываніемъ трактата. Послѣ того какъ всѣ условія его были опредѣлены личными переговорами государей, продолжавшимися иногда до поздней ночи, редакція была возложена на Французскую канцелярію. По заключеніи и утвержденіи трактата императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ, куда я и послѣдовалъ за нимъ. Баронъ Будбергъ, не одобрявшій новой системы освященной Тильзитскимъ миромъ, вышелъ вскорѣ въ отставку и замѣненъ графомъ Николаемъ Румянцевымъ.

Предъ выходомъ изъ министерства Будбергъ организовалъ Парижское посольство. Графъ Толстой назначенъ посломъ, а я совѣтникомъ посольства. Назначеніе это, хотя и лестное, было мнѣ не по

сердцу. Я никогда не сочувствовалъ ни Франціи, ни ея повелителю, и хотѣлъ отказаться, какъ милостивыя слова императора Александра положили конецъ моимъ сомнѣніямъ, и я хвалю себя за то: ибо назначеніе въ Парижъ дѣлалось началомъ прекраснаго, обширнаго поприща, которое Господь далъ мнѣ пройти. Графъ Толстой, тоже противъ воли, поѣхалъ во Францію, гдѣ все для него было ново. Онъ имѣлъ много здраваго смысла, характеръ благородный, твердый, но не привыкъ жить въ большомъ свѣтѣ; свѣтскія обязанности стѣсняли его, и по пріѣздѣ въ Парижъ онъ гораздо болѣе занятъ былъ мыслью удалиться отъ непривычнаго для него положенія, чѣмъ желаніемъ укрѣпиться въ немъ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ успѣхъ; его откровенные пріемы понравились Наполеону; въ частыхъ и иногда довольно оживленныхъ между ними разговорахъ графъ Толстой всегда умѣлъ сохранить свое достоинство. Мнѣ досталось излагать письменно ихъ разговоры и вообще вести всю переписку посольства. Депеши наши не всегда говорили въ пользу союза съ Франціей и потому должны были не понравиться графу Румянцеву, заклятому приверженцу Наполеона.

Около этого времени готовилась Испанская война. Весной 1808 г. разыгралась Баіонская трагедія, и вслѣдъ за нею вспыхнула почти вся Испанія. Императоръ Наполеонъ рѣшился послать туда значительныя силы для возведенія брата своего Іосифа на престолъ Карла V. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ необходимость позаботиться о мирныхъ расположеніяхъ другихъ континентальныхъ державъ, тѣхъ въ особенности, коимъ онъ нанесъ столько вреда, что не могъ ожидать отъ нихъ дружелюбія. Съ этою цѣлью онъ предложилъ императору Александру новое свиданіе. Свиданіе это послѣдовало въ Эрфуртѣ. Имп. Александръ пригласилъ туда графа Толстого, который взялъ и меня съ собою. Такимъ образомъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ этого знаменитаго свиданія, не принимая никакого прямого участія въ дѣлахъ, и я могъ при этомъ собрать драгоцѣнныя свѣдѣнія и узнать все происходившее. Императоръ обошелся со мною довольно холодно: онъ былъ недоволенъ мною за Парижскія депеши. Графъ Толстой немедленно попросилъ и получилъ увольненіе. Графъ Румянцевъ сопутствовалъ Государю и велъ переговоры съ Шампаньи, котораго Наполеонъ, недовольный Талейраномъ, назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Шампаньи былъ слѣпой исполнитель велѣній своего владыки, съ пріемами совершенно иными, чѣмъ его предшественникъ, и довольно угрюмый въ сношеніяхъ съ дипломатическимъ корпусомъ. Когда Талейрану изъявляли сожалѣніе объ удаленіи его отъ дѣлъ, онъ бывало отвѣчалъ: „вы не правы, господа; въ сущности нѣтъ никакой перемѣны; вся разница между Шампаньи

и мною въ томъ, что если императоръ прикажетъ ему снять съ кого-либо голову, такъ онъ сдѣлаетъ это черезъ часъ, а я употреблю мѣсяцъ на исполненіе подобныхъ приказаній." Перемѣна эта возстановила Талейрана противъ его августѣйшаго повелителя. Онъ начиналъ уже изъявлять нѣчто въ родѣ глухой оппозиціи и не одобрялъ видовъ Наполеона на Испанію. Императоръ Александръ покровительствовалъ браку племянника его съ Курляндскою княгиней Доротеею, что̀ и подало поводъ къ сближенію Государя съ Талейраномъ. Въ Эрфуртѣ они неоднократно разговаривали, при чемъ Талейранъ обращалъ вниманіе Государя на честолюбивые замыслы Наполеона, гибельные для Франціи не менѣе чѣмъ для Европы. Точно такъ же какъ и многіе приближенные Наполеона, Талейранъ думалъ, что Тильзитскимъ миромъ Франція достигла предѣловъ славы и могущества, что затѣмъ надлежало остановиться. Нѣчто въ родѣ соглашенія состоялось тогда между императоромъ Александромъ и Талейраномъ; по возвращеніи въ Парижъ я сдѣлался посредникомъ между ними. Послѣдствіемъ Эрфуртскаго свиданія было принятое Россіей обязательство оказывать Франціи помощь и содѣйствіе въ случаѣ нападенія со стороны Австріи во время Испанской войны. Въ свою очередь Наполеонъ обѣщалъ не противиться присоединенію къ Россіи Дунайскихъ княжествъ, еслибы намъ удалосъ принудить Порту къ этой уступкѣ. Сверхъ того оба государя уговорились обратиться къ Англіи съ предложеніемъ мира. Графъ Румянцевъ и Шампаньи съ этою цѣлью отправили офиціальныя депеши Великобританскому кабинету. Графъ Румянцевъ рѣшился ожидать въ Парижѣ отвѣта изъ Лондона.

Князь Куракинъ назначенъ на мѣсто графа Толстого; но такъ какъ ему нельзя было пріѣхать раньше какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то мнѣ поручено управлять текущими дѣлами посольства. Выборъ этотъ былъ неудаченъ. Человѣкъ недалекій, со множествомъ странностей, князь Куракинъ менѣе всего годился быть представителемъ посреди народа столь склоннаго къ насмѣшливости. За то и положеніе мое при немъ сдѣлалось крайне тяжелымъ. Довѣріе, которое выказывали мнѣ иные изъ замѣчательныхъ людей Франціи, составляло для меня отраду. Сношенія мои съ ними давали мнѣ возможность слѣдить за событіями и сообщать оживленіе депешамъ, которыя составлялъ я по приказанію князя Куракина. Переговоры съ Англіей не имѣли никакого успѣха. Покуда они продолжались, Наполеонъ уѣхалъ въ Испанію, сдѣлалъ блестящую кампанію, снова занялъ Мадридъ и принудилъ корпусъ Англійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Мура, сѣсть на корабли въ Короньѣ. Въ Испаніи онъ узналъ о военныхъ приготовленіяхъ Австріи, что̀ и побудило его поспѣшить возвращеніемъ въ Парижъ. Это было въ началѣ 1809 года.

Графъ Румянцевъ, простившись съ Наполеономъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Незадолго до его отъѣзда пріѣхалъ кн. Куракинъ и вступилъ въ управленіе посольствомъ. Тотчасъ по отбытіи Наполеона изъ Испаніи, Французскія войска претерпѣли нѣсколько частныхъ пораженій. Съ своей стороны, Австрія, видя сопротивленіе полуострова, продолжала вооружаться. Къ веснѣ вооруженія эти достигли до того, что война сдѣлалась несомнѣнною. На дипломатическомъ собраніи въ Сенъ-Клу, Французскій императоръ весьма рѣзко выказалъ свое неудовольствіе Австрійскому посланнику, графу Меттерниху. У Наполеона подобныя выходки бывали предисловіемъ къ дѣлу: передъ разрывомъ Аміенскаго трактата онъ разыгралъ такую же сцену съ Англійскимъ посломъ, лордомъ Витвортомъ. Два года спустя пришла очередь Русскаго посла. Вслѣдствіе Наполеонова объясненія съ Меттернихомъ, Австрійскія войска, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, вступили въ Баварію. Французамъ приказано двинуться на Рейнъ, подъ предводительствомъ маршала Бертье; при первой встрѣчѣ съ Австрійцами они потерпѣли неудачи. Наполеонъ поспѣшилъ соединиться съ арміей и выигралъ знаменитое Регенсбургское сраженіе, открывшее ему путь въ Вѣну и заставившее эрцгерцога Карла отступить въ Богемію.

Пока событія эти совершались въ Германіи, посольство наше бездѣйствовало, сообщая лишь въ Петербургъ императорскіе бюллетени и извѣстія изъ Испаніи, продолжавшія быть неблагопріятными. Кое-какія частныя дѣла заставляли меня желать возвращенія въ Россію. Я былъ намѣренъ покинуть Парижское посольство. Положеніе мое при князѣ Куракинѣ не соотвѣтствовало моимъ видамъ, хотя онъ не переставалъ выражать мнѣ свое благорасположеніе. Получивъ отпускъ, я отправился въ Петербургъ, гдѣ графъ Румянцевъ разрѣшилъ мнѣ оставаться пока тамъ.

Война Франціи съ Австріей окончилась Вѣнскимъ миромъ. Россія не вполнѣ сдержала принятыя въ Эрфуртѣ обязательства, и это зародило неудовольствіе въ душѣ Наполеона. Какъ и слѣдовало ожидать, князь Куракинъ оказывался посломъ не весьма удовлетворительнымъ; его упрекали особенно въ томъ, что онъ не умѣлъ разузнавать о событіяхъ, а также въ томъ, что депеши его были ничтожнаго содержанія. Въ Январѣ 1810 года мнѣ предложили отправиться въ Парижъ, подъ предлогомъ заключенія займа, въ дѣйствительности же для того, чтобъ увѣдомлять императора Александра о происходившемъ тамъ чрезъ посредство Сперанскаго, который вполнѣ пользовался тогда высочайшимъ довѣріемъ.

Въ Февралѣ я уѣхалъ въ Парижъ. Дорогою совершенно неожиданно узналъ я о смерти моего отца. Пріѣхавъ вечеромъ въ Готу, я услышалъ въ гостиницѣ о прибытіи барона Брокгаузена, отозваннаго изъ Парижа, Прусскаго министра, и поднялся къ нему, чтобъ узнать о Французскихъ новостяхъ. Я сказалъ ему, что ѣду во Францію и намѣреваюсь остановиться дня на два во Франкфуртѣ у отца. Брокгаузенъ ѣхалъ изъ Франкфурта и сообщилъ мнѣ о поразившемъ меня несчастіи.

Подъ этимъ грустнымъ впечатлѣніемъ я продолжалъ путь и вступилъ въ новыя свои обязанности. Заемъ не удался, но переписка установилась и продолжалась восемь мѣсяцевъ. Кн. Куракинъ и министръ иностранныхъ дѣлъ ничего о ней не подозрѣвали. Письма мои основывались на разговорахъ съ Талейраномъ и другими лицами, противниками возраставшаго честолюбія Наполеона. Къ этой оппозиціи примкнулъ Коленкуръ, тогдашній Французскій посолъ въ Россіи; въ секретныхъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ онъ обратилъ его вниманіе на властолюбіе своего повелителя, угрожавшее Россіи.

Весной 1810 года Наполеонъ, недовольный донесеніями Коленкура, отозвалъ его и замѣнилъ генераломъ Лористономъ. Императоръ Алесандръ, не желая терять столь драгоцѣннаго источника свѣдѣній, предложилъ ему посылать письма въ Петербургъ чрезъ меня. Всѣ эти люди не помышляли объ измѣнѣ Наполеону: они хотѣли лишь остеречь его отъ порывовъ его собственныхъ страстей, воспрепятствовать веденію нескончаемыхъ войнъ, изводившихъ народонаселеніе Франціи, обѣднявшихъ ее и угрожавшихъ страшною катастрофой.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, всѣ были заняты тамъ бракомъ Наполеона. Разводъ уже совершился; недоумѣвали только о выборѣ нѣвѣсты. Австрійская эрцгерцогиня приняла союзъ отвергнутый Русскою великою княжной. Свадьба отпразднована со всею пышностью, столь нравившеюся надменности Наполеона; но ужасное несчастіе, случившееся на балѣ Шварценберга, было принято за гибельное предзнаменованіе и омрачило празднества. Князь Куракинъ былъ одною изъ жертвъ этого печальнаго случая. Вслѣдствіе продолжительной болѣзни онъ не могъ заниматься дѣлами, которыя всею тяжестью обрушились на меня. Кое-какія облака стали показываться въ нашихъ отношеніяхъ съ Франціей; Наполеонъ неумѣренно предался системѣ поземельныхъ присоединеній, въ недавнее время снова появившейся на политическомъ горизонтѣ. Ничто не ново подъ солнцемъ! Присоединивъ къ Французской имперіи Голландію и Ганзеатическіе города, онъ возымѣлъ несча-

стную мысль завладѣть и Ольденбургскимъ великимъ герцогствомъ. Царствовавшій герцогъ былъ близкимъ родственникомъ нашего Государя, который оскорбился этимъ завладѣніемъ и заявилъ о томъ гласно.

Континентальная система вскорѣ сдѣлалась причиною новаго раздора. Ненавистные порядки, ею установленные, всецѣло тяготѣли надъ Россіей. Вывозъ товаровъ уничтожился, а ввозъ Французскихъ произведеній умножился до того, что торговый балансъ сдѣлался весьма неблагопріятныыъ и произвелъ значительное пониженіе вексельнаго курса. Для отвращенія этого зла, слѣдовало уменьшить ввозъ измѣненіемъ тарифа, обложивъ нѣкоторые товары при ввозѣ возвышенною пошлиной и запретивъ вовсе привозъ другихъ. Составленный на такихъ основаніяхъ тарифъ произвелъ во Франціи дурное впечатлѣніе. Онъ возбудилъ оживленные споры, которые мнѣ приходилось не разъ выдерживать въ переговорахъ съ Шампаньи; Наполеонъ ухватился за новыйтарифъ какъ за предлогъ своего къ намъ нерасположенія.

1811 годъ наступилъ среди не совсѣмъ пріятныхъ переговоровъ, продолжавшихся до Августа мѣсяца и сопровождавшихся громадными вооруженіями, не оставлявшими людямъ наименѣе дальновиднымъ никакого сомнѣнія относительно намѣренія Наполеона идти на Россію. Князь Куракинъ, послѣ того какъ знаменитый Корвизаръ объявилъ его неизлѣчимымъ, былъ вылѣченъ Прусскимъ докторомъ Коревомъ. Онъ снова принялся за дѣла и могъ явиться на дипломатическомъ собраніи 15-го Августа. Здѣсь лопнула бомба, и мы были свидѣтелями возобновленія сценъ, предшествовавшихъ у Наполеона объявленію войны и разыгранныхъ въ 1804 году съ лордомъ Витвортомъ, а въ 1809 съ княземъ Меттернихомъ *). На мои глаза дѣло было ясно, и оставаться долѣе въ Парижѣ при такихъ отношеніяхъ становилось невозможно. Въ концѣ мѣсяца я уѣхалъ въ Петербургъ чрезъ Вѣну. Мнѣ хотѣлось привести въ Россію свѣдѣнія о томъ, какое положеніе приметъ Австрія въ предстоявшей войнѣ. Я былъ друженъ съ княземъ Меттернихомъ, сдѣлавшимся главою Вѣнскаго кабинета во время пребыванія моего въ Парижѣ. Разговаривая съ нимъ, я не достигъ однако ни до чего положительнаго; никакихъ обѣщаній мнѣ дано не было. Въ Вѣнѣ хотѣли, чтобы мы попытались войдти съ Франціей въ новые переговоры для отвращенія войны. Желая дать ходъ этой мысли, я составилъ записку, въ которой,

*) Въ разговорѣ этомъ Наполеонъ сказалъ между прочимъ Куракину: „вы хотите вести дѣла, а единственный умный человѣкъ изъ вашего посольства, графъ Нессельроде, собираетcя уѣхать отъ васъ“. *Примѣчаніе* переводчика *въ „Русскомъ Вѣстникѣ“*.

на основаніи собранныхъ въ Вѣнѣ свѣдѣній, указывалъ основы, на которыхъ должны быть ведены сношенія съ Франціею.

Въ Октябрѣ я добрался до Петербурга. Императоръ принялъ меня весьма милостиво и назначилъ статсъ-секретаремъ. Когда представлялся я по этому случаю, Государь, прочитавшій мою записку, сказалъ мнѣ: „Я сомнѣваюсь, чтобы новая съ моей стороны попытка къ соглашенію привела Наполеона къ мирной развязкѣ; такъ же какъ и вы, я считаю разрывъ неизбѣжнымъ. Въ случаѣ войны я намѣренъ предводительствовать арміями; мнѣ нуженъ будетъ тогда человѣкъ молодой. могущій всюду слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать политическою моею перепиской. Канцлеръ графъ Румянцевъ, старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить выборъ на васъ; надѣюсь, что вы вѣрно и скромно будете исполнять эту должность и оправдаете полное мое къ вамъ довѣріе.“

До разрыва съ Франціей новое мое мѣсто не давало мнѣ почти никакихъ новыхъ занятій: канцлеръ продолжалъ заниматься дипломатическими дѣлами; лишь отъ времени до времени Государь поручалъ мнѣ составленіе какой-нибудь бумаги, поднесенной ему графомъ Румянцевымъ и не заслужившей его одобренія. Переговоры съ Франціей продолжались, и разъ даже возникла мысль снова отправить меня съ особымъ порученіемъ въ Парижъ. Такъ окончился 1811 годъ.

Въ Январѣ 1812 года я вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Гурьевой, доставившій мнѣ 37 лѣтъ счастія. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало событіе, которое могло бы имѣть вредное вліяніе на мою судьбу: я разумѣю ссылку Сперанскаго, близкаго мнѣ друга, главной моей опоры у Государя, во все продолжительное время царской къ нему милости. Ссылка его послѣдовала въ ночь съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Во Вторникъ Государь призвалъ меня и съ ангельскою добротою разсѣялъ мои опасенія относительно переписки моей со Сперанскимъ; переписка эта была отослана Сперанскимъ Государю запечатанная и лежала у него въ кабинетѣ. Я засталъ Императора еще сильно взволнованнымъ необходимостью, въ которой онъ, справедливо или нѣтъ, нашелъ себя поставленнымъ, разстаться съ человѣкомъ, характеръ коего любилъ, дарованія коего высоко цѣнилъ. Сперанскій былъ, очевидно, жертвою Балашева и Армфельта, воспользовавшихся общественнымъ мнѣніемъ враждебнымъ къ преобразованіямъ, которыхъ желалъ Государь и осуществленіе которыхъ возлагалъ на Сперанскаго. Они представили Его Величеству, что наканунѣ войны, въ которой лишь любовь къ родинѣ могла быть спасеніемъ, неблагоразумно оскорблять народное чувство, держа при

себѣ человѣка обвиняемаго въ измѣнѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей. Сношенія эти ограничивались перепискою съ герцогомъ Бассано для полученія подробныхъ свѣдѣній о Наполеоновскихъ учрежденіяхъ, которымъ хотѣли подражать въ Россіи. Такъ, нашъ Государственный Совѣтъ былъ организованъ по образцу Французскаго Государственнаго Совѣта. Преобразовательные замыслы Сперанскаго были много шире.

Онъ былъ сосланъ въ Нижній, а впослѣдствіи въ Пермь. Оттуда онъ въ 1813 г написалъ Государю письмо, исполненное достоинства и благороднѣйшихъ чувствъ. Письмо это произвело на Государя наилучшее впечатлѣніе: Сперанскій возвращенъ изъ ссылки и назначенъ въ Пензу губернаторомъ, гдѣ мнѣ удалось съ нимъ свидѣться въ 1818 г. во время поѣздки моей въ Саратовское имѣніе. Онъ недолго оставался на этомъ мѣстѣ, столь ничтожномъ въ сравненіи съ прежнимъ: Государь поручилъ ему преобразованіе Сибири, съ званіемъ генералъ-губернатора этой обширной страны. Проведя въ Сибири нѣсколько лѣтъ, Сперанскій вернулся въ Петербургъ, чтобы представить Императору свой проектъ преобразованія. Въ послѣдствіи онъ занялъ съ нѣкоторыми оттѣнками прежнее свое мѣсто при Государѣ, завѣдывая въ особенности коммиссіей составленія законовъ. Огромный трудъ кодификаціи нашихъ законовъ оконченъ имъ лишь въ царствованіе императора Николая. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, собравшагося по этому случаю, Государь, предсѣдательствуя лично въ тотъ день снялъ съ себя Андреевскую звѣзду и возложилъ ее на Сперанскаго. Недолго прожилъ онъ послѣ такого признанія заслугъ его. Сперанскій былъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями, неутомимый работникъ. характера мягкаго, благоволительнаго, но недовольно энергичнаго, что̀ и было причиной его бѣдствій. Но возвратимся къ 1812 году.

Въ первые мѣсяцы сношенія съ Франціей продолжались посредствомъ переговоровъ графа Румянцова съ новымъпосломъ, генераломъ Лористономъ, замѣнившимъ герцога Виченцскаго. Переговоры эти главнѣйше имѣли предметомъ заключеніе трактата, который бы укрѣплялъ за Россіей владѣніе бывшими Польскими провинціями. Мы требовали, чтобы Польское королевство никогда не возстановлялось. Наполеонъ обѣщалъ только, что не будетъ способствовать къ его возстановленію. Переговоры эти ничѣмъ не кончились. Наполеонъ, очевидно, продолжалъ ихъ единственнно съ цѣлью выиграть время для окончанія громадныхъ своихъ приготовленій къ войнѣ. Весной туча стала надвигаться, все болѣе и болѣе нахмуриваясь. Великія арміи приближались къ нашимъ границамъ, располагаясь во владѣніяхъ Прусскаго короля;

союзные договоры были заключены съ Пруссіей и Австріей. Война дѣлалась неизбѣжною; вся Европа устремлялась на Россію; въ рядахъ непріятельскихъ были даже Испанцы, Португальцы и Итальянцы. Въ Мартѣ Государь уѣхалъ въ армію и расположилъ свою главную квартиру въ Вильнѣ, куда я не замедлилъ явиться. Государь взялъ съ собою многочисленную свиту: канцлеръ Румянцевъ, князь Кочубей, графъ Армфельтъ, маркизъ Паулуччи, графъ Аракчеевъ, Шишковъ, замѣнившій Сперанскаго въ должности государственнаго секретаря. Чѣмъ многочисленнѣе была свита, тѣмъ дѣятельнѣе были происки. Силы наши были раздѣлены на двѣ арміи: первая подъ командой Барклая-де-Толли, вторая подъ начальствомъ князя Багратіона; обѣ вмѣстѣ содержали не болѣе 250.000 человѣкъ, тогда какъ Наполеонъ шелъ противъ насъ съ 400.000.

При Государѣ находился въ то время Прусскій генералъ Пфуль. Онъ предложилъ планъ кампаніи, вызвавшій сильныя опроверженія со стороны большаго числа нашихъ генераловъ. По его мнѣнію, армія Барклая должна была отступать къ Двинѣ и занять укрѣпленный лагерь подъ Дриссой; князь Багратіонъ долженъ былъ между тѣмъ дѣйствовать наступательно во флангъ и въ тылъ Французской арміи. Планъ этотъ оказался удобоисполнимымъ лишь отчасти. Признано было, что для полученія успѣха, на который надѣялся Пфуль, нужны были болѣе значительныя силы. Вслѣдствіе этого князю Багратіону велѣно соединиться съ Барклаемъ; военныя обстоятельства долго препятствовали этому соединенію, которое послѣдовало лишь подъ Смоленскомъ. Наполеонъ изъ Парижа прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ новыми своими союзниками, королемъ Прусскимъ и императоромъ Австрійскимъ. Желая выказать миролюбивыя намѣренія, онъ отправилъ въ Вильну графа Нарбонна съ письмомъ. Я былъ близко знакомъ въ Парижѣ съ графомъ Нарбонномъ и велъ теперь съ нимъ нѣсколько бесѣдъ, убѣдившихъ меня, что его посольство не могло имѣть никакого послѣдствія. Государь принялъ его благосклонно, но отвѣчалъ уклончиво. Съ отвѣтомъ на посольство графа Нарбонна былъ посланъ къ Наполеону генералъ Балашовъ. Между тѣмъ Наполеонъ прибылъ въ свою главную квартиру, и на балу, данномъ генераломъ Бенингсеномъ въ Закретѣ, Государь получилъ извѣстіе, что Французская армія перешла чрезъ Нѣманъ. Рѣшено было немедленно покинуть Вильну, и на другой же день началось отступленіе. Приходилось объявить печатно о происходившемъ, а некогда было составить манифестъ, хотя у меня собраны были для того матеріалы. Государь рѣшился выдать рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Салтыкова, поставленнаго во главѣ правленія на время отсутствія Государя. Я на скорую руку сочинилъ рескриптъ; его перевели на Русскій языкъ и обнародовали.

Отступленіе наше безостановочно продолжалось до Дриссы. Нѣсколько арріергардныхъ схватокъ не всегда были для насъ невыгодны. Осмотръ укрѣпленнаго лагеря скоро доказалъ невозможность удержаться въ немъ. Принято было важное рѣшеніе: Барклаю велѣно продолжать отступленіе, а Государь отправился въ Москву, чтобъ устроить всеобщее ополченіе и воспламенить народное одушевленіе. Съ Императоромъ уѣхали только начальникъ штаба, князь Волконскій, и нѣсколько ген.-адъютантовъ. Я получилъ отъ Государя приказаніе оставаться при фельдмаршалѣ Барклаѣ и принять на себя составленіе извѣстій изъ арміи. Остальная затѣмъ часть многочисленой свиты была отправлена изъ Вильны въ Петербургъ. Продолжая слѣдовать за арміей, я, между прочимъ, присутствовалъ при сраженіи подъ Витебскомъ, гдѣ другъ мой графъ Паленъ отличился въ блистательномъ арріергардномъ дѣлѣ. Нѣсколько дней спустя, курьеръ привезъ мнѣ приказаніе явиться къ Государю въ Петербургъ.

Въ началѣ кампаніи штабъ фельдмаршала Барклая былъ странно составленъ. Генералъ Лавровъ былъ начальникомъ штаба, генералъ Мухинъ—генералъ-квартирмейстеромъ; оба они рѣшительно не были способны къ занимаемымъ должностямъ. Еще въ Вильнѣ Лаврова замѣнили маркизомъ Паулуччи, не долго сохранившимъ однако столь важное мѣсто: своимъ заносчивымъ характеромъ, своею надменностью, онъ сдѣлался невыносимъ для всѣхъ; его скоро уволили, но позднѣе назначили губернаторомъ въ Ригу. Ермоловъ сдѣланъ начальникомъ штаба, а Толь — генералъ-квартирмейстеромъ. Смыслъ нашего продолжительнаго отступленія не былъ понятенъ ни публикѣ, ни войску, а между тѣмъ въ этомъ отступленіи было для насъ единственное спасеніе. Государь, разставаясь въ Полоцкѣ съ Барклаемъ, сказалъ ему: „сохраните мою армію; у меня нѣтъ другой". Проникнутый этою мыслью, мужественный нашъ полководецъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ переносилъ разсѣваемые о немъ въ народѣ толки и ненависть генераловъ, честно и неотступно преслѣдуя задачу, указанную ему высочайшею волей. Барклай принадлежалъ къ Шотландской фамиліи, лѣтъ за сто предъ тѣмъ поселившейся въ Лифляндіи. Онъ не былъ кровнымъ Русскимъ, и въ этомъ заключалась главная причина нападокъ, противъ него направленныхъ. Нападки эти сдѣлались столь сильны, что Императоръ счелъ нужнымъ, для удовлетворенія народнаго чувства, поставить Русское имя во главѣ войска. Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ обѣими арміями, соединившимися подъ Смоленскомъ. Я оставался при арміи до Гжатска; тамъ получено мною чрезъ курьера приказаніе вернуться въ Петербургъ. Отправясь немедленно, я встрѣтилъ на дорогѣ Кутузова;

онъ остановилъ меня и сталъ распрашивать о главномъ штабѣ арміи. Карьера Кутузова была блистательная. Побѣда, одержанная имъ надъ великимъ визиремъ на берегахъ Дуная, привела къ заключенію въ высшей степени благотворнаго для Россіи Бухарестскаго мира, давшаго возможность располагать войсками, находившимися въ Турціи, въ то время, когда Наполеонъ приближался съ четырьмя стами тысячъ человѣкъ. Извѣстіе о Бухарестскомъ мирѣ получено нами въ Вильнѣ прежде открытія военныхъ дѣйствій. Графъ Румянцевъ былъ недоволенъ: онъ желалъ болѣе выгоднаго мира, не принимая въ соображеніе обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ заключенъ. Чуть-чуть не послѣдовало отказа въ ратификаціи. Расположеніе это отозвалось на фельдмаршалѣ Кутузовѣ: оказанная имъ огромная услуга осталась непризнанною и, будучи незадолго предъ тѣмъ замѣщенъ адмираломъ Чичаговымъ, онъ покинулъ армію почти въ немилости. Изъ этого положенія его вывело общественное мнѣніе болѣе, чѣмъ высочайшее довѣріе. Не безъ основанія, впрочемъ, Государь сомнѣвался, чтобы Кутузову было подъ силу бороться съ Наполеономъ. Онъ былъ старъ, болѣзненъ, изнеможенъ; недуги и раны не позволяли ему садиться на лошадь, хотя впрочемъ храбрость его не подлежала сомнѣнію. Притомъ онъ былъ столько же уменъ, сколько хитеръ, чрезвычайно вѣжливыхъ формъ, но недостаточно твердъ, неспособенъ на рѣшительныя мѣры. Онъ прибылъ въ армію, когда послѣ кроваваго боя подъ Смоленскомъ войска достигли предѣловъ Московской губерніи. Предстояло рѣшить вопросъ: отдавать ли столицу имперіи безъ новой битвы. Это признано невозможнымъ, и занята позиція подъ Бородинымъ, гдѣ и стали наскоро укрѣпляться. Обѣ арміи сосредоточили свои силы и были подкрѣплены 10-ю тысячами Московской милиціи, такъ что у насъ было всего 210 т. человѣкъ. Наполеонъ аттаковалъ насъ, и здѣсь произошло кровопролитнѣйшее сраженіе. Фельдмаршалъ Кутузовъ командовалъ на довольно большомъ разстояніи отъ поля битвы. Героемъ этого дня былъ Барклай; доведенный до отчаянія несправедливыми нападками, онъ подвергалъ себя опасности до того, что думали, будто онъ ищетъ смерти. Князь Багратіонъ былъ убитъ въ самомъ началѣ сраженія. И наши, и непріятельскія потери были огромны; такъ какъ важнѣйшіе наши редуты были взяты, то главнокомандующій рѣшился вечеромъ отступить. Наполеонова армія была въ такомъ разстройствѣ, что не могла преслѣдовать. По приближеніи къ Москвѣ созванъ былъ военный совѣтъ для обсужденіи вопроса: можно ли еще сражаться, или должно сдать столицу непріятелю? Большинство членовъ этого совѣта, признавъ новыя усилія невозможными, высказалось за сдачу. Армія прошла чрезъ Москву, но вмѣсто отступленія на Петербургъ или къ Сѣверу направилась къ Калугѣ; такимъ образомъ она станови-

лась во флангъ Французамъ, пресѣкая сообщенія ихъ съ самыми плодоносными частями имперіи. Мѣра эта и пожертвованіе Москвою спасли Россію и приготовили гибель Французамъ. Окружавшіе Наполеона представляли ему опасности, которымъ онъ подвергался, переступая границы старинной Польши. Они употребили всѣ свои старанія, чтобъ удержать его, но надежда подписать миръ въ Москвѣ превозмогла. Наполеонъ разсчитывалъ на слабость императора Александра; онъ думалъ, что, подобно другимъ государямъ, Александръ тотчасъ по взятіи столицы подпишетъ постыдный миръ. Московскій пожаръ, повидимому, долженъ бы былъ разсѣять его надежды; но вступивъ въ переговоры съ Кутузовымъ, который намѣренно тянулъ ихъ, Наполеонъ, въ ожиданіи успѣшнаго ихъ окончанія, напрасно продлилъ пребываніе въ Москвѣ. Узнавъ о взятомъ нашими войсками направленіи и понявъ значеніе ихъ отступленія, Наполеонъ послалъ для наблюденія за ними корпусъ, подъ начальствомъ Мюрата. Мюратъ расположился близъ Тарутина. Замѣтивъ что непріятель слишкомъ растянулъ свои силы, Кутузовъ воспользовался этою ошибкой и отрядилъ для нападенія на него генерала Бенингсена съ превосходными силами. Аттака эта имѣла полный успѣхъ. Мюратъ отступилъ, потерявъ 18 пушекъ и много убитыми и плѣнными. Слѣдствія этого сраженія могли быть еще значительнѣе, но въ самомъ началѣ дѣла былъ убитъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, и вслѣдствіе того остановлено движеніе дивизіи, долженствовавшей обойдти Французовъ. Извѣстіе объ этомъ успѣхѣ было привезено въ Петербургъ полковникомъ Мишо; одновременно получено увѣдомленіе о выѣздѣ изъ Москвы Наполеона, начавшаго свое отступленіе. Нѣтъ надобности говорить о впечатлѣніи, произведенномъ этими событіями и при дворѣ, и въ цѣломъ городѣ. Государь спросилъ у Мишо, есть ли надежда, что Французская армія не выйдетъ изъ предѣловъ Россіи. „Я такъ мало въ томъ сомнѣваюсь, отвѣчалъ Піемонтецъ Мишо, что ходатайствую предъ Вашимъ Величествомъ о возвращеніи моему королю его престола.“ Государь далъ ему въ томъ обѣщаніе, которое и сдержалъ впослѣдствіи.

Во все это время занятія мои ограничивались написаніемъ, по приказанію Государя, нѣсколькихъ бумагъ. Знаменитое отступленіе продолжалось. При переправѣ черезъ Березину бѣдствія Французовъ достигли крайнихъ размѣровъ. Двадцать девятый бюллетень возвѣстилъ о томъ Европѣ и Франціи. Въ Молодечнѣ, мѣстѣ изданія этого бюллетеня, Наполеонъ покинулъ армію, сопровождаемый лишь Коленкуромъ и мамелюкомъ Рустаномъ. Великая армія была уничтожена, но оставались еще корпуса Шварценберга и Іорка. Шварценбергъ отступилъ въ Галицію, Іоркъ

заключилъ съ Дибичемъ капитуляцію, по которой отдѣлился отъ Наполеона.

Россія была свободна отъ враговъ. Затѣмъ возникалъ вопросъ, ограничиться ли освобожденіемъ отечества, или, пользуясь обстоятельствами, попытаться освободить Европу. По этому предмету мнѣнія были весьма различны. Фельдмаршалъ Кутузовъ, слабо преслѣдовавшій Французовъ, былъ того убѣжденія, что врагамъ слѣдовало соорудить золотой мостъ для отступленія. Оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ высказаться противъ дальнѣйшаго продолженія войны; но Государь, подъ вліяніемъ возвышенныхъ, благородныхъ чувствъ, отвергъ столь боязливый совѣтъ и рѣшился принять лично командованіе арміей.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга, приказавъ мнѣ сопутствовать ему. На этотъ разъ онъ имѣлъ счастливую мысль оставить въ Петербургѣ всю свиту, сопровождавшую его въ прошлую весну. Князь Волконскій, графъ Аракчеевъ и я были единственными его спутниками. Баронъ Штейнъ получилъ приказаніе присоединиться къ намъ по вступленіи Русскихъ войскъ въ Пруссію. Передъ отъѣздомъ Государь поручилъ мнѣ составить прокламацію къ Пруссакамъ. По пріѣздѣ въ Вильну, я остановился въ *Милевомъ* домѣ*), гдѣ трактирщикъ разсказалъ мнѣ, что у него останавливались иностранные дипломаты, собиравшіеся къ герцогу Бассано. Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ моихъ пріятелей, кавалеръ Фіоретти (я познакомился съ нимъ въ Гагѣ и видалъ его впослѣдствіи въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ секретаремъ въ посольствѣ князя Меттерниха). На другой день я занялъ комнаты, приготовленныя для меня въ императорскомъ дворцѣ.

Съ этого времени началось мое участіе въ великихъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ царствованіе императора Александра Перваго. Мнѣ поручено было увѣдомить Порту объ успѣхахъ, одержанныхъ нашими войсками и великихъ послѣдствіяхъ этихъ успѣховъ. Будучи одинъ, не имѣя чиновниковъ, я поставленъ былъ въ необходимость и сочинять, и переписывать; нѣсколько времени я несъ эти двойныя обязанности, какъ вдругъ счастливый случай послалъ мнѣ Шрёдера, отправленнаго Алопеусомъ въ качествѣ курьера. Шрёдеръ оставался въ Прагѣ, откуда увѣдомлялъ насъ о томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ остатки четырехъ сотъ-тысячной арміи достигли Германіи. Вліяніе великаго имени Наполеона начинало во всѣхъ умахъ уступать мѣсто надеждамъ освободиться отъ ненавистнаго ига. Императору Александру суждено было осуществить эти мечты. 1-го Декабря Русскія войска во многихъ мѣстахъ перешли границу. Императорская квартира послѣдо-

*) *Milleva Dom* (sic). П. Б.

вала за отрядомъ, направлявшимся въ старую Пруссію, по направленію къ Плоцку и въ сторонѣ отъ Кенигсберга.

Тотчасъ по вступленіи нашемъ въ Пруссію къ намъ пріѣхалъ баронъ Штейнъ, которому Государь поручилъ управленіе занимаемаго нами края; онъ отправился въ Кенигсбергъ, чтобъ учредить тамъ временное правительство подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Шёна. Не успѣли мы войти въ Герцогство Варшавское, какъ графъ Брандебургъ привезъ Государю письмо отъ Прусскаго короля и имѣлъ порученіе изобразить трудное положеніе Пруссіи, все еще окруженной Французскими войсками, а также привезти королю свѣдѣнія о дальнѣйшихъ движеніяхъ нашей арміи. Не высказываясь опредѣлительно, король давалъ чувствовать намѣреніе свое присоединиться къ намъ, какъ скоро представится къ тому возможность. Увѣдомленіе это, конечно, должно было подкрѣпить намѣреніе Государя идти впередъ. Мы не долго останавливались ни въ Плоцкѣ, ни въ другихъ, лежавшихъ на пути, городахъ, и старались достигнуть Калиша почти форсированными маршами. Между тѣмъ лѣвыя наши колонны заняли Варшаву, на основаніи заключеннаго съ княземъ Шварценбергомъ уговора, по которому мы согласились дать ему безъ преслѣдованія отступить въ Галицію. Такимъ образомъ занято было Герцогство Варшавское почти мирно; сраженіе дано было лишь одно, въ коемъ генералъ Винцингероде разбилъ корпусъ Ренье. Въ тоже время Прусскій король тайно переѣхалъ изъ Берлина въ Бреславль. Достигнувъ Калиша, мы находились въ весьма недальнемъ отъ него разстояніи. Сообщенія сдѣлались частыми; король прислалъ къ намъ генерала Кнезебека съ порученіемъ уговориться объ основаніяхъ предположеннаго союза. По окончаніи переговоровъ императоръ Александръ, чуждый тщеславія, пренебрегавшій суетами этикета, поѣхалъ въ Бреславль и взялъ меня съ собою. Насъ приняли тамъ съ неописаннымъ восторгомъ. На большомъ обѣдѣ, данномъ королемъ, я впервые увидѣлъ принцессу Шарлотту (въ послѣдствіи императрицу Александру Ѳеодоровну), распоряжавшуюся въ качествѣ хозяйки. Я сидѣлъ напротивъ ихъ величествъ, между фельдмаршаломъ Блюхеромъ и княземъ Гарденбергомъ, и имѣлъ долгій разговоръ съ фельдмаршаломъ; полный отваги, онъ жаловался на составъ арміи, наполненной молодыми солдатами. Мы пробыли въ Бреславлѣ сорокъ восемь часовъ; свиданіе это связало обоихъ монарховъ тѣсною дружбой до гроба. Условлено было, что князь Гарденбергъ прибудетъ въ Калишъ для заключенія и подписанія союзнаго договора, который вслѣдъ затѣмъ подписанъ имъ и фельдмаршаломъ Кутузовымъ. Одновременно условились о планѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Армія двинулась чрезъ Силезію на Дрезденъ. Князь Кутузовъ тяжко захворалъ въ Бунцлау и долженъ былъ тамъ остаться. Въ Дрезденѣ мы получили извѣстіе о его смерти. Императоръ поручилъ командованіе князю Витгенштейну, отличившемуся въ сраженіи подъ Полоцкомъ противъ маршаловъ Удино и Макдональда. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали этого выбора. Соединенная наша и Прусская арміи были подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера; начальникомъ штаба былъ у него генералъ Шарнгорстъ, основатель системы ландвера, давшей Пруссіи возможность начать войну со стотысячнымъ войскомъ, тогда какъ по заключенному съ Наполеономъ трактату она обязалась не держать болѣе 40 тысячъ. Къ сожалѣнію, намъ скоро пришлось оплакивать этого отмѣннаго человѣка. Пребываніе наше въ Дрезденѣ было ознаменовано переговорами съ Англіей относительно трактата о субсидіяхъ. Англійское министерство выслало туда одного изъ своихъ финансистовъ, Гарриса, для того, чтобы подъ руководствомъ посла, лорда Кастельри, обсудить этотъ вопросъ съ княземъ Шварценбергомъ и мною. Предложенія Англіи были столь выгодны, что не могло быть и рѣчи объ отклоненіи ихъ, такъ что уговоръ состоялся немедленно. Покуда мы занимались этимъ дѣломъ, до насъ дошло извѣстіе, что Наполеонъ, покинувъ Парижъ, приближался съ арміей, которую успѣлъ сформировать втеченіе зимы. Онъ шелъ на соединеніе съ принцемъ Евгеніемъ, занимавшимъ еще Магдебургъ и въ свою очередь собравшимъ около себя тысячъ тридцать, уцѣлѣвшихъ послѣ бѣгства изъ Россіи. Государи тотчасъ оставили Дрезденъ въ намѣреніи принять начальство надъ войсками и начать наступленіе на Наполеона. Операціонный планъ былъ хорошо обдуманъ. Наполеонъ чрезъ Эрфуртъ приближался къ Лейпцигу, куда принцъ Евгеній направлялся чрезъ Галле. Союзники хотѣли напасть на Наполеона прежде соединенія его съ принцемъ Евгеніемъ, и дѣйствительно успѣли напасть на Французскую армію подъ Люценомъ. Сначала успѣшное нападеніе подавало надежды на побѣду, но нападеніе это не получило надлежащаго подкрѣпленія, и дурное исполненіе хорошо обдуманнаго плана заставило союзниковъ отступить къ вечеру, когда принцъ Евгеній, подоспѣвъ на поле сраженія, угрожалъ захватить насъ во флангъ. Отступленіе было исполнено въ большомъ порядкѣ. Союзная армія очистила Дрезденъ, отступила за Эльбу и подъ Бауценомъ заняла позицію для новой битвы, столь же неудачно окончившейся.

Два пути лежали намъ для отступленія: первый, къ Калишу, удалялъ насъ отъ операціонной нашей линіи, а другой, на Силезію, по границѣ Богеміи, обезпечивалъ важныя для насъ сношенія съ Австріей. Первое направленіе было выгоднѣе въ военномъ, а второе въ политическомъ отношеніи. Дѣйствительно, двигаясь по послѣдней дорогѣ,

мы могли продолжать переговоры съ Австріей. Графъ Стадіонъ, находившійся для этихъ переговоровъ при нашей главной квартирѣ, удалился въ Гёрлицъ во время Бауценскаго сраженія. Вечеромъ, послѣ того какъ мы были разбиты, императоръ Александръ позвалъ меня и приказалъ отправиться къ графу Стадіону для сообщенія ему принятаго Государемъ намѣренія; при этомъ я долженъ былъ выставить руководившія Государемъ побужденія, рѣшимость его продолжать войну, не смотря на послѣднія неудачи и надежду на присоединеніе къ намъ Австріи, потому что хотя Наполеонъ и одержалъ побѣды, но побѣды эти дорого ему стоили и ослабили его силы, такъ что Австріи предстояло спасти Европу, открыто перейдя на сторону союзниковъ. Отступленіе наше совершалось въ величайшемъ порядкѣ. Блистательный успѣхъ, одержанный нами въ арріергардномъ бою, лишилъ Наполеона маршала Дюрока и трехъ лучшихъ Французскихъ генераловъ. Дѣломъ этимъ задержалось движеніе Французовъ, и мы спокойно достигли Швейдница, въ Верхней Силезіи. Наша армія расположилась близъ этой крѣпости; бóльшая часть Силезіи, не исключая и столицы ея Бреславля, была занята Французскими войсками. Начались переговоры о перемиріи, которое и было подписано. Главное дѣло заключалось въ присоединеніи Австріи. Императоръ Францъ, чтобы ближе быть къ событіямъ, расположился въ Гичинѣ, зáмкѣ, принадлежавшемъ графу Траутмансдорфу. При немъ были князь Меттернихъ и генералъ Дýка, къ несчастью,—главный его совѣтникъ въ военныхъ дѣлахъ. То былъ старый человѣкъ, предпочитавшій спокойствіе движенію, нейтралитетъ войнѣ. Я нашелъ Австрійскаго императора въ сущности выгодно расположеннаго, но занятаго мыслью о томъ, что еще надо много времени для окончанія военныхъ приготовленій и надлежащаго сформированія значительныхъ силъ, потребныхъ для столь большого предпріятія. Словомъ, мнѣ не сказали: «нѣтъ», но хотѣли выиграть время посредствомъ переговоровъ съ Наполеономъ. Желанію этому была еще другая причина. На дѣлѣ Австрія была еще союзницей Франціи, не давшей никакого достаточнаго повода для объявленія войны. Князь Меттернихъ задумалъ предложить Наполеону умѣренныя условія для всеобщаго успокоенія во благо всей Европѣ. Отказъ въ принятіи предложенныхъ имъ условій долженъ былъ служить достаточнымъ поводомъ къ разрыву. Съ этою цѣлью князь Меттернихъ долженъ былъ отправиться къ Наполеону въ Дрезденъ. Такимъ образомъ Австрія становилась посредницей между Наполеономъ и союзниками. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ достигнуть болѣе положительнаго результата и увезъ изъ Гичина лишь порученіе—представить предположенія князя Меттерниха обоимъ государямъ. Разумѣется, извѣстіе не могло имъ нравиться. Впечатлѣніе имъ произведенное было ослаблено

присылкой одновременно въ нашу главную квартиру полковника Латура, присланнаго императоромъ Францемъ для совѣщанія на всякій случай о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Генералъ Дука также прибылъ, подъ предлогомъ свиданія съ служившимъ въ рядахъ нашихъ его братомъ.

Предложенія Меттерниха, какъ и слѣдовало ожидать, были отвергнуты Наполеономъ; по этому поводу былъ между ними столь извѣстный разговоръ. Свиданіе ихъ имѣло одно только послѣдствіе—принятое Наполеономъ предложеніе назначить въ Прагѣ конгрессъ и заключить перемиріе. Князю Меттерниху предстояло склонить союзниковъ, къ принятію этого двойного предложенія что̀ было нелегко, потому что войска наши только-что были укомплектованы свѣжими силами, и слѣдовательно всякая проволочка обращалась въ выгоду не намъ, а нашимъ противникамъ. Князь Меттернихъ предложилъ намъ свиданіе въ Ратиборчицѣ, помѣстьѣ первой герцогини Саганъ; я отправился туда съ княземъ Гарденбергомъ и барономъ Гумбольдтомъ. Совѣщаніе это было самая бурное изъ всѣхъ, на которыхъ мнѣ когда-либо приходилось присутствовать; но для насъ было такъ важно привлечь Австрію, что пришлось исполнить всѣ ея требованія.

Союзные государи не менѣе своихъ представителей были недовольны назначеніемъ конгресса и происходившею вслѣдствіе того отсрочкою военныхъ дѣйствій. Предстояло назначить уполномоченныхъ. Государь. избралъ г. Анстета, а король Прусскій барона Гумбольдта. Князь Меттернихъ самъ взялся быть представителемъ Австріи. Наполеонъ назначилъ герцога Виченцскаго и графа Нарбонна. Конгрессъ этотъ былъ просто насмѣшкой: уполномоченные не собирались, а пересылали свои требованія князю Меттерниху, который въ качествѣ посредника передавалъ ихъ противной сторонѣ. На дѣлѣ никто не хотѣлъ мира. Нѣсколько недѣль прошло въ безплодныхъ переговорахъ, затѣмъ конгрессъ прервался, перемиріе окончено, и враждебныя дѣйствія начались снова.

Во время перемирія императоръ Александръ имѣлъ въ Трахенбергѣ свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ. Я сопровождалъ Государя. Здѣсь былъ рѣшенъ планъ вновь открывавшейся кампаніи. Силы союзниковъ были раздѣлены на три арміи. Каждая изъ этихъ армій должна была состоять изъ войскъ всѣхъ трехъ націй; одни Австрійцы оставались вмѣстѣ, не отряжая своихъ силъ къ войскамъ союзниковъ. Къ Австрійцамъ была присоединена значительная часть Русской арміи и два Прусскіе корпуса. Вторая армія состояла преимущественно изъ Пруссаковъ, съ присовокупленіемъ двухъ Русскихъ корпусовъ; третья, подъ начальствомъ Шведскаго наслѣднаго принца, вмѣщала два Русскіе, два Прус-

скіе корпуса и довольно слабый отрядъ Шведовъ. Войска, назначенныя для соединенія съ Австріей, должны были оставить Силезію и войдти въ Богемію; вторая армія, подъ начальствомъ Блюхера, долженствовала остаться въ Силезіи, а третья въ Бранденбургіи. Всѣ три арміи должны были одновременно начать наступательное движеніе и направиться противъ Наполеона, сосредоточивавшаго свои силы около Дрездена. Условлено было каждой арміи, въ случаѣ нападенія силъ превосходныхъ или предводительствуемыхъ самимъ Наполеономъ, отступать и дать время другимъ арміямъ придти на помощь. Этотъ планъ дѣйствій былъ приведенъ въ исполненіе, но въ началѣ онъ не имѣлъ тѣхъ счастливыхъ послѣдствій, которыхъ въ правѣ были ожидать отъ него. Командованіе главною арміей было поручено князю Шварценбергу. Императоръ Александръ находился здѣсь же и, не принимая званія главнокомандующаго, имѣлъ главнѣйшее вліяніе на всѣ движенія армій, несмотря на присутствіе двухъ другихъ государей. За нѣсколько дней до окончаніи перемирія къ намъ прибылъ генералъ Морò, по нашему приглашенію покинувшій Америку и готовый служить плодами своей военной опытности. Императоръ призвалъ его къ участію въ своихъ совѣтахъ, надѣясь извлечь изъ него пользу въ борьбѣ съ стариннымъ его соперникомъ. Морò не произвелъ на меня того впечатлѣнія, котораго я ожидалъ: я нашелъ его ниже его славы. Около того же времени появился генералъ Жомини, извѣстный своею военною ученостью. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы хотѣли привлечь его въ свою службу. Когда я состоялъ при Парижскомъ посольствѣ, то мнѣ поручаемо было сдѣлать ему о томъ предложеніе. Онъ выслушалъ это предложеніе привѣтливо и уже тогда имѣлъ намѣреніе выйдти изъ Французской службы и поселиться въ Россіи. Обстоятельства и нѣкоторая доля нерѣшительности помѣшали ему исполнить это намѣреніе. Императоръ принялъ его благосклонно и пожаловалъ въ генералъ-адъютанты. Планъ открывавшейся кампаніи былъ сообщенъ Жомини, которой сдѣлалъ нѣсколько измѣненій, оправданныхъ послѣдствіями. Императоръ Александръ, въ ожиданіи сбора войскъ въ мѣстахъ, откуда они должны были вторгнуться въ Саксонію, отправился самъ въ Прагу и взялъ меня съ собой. Мы настигли армію въ К.*), и тотчасъ началось движеніе впередъ. Послѣ двухъ переходовъ мы подошли къ высотамъ, окружающимъ Дрезденъ. Императоръ Наполеонъ, по невѣрнымъ увѣдомленіямъ своихъ шпіоновъ, не ожидалъ соединенія въ Богеміи Русской и Австрійской армій; онъ перешелъ Эльбу, чтобы напасть въ Силезіи на фельдмаршала Блюхера; слѣдовательно наше появленіе у Дрездена было весьма удачно. Къ не-

---

*) Коммотау. *Примѣчаніе переводчика* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

счастью, нерѣшительность князя Шварценберга, не разъ вредившая намъ и въ послѣдствіи, заставила насъ пропустить наиудобнѣйшее для нападенія на городъ время. Рѣшились аттаковать спустя лишь 24 часа, когда предувѣдомленный Наполеонъ, отказавшись отъ нападенія на Блюхера и оставивъ Макдональду командованіе войсками въ Силезіи, самъ съ частью своей арміи, форсированнымъ маршемъ, возвращался къ Дрездену. Вслѣдствіе этого нападеніе наше на Дрезденъ не удалось, и мы принуждены были возвратиться въ Богемію по дорогамъ, сдѣлавшимся непроѣзжими отъ дождя, не прекращавшагося во все время сраженія. Намъ пришлось оплакивать генерала Морô: ему, подлѣ императора Александра, оторвало обѣ ноги ядромъ, пущеннымъ изъ орудія, такъ-сказать, нацѣленнаго самимъ Наполеономъ.

Отступленіе наше совершилось довольно безпорядочно. На пути лежали высокія горы; одна только и была порядочная дорога, прекрасное шоссе, пролегавшее чрезъ Петервальдау къ Теплицу; по ней направился гвардейскій корпусъ. Если бы Наполеонъ настоятельнѣе преслѣдовалъ его, то достигъ бы Теплица прежде насъ и отрѣзалъ бы намъ отступленіе. Онъ поручилъ преслѣдованіе генералу Вандаму, не поддерживая его достаточными силами. Отступая, гвардія заняла позицію при Кульмѣ и выдержала здѣсь первый натискъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ корпусовъ спустились съ горъ; Прусскій корпусъ генерала Клейста направился чрезъ Ноллендорфъ на правый флангъ и сообщенія Вандама. Атакованный превосходными силами, Вандамъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ генераломъ Гаксô, однимъ изъ лучшихъ Французскихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Французы потеряли всю свою артиллерію. Этотъ блестящій успѣхъ, съ одной стороны, поднялъ духъ въ нашемъ войскѣ, ослабленный Дрезденскимъ пораженіемъ, съ другой послѣ него начали показываться между Русскими и Австрійцами недоумѣнія. Къ сожалѣнію, мы имѣли нѣкоторые поводы неудовольствія на этихъ союзниковъ: во время сраженія 15.000 Австрійцевъ, подъ начальствомъ генерала Мôчко, положили оружіе, безъ выстрѣла.

Счастье снова переходило на нашу сторону; покуда мы выигрывали Кульмское сраженіе, фельдмаршалъ Блюхеръ разбивалъ Макдональда при Кацбахѣ, гдѣ отличилась дивизія Русскихъ гусаръ подъ начальствомъ князя Васильчикова. Два дня спустя получено извѣстіе о побѣдѣ Шведскаго королевскаго принца при Гросъ-Беренѣ. Эти славныя событія происходили въ Августѣ мѣсяцѣ. $^{13}/_{25}$ Прусскіе генералы Бюло и Тауенцинъ, принадлежашіе къ арміи принца Шведскаго, выиграли еще сраженіе при Денневицѣ. Всякая армія, даже побѣдоносная, бы-

ваетъ болѣе или менѣе разстроена послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ военныхъ дѣствіяхъ. Наши войска были весьма утомлены тяжелымъ отступленіемъ чрезъ Богемскія горы. Мы оставались весь Сентябрь мѣсяцъ въ Теплицкой долинѣ, пополняя утраты, снабжая обувью Австрійскую пѣхоту, получая подкрѣпленія. Лишь въ началѣ Октября мы были въ состояніи снова начать наступленіе. Въ первыхъ дняхъ этого мѣсяца войска наши снова пустились чрезъ Богемскія горы, вошли въ Саксонію и направились къ Лейпцигу. Здѣсь съ 16-го по 19-е Октября дана была Наполеону знаменитая битва, освободившая Германію. Въ продолженіе всего сраженія я находился подлѣ Государя и видѣлъ вблизи атаку Французской конницы, которая, опрокинувъ нашу легкую кавалерійскую дивизію, направлялась къ холму, гдѣ стоялъ императоръ Александръ, окруженный многочисленною свитой. Онъ приказалъ своему конвою, состоявшему изъ полка гвардейскихъ казаковъ, двинуться противъ Французовъ. Командовавшій атакой графъ Орловъ-Денисовъ разомъ остановилъ движеніе непріятеля. Вступленіе въ Лейпцигъ было величественно. Императора Александра сопровождали оба союзные государя и принцъ Шведскій. Въ городѣ оказался Саксонскій король, которому объявлено, что его, въ качествѣ военноплѣннаго, отправятъ въ Берлинъ. Французская армія отступила по дорогѣ чрезъ Эрфуртъ и Франкфуртъ на берега Рейна; по несчастію, ее преслѣдовали не довольно дѣятельно, такъ что результаты побѣды были неполны. Авангардомъ командовалъ Австрійскій генералъ, графъ Гіулай; если бъ онъ ускорилъ свои движенія, то могъ бы достигнуть высотъ Крюзенскихъ прежде Наполеона и пресѣчь ему путь къ отступленію.

8-го Октября Баварія просоединилась къ союзу. Баварская армія, предводительствуемая маршаломъ Вреде, направилась къ Ганау, куда и пришла, покуда Наполеонъ отступалъ по той же дорогѣ. Вреде такъ плохо распорядился, что не только не остановилъ Наполеона, но былъ разбитъ имъ и далъ ему возможность достигнуть Майнца. Здѣсь Наполеонъ покинулъ армію и возвратился въ Парижъ. Императоръ Александръ съ главною арміей двинулся чрезъ Веймаръ и Швейнфуртъ во Франкфуртъ. Тутъ данъ былъ на нѣсколько недѣль отдыхъ. Важные вопросы должны были быть обсуждены и разрѣшены: предложить ли непріятелю миръ или принять великое рѣшеніе—войти во Францію и преслѣдовать Наполеона до послѣдней крайности. По этому великому вопросу мнѣнія союзниковъ были различны. Императоръ Александръ, поддерживаемый Пруссіей, хотѣлъ продолжать войну; Австрійскій кабинетъ предложилъ открыть переговоры. Рѣшено было вступить въ нихъ, не прекращая военныхъ дѣйствій. Г. де Сентъ-Эньянъ (Aignan), Французскій

министръ при Веймарскомъ дворѣ, былъ взятъ въ плѣнъ; его освободили и отправили къ Наполеону съ изложеніемъ условій, на которыхъ союзники соглашались открыть мирные переговоры, созвавъ съ этою цѣлью конгрессъ въ Мангеймѣ. Большое число Нѣмецкихъ принцевъ и между ними король Виртембергскій прибыли во Франкфуртъ съ цѣлью присоединиться къ союзу. Съ каждымъ изъ нихъ былъ заключенъ трактатъ. Рѣшено вступить въ предѣлы Франціи; оставалось уговориться о планѣ военныхъ дѣйствій. По этому поводу возникли новыя пренія между императоромъ Александромъ и княземъ Меттернихомъ, который настаивалъ на предположеніи проникнуть во Францію чрезъ Швейцарію, тогда какъ Государь утверждалъ, что не слѣдовало нарушать нейтралитетъ Швейцаріи, о чемъ просила только-что прибывшая оттуда депутація.

Австрія не теряла изъ виду давнишнюю цѣль поднять въ Бернѣ аристократическую партію и возстановить прежній порядокъ, что̀ нисколько не отвѣчало желаніямъ императора Александра. Для переговоровъ съ правительствомъ Гельвеціи были отправлены туда два уполномоченныхъ: со стороны Австріи баронъ Лебцельтернъ, а отъ насъ графъ Каподистрія, выступавшій при этомъ впервыя на сцену. Договорено было, что союзники, не вторгаясь внутрь страны, получатъ свободный пропускъ на двухъ дорогахъ: одной, чрезъ Базель, для главной арміи, при которой находились три союзные государя, а другой, чрезъ Женеву, для Австрійскаго корпуса, долженствовавшаго вступить въ Ліонъ. Мы двинулись. Императоръ останавливался на два дня въ Карлсруэ и на три въ Фрейбургѣ, гдѣ мнѣ посчастливилось имѣть помѣщеніе у старой любовницы Майнцкаго курфирста, г-жи Фери́; она угостила насъ на славу, щеголяя въ особенности пуншемъ, который одна умѣла дѣлать для своего возлюбленнаго. Слишкомъ долго было бы разсказывать подробности этой достопамятной кампаніи, въ продолженіе коей судьба то покровительствовала, то сопротивлялась намъ, покуда не перешла окончательно на нашу сторону. Упомяну лишь объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе. Послѣ сраженій при Лаонѣ и Краонѣ, Наполеонъ двинулся противъ нашихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Брана-Оби, гдѣ находился и императоръ Александръ. Въ это время я былъ отправленъ для совѣщанія съ княземъ Гарденбергомъ, княземъ Меттернихомъ и лордомъ Кастльри. По окончаніи нашего засѣданія князь Гарденбергъ пригласилъ меня къ обѣду, но моя счастливая звѣзда заставила меня отказаться подъ предлогомъ скорѣйшаго увѣдомленія Императора объ исходѣ нашей конференціи. Благодаря своему отказу, я успѣлъ достигнуть армій: нѣсколько часовъ спустя, я былъ бы съ остальными членами конференціи и императоромъ Австрійскимъ отрѣзанъ

Французскою арміей, которая, будучи отбита, повернула на Витри. Такимъ образомъ мнѣ дано было участвовать въ нашемъ знаменитомъ шествіи на Парижъ и принять дѣятельное участіе въ послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ.

Послѣ нѣсколькихъ схватокъ маршалы Мармонъ и Мортье попросили сдачи на капитуляцію. Императоръ послалъ меня съ полковникомъ Михаиломъ Орловымъ для переговоровъ. Мы встрѣтились въ одномъ изъ домовъ сосѣднихъ съ заставой Клиши. Уговорившись объ основаніяхъ капитуляціи, я поручилъ Орлову отправиться въ домъ маршала Мармона, съ тѣмъ чтобы составить бумагу и подписать ее вмѣстѣ съ полковникомъ Фабріе, котораго маршалы отрядили съ этою цѣлью. Самъ я вернулся въ Бонди къ Государю съ увѣдомленіемъ его о происшедшемъ. Покуда мы вели переговоры въ предмѣстьи Клиши, Наполеонъ покинулъ армію и приближался къ Фонтенебло, надѣясь еще спасти Парижъ своимъ присутствіемъ. Онъ отправилъ впередъ Александра де-Жирардена съ приказаніемъ маршаламъ держаться во что бы то ни стало. Офицеръ этотъ, давно мнѣ знакомый, попалъ въ наши переговоры. Онъ обратился ко мнѣ, желая испугать меня разсказомъ о побѣдѣ, будто бы одержанной Наполеономъ надъ корпусомъ генерала Винцингероде, который былъ оставленъ замаскировать наше движеніе на Парижъ. Между прочимъ, онъ сталъ увѣрять меня, что въ этой мнимой битвѣ была взята въ плѣнъ цѣлая дивизія Русской пѣхоты. Я отвѣчалъ усмѣхаясь: это нѣсколько мудрено, потому что весь отрядъ Винциннгероде состоитъ изъ 6.000 кавалеріи. Въ капитуляціи было договорено, что депутація отъ города Парижа явится къ императору Александру въ Бонди для засвидѣтельствованія о подчиненіи жителей города. Депутація эта явилась въ 6 часовъ утра; она состояла изъ лицъ сдѣлавшихся извѣстными впослѣдствіи. То были Паскіе, префектъ полиціи, Шаброль, Сенскій префектъ, Делабордъ, Туртонъ, генералъ-адъютантъ національной гвардіи, и нѣсколько другихъ, именъ коихъ не упомню. Я принялъ ихъ и ввелъ къ Императору. За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, Государю доложили о прибытіи герцога Виченскаго съ порученіемъ отъ Наполеона. Государь не пожелалъ, чтобъ этотъ посланный видѣлся съ депутаціей, а потому приказалъ мнѣ отвести его въ конецъ сада и занять тамъ разговоромъ, покуда продолжалась аудіенція. Отпустивъ депутацію, Государь позвалъ меня и велѣлъ ввести Коленкура. Прежде чѣмъ принять его, Императоръ приказалъ мнѣ немедленно отправиться въ Парижъ къ Талейрану и условиться съ нимъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять на первую пору. Я просилъ одного изъ членовъ депутаціи, г. Делаборда, предварить о моемъ пріѣздѣ Талейрана, который, какъ я опасался, могъ быть легко вынужденъ покинуть Парижъ.

Чтобъ объяснить роль Талейрана въ этихъ великихъ происшествіяхъ, я долженъ вернуться назадъ. Во время пребыванія нашей главной квартиры въ Труа является ко мнѣ какой-то господинъ подъ именемъ Ст. Жоржа. Онъ вынулъ изъ кармана тетрадку и показалъ мнѣ слѣдующія строки, писанныя химическими чернилами: «Посылаемое мною вамъ лицо заслуживаетъ всякаго довѣрія; выслушайте его и узнайте меня. Пора быть яснѣе. Вы ходите на ходуляхъ. Станьте на ноги и сдѣлайте, что въ силахъ». Я узналъ почеркъ герцога Дальбергскаго. Мнимый Ст. Жоржъ былъ не кто иной какъ г. де-Витроль, игравшій впослѣдствіи, во времена реставраціи, роль не принесшую пользы Французскому правительству. Его отправленіе въ нашу главную квартиру было задумано и исполнено съ участіемъ Талейрана, ставшаго во главѣ партіи, которая желала свергнуть Наполеона. Г. де-Витроль сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Парижѣ; настаивалъ на томъ, какъ легко намъ будетъ овладѣть этимъ городомъ, если рѣшительнѣе распоряжаться нашими военными силами; утверждалъ, что насъ ожидаетъ въ Парижѣ радушный пріемъ. Г. де-Витроля представили Государю; князь Меттернихъ и лордъ Кастльри имѣли съ нимъ неоднократные разговоры. Отъ насъ онъ отправился къ графу д'Артуа, только-что пріѣхавшему въ Нанси. Итакъ, въ томъ домѣ Сенъ-Флорентинской улицы, куда я ѣхалъ, дѣло уже было подготовлено. День былъ воскресный; погода стояла превосходная. Я въѣхалъ въ Парижъ въ сопровожденіи одного казака; на дорогѣ встрѣтился мнѣ Австрійскій офицеръ, князь Лихтенштейнъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ; бульвары были покрыты разряженною толпой. Казалось, народъ собрался, чтобы погулять на праздникѣ, а не для того, чтобы присутствовать при вступленіи непріятельскихъ войскъ. Талейранъ былъ за туалетомъ. Полупричесанный, онъ выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу, бросился въ мои объятія и осыпалъ меня пудрой. Послѣ первыхъ минутъ волненія онъ велѣлъ позвать людей, состоявшихъ съ нимъ въ заговорѣ. То были герцогъ Дальбергъ, аббатъ де-Прадтъ, баронъ Луи. Покуда мы разсуждали, Императоръ во главѣ своей арміи вступалъ въ городъ. Я передалъ своимъ собесѣдникамъ желаніе Государя, сказавъ имъ, что онъ остановился окончательно на одной лишь мысли: не оставлять Наполеона на тронѣ Франціи; что затѣмъ вопросъ, какой порядокъ вещей долженъ замѣнить его, будетъ разрѣшенъ Государемъ не иначе какъ по совѣщаніи съ тѣми просвѣщенными людьми, съ которыми онъ теперь будетъ поставленъ въ сношенія. Государь намѣревался поселиться во дворцѣ Élysée Bourbon. Во время шествія какой-то неизвѣстный человѣкъ всунулъ князю Волконскому анонимную записку съ увѣдомленіемъ, что подъ дворецъ этотъ подведены мины. Государь приказалъ послать мнѣ эту записку чрезъ

Дурнова, адъютанта князя Волконскаго. Я передалъ полученное мною извѣстіе Талейрану. Онъ не хотѣлъ вѣрить; однако, по избытку предосторожности, предложилъ Государю свой домъ, чтобы дать время произвести надлежащее освидѣтельствованіе. Торжественное шествіе войскъ должно было окончиться на площади Лудовика XV. Часъ спустя послѣ полученія нами записки, Государь, сопровождаемый Прусскимъ королемъ и княземъ Шварценбергомъ, прибылъ въ домъ Талейрана и позвалъ лицъ, съ которыми я разсуждалъ предъ его пріѣздомъ. Завязалось общее разсужденіе о томъ что̀ дѣлать; рѣшено было прежде всего напечатать прокламацію отъ имени союзныхъ государей съ объявленіемъ, что они не станутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства. Мнѣ, вмѣстѣ съ герцогомъ Дальбергомъ, поручено было составить этотъ актъ. Мы съ нимъ заперлись въ комнату смежную съ гостиной и чрезъ полчаса представили Государямъ бумагу, удостоившуюся одобренія и подписи императора Александра. Чрезъ нѣсколько часовъ прокламація была напечатана и выставлена по цѣлому Парижу. Императоръ обѣдалъ у Талейрана. Союзные государи должны были вечеромъ показаться въ оперѣ. Незадолго до обѣда Государь узналъ, что заказано представленіе—*Торжество Траяна.* Ничто не могло быть непріятнѣе для его скромности; онъ пожелалъ, чтобы въ замѣну назначенной оперы дана была *Весталка.* При входѣ въ оперу Императора встрѣтили громкіе крики народа. Что̀ ни говорятъ историки, писавшіе о томъ времени послѣ 1830 года, но общее желаніе Франціи было не въ пользу продолженія Наполеоновскаго правительства. Въ конференціяхъ того утра положено было на слѣдующій день созвать Сенатъ. Въ засѣданіи этомъ Талейранъ предложилъ сверженіе Наполеона. Въ тотъ же день учреждено временное правительство, составленное, подъ предсѣдательствомъ Талейрана, изъ генерала Бернонвиля, герцога Дальберга, графа Жокура и аббата Монтескью, съ самаго возвращенія своего во Францію состоявшаго въ перепискѣ съ Лудовикомъ XVIII. Я занималъ комнату въ домѣ Талейрана и проводилъ цѣлый день, а часто и бо̀льшую часть ночи, путешествуя взадъ и впередъ, то къ Государю, то къ лицамъ принимавшимъ участіе въ направленіи этихъ великихъ событій. О сверженіи Наполеона никто уже не спорилъ, всѣ были въ этомъ согласны; но предстояло рѣшить, кѣмъ замѣнить Наполеона. Здѣсь начинало проявляться разномысліе. Наполеонъ прислалъ изъ Фонтенебло депутацію изъ четырехъ маршаловъ, Нея Макдональда, Мармона и герцога Виченцкаго, для представленія отреченія своего отъ престола въ пользу Римскаго короля подъ регентствомъ Маріи-Луизы. Проектъ этотъ былъ оспариваемъ со стороны Талейрана, который съ самаго вступленія нашего въ Парижъ высказывался въ

пользу возстановленія Бурбоновъ. Императоръ колебался; конференціи продолжались всю ночь; наконецъ Государь принялъ мнѣніе Талейрана. Маршалы возвратились въ Фонтенебло, за исключеніемъ Мармона, отправившагося къ корпусу войскъ въ Ессонѣ. Въ послѣднихъ сочиненіяхъ г.г. Тьера и Віелькастеля всѣ обстоятельства этой эпохи разсказаны довольно вѣрно и безпристрастно. Они не скрыли отъ публики чванное поведеніе Лудовика XVIII относительно императора Александра, который выѣхалъ навстрѣчу королю въ Компьень; я сопровождалъ при этомъ Государя. Лудовикъ XVIII выказалъ надменность столь неумѣстную въ отношеніи Государя, даровавшаго ему престолъ. Императоръ Александръ былъ очень оскорбленъ этимъ поведеніемъ, и это подѣйствовало на дальнѣйшія отношенія обоихъ монарховъ.

По прибытіи императора Австрійскаго, князя Меттерниха и лорда Кастльри, начались переговоры о мирѣ. Я былъ назначенъ уполномоченнымъ и принималъ дѣятельное въ нихъ участіе. 18 (30) Мая заключенъ миръ. Монархи, оставивъ своихъ министровъ, отправились въ Англію, гдѣ были приняты съ большимъ энтузіазмомъ. Для импер. Александра пребываніе это не прошло однако безъ неудовольствій. Онъ не симпатизировалъ съ принцемъ-регентомъ, въ послѣдствіи Георгомъ IV. Великая княгиня Екатерина Павловна прибыла раньше императора въ Лондонъ и сблизилась съ оппозиціей болѣе чѣмъ съ владычествовавшею тогда партіей торіевъ. Она склоняла своего брата къ тому же направленію, что̀ ненравилось регенту и было причиной нѣсколькихъ столкновеній. Императоръ покинулъ Англію недовольный своимъ тамъ пребываніемъ. Въ немъ составилось однако высокое мнѣніе о благоденствіи и могуществѣ этой страны. Оставалось еще два мѣсяца до открытія Вѣнскаго конгресса. Императоръ воспользовался этимъ временемъ для поѣздки въ Петербургъ, и я сопутствовалъ ему.

Во время пребыванія въ Петербургѣ судьба моя окончательно опредѣлилась. Канцлеръ Румянцевъ, завѣдывавшій еще по имени Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, почти совсѣмъ оглохшій вслѣдствіе двухъ апоплексическихъ ударовъ, оскорбился тѣмъ, что былъ устраненъ отъ участія въ договорахъ, обезсмертившихъ царствованіе императора Александра, и подалъ въ отставку. Отставка его была принята. Я замѣстилъ его, получивъ скромный титулъ статсъ-секретаря, завѣдывающаго Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ. Титулъ этотъ я сохранилъ до временъ императора Николая, пожаловавшаго меня въ вице-канцлеры при заключеніи Туркманчайскаго мира.

НАСТРОЕНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ.

Стихотворенія того времени.

Настоящій 1905 годъ—годъ юбилейный. Полвѣка назадъ, 27 Августа 1855 г., палъ Малаховъ курганъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Севастополь. Какъ ни печально было для Русскихъ людей паденіе Севастопольской твердыни, но мы доселѣ гордимся и должны гордиться его защитниками, оказавшими безпримѣрное геройство въ теченіе годовой его осады чуть не всею Европою, не говоря о Турціи. На Россію всоружились Франція, Англія и Сардинія; кромѣ сего двухсмысленно вели себя Австрія, Венгрія и Пруссія. Русскимъ людямъ было отъ чего задуматься; но Русское общество подъ державою императора-рыцаря Николая I не только не унывало, не только не безпокоилось за исходъ войны, но проявляло въ себѣ такой подъемъ духа, такую вѣру въ несокрушимость солдатскаго штыка, что предъ войною и во время войны малодушные становились храбрецами, прозаики восторженными поэтами. И этотъ подъемъ народнаго духа сдѣлалъ свое великое дѣло: побѣдоносное войско не посрамило земли Русской и не дало врагамъ нашимъ торжествовать полную побѣду. Севастопольская война сколько ослабила силы Россіи, столько же, если не болѣе, многочисленныхъ и завистливыхъ ея враговъ. которыхъ на театрѣ войны къ Январю 1855 г. насчитывалось 175,000, въ томъ числѣ Англійскихъ моряковъ состояло 32,000; но къ концу зимы число Англійскаго войска, по словамъ ихъ историка, быстро убывая, дошло до 11,000. Само собой, разумѣется, что въ подобной же пропорціи уменьшалось число войскъ и другихъ Турецкихъ союзниковъ. Враги наши гибли, какъ тараканы, и отъ оружія, и отъ заразныхъ болѣзней, и отъ холода безъ теплой одежды и, наконецъ, отъ морскихъ бурь: такъ 2 Ноября 1854 г. отъ бури погибло 21 непріятельское судно. У Русскихъ же за все время войны убито или умерло отъ ранъ всего 75,000.

Если обратимъ вниманіе на матеріальныя потери, то и онѣ у непріятелей были гораздо значительнѣе, чѣмъ наши. Россія на войну истратила до одного милліарда рублей, а между тѣмъ изъ воюющихъ странъ только одна Франція потеряла болѣе полутора милліарда франковъ, Англія 1855, 176,700 франковъ, да кромѣ того заняла 41 милліонъ фунтовъ стерлинговъ,

Турція истратила около полмилліарда франковъ; расходы Австріи и Пруссіи также были весьма значительны.

Итакъ въ Севастопольскомъ дѣлѣ у враговъ нашихъ, какъ говорится, гора родила мышь; ихъ планы не осуществились, а между тѣмъ финансы растроились и производительныя силы страны сильно сократились.

Но счеты и выкладки предоставимъ стратегамъ и финансистамъ; мнѣ же, какъ собирателю памятниковъ народнаго въ широкомъ смыслѣ творчества, болѣе свойственно писать о чувствахъ и настроеніяхъ, выражавшихся въ различныхъ произведеніяхъ малоизвѣстныхъ или совершенно невѣдомыхъ стихотворцевъ. Такимъ образомъ я считаю своею обязанностію болѣе всего отмѣтить то, что поэты-выразители общественныхъ и гражданскихъ чувствъ, предъ Севастопольской обороной и во время ея, въ своихъ стихахъ, широко распространенныхъ посредствомъ списыванія и переписыванія, особенно среди учащейся молодежи, выражали живую вѣру, крѣпкую надежду и горячую любовь къ своей родинѣ.

Были ли нижеслѣдующія стихотворенія гдѣ-либо напечатаны, не знаю, но навѣрное они ходили по рукамъ въ рукописяхъ. Мною нѣкоторыя изъ нихъ выписаны изъ старыхъ альбомовъ, другія стихотворенія изъ рукописныхъ пѣсенниковъ, принадлежавшихъ ученикамъ Казанской Духовной Семинаріи, Ивану Давыдову и Ивану Ястребскому; мнѣ же рукопись стихотвореній была подарена ихъ родственникомъ Г. И. Львовымъ съ выраженіемъ желанія что-нибудь извлечь изъ нихъ для напечатанія, чѣмъ я въ настоящее время и имѣю честь воспользоваться съ благодарностью священнику Г. И. Львову.

Александръ Можаровскій.

1.

Итакъ не сказка уже это,
Что Англичанинъ и Французъ
Вступили въ службу Магомета,
Что, съ Туркомъ заключивъ союзъ *),
Два Христіанскіе народа
На утѣшеніе бѣсамъ
Идутъ во слѣдъ Искаріота
Продать Христа его врагамъ.
Стыдитесь, жалкіе народы!
Всемірные опекуны,
Защитники чужой свободы,
А дома слуги Сатаны!

*) Франція и Англія объявили войну Россіи послѣ нашей побѣды при Синопѣ (18 Ноабря 1853 г.),

Не ваши ль предки въ Палестинѣ
За гробъ Господень лили кровь?
Ужели вы хотите нынѣ
Попрать дѣла своихъ отцовъ?
Вы, просвѣтители Европы,
Цивилизованный народъ,
Антропологи, филантропы
И разный окаянный сбродъ!
Довольно вы ужъ запятнали
Страницъ въ исторіи своей,
Какъ изгоняли и терзали
Своихъ законныхъ королей!
Чего жъ теперь еще хотите?
Зачѣмъ вмѣшались въ нашъ вы споръ?
Какъ ни судите, ни рядите,
А Турки вамъ городятъ вздоръ.

Мы знаемъ, тутъ не въ Туркахъ дѣло:
Вамъ Турки лишь одинъ предлогъ.
Нѣтъ, вамъ Россія надоѣла,
Она вамъ въ горлѣ поперекъ.
Посмотримъ! Мы для васъ не нужны-ль,
А вы не нужны вовсе намъ [1]).

Не нужно винъ намъ иноземныхъ:
Мы, Бога силъ благодаря,
Сумѣемъ пить и Русскимъ пѣннымъ
Здоровье нашего Царя.
Не нужны сукна намъ и вата [2]),
Ни ваша байка не нужна:
Сошьемъ мундиръ мы для солдата
И изъ домашняго сукна.
Не нужно портера, арака:
Мы дома пива наваримъ,
Да васъ самихъ же послѣ драки
Опохмелиться пригласимъ.
Не нужно Англійской намъ стали:
У насъ желѣза рудники;
Покойные Французы знали,
Остры ль трехгранные штыки.
Не нужны ваши намъ сардины
Ни черепашьи потроха:
Въ волнахъ родимой Березины
Готова вамъ всегда уха.
Не нужны намъ пружины ваши
И всѣ машины [3])... Вздоръ какой!

---

[1]) Торговый трактатъ Россіи съ Англіей и возвышеніе пошлинъ на привозную пряжу состоялись въ Ноябрѣ 1841 г.

[2]) Въ Россію изъ Англіи ввезено хлопка: съ 1831 г. по 1840 г. 234 тыс. пуд.; съ 1860 по 1840 г. 821 тыс. пуд.

[3]) Ввозъ изъ Англіи машинъ разрѣшенъ въ 1842 г.

Французовъ били жъ бабы наши
Гдѣ просто палкой, гдѣ клюкой.
Не нужны ваши намъ шинели,
Пальто, салопы: на бѣду,
Они васъ плохо какъ-то грѣли
У насъ въ двѣнадцатомъ году.
Не нужны намъ стальныя перья:
Покойный славный вашъ капралъ
Свое отъ трона отреченье
Перомъ гусинымъ подписалъ.
Ни въ поставкѣ духовъ Французскихъ
Не просимъ вашихъ мы услугъ:
Европа нюхала у Русскихъ
Національный Русскій духъ.
Не нужно вашихъ шампиньоновъ:
Грибовъ намъ станетъ и про васъ,
Съ покойникомъ Наполеономъ
Вы съѣли славный грибъ у насъ.

Итакъ давайте же дѣлиться!
Пусть будетъ каждый при своемъ.
Мы не придемъ вамъ поклониться:
Богъ дастъ, безъ васъ мы проживемъ.
Но вы подумали ли это,
Хоть дивенъ вашъ заморскій край,
Однако въ будущее лѣто
Каковъ-то будетъ урожай? [1])
На грудахъ бархата и шелку
Какъ станетъ въ брюхѣ-то бурлить,
Чтобъ зубы не пришлось на полку
Вамъ хоть на время положить...

Нѣтъ, нѣтъ! Мы ясно видимъ нынѣ,
Что всякая къ вамъ наша рѣчь—
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ:
Такъ пусть насъ судитъ Богъ и мечъ.
Но послѣ—наше имъ почтенье!
Пускай живутъ ихъ, какъ хотятъ.
Прости, Господь имъ согрѣшенья!
Не вѣдятъ сами, что̀ творятъ.

2.

Ура! На трехъ ударимъ разомъ.
Не даромъ же трехранный штыкъ?
Ура мы грянемъ надъ Кавказомъ,
Въ Европѣ грянетъ тотъ же кликъ.
Не двадцать шло ль на насъ народовъ?

---

[1]) Однако и въ Россіи нерѣдки голодовки: напр. въ годы 1833, 1839, 1844—1846 и т. д. Въ 1834—1835 гг. ввезено хлѣба въ Россію около 1 милліона четвертей.

Но Русь управилась съ гостьми,
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ,
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.
Тогда спасали мы родную
Страну и честь и царскій тронъ,
Тогда о нашу грудь стальную
Разшибся самъ Наполеонъ.
Теперь же въ дрожи вся природа.
Во снѣ не снилось ни кому:
Два христіанскіе народа
На насъ грозятся за чалму.

Петербургъ. 1854 г.

3.

Святое мірское дѣло*).

(Разсказъ дѣдушки Петра).

Вчера чѣмъ свѣтъ весь міръ собрали
На волостной въ контору сходъ.
Чуть теплясь звѣзды догорали,
Встрѣчая солнечный восходъ.
Все общество со старшинами
Стояло тѣсными рядами.
Вотъ вышли писарь съ головой,
А вслѣдъ за ними окружнбй
Начальникъ, молодой и бравый,
Живетъ и дышетъ Русской славой,
Питомецъ Русской стороны.
Онъ молвилъ: „братцы, мы должны,
Святую волю исполняя
Земного бога Николая,
Дѣтей на службу призывать!“
Какъ молвилъ онъ да сталъ читать
Роднова Батюшки указъ,
Такъ кровь и закипѣла въ насъ.
Мы крикнули: „Ура, державный!
Всѣ для тебя, Царь православный,
Готовы вѣрою служить,
Съ тобой вездѣ намъ любо жить!“...

Прошла пора очередная,
Нажива, плодъ для писарей,
Потачка сѣмьямъ богачей;
Теперь настала призывная.
Тутъ всякъ свой голосъ подаетъ,
Рѣшаетъ дѣло самъ народъ.
Хоть къ окружнбму и совались
Тѣ семьи, чтб все оставались,
Но онъ безъ лишнихъ съ ними словъ
На судъ сослался стариковъ.

*) Въ 1853 г. введенъ въ Россіи жеребьевый порядокъ отправленія рекрутской повинности; онъ-то здѣсь и восхваляется.

А старички умно судили
И богачей не обходили.
Кого жъ законъ призвать велѣлъ,
Тотъ слова вымолвить не смѣлъ.

Вотъ вамъ къ примѣру, Тихонъ дядя
На сыновей, бывало, глядя,
Начальству только подмигнетъ,
И, смотришь въ службу сынъ нейдетъ;
Нейдетъ одинъ, нейдутъ и двое;
Глядишь, и всѣ остались трое.
А нынѣ православный людъ
И ихъ призвалъ къ себѣ на судъ,
Судилъ и кончилъ дѣло право:
Изъ всѣхъ сыновъ меньшой сынъ бравый,
При томъ дѣтина холостой,
Ему и быть царю слугой!
Что жъ Тихонъ? Не сказавъ ни слова,
Призвалъ къ себѣ сынка меньшова:
„Нанять охотника?“ спросилъ.
—„Не надо, батька! міръ судилъ,
Мірское слово—Божій гласъ...
Благослови-тка въ добрый часъ!“

Вотъ такъ-то, братцы, мы судили
И скоро дѣло порѣшили:
Кого изъять, кого призвать,
Кого и въ призывъ не писать.
Народъ безграмотный хоть былъ,
Но и слѣпцовъ Богъ умудрилъ.
За то, что мы во дни печали
На помощь Вышняго призвали.
Ему хвала, и честь, и слава,
Да будетъ въ вѣкъ Его держава!

Когда призывъ совсѣмъ свершился,
Народъ отъ рекрутъ отдѣлился,
И предъ семьею молодой
Сосудъ явился роковой.
Мы сами жребіи считали,
При насъ самихъ ихъ въ урну клали.
Вотъ любо! Какъ судьба рѣшитъ,
Такъ ужъ и сердце не болитъ.

Межъ тѣмъ всѣ дѣти посемейно
Стояли у стола кругомъ;
Окружный звалъ ихъ поименно:
Они являлись чередомъ.
Но вотъ и нашъ чередъ насталъ,
Онъ сына моего назвалъ.
Надёжа сынъ, онъ мой любимый:
„Благослови“, сказалъ, „родимый!“
И я его благословилъ.
Сынъ руку къ локтю обнажилъ,

Три раза онъ перекрестился
И веселехонекъ пустился
За темнымъ жребіемъ въ сосудъ.
Досталъ... „Ну что-то тамъ прочтутъ
Подумалъ я, боясь за сына.
—„Ай, исполать тебѣ, дѣтина!
Знать, будешь ты солдатъ лихой!..
Отмѣть!—Иванъ Петровъ Второй“
Сказалъ окружный. Я смутился,
А сынъ еще перекрестился.

За нимъ своею чередой
То этотъ, то другой являлся,
И черезъ часъ сосудъ остался
Такимъ, какимъ и былъ: пустой.
Тутъ всталъ окружный, поклонился,
А новопризванныхъ семья,
Какъ будто старые друзья,
Такъ крѣпко, сладко обнялись,
Какъ будто братья всѣ родные,
Какъ первой ночью молодые,
И въ пѣсняхъ звонкихъ залились.

Ночь въ самомъ дѣлѣ наступала,
Луна на небо выплывала,
И день великій, роковой
Прошелъ, какъ рекрутъ, чередой.
Не то, не то бывало встарь!
Но нашему ль судить тутъ брату?
Дружнѣй за мной: хвала, нашъ царь!
Спасибо Русскому Сенату!
Не жизнь намъ—просто сущій рай.
Цвѣтетъ нашъ благодатный край.
Послѣдній грошъ намъ для подачки,
Послѣдній сынъ царю слуга,
За то, что нѣтъ судьямъ потачки,
И нѣтъ пощады для врага.

1853 г.

4.

Нѣтъ, годъ двѣнадцатый не сказки,
И Западъ видѣлъ не во снѣ,
Какъ двадцати народовъ каски
Валялися въ Бородинѣ;
И видѣлъ, что за всѣ лишенья
Просилъ ихъ царь пощады, мы жъ
Небеснымъ знаменемъ прощенья
Прикрыли трепетный Парижъ.
Онъ видѣлъ, что коня степнаго
Разить враговъ сѣдлалъ Калмыкъ,
Что въ Тюльери у часоваго
Сіялъ какъ дома, Русскій штыкъ.

Но, засоривъ поля картечью,
Въ Парижѣ Русскій мирно жилъ:
Онъ бойкою Французской рѣчью
Да Русскимъ золотомъ сорилъ.
А послѣ на Москвѣ сожженной
И надъ нетронутой Невой
Никѣмъ нигдѣ неоскорбленный
Французъ съ Британцемъ былъ намъ свой.
Но что жъ, за хлѣбъ, за соль, за дружбу
Онъ продалъ Символъ за Коранъ.
Что̀ скажетъ лѣтопись предъ свѣтомъ
Про Франко-Англійскій союзъ?
Британецъ въ сдѣлкѣ съ Магометомъ,
И стыдъ—отурчился Французъ!
Но вѣрьте, ихъ союзъ, мытарства,
Расчетъ и вычетъ—все мечта:
Имъ Русскаго не сдвинуть царства.
За насъ Христосъ, мы за Христа!

Г. Тверь. Ноябрь 1853 г.

5.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновленъ его отвагой
И Французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: „алёнъ, куражъ!"
Полно, братцы! На смѣхъ свѣту
Не останьтесь въ дуракахъ:
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ!
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспать,
Такъ племяннику подавно
И совсѣмъ сдобровать.
Альбіонъ статья иная:
Онъ еще не раскусилъ,
Что̀ машина за-такая
Наша Русь и въ сколько силъ...
То-то будетъ удивленье
Для практическихъ умовъ,
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ.
Знайте жъ, машина снова
Будетъ дѣйствовать, какъ встарь.
Ею двигаютъ три слова:
Богъ и родина, да царь.

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ.

Изъ воспоминаній стараго сапёра.

„Замѣчательные люди исчезаютъ у насъ безслѣдно:
Мы лѣнивы и нелюбопытны".

А. Пушкинъ.

Къ этимъ словамъ слѣдовало бы прибавить: *и неблагодарны.* Мы не только не умѣемъ цѣнить нашихъ талантливыхъ людей при ихъ жизни, но не вспоминаемъ объ ихъ выдающихся заслугахъ и послѣ ихъ смерти. Мы умѣемъ только *хоронить* знаменитостей, но опять таки съ тѣмъ, чтобы, «*отдавъ послѣдній долгъ*» своему яко бы любимому покойнику, основательно *забыть* объ его существованіи, какъ будто его никогда и не было на бѣломъ свѣтѣ...

Объ одномъ изъ такихъ *забытыхъ героевъ* я хочу напомнить читателю и дѣлаю это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что покойный Мельниковъ, въ дружескихъ со мной бесѣдахъ, неоднократно высказывалъ желаніе, чтобы, послѣ его смерти, была напечатана его краткая біографія, при чемъ весьма прозрачно намекалъ, что это должно быть сдѣлано ни кѣмъ другимъ, а именно мною, какъ пишущимъ человѣкомъ, который, пользуясь его особеннымъ расположеніемъ, близко и хорошо знакóмъ съ его міросозерцаніемъ и задушевными мыслями...

Мнѣ давно слѣдовало исполнить завѣтное желаніе знаменитаго Севастопольскаго героя, но, со свойственной Русскому человѣку безпечностью, я все медлилъ приняться за работу, не смотря на то, что продолжительная отсрочка угнетала меня и не давала покоя... Но я достигъ уже такого возраста, когда смерть не за горами, и, слѣдовательно, нужно поторопиться. Теперь исполняется 50 лѣтъ со времени Севастопольской обороны. Эту величайшую въ Русской жизни эпопею правительство намѣрено чествовать торжественно, для чего, по высочайшему повелѣнію, образована особенная комиссія, подъ предсѣдательствомъ генерала-фельдмаршала Великаго Князя Михаила Николаевича.

Къ сожалѣнію, по многимъ, независящимъ отъ меня причинамъ, я вынужденъ сузить свою первоначальную задачу и ограничиться краткими, часто-личными воспоминаніями объ А. В. Мельниковѣ. Я далекъ отъ мысли пристрастно его возвеличивать. Моя цѣль: не скрывая недостатковъ Мельникова, выставить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что никакая *правда* не въ состояніи затмить неотъемлемыя заслуги и достоинства *забытаго Севастопольскаго героя...*

I.

Природа надѣлила Мельникова не особенно привлекательной наружностью. Онъ маленькаго роста, и его коротенькія ножки неуклюже приставлены къ довольно солидному брюшку. Но неказистая внѣшность, отступая на задній планъ, совершенно стушевывалась въ немъ передъ явно выступавшею впередъ красотой души.

Не помню, когда и при какихъ обстоятельствахъ я встрѣтился съ Мельниковымъ, но помню хорошо, что съ первыхъ же дней нашего знакомства мы почувствовали другъ къ другу взаимное тяготѣніе, какъ люди, у которыхъ оказалось много сходныхъ взглядовъ и убѣжденій, общихъ привычекъ и наклонностей.

Наблюдая отношеніе Мельникова къ подчиненнымъ, безпрестанно слыша отъ послѣднихъ, какъ имъ хорошо и привольно живется подъ начальствомъ добрѣйшаго Александра Васильевича, невольно сравнивая командира 5-го понтоннаго баталіона съ командирами другихъ частей 3-й сапёрной бригады, я вполнѣ позавидовалъ своимъ сотоварищамъ-понтонёрамъ и почувствовалъ горячее желаніе попасть въ число такихъ же какъ они счастливцевъ, тѣмъ болѣе, что мой командиръ 5-го сапёрнаго баталіона, полковникъ Волькенштейнъ, отличался неровнымъ характеромъ. Служить у такого несноснаго командира, да еще въ должности адъютанта, было тяжело, въ особенности мнѣ, не обладающему способностью *угождать и заискивать*, не умѣющему и не желающему служить *лицамъ*...

Я, безъ всякаго стѣсненія, прямо обратился къ Мельникову съ просьбою, принять меня въ его баталіонъ. Онъ выразилъ полную готовность, наговорилъ мнѣ много любезностей, но въ заключеніе замѣтилъ, что переводъ зависитъ не отъ него.

— Не отъ васъ? спросилъ я съ удивленіемъ, а отъ кого же?

— Отъ подчиненныхъ мнѣ офицеровъ. У меня на этотъ счетъ правило, котораго я строго придерживаюсь: никогда не навязывать имъ

такого товарища-сослуживца, котораго они, почему-либо, не желаютъ имѣть въ своей компаніи. Вотъ почему я всегда представляю этотъ вопросъ на ихъ полное усмотрѣніе.

— Въ такомъ случаѣ я убѣдительно прошу васъ, г. полковникъ, спросить гг. офицеровъ вашего баталіона, желаютъ ли они принять меня въ свою семью?

— Хорошо, я спрошу ихъ при первомъ удобномъ случаѣ и, съ своей стороны, сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы устроить этотъ обоюдо-желаемый переводъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени Мельниковъ письменно увѣдомилъ меня о согласіи офицеровъ на мой переводъ; я тотчасъ же подалъ своему командиру рапортъ, по поводу котораго Волькенштейнъ, точно истеричная женщина, устроилъ мнѣ сцену, осыпалъ градомъ упрековъ за мою «черную неблагодарность», но, въ концѣ концовъ, великодушно согласился на мой переводъ и приказалъ написать благопріятный отзывъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ въ одно прекрасное утро, я развернулъ приказъ по 3 сапёрной бригадѣ и, съ восторгомъ, прочелъ о своемъ прикомандированіи къ 5-му понтонному баталіону. Въ высшей степени довольный, что все окончилось благополучно, я, не откладывая въ долгій ящикъ, облачился въ полную парадную форму и отравился на дачу Мельникова представиться своему новому командиру. Мельниковъ, ласково попенявъ мнѣ за то, что я явился въ парадной формѣ, принялъ меня радушно и привѣтливо, угостилъ завтракомъ, во время котораго мы весело и оживленно бесѣдовали о разныхъ разностяхъ, и, въ заключеніе, отпуская домой, просилъ не обращаться къ нему оффиціально: «г. полковникъ», а просто называть его по имени и отчеству, какъ это дѣлаютъ всѣ другіе.

Я началъ свою службу въ 5-мъ понтонномъ баталіонѣ тѣмъ, что за отсутствіемъ адъютанта временно исполнялъ его обязанность. Это дало мнѣ возможность ближе познакомиться и короче узнать своего командира въ смыслѣ канцелярскаго дѣлопроизводства. Оказалось, что онъ и тутъ представлялъ исключеніе изъ общаго правила. Въ то время, когда другіе командиры отдѣльныхъ частей безпрестанно обмѣнивались между собой всевозможными «отношеніями», «донесеніями» и т. п. перепиской, Мельниковъ, ограничивался нѣсколькими строчками необходимаго отвѣта.

Разбирая оффиціальныя бумаги и документы, я, между прочимъ, съ большимъ любопытствомъ прочелъ послужной полковника Мельникова списокъ.

„Полковникъ Александръ Васильевичъ Мельниковъ, командиръ 5-го понтоннаго баталіона, родился 1-го Февраля 1819-го года изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, вѣроисповѣданія православнаго. Воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда 22 Іюля 1840-го года съ чиномъ прапорщика выпущенъ въ 4-й сапёрный баталіонъ. Участвовалъ въ двухъ компаніяхъ (Венгерской и Севастопольской), во время которыхъ „за отличные подвиги въ дѣлахъ съ непріятелемъ и примѣрную храбрость награжденъ, въ 1849-мъ году, чиномъ поручика, орденомъ Св. Анны 4-й степени съ надписью: „за храбрость", а 10-го Февраля 1855-го года, въ чинѣ штабсъ-капитана, Св. Георгіемъ 4-й степени. Въ бытность командиромъ 4-го сапёрнаго баталіона полковника Макарова, командиръ 2-й сапёрной роты штабсъ-капитанъ Мельниковъ началъ свое доблестное поприще на полѣ сраженія подъ Инкерманомъ, 24-го Октября 1854-го года, гдѣ обратилъ на себя внимаоіе примѣрнымъ мужествомъ. Съ 26-го Октября находился съ своей ротой на Инкерманскихъ высотахъ, у нижняго маяка и верховьевъ большой Севастопольской бухты, для возведенія *семи* батарей на 45 орудій, имѣвшихъ цѣлью обстрѣливать Англійскій лагерь на Сапунъ-горѣ. Выполнилъ эту работу блестящимъ образомъ, пробылъ на ней до 8-го Декабря 1854-го года, а съ этого времени назначенъ завѣдующимъ всѣми подземными работами впереди 4-го баталіона. Завѣдуя контрминными работами противъ атакующаго непріятеля, рывшаго мины подъ 4-мъ бастіономъ, Мельниковъ выдѣлалъ въ скалѣ рва 4-го бастіона 22 минныхъ колодца, изъ которыхъ, въ чрезвычайно трудномъ грунтѣ, самымъ успѣшнымъ образомъ, вывелъ 22 галереи длинною отъ 14 до 15 сажень; находясь днемъ и ночью во рву бастіона (подъ землею), съ неусыпною бдительностью слѣдилъ за подземными непріятельскими работами, и когда его услышали, далъ ему приблизиться на разстояніи 2-хъ сажень, зарядилъ мину, и 22-го Января, разбивъ камуфлетомъ непріятельскую галерею на протяженіи 13 сажень, взорвалъ на воздухъ весь Франко-Сардинскій лагерь. При этомъ, будучи одушевленъ пользой и славой Русскаго оружія, выказалъ необыкновенное хладнокровіе и отличное знаніе своего дѣла". Продолжая завѣдывать минными работами впереди 4-го бастіона, 14-го Мая 1855-го года, отъ разрыва бомбы надъ лѣвымъ ухомъ, сильно контуженъ въ голову (Въ этомъ мѣстѣ послужного списка, сбоку, рукою Мельникова, сдѣлана приписка: „съ потерею слуха"). 1-го Октября 1855-го года, съ высочайшаго разрѣшенія, былъ командированъ въ управленіе Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части, для укрѣпленія г. Николаева и, находясь при инженерныхъ роботахъ этого города, привелъ его въ оборонительное положеніе, завѣдывалъ работами Бугскаго редута. 1-го Мая 1863-го года, по приказанію командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, былъ командированъ въ распоряженіе Волынскаго военнаго губернатора, для усмиренія Польскихъ мятежниковъ, гдѣ завѣдывалъ Заславскимъ отрядомъ. Возвратился къ своему баталіону 22-го Іюля того же 1863-го года".

Къ этому перечисленію воинскихъ подвиговъ Мельникова прибавлю со словъ послѣдняго, что условія, при которыхъ производились минныя работы, были въ высшей степени неблагопріятны: во 1-хъ, грунтъ былъ твердый, скалистый; во 2-хъ, молодые солдаты, состоявшіе на $^{3}/_{4}$ изъ пѣхотинцевъ, были совершенно неподготовлены для минныхъ работъ; въ 3-хъ, и самое главное, у Мельникова совсѣмъ не было необходимыхъ для работъ математическихъ инструментовъ (пелькомпасы, гоніометры), которые доставлены въ Севастополь гораздо позже (въ половинѣ Января), когда контръ-мины были выведены на 14 сажень. У Мельникова находился только *одинъ*, пріобрѣтенный отъ морского вѣдомства, вентиляторъ, да и тотъ плохо дѣйствовалъ. Насосовъ и помпъ, для выкачиванія воды, совсѣмъ не имѣлось. Къ довершенію всего крайне мѣшалъ и затруднялъ работу непрерывный, продольный ружейный огонь непріятеля по рву бастіона. Работая при такихъ условіяхъ, въ потьмахъ, съ большими невольными промежутками, Мельниковъ проходилъ въ сутки не болѣе 2-хъ футовъ, тогда какъ Французы, въ тоже время, успѣвали дѣлать 6 футовъ. Услыша не только стукъ, но даже говоръ непріятеля, Мельниковъ зарядилъ камеру 12 пудами пороха и 22 Января 1855 г. въ 9 часовъ вечера произвелъ *первый взрывъ*, который, совершенно разрушивъ Французскую галерею, заставилъ непріятеля прекратить свою работу. Залѣзши въ минную галерею 10-го Декабря, Мельниковъ не выходилъ оттуда ни на одну минуту. Жилищемъ и мѣстомъ отдохновенія служила ему крошечная, подземная ниша, которая была выведена съ боку потерны, соединяющей контрмины съ внутренностью 4-го бастіона.

Непрерывные, усиленные труды въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, постоянное бодрствованіе и пребываніе въ душной, сырой подземной атмосферѣ, безъ свѣжаго воздуха и дневного свѣта сдѣлали свое дѣло. Здоровье Мельникова совершенно разстроилось: его мучили страшныя, ревматическія боли и нестерпимая ломота во всѣхъ суставахъ, развилась сильная цынга, все тѣло покрылось болючими язвами и ранами; словомъ, не будетъ ни малѣйшаго преувеличенія, если я скажу, что Мельниковъ, находясь въ минахъ, сталъ заживо гнить и разлагаться. Вслѣдствіе такого состоянія Мельниковъ вынужденъ былъ покинуть оборонительную линію, и 15-го Мая 1855-го года выѣхалъ изъ Севастополя съ цѣлью серьезно заняться леченіемъ своего въ конецъ разрушеннаго организма...

Вотъ, въ короткихъ словахъ, доблестные подвиги знаменитаго Севастопольскаго героя, громкое и почетное имя котораго: «*оберкротъ*

Мельниковъ» сдѣлалось извѣстнымъ не только у насъ, въ Россіи, но и за границей...

Казалось-бы, что молодой, сапёрный офицеръ, обнаружившій такое отличное знаніе своего дѣла, примѣрное мужество, хладнокровіе и самоотверженное геройство, долженъ-бы служить предметомъ особенной заботливости и вниманія начальства. Но... мало-ли что̀ *должно* быть и что̀ *есть* на самомъ дѣлѣ!

Ни для кого не секретъ, что военное начальство награждаетъ своихъ служащихъ далеко не по ихъ заслугамъ и достоинствамъ: одни, даже не нюхая пороха, а состоя при штабахъ, канцеляріяхъ, „знатныхъ иностранцахъ» и высокопоставленныхъ особахъ, увѣшиваются всевозможными знаками *отличій* и достигаютъ степеней извѣстныхъ; другіе десятки лѣтъ тянутъ тяжелую лямку, отдаютъ службѣ все свободное время и въ награду за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей получаютъ... геморрои, ревматизмы, разстройство нервной системы и грошовую пенсію... Мельниковъ принадлежалъ къ служакамъ второй категоріи, т. е. къ обойденнымъ *пасынкамъ* Марса; а *кто* былъ этому причиной, читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

II.

Въ то время, къ которому относится дѣятельность Мельникова товарищемъ генералъ-инспектора по инженерной части состоялъ извѣстный Севастопольскій герой, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, отъ котораго зависѣла служебная карьера всѣхъ чиновъ подвѣдомственнаго ему инженернаго корпуса.

Какъ же проявлялъ свою неограниченную власть этотъ всесильный царедворецъ императора Александра II-го? А вотъ послушайте! Генералъ Тотлебенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ завзятыхъ, закоренѣлыхъ Германофиловъ, которые, служа Русскому правительству, добившись отъ него самаго высокаго положенія и почестей, не только не преслѣдуютъ *Русскихъ интересовъ*, а, наоборотъ, относятся къ нимъ съ явнымъ пренебреженіемъ и усердно поддерживаютъ все Нѣмецкое. Нагляднымъ доказательствомъ такого пристрастія Тотлебена къ своимъ единовѣрцамъ (лютеранамъ) служитъ то, что, во время его владычества, всѣ высшія должности въ инженерномъ корпусѣ занимали исключительно Нѣмцы: Рейтлингеръ, Рихтеръ, фонъ-Фохтъ и т. п. Даже баталіонами и парками командовали только тѣ, фамиліи которыхъ оканчивались на «*манъ*: Бурманъ, Нейманъ, Зальцманъ и т. п. У насъ, въ 3-й сапёрной бригадѣ, ходила по этому поводу остроумная выдумка, которую я, къ

сожалѣнію, не могу привести полностію, потому что она нѣсколько скабрезнаго свойства, но смыслъ и сущность ея заключается въ томъ, что всякій разъ, когда Тотлебенъ, находясь въ благодушномъ настроеніи духа, сидѣлъ... въ отдѣльномъ кабинетѣ, онъ думалъ о подчиненныхъ ему *Нѣмцахъ* и первый, кто приходилъ ему на память, получалъ какую-нибудь награду, вообще повышеніе... Къ этому нужно прибавить, что Тотлебенъ былъ непомѣрно гордъ и честолюбивъ: онъ держалъ себя такимъ Олимпійцемъ, такимъ Китайскимъ божкомъ, что подчиненные, которые имѣли несчастье ему представляться, говорили потомъ: «Вынести пріемъ Тотлебена—все равно, что перенести тяжелую пытку»...

До какой степени Тотлебенъ не любилъ *Русскихъ* и отдавалъ предпочтеніе *Нѣмцамъ*, видно изъ слѣдующаго эпизода съ пишущимъ эти строки. Во время Польскаго возстанія 1863-го года, въ числѣ слушателей Инженерной Академіи было нѣсколько офицеровъ, которые принимали въ этомъ возстаніи довольно близкое участіе. Печальнымъ результатомъ послѣдняго было то, что почти вся Инженерная Академіи была раскасирована, и гг. офицеры-слушатели вынуждены были выѣхать изъ Петербурга. Находясь въ числѣ этихъ невольныхъ изгнанниковъ, я, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ (кровнымъ Нѣмцемъ), рискнулъ обратиться къ Тотлебену съ почтительнѣйшей просьбой прикомандировать меня къ инженерному управленію съ тѣмъ, что въ теченіе мѣсяца я выдержу экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ пройденнаго курса. Облачившись въ полную парадную форму, мы отправились къ высокопоставленной особѣ, и, послѣ безчисленныхъ допросовъ: кто мы? зачѣмъ? почему? по какому поводу? были, наконецъ, удостоены предстать передъ очи его превосходительства. Въ первую голову пошелъ мой товарищъ, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ съ сіяющей улыбкой, краснорѣчиво свидѣтельствующей о томъ, что его дѣло выгорѣло. «Иди смѣло, шепнулъ мнѣ товарищъ, не бойся: генералъ въ отличномъ расположеніи духа». И дѣйствительно, когда я, съ трепетомъ, переступивъ порогъ кабинета, увидѣлъ передъ собой улыбающуюся физіономію Тотлебена, я былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Но все дѣло испортили моя Нѣмецкая фамилія и неумѣнье изъясняться на этомъ языкѣ.

На вопросъ генерала: «что вамъ угодно?» я отвѣтилъ, что пришелъ по тому же поводу и съ тою же покорнѣйшею просьбою, какую изложилъ мой только-что вышедшій товарищъ.

— Вы тоже Нѣмецъ и говорите по-нѣмецки?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, я Русскій и по-нѣмецки ничего не понимаю.

Не успѣлъ я выговорить этихъ словъ, какъ привѣтливая улыбка моментально изчезла; Тотлебенъ нахмурилъ брови и, окинувъ меня суровымъ взглядомъ, возразилъ сухимъ, холоднымъ тономъ: «Я не могу исполнить вашу просьбу: это зависитъ отъ конференціи; къ ней и обратитесь».

Я извинился за безпокойство, раскланялся и вышелъ, невольно вспоминая извѣстную, нѣсколько видоизмѣненную поговорку: «что̀ Русскому *нельзя*, то Нѣмцу—*можно*».

Читатель пойметъ, что Мельниковъ никоимъ образомъ не могъ разсчитывать на особенное расположеніе Тотлебена, уже по одному тому, что его фамилія оканчивалась на *«овъ»*, что мой герой былъ до мозга костей Русскій человѣкъ, съ Русской душой и горячей любовью къ родинѣ. Но и помимо этого была еще другая, особенная причина, по которой Тотлебенъ чувствовалъ къ Мельникову непріязнь, чтобы не сказать болѣе. Дѣло въ томъ, что и Тотлебенъ, и Мельниковъ обнаружили свои военныя доблести въ одно и тоже время (Севастопольской кампаніи), на одномъ и томъ мѣстѣ и даже по одному и тому же поводу. Вся разница въ томъ, что подполковникъ Тотлебенъ былъ *начальникомъ* инженерныхъ и сапёрныхъ работъ, а штабсъ-капитанъ Мельниковъ *его подчиненный*. Въ силу такого неравенства положеній выходило само собой, что Мельниковъ будто бы игралъ только роль простого исполнителя и больше ничего, главная же заслуга и успѣхъ взрыва должны быть всецѣло приписаны Тотлебену, которому принадлежалъ планъ и общее наблюденіе за работами. Между тѣмъ, если вѣрить очевидцамъ и самому Мельникову (а не вѣрить имъ нѣтъ никакого основанія), вся эта исторія происходила совсѣмъ не такъ, какъ описано въ реляціи, осталось на страницахъ исторіи и распространено среди незнакомой съ подробностями публики *)...

Всѣ минныя работы производились по иниціативѣ не Тотлебена, а самого Мельникова; что же касается знаменитаго взрыва, за который «оберкротъ» получилъ Георгія 4-й степени, при высочайшей грамотѣ, то онъ былъ выполненъ не только безъ участія Тотлебена, а какъ-разъ, наоборотъ, *вопреки* его приказанію, по личному, взявшему на свою от-

---

*) Тотлебенъ стяжалъ себѣ славу воздвиженіемъ трехъ редутовъ, благодаря которымъ Севастополь могъ держаться въ теченіи одинадцати мѣсяцевъ и которые получили названіе „трехъ отроковъ въ пещи“, потому что не проходило часу въ суткахъ, чтобъ они не обливались кровью Русскихъ людей. Лишь въ царствованіе Александра Александровича сдѣлалось извѣстнымъ, что редуты эти построены не только по личному приказанію Николая Павловича, но и по его собственноручнымъ чертежамъ. П. Б.

вѣтственность распоряженію Мельникова, такъ что, если бы взрывъ, почему-либо, не удался, то знаменитаго минёра слѣдовало бы не наградить, а отдать подъ судъ, за ослушаніе...

Вотъ этой-то *поправки*, совершенно извращенной въ офиціальномъ донесеніи и сильно подрывающей громкую, незаслуженную славу Тотлебена, честолюбивый начальникъ не могъ простить Мельникову. Онъ ужасно боялся, чтобы *правда* не всплыла наружу и, заявлялъ безъ всякаго стѣсненія, что пока онъ, Тотлебенъ, стоитъ во главѣ инженернаго управленія—Мельникову нѣтъ мѣста въ инженерномъ корпусѣ, онъ никогда не получитъ командованія отдѣльной частью.

Въ силу такой недостойной мести всесильнаго генерала къ маленькому чину, Мельникову грозила участь оставаться вѣчнымъ капитаномъ, если бы судьба не смиловалась и не поставила во главѣ 3-й сапёрной бригады генералъ-маіора Виктора Даниловича Кренке.

Помимо того, что служебная дѣятельность моего героя тѣсно и неразрывно связана съ именемъ Кренке, этотъ генералъ, самъ по себѣ, представляетъ такую крупную величину, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать нѣсколько словъ объ этой свѣтлой, выдающейся личности. Генералъ Кренке былъ изъ числа тѣхъ, рѣдко встрѣчающихся начальниковъ, которые понимаютъ свою обязанность не въ томъ, чтобы *подписывать* оффиціальныя бумаги, въ указанномъ для этого мѣстѣ, и *распекать* своихъ подчиненныхъ, а въ томъ, чтобы всегда и во всемъ служить имъ образцомъ и примѣромъ. Уже не говоря про то, что Кренке превосходно зналъ то дѣло, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ, въ качествѣ руководителя, начальникъ бригады, съ первыхъ же дней по вступленіи въ должность, проявилъ изумительную энергію и дѣятельность. Съ ранняго утра и до поздней ночи Кренке работалъ, работалъ неустанно, всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, вездѣ и всюду поспѣвалъ. Бывало, не успѣешь встать съ постели и наскоро выпить стаканъ чаю, какъ уже видишь издали спускающуюся съ горы для осмотра лагерныхъ работъ, высокую фигуру Кренке. Этотъ визитъ повторялся ежедневно съ такой точностью, что мы, офицеры, повѣряли по немъ свои часы: «идетъ Кренке—значитъ 6 часовъ утра». И чѣмъ только не занимался этотъ феноменальный труженикъ? Помимо своихъ прямыхъ, служебныхъ обязанностей, начальникъ бригады давалъ частные уроки, репетировалъ своихъ дѣтей, писалъ и помѣщалъ статьи въ разныхъ изданіяхъ, составлялъ всевозможные проекты и руководства для нижнихъ чиновъ, внимательно слѣдилъ за текущей литературой и, отъ времени до времени, устраивалъ домашнія вечеринки, на которыя,

безъ всякой церемоніи и малѣйшаго стѣсненія, могли явиться всѣ желающіе, въ полной увѣренности, что, придя къ Виктору Даниловичу, они встрѣтятъ не строгаго и требовательнаго *начальника*, а радушнаго и гостепріимнаго *хозяина*, одинаково любезнаго и внимательнаго къ своимъ дорогимъ, желаннымъ гостямъ. На все у нашего генерала доставало времени. Просто непостижимо, когда этотъ человѣкъ спалъ и отдыхалъ отъ занятій! Бывало, увлекшись гуляньемъ въ пресловутомъ «Шато», возвращаешься домой въ 2—3 часа утра; смотришь,—въ угловомъ окнѣ одноэтажнаго домика, гдѣ жилъ бригадный командиръ, мимо котораго приходилось проѣзжать, свѣтится огонекъ. Это Кренке сидитъ въ своемъ кабинетѣ и работаетъ: пишетъ, переводитъ съ иностранныхъ языковъ, а можетъ быть составляетъ приказъ, который всегда и всѣми прочитывался съ большимъ интересомъ. А на другое утро, въ обычный часъ, этотъ же самый Кренке, проработавъ за письменнымъ столомъ чуть не всю ночь, какъ ни въ чемъ не бывало, появлялся на сапёрныхъ работахъ, обходилъ ихъ и дѣлалъ свои всегда толковыя замѣчанія. Такова была работоспособность генерала Кренке! Повѣритъ ли, читатель если я ему скажу, что этотъ, заваленный массой неотложныхъ дѣлъ, бригадный командиръ, во время зимнихъ стоянокъ, т. е. расквартированія ротъ по деревнямъ и мѣстечкамъ, объѣзжалъ всѣ ротныя помѣщенія и самъ экзаменовалъ всѣхъ солдатъ по всѣмъ предметамъ имъ же составленнаго курса, не исключая закона Божія. Мало того! Произведя диктовку, Кренке клалъ эти четвертушки въ свой портфель, и на другой годъ привозилъ обратно, чтобы сличить диктовку каждаго солдата и удостовѣриться, въ какой степени онъ сдѣлалъ успѣхи въ граматикѣ и правописаніи.

Немудрено, что Кренке, показывая, *какъ* нужно служить, зорко и внимательно слѣдя за всѣмъ ему подвѣдомственнымъ, устраивая торжественные акты, на которыхъ присутствовалъ чуть не весь Кіевъ, высоко поставилъ званіе сапёра и довелъ свою бригаду до такого блестящаго состоянія, въ какомъ она никогда не была ни до него, ни *послѣ* него.

Нетрудно понять и догадаться, что такой начальникъ не могъ не обратить вниманія на моего героя, о Севастопольскихъ заслугахъ котораго онъ, разумѣется, зналъ очень хорошо. И Кренке, дѣйствительно, рѣзко отличалъ Мельникова между всѣми остальными офицерами бригады. Прежде всего онъ приказалъ Мельникову принять роту отъ другого, который, въ служебномъ отношеніи, былъ гораздо ниже его, затѣмъ неоднократно выражалъ ему благодарность въ приказѣ по бригадѣ и произвелъ за отличіе въ капитаны. Но Кренке только этимъ и

могъ ограничиться, потому что дальнѣйшее по службѣ повышеніе зависѣло не отъ него, а отъ всесильнаго Тотлебена.

И вотъ, узнавъ изъ оффиціальнаго документа, что на поступательное движеніе впередъ Мельниковъ разсчитывать не можетъ, что онъ навсегда обреченъ влачить жалкое прозябаніе въ роли оберъ-офицера, генералъ Кренке, рискуя своей собственной служебной карьерой, пишетъ Тотлебену слѣдующее письмо:

«Милостивый государь Эдуардъ Ивановичъ! 4-го сапёрнаго баталіона капитанъ Мельниковъ, съ разрѣшенія командира баталіона, передалъ мнѣ собственноручное письмо къ нему Гештовта, въ которомъ Гештовтъ, по приказанію вашего превосходительства, объявляетъ Мельникову, что ему закрытъ дальнѣйшій ходъ по службѣ въ инженерномъ корпусѣ; а если онъ пожелаетъ, съ производствомъ въ подполковники, быть переведеннымъ въ армію, то ваше превосходительство изволите выхлопотать назначеніе его командиромъ пѣхотнаго резервнаго баталіона. Какъ бригадный командиръ, которому Государемъ Императоромъ дано право ходатайствовать за своихъ подчиненныхъ, докладываю вашему превосходительству, что капитанъ Мельниковъ, хотя и не геніальный человѣкъ, но тѣмъ не менѣе отличный офицеръ—тихій, кроткій, усердный по службѣ, хорошо знаетъ фронтъ, а сапёрное дѣло знаетъ настолько, что я не могу указать, кто изъ нынѣшнихъ командировъ частей знаетъ сапёрное дѣло лучше Мельникова. Заслуги Мельникова подъ Севастополемъ вамъ ближе всего извѣстны; онъ пріобрѣлъ Европейскую извѣстность, имъ гордятся всѣ наши саперы. Имѣю честь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство не только не удалять Мельникова въ армію, но, съ производствомъ въ подполковника, назначить командиромъ отдѣльной части въ инженерномъ корпусѣ, помимо старшихъ подполковниковъ. Это никого не огорчитъ, напротивъ, относительно Мельникова, эта мѣра будетъ признана болѣе, чѣмъ справедливою».

«Въ заключеніе положительно докладываю вашему превосходительству, что если настоящая моя просьба не будетъ уважена, то я оффиціально войду съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ по сему предмету. Примите и проч. В. Кренке».

Это, полное достоинства, безпримѣрное по своей смѣлости обращеніе подчиненнаго къ всесильному начальнику, какъ и слѣдовало ожидать, до крайности озадачило непривыкшаго къ подобной дерзости зазнавшагося властелина и заставило его призадуматься. Въ концѣ кон-

цовъ Тотлебенъ, видя, что дѣло принимаетъ совсѣмъ неожиданный оборотъ, поспѣшилъ отвѣтить Кренке слѣдующей телеграмой: «капитанъ Мельниковъ, съ производствомъ въ подполковники, будетъ назначенъ командиромъ отдѣльной части на первую вакансію въ инженерномъ корпусѣ. Тотлебенъ».

Выходитъ, что своимъ оставленіемъ въ инженерномъ корпусѣ и командованіемъ отдѣльной частью Мельниковъ обязанъ генералу Кренке, не будь котораго онъ не видѣлъ бы повышенія по службѣ, какъ своихъ ушей.

Но вѣдь Кренке не могъ оставаться вѣчнымъ командиромъ 3-й сапёрной бригады. Вскорѣ онъ самъ сошелъ со сцены. На его мѣсто послѣдовательно назначались новые командиры. «Другія лица къ намъ пришли, другія чувства и понятія они съ собою принесли». Съ уходомъ Кренке измѣнилось и положеніе Мельникова: онъ снова былъ затертъ, отодвинутъ на заднiй планъ, *забытъ*.

III.

Намъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, на школьной скамьѣ, постоянно твердили, что послушаніе и безпрекословное исполненіе своихъ обязанностей — основа дисциплины и азбука военной службы: «Чтобы повелѣвать и командовать, нужно умѣть повиноваться». Изъ аттестаціи генерала Кренке читатель видѣлъ, что Мельниковъ заявилъ себя примѣрнымъ подчиненнымъ. Казалось бы, что ему слѣдовало быть такимъ же превосходнымъ начальникомъ. Между тѣмъ справедливость требуетъ сказать, что мой герой совсѣмъ не оправдалъ прописной истины. Всѣхъ начальниковъ, въ смыслѣ дѣятельности на театрѣ военныхъ дѣйствій, можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни, усердствуя въ мирное время, зорко слѣдятъ за всѣми мелочами, строго взыскиваютъ за малѣйшія упущенія по службѣ, изучивъ вкусы своихъ ближайшихъ начальниковъ, всячески стараются имъ *угодить*, на инспекторскихъ смотрахъ и парадахъ представляютъ свою часть въ образцовомъ порядкѣ; за то во время войны эти, яко бы примѣрные, командиры оказываются далеко не на высотѣ своего назначенія... Совсѣмъ въ другомъ родѣ командиры второй категоріи. Пока суровой богъ войны не требуетъ отъ нихъ никакихъ жертвъ, они относятся къ своимъ обязанностямъ довольно небрежно, ни въ какія мелочи не входятъ, словомъ несутъ службу безъ особеннаго усердія, чтобы не сказать болѣе. Но стоитъ возгорѣться войнѣ, чтобы эти апатичные на видъ начальники сбросили свою сонливость и превратились въ дѣятельныхъ, толковыхъ и храбрыхъ героевъ.

Мельниковъ принадлежалъ къ числу этихъ командировъ второй категоріи. Въ управленіе своей части онъ мало входилъ, предоставляя все дѣло своимъ помощникамъ, т. е. ротнымъ командирамъ. Но вотъ Мельниковъ назначаетъ баталіонное ученье, и уже по одному тому, какъ онъ смотритъ, объѣзжаетъ свой баталіонъ и здоровается съ нижними чинами, можно заключить, что въ этомъ маленькомъ командирѣ бьется военная жилка. Мельниковъ не занимался ружейными пріемами и шагистикой, какъ это обыкновенно дѣлали и любили его сотоварищи, а, составивъ себѣ извѣстный планъ, устраивалъ нѣчто въ родѣ сраженія и примѣрнаго взятія непріятельскаго укрѣпленія. Для этого онъ выстраивалъ баталіонъ въ боевомъ порядкѣ, высылалъ впередъ стрѣлковую цѣпь и осторожно наступалъ къ намѣченному въ его воображеніи непріятелю. Я какъ живого вижу передъ собой моего командира, который, шпоря лошадь своими коротенькими ножками, отдаетъ приказъ къ наступленію, самъ ведетъ баталіонъ въ атаку и, страшно волнуясь, точно намъ, въ самомъ дѣлѣ, угрожаетъ сильный врагъ, кричитъ, подскакивая къ цѣпи: «Александръ Карловичъ, Александръ Карловичъ! дайте впереди идущему передъ вами хорошаго тумака: онъ, канальи, совсѣмъ заснулъ... Обходи, обходи непріятеля... Такъ, такъ!.. Баа-таліонъ на руу-ку!.. Ураа! Солдаты овладѣваютъ курганомъ, а Мельниковъ, довольный побѣдой, даетъ отбой, благодаритъ «молодцовъ-ребятъ», снявъ фуражку, вытираетъ струящійся по всему лицу потъ и съ наслажденіемъ закуриваетъ сигаретку...

Ну скажите, Бога ради, какой же это командиръ спокойнаго времени? Если онъ засохшіе кусты самымъ серьезнымъ образомъ принимаетъ за непріятеля, а небольшой холмъ и старый, полуразрушенный сарай за грозную крѣпость: то ясно, что ему нуженъ не плацъ-парадъ для ученій, а настоящее бранное поле, гдѣ бы онъ могъ развернуть свои боевыя способности и разгромить непріятеля. Въ мирное же время ему нечего дѣлать, и Мельниковъ такъ именно и поступалъ, т. е. уютно примащивался на диванѣ, подкладывалъ одну ногу подъ себя (его любимая поза) и, съ наслажденіемъ покуривая коротенькую трубочку, преспокойно читалъ какую-нибудь книгу или журналъ, пока обязательная наводка моста, инспекторскій смотръ, маневры или что-нибудь въ этомъ родѣ не выводили его изъ обычнаго состоянія апатіи и бездѣятельности... Въ большинствѣ случаевъ спокойный, ровный и сдержанный, Мельниковъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими сотоварищами, командирами отдѣльныхъ частей; но, чувствуя, что между ними мало общаго, мало точекъ соприкосновенія, не находилъ нужнымъ сближаться съ ними. Что же касается начальства, въ особенности высшаго,

то, стоя отъ него на далекой дистанціи, онъ держалъ себя умѣло и съ чувствомъ собственнаго достоинства, что̀, разумѣется не могло нравиться командирамъ, которые привыкнувъ къ Молчалинской угодливости и заискиванью, не любятъ подчиненныхъ, *удаляющихся* отъ начальства, видя въ этомъ недостаточную къ себѣ почтительность. Но кто не пользуется расположеніемъ начальства, того всегда любятъ подчиненные. Это можно замѣтить и наблюдать не только въ средѣ военныхъ, но и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ судѣ, канцеляріяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, вездѣ, гдѣ существуютъ *старшіе* и *младшіе*.

Въ силу такого непреложнаго правила Мельникова любили нижніе чины и подчиненные ему господа офицеры; первые за то, что онъ, не лишая солдатъ положенаго имъ отъ казны, обращался съ ними удивительно просто, ласково и заботливо; вторые за то, что Мельниковъ, собственно говоря, не былъ нашимъ *начальникомъ*, а старшимъ между равными, *товарищемъ*, всегда готовымъ оказать намъ возможное содѣйствіе и защищавшимъ насъ даже тогда, когда кто-нибудь умышленно, въ шутку отзывался о насъ съ неодобрительной стороны. Какъ-то разъ командующій войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Дрентельнъ (кстати сказать, обладавшій непомѣрно большимъ животомъ) стоялъ на бригадномъ плацу, окруженный начальствующими лицами, въ числѣ которыхъ находился и Мельниковъ. Въ это время проходилъ мимо одинъ изъ служившихъ въ 5-мъ понтонномъ баталіонѣ худой и блѣдный офицеръ, при видѣ котораго Дрентельнъ замѣтилъ: Ну скажите, пожалуйста, что̀ можетъ быть хорошаго и путнаго въ этой высокой, Донъ-кихотской фигурѣ? То-ли дѣло я! И генералъ указалъ пальцемъ на свою тучную фигуру. Хотя для всѣхъ было ясно, что его превосходительство изволитъ шутить и милостиво иронизировать, тѣмъ не менѣе Мельниковъ принялъ эти слова всерьёзъ и поспѣшилъ возразить.—Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, это прекрасный и способный офицеръ.—Ну еще бы, отвѣчалъ Дрентельнъ съ презрительной гримасой; я знаю, что у васъ полковникъ, *всѣ* офицеры прекрасны.—Совершенно вѣрно, ваше превосходительство, у меня плохихъ офицеровъ нѣтъ: всѣ отличные. Такъ заступался за насъ добрѣйшій командиръ. Немудрено, что мы платили за это безграничной преданностью и глубокимъ уваженіемъ...

Большой домосѣдъ, любитель чтенія и покоя, Мельниковъ рѣшительно нигдѣ и ни у кого не бывалъ, но очень любилъ, когда мы офицеры отъ времени до времени навѣщали его по вечерамъ. Лѣтомъ, во время лагернаго сбора, эти визиты не представляли ни малѣйшаго затрудненія (мы ими рѣдко и пользовались); но зимой, а въ особенно-

сти въ глухую, ненастную осень, они составляли нѣкоторый подвигъ, во всякомъ случаѣ событіе, сопряженное съ большими неудобствами... Представьте себѣ, читатель, большое, грязное, вонючее мѣстечко (Ржищевъ), въ которомъ, за исключеніемъ 2—3-хъ грамотныхъ лицъ, нѣтъ никакого общества, никакихъ развлеченій, а есть только жалкія лавчонки, безчисленное множество Жидовъ, липкая, невылазная грязь и тьма кромѣшная, т. е. безпросвѣтный мракъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Я говорю въ настоящемъ, а не въ прошедшемъ времени, потому что мѣстечко Ржищевъ и до сихъ поръ ни на волосъ не измѣнилось къ лучшему, доказательствомъ чего служитъ то, что, посѣтивъ Ржищевъ въ позапрошломъ году, я завязъ на томъ же самомъ мѣстѣ, въ той же самой рытвинѣ, которая красовалась 35 лѣтъ тому назадъ. Можно себѣ представить, какъ намъ молодымъ офицерамъ было весело и пріятно въ такомъ Жидовскомъ мѣстечкѣ! Единственное удовольствіе, какое мы могли себѣ доставить это провести вечеръ у своего командира. Но какимъ образомъ добраться до квартиры Мельникова, когда никакихъ перевозочныхъ средствъ и въ поминѣ нѣтъ, а совершать путешествіе по образу пѣшаго хожденія значитъ рисковать своей шеей, глазами, въ лучшемъ случаѣ завязнуть въ липкой, выше колѣнъ, вонючей грязи? Послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса мы остановились на мысли *о переодѣваніи* и совершали путешествіе такимъ образомъ: облачившись въ большіе, охотничьи сапоги, взявъ съ собой, завернутую въ бумагу, другую пару сапогъ, вооружившись длинными палками и ночными фонарями, осторожно ощупывая почву, чтобы не попасть въ яму, мы брели гуськомъ по мѣстечку (мѣсили тѣсто), ворча и проклиная наши милые, Россійскіе порядки... Въ передней Мельникова происходило переодѣванье: денщики стаскивали съ насъ залѣпленные грязью сапоги, и мы одѣвали чистые. За то переступивъ порогъ Мельниковской квартиры, въ пріятномъ обществѣ радушнаго хозяина и его гостепріимной жены, мы забывали наши невзгоды, чувствовали себя привольно, какъ у себя дома, и проводили время такъ пріятно, весело и непринужденно, что не хотѣлось уходить домой...

Наше времяпровожденіе не было секретомъ для высшаго начальства. Люди, обладавшіе полицейскою способностью подслушивать и доносить, сообщали тѣмъ, которые любятъ и поощряютъ наушничество, не только о томъ, что̀ мы говорили и дѣлали, но и о томъ, чего мы *не* говорили и *не* дѣлали. Намъ, въ свою очередь, было хорошо извѣстно, что командующій войсками наматываетъ всѣ эти свѣдѣнія на усъ, относится къ намъ понтонёрамъ крайне неодобрительно и, не придавая Севастопольскимъ заслугамъ Мельникова серьезнаго значенія, считаетъ

его очень плохимъ командиромъ, главнымъ образомъ за то, что онъ *слишкомъ слабъ, не умѣетъ держать свою часть въ рукахъ и фамильярничаетъ съ господами офицерами*. Въ чемъ заключались боевыя заслуги и военныя отличія самого Дрентельна, чѣмъ онъ выдѣлялся среди другихъ генераловъ, этого никто изъ насъ не зналъ и не слышалъ; но всему Кіеву, даже больше, всему Югозападному краю и войскамъ Кіевскаго военнаго округа было хорошо извѣстно, *какъ* генералъ-губернаторъ Дрентельнъ смотритъ на взаимныя отношенія начальниковъ и подчиненныхъ. Этотъ въ высшей степени своеобразный, чтобы не сказать болѣе, взглядъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ открыто высказалъ по поводу вызвавшаго большой шумъ дѣла поручика Гужвы, который преданъ былъ Кіевскому военно-окружному суду за оскорбленіе дѣйствіемъ своего командира.

Заинтересовавшись этимъ, нашумѣвшимъ на весь округъ, громкимъ дѣломъ, генералъ-губернаторъ, въ день судебныхъ преній, посѣтилъ засѣданіе Окружного Суда и, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, испыталъ два взаимнопротивоположныхъ чувства: фразистая, безсодержательная рѣчь представителя обвинительной власти, прокурора, который громилъ обвиняемаго на чемъ свѣтъ стоитъ, выставлялъ его какимъ-то необузданнымъ нахаломъ, чуть не разбойникомъ, привела командующаго войсками въ восторгъ. Но вотъ встаетъ защитникъ поручика Гужвы, кандидатъ на судебную должность, штабсъ-капитанъ (фамиліи не помню) и сдержанно, шагъ за шагомъ, опрокидываетъ жалкое пустословіе обвинителя, разоблачаетъ сшитые бѣлыми нитками доводы прокурора, доказывая, какъ нельзя болѣе ясно и убѣдительно, что поручикъ Гужва не преступникъ, а несчастная жертва своего беззастѣнчиваго начальника, который зло, безпощадно и систематически преслѣдовалъ своего подчиненнаго на каждомъ шагу, и въ тоже время принималъ очень близкое, горячее, но совершенно неумѣстное участіе въ его красивой женѣ... Генералъ Дрентельнъ пыхтѣлъ, ёрзалъ въ креслѣ и положительно не могъ слушать такого возмутительнаго образа мыслей. Его высокопревосходительство, очевидно, коробило вольнодумство защитника, который, между прочимъ, сказалъ, что, находясь на гауптвахтѣ, поручикъ Гужва не былъ подчиненъ своему командиру и, слѣдовательно, имѣлъ полное право не встать при его появленіи въ комнатѣ, гдѣ былъ заключенъ обвиняемый...

Эти слова защитника привели Дрентельна въ такую ярость, что онъ быстро всталъ съ своего кресла и съ шумомъ, демонстративно вышелъ изъ залы суда. Когда командующій войсками узналъ, что судъ отнесся къ подсудимому Гужвѣ снисходительно и приговорилъ его къ

незначительному взысканію, онъ потребовалъ весь судъ къ себѣ, на квартиру. Не смотря на то, что генералъ-губернаторъ не имѣлъ ни малѣйшаго права вызывать судъ, который вовсе ему не подчиненъ и отнюдь не обязанъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе судъ, въ полномъ составѣ, съ предсѣдателемъ во главѣ, явился къ разгнѣванному владыкѣ, который распекъ его, точно провинившагося школьника, при чемъ (какъ и слѣдовало ожидать) больше всѣхъ досталось ни въ чемъ неповинному защитнику.

— Не знаю, кричалъ Дрентельнъ, чему васъ обучали въ Военно-юридической Академіи; но я вижу, что она внушила вамъ донѣльзя дикія и несообразныя понятія о военной дисциплинѣ. По вашему выходитъ, что бываютъ такіе моменты, когда начальникъ перестаетъ быть начальникомъ. А я вамъ говорю, что такихъ моментовъ никогда не было, нѣтъ и быть не можетъ! Я, напримѣръ, вашъ начальникъ на улицѣ, на гуляньи, въ общественныхъ собраніяхъ, въ частномъ домѣ, въ банѣ, словомъ, вездѣ и всюду, даже *мертвый,* въ гробу, я не перестаю быть вашимъ начальникомъ до тѣхъ поръ, пока вы не зароете мой трупъ въ землю и не разойдетесь. Эта поразительная по своей беззастѣнчивой откровенности рѣчь грознаго начальника быстро разнеслась по всему Югозападному краю, вызвала много злыхъ, мѣткихъ и ядовитыхъ остротъ по адресу Дрентельна и сдѣлала его имя очень извѣстнымъ, даже, можно сказать, *знаменитымъ.*

Теперь предоставляю читателю сообразить, *что̀* должны были испытывать мы нелюбимые Дрентельномъ понтонёры, въ особенности нашъ добрѣйшій командиръ Мельниковъ, когда до насъ дошло извѣстіе, что командующій войсками ѣдетъ пароходомъ въ Ржищевъ (дѣло было раннею весною), чтобы произвести смотръ 5-му понтонному баталіону. Переполошившись, мы, разумѣется, принялись усердно готовиться къ предстоящему смотру, старательно внушали солдатамъ все, что̀ обыкновенно полагается внушать въ такихъ случаяхъ, и со страхомъ ожидали грознаго начальника.

Зная хорошо, *какъ* Дрентельнъ смотритъ на роль командира, какъ онъ относится къ Мельникову, я догадывался, что, въ данномъ случаѣ, смотръ рѣшительно не при чемъ и не играетъ никакой существенной роли, что это ни болѣе ни менѣе, какъ предлогъ для другой цѣли; словомъ, я былъ увѣренъ, что Дрентельнъ ѣдетъ къ намъ, въ Ржищевъ, съ исключительнымъ намѣреніемъ разнести насъ въ пухъ и прахъ. И я не обманулся. Не успѣлъ Дрентельнъ вылѣзть изъ экипажа, принять рапортъ командира баталіона и поздороваться съ солдатами, какъ тот-

часъ начались разныя замѣчанія нахмуреннаго, видимо недовольнаго генерала: и роты не выровнены, какъ слѣдуетъ, и аммуниція не пригнана, какъ должно, и отвѣчать солдаты не умѣютъ, и смотрятъ-то они какими-то дураками; словомъ, по мнѣнію Дрентельна, выходило такъ, что нижніе чины ровно ничего не знаютъ, и все это, конечно, потому, что мы, ротные командиры, ничему этому своихъ солдатъ не научили. Указывая пальцемъ на «крючечки, выпушки, погончики, петлички» и т. п. мелкія неисправности, которыхъ, при извѣстномъ желаніи и придирчивости, всегда можно найти сколько душѣ угодно, Дрентельнъ выкрикивалъ: «Это что такое?» Мы же, совершенно озадаченные такимъ способомъ выражать свое неудовольствіе, смотрѣли на толстый генеральскій палецъ и не только не видѣли, не замѣчали указываемыхъ Дрентельномъ неисправностей, но даже не могли понять и уяснить себя, чего собственно хочетъ разгнѣванный начальникъ.

Но это была только прелюдія и начальная увертюра къ бравурной аріи; самая же арія началась тогда, когда Дрентельнъ увидѣлъ у солдата моей роты высокій каблукъ. Этотъ злополучный каблукъ привелъ его въ ужасное раздраженіе, вызвалъ бурю негодованія по моему адресу и далъ поводъ произнести цѣлую рѣчь на тему о томъ, что *«командовать ротой не фельетоны писать»*.

— Знаете ли вы, капитанъ, *кто* носитъ такіе высокіе каблуки? Ихъ можно встрѣтить только у Варшавянокъ....

Пораженный такимъ близкимъ знакомствомъ Дрентельства съ Варшавянками..., я покраснѣлъ *отъ стыда...* за генерала, который, нисколько не стѣсняясь, позволяетъ себѣ такія грубыя, неприличныя, совершенно нецензурныя выраженія, какія можно услышать только на базарахъ среди извозчиковъ или ругающихся торговокъ...

Кончилась вся эта исторія тѣмъ, что «за нерадѣніе по службѣ» Дрентельнъ приказалъ Мельникову отправить меня на гауптвахту.

Ничуть не лучше заявилъ себя мой сотоварищъ, другой ротный командиръ. Одинъ солдатъ позабылъ положить въ ранецъ какую-то отвертку; другой, отъ страха, перепуталъ чинъ и фамилію своего бригаднаго командира; въ шинели третьяго оказалась небольшая прорѣха; словомъ, обнаружились такія «крупныя упущенія и неисправности», которыя явно свидѣтельствовали о полнѣйшей небрежности ротнаго командира къ своимъ обязанностямъ, за что̀, разумѣется, его постигла таже участь, т. е. арестъ.

Осмотрѣвъ съ наружной стороны двѣ роты, не входя ни въ какія дальнѣйшія подробности, не произведя ни ученья, ни понтонной наводки, Дрентельнъ зашелъ въ казарменное помѣщеніе батальона и, собравъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ, грубымъ, крикливымъ голосомъ, въ неприлично рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ распекать Мельникова: «Я вижу, полковникъ, что вы ни во что не входите, совсѣмъ распустили свою часть и съ подчиненными вамъ офицерами обращаетесь запанибрата. Развѣ на службѣ существуютъ Александръ Карловичи, Сергѣй Порфирьевичи и т. п.? Вы, очевидно, не имѣете ни малѣйшаго понятія о командованіи отдѣльной частью. Я доложу военному министру о всѣхъ найденныхъ мною безобразіяхъ, о вашей полнѣйшей неспособности вести ввѣренную вамъ часть какъ слѣдуетъ и попрошу министра отнять у васъ баталіонъ. Какой вы командиръ? Вы тряпка, которою всѣ помыкаютъ, а не начальникъ, который за всѣмъ слѣдитъ и за всѣ упущенія строго взыскиваетъ. Вы никуда не годитесь»...

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ произошла сцена, о которой я пишу въ настоящую минуту: и генералъ Дрентельнъ, и мой герой Мельниковъ, давно сошли съ арены жизни; но всѣ мельчайшія подробности смотра такъ глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, какъ будто все это происходило вчера. Я точно вижу передъ собой раскраснѣвшуюся отъ злобы физіономію Дрентельна, слышу его негодующій, металлическій голосъ. Еще рельефнѣе встаетъ передъ моими глазами скромная, донѣльзя смущенная фигура Мельникова, съ блѣднымъ лицомъ, страдальческимъ выраженіемъ глазъ и крупными каплями слезъ...

Публичное шельмованіе заслуженнаго полковника, точно неисправнаго писаря, произвело на всѣхъ такое удручающее впечатлѣніе, что даже солдаты, сконфуженно опустивъ голову, тяжело вздыхали; даже небо нахмурилось...

Но извѣстно, что послѣ каждаго сильнаго возбужденія наступаетъ реакція. Когда Дрентельнъ выпустилъ всѣ свои заряды и дальнѣйшаго пороху не хватило, онъ рѣзко оборвалъ свою грозную филипику, отказался отъ дальнѣйшаго осмотра, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ заранѣе приготовленное для него помѣщеніе; а мы всѣ, ошеломленные происшедшимъ, продолжали стоять на прежнемъ мѣстѣ, въ какомъ-то столбнякѣ и оцѣпенѣніи, изображая собою нѣмую группу, напоминавшую заключительную картину Гоголевскаго «Ревизора»...

Видя удрученное состояніе Мельникова и желая хоть немного подбодрить «униженнаго и оскорбленнаго» начальника, я сталъ утѣшать

его тѣмъ, что угрозамъ Дрентельна не слѣдуетъ придавать значенія: генералъ несомнѣнно погорячился и не приведетъ въ исполненіе своего обѣщанія. Но если бы даже онъ и въ самомъ дѣлѣ донесъ военному министру о всѣхъ найденныхъ имъ *неисправностяхъ*, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ падать духомъ, потому что во главѣ военнаго министерства стоитъ въ высшей степени просвѣщенный человѣкъ, Д. А. Милютинъ, которому хорошо извѣстны военныя заслуги и доблести знаменитаго Севастопольскаго героя, записавшаго свое имя на страницахъ исторіи.

— Ахъ, Боже мой, да я совсѣмъ не о себѣ, возразилъ Мельниковъ. Я плохой командиръ, это несомнѣнно; но зачѣмъ же такъ кричать и выходить изъ себя? Развѣ онъ не могъ высказать все это спокойно, безъ постороннихъ свидѣтелей? А главное, почему онъ свое негодованіе выместилъ на ротныхъ командирахъ и вмѣсто того, чтобы арестовать меня, арестовалъ васъ?

— Ну нѣтъ, я съ вами не согласенъ и беру Дрентельна подъ свою защиту. Вы забываете, Александръ Васильевичъ, что ругать подчиненныхъ и безнаказанно надъ ними издѣваться—это привилегія высшаго начальства; обязанность же насъ, маленькихъ людей, почтительно слушать эту руготню и... *молчать*. Выходитъ, что каждый изъ насъ только воспользовался тѣмъ правомъ, которое предоставлено ему военной дисциплиной. Что же касается моего ареста, то вы упускаете изъ виду множество моихъ провинностей: Во 1-хъ, я худой и тощій, а генералъ—*полный* и тучный; во 2-хъ, генералъ любитъ Молчалинское заискиваніе и угодливость, а у меня, какъ нарочно, прескверно устроенъ позвоночникъ; я совсѣмъ не умѣю кланяться и выражать на своемъ лицѣ почтительность; въ 3-хъ, я слушалъ лекціи въ университетѣ, пишу въ газетахъ и сотрудничаю въ журналахъ. Все это такія, марающія военный мундиръ (читай—*честь*) преступленія, за которыя меня, раба Божьяго, слѣдовало сослать въ мѣста не столь отдаленныя. Между тѣмъ генералъ ограничился только ссылкой меня на гауптвахту. Согласитесь, что это, съ его стороны, очень милостиво и великодушно. Нѣтъ, меня смущаетъ совсѣмъ другое.

— Что, что? спросилъ Мельниковъ, замѣтно повеселѣвшій отъ моей шутливой защиты.

— Меня смущаютъ всѣ тѣ многочисленныя явства и питія, которыя заготовила радушная хозяйка, чтобы достойнымъ образомъ принять и угостить почетнаго, высокопревосходительнаго гостя. И вдругъ, всѣ эти хлопоты оказываются ненужными, лишними, напрасными.

— Да, да, это ужасно жаль и досадно, отвѣтилъ Мельниковъ. Но знаете, что̀ мы сдѣлаемъ и какъ поправимъ это горе? Приходите сегодня вечеромъ ко мнѣ, и все приготовленное Миличкою для генерала Дрентельна съѣдимъ и выпьемъ за его здоровье.

— Ваша идея безподобна, и мы принимаемъ ваше предложеніе съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностью.

Проводивъ Дрентельна на пароходъ, раскланявшись, пожелавъ всякаго благополучія, мы, in corpore, отправились къ Мельникову, гдѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ генеральскаго разноса, тотчасъ же принялись спорить и обсуждать всевозможные вопросы, тѣсно связанные съ пріѣздомъ къ намъ генералъ-губернатора. Между прочимъ встрѣтили другого командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта N. N., который, страшно досадуя на свой маленькій ростъ и незамѣтную фигуру, постоянно ругалъ всѣхъ подчиненныхъ ему генераловъ и однажды, въ минуту откровенности, признался, что онъ дѣлаетъ то съ исключительной цѣлью показать посторонней публикѣ, что онъ «*выше всѣхъ и старше всѣхъ*». Отъ генерала N. N. былъ прямой и естественный переходъ къ другой, недавно сошедшей въ могилу высокопоставленной особѣ—генералу В., которому принадлежитъ знаменитый афоризмъ, что «*начальникъ всегда правъ, долженъ быть правъ, даже если бы злоупотреблялъ своей властью*, потому что нарушеніе этого принципа подрываетъ субординацію, а безъ нея войско немыслимо». Этотъ оригинальный взглядъ невольно вызвалъ вопросъ о *правѣ* подчиненнаго *жаловаться* на своего начальника и полнѣйшей непрактичности тѣхъ, которые имѣютъ глупость пользоваться этимъ правомъ... Но особенно горячій споръ поднялся тогда, когда заговорили о такъ-называемой *военной чести*, т. е. оскорбленіи *мундира*, при чемъ одни, и въ числѣ ихъ Мельниковъ, держались того мнѣнія, что исключительно военная честь—величайшая безсмыслица, потому что, въ противномъ случаѣ, путемъ логической послѣдовательности нужно допустить штатскую честь, купеческую честь, духовную честь и т. д. Другіе, и въ числѣ ихъ пишущій эти строки, не раздѣляя такого взгляда, говорили, что мы военные, должны всячески защищать свое привиллегированное положеніе, во 1-хъ, потому что нашу честь, въ случаѣ надобности, можно снимать и вѣшать на крючекъ, а это представляетъ большія удобства, хотя бы въ томъ отношеніи, что, находясь безъ мундира (т.-е. безъ чести) мы, тѣмъ самымъ застрахованы отъ всякаго оскорбленія; во 2-хъ, нашу честь, если она замарана, можно вычистить, обновить; наконецъ, если она пришла въ негодность, можно выгодно продать старьёвщику. И все это потому что вообще людская честь, какъ и совѣсть, не матеріаль-

наго происхожденія, а наша *военная* честь дѣлается въ портняжныхъ мастерскихъ, и прекрасно дѣлается...

Такъ подъ вліяніемъ инспекторскаго смотра, безпрестанно вспоминая (лихомъ) Дрентельна, который далъ богатую пищу и тему для оживленной бесѣды, мы обмѣнивались мыслями по поводу разныхъ вопросовъ военнаго быта. Въ общемъ мы провели время какъ нельзя болѣе пріятно и весело, превосходно поужинали, изрядно выпили и разбрелись по своимъ угламъ, когда уже начался разсвѣтъ... На другой день я отправился «на казенную квартиру», невольно думая о томъ, какъ не хорошо быть незначительнымъ подчиненнымъ и какъ, наоборотъ, пріятно, удобно и во всѣхъ отношеніяхъ выгодно быть большимъ начальникомъ. Не даромъ у нашихъ друзей-Французовъ существуетъ поговорка: «*Il est bien être général en Russie*» *).

IV.

Познакомивъ читателя съ моимъ героемъ въ качествѣ плохого начальника, укажу теперь на тѣ характерныя черты и особенности, которыя рисуютъ его въ роли семьянина и просто человѣка. Кто были родители Мельникова, какъ его воспитывали и какія онъ вынесъ впечатлѣнія въ періодъ ранняго дѣтства, объ этомъ мнѣ не приходилось бесѣдовать съ покойнымъ Александромъ Васильевичемъ; но судя по нѣкоторымъ даннымъ и главнымъ образомъ по тому, что Мельниковъ росъ, воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ суровую Николаевщину, можно сдѣлать заключеніе, что онъ не избѣжалъ палочнаго режима, вся премудрость котораго выражалась въ очень незамысловатой формулѣ: «Начальство лучше подчиненнаго знаетъ, что̀ ему нужно, и если оно говоритъ, что дважды два—пять, что солнце—треугольное, значитъ такъ и есть?» Это своеобразная логика и Николаевская система все подчинять грубой силѣ, душить свободную мысль и малѣйшее проявленіе самостоятельности, царили на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, а въ пресловутыхъ кадетскихъ корпусахъ *вбивались* при помощи розогъ, которыя имѣли цѣлью *отбить* всякую охоту разсуждать и противорѣчить. Понятно, что такая донѐльзя упрощенная педагогика калѣчила дѣтскую природу, заглушала въ ребенкѣ всѣ прирожденныя способности и выпускала въ свѣтъ или совершенно забитыхъ, обезглавленныхъ автоматовъ, или до

*) Игра словъ: Въ Россіи—общее благополучіе; въ Россіи хорошо быть генераломъ.

послѣдней степени озлобленныхъ вольнодумцевъ и ненавистниковъ существовавшаго порядка.

Привыкнувъ къ порядку и перенесенію различныхъ невзгодъ, закаливъ свое здоровье, Мельниковъ выработалъ въ себѣ стойкій, сдержанный характеръ, не утратилъ вѣры въ людей и чтò всего важнѣе, сохранилъ способность къ труду, къ дальнѣйшему развитію и самообразованію. Въ большинствѣ случаевъ окончившіе курсъ кадеты, съ производствомъ въ офицеры, выбрасывали за бортъ всѣ ненавистныя имъ учебники и руководства, быстро забывали тѣ немногія, скудныя свѣдѣнія, которыми надѣлила ихъ школа, и съ наслажденіемъ заключенныхъ, которыхъ нѣсколько лѣтъ держали въ ежовыхъ рукавицахъ, предавались кутежу и разврату. Не таковъ былъ Александръ Васильевичъ. Внимательно слѣдя и усовершенствуясь по предметамъ военнаго искусства и сапёрнаго дѣла, Мельниковъ въ тоже время интересовался другими вопросами, другими отраслями знанія. Въ особенности его занимали: исторія, соціологія, политическая экономія и философія. Суевѣрный, мнительный, задумывающійся надъ вопросами высшаго порядка, Мельниковъ, въ смыслѣ религіи и совѣсти, былъ вполнѣ индефферентенъ: онъ не признавалъ церковныхъ обрядовъ, не вѣрилъ въ существованіе живого Бога, какъ творца вселенной, безусловно отрицалъ загробную жизнь и былъ ужасно радъ и доволенъ, когда, штудируя философскія сочиненія, находилъ въ нихъ научное подтвержденіе своего атеизма. По этому поводу между нами происходили очень горячіе споры. Мельниковъ всячески старался убѣдить меня, что никакого Бога нѣтъ, и въ доказательство ссылался на соціологію Герберта Спенсера, на главу «*о непознаваемомъ*»; а я, приводя въ примѣръ того же Спенсера, возражалъ, что Александръ Васильевичъ совершенно неправильно понимаетъ и толкуетъ эту главу, что именно разсужденія знаменитаго ученаго приводятъ къ обратному выводу и апріорному заключенію о существованіи Бога. Геніальному мыслителю и соціологу дѣлаетъ величайшую честь, что онъ, не прибѣгая ни къ какимъ софизмамъ и уверткамъ, на основаніи строго научныхъ данныхъ, приходитъ къ выводу и откровенному признанію, что въ нашей жизни есть что-то высшее, *непознаваемое*, которое не поддается анализму и выходитъ изъ рамокъ науки.

— Но вѣдь то, чтò неизвѣстно *сегодня*, можетъ быть открыто завтра, кипятился мой завзятый совопросникъ. Развѣ за послѣднее время мало сдѣлано открытій, о которыхъ прежде даже и не мечтали? Почемъ знать, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ *непознаваемое* сдѣлается *познаваемымъ*?—Этого никогда не будетъ, и люди, думающіе такимъ образомъ, жестоко заблуждаются. *Доказать* существованіе Бога такъ же нельзя, какъ

нельзя и немыслимо доказать обратнаго, т. е., что Его нѣтъ. *Вѣра* и *Наука* это двѣ взаимно-исключающія другъ друга антитезы, которыя никогда не сойдутся, какъ два противоположныхъ полюса одной оси. Вы говорите о *научныхъ открытіяхъ*; но вы упускаете изъ виду, что всѣ они относятся къ области естествознанія, т. е. *матеріальной* природы. Что же касается закрытой для насъ области *духа* и *происхожденія* видимаго міра, то этотъ проклятый вопросъ, надъ которымъ отъ Адама и до нашихъ дней задумывались величайшіе умы всѣхъ временъ и народовъ, незыблемо стоитъ на одномъ мѣстѣ и навсегда останется *неразрѣшимымъ*...

Не знаю, удалось ли мнѣ убѣдить Мельникова въ совершенной безполезности подобнаго спора; но онъ пересталъ обращаться ко мнѣ по этому поводу, и безплодное толченіе воды прекратилось.

Какъ ни увлекался Мельниковъ вопросами нашего бытія, но это нисколько ему не мѣшало еще болѣе увлекаться хорошенькими женщинами, которыхъ онъ предпочиталъ всевозможнымъ книгамъ, спорамъ и философскимъ трактатамъ.

Пылкій, чувственный, увлекающійся, съ большой дозой цинизма и сладострастія, Мельниковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ эротомановъ и любителей женскаго тѣла, которыхъ Достоевскій заклеймилъ нарицательнымъ именемъ: «*Карамазовщина*». Въ натурѣ моего героя была изрядная доза этой Карамазовской похотливости, и такъ какъ богиня любви, Венера, жестоко мститъ тѣмъ, которые безразсудно предаются половымъ излишествамъ, то мой герой, за неумѣренное жертвоприношеніе этой красивой богинѣ, чуть-чуть не поплатился... носомъ. Случилось это вскорѣ послѣ Севастопольской войны, т. е. въ то время, когда организмъ моего героя, и безъ того обезсиленный долгимъ пребываніемъ подъ землей, былъ подготовленъ и предрасположенъ къ воспріятію заразительныхъ ядовъ.

Мельниковъ заболѣлъ, и болѣзнь приняла такую острую форму и угрожающіе размѣры, что пришлось, поневолѣ, задуматься о переселеніи въ другой «лучшій міръ». Между тѣмъ, не смотря на свое безвѣріе, отрицаніе Бога и загробной жизни, онъ не хотѣлъ умирать и ужасно боялся смерти, тѣмъ болѣе такой мучительной и позорной. Мельниковъ рѣшилъ эту диллему по военному: онъ зарядилъ револьверъ, положилъ его подъ подушку и мысленно поклялся, если болѣзнь дойдетъ до горла, пустить себѣ пулю въ лобъ. И вотъ, въ то время, когда передъ моимъ героемъ стоялъ въ буквальномъ смыслѣ Гамлетовскій вопросъ: «*быть* или

не быть», судьба-индѣйка, въ лицѣ какой-то бабы, предложила ему простое, но вѣрное средство отъ «дурной болѣзни». Мельниковъ, какъ утопающій, схватился за эту соломенку, сталъ усердно пить настоенную на спирту, сассапарельную настойку и въ короткій срокъ такъ возстановилъ свои силы, что не только сохранилъ носъ, но сохранилъ жизнь и получилъ возможность къ дальнѣйшимъ похожденіямъ, ухаживаньямъ и пантоминамъ любви...

Съ этого рокового момента Мельниковъ слѣпо увѣровалъ въ чудотворное дѣйствіе травяной настойки, собственноручно, своимъ неуклюжимъ, веревочнымъ почеркомъ, переписалъ рецептъ, прибавилъ къ нему многорѣчивое на трехъ листахъ *наставленіе* и настойчиво рекомендовалъ всѣмъ, какъ *вѣрное и радикальное средство отъ всѣхъ болѣзней*. Между прочимъ предлагалъ Мельниковъ и мнѣ это универсальное лѣкарство; но я имъ не воспользовался, а только, на всякій случай, списалъ.

Я позволю себѣ привести два-три небольшихъ отрывка изъ этого курьезнаго, любопытнаго и характернаго *наставленія*. Перечисливъ *двадцать* болѣзней, которыя безусловно излѣчиваются этимъ удивительнымъ лѣкарствомъ, Мельниковъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Болѣзни отъ 1-го до 17-й включительно гнѣздились въ моемъ организмѣ, всѣ въ одно время, и чрезъ три недѣли, какъ бы какимъ-то чудомъ, и слѣда не осталось отъ всѣхъ этихъ недуговъ, послѣ выдержанія полнаго курса лѣченія. № 18 (страданіе печени) былъ мною испытанъ на другихъ. Что же касается чахотки, то и эта ужасная болѣзнь, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, вполнѣ и радикально излѣчивается этимъ универсальнымъ средствомъ»...

Указавъ способъ приготовленія лѣкарства и необходимую діэту, Мельниковъ въ 5-мъ параграфѣ дѣлаетъ слѣдующее предостереженіе: «Ничего спиртуознаго не пить, съ женщинами отнюдь не имѣть никакого дѣла, потому что во время этого лѣченія, къ нимъ, какъ нарочно, являются особенная симпатія, влеченіе и склонность. *Берегись соблазна*, молодой паціентъ!»... Въ заключеніе Мельниковъ категорически утверждаетъ, что уже на 3-й или 4-й день лѣкарство начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, и это ясно видно изъ слѣдующаго: въ рукахъ чувствуется сила, такъ и хочется побить или побороться съ кѣмъ-нибудь, пальцы начинаютъ полнѣть и въ кисти растопыриваются, лицо тоже полнѣетъ, но не брюзгнетъ, все тѣло тучнѣетъ, и силы организма возрастаютъ очень замѣтно, является волчій аппетитъ, кожа принимаетъ розовой цвѣтъ, и лицо дѣлается особенно свѣжимъ; при этомъ на человѣка находитъ какая-то Обломовская лѣнь, нѣга Сибарита и сонливая апатія,

но за то расположеніе духа необыкновенно веселое и пріятное: *человѣкъ доволенъ всѣмъ и всѣми*. Словомъ, подъ могучимъ вліяніемъ этого дивнаго лѣкарства, человѣкъ, избавляясь отъ многочисленныхъ, гнѣздящихся въ его организмѣ недуговъ, какъ бы заново перерождается и дѣлается молодымъ, бодрымъ, здоровымъ, жизнерадостнымъ»...

Надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на меня за эти выписки и, можетъ быть, пожелаетъ, излѣчившись отъ *всѣхъ* болѣзней, пріобрѣсти *вторую* молодость. Я съ удовольствіемъ готовъ выслать ему волшебный рецептъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго читатель не будетъ удивленъ, если я ему скажу, что мой герой, избавившись отъ 17 недуговъ и помолодѣвъ на столько же лѣтъ, почувствовалъ *тоску одиночества* влеченіе къ семейной жизни и, по примѣру многихъ истасканныхъ холостяковъ, успѣвшихъ насладиться жизнью, задумалъ вступить *въ бракъ*, т. е. броситься «изъ огня да въ полымя»... Съ этой послѣдней цѣлью Мельниковъ сталъ бывать въ обществѣ и, между прочимъ, познакомился съ магистромъ фармаціи Кіевскаго университета, извѣстнымъ фабрикантомъ искусственныхъ минеральныхъ водъ Эдуардомъ Григорьевичемъ Немэтти, у котораго была въ высшей степени миловидная сестра, Эмилія Григорьевна. Вотъ она-то и завладѣла сердцемъ моего героя. И немудрено: Эмилія Григорьевна принадлежала къ числу тѣхъ дѣвушекъ, которыя, не обладая правильными чертами лица, тѣмъ не менѣе, производятъ такое обаятельное впечатлѣніе, такъ привлекаютъ и притягиваютъ къ себѣ мужчинъ, какъ это не удается достигнуть многимъ записнымъ красавицамъ съ классически правильнымъ профилемъ. Что̀ дѣлало Эмилію Григорьевну особенно привлекательной, это ея большіе темнокаріе, полные блеска и выраженія, многоговорящіе глаза, въ которыхъ можно было прочесть и добрую душу, и свѣтлый умъ.

Если къ этому прибавить необыкновенно стройную, изящную фигуру, большую находчивость при всякихъ разговорахъ и выдающуюся грацію въ танцахъ, то вы поймете, почему на m-elle Немэтти всѣ заглядывались, почему она имѣла такой большой успѣхъ и нравилась не только мужчинамъ, но и женщинамъ...

Хотя мой герой зналъ, что «любви всѣ возрасты покорны, и ея порывы благотворны», тѣмъ не менѣе онъ нисколько не заблуждался насчетъ своихъ лѣтъ, наружности и прекрасно понималъ, что какъ бы онъ ни былъ знаменитъ и достоинъ во всѣхъ отношеніяхъ, женщина всегда предпочтетъ ему молодого и красиваго мужчину. Однако Мельниковъ не хотѣлъ сдаваться безъ боя и рѣшилъ попытать счастья.

Въ одинъ дѣйствительно прекрасный вечеръ Мельниковъ отправился въ «Шато», встрѣтилъ тамъ предметъ своего сердца, подсѣлъ къ Эмиліи Григорьевнѣ и «съ мѣста въ карьеръ» сталъ объясняться въ своихъ пламенныхъ чувствахъ. Не ожидавшая такой атаки Эмилія Григорьевна приготовилась съ первыхъ же словъ осадить не въ мѣру увлекшагося подполковника; но Мельниковъ говорилъ такъ просто, искренно, задушевно, доказывалъ необходимость выйти за него замужъ такъ убѣдительно, что Эмилія Григорьевна, вмѣсто рѣзкаго отпора, стала придумывать другую форму отказа, которая бы не задѣла самолюбія и не оскорбила влюбленнаго старика.

Замѣтивъ намѣреніе Эмиліи Григорьевны, Мельниковъ употребилъ необыкновенно ловкій маневръ и не допустилъ до немедленнаго отвѣта. —Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, ничего не говорите мнѣ сейчасъ: сію минуту я и слушать не хочу! Это вопросъ до такой степени серьезный и важный, что его нужно обсудить основательпо, со всѣхъ сторонъ. Подумайте, посовѣтуйтесь съ своимъ братомъ и ровно черезъ три дня скажите мнѣ свое окончательно рѣшеніе. Согласны?—Хорошо, приходите черезъ три дня.

И вотъ, Эмилія Григорьевна стала думать, стала взвѣшивать всѣ обстоятельства *за* и *противъ*. И чѣмъ больше она думала, тѣмъ больше приходила къ убѣжденію, что жить у брата, на его средства, не представляетъ ничего отраднаго и утѣшительнаго, что желанный принцъ и не думаетъ являться, «женихъ не грядетъ», да и придетъ ли еще, это вопросъ, а между тѣмъ жизнь не ждетъ: «годы уходятъ, все лучшіе годы». Положимъ, что Мельниковъ ужъ очень непривлекателенъ и своей внѣшностью, и своей фигурой; за то, съ другой стороны, пожилой мужъ представляетъ извѣстныя выгоды и преимущества. Наконецъ, не будучи подпоручицей, сразу сдѣлаться подполковницей и командиршей батальона, а главное получить возможность жить вполнѣ свободно и независимо, это тоже имѣетъ свое немаловажное значеніе. Плодомъ всѣхъ этихъ доводовъ и соображеній было то, что Эмилія Григорьевна, придя въ назначенный часъ на условленное мѣсто, встрѣтила давно поджидавшаго Мельникова слѣдующей резолюціей: «Я послѣдовала вашему мудрому совѣту, обсудила вопросъ со всѣхъ сторонъ и пришла вамъ заявить, что согласна быть вашей женой». Такъ, не совсѣмъ обычнымъ способомъ, устроился союзъ двухъ добрыхъ по натурѣ людей, союзъ, который нельзя назвать ни бракомъ по расчету, ни тѣмъ менѣе бракомъ по любви. Это былъ, если можно такъ выразиться, взаимный договоръ мужчины и женщины, которые добровольно, безъ всякаго при-

нужденія, согласились сожительствовать, на правахъ законныхъ супруговъ, и обязались обмѣняться тѣмъ, что̀ было у каждаго изъ нихъ. Одинъ предлагалъ свое имя, положеніе, средства къ жизни и, взамѣнъ этого требовалъ красиваго тѣла, ласки, заботливости и вниманія. Другая приносила и отдавала свою молодость, привлекательную внѣшность, уваженіе, готовность быть полезной своими познаніями, разсчитывая, что за все это она, въ свою очередь, встрѣтитъ и получитъ горячую привязанность, преданность, терпимость и снисхожденіе къ ея женскимъ слабостямъ, вѣрность принятому на себя долгу. Что же изо всего этого вышло? А вышла самая *обыкновенная исторія*, которую можно встрѣтить и наблюдать чуть не въ любой семьѣ.

Пока люди находятся на правахъ добрыхъ знакомыхъ, они доставляютъ взаимное удовольствіе и состоятъ между собой въ наилучшихъ отношеніяхъ; но сто́итъ этимъ двумъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ разнополымъ друзьямъ соединиться узами законнаго брака, чтобы эти добрые друзья превратились въ заклятыхъ враговъ, которые только мучатъ и терзаютъ другъ друга...

Съ перваго же дня, или, правильнѣе, съ первой же брачной ночи мои герои убѣдились, къ несчастью поздно, что, ставъ мужемъ и женой, они сдѣлали страшную глупость, страшную, непоправимую ошибку, что они положительно не подходятъ другъ къ другу, и не потому, что у нихъ разные характеры, темпераменты и вкусы, а потому, что у нихъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ.... спальни...

Вопреки мнѣнію поэта, что «въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань», они впряглись, и эта совмѣстная упряжка оказалась тѣмъ болѣе неудачной, тяжелой и мучительной, что трепетная лань обладала удивительно нервной, чуткой, воспріимчивой натурой, а старый, посѣдѣвшій въ бояхъ, но все еще бодрящійся конь былъ разбитъ на̀ ноги и совсѣмъ не подходилъ къ своей молодой, экспансивной, увлекающейся подругѣ... Ко всему этому нужно прибавить, что Мельниковъ, какъ большинство старыхъ мужей влюбленныхъ въ свою жену, невольно ревновалъ свою Милочку ко всѣмъ мужчинамъ и въ каждомъ молодомъ человѣкѣ видѣлъ себѣ соперника. Этотъ, чисто-животный, эгоистическій страхъ самца потерять красивую самку, нерѣдко заставлялъ Мельникова прибѣгать къ такимъ рѣзкимъ и грубымъ выходкамъ, которыхъ онъ никогда не позволилъ бы себѣ при другомъ, спокойномъ состояніи духа. Домашнія сцены воображаемой измѣны были тѣмъ болѣе неумѣстны и оскорбительны, что Эмилія Григорьевна не подавала ни малѣйшаго повода къ ревности. Уже не говоря о томъ, что жена Мель-

никова была *неспособна* къ обману и нарушенію супружеской вѣрности, она отличалась такой щепетильностью, что даже во время болѣзни избѣгала обращаться къ доктору-мужчинѣ и ни за что на свѣтѣ не соглашалась на подробный медицинскій осмотръ. Все ея общеніе съ посторонними мужчинами ограничивалось поприщемъ танцовальнаго искусства, и внѣ этого, такъ-сказать, *паркетнаго* сближенія, она не допускала никакихъ короткостей.

Какъ всякая молодая и хорошенькая женщина, она, разумѣется, любила нравиться «противнымъ мужчинамъ», но всѣхъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ держала отъ себя на почтительномъ разстояніи. Тѣхъ же, которые, забывшись, позволяли себѣ какія-либо неумѣстныя, двусмысленныя остроты или пошлые, казарменные комплименты и любезности, Эмилія Григорьевна, со свойственной ей находчивостью, рѣзко обрывала и осаживала въ такой, напримѣръ, формѣ: Вы, очевидно, принимаете меня за женщину, за которой можно *ухаживать*. Я должна васъ разочаровать: моя фамилія Немэтти; это значитъ, что на меня нельзя *мѣтить*, потому что я разъ на всегда *отмѣчена* моимъ мужемъ Мельниковымъ. Пожалуйста, зарубите это себѣ на носу.

Оба они были очень развитые и гордые люди, стирали свое грязное бѣлье у себя дома, о своихъ неурядицахъ никому не разсказывали и въ присутствіи другихъ держали себя съ большимъ достоинствомъ, что̀ ставило многихъ въ тупикъ и давало богатую пищу любящимъ сплетни кумушкамъ, которыя, дѣлая разнаго рода догадки и предположенія, распускали про Мельниковыхъ всевозможныя гнусности и возмутительныя небылицы. Очень немногіе знали настоящую причину тѣхъ недоразумѣній и тяжелыхъ семейныхъ сценъ, которыя, отъ времени до времени, разыгрывались между супругами. Причина разлада заключалась въ большой разности лѣтъ, несходствѣ характеровъ и полнѣйшемъ непониманіи другъ друга. Упрямый, настойчивый, часто не въ мѣру капризный и раздражительный, Мельниковъ совсѣмъ не подходилъ къ своей нѣжной, благовоспитанной, немного наивной, болѣзненно обидчивой и черезчуръ щепетильной женѣ, которая не выносила грубости, неумѣстной скаредности и цинизма, т. е. какъ разъ именно недостатковъ ея неуклюжаго, неизящнаго супруга. Замѣчу, для полной характеристики моего героя, что, не смотря на свое чисто-Русское происхожденіе, онъ былъ аккуратенъ, какъ щирый Нѣмецъ и даже доходилъ до мелочности, до педантизма: всѣ прочитанные газеты и журналы онъ складывалъ по нумерамъ и терпѣть не могъ, когда кто-нибудь дотрагивался до его вещей, безъ его разрѣшенія. Записывая каждый расходъ,

ужасно волновался, когда не досчитывался гривенника, даже копѣйки; собираясь въ дорогу, собственноручно укладывалъ вещи, при чемъ на отдѣльныхъ бумажкахъ записывалъ, что̀ онъ беретъ: «*съ собой*», «*на себѣ*», «*при себѣ*», «*въ чемоданѣ*», «*въ сумкѣ*». Эмилія Григорьевна прекрасно знала всѣ эти привычки и слабыя струнки своего благовѣрнаго, частенько подтрунивала надъ его странностями, суевѣріемъ и, въ минуты хорошаго расположенія духа, устраивала мужу разные сюрпризы: то переложитъ и перемѣшаетъ всѣ номера газетъ, то перевернетъ вверхъ дномъ кабинетныя вещи, то умышленно зажжетъ и поставитъ на столъ три свѣчи, то схватитъ бумажку, гдѣ рукой Мельникова написано «*при себѣ*» и внизу прибавитъ: «глаза, носъ, ротъ, уши»...

Мельниковъ кипятится, выходитъ изъ себя и, бѣгая по комнатамъ, кричитъ: «Кто перепуталъ мои вещи и перемѣшалъ газеты? Признавайся, Миличка: это ты напроказила?» А Миличка, какъ ни въ чемъ не бывало, стои́тъ у рояля и, съ выраженіемъ невиннаго младенца, перебираетъ ноты. Наконецъ, замѣтивъ, по плутовскому выраженію глазъ, что это ея продѣлки, Мельниковъ успокоивается, громко хохочетъ и, въ свою очередь, начинаетъ допекать жену вопросами: «Отчего ты не все перечислила? Развѣ у меня только носъ, ротъ, уши, руки, и ноги?» Миличка страшно конфузится, краснѣетъ, отчего дѣлается еще интереснѣй и стремительно убѣгаетъ въ другую комнату. Но Мельниковъ ее догоняетъ, хватаетъ за талію и продолжаетъ допрашивать: «Что же ты молчишь? Что̀ у меня есть *кромѣ* перечисленнаго тобою?» Всѣ эти интимныя нѣжности разыгравшихся супруговъ продѣлывались на глазахъ пришедшихъ къ Мельникову офицеровъ, заражали насъ общимъ весельемъ и, настраивая молодежь на гривуазный тонъ, придавали вечеру особенное оживленіе, особенный характеръ какой-то фривольности и не совсѣмъ умѣстной, неприличной распущенности.

Въ награду за долготерпѣніе она пріобрѣла другого мужа, въ лицѣ крѣпкаго и сильнаго поручика, которому Эмилія Григорьевна отдалась со всѣмъ пыломъ своей любящей, довѣрчивой, привязчивой натуры. Почему моя героиня остановила свой выборъ именно на этомъ очень некрасивомъ и рѣшительно ничѣмъ незамѣчательномъ офицерѣ, я не берусь объяснить, такъ какъ это относится къ неспостижимой и неразгаданной области женскихъ причудъ. Мельниковъ, узнавъ о серьезномъ чувствѣ и глубокой привязанности своей жены къ своему подчиненному, не только не устроилъ никакихъ сценъ и упрековъ (какъ это навѣрно сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ), а, напротивъ, собственноручно передалъ Миличку своему *замѣстителю*, самъ

устроилъ имъ новое, уютное гнѣздышко и, превратившись изъ плохого мужа въ добраго папашу, сталъ частенько навѣщать своихъ милыхъ дѣтокъ, завидуя ихъ согласной жизни. Въ этомъ добровольномъ отреченіи отъ своихъ законныхъ супружескихъ правъ и трогательной заботливости къ созданному его руками счастью влюбленной парочки рельефно сказалась необыкновенно правдивая и безпристрастная натура моего героя.

V.

Отдавъ свою жену другому, лишившись единственно близкаго и дорогого человѣка, къ которому Мельниковъ былъ искренно и горячо привязанъ, онъ очутился въ незавидномъ положеніи совершенно одинокаго вдовца, при которомъ не только не было преданнаго и вѣрнаго друга, но даже порядочной, надежной прислуги. Одинокій, страдающій сильными припадками удушья, больной старикъ поселяется «вдали отъ шума городского» въ своемъ маленькомъ домикѣ, на Жилянской улицѣ, замыкается въ немъ, какъ улитка въ своей раковинѣ, и, въ неизмѣнномъ обществѣ любимыхъ книгъ, съ дымящеюся трубочкой во рту, начинаетъ коротать скучные, томительно однообразные дни, невольно думая о томъ, какъ безотрадно сложилась его жизнь, какъ онъ *«униженъ и оскорбленъ»* въ служебномъ отношеніи. И въ самомъ дѣлѣ: многіе изъ его товарищей-однокашниковъ успѣли перегнать его и давнимъ давно состоятъ въ генеральскомъ чинѣ, а онъ, гораздо старше ихъ по службѣ и во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣе, продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Онъ имѣетъ не только всѣ ордена, какіе полагаются въ его чинѣ и должности, но, сверхъ того, пожалованъ царскимъ подаркомъ—бриллiантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ Государя Императора, и, не смотря на всѣ эти награды и знаки отличія, онъ не получаетъ другого, высшаго назначенія. Эта горькая, незаслуженная обида, какъ болючая, незаживающая рана, давала себя знать тѣмъ чувствительнѣе, что мой герой, не смотря на свою кажущуюся скромность, былъ въ душѣ честолюбивъ. Но это не было честолюбіе проходимца, который, давя соперниковъ и не разбирая никакихъ средствъ, протискивается на верхнія ступени, а честолюбіе гордаго, хорошо знающаго себѣ цѣну добросовѣстнаго служаки, который хотѣлъ, чтобы его заслуги были признаны открыто, безъ всякихъ съ его стороны поклоновъ и заискиваній.

Сколько разъ Эмилія Григорьевна и всѣ мы совѣтовали Александру Васильевичу поѣхать въ Петербургъ, ко дню Георгіевскаго праздника, чтобы принять участіе въ парадѣ, присутствовать на царскомъ обѣдѣ,

во дворцѣ и *напомнить* о своемъ существованіи; но Мельниковъ всякій разъ отвѣчалъ одно и тоже.—А кто же мнѣ дастъ средства на эту поѣздку? Вѣдь она стоитъ денегъ, а у меня ихъ нѣтъ. Вотъ если бы меня вызвали и выдали прогоны, тогда дѣло другого рода: я бы поѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ.—Еще чего захотѣли! Этого вы никогда не дождетесь.—А не дождусь, и не надо! Вѣдь я не прошу и не навязываюсь.

Такъ онъ и продолжалъ оставаться полковникомъ, въ неизмѣнномъ положеніи командира баталіона.

Но судьбѣ было угодно, что имя Мельникова, какъ Севастопольскаго героя, еще разъ прогремѣло если не на всю Россію, то, по крайней мѣрѣ, на весь городъ. Дѣло въ томъ, что нашъ Кіевъ посѣтилъ Государь Императоръ Александръ II-й, который лично зналъ и помнилъ Мельникова, высоко цѣнилъ его боевые подвиги и всегда относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ. На другой день пріѣзда Государя во дворецъ собрались всѣ командиры отдѣльныхъ частей, чтобы представиться Его Величеству. Когда дошла очередь до моего героя и командующій войсками Дрентельнъ произнесъ: «Командиръ 5-го понтоннаго баталіона полковникъ Мельниковъ», Государь съ чарующей улыбкой привѣтствовалъ своего «стараго знакомаго», выразилъ удовольствіе, что опять видитъ знаменитаго Севастопольца и между прочимъ спросилъ:—Мнѣ помнится, что тебя окрестили оберкротомъ, кажется?—Такъ точно, Ваше Императорское Величество; но теперь я уже не кротъ, а превратился въ рыбу. Не понимая значенія этихъ словъ, Государь нахмурилъ брови, но сопровождавшій Государя Тотлебенъ поспѣшилъ успокоить и объяснить Его Величеству, что сначала Мельниковъ былъ минёромъ и потому находился подъ землей, а теперь, въ качествѣ понтонёра, онъ наводитъ мосты и все время на водѣ.

— А-а, вотъ что! произнесъ Государь и, привѣтливо кивнувъ головой, подошелъ къ слѣдующему, рядомъ стоявшему командиру.

Вся эта сцена, ласковое и милостивое обращеніе Государя къ Мельникову, отвѣтъ послѣдняго, вообще представленіе г.г. военнымъ Его Величеству, сдѣлались извѣстны всему городу, при чемъ многіе Кіевляне, быть можетъ впервыя, узнали и услышали, что среди нихъ живетъ знаменитый Севастопольскій герой, по фамиліи Мельниковъ, который состоитъ въ чинѣ полковника и командуетъ 5-мъ понтоннымъ баталіономъ...

Пріѣздъ Государя въ Кіевъ и его сердечное отношеніе къ Мельникову не прошли безслѣдно для моего героя. Вниманіе Государя къ забытому «оберкроту» несомнѣнно подѣйствовало на Тотлебена и побудило всесильнаго царедворца задуматься надъ вопросомъ: что̀ предпринять съ Мельниковымъ, т. е. *куда его дѣть?* Результатомъ этихъ соображеній было то, что, послѣ 11 лѣтъ командованія батальономъ и 35 лѣтъ службы въ инженерномъ корпусѣ, Мельниковъ получилъ, наконецъ, другое назначеніе: командира 97-го пѣхотнаго Лифляндскаго полка. Этимъ незначительнымъ повышеніемъ Мельникова Тотлебенъ разсчитывалъ достигнуть двухъ цѣлей, т. е. однимъ зарядомъ убить двухъ зайцевъ. Во 1-хъ, онъ снималъ съ себя упрекъ въ яко̀ бы *притѣсненіи* своего подчиненнаго, а во 2-хъ и, самое главное, съ переводомъ *въ армію*, Мельниковъ, тѣмъ самымъ *исключался изъ инженернаго корпуса*, чего Тотлебенъ, если помнитъ читатель, такъ хотѣлъ и добивался.

Былъ ли самъ Мельниковъ доволенъ своимъ новымъ назначеніемъ, этого я не могу сказать съ полной увѣренностью, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, имѣю основаніе думать, что мой герой не хотѣлъ выходить и навсегда оставлять инженерный корпусъ, къ которому онъ привыкъ, сжился и разставаться съ которымъ ему было не легко. Но кто былъ навѣрно опечаленъ переводомъ Мельникова въ армію, это всѣ мы, служившіе въ 5-мъ понтонномъ баталіонѣ, потому что, съ уходомъ Александра Васильевича изъ 3-й саперной бригады, мы лишались такого командира и человѣка, подобно которому мудрено встрѣтить...

Первая мысль, которая пришла намъ въ голову, это достойнымъ образомъ проститься съ горячо любимымъ начальникомъ и поднести ему на память какой-нибудь цѣнный подарокъ. Сначала мы хотѣли устроить такой прощальный обѣдъ, въ которомъ бы участвовалъ только тѣсный кружокъ близкихъ и пріятныхъ Мельникову лицъ; но мы совершенно упустили изъ виду, что это невозможно уже по одному тому, что нельзя обойти начальство, неловко не пригласить его, а гдѣ присутствуетъ начальство, тамъ неизбѣжно царятъ невольное стѣсненіе, церемонность, оффиціальность, т. е. какъ разъ то, чего мы хотѣли избѣжать. Съ другой стороны не было никакой разумной причины и основанія отказывать офицерамъ другихъ частей бригады, потому что Мельниковъ принадлежалъ не только намъ, 5-му понтонному батальону, но всей бригадѣ, всему инженерному корпусу...

Проститься съ Мельниковымъ и чествовать его обѣдомъ пожелало 40 человѣкъ, которые и собрались для этой надобности въ первоклас-

ной гостинницѣ «Hôtel du Nord». Встрѣченный тушемъ виновникъ торжерства, послѣ радушнаго привѣтствія и рукопожатій, былъ приглашенъ къ роскошно сервированному столу и посаженъ между двумя генералами (Кіевскимъ комендантомъ Гудимою и начальникомъ бригады Рихтеромъ), которые, какъ это требуетъ чинопочитаніе, открыли рядъ застольныхъ спичей. Оба генерала говорили съ чувствомъ, толкомъ, разстановкой, съ дрожаніемъ и слезой въ голосѣ, словомъ — заявили себя превосходными ораторами. Но отвратительная привычка все анализировать и смотрѣть «въ корень вещей», помѣшала мнѣ наслаждаться краснорѣчіемъ ихъ превосходительствъ: мнѣ невольно вспомнилось, что и генералъ Гудима, и генералъ Рихтеръ, въ качествѣ бригадныхъ командировъ и, слѣдовательно, непосредственныхъ начальниковъ Мельникова, еще недавно распекали его, какъ мальчишку, въ присутствіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, дѣлали ему выговоры и замѣчанія, въ самой грубой, неделикатной формѣ, словомъ, относились къ нему свысока, съ чувствомъ замѣтнаго пренебреженія. И вдругъ, *теперь,* когда Мельниковъ совсѣмъ оставляетъ сапёрную бригаду, ихъ превосходительства прониклись къ нему внезапной любовью, уваженіемъ, почувствовали какое-то влеченіе и, забывъ прошлое, стали разсыпаться въ любезностяхъ и комплиментахъ. Чтò сей сонъ означаетъ? *Откуда* такая внезапная и неожиданная метаморфоза? *Почему* генералы только теперь догадались, что «*Мельниковъ составляетъ гордость и украшеніе инженернаго корпуса?*» Какъ хотите, но въ этихъ громкихъ, запоздалыхъ похвалахъ слышатся явное противорѣчіе, грубое фарисейство и двуличіе Тартюфа...

Большинство присутствующихъ на обѣдѣ, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, именно такъ и поняли краснорѣчивыя ламентаціи и напускной пафосъ генераловъ, т. е. отнеслись къ нимъ съ полнымъ недовѣріемъ.

Несравненно искреннѣе и содержательнѣе были рѣчи подполковника Копанскаго и бригаднаго адъютанта штабсъ-капитана Оленига-Гнененко; но и òни касались преимущественно Севастопольскихъ заслугъ Мельникова, не указывая и не оттѣняя самаго главнаго, существеннаго. Зная, что я тоже приготовился сказать дорогому начальнику нѣсколько словъ, молодежь стала бросать на меня вопросительные взгляды; но моя рѣчь такъ рѣзко противорѣчила и расходилась съ тѣмъ, чтò говорили ихъ превосходительства, такъ мѣтко попадала имъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, что я не рискнулъ и не рѣшился произнести ее, исходя изъ того соображенія, что своей рѣчью я окажу Мельникову

медвѣжью услугу, поставлю его въ крайне неловкое положеніе, испорчу, какъ говорится, всю обѣдню. Но когда генералы удалились и въ столовой осталась только одна молодежь, тѣснымъ кольцомъ окружившая глубоко растроганнаго Мельникова, я приказалъ подать Шампанскаго, разнести его всѣмъ присутствовавшимъ и, поднявъ бокалъ, обратился къ Мельникову съ нижеслѣдующей рѣчью:

„Многоуважаемый Александръ Васильевичъ!

Здѣсь, во время обѣда, много говорилось о вашихъ Севастопольскихъ подвигахъ, которые хорошо извѣстны образованнымъ людямъ всего міра, но почти ничего не говорилось о вашихъ личныхъ достоинствахъ и службѣ въ 3-й сапёрной бригадѣ, а между тѣмъ онѣ заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ ваши отличія на полѣ брани.

Позвольте мнѣ, вашему подчиненному, пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ рѣчахъ, которыми васъ привѣтствовали, было употреблено одно неточное выраженіе, имѣющее, въ данномъ случаѣ, весьма существенное и важное значеніе. Я говорю о выраженіи: *„начальникъ“*, *„командиръ“*. Мнѣ кажется, что это названіе какъ-то плохо вяжется со всѣмъ тѣмъ, что мы привыкли встрѣчать въ вашемъ лицѣ, образѣ мыслей и способѣ обращенія съ подчиненными. Въ самомъ дѣлѣ! Съ именемъ начальника невольно связывается понятіе о чемъ-то требующемъ, распекающемъ и взыскивающемъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могу представить себѣ начальника иначе, какъ въ образѣ суроваго и властнаго человѣка, который стоитъ отъ подчиненныхъ на далекой дистанціи и держитъ ихъ въ страхѣ и трепетѣ. Ничего подобнаго нельзя себѣ представить по отношенію къ вамъ. Вы не только никогда не сторонились отъ своихъ подчиненныхъ, а, наоборотъ, составляли главный центръ, вокругъ котораго всѣ они группировались. Вы не только не пренебрегали интересами своихъ подчиненныхъ, а, напротивъ, всегда принимали въ нихъ самое искреннее и живое участіе. Словомъ, вы были, если можно такъ выразиться, главнымъ связующимъ звѣномъ въ общей цѣпи товарищей, первымъ между равными. Мнѣ уже не говорить о томъ, что никто и никогда не слышалъ отъ васъ рѣзкихъ замѣчаній, тѣмъ болѣе, неприличныхъ выходокъ и грубыхъ оскорбленій. Надѣюсь, всякій согласится со мной, что подобныя отношенія начальника къ своимъ подчиненнымъ встрѣчаются крайне рѣдко въ средѣ нашей военной семьи и, въ этомъ отношеніи, нельзя не позавидовать 97-му Лифляндскому полку, на долю котораго выпало счастье имѣть такого, во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательнаго командира Есть еще одна особенность, которая рѣзко выдѣляетъ васъ между остальными начальниками. Тѣ, которые знаютъ васъ давно и помнятъ васъ еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ—единогласно утверждаютъ, что вы были всегда такимъ, какимъ мы васъ видимъ въ настоящее время, т. е. вы всегда держались въ сторонѣ отъ начальства и очень близко съ молодежью. Нельзя не отмѣтить, что это *рѣдкое постоянство* въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Я знаю многихъ офицеровъ, кото-

рые въ маленькихъ чинахъ были прекраснѣйшими товарищами, но по мѣрѣ того, какъ они подвигались въ служебной іерархіи, становились все болѣе и болѣе претенціозными, съ густыми эполетами забывали прежнія, товарищескія отношенія, а съ производствомъ въ генералы окончательно порывали дружескія связи, превращались въ недоступныхъ Олимпійцевъ и, важно протягивая два пальца, жестоко распекали своихъ однокашниковъ. Въ этомъ отношеніи у Сербовъ есть слѣдующая превосходная поговорка: „Если хочешь узнать человѣка — дай ему власть“. У насъ, Русскихъ, таже самая мысль выражена нѣсколько иначе, въ другой формѣ: „власть *портитъ* человѣка“. Но по отношенію къ вамъ, многоуважаемый Александръ Васильевичъ, эта фраза не имѣетъ никакого смысла, потому что у васъ нѣтъ жилки честолюбія, и своей властью вы нисколько не злоупотребляете. Я глубоко убѣжденъ, что если бы васъ сію минуту сдѣлали генералъ-фельдмаршаломъ, вы и тогда остались бы все тѣмъ же Александромъ Васильевичемъ, какимъ знаютъ васъ всѣ здѣсь присутствующіе. Но что̀ всего замѣчательнѣе, всего болѣе заслуживаетъ удивленія—это то, что, не смотря на постоянное и настойчивое требованіе высшаго начальства подтянуть ввѣренную вамъ часть и строже относиться къ подчиненнымъ офицерамъ, не смотря на всѣ непріятности, которыя вы имѣли вслѣдствіе вашей довѣрчивости вы продолжали оставаться прежнимъ, т. е. добрымъ и снисходительнымъ Александромъ Васильевичемъ, который *не желалъ* измѣнить разъ установленныхъ отношеній, въ полной увѣренности, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, очень многіе поймутъ и оцѣнятъ такое товарищеское обхожденіе. И вы не ошиблись! Я смѣло заявляю отъ лица вашихъ подчиненныхъ, что вы завоевали такую искреннюю и горячую любовь, пріобрѣли такое глубокое уваженіе, какое достается на долю очень немногимъ начальникамъ и выражается не обѣдами (кому на святой Руси не давали обѣдовъ!), а тѣми знаками вниманія и душевнаго расположенія, которыя окружаютъ васъ на всякомъ шагу и глубоко запечатлѣлась въ душѣ каждаго изъ насъ...

Признаюсь откровенно, эта выдающаяся черта вашей натуры и характера имѣетъ въ моихъ глазахъ въ высшей степени важное достоинство, заслуживаетъ безграничнаго почтенія именно потому, что если и можно встрѣтить командировъ, которые сумѣли угодить и своему начальству, и подчиненнымъ (хотя это штука очень мудреная), за то, навѣрно, трудно встрѣтить такихъ командировъ, которые любовь своихъ подчиненныхъ *предпочитаютъ* расположенію высшаго начальства...

Резюмируя все мною сказанное, невольно приходишь къ заключенію, что слово *начальникъ* совсѣмъ къ вамъ нейдетъ, что, по отношенію къ вамъ, нужно примѣнить другой эпитетъ. Господа! Я предлагаю тостъ не за полковника Мельникова—командира полка и знаменитаго Севастопольскаго героя—а за добраго, сердечнаго товарища и друга молодежи, за глубоко уважаемаго и гуманнаго *человѣка*, Александра Васильевича Мельникова—ура!!!“...

Растроганный до слезъ Мельниковъ стремительно обнялъ меня, крѣпко облобызалъ и, заявивъ, что ни одна рѣчь не произвела на него такого впечатлѣнія какъ моя, потребовалъ, чтобы я переписалъ ее и далъ ему на память. Я, разумѣется, охотно согласился исполнить это желаніе и на другой же день вручилъ Мельникову копію моей рѣчи, помѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на страницахъ «Кіевлянина» краткую замѣтку о прощальномъ обѣдѣ полковнику Мельникову.

Какія у Мельникова установились отношенія въ 97-мъ полку и какъ ему вообще жилось въ Динабургѣ, я не имѣю никакихъ точныхъ свѣдѣній, но слышалъ отъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, что, встрѣченный съ распростертыми объятіями, Мельниковъ и на новомъ мѣстѣ сумѣлъ пріобрѣсти такую же горячую привязанность своихъ подчиненныхъ, какою онъ пользовался у насъ, въ Кіевѣ, въ 3-й сапёрной бригадѣ.

*

Разставшись съ Мельниковымъ наканунѣ послѣдней Русско-Турецкой войны, мы встрѣтились съ нимъ въ 1876-мъ году, во время историческаго «сидѣнья подъ Кишиневымъ», томительность котораго довела насъ до такого состоянія, что если бы начальство не догадалось давать намъ кратковременные отпуски, то мы, кажется, умерли бы отъ убійственной, одуряющей скуки. Воспользовавшись отпускомъ, я поспѣшилъ въ Кіевъ навѣстить мою семью и совершенно неожиданно встрѣтилъ Мельникова, пріѣхавшаго изъ Динабурга съ тою же цѣлью, т. е. провѣдать свою дорогую Миличку. Нечего и говорить, что мы ужасно обрадовались случайному свиданію и засыпали другъ друга вопросами: Мельниковъ—относительно предстоявшей войны, а я—насчетъ его жизни въ полку, на новомъ мѣстѣ. Не знаю, въ какой степени мои отвѣты удовлетворили Александра Васильевича; но я замѣтилъ, что онъ что-то не договариваетъ, какъ будто разстроенъ, чѣмъ-то угнетенъ и подавленъ. Вообще я нашелъ въ немъ большую и рѣзкую перемѣну: блѣдный, худой, сильно осунувшійся и замѣтно постарѣвшій, Александръ Васильевичъ часто задыхался отъ мучительныхъ приступовъ астмы, которая, очевидно, приняла бо̀льшіе, угрожающіе размѣры и для облегченія отъ которой онъ постоянно сосалъ какую-то маленькую трубочку, яко бы спасавшую отъ этой ужасной болѣзни. Такъ какъ Эмилія Григорьевна жила съ моей женой на одной квартирѣ, то я имѣлъ возможность часто видѣться съ Александромъ Васильевичемъ. Я замѣтилъ, что Мельниковъ сильно задѣтъ и обиженъ тѣмъ, что онъ очутился «*не у дѣлъ*», что ни его полкъ, ни его лично не нашли нужнымъ вызвать на войну, гдѣ его участіе, какъ опытнаго, бывалаго, превосходнаго сапёра, было бы

въ высшей степени полезно, гдѣ онъ могъ бы оказать драгоцѣнныя услуги...

Я особенно утвердился въ этой мысли, когда Мельниковъ, развернувъ на столѣ большую карту Европейской Турціи, сталъ отмѣчать цвѣтными булавками расположеніе войскъ (нашихъ и Турецкихъ) и. вообразивъ себя главнокомандующимъ, съ воодушевленіемъ и горячностью прочелъ мнѣ цѣлую лекцію, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы повести дѣло, чтобы въ возможно-короткій срокъ, съ возможно меньшими потерями, заставить Турокъ положить оружіе. Со времени этого, такъ сказать, кабинетнаго разгрома Турокъ прошло слишкомъ 25 лѣтъ, и я, разумѣется, не сохранилъ въ памяти всѣхъ подробностей нашей бесѣды, но помню отлично, что Мельниковъ, зная характеръ Турецкаго войска, настойчиво рекомендовалъ именно тотъ способъ веденія войны, который былъ примѣненъ нами *послѣ* неудачныхъ атакъ Плевны и громадныхъ съ нашей стороны потерь.

— Пока Турокъ сидитъ за своимъ землянымъ укрѣпленіемъ, онъ силенъ и неприступенъ какъ скала, его атаками не выбьешь; нужно наступать медленно, тихой сапой, окружать тѣснымъ кольцомъ и безпрерывно жарить выстрѣлами, не давать покоя ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Но какъ только онъ выползетъ изъ своей норы на открытое мѣсто, тутъ и бросайся на него стремительно, не давай опомниться, потому что Турки страшно боятся Русскаго штыка и положительно не выносятъ нашего богатырскаго ура!..

Бесѣдуя съ Мельниковымъ о войнѣ и раздѣлывая Турокъ на всѣ корки, мы, для развлеченія скучающаго старика, не забывали и другого, карточнаго поля, которое Мельниковъ любилъ не менѣе, чѣмъ военное. Каждый вечеръ мы усаживались за зеленый столикъ, играли въ преферансъ или ералашъ, играли старыми картами, по очень маленькому кушу; но это не мѣшало добрѣйшему Александру Васильевичу такъ волноваться и кипятиться, какъ будто дѣло шло о крупномъ проигрышѣ.

— Да что вы, Александръ Карловичъ, ослѣпли! Я все время настойчиво показываю вамъ бубны, а вы ходите съ нихъ. Развѣ можно играть такой разиней? Въ карты играть не лапти плести—этакъ мы можемъ проиграть роберъ. Я спокойно смотрю на раскраснѣвшагося Мельникова и уничтожаю его слѣдующимъ отвѣтомъ: «Нельзя ходить съ той масти, которой *нѣтъ*». Мельниковъ отваливается на спинку кресла, и я вижу по его глазамъ, что онъ смущенъ и сконфуженъ.

Такъ проводилъ я время своего десятидневнаго отпуска и не замѣтилъ, какъ наступилъ тяжелый, мучительный часъ разлуки. Съ гнету-

щей, давящей тоской и кипящими въ груди рыданіями простился я съ дорогими и близкими моему сердцу людьми, горячо облобызался съ Мельниковымъ и отправился въ противную Молдованскую деревушку, никакъ не думая и не предчувствуя, что это моя *послѣдняя* встрѣча съ Александромъ Васильевичемъ, что я никогда больше не увижу этого чуднаго человѣка.

*

Пока мы воевали съ Турками, Мельниковъ мирно командовалъ своимъ полкомъ и прекрасно сознавалъ, что онъ окончательно забытъ, сданъ въ архивъ, что ни на какое повышеніе по службѣ онъ разсчитывать не можетъ, что его пѣсенка спѣта. Придя къ такому убѣжденію, Мельниковъ подалъ въ отставку, немедленно получилъ ее вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ, и, пріѣхавъ въ Кіевъ, поселился въ своемъ маленькомъ домикѣ, разсчитывая тихо, спокойно, безъ заботъ и треволненій, прожить оставшіеся въ его распоряженіи годы. Но судьбѣ не угодно было доставить ему это удовольствіе. Смерть приближалась довольно быстрыми шагами. Во время войны я прочелъ объ отставкѣ Мельникова, а на другой годъ узналъ объ его внезапной и неожиданной кончинѣ. Еще наканунѣ своей смерти, въ ночь на 1-е Ноября, Мельниковъ вмѣстѣ съ Ящинскимъ отправились на вокзалъ встрѣчать Эмилію Григорьевну. Оттуда они поѣхали къ Александру Васильевичу, на Жилянскую улицу, гдѣ вмѣстѣ пили чай, ужинали, весело и оживленно бесѣдовали; затѣмъ Мельниковъ проводилъ дорогихъ гостей домой, простился и, возвратясь къ себѣ на квартиру, легъ спать. Но ему не спалось: сильные приступы удушья (астмы) не давали ему покоя. Въ 2 часа ночи онъ почувствовалъ себя очень плохо, сильно перепугался и, позвавъ дворника, приказалъ какъ можно скорѣе дать знать Эмиліи Григорьевнѣ о его болѣзни и привезти жену. Но Александру Васильевичу не удалось дождаться: пока происходила долгая процедура вызова прислуги, буженья, одѣванья и сборовъ, Мельниковъ успѣлъ потерять сознаніе и задохнулся. Пріѣхавшая Эмилія Григорьевна застала лежавшій на полу, окоченѣвшій трупъ своего мужа.

Такъ печально, не совсѣмъ обычнымъ способомъ и уже совсѣмъ не по-христіански умеръ знаменитый Севастопольскій герой, который, не смотря на всѣ свои недостатки и странности, рѣзко выдѣлялся среди нашей обширной военной семьи, выдѣлялся не только своими подвигами и боевыми заслугами, но и чисто-личными качествами и достоинствами, которыя невольно располагали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ случай приходить въ близкое соприкосновеніе съ этимъ въ высшей степени добрымъ и симпатичнымъ человѣкомъ.

*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже будучи въ отставкѣ, я, по совѣту врачей, отправился лѣчиться на южный берегъ Крыма и, по дорогѣ, остановился въ Севастополѣ, чтобы осмотрѣть всѣ достопримѣчательности нашей Русской славы. Долженъ откровенно сознаться, что посѣщеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ чуть не каждая пядь земли обагрена кровью нашихъ чудо-богатырей, своимъ жалкимъ видомъ, произвело на меня невыразимо тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите хотя бы, напримѣръ, пресловутый «Севастопольскій Музей». Въ этомъ, носящемъ такое громкое названіе, красивомъ зданіи прежде всего бросаются въ глаза многочисленные, разнаго формата и вида, портреты участниковъ Севастопольской обороны и гипсовые бюсты, сдѣланные, кстати сказать, очень грубо, аляповато и, если судить по бюсту Мельникова, безъ всякаго сходства.

За исключеніемъ этихъ фотографическихъ карточекъ, чертежей, моделей, плановъ, обломковъ оружія, заржавленныхъ снарядовъ и кое-какихъ другихъ мелочей, въ Музеѣ нѣтъ ничего интереснаго достопримѣчательнаго и заслуживающаго вниманія. Нѣсколько внушительнѣе показалась мнѣ, такъ-называемая «Братская Могила», на сѣверной сторонѣ Севастополя, но опять таки только до тѣхъ поръ, пока я не посѣтилъ и не увидѣлъ утопающее въ зелени и цвѣтахъ, поражающее своей чистотой и образцовымъ порядкомъ *Французское* кладбище, въ сравненіи съ которымъ усыпальница нашихъ героевъ представляется чѣмъ-то мизернымъ. Вообще нужно сказать, что полуразрушенныя Севастопольскія укрѣпленія, невольно вызывая въ памяти безотрадную картину безпримѣрной обороны, служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ нашей отсталости, возмутительнаго пренебреженія къ памятникамъ старины и полнѣйшаго непониманія *что* нужно собирать и *какъ* хранить собранное...

Наиболѣе пріятное впечатлѣніе я вынесъ изъ посѣщенія знаменитаго Малахова кургана, не потому чтобы нашелъ тамъ что-нибудь, а потому что, въ лицѣ сторожа, совершенно случайно и неожиданно, встрѣтилъ служившаго въ Селенгинскомъ пѣхотномъ полку живого свидѣтеля и участника Севастопольской войны. Этотъ старый, весь увѣшанный орденами заслуженный инвалидъ охотно отвѣчалъ на вопросы и, подведя меня, между прочимъ, къ 4-му бастіону, указывая входъ въ пещеру, откуда были начаты подземныя, минныя работы подъ Французскій лагерь, замѣтилъ: «Сказываютъ, что будто все это сдѣлалъ Тотлебенъ—неправда! Хитрый Нѣмецъ только принялъ на себя почетъ и славу, а на самомъ дѣлѣ все это произвелъ оберкротъ Мельниковъ, который все время жилъ подъ землей, всѣмъ распоряжался, взорвалъ

на воздухъ непріятельскій лагерь и за это геройство получилъ изъ рукъ Государя Императора Егорьевскій крестъ».

Съ восторгомъ и наслажденіемъ я услышалъ изъ устъ живого свидѣтеля подтвержденіе, того, чтó говорилъ мнѣ покойный Мельниковъ и невольно подумалъ: «*Вотъ онъ истинный судья минувшаго! Вотъ правдивый и нелицепріятный приговоръ исторіи!*».

— Такъ вы, стало быть, знали капитана Мельникова? спросилъ я словоохотливаго старика. Какъ же мнѣ, сударь, не знать Мельникова (я былъ одѣтъ въ штатское платье), когда я цѣльныхъ три мѣсяца работалъ въ этихъ самыхъ минахъ, пока окончательно не захворалъ и чуть не померъ. Бывало это, копаешь не такъ какъ слѣдуетъ (извѣстно, мы анженерному дѣлу не обучены), ну онъ сейчасъ начинаетъ выговаривать: «Какъ же ты это, братецъ мой, работаешь? Вѣдь я тебѣ показывалъ какъ и что, а ты все напуталъ»; ну и начнетъ распекать, будто сердится, а на самомъ дѣлѣ мы преотлично знаемъ и по глазамъ примѣчаемъ, что онъ даже ни чуточку не сердится, а только такъ, для видимости напущаетъ на себя строгость, чтобы значитъ мы его боялись, а мы, тоись, ни во сколько его не боялись, потому предобрѣющій командиръ. Ну, извѣстное дѣло, возьметъ тебя конфузъ. Виноватъ, вашескородіе, скажешь, маненечко оплошалъ, запамятовалъ». И какъ только повинишься, сейчасъ это Мельниковъ смягчится, возметъ въ руки струментъ и начнетъ показывать какъ нужно работать, и все приговариваетъ: «Видишь, братецъ, какъ нужно? Понимаешь, голубчикъ? Вотъ вотъ! «Ну и командиръ! Я такого отродясь не видывалъ: одно слово, отецъ родной, а не начальникъ»... Этотъ искренній, добродушный тонъ почтеннаго инвалида, не подозрѣвавшаго, что съ нимъ говоритъ человѣкъ, близко и хорошо знающій Мельникова, этотъ удивительно мѣтко и правдиво рисущій моего героя характерный эпизодъ, привелъ меня въ такое настроеніе духа, что я готовъ былъ броситься на шею милѣйшему Селенгинцу и разцѣловать его. Но сообразивъ, что мои поцѣлуи не имѣютъ для него никакого значенія, я далъ старику на чай и сказалъ, чтобы онъ помолился за упокой души того, о комъ онъ вспоминалъ сію минуту съ такой сердечностью. Заслуженый Николаевскій вояка, услыша о смерти своего горячо любимаго начальника, пожелалъ узнать, при какихъ обстоятельствахъ Мельниковъ скончался, и когда я удовлетворилъ его любопытство, я замѣтилъ по лицу старика, что онъ сильно смущенъ и озадаченъ такой грѣховной кончиной, безъ покаянія, молитвеннаго напутствія священника и причастія... Простившись съ дорогимъ собесѣдникомъ, я пошелъ по направленію къ Севастопольскому бульвару и видѣлъ, какъ мой Севастопольскій инвалидъ, снявъ фуражку,

долго стоялъ въ глубокомъ раздумьи и, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, что-то шепталъ своими старческими губами: по всей вѣроятности молился за упокой души раба Божія Александра...

Далеко не такое отношеніе къ моему герою я встрѣтилъ въ благословенномъ градѣ Кіевѣ, гдѣ у Мельникова было много родныхъ, друзей и знакомыхъ, гдѣ прошла большая часть его службы, гдѣ, наконецъ, онъ нашелъ вѣчный, могильный покой... Такъ какъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, я не засталъ Эмилію Григорьевну (она тоже успѣла послѣдовать за своимъ мужемъ въ другой, лучшій міръ), то я обратился къ подполковнику Ящинскому съ просьбой сообщить мнѣ обо всемъ, что касается пребыванія Мельникова въ Кіевѣ, послѣднихъ дняхъ его жизни, смерти, похоронъ, а главное указать, гдѣ и у кого находится тотъ Севастопольскій дневникъ, въ который Мельниковъ записывалъ все, касавшееся минной войны, дневникъ, которому покойникъ предавалъ особенно серьезное значеніе, какъ важному историческому документу, долженствующему обнаружить всѣ махинаціи.

Ящинскій съ большой небрежностью и весьма неохотно отвѣчалъ, что относительно смерти и погребенія Мельникова онъ ничего не можетъ сообщить и прибавить къ тому, что мнѣ уже извѣстно; чтоже касается миннаго дневника, то ничего подобнаго послѣ смерти Мельникова не оказалось, и существовалъ-ли таковой въ дѣйствительности, онъ сильно сомнѣвается. За то нашелся другой, обыкновенный дневникъ, въ которомъ покойный Александръ Васильевичъ аккуратно заносилъ всѣ мелочи своей будничной жизни... когда онъ исполнялъ разныя другія потребности и свои супружескія обязанности, при чемъ послѣднія, по увѣренію Ящинскаго, будто бы размазаны съ особеннымъ цинизмомъ, сальностью и смакованіемъ. Въ заключеніе Ящинскій добавилъ, что этотъ дневникъ, по совѣту родныхъ, былъ приговоренъ къ сожженію и уничтоженъ.

Да проститъ мнѣ почтенный сослуживецъ, но я имѣю полное основаніе не довѣрять его словамъ уже по одному тому, что покойный Мельниковъ *много* разъ упоминалъ о Севастопольскомъ дневникѣ, и Ящинскій *не могъ* этого не знать и не слышать. По всей вѣроятности онъ просто *утерянъ*, и тѣ, на обязанности которыхъ лежало его храненіе, не хотятъ сознаться въ своей непростительной небрежности... Не добившись отъ Ящинскаго желаемыхъ свѣдѣній и не узнавъ отъ него ничего новаго, я направилъ свои поиски въ другую сторону: въ городскую публичную библіотеку, разсчитывая, что въ старинной газетѣ юго-западнаго края «Кіевлянинѣ» я навѣрное найду хоть кое-какія свѣдѣнія

о моемъ героѣ. И чтоже? Внимательно пересмотрѣвъ «Кіевлянинъ» за Ноябрь мѣсяцъ 1879-го года, я не только не нашелъ того, чего искалъ и добивался, но даже не встрѣтилъ *имени Мельникава*: знаменитый Севастопольскій герой былъ забытъ самымъ основательнымъ образомъ. Ни среди обывателей Кіева, ни въ средѣ военныхъ, ни въ редакціи «Кіевлянина» не нашлось ни одного человѣка, который бы, заинтересовавшись Мельниковымъ, написалъ о немъ краткій некрологъ... Перелистывая газету г-на Пихно, я прочелъ и о собакофилахъ и о лошадинофилахъ, и о червонныхъ валетахъ, и о какой-то знаменитой цирковой наѣздницѣ, но о похоронахъ Мельникова *ни одного слова*, какъ будто сошелъ со сцены не выдающійся герой и общественный дѣятель, а самый заурядный человѣкъ улицы, какихъ мы ежедневно встрѣчаемъ на каждомъ шагу цѣлыми дюжинами и сотнями... Настоятельно преслѣдуя свою цѣль, я отправился къ нѣкоторымъ родственникамъ Мельникова, со стороны жены, съ просьбой сообщить мнѣ относительно злополучнаго Севастопольскаго дневника, которымъ покойникъ такъ дорожилъ, на который разсчитывалъ, возлагалъ всѣ свои надежды и упованія... Къ сожалѣнію и родственники Эмиліи Григорьевны не могли или не пожелали подѣлиться со мной тѣми свѣдѣніями, которыхъ я добивался, а только полюбопытствовали узнать, почему это такъ меня интересуетъ и для какой надобности я собираю всѣ эти свѣдѣнія? Я отвѣчалъ, что хочу написать и напечатать въ журналѣ краткую біографію моего бывшаго начальника. Отъ родственниковъ я ничего не добился кромѣ протяжнаго «Ааа!»; но, при этомъ они смотрѣли на меня съ такой снисходительной иroніей, какъ будто хотѣли сказать: «И охота же вамъ заниматься такими пустяками! Положимъ, что покойный Мельниковъ былъ несомнѣнно хорошій, добрый человѣкъ, даже, если хотите, знаменитый и, въ своемъ родѣ, замѣчательный; но мало ли у насъ на святой Руси *хорошихъ* людей? Вѣдь если о *всякомъ* порядочномъ человѣкѣ писать біографію, не хватитъ ни времени, ни чернилъ, ни бумаги». Такъ разсуждали многіе изъ тѣхъ благополучныхъ Россіянъ, къ которымъ я обращался за справками относительно Мельникова, очевидно считая моего героя *всякимъ*, а себя *заменитостью*.

Не знаю, удалось ли бы мнѣ добыть свѣдѣнія о похоронахъ Мельникова, если бы я, совершенно случайно, не встрѣтилъ на Крещатикѣ одного изъ моихъ давнишнихъ сослуживцевъ, который, въ качествѣ человѣка, лично участвовавшаго въ погребальной процессіи, сообщилъ мнѣ, что похороны были очень торжественны: гробъ сопровождали высшія военныя власти, духовенство, много праздной, любопытствующей публики и, разумѣется, войска, въ числѣ которыхъ было два орудія

мѣстной артиллерійской бригады и 5-й понтонный баталіонъ, въ полномъ составѣ, со знаменемъ и хоромъ музыки, словомъ все, какъ требуется и полагается по уставу для погребенія генераловъ и отданія воинской чести Георгіевскимъ кавалерамъ. Мнѣ было пріятно узнать и услышать, что если Мельниковъ служилъ *«не такъ какъ надо»*, за то былъ похороненъ *какъ слѣдуетъ*: музыка играла, штандартъ скакалъ, то бишь! развѣвался, колокола гудѣли, ружья и пушки стрѣляли—удивительно трогательная и умилительная картина! Одно только жаль и досадно, что всѣ эти публичныя почести и знаки вниманія достались Мельникову не при его жизни, а послѣ его смерти, т. е. тогда, когда онъ въ нихъ нисколько не нуждался, когда онѣ не имѣли для него ни малѣйшаго значенія и также были ему необходимы какъ безрукому перчатки или слѣпому очки. Злой рокъ, какъ видитъ читатель, и въ гробу не пощадилъ моего героя: смерть сыграла съ нимъ «печальную шутку»...

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о посѣщеніи могилы Мельникова, точное мѣсторасположеніе которой (характерная особенность) мнѣ не могли объяснить родные и знакомые Мельникова, а только посовѣтовали поискать на старомъ Байковомъ кладбищѣ: «Тамъ спросите у сторожа, онъ *долженъ* знать». И вотъ въ одно прекрасное лѣтнее утро я отправился на такъ-называемую «Байкову гору», чтобы разыскать и поклониться дорогой могилѣ. Не найдя сторожа (онъ куда-то ушелъ) я довольно долго бродилъ по дорожкамъ кладбища, пока, наконецъ, не увидѣлъ шедшаго мнѣ навстрѣчу церковнаго причетника, который, судя по облаченію и дымившемуся въ рукахъ кадилу, возвращался съ панихиды. Впереди шелъ сѣдой, почтенной наружности батюшка, къ которому я и обратился съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ и не можетъ ли мнѣ указать, въ какомъ мѣстѣ кладбища похороненъ Мельниковъ.—Генералъ Мельниковъ? Севастопольскій герой? Какъ же, какъ же, знаю очень хорошо! Его могила недалеко отъ моего домика, гдѣ я живу. Мы идемъ по тому направленію. Пожалуйте съ нами, я покажу ее вамъ съ большимъ удовольствіемъ.

Мы пошли рядомъ, сдѣлали нѣсколько поворотовъ, и когда обогнули церковный домикъ, священникъ указалъ мнѣ рукой на виднѣющуюся въ нѣсколькихъ шагахъ колонну съ крестомъ. Вотъ могила Мельникова, въ лѣвомъ углу, возлѣ сарая и забора. Я поблагодарилъ батюшку за его любезность, раскланялся и хотѣлъ поскорѣе уйти, но онъ остановилъ меня вопросомъ:—Извините, пожалуйста, что я на минуту задержу васъ. Позвольте полюбопытствовать: вы не родственникъ Мельникова? —Нѣтъ, не родственникъ; а что?—Я потому позволилъ себѣ предложить вамъ этотъ вопросъ, что самъ принималъ участіе въ похоронахъ Мель-

никова, отлично ихъ помню и живу здѣсь на кладбищѣ болѣе 20 лѣтъ, но въ теченіе этого долгаго времени, не помню, чтобы кто-нибудь пригласилъ меня отслужить панихиду на этой могилѣ, и не видѣлъ, чтобы кто-нибудь ее навѣщалъ. А между тѣмъ я слышалъ, что у Мельникова есть родная дочь, которая живетъ въ доставшемся ей, послѣ смерти отца, собственномъ домѣ; кромѣ того остались другіе близкіе родственники, друзья и знакомые; наконецъ, немало сослуживцевъ по оружію. Почему же никто изъ нихъ не навѣститъ покойника и не помолится за упокой его души?

Чтó я могъ отвѣчать на этотъ, какъ нельзя болѣе естественный вопросъ, когда онъ для меня самого представляетъ мудреную шараду? Я съ недоумѣніемъ пожалъ плечами, раскланялся съ почтеннымъ священникомъ и поспѣшилъ къ указанной мнѣ дорогой могилѣ. Я увидѣлъ передъ собой небольшой, самаго шаблоннаго рисунка, дешовый памятникъ съ традиціонной подставкой, шаромъ и позолоченнымъ наверху крестомъ; могила окружена чугунной рѣшеткой, а на лицевой сторонѣ колонны красуется слѣдующая надпись: «Генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Мельниковъ. Скончался 1-го Ноября 1879-го года на 61-мъ году отъ рожденія. Да воздастъ Господь по дѣломъ его!»

Внутри запыленной ограды и кругомъ, возлѣ нея, я увидѣлъ столько паутины, мелкихъ стружекъ и всевозможныхъ отбросовъ, что безъ всякаго указанія священника нетрудно было догадаться, что ни одна человѣческая нога не переступала порога этой засоренной, запущенной могилы. Никакими словами нельзя передать того скорбнаго, щемящаго чувства, которое я испыталъ при видѣ *забытой могилы* Мельникова!..

А въ это время, на кладбищѣ, среди покойниковъ, кипѣла дѣятельная жизнь всевозможныхъ насѣкомыхъ, бабочекъ и мелкихъ пташекъ, которыя, перелетая съ вѣтки на вѣтку, наполняли воздухъ такимъ щебетаньемъ, такимъ своеобразнымъ концертомъ, какого нельзя услышать ни на одной театральной эстрадѣ. И надо всѣмъ этимъ мертвымъ царствомъ, точно стеклянный куполъ, разстилалось прозрачное, яркоголубое небо, по которому медленно ползли перистыя облака, слегка окрашенныя въ бирюзовый цвѣтъ. Равнодушная природа сіяла своей вѣчной неподражаемой красотой... Подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ этой окружающей меня обстановки, я весь ушелъ въ прошлое, отдаваясь своимъ грустнымъ, безотраднымъ мыслямъ. Передо мной, точно въ калейдоскопѣ, длинной вереницей тянулись картины, сцены и эпизоды, въ которыхъ фигурировалъ покойный Мельниковъ или отдѣльно или вмѣстѣ со мной. Мнѣ вспомнились наши встрѣчи, бесѣды и частые споры о

религіи, и все это представилось такъ живо, осязательно, какъ будто все это происходило не двадцать лѣтъ тому назадъ, а недавно, вчера...

Вотъ, думалъ я, человѣкъ жилъ, мыслилъ, волновался, чего-то ждалъ, на что-то разсчитывалъ и надѣялся, къ чему-то жадно стремился, добивался какой-то цѣли, упорно и настойчиво искалъ отвѣта на проклятые и неразрѣшимые вопросы о Богѣ, вѣчности, смыслѣ нашего существованія, загробной жизни, и въ концѣ-концовъ, къ чему все это привело? Ради чего онъ мучился и волновался? Что̀ отъ него̀ осталось? Груда мусора, которая, неизвѣстно для какой надобности и цѣли, обнесена рѣшеткой и отмѣчена памятникомъ, отъ котораго въ скоромъ времени и слѣда не останется... И если таковъ финалъ человѣка несомнѣнно заслуженнаго и выдающагося, то что же останется послѣ смерти нашего брата человѣка зауряднаго, рѣшительно ничѣмъ незамѣчательнаго? Я думаю, что на нашей могилѣ даже Базаровскій лопухъ не выростетъ... Единственное утѣшеніе (если только въ данномъ случаѣ можетъ быть какое-либо утѣшеніе) это сознаніе и твердая увѣренность, что *исчезновеніе съ лица земли—печальный удѣлъ всякаго существованія*: «tout passe, tout casse». Красота, богатство, почести, слава, величайшій санъ, всеобъемлющій геній, все пройдетъ, разсыплется прахомъ, улетучится какъ дымъ... Суровая безжалостная смерть съ неумолимой жестокостью ежесекундно коситъ свою обильную жатву, никого не минуя и не различая, никого не щадя. Ни одинъ человѣкъ не избѣжитъ ея страшныхъ объятій, «мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды», каждаго изъ насъ ждетъ впереди холодная, мрачная могила...

„Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей“...

г. Кіевъ, 1904-го года.

А. Детенгофъ.

ПИСЬМО Д. В. ДАШКОВА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Пбургъ. 8-е Апрѣля 1824.

Извините, любезнѣйшій князь, неисправность мою въ перепискѣ: это, вы знаете, мой родимый грѣхъ; но за то и дружба моя къ вамъ родимая. Въ нашемъ вѣкѣ это чего нибудь стоитъ. Я хотѣлъ отвѣчать на ваше послѣднее письмо съ полнымъ рапортомъ объ исполненіи вашего порученія. Ваша статья въ отвѣтъ Ѳаддею Булгарину вырвана изъ когтей Тургенева, мною переправлена (въ чемъ винюсь передъ Богомъ и вами) съ совѣта общихъ пріятелей отдана Гречу и уже напечатана въ № 14-мъ С. О.[1]) На все это нужно было время, но по крайней мѣрѣ все было въ порядкѣ. Вотъ бѣда: къ моимъ поправкамъ (худымъ или хорошимъ, прошу не сердиться) пасынокъ отечества вздумалъ прибавить свои, а чьи подлинно, Греча ли, Булгарина или Торквемады-Красовскаго[2]), право не знаю. Напримѣръ: на 1-й стр. у васъ было *ни причины, ни послѣдствія, ни самыя лица*; я поставилъ *ни самые рыцари*; а въ печатномъ разсудили за благо это выкинуть на̀-чисто. Тамъ же: ‹Авторы, представители мнѣній различныхъ, но равно *достойныхъ* вниманія общества›; а напечатано *равно достойные*. Вы видите, что для сихъ господъ смыслъ, дѣло не важное; и къ чему онъ! Вотъ каковъ Гречъ; но который же изъ нашихъ журналистовъ его лучше? Не классикъ Каченовскій, конечно, скрывшій, какъ нельзя лучше свое имя въ брани на васъ подъ личиною панегириста Дмитріева и Карамзина? Не Воейковъ же, который всенародно прицѣпилъ меня, Блудова и Николая Тургенева къ позорному столбу въ своемъ Инвалидѣ, думая намъ угодить своими похвалами? Ме спасла насъ и блаженная наша неизвѣстность.

---

[1]) Т. е. „Сына Отечества“. Это была статья: „Нѣсколько вынужденныхъ словъ“, нынѣ вошедшая въ I-й томъ сочиненій князя Вяземскаго. Она служила отвѣтомъ Булгарину, напечатавшему во 2-мъ номерѣ „Литературныхъ Листковъ“ разборъ статьи князя Вяземскаго о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева. П. Б.

[2]) Тогдашняго цензора. П. Б.

Я, кажется, читалъ вамъ надпись изъ Антологіи, Къ зайцу, сожранному морскою собакою:

Псомъ я исторгнутъ изъ челюсти пса. На сушѣ и въ морѣ
Нѣтъ спасенья: враги намъ, знаю, смертью грозятъ.
Гдѣ укрываться отъ нихъ? Ужели въ горнемъ ѳеирѣ?
Ахъ!.. и на твердѣ небесъ встрѣтимъ мы звѣзднаго пса!

Гдѣ и намъ укрыться отъ голодныхъ журналистовъ? Ахъ зачѣмъ у насъ нѣтъ хорошаго журнала! Съ радостью поднялъ бы я самъ на себя руки и прославилъ бы глубокое знаніе астронома Воейкова, который для надлежащаго разбора исторіи Карамзина отыскалъ новое созвѣздіе, новую плеяду (или лучше сказать тріаду) безвѣстныхъ писателей. Ему осталось только издать въ свѣтъ наши *Litterae virorum obscurorum*. Статья была бы прекрасная для журнала. Мы трое утѣшаемся только тѣмъ, что не однимъ намъ досталось: досталось и Государю, и Польскому сейму, и Карамзину; всѣмъ умѣлъ покадить Русскій Инвалидъ, и съ одинаковымъ искусствомъ; Жуковскій въ авангардѣ, Батюшковъ замыкаетъ. Прочитайте, любезнѣйшій другъ, эту статью; право, стоитъ!

Въ его піесѣ есть Угаровъ,
Есть и Баронъ,
Есть и Жуковскій, и Уваровъ,
Есть и самъ онъ.

Но полно о нашихъ глупостяхъ, а не то выйдетъ цѣлый толстый патерикъ. Можно бы поправки Греча переправить въ ерратѣ; только стыдно, кажется, марать руки, Богъ съ нимъ: лучше заняться Каченовскимъ, а еще лучше оставить ихъ всѣхъ доживать спокойно на ихъ навозѣ.

Будьте здоровы и пишите почаще.

Братски поздравляю васъ съ праздникомъ, у княгини цѣлую ручку. Когда-то увидимся? Блудовъ собирается скоро въ Москву, а мнѣ право нельзя, хоть и не знаю, зачѣмъ живу здѣсь. Карамзиныхъ давно не видалъ, потому что былъ боленъ весь постъ простудою и флюсомъ. Слышу, что два послѣдніе тома Исторіи*) худо продаются. Простите.

---

*) Т. е. X и XI-й; а они—лучшіе изо всего, что написалъ Карамзинъ. П. Б.

ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА КЪ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВУ [1]).

Любезнѣйшій другъ Константинъ Петровичъ! Только что собирался къ тебѣ писать, когда получилъ твое письмо. Благодарю за скорый отвѣтъ и буду ожидать свѣдѣній о провозныхъ цѣнахъ до Черногоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу тебя увѣдомить, что если я не написалъ насчетъ твоей брошюры, то только по непростительной забывчивости. Смѣло присылай ее, сколько угодно экземпляровъ: это нисколько не обременитъ нашего Общества и входитъ въ кругъ его обязанностей.

А собирался я писать къ тебѣ вотъ о чемъ. Вдова А. Н. Попова, Марья Петровна Попова, прежде чѣмъ опечатали его библіотеку, собрала всѣ его рукописи и бумаги, набила ими два сундука и препроводила ихъ въ Москву, съ тѣмъ, чтобъ передать ихъ въ мое распоряженіе, съ правомъ, если найдутся неизданныя сочиненія, напечатать ихъ въ пользу Черногорцевъ [2]). Нечего и говорить, что такая мѣра не совсѣмъ законна и могла бы ей надѣлать немало хлопотъ съ наслѣдниками [3]). Но понятно и побужденіе ея укрыться отъ Семевскихъ и тому подобныхъ алчныхъ врановъ, уже обступившихъ ее при одрѣ мужа, и распознаться въ бумагахъ вдали, надосугѣ. Вотъ я и осмотрѣлъ эти два сундука, очистилъ ихъ отъ писемъ личнаго, интимнаго характера, отъ письменныхъ упражненій юности, а все остальное посовѣтовалъ ей везти обратно въ Петербургѣ и сдать, при офиціальномъ письмѣ, въ Историческое Общество для подробнаго разбора, составленія описи и дальнѣйшихъ распоряженій, предварительно же рекомендовалъ ей столковаться съ тобой и В. И. Ламанскимъ.

Дѣло въ томъ, что все это собраніе драгоцѣннаго матеріала, изъ котораго немалая часть въ подлинникахъ, а не въ спискахъ, и вѣроятно взята изъ разныхъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ (какихъ, мнѣ неизвѣстно), такъ что подлежитъ возвращенію. Откуда же бумаги, можно узнать только въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ хранить ихъ подобаетъ въ публичномъ мѣстѣ, а не въ Славянскомъ Обществѣ. Напримѣръ: *подлинное, собственноручное мнѣніе Державина о преимуществахъ Сената, подлинныя Записки Сестренцевича* [4]), *подлинная переписка* Черторыскаго съ Новосильцевымъ, отрывки *изъ подлиннаго дѣла о Стенькѣ Разинѣ XVII в.,* разныя грамоты, *подлинныя бумаги* изъ

---

[1]) Писано во время послѣдней войны съ Турціею, когда И. С. Аксаковъ, будучи предсѣдателемъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, проявилъ широкую политическую дѣятельность. Брошюра К. П. Бобѣдоносцева есть вѣроятно переводъ превосходной статьи Гладстона о Черногоріи. П. Б.

[2]) А. Н. Поповъ—авторъ книги „Путешествіе въ Черногорію“. П. Б.

[3]) Дѣтей у супруговъ Поповыхъ не было. Марья Петровна (ур. Мосолова), овдовѣвъ, вышла замужъ за г-на Соломку, у котораго, говорятъ, въ Кіевѣ до сихъ поръ хранятся нѣкоторыя бумаги А. Н. Попова. П. Б.

[4]) Не всѣ: бо̀льшая часть этихъ Записокъ сгорѣла въ архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. П. Б.

архива барона Ливена съ письмами Нессельрода, и проч., бумаги Трощинскаго, и пр. и пр. Затѣмъ множество списковъ, частью его руки, частью чужою рукою, драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи не только войны 1812 года, но и всей нашей внѣшней политики съ начала царствованія Александра I, а такъ же для исторіи католицизма въ Россіи. Всего здѣсь перечислить нельзя. Все что̀ касается 12—14 годовъ и дипломатической переписки этой эпохи сложено въ особый сундукъ. Надлежитъ справиться, нѣтъ ли мѣстъ опущенныхъ въ томъ, что̀ уже напечатано и много ли осталось ненапечатаннаго изъ исторіи 1813 года, появившейся въ послѣднее время въ «Сборникѣ Историческаго Общества». Все это драгоцѣнно и все это хорошо къ мѣсту и къ рукамъ. Очень можетъ быть, что многое уже опубликовано, но все это знаютъ только спеціалисты такого дѣла.

Здѣсь передать въ Общество Исторіи было бы не полезно, какъ потому что многія рукописи подлежатъ возвращенію, такъ и потому что у него мало средствъ для изданія, а изъ спеціалистовъ по современной исторіи — только одинъ Бартеневъ, который захочетъ непремѣнно зажилить *) все для Архива. С. М. Соловьевъ не станетъ заниматься подробною разборкою. Мнѣ кажется, я далъ ей самый благоразумный совѣтъ. Пусть Ист. Общество нарядитъ Комиссію, которая составитъ опись, чужую собственность возвратитъ по принадлежности, рѣдкости отдастъ въ музей; а все, что̀ можетъ быть обнародовано, пусть издаетъ.

Есть два юридическія сочиненія, изъ которыхъ одно принадлежитъ самому Попову, а чье другое, мнѣ неизвѣстно. Первое—это исторія наслѣдства въ Россіи; второе—исторія уголовнаго судопроизводства. Здѣсь ты уже вполнѣ компетентный судья. Можетъ быть, II отдѣленіе, по порученію котораго А. Н. Поповъ предпринялъ этотъ трудъ (т. е. исторію наслѣдства) согласится издать его.

Письмо это доставитъ тебѣ сама М. П. Попова. Она желаетъ оставаться въ Петербургѣ какъ можно меньше и ищетъ лишь пристроить бумаги. При офиціальной передачѣ Историческому Обществу меньше риска, что вступятся наслѣдники. Многое относится до II отдѣленія; однимъ словомъ, помоги Поповой и словомъ, и дѣломъ.

Обнимаю тебя.

Иванъ Аксаковъ.

29 Ноября 1877. Москва.

---

*) Не зажилить, а пріобрѣсти. И. С. Аксаковъ не зналъ, что покойный А. Н. Поповъ получалъ за статьи свои въ „Русскомъ Архивѣ“ весьма щедрое вознагражденіе. Невозможно было не любить И. С. Аксакова и въ общемъ не сочувствовать его дѣятельности. Я былъ въ числѣ семи человѣкъ, основавшихъ Славянское Благотворительное Общество, и у меня хранится дозволеніе образовать его, подписанное тогдашнимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа Н. В. Исаковымъ. Я твердилъ о необходимости ближе узнать Славянъ и дать имъ возможность узнать насъ. Для сего перевелъ я исторію Сербіи Леопольда Ранке, а К. Н. Жинзифову заказалъ Болгаро-Русскій словарь; но я считалъ для себя невозможнымъ участвовать въ политическихъ сношеніяхъ Ивана Сергѣевича, находя ихъ односторонними: не одни Болгары, а всѣ Турецкіе христіане должны пользоваться Русскимъ дѣятельнымъ сочувствіемъ, согласно завѣтамъ Екатерины и Потемкина. Отсюда временное ко мнѣ охлажденіе И. С. Аксакова. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА.

Ярославскій архіепископъ Леонидъ (въ мірскомъ чину Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ) родился 16 Февраля 1817 г., скончался 15 Декабря 1876 г. Онъ былъ происхожденія полудуховнаго: его дѣдъ, если не ошибаемся, служилъ протоіереемъ въ знаменитомъ Михайловскомъ за́мкѣ, отецъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ, а мать изъ дворянскаго рода, кажется, Ломовыхъ. Можетъ быть, отъ этого не было въ преосвященномъ Леонидѣ той обособленности, которая составляетъ и силу, и невзгоду нашего духовенства. Изъ прапорщиковъ-инженеровъ Леонидъ поступилъ въ студенты Московской Духовной Академіи, въ пору ея процвѣтанія при Горскомъ и Голубинскомъ, и за тѣмъ, сознательно и произвольно, сдѣлался монахомъ. Въ Москвѣ у него былъ вліятельный родственникъ С. А. Масловъ, секретарь Общества Сельскаго Хозайства, близко знакомый митрополиту Филарету черезъ масонство (котораго до конца дней своихъ не чуждался Московскій архипастырь); можетъ быть, и по его ходатайству Леонидъ сталъ ректоромъ Виѳанской Семинаріи съ 1849, а съ 1859 года Московскимъ викаріемъ при дряхлѣвшемъ митрополитѣ. Чуждый смиреннолукавствія, свѣтски образованный и въ благочестіи искренній Леонидъ полюбился Москвичамъ средняго и высшаго круга, хотя дѣлами по управленію занимался мало, и разъѣзды его съ Савинскаго подворья по знакомымъ требовали по нѣскольку паръ лошадей. Онъ былъ другомъ Кавказскаго героя Слѣпцова, а въ Москвѣ добрѣйшихъ Сергѣя Михайловича Сухотина (котораго Д. Н. Свербеевъ звалъ „иже вездѣ сый“) и Александры Николаевны Стрекаловой, которая, когда онъ перемѣщенъ былъ на каѳедру въ Ярославль, ѣздила туда устроивать ему пріемные покои. Словомъ, Леонидъ былъ архіереемъ свѣтскимъ и въ этомъ значеніи своемъ попалъ въ книгу Диксона, прочитанную въ обоихъ полушаріяхъ. Хотя поученія и рѣчи его безмѣрно выше тѣхъ, какія доводится намъ слышать теперь, но словоохотливость неоднажды навлекала ему охлаждающія замѣчанія свыше. Такъ, въ жарній лѣтній день императрица Марія Александровна, на пути въ село Ершово, заѣхала помолиться въ Савинъ монастырь, и Леонидъ, провожая ее оттуда, говорилъ свою рѣчь такъ долго, что Государыня едва не упала отъ утомленія *). Когда императоръ Александръ Николаевичъ прибылъ осмотрѣть доконченный постройкою Храмъ Спасителя, Леонидъ пустился въ долгія объясненія, не со-

*) Слышано отъ державшей надъ нею зонтикъ княгини М. А. Вяземской. П. Б.

образивъ, что Посѣтителю минуты были дороги; а при посѣщеніи Лицея Цесаревича Николая, Государь выслушалъ отъ Московскаго викарія пространныя увѣренія въ томъ, что языки классическіе не вредятъ православію, со ссылкою на то, что одинъ изъ устроителей Лицея П. М. Леонтьевъ, его духовный сынъ. Тѣмъ не менѣе, очень многіе въ Москвѣ пожалѣли, что Леонида въ 1867 году не назначили преемникомъ митрополиту Филарету.

Высокопресевященный Леонидъ таилъ въ душѣ сѣмена прекраснаго художественнаго дарованія. О томъ свидѣтельствуютъ обнародованныя письма его къ сестрамъ его, съ превосходными описаніями картинъ природы. Нельзя не пожелать, чтобы его Записки вполнѣ появились въ печати. Изъ нихъ только выдержки помѣщены въ „Душеполезномъ Чтеніи" нынѣшняго года, и мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этихъ выдержекъ. П. Б.

*

25 Марта 1851 года.

Въ Академіи слушаютъ только Г...,*) юношу во многихъ отношеніяхъ интереснаго, который однако же позволяетъ себѣ очень свободно и неразумно высказывать то, что составляетъ у него не основныя, а очень преходящія убѣжденія. Онъ христіанинъ и даже задушевный, но мыслей церковныхъ у него нѣтъ. Въ дѣлѣ объ отдѣленіи западной церкви отъ восточной онъ прямо говоритъ, что вина лежитъ на той и на другой равно, а какъ въ нашихъ исторіяхъ представлено дѣло, такъ, по мнѣнію его, представлять это дѣло безчестно. Другой ни къ селу ни къ городу говоритъ на своемъ классѣ о православіи и выражается такъ: православіе—это мертвый трупъ. Слушаютъ студенты и объ отцахъ церкви, что они хуже нашего понимали писаніе, и герменевтика ихъ была слабѣе.

Воспитанники высказываютъ рѣзкія мысли антирелигіознаго и рѣшительно не вѣрятъ искренности тѣхъ наставниковъ, которые говорятъ православно. Говорено было о постахъ, какъ объ учрежденіи спасительномъ. „Не можетъ быть, чтобы онъ былъ такъ убѣжденъ", сказано о наставникѣ послѣ лекціи. Всякая встрѣчающаяся антиправославная, антихристіанская ложь ихъ крайне занимаетъ. Что жъ это? Что жъ будетъ? Откуда взялось? Взялось просто: 1) Наша жизнь противорѣчитъ ученью—это первое. 2) Мы такъ сухо учимъ, что всякій предметъ профанируется и дѣлается несноснымъ; 3) Наконецъ, преходящія мнѣнія, случайныя мысли мы тотчасъ передаемъ слушателямъ, чтобы наполнить время или блеснуть.

*

Его Величество въ Сергіевской пустыни изволилъ говорить братіи: „не думайте, что только въ церкви молюсь Богу; я ежедневно читаю молитвы

*) Т. е. Никиту Петровича Гилярова. П. Б.

утреннія и вечернія“. Сказывалъ также, что имѣетъ обыкновеніе ежедневно прочитывать по главѣ изъ евангелія и апостола и что прежде дѣлалъ это поутру, а потомъ нашелъ нужнымъ перемѣнить порядокъ и читаетъ въ вечеру.

*

Меня, по окончаніи службы тотчасъ ввели ко владыкѣ, который кушалъ въ это время чай. Давъ резолюцію на дѣло, далъ мнѣ для переписки рукопись въ 5 листовъ и срокомъ назначилъ къ Пятницѣ или къ Воскресенью; потребовалъ также каталоги нашей библіотеки и симфонію на Славянскую библію. Въ Пятницу ровно въ назначенный часъ, въ 11 часовъ утра, я былъ введенъ ко владыкѣ. Онъ только что откушалъ свой утренній чай. Первое его слово было: „напраснó ты самъ безпокоишься“. Ему нужна была Французская богословская библіотека. По разсмотрѣніи ея каталога онъ сказалъ: „она замѣчательна только худыми книгами“, разумѣя сочиненія Французскихъ энциклопедистовъ. Я замѣтилъ, что мы мало пріобрѣтаемъ книгъ отчасти потому, что пользуемся когда нужно академической библіотекой, отчасти потому что деньги, ассигнованныя на библіотеку, переводимъ на книги и книжонки по сельскому хозяйству, которыми насъ затопляетъ дух. учил. управленіе, и которыя иногда такъ спеціальны, что и наставникъ сельскаго хозяйства отказывается отъ чтенія ихъ. Владыка спрашиваетъ, тутъ ли документы митрополита Платона, и разсматривалъ ихъ списки, и также и своихъ документовъ, которыхъ у насъ не мало. Спрашивалъ, кто ихъ распечаталъ и приказалъ въ случаѣ составленія форменнаго каталога новопоступившихъ книгъ запечатать ихъ всѣ въ одинъ пакетъ и записать подъ однимъ №. Улыбнулся, читая заглавіе какой-то книги и сказалъ: И митрополитъ Платонъ былъ членомъ медико-хирургической академіи. Мнѣ въ прошломъ году прислали дипломъ на званіе члена“. Когда дѣло коснулось до тетради съ отпусками переписки митрополита Платона, рѣшился сказать владыкѣ, что баккалавръ Смирновъ въ архивѣ Лаврскомъ нашелъ дѣло, относящееся на постриженіе его высокопреосвященства въ монашество, гдѣ на одной изъ бумагъ къ этому дѣлу относящихся митрополитъ Платонъ положилъ резолюцію: „сшить ему нанковую рясу на мой коштъ“. Владыка разсмѣялся и замѣтилъ: „какъ это попало въ Лаврскій архивъ?“ Сегодня въ часъ пополудни, я былъ у владыки съ переписанною рукописью и другими дѣлами. „Какъ ты проворенъ“, сказалъ владыка, принимая дѣла. Между дѣлами было слѣдующее. Дьячокъ просилъ правленіе принять его сына на полуказенное содержаніе Мы отказали. Дьячокъ обратился ко владыкѣ. Владыка поручилъ семинарскому правленію, по справкѣ, дать мнѣніе. Получивъ справку изъ Консисторіи, мы рѣшили, чтобы вмѣсто 15 р. с. въ годъ, платилъ дьячокъ 10 р. с. въ годъ. На это рѣшеніе владыка, по предварительному моему докладу, согласился. Теперь онъ написалъ: „согласенъ“, и спросилъ, внесъ ли ученикъ деньги, я отвѣчалъ: „нѣтъ еще“. „Постой же, я за него заплачу. И внесъ мнѣ двѣ синихъ депозитки. Вчера я благодарилъ его за назначеніе

меня членомъ цензурнаго комитета. Онъ сказалъ на это: „Будь осмотрителенъ; встрѣтивъ сомнительное, не рѣшайся пропускать безъ совѣщанія. Да не задерживай рукописей, какъ дѣлалъ Голубинскій". Владыка сегодня (со всею братіею) исповѣдуется, а завтра будетъ пріобщаться и для этого служить станетъ въ скиту. Я былъ особенно счастливъ эти дни. Часто видя его и вчера долго молча смотрѣлъ на него, когда онъ разсматривалъ каталоги, и я стоялъ передъ нимъ. Пройдутъ вѣка: имя его выростетъ необыкновенно. Мысль будетъ искать въ прошедшемъ его великаго образа, и счастливъ, кто увидитъ его несовершенный портретъ; а я, недостойный, стою теперь отъ него въ полуаршинѣ и смотрю на эту чудно-правильную, кругленькую головку, покрытую рѣдкими мягкими, темно-русыми волосами, на это высокое выпуклое чело, этотъ рѣзко очертанный носъ и дивно правильныя губы, на эти блѣдныя, худыя, осанистой бородой покрытыя щеки. Подъ прекрасно очеркнутыми бровями не вижу его глазъ; но замѣчаю, что какую-то особенную выразительность придаетъ его благородному лицу эта черепаховая оправа очковъ. Я никогда не могу довольно насмотрѣться на него. Знакомый съ этой высоко благорожденною натурой, съ этой уединенной страждущей душой, чисто дѣвственнымъ сердцемъ, какою-то необычайною любовью проникаешься къ нему, и право, мнѣ надо перестать писать, писать объ этомъ, чтобы не потекли слезы изъ глазъ, теперь, когда думаю о немъ съ сердцемъ умягченнымъ раздающимися за стѣною звуками органа, издаваемыми искусною рукою и сливающимися въ холодномъ вечернемъ воздухѣ съ туманомъ деревьевъ. Въ Лаврѣ видѣлъ я владыку больного въ синемъ шелковомъ полукафтанѣ; здѣсь же онъ ходитъ въ манатейной или въ суконной рясѣ и въ синемъ понитковомъ кафтанѣ, издѣлія какой-то пустыни. Владыка чрезвычайно послушливъ въ болѣзни совѣтамъ врача; до сихъ поръ онъ употреблялъ въ день пищи и питья два фунта, послѣ вечерняго чаю до 11 час. утра не пилъ ничего, не смотря на то, что пить ему хочется; пульсъ его къ вечеру такъ слабъ, что дѣлается не болѣе 50 ударовъ въ минуту. Онъ такъ дѣвственно стыдливъ, что никогда ни при комъ не обнажалъ своего тѣла. Баню ему приготовятъ, а моется одинъ. Келейникъ за дверями. Даже когда бралъ ванну и Анастасію далъ было позволеніе быть въ сосѣдней комнатѣ или тутъ же за ширмами, какъ скоро вошелъ въ комнату, сказалъ Анастасію: „извини меня, но я не могу выйди отсюда".

*

21 Іюня 1851.

Полковникъ Беренсъ у владыки говорилъ, что на желѣзной дорогѣ работаютъ теперь 40,000 человѣкъ, что деревни къ ней прилегающія обогащаются, ибо за одинъ ночлегъ рабочаго крестьянинъ получаетъ 20 к. с. въ мѣсяцъ, а у нѣкоторыхъ домохозяевъ человѣкъ 20 и 30 на дворѣ, что дорога непремѣнно готова будетъ къ 1 Августа, хотя дѣла еще много, ибо дождливое время дѣлало большую помѣху.

*

Говорятъ, когда сказали митрополиту, что проповѣдь его произнесенная 25 Іюля, можетъ быть напечатана только подъ условіемъ, чтобъ указанныя мѣста были измѣнены или опущены, онъ отвѣтилъ: „Не называю честность того человѣка, который отрекается отъ своихъ словъ, сказанныхъ съ глаза на глазъ. Я произносилъ свое слово въ Успенскомъ соборѣ при многочисленномъ собраніи народа и имѣю основательныя причины думать, что выслушано было со вниманіемъ; судите, могу ли я отречься теперь отъ своихъ словъ, или паче отъ слова Божія". Таково было содержаніе его отвѣта Проповѣдь посылалъ воен. ген.-губ. въ С.-Петербургъ, и она возвращена и напечатана безъ измѣненія.

*

Рейснеръ уже перевелъ начало Евангелія отъ Матѳея, при чемъ старался доказать, что у Божіей Матери были дѣти кромѣ Іисуса Христа и перечислялъ ихъ. Объ этомъ узналъ Фотій, слѣдившій за всѣми движеніями масонства. 30 т. рублей добыли ему прямо корректурный экземпляръ новаго перевода. Онъ вручилъ его митрополиту Серафиму и рѣзко напомнилъ ему объ обязанностяхъ первенствующаго архипастыря Церви. Серафимъ, наэлектризованный пламенною рѣчью Юрьевскаго архимандрита, требуетъ карету, ѣхать къ Государю. Его не была готова, подаютъ карету графини Орловой. Государь изъ окна увидѣлъ Орловскія ливреи и, воскликнувъ съ удивленіемъ: „что̀ это вздумалось графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ посѣтить меня?", велѣлъ просить. Ему докладываютъ чрезъ минуту, что митрополитъ пріѣхалъ въ экипажѣ графини. Это изумило Государя, но онъ рѣшился принять митрополита. Серафимъ входитъ, Государь къ нему подъ благословеніе. Но вмѣсто того, чтобы благословить Государя, митрополитъ опускается передъ нимъ на колѣна, снимаетъ съ головы и кладетъ на подлѣ стоявшій столикъ бѣлый клобукъ, а въ клобукъ слагаетъ панагію и ленты, встаетъ и откланивается. Государь внѣ себя. Что̀ съ вами, что̀ вы?—„Государь! Начинаетъ тогда преосвященный: увольте меня отъ должности, которая больше не нужна, снимите санъ, котораго я недостоинъ. Я не благословилъ васъ, потому что я пастырь недостойный, поруганный. Поругана истина, попраны святыня вѣры и церковь, а я недостойный пастырь поруганной церкви".—„Объяснитесь". Тогда владыка, показавъ свой документъ, сказалъ, что терпѣлъ долго, но что̀ далѣе терпѣть не можетъ, что зло выросло, созрѣло, что опасность близка, что гибель души его и души Царя, отвѣтствующихъ за духовное благо народа, несомнѣнна. Государь былъ тронутъ, самъ надѣлъ на митрополита всѣ знаки его сана, старался успокоить его и обѣщалъ сдѣлать распоряженія. „Государь! отвѣчалъ митрополитъ. Я вѣрю вамъ, но времени и обстоятельствамъ не вѣрю. Кто поручится за жизнь свою за одинъ часъ впередъ? Можетъ быть, меня слѣдятъ, и жизнь моя не безопасна у вашего подъѣзда. Не откладывайте дѣла Божія ни на минуту, когда отъ этой минуты зависитъ вѣчность", и онъ убѣдилъ Императора собственноручно написать указъ, котораго пункты митрополитъ продиктовалъ ему: изгнаніе Рейснера за границу,

отрѣшеніе министра духовныхъ дѣлъ, закрытіе Библейскаго Общества. Государь хотѣлъ адресовать этотъ указъ въ Синодъ. „Не въ Синодъ, а въ Сенатъ", сказалъ митрополитъ Государю, „потому что въ Сѵнодѣ указъ будетъ задержанъ". Съ этимъ указомъ митрополитъ отправляется немедленно въ Сенатъ, а оттуда въ Сѵнодъ. „Мы васъ заждались, преосвященный, вы нынче все по барынямъ, съ графинею, да съ г. Фотіемъ", такъ привѣтствовалъ митрополита министръ Голицынъ. Митрополитъ, не обративъ на его слова никакого вниманія, отвернулся и сталъ говорить о дѣлахъ; министръ повторилъ ему свои слова, митрополитъ оставался къ нимъ глухъ попрежнему. Министръ еще разъ сказалъ ему тоже, прибавивъ: „это я съ вами говорю". Тогда митрополитъ обратился къ нему: „я васъ не знаю, кто вы?"—„Министръ духовныхъ дѣлъ".—„Я не знаю болѣе министра духовныхъ дѣлъ." Затѣмъ послѣдовало объясненіе. Митрополитъ объявилъ высочайшую волю и распоряженіе Сената. Голицынъ былъ добръ и набоженъ, но набоженъ по своему; дѣлалъ зло, потому что имъ орудовали другіе. Впослѣдствіи несчастія смыли съ него грязь и пыль.

*

Полковникъ Швецовъ ѣхалъ съ кунакомъ, по дорогѣ его увели въ плѣнъ, а кунакъ остался невредимъ. Ермоловъ велѣлъ кунака и всѣхъ князьковъ, чрезъ имѣнія которыхъ прошелъ отрядъ горцевъ, захватившій Швецова, посадить въ тюрьму, пока Швецовъ не будетъ возвращенъ. Около десяти дѣвушекъ взяты въ плѣнъ. Ермоловъ поручаетъ ихъ женатому полковнику съ наказомъ: „ты мнѣ отвѣчаешь за совершенную безопасность каждой изъ нихъ". Послѣ экспедиціи размѣнъ плѣнныхъ, и дочери возвращены въ домы родителей въ чистотѣ. Послѣ этого Ермоловъ ведетъ войска въ горы. Одинъ съ лекаремъ, далеко опередивъ отрядъ, ѣхалъ онъ среди утесовъ. Послѣ этого перехода является къ нему горецъ и говоритъ: „Я тебѣ болѣе не долженъ. Ты сохранилъ мою дочь, твою плѣнницу; я пощадилъ нынче твою жизнь. Ты проѣхалъ мимо камня, за которымъ, лежа, мы стерегли тебя. Въ каждую твою пуговицу было направлено по дулу, но я сказалъ товарищамъ: это не сардарь, и они опустили ружья. Теперь мы квиты съ тобой".

*

Третьяго числа утро провелъ я у владыки. Только что началъ было я докладывать дѣла, какъ пріѣхалъ Симоновскій архимандритъ. Владыка былъ въ отличномъ расположеніи духа и любезность свою къ старцу простеръ до того, что самъ подалъ ему кресло, при чемъ и Симоновскій показалъ ловкость. Послѣ мнѣ разсказывали случай, которымъ довольно объясняется любезность владыки къ Симоновскому. На царской панихидѣ въ Чудовѣ, Симоновскій, стоя уже въ рядахъ, раздавалъ привѣтствія близъ стоящимъ знакомымъ. Владыка сказалъ ему: „о. архимандритъ Симоновскій, стойте скромнѣе". Послѣ того, какъ владыка пріобщился, Симоновскій, подходя къ благословенію, поклонился ему въ ноги со словами: „Прекрасно вы сдѣлали, владыка святый". Какъ понялъ въ немъ владыка эту выходку, неизвѣстно; но вѣроятно

ему должна была она понравиться, хотя какъ монашеская ловкость. И владыка, съ своей стороны желаетъ показать ему свое благоволеніе. Цѣлый часъ сидѣлъ о. Мельхиседекъ, и пусть просидѣлъ бы онъ два. Митрополитъ во все это время говорилъ о разныхъ предметахъ съ явнымъ удовольствіемъ, улыбался, почти смѣялся. Лицо его чрезвычайно пріятно при улыбкѣ, а улыбка его пріятнѣе этого полусмѣха, можетъ быть отъ того, что мы вовсе не привыкли видѣть владыку смѣющимси. Рѣчь его завязывалась какимъ-нибудь словомъ Симоновскаго и лилась потоками. Разсказывалъ онъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ которыхъ злоухищренія пользуются простотой и губятъ ее. Представлялъ разные случаи, какъ въ дѣлахъ по бракамъ, истцы умѣли вырѣзывать листы въ церковныхъ книгахъ и замѣнять ихъ искусно другими, съ тѣмъ, чтобы послѣ сказать: вотъ здѣсь вырѣзанъ листъ, а на этомъ листѣ и былъ мой обыскъ вѣнечный или моя метрика. Довольно говорилъ о Европейскихъ дѣлахъ; сказывалъ, что на нынѣшній годъ предсказываютъ страшныя политическія событія; что ходитъ пророчество о скоромъ паденіи Прусской династіи, что вкусъ къ серьзному такъ испорченъ, что, когда хотѣлъ какой-то газетчикъ похвалить Мантейфеля, то въ заглавіи статьи долженъ былъ помѣстить каламбуръ, которымъ нѣкоторые были обмануты, выразумѣвъ изъ заглавія, что авторъ статьи хочетъ низложить министра.

*

Всѣ очень довольны преосвященнымъ Іереміею. Его любовь ко всему академическому, его простота, непритворное благочестіе, живость чувства были для всѣхъ трогательны. Мнѣ понравилось, что это не генералъ въ рясѣ съ двумя звѣздами, а архіерей, котораго звѣзды не возвысятъ и не унизятъ. Онъ говоритъ, что въ Ставрополѣ было много трудовъ и скорбей настоящихъ и преувеличенныхъ; но что когда случалось выйдти и посмотрѣть на заоблачный Казбекъ съ семьею горъ, то дѣлалось такъ легко, что кажется, въ эту минуту никакая земная грусть и скорбь не возмутятъ спокойствія души. Онъ отлично отзывался о Слѣпцовѣ, сказывалъ, что зналъ его подполковникомъ, что онъ былъ раненъ, что онъ отлично устроилъ свою линію и безопасенъ на ней, что его иначе не называютъ, какъ храбрый Слѣпцовъ, что онъ бывалъ у преосвященнаго и въ обращеніи простой, веселый, живой, безъ всякихъ воинственныхъ осанокъ. Хвалитъ онъ Мусульманъ и Калмыковъ-Буддистовъ. Говоритъ, что въ нихъ много свѣжести и добродѣтелей, какихъ мы не знаемъ. Одинъ мулла, по повелѣнію, которое мать его получила во снѣ, чтобы онъ поцѣловалъ руку Русскаго муфтія, три дня сидѣлъ у него и на него смотрѣлъ. Поясъ его кожанный можетъ обхватить развѣ двѣ мои руки. Какъ ты такъ худъ, замѣтилъ ему владыка, и онъ отвѣчалъ ему: если бы я былъ толстъ, какъ я могъ бы быть муллою? Постъ, молитва, почтеніе къ духовенству, цѣломудріе, гостепріимство, честность и вѣрность слову—самыя обыкновенныя добродѣтели большинства. Въ Калмыцкой кумирнѣ была женщина, хорошо знакомая съ нашей религіей, и проповѣдывала, что нѣтъ кромѣ Русской вѣры иной спасительной религіи. Но обращеній

дѣлать невозможно, не смотря на всю готовность людей къ принятію крещенія. Политика—дикій звѣрь, поѣдающій молодой виноградникъ Божій.

Троицкіе учители, съ наступленіемъ каникулъ, переселялись на Корбуху, въ большой деревянный домъ митрополита. Митрополитъ Платонъ посѣщалъ ихъ каждый день. Какъ 11 часовъ, такъ подъѣзжаетъ его линеечка: учители идутъ, чтобы его высадить. Митрополитъ говаривалъ: прежде сходилъ, а нынче слабѣю. Онъ требовалъ, чтобы съ нимъ обращались просто: услышитъ стукъ фортунки, подходитъ и приказываетъ играть при немъ; иногда потребуетъ рюмку водки и закуситъ икрой и грибами, которые любилъ и ѣлъ, не смотря на запрещеніе доктора; наставники сами приглашали его къ чаю, иногда отказывался, иногда пилъ съ ними и всегда бесѣдовалъ около часу, въ дождь въ комнатѣ, въ вёдро на террасѣ, которая отъ дома спускалась къ пруду и которой широкія дерновыя ступени видны доселѣ. Онъ приказывалъ имъ ходить въ однихъ легкихъ длинныхъ сюртукахъ и безъ галстуха: вы здѣсь въ деревнѣ! И показывалъ на себя, а на немъ бывалъ обыкновенно одинъ полурясокъ съ двойными рукавами, опушенный горностаемъ, и на головѣ соломенная шляпа, которую ему ежегодно подносили семинаристы; руки безъ перчатокъ, и короткая палка въ рукахъ. Вотъ образецъ его отеческой нѣжности. Однажды пріѣхалъ онъ къ нимъ съ вѣстію: ключъ къ Москвѣ взятъ, Смоленскъ въ рукахъ непріятеля. Пораженные этимъ извѣстіемъ и смотря на печаль митрополита, учители прослезились. Владыка вмѣстѣ съ ними плакалъ; наконецъ ему жаль стало ихъ, онъ началъ утѣшать и (не помню въ тотъ или другой день) сталъ говорить, что на все воля Божія, и онъ увѣренъ, что они его не оставятъ. Потомъ онъ сталъ ихъ назначать, шутя, въ военные чины: нынѣшняго Новгородскаго митрополита полковникомъ, другого подполковникомъ, маіоромъ, протопресвитеровъ нынѣшнихъ поручиками, а того изъ нихъ, кто былъ всѣхъ меньше ростомъ, затруднился къ чему приставить и нарекъ барабанщикомъ. Послѣ этого онъ опять пріѣзжаетъ на Корбуху: по лѣсу раздаются командныя слова, какъ на ученьи, ѣдетъ дальше и видитъ близъ дома разгуливаетъ строй его новобранцевъ, съ палками въ рукахъ, подъ командою барабанщика, ибо онъ одинъ только имѣлъ кое-какое понятіе о фронтѣ, такъ какъ онъ одинъ видѣлъ ученье полковыхъ. Случалось, что митрополитъ давалъ книгъ для чтенія и требовалъ отчета въ прочитанномъ. Знаніе Св. Отцевъ имѣлъ самое обширное. Любилъ диспуты и во время обѣда разжигалъ диспутъ между ректоромъ и профессорами. Тогда были Августинъ и Моисей. О нихъ онъ говорилъ: этотъ далеко пойдетъ (Августинъ), а этотъ далеко не уйдетъ (о. Моисей). Учители ходили въ Виѳанію ко всенощной и къ обѣднѣ, послѣ которой заходили къ нему. Иногда просто благословитъ, иногда скажетъ: ступайте, напейтесь чаю. Говорилъ онъ много о придворной жизни. Его открытость была чрезвычайная; но простой въ общеніи со своими ближними онъ былъ необыкновенно величественъ въ служеніи и обращеніи съ высшими лицами государственными. Гуляя по рощамъ, если встрѣтитъ ученика, разспроситъ

его, что̀ учитъ, и самъ объяснитъ урокъ. Но направленіе ученія тогдашняго было хуже нынѣшняго; ничего кромѣ Латыни не знали. Евгеній (преосвященный Ярославскій) говорилъ: что̀ вы станете дѣлать, когда вамъ надо будетъ писать по-русски? Я много бился съ учениками, чтобы научить правописанію и свойственному законамъ языка размѣщенію словъ.

*

Осень для меня обаятельна. Ничего мнѣ сырость и осенній вѣтеръ. Я вооружаюсь калошами и ватной рясой, и въ лѣсъ. Не только видъ курящагося овина, и самый дымъ, пронизанный хлѣбнымъ запахомъ, мнѣ пріятно вдыхать; мило мнѣ прислушиваться къ жесткому шелесту засыхающихъ листьевъ, и люблю смотрѣть, какъ рѣдѣетъ зеленая занавѣска нашей рѣчки, этотъ недавно кудрявый, граціозный кустарникъ, которымъ густо обросли ея берега. Природа особенно спокойна и величава осенью: она сдѣлала свое дѣло, послужила человѣку и какъ бы отходитъ отъ насъ, и готовая на отдыхъ, прощается съ человѣкомъ до радостной встрѣчи весною. Много, много грустнаго и сладостнаго въ этомъ прощаньи. И если почему она такъ пріятна для меня, то потому, думаю, что для насъ то обыкновенно дорого, что̀ теряемъ, то особенно любезно и привлекательно, съ чѣмъ надобно разстаться. Тамъ подлѣ лѣска, гдѣ надо было перейти черезъ рѣчку по жердочкамъ, съ которыхъ калошамъ такъ и хочется соскользнуть въ холодную воду, я встрѣтилъ малютку-пастуха, сто̀рожа стада, онъ наигрывалъ на своей дудкѣ весьма неискусные аккорды. Я подозвалъ его къ себѣ и сказалъ, что, если на будущую весну встрѣчу его и онъ станетъ при мнѣ играть хорошо, то подарю ему новую, хорошую дудку. Можетъ быть, это заставитъ ребенка выучиться играть, онъ полюбитъ музыку, и музыка облагородитъ его душу. Дай-то Богъ!

*

Философовъ отъ имени великихъ князей прислалъ къ митрополиту рукопись, которую поднесъ имъ Меньшиковъ, подъ именемъ автографа Гермогенова. Философовъ пишетъ, что великіе князья просятъ его разсмотрѣть эту рукопись, зная, что никто лучше его не сможетъ сдѣлать этого дѣла. Владыка показывалъ рукопись А. В. Горскому. Нѣтъ сомнѣнія, что это не автографъ, а вѣроятно современная смутному періоду рукопись.

Великій князь Николай Николаевичъ и г. Философовъ разсказывали за столомъ въ Лаврѣ, что въ городѣ Кинешмѣ, въ Костромской епархіи, замѣтили они двухъ священниковъ, которые надѣваютъ фелони не черезъ голову, а какъ плащи, спереди застегивая ихъ вертикальнымъ рядомъ пуговицъ. Владыка вошелъ въ этотъ разговоръ и замѣтилъ, что надо написать объ этомъ преосвященному Костромскому.

1853 года 18 Февраля. Москва. Прибылъ *) въ 9 ч. вечера 25 Февраля по резолюціи владыки. „Что старый семинарскій корпусъ оконченъ постройкою

*) Т. е. изъ Виѳаніи. П. Б.

въ 1801 году, это вѣрно, сказалъ владыка, и улыбаясь продолжалъ: „Я тутъ кололъ ледъ и носилъ щепы, будучи въ 1801 году ученикомъ философіи. Когда ты поѣдешь?"—Полагаю въ началѣ слѣдующей недѣли.

— Да, хорошо тебѣ быть тамъ, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ недѣли, чтобы приготовленіе учениковъ къ причащенію и самое причащеніе было при тебѣ.

На вопросъ: какъ лучше, весь ли вдругъ проектъ о перестройкахъ приводить въ исполненіе, или по частямъ, владыка сказалъ: лучше все вдругъ, потому что въ такомъ случаѣ мы вымозжимъ у нихъ [1]) сколько-нибудь денегъ, а если станемъ дѣлать по частямъ, ничего въ помощь не получимъ.

Какъ думаешь: черезъ Академическое Правленіе или черезъ меня сноситься съ Петербургомъ?

— Если бы в. в—ву угодно было войти въ наше положеніе, мы рѣшились бы васъ утруждать. — „Я готовъ! Только дѣлайте скорѣй".

*

Марта 16 дня. Вотъ перечень случаевъ характеризующихъ Слѣпцова, по разсказу его брата. Разспрашиваетъ и арестуетъ артиллерійскаго офицера въ то самое время, какъ самъ находится въ страшныхъ корчахъ холеры (офицеръ велъ орудіе безъ прикрытій). Раненый, онъ отвезенъ на Михайловскія воды. Туда явилась къ нему депутація немирныхъ. Въ горахъ не хотѣли повѣрить, чтобы онъ могъ быть раненъ. Онъ сказалъ имъ, что вотъ онъ дѣйствительно раненъ, но нисколько на нихъ не сердится и благодаритъ того, кто его ранилъ. „Онъ меня очень одолжилъ, а то шесть лѣтъ я бьюсь съ вами и ни одной капли крови не имѣлъ счастья пролить за Государя и отечество". Когда депутаты готовы были уйти, онъ вдругъ спросилъ: а что рады ли вы, что я раненъ?—Какъ же, наибъ, рады!—Чему же?—Да чай теперь недѣли три не пожалуешь къ намъ въ горы. При этихъ словахъ Слѣпцовъ уже вскочилъ съ постели, и быстро ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, доказывалъ имъ съ горячностію и досадою, что они врутъ и что завтра же будетъ въ горахъ жечь аулы. Горцы убѣжали изъ комнаты, а Слѣпцовъ пролежалъ мѣсяцъ, заплативъ за выходку гнѣва мучительными страданіями. Ванну подносили къ кровати и его спускали на простыняхъ. Онъ признавался, что страдаетъ ужасно, но почеркъ руки на его письмахъ самый твердый. Онъ гуляетъ въ саду безоружный, когда къ нему подходитъ депутація немирныхъ. Ихъ человѣкъ 15 и всѣ вооруженные. Они просятъ, чтобы онъ не строилъ какихъ-то башень.

— Это не въ моей волѣ.

— Проси князя [2]).

[1]) Т. е. у хозяйственнаго департамента Св. Синода. П. Б.

[2]) Воронцова. П. Б.

— И не въ его: на то воля Царя.

— Сдѣлай милость.

— Не могу. Для насъ Царь не то, чтò для васъ Шамиль. Мы его какъ земного бога почитаемъ.

— Мы его не знаемъ: ты нашъ земной богъ.

Слѣпцовъ мгновенно вышелъ изъ себя, разругалъ ихъ, началъ бить кулаками, они отъ него, онъ ихъ пинками и каменьями въ догонку. На другой день пришли съ извиненіемъ, что оскорбили его. Когда надобно убирать поля, дѣлается перемиріе; но есть у него условіе, что если саблей по солнцу махнетъ, то перемиріе кончено. Работы начались: на одномъ берегу его казаки, на другомъ горцы. Онъ выѣзжаетъ взглянуть на работы своихъ. Горцы пялятъ на него глаза. Онъ вдругъ махнетъ шашкой, и всѣ кто куда попало бѣгутъ съ поля. Онъ хохочетъ и подаетъ знакъ, чтобы возвратить къ дѣлу. До такой степени былъ грозенъ Сунженскій полкъ, который онъ образовалъ изъ лапотниковъ. Онъ началъ съ ними съ того, что училъ ихъ ѣздить и стрѣлять. Горцы вѣровали въ его непобѣдимость, неуязвимость и непреложность его слова. Если бъ Чехинское дѣло было выиграно, вся Малая Чечня покорилась бы Русскому скипетру. Его доброта привязывала сердца не менѣе. Онъ способствовалъ всѣми силами благосостоянію казаковъ. „Этого хочетъ Царь; я все для васъ сдѣлаю, чтобы исполнить волю Царя“. У него ничего не было завѣтнаго. Онъ набралъ пѣвчихъ и въ учители взялъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Онъ одѣлъ его; но тотъ замѣтилъ, что у него на лѣто не будетъ шинели. У Слѣпцова была только что сшитая съ иголочки. Онъ выноситъ, надѣваетъ на изумленнаго бѣдняка, охорашиваетъ его и говоритъ: „Кажется, въ пору и прилично; только спорите красный воротникъ: вамъ не годится“. Въ Саратовѣ противъ него вооружали клеветниковъ изъ полицейскихъ солдатъ. Онъ велѣлъ роднымъ всѣхъ ихъ отыскать и наградить деньгами, а квартальному сверхъ опредѣленной награды выдать 200 р. сер. Онъ принялъ всѣ казацкія обычаи и хоть не терпѣлъ раскола, и его не было на Сунжѣ, но держалъ у себя образницу Казанскую съ старыми образами, которые предпочитаютъ въ томъ краю. Но самая набожность привита была къ нему не казаками, но матерью его. Когда онъ былъ въ отпуску, въ Саратовѣ, домашніе замѣтили, что среди ночи у него въ комнатѣ появляется огонь. Подсмотрѣли. Онъ часа въ два ночи вставалъ и, увѣрившись, что всѣ въ домѣ спятъ, зажигалъ маленькую восковую свѣчку и молился часа по два. Я послалъ къ нему Новый Завѣтъ и Псалтырь, на Русскомъ. Пслалтирь, какъ удобную, онъ бралъ въ походы, и она вся исписана по полямъ примѣчаніями.

*

18 Февраля. Сейчасъ наставникъ нашъ показывалъ мнѣ письмо изъ Москвы о посѣщеніи оберъ-прокуроромъ *) семинаріи и проч. Остался (въ се-

*) Графомъ Протасовымъ. П. Б.

минаріи) доволенъ полами, которые въ ночь успѣли вылощить. Въ третьемъ часу оберъ-прокуроръ, ходя по классамъ семинаріи, спрашивалъ: отъ чего такой блѣденъ, отъ чего другой потупилъ глаза въ землю. Велѣлъ выстроить въ коридорѣ. Спросилъ у ректора, всѣ ли хороши? „Дурныхъ не щадите, мы ихъ упрячемъ въ другое мѣсто“. Оказывается двѣ трети лишняго духовенства, особенно въ здѣшней семинаріи. Въ частномъ разговорѣ съ ректоромъ сказалъ: „какіе у васъ ученики—словно портные: немытые, нечесанные“, а инспектору: „васъ надо послать въ кадетскій корпусъ поучиться“. На завтра ученики выстрижены, и былъ имъ инспекторскій смотръ. Въ училищѣ Заиконоспасскомъ замѣтилъ, что холодно и сыро; но не знаю, замѣтили ли ему, что Синодъ отказалъ училищу въ дровахъ и велитъ тѣмъ количествомъ дровъ топить 30 печей, какимъ отапливалось преже 8 печей.

*

Вчера была 4-я недѣля поста; она соединена съ воспоминаніемъ преп. о. нашего Іоанна Лѣствичника, и сегодня 30 число Марта день ему посвященный. Владыка отвѣчаетъ о. ректору Академіи на его письмо, въ которомъ изъявляетъ участіе о смерти матери владыки; пишетъ между прочимъ, что и во всей жизни и въ послѣднихъ дняхъ ея онъ имѣлъ назиданіе. Ея погребеніе совершено 23 числа. Отпѣвали у Адріана и Наталіи, а опустили въ землю на Пятницкомъ кладбищѣ. Оно кажется такое веселенькое. Владыка на пути въ Лавру можетъ заѣзжать. Дай Богъ, чтобы это утѣшеніе было долго, долго.

*

Одинъ изъ приближенныхъ къ владыкѣ и знатныхъ Московскихъ духовныхъ лицъ воспользовался минутою особеннаго благоволенія къ нему владыки и спросилъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Москву графъ Протасовъ. Владыка отвѣчалъ ему безъ гнѣва, серьезно, но спокойно: Не знаю! Да поди спроси его самого и мнѣ отвѣтъ принеси! Этотъ случай прекрасно выражаетъ владыку, не только съ той стороны, что лишняго онъ не скажетъ, но и съ той, что никогда и никто не долженъ разсчитывать на его благость и приближаться къ нему болѣе надлежащаго. Душа его открыта для всѣхъ, но понемногу, въ мѣру. Развѣ для одной матери своей былъ онъ открытъ вполнѣ, а душа у него живая, пылкая, слѣд. какъ бы ни удовлетворялся онъ своею собственною полнотою, однако и общеніе ему потребно, недостатокъ въ немъ ему ощутителенъ, и онъ 70-лѣтній старецъ, теперь по смерти матери, можетъ назваться въ нѣкоторомъ смыслѣ горькимъ сиротой.

*

Въ Субботу являлся ко владыкѣ за благословеніемъ снять престолы. Онъ изволилъ принять что-то серьезно и спросилъ: а помнишь ли ты о Виѳаніи? Я отвѣтилъ, что забота о Виѳаніи и заставляетъ меня оставаться въ Москвѣ. И я сталъ разсказывать о томъ, какъ худо съ нами поступилъ архитекторъ: на сырной недѣлѣ обѣщалъ сдѣлать все къ 3 недѣлѣ поста, а до

сихъ поръ ничего не сдѣлалъ. Но всякое съ нѣкоторою строгостію сказанное слово владыки такъ дѣйствуетъ на меня, что я совсѣмъ теряюсь, и на этотъ разъ я такъ сбивчиво разсказывалъ объ дѣлѣ съ архитекторомъ, забивалъ его такими подробностями, что владыка наконецъ прервалъ меня словами: „да полно сказки разсказывать; говори, въ чемъ дѣло? Донынѣ архитекторъ ничего не сдѣлалъ?"—Точно такъ!—Владыка велѣлъ или съ этимъ поступить рѣшительнѣе, или взять другого архитектора. Въ Воскресенье 24 Мая совершена была ранняя литургія въ придѣлѣ казначеемъ соборнѣ, а поздняя въ настоящей церкви мною соборнѣ. Послѣ литургіи отслуженъ молебенъ св. Николаю и чудотворцу Сергію. Когда же народъ вышелъ изъ храма, я возвратился въ церковь въ сопровожденіи служившаго со мною о. синодальнаго ризничаго, казначея и іеродіакона. Вошедъ въ алтарь придѣльной церкви, мы затворились и стали около престола по чину. Я имѣлъ на себѣ поручи и епитрахиль. Сдѣлалъ начало: діаконъ прочиталъ Христосъ воскресе, Трисвятое, Отче нашъ, Помилуй мя Боже, Господи помилуй 40, Помилуй насъ Господи и проч. Я прочиталъ Воскресеніе Христово и, поклонившись престолу, снялъ крестъ, евангеліе и антиминсъ, потомъ съ помощію священниковъ снялъ одежду и внимательно осмотрѣвши престолъ и подъ престоломъ землю, приподнялъ его и велѣлъ призваннымъ рабочимъ рубить престолъ, между тѣмъ была снята одежда съ жертвенника и царскія двери со своею завѣсою. Что-то поразительное и трогательное было въ этомъ дѣйствіи нарушенія храма, въ которомъ было принесено столько молитвъ, столько жертвъ. Какимъ дерзновеніемъ облекаетъ меня санъ священства! Что за выспреняя идея престола въ церкви православной! Онъ омытъ и мѵропомазанъ, онъ одѣтъ въ срачицу и препоясанъ, онъ облеченъ въ верхнюю одежду красоты, онъ закономъ неприкосновенности огражденъ; ему честь и поклоненіе; онъ словно одушевленное существо, живой херувимъ, на немъ покоится слава Господа небеси и земли!.. Быстро сгорало дерево престоловъ и жертвенниковъ вмѣстѣ съ ихъ обветшавшею одеждою въ алтарной печи Дерево обветшало до того, что ножки жертвенника обратились въ губку, и вообще были замѣтны слѣды давней дѣятельности древоточнаго червя. Мы взялись за дѣло во время. Одинъ изъ антиминсовъ освященъ пр. Августиномъ въ 1812 году. Оба престола освящены были не архіереемъ, какъ оказалось по снятіи верхней одежды.

*

Ко владыкѣ представлялся вчера послѣ вечерни. Худенькій, блѣдненькій сидитъ онъ въ глубинѣ своего кабинета въ лѣтнемъ кафтанѣ и шелками шитомъ прекрасномъ поясѣ. Онъ тотчасъ сказалъ мнѣ, что королева Нидерландская, какъ пишутъ изъ Петербурга, въ Лаврѣ будетъ 21 и 22 Іюля и что мнѣ не худо быть тамъ, приказалъ отобрать царскія письма къ митрополиту Платону и поискать, нѣтъ ли письма о рожденіи королевы Нидерландской. Слышалъ при томъ отъ владыки сужденіе о посребренной мѣди въ церквахъ. „Если дѣлать украшеніе въ церковь, то изъ благороднаго металла; а

покрывать мѣдь серебромъ—это мошенничество". Я всегда былъ тѣхъ же мыслей и называю это личиною усердія къ церковному благолѣпію, а не самымъ усердіемъ. Еще о кронштейнахъ владыка изволилъ невыгодно отзываться; впрочемъ представлялъ ихъ неудобными, а кажется, есть у него мысль, что это противно старинѣ, что и справедливо.

Въ Воскресенье, отслуживъ литургію въ обители, я отправился къ о. ризничему, у котораго ожидалъ часа, назначеннаго для встрѣчи. Желаніе Государя Императора было удовлетворено. Королеву принимали, какъ саму Императрицу. Придворные ожидали ее во дворцѣ, прочіе чины въ Успенскомъ соборѣ. Митрополитъ въ дверяхъ собора встрѣтилъ ее рѣчью. Ея Величество, видимо тронутая всенародными знаками восторга, на каждую мысль владыки дѣлала отзывъ, отчего происходилъ между ними какъ бы разговоръ. Послѣднія ея слова были: „хотя я жила вдали, но я всегда любила и люблю мое отечество". По входѣ въ соборъ начата многолѣтная литія. Въ сослуженіи съ митрополитомъ были два архіерея, Иліупольскій и викарій, и восемь архимандритовъ. Когда королева приложилась ко кресту, ей были представлены оба архіерея. По принятому порядку она прикладывалась къ мощамъ и иконамъ. На ней были бѣлое матерчатое платье и бѣлая небольшая шляпка. Никакой накидки на плечахъ. Украшеній я также не замѣтилъ, кромѣ Екатерининской ленты. Королева высока, стройна и держитъ себя превосходно: царская величавость и самая любезная вѣжливость, вотъ при этомъ случаѣ обнаруженныя ею свойства—прототипъ которыхъ отцы наши видѣли въ Екатеринѣ Великой. Она медленно проходила посреди народа, съ улыбкою обязательно раскланиваясь на обѣ стороны. За каждымъ поклономъ она какъ бы пріостанавливается, ея поклоны духовенству можно назвать почтительными. Церемонія окончилась во 2 часу. Изъ Успенскаго собора она прошла въ Благовѣщенскій и въ Чудовъ.

УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Въ книги Кабинета № 103/1180. Копія. Картонъ № 3.

Указъ нашему Сνноду.

Указали мы Троицкому Сергіеву монастырю передъ протчими всѣми монастырями имѣть первенство по прежнему, а Троицкой же Александро-Невской монастырь по степени считать вторымъ и повелѣваемъ нашему Сνноду учинить по сему нашему указу.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Анна.

Генваря 10 дня. 1739.

(Сообщено покойнымъ Г. В. Есиповымъ).

ОБЪ ОТНОШЕНІИ МИЦКЕВИЧА КЪ ПУШКИНУ.

Письмо А. А. Елагина къ его матери [1].

Милая маменька. Вчера пріѣхали сюда въ Москву Катерина Аѳанасіевна съ Мойеромъ [2]). Остаются здѣсь весновать; сейчасъ ѣду туда. Наши здоровы [3]), и все у насъ попрежнему. Что-то у васъ? Какъ-то не вѣрится, чтобы было все исправно, какъ вы пишите: и прежде вѣдь вы ничего не писали. А право, лучше бы и покойнѣе было для насъ узнать, что̀ у васъ въ самомъ дѣлѣ, нежели воображать все худое. 1-го Апрѣля я съ утра былъ у нашихъ; ибо, по счастію, многіе профессора не читали за болѣзнью. Дѣла пропасть попрежнему, даже до смѣшного. Всѣ очень громко говорятъ, что графу Строганову даютъ мѣсто Уварова: тогда прощай Университетъ! Попрежнему будетъ почти невозможно быть студентомъ порядочному человѣку, тогда какъ теперь всякій гордится принадлежать къ Университету. Вотъ все у насъ зависитъ отъ одного человѣка. У насъ въ отдѣленіи впрочемъ всѣ до одного профессора (*тоже поэтому*) люди просвѣщенные и благородные, и есть надежда, что отсутствіе графа у насъ не особенно будетъ чувствительно.

Кат. Аѳ. привезла изъ Петербурга вотъ какую новость: Дантесу велѣно выѣхать изъ Россіи. Мицкевичъ прислалъ ему картель и писалъ, что считаетъ себя обязаннымъ драться съ убійцею Пушкина, его перваго друга; что если онъ не трусъ, то явится къ нему въ Парижъ. Письмо напечатано въ иностранныхъ журналахъ, и убійца уже ѣдетъ въ Парижъ. Передъ глазами всей Европы нельзя ему было никоимъ образомъ отказаться отъ дуэли [4]).

---

[1]) Съ подлинника, любезно сообщеннаго Маріею Васильевною Беэръ, племянницею писавшаго. Это, кажется былъ второй сынъ Авдотьи Петровны Елагиной, Андрей Алексѣевичъ, даровитый юноша, вскорѣ послѣ этого письма умершій. П. Б.

[2]) Иванъ Филипповичъ Мойеръ передъ тѣмъ оставилъ ректорство въ Дерптскомъ университетѣ съ дочерью своею, тещею Екатериною Аѳанасьевной Протасовой и ея внучками Воейковыми и направлялся въ Орловское имѣніе ея, село Бунино. П. Б.

[3]) Т. е. семья Кирѣевскихъ. П. Б.

[4]) Дуэль эта, какъ извѣстно, не состоялась. Вмѣсто Парижа Дантесъ, лѣтомъ 1837 года, жилъ въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ въ тоже время лечился великій князь Михаилъ Павловичъ, который однажды на прогулкѣ встрѣтилъ убійцу Пушкина, и тотъ отдалъ ему честь съ Петербургскою гвардейскою выправкою, чѣмъ разсмѣшилъ его. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1905 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

соблазнить его приманкою избранія на престолъ Польскій. Конечно, не безъ его вѣдома уничтожались либо искажались бумаги, касавшіяся Годунова и Смутнаго времени. Словомъ, второй Романовъ чувствовалъ себя не вполнѣ твердымъ на престолѣ. Несомнѣнно, что извѣстнаго рода лукавство было въ чертахъ его нрава. На это указываютъ и его отношенія къ томившемуся въ Татарскомъ плѣну доблестному Шереметеву. Отъ этого и частые соборы.

Чтò касается до Никона, почтенный историкъ изобразилъ его очень живо и ярко, но исключительно со сторонъ непригожихъ, и лишь мелькомъ говоритъ о несомнѣнныхъ его заслугахъ церкви и государству. Единство въ управленіи церковными дѣлами составляютъ силу, ослабленіе которой сопровождается печальными послѣдствіями. Собственноручныя, умныя и человѣколюбивыя рѣшенія патріарха Никона на разныя прошенія, которыя подавали ему люди всѣхъ сословій, могли бы занять мѣсто на страницахъ исторіи, ему посвященныхъ. Слѣдовало бы помянуть и о величавомъ, своеобразномъ изяществѣ монастырей Новоіерусалимскомъ, Иверскомъ и Крестовоздвиженскомъ. Въ сосѣднихъ съ этими монастырями мѣстахъ и до сихъ поръ простонародье чтитъ память Никона, и говорятъ про него, какъ будто онъ недавно умеръ. Не будь вмѣшательства Грековъ, можетъ быть и не состоялось бы соборное проклятіе такъ называемыхъ раскольниковъ. Покойный архимандритъ Леонидъ Кавелинъ, много и долго занимавшійся Никономъ, утверждалъ, что дѣдомъ или прадѣдомъ его былъ Эстляндецъ Вальдеманъ, переселенный Іоанномъ Грознымъ въ Нижегородскіе предѣлы. Между тѣмъ мать Никона, какъ извѣстно, была Мордовка. Черты Германскаго властолюбія и Финскаго упрямства съ охотою вѣрить въ колдовство и въ волшебниковъ не явны ли въ знаменитомъ патріархѣ?

Безъ сомнѣнія для исторіи царя Алексѣя Михаиловича откроются еще новыя показанія, напримѣръ напечатаны будутъ его письма къ протопопу Аввакуму, которыя видѣли мы въ Государственномъ Архивѣ, обнародуется вполнѣ Никоново письмо къ Греческимъ патріархамъ, перехваченное по приказанію царя; но будущіе изслѣдователи той эпохи никогда не обойдутся безъ превосходной книги Д. И. Иловайскаго.

Честь ему и слава!

П. Б.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
189	6 сверху	альколигизмъ	алькоголизмъ
202	18 снизу	Gombart	Sombart

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Рускаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы **1890 — 1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1904** по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный—**30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.